

Cassandra Claire

Draco Sinister

Вторая часть трилогии

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Draco Sinister.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 15 лет.

© **Кассандра Клэр (Cassandra Claire)** cassandraclaire73@yahoo.com, 2002-2003.
Оригинал: http://www.schnoogle.com/authorLinks/Cassandra_Claire/Draco_Sinister/

© Перевод на русский язык. Народный перевод Гарри Поттера, 2002-2003.
Переводчики: Анастасия starinina@mail.ru, Фиона, Ircova, Чу Ченг, Евгений М., Ева, Равена, Frodo Bagins, Stasi, Dt, Ория
Редакторы: Ория, Неподарок, Кай, Критик, Fire Elemental
Впервые опубликовано онлайн в 2003 году.

® Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2004.
Вёрстка: Ombro

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 1. Дурные сны

У вновь все тот же сон: смерть, и кровь и ужас...

Он лежит в грязи на поле битвы, а вокруг него сущий кошмар: мимо бегут гоблины, вооруженные острыми мечами, они сжимают в руках отрубленные головы волшебников... Гиганты, пронзительно крича, рвут людей на части, раскидывая клочки, словно жуткое конфетти...

Кругом крики умирающих людей... Кругом — мертвецы... И кровь, кровь покрывает все кругом... Он весь в ней... В небесах появилась черная лошадь. Касаясь копытами небес, она скачет к нему, неся знамя — серебряный дракон на черном фоне... Стук копыт все ближе, все громче, не в силах спрятаться, он лишь закрывает лицо руками...

Драко проснулся резко, словно от удара. Весь в холодном поту, он чувствовал отвращение и тошноту, подступающую к горлу. Он повернулся на кровати, заслонив лицо руками. Драко видел этот кошмар не в первый раз. Это видение все чаще преследовало его после того, как он покинул Хогвартс, для тренировки способностей Магида. Драко сел в кровати, позволяя холодному свету луны коснуться лица... Если бы рядом был кто-то, кому можно все рассказать... с кем можно поговорить...

Гарри? Нет. Только не Гарри.

Мать? Она уехала с Сириусом. Не стоит ее беспокоить.

С Сириусом?.. — пожалуй, это неплохая мысль, обилие полезных советов было гарантировано, однако — тот мог рассказать Нарциссе.

Оставалась Гермиона...

Драко сел, чтобы дотянуться до палочки, лежащей на прикроватной тумбочке. «Иллюмос!», прошептал он, и на конце ее расцвел маленький огонек. Драко конечно мог зажечь свет и без волшебной палочки, но нетренированный Магид не должен был пользоваться своими способностями, произнося заклинания без волшебной палочки, по крайней мере так ему твердили.

С трудом примостив пергамент на коленях, он написал ее имя, Гермиона, и остановился. А что если она скажет Гарри? Нет, она этого не сделает. Но что Драко мог написать ей? Гермиона, мне каждую ночь снится один и тот же кошмар, и я не знаю почему. Она бы подумала, что он сходит с ума, наверное так и есть. Как сказал отец, в их семье были сумасшедшие. А если еще и прибавить, что его отец сейчас торчит в Лечебнице для Умалишенных Преступников имени св. Мунго, то вообще получается...

Драко все сидел и сидел, таращась на чистый клочок пергамента, не в состоянии придумать ничего связного. В конце концов, он скомкал его в шарик и выкинул в окно. И лежал до рассвета, уставившись в потолок.

Дорогая Гермиона,

Спасибо, что так быстро мне написала — было здорово увидеть письмо, ожидавшее меня когда я приехал, и передай Миссис Висли, что мне понравился свитер, который она мне прислала, и конфеты, правда Драко почти все слопал. Я говорил, что мы соседи по комнате? Мы единственные мальчики из Англии по этой программе и они поселили нас вместе. Я повторял, что лучше буду жить с парнем из Трансильвании, который совершенно не говорит по-английски и не любит солнечный свет, но это ничего не дало... Эта школа очень похожа на Хогвартс: она в замке, точнее в крепости, которая принадлежала Годрику Гриффиндору. Я думаю, у него было много врагов: здесь повсюду оружие, вокруг вырыт ров и есть несколько больших котлов, из которых наверняка лили кипящую смолу на головы вражеских воинов.

Вообще-то у нас был только один урок, и никто ничего не говорил нам о том, чтобы научить нас пользоваться своими силами, рассказывали только о контроле и сдерживании эмоций, чтобы не вызвать ураган и не разрушить весь город... или чтобы не сделать снег голубым... Впрочем.

Как бы то ни было, Драко уже прекрасно умеет контролировать свои эмоции. И я не знаю, чему он тут собирается научиться. Я думаю, ему просто не хочется бродить по своему поместью все лето, тем более, что сейчас там полно Ауроров. Сириус и Нарцисса предлагали ему поехать с ними в Грецию, но я думаю, он не захотел. Я его не виню в этом, мне бы тоже не нравилось смотреть на их обнимания по всей Греции. Я думаю, мне лишь нужно принять тот факт, что жизнь без Драко теперь невозможна, особенно когда мы станем родственниками, и должны будем видеть друг друга на свадьбах и торжествах до конца жизни, пока смерть не разлучит нас. Кстати говоря, Сириус и Нарцисса назначили дату, свадьба 15 августа, так что готовься — я увижу тебя впервые за 2 месяца. Жду не дождусь. Все время скучаю по тебе.

Знаешь, кто здесь еще преподает? Профессор Лупин! Мне это не кажется странным, ведь этой школой управляет Дамблдор, а он один из немногих директоров, которые дали бы Лупину работу. Здорово, что он здесь. Вообще-то я жду, не дождусь, когда начнутся уроки. Единственный человек, которого ты здесь еще знаешь — это Флёр Делакур. По-моему она ощутила свою силу поздновато — в 18 лет, сейчас ей 19, так что она тоже здесь первый год. Я думаю, способности Магида наиболее часто встречаются у тех, у кого в роду были вилы, что и объясняет наличие сил у Драко.

Я надеюсь, вам весело в Норе, пока твои родители в отъезде. Передавай привет семье Висли, и спроси Рона, как ему новая метла, которую я подарил. Джинни уже вернулась из Франции? Обними ее за меня.

Скорее напиши ответ.

С любовью, Гарри.

Гермиона улыбнулась про себя, взяла письмо Гарри и положила в карман, чтобы перечитать его попозже. Джинни с любопытством посмотрела на нее с другого конца стола.

— Итак? Есть интересные новости? — Боровутка, который бешено летал по комнате, после того, как удачно доставил письмо от Гарри, приземлился на тарелку Джинни, расплескав кофе по чистой кухонной скатерти.

— Боров, нет, отстань! — пыталась отогнать она совенка.

Рон поймал птицу в кулак:

— Не надо прыгать в кофе, Боров, — сказал он, улыбаясь маленькой щебечущей сове, — Джинни это не нравится.

— Тебе, небось, тоже не понравится кофе с привкусом совы, — Джинни скорчила гримасу Рону. Затем она повернулась к Гермионе, которая, опершись подбородком об руку, сидела, мечтательно смотря в пространство.

— Что сказал Гарри, Гермиона? С ним все в порядке?

— Конечно, — ответила Гермиона, — и он передавал тебе привет.

Джинни немного покраснела. Когда она была младше, она была влюблена в Гарри, и от этого остались кое-какие следы. Но несмотря на это, она была искренне рада за Гермиону. Поэтому Герм считала ее очень милой девушкой, к которой невозможно плохо относиться, даже когда та вернулась после года обучения по обмену студентами из Бобатона, прекрасно говоря по-французски, и умея в совершенстве держать себя и общаться, что заставляло Гермиону чувствовать себя... неловко.

— Спасибо, передавай ему привет, когда будешь писать ответ, — сказала Джинни и принялась оттирать кофе, который пролил Боровутка.

Рон изучал свое письмо, которое пришло ему от Гарри.

— Он пишет, Флёр тоже учится там, — сказал он. — По-моему Билл упоминал об этом, но я забыл.

— Билл и Флёр до сих пор вместе? — спросила Гермиона.

Рон пожал плечами:

— Я не знаю, они то ссорятся, то мирятся, трудно сказать. По-моему сейчас они опять в ссоре.

Гермиона нахмурилась. Ей не нравилось думать, что где-то рядом с Гарри ошивается абсолютно свободная Флёр. Или рядом с Драко. Хотя в Драко тоже была кровь вил, так что он, наверное, смог бы отшить ее почище, чем Гарри. А вообще, какое ей дело до того, что делал Гарри, она может быть обаятельнее, чем Флёр.

С головной болью, она поймала второе письмо, которое ей принес Боровутка. Оно было перевязано темно-фиолетовой лентой и на нем было написано под наклоном ее имя, очень знакомой рукой. Когда она его просмотрела, ее рот открылся в удивлении.

— Какая неожиданность! — воскликнула она.

— Что за неожиданность? — спросила Джинни.

— Оно от Виктора Крума, — сказала Гермиона.

Сейчас уже и Рон выглядел озадаченным.

— Он в Лондоне, — сказала Гермиона, — Он хочет встретиться со мной в «Дырявом котле». Он пробудет здесь несколько дней. Пишет, что должен поговорить со мной о чем-то очень важном.

— О, Гарри это понравится, — сказал Рон, ухмыльнувшись.

— Не будь глупцом, Рон, — сказала Гермиона, положив письмо, нахмурясь — Я не видела Виктора уже 2 года. Я слышала, что у него есть девушка.

— А ты уверена, что он не хочет встретиться с тобой, чтобы сказать, что снова любит тебя? — поинтересовался Рон.

— Да, уверена, — ответила Гермиона, по-прежнему хмурясь, — Что ж, я бы не возражала против того, чтобы увидеть Виктора... и Джинни, по-моему ты говорила, что хочешь отправиться за покупками в Лондон... Мы могли бы отправиться вместе.

— Конечно, — сказала Джинни, а Рон быстро добавил:

— А мне нужно по любому на Диагон аллею, чтобы купить необходимые инструменты для моей новой метлы. Мы можем поехать все вместе.

— Хорошо, — сказала Гермиона. — Только позвольте мне сначала быстро написать ответ.

Она побежала вверх, в пристроенную комнату, которую занимала. Висли не уехали из этого дома, когда магазин Фреда и Джорджа оказался весьма прибыльным, они добавили много запасных и дополнительных комнат. И поэтому, сейчас дом выглядел более похожим на кривобокий праздничный торт, чем раньше. Комната Гермионы была новой, и она ей очень нравилась: она была круглая, с окном из цветного стекла, на котором была изображена ласка, спящая на камне в лучах солнца.

Она села за стол, взяла лист бумаги и начала писать: Дорогой Гарри... И остановилась. Она не очень хорошо умела писать любовные письма, но ей хотелось написать что-то более впечатляющее, чем «Дорогой». Особенно, если вокруг него крутилась Флёр. Ей очень хотелось напомнить, чей на самом деле был Гарри. Она попыталась: Милый Гарри, но это опять выглядело глупо. Затем Гермиона написала: «Гарри, моя любовь», но это было уже слишком, она скомкала письмо и бросила на пол. Затем начала снова на новом листке: «Любимый Гарри»...

Что ж, теперь похоже все в порядке. Она быстро написала остаток письма, написала несколько строчек Драко и вылетела из комнаты, чуть не столкнувшись с Роном на ступеньках.

— Эй, Гермиона, помедленней!

— Рон, можно мне позаимствовать Борова? — быстро спросила она. — Ой, прости, я наступила тебе на ногу, добавила она с опозданием.

— Я только что отослал Борова с письмом Фреду и Джорджу. Но ты можешь взять мамину сову. Что это, — сказал Рон и коснулся места, где заканчивался воротник ее рубашки. Гермиона поняла, что Рон имеет в виду цепочку, которую она носила вокруг шеи. — Ты обычно не носишь украшения.

— А, это... — сказала она, вынув подвеску, которая висела на цепочки. — Это заклятье Драко, — произнесла она немного смущенно. — Он дал ее мне.

Рон уставился на нее:

— А тебе это не кажется немного странным, — сказал он, — Я имею в виду, если ты ее уронишь, или забудешь где-то, или...

— Рон, — Гермиона сверкнула глазами, — этого никогда не случится. Тем более Дамблдор наложил на нее несколько заклятий, так что она не может ни потеряться, ни быть поврежденной. Даже если я ее сниму, никто не сможет взять ее кроме меня, Дамблдора и конечно Драко.

— Я думаю, тебе стоит отдать ее Дамблдору, — сказал Рон, оглядывая подвеску с недоверием, — Или ее должен хранить Драко. Неужели он сам не может носить свои собственные гадкие смертоносные штучки?

— Я пыталась отдать ее Дамблдору. Но он сказал, что так хочет Драко. И я не думаю, что ему

стоит носить подвеску, напоминающую об ужасных вещах, как его отец, например, — она содрогнулась.

Рон убрал руку с ее шеи и начал спускаться.

— Кстати, я уже тебе говорил, как рад, что ты порвала с Малфоем?

— Всего лишь 6 миллиардов раз, — сказала Гермиона, следуя за ним, — Честно говоря, мне кажется, что ты рад даже больше, чем Гарри.

— У меня есть на то свои причины, — сказал Рон и прежде чем Гермиона успела расспросить его поподробнее, он закричал Джинни, чтобы та поторапливалась, захватив Взрывающийся порошок.

Коричневая сипуха влетела в окно и, вереща, приземлилась на стол напротив Гарри, который сидел в столовой и обедал. К ее левой лапке было привязано два письма, оба скрученные в маленькие тонкие трубочки и перевязанные цветными лентами.

Гарри посмотрел на Малфоя, который сидел напротив и увлеченно о чем-то разговаривал с Флёр Делакур.

— Письма, Малфой, — сказал он.

Драко ухмыльнулся:

— Кинь мне мое, — ответил он.

Гарри отвязал одно из писем и кинул его Малфоя. Оба знали, от кого эти письма... Гермиона была известна своей справедливостью. Когда она писала, то всегда обоим: одно письмо Гарри и одно Драко. Письмо Гарри было перевязано красной ленточкой, а Драко — серебряной. Гарри иногда хотелось, чтобы на каждое письмо Драко, она присылала ему два, всего лишь, чтобы обратить на это внимание, но Гермиона так не привыкла. Она была очень щепетильной особой.

Гарри посмотрел, как Драко открыв письмо, и прочитав его, положил в карман, и все это без единой эмоции на лице. Гарри бы дал десяток галлеонов, чтобы увидеть, что в письме, но он скорее умрет, чем сделает это. В конце концов, он доверял Гермионе. Она была его девушкой. Она любила его. Правильно?

Флёр посмотрела сначала на Гарри, потом на Драко своими пронзительно-голубыми глазами. Гарри знал, что ей почти так же интересно, как и ему, что именно Гермиона написала в письме Драко. Она положила на него глаз, как только они приехали в школу. Увидев его, стоящего рядом с Гарри, она подбежала к ним, воскликнув: «Привет, 'Арри, не познакомишь меня со своим другом?»

Гарри познакомил их, и Драко пожал руку Флёр, она отбросила назад свои сияющие серебряные волосы, и лучезарно улыбнулась ему. «Малфой, — сказала Флёр, — Я знаю это имя, оно французское. Ты из французской семьи?» Драко тут же это подтвердил, наверное, его предки действительно были из этой страны.

«В тебе есть кровь вил, правда? — продолжила Флёр, — Во мне тоже. Я уверена, мы родственники, у меня есть братья, очень на тебя похожие. Как только я увидела тебя в холле, то подумала про себя: Какой красивый парень, он должно быть мой родственник!» Она сказала это без малейшей скромности. У нее было такое же самомнение, как и у Драко, которое по мнению Гарри не нуждалось в ее заверениях, что они с Малфоем родственники.

— Похоже, ты ей нравишься, — сказал он Драко, как только Флёр ушла, но тот отрицательно покачал головой.

— У нас обоих есть в роду вилы, мы невосприимчивы к чарам друг друга, — пояснил он, — Я ей нравлюсь только потому, что похож на нее.

Несмотря ни на что, Гарри все же думал, глядя на них, что они нравятся друг другу... Драко редко куда ходил без Флёр эти дни, крутясь вокруг нее на своих каблуках. Это было почти смешно, в конце концов, ему было столько же лет, сколько и Драко, но не так давно Флёр считала его маленьким мальчиком, которого невозможно воспринимать всерьез.

Сова снова вскрикнула, привлекая внимание Гарри. Он взял свое письмо, перевязанное красной ленточкой и нетерпеливо разорвал ленту.

«Любимый Гарри,

Я не могу много писать, потому что уезжаю в Лондон, но я пришлю тебе скоро еще письмо с

Боровом. У Висли все хорошо. Мистер и миссис Висли уехали на море, провести романтический отпуск, Фред и Джордж в Хогсмиде в своем веселом магазинчике, так что тут только я, Рон и, конечно, Джинни, которая вернулась из Франции и передает тебе привет.

Угадай, кто мне прислал письмо? Не угадаешь — Виктор Крум. Я думала, он очень занят, чтобы кому-то писать, ведь он путешествует с командой, но, сейчас, они в Лондоне, так что я собираюсь в «Дырявый котел» на встречу с ним. Я передам ему привет от тебя. И ты тоже передавай привет от меня профессору Лупину. Я жду с нетерпением встречи с тобой на свадьбе Сириуса и Нарциссы. Я рада, что Сириус будет счастлив, никто не заслуживает этого больше, чем он.

С любовью, Гермиона.»

Гарри отложил письмо с неприятным чувством. Когда он поднял взгляд, то увидел, что Драко и Флёр смотрят на него.

— Что случилось, 'Арри? — поинтересовалась Флёр, жизнерадостно — Твоя подружка бросила тебя ради кого-то другого? Она беременна?

Письмо вывалилось из рук Гарри:

— Что? — в порыве вскричал он, — Это нелепо. Как она может быть беременной?

И Флёр и Драко с усмешкой посмотрели на него:

— Возможно, сейчас самое время поговорить о реальной жизни, Поттер, — сказал Драко, все еще ухмыляясь.

Гад, подумал Гарри.

— Заткнись, Малфой, — произнес он вслух.

— Потому что все эти аисты всего лишь выдумки. Даже в волшебном мире!

Флёр сдержанно хихикала в кулачок.

— Как я разочарован это слышать, — сказал голос прямо над ухом Гарри.

Гарри обернулся и увидел профессор Лупина, стоявшего позади него с неясной улыбкой.

— Привет, Гарри, — поздоровался он.

Гарри улыбнулся Лупину и подумал, что тот выглядит гораздо лучше, чем 3 года назад. Вообще-то на его лице было несколько морщин, хотя это наверное потому, что он сильно загорел. Они все загорели, включая Драко, который, по мнению Гарри, противоречил всем законам природы. Конечно, разве возможно быть таким светловолосым и светлоглазым и не сгореть на солнце? Флёр выглядела также. Они с Драко сейчас были очень смуглыми с выгоревшими жемчужно-белыми волосами. У Гарри же появилось несколько веснушек вокруг носа, которых у него прежде не было. Он надеялся, они были не сильно заметны. У Гермионы тоже были веснушки вокруг носа, и Гарри считал их восхитительными, но для парней все по-другому.

— Профессор Лупин, — сказал Гарри, оторвавшись от размышлений о Гермионе и ее носе, — Рад видеть вас. Хотите присесть? Вы уже обедали?

— Вообще-то да, — сказал Лупин, — Я искал тебя Гарри и твоего соседа по комнате.

Он повернул голову в сторону Драко, который удивленно вскинул брови:

— Искали меня? Зачем?

— Мне кое-что сказал Дамблдор, — ответил Лупин немного уклончиво, — Не могли бы мы вернуться в комнату на пару минут. Мне нужно кое о чем вас спросить.

Гарри и Драко переглянулись, кивнули и встали из-за стола.

— Конечно, — сказал Гарри, — почему бы и нет?

— Увидимся позже, — сказал Драко Флёр. Она поджала губы.

Лупин пошел впереди, они пересекли холл и начали подниматься по каменной лестнице, ведущей в комнату мальчиков.

— Гермиона говорила тебе, что собирается встретиться с Виктором Крумом в Лондоне? — спросил Гарри у Драко и добился только быстрого взгляда.

— Идиот-переросток из Болгарии, — сказал Драко, — Зачем ей с ним встречаться?

— Он не так плох, — ответил Гарри, чувствуя внезапное великодушие к Круму. Наверное, потому что он знал о Гермионе что-то, что не знал Драко.

— Профессор Лупин, — позвал он, остановившись. — Наша комната здесь.

Драко открыл дверь, и они вошли. Это была большая каменная комната, предназначенная для 6 или 7 мальчиков, хотя Гарри и Драко были единственными ее обитателями. В ней было два камина — по одному на каждый конец комнаты, выступ в стене с каменным сиденьем и две кровати, накрытые бархатными покрывалами. На подушках лежало аккуратно сложенное белье. Лупин сел на стул, Гарри и Драко возле своих кроватей. Гарри подумал, что Лупин выглядит слишком беспокойным, хотя поймав на себе взгляд Гарри, он улыбнулся.

— Здорово видеть тебя снова, Гарри, — сказал он. — Не знаю, говорил ли я это уже.

— Я жду ваших уроков с нетерпением вот уже неделю, — сказал Гарри, тоже улыбнувшись Лупину, — У нас был урок только с профессором Эмбл, а он только говорит все время одно и то же.

— Есть три слова, которые должен знать каждый Магид, — сказал Драко, подражая профессору Эмбл. — Контроль, контроль, контроль. Он улыбнулся Лупину. — Я говорил ему, что это одно и то же слово три раза, но ему все равно.

— Контроль очень важен, — сказал Лупин мягко.

— Да, я знаю, — ответил Драко, выглядя совсем не раскисающимся, — Но у меня это уже и так хорошо получается...

— Кстати, хорошо, что я вспомнил, — сказал Лупин. — Драко, профессор Дамблдор написал мне, что у тебя меч Салазара Слитерина. Он попросил меня взглянуть на него.

Драко кивнул:

— Конечно, — тут он нахмурился, — но ваши руки...

— Меч не сжигает Магидов, — сказал Лупин мягко, — Будучи одним из Одиноких, я смогу коснуться его.

— Одним из Одиноких? — переспросил Гарри.

— Обратней, — сказал Лупин, — мы так себя называем.

— По-моему больше подходит Злобные Язвительные Волосатики, правда? — сказал Драко, ухмыльнувшись.

— Заткнись, Малфой, — раздраженно сказал Гарри.

Но Лупин, на удивление, улыбаясь, смотрел на Драко:

— Ты так напоминаешь мне Сириуса в молодости, — сказал он, — Действительно, ты сильно на него похож.

— Так он был таким же очаровательным и красивым? — спросил Драко.

— Сириус говорил мне, что когда он учился в школе, то был жутко противным, — сказал Гарри.

— Он был все вышесказанное, — сказал Лупин, продолжая улыбаться. Гарри отметил, что было приятно видеть Лупина довольным. Это отразилось на всем его лице и заставило его зеленые глаза блестеть.

— Итак, Драко...

— Хорошо, — сказал он, вставая, и подходя к своему ящику. Драко вытащил меч и в течение нескольких секунд держал, разглядывая. Это была прекрасная вещь, солнечные лучи, скользя по лезвию, делали его похожим на воду, а зеленые изумруды блестели в стальной рукоятке.

— Вот, — сказал Драко, подойдя к Лупину и протягивая ему меч.

Лупин взял его и перевернул, аккуратно проведя рукой по лезвию.

— Это очень мощный магический артефакт, — вымолвил он.

Драко выглядел довольным.

— Ты не будешь возражать, если я проведу кое-какой опыт? — спросил Лупин, перевернув меч и пристально рассматривая его.

Драко кивнул:

— Сколько угодно, только не ломайте.

Лупин поднял лезвие вверх, обхватив его своими тонкими, гибкими пальцами и сказал: «Индицио!»

Гарри и Драко подались вперед, уставившись на клинок и на письмена, которые появились на нем, словно вырезанные в металле. Они почернели от вечности. *Descentus averno facilis est.*

— Что это значит? — спросил Драко удивленно.

Лупин выглядел так, словно тоже не до конца понял надпись.

— Это латынь, — сказал он, — Здесь написано: Легок Путь в Ад.

— Весело, — произнес Гарри.

— А вы уверены, что это не значит «приятного дня», — спросил Драко с надеждой. — Или «этот меч стоит много денег»?

— Или «я принадлежу изрядному гаду», — предположил Гарри.

— Нет, — ответил Лупин, — Это значит то, что я сказал.

И Гарри и Драко выглядели обеспокоено.

— Я не знаю о чем это, — сказал Драко. — Но это звучит плохо.

— Салазар Слитерин был далеко не лучшим человеком, — сказал Лупин. — С твоего разрешения, Драко, я возьму этот меч к себе в кабинет и рассмотрю его более тщательно.

— Пожалуйста, — сказал Драко, который сейчас смотрел на меч с подозрением. — Но не бегайте с ним по коридору, — добавил он, когда Лупин уже повернулся к выходу. — Эта штука очень острая.

Когда Джинни и Гермиона добрались до «Дырявого котла», оставалось совсем немного времени до чаепития с Крумом. Они обещали Рону, что встретят его в «Завитках и Кляксах» в 3 часа, сейчас было уже 2, и Джинни периодически бросала оценивающий взгляд на Гермиону, которая выглядела очень нарядно и красиво в короткой красненькой курточке и с волосами, забранными наверх в тугий пучок красными шпильками. Было видно, что она нервничает. Джинни подумала, что она бы тоже нервничала, если бы собиралась на встречу с кем-то, кого не видела уже 2 года, с кем она встречалась, кто ее любил и возможно продолжал любить. Конечно, как думала Джинни, никто не влюбится в нее. Ни Гарри. Которого она все еще любила, ни кто-либо еще...

— Мы на месте, — сказала Гермиона, остановившись перед Дырявым Котлом. — Слушай. Может зайдешь со мной? — добавила она, с надеждой взглянув на Джинни.

— Конечно, — сказала Джинни и начала подниматься вместе с ней по ступенькам. Они попали в темный зал Дырявого Котла, который был почти пуст. Джинни оглядывалась вокруг, ее глаза медленно привыкали к полумраку, она различила неясные очертания огромной тени.

— Гер-ми-оу-нина, — сказал загробный голос.

Гермиона схватила руку Джинни и нервно ее сжала.

— Виктор, — произнесла она с трудом, — Рада тебя видеть.

Прошедшие 3 года не изменили темную, угрюмую внешность Виктора Крума. Он возвышался над Гермионой и Джинни, смотря на них вниз из-под косматых черных бровей.

— Гер-ми-оу-нина, — снова сказал он. — Я хочу поговорить с тобой. Он многозначительно взглянул на Джинни. — Наедине.

Джинни посмотрела на Гермиону, которая ответила ей удивленным взглядом.

— Я не собираюсь уходить и оставлять Гермиону одну, — сказала Джинни негодующе, — Она не сможет вернуться сама!

Но Виктор продолжал смотреть в упор на Гермиону.

— Пожалуйста, — сказал он, — Всего лишь пять минут — здесь. Он указал головой на комнатку поменьше главного зала.

Гермиона посмотрела на Джинни и кивнула:

— Хорошо. Пять минут. Джинни, если ты не возражаешь. Подожди здесь.

Джинни покачала головой:

— Конечно, не возражаю.

Она посмотрела на громадного Крума, нависшего над маленькой фигуркой Гермионы, ведущего ее к дальнему входу. Она закрыла дверь за ними и покачала головой. Джинни не знала, что Крум хочет сказать Гермионе, но судя по его выражению лица это вряд ли были хорошие новости. По ее мнению, Гермиона не должна была соглашаться на встречу с ним, Виктор не внушал доверия, и тем более она должна была посоветоваться с Гарри. Если бы Гарри был ЕЕ бойфрендом, Джинни никогда бы... нет, сказала она себе, забудь об этой мысли! Этого никогда не будет.

Дальняя дверь открылась, и Гермиона вышла, выглядя очень взволнованной. Она подошла к Джинни и взяла ее за руки. Та чуть не вскрикнула; Руки Гермионы были как ледышки. — Джинни, — сказала она. — Я должна остаться здесь и поговорить с Виктором. Ты иди и встреться с Роном. Виктор может потом завести меня в Нору.

Джинни в отчаяние посмотрела на нее.

— Ты уверена?

— Да, — сказала Гермиона очень твердо.

— Но Гермиона, — голос Джинни упал, — Я не думаю, что это правильно оставлять тебя здесь. Он не может... не может поехать домой с нами и вы поговорите там?

Гермиона покачала головой:

— Ты поймешь позже, Джинни. — сказала она. И заметив, что Джинни очень сомневается, добавила раздраженно. — Я знаю, что делаю, хорошо?

Джинни смотрела, как Гермиона, развернувшись на каблуках, уходит, растворившись в комнате, где был Виктор, закрыв за собой дверь.

Чувствуя себя ошеломленной, Джинни вышла из «Дырявого котла» на белый свет Диагон Аллеи.

Проснувшись от кошмара с кровью и огнем, Драко почувствовал, что его сильно ударили, в плечо. Он заморгал, стараясь разглядеть что-то в темноте. «Поттер?» — шепнул он. «Что ты делаешь?»

И опешил, увидев глаза, устремленные на него из темноты: не зеленые, а темно красные с желтыми прожилками. Драко закричал. И прыгнув с кровати, покатился по полу, остановившись возле своего сундука. Оттуда он снова уставился в темноту. В комнате царил мрак, но он смог увидеть тень чего-то, размера собаки, нагнувшегося к его ногам, и уставившиеся на него злобные красные глаза.

На другой кровати сел Гарри и потянулся за своими очками. «Малфой, что тут...»

Он запнулся, Драко не был уверен, что Гарри разглядел темную тень, но ему было в общем-то все равно. Все еще на коленях, он нащупал крышку своего сундука и приподнял ее. Опустив руку внутрь, Драко с ужасом вспомнил, что отдал Лупину свой меч днем. От этой мысли похолодело в животе.

«Иллюмос», — сказал Гарри.

Свет загорелся на конце его палочки, и вся комната озарилась мерцающим светом. Она осветила Гарри, сидящего на кровати, Драко, согнувшегося на полу и существо, чем бы оно не являлось, которое издало визжащий крик, съежившись от света.

— Не бейте меня! — закричало оно на прекрасном английском, хотя его голос звучал не совсем как человеческий... — Пожалуйста, не бейте меня!

Гарри посмотрел на Драко, он ответил ему недоуменным взглядом. Никто из них не сказал ни слова. Но оба подумали об одном и том же: это не может быть ужасным монстром, если боится двух мальчишек в пижамах.

— Что это? — спросил Драко, смотря на Гарри в изумлении.

— Без понятия, — ответил Гарри, вылезая из кровати. Драко встал на ноги и подошел к Гарри, который держал палочку наготове.

Чем бы это существо не являлось, оно было размером с собаку, с серой, чешуйчатой кожей и идеально круглой — без ушей головой. Нос у него отсутствовал, а рот был обозначен длинным разрезом. Оно держало две серые с длинными пальцами руки, поднятыми.

— Хорошо, — сказал Гарри, смотря на ЭТО. — Мы тебя не обидим. Только... успокойся.

— Какого черта не обидим, — сказал Драко, который все еще трясся, — что ты хочешь, прыгая на меня посреди ночи? Что тебе нужно от меня?

Существо сказал таким же надтреснутым голосом:

— Бейте меня, если хотите. Я всего лишь опять пришел за тем, что принадлежит мне.

Гарри и Драко переглянулись в недоумении.

— Пришел опять? — вежливо спросил Гарри.

— Я пришел за тем, что мое, — повторило существо. — Моя вторая половина! — Оно испустило сухое рыдание и посмотрело умоляюще на Драко и Гарри. — Много лет она была спрятана от меня. И теперь, я снова ощущаю, что она вернулась в мир. Я почувствовал ее через моря и океаны. И вот, нашел ее здесь, Она моя! — закричало существо, — и была потеряна тысячу лет.

— Что это, твоя вторая половина? — спросил Драко, — Я имею в виду, ты выглядишь почти готовым, нуу, не считая некоторых частей тела, пока я вижу, у тебя нет ушей. Ты случайно не их ищешь?

Существо взглянуло на него с презрением:

— Ты очень глупый смертный, — сказала оно, — И если бы у меня была вся моя сила, моя вторая половинка, я бы тебя съел.

Драко выглядел весьма взбешенным. Гарри положил руку ему на плечо, удерживая его:

— Никто никого не будет здесь есть — сказал он. — Ты не мог бы нам рассказать побольше о половинке, которую потерял?

Существо выглядело очень сердито:

— Я не терял ее! Она была отнята силой у меня злым волшебником и спрятана от меня; Я искал везде и она ТУТ!»

Гарри смотрел на создание, задумчиво склонив голову на бок:

— Ты демон, не так ли?

Существо изменилось в лице, если его можно так назвать:

— Нет, я не демон, — ответило оно.

— О нет, ты демон, — сказал Гарри с осуждением, — Мы проходили демонов в прошлом году на Защите от Темных Сил. А также я знаю, как от них избавиться. — Он указал на существо рукой: «Диспелле...»

— Не-е-е-ет! — вскричал демон, ударив кулаками по кровати Драко, — Я говорю вам, это мое! У вас нет права скрывать это от меня! Тысячу лет я искал...

— Что ж, почему тебе не поискать в аду? — вскричал Драко.

Демон издал тоскливый рычащий звук:

— Я ищу не так, как вы, смертные, — сказала оно, — Я чувствую, что мое, оно зовет меня и я слышу. Тысячу лет оно молчало. И вот, я опять услышал, как оно зовет меня. А сейчас... — оно осеклось и раздраженно оглянулось. — Сейчас оно снова замолчало. Но оно было здесь, я уверен!

Гарри посмотрел на Драко:

— Ты ведь знаешь, что оно ищет, правда? — прошептал он. — Тот меч...

— Ш-ш-ш, — предостерегающе зашипел на него Драко и повернулся к демону. — В этой комнате нет демонических объектов, — сказал он правду. — Как считаешь, Поттер, мне он кажется подозрительным, но если хочешь с ним пообщаться. Пожалуйста...

Демон уставился на Гарри без особого интереса:

— Поттер меня не интересует, — сказала оно.

— Эй, — вскричал Гарри, почувствовав себя намного легче, хотя бы сейчас он не был центром всеобщего внимания. — Слушай, — сказал он, обращаясь к демону, — если хочешь, посмотри, у нас нет никаких, хм-м-м, демонических объектов здесь. У тебя ведь нет? — прошептал он на ухо Драко.

Драко закатил глаза.

Но демон, не дожидаясь дальнейшего продолжения беседы, начал рыскать по комнате, переворачивая стулья, покопавшись в золе в каминах, и даже заглянув в рюкзаки мальчиков, и повернулся к сундуку Гарри. Гарри с ужасом смотрел, как его личные вещи летают по комнате. Драко увернулся от одежды, расстреливавшей противоположную стену.

Ничего не найдя в сундуке Гарри, демон обратил внимание на сундук Драко и повторил тоже самое. Мальчики покорно смотрели на книги Драко, разбрасываемые по полу.

— Знаешь, — сказал Драко Гарри, понизив голос, — Я всегда думал, что демоны только нападают, калечат и убивают. А этот, копается в наших вещах... какой-то он... хилый...

— Согласен, — ответил Гарри.

— А может, ты его изгонишь? — спросил Драко с надеждой.

— Я думаю, пусть лучше убедится, что у нас нет его вещи, а то он может снова вернуться, — сказал Гарри, — Мне кажется, демон больше не может чувствовать свою половинку. Я надеюсь... — произнес Гарри, думая о Лупине.

— Хорошо, — прошипел Драко, — Но если оно порвет хоть что-то из моей одежды, я за себя не отвечаю.

— Это ты во всем виновата, — кричал Рон, глядя на Джинни из-за стола. Его голубые глаза горели, а рыжие волосы были растрепаны, как у Гарри. — Как ты могла оставить ее в Дырявом Котле

с этим, этим...

— Это нечестно, — воскликнула Джинни, блеснув глазами. — Ты не слышал ее, Рон! Тебя там не было! Она бы не позволила мне остаться, она сказала уйти и оставить ее!

— Темный лес... — сказал Рон, который выглядел одновременно и зло и взволнованно. — Где она?

— Я не знаю, — сказала Джинни, с несчастным видом сидя на кухонной табуретке. — Но Рон, а если предположить, что они должны были серьезно поговорить, поэтому так долго...

— Она бы послала сову, или еще что-нибудь. Это не похоже на Гермиону, она...

— Что она? — сказала Гермиона, появившись в их поле зрения и с любопытством их разглядывая.

Рон и Джинни уставились на нее.

— Гермиона, — выдохнул Рон с облегчением, — С тобой все в порядке!

— Я же говорила, что с ней все в порядке, — сказала Джинни, которая была ничуть не меньше рада видеть Гермиону. Она повернулась к ней. — Ты ведь в порядке, не так ли?

— Конечно, я в порядке, — спокойно сказала Гермиона. — Сейчас, извините пожалуйста, но мне нужно на секундочку подняться наверх. Я сейчас вернусь.

Она повернулась, оставаясь по-прежнему очень спокойной, и пошла наверх. Рон и Джинни смотрели ей вслед, открыв рты.

— Как ты думаешь, ей грустно из-за чего-то? — спросила Джинни, когда смогла подобрать слова.

— Я так не думаю, — медленно сказал Рон, — По-моему, ей наоборот не грустно. Она странно спокойная. Может быть, ты поднимешься и поговоришь с ней? — добавил он несчастно. — Девчачьи разговоры.

Джинни отрицательно покачала головой:

— По-моему, ей лучше сейчас поговорить с тобой.

Рон согласился:

— Мне кажется, ты права, — сказал он, поднимаясь. Направившись к лестнице, Рон остановился, увидев Гермиону в нескольких шагах от себя, несшую свою маленькую сумку. Она спустилась к ним на кухню. Рон шел за ней.

— Гермиона, — сказал он с чувством нарастающей тревоги. — Ты уверена, что все в порядке?

— Да, — ответила Гермиона, которая уже шла через кухню. — Я только решила провести пару дней с Виктором, вот и все.

— Что? — одновременно воскликнули Рон и Джинни.

— Гермиона, ты шутишь... — сказала Джинни.

Гермиона повернулась и посмотрела на них. Она выглядела бледно и опустошенно. Растрепавшиеся волосы выбились из пучка и обрамляли ее лицо.

— Я серьезно, — тихо сказала она. — Почему я не могу поехать? Почему я не могу делать, что я хочу?

— Ты сошла с ума? — спросил Рон.

— А как же Гарри? — запротестовала Джинни.

Гермиона пожалала плечами:

— Он поймет.

— Вряд ли он поймет, — сказал Рон. — Гермиона, сядь пожалуйста. Ты зла на Гарри? Он что-то сделал? Ты пытаешься ему отомстить? В таком случае, я советую тебе отомстить ему по-другому. Джинни, помоги мне.

— Тебе стоит согласиться с Роном, — поддержала его Джинни. — Это расстроит Гарри.

— Спасибо, Джинни, — сказал Рон, бросив на нее убийственный взгляд.

Гермиона покачала головой, глядя на Рона слегка блестящими карими глазами.

— Это ничего с ним не сделает, — сказала она, — Я всего лишь должна это сделать. Вы двое можете успокоиться? Я вернусь через несколько дней.

— Несколько... дней? — тускло сказал Рон.

— Что ж, если вы собираетесь вести себя так, наверное, я вообще не вернусь! — огрызнулась Гермиона, повернулась на каблуках и хлопнула парадной дверью, выскочив на улицу. Рон и Джинни посмотрели друг на друга в ужасе, затем Рон подскочил и бросился за Гермионой в сад.

— Гермиона, — закричал он. Она шла по траве к высокой, темной фигуре, сидящей на метле. С

чувством усиливающейся тревоги, Рон бросился бежать. — Гермиона, — закричал он снова, но безответно, она взобралась на метлу, сцепила руки на груди Крума, и они взлетели. И вот, пара уже парили в воздухе над Норой. Рон запрокинул голову и смотрел, как они превратились в маленькую точку над вершинами деревьев, а затем пропали.

— Но Гермиона ненавидит летать, — сказал он ошарашено, все еще смотря им вслед. — Она бы никогда не полетела даже с Гарри.

— По-моему, она изменила к этому свое отношение, — сухо сказала Джинни за его спиной.

— Здесь что-то не так, совсем не так, — сказал Рон, повернувшись к сестре. — Принеси Боровутку, — сказал он. — Мы должны немедленно послать письмо. Мы должны связаться с мамой и папой... и с родителями Гермионы...

— Я не могу принести Борова, — ответила Джинни.

Рон уставился на нее:

— Почему нет?

Ее лицо было очень бледным в свете луны, и она посмотрела на него расширенными несчастными глазами.

— Его нет, — сказала она. — Я думаю, Гермиона уже отослала его с письмом.

— О боже, — сказал Рон обреченно. — Гарри.

— Я не думаю, что нам следует рассказывать ему о вчерашнем, — прошептал Драко.

Было 8 утра и они стояли перед дверью в кабинет Лупина. Ничего не обнаружив, демон в конце концов убрался из их комнаты в 3 часа ночи, поклявшись вернуться в будущем за своей «второй половинкой». Ни Драко, ни Гарри не смогли уснуть после и, как следствие, оба были усталые и нервные.

— Но он оборотень, Малфой, — возразил Гарри, проведя рукой по волосам, которые непослушно торчали в разные стороны. — Он привык ко всяким штучкам, относящимся к темной магии.

— Может быть, — сказал Драко. — Но он остается взрослым оборотнем. УЧИТЕЛЕМ-оборотнем. Если мы скажем, что в нашей комнате есть демоны, то он почувствует моральную ответственность за нас.

— Мы по любому не можем сказать ему, что в нашей комнате демоны, — произнес Гарри, повышая голос.

— Мы можем сказать, что в нашей комнате был демон. Только один.

— Я думаю, учителя даже из одного демона в спальне сделают большую административную проблему, — сказал Драко. — Десять к одному, что он пойдет прямо к Дамблдору.

— Ну и что, Малфой? — огрызнулся Гарри. — Ты всего лишь боишься, что они заберут твой игрушечный меч.

— Мы не знаем, что точно оно искало.

— Черт, а что ты думаешь? Твои носки? Твою коллекцию средств по уходу за волосами? Ой, нет, подожди, у него же нету волос! Знаешь почему? Потому что это ДЕМОН!

— Что ж, — сказал Драко, взбешенно. — Хочешь сказать ему? Хорошо, иди и говори!

— Отлично, — сказал Гарри, чувствуя странное превосходство. — Я расскажу.

И постучал в дверь кабинета Лупина, которая тут же распахнулась. Оба мальчика вошли. Драко шел за Гарри. Профессор Лупин сидел за столом, читая «Ежедневный Пророк». Холодные лучи утреннего солнца, проникая через окно, делали его волосы темно золотыми. Он поднял голову, когда они зашли, и улыбнулся, свернув газету и положив ее в ящик стола.

— Я как раз гадал, собираетесь ли вы зайти, или так и будете препираться друг с другом за дверью все утро, — сказал он.

Драко и Гарри виновато переглянулись.

— О, не беспокойтесь, — добавил Лупин. — Я не слышал, о чем вы разговаривали. — Он посмотрел на Драко. — Я рад что вы зашли, вообще-то я...

— У вас была возможность осмотреть мой меч? — быстро вставил Драко.

— Да, — ответил Лупин. Он встал и пересек комнату, остановившись около стеклянного чехла, который висел на стене. Гарри видел, как Лупин положил туда меч Слитерина. Он снял его и поднес

к столу. — Драко, — сказал он. — Когда меч был в твоей семье, где он хранился?

— В стеклянном чехле в фехтовальной комнате, — быстро ответил Драко.

— Кто-нибудь когда-нибудь использовал его?

— Нет, — немного подумав, ответил Драко, — он всегда был в чехле, никто никогда его не открывал, насколько я знаю.

— Дамблдор сказал мне, что эта оболочка была разбита Ураганным заклинанием, которое произнес демон или кто-то в этом роде, — произнес Лупин, Гарри с Драко кивнули. — Очень странная последовательность случайностей. Я уверен, хотя у меня и нет доказательств, что этот чехол, в котором твой отец хранил его, был не совсем обычным. Это вообще необычный меч.

— Конечно нет, — сказал Гарри. — Дамблдор сказал, что это Магидический меч.

— Это больше чем меч Магида, — повторил Лупин, — Этот меч известен, как демонический клинок. Ты можешь убить им абсолютно всех: демонов, вампиров, бессмертных монстров и даже зомби.

— Здорово, — ухмыльнулся Драко. — На вечеринках будет очень весело. «Привет, я Драко Малфой и я могу убить абсолютно всех, а вы что можете сделать?»

— Ты не будешь брать этот меч на вечеринки, — сурово сказал Лупин, — Ты вообще не будешь дотрагиваться до него еще о-о-очень долго.

Драко посмотрел на Гарри, как бы говоря «Я же тебе говорил».

— Но он мой, — запротестовал он, поворачиваясь к Лупину. — Он всегда принадлежал моей семье!

— Когда я сказал, что это демонический клинок, — сказал Лупин. — Я не имел в виду, что этот меч сделан демоном или для демона. Я имел в виду, что это демон. Этот меч вполне жив. А также очень опасен.

Драко скрестил руки на груди и посмотрел на Лупина:

— Откуда вы знаете, что он опасен?

— Я не знаю, — сказал Лупин. — Я должен узнать больше о нем, провести еще несколько тестов... — он прервался. — Прости, Драко. Мне нужно хранить его у себя, как минимум, пока я не проведу все необходимые испытания.

— А он менее опасен, если вы держите его в своем кабинете? — спросил Драко, закусив губу.

— Не имеет значения, что он в моем кабинете, — сказал Лупин. — Главное, что он в этом чехле. Я могу ошибаться, но я думаю, твой отец держал меч в оболочке, очень напоминающей эту.

Драко и Гарри удивленно уставились на оболочку, которая была похожа на обычное стекло.

— Это не стекло, — ответил Лупин, правильно поняв их взгляды. — Это адмантин. Вещество, которое выдерживает большинство заклинаний и, — добавил он, глядя на Драко, — его почти невозможно разбить. Наверное, очень сильное ураганное заклинание может расколоть его, но я бы не советовал пытаться.

— Другими словами, для меня нет смысла пытаться его украсть, — сказал Драко с мошеннической ухмылкой. — Даже если я использую вызывающее заклятье?

— Абсолютно, — жизнерадостно подтвердил Лупин. — Меч не может быть обнаружен магией пока он в чехле.

Драко и Гарри переглянулись. Было неудивительно, что демон не смог найти его.

— Ты получишь его назад, когда я буду уверен, что он не представляет опасности, — сказал Лупин Драко и повернулся к Гарри. — Итак, ты хотел мне что-то рассказать, Гарри?

Гарри перевел взгляд с вопросительно-вежливого Лупина, на Драко, который зло смотрел в окно. Гарри знал, что если он расскажет об истерическом демоне, который объявился прошлой ночью в их комнате, заявляя, что ищет свою «вторую половинку» — которую, без сомнения, являлся меч Слитерина — Драко больше никогда не увидит своего клинка.

Гарри отрицательно покачал головой:

— Нет, профессор Лупин. Уже ничего.

— О-о-о-о, — протянул Драко, когда они вышли из кабинета Лупина и направлялись в зал, — ты соврал учителю, Поттер. И с абсолютно безразличным лицом. Довольно скоро ты превратишься в меня.

— Я уже был тобой — сказал Гарри, — забыл что ли?

Драко ухмыльнулся:

— Давай, тебе понравилось, признай это... — и запнулся, когда маленькая сова пролетела прямо над его головой, неугомонно ухая.

— Эй, — сказал Гарри, повернув голову, чтобы присмотреться. — Боровутка! — Он протянул руку, и птица уселась на нее, устало посвистывая. — Бедный Боров, — сказал Гарри. — Туда и обратно из Ирландии за два дня. У тебя есть письмо для меня?

Боровутка вытянул лапку, к которой был прикреплен скрученный листок белой бумаге, перевязанный красной лентой. Гарри взял письмо и выпустил совенка, который взлетел и сел на его плечо.

Драко с любопытством смотрел на него. Гарри было интересно, волновался ли он из-за того, что Гермиона не прислала и ему письмо, как обычно. Вообще-то это было на нее непохоже. Гарри открыл письмо и начал читать, вдруг побледнев.

Драко удивленно посмотрел на него.

— Все в порядке, Поттер?

— Это... это от Гермионы, — медленно произнес Гарри.

— Я знаю, — сказал Драко и в его глазах загорелся тревожный огонек. — С ней что-то случилось?

— С ней все нормально, — сказал Гарри странным срывающимся голосом. — С ней... все нормально...

— Тогда в чем дело?

— Она уехала на лето с Виктором Кrumом, — сказал опустошенно Гарри, все еще таращась на письмо. — В Болгарию. Она говорит, что поняла, что любила его все эти годы, — он посмотрел на Драко, с таким выражением лица, словно попал в кошмарный сон. — *Она... она бросила меня!*

Глава 2. Чернила, кровь и братство

— Она бросила меня... — сказал Гарри.

— Она — что?

— Бросила меня, — повторил Гарри, все еще глядя в пустоту.

— Не может быть, — убежденно сказал Драко, — ты что-то не так понял. Дай-ка я посмотрю...

Видимо, Гарри был так сражен, что безмолвно подчинился. Драко быстро схватил его и прочитал.

Дорогой Гарри!

Сегодня днем я встретила с Виктором и поняла, что все эти годы я любила только его. Любила и люблю. Я уезжаю с ним в Болгарию, где мы сможем быть вместе. Ты всегда был мне добрым другом, но мое сердце принадлежит только ему.

Не пытайся найти меня.

Гермиона

— Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять... Чудная прямота! — умирающим голосом произнес Гарри.

— Она не может быть влюблена в Крума, это просто невозможно! — бормотал Драко, снова и снова перечитывая письмо, в попытке хоть что-нибудь понять в коротком послании Гермионы. — Думаю, что, если бы она бросила тебя, она бы была со мной. Ты уж извини, — добавил он, взглянув на Гарри. — Но Виктор Крум?!

Гарри отсутствующе посмотрел на него: «А почему бы и нет?»

— Да потому что он самый здоровенный и тупой питекантроп, который даже и имя-то ее произнести правильно не может!

— Это неважно... — голос Гарри был глух. — Она меня не любит... Вот что важно...

Он забрал письмо у Драко, взглянул на него, словно на невиданную диковину и засунул в карман. «Нам пора на урок».

— Что?

— Урок... — эхом повторил Гарри. — В 9 у нас урок у Лупина...

— То есть ты сейчас пойдешь учиться, словно бы ничего... ничего...

Но Гарри уже повернулся и поплелся по коридору. Драко уставился на него, не в силах поверить в происходящее. Он не понимал, почему тот ведет себя так, словно его только что поцеловал Дементор. На его месте сам Драко орал и кидался бы чем-нибудь тяжелым. Может, у него нервный шок? Драко читал об этом: «помогите больному лечь и накройте теплым покрывалом». Но уложить Гарри в коридоре?.. Накрыть его покрывалом??? Это представлялось ему трудновыполнимым.

— П'ривет, Драко! — раздался голос из-за плеча.

Флёр. Вот уж кого он не хотел видеть.

— Флёр, мне надо бежать на урок...

— У вас ведь у'рок у Лупина, так? У меня тоже. Мы пойдем вместе! — она засияла, взяла его за руку и потащила за собой. Драко подстроился по ее шаг и они догнали Гарри, у которого был по прежнему отсутствующий вид.

— П'ривет, Га'рри! — зашебетала Флёр.

Гарри не отреагировал.

— С ним все в по'рядке? — вполголоса обратилась она к Драко. Ему не пришлось отвечать, так как она заметила профессора Лупина, выходящего из-за угла впереди. Он кивнул в знак приветствия, когда заметил их и скрылся в кабинете.

Он приветственно кивнул, скользнул по ним глазами и прошел в класс.

— Он очень красивый... — сказала Флёр, — не такой как другие профессора. Он такой, он...

— Животный магнетизм? — подсказал Драко.

— Точно! — улыбнулась Флёр.

Драко вздохнул с облегчением, когда она, наконец, отпустила его руку и стремительно вошла в класс вслед за Лупином. Он повернулся к Гарри.

— Поттер, ты уверен...?

— Я в порядке, Малфой.

Драко хотел было заметить, что, судя по нему, этого не скажешь. Гарри выглядел так, словно его сейчас стошнит. Но Драко не успел ничего сказать. Студенты заполняли класс, и Гарри влился в этот поток. Драко последовал за Гарри и сел так, чтобы его видеть. Он не знал, что скрывается за маской обреченной покорности, но то, что ничего хорошего, — точно.

Драко и сам был в шоке от этой новости... Гермиона сбежала с Крумом? Она влюблена в Крума? Это все равно, что она бы забросила учебу перед выпускными экзаменами! Никто не знал Гермиону, как он, не смотрел на нее, как он, не следил за ее взглядом, когда она смотрела на Гарри так, как он. Сколько раз он смотрел на нее, а она в это время смотрела на Гарри... она просто не может не любить его?! Это невозможно. Основы его мира могли показаться довольно странными, подумал зло Драко, но, черт возьми! Они были, эти основы! И если Гермиона сбежала с Крумом, они разрушились. О чем она, черт возьми, думала?

«... очень рад быть вашим учителем.» Голос профессора Лупин прервал размышления Драко и он поднял глаза. Лупин стоял перед столом, на котором громоздилась куча книг и стоял стеклянный глобус. Он только что закончил писать названием сегодняшней темы на доске: «ОСНОВЫ МАГИЧЕСКИХ ПРЕВРАЩЕНИЙ ДЛЯ МАГИДОВ».

Флёр сидела в первом ряду, не сводя глаз с Лупина. Драко с удивлением подумал о том, что может случиться, если Лупин заметит. Дело в том, что этот пристальный взгляд Флёр обычно приводил к тому, что мужчины любого возраста начинали вести себя весьма эксцентрично.

— Итак, — начал Лупин, — вы знаете, что, являясь Магидами, имеете возможности, которых нет у других волшебников. Так как вы выбрали курс, на котором будете учиться использовать свои возможности как можно полнее (а вы имеете потенциал), то, для начала, вы должны узнать, что же это за способности.

Он повернулся к доске и написал «Зверомаги». Слабый шепот зашелестел в классе. Машинально Драко взглянул на Гарри, который сидел, уставившись на свое перо с таким видом, будто в нем сокрыты все секреты бытия. Было не похоже, что он слышал Лупина.

— Все волшебники могут стать зверомагами, — продолжал профессор, — но большинству, как правило, требуются годы напряженных тренировок и масса усилий. Чем больше по размеру животное, которыми вы собираетесь стать, тем больше мастерства и природной одаренности требуется. Магиды же...

Драко снова отвлекся от Лупина и посмотрел на Гарри. Тот по-прежнему без всякого выражения смотрел на свое перо. Драко склонился в его сторону и произнес один углом рта: «Я тут подумал обо всем этом с Гермионой, Поттер, и я...»

Бамс!

Бутылочка с чернилами, стоявшая на столе Гарри, взорвалась, как маленькая бомба. Осколки и чернильные брызги разлетелись в разные стороны; все кругом, все стало грязным — и парта, и сам Гарри. Драко прикоснулся к лицу и, отняв руку, увидел, что на ней течет смесь крови и чернил — красное и черное... Осколки поранили его щеку.

Те, кто сидел поблизости, стали тихонько переговариваться. Не обращая на них внимания, Драко с неожиданной тревогой смотрел на Гарри. Гарри никогда не был силен в контроле своих эмоций, да что говорить — у него это получалось просто ужасно, и если шок начал проходить, то...

БАМС!!!

Глобус за спиной Лупина разлетелся на части. Несколько студентов пригнулись, спасаясь от пролетающих над их головами приличных кусков стекла, которые ударились в противоположную стену. Драко вскочил на ноги и, схватив Гарри за мантию, дернул назад.

— Пошли, Поттер!

— Но я не...

— Давай!

Буквально волоча Гарри за собой, Драко выбежал из класса, оставив всех с выпученными от изумления глазами. Выскочив в коридор, он захлопнул дверь и отпустил Гарри, который тут же сполз на пол и уставился на него в оцепенении.

— Какого черта ты вытворяешь, Поттер?! — заорал Драко в бешенстве. Он был весь в чернилах и

стеклянной крошке, и почти уверен, что рубашку можно выбрасывать. — Возьми себя в руки!

— Но я ничего не делал! — яростно заорал в ответ Гарри.

БАМС!!!

Один из витражей над их головами разлетелся вдребезги, осыпав их стеклянным дождем.

— Прекрати! — вскрикнул Драко, прикрывая голову. — Ты хочешь всю школу разнести, ты, тупоголовый идиот!

Теперь и Гарри начал волноваться. «Но я не собирался...» — он замолчал, когда угрожающих размеров трещина появилась на другом окне.

Теперь Драко по-настоящему испугался. Он убедился, что у Гарри есть способность вызывать тучи сов и запускать синий снег, но сейчас боялся, что каждую секунду мог начаться дождь из жаб. Или из кирпичей. Или из чего-то острого и хорошо заточенного.

— Поттер, — начал он, — я хочу, чтобы ты кое-что узнал. В конце концов, это для твоего же блага.

— Что? — недоуменно спросил Гарри.

— Вот это! — и Драко как следует вдарил ему под ребра.

— Ух! — задохнулся Гарри, согнувшись пополам и пытаясь вздохнуть. Наконец, он смог перевести дух, и в бешенстве взглянул на Малфоя. — Ах ты, козел! — и, поднявшись на ноги, засветил Драко в глаз.

Драко всегда отвечал ударом на удар — он бросился на Гарри и ударил того в челюсть. Это проигрышное дело: конечно, Драко был выше, и руки у него были длиннее, но сил у Гарри прибавилось от ярости — не только на Драко, а на жизнь вообще. К тому времени, как профессор Лупин и остальные студенты выбежали посмотреть, что происходит, Гарри уже сидел на Драко и месил его кулаками.

— Гарри! — взвизгнула Флёр, которой не нравились драки, если они случались не из-за нее. — Не делай этого! Ты 'разобьешь ему лицо!

— ГАРРИ! ДРАКО! — взревел Лупин. — ЧТО ПРОИСХОДИТ?!

Гарри оторвался от Драко и оторопело уставился на Лупина.

— В МОЙ КАБИНЕТ, НЕМЕДЛЕННО!

Гарри и Драко встали. Оба они были в крови, хотя Драко выглядел гораздо хуже. Мальчики неохотно последовали за Лупином; их провожали любопытными взглядами. Лупин рванул дверь, толкнул их внутрь и прошипел: «САДИТЕСЬ, И НЕ ВЗДУМАЙТЕ ДВИГАТЬСЯ, ПОКА Я НЕ ВЕРНУСЬ!» и хлопнул дверью.

Сразу стало тихо, только нежно тикали часы на стене. Драко искоса посмотрел на Гарри. Гарри посмотрел на Драко краем глаза и увидел, что тот усмехнулся.

— Что смешного, Малфой? — поинтересовался он со смесью удивления и возмущения.

— Спас всех от похорон под горами шрапнели, разве нет? — спросил Драко, который мог улыбаться лишь краем губ, что придавало ему вид немного чокнутого. — Я отвлек тебя в самый последний момент. Лучше себя чувствуешь?

Гарри, который действительно несколько пришел в себя, взглянул на разбитые в кровь костяшки пальцев, потом на Драко, и его внезапно охватило чувство вины.

— Малфой, — сбивчиво проговорил он, — Извини, что я... что я...

— Да брось! — весело ответил Драко, — Выражение твоей рожи, когда я вдарил тебе под ребро! Это того стоило.

Чувство вины немедленно улетучилось. «Нет смысла извиняться перед тобой, да?»

Драко взмахнул свободной рукой: «Я никогда не извиняюсь. Почему ты должен?»

— Не извиняешься? Так же как не падаешь в обморок?

— Точно, — сказал Драко.

— Чего еще ты не делаешь?

— Не плачу. Не танцую, ненавижу танцевать! — Драко содрогнулся. — И еще: я не думаю, что Гермиона влюблена в Крума.

Гарри дернулся: «Может, не будем об этом говорить?»

— Да ладно, Поттер! — Драко ходил вокруг стола Лупина и разглядывал то, что на нем лежало. — Сам подумай. Это не имеет смысла... — он осекся. — Эй, Поттер, взгляни-ка сюда!

Гарри подошел и бросил взгляд через плечо Драко. Толстая, немного заплесневелая книга

лежала на столе. Она была открыта. Гарри осторожно потрогал ее. Переплет из толстой кожи, пожелтевшие от времени страницы. Книга была открыта на странице с гравюрами — какая-то перчатка, отвратительного вида череп, а внизу, под ними, был изображен меч. Деталей видно не было, но вот камни на эфесе были определенно зелеными.

Заглавие сверху страницы гласило: «Демонические предметы: Руководство пользователя. Живой клинок». Сам текст был тяжело прочесть, страница была залепана воском и подозрительно выглядящими засохшими бурыми пятнами.

«...для чего этот клинок был или еще есть, любая частица тела или дух демона... тот, кто обладает сим клинком, должен познать суть его. Клинок этот можно носить, но велика цена для носителя, ибо это — цена тела или души по сути Обмена. Столкнувшийся с подобным предметом, должен знать, что это — Талисман Абсолютного Зла, а потому должен найти подходящий способ, чтобы уничтожить его.»

— Абсолютное зло... — задумчиво сказал Гарри. — Звучит хреново...

— Если что и звучит хреново, так это то, что он собирается уничтожить мой меч? — разозленно сказал Драко. — И о чем я только думал, когда отдал его?!

— Но ты же не знал, что он решит его уничтожить, — резонно заметил Гарри. — Он может и не быть одним из этих... Живых клинков...

Драко взглянул на Гарри. Тот ответил примирительным взглядом: «Ну ладно, ладно — наверно он и есть. Но если это Талисман Абсолютного Зла... ты точно хочешь, чтобы он был у тебя?»

— Черт, конечно!

Гарри потрянул головой: «Тебя не поймешь, Малфой!»

Тут дверь в кабинет открылась, и они отскочили назад. Вошедший профессор Лупин был как никогда серьезен, он прикрыл дверь и сел за стол. Он посмотрел на Гарри — тот сжался у одной стены, перевел взгляд на Драко — он съежился у противоположной, и сказал:

— Приношу свои извинения за то, что кричал на вас. Но вы... напугали меня. Лично я никогда не был сторонником физического насилия, Гарри. Я полагал, что ты тоже.

— Обычно — да, — охотно откликнулся Драко. — Но дело в том, что Гермиона пинками вышвырнула его из своего сердца, так что он несколько расстроен...

— Гермиона? — Лупин был поражен. Гарри покраснел, нахмурился и ничего не сказал.

— Ну, ладно, — начал Лупин. — Мне всегда было очень жаль, что ваша сила Магидов, будучи тесно увязана как с вашими колдовскими навыками, так и с контролем над собой, имеет тенденцию проявляться именно в юности, когда у вас очень мало и того, и другого. Гарри, прекрати хмуриться. Я уверен, что Гермиона никогда бы не... — он умолк. — Впрочем, это не мое дело. Но если ты действительно так расстроен, Гарри, может, тебе стоит поговорить с Сириусом?

— О нет, — отказался Гарри, — я думаю, не стоит.

— А вообще, неплохая идея, — сказал Драко, — Он может накостылять Круму за тебя.

— Виктору Круму? — Лупин поднял брови.

— Этой ночью Гермиона сбежала в Болгарию с Крумом, — Драко вещал замогильным голосом, как Хор в греческих трагедиях. — Она послала Гарри письмо, и я сказал, что мне не кажется, что она не имела в виду именно это. Вы же видели Крума, у него же только одна бровь; и хоть Поттеру далеко до участия в конкурсе красоты, но...

— Но это невозможно! — воскликнул Лупин, раздраженный и изумленный одновременно.

— Еще как возможно, — возразил Драко, — у него только одна бровь.

— Я имел в виду — невозможно, чтобы Гермиона сбежала с Крумом в Болгарию.

— Почему вы так говорите? — вздрогнул Гарри.

— Потому что, — начал Лупин, — Виктор Крум в Лондоне и его команда этим утром разгромила Швейцарию. Я слушал прямую трансляцию по Волшебной Волне. Так что он определенно НЕ в Болгарии...

— Ну, Перси, ну, давай! — раздраженно говорил Рон. — Ну хоть раз в жизни ты можешь помочь?

— Пожалуйста, Перси, — умоляюще добавила Джинни, глядя на старшего брата, вернее, на ту часть, которую было видно, — голову, маячившую в горящем камине. Рон и Джинни стояли на

коленях перед камином, стараясь не кашлять от копоти.

— Нет, — твердо сказал Перси, — я не дам вам домашнего адреса Крума в Болгарии. Не хватало мне еще проблем в Отделе Волшебных Игр и Спортивных Состязаний!

— Но мы же не собираемся выслеживать и убивать его, Персик, — Рон начинал заводиться. — Мы только пошлем письмо Гермione, чтобы узнать, все ли у нее в порядке.

Перси раздраженно крикнул: «Послушай, Рон, я, конечно, ужасно сожалею, что твоя подружка сбежала с Виктором Крумом, но он очень знаменит и богат, так что ты не можешь осуждать ее. Постарайся перенести это как подобает, ладно?»

— Она не моя подружка, — заскрипел зубами Рон, — она девушка Гарри!

— Отлично, — Перси взял отеческий тон, — а теперь она девушка Крума.

— Вот именно, — подхватил Рон, вцепившись в эти слова, как Боровутка в мышку. — Я не думаю, чтобы она это сделала добровольно! Я думаю — голос его задрожал, — что она была под каким-нибудь заклятьем или... под действием любовного зелья!

— Рон! — ужаснулся Перси, — Использование любовного зелья незаконно, ты же прекрасно это знаешь! Виктор Крум никогда бы так не поступил, он... он известная международная персона!

— Как и Волдеморт, — сердито добавила Джинни.

Перси и Рон уставились на нее: «Никогда не произноси это имя!»

— Почему? Гарри ведь произносит.

— Но ты не Гарри! — сказал Рон беспомощно и снова повернулся к камину. — Перси, то, что он известный игрок в Квиддитч, еще ничего не значит! Он был одержим Гермioneй два года назад, это было просто отвратительно, он настолько ее старше...

— Рон! — прервал Перси. — Ты хоть представляешь, как я сейчас занят?! В Министерстве такой кошмар! Хаос на улицах! Только этим утром министр Фадж получил пятьсот сов! Пятьсот!!! А угадай, кому на них отвечать? Мне!

Джинни и Рон переглянулись и снова повернулись к Перси. «Пятьсот сов? — изумленно переспросил Рон. — Почему? Что случилось?»

Перси покраснел так, что показалось, будто его сейчас хватит кондрашка. «Ты что, газеты не читаешь?» — проорал он.

— Мы так волновались за Гермioneу... — испуганно выдохнула Джинни.

— Так идите и читайте, а до тех пор не дергайте меня! — и Перси исчез.

Джинни и Рон вскочили. Джинни без разговоров метнулась к входной двери, подняла Ежедневный Пророк и развернула его на кухонном столе.

— Боже... — тихо произнесла она, прочитав заголовок — Рон...

Рон подбежал и, встав рядом, прочитал шапку, набранную огромными буквами:

«ДЕМЕНТОРЫ ПОКИНУЛИ АЗКАБАН».

«Министерство Магии только что подтвердило, что дементоры, долгое время являвшиеся стражниками Азкабана, покинули свои посты. В настоящее время в тюрьме находится двести заключенных. Министр Магии Фадж не может найти слова, чтобы прокомментировать происходящее. «Они словно бы исчезли. Мы не можем сказать, где они и что делают. Тем не менее никто из заключенных не сбежал. В ближайшее время дементоры будут заменены вполне компетентным и квалифицированным персоналом, волшебниками из Агентства Магического Правопорядка.» Фадж настаивает, что все магическое сообщество может оставаться спокойным, так как попыток побега не было. «Мы в Министерстве обсуждаем варианты длительной замены дементоров», — добавил Перси Висли, помощник министра. — Это прекрасная возможность приступить наконец к выполнению новой программы.»

— Перси, ну ты и гад, — едва дыша, сказал Рон. — Какая еще «прекрасная возможность»?! Дементоры разбежались по всей стране!

— А может, и нет, ведь тут написано, что они «исчезли»...

Рон задумчиво хрустнул пальцами. «Как Гермioneа...»

— Ты что, действительно думаешь, что эти события связаны? А может, они тоже разбежались из-за Крума?

— Хорошо, это не очевидно, однако за годы дружбы с Гарри я очень хорошо выучил одну вещь: если начинают происходить странные вещи в одно время, то, скорее всего, они друг с другом связаны. Это, и то, что нельзя подружиться с гигантским пауком.

Джинни покачала головой, тревожно глядя на небо в поисках Боровутки. «Хорошо бы пришло письмо от Гарри... — нетерпеливо сказала она. — Я хочу узнать, что же она ему написала...»

Рон искоса взглянул на нее. «А если она на самом деле решила бросить его и уйти к Круму, — медленно произнес он, — ты бы действительно расстроилась, а, Джинни?»

— Я давно поняла, что либо проведу остаток своих дней в ожидании того, что Гарри Поттер обратит на меня внимание, либо буду просто жить, — Джинни не смотрела Рону в глаза.

Рон перевел дух. «Отлично, Джин. Приятно слышать.» Он вернулся к газете.

— Да, ну, — приглушенно ответила Джинни. — Я еще не сделала свой выбор.

— Если ты и дальше будешь так топать, Поттер, — сказал Драко, не открывая глаз, — я прибью твои ноги к полу. И будь уверен, я сдержу слово.

Гарри развернулся и зло уставился на Драко. Тот лежал на кровати, полностью одетый, в своей обычной позе сна: на спине, с руками, скрещенными на груди.

— Как ты можешь так спать? — спросил Гарри с содроганием. — Ты похож на вампира. Это... неестественно.

— А моя мама говорила мне, что я похож на маленького спящего ангела, — бесстрастно заметил Драко.

Гарри снова зашагал по комнате. Он делал это с тех пор, как они покинули кабинет Лупина, а было уже пять пополудни. Драко вздохнул, сел и потянулся. На самом деле он не собирался спать, он ужасно боялся, что, засни он, к нему вернется все тот же кошмар.

— Поттер...

— Не могу поверить, что он Рона до сих пор нет никаких вестей. Я имею в виду, они же были вместе в Норе, и если она ушла куда-то, он должен знать...

— Но может, это была его сова сегодня утром, и него нет другой?

Гарри вздохнул и откинул челку с глаз.

— Думаю, да... — он поглядел на Драко. — Знаешь, думаю, ты прав. Ходить туда-сюда по комнате действительно глупо. Больше не буду.

— Отлично, — облегченно вздохнул Драко.

— Я, вместо этого, полечу в Нору.

— Что? Что за идиотизм? — Драко поперхнулся. — Хотя... — добавил он неохотно, — это бы помогло ответить на все вопросы. Кажется, туда не больше 4 часов полета на метле? Если мы вылетим сейчас, то в 9 будем там, а к завтраку вернемся. В любом случае, это лучше, чем сидеть и ждать эту чертову сову.

— Мы?

— Я лечу с тобой, — Драко встал и вытащил из чемодана свою черную дорожную одежду.

Гарри достал свой чемодан. «Если я все правильно понял, мы теперь в одной команде?»

— Нет, — резко ответил Драко, выпрямляясь, — просто если ты не возьмешь меня с собой, я пойду к Лупину и расскажу ему, что ты улетел в Англию. И тебя исключат, когда ты вернешься.

Гарри вытащил свою метлу. «Ты ведь не донесешь на меня, Малфой, правда?»

— Я слишком долго и мастерски это делал, Поттер. И не собираюсь прекращать.

Когда раздался стук в дверь, Джинни бросилась открывать, почти уверенная, что это Гермиона, которая пришла в себя и вернулась в Нору.

Но это была не Гермиона. Джинни узнала стоящих перед дверью. Вряд ли она ненавидела кого-то больше, чем этого, проклятого... Конечно, за год он изменился — стал выше, загорелее, даже волосы стали еще более светлыми, если такое вообще было возможно... Но это был определенно Драко Малфой, одетый в черную дорожную одежду, с метлой в руках.

— Привет, — поздоровался он, напряженно соображая, кто перед ним. — Ты ведь Джинни, да?

Брат дома?

Джинни свирепо захлопнула дверь прямо у него перед носом. По обе стороны дверей воцарились тишина, а потом раздался голос — такая знакомый голос... Джинни просто подбросило от неожиданности.

— Джин, — голос Гарри звучал успокаивающе, — это я. Я тут... гм... с Малфоем. Ты не могла бы впустить нас?

Если бы Гарри позвал Джинни в горящую избу — она бы, скорее всего, вошла туда. Открыв дверь, она с подозрением посмотрела на обоих юношей, стоящих за порогом: Драко выглядел взволнованным, Гарри был усталым и бледным, но это был он — зеленоглазый, с растрепанной непослушной шевелюрой, с зигзагообразным шрамом на лбу... Свой Всполох он держал в руке. Гарри... Какой он стал высокий...

— Рад видеть тебя, — сказал он несколько настороженно. — У вас все в порядке?

Губы Джинни задрожали. «Гарри... О, Гарри... Мы в таком транс... Гермiona...»

За спиной Джинни появился Рон. Увидев Гарри и Драко он серьезно сказал: «Вам обоим лучше войти».

Драко взглянул на Гарри, удивленного неожиданно прохладным приемом. Тот пожал плечами и юноши, шагнув за порог, проследовали на кухню.

— Я держал пари, что вы перехватите нашу сову, когда уже будете подлетать, — сказал Рон, когда все сидела за чаем на кухне. Правда, Драко выбрал особый путь и хрустел арахисом. Гарри кусок в рот не лез, он выяснял подробности событий последних двух дней — от новостей в Ежедневном Оракуле до письма Гермiony к нему. — Боров был так измучен очередным полетом в Ирландию, что мы даже взяли муниципальную почтовую сову.

Гарри, казалось, проснулся, услышав эти слова: «Так значит, когда она уезжала, она показалась тебе несколько странной?»

— Я уже говорил тебе, — с легким нетерпением сказал Рон, — Кроме самой бредовости идеи ее побега с Крумом... да, она выглядела какой-то не такой...

— Мне кажется, что он использовал какое-нибудь любовное зелье, — твердо заявила Джинни. — Конечно, это незаконно, но у него куча денег и он знает массу людей, так что вполне мог его достать...

— Но если вся эта возня затеяна с целью, чтобы она в него влюбилась, к чему тогда этот ложный след с Болгарией, если Крум сейчас в Лондоне? А если он в Лондоне, тогда где Гермiona? — спросил Драко.

— Наверное, она не хочет, чтобы мы знали, где она, — размышлял Гарри, — может, ей хочется, чтобы мы оставили ее в покое?

— Не пори чушь, — отрезал Драко, — если бы она все это время была влюблена в Крума...

Он замолчал. Он хотел сказать, что тогда бы в зеркале Джедан она бы увидела Крума, а не Гарри, но это было слишком личным, чтобы говорить об этом в присутствии Рона и Джинни. Странно было знать о Гарри то, что они не знают.

— Тогда почему она не осталась с ним в Болгарии два года назад? Вместо того, что позволить Рону вытащить ее оттуда? Не думаю, что это было лучшее для нее время.

— Но тогда ей было только четырнадцать, — тихо сказал Гарри.

— Почему, — все больше и больше раздражаясь, сказал Драко, — из всех нас, только Ты готов поверить, что она уехала по своему собственному желанию?

— Это не так, — разозлился Гарри, — Я не думаю, что гоняться за Крумом в припадке ревности это то, чем стоит...

— Гоняться за Крумом в припадке ревности — это как раз то, чем бы ты занялся! — возразил Драко. — Остальные вопросы: так сбегала она с Крумом или нет? И вряд ли кто ответит лучше, чем Сей Муж. Полагаю, что мы поторопимся и найдем его. И вежливо расспросим. Если это не сработает, то мы пригрозим ему, что сбреем его бровь!

Рон прочистил горло.

— Я согласен с Малфоем, — сказал он с таким видом, будто его сейчас стошнит, будто его

заставили съесть двойную порцию тараканьих козинаков. — Когда мы прочитали в газете, что Крум сейчас в Лондоне, мы снова вызвали Перси и он сказал, что все команды по Квиддитчу остановились в Международном Квиддитч-клубе, в Диагон Аллее. Мне кажется, нам стоит туда отправиться и поговорить с ним...

— Я там бывал, — заметил Драко. — С отцом. Там полно охраны — из-за этих спортивных знаменитостей... Думаю, нам не прорваться...

— Знаете что... я попробую притвориться Перси, — с надеждой сказал Рон. — А что: выглядим мы похоже... я скажу, что я Перси Висли и мне нужен Виктор Крум...

— А зачем? — оборвал его фантазии Драко. Он смотрел на Рона, прищурив свои серые глаза. — А зачем тебе понадобился Виктор Крум?

— Ну... — протянул Рон, — я пока еще не придумал...

— Так-то. Давай-ка лучше я займусь разработкой плана, — решил Драко.

— Ты? — Рон поднялся и яростно смотрел на Драко.

— Я ведь из Слитерина, — холодно ответил Драко, тоже вставая и отвечая Рону не менее решительным взглядом. — Я хитрый, расчетливый... Я разработал немало коварных и ловких планов — не ты! Ты бы не узнал коварный план, если бы даже он покрасил себя в синий цвет и танцевал голым на столе под аккомпанемент песенки «Коварные планы снова здесь!»

— Это не так! — взревел Рон, теряя самообладание. — Я разрабатывал очень хитрые планы!

— Ты же из Гриффиндора! — презрительно усмехнулся Драко. — Твое представление о разработке планов — Все вместе на счет «три!»

Рон скакнул к Драко, но Гарри успел встать между ними. Рон толкнул Гарри, уронив его на плитку и больно стукнувшись локтем. Кастрюли и сковородки посыпались на пол, зеркало заорало: «Смотри, куда идешь, слон!»

Рон потирал ушибленную руку: «Какого черта ты влез, Гарри!»

Гарри был в ярости: «Отлично. Нам. Надо. Поговорить. Сейчас же. За дверью».

Все еще потирая локоть, Рон последовал за Гарри в темный сад. Джинни и Малфой остались в кухне в несколько неловком положении.

Юноши отошли шагов на десять, тут Гарри повернулся и гневно спросил: «Что с тобой такое, Рон? Позволяешь Малфой так заводить тебя! Он же пытается просто досадить тебе! У него может вообще нет никаких планов!»

— Что со мной такое? — злясь, Рон становился таким же красным, как и его волосы, но сейчас бешенство душило его настолько, что лицо стало почти белым, а веснушки казались чернильными кляксами.

— Это что с тобой такое, Гарри? Я что — дал разрешение притащить в мой дом Малфоя? Да? Ты же знаешь, что его отец сделал с моим! Ты же знаешь, как к ним относится моя семья! Как ты думаешь, что скажут родители, когда узнают, что он был у нас?

Кровь отхлынула от лица Гарри: «Рон, я не подумал, что...»

— Ах, ты не подумал! Ты вообще больше не думаешь! Что с тобой случилось, Гарри?

— Кроме того, что моя девушка сбежала с двухметровым болгарским игроком?

Рон всплеснул руками.

— Вот только не надо говорить, что все это из-за того, что Гермиона тебя бросила! — его просто трясло от гнева. — О, Малфой мой сосед по комнате, Малфой — мой лучший друг, Малфой станет моим братом... Малфой, Малфой, Малфой!!! — как будто ты не знаешь, что он за человек!

— Он спас мне жизнь...

— Да он это сделал, чтобы залезть Гермионе под юбку! — в голосе Рона зазвенел металл.

— Не прошло! — Гарри оскалился, пытаясь изобразить улыбку.

— Ты не знаешь этого!

Гарри перестал улыбаться. «Не смешно».

— А я и не смеюсь, — заорал Рон. — Эй, парень, проснись, включи мозги! Он тебе не друг!

— Я знаю, — ответил Гарри.

Рон остановился в замешательстве и с удивлением посмотрел на Гарри.

— Да, он мне не друг. Я не знаю, кто он. Я только знаю, что могу доверять ему хотя бы в том, что связано с Гермионой. Ради нее он пойдет на все. Если для того, чтобы она стала счастливой, нужно

было продать меня в рабство — он бы сделал это. И я тоже, — Гарри вздохнул и потянулся к своей шевелюре, торчащей в какой-то средневековой манере.

— Ты — мой лучший друг. И знаешь, почему? Я выбрал тебя. Я не выбирал Малфоя, но он существует и с этим ничего не поделаешь.

Выражение гнева начало сползать с лица Рона. Теперь стало видно, насколько он устал. Он прислонился к стене и укачивал свою разбитую руку. «Я не понял, почему мы можем доверять Малфю.»

— Две причины, — сказал Гарри, — Гермиона любит его, а мы знаем, что она не дура.

— Ты меня убиваешь, — поразился Рон. — Что в этом хорошего, что она его любит?

— Я не сказал, что она влюблена в него, я сказал, что она любит. И тебя она любит, коли на то пошло, но я же не буду тебя за это убивать?

— Ты либо весьма самонадеян, либо обманываешься, — вздохнул Рон.

— Второе, — продолжил Гарри, поднимая палец, — и очень важное. Он расстегнул свою куртку, полез во внутренний карман, вытащил оттуда что-то весьма потрепанное и протянул Рону.

— Плутоскоп! — поразился Рон. — Тот, что я купил для тебя в Каире! Я и не знал, что он еще цел!

Гарри улыбнулся: «Он никогда не крутится, когда Малфой рядом. Значит, ему можно доверять...»

— Значит, он испортился, — подхватил Рон, но улыбка тоже тронула его губы.

— Не-а, он несколько раз крутился в последнее время: когда Лупин беседовал с нами, я четко чувствовал, когда он хотел от нас что-то утаить.

— Правда? — заинтересовался Рон. — Что, например?

— Ну, всяко-разно... когда мы вошли к нему в кабинет, он спрятал Ежедневный Пророк в стол... Думаю, он не хотел, чтобы я узнал про исчезновение Дементоров...

— Да, он в курсе, что у тебя в некотором роде... аллергия на дементоров...

— Мда... Неужели он подумал, что я такой хрупкий... не могу в это поверить. Думаю, что после всего, что я пережил... я хотел сказать, мы пережили, — поправился Гарри, — Я бы не стоял здесь, если бы не ты... — Гарри был слегка смущен, но старался держаться бодро. — Когда Сириус и Нарцисса поженились, Малфой станет мне типа братом... ну, номинально... Но на самом деле мой брат — ты. Если бы я мог выбирать, то выбрал бы тебя...

Уши Рона порозовели. «Ну, вообще то, я тоже».

Гарри улыбнулся: «Ну, что — обнимемся?» Рон покачал головой: «Ну, это как-то не по-мужски... Лучше так...» — и он легонько толкнул Гарри в плечо. «Отлично, — ответил Гарри тем же. — Думаю, нам пора вернуться, пока твоя сестрица не выпотрошила Малфоя вилкой...»

Гарри был не так уж и далек от истины. Как только юноши вышли в сад, Джинни пересекла кухню, уселась в кресло и, скрестив руки на груди, стала с ненавистью смотреть на Малфоя.

Не обращая внимания на ее яростный взгляд, он спокойно разглядывал ее: «А ты изменилась...» — «В лучшую или худшую сторону?» — не в силах сдержать любопытство, неохотно спросила Джинни.

— В лучшую... Ты вроде только вернулась из-за границы? Ездил по обмену?

— Да, — она рассеянно крутила в руках свое блюдо. — А ты ездил?

— Отец пытался продать меня Армянскому колдуну, когда мне было три, это считается?

Джинни нахмурилась, и с недоумением спросила: «Ты пытаешься меня смешить?»

— Если бы я пытался это сделать, — самодовольно заметил Драко, — ты бы валялась на полу от смеха.

— Ты слишком много о себе воображаешь. Бедняжка Малфой.

Глаза Драко вспыхнули. «О, я смотрю, ты еще влюблена в Гарри, — заметил он с сухой злобой. — Бедняжка Джинни...»

Покраснев, Джинни шлепнула блюдо на стол и вскочила. «Неудивительно, что Гермиона предпочла Гарри тебе, — стараясь, чтобы это прозвучало так гадко, как возможно. — Ты отвратителен».

Она вылетела из кухни. Драко посмотрел ей вслед: «Да ладно, что я такого сказал?» — но она была уже вне пределов слышимости.

В этот момент открылась входная дверь и вернулись Рон с Гарри. Рон многозначительно взглянул на опустевшее место, где недавно сидела Джинни: «И где моя сестра?» Выражение лица Драко стало невинным, как у младенца: «Она убежала.»

— И чем же ты ее напугал?

— Да ничем. Она испугалась, что не сможет устоять передо мной.

Рон собирался что-то ответить, но Гарри быстро встрял: «Давайте вернемся к тому, с чего начали. К Гермионе и тому, где она.»

— Ладно, — хором ответили Рон и Драко. Гарри глубоко вздохнул: «Мы должны посмотреть ее вещи. Может, тогда мы найдем разгадку того, где она может быть? Но... я... не хочу делать этого. Драко, что ты скажешь насчет того, чтобы залезть в ее вещи без разрешения?»

— О, прекрасно! Опять делаешь меня гадом?

— Не более, чем ты есть.

— Отлично. Тогда я пошел, — и Драко взбежал по лестнице, вошел в комнату Гермионы и захлопнул дверь. Воцарилась тишина.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил Рон.

— Ага! — и они вместе загрохотали по лестнице.

— Малфой! — закричал Гарри, остановившись перед дверью, — ты что-нибудь уже нашел?

— Нет! — откликнулся тот. — Но я читаю ее дневник и примеряю ее вещи!

Вытащив глаза, Рон распахнул дверь. Драко с сердитым лицом стоял посреди комнаты, скрестив на груди руки. Комната была такой же, как и в то время, когда Гермиона жила в ней. Ее чемодан, нетронутый, лежал на диване.

Гарри не смог удержаться и усмехнулся. «Ты не смог сделать этого!» — хрипло произнес он. Малфой стал еще сердитее. «Я пытался... я хотел посмотреть ее вещи, но у меня появилось какое-то странное чувство в желудке...»

— У нормальных людей это называется «угрызения совести», — не выдержал Рон.

— Ради Бога! — раздался нетерпеливый голос. Это была Джинни. Она осторожно подкралась к двери и пыталась протиснуться между Гарри и Роном. — Давай я сделаю это. Мы обе девушки, и это для ее же блага. Отойди, Малфой, — резко произнесла она, и он, к своему собственному изумлению, шагнул в сторону, дав ей возможность открыть чемодан Гермионы и обыскать его. Ничего в нем не обнаружив, она повернулась к столу, но его ящики были практически пусты. Но под столом обнаружился скомканный кусок пергамента, который Джинни, едва развернув, молча передала Гарри.

Он прочитал его и закусил губу. Это было то самое письмо, которое Гермиона начала писать, но так и не закончила, не решив, как же ей обратиться к Гарри. Все, что там было — это «дорогой Гарри, милый Гарри... Гарри, любовь моя...»

Он поднял глаза и встретился взглядом с Джинни. «Надеюсь, теперь ты не считаешь, что она убежала с Крумом по собственной воле? — спросила она устало. — А, Гарри?»

Он снова взглянул на мятый клочок, потом свернул его и сунул в карман. «А теперь мы поговорим с Крумом...»

— Ура! — радостно подхватил Драко. — Пойдем надерем ему задницу!

— Мы пойдем не для того, чтобы надрать ему задницу, а для того, чтобы вытащить из него информацию.

— Прекрасно, — широко улыбнулся Драко. — Но если это не сработает, но мы все же надерем ему задницу. Это будет запасной план.

— Эй, вы, планировщики! — повернулся к ним Гарри. — У вас есть идеи, как попасть в Международный Квиддитчный Клуб?

— Хм... Здравствуйте, — сказал Гарри волшебнику-охраннику, стоящему у входной двери в Клуб, который был самым большим и несомненно красивым зданием в Диагон Аллее. Оно стояло в стороне, но его легко можно было узнать по развевающемуся над крышей флагу: окруженные золотыми звездами две скрещенные метлы на красном фоне. — Я Гарри Поттер и мне надо увидеть Виктора Крума.

Охранник фыркнул. «Отстань», — отмахнулся он, не глядя. Гарри повернулся и взглянул на Рона и Драко, которые стояли невдалеке и подбадривали своими взглядами. (Джинни осталась в Норе в надежде на то, что придет какое-то известие от Гермионы.)

— Я Гарри Поттер, — настойчиво повторил он, — и я хочу видеть Виктора Крума. Он ждет меня.

— Ты не... — откликнулся охранник, но осекся, увидев шрам и очки. — Боже! Ты ведь Гарри Поттер, да?

— Вот уже 16 лет, — невозмутимо сообщил Гарри.

— Это правда, что ты будешь играть за Англию в будущем году? — волшебник смотрел на Гарри, открыв рот.

— Может быть, — подмигнул ему Гарри. — Видите ли, Виктор хотел познакомить меня с некоторыми английскими игроками... ну, хотел повлиять...

Волшебник был в экстазе: «Сам Гарри Поттер играет за нашу сборную!» — воскликнул он.

— Только никому не говорите, — посоветовал Гарри, — я думаю, что это пока секрет...

— Хорошо-хорошо, — поспешно отозвался служитель. — Я немедленно доложу мистеру Круму о вас... Правда, он просил его не беспокоить, но, думаю, это не касается вас, Гарри... Могу я звать вас Гарри?

— Конечно, — великодушно улыбаясь, разрешил Гарри. Он ненавидел свою популярность в мире волшебников, но не мог не признать, что сейчас она ему здоров помогла.

Охранник повернулся к панели на стене дома, на которой были кнопки с номерами. Он нажал одну из них: «Мистер Крум! Вы у себя?» На гладкой поверхности кнопки появилось маленькое изображение сурового лица Крума.

— Что вы хотите?

— Тут Гарри Поттер и... — охранник посмотрел на Рона и Драко.

— Они мои друзья, — пояснил Гарри.

— ...его друзья хотят видеть вас.

Повисла пауза. «Очень хорошо. Я увижусь с ними», — изображение исчезло.

У Гарри отлегло от сердца. Охранник с улыбкой повернулся к ним. «Сборная Болгарии остановилась на третьем этаже. Комната Крума первая дверь налево. И... могу я попросить ваш автограф?»

— Видите, — поражался Драко, когда юноши поднимались по лестнице, — Самые простые планы, всегда самые лучшие. Так же как лучшая ложь всегда основана на правде!

— Это из ваших семейных поговорок? — кисло сказал Рон. — Мне бы хотелось услышать остальные.

— А знаешь, какая моя самая любимая? — не унимался Драко. — Ты можешь получить больше с вежливым словом, и вдвое больше — с нужным вежливым словом — мой папочка часто ее использовал. О, мы, кажется, пришли...

Гарри постучал и через секунду дверь распахнулась. За ней стоял хмурый Крум, одетый в красную мантию сборной Болгарии. «Гарри, — он бросил живой взгляд на Рона (узнал...) и равнодушный — на Драко. — Я рад видеть тебя, но тебе не кажется, что уже довольно поздно...»

— Мне нужно кое о чем спросить тебя, Виктор. Это касается Гермионы...

Пораженный Крум сделал шаг назад и впустил всю троицу к себе в комнату, которая, несмотря на всю роскошь клуба, выглядела совершенно по спартански. В ней была кровать, стол и несколько кресел, везде — спортивный инвентарь. Виктор не предложил им сесть, но его вид стал несколько дружелюбнее. Он ворчливо спросил: «Ну? Так что же?»

Глядя на Крума, воздвигшегося над Драко и Гарри, Рон вдруг осознал, что их поступок был несколько безрассудным. Смелое предложение Драко надрать, в случае чего, Круму задницу выглядело трудновыполнимым. Что Драко, что Гарри смотрелись перед Крумом, как два деревца — гибких и тонких. Крум же был гораздо выше и плотнее, он мог придавить Гарри, и у него вполне бы хватило сил, чтобы перебросить Драко через Олимпийский плавательный бассейн.

Молча, Гарри расстегнул карман и протянул написанное Гермионой письмо Круму, тот взял его и прочел. Когда он поднял глаза, на его лице читалось изумление: «Это письмо д'ействительно от Эр-

ми-онин-ны?»

Гарри кивнул: «Думаю, да...»

— Это шутка, — Виктор вернул письмо Гарри, — я не видел Гермioniну уже два года... И, конечно, я не... я бы никогда... — он пожал плечами. — Я не в Болгарии, как вы можете видеть и я не знаю, что значит это письмо.

— Ты писал ей с просьбой встретиться с тобой в Дырявом котле?

— Нет, я не делал этого, — покачал головой Крум.

— Я видел Гермioniну прошлой ночью, — вступил Рон. — Она сказала, что улетает с тобой в Болгарию. Она села на метлу с тобой — ну, было очень темно... но он выглядел очень похоже...

Виктор был явно встревожен: «Я не знаю, где она... Я не видел Эр-ми-онин-ну... я не помню, когда мы встречались...»

— Хорошо, — прервал его Гарри, — тогда, если ты не можешь ответить на мой вопрос, скажи, где ты был прошлой ночью?

Виктор открыл рот, потом снова закрыл его. Он посмотрел на Гарри, Рона и Драко, смотревших на него во все глаза. «Я не помню,» — наконец сказал он.

— Не помнишь? — эхом откликнулся Рон.

— Нет, — Крум выглядел ужасно несчастным, — вчера утром я тренировался. Потом вернулся сюда. Думаю, что я уснул, потому что проснулся тол'ко сегодня утром и ничего не помню о вчерашнем дне. Может, я был слишком усталым... или приболел...

— То есть ты хочешь сказать, что ничего не помнишь о вчерашней ночи? — недоверчиво спросил Гарри.

— Именно.

— И был тот день, и произнесены были робкие извинения, — вещал Драко, — и стояли мы вокруг и внимали благоговейно.

— Но это правда! — взволнованно вскричал Крум. — Я ничего не помню о вчерашнем дне! Я сам съегодня проснулся очень встревоженным, потому что... — от внезапно замолк.

— Так почему же? — прищурился Гарри.

Лицо Крума стало еще более несчастным. Очевидно, внутри него происходила какая-то борьба. Наконец он вздохнул: «Я полагал, что я должен... я полагал, что лучше...»

— Что? — Гарри уже дошел до ручки.

— Встав утром, я увидел это... — Крум закатал рукав, показывая свою руку.

Все запястье и предплечье были в глубоких запекшихся царапинах в виде полумесяца. Гарри знал, что это такое — это следы ногтей того, что держался за Крума... сделанные тем, кто вцепился в него?.. Внезапно он словно увидел эту картину — борющуюся с Крумом Гермioniу... он зажимает ей рот своей рукой... и вдруг почувствовал себя отвратительно...

Но первым отреагировал Драко. Рон и Гарри и моргнуть не успели, как он выхватил свою волшебную палочку и наставил ее на Крума.

— Я все вам сказал, — в отчаянии твердил Крум, протягивая к ним свои израненные руки. — Я ничего не помню...

— Вот мы сейчас и посмотрим, — и Драко направил конец своей палочки Круму в грудь. — Веритас!

Пробуждение было подобно медленному подъему в темной, мутной воде. Не вставая, Гермioniа еще несколько минут блуждала в этом зыбком мире между сном и явью. Какие-то смутные образы проносились перед глазами — клочья черного тумана, просветы между темными силуэтами деревьев... Незнакомые лица... Потом — лицо Гарри, тревожное и измученное... Но почему?

Гермониа открыла глаза. Ей потребовалось время, чтобы сосредоточиться на окружающем пространстве. Она вытаращила от изумления глаза и села. Она была в маленькой — не больше той, что была у нее в Норе, — круглой комнате, на полу. Стены были сложены из каменных плит, судя по всему, очень-очень старых. Дубовая дверь была крест-накрест укреплена железными полосами, и выглядела едва ли не старше стен. Через маленькое высокое окошко, забранное железной решеткой, сочился серый свет. В комнате не было ничего, кроме соломы, устилавшей пол. На этой-то соломе и

сидела Гермиона.

Чувство потерянности и незащитности захлестнуло и переполнило ее. Это место было не просто незнакомо... оно пугало... оно так не походило на то, где Гермиона ожидала проснуться — на ее безопасную комнату в Норе... Гермиона лихорадочно начала соображать: где она может быть? Последнее, что она помнила — прогулку с Джинни в Дырявый котел... там она встретилась с Крумом... они пошли в дальнюю комнату, а потом...

Раздался грохот. Гермиона перепугалась, увидев, что дверная ручка начала поворачиваться. Она попыталась встать — но не смогла, так дрожали ноги. Помогая себе локтями, она отползла назад, от двери.

Дверь медленно открылась и в комнату вошел высокий человек, закутанный в плащ с капюшоном. Это был мужчина... Его длинная мантия зеленого бархата с серебристым воротником струилась по полу, на руках — черные перчатки.

Гермиона только собралась открыть рот, чтобы спросить, где она и как сюда попала, но горло перехватило и она не смогла издать ни звука. Человек медленно поднял руку и откинул капюшон.

Гермиона пронзительно закричала.

Глава 3. Ощущая мрак

— Большелапый, — мягко произнес Лупин, не отводя взгляда от языков пламени, вырывающихся сквозь решетки камина в кабинете. — Ты там? Ты меня слышишь?

Он сидел за рабочим столом в темноте, держа в руке пустой бокал для вина. Рем не пил, он вообще не пил много, особенно в одиночестве, но ему нравилось ощущать бокал в руке, смотреть сквозь него, будто наблюдать за сиянием луны через оконное стекло, за ореолом, образовавшимся вокруг серебристого диска, который похож на языки пламени. Он поставил бокал, потянулся и взял держатель для бумаг со стола, который Сириус подарил ему в прошлом году. Это был прозрачный стеклянный шар, внутри которого подал «снег» и маленькая милая фигурка рыжеволосой нимфы, лежащей на крошечном камне, играла на гобое. (Это был магический шар, поэтому снег в нем шел всегда и не было необходимости его встряхивать). Лупину всегда казалось, что нимфа похожа на Лили, конечно, он об этом никогда бы не сказал Сириусу.

Нимфа отложила гобой и посмотрела на него.

— Иди спать, Рем, — сказала она, — Уже поздно.

— Я жду Большелапого, — мягко произнес Лупин. — Нам надо поговорить.

Он поставил на место шар, встал из-за стола и подошел к огню. Затем он сел и облокотился на стенку камина, закрыв глаза.

— Сириус Блэк, — прошептал он. — Где же ты?

— Я здесь, — прозвучал голос.

Лупин открыл глаза, оглянулся, увидел голову и плечи Сириуса в камине и улыбнулся.

— Извини, — сказал Сириус. — Потребовалось немало времени, чтобы найти подходящий дом с камином. В этой части Греции не так уж и много каминов. Здесь очень жарко.

— Греция хорошо на тебя влияет, — сказал Лупин.

И действительно, Сириус выглядел здоровым, загорел, он улыбался, и даже его, уже ставший обычным, безжизненный взгляд, приобретенный за время сидения в Азкабана, почти исчез. Почти — Лупин сомневался, что тень Азкабана когда-нибудь сойдет с его лица.

— Да, — произнес Сириус, устремив свои темные глаза на Лупина. — Ты сказал мне, что хочешь поговорить о Гарри. С ним все в порядке?

— Да, он в порядке, — ответил Лупин. — Ну, насколько возможно. Ему шестнадцать; на него свалилось много проблем и он не может с ними справиться. Он отдалился от друзей, и, конечно, каждый год, начиная с 11 лет, его кто-нибудь пытается убить. Думаю, он устал и обижен.

— Он не отдалился от своих друзей, — сказал Сириус, — у него есть Драко.

— Малфой? — удивился Лупин. — У меня сложилось такое впечатление, будто они ненавидят друг друга. Сегодня днем мне пришлось оттащить Гарри от него, он его колотил, как грушу, в коридоре. Очень непохоже на Гарри. Малфой сказал, что Гарри был расстроен из-за разрыва с девушкой.

— С Гермионой?

— А-а, так ты об этом знаешь? — с интересом спросил Лупин.

— Гарри ничего мне не говорил, — ответил Сириус с легкой усмешкой. — У меня такое впечатление, что он лучше будет страдать от Пыточного Заклятия, чем расскажет мне о своей личной жизни, но, — глубоко вздохнул Сириус. — Я догадался.

— Как?

— Собачье чутье, — ответил Сириус. — Когда Гарри видит Гермиону, у него становится такой вид, будто его только что ударил бладжер. Джеймс так же смотрел на Лили. Это верный признак...

Лупин опять усмехнулся, — Помню, когда тебе было шестнадцать и ты...

— О, нет, — настойчиво прервал его Сириус. — Мы сейчас говорим о ГАРРИ, а не обо мне.

— Вообще-то я хотел поговорить с тобой о Малфое, — произнес Лупин. — Драко — ужасное имя. Несчастный ребенок.

— Имей ввиду, что имя «Рем» приобретает популярность, — заметил Сириус.

Лупин улыбнулся. — Теперь ты опять говоришь, как Большелапый, — сказал он. — Ты, должно быть, любишь Малфоя-младшего, извини, Драко.

— Да, — подтвердил Сириус, — Он не такой, как его отец. Он напоминает меня, когда я был в его возрасте.

— Иными словами, он — «часовая бомба», которая ненавидит весь мир и всех, живущих в нем?

— Не всех, — весело сказал Сириус. — Ну давай, Лунатик. Что? Он так ужасен?

— Я не знаю, — в задумчивости произнес Лупин, — Он либо не имеет проблем, либо попадает в такую передрагу, что мы и представить себе не можем...

— Лунатик, — раздраженно перебил его Сириус.

— Ладно, хорошо. — Лупин потянулся и взял со стола книгу и положил ее на колено. Это была та книга, которую видели Драко и Гарри на его столе день тому назад, но он об этом не мог знать. — Я не уверен, что это была хорошая идея, Сириус, позволить ему хранить его магидический меч у себя.

— Я не давал ему меч, это было решение Дамблдора.

— Я полагаю, у него были на это причины, — с сомнением произнес Лупин. — Но этот меч, если это именно тот меч... это очень могущественный и дьявольский предмет.

— Это был меч Салазара Слитерина, не так ли?

— Конечно, есть вероятность, что это подделка или копия. Я понимаю, почему Малфои, да и любая другая семья волшебников выставляют напоказ то, что у них есть нечто подобное. История гласит, что Салазар Слитерин продал свою душу могущественному демону за возможность использовать меч, который делал его непобедимым.

— И он действительно действовал?

— Очевидно, да. Слитерин одерживал победу в любом сражении. Но однажды он исчез. Просто исчез. Его больше никогда не видели. Думали, что меч тоже безвозвратно потерян. Но также есть сведения о том, что он отступился от договора с демонами; он не хотел хранить у себя меч всю жизнь, но отказался вернуть его в указанное время, поэтому... — Лупин пожал плечами, — никто не знает, что с ним произошло, но, очевидно, ничего хорошего.

— Он, должно быть, не читал «Руководство повелителям зла», — ухмыльнулся Сириус. — Правило №54: «Я не буду совершать сделок с демонами, потому что попытка обмануть их мне претит». Лупин посмотрел на Сириуса с широко раскрытыми глазами, — Сириус...

— Извини, я просто не знаю, как это может повлиять на Драко, — сказал Сириус.

— Это демонический меч, Сириус, — произнес Лупин оживленно. — Он обладает большой силой и собственным рассудком. Даже если этот разум милосерден или жесток. Требуется большое желание, сила и способности, чтобы создать что-то подобное, но он всего лишь ребенок.

— Когда нам было шестнадцать, мы не считали, что мы дети.

— Но мы были ими. Только подумай, как все могло обернуться, если бы мы были немного умнее, терпеливее и не такими доверчивыми. Питер мог не поступить так, как поступил, а Джеймс, Джеймс мог...

— Не надо, — прервал его Сириус. — Не говори этого.

Лупин вздохнул, — Есть еще кое-что.

— Ох, нет, — произнес Сириус без энтузиазма.

— В чем дело?

— Я знаю тебя. Когда ты говоришь «есть еще кое-что» — это значит, что ты припас самую худшую новость напоследок. Все отлично, но Гарри был съеден василиском, или что-то вроде этого, — вздохнул Сириус, — ну, давай, говори...

— Пророчество.

— Ну? В чем дело?

В ответ Лупин прочитал строчки из книги, — *Когда меч будет использован в битве хоть раз потомком Слитерина, то сам Слитерин вернется, и он, и его потомок станут порождать хаос и террор в мире волшебников.*

— Иногда я поражаюсь, как ты можешь говорить подобные вещи с таким невозмутимым выражением лица, Рем. Извини, — добавил Сириус добродушно в ответ на помрачневший взгляд Лупина. — Ну, не думаю, что у нас есть сейчас основания для беспокойства. Драко еще не использовал меч в бою, насколько я знаю. Гарри был единственным, кто использовал его против Люция.

Лупин вздохнул с облегчением, — Хорошо, это я и хотел знать.

— Просто держи меч подальше от него, — добавил Сириус.

— О, хорошо, — ответил Лупин. — Помнишь, когда нам было шестнадцать, нам говорили, чтобы мы держались подальше от чего-то, как мы к этому прислушивались?

Глаза Сириуса превратились в узкие щелочки от улыбки. Лупин видел Сириуса так улыбающегося немногим людям: Джеймсу, Лили, самому Лупину и Гарри. Может он так же улыбался и Нарциссе, Лупин этого не знал. Но надеялся, что да.

— Мы были ужасны, не так ли? — сказал Сириус.

— Нет, — ответил Лупин, улыбаясь в ответ. — Мы не были ужасны, мы были великолепны!

Гермиона закричала.

Она развернулась, прижалась к стене, ужасно напуганная, попыталась отодвинуться как можно дальше от этого ужаса и закрыла глаза.

«Успокойся», — сказала она себе, «Будь сильной. Будь как Гарри. Гарри сталкивался с вещами и похуже. Будь как Гарри». Она открыла глаза. Волшебник, который вошел в комнату все еще не сдвинулся с того места, где стоял раньше. Черный капюшон был откинут, теперь было видно его лицо. Это было лицо человека, по возрасту не старше Сириуса, с морщинами и широкими выдающимися скулами, черными спутанными, неухоженными волосами. У него был большой нос, темные брови и тонкие губы. Он был невероятно худым, намного худее, чем был Сириус, когда вернулся из Азкабана. На коже его щек видны татуировки в виде черепа со змеей, вылезавшей из его рта. Черная метка!

Было ужасно смотреть на это, но Гермиона кричала не поэтому.

Она кричала потому, что знала, кем он был. Как она могла этого не знать? В Хогвартсе повсюду стояли памятники в его честь и висели портреты с его изображением. Но это было невозможно. Черная Магия, думала она. Он мертв. Мертв уже 1000 лет. Воскрешение из мертвых, это некромантия — самая ужасная Черная Магия из всех существующих. Он сделал несколько шагов в ее сторону, она уставилась на его ноги, он был в черных ботинках. Гермиона не могла заставить себя посмотреть на его лицо с меткой еще раз.

Когда он к ней приблизился, она почувствовала веющий от его мантии запах всемогущества, похожий на запах подогретого бренди. Тяжелый треск раздался, когда он опустился на колени так, чтобы оказаться напротив нее.

— Посмотри на меня. — Казалось, что его голос звучал как шелест крылышек саранчи

Гермиона, пересилив свое отвращение, посмотрела на него. Она попыталась что-то сказать, но не могла. Собравшись, девушка произнесла дрожащим, тоненьким голоском:

— Кто ты?

— Ты не узнаешь меня, Ровена? — произнес этот голос. — Я знаю, что выгляжу теперь совсем не так, как раньше, но ты, все же, могла бы узнать своего Салазара.

— Веритас!

Крум тяжело вздохнул — Заклинание Правды начало действовать. Драко знал что он чувствует; он знал эту болезненную агонию, чувство, будто тебя разрывает, и ты уже готов сказать все. Но, потому ли, что на это не было времени, или это было ему не свойственно, он Круму совершенно не сочувствовал.

— Где Гермиона? — спросил он.

— Я-не-знаю, — выдавил сквозь зубы Виктор.

— Малfoy, — прошептал Рон, — это заклинание запрещено использовать, тебя могут за это отправить в Азкабан.

— Мне все равно, — произнес Драко, не спуская глаз с Гарри, который посмотрел на него с таким же выражением, подтверждающим, что он тверд в своем решении. Это выражение появлялось у Гарри, когда он играл в Квиддитч и был целиком сосредоточен на поимке снитча. Когда они играли друг против друга, это его выражение лица сильно нервировало Драко. Теперь же это прибавило ему странной уверенности.

— Продолжай, Малфой, — произнес Гарри.

— Пожалуйста, — неожиданно прервал их Виктор. — Я тоже хочу знать правду. Спросите меня о том, о чем должны.

Драко в сомнении посмотрел на Крума. Виктор был бледен и сильно прикусил губу, но, казалось, что он был искренен.

— Хорошо, — произнес Драко, все еще держа палочку наготове. — Виктор, — продолжал он. — Расскажи нам, что ты помнишь о вчерашнем дне?

Крум говорил медленно и с трудом.

— Утром мы играли против Румынии, — пробормотал он. — Мы проиграли, из-за чего я был очень не в духе. Также меня раздражало то, что не было охраны у палаток для игроков. Когда я вернулся в мою палатку, там был какой-то человек, и мне пришлось его выпроваживать оттуда.

— Какой человек? — осторожно спросил Гарри.

— Обычный человек, — сказал Виктор. — У нас всегда бывает много людей в палатках: фанаты и все остальные, кто без разрешения туда заходит. Этот предложил мне болгарского вина. Я немного выпил, и он ушел. Я вернулся в свою комнату и, — Виктор отвел глаза в сторону, — я заснул, думаю. Я больше ничего не помню.

— Виктор, — спокойно спросил Драко, — что произошло, когда ты вернулся в комнату? Ты не заснул. Что ты делал?

Крум побледнел, на лбу появились капельки пота: — Я не помню.

Драко с такой силой сжимал свою палочку, что его пальцы побелели: — Что ты делал?

Крум отрицательно покачал головой, сжав руками грудь, будто почувствовал приступ боли и произнес: — Я не помню.

— Он лжет! — решительно сказал Гарри.

— Ты не можешь лгать, когда на тебе лежит Заклятье Правды, — возразил Драко, понизив голос и поворачиваясь к Гарри. — Я знаю.

— Дело в Заклятье Памяти, — прошептал Рон, — он говорит правду, так как думает, что это и есть правда.

— Мы можем снять с него Заклятье Памяти, — произнес Гарри тем же уверенным и спокойным тоном. — Малфой, дай мне свою руку.

— Зачем? — подозрительно спросил Драко. Когда последний раз Гарри попросил руку Драко, он порезал ее перочинным ножом.

— Затем, — произнес Гарри со вздохом. — Если мы оба возьмемся за палочку и произнесем Заклинание, то нашей силы может хватить, чтобы разрушить Заклятие Памяти.

— Этого также, — добавил Драко, — может быть достаточно, чтобы превратить лучшего игрока Болгарии в Квиддитч в грязную лужицу на полу.

— Не думаю, — сказал Гарри. — Этого не произойдет, если мы сконцентрируемся.

— Так вот и доверяй гриффиндорцам планы придумывать, — заметил Драко. Они с Гарри стояли настолько близко друг к другу, что он мог видеть собственное отражение в очках Гарри. Он выглядел озадаченным и сердитым:

— Что это за план такой «сконцентрироваться»?

— Гарри, — неуверенно прервал его Рон. Он не мог слышать того, о чем они говорили, но выражение лица Гарри его обеспокоило. — Гарри, я не думаю...

Не обращая на него внимания, Гарри взял левую руку Драко(вы никогда не думали, что Драко левша?)и соединил их пальцы вокруг палочки. В тот момент, когда он это сделал, шрам на его ладони соединился со шрамом Драко, и он почувствовал холодок, пробегающий по коже. Он увидел глаза Драко, которые были устремлены на него. Малфой тоже это ощущал.

— Это плохая идея, — сказал Драко без особой радости.

Гарри направил палочку, находящуюся уже в руках обоих, против Виктора.

— Веритас, — прошептал он.

Драко чувствовал, что его рука устремилась вперед, будто кто-то тянул за нее. Палочку сильно трясло в их руках, он сжал ее крепче. Вдруг, луч черного света вырвался из конца палочки и поразил Крума. Он громко закричал, словно в агонии и упал на колени, сжимая руками грудь.

— Гарри, что ты сделал? — испуганно спросил Рон.

Гарри выпустил из рук палочку и опустился на колени рядом с Крумом, положив руку ему на плечо: — Я хочу снять это с тебя настолько быстро, насколько возможно, но ты должен нам рассказать, что случилось с тобой вчера? Где ты был вчера ночью?

— После игры я вернулся в свою комнату, — сказал Крум, удивленный звучанием своего голоса. Драко знал, что он чувствует: Заклинание Правды не только заставляет говорить правду, но и вынуждает тебя говорить, говорить и говорить. — Я лег на кровать. Я чувствовал себя довольно странно и думал, что это из-за вина. Затем раздался стук в дверь. Я встал и открыл. Это пришел человек, который был в палатке. Он направляет свою руку на меня и сказал: «Империио». Выражение изумления промелькнуло на лице Крума. Он совершенно не подозревал об этих вещах. Потом он дал мне... э-э... *kak shte kazhesh tova na Angliyski...*

Рон, Драко и Гарри посмотрели друг на друга, никто из них не знал ни слова по-болгарски. Но Виктор продолжал:

— Бокал, бутылка с жидкостью, он дал мне ее с какими-то указаниями. Я надел свой плащ, направился в Косой переулок. Вошел в Дырявый Котел. Там я ждал, пока не появилась Гермиона, — теперь голос Виктора звучал с сожалением, — она была очень счастлива и красива. Я попросил ее поговорить со мной всего лишь минутку. Мы зашли в темную комнату. Она обернулась, чтобы спросить у меня что-то, но в этот момент я схватил ее, закрыв Гермионе рот, чтобы она не закричала, и заставил ее выпить Зелье.

Глаза Крума были широко открыты от ужаса. Драко, Гарри и Рон были шокированы, в душе возрастало чувство страха за Гермиону.

— Сейчас она спокойна, она покорна, она делает то, что я говорю ей. Она избавилась от рыжеволосой девочки и вернулась в комнату. Мы ждем вместе незнакомца, этот человек пришел. Он направил свою руку на нее и произнес «Империио». Крум немного помолчал: — она плачет. Ему пришлось повторить Заклятье. Наконец мы ушли, Гермиона и я. Мы полетели в Нору. Я жду, пока она соберет вещи и напишет письмо Гарри. Затем мы сели на мою метлу и отправились на Вокзал Кинг Кросс. — Голос Крума стал хриплым, то ли от физической боли, то ли из-за шока. — Мужчина ждет нас там, в одежде магглов. Он забрал у меня Гермиону. Затем я ушел оттуда и вернулся в комнату. Когда я проснулся, — он покачал головой, — я ничего не помнил.

— Гарри, — резко прошептал Рон. Теперь он стоял у двери и выглядел довольно обеспокоенным, — Гарри, сюда могут прийти, кто-нибудь уж точно слышал, как кричал Крум.

Но Гарри все еще, не отрываясь, смотрел на Виктора: — Куда ты ее отвел?

— Я не знаю! Я не знаю! Ты должен мне верить, Гарри, я бы никогда не причинил вреда Гермионе!

Гарри встал и отошел от Виктора, который полулежал возле кровати, и, казалось, был полностью изнурен. Сам же Гарри выглядел настолько плохо, что складывалось впечатление, что он болеет неизлечимой болезнью. Он подошел к Драко.

— Думаю, мы должны повторить Заклинание, — произнес он, тяжело вздохнув, — Может быть что-то еще, может он знает...

— Нет, — неожиданно прозвучал голос Рона.

Они оба обернулись и посмотрели на него, находясь напротив двери, оба были злы.

— Зачем тому человеку сообщать Виктору, куда они едут с Гермионой? — продолжил он, — Очевидно, что он его просто использовал. Если бы он не был так знаменит, возможно, незнакомец убил бы его. Если он говорит, что не знает, то я ему верю, и Гарри, — добавил он, — ты делаешь ему больно. Это на тебя не похоже. Извините, но вы оба становитесь просто безумными, когда беспокоитесь за Гермиону, поэтому я считаю, что решать следует мне, — он поднял свою палочку и произнес, — *Финито*.

— Подожди, — сказал быстро Гарри. — Еще один вопрос, только один вопрос, — он обернулся к Круму. — Ты сказал, что он направил руку на Гермиону и использовал «Империиус». И все это было сделано рукой, не палочкой. Он не использовал палочки?

— Нет, — устало сказал Виктор, — он использовал свою руку.

— В таком случае, он магид, — произнес Драко.

— Это была не простая рука, — продолжил Крум. — Это был обычный, небольшого роста человек. Маленький и полный. Но его рука была сделана из серебра.

Гарри посмотрел на Рона и Драко, которые уставились на него с идентичным выражением ужаса

на лицах. Гарри заговорил первым. — Червехвост, — прошептал он.

— Ровена? — в изумлении повторила Гермиона.

— Моя красавица, Ровена, — произнес волшебник, назвавший себя Салазаром. Он протянул свою руку в перчатке и дотронулся до волос Гермионы. Она не двигалась, несмотря на то, что запах горелого алкоголя вызвал першение в горле.

— Это не мое имя, — произнесла Гермиона, — Я не тот человек. Не та девушка.

— Я бы на твоём месте ему не стал возражать, — сказал резкий и злобный голос. Гермиона повернула голову и, практически, без малейшего удивления увидела знакомые очертания: полную фигуру Червехвоста, стоящую в дверном проходе. Он был в серой мантии, его стальная рука выглядывала из-под правого рукава. Уродливая самодовольная улыбка появилась на его лице. — Ты понимаешь, с кем говоришь?

Гермиона, не спуская глаз с Червехвоста, ответила. Он явно не был победителем конкурса красоты, но все же лицо его было чистым.

— Как я сюда попала? — спросила она, стараясь придать своему голосу жесткость.

— Червехвост привез тебя ко мне, — произнес скрипучий голос слева. — Он очень преданный слуга.

— Не такой уж и преданный, — произнесла Гермиона дрожащим голосом. — Принимая во внимание тот факт, что две недели тому назад он прислуживал Черному Лорду!

— Сейчас я служу Хозяину моего Хозяина, — сказал Петтигрю. — Самому могущественному из всей Хогвартской четверки, самому грозному волшебнику, держащему когда-либо палочку. Он равнодушно посмотрел на нее. — Ты знаешь, о ком я говорю?

Гермиона закрыла глаза. — Салазар Слитерин мертв произнесла она. — А мертвые не могут вернуться.

— Мне больно это слышать от тебя, любовь моя, — сказал тот же голос в ее ухо. Голос Салазара Слитерина — ее сознание не хотело этого принимать, она не могла этого допустить. Ничего более ужасного не могло с ней произойти. Его рука в черной перчатке коснулась ее запястья, и шок от его прикосновения был наиболее неприятным чувством, которое она когда-либо испытывала. Он поставил ее на «ватные» ноги и повернул так, чтобы она могла видеть его лицо.

— После стольких лет моих скитаний по серым пространствам, — сказал он. — Ты вернула меня обратно в мир.

— Я что сделала? — переспросила Гермиона.

— Это ты создала Заклятие, которое разрушило то, которое сделало меня пленником, — произнес Слитерин — Конечно, ты это сделала ради некой цели?

Она безнадежно посмотрела в сторону и увидела Червехвоста, пристально смотрящего на нее.

— Твое Ураганное Заклятье, — сказал он, — очень умно. Но, возможно, не достаточно разумно, как могло бы быть, — закончил он несколько холодным тоном, который, однако, выдавал его расположение к ней. — Непредусмотренные последствия.

— Я не понимаю, — произнесла она, переводя взгляд от одного к другому.

— Ты не помнишь? — спросил Слитерин, пожирая её глазами. — Я тебе говорил, что я никогда не умру по-настоящему?

— Нет! — резко возразила Гермиона. — Я не помню, потому что я не та, кем ты меня считаешь. Она отчаявшись посмотрела на худое лицо напротив нее, — Ровена Рэйвенкло мертва, — произнесла она. — Она уже мертва вот уже тысячу лет.

В ответ на это рука в перчатке поднялась и схватила ее за горло. На мгновение она подумала, что он ее задушит. Потом она в ужасе поняла, что он хочет использовать Эпициклическое Заклинание, он держал медальон в кулаке. — Ты хранишь у себя на шее жизнь моего потомка, — сказал он. — Так же, как и Ровена хранила мою. Когда я проснулся, первое, что я увидел, было твое лицо, я видел тебя сквозь его глаза. Я также видел, что он любит тебя, так же, как и я любил ее. История повторяется вновь. Я видел так же Годрика, его глазами, — произнес Слитерин злобным тоном. — Когда она меня бросила ради Гриффиндора, это уничтожило все, ради чего я работал, все, чего я достиг. Я не допущу, чтобы это вновь повторилось, любовь моя.

— Я не твоя любовь, — отчаявшись, сказала Гермиона.
 — Может быть, еще нет, — произнес Салазар. — Но ты будешь ею.

Джинни сидела на кухне, было слышно только тиканье часов, когда распахнулась дверь и Гарри, Рон и Драко вошли внутрь, неся свои метлы. Драко и Рон выглядели измученными. Гарри же выглядел на порядок хуже, словно он был изнурен каким-то ужасным испытанием.

Рон и Драко поставили свои метлы в углу комнаты, Гарри же аккуратно прислонил свою к стене у двери. Джинни наблюдала за ним из кухни, ее сердце сжималось из-за дикого желания подбежать к нему и обнять. Он выглядел очень несчастным.

Рон подошел к ней и положил руку ей на плечо. — Ничего? — тихо спросил он.

Джинни покачала головой: — От нее никаких вестей.

Никто из них, казалось, не был особенно удивлен, услышав это.

— Спасибо, что ждала, Джин, — произнес Гарри тоном смертельно уставшего человека.

— Вы выяснили что-нибудь? — обеспокоено спросила Джинни.

Гарри пожал плечами: — И да, и нет.

— С ней все в порядке?

Ответа не последовало, воцарилось мертвая тишина. Гарри сказал: — Я пойду в душ, скоро вернусь, — он повернулся и поднялся вверх.

Джинни печально посмотрела на Рона: — Что произошло?

Рон вздохнул. Он посмотрел на Драко, который стоял, прислонившись к стене.

— Мы говорили с Крумом, — сказал он, рассказав Джинни, что случилось. — Думаю, нам очень повезло, — заметил он, когда закончил. — Никто нас не поймал, и, когда мы сняли Заклинание с Виктора, он, кажется, чувствовал себя нормально. Крум ничего не помнил из того, что сказал под действием заклинания. Он даже не понял, почему мы там были.

— Мне надо было попросить его автограф, — произнес Драко, пытаясь придать своему голосу жизнерадостности, — но это было как-то неудобно.

— С Гарри все в порядке? — спросила Джинни, посмотрев на Рона. Она пыталась прочесть по его глазам, так, как могла делать раньше, когда она была младше. Сейчас же его глаза говорили, что Гарри в отчаянье, и Рон надеется, что Джин не будет в это лезть.

— Ему надо поспать, — сказала Джинни. — Вам всем надо отоспаться.

— Желаю тебе удачи, попробуй, убеди его в этом, — отозвался Рон.

— Он расстроен из-за Гермионы, не так ли?

— Он расстроен из-за Виктора, — произнес Драко. — Он расстроен из-за мысли о том, на что он способен в тот момент, когда уязвлен в чем-то.

Рон пристально посмотрел на Драко. — Что тебе известно? — спросил он.

— Больше, чем ты думаешь, — ответил Драко, своим прежним презрительным тоном, растягивая слова. Он пожал плечами и вышел, громко хлопнув дверью.

— Я пойду, проверю все ли в порядке с Гарри, — сказала Джинни, не обращая внимания на выражение лица Рона, и стала подниматься вверх.

Драко стоял у сада Висли, серебряный свет луны падал вниз подобно молочному дождю. Воздух был влажным и свежим, и сад пах мятой, грязью и розмарином. Он не был похож на сад Малфоев, в котором всегда пахло железом, перцем и кровью. Он повернулся лицом к югу, туда, где был его дом. Драко сунул руку в карман и неожиданно осознал: *у меня нет палочки*. Затем он подумал: *это не важно*. Магидам его возраста не позволялось пользоваться магией без использования палочки; это действительно было так. Но, также было непозволительным ускользнуть из школы среди ночи ради того, чтобы накладывать мощнейшие, нелегальные заклинания на известных всему миру спортсменов. Магия без использования палочки, в сравнении с обычной, была второстепенной. *К черту это дурацкое правило*, подумал он и вытянул свою руку перед собой. Сияние луны ярко осветило кривой шрам на его ладони, словно нарисованный жидкой ртутью.

Странно, что Гарри выбрал именно ту руку, которой я могу совершать магические действия,

чтобы ее порезать. Тоже самое и у него. Это было сделано сознательно, интересно?

Он перестал задаваться этим вопросом и попытался максимально сконцентрироваться, думая о предмете, который он хотел достать, представляя его именно в том месте, где видел в последний раз. Он хотел, чтобы Призывающее Заклинание заработало. Было неважно, как далеко находился от него предмет, который он вызывал, но он знал, где точно это находится: на столе отца. Он представил себе кабинет Люция, каким он его помнил, рисуя его в воображении вплоть до запахов: книги, бренди и черная магия. Он закрыл глаза и вытянул левую руку.

— Зовио!

Джинни обнаружила Гарри в бывшей спальне Перси, с теми же отглаженными, голубыми простынями и идеальным порядком, оставшимся еще с того времени, когда здесь был Перси. Гарри снял очки и сидел на кровати, поджав под себя ноги и опустив голову на колени. Джинни села рядом с ним, чувствуя, что из-за ее веса кровать слегка примялась.

— Гарри, — сказала она, — тебе надо немного поспать.

Гарри медленно поднял голову: — Я не устал.

Она всегда поражалась тому, насколько он по-другому выглядел, когда был без очков. Он становился моложе, но менее кротким, что ли. Более холодным и более способным на решительные действия. Теперь на его лице между бровями появилась морщинка, которая стала заметной, когда он посмотрел на Джинни, стараясь улыбнуться. Она думала о годах, требующихся для того, чтобы эта морщинка стала видна, независимо от того улыбается он, или нет. Джинни не знала, увидит ли она это.

— Конечно, ты устал, — сказала она. — Ты был на ногах много часов, пролетел мили. Тебе надо поспать. Ты не сможешь помочь Гермионе, если свалишься с метлы и упадешь в Канал.

— Я в любом случае не могу ей помочь, — произнес он сдавленным тоном. — Это моя вина.

— Это не твоя вина! — возразила Джинни, — Как это может быть твоей виной? Это больше моя вина, мне не следовало оставлять ее одну с Крумом в Дырявом Котле...

— Нет, — сказал Гарри, качая головой, — Червехвост похитил Гермиону из-за меня, другой причины нет. Она в опасности только потому, что она мне дорога. Также как Сириус, Рон и все остальные о ком я волнуюсь.

— Ну, — произнесла Джинни, стараясь, чтобы её голос звучал весело, — в конце концов, Малфой в безопасности.

Гарри улыбнулся: — Думаю да, — сказал он и убрал с лица волосы. — Джинни...

— Прошу, Гарри, — сказала она, — обещаю, что ты немного поспишь. Малфой может лечь в бывшей спальне Чарли, а ты можешь остаться здесь. Все, что надо мы можем сделать завтра с утра.

Гарри мгновение колебался, затем кивнул головой. — Ты права, — сказал он, — Я знаю, что ты права. Он ей улыбнулся, и у нее в животе потеплело. — Только еще одна вещь, Джин, если ты не против; я сейчас не совсем отвечаю за себя, но...

Джинни уставилась на него. — В чем дело? — спросила она робко.

— Не могла бы ты попросить Рона подняться сюда? Я не в состоянии спуститься вниз, но мне необходимо с ним поговорить.

— А, — произнесла она и встала, — а, конечно. Я... я его позову прямо сейчас.

Спустившись на первый этаж, она прошла мимо Драко, который тащил большую зеленую книгу в руках. У нее неожиданно возникло дикое желание ударить его по коленке посильнее, но она подумала, что это будет несправедливо, и сдержалась.

— Ты будешь спать в той комнате, — сказала она ему, указывая на комнату Чарли в конце коридора, которая была рядом с её. — Там есть одеяла в шкафу. И не проси меня застелить тебе кровать, потому что я этого не буду делать.

Он с любопытством на нее посмотрел. — Что тебя беспокоит? — спросил он. — Опять поттеромания? Выражение его лица не изменилось, но было видно, что его самодовольная ухмылка так и хочет вырваться наружу.

— Я тебя не переносу, — сказала она. — Просто подумала, что ты должен это знать.

— Мне действительно все равно, — произнес он, обошел ее и медленно стал удаляться по

коридору в сторону комнаты Чарли. Джинни некоторое время еще постояла, провожая его взглядом. Она не могла понять почему, но она себя чувствовала намного хуже, чем раньше.

Он находился в какой-то комнате, которая была где-то под землей. Драко не понимал, откуда он это знает, но был в этом уверен. Он был в черной мантии, расшитой зеленым и серебряным, обут в ботинки из драконьей кожи. Он не сомневался в том, что к подошвам его обуви было добавлено несколько дюймов, для придания ему большего роста. Но, несмотря на это, Драко все еще ощущал жар, исходящий от пола, проникающий сквозь его платформы. Он был не один. Они стояли вокруг него, образуя полукруг. Их было семеро. Драко сразу понял кто они. Он узнал их длинные с двумя пальцами руки, их гладкие, без ушей, головы. Это были демоны. Только они носили черные с красным мантии, самый высокий из них, тот, который стоял в центре полукруга, держал что-то на вытянутых руках.

Длинный серебряный меч, рукоятка которого была украшена множеством зеленых драгоценных камней.

— Ты пришел сюда, чтобы обменяться с нами, — произнес самый высокий демон. Драко услышал голос, но он был не его, он походил на голос человека намного старше Малфоя: — Да, я пришел поэтому.

— И ты знаешь, что этот обмен в себе таит?

— Я дам вам то, что вы хотите, — сказал Драко, который им не был. — И вы дадите мне меч.

— С этим мечом человек может творить чудеса, — сказал демон.

— Я не интересуюсь чудесами, — сказал Драко. — Меня интересует могущество. Мне сказали, что этот меч придаст мне силы. Это правда?

— Он тебе даст очень много могущества, — ответил демон. Драко во сне засмеялся. — Я этому не верю, — произнес он.

— Ты должен понимать, что все должно находиться в равновесии, — сказал демон. — Одно дело — выгода, а другое — плата за нее. Ты многого достигнешь, используя этот меч, но, сначала, за это надо заплатить. Драко почувствовал, как его вполне реальные и сильные руки, совсем как наяву, тянутся к горлу, отстегивают булавку. Он снял свою мантию и рубашку, которая была под ней, так что теперь его грудь была открыта.

— Возьми свою плату, — сказал он.

Демон поднял свою омерзительную руку и согнул свои длинные пальцы. Затем, подобно боксерскому удару сквозь непрочную картонную стену, демон погрузил свою руку в грудь Драко. Наступила мучительная боль, его обуревал ужас — но все это продолжалась мгновение. Драко закричал, и демон вытащил руку, в которой держал что-то своими пальцами, сквозь кожу которых были видны вены. То, что он держал слабо сияло и мерцало, подобно слабому огню свечи. Демон улыбнулся. Показавшиеся при этом клыки были длинными и острыми.

— Меч твой, — сказал он. — Преисподняя удовлетворена.

— Малфой! Малфой! Проснись!

Кто-то держал его за плечо и тряс. Он отвернулся и закрыл лицо руками. Он все ещё слышал чей-то крик. Кто-то схватил его руки, пытаясь убрать их с его лица.

— Проснись! — произнес голос в отчаянии. — Малфой, пожалуйста.

Он открыл глаза. Крик прекратился, и неожиданно наступила блаженная тишина. Это я кричал, понял Драко. Это был я.

В комнате было темно. Только серебряный свет луны струился через окно и освещал девочку, находящуюся перед ним, удивленную, с темными глазами и длинными, вьющимися волосами. В полумраке она выглядела как...

— Гермiona? — спросил еще сонный Драко.

— Нет, это Джинни.

Он медленно убрал с лица руки. — Конечно, — сказал он, — ты не она, она зовет меня по имени. Он моргнул и уставился на нее: — Что ты здесь делаешь?

— Что я здесь делаю? — переспросила раздражительно Джинни. — Ты кричал как ненормальный, вот что я здесь делаю. Я думала, что кто-то тебя убивает. Посмотри где ты, Малфой.

Драко сел и удивленно огляделся. Он наполовину был на полу на скомканной простыне. Он не помнил, как упал с кровати, но и крика он также не помнил. Он помнил только свой сон. Он порывисто вздохнул, вспоминая ту боль, руку демона в своей груди. Жар. Меч.

Когда Джинни снова заговорила, ее голос звучал взволнованно: — Малфой....

— Что?

— У тебя течет кровь.

Он испуганно посмотрел вниз и увидел на рубашке, в районе сердца, растекающееся красное пятно, уже ставшее размером с обеденную тарелку. Драко приложил руку к пятну, и его пальцы окрасились в красный. Это была свежая кровь. Он посмотрел на Джинни.

— Приведи Гарри, — хрипло сказал он. Джинни поднялась на ноги и повернулась к двери. На пол пути Драко крикнул: — Стой!

Она повернулась к нему. Он снял с себя рубашку и смотрел на свою грудь, которая была немного бледнее, чем остальная его кожа под светом луны. На ней не было никакой раны.

— Неважно, — произнес он, — кажется, со мной все в порядке.

— Это была... не твоя кровь? — спросила она в замешательстве.

Он посмотрел на Джинни, и свет луны отразился в его, казалось, серебряных глазах: — Я не знаю, но, кажется, у меня есть идея и мне она не нравится.

— Это связано с твоим ночным кошмаром?

— Да, — сказал он, качая головой, — в смысле, нет. В смысле, я не уверен, что это был кошмар. Думаю, это было воспоминание, сцена из жизни, или иллюзия. Либо это было воспоминание в иллюзии. Это возможно?

Джинни чувствовала, как ее глаза раскрывались от реакции на услышанное:

— Надо позвать Гарри.

Но Драко покачал головой.

— Не беспокой Поттера, — сказал он. — Просто посиди здесь со мной минутку.

Джинни колебалась. Было очень трудно понять выражение лица Драко. В темноте его глаза отражали свет подобно глазам кошки. Она медленно подошла к нему и села рядом с ним на одеяло. Но она не хотела смотреть на него, потому что он был без рубашки, и от этого у нее возникало странное чувство, поэтому она уставилась на ночник и произнесла первое, что пришло ей в голову: — Болит?

— Когда я спал, болело, — ответил он. — Но уже нет.

Он посмотрел на свою рубашку, на которой было большое пятно красного цвета. Его руки также были в крови. Джинни с любопытством посмотрела на него — что-то было в нем странное. Его руки были похожи на руки Гарри: та же форма, такие же ногти, те же длинные пальцы и выпирающие суставы. Она довольно насмотрелась на руки Гарри, и хорошо их помнила. Она их знала досконально. Только шрамы добавили необычности. Джинни потянулась и тронула его шрам на левой ладони: — Откуда это у тебя и Гарри?

Драко посмотрел на нее:

— Рон тебе не сказал?

Она покачала отрицательно головой. Драко снова посмотрел на рубашку.

— Неприятность с острым краем колоды карт, — сказал он. — Мы не особо любим вспоминать это. Слишком больно.

Джинни изменилась в лице:

— Знаешь, какая вещь меня больше всего бесит в тебе, Малфой?

Он взглянул на нее и ухмыльнулся.

— Я в шоке, — сказал он, — в шоке потому, что есть только одна вещь, которая тебя бесит во мне. Я думал, что у тебя есть список того, чего ты во мне ненавидишь, возможно, даже пронумерованный.

Джинни внезапно улыбнулась и, одновременно, испугалась. Почему она улыбалась Драко Малфой? Это было нехорошо. Вдруг она подумала, как это могло выглядеть в глазах Рона, если бы он сейчас вошел в комнату: она сидела на полу рядом с полураздетым Драко среди скомканных простыней и одеял, и они улыбались друг другу так, будто были друзьями.

— Я зову Гарри, — произнесла она, быстро вставая с пола и поправляя ночную рубашку.

— Не надо, — сказал он, — это не настолько важно.

— Ты истекаешь, непонятно откуда взявшейся кровью, — возразила Джинни. — Думаю, что это стоит того, чтобы разбудить Гарри.

— Ерунда, — сказал Драко немного неуверенно. — Просто не могла бы ты дать мне другую рубашку?

— Рубашку? — недоверчиво переспросила Джинни.

— Да, рубашку. У тебя много братьев, у вас в доме, должно быть, куча одежды.

Джинни сжала губы и вышла из комнаты. Она вернулась и кинула Драко один из знаменитых свитеров миссис Висли.

— Розовый, — произнес он мрачно. — Я ненавижу розовый.

— Спокойной ночи, Малфой, — сказала Джинни и закрыла за собой дверь.

Джинни и Рон уже проснулись к тому моменту, когда Гарри спустился вниз, на завтрак, следующим утром. Он был в одном из зеленых свитеров, подаренных Миссис Висли несколько лет назад. Сейчас он стал ему уже мал, и из коротких рукавов были видны его тонкие запястья. Он плюхнулся на стул напротив Джинни, взял ложку и вяло поковырялся в миске с овсяными хлопьями, которая стояла перед ним. Рон был серьезным, внимательно читая Ежедневный Пророк.

— Какие новости? — спросил Гарри.

— Дементоры еще не обнаружены, — произнес Рон, жуя тост. — Говорят, их видели где-то на юге у города волшебников, но это не было подтверждено.

Джинни содрогнулась:

— Представляете, если вы увидите дементоров в своем городе, — сказала она. — Прямо в своем саду...

Они одновременно обеспокоено посмотрели в окно.

— Джинни, не надо, — неуверенно произнес Рон. Но Джинни думала уже о другом, о чем хотела поговорить.

— Гарри, — произнесла она, — с Драко что-то не так. Рон с Гарри заинтересованно посмотрели на нее. Она намазывала тост маслом и была настроена весьма решительно.

— Что-то большее, нежели всегда? — спросил Гарри.

— Да, — твердо ответила Джинни. — Прошлой ночью он кричал так громко во сне, что это меня разбудило. Я никогда раньше не слышала, чтобы так кричали. Когда я зашла к нему в комнату, он лежал на полу, и его рубашка была в крови.

— У него текла кровь? — переспросил Гарри.

— Ты была в его комнате? — взволнованно поинтересовался Рон.

— Да, именно, — сказала Джинни, — но дело не в комнате. Крик и кровь — вот что имеет значение, — она содрогнулась. — Я не знаю, на что похожа Черная магия, — произнесла она более тихо. — Но здесь не обошлось без нее.

— Ты осталась у него в комнате? — спросил Рон.

— Рон, ты меня когда-нибудь слушаешь? — резко спросила Джинни.

— Ведь нет, не так ли? — продолжал Рон, взволнованно. — Джинни! Малфой?

— А хорошо звучит, — заметила его сестра со злобной ухмылкой. — Джинни Малфой.

— Джинни, — торопливо произнес Рон, — я хочу, чтобы ты прямо сейчас пообещала мне, что никогда не будешь с Малфоем!

Джинни отломала кусочек тоста и пожала плечами. — Наша любовь запретная, — сказала она.

— Джинни, прекрати мучить Рона, — произнес Гарри, стараясь скрыть улыбку. — Рон, не будь дураком. Я уверен, что Джинни не оставалась в комнате Малфоя дольше, чем требовалось. Джин, что ты имеешь в виду под тем, что его окружала Черная магия.

Джинни нахмурилась:

— У меня просто такое чувство, — сказала она. — С тех пор, как мы были в Потайной комнате, я всегда чувствую что-то подобное, когда рядом Черная магия. Я испытала это чувство и в Косом переулке, после того, как Гермиона встретила Виктора. И я почувствовала это у Малфоя.

— Пожалуй, это не очень удивительно, — сказал Рон, — я имею в виду то, что он провел всю

жизнь среди Черной магии.

— Может быть, — сказал Гарри, постукивая костяшками руки по столу. Он это делал всегда, когда напряженно думал.

— Думаешь, он опасен? — спросил Рон, голос которого звучал довольно беспомощно.

В какой-то степени не желая этого, Гарри думал о мече, Талисмане истинного зла и о той волне холода, которую он почувствовал через руку Драко, когда они использовали Заклинание Правды на Круме.

— Я так не думаю, — произнес он.

— Тем не менее, — сказал Рон, потянувшись к тарелке с тостами. — Точно известно, что он вредный и хладнокровный.

Джинни издала странный звук. Рон поднял глаза и увидел Драко, стоящего в дверном проходе в свитере Миссис Висли непонятного розового цвета и держащего в руках большую зеленую книгу.

— Ой, м-м-м... Тост? — спросил Рон неровным голосом, протягивая Драко тарелку.

— Меня за всю мою жизнь называли по-разному, — произнес Драко, смотря на тарелку. — Но никогда еще не называли вредным, хладнокровным тостом.

Рон смутился.

— Извини, Малфой, — пробормотал он, — но Джинни...

— Рассказала вам о вчерашней ночи, — закончил Драко, холодно посмотрев на Джинни, которая обернулась и тоже посмотрела на него. Он был прав, говоря, что не любит розовый, думала Джинни. Этот цвет ему не идет. Он плохо смотрелся вместе с его светлыми волосами, так что Драко теперь был похож на замороженный праздничный торт. — У меня был ночной кошмар, — сказал он. — Что в этом такого?

— Мне всегда снятся кошмары, — ответил Гарри. — Но я не часто просыпаюсь весь в крови.

— «Весь» это сильно сказано, — заметил Драко, садясь за стол, — скорее... слегка испачкан.

— О, верно, — саркастически заметил Рон, — тогда это не странно, это совсем не важно.

— Точно, — произнес Драко, игнорируя взгляд Рона, выражавший дикое сомнение, и повернулся к Гарри. — Поттер, — сказал он, — у меня есть идея. Он поднял руку в сторону Рона, который, казалось, собирался что-то сказать. — И больше никакого сарказма, пожалуйста.

— Хорошо, — сказал Гарри, — какая идея?

— Эпициклическое Заклинание, — сказал Драко, — мое Эпициклическое заклинание. Оно никогда еще не проверялось на практике, но, теоретически, где бы я ни был в мире, Гермиона может меня найти с его помощью. Я знаю, что она могла найти меня в Хогвартсе, где угодно, она его несколько раз использовала.

— Но это действует, только если она пытается тебя найти, — сказал Гарри, — никак иначе.

— Да, это так, но если существует только одно Эпическое Заклинание, — сказал Драко. Он указал на зеленую книгу, которую держал в руках, ту самую, которую призвал прошлой ночью. Это была копия Эпической разработки колдовства, принадлежащая его отцу. — Но если мы сделаем еще одно Заклинание, то два Заклинания могут найти друг друга.

Гарри, Рон и Джинни уставились на него.

— Еще одно Эпициклическое заклинание? — просил Гарри с недоверием, — но это разве не сложно и опасно?

— Не совсем, — сказал Драко. — Я немного старше, поэтому будет труднее, но должно быть достаточно эффективно. Я с радостью пожертвую собой, если это поможет.

— Не значит ли это, что мы можем выбить тебе зубы? — заинтересованно спросил Рон.

— Я бы посмотрел, как бы у тебя это получилось, Висли, — сказал Драко. — Я подумывал о пряди волос.

— Хм, у нас все есть, что требуется для заклинания? — спросил Гарри.

— Нет, не все, — заключил Драко, — еще не все. Нам нужно немного того, что принадлежит человеку, шерсть волка и Око Тезала.

— Э-э, что? — спросила Джинни.

— Око Тезала, — повторил Драко. — Оно используется в заклинаниях трансфигурации и трансформации. Оно связано с перенесением души. Его нетрудно использовать, но тяжело его достать. Полагаю, что у отца есть подобная штука, но я не представляю, где он мог ее хранить.

— Тогда, куда нам надо пойти, чтобы это достать? — спросил Гарри. — Это одна из тех вещей, которые можно приобрести в Косом переулке?

— Вообще-то, нет, — сказал Драко, — но это одна из тех вещей, которые должны быть в кабинете у учителя по трансфигурации.

— Лупин, — произнес Гарри, — Он никогда не позволит нам взять что-то вроде этого.

— Это верно, — согласился Драко. — Поэтому мы попробуем в его кабинет и возьмем Око сами. В любом случае, нам надо вернуться в школу, и пока мы там будем...

Гарри удивленно переспросил:

— Нам надо вернуться в школу?

— Конечно, — ответил Драко таким тоном, будто это было очевидно, — нам надо достать мой меч.

Гарри со скрежетом отодвинул свой стул от стола.

— Ни за что, — уверенно сказал он, — мы не понесем с собой это.

Серые глаза Драко вспыхнули от злости:

— Почему нет?

— Потому что, — ответил ему Гарри таким же тоном, говорящим, что это очевидно. — Это зло. Эта вещь принадлежит злу, и я не хочу, чтобы это было рядом со мной.

— Это очень сильное оружие, — сказал Драко. — Мы не можем и представить, насколько оно могущественно.

— Да уж, — согласился Гарри, — потому что оно действительно ужасно.

— Ты этого не знаешь, — уверенно произнес Драко. — Даже Лупин этого не знает. Он сказал, что ему нужно закончить тестировать его. Это меч магида, — добавил Драко. — И я являюсь магидом, он принадлежал моим предкам, он принадлежал моей семье многие поколения и я хочу, чтобы он был у меня.

Гарри неожиданно услышал в голове голос Гермионы, вспомнил то, что она ему говорила пару недель назад — прошло только две недели? «Разве Дамблдор не говорил тебе, что люди выбирают то, что хуже для них.» «Да, — ответил Гарри, — но не все».

— Малфой... — начал было он, но Драко встал из-за стола и посмотрел на них с нескрываемой злостью в глазах. — Слушайте, — сказал он, — я не знаю, против чего мы боремся, впрочем, как и вы. Но, судя по тому, что мы видели, мы столкнулись с серьезной Черной магией. Этот меч — дар, Поттер. Он может поразить все. Черный Лорд может быть им уничтожен. Лупин говорил об этом.

Теперь Гарри, казалось, разозлился.

— Ты, разве, не помнишь книги, — заметил он. — Ты можешь воспользоваться мечом, только заплатив за это.

— Я Малфой, — сказал Драко, — мы не интересуемся ценами. Он невесело ухмыльнулся: — я могу себе это позволить.

— Не думаю, что можешь, — произнес Гарри.

Джинни смотрела то на одного, то на другого. Драко и Гарри не спускали друг с друга глаз, Драко весь раскраснелся, на его щеках выступили алые пятна, Гарри же был бледен.

— Что если не ты один заплатишь эту цену, Малфой? — спросил ровным тоном Гарри. — Что, если кто-то еще заплатит? Что, если этим кем-то будет... Он почти сказал Гермиона, но он не хотел походить на Драко, не хотел использовать имя Гермионы, чтобы убедить оппонента. — Я сам? — заключил он.

Глаза Драко сверкнули:

— Я воспользуюсь этой возможностью, — произнес он.

Теперь заговорил Рон:

— Ты мерзавец, Малфой, — сказал он спокойно.

Драко не посмотрел на него, он продолжал смотреть только на Гарри.

— Что, если она в опасности и меч — единственный способ спасти ее? — сказал он. — Ты хочешь рискнуть или ждать не произойдет ли чего-нибудь с ней, что мы могли бы предотвратить, если бы ты не был столь щепетильным.

Гарри постукивал пальцами по столу и когда он заговорил, казалось, он прилагал к этому усилия.

— *Щепетильным*, — повторил он слабо. — Надеюсь, ты вспомнишь свои слова, когда кого-нибудь

из нас будет убит.

На время повисло молчание. Затем Драко произнес, смотря в сторону:

— Если ты мне не веришь, тогда можете идти без меня, — его слова звучали одновременно и печально, и зло. Джинни сомневалась, что он знал, как печально прозвучали его слова, если бы он это знал, то, вероятно, ничего бы не сказал.

— Я не доверяю тебе, Малфой, — тихо сказал Гарри. — Но я не хочу идти без тебя.

Он посмотрел на свою руку со шрамом, потом перевел взгляд на Драко:

— Судя по тому, что мы сделали с Крумом, сила, которой мы обладаем вместе намного больше той, которая у нас есть поодиночке. Может быть, ты прав, говоря о том, что надо использовать все, что возможно.

— Я прав, — сказал Драко, с облегчением. Атмосфера напряженности улетучилась так же быстро, как и появилась.

— Вот увидишь, — сказал он Гарри, — мы сначала поедem в школу, возьмем там меч, затем, отправимся за Гермионой.

Он выпрямился и заговорил с холодной решимостью в голосе:

— Мне все равно, что мне придется сделать. Мне все равно у Черного Лорда она или нет. Но если он причинит ей зло, слуги будут искать его тело годами.

Драко замолчал. Гарри, Джинни и Рон уставились на него со странным выражением на лицах.

— Ладно, — сказал он, — это звучало бы более устрашающе, если бы я не был в этом непонятном розовом свитере, так?

Гарри кивнул.

— Все же, это было убедительно, — вмешалась Джинни. — И мне особенно понравилась та часть, где говорилось о том, что они будут искать его тело годами. Это было очень эффектно.

— Я все еще считаю, что я прав, — произнес Драко, удовлетворенный ее реакцией на речь.

— И я все еще думаю, что ты сумасшедший, — сказал Гарри, — и, вероятно, злой. Но очевидно, что ты настроен решительно, и я этим восхищаюсь.

Он улыбнулся. Это был первый раз за весь день, когда он улыбался:

— Это тебе подходит, Малфой.

— Действительно, — неожиданно согласилась Джинни, — но этот свитер точно тебе не идет.

— Смотри, Рон, — сказала Джинни с усмешкой. — Сущность Малфоя. Это фуксин (красная анилиновая краска).

Она помешала закипающее в котле зелье палочкой и посмотрела на Рона. Он сидел на краю кровати Гарри и вяло резал крылья жуков для зелья, потом он их толкал при помощи ступки и пестика, стараясь при этом не зевать. Сразу после завтрака они сели на метлы и прибыли в школу Гарри и Драко, когда было еще раннее утро. Все их четыре метлы теперь стояли у стены, напротив кровати Гарри. Драко и Поттер тем временем, спрятавшись под мантией-невидимкой, уже прокрались вниз к кабинету Лупина. Джинни хотела их спросить, что они будут делать, если Лупин будет у себя в кабинете, но передумала. Она решила, что это их проблема, а приготовление зелья — ее. Она в школе успешно с этим справлялась, поэтому сейчас это для нее было на удивление просто.

Но сложности появятся позже, с того момента, когда эпический процесс станет комбинацией в равных пропорциях зелья, заклятия и заклинания трансфигурации. Но в данный момент, зелье, которое являлось первой стадией, уже содержало несколько ключевых компонентов, среди которых была кровь Драко. Заклинание должно было содержать в себе его волосы (он дал ей локон своих волос для зелья, они были настолько тонкими и серебряными, что не были похожи на волосы человека).

— Это не фуксин, — заключил Рон, вновь широко зевая. — Это фуксия, которая, достаточно ужасно выглядит.

— Рон, тебе надо растереть жуков, а не просто их потолочь, — отчитала его Джинни.

— Я не могу это сделать, — сказал Рон угрюмо, — я никак не могу отделаться от чувства, что мы это все делаем ради выгоды Малфоя. И чтобы Гарри не говорил, я все еще ненавижу его выдержку и хладнокровие.

Джинни слегка улыбнулась:

— Это ради Гермионы, Рон, — сказала она. — Почему бы нам не поменяться, я продолжу толочь жуков, а ты будешь помешивать зелье? В любом случае, тебе надо переключиться на что-то другое.

Рон согласился без вопросов, и как только они поменялись местами, дверь в комнату распахнулась, Гарри и Драко, с очень встревоженными лицами, влетели внутрь.

— Он там! — сказал Гарри в смятении. — Почему он там? У него разве нет сейчас урока?

— Ублюдок, — сказал Рон, — что это он делает в своем собственном кабинете?

Гарри постукивал в задумчивости костяшками пальцев. — Нам необходимо его оттуда выманить, — сказал он, — но как? Если один из нас это сделает, то Лупин подумает, что мы пытаемся проникнуть в его кабинет и забрать меч. И... — добавил он, — он будет прав.

Драко перестал шагать взад — вперед по комнате. — У меня есть идея, — сказал он. — О, теперь их у меня даже две.

Рон с любопытством повернулся к нему и случайно толкнул котел, немного жидкости выплеснулось на пол.

— Так, я протестую, — произнес Драко. — Висли, держи свои корявые руки подальше от зелья. Ты размешиваешь там мою душу, и ты это знаешь. Там моя жизненная сущность, мое бытие, это...

— Потрясающее новое моющее средство! — закончил Рон, смотря на пол, куда капнуло зельем. В этом месте образовалась дыра, был прожжен ковер и половина каменного перекрытия. — Я никогда раньше ничего подобного не видел. Это жутко токсично.

Они все с любопытством уставились на дыру.

— Я отказываюсь рассматривать это, как отражение моей сущности, — сказал Драко, смотря на прожженный ковер.

— И это твое право, — произнес Гарри. — Так что у тебя была за идея?

Драко взглянул на него в изумлении:

— Сейчас ты все поймешь, Поттер, — сказал он, взявшись за дверную ручку. — Подождите, я скоро вернусь...

У Флёр была своя отдельная комната в школе. В данный момент, она была наполнена нереально маленькими, хрупкими, ярко окрашенными бабочками, которых она наколдовала для себя. Когда Драко зашел к ней, пятнадцать синих бабочек тут же село ему на голову, и еще несколько розовых оказалось на его плечах.

— О, — произнесла Флёр, посмотрев на него, — как это восхитительно.

С трудом Драко сдержался и не закричал: *Убери этих чертовых бабочек с меня!*

— Не могла бы ты мне оказать одну услугу, — сказал он вместо этого, не спуская взгляда с Флёр, которая сидела на кровати, вытянув перед собой ноги и касаясь каждого ногтя своей серебряной, длинной палочкой, что окрашивало их в различные оттенки розового.

— Мне надо, чтобы ты выманила профессора Лупина из его кабинета. Лишь на несколько минут, — добавил он, видя ее сомнение. — Ну, я думал, что он тебе нравится.

— Он мне нравился, сказала Флёр, окрашивая большой ноготь на левой ноге в розово-лиловый цвет. — Но с тех пор я изменила свое мнение о нем. Он симпатичный, но слишком... неинтересный.

Драко прикусил губу от расстройства:

— Флёр, он — оборотень. Насколько интересным он может быть?

— Он скучный, — сказала Флёр уверенно, — он скучный, обычный и англичанин. Не такой как ты, — быстро добавила она. — Ты англичанин, но с французскими чувствами, — усмехнулась она. — И в тебе течет кровь вил, ты не скучный, а Лупин нагоняет на меня тоску.

— Это свойство всех учителей, — сказал Драко, надеясь, что его голос звучит убедительно, — серьезен днем, возможно, по ночам он расслабляется, пьет, распутничает и устраивает беспредел.

Флёр сморщила свой маленький носик. — Я не верю тебе, — произнесла она.

— Ну, Флёр, сделай это ради меня, — сказал он, слегка вздрогнув. Лорд его знает, что она может попросить взамен. — Пожалуйста?

Она внимательно на него посмотрела, затем встала, убирая назад свои длинные серебряные волосы. — Хорошо, — сказала она, без особого энтузиазма. — Я сделаю это ради тебя, но ты... —

она положила руку на его плечо и задержала ее там несколько дольше, чем было нужно, — ты будешь мне должен, Драко Малфой.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — спросил Гарри с тенью сомнения в голосе.

Драко было неудобно под мантией-невидимкой. Она была большой, но было сложно спрятаться под ней вчетвером посреди коридора.

— А почему нет?

— Ну, — произнес Гарри, — в любом случае, если даже это не сработает, у нас будут проблемы, а если сработает, тогда у меня есть для тебе два слова.

— Это случайно не слова «тюрьма» и «залог». Я заранее знаю, что ты скажешь, Поттер, — сказал Драко.

— И?

— И ей 20 лет! Ладно, почти 20. Она имеет право, все нормально.

— Это НЕ нормально, — раздраженно сказал Рон.

— Почему нет?

— Потому что он очень, очень стар и это неправильно, — твердо заявил Рон.

— Он не так уж и стар, — сказала Джинни.

Мантия немного затрещала, так как Гарри, Рон и Драко попытались одновременно посмотреть на Джинни, пока не поняли, что это невозможно. Гарри был практически уверен, что судя по голосу, она улыбалась.

— Не так уж, — настаивала Джинни.

— Джинни, — сказал Рон настороженным тоном.

— Он привлекателен, в общем-то, — произнесла она.

— Может вернуться назад, поговорить о дементорах на заднем дворе? — спросил Рон. — Потому что это меня бесит.

В это время Флёр показала из-за угла. Она была в подчеркивающей фигуру серебряной мантии. Остановилась у двери кабинета Лупина и, подмигнув в их направлении, она постучалась. Ребята видели, как Флёр открывает дверь и заглядывает в кабинет. Что она говорила было не слышно, но через мгновение Лупин, выглядевший довольно рассеянным и явно удивленным, появился у двери.

— Почему мы не можем поговорить о твоей домашней работе в моем кабинете? — спросил он, выходя в коридор и закрывая за собой дверь.

— Намного приятнее идти и разговаривать, — сказала Флёр, взяв его под руку.

— Ну, если ты так считаешь, — с сомнением произнес Лупин.

— Кто-нибудь вам говорил, что вы хороший учитель? — спросила Флёр, стараясь увести его дальше по коридору.

— О да, мне это часто говорят, — сказал он, проходя мимо невидимых Рона, Драко, Гарри и Джинни.

— Кто-нибудь вам говорил, что вы также очень привлекательны?

— Э-э... — произнес Лупин несколько испуганным тоном, когда они скрылись за поворотом, — нет, по некоторым причинам это обычно опускается.

И они ушли. Несмотря на то, что он не мог видеть лица друзей, Гарри чувствовал, что все вокруг него содрогаются от смеха. Смеялся даже Рон. Это было похоже на небольшое землетрясение, в эпицентре которого он оказался.

— Ш-ш-ш, — прошипел он, стараясь удержаться от нового приступа смеха.

— Ш-ш-ш, подождите, пока мы не зайдём в кабинет...

Попав внутрь, Гарри сразу скинул с них мантию-невидимку, позволяя тем самым Драко, который уже чуть ли не плакал от смеха, облокотиться на стол.

— Я практически люблю Флёр, — наконец произнес он, стараясь успокоиться. — «Кто-нибудь вам говорил, что вы очень привлекательны?»

Джинни покачала головой:

— Бедняга, он не заслуживает такого обращения с собой.

— На это есть причины, Джинни, — смеясь, сказал Рон. — В любом случае, та ревность, которую он мог бы испытывать к Флёр, кажется, исчезла. — Эй, Малфой, — добавил он, — что ты делаешь?

— Достану необходимые составляющие, — ответил Драко, согнувшись у книжного шкафа Лупина. — Это тут... во, достал...

Он вытащил маленький голубой пузырек, откупорил его и понюхал, скривясь от запаха. — Шерсть волка, — произнес он и протянул это Гарри, который украдкой поглядел на пузырек и передал Джинни. — То, что от человека у нас есть наверху... и-и-и... вот оно... Око Тезала.

— Это шар со снегом, Малфой, — сказал Гарри. — Но хорошая попытка. Нимфа в шаре подмигнула Драко, когда он ставил его обратно.

— Извините, — произнес он, продолжая смеяться. — Верно, — сказал он через мгновение, — держи.

И он протянул Гарри что-то, что имело вид черного стеклянного теннисного мячика.

— Ты уверен? — спросил Гарри, внимательно посмотрев на Драко.

— Если это не Око Тезала, то, в таком случае, я взорвусь в прямом смысле этого слова, — сказал Драко, — поэтому да, я уверен.

— Взорвешься? — повторила Джинни, побледнев также как Гарри. Драко театрально провел рукой.

— Такое иногда случается, — сказал он. — Просто закончи зелье правильно и со всеми нами все будет в порядке. Джинни посмотрела на Рона, который весьма заметно занервничал.

— Я не знаю...

— Просто сделай это, — сказал Драко, скрывшись за столом Лупина. — И побыстрей. Нам надо отсюда выбираться. Почему бы вам двоим не вернуться в комнату, мы придем туда через несколько минут. Возьмите мантию-невидимку. Он выглянул из-за стола и увидел всех троих, готовящихся уйти и быстро добавил:

— Поттер, ты остаешься здесь со мной.

Гарри задумался:

— Хорошо, — сказал он, возвращаясь в кабинет.

Рон и Джинни посмотрели на него, укутались в мантию и исчезли в ту же секунду. Дверь кабинета открылась и вновь закрылась за ними, Гарри обернулся к Драко, который показался из-за стола Лупина, вытаскивая ящик, в котором хранился меч Слитерина. Глаза его горели, и Гарри почувствовал, как его пронзило неопределенное дурное предчувствие.

— Ну, Поттер, — сказал Драко, — помоги мне открыть эту штуку.

— Я думала, что Черная Метка это знак Вольдеморта, — сказала Гермиона. Она решила, что нет смысла не произносить имя Вольдеморта, учитывая то, что ее похитил самый ужасный волшебник, из существовавших когда-либо. Слитерин, которому, видимо, палочка была не нужна (*Конечно нет*, подумала она, *он же магид, как и Гарри*) связал ее руку с рукой Червехвоста и приказал им следовать за ним. Они втроем шли по длинному каменному коридору, Гермиона не представляла, куда он мог их вести. Слитерин шел, конечно, впереди, а она и Червехвост следовали за ним.

— Не он ее изобрел, — сказал Червехвост, не скрывая своего самодовольства, — Она сначала принадлежала Слитерину. Почти все Черный Лорд перенял у Слитерина.

— Твои слова звучат ужасно самодовольно, — сказала Гермиона. — Ты не боишься, что Волдеморт будет на тебя зол, когда узнает, что ты его предал?

— Нет, — ответил Червехвост, и его ухмылка растянулась в неприятную гримасу, — потому что он мертв.

— *Мертв?* — ошарашено повторила Гермиона. — Он не может быть мертвым!

— Почему нет? — спросил Червехвост. Он все еще ухмылялся. — Старое возвращается, новое проходит, — добавил он хихикая. — Если ты еще не заметила, — продолжал он, — история повторяется снова. Этому нет смысла препятствовать. Все это уже было предсказано. Дамблдор знает это. Почему ты думаешь, что...

Он умолк, Салазар Слитерин остановился и повернулся к ним. Его худое лицо было безразлично. Они пришли к концу коридора, который вел в большую круглую комнату, где было развешено

множество гобеленов.

— Червехвост, — сказал Слитерин. — Пожалуйста, подожди нас у выхода из коридора. Я хочу показать кое-что моей гостье. Он направил руку на Гермину, и веревки, связывающие ее с Червехвостом, исчезли. — Иди сюда, — приказал ей Салазар. Она приблизилась к нему, не слишком радуясь тому, что Червехвост ушел.

— Я хотел, чтобы ты это увидела, — сказал Слитерин, указывая на самый большой гобелен, висящий на стене напротив. — Может быть, это поможет тебе понять.

На гобелене было изображено четыре фигуры, стоящие рядом под сплетенным арочным проходом. Они были молоды, возможно, не старше двадцати лет. Они все смотрели на Гермину, улыбаясь, словно позировали для фотографии. Мужчину слева она узнала сразу. Его портрет висел в гриффиндорской гостиной. Высокий и красивый, темноволосый, одет в золотое и алое. Годрик Гриффиндор был поразительно похож на Гарри.

Затем стояла слегка полная женщина, рыжеволосая, по видимому, очень добрая, в желтой мантии. Она напомнила Гермионе миссис Висли. Конечно, это была Хельга Хаффлпафф.

Затем был еще один мужчина. Он не был так же высок, как Годрик, но был уверен в своем могуществе. У него были темные волосы и неприятная, злая улыбка. Если бы не ухмылка, то можно было бы сказать, что он действительно красив. Мужчина был в серой атласной мантии с черным, змеи, сделанные из серебра, обвивали запястья. Его глаза были стальными и отливали холодным блеском. Он был одним из тех великих, кого Червехвост называл Хогвартской Четверкой. Но он не выглядел, как человек, гордящийся своим величием. Он выглядел невероятно несчастным.

Но на гобелене была еще одна женщина, приковывавшая к себе внимание, стоявшая между Слитерином и Гриффиндором, она была в темно-синей мантии. В руках она держала книги, а ее вьющиеся волосы, заплетенные в косы, были уложены вокруг головы. На щеке виднелось чернильное пятно, но это не портило общий вид гобелена. Она была привлекательна, в ней не было ничего особенного, но она выглядела как-то... очень живой. Не *похожа ли она на меня?* — думала Гермина в смятении. — *Да, немного* — заключила она. Конечно, они не были точной копией друг друга. Глаза Ровены Рэйвенкло были голубыми, но что-то было... определенно что-то было...

Конечно, это не делало Салазара Слитерина, или того, что от него осталось, менее сумасшедшим. Он посмотрел на нее, и она увидела Черную метку, яркую и ужасную, вытатуированную на его ничего не выражающем лице. Она содрогалась при виде его, но это была не та дрожь, которую она испытывала при виде Волдеморта. Салазар Слитерин был довольно ужасен, чтобы считать его высшим злом, и не было сомнения в том, что она его боялась. И опять Гермина почувствовала, в каком-то роде... жалость к нему. Совсем немного, но все же...

— Сейчас, — сказал он, — я хочу рассказать тебе одну историю.

Драко откинул свои волосы с лица и тяжело вздохнул. Ящик никак не реагировал на их действия. Драко уже использовал Открывающие заклинания, Дробящие Чары, осмелился попробовать Крушащие Заклинания, держа вдвоем с Гарри палочку. Ничего не действовало. Драко хотел уже попробовать Ураганное заклинание, но Гарри убедил его, что оно с трудом поддается контролю, и их просто может выкинуть из окна. Поэтому Драко оставил надежду открыть ящик с помощью магии и стал пытаться его разломать, долбя им по стене. Это не привело ни к чему, кроме боли в запястьях. В бешенстве, он бросил ящик на пол и начал по нему прыгать, проклиная всех и вся. Когда он, наконец, поднял голову, тяжело дыша, он увидел хихикающего Гарри.

— Что? — спросил растерянно Драко. — В чем дело?

— Ты очень смешно выглядишь, — ответил Гарри, не в силах сдержаться от смеха. Драко, задумавшись, остановился: — Правда?

— Да, правда, — подтвердил Гарри. — Ничто меня не заставляло так смеяться все эти дни.

Драко перестал прыгать и посмотрел на Гарри со странным выражением лица:

— Я тебя заставляю смеяться?

Гарри пожал плечами:

— В этом нет ничего особо выдающегося, Малфой.

— Просто, — заметил Драко, — я чувствую себя виноватым.

— Виноватым? — с трудом повторил Гарри. — В чем?

Драко сошел с ящика, нагнулся, чтобы поднять его и подошел к Гарри, который с беспокойством смотрел на него.

— Поттер, — начал Драко, — мне надо тебе кое-что сказать. Гарри удивленно посмотрел на него. Драко держал в руках ящик, прижав к груди, будто ребенка, и его глаза были широко открыты и воспалены. Гарри в жизни не видел подобного выражения лица, как сейчас было у Драко. Он выглядел так, будто только что проглотил гвоздь.

— Что-что тебе надо мне сказать, Малфой? — спросил Гарри. — С тобой все в порядке? Ты умираешь? Что?

— Это связано с Гермионой, — сказал Драко. — Я просто... ты так верил, что мы с Гермионой друзья, что я начал чувствовать вину. В смысле, ничего особенного не было, было только однажды...

Гарри уставился на него:

— Было однажды ЧТО?

Драко, очевидно, был смущен:

— Ну, Поттер, не заставляй меня произнести это.

— Нет, — сказал Гарри холодным тоном. — Произнеси. Произнеси, потому что я не понимаю тебя.

— Слушай, — сказал Драко, — это было только один раз, думаю, ей тоже было стыдно за себя. Знаешь, это не значит то, что она тебя не любит.

— Если ты имеешь ввиду то, о чем я подумал, — отрывисто произнес Гарри. — Я тебе не верю, — заключил он. — Просто не верю.

— Правда? — спросил, улыбаясь, как довольный кот, Драко. — Тогда почему твой маленький детектор лжи замер? Твой... плутоскоп. Гарри опустил взгляд вниз, действительно, плутоскоп не двигался.

— Извини, Поттер, — сказал Драко, — такое, бывает, случается.

— Извини? — повторил, задыхаясь от эмоций, Гарри. — *Извини?* И это все, что ты можешь мне сказать? Почему... почему никто из вас мне не сказал этого раньше?

Драко пожал плечами:

— Мы никак не могли придумать как лучше тебе об этом сказать, — произнес он. — В конце концов, Гермиона решила, что лучше вообще тебе не говорить. Возможно, она была права, — добавил он, в сомнении смотря на Гарри. — Ты это явно нормально не воспринял...

Черные пятна мелькали перед глазами Гарри. Он мог вспомнить, когда он был настолько зол лишь пару раз в жизни, и лишь перед Волдемортом. «Он лжет, — сказал он сам себе — но, тогда почему Плутоскоп не двигается? Гермиона этого бы никогда не сделала. *Но, тогда почему Плутоскоп не двигается?* я всегда думал, что буду первым — единственным — это объясняет то, почему она писала ему все эти письма, каждый день новое письмо, я знал, что это не было *нормально...*»

— Эй, — произнес Драко, и его голос, казалось, звучал откуда-то издалека, — Помнишь, Поттер. Контроль, контроль и еще раз контроль...

БАМ!!!

Шар со снегом внутри на столе Лупина взорвался подобно бомбе, вся вода и искусственный снег оказались на бумагах Лупина. Нимфа из снежного шара закричала. Драко увидел трещины на оконном стекле, бокал для вина разлетелся вдребезги. *Дай ему достаточно разозлиться*, убеждал он себя. *Дай ему достаточно разозлиться...*

КРАК!!!

И Драко успел увернуться, когда ящик в его руках треснул и раскололся пополам, при этом раздался звук, будто ломаются кости. *Сработало!* Он бросил ящик с мечом, от удара ящик разлетелся на куски. Драко схватил Гарри за край рубашки.

— Я соврал, — крикнул он ему, стараясь перекрыть звук бьющегося стекла и вой ветра. — *Я соврал!*

Гарри резко повернулся:

— Ты что сделал?

— Я соврал! Конечно, я соврал! Теперь останови это!

— Ты просто испугался, — сказал Гарри, прикрыв глаза в тот момент, когда держатель для бумаг

пролетел по комнате и врезался в стену в сантиметре от головы Драко. У Драко сложилось впечатление, что Гарри в каком-то смысле наслаждался, разрушая все в ярости.

— Не будь идиотом! — крикнул Драко. — Ты думаешь, что если бы я переспал с Гермионой, я бы стал об этом говорить именно сейчас? И когда бы у нас было время на это? Вы всегда вместе. Подумай логически, Поттер!

— Что тогда с моим плутоскопом? — упрямо закричал Гарри. — Почему он не двигался?

— Потому что он в твоём пиджаке наверху! — ответил Драко, — *Pillock!*

Вдруг воцарилось молчание, лишь слегка позвякивали разбитые стекла на полу и раздавался тоненький, разозленный голосок нимфы из снежного шара, которая проклинала их обоих. Гарри этого не слышал, он не спускал глаз с Драко, полностью шокированный его словами: — Но зачем?

Он тоже, оглядел кабинет Лупина: везде была вода, разорванные в клочья бумаги, раздолбанная оконная рама. Меч лежал у ног Драко, блестящий и серебряный, такой же, каким они его увидели впервые той ночью, когда нашли. Драко наклонился и поднял меч, взяв его за рукоятку, показал его Гарри, который уставился на него.

— О, — произнес Гарри, когда до него дошло «зачем», — О.

Он посмотрел на Драко:

— Ты, грязный ублюдок, — сказал он, — но без особого воодушевления. — Ты не мог придумать ничего другого?

— Извини, — без малейшего раскаяния ответил Драко, — ты сказал, что мы можем использовать все, что возможно.

Гарри покачал головой:

— Я ненавижу упрощать тебе жизнь, — сказал он, — правда, ненавижу.

— Просто как отнять конфетку у ребенка, — сказал Драко, хихикая, затем посмотрел на свои руки, которые были все в крови, поцарапанные осколками ящика. — Правда, — добавил он, — очень большого и злого ребенка.

— Я очень устал сейчас, чтобы с тобой разбираться, Малфой, — сказал спокойно Гарри. — Но будь уверен, я тебе это припомню.

Драко не мог понять шутит он, или нет.

— Буду ждать, — ответил он. — А теперь, пойдем-ка отсюда, пока Лупин не отделался от Флёр и не вернулся, — он пожал плечами. — Или хуже того, пока они не вернулись вместе.

Когда они вернулись в спальню, то обнаружили Рона с Джинни на полу перед котлом. Джинни аккуратно доставала что-то оттуда. Она обернулась, услышав, что они вошли, и слегка улыбнулась. Медальон, который она сделала, был красивым и выглядел не смертельно опасным, как тот, который сделал Люций. Он не был идеальным кругом, а был продолговатым.

— Он еще не готов, — сказала Джинни. — Вот, — она протянула его Драко. — Держи. Мне надо сделать последнее заклинание.

Он держал медальон, пока она направляла палочку. Длинная прядь рыжих волос упала ей на лицо, она нетерпеливо ее убрала: — *Ullus res muta. Anima irreti. Sanguinum ad vitrum transmuta!* Появилась яркая вспышка света, и медальон вздрогнул в его руке.

— Готово, — произнесла Джинни.

Драко встал, не отводя глаз от медальона, который, подобно тому другому, был прозрачный, только в этом был локон его волос, а в том — зуб. «Теперь существует в мире две вещи, которые могут меня убить», — мрачно думал он. «Первая из них у Гермионы. кому я могу достаточно доверять, чтобы доверить вторую?» Он чувствовал на себе взгляд остальных, когда подходил к окну, держа в руке медальон. Драко остановился и выглянул в окно. Затем он закрыл глаза, позволяя всему остальному исчезнуть, так он делал, когда был ребенком и сидел запертый в шкафу для одежды в своей спальне. Он чувствовал, как этот медальон бьется, подобно маленькому сердцу, но, в то же время, он знал, что он чувствует ничто иное, как свой пульс. Он сконцентрировался на этом, сжимая медальон крепче, крепче...

Круглая башня окружена деревьями. Ее стены очень древние, местами почерневшие, будто башня когда-то горела. Птиц нет. Быстро промелькнули картинки: пустая комната, пол в

которой был покрыт соломой, человек с серебряной рукой, коридор, украшенный гобеленами, и Гермиона, чьи темные глаза с тревогой смотрели на него.

Где ты? Где ты?

Он открыл глаза, обернулся и встретился взглядом с Гарри.

— На юг, — сказал он. — Мы идем на юг.

Глава 4. Дракон и Адмантин

Во время полёта, Драко понял, что Эпициклический амулет работает примерно как компас. Каждые двадцать миль Драко останавливался и настраивал его. И поэтому он, конечно, летел первым, а остальные следовали за ним. Гарри летел вторым, потом Джинни и позади всех Рон. Они летели над лесистой местностью уже несколько часов, едва не касаясь макушек деревьев. Через час Малфой опять остановился и дотронулся до амулета. И опять его посетило то же самое видение: лес, полусожжённый замок, и круглая башня. И Гермиона. Драко чувствовал, что лес в видении был тем же самым лесом, над которым они сейчас летели.

Он посмотрел на Гарри, Рона и Джинни, которые летели несколько дальше, чем он сам. И почувствовал некое чувство самодовольства: они никогда не смогут найти путь к Гермионе без него. Даже великий Гарри Поттер.

Драко уже хотел сказать, что они уже близко, как вдруг заметил какое-то постороннее движение и посмотрел вниз. Было очень сложно смотреть сквозь толстый навес перемешанных ветвей, но он всё-таки разглядел... линию идущих тёмных фигур, это было подобно столбцу огромных муравьёв, петляющих между деревьями. Были ли это люди? Но эти... существа больше смахивали на каких-то странных животных.

Драко наклонился вперёд, пытаясь увидеть больше, но лишь холодная, иссушающая все чувства волна, вдруг нахлынула на него. Драко вернулся в вертикальное положение, но холод нигде не исчез. Он раньше никогда не чувствовал ничего подобного, Драко ощущал какое-то подобие боли... словно кто-то разрезал и сжигал его внутренности. Испугавшись, Драко попытался крикнуть что-то Гарри, но он не мог услышать даже собственного голоса. Внезапно Драко услышал или даже скорее почувствовал другой вопль у себя в голове. Он сразу узнал этот голос.

— ТЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЙ СЫН! — Это был Люций, отец Драко.

— Я ЕЩЁ МОЛОДОЙ И МОГУ ИМЕТЬ МНОГО ДЕТЕЙ.

Драко сжал свою метлу. Меня это не волнует, пытался объяснить он это как своему отцу, так и самому себе. Тут голос Люция Малфоя стал звучать более приглушенно, но Драко не стало легче, потому что этот голос сменился множеством других голосов, голосов, которые он не знал. Эти голоса кричали, и кричали от боли. Драко осознал, что эти голоса он помнил из его снов, но один голос, хриплый и гневный, словно возвышающийся над всеми другими, причинял гораздо больше боли, чем все вместе взятые:

— ТЫ ЛГАЛА МНЕ! ЛГАЛА!

— Я НИКОГДА НЕ ЛГАЛА ТЕБЕ! — Раздраженно кричал другой, женский, голос — ТЫ САМ ПОВЕРИЛ В ЭТО, ПОТОМУ ЧТО ЭТО БЫЛО ТО, ВО ЧТО ТЫ ХОТЕЛ ВЕРИТЬ!

— ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО СКАЗАЛА ТАК. НЕ ДУМАЙ, ЧТО Я НЕ МОГУ ПРИЧИНИТЬ ТЕБЕ ВРЕД. НИКТО НЕ МОЖЕТ ТАК РАНИТЬ ТЕБЯ, КАК МОГУ СДЕЛАТЬ ЭТО Я.

— НЕТ! НЕТ! — Вновь закричал незнакомый женский голос, — ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С НИМ? ГДЕ ОН? САЛАЗАР, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ЕМУ?

Драко обхватил свои уши руками, но крик никак не хотел уходить из его головы. Но хуже всего было то, что этот ужасный крик накрывал его черным туманом. Ледяные пальцы обхватили Драко, вырывая рукоятку метлы из его рук. В своих ногах он увидел небо, а затем все провалилось в пустоту. Он упал.

— Гарри, Гарри! Всё в порядке?

Гарри посмотрел на Рона, который был очень обеспокоен.

— Думаю, да, — ответил Гарри, хотя сам он выглядел бледным и растерянным, — Но не уверен. Клянусь, это были дементоры, — Гарри замедлил ход своей метлы, потом снял очки и протёр глаза.

Рон остановился около него, и секундой позже Джинни сделала то же самое. Гарри задрожал:

— Мне немного холодно, — сказал он.

Но Рон лишь покачал головой:

— А я ничего не чувствую.

— Может быть, — ответил Гарри и изменился в лице, — Малфой! — позвал он, — С тобой всё хорошо?

Рон и Джинни повернулись и проследили за взглядом Гарри, как раз во время, чтобы увидеть Драко, согнутого пополам, как если бы у него вдруг что-то заболело. Но тут Малфой как-то странно наклонился и упал с метлы. Пока Рон и Джинни в ужасе наблюдали за происходящим, Драко летел вниз и быстро исчез в листве деревьев. Джинни чуть не задохнулась то ли от испуга или же от ужаса, она посмотрела на Гарри, но Гарри уже не было на месте. Направляя свою метлу прямо на землю, как будто проделывал финт Вронского, он пулей летел к земле сквозь деревья.

Без задней мысли, Джинни проделала какое-то странное движение, как если бы она хотела полететь за ними, но Рон успел схватить её за запястье.

— Джин, не надо...

— Но Рон мы должны полететь за ними...

— Да, — терпеливо ответил тот, — Но мы не Гарри, мы не можем летать также как он. Ты просто убьёшься.

Всё ещё сжимая руку Джинни, Рон наклонил свою метлу и полетел вниз. Джинни последовала за ним. И вскоре она поняла, что имел в виду Рон. Деревья были так плотно сплетены, что требовалось очень хитро лететь, чтобы не врезаться или не запутаться в ветках. Джинни вспомнила скорость Гарри, с которой он летел вниз и задрожала.

— ПОЖАЛУЙСТА, ПУСТЬ С НИМ БУДЕТ ВСЁ В ПОРЯДКЕ, — молилась Джинни, — И ДРАКО. ПУСТЬ С НИМ ТОЖЕ БУДЕТ ВСЁ В ПОРЯДКЕ.

— Позволь рассказать тебе одну историю, — сказал Салазар Слитерин.

Гермиона посмотрела на его лицо, он смотрел на гобелен с изображением основателей Хогвартса, висевший на стене. Гермиона не могла сказать, на кого он смотрит.

— Ровена, — произнёс Салазар.

Не зная, к ней ли это он обращается, Гермиона стояла не шевелясь.

— Мы росли вместе, — продолжал Слитерин, — Я знал её с самого рождения. Я помню её ещё в колыбели, тогда мне было около пяти лет. Я знал и любил её всё время. Я наблюдал, как она приобретает великую силу и, конечно, мудрость. Тогда у меня совсем не было волшебных навыков. Вплоть до пятнадцати лет я считался позором для своей семьи. Это случилось, когда я признался Ровене в любви, и она ответила мне взаимностью. И это что-то открыло во мне. Я понял, что не только не плохой колдун, но ещё и магид, с просто непревзойденной силой и умением. Я мог говорить на языке чудовищ и животных, я мог контролировать погоду, я мог выполнять различные заклинания, не используя палочки. Но всё это я мог лишь тогда, когда был рядом с Ровеной.

Он поглядел на Гермиону, а его глаза были полны печали и жестокости. Тут Гермиона почувствовала нежелательную жалость, которую она уже испытывала раньше. «ОНИ ДРУЖИЛИ И РОСЛИ ВМЕСТЕ; ОНИ ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА С ДЕТСТВА. КАК ГАРРИ И Я. НО, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ОН СОВСЕМ НЕ БЫЛ ПОХОЖ НА ГАРРИ».

— Ровена была моим источником, — сказал Слитерин, — Наверное, тебе этого не понять. Что ж, это магия, магия тайны. Без Ровены я становился слабее младенца. С Ровеной же я мог завладеть миром.

— Но она не хотела, чтобы вы управляли миром, — медленно произнесла Гермиона, — Не так ли?

— Я делал всё, о чём она просила, — ответил Слитерин хрипло, — Я согласился основать школу, которую она всегда хотела. Я позволил ей основать школу вместе с Гриффиндором и Хуффлупффом, хотя они оба были ужасные дураки. Среди учеников школы я начал искать кого-то, кто мог заменить Ровену, как источника силы. Но таковых не находилось. Тем не менее, чем больше я нуждался в ней, тем больше она отдалялась от меня. Вскоре начал замечать, как она смотрит на Годрика. Ровена смотрела на него так, как она смотрела на меня, когда мы были ещё детьми. Грязный магглорождённый дурак вот, кто он был. И я даже знаю, почему она предпочла его, а не меня. Это случилось, потому что я был слаб, слаб без неё, я не мог выполнить даже обыкновенное призывное заклинание.

Гермиона очень сомневалась в том, что Ровена бросила Слитерина именно поэтому, но держала рот на замке.

— Как только она отдала свою любовь от меня, моя сила стала заканчиваться, и вместе с этим росло и моё отчаяние. Также для меня было невыносимо знать, что Ровена видит таким слабым. Я делал всё... всё, что мог... чтобы вернуть силу...

— И вы начали использовать Чёрную Магию, — медленно произнесла Гермиона.

— Тогда я призвал все силы ада, — сказал Слитерин, — Я решил, что больше не могу полагаться на Ровену. Я хотел усилить свою власть, чтобы встретиться с Годриком лицом к лицу, и без её помощи. Я призвал силы зла, и они вернули мне то, что забрала Ровена, уйдя к Годрику.

— Она перестала любить вас, потому что вы использовали Чёрную магию, а не из-за Годрика! — сказала Гермиона.

— Она должна была любить меня в любом случае, — прохрипел Слитерин, — Ведь я бы любил её независимо от того, что Ровена могла сделать.

Заметив холодную ярость на его лице, Гермиона отступила назад.

— С той силой, которая у меня появилась, я был непобедим, — выговорил Слитерин медленно, — Я решил показать, что стал самым великим волшебником в мире. Я создал армию монстров, и армии людей просто увядали перед ними. Я управлял молнией и громом, я мог расколоть землю на две половинки. Но я бы никогда не уничтожил мир, в котором жила Ровена. И я до сих пор люблю её, даже после всего того, что она сделала мне. В конечном счёте, я вернулся, чтобы найти её, показать ей, кем стал, и почувствовать её гордость. Но она уже была с Годриком, Ровена больше не любила меня. Она посоветовала убраться подальше и оставить их в покое.

Гермиона уже в который раз посмотрела на Салазара Слитерина, проследила за его пристальным взглядом, с которым он смотрел на гобелен, и внезапно поняла, что должно было случиться.

— Вы убили его, — чуть ли не пропищала Гермиона.

— Конечно, я убил его.

Гермиона вздрогнула, но не только потому, что Годрик Гриффиндор был немного похож на Гарри.

— Ровена, должно быть, ненавидела вас, — как-то жёстко произнесла Гермиона, а потом вздохнула, — Или вы убили и её тоже?

— Нет, я не убивал её, — ответил Слитерин, — Я даже не смог взять её жизнь, после всего того, что она отобрала у меня. Я не мог убить её. После этого моя собственная жизнь перестала что-либо значить для меня, и я отдалился от всех, использовал сложную и опасную магию. Эта магия полностью обеспечила мне восхождение над миром, восхождение с другой Ровеной, как источник моей силы...

— Но я не Ровена, — возразила Гермиона дрожащим голосом, — Она умерла тысячу лет тому назад, как и Годрик, и как должны были умереть вы! Вы не должны были возвращаться... никогда!

Чёрные, пустые глаза Слитерина на мгновение остановились на Гермионе. Казалось, что он сейчас улыбнётся:

— Но я вернулся для тебя.

— Твоя сила ушла, когда Ровена разлюбила тебя, — отчаянно произнесла Гермиона, — Тогда должен был быть другой источник твоей силы.

— И это так.

— Но я не хочу, не хочу оставаться с тобой, и ничто не сможет заставить меня сделать это. Даже если ты будешь пытаться меня.

— Это совершенно не нужно, — ответил Слитерин, — Да и к тому же неэффективно. Это может только повредить тебе. Ты станешь моим источником, и если я буду использовать пыточное проклятие, это будет не по законам любви.

— Любви? — разозлилась Гермиона, — Да это просто... отвратительно...

А вот теперь Салазар Слитерин улыбался.

— Ты так на неё похожа на неё — произнёс он, — И когда я немного поработаю с тобой, ты станешь Ровеной. Ровеной, лучше, чем та, которая уже была у меня однажды, — Салазар поднял свою голову и позвал Червехвоста, стоящего прямо за спиной Гермионы.

Через секунду тот уже был рядом со своим новым хозяином. Червехвост как-то фальшиво «улыбался» Гермионе, а его маленькие крысиные глазки искрились:

— Время пришло, хозяин?

— Почти, — ответил Слитерин, — Уведи её обратно в комнату и запири там. Очень скоро время придёт.

Летя только по собственному инстинкту, Гарри спускался всё ниже и ниже, чудом избегая столкновения с деревьями. Преодолев последние ветви, он, наконец, увидел землю. И через несколько секунд Гарри уже стоял на ногах и озирался вокруг. Он оказался на небольшой полянке, окружённой высокими деревьями. Здесь почти не было света, но острое зрение ловца помогало Гарри замечать малейшие шорохи и изменения даже в неосвещённом пространстве. Он практически сразу увидел поломанную метлу Драко, а потом и самого Малфоя, лежащего недалеко от неё. Гарри сразу поспешил на это место, и по мере приближения заметил раскрытые глаза Малфоя. Тут же в голову полезли всякие нехорошие мысли, и несколько секунд Гарри даже думал, что Драко был мёртв.

Но тут серые глаза моргнули и посмотрели прямо в зелёные глаза Гарри. Драко шумно вздохнул, а потом пробормотал:

— О, Поттер...

— Малфой, с тобой всё в порядке?

— Меня сдуло ветром, — Драко попытался приподняться на локтях, — О, и ещё у меня сломана нога.

— Сломана? Ты уверен? Она болит? — спросил Гарри, ощущая себя в роли... какой-то заботливой бабушки, но неспособной хоть как-то помочь.

Малфой действительно создаёт ситуации, в которых очень сложно испытать к нему хоть какую-то жалость, подумал Гарри раздражённо.

— И я слышал как нога хрустнула, — добавил Драко, — Это, примерно, как хруст сломавшейся метлы.

— Кстати говоря, — сказал Гарри, — твоя метла действительно сломана.

Драко посмотрел на него с выражением глубокого и чрезвычайного ужаса на лице.

— Но это вовсе не так страшно, — быстро добавил Гарри, — Ты можешь полететь с кем-нибудь из нас...

— Поттер, — каким-то сдавленным голосом перебил Драко, к этому времени он уже начал покрываться какими-то серыми пятнами, — Оглянись назад.

Гарри обернулся и застыл.

Они были ещё на достаточном расстоянии от ребят. Но невозможно было ошибиться, если сказать, что около двадцати или тридцати существ в чёрных робах сочлились, словно яд, между деревьями, и шли они именно крошечную полянку, где сидели мальчики.

Гарри почувствовал, что его сердце перевернулось.

ДЕМЕНТОРЫ.

Драко в шоке пробормотал что-то нечленораздельное. Гарри повернулся обратно и увидел, что Драко, прижимая обе руки к своему лицу, как-то странно дёргается, словно рыба, которую вытащили из воды.

— Малфой, — произнёс Гарри, в ужасе и удивлении одновременно. Но тут первая волна холода достигла его. Гарри вдохнул побольше воздуха, пытаясь рассеять туман, который поднялся у него в голове. Он пытался не шататься перед стеной жестокого холода. Гарри видел, что дементоры были уже совсем близко.

Хорошо зная Драко, Гарри был крайне удивлён его такому восприятию дементоров. Твердо сжимая в руке палочку, Гарри никогда ещё не было так сложно вспомнить какое-нибудь счастливое воспоминание, он не создавал Покровителя с четвертого курса. Квиддитчные матчи и выигрыш школьного кубка казались очень глупыми и маленькими воспоминаниями. Гарри старался припомнить как можно больше счастливых мгновений жизни. Он возвращал свои мысли всё дальше и дальше в прошлое... и, конечно, думал о Гермионе, Гермионе, признающей в любви. Но сейчас это почему-то причиняло ему боль, намного большую боль, чем что-либо ещё. Гарри заставил свои мысли покинуть воспоминание, в котором... дождь... зеркало... поцелуй Гермионы... Он заставил

себя вспомнить озеро, письмо Сириуса, смеющихся Драко и всё ту же Гермиону. Гарри вспомнил, что их смех был столь заразителен, что он даже стал смеяться сам, а особенно смех Гермионы, которая вообще очень часто смеялась, но в то же время очень редко так, как тогда, так, что не могла устоять на ногах, так, что не могла контролировать себя и своё счастье. Губы Гарри изогнулись в непринуждённой улыбке, когда он вспомнил, как она толкнула его вниз, а потом ещё долго смеялась ему в плечо.

Он поднял свою палочку и услышал собственный голос, звучащий откуда-то издалека:

— ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

И уже знакомое бело-серебряное сияние вырвалось из конца палочки. С облегчением Гарри упал на колени, поскольку расплывчатое сияние уже сформировалось в животное с разветвлёнными рогами и приближалось к дементорам. В тусклом свете олень сиял словно новая луна, а в то же время дементоры начали отступать, они уже скрылись в тени деревьев. Животное не последовало за ними, оно обернулось посмотреть на Гарри, попытавшегося изобразить слабое приветствие, но потом всё-таки исчезло в густом невидимом лесу.

Всё ещё стоя на коленях, Гарри обернулся и посмотрел на Драко, который всё ещё прижимал руки к лицу, но больше не дёргался.

— Они ушли, — сказал Гарри.

— Поттер, — медленно произнёс Драко, — Меч...

— Что?

— Убери его от меня, и подальше...

Гарри взялся за рукоятку меча, который Драко заткнул себе за пояс (при этом только чудом не поранив себя во время падения), и вскрикнул. Меч был холодный, как лёд. Гарри стиснул зубы, обхватил рукоятку и оттащил меч от Драко. Гарри почувствовал холод, излучаемый от меча, как будто тысячи гвоздей разом вонзились в его вены, и ощутил огромную силу...

Тоненький, ледяной голос послышался позади Гарри:

— ГАРРИ ПОТТЕР?

Меч больше не был таким холодным. Казалось, к нему перешло тепло от тела мальчика. Гарри казалось, меч был частичкой его самого, но намного тяжелее и более гладкий.

— ГАРРИ, — опять произнёс голос у него в голове.

Но сейчас он уже говорил совершенно другие вещи.

Гарри бросил, меч и отскочил, как ошпаренный.

— Гарри! — Но это уже был голос Рона. Он повернулся и увидел Джинни и Рона, они были очень бледные и усталые. И Рон, и Джинни были покрыты листьями, и даже несколько прутьев торчали из рыжих волос девочки — наверное, они запутались в ветвях.

— Гарри... это был...

— Покровитель, — кратко ответил Гарри, — Дементоры.

Рон начал покрываться какими-то серыми пятнами:

— Нам надо побыстрее убираться отсюда.

— У Малфоя сломана нога, — произнёс Гарри тем же отчётливым тоном.

Рон посмотрел на Гарри, потом на Драко. Затем он повернулся к Джинни:

— А ты не можешь залечить рану?

Но Джинни лишь покачала головой:

— В прошлом году я залечивала порезы, ушибы, но не кости. И я не хочу рисковать. Если допустить хоть малюсенькую ошибку, то можно вставить в ногу две кости вместо одной, или...

— Удалить их целиком, — перебил Гарри, вспоминая Локхарта.

— Вижу, что рисковать нельзя, — согласился Рон, — Гарри, подойди-ка сюда на минуточку. Мне нужно поговорить с тобой.

Гарри отошел вслед за Роном на небольшое расстояние и посмотрел на него непонимающе. У Рона было решительное выражение лица, что иногда было просто прекрасно, а иногда не очень.

Гарри восхищался постоянностью и решительностью Рона, но плохо то, что было практически невозможно переубедить его в чём-то, в чём он глубоко уверен.

— Ты в порядке? — спросил Рон, — Ну ты понимаешь, дементоры...и всё такое?

— Со мной всё хорошо, — ответил Гарри. И к его же удивлению это была правда — Странно, что

дементоры повлияли на Малфоя намного больше, чем на меня.

— Действительно странно, — согласился Рон.

— Но я не уверен, что это ничего не значит. Обыкновенная слабость? Это означает что-то, но я не знаю что.

— Я думаю, что у вас будет время это выяснить, — сказал Рон.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гарри.

— То, что думаю, мне и Джинни нужно отправиться за помощью, а ты останешься с Малфоем. Мы же не бросим его одного в лесу со сломанной ногой, даже если он и не нравится мне, и уж тем более я не оставлю с ним Джинни.

— Даже со сломанной ногой? — усмехнулся Гарри, — Да он даже не сможет поймать её, если она убежит.

— А если она не убежит?

— Да ты параноик, — сказал Гарри.

В ответ Рон бросил сомнительный взгляд куда-то вперед. Гарри, повернулся и увидел Драко, опирающегося на ствол дерева, а Джинни заботливо, поддерживающую его.

— Совершенно ничего не значит, — произнёс Гарри.

— Я не хочу, чтобы она кружила возле Малфоя, изображая заботливую нянечку. Потому что... потому...

— Потому что игра в нянечек ведёт к игре в непослушных стюардесс?

— ГАРРИ, — сказал Рон с негодованием.

Гарри сложил свои руки на груди:

— Да ты становишься ненормальным по теме: «Малфои»

Рон пожал плечами:

— Я был рожден, чтобы ненавидеть имя «Малфой» и приглядывать за младшей сестрой. Что, по-твоему, я должен делать?

— Сейчас всё ещё больно? — с тревогой спросила Джинни, убирая небольшой локон волос с лица. Она помогала Драко сесть напротив дерева, а на его коленях лежал Слитеринский меч.

— Конечно, больно, — раздражённо ответил Драко, — Моя нога сломана. Естественно она болит. Ну хоть кто-нибудь знает какое-либо обезболивающие заклинание? Что с вами всеми случилось?

— А ты сам знаешь? — спросила Джинни резко.

— Нет, — ответил Драко без тени смущения.

— О, Боже! Ты раздражаешь людей даже со сломанной ногой, — произнесла Джинни со злобой. — Разве это сложно, просто спокойно посидеть? — она положила руку ему на плечо и мягко толкнула, чтобы прислонить Драко обратно к дереву.

— Спасибо, — сказал он и закрыл глаза.

— Не за что, — глядя на него. В некотором смысле ей было проще от того, что он сидел с закрытыми глазами, т.к. ей не пришлось смотреть куда-нибудь в сторону. Он был бледен, вероятно, от боли. У него были длинные, темные ресницы, которым позавидовала даже Лаванда Браун.

— Не надо, — вдруг сказал Малфой, не открывая глаза.

— Не надо что? — спросила Джинни.

— Смотреть на меня. Это заставляет меня нервничать, — Драко открыл глаза изучил выражение лица Джинни, потом опять закрыл их и произнёс:

— А вообще-то забудь. Всё равно не работает.

— Да что не работает?

Драко вздохнул:

— Я знаю, о чём ты думаешь — сказал он, — Ты думаешь о том же, о чем думала прошлым вечером: «Ой, посмотрите на Малфоя, симпатичный и беспомощный, но всё же хороший. Он ранен. Всё что ему нужно, это только любовь и, сейчас он может получить её» Ты об этом думаешь, я угадал? — спросил он, обратив внимание на её реакцию, — Но учти я не хорошенький. И я не нуждаюсь в любви, особенно в твоей.

— Да я никогда — заикалась Джинни — Конечно, я никогда не думала...

— Отлично, — перебил Драко, — Выкинь эти мысли из головы. А если тебе нужен хорошенький бойфренд то, пожалуйста, у тебя всегда есть... воображаемый ГАРРИ ПОТТЕР.

Джинни чуть не взорвалась от возмущения, она даже хотела ударить Драко. Но у него была сломана нога, и Джинни сказала себе: «Ты не можешь побить его, он и так ранен». Она хотела бросить Малфоя словечки, типа: НЕ УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ТВОЙ ОТЕЦ НЕ ЛЮБИЛ ТЕБЯ или ДАЖЕ ВООБРАЖАЕМЫЙ ГАРРИ ПОТТЕР ЛУЧШЕ, ЧЕМ НАСТОЯЩИЙ ДРАКО МАЛФОЙ, СПРОСИ Гермиону, ЕСЛИ НЕ ВЕРИШЬ.

Но Джинни не могла так поступить.

Вместо этого она просто сказала:

— Малфой, а ты слышал когда-нибудь о такой вещи, как тактичность?

Драко открыл глаза и посмотрел на неё. Она увидела, как расширились его зрачки, но не знала от чего. Его глаза стали черными, если не считать окружавшей их полосы серебра.

— Тактичность — это ложь для взрослых, — сказал он спокойно.

— Это одно из знаменитых выражений твоего отца?

— Нет, — ответил Малфой, — Это моё собственное.

— Волынки, — произнес Сириус твёрдо.

Нарцисса покачала головой, не отрывая взгляда от свадебного журнала:

— Никаких волынок, — сказала она, взяв подушку и положив её под голову. Нарцисса сидела на кровати в номере отеля, и была окружена различными журналами, книгами и кусочками пергамента, на которых она пыталась изобразить всевозможные виды свадебных приглашений.

— Я из Шотландии, — стоял на своём Сириус. — И хочу такую свадьбу, как люди устраивают в Шотландии.

Нарцисса улыбнулась, всё ещё не отрывая взгляда от журналов:

— Я уже говорила, что если ты так хочешь, то можешь надеть юбку, но...

— Килт, — перебил Сириус.

Но Нарцисса полностью проигнорировала его.

— И даже если ты наденешь подтяжки и высокие каблуки, мне будет всё равно. Я говорила, что мы можем приготовить хаггис (телячий рубец с потрохами и приправой) и, если ты хочешь, мы можем швыряться им весь полдень на заднем дворе, но я не могу заставлять моих друзей и знакомых слушать эти волынки. Подумай, что на это скажет Драко.

— Подумай лучше, что он скажет, когда увидит костюм, который ты выбрала для него.

— Этот костюм, просто очарователен, — усмехнулась Нарцисса.

Выцветшие на солнце и без того белые волосы Нарциссы, такие же, как и у Драко, блестели и падали искрящимися локонами ей на спину. Сейчас она выглядела также, как и когда они ещё учились в школе. Удивительно как её сын походил на неё. Но только у Нарциссы лицо было более круглое, а подбородок не такой острый, но глаза, их общие серебряно-серые глаза, были абсолютно одинаковые.

— Но Драко возненавидит его, — настаивал Сириус.

— Ты не можешь знать этого заранее.

— Но я всё равно уверен в этом.

Нарцисса закатила глаза:

— Ты должен понять, что Драко это не твоя шестнадцатилетняя копия, Сириус. Я полностью согласна, что ты бы ненавидел этот костюм, но Драко любит такую одежду, и...

— Ставлю пятьдесят галлеонов, что он сожжёт этот костюм, прежде чем согласится надеть его.

Нарцисса внезапно заинтересовалась журналом.

— А ты не хочешь поспорить со мной, — предложил Сириус, — А если я выиграю, то на нашей свадьбе будут... волынки!

— Никаких волынок, — ответила Нарцисса приглушённым тоном.

— Если там не будет волынок, то будет кровопролитие.

— Ну тогда это будет похоже на мою предыдущую свадьбу, — злобно усмехнулась Нарцисса.

«Когда, она так улыбается, то действительно очень похожа на своего сына» — подумал Сириус.

— Э... э... — произнёс голос из угла комнаты. И Нарцисса, и Сириус подскочили, — Мне не хотелось бы вам мешать, но...

Сириус подошёл к камину:

— Рем?

— Мне очень жаль, — повторил Лупин, чьи голова и плечи появились в камине. Он выглядел чрезвычайно печальным, — Я бы никогда не побеспокоил вас, если бы это не было важно, — Взгляд Лупина задержался на кровати, — Прости Нарцисса.

Она отложила журналы и с тревогой посмотрела на Лупина:

— Всё в порядке?

— Гарри, — произнёс Сириус, становясь на колени перед камином, — Что-то случилось с Гарри?

— Он сбежал, — тяжело ответил Лупин, чувствуя себя виновным за то, что Сириус побледнел.

— Сбежал?

— Гарри пропал, и его метлы тоже нигде не видно. Мой кабинет разрушен, и меч, о котором я вам рассказывал, тоже исчез.

— Драко? — быстро спросила Нарцисса — А ты не спрашивал Драко о том, куда мог деться Гарри?

— К сожалению, это не возможно — произнёс Лупин, — Потому что Драко тоже нет.

Нарцисса побледнела так же, как Сириус.

— Итак, мы хотя бы знаем, что они вместе, — сказал Сириус, — А ты уверен, что это они разрушили твой кабинет?

— Да, уверен, — ответил Лупин, — Помнишь тот шар, со снегом и рыжеволосой нимфой внутри? Так, она видела их вместе, она видела, как Драко и Гарри взяли меч, — Лупин вздрогнул, — Они разрушили защиту, созданную вокруг меча, и я понятия не имею, как они смогли сделать это. Это был адмантин. Я бы не смог её разрушить.

— Драко и Гарри, — Магиды, и это говорит о многом, — выдавил из себя Сириус.

— Но они же дети, — сказала Нарцисса, вставая с кровати, — Они взяли меч — что это значит? Это может причинить им вред?

— Вот этого я действительно не знаю, — ответил Лупин, — Я весь день рылся в книгах, искал хоть какую-нибудь информацию о том, что может произойти. И, к сожалению, ничего не смог найти, кроме какого-то неопределённого пророчества, — Рем протёр свои глаза руками, и Сириус заметил, что все они были измазаны чернилами, — Но если вы спрашиваете меня, может ли меч причинить им боль, мой ответ «да». Они могут быть в опасности.

— Мы возвращаемся домой, — решил Сириус, — Прямо сейчас.

Лупин спокойно пожал плечами.

— Спасибо, Большелапый.

— Благодарность здесь неуместна, — ответил Сириус, — Гарри полностью под моей ответственностью. И Драко. Я отвечаю за них обоих. Я должен был уделять больше внимания тому, о чём ты мне рассказывал в последний раз. Драко и Гарри оказались в худшей из бед, которые мы только можем себе представить.

— Я даже не думал, что такое может случиться. Я не знаю, что сказать Дамблдору... — в отчаянии произнёс Лупин.

Внезапно до Сириуса что-то дошло, и он спросил:

— Рем, сколько времени прошло с тех пор, когда ты последний раз был на территории Запретного леса?

— Леса?... — удивился Лупин, — О, Бог мой! Годы!

— Если бы я сказал тебе, куда нужно идти, ты бы мог... мог пойти туда и встретиться с тем, кто, думаю, может помочь нам.

— Пойти в Запретный лес и встретить кого-то для тебя? — изумлённо повторил Лупин.

— Скажи, я бы просил тебя об этом, если бы это не было важно?

— Да, — твёрдо ответил Лупин.

— Лунатик...

— Хорошо, хорошо... — согласился Лупин. — Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Прекрати, — сказал Гарри раздраженно, — Меня это нервирует.

Двумя часами после того, как Джинни и Рон улетели, Драко уже понял, что если вытянуть руку по направлению к мечу, он прилетит прямо к тебе в ладонь. Драко настолько впечатлило это открытие, что он начал отбрасывать меч на некоторое расстояние от себя и позже ловить его. Гарри это просто раздражало.

Гарри думал о боли. Должно быть, это ужасно лежать со сломанной ногой и даже не жаловаться.

— Малфой, — позвал он.

— Что? — Драко посмотрел на него

— Когда дементоры приблизились к нам, что ты услышал?

— Церковное пение, — наконец ответил Драко, — Знаешь, я ненавижу церковное пение.

— Ага, очень смешно, Малфой. Что ты слышал на самом деле?

Драко не смог подавить пробежавшую по его телу дрожь:

— Ужасные вещи, — произнёс он.

— Если ты закончишь практиковаться со своим мечом, я могу научить, как можно избавиться от всего этого.

Драко подумал несколько минут, а затем положил, наконец, свой меч. Он посмотрел на Гарри, который встал с того места, где сидел, и подошёл к Драко, пытаясь точно вспомнить, что же говорил ему Лупин три года назад, когда учил его заклинанию Патронуса.

— Итак, — начал Гарри, — Во-первых, ты должен вспомнить какое-нибудь счастливое воспоминание.

Драко моргнул:

— Что?

— Счастливое воспоминание. Это очень важно. Самое счастливое воспоминание, на котором ты действительно сможешь сконцентрироваться.

Драко закрыл глаза и начал думать, и ещё раз думать. Счастливое воспоминание. Когда же он был по-настоящему счастлив? Точно не с собственными родителями и не в школе. Драко вспомнил случай с платяным шкафом в поместье Малфоев, он сидел там с Гермионой, которая ела Шоколадных Лягушек, а потом... поцелуй. Драко вспомнил ту ночь, когда он не позволил своему отцу убить Гарри, как позже он лежал на траве с Гарри, Сириусом и Гермионой, как Гермиона похвалила его за удивительную храбрость. Но все эти воспоминания были затемнены знанием, что она не любила его. Драко знал и принимал это, но всё же некие предупреждающие боли временами мучили его. Боли, подобные зубной.

Драко открыл свои серебряные глаза и произнёс:

— У меня нет абсолютно никаких счастливых воспоминаний.

Гарри даже удивился:

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что уже сказал, — ответил Драко, — У меня нет счастливых воспоминаний, — Он пожал плечами, — И не устраивай из этого большую проблему, Поттер.

Гарри был ошеломлён:

— Но у тебя должно быть хоть что-то.

— Ну, может быть, когда Слитерин выиграл Кубок Школы во время первого года моего обучения в Хогвартсе. Хотя нет, подожди, там же был ещё ты, разрушивший всё это. И мы никогда не выигрывали матчей против Гриффиндора, так что это вообще не подходит. Что я могу сказать? Ты искажал все счастливые моменты моей жизни, которые вообще могли произойти.

Драко опять закрыл свои глаза. Невидимое присутствие Гермионы словно встало между ними. И в первый раз в жизни Гарри почувствовал себя виноватым за удачу где-либо, где Драко терпел поражение.

— Давай же, Малфой, — сказал он нерешительно, — Ты же должен был выиграть что-нибудь. Соревнование. Да хоть что.

— Я хотел рассказать, когда мне было семь, то мама, выдвинула мою кандидатуру в качестве Самого Красивого Мальчика на каком-то конкурсе, но думаю, что никакая сила на Земле не заставит меня досказать эту историю до конца, так что не бери в голову. Нет, Поттер, я не выигрывал никаких

соревнований, — Драко поудобнее облокотился на дерево, — Может, ты подумаешь над каким-нибудь другим способом борьбы с дементорами?

— Но другого способа не существует, — ответил Гарри, — Хотя... Малфой, как у тебя с воображением?

— Как у меня с чем?

— С воображением. Ты можешь вообразить какое-нибудь счастливое мгновение? Придумать что-либо? Сфантазировать?

— Ну... если только я буду восседать на вершине пирамиды, одетый в золотую блестящую робу, и окружённый обнаженными девственницами..?

— Если это делает тебя счастливым, — перебил Гарри с сомнением, — Могу я напомнить тебе, что прежде всего ты должен быть счастлив, а не...э-э...

— Правильно, — Драко открыл глаза и усмехнулся, — Счастлив... хорошо, — он закрыл глаза и снова задумался. Гарри наблюдал за тем, как лунный свет, играющий на лице Драко, рисовал темные круги под глазами, как тень листьев падала на его бледную кожу, и думал: «И он будет моим братом. Братом.» — Но тут его прервал Малфой.

— Готово. Придумал одно.

— Правда? — поинтересовался Гарри, — И что же это?

— Если я скажу, что оно включает в себя: Гермиону, сексуальное боа, музыку из «A Summer Place»... ты будешь очень зол?

— Да, — быстро ответил Гарри.

— Тогда лучше не спрашивай, — пожелал Драко. Он попытался сесть прямо, но это у него не очень-то получилось. Гарри протянул руку, чтобы помочь ему и Драко, не особо задумываясь, принял её:

— Ну что? Я готов. Начнём? — спросил он.

Они тренировались вызывать Покровителя около часа, вплоть до того, как Драко не усовершенствовал своё «счастливое воспоминание», чтобы оно действительно казалось РЕАЛЬНЫМ. Гарри уже начал зевать с так часто, что Драко даже почувствовал себя немного виноватым.

— Послушай, Поттер, — произнёс Драко, — Если ты хочешь спать, то иди, поспи часок, другой.

— Но заклинание...

— В таком виде ты совершенно бесполезен, — перебил Малфой, — Ты только что сказал «Экспекто Патррррррроооооннуум», — симитировал огромный зевот Драко.

— Я не хочу спать, — упрямылся Гарри, — Может только прилечь на минуту.

— Ну так иди и ложись, — сказал Драко. Как только Гарри лёг, он тут же заснул. Драко смотрел на него несколько минут и вспоминал худенького, застенчивого мальчика, которого он впервые встретил шесть лет назад на Диагон аллее. Он посмотрел на его растрепанные волосы, на его очки и подумал: «Студент милосердия». Драко думал о том, что же заставило его самого сначала ненавидеть его, а теперь беседовать с ним. В Гарри было что-то, что привлекало внимание. Драко не понимал, что же на самом деле, но он знал, что, так или иначе, это было какое-то специфическое, неопределённое качество, которому он всегда завидовал. А Гарри имел его даже когда был истощён голодом, даже когда спал, и когда пускал слюни на свою робу. Об этом думал Драко, раздражённо глядя на мальчика, который уцелел. Была ли эта та самая отличная черта, которую и полюбила в нём Гермиона?

Драко вздохнул и посмотрел на меч, лежащий на коленях. Но вдруг он заметил какое-то движение. Драко посмотрел на Гарри, но тот все ещё неподвижно лежал на траве, а потом неловко развернулся и посмотрел назад.

Два красных глаза с желтыми вытянутыми зрачками, смотрели на него откуда-то из темноты.

Драко попытался отскочить назад, но тут острая боль пронзила его ногу.

— Привет, — произнёс Демон. «О, Боже» — подумал Драко безнадежно, поскольку демон пододвинулся поближе, а Гарри все ещё спал. Драко опять посмотрел на демона, который уставился на него своими круглыми красными глазами. «Я просто буду...сидеть спокойно и никого не трогать,

думал Малфой. Может быть, он не подумает, что я не могу встать и сделать ему что-нибудь».

Драко откашлялся, надеясь, что его голос не будет звучать пискляво. — Вы опять... — еле слышно произнёс он, — Вы не должны так подкрадываться к людям и пугать их.

— Я пришёл за своей второй половинкой — ответил демон, смотря на меч, лежащий на коленях Драко с чем-то похожим на нездоровый аппетит.

— Я знал, что вы это скажете, — сказал Драко.

— Тысячи лет я разыскивал его. Где я только не искал: по морю под землёй...

— Да, да, — перебил Драко, боль в ноге становилась невыносимой, — Я уже слышал всё это раньше: «Я разыскивал его тысячи лет, это моя вторая половинка... бла-бла-бла... я ужасный демон, дайте мне меч и все такое»

Глаза демона блеснули: — А ты быстро понял суть моей миссии.

— А теперь поправь меня, если я не прав, — произнёс Драко. Он вытянул свою левую руку перед собой, и Слитеринский меч подпрыгнул прямо к его ладони. Глаза демона расширились, — Я могу убить кого угодно с помощью этого меча, не так ли? Человека...монстра... — Малфой вытянул меч по направлению к демону, который резко отпрыгнул назад, — Демона...

— Ты угрожаешь мне, мальчик? — прошипел демон.

— Этот меч может причинить тебе вред и... — произнёс довольный Малфой.

— Ты не можешь быть в этом так уверен.

— Нет, это будет просто удар наугад. Который ты получишь, если ты не уберёшься отсюда через минуту.

Демон оскалился, но продолжил.

— Тысячу лет назад, — произнёс он свирепо, — Я продал свою власть, которая содержалась в мече, волшебнику, заключившему сделку с моим народом. Он использовал этот меч, чтобы стать самым могущественным колдуном его или любого другого времени. Таковы были условия сделки, всё было записано в контракте, по которому сообщалось, что он должен вернуть меч через определённый срок времени, — демон покачал головой, — Но этот колдун не вернул его, он просто взял и исчез. Исчез, но он ВСЁ ЕЩЁ должен мне! Всё ещё должен мне мою вторую половинку!

— Я не думаю, — ответил Драко, — Что кто-то включил в сделку стопроцентное получение меча обратно.

Демон безучастно посмотрел на него: — Не думаю... Меч... ты не сможешь приручить его, контролировать, ты не сможешь заставить его служить тебе, — прорычал демон, уставившись Малфою прямо в глаза, — Вместо этого ты будешь служить ему. Ты же уже видел в своих снах, что становится с теми, кто неблагоразумно использует этот меч?

Драко почувствовал холод рукояти меча.

— Нет, — соврал он, — У меня нет никаких снов.

Демон смотрел на него. А Драко ещё сильнее сжал меч, что он может сделать, если это существо нападёт на него — он не мог представить, как можно победить демона, сидя на траве.

— У тебя нет никаких прав на этот меч, — прорычал демон, — Вот какие, какие у тебя права?

Драко подумал с минуту, а потом очень спокойно произнёс: — У меня есть право наследства. Этот меч принадлежал моему отцу, и отцу моего отца, и отцу отца моего отца. И поэтому, я абсолютно ничего тебе не должен.

Несколько минут демон молчал. Драко даже разочаровался, он подумал, что это была довольна впечатлительная речь. Очень по-Малфоевски.

— Ты можешь сохранить меч, — в конце концов, сказал демон, — Это твоё последнее слово?

— Да, — ответил Драко. Демон пожал плечами. — Хорошо, — как-то весело согласился демон — Храни его. И дай нам знать, если передумаешь, — И он исчез.

Драко ошеломлённо смотрел на место, где только что стоял демон. Он вспомнил слова своего отца — один и многочисленных полезных советов Люция Малфоя: «Если вполне сложное задание внезапно оказывается очень лёгким, то это не спроста. Надо быть осторожным.»

— Проклятье, — ругнулся Малфой и посмотрел по сторонам, ища хоть один признак демона. — Вернётся ли он ещё? Вернётся и приведёт с собой «своих людей»? Лужайка казалось вполне пустой, тёмной и тихой. Но тут кончиком глаз Драко заметил движение между деревьев. Его руки затряслись: «Ну, это уже слишком».

С чувством сомнения он заметил две чёрные робы, две фигуры, направляющиеся к нему. Драко хотел произнести имя Гарри, но не смог.

Только одна мысль крутилась у него в голове. Так или иначе, он должен был встать на ноги. Схватив рукоятку меча, Драко оперся им на землю и медленно начал вставать. Теперь он стоял. Пусть облокотившись на меч и оперевшись на ствол дерева, но он стоял.

Смотря через водоворот цветных пятен в глазах, он различил две тёмных фигуры приближающихся к нему и к Гарри, который всё ещё спал.

Драко вдохнул больше воздуха, пытаясь отбросить мысли о боли в ноге, о таинственных фигурах, о дрожащих руках, и сосредоточится на счастливом воспоминании, на каком либо счастье. «Счастье», — внушал Малфой сам себе, — «Счастье, счастье...» Драко закрыл глаза и прижал ладонь к мечу, необычайно холодному и... сильному. Его руки перестали дрожать.

Сконцентрировавшись на счастливом воспоминании, с закрытыми глазами, Драко выкрикнул: «ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!»

Что-то огромное серебристо-белое вылетело из рук Малфоя, подобно летней молнии. Драко не смог устоять на ногах и его отбросило назад. «Моя нога — она болит. Гарри», — попытался выговорить Драко, но его голос исчез куда-то, весь мир словно перевернулся, а перед глазами всё вращалось и улетало в темноту.

Я НЕ ПОТЕРЯЮ СОЗНАНИЕ. Я НЕ ПОТЕРЯЮ.

Малфой открыл глаза и увидел три бледных лица, склонившиеся над ним. Гарри, Рон и Джинни смотрели на него с беспокойством и удивлением одновременно. Драко попытался немного приподняться на локтях:

— Дементоры...

— Малфой, — произнёс Гарри, протягивая руку к его груди и не давая ему встать, — Это были не дементоры.

— Но я видел...

— Это были Рон и Джинни, — перебил Гарри, с некоторым развлечением в голосе, — Прости.

Драко перевёл взгляд на кивающих Рона и Джинни.

— Проклятье, — опять выругался Малфой.

— Но у тебя получился отличный покровитель, — поддержала Джинни, — Да и ты выглядел устрашающе, пока не завопил и не упал в обморок.

— А вы двое в порядке? — спросил Малфой у Висли.

— Заклятие Патронуса защищает тебя от какой-то беды, угрожающей тебе, — ответил Гарри, — А Рон и Джинни это не беда. Поэтому твой Покровитель... испарился.

— А я даже не смог увидеть его, — мрачно произнёс Драко, — Он был классный?

— Конечно, — сказал Гарри, чьё грязноватое лицо расплылось в улыбке, — Ты сделал это, Малфой. Это значит, что у тебя было счастливое воспоминание, и оно сработало.

Драко слишком устал, чтобы ответить ему ответной улыбкой, но он сказал, — Ты же знаешь, Поттер, оно НЕ включало в себя Гермиону, музыку, боа и...

— Конечно я знаю, — отрезал Гарри. Рон и Джинни смотрели на них с любопытством, — Я уже научился различать, когда ты просто пытаешься раздражить меня или когда говоришь правду, — добавил он, но тут вспомнил кабинет Лупина, а точнее то, что от него осталось, и произнёс, — Ну... почти научился.

Джинни всё ещё смотрела на Драко с тревогой. — Да ты весь дрожишь.

— Дрожь это всего лишь последствие шока, — сказал Драко, — Не беспокойся об этом.

Гарри посмотрел на Рона. — Вы нашли что-нибудь?

Рон покачал головой. — Ничего, — ответил он, — Ни души за милю от этого места. Ни городов, ни домов. Мы вернулись только потому, что начало темнеть. Гарри и Рон обменялись взволнованными взглядами, — Я подумал, — Рон понизил голос, — может быть, мы могли бы сделать что-нибудь вроде носилок и поместить их между метлами. Мы не можем больше оставаться здесь, мы должны что-то сделать.

— Меня раздражает, когда вы решаете, как обо мне позаботиться и не спрашиваете моего мнения, как будто меня здесь вообще нет, — язвительно заметил Малфой.

— Это можно легко устроить, — произнёс Рон и, схватив Гарри за рубашку, оттащил на некоторое

расстояние, где они продолжили начатую беседу шепотом.

Драко немного приподнялся на локтях и посмотрел на Джинни: «Висли...», — начал он, но Джинни перебила его.

— Это был дракон, — тихо сказала она.

— Это было что? — переспросил Драко пораженный.

— Твой Покровитель, — добавила она, — Это был дракон. Он был серебряный. Я подумала, что ты должен знать.

Драко открыл рот, чтобы сказать что-то, но был перебит хриплыми возгласами Рона и Гарри. Полностью игнорируя боль в ноге, Драко резко обернулся посмотреть, что произошло. И увидел Гарри и Рона, стоящих с высунутыми волшебными палочками, а между ними находилась тёмная фигура высокого мужчины. Какой-то незнакомец аппарировал на эту самую лужайку.

Лупин тревожно повернулся в залитой лунным светом роще. Он не был в запретном лесу уже много лет, но с тех пор здесь мало, что изменилось. Конечно, всю эту территорию Лупин и его друзья пересекали вдоль и поперёк уже много раз, каждый на своих четырёх лапах.

Лес, будучи диким местом, говорил не только с его человеческими чувствами, но также и с его волчьей сущностью. Через узкие коридоры деревьев он замечал движения крошечных животных, нёсшихся по лесу, бледно-зелёный блеск их глаз. Лупин вдыхал холодный ночной воздух и сопутствующие запахи почвы, мха и диких животных, запахи существ или растений, живущих или уже умерших. Он знал, этот лес был домом не только для оленя или сони (животное), но и для гигантских пауков, вампиров, гиппогриффов, кентавров и единорогов, всех магических существ, ни одного из которых Лупин не боялся в облике оборотня.

Так как Лупин никогда не был полностью человеком, и поэтому не было ничего необычного в том, что он слышал приближение кентавра за долго до того, как это стало видимым и слышимым, вплоть до похрустывания веток на земле. Это был довольно молодой кентавр-мужчина с бледными белокурыми волосами. Через его спину был переброшена сумка, а глаза, как только они заметили Лупина наполнились подозрением.

— Вы вызывали меня, — произнёс кентавр, — Но вы не Сириус Блэк.

— Сириус Блэк послал меня сюда, — быстро ответил Лупин, — Он сказал, что ты должен ему. А я его близкий друг.

Ноздри кентавра раздулись: — Мой вид и ваш вид — старые враги, оборотень! — произнёс он, — Вы должны посчитать, что я вернул свой долг только потому, что не растоптал вас насмерть. Если бы нас здесь было больше...

— Да, — произнёс Лупин, — А где сейчас большинство из вас? Сириус велел спросить о Ронане и Бэйне...

— Сбежали, — ответил кентавр с лёгкой усмешкой, — Испугались и сбежали. Все они.

— Испугались? Чего?

— Того-Кто-Восстал, — только и сказал кентавр. Он посмотрел на ничего не понимающее выражение лица Лупина, — Конечно, вы знаете его. И знаете, что он создал ваш вид, а также ещё вампиров и вил около тысячи лет назад.

Лупин почувствовал тяжесть в животе. — Салазар Слитерин, — выдохнул он, — Так он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** вернулся?

— Сейчас он ещё слаб, — добавил кентавр, — Он только, только вернулся в этот мир. Он пока не обладает своей той же, прежней силой, которая была у него в тысячу лет назад. Но она вернётся к нему. Это видно по движению планет, это предсказано в древних книгах.

— В каких книгах?

Но кентавр проигнорировал Лупина: — Но у него достаточно сил, чтобы призвать своих «детей». Они уже начали стекаться к нему со всех концов света.

— Дементоры, — произнёс Лупин, — Именно поэтому они покинули Азкабан.

— Возможно, скоро вы почувствуете призыв для себя, оборотень. А что сейчас с другими существами вашего вида?

— Я не общаюсь с такими же, как я. Но лично я не получал абсолютно никаких сигналов или

призывов.

— Пока не получали, — сказал кентавр.

— Но если он ещё слаб... если нуждается в прежней силе...

— У него нет Источника, — произнёс кентавр, — Он не сможет сделать что-нибудь без источника сил. Но он найдёт его. Это предсказано. И когда это произойдёт...

— Источник? — перебил Лупин изумлённо.

Кентавр вздохнул: — У меня нет времени инструктировать неосведомлённого оборотня, — сказал он, — Мне нужно поддерживать порядок в целом лесу, и мне некому помочь, — Он снял с плеч свою сумку и достал какую-то рваную, обветшалую книгу. Кентавр бросил её Лупину, который сразу же поймал её.

— Прочитай её, — произнёс кентавр, — Тогда вы узнаете столько же, сколько знаю я.

— Эта книга, — спросил Лупин, — Она поможет нам?

Кентавр засмеялся, но без особой радости: — Вам уже ничто не поможет, — ответил он, развернулся и умчался галопом. Лупин смотрел на него, потом вновь посмотрел на книгу. Он знал, что должен покинуть этот лес как можно скорее, но всё же Рем открыл книгу и посмотрел на страницы.

Страницы книги были полностью покрыты непостижимыми загогулинами. Если это и был какой-то язык, то он никогда не встречал его раньше.

— Проклятье, — выругался Лупин с чувством.

— РОН? — произнёс незнакомец изумлённо, — Какого черта ты здесь делаешь?

Рон понизил свою палочку: — ЧАРЛИ?

Несколько минут царила шокирующая тишина. В конце концов, Гарри хватило ума поднять палочку.

— ИЛЛЮМОС, — произнёс он дрожащим голосом.

Белый свет брызнул из его палочки, освещая поражённого Чарли Висли. Для Гарри он выглядел так же, как и обычно: одетый в тяжёлый кожаный жакет, а выглядел так, словно его только что немного подпалили, хотя изумление на его лице было не совсем обычной вещью.

— Рон? — переспросил он.

Рон издал какой-то булькающий звук, замолчал и попытался ещё раз: — Я... А что ты делаешь здесь, Чарли?

— Я... я прибыл сюда, потому что... здесь был дракон, не так ли? — выговорил Чарли, — Я услышал о драконе, просто так гуляющем в этом лесу, точнее именно в этом месте, и аппарировал сюда. Я видел его в течение нескольких секунд, но потом он просто исчез. Рон, какого чёрта вы слоняетесь в диком лесу, за милю от дома, да ещё и с драконами? Вы все окончательно посходили с ума?

Рон выглядел разъярённым. Гарри быстро сделал шаг вперёд. — Здесь не было никакого дракона, Чарли, — сказал он, — Ну...вообще-то был, но он был не настоящий. Это был Покровитель.

— Что? — переспросил Чарли, — Я, вообще-то, могу отличить Покровителя от чего-то ещё, и зачем же это он понадобился вам здесь? — Он посмотрел на Гарри, — Гарри, ты...

— Нет, — твёрдо ответил Гарри, — Это был не мой Покровитель, — Он направил луч из палочки по направлению к дереву, где лежал Драко, а Джинни сидела около него, — Это был его.

У Чарли от изумления открылся рот, хотя он абсолютно не смотрел на Драко: — ДЖИННИ?

— Привет, Чарли, — еле выговорила девочка.

Чарли бросился к дереву, наклонился к своей младшей сестре и взял её за плечи: — Джинни! С тобой всё в порядке?

— Со мной всё хорошо, Чарли, всё в порядке, правда, я...

— О... — перебил Драко резким голосом, — О... Пожалуйста, не сидите на моей сломанной ноге.

Чарли отпрыгнул назад, потом уставился на Драко, как будто видел его первый раз в жизни:

— Кто ты?

— Драко Малфой, — ответил Драко.

Чарли был просто шокирован: — Сын Люция Малфоя?

— Да!

— И это был твой Покровитель?

— Да, — повторил Драко.

Чарли усмехнулся: — Это был просто жуткий дракон.

— Я не видел его... — произнёс Драко.

Но Джинни перебила их: — Чарли, у него сломана нога, — сказала она.

Тут Чарли уже не улыбался: — Как это случилось?

— Это очень длинная история, — нервно вклинился Рон.

— Упал со своей собственной метлы, — коротко ответил Драко.

— Очевидно не так давно, — сказал Чарли и опустил на колени, — Какая именно нога?

Драко показал. Пока Рон, Гарри и Джинни смотрели: Рон с удивлением, а Гарри и Джинни с беспокойством — Чарли вынул свою палочку и указал на ногу Драко немного ниже колена, затем произнёс нужное заклинание и сказал: — Вам всем нужно вернуться со мной в лагерь. Это недалеко отсюда.

— Но как? — спросил Гарри, — Малфой не может лететь с такой ногой!

Чарли поднёс руку к нагрудному карманчику и вытащил оттуда маленькую серебряную коробочку. Он открыл её и достал небольшой металлический шарик.

— Портключ, — объяснил Чарли, — Мы всегда носим его с собой.

— А когда мы доберёмся до лагеря, ты сможешь залечить ногу Малфоя? — спросила Джинни.

— Когда работаешь с драконами, то всё равно так или иначе сталкиваешься с какими-нибудь серьёзными повреждениями — бодро продолжал Чарли, — Один из наших медиков сможет залечить её прямо сейчас. А тем временем... — Старший Висли строго посмотрел на Рона, — вы можете рассказать, что вы здесь затеваете.

Гермиона, облокотившись на каменную стену башни, посмотрела на открывающуюся дверь. К её удивлению, это оказался Червехвост, а не Слитерин. Он закрыл дверь и посмотрел на неё. Гермиона увидела какой-то серебряный дымящийся кубок в его руке.

У Гермионы все внутри похолодело. — Здравствуй, Гермиона, — произнёс он спокойно.

— Что тебе надо? — спросила она холодно.

— Я просто не понимаю, — сказал Червехвост, — почему такая умная девочка как ты не смогла научиться хоть каким-то манерам.

— А знаешь, чего я не понимаю? — огрызнулась Гермиона, — Как Сириус и отец Гарри могли быть лучшими друзьями такой сволочи как ты? Ты отвратителен!

Гермиона думала, но не могла быть уверена, что заметила, как Червехвост вздрогнул. Но секундой позже на его лице уже сияла широкая улыбка, он сделал ещё несколько шагов к Гермионе. В руке, где только что находился серебряный кубок, резко появилась волшебная палочка: — Мой хозяин уже дал разрешение применять к тебе различные наказания, волшебные наказания, — усмехнулся Червехвост, — только дай мне повод, и я сделаю это.

Гермиона молчала.

— Что, затихла? — злобно проговорил он, — В горле пересохло? — Червехвост протянул кубок ближе к ней — Пей!

Гермиона посмотрела на чашу, в которой дымилась какая-то синевато-красная жидкость. У неё был сильный запах — не плохой, даже довольно приятный, примерно как лимоны, розы или свежеспеченный хлеб.

— Меня не мучает жажда, — ответила Гермиона.

Червехвост опять усмехнулся: — Ты выпьешь это, или же я найшу на тебя Пыточное заклятие, и буду пытать тебя до тех пор, пока ты не сможешь пошевелить своими конечностями. Потом ты всё равно выпьешь это. Но если тебе хочется быть глупой и храброй, я только за. Потому что мне действительно хочется немного помучить тебя.

Гермиона тут же почувствовала сумасшедшее биение своего сердца где-то... в пятках. Она вспомнила, как Люций Малфой пытал её в особняке Малфоев, пытаясь заставить сказать, где тогда находился Гарри... вспомнила желание умереть. Это не относилось к тем вещам, которые можно

было просто забыть или простить.

Гермиона протянула свою руку и позволила Червехвосту вложить туда кубок.

Она поднесла кубок к губам и выпила.

Гермиона ощутила вкус кусочка сахара, сладкого и язвительного. Она начала закашлять и посмотрела на Червехвоста, жадно смотревшего, как она глотает.

Мир словно наклонился в эти ужасные моменты. Где-то хихикал этот предатель, бывшая крыса, но Гермиона уже не слышала его. Какой-то головокружительный шум затрещал в её ушах. Как будто в её голове тысяча бабочек, пытающихся выбраться наружу. Она была испугана, и в то же время, чувствовала вызывающее отвращение удовольствие, что было намного хуже. — Это был... — задыхалась Гермиона, — Это был яд?

Червехвост резко засмеялся. — Вовсе нет... — сказал он, наклонившись и ловко забрав кубок из ослабевших пальцев Гермионы, — Это, моя дорогая, была обыкновенное любовное зелье.

Веки Гермионы были столь тяжелы, что закрывались уже сами, но она переборола себя, открыла глаза и посмотрела на Червехвоста со смешанным ужасом. — Любовные зелья... они не настоящие... они не срабатывают...

— О, нет, они есть, и они прекрасно выполняют свою задачу, — произнёс Червехвост, — Это было одно из самых древних зелий. Его использование, само собой, не законно. Приговор — пожизненное заключение в Азкабана. Но... — он пожал плечами, — это не имеет никакого значения.

— Я не могу... — всё ещё задыхалась Гермиона, — Я хочу спать...

— Так и должно быть, — произнёс Червехвост «поющим» голосом, — Когда ты проснёшься, первый человек, которого ты увидишь, будет именно тот, кого ты начала любить уже с этого момента, любить отчаянно, безоговорочно и навсегда. Чёрная магия, — улыбнулся он, обнажив свои маленькие крысиные зубы, — Не существует ничего подобного ей. Глубокого тебе сна, дорогая девочка. И когда ты проснёшься, лицо Салазара Слитерина будет первым, что ты увидишь.

— Итак, мама с отцом знают где ты находишься? — спросил Чарли у Рона с таким выражением лица, что Гарри был так благодарен, что у него нет старших братьев.

Когда они прибыли в лагерь — который оказался вполне НАСТОЯЩИМ лагерем, с кучей палаток самых разных размеров, большинство из которых были заняты изучающими драконов коллег Чарли — первую вещь, которую сделал старший из Висли, это позвал несколько колдунов-докторов, которые оттащили Драко в отдельную палатку, которая, очевидно, служила чем-то вроде больницы.

Именно поэтому теперь Гарри, Рону и Джинни только и оставалось, что «наслаждаться» музыкой. В данном случае, в роли музыки выступал Чарли, который изгорал желанием немедленно послать сову мистеру и миссис Висли и рассказать им, что Рон и Джинни, находились не дома, а блуждали по лесу вместе с сыном Люция Малфоя и Гарри, оба которые должны были бы сейчас находиться в школе.

— Чарли, не надо, — в отчаянии уговаривал его Рон, — Родители сейчас в отпуске, они отдыхают... И я не хочу беспокоить их...

Но Чарли только качал головой. — Ты знаешь кое-что, Рон. Но ведь Фред и Джордж и мои родственники тоже. Я знаю, что «Не хочу их беспокоить» всегда срабатывает.

— Всё время, когда я был ребёнком, и ты устраивал что-нибудь, я никогда не закладывал тебя, Чарли, ни разу.

— Ты — ещё ребёнок, Рон, — сказал Чарли, — И твоя безопасность — это моя обязанность, я же за тебя отвечаю, Рон! За тебя и за Джинни.

— Не говорите обо мне так, как будто меня здесь вообще нет! — вмешалась Джинни, — И ты, Чарли, абсолютно не справедлив к Рону!

Чарли выглядел ошеломлённым.

— Он же не Фред или Джордж, — настаивала Джинни, — Когда Рон делает что-нибудь, что родители или ты не одобрили бы, то делает это только потому, что у него всегда имеется серьёзная причина. Он никогда не идёт на глупый риск. И всё то же самое я могу сказать о Гарри!

— Мама с папой не будут счастливы узнать, что...

Джинни подняла руку, тем самым показывая, чтобы Чарли замолчал. — Я помню, когда ты решил,

что хочешь работать с драконами, мама кричала примерно с неделю, — сказала она резко, — Она была уверена, что ты погибнешь. Пойми, точно также родителям не нравится твоя работа, или... волосы Билла, или то, что наш Перси — настоящий трудоголик, но они доверяют нам, всем нам, и особенно Рону. А почему ты не доверяешь, Чарли?

Чарли открыл рот, с выражением кого-то, кто знает некую лазейку в логическом монологе, который только что услышал, и попытался всё-таки высказаться: «Но...»

— Просто поверь нам, Чарли, — перебила Джинни.

Устало, Чарли поднял руку и протёр глаза. Потом он вздохнул. — Кто-нибудь хочет пойти посмотреть драконов? — предложил он, довольно неожиданно.

— Я хочу, — тут же ответили Гарри и Джинни одновременно — Джинни, потому что она действительно любила драконов, а Гарри, потому что думал, что это был способ получше подобраться к тому, доброму Чарли. Рон, который всё ещё злился, тоже неохотно согласился.

Все последовали за Чарли через весь лагерь. И не смотря на внезапное предложение Чарли, они чувствовали, что он всё ещё справедливо опасаящемся настроении.

Спустя несколько метров от последней палатки начиналась большое чистое поле, размером, примерно, с два Квиддитчных поля, и окружённое магическим барьером. Внутри этого поля ребята увидели несколько драконов, и ни один из них не был больше Венгерского шипохвоста, с которым Гарри столкнулся во время четвертого года обучения в Хогвартсе. Гарри даже подумал, что узнал одного из драконов — Шведского Тупорыла. Чарли указал на него: — Именно этот дракон сказал мне о Покровителе Драко.

— Дракон сказал? — изумительно переспросил Рон.

— Ну, Вы должны знать язык драконов, чтобы связываться с ними, даже когда это совсем не нужно, — ответил Чарли, — Но иногда они сообщают очень полезную информацию. Как, например, сегодня ночью.

— Но мы же сказали тебе, — сказал Рон, — Это был ненастоящий дракон. Это был Покровитель.

— Который помог мне найти вас, не так ли?

Рон посмотрел на Чарли, так, будто уже не был уверен, что это хорошо. — Так вы будете смотреть на них или нет? — вдруг произнёс голос позади них. Это оказался Драко, появившийся из больничной палатки. Его одежда была вся грязной и местами порванная, но все порезы и ушибы на руках и лице были удалены, а нога, очевидно, тоже уже была в порядке, хотя врачи-колдуны отрезали левую штанину Драко, возможно, чтобы добраться до сломанных костей. Малфой казался вполне заинтересованным. — Это просто фантастика! — произнёс он. Чарли даже просиял: — Правда?

— Не знаешь, почему мы никогда не проходили драконов на Уходе за Магическими Существа? — спросил Драко.

— По той же причине, что и мы никогда не учились Смертельному Заклинанию на уроках Флитвика, — кисло ответил Рон, — Уровень смертности.

— Малфой, — позвал Гарри, — дракон смотрит... на тебя.

И он был прав. Голубой Шведский Тупорыл остановил свои огромные, как тарелки, глаза на Драко и пристально смотрел на него взглядом, который смело можно назвать любящим. Чарли был поражён:

— Я думаю, ты ей понравился, — обратился он к Драко, — А это едва ли вообще возможно.

— Может быть, Драко пахнет, как еда, — пробормотал Рон.

Драко приблизился к барьеру, так близко, как мог, и уже сам уставился на дракона, испускающего смешно выглядящие клубки дыма.

— Итак, я сейчас буду... — недоговорил Чарли, он повернулся к Драко и продолжил, — Ты не хочешь... не хочешь попозже помочь мне покормить их? Я бы даже не просил, но эта такая большая редкость, когда они так реагируют на людей...я просто подумал...

Драко кивнул: — Конечно.

Чарли даже разволновался. Рон посмотрел на него обиженно, а, в довершение ко всему, Чарли ещё и по-братски похлопал Драко по спине: — Это здорово, это просто очень здорово, — но потом, наконец, заметив вид Малфоя, быстро добавил, — Думаю, тебе надо сменить одежду.

— Только брюки, — подтвердил Драко, — Я даже не представляю себе, как может ходить с одной

штаниной, даже если мы находимся неизвестно где.

— Ты можешь взять что-нибудь из моей старой одежды, — предложил Чарли вполне по-дружески.

— Следуйте за мной, все. Кстати, вы можете вымыться в палатках.

— Через секунду, — произнёс Драко, — Мне нужно поговорить с Гарри.

— Встретимся в палатке, — сказал Гарри Рону, который пожал плечами и ушёл вместе с Чарли и Джинни.

Гарри с любопытством посмотрел на Драко: — Что случилось, Малфой?

— Мы близко, очень близко, — ответил Драко тихим, возбуждённым голосом, — Кулон, как только мы добрались до лагеря, он начал... хм... ВИБРИРОВАТЬ. Думаю, мы не можем быть больше, чем в часе от места, где находится Гермиона.

Гарри посмотрел на Драко: — Ты уверен?

Драко усмехнулся: — Я когда-либо подводил тебя?

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил?

— Да ладно, я уверен, что прав. Думаю, мы должны отправляться немедленно... ну, как только я получу новую одежду. И ещё, мы должны взять с собой как можно меньше Висли, настолько меньше, насколько это возможно.

Гарри выглядел удивлённым:

— Уйти без Рона и Джинни?

Драко кивнул.

— Но это смешно, Малфой. Я никуда не пойду без Рона, — ответил Гарри.

— Но почему? Ты же должен беспокоиться о том, как защитить их...

— Ты не знаешь Рона! — завопил Гарри.

— А ты думаешь, что знаешь?

— Что ты имеешь ввиду?

Драко кинул на него проницательный взгляд. — Ничего, если ты не хочешь слышать это, — сказал он.

— Я не слушаю Рона, когда он говорит о тебе, — произнёс Гарри, — Тогда, почему я должен слушать тебя, когда ты говоришь о нём?

Драко был поражён. Он не думал, что Гарри мог защищать его.

— Я уже устал от вас обоих, — продолжал Гарри, — Я устал от вашей глупой семейной вражды. Пожалуйста, воюйте, сколько хотите. А я просто не буду обращать на вас внимания.

— Да, да, конечно! Ты не хочешь принять очевидное!

— Тебе не удастся разозлить меня, Малфой! — сказал Гарри, уходя прочь, — Во всяком случае, сейчас.

Драко последовал за ним: — Естественно, Поттер, ты как всегда убегаешь...

— Я не убегаю. Я ставлю точку на этом разговоре и иду в палатку, и должен идти со мной, Чарли за тебя беспокоится.

Палатка Чарли располагалась немного поодаль от остальных. Она также как и другие волшебные палатки была намного больше внутри, чем казалась снаружи. Внутри, палатка оказалась небольшой опрятной квартиркой с кухней, в которой Драко ждал свою обещанную одежду. Он мог представить себе остальные комнаты, которые располагались вдоль узкого коридора. Каждая была обставлена красивой деревянной мебелью, которую, казалось, Чарли сделал собственными руками. В кухне же, над камином Драко заметил семейный портрет Висли, все они улыбались и махали ему руками. Дальше, на стене висело квадратное серебряное зеркало.

Драко посмотрел в него и тут же вздрогнул, увидев, как ужасно он выглядел: весь в крови, грязи...

— О-о-чень интересно, — протянуло зеркало решительным женским голосом так, что Драко даже подпрыгнул, — А ты ничего. Не могу дождаться, когда ты будешь переодеваться.

Чарли, который только что вошёл с грудой всякой одежды, фыркнул. — Оставь его, Одри, — серьёзно обратился он к зеркалу, — Ему только шестнадцать.

— Мне исполнится семнадцать всего через месяц, — автоматически вставил Драко, отворачиваясь от зеркала. Естественно он уже видел говорящие зеркала, но не ТАКИЕ же искренние,

каким было это.

— Вот, — произнёс Чарли. Он сел и положил одежду на стол, — Некоторая из моей одежды, я не знаю подойдёт ли она тебе, но... в общем, я принёс один из своих старых жакетов, на случай, если ты пойдёшь со мной кормить драконов. Ты действительно понравился им. Советую тебе подумать об изучении драконов, может быть, после школы!?

— Никогда не думал об этом, — честно ответил Драко, снимая свой и надевая жакет Чарли. Старший Висли присвистнул: — Это, — произнёс он — это — необычный меч.

Драко посмотрел вниз, на меч Слитерина. — Спасибо, — сказал он, — Этот меч принадлежал моей семье многие столетия.

— А можно мне взглянуть на него? — спросил Чарли, вытягивая руку.

Драко покачал головой. — Он заколдован, — с сожалением произнёс он. — Меч бы прожёл тебе всю руку.

— Но кто мог так заколдовать его? — снова спросил Чарли, — Хотя... — добавил он, — ты не правильно носишь его, — Чарли усмехнулся, увидев выражение лица Драко, — Не имеет никакого смысла носить его за поясом, т.к. он будет больно врезаться в твою ногу при каждом движении. Неплохо было бы носить его за плечом, при этом ты можешь легко достать его. Если меч вдруг понадобится тебе и, к тому же это удобно. Но есть один минус, он будет вне твоего зрения.

— Должно быть ты много знаешь о мечах? — спросил Драко.

— Мне нравятся мечи, — сказал Чарли, — Может быть это даже из-за драконов. Да, я действительно многое знаю о них и могу поделиться с тобой некоторой информацией.

— Что ж, спасибо, — ответил Драко.

— Вообще-то, — глубокомысленно произнёс Чарли, — если хочешь работать с драконами, то необходимо полностью всё снаряжение. Подожди минутку, я сейчас вернусь.

— А твоему брату, должно быть, понравился Малфой, — сказал Гарри, как только они с Роном смыли всю грязь с лица и рук в палатке Чарли. — Малфой понравился драконам, следовательно, он понравился и Чарли, — ответил Рон, пожав при этом плечами, — Ему бы и Тёмный Лорд понравился бы, если бы он подружился с Венгерским Шипохвостом. Во всяком случае, он требует это от нас.

Гарри посмотрел на себя в зеркале, висящем над раковиной. Он смыл всю грязь и кровь, и теперь ему открылось очень бледное, несчастливое лицо, где в зелёных глазах виднелось истощение.

Он надел свои очки, выпрямился и быстро пробежал рукой по всё таким же непослушным волосам. «Не унывай, дорогой», — мягко произнесло зеркало.

Выйдя из палатки, они встретили Джинни, которая была не такая грязная как мальчики, и поэтому помылась гораздо быстрее их. Её рыжие волосы, мокрые после мытья, свисали влажными пламенными усиками вокруг лица. Джинни улыбнулась Рону, потом с тревогой посмотрела на Гарри.

— Как ты, получше?

Гарри пожал плечами: — Я просто немного устал.

Рон, в ответ улыбнулся сестре, но потом его глаза посмотрели куда-то в бок и застыли в изумлении:

— Эй, посмотрите на Малфоя.

Джинни и Гарри повернулись и посмотрели туда, куда указал Рон. Драко шёл прямо к ним, Чарли одел его в специальное оборудование, выглядевшее как его собственное. Это оборудование представляло собой обыкновенную одежду человека, работавшего с драконами, если конечно что-нибудь, что носил «эксперт» по драконам, можно было назвать нормальным.

На собственную рубашку Драко был надет жакет Чарли, а также обтягивающие чёрные кожаные брюки. (Прим. Ред.: «Они должны быть обтягивающими? Пусть будут. Но вы будете виноваты, если он не сможет сесть», Прим. Читателя: «Так сексуальнее»). Чарли также дал Драко пару крепких чёрных ботинок, которые были немного ему великоваты и чёрный пояс с застёжкой в форме дракона. На фоне всего чёрного серебряные волосы и бледная кожа Драко смотрелись поразительно. Он выглядел старше, думала Джинни, Малфой казался совсем другим, но, так или иначе, в «разбитой» кожаной одежде Чарли. Она придавала ему больше симпатии, крутизны... какой-то темноты, которых у него никогда не было раньше.

— Святые небеса, — произнесла Джинни, не осознавая, что говорила вслух, — Малфой выглядит действительно крутым, — добавила она и тут же прикрыла рот рукой, — вы слышали, что я сказала?

Рон кивнул.

— О, Боже! — продолжила Джинни, — Кто-нибудь, убейте меня. Я больше не хочу жить.

Гарри фыркнул, еле подавляя в себе смех.

— Джинни, заткнись, — сказал Рон сердитым, — Он выглядит как идиот!

— Нет, это неправда, — спорила Джинни, — Он выглядит... как... всё равно, что на рисунке или картине...

Гарри опять фыркнул, на этот раз с отвращением. — А я просто вижу висящую картину, — произнёс он, — Натюрморт а-ля Зад в Нелепых Брюках. Джинни полностью проигнорировала его, она так и стояла, закрывая рот рукой. Когда Драко уже подошёл к ним, он посмотрел на девочку с любопытством. — Что-нибудь не так? — спросил Малфой.

Джинни как-то странно пискнула, развернулась и убежала в противоположном направлении.

Теперь Драко смотрел с любопытством на Рона. — Её что-то беспокоит?

— Кожа, — быстро ответил Гарри, смотря вслед сестре Рона, с выражением смешанного развлечения и удивления. — Она ненавидит кожу. Джинни вегетарианка.

Драко лишь закатил глаза: — Это кожа дракона, — произнёс он, — Её сняли уже с мёртвого дракона. Чтобы снять с дракона кожу его надо убить.

Рон хмыкнул.

— А, вы хотите, чтобы я пошёл и сказал ей об этом? — сердито спросил Драко.

— О, нет, — быстро сказал Рон, — Думаю, ей надо побыть одной, со своим, хм...

— Вегетарианством, — добавил Гарри.

Драко смотрел на них совершенно спокойно и безразлично: — Вы два самые ужасные лгуны в мире, — проговорил он, — Вы двое, и ещё, Невилл Лонгботтом!

— Что ж, по крайней мере, ты знаешь, что я не вру, когда говорю, что ты выглядишь просто смешно! — сказал Гарри, — Кожаные штаны, Малфой?

— Но они чрезвычайно важны при работе с драконами, — произнёс Чарли, который только что подошёл, — А Драко как раз будет помогать мне...

— Нет, не будет, — перебил Рон, — Мы должны идти. Сейчас. А если Малфой хочет прыгать вокруг дракончиков, то, пожалуйста! Просто пусть он отдаст нам кулон, и мы пойдём без него.

Чарли перевёл взгляд от Драко к Рону. Он уже открыл рот, чтобы сказать что-то, но посмотрел на Гарри, и закрыл рот. Затем Чарли снова заговорил: — Хорошо. Я не знаю что вы, мальчики затеваете, НО, на тебя, Рон, я наложу Прослеживающее Заклятье. И если ты не вернёшься через три часа, то я телепортируюсь туда, где ты будешь находиться. Всё ясно?

Рон кивнул. — Ясно.

— И Джинни остаётся здесь, — добавил Чарли.

— Ей это не понравится! — произнёс Гарри.

— Мне всё равно, — сказал Чарли со слабой усмешкой, — Мне и так достанется, если мама узнает, что я позволил Рону уйти и делать Бог-Знает-Что с вами двумя. Добавьте сюда Джинни, и я могу больше никогда не возвращаться домой.

Я НЕ БУДУ СПАТЬ. Я НЕ ЗАСНУ.

Гермиона лежала на соломе в башне, в той же комнате, где Червехвост оставил её. Она прижимала руки к глазам. В момент, когда Червехвост покинул комнату, Гермиона начала шептать Пробуждающее заклинание, которое она часто использовала, когда допоздна засиживалась за уроками. Медленно, очень медленно туман начал отступать от её мозга, яркие танцующие пятна перед глазами исчезали, и Гермиона больше не чувствовала опасности заснуть. Ей хотелось думать, что с момента как она победила сон, любовное зелье также перестанет работать, но Гермиона понимала, что это вряд ли правда.

Чтобы защитить себя от паники, она пыталась думать о приятных ей вещах, вещах, которые однажды сделали её счастливой. Гермиона закрыла глаза, думая о родителях, о школе, о гуляниях по Хогсмиду вместе с Роном и Гарри. А самое счастливое, что было у неё в жизни, были мгновенья

двух последних школьных недель, которые она провела вместе с Гарри. Сейчас, больше всего на свете она хотела опять услышать голос Гарри. Гермиона представила его образ в своих мыслях: Гарри улыбался ей, сжимая её руку. Он тащил её куда-то вниз, по коридору, за пределы Гриффиндорской гостиной: — *Гарри, надо делать уроки, — протестовала Гермиона, смеясь, — Гарри нельзя пользоваться Картой Мародеров, только что бы найти туалет, в который мы можем зайти и всё выяснить.*

Гарри засмеялся: — Почему бы и нет? — Он проконсультировался с картой, — Как тебе этот. Это великий туалет.

— Гарри, все туалеты одинаковы! — О, нет. Этот туалет просто исключительный, — он поднял Гермиону вверх и понёс в туалет, аккуратно посадил её, и одним ударом ноги закрыл дверь позади себя, — Ну, мы на месте. Хороший туалет, не правда ли? — Гарри... мы здесь по какой-то причине? — У нас всю неделю были экзамены. И я чувствовал, что всё, что я делал, учил и т.д. — все полнейшая чепуха. Я почти не видел тебя. Я хочу побыть с тобой наедине. Мне всё равно, что мы будем делать, правда. Я просто хочу на тебя посмотреть.

— Что ж, я не буду сидеть в туалете только для забавы.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что тебе лучше поцеловать меня Гарри Поттер, иначе я запру тебя, и ты будешь сидеть тут, пока тебя не найдёт Филч, — ответила Гермиона. Гарри в восхищении бросил Карту в воздух:

— Наконец-то, именно это я и собирался сделать!

Тут её пальцы уже не смогли сдержать поток слёз, давно застывший в глазах. Гарри сейчас за миллион миль отсюда, думала Гермиона. Всё находилось за миллион миль от этого проклятого места.

Драко оказался прав, они были очень близко. Они летели только сорок пять минут, когда Драко жестами указал Рону и Гарри, что пора снижаться.

Они оказались на месте, которое, возможно, когда-то представляло из себя огромную ровную поляну, но сейчас на ней явно было слишком много деревьев. Немного пройдя дальше, они обнаружили полуразрушенные стены какого-то старинного замка, но всё-таки где-то там, в тени скрывалась целёхонькая башня, обросшая тем, что осталось от такого же старинного сада.

Что касалось земли под деревьями, то она была слишком сырой и не внушала никакого доверия. Вероятно, раньше на этом месте был ров. Вся троица тревожно переглянулась. — Думаю, нам придётся каким-то образом карабкаться по стенам, — высказал предположение Гарри.

— Но у нас же есть метлы! — сказал Рон.

— Слишком заметно, — сказал Драко, — Тогда уже сразу надо маршировать к стенам.

— Что если мы... — начал Рон. — Я марширую с ружьем, — перебил Драко, — Только не говори снова, что у тебя есть хороший план, который мы не хотим выслушать.

Гарри бросил на Драко быстрый предупреждающий взгляд, а Рон просто проигнорировал его.

— Я говорил, что... — продолжил Рон.

Его прервал звук, исходящий из противоположной стены и звучащий как музыка.

Сначала Гарри подумал, что это, могла быть, песня феникса. Это музыка звучала также... «сладко», но прислушавшись получше, он понял, что она была... «выше», приятнее и более проникновенной. И казалось, музыка, так или иначе, вела его... прямо к разрушенным стенам.

— Эй! — окликнул Драко, смотря на Гарри с Роном, оба которые направлялись к стенам и, казалось, собирались действительно вскарабкаться по ним, если понадобится. Догнав, Драко одёрнул их за робы и потащил назад. К счастью, «пение» начало постепенно затихать, — Да прекратите вы или нет?!!

Рон выдернул свою робу из руки Драко и прошипел: — Прекратить что?

— Да вы уже были готовы залезть наверх по этим стенам!

— Нет, это не правда, — протестовал Рон.

— Рон, по-моему, Драко прав, — вдруг сказал Гарри, — Что это было, Малфой?

— Думаю, ни что иное как пение вилы, — ответил Драко, — Неплохо, не правда ли? — Вилы? —

повторил Рон с удивлением.

— Это вполне может быть место, охраняемое виллой, — добавил Драко, — Хорошая идея.

Рон фыркнул: — И что же они могут нам сделать? Зацеловать насмерть?

Драко посмотрел на него с выражением некоего отвращения.

— Что? — опять «прошипел» Рон.

— Ты абсолютно ничего не знаешь о вилах, Висли, не так ли? — сказал Драко, — Настоящая вила может использовать мужчин только двумя способами: это деторождение... и питание.

— Питание, т.е. они едят нас? — слабо выдохнул Рон.

— Да, — согласился Драко. И он усмехнулся, — Однажды я читал дневник моей прапрабабушки, — продолжал Малфой, — И там было что-то вроде того, как обычный человек пригласил её на обед, конечно он ещё не понимал, что обедом БУДЕТ именно ОН. Короче, дальше вам слушать будет не очень интересно... думаю, вы догадываетесь почему. Будет достаточно сказать, что вилы очень опасны. Они существа, принадлежащие Чёрной магии.

Гарри был поражён. — Лупин, — тихо произнёс он.

— О, Флёр — вила только на четверть, — хладнокровно ответил Драко, — Самое большое, что она может сделать это отгрызть мочку его уха.

Но Гарри всё ещё смотрел на Драко: — Ладно, но что будем делать мы?

— Ну... — начал Драко. — Вы можете пойти туда и минут через десять стать обедом какой-нибудь вилы или остаться здесь и подождать, пока туда схожу я.

— А ты не станешь обедом для вилы? — в надежде спросил Рон.

— Я — потомок вилы, — ответил Драко, — Они не тронут меня.

Гарри посмотрел на него: — И ты так уверен в этом?

Драко глубоко вздохнул: — Да уверен, — ответил он, — Вы можете поднять меня наверх?

Гарри вынул свою палочку: — Да, я могу, — сказал он. Гарри сделал шаг назад и указал палочкой на Драко, — Вингардиум левиоса!

Малфой начал медленно подниматься вверх и вскоре приземлился на колени на вершину стены. Драко глянул вниз, на Гарри. В его зелёных глазах чувствовалось напряжение.

— Малфой, — позвал Гарри.

— Что?

— Надеюсь, ты вернёшься, а не пойдёшь дальше один?

— Я вернусь, — ответил Драко и прыгнул со стены в «сад».

И как только он коснулся земли, волна холодного воздуха, благоухающая ароматом пыльных и гнилых лепестков цветов, окатила его. Свет уже не так проникал сюда, хотя солнце всё ещё сияло высоко над лесом. Дальше Драко смог различить только пару рядов бывших цветочных клумб и несколько преград, усеянных бледными и увядшими цветами. А на некотором расстоянии от клумб виднелась единственная уцелевшая башня.

Малфой всё ещё слышал песнь вилы, которая доносилась до него, как будто звучала за сотни миль от этого места. Когда Драко начал двигаться вперёд, то уголком глаз заметил явно нежелательное мерцание, словно белая блестящая бабочка пролетела где-то неподалёку. Он повернулся, посмотрел на сияние... и увидел необычайно красивых высоких бледных женщин. Их длинные волосы мерцали, словно серебро в тусклом свете. Драко ещё ни разу не видел настоящую, чистокровную вилу так близко. Он почувствовал, как какой-то холодный кулак сжал его сердце, почувствовал ужас и восхищение одновременно. Сейчас Драко просто стоял и смотрел, как вилы всё ближе и ближе приближались к нему, но ещё мгновение и он бы сорвался и убежал прочь, подальше от этой башни и от этих вил. Тем временем последние подходили всё ближе, но подходили медленно, не спеша — казалось, они просто мелькают назад и вперёд, словно настоящие бабочки. В центре «группы» Драко различил самую высокую вилу, шедшую немного впереди остальных. Малфой решил, что она должна быть кем-то вроде их предводительницы, т.к. когда они подошли совсем близко, высокая вила велела всем замолчать.

— Ты повёл себя очень глупо придя сюда, человеческое существо, — сказала она Драко, обнажив белые зубы

— Посмотри на меня, — произнёс Драко, стараясь сохранять спокойствие, — Я действительно кажусь тебе ни кем иным, как человеком?

Вила моргнула.

Но тут кто-то из них сказал крошечным голоском: «Он не так уродлив, как большинство из них».

— Его волосы похожи на наши, — высказалась другая.

— Но я ужасно голодна, — произнесла ещё одна, что заставило отскочить Драко на фут назад.

— Есть только один способ выяснить правду, — сказала главная вила и шагнула к поражённому Драко. Она схватила и поцеловала его в губы.

Поцелуй был подобен урагану, внезапно обрушившегося на Драко, который ещё не испытывал в своей жизни ничего подобного. Где-то в глубине сознания Малфой вспомнил слова Рона: «ДА ЧТО ОНИ МОГУТ СДЕЛАТЬ, ЗАЦЕЛОВАТЬ НАС ДОСМЕРТИ?»

Тут вила выпустила его, и вызывающая отвращение буря его внутренностей резко прекратилась.

Она улыбалась: — Он один из НАС, — объявила предводительница, а другая вила, вопя от восхищения, повисла на Драко, поглаживая отвороты его воротника и...

— О... кто меня ударил? — завопил Малфой с негодованием, пытаясь неудачно выбраться из крепких объятий, — Должно быть, в мире было не слишком много полувил, да ещё и мужского пола, — думал Драко, пытаясь убрать руку с его замка на брюках. Жаль, что никто НЕ ГОВОРИЛ мне раньше о таких наклонностях вил, — Руки прочь! — предостерегающе пропищал он, — О... руки, руки... это совсем не обязательно... Да оставьте же вы мои волосы! Успокойтесь, ради Бога, сейчас множество таких Драко Малфоев, ну в смысле таких же симпатичных... как я, знаете...

Драко замолк, т.к. при этих словах вилы сразу выпустили его и в тишине отступили назад. Главная вила с удивлением посмотрела на него: «Так ты Драко Малфой?» — спросила она.

Драко был поражён. Естественно, он всегда мечтал, что настанет день, когда он станет настолько популярным, что лишь простое упоминание его имени заставит замолчать полную комнату народа. Но он даже и не подозревал, что этот день уже настал.

— Ты должен был сразу рассказать об этом, — сказала главная вила с возмущением.

— Я — должен был — что? — переспросил Драко, но вила уже начали отходить от него туда, откуда пришли.

Драко смотрел им вслед, а его рот даже открылся от шока. «Я АБСОЛЮТНО НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ТОЛЬКО ЧТО ПРОИЗОШЛО — думал он. — НО ОДНАЖДЫ Я ВЫЯСНЮ ВСЁ, КАСАЮЩЕЕСЯ ЭТОГО ПРОИСШЕСТВИЯ. НО НЕ СЕЙЧАС».

Малфой тоже начал подходить к стенам башни, немного ожидая что всё-таки одна из вил сейчас выскочит из-за угла и попытается остановить его. Но такого не происходило. Казалось, они вообще забыли, что он был и до сих пор находится здесь.

Драко продолжал пробираться к башне, как вдруг резко остановился. Он выпрямился, огляделся вокруг... и тут его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Драко узнал это место: серую башню, чёрные стены, мёртвые деревья. Именно это место он «видел», когда использовал свой магический кулон. Драко понял, что он должен быть очень близко к месту, где сейчас находится Гермиона. От волнения он даже начал идти быстрее, и как только башня полностью предстала перед ним, Драко внезапно, словно опять услышал голос Гарри: «МАЛФОЙ, НАДЕЮСЬ, ТЫ ВЕРНЁШЬСЯ?»

Теперь Малфой замедлил свой темп. Имел ли Гарри ввиду вернётся ли он вообще? Или то, что вернётся ли он после разговора с вилами, чтобы потом спасти Гермиону вместе? Нет, конечно же Драко знал, что на самом деле подразумевал Гарри. Он знал, что Гарри бы никогда не согласился остаться и ждать, пока Драко сам доберётся до Гермионы. «Я должен вернуться, — думал Малфой, — Я должен вернуться за Гарри и Роном». В этот момент лицо Поттера проплыло перед глазами Драко, бледное и обеспокоенное, точь-в-точь как в последние несколько дней.

Ой!

Малфой врезался в стену замка. Он немного отступил назад, потирая ушибленный локоть. Драко стоял прямо перед полуразрушенной стеной, северная часть которой почернела так, как будто горела в огне. Малфой опять узнал эту стену.

Я НА МЕСТЕ.

Где-то в середине стены Драко различил небольшое квадратное окно с такой же небольшой решеткой. Кулон, висевший на шее, уже начинал вибрировать холодными и горячими потоками воздуха одновременно. Гермиона была там, она была очень близко. Драко закрыл глаза и увидел её

лицо. Он уже представлял себя, спасающим её, представлял, как Гермиона смотрит ему в глаза и говорит о его необычайной храбрости.

«ЗАБУДЬ ОБ ЭТОМ — резко приказал сам себе Драко. — ОНА ВЫБРАЛА ГАРРИ. И Гермиона НЕ ИЗМЕНИТ СВОЕГО МНЕНИЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ Я СПАСУ ЕЁ, ОНА ВПОЛНЕ НЕЗАВИСИМА, ДА ОНА ДАЖЕ НЕ ОБНИМЕТ МЕНЯ. МОЖЕТ БОЛЬШЕЕ НА ЧТО Я МОГУ РАССЧИТЫВАТЬ, ЭТО ПИНОК В ЛАДЫЖКУ?»

«МАЛФОЙ, ТЫ ЖЕ ВЕРНЁШЬСЯ?» — уже в который в голове у Драко звучали эта фраза, принадлежащая Гарри.

ДА КОГО ЗАБОТИТ, ЧТО ТАМ ИМЕЛ ВВИДУ ЭТОТ ПОТТЕР? — произнёс другой, более резкий голос. ГАРРИ — ГЕРОЙ, ПРИЧЁМ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ. ОН ВЫИГРЫВАЕТ КАЖДОЕ СОСТЯЗАНИЕ. ПОЛУЧАЕТ ЛЮБУЮ ДЕВЧОНКУ. И ТАК БУДЕТ ВСЕГДА, НИЧЕГО И НИКОГДА НЕ ИЗМЕНИТСЯ. МАЛФОЙ, ЭТО ТВОЙ ШАНС, ТВОЙ НАСТОЯЩИЙ ШАНС ПОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ В СТО РАЗ ЛУЧШЕ ПОТТЕРА. ЛУЧШЕ ИЛИ, ХОТЯ БЫ, ТАК ЖЕ ХОРОШ.

Бездумно он поднял свою палочку, указывая на окно с решёткой.

— ЗОВИО!

Какой-то странный звук сопровождал первые движения решётки: железные полосы вырвались из каменных стен и полетели к Драко с такой силой, что тот даже отскочил назад, позволив им с достаточно громким шумом свалиться на траву. Малфой стал дико озираться по сторонам, но в саду оставалось также пусто, как и было до этого.

Теперь вверх, опять приказал Драко сам себе. Однако, прошло ещё некоторое время, прежде, чем он снова смог двигаться.

Червехвост удовлетворённо улыбался сам себе, открывая дверь и входя в круглую комнату. И сразу же увидел Гермиону, ничего не осознающую, лежащую на кровати, нет, даже не на кровати, а на подстилке из соломы. Хвост наклонился к ней, проверяя закрыты ли глаза Гермионы. Затем, удостоверившись в этом, он вытащил из своего кармана какую-то тряпку, и завязал карие глаза девочки. По его мнению, это не позволило бы Гермионе увидеть кого-либо, перед тем как она увидит человека, которого ей предназначено увидеть. Если конечно, Салазара Слитерина вообще можно назвать человеком.

Червехвост проверил, достаточно ли крепок узел, который он завязал, и уже собирался встать и выйти из комнаты, как вдруг уголком глаз заметил или даже скорее почувствовал какое-то движение. Он опустил голову, и к своему величайшему удивлению, увидел руку девочки, высывающуюся из его собственного кармана, вместе с его палочкой.

— ОГЛУШИТЬ! — прокричала Гермиона.

Буквально на секунду Гермионе показалось, что заклинание не сработало. Но затем она услышала глухой стук, который, вероятно, означал, что Хвост упал на пол, причём, тяжело приземлившись на её левую ногу. Вставая, Гермиона вертелась из стороны в сторону, пытаясь высвободить свою ногу. Наконец шагнув вперёд, нога девочки упёрлась во что-то твёрдое и тяжёлое — вероятно, тело Червехвоста.

Чувствуя тошноту, Гермиона шагнула назад. Она вытянула руки и шла до тех пор пока они не упёрлись в стенку. Гермиона начала идти вдоль стены. Несмотря на повязку, её глаза всё ещё оставались закрытыми, её пальцы скользили по грубым каменным стенам. Гермиона пыталась уловить каждый звук, исходящий от Червехвоста, но комната была полностью окутана тишиной.

Тут её руки ощутили гладкую древесину двери, они опустились немного вниз и дёрнули за ручку. Но дверь осталась неподвижной. В отчаянии Гермиона вцепилась в дверной замок и попыталась открыть его, но это было просто невозможно без возможности видеть. Колеблясь, раздумывая, она поднесла свои руки к повязке и сорвала её. «Я НЕ БУДУ СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД СЕБЯ, Я НЕ БУДУ» — Гермиона посмотрела на замок, сделала что-то и открыла дверь.

И увидела Драко, который стоял на пороге и с удивлением смотрел на неё.

Примечание АВТОРА (К. К.): Если вы удивитесь, что сначала Драко находился за пределами замка, а потом вдруг появился внутри его, то довожу до вашего сведения, что так было написано преднамеренно.

Об этом будет сказано позже.

Глава 5. Затерянная страна

Драко был потрясен, увидев Гермиону — но, взглянув на ее лицо, он поразился еще больше. Она выглядела так, словно увидела призрака, и не просто призрака, а призрака человека, которого она любила.

— Гермиона... С тобой... все в порядке? — произнес он.

— О, нет... — она с ужасом смотрела на него. — Только не ты...

Драко впился взглядом в Гермиону.

— Полагаю, ты здесь, чтобы спасти меня? — резко спросила она, с трудом сдерживая рыдания.

— Я... ну... да... — ответил он растерянно. — Может, мне стоит заглянуть попозже?

— Ну почему это сделал не Гарри?... — пробормотала она, глядя сквозь него. — С ним все в порядке? Почему его здесь нет?

Драко уставился на нее. Не то, чтобы он ждал гостеприимной встречи... но то, что происходило, не укладывалось в его голове.

— Там были вилы... — начал он сбивчиво. — С Гарри все в порядке, он ждет снаружи... Бог мой, Гермиона, что ты сделала с Петтигрю? — добавил он, взглянув ей за плечо.

Гермиона обернулась и увидела растянувшегося на соломе Червехвоста. Похоже, заклинание попало ему в лицо: солома вокруг его головы потемнела от крови.

— Я его ударила, — коротко пояснила она.

— И причем сильно, — Драко явно был впечатлен увиденным. Он тряхнул головой, отгоняя посторонние мысли.

— Он один держал тебя здесь? — голос Драко звучал требовательно.

Гермиона равнодушно качнула головой.

— Нет.

— Значит, здесь есть кто-то еще — более опасный, более могущественный?

Она кивнула в ответ.

— Прекрасно, — Драко взял ее за руку. — Пойдем.

Но Гермиона, похоже, не собиралась двигаться с места, так что Драко пришлось буквально тащить ее за собой по коридору. Она неохотно следовала за ним, оглядываясь через каждые несколько шагов, словно проверяя, не идет ли кто за ними.

— Ты не знаешь где здесь выход? — спросил он, уже начиная задыхаться. — Тебе не кажется, что стоит поторопиться?

— Нет, я не знаю дороги наружу, — ответила она ледяным голосом. — Я знаю только одно: он где-то рядом, и он не даст нам так просто уйти...

— Кто — он? Вольдеморт?

Она глухо рассмеялась.

— Нет.

Они стояли на верхней площадке лестницы, выдолбленной в камне, которая вела в помещение, похожее на переднюю — Драко увидел потемневшие колонны и треснутый мраморный пол. Он оглянулся — Гермиона выглядела бледной, ошеломленной и несчастной.

— Ты можешь спуститься по лестнице? — спросил он.

— Я в полном порядке, — ответила она сдавленным голосом.

— Ну, ладно... — он недоуменно взглянул на нее и, покачав головой, шагнул вниз. Она медленно последовала за ним. Драко с трудом удерживал желание подгонять ее: «Я не знаю, через что ей пришлось пройти... — напоминал он себе, — С ней могло произойти что угодно...»

Он искоса взглянул на нее. Нет, выглядит, вроде, нормально — устала, конечно, да еще этот перламутровый блеск в глазах, словно она собирается заплакать... Какая-то ранка на губе... видимо, она прикусила ее... Но в остальном — цела и невредима...

— Гермиона, — неожиданно сказал он, повернувшись к ней, — ты можешь не разговаривать со мной, но ты хотя бы можешь просто сказать, что с тобой все нормально? Просто кивни, хорошо?

— Какая забота, — раздался голос позади них. — Как трогательно!

Они оба повернулись — Драко быстро, Гермиона — чуть медленнее, словно боясь того зрелища,

что ее ожидало. На лестнице стоял Салазар Слитерин.

Лупин услышал стук в дверь.

— Секунду — закричал он, в суматохе оглядываясь вокруг. У него действительно не было времени привести свой кабинет в порядок с тех пор, как обнаружил его взломанным вчера. Он смел большинство осколков адмантина в угол и разделил свои бумаги на стопку «испорченных» и «неиспорченных». Несколько заклинаний починили окно, и вернули шару с нимфой-которая-была-похожа-на-Лили почти первоначальную форму. (Хотя сейчас снег был голубым.)

Лупин схватил экземпляр «ежедневного пророка» и накрыл им книгу, которую читал, или пытался читать. Это была рукопись, которую кентавр дал ему в Запретном Лесу, до сих пор Лупин не понял, на каком же языке она написана. Он пробовал язык Троллей, Русалок, Гигантов, и даже эльфов, но все безуспешно.

— Войдите, — позвал он.

Это была Флёр. Она вошла, улыбаясь, свет играл на ее волосах, делая их блестящими. Здравствуйтесь, профессор! Вы хотели меня видеть?

— Флёр, — ответил он осторожно. — Да. Я хотел спросить тебя кое о чем.

Она улыбнулась ему:

— О чем же?

— Ты знаешь, где сейчас Гарри Поттер и Драко Малфой?

Улыбка испарилась с ее лица, уступив место недовольной гримасе:

— Нет. Я не знаю, — ответила она. — А почему я должна знать?

— Верно, — Лупин устало потер глаза. Он был абсолютно уверен, что у него начинает болеть голова. — Я говорил, что прекрасно знаю: это они послали тебя вчера, чтобы выманить меня из кабинета? Возможно, они посвятили тебя в остальную часть своего плана.

— Может быть, — сказала Флёр, хлопая ресницами. — Я сделала это потому, что вы мне нравитесь.

Лупин вздохнул:

— Флёр, — сказал он, — Я уже говорил. Я оборотень. Все эти виловские штучки на меня не действуют. Да и к тому же, я в два раза старше тебя и я твой учитель.

— Я могу выбрать другие уроки, — предложила Флёр.

— Я все равно останусь учителем этой школы, — сказал Лупин. Сейчас он был абсолютно уверен, что у него болит голова.

— Мда-а, вообще-то это действительно так, — сказал голос из угла.

И Лупин, и Флёр обернулись. Это был Сириус, то есть его голова и плечи в камине.

— Мне нужно поговорить с тобой, Рем, — сказал он.

Лупин повернулся к Флёр с облегчением.

— Ты извинишь нас?

Флёр одарила Лупина оценивающим взглядом. Затем Сириуса. О чем бы она ни подумала, это заставило ее широко улыбнуться. Она повернулась, пожала плечами. И вышла, закрыв за собой дверь.

— Хорошенькая девочка, — сказал Сириус.

— В меру, — сказал Лупин, своим тоном, означающим, что эта тема для обсуждения закрыта.

— Вернулся домой, Сириус?

— Я в особняке с Нарциссой, — сказал Сириус, выглядевший устало. — Мы вернулись прошлой ночью. Я послал сову Дамблдору...

— Я тоже.

— И я написал лучшему другу Гарри — Рону Висли. Может он знает, где Гарри находится.

— Что говорит Дамблдор?

— Он думает, что с Гарри все в порядке, — сказал Сириус. — Албус не беспокоится.

— Хорошо, — сказал Лупин, постаравшись, чтобы это прозвучало более оптимистично.

— Ты ходил в Запретный лес?

— Да, — ответил Лупин. Он взял книгу и поднес ее к огню, где показал Сириусу и рассказал, что

поведал ему Кентавр. Блэк посмотрел на книгу и покачал головой:

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он. — Даже когда обучался на Аурора. Ты уверен, что это язык? Выглядит, как обычные загогулины.

— О, это язык, — сказал Лупин. — Есть отличительные черты. Но я готов поклясться, что никогда ничего подобного не видел. К тому же здесь только половина моих книг. Вторая половина испорчена...

— Кстати, о книгах, — прервал его Сириус. — Я только что говорил с Министерством о тебе...

— Обо мне? — сказал Лупин, напрягшись.

— Я бы очень хотел, чтобы ты приехал к нам в особняк...

Лупин уставился на него.

— А при чем тут Министерство?

Сириус вздохнул:

— Ауроры все здесь перерыли: они забрали бумаги Люция, все атрибуты черной магии, которые у него были. Но они не трогали библиотеку. Здесь тысячи книг, причем многие из них в единственном экземпляре. Чтобы их разобрать, нужны месяцы, а многие Ауроры сказали, что они никогда не видели и половины языков, которые тут представлены. Вот я и подумал о тебе. Министерство согласно платить тебе за то, чтобы ты перебрал библиотеку Люция...

— Но я не Аурор, — возразил Лупин.

— Нам и не нужен Аурор, — сказал Сириус. — Нам нужен кто-то, кто разбирается в пособиях по Черной Магии. Ученый. Кто-то вроде тебя.

— У меня есть работа здесь, Сириус. Я не могу просто уехать.

— Эта работа лучше оплачивается, — сказал Сириус. — И Дамблдор очень рад отпустить тебя.

Он сказал, что уже нашел замену для твоего урока.

— Кого? — спросил Лупин с любопытством.

— Снэйпа, — сказал Сириус, ухмыляясь.

Теперь настала очередь Лупина усмехнуться:

— Представляю себе Флёр, пытающуюся выманить его из кабинета...

— Что?

— Ничего.

— Так ты приедешь?

— Конечно, я приеду.

— Странный поворот событий, — сказал Слитерин своим грубым хриплым голосом. Он стоял у подножия лестницы, высокий, с бледным, болезненным лицом. Салазар был одет уже в другую мантию. Эта была более насыщенного зеленого цвета и струилась тонкими складками, край был обрамлен золотом. «Интересно, он оделся так, чтобы поразить меня?» — Думала Гермиона с неприязнью.

Она быстро посмотрела на Драко, ожидая увидеть на его лице страх, шок и удивление. Но ничего не заметила. На его лице было странное выражение признания. Как будто он столкнулся с тем, кого знал, но кого не ожидал увидеть вновь.

— Ты, — сказал он, смотря на Слитерина. — Я знаю тебя. Но ты мертв. И вдобавок должен быть ниже.

Слитерин холодно ему улыбнулся.

— О да... — сказал Драко тоном, как будто он что-то вспоминал. — Ботинки на платформе, верно?

— Драко, — прошептала Гермиона с волнением. — Не надо.

— Итак, — сказал Драко, который, похоже, устал от этой темы. — И как же завершится история с продажей твоей души? Потому что я могу сказать тебе прямо отсюда, где стою, что это совсем не похоже на фильм с веселым концом.

— Ты, — сказал Слитерин, не двигаясь. — Значит, ты знаешь кто я?

— Ты мой предок, — сказал Драко. Он подошел ближе и вынул меч из ножен, держа его впереди. — И я думаю, что это твое.

— Наше, — сказал Слитерин. — В тебе моя кровь, мальчик. А сейчас у тебя и мои мечты со

снами. Так что скоро ты станешь мной.

Драко покачал головой:

— Я действительно сомневаюсь, что это когда-нибудь произойдет, — сказал он, все еще держа меч перед собой. Несмотря на ужас происходящего, Гермиона была поражена. Определенно, он держит его так, словно умеет им пользоваться. Она вспомнила фехтовальную комнату в Имении Малфоев. А может, он и вправду знает...

Слитерин улыбнулся еще более холодно:

— Ты дитя. Ты не чувствуешь руку судьбы. Думаешь, что простой случай дал меч тебе в руки? Или привел тебя сюда? Или привел тебя к ней? — он указал взглядом на Гермиону. — Я думал, она полюбит меня. Но она полюбит тебя — так даже лучше. История повторяется, все идет, как надо.

— Все прекрасно, только есть одна вещь, которую стоит иметь в виду — я в такие игры не играю, ответил Драко, глядя на Слитерина. — Вы сумасшедший.

Слитерин продолжал улыбаться.

— Гермиона не любит меня, — пояснил Драко. — Не правда ли? — он развернулся и взглянул на нее. Она промолчала.

— Считай это подарком. Тебе от меня, — Слитерин все смотрел на Драко. — Просто маленький пример того, что я могу дать тебе...

— Гермиона? — снова удивленно повторил Драко. Он шагнул к ней в тот момент, когда она повернулась в его сторону, и эфес меча коснулся ее руки. Гермиона вскрикнула и отскочила назад, на запястье вспухал ожог.

— Ровена! — рявкнул Слитерин. В его голосе промелькнула тревога. Он начал подниматься по лестнице, выглядя взволнованным.

— Назад! — с отвращением зашипела Гермиона. Она отступила назад и, ухватив Драко за рукав, начала оттеснять, словно пытаясь встать между ним и Слитерином. — Сейчас же назад!

Слитерин замер, глядя на них своими пустыми темными глазами. Потом его рука скользнула вглубь обширного рукава, и в сумраке что-то тускло блеснуло в его ладони. Секунду он держал это в руке, глядя на Драко.

— Эй, мальчик! Лови! — и он бросил это, целясь Драко прямо в лицо.

Драко машинально выставил вперед свободную руку и поймал. Тут же задохнулся, почувствовав, что его резко дернуло вперед. В животе все перевернулось, мир внезапно превратился в точку размером с апельсин, цвета перед глазами померкли и расплылись. «Портключ», — пронеслось в его замутненном сознании.

Он знал, что рядом Гермиона, он еще чувствовал ее руку на своем рукаве, но тут его ноги уперлись в землю, и он упал на колени, чудом не проткнув себя мечом.

Драко огляделся вокруг: он увидел растущую меж битых камней зеленую траву, увидел деревья на краю леса. А за стеной — башню, в которой только что был. Слитерин просто вышвырнул их за стену...

Гермиона непонимающе огляделась. Они определенно находились вне замка — но почему? Она взглянула на Драко, который швырнул меч на землю. Вид у него был взбешенный.

— Проклятье!!! — внезапно заорал он. — Поверить не могу, что я купился на это: — Эй, лови! Это уловка стара как мир. Все равно что «Осторожно, сзади!»

— Чем он в тебя кинул? — спросила она. — Это был портключ?

— Похоже на то, — Он медленно разжал пальцы и внимательно посмотрел на предмет. Это был почерневший кусок серебра, изогнутый в форме буквы Х. На верхушке было ушко — видимо, его носили на цепочке.

— Похоже на дешевую бижутерию...

— Не могу поверить, что он нас просто отпустил... — вдруг произнесла она.

Драко поднял на нее глаза и нахмурился:

— Гермиона, он более сумасшедший, чем... нет, даже сравнить не с чем... Словом, он просто конченный псих. Наверное, это оттого, что он слишком долго был покойником...

— Он безумен, — тихо повторила она, — Это точно... Но очень целеустремленный...

Драко встал и отряхнул с одежды траву, протянув ей руку, чтобы помочь...

Это был похоже на удар током. Она почувствовала толчок, когда их руки встретились,

почувствовала, как зелье в ее крови вскипело и окатило ее волной жара, почувствовала взрыв желаний и стремления.

Она медленно поднялась, глядя на него. Она чувствовала его смущение, раздражение и озабоченность — словно бы каждая клеточка ее тела настроилась на его чувства и эмоции. Шок, охвативший было ее, начал проходить, сменяясь какой-то ужасной, какой-то болезненной тяжестью. И тонкий голосок на задворках сознания подсказал ей, что все это пройдет, если она будет с ним и... Нет.

Она отдернула свою руку:

— Не прикасайся ко мне!

Он ошолбенело взглянул на нее, глаза его полыхнули гневом:

— Да что с тобой происходит, Гермiona? Что не так?

— Что со мной? — эхом откликнулась она, звонко и неестественно весело рассмеявшись. — Я люблю тебя, вот что не так!

Драко посмотрел на нее так, словно не понял, правильно ли он расслышал ее слова:

— Ты... что?

— Я люблю тебя!

— Я не... — затряс он головой.

— Я влюблена в тебя, — повторила она.

Он побелел, стал просто удивительно бледным — словно бы она ударила его, а не призналась в любви. Она даже почувствовала себя виноватой.

— Нет... — произнес он. — Ты влюблена в Гарри...

— Это правда, — ее пальцы в волнении сжались в кулаки. — Но ты помнишь, что сказал Слитерин на лестнице?

— Я думал, мы договорились, что он не в себе... — возразил Драко. — Честно говоря, ты меня начинаешь удивлять. Думаю, тебе стоит все объяснить. И поскорее...

— Слитерин дал мне любовное зелье, — начала она без всякого выражения. — Он хотел, чтобы я полюбила его. Вернее, я должна была полюбить первого, кого увижу. И первым, кого я увидела, был ты.

Она глубоко вздохнула. Он смотрел на нее в совершеннейшем недоумении.

— Любовное зелье... — неуверенно повторил он.

— Точно, — кивнула она.

— И теперь ты любишь меня? Из-за того, что приняла зелье?

— Да, — снова кивнула Гермiona.

— Но ты не любила меня раньше, — произнес он с такой тоской в голосе, какой она никогда еще не слышала. — Ведь ты не любила меня... до зелья?

Гермiona медленно покачала головой:

— Не так, как сейчас...

— Ох, — выдохнул он с отсутствующим видом, — как ты думаешь, сколько длится его действие, Гермiona?

— Я полагаю, что оно постоянное...

— Ох, — снова вздохнул он, все еще не придя в себя.

Она потянулась к нему и слегка коснулась его рукава. Драконья кожа на ощупь была такой же грубой, как и песок. Она взглянула ему в лицо — и сердце забилося у нее в груди. Это было так, словно она смотрела на Гарри — ее тянуло к нему, словно магнитом. Ей всегда казалось, что ни одни глаза, кроме зеленых, ни одно лицо, кроме лица Гарри, не заставят ее почувствовать это.

— Я придумаю, как остановить это, — в отчаянии произнесла она. — Я знаю, выход есть... Только не говори...

Драко с испугом воззрился на нее:

— Гермiona, ты должна рассказать ему...

Она отшатнулась:

— Что?

— Гермiona, ты что, и вправду думаешь, что он ничего не заметит? — спросил Драко сдавленным, напряженным голосом. — Он же любит тебя, он заметит все, что с тобой происходит...

Или ты думаешь, что он махнет на это рукой?

— Что он заметит? — упрямо возразила Гермiona. — И нечего замечать. Ничего не случилось, просто я пострадала из-за ужасной ошибки. Как только мы вернемся домой, я смогу найти обратное заклинание...

— Ужасная ошибка? — слабо и безрадостно улыбнулся Драко. — О...

— Ну, хорошо, может, я зря сказала «ужасная». Просто «ошибка».

— Ну, не так чтобы это сильно согрело мне душу, но уже лучше... Гермiona, я понимаю, ты не хочешь причинить ему боль, но он же поймет, что все это временно и произошло не по твоей вине...

— Он рассердится на меня, — ответила Гермiona. — Но это не важно. Я думаю о тебе.

— Обо мне?

— Я не хочу, чтобы он возненавидел тебя. Он нуждается в тебе...

— Гарри во мне не нуждается!

— Нет, нуждается, — возразила она.

— Гермiona... — Драко прикрыл рукой глаза и вздохнул. — Боже, какая ты упрямая...

— Он нуждается в тебе, — твердила она, ее голос уже срывался на истерические нотки. — Ты знаешь, что это ранит его, и хочешь сделать еще хуже! Он и так такой хрупкий, а это...

— Гарри не хрупкий, — возразил он.

— Хорошо. Я справлюсь с этим. Я справлюсь...

— Ты и вправду думаешь, что сумеешь сделать это? — теперь Драко выглядел разъяренным. — Ты считаешь, что сумеешь бороться со своими чувствами — каждую секунду, каждый день — и считаешь, что это будет легко и просто?

— Но это же не навсегда, — заметила Гермiona, — а только пока я не найду контрзаклятье...

— А если не найдешь?

— Любое заклинание можно обратить.

— Но не Авада Кедавра, — заметил он, и она вздрогнула.

— Оно несет смерть, — произнесла она, — а это только любовное заклинание...

Он протянул руку и взял ее за подбородок, так чтобы она смотрела ему в глаза. Он был почти так же высок, как и Гарри — ей пришлось поднять взгляд, правда, не так высоко, чтобы взглянуть ему в лицо.

— На что оно похоже? — спросил Драко.

— О чем это ты? — спросила она, хотя прекрасно понимала, что он имеет в виду.

— Заклинание, — произнес он.

Ей казалось, что ее собственный голос доносится откуда-то издалека:

— Когда я смотрю на тебя, мне хочется умереть...

Он все еще удерживал ее за подбородок, смотрел на нее — и она заметила, как серебро в его глазах потускнело, взгляд смягчился.

— Не смотри на меня... — мягко сказал он, Драко никогда не говорил с ней так. — Не смотри на меня, не разговаривай со мной и не подходи ко мне... Я тоже не буду искать с тобой встречи. Это единственный выход...

— Хорошо, — несчастно согласилась Гермiona. Он был совершенно прав, так и следовало поступить. Драко отпустил ее, и она отшатнулась от него.

— Пошли, — сказал он.

Когда они обошли башню, Гермiona увидела Гарри и Рона. Они стояли под стеной, с нетерпением глядя вверх, ожидая, что на ней вот-вот появится Драко. Рон что-то сказал Гарри, и Гарри покачал головой, ответив без горячности, но даже с такого расстояния Гермiona могла услышать, что он с чем-то категорически не согласен... Она замерла на мгновение — просто, чтобы посмотреть на них, лучших на свете друзей, и ее привела в ужас одна только мысль, что они могли больше не увидаться... Она смотрела на них, спорящих, и даже это зрелище грело ей душу.

Она взглянула на Драко — его лицо было совершенно непроницаемо. Встретившись с ней глазами, он мотнул головой в сторону Рона и Гарри. В ответ она нахмурилась и, повернувшись лицом к двум юношам, закричала:

— Рон! — И еще громче, — Гарри!

Рон обернулся первым — его голубые глаза расширились, когда он увидел ее. За ним повернулся Гарри. Его лицо внезапно озарилось вспышкой совершенного счастья, увидев это, ее ноги подогнулись, и она тяжело опустилась на траву. Гарри бросился к ней и упал на колени рядом. Она видела все это словно через дымку — расплывчатая тень с растрепанными волосами, он схватил ее и прижал к себе так сильно, что она не могла дышать. Она уткнулась ему в грудь, обняла за плечи и почувствовала, как они трясутся... Он плачет — поняла Гермиона с ужасом и удивлением. Тот самый Гарри, который никогда не плакал, даже когда ему было только одиннадцать, даже в тех ситуациях, в которых другие рыдали, как младенцы...

— Гарри, — выдохнула она.

— Я думал, ты мертва, — прошептал он, уткнувшись в ее волосы, — я был уверен...

— Нет, Гарри, все в порядке, со мной все хорошо...

Он чуть отстранился от нее — ровно настолько, чтобы дотронуться рукой до ее лица: его пальцы коснулись ее щёк, спустились к губам...

— Ты не представляешь, что это было...

— Ш-ш-ш, — остановила она его, наклоня к себе его голову и целуя его с какой-то ожесточенностью, — все хорошо...

В ответ он крепко прижал ее к себе, его руки заметались по ее спине, он целовал ее страстно и беспорядочно — лицо, шею, руки... Гермиона обхватила его, чувствуя, как страх, казалось, просочившийся в ее кровь вместе с зельем, начал исчезать. Эти объятия такие знакомые... такие успокаивающие... — подумала она, — так какой же силы должно быть любовное зелье, если ты уже любишь кого-то... Ее любовь к Гарри не стала меньше — тут и думать нечего... Он — огромная часть ее... Как и раньше... Она подняла лицо, подставляя его для поцелуев, обняла его еще крепче...

Я сумею победить, — решила она. — Это будет просто.

— Гадость какая! — произнес Рон, стоящий с Драко у стены. Они повернулись спиной, чтобы не видеть Гарри и Гермиону, но зато прекрасно их слышали, отчего оба были совсем не в восторге.

— Любовь — прекрасная вещь, Висли, — заметил Драко, глядя в небо.

— Только не тогда, когда это два твоих лучших друга, — возразил Рон. — О, я слышу это чмокание...

— Подумай о чем-нибудь другом.

— Да уж, у меня есть, о чем подумать, — заметил Рон чуть слышно. — Например, о тебе... Почему ты не вернулся, хотя Гарри просил тебя об этом?

— Не было времени, — коротко ответил Драко.

— Я тебе не верю, — заметил Рон.

— Меня не волнует, — отрезал Драко.

— Тебе ничего не мешало вернуться к нам. Слишком хорош для этого, Малфой? Не мог допустить возможности ущемить свою гордость?

— Зато она у меня хотя бы есть. В отличие от некоторых.

Разозленный Рон только собрался что-то сказать, но тут раздался хлопок и перед ними возник Чарли Висли.

— Привет, Чарли! — буркнул Рон.

— Неужели мы так задержались? — удивился Драко.

— Да нет, — ответил Чарли. Он что-то держал в руке — письмо, понял Драко. Похоже, что он его уже вскрыл и прочитал. — Это пришло тебе, Рон.

— Совиной почтой? — с удивлением спросил Рон, протягивая руку.

— От Сириуса Блэка, — Чарли выглядел слегка раздраженно. — Он ищет Гарри. Конечно, он не в курсе, куда вас всех занесло. Я, в конце концов, выудил кое-что у Джинни и написал ему большое и подробное письмо, но, думаю, Гарри тоже стоит это сделать. Так, где же Гарри, во всяком случае... О, господи!

Чарли увидел Гарри и Гермиону через плечо Рона:

— Да ведь это...

— Гермиона, — быстро закончил Рон.

Чарли выглядел совершенно потрясенным:

— Я знал, что вы здесь потому, что искали ее, но я был не в курсе, что Гарри с Гермионой... — Он

захлопал глазами. — Гарри с Гермионой...

— Рекомендую тебе подписаться на «Ведьмовской еженедельник», — хмыкнул Драко, — Сразу бы узнал.

— И как давно это у них?

— Тыщу лет, — закатил глаза Рон.

— Минут пятнадцать, — сообщил Драко.

— Да я не о поцелуях, я об их отношениях. Ну, неважно... Это не мое дело. Хотя... — Чарли слабо улыбнулся уголком рта, — когда мне было шестнадцать, я так ни с кем не целовался... Я даже не уверен, что, когда мне было шестнадцать, я знал, что вообще можно так целоваться...

— По крайней мере, они просто целуются, — заметил Рон. — Я уже начинаю волноваться... — Нам пора возвращаться в лагерь, — произнес Драко.

— Точно, — подтвердил Чарли.

Никто не двинулся с места.

— Сам иди к ним, — усмехнулся Рон. — Ты у нас тут за старшего, вот и давай...

— Это же не страшней, чем разъяренные драконы, — заметил Драко.

— Да... Признаться, я бы лучше вступил в бой с драконом, чем разнимал бы двух сошедших с ума от страсти подростков... — Чарли повернулся к Рону. — Это же твои друзья, иди и растащи их...

— Точно, Висли! — поддакнул Драко. — Чего ты боишься?

— Ничего, — ответил Рон. — Ну, то есть пауков... но...

Он отошел в сторону.

Они переглянулись. Потом Чарли отвернулся к стене, также как Рон и Драко, от милующейся воссоединенной парочки.

— Ну, давайте подождем... — произнес он.

— Похоже, мы собираемся надолго здесь застрять, не так ли? — безропотно спросил Драко.

Гарри, Гермиона, Рон, Чарли и Драко сидели вокруг маленького стола на кухне в палатке Чарли. Чарли не проронил ни звука, пока четверка рассказывала ему о случившемся. Гарри и Гермиона сидели рядом, взявшись за руки. Напротив сидел Рон, а Драко отодвинул свой стул от стола и, развернув его, уселся верхом, облокотившись на спинку. Вид у него был совершенно равнодушный, но Гермиона заметила, что он так ни разу и не взглянул на нее.

«Он теперь будет таким до самого конца — как мы и договорились, — подумала Гермиона. — Даже если я не смогу... Если не сумею...»

— Салазар Слитерин, — покачал головой Чарли в крайнем изумлении. — Он взглянул на Драко. — Ну, я думаю, теперь ты вправе заявить, что нанес поражение самому коварному волшебнику на свете...

— Думаю, да, — бодро согласился Драко, — если под словами «нанес поражение» ты подразумевал «повстречался».

— Он отпустил нас, — объяснила Гермиона тусклым голосом. — Мы не нанесли ему никакого поражения...

— Хотя я мог бы добавить массу крутых подробностей, и я совершенно уверен, что сильно ранил его чувства, — подчеркнул Драко.

— Ну конечно, — подхватил Гарри. — Ты почти-почти-почти подрался.

— Позволил вам уйти? — озадаченно переспросил Рон. — К какой стати он это сделал?

— Без понятия, — ответил Драко.

Гермиона посмотрела на него и тут же отвела взгляд. Они так и не рассказали о любовном зелье — Гермиона обошла в своем рассказе любое упоминание о нем, хотя кое-что добавила. Это несколько компенсировало ощущения того, что она несет огромный камень с надписью «Я солгала Гарри». Но она не видела выхода из сложившегося положения.

— Может, он решил, что после всего этого я не смогу быть хорошим Источником, — тихо закончила она.

— А может, ему не понравился этот меч? — Гарри мотнул головой в сторону Драко. — Помнишь, Лупин говорил, что им можно убить любого, даже воскресшего мертвеца?

Гермиона содрогнулась.

— Возможно, — тихо произнес Рон, — Малфой убедил его отпустить их?...

Все резко повернулись и уставились на него с недоумением.

— У тебя же там была масса времени, правда, Малфой? — продолжил Рон таким же тихим голосом. — Ты вполне мог с ним договориться...

Даже Драко был поражен:

— Договориться?

— Ведь ты же не вернулся за нами, — Рон все еще смотрел на Драко. — В это время ты мог заниматься, чем угодно...

— Рон, — остановил его Гарри, — если Малфой не вернулся за нами, значит, у него были на то причины. Я в этом уверен, — Гарри в упор посмотрел на Драко. — Ведь так? Гермиона искоса взглянула на Драко и увидела, как краска сползла с его лица.

— Я не мог... — сбивчиво начал он, — вилы...

— Прекрасно, — беззлобно прервал его Гарри и, взглянув на Рона, добавил:

— Это же теперь не имеет никакого значения. Ведь с Гермионой все в порядке...

В ответ Рон демонстративно отодвинулся от стола и вышел вон. Гарри смотрел ему вслед, покусывая губу.

— Он такой странный! — выпалил он с раздражением. — Его явно что-то беспокоит.

— Дай-ка я догадаюсь, — предложил Чарли. — Он стал капризным, раздражительным, он постоянно огрызается и проводит кучу времени, сердито таращась в пространство...

— Ну, — заинтересовался Гарри, — И что это значит?

— Ему шестнадцать, — пожал плечами Чарли.

— И что? Мне тоже шестнадцать. И Малфою... — недоумевал Гарри.

— Ну, и кто тут из вас нормальный? — поинтересовался Чарли.

— Браво, Чарли! — криво улыбнулся Драко.

— Ну, конечно, вы знаете: знаменитый Гарри Поттер и Малфой, в связи с последними событиями ставшие такими известными. Я бы подписался на все эти сплетни от «Ведьмовского еженедельника», но я читаю «Ежедневный Пророк». То, что вы оба покинули школу магидов, во всех газетных заголовках...

Гермиона взглянула на Гарри и увидела, что тот улыбается.

— Что? — поразились она. — Что смешного?

— Ничего, — ответил Гарри. Он вдруг замер, глядя через стол. Ей показалось, что он сопротивляется своему желанию что-то сказать Драко, но, похоже, уже принял какое-то решение. — Когда мы поняли, что кто-то похитил тебя, я предположил, что это было направлено против меня...

— Это было не связано с тобой, Гарри, — быстро ответила она.

— Я знаю. Поэтому-то я и улыбнулся. Конечно, может, это кому-то покажется странным, но у меня просто камень с души упал, когда я узнал, что, хоть ты и в опасности, но это связано не со мной... С тем, кто я...

— Простите, — несколько смущенно вклинился Чарли, — мы вам не мешаем?

Гермиона окинула взглядом комнату и неожиданно заметила, что Драко ушел. Он покинул комнату так тихо, что никто не заметил его исчезновения.

— Все нормально, Чарли, — ответила она, — ведь это же твоя кухня, правда? Лично я сейчас хочу только спать, я так устала...

Чарли отодвинулся от стола:

— Отлично. Пойдем, я провожу тебя в твою палатку...

Войдя в гостиную Чарли, Рон обнаружил Джинни. Свернувшись клубочком на диване, она читала найденный ею Еженедельник юной ведьмы. Она отказалась сидеть с ними на кухне — до сих пор злилась, что ее не взяли с собой.

— Джинни... — осторожно произнес Рон.

Джинни, прищурившись, уставилась в журнал.

— Ну, ты и задница, Рон, — сказала она, не отрываясь. — Я тебя ненавижу.

— Джинни, я пришел попросить прощения... Чарли сказал, что не отпустит тебя с нами...

— Ну, тогда все не так плохо... — и на ее хмуром лице появилась с трудом сдерживаемая

улыбка. — А я кормила драконов.

— Сама?!

— Нет, с двумя друзьями Чарли... Находчивые молодые волшебники в кожаных штанах... Это был не худший день в моей жизни.

Рон вытаращил глаза:

— Я рад, что обошлось без приключений.

Неожиданно веселое выражение на лице Джинни пропало, она снова нахмурилась, приглядываясь к происходящему на кухне. Чарли выглядел чрезвычайно мрачным, Гарри был в таком же настроении, Гермиона была ужасно утомлена.

— Это правда, что Салазар Слитерин вернулся? — полушепотом спросила Джинни Рона. — Я думала, что я ослышалась...

— Это сказала Гермиона, а она не склонна к преувеличениям. А Малфой поддерживает ее, — он пожал плечами, — но это ничего не значит, он же врет, как дышит. Но, признаться, в этом деле я не вижу причин для лжи...

— Я помню статую Слитерина в Тайной комнате... Такое ужасное, такое жестокое лицо, — она задрожала.

Рон смотрел поверх Джинни на свое отражение в зеркале, висящем на стене — усталое, встревоженное, бледное.

— Боже, как ты вырос, — промурлыкало зеркало. — Знаешь, что говорят о высоких мужчинах...

Рон поспешно отпрыгнул из поля зрения зеркала. В то время Драко вышел из кухни и, послав Рону взгляд, полный неприязни, с деланным интересом нагнулся над Джинни, словно заинтересовавшись тем, что она читает.

— Парень, знающий толк в зельях — Семь простых заклинаний, чтобы она обратила на тебя свое внимание... — прочитал он, и его брови поползли вверх.

Джинни зарделась:

— Любовные заклинания — это чушь.

— Да ну? — и Драко аккуратно, но настойчиво вытащил журнал из ее рук. — А там часом ничего нет про использование любовных заклинаний?

Джинни фыркнула:

— А что это тебя вдруг так заинтересовало?

— Хороший вопрос, — ответил Драко. — Спасибо за журналчик, — добавил он и, помахав им, вышел из палатки.

Джинни с удивлением посмотрела на Рона:

— Он забрал мой журнал, — пожаловалась она.

— Прекрасно. Я поймаю Малфоя, и буду бить, пока он мне его не вернет, — он пригнулся и вышел из палатки вслед за Драко, ему вслед летел вопль Джинни:

— Рон, я просто пошутила!

Солнце уже почти село, и небо над лагерем, испещренное бледными полосами, похожими на перышки, начинало темнеть.

Драко быстро шел прочь, но Рону с его длинными ногами, понадобилось всего несколько секунд, чтобы его нагнать.

— Малфой, — крикнул он, — Постой!

Драко продолжал идти.

— Малфой! — раздраженно повторил Рон и схватил Драко за руку.

Драко вырвался. Его лицо было бесстрастным, хотя, знай его Рон так же, как Гермиона и Гарри, он бы увидел в глазах Драко готовность к драке.

— Зачем ты делаешь вид, что не слышишь меня? — рявкнул Рон.

— Затем, что обычно ты используешь мое имя в значении «отвали», — сообщил Драко.

— Я хочу поговорить с тобой, Малфой, — продолжил Рон, пропустив слова Драко мимо ушей.

— И что? — поинтересовался Драко. — Ты хочешь сообщить мне что-то полезное или собираешься яростно сверкать глазами с загадочным видом?

— Там, в саду, — начал Рон, — я видел тебя.

Сердце в груди Драко подпрыгнуло. Неужели Рон видел его с Гермионой?

— И что же я делал?

— Я видел тебя в саду. Я видел, как ты разговаривал с вилой. А потом — ты ушел. Ты ушел! — повторил он, повышая голос, — Ты мог бы вернуться за мой и Гарри. Или, по крайней мере, за Гарри.

Драко заулыбался. В его теперешнем состоянии мысль о драке с Роном вызывала у него мрачный восторг.

— Не твое дело, как я поступаю, Висли, — ответил он. — Согласен?

— Это мое дело, — возразил Рон. — Мы говорим о моих друзьях. И ты можешь дурачить Гермиону — ты заставляешь ее не замечать очевидных вещей, можешь дурачить Гарри — он, вообще, верит, кому ни попадя, можешь дурить Чарли с его глупыми драконами, но не надо делать из меня дурака. Я прекрасно тебя знаю.

— А я прекрасно знаю тебя. Знаешь, кто ты? — ответил Драко, — Унылая смехотворная задница с комплексом неполноценности размером с Брайтон. Скажи, ты так поступаешь только потому, что ревнуешь?

Рон побелел:

— Я ревную?! Да это ты просто один из тех, кто влюблен в Гермиону! Радуйся, что она выбрала Гарри — иначе я бы тебя прибил. Да ты просто ждешь — не дожدهшься, чтобы при первой возможности прикончить его...

— Разве я не сказал, что у тебя комплекс неполноценности? Другими словами, ты просто ничтожество. Давай, Висли, в психологических стычках ты не лучше, чем в составлении хитроумных планов. Я полагаю, тебе лучше отвалить, пока тебе не сделали больно.

— И что же ты собираешься делать? — усмехнулся Рон. — Стукнуть меня свернутым «Ведьмополитеном»?

— Я не собираюсь бить тебя, — угрожающе ответил Драко. Такого выражения на его лице Рон еще не видел. — Не стану себя утруждать. Никто из нас не собирается возиться с тобой, разве ты еще не понял? Ты думаешь, меня убивает то, что Гарри и Гермиона вместе? Я думаю, что это убивает ТЕБЯ! Ты никак не поймешь, что вся твоя жизнь — это ноль без палочки, если в ней и есть что-то значимое — так это Гарри. Если кто-то в школе и знает, как тебя зовут — это только благодаря ему. Если ты зарабатывал очки для факультета — это тоже благодаря ему. А переходил на следующий курс ты потому, что тебе помогала Гермиона. Все, что есть у тебя, все, что чем-то выделяет тебя — это твои друзья, Висли. И теперь, когда они вместе и не нуждаются ни в ком — отвали...

— Заткнись! — заорал Рон, сжимая кулаки. — Сейчас же заткнись, или — я клянусь — я порву тебе глотку!

— Прекрасно, — ответил Драко, — Теперь мне ясно, зачем ты здесь: в раздирании глотки, конечно, нет ничего загадочного.

Позади них раздался шорох. В темноте белело чье-то лицо — к ним подходила Джинни.

— Что происходит? Что вы тут разорались друг на друга?

Рон не обратил на нее внимания:

— Однажды, — обратился он к Драко, — все узнают, кто ты есть на самом деле — Гарри, Гермиона, даже Сириус. И я тоже приду на это посмотреть.

— Рон, — потрясенно вымолвила Джинни, — не надо...

— Оставь, Джинни, все в порядке, — оборвал ее Драко, не сводя глаз с Рона. Он развернулся и быстро пошел в темноту, его темная фигура тут же растворилась в сгущающихся сумерках.

Рон перевел взгляд на Джинни:

— Не вздумай пойти за ним...

Но она даже не дослушала его.

Рон вздохнул и скрестил руки на груди, глядя ей вслед.

— Нарцисса! — Сириус вывернул из-за угла. Нарцисса со строго уложенными косами и в штопаной мантии указывала своей волшебной палочкой на один из фамильных портретов в золотой раме. Она удивилась, увидев его:

— Что такое, Сириус?

Сириус затормозил и перевел дыхание, упершись ладонями в колени.

— Этот дом такой огромный, — пожаловался он. — Думаю, пора вводить часовые пояса: в гостиной три часа пополудни, в библиотеке — шесть...

— С Гарри и Драко все в порядке, — тут же поняла она.

— Откуда ты знаешь? — разогнулся он.

— Иначе бы ты не пошутил... Пришла весточка от них?

— От Чарли Висли, — он протянул ей письмо. — Они в его драконьем лагере. Кстати, не так и далеко отсюда. С ними все в полном порядке. Он там рассказывает всякие подробности... Вот, прочти!

Он смотрел, как разглаживаются напряженные морщинки на ее лице. Прочитав, она вернула ему письмо и улыбнулась:

— Ну, тогда — пока!

Сириус с недоумением посмотрел на нее:

— Пока? — с недоумением переспросил он.

— Так ты сейчас же помчишься к Гарри, не так ли? Чтобы убедиться, что с ним все в порядке. И правильно. Ты должен так поступить.

— Да нет же, — возразил Сириус, — нет...

Теперь недоумевающей выглядела Нарцисса:

— Нет?

— Нет, — кивнул Сириус. — Ну, то есть, я хотел бы так поступить, но не стану.

— А почему тогда нет? Нет ничего плохого в том, что ты пытаешься его защитить...

Сириус вздохнул и прислонился к стене:

— Я знаю... Больше всего на свете мне хочется приволочь его сюда и посадить под замок, пока ему не исполнится лет тридцать. Но, боюсь, единственное, к чему это приведет, — это к тому, использует свои магидовские способности, и все равно выберется отсюда... Я хочу показать ему, что я доверяю ему, Нарцисса...

— Разве он только что не обманул твое доверие? — с удивлением спросила она.

— В действительности, нет, — Сириус глубоко задумался. — Он верен себе. У меня такое впечатление, что он поступил так потому, что решил, что в беде его друг, вернее, его подруга... Он никогда не научится просить помощи у старших, да я, признаться, думаю, что сейчас уже поздно учиться этому. Он не просто мальчик, он — Гарри Поттер. Он мог быть просто ребенком, но всегда сталкивался с проблемами, которые могли поставить в тупик и взрослого, а он всегда справлялся с ними своими собственными силами. И справлялся прекрасно. На самом деле, все, что я могу дать ему — это поддержка, ну, и, может быть, чуть-чуть дисциплины. Так что нет никакого смысла относиться к нему, как к обычному подростку...

— Это непросто, — сочувственно произнесла Нарцисса, — быть крестным героя, да?

— Конечно, было бы гораздо лучше, если бы он был унылым ботаником, целыми днями не вылезающим из библиотеки...

— Сириус, ты же ненавидишь таких! — рассмеялась Нарцисса.

— Точно, — усмехнулся Сириус. Он удивленно посмотрел на Нарциссу, — Я ведь собственно хотел тебя спросить: чем это ты занимаешься?

— Выбираю то, что собираюсь продать, — спокойно ответила она и коснулась кончиком волшебной палочки портрета какого-то мрачного человека в длинных черных одеждах. Рама тут же засветилась бледным голубым цветом. — Вот, например, дядя Влад...

— Ты хочешь продать картины? Зачем? — поинтересовался Сириус. Иногда ему казалось, что он или что-то недопонял, или с ней не все в порядке — тогда он старался переспрашивать.

Хотя она выглядела весьма уверенно — особенно с такой прической.

— Я же говорила тебе, — начала Нарцисса, пересекая холл и протирая другой портрет, — Капитал у Малфоя огромен, но большая часть его вложена в имущество. Картины, мебель, золото... Я бы хотела, чтобы у Драко были деньги на расходы...

— А когда он станет владельцем всего этого? — с интересом спросил Сириус.

Частично — в восемнадцать. И окончательно — в двадцать один.

— Восемнадцать? Не рановато ли, чтобы владеть...

— ...семьдесят пять миллионов галлеонов...

Сириус был поражен:

— Семьдесят пять миллионов?

— Ну, разумеется, если считать вложения в Трансильванию и Туркменистан, — успокоительно заметила она.

— Боже мой... — Сириус прислонился к стене. — Думаешь, мы сумеем удержать его от того, чтобы он не стал полным и абсолютным моральным уродом?

Нарцисса в возмущении уперла руки в боки:

— Мой сын — не моральный урод, — возмутилась она.

— Пока — нет. Но с такими деньгами и силой...

— Пусть это будет компенсацией за все то, чего он был лишен, — вздохнула Нарцисса.

— Ты чувствуешь себя виноватой, — заметил Сириус.

Нарцисса мельком посмотрела на него и, вздохнув, потерла рукой лоб:

— Я знаю...

— Все правильно... Я чувствую тоже самое, когда думаю о Гарри и том, чего был лишен он...

— Но ты же сидел в тюрьме...

— Ты тоже...

Нарцисса вздохнула:

— Ты прав...

— Они оба, — произнес Сириус — во многом исключительные мальчики, и если мы сумеем сделать так, чтобы их не убили...

— ...или они сами не поубивали друг друга... —插вила Нарцисса.

— Тогда они действительно далеко пойдут...

Они переглянулись. Наконец Сириус улыбнулся, и Нарцисса ответила ему.

— У нас будет куча проблем, согласна?

— Да... — согласилась она. — Когда они возвращаются домой?

— Завтра утром. И все их друзья тоже. Висли, его сестра... ну и Гермиона, конечно. Проблем с размещением не будет?

— Не будет. У нас тут тридцать семь спален.

В конце концов, Джинни нашла Драко — он лежал на животе на большой плоской скале в стороне от палаток, и, подпирая голову рукой, казалось бы, совершенно спокойно просматривал ее Еженедельник для юных ведьм. По каким-то неуловимым признакам она поняла, что он знает о ее присутствии.

Она взобралась на скалу и присела рядом, глядя на его серебристую макушку.

— Ну, — произнесла она, — и что нашел в журнале?

— В этом году не модны горизонтальные полосы, — ответил он. — Они полнят.

— Тебе-то что об этом волноваться? Тебя ничего не сможет полнить, ты же... Ох, ты смеешься, да?...

— Да что ты — я совершенно серьезно. Смотри, Еженедельный Тест. Хит этой недели: «Вы сексуальны, чувственны и не боитесь показать это окружающим».

— Ну, и что у тебя получилось?

— Ну, — торжественно ответил Драко, — я конченный развратник.

Джинни заглянула ему через плечо и улыбнулась:

— Ну, не надо было отмечать, что черное шелковое женское белье годится для ночного города.

— Эх, а я отметил... Куча девчонок так одевается вечером. Да и днем тоже, — он скорчил рожу. — Ты в курсе, что этот твой журнал — полный отстой? Взгляни на оборот — вот что можно заказать: «Пожалуйста, вышлите мне Двадцатичетырехчасовое Заклятье Супербюст! Всего 12 галлеонов и эффект будет длиться весь день». — Пожалуйста, распишитесь на штриховой линии, чтобы подтвердить, что вам уже исполнилось восемнадцать, хотя вы и полный дебил.

Джинни чуть не лопнула от смеха. Драко искоса взглянул на нее:

— Ага, помнишь, я говорил тебе, что, если захочу тебя рассмешить, ты будешь просто валяться от

хохота.

— А я и не валяюсь, — ответила Джинни, пытаясь взять себя в руки.

— А я и не хотел, — парировал Драко, захлопнул журнал и сел, вытянув ноги. Он взглянул на нее с тем же выражением, но она словно внезапно отрезвела.

— Рон поступил просто как осел, — сказала она. — Ты уж извини.

Драко не ответил. Она подняла на него глаза и увидела, что он невидящими глазами смотрит на темный ряд деревьев вдалеке.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— Я размышляю о предсмертных словах Юлия Цезаря: Брут! Ты ударил меня в спину, ты, поганый ублюдок!

— Что-то не припомню я такой фразы в моем издании Шекспира... — Джинни сдержала улыбку.

— Ну, я перефразировал.

— Гарри не считает, что ты поступил неправильно. Не позволяй Рону навязывать тебе чувство вины...

— А я и не чувствую себя виноватым, — ответил Драко все тем же отсутствующим голосом.

— У меня шесть старших братьев, — резко произнесла Джинни. — И я знаю, как выглядят парни, когда чувствуют себя виноватыми: они уползают прочь и сжимаются в маленькие несчастные комочки. А еще они требуют, чтобы их оставили в покое — ты именно так и поступаешь.

— Я не требовал, чтобы ты оставила меня в покое, — заметил Драко.

Джинни отвернулась.

Говоря по правде, он симпатичнее Гарри, — подумала она, — хотя, пожалуй, его лицу недоставало той удивительной прозрачности, которая всегда позволяла догадаться, о чем думает и что чувствует Гарри... А тут совершенно невозможно понять, что у него в голове, что он чувствует — забавляется, нудит или обижается... А может, это потому, что она просто не изучила его лица — только лицо Гарри... Вот только не надо сравнивать, это глупо, — твердо сказала она себе.

— Ты выглядишь усталым, — заметила она.

— Да, я устал, — согласился он.

— Тебя все еще мучают кошмары? — тихо спросила она.

Когда он заговорил, его тон был спокойный — слишком спокойный, и она тут же поняла, что он лжет.

— Самые заурядные кошмарчики, — сказал он, — Школьные неудачи... Типа я вдруг обнаруживаю, что пришел в школу без одежды и должен пройтись по этажам совершенно голый. Таких снов полно.

— Ну, так вперед, — сказала Джинни, переведя дыхание.

Драко вытаращил на нее глаза:

— Чего?

— Да так, — Джинни махнула рукой, — ничего...

Драко вздохнул:

— Все в порядке, — сказал он, — просто сейчас у меня один из тех моментов в жизни, когда нет никакой возможности исполнить задуманное...

— Мы слишком молоды, чтобы заниматься планированием своей жизни, — мягко заметила Джинни. — Полагаю, ты уже знаешь, чем бы хотел заняться после школы? Кажется, тебе не надо будет работать только ради того, чтобы прокормиться...

— Нет, я никогда не буду работать ради этого, — Драко все еще отсутствующе смотрел на деревья вдалеке. — Ну, слушай: я планировал быть юным и бешеным... далее — молодым и богатым... а потом я буду старым и буду всех изводить, прикидываясь глухим. Да, вот еще: я хочу иметь кучу скоростных метел, классных шмоток и, по возможности, домашнего дракона.

Джинни рассмеялась. Он искоса взглянул на нее и улыбнулся уголком рта:

— У тебя красивый смех...

— Спасибо, — Джинни почувствовала, что у нее засосало под ложечкой. Она улыбнулась ему. — А нет ли у тебя в запасе каких-нибудь пословиц или полезных цитат от твоего отца, подходящих к данному случаю?

— По некоторым причинам у меня сейчас в голове крутится только одна из тех, что он мне

говорил: «Всегда есть свет в конце туннеля. Правда, обычно это встречный локомотив, который собирается сделать из тебя лепешку».

— Что-то не очень подходит, — с сомнением заметила Джинни.

— Ага, — согласился Драко. — Абсолютно не подходит.

Гермиона вошла в палатку, которую они должны были разделить с Джинни, и утомленно огляделась. Изнутри это была уютная маленькая комнатка с двумя кроватями, столом в углу и треснутым, но ясным зеркалом над ним.

Еле переставляя ноги — каждая косточка ее тела ныла от усталости — она дошла до стола и опустилась на стул. В зеркале появилось ее нечеткое отражение. Длинная трещина, пересекавшая зеркало, разбила отражение ее лица на две неравные части.

«Это я, — с ужасом подумала она, — разбита пополам...»

Она выдвинула один из ящиков стола и обнаружила там то, что и ожидала — пергамент, перья и чернила. Она выложила их на стол и задумалась, глядя на все это. Постепенно эта картина успокоила ее — просто надо было чем-то конкретным занять голову и руки, она всегда так поступала. Она взяла перо, обмакнула его в чернила и начала писать. Когда она взялась за третий лист, дверь в палатку открылась. Она вяло обернулась, ожидая увидеть Джинни.

Это был Гарри.

Она пристально посмотрела на него — а ведь я первый раз действительно вижу его сегодня, — подумала она. Ведь в первый миг, когда они встретились, она была так потрясена, что снова видит его... А в палатке Чарли она была вся сконцентрирована на том, чтобы не смотреть на Драко... Но Драко здесь нет, никого нет, и в первый раз за три недели они с Гарри наедине...

Наверное, надо бы обрадоваться, — подумала она. Но вместо этого она ужаснулась. Это не поможет — возмущенно мелькнуло у нее, — он стал таким высоким за последние недели... Он прошел через комнату и, склонившись над ее плечом, взглянул на их отражение в зеркале. Она видела его отражение — ей показалось, что он еще и возмужал... Он не был похож на себя — скорее, на свою фотографию, или, точнее, на фотографию Джеймса.

Он увидел, как отражение Гермионы в зеркале улыбнулось:

— Что?

— Ты стал выше, — тут же ответила она, — как тебе это удалось за какие-то две недели?

— Я прилагал к этому все усилия.

— И ты такой загорелый... И у тебя веснушки на носу...

— Я знаю, — уныло произнес он. — Ужасно, да?

— Нет, мне нравится... Но ты такой измученный...

— Три дня нескончаемого горя и волнений кого угодно доведут... — он нахмурился и наморщил лоб. — Я думал, я поседею, честное слово... И все из-за тебя...

— О, да что ты говоришь! Как странно! — сказала Гермиона. Она развернулась на стуле и теперь могла видеть его. — Последние шесть лет я провела, постоянно беспокоясь о тебе, так что я прекрасно понимаю, что ты чувствовал... — Теперь она говорила уже серьезно.

Казалось, Гарри не услышал, что она сказала:

— Я сбежал от Чарли на несколько минут, чтобы кое-что тебе сказать... Вернее, показать...

Она улыбнулась ему, надеясь, что улыбка получилась не слишком нервная.

— Держу пари, ты говоришь это всем девушкам...

Гарри не улыбался, похоже, у него не было настроения пикироваться. На его лице появилось то выражение, с которым он говорил или делал что-то действительно серьезное.

Нет, — мысленно взмолилась она. — Не сейчас. Ничего серьезного. Не сейчас...

Он сунул руку в карман куртки и, вытащив оттуда сложенный кусочек пергамента, протянул ей. Он был мятым и залоснившимся от бесконечного перечитывания. Гермиона с удивлением взяла его, развернула и удивленно заморгала.

Это было то самое письмо, написанное ей под действием Заклятия Империус, в котором она сообщала ему, что уходит к Виктору. Она не помнила, как писала эти слова и с удивлением смотрела на дрожащие — но, тем не менее, написанные именно ее рукой — строки.

...днем я виделась с Виктором... я поняла, что любила его все эти годы... ты всегда будешь

для меня самым близким другом... не пытайся найти меня...

— Гарри! — воскликнула она, в ужасе глядя на него. — Только не говори мне, что ты хоть на секундочку поверил, хоть одному словечку...

— Да... — ответил Гарри. — Поверил...

— Как ты мог? — Гермиона была в смятении.

— Ну, во-первых, я был просто не в себе. Не хотел в это верить, все время повторял себе, что это невозможно... Я стал волноваться, что был слишком рационален с тобой... Высокомерен... Использовал тебя... Принимал, как должное, что ты всегда рядом, тогда как на самом деле...

— Но Зеркало, Гарри...

— Ну, да, но мы же не разговаривали потом об этом, правда? — просто сказал он. — И я тут подумал, что, может быть то, что ты видела меня в Зеркале, просто значило, что ты хотела вернуть нашу дружбу — и все... Больше ничего...

— А что же потом? — Гермиона начала заводитьсь. — Я была так смущена и решила дать тебе понять, что ТО, что я тебя люблю — это недоразумение, просто взяв и исчезнув?

— Ну... — произнес Гарри, выглядя так, словно он чувствовал себя маленьким, — да...

— Гарри, если ты так подумал, ты полный кретин, — жестко произнесла Гермиона. — Дай-ка я догадаюсь... Рон убедил тебя, что ты идиот.

— На самом деле это был Малфой...

— Драко?.. — тихо переспросила Гермиона. Ох, ну почему Гарри вспомнил о нем? Она совершенно не хотела сейчас об этом говорить.

— Да... Он... по некоторым соображениям был совершенно уверен, что ты не сделала это по доброй воле... он обзывал меня разными словами... побил меня... ну, ты знаешь, каким он может быть... Но, я думаю, мне тогда это было действительно полезно. Я был...

— ...ужасно нелепым? — подхватила Гермиона с бледной улыбкой.

— Боюсь... — Гарри глубоко вздохнул и быстро добавил, — Я кое-что понял о себе. Я узнал, чего я по-настоящему боюсь. Это одна очень простая вещь. Мысль о том, что потеряю свою семью. Снова. Это Рон, Сириус и... ты. Вы — моя семья. Вы для меня — все...

Гермиона разрыдалась.

Гарри ужаснулся:

— Гермиона...

Она затрясла головой, не в состоянии вымолвить ни слова.

Наверное, в отражении это выглядело совсем неплохо... Гарри неуклюже потянулся и погладил ее по волосам и лицу. Она мимолетно удивилась — надо же, Гарри показался ей неловким, даже теперь, когда рядом не было Драко, никогда не делавшего ни одного лишнего движения или неуверенного жеста... И почему она думает о Драко сейчас, когда у нее в голове не должно быть никого, кроме Гарри?

— Прости, — мягко произнес он, — в конце концов, для тебя все позади, и я счастлив, что теперь письмо, Малфой и все остальное совершенно неважно...

— Я не хочу говорить о Малфое, — плаксиво оборвала его Гермиона и, поднявшись, поцеловала его.

Она почувствовала, как его руки скользнули вверх к ее плечам... знакомые ощущение — он коснулся ее волос... вытащил заколку и её локоны легли ей на плечи... Это был тот же Гарри, такой знакомый ей, что сердце сжалось у нее в груди.

Она чувствовала — те же худые руки, тонкие запястья, то же лицо... Его встрепанная шевелюра касалась ее рук, словно мокрый шелк... Она провела кончиками пальцев по его скулам, коснулась висков... скользнула по плечам... рукам... спине... Он затрепетал.

Вроде бы все было так же, но поцелуи стали какими-то новыми. Прижавшись к нему, она почувствовала, что все стало иным: его сердце бьется как-то по-другому, от ее прикосновений он дрожит как-то иначе... Все было новым.

Она плотно закрыла глаза и крепко обняла его. Словно бы собиралась остаться так навсегда. И больше никогда не выходить из палатки, не видеть Драко, не переживать те же ощущения... но эта мысль вдруг показалась ей не такой уж и приятной.

Это хуже, чем Пыточное Проклятие, — несчастно подумала Гермиона. — Это просто ужасно.

— Гермиона... — нежно сказал Гарри, отстраняясь от нее.

— Что?

— Ты плачешь...

— Прости...

— Нет, не надо...

Он прижал ее к себе и начал целовать ее в глаза и нос.

— Все в порядке, — произнес он, — я всегда буду доверять тебе...

«Не все в порядке, Гарри, — подумала Гермиона с тоской. — Далеко не все в порядке». В этот момент дверь распахнулась, повернувшись, они увидели возникшего на пороге Чарли с чем-то вроде стопки одежды в руках. Он взглянул на них и покорно произнес:

— Вы опять?

— Мы не «опять», — с достоинством произнес Гарри, и все же отступил от Гермионы на шаг. — Мы просто говорили.

— Понятно, — усмехнулся Чарли, — вы просто говорили, а потом вдруг споткнулись и столкнулись губами. И так семь раз подряд.

Он кинул одежду на кровать и добавил:

— Гермиона, я нашел тут свои старые майки — думаю, они подойдут вам с Джинни вместо пижам. Извиняюсь, если они дырявые, но это все, что есть. Пойдем-ка, Гарри, пора возвращаться в нашу палатку.

— Спокойной ночи, Гарри, — поспешно сказала Гермиона. Она почувствовала, что Гарри с недоумением уставился на нее, но не могла поднять глаз. Он нагнулся и слегка коснулся губами ее виска:

— Приятных снов...

Рем Лупин, тащивший за собой потрепанный кожаный сундук, до этого никогда не был в Имении Малфоев, а то он бы сильно удивился произошедшим там изменениям. Исчезли гигантские пауки, колючие решетки и волшебные пилы. Бездонная пропасть все еще оставалась, но Ауроры из Министерства окружили ее мигающей надписью «Опасно. Не приближаться». Мухоловки и черная изгородь с их зловеще выглядящими цветами были заменены на травяные бордюры с выращенными Нарциссой за день маргаритками.

Телепортировавшись прямо в гостиную, Лупин застал там улыбающегося от уха до уха Сириуса, одетого весьма парадно — белая рубашка, черные брюки.

— С Гарри все в порядке! — вместо приветствия сообщил он. — И с Драко тоже.

— Они в порядке? — с облегчением и удивлением повторил Рем. — А ты откуда знаешь?

— Я вчера послал сову Рону Висли, — Сириус принял из рук Лупина его багаж и жестом позвал его следовать за собой по лестнице, — ну, мне казалось, что, если кто-то и должен знать, куда подевался Гарри, так это его лучший друг. И точно — наутро я получил ответ от Чарли Висли, они все в его рабочем лагере. Я снова написал ему — и вот, они возвращаются завтра утром. У них все в полном порядке.

— Они нашли Гермиону и вернулись, — с некоторым облегчением спросил Лупин, — да?

— Да, она тоже с ними, — Сириус завернул за угол. Когда они пересекали холл, Лупин заметил на стенах подозрительные светлые пятна — видимо, несколько портретов были сняты. На полу тоже были отметины — следы убранной мебели.

Если верить Чарли, все они совершенно здоровы. Но как только Гарри появится здесь завтра, я его тут же прикончу. Однозначно.

Хотя остатки беспокойства еще шевелились в душе Лупина, он рассмеялся.

— Что такое? — поинтересовался Сириус.

— Ага, — кивнул Лупин, — ты же у нас образцовый.

— Точно, — мрачно подтвердил Сириус, остановившись перед большой дубовой дверью. Он пошарил в кармане и достал связку ключей. — Что мне сказать ему? Когда мне было столько, сколько тебе, я и не думал сбегать посреди ночи из школы, никого не предупредив? Ха!

— Не забудь только выкинуть из этой нотации «Ха!», — оно в корне меняет весь смысл... — И теперь еще вот Драко... — Сириус стал еще более мрачным. Он нашел нужный ключ и вставил его в замок. Дверь открылась. — Ума не приложу, что сказать ему, а Нарцисса мне не хочет помочь. После всего того, чтобы было — ну, Люций и все такое — она чувствует себя страшно виноватой и готова потакать ему во всем, даже если ему взбредет в голову поджечь дом...

Лупин присвистнул, когда они вошли в комнату — это была библиотека Люция, огромное шестиугольное пыльное помещение с высоким потолком, теряющимся в темноте. Вдоль стен располагались огромные книжные полки — такие высокие, что до книг, стоящих наверху, можно было добраться лишь при помощи резных лестниц красного дерева — которые тихо покачивались, подвешенные при помощи магии тут и там. Лишь взглянув на корешки, Лупин сразу же мог сказать, что большинство из книг редкие и древние.

— Ауроры не оставили здесь живого места, — заметил Сириус, проследив, куда смотрит Лупин. — Забрали большинство бумаг Люция, всякие предметы Темной Магии, мерзкие орудия пыток... Но Дамблдор убедил их не трогать книги.

— Почему? — взглянул на него Лупин.

— Думаю, он надеялся, что ты отыщешь что-нибудь, что поможет объяснить все, что происходит в последнее время, — тихо ответил Сириус.

— Я знаю его — он никогда не скажет что-то четко и определенно... Но я уверен, он думает, что все случившееся — исчезновение дементоров, изменения в Запретном лесу, и теперь все эти разговоры о возвращении Салазара Слитерина...

— У тебя с собой есть эта книга? — с удивлением спросил Сириус.

Лупин достал книгу и протянул ее Сириусу. Взяв ее, он прошел к одному из высоких цветных окон (синие и зеленые, они образовывали сложный узор в виде буквы М), раскрыл и нахмурился:

— Ты прав, в жизни ничего подобного не видел... — он поднял глаза. — И Фиренц сказал, что это все объяснит?

— Да, — с колебанием подтвердил Лупин, вспомнив точные слова кентавра с холодком дурного предчувствия. — Вас уже ничто не спасет... — Хотя, признаться, он не выглядел полным оптимизма...

— О, такое с ними редко бывает, — заметил Сириус, закрывая книгу и кладя ее на стол. — Они ужасно унылые, хотя и обязательные. Когда это касается меня... — добавил он, садясь на стол и потирая рукой подбородок. Он внимательно взглянул на Лупина. — Я тут подумывал насчет вечеринки в честь дня рождения Гарри...

— Что? — Лупин был ошеломлен внезапной переменой темы.

— Насколько я знаю, его день рождения никогда раньше не отмечался, про него даже не вспоминали... А ведь ему исполняется семнадцать, это весьма серьезный возраст...

— Тогда надо обязательно справлять, — согласился Лупин. — Чем я могу помочь?

— Ну, ты же был учителем в Хогвартсе. Думаю, если бы ты вспомнил его школьных друзей...

— Только не пытайся привлечь меня к планированию этого мероприятия, Сириус, — фыркнул Лупин, — последняя вечеринка, на которой я был, — это мальчишник Джеймса и состоялся он 21 год назад.

— А мне кажется, будто это было только вчера... — с улыбкой заметил Сириус.

Брови Лупина поползли вверх:

— Я поражен, что ты вообще помнишь хоть что-нибудь... Насколько я помню, ты так напился, что встал на голову в палисаднике и пропел восемнадцать куплетов песни под названием «Я мог бы стать малюткой-трубочистом, но у меня большое помело» А потом мы волокли тебя домой...

— У этой песни, — с достоинством возразил Сириус, — только пятнадцать куплетов.

— Последние три ты сам придумал.

— В стихах?

— Сириус...

— Ты первый начал, — Сириус скорчил рожу. — Послушай, мне кажется, я должен привести Гарри какие-нибудь положительные примеры. У меня не было положительных примеров, когда мне было столько, сколько ему, ну, разве что Джеймс... Но что я ему скажу? «Будь, как твой отец?»

— Он мог бы наделать ошибок, — заметил Лупин.

— Согласен, — кивнул Сириус. — Но ведь он никогда не знал своего отца, так что, на самом деле, это для него будет пустым звуком, — Он вздохнул, — Мне хочется, чтобы он был счастлив здесь, но я совершенно не представляю, как это сделать. Я даже подумываю о постройке квиддитчного поля на заднем дворе. Здесь куча комнат...

— Никогда не замечал, чтобы ты был поклонником Квиддитча.

— Нет, но, думаю, это бы понравилось и Драко, и Гарри...

— Бог мой, они что — будут жить здесь вместе? — до Лупина только сейчас дошло, о чем идет речь. — Квиддитчное поле — не та цена, которую придется заплатить за мир между ними. Я полагаю, поле должно быть раз в восемь длиннее обычного, чтобы Драко играл на одной стороне, а Гарри на другой.

Сириус улыбнулся ему:

— Ты что, не веришь, что они друзья?

— Ты не меня должен уверять в этом, — пожал плечами Лупин, — а их...

Он идет через сад того лесного замка, только теперь все кругом цело и невредимо, а сады полны цветов. Ничего не казалось странным, все было так знакомо, словно он бывал тут не раз. Он стремился войти внутрь, почему — он не знал.

Он быстро прошел через сад, поднялся по лестнице, которую наяву видел разбитой и потрескавшейся, распахнул двустворчатые двери и вошел в освещенную факелами переднюю, завешенную гобеленами. Там его ждала Гермиона. Он знал, что это именно Гермиона, хотя выглядела она по-другому. Волосы были заплетены в уложенные вокруг головы косы, головной убор искрился изумрудами, на ней было шелковое зеленое платье с золотыми кистями. Она была почти не похожа на саму себя.

Приподнявшись на цыпочки, она поцеловала его — словно бы это было самым обычным делом, словно бы она целовала его каждый день.

— Здравствуй, любимая — услышал он свой голос. Это было совсем не то, что он хотел сказать. Он собирался поинтересоваться, почему она так оделась — разве они куда-то собирались идти? Но не успел он открыть рта...

— Ты скучала по мне?

— Я всегда скучаю, когда тебя нет... — она потянулась и сморщилась. — Погляди-ка — ты весь в крови...

— Да, — услышал он свой голос, — это просто не отмылось...

Она протянула руку и коснулась его лица — в этот момент он увидел шрам на ее запястье. Драко хотел рассмотреть его, но тот, кем он был во сне, вовсе не собирался это делать.

— Сейчас лучше, — произнес он, — да?

— Значит, ты убил его? — звонко спросила Гермиона. — О, да, теперь лучше. Он отшатнулся от нее:

— Что? Кого я убил? — он, теперь уже именно он потребовал ответа. Ее глаза расширились от удивления, она развернулась и исчезла — вместе с этой богато украшенной лестницей, с этими стенами, с этим сном...

Драко открыл глаза: черное небо над ним было испещрено звездами. Повернувшись, он увидел, что лежит на земле у подножия скалы, на которой чуть раньше они сидели вместе с Джинни. Он совершенно не помнил, как заснул здесь — более того, он не помнил, что вообще заснул. Одна рука была закинута за голову, другой он сжимал эфес меча Слитерина. Он был весь в холодном поту. Драко медленно сел и взглянул на меч:

— Полагаю, нам пора что-то делать с этими кошмарами, — произнес он. — Интересно, пока ты со мной, я дождусь хоть одного нормального сна?

Зеленые камни на эфесе заблестели и замерцали, словно глаза.

— Кого же я убил? — спросил он. — Кого?

Но он знал...

Через некоторое время после того, как Гарри и Чарли ушли из палатки девушек, вернулась Джинни. Она тихонько насвистывала и пританцовывала. Гермиона, которая к этому времени уже лежала в постели в одной из рубашек Чарли, повернулась и насмешливо взглянула на нее:

— Что-то ты слишком бодренькая.

Джинни плюхнулась на кровать и скинула туфли:

— Есть такое, — призналась она.

— Я хотела что-то тебе сказать, — Джинни замолчала и виновато взглянула на Гермиону. — Хотя, наверное, надо обождать, — вдруг спохватилась она, — после всего того, что было...

— Да, — автоматически согласилась Гермиона. — Мне на самом деле не хочется говорить об этом...

— Точно? — Джинни залезла под одеяло прямо в одежде.

— Абсолютно. Может, ты мне расскажешь что-нибудь приятное? Я бы с удовольствием послушала.

— Пожалуйста, — быстро подхватила Джинни. — Похоже, мне начал нравится Малфой.

— Что??? — Гермиона чуть не свалилась с кровати. — Как? Почему? Ты уверена?

Джинни стала пунцовой:

— Это что-то необъяснимое...

— Необъяснимое? — Гермиона почувствовала, что говорит громче, чем следовало бы в такой ситуации. — Джинни, но он же... ну... он ведь не очень хороший, ты понимаешь?

— Знаю-знаю. Он неприятный, вызывающий, саркастичный, жестокий и вообще какой-то странный. Но мне кажется, что мне нравится...

— О, — слабо произнесла Гермиона, — а может, все дело в этом его кожаном прикиде? — добавила она с надеждой.

— Нет, все началось гораздо раньше, — и Джинни рассказала Гермионе про ту ночь в Норе, когда она пришла к нему в комнату. И про его ночной кошмар, и про то, как он попросил посидеть с ним немного. — Знаешь, было что-то в том, как он меня попросил остаться. И тут я в первый раз почувствовала что-то вроде... симпатии к нему...

Гермиона снова охнула, она с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

— А как ты думаешь — ты ему нравишься? — медленно спросила она.

Джинни прикусила губу.

— Честно говоря, я не знаю, — призналась она. — Иногда мне кажется, что да. Если ему есть, что сказать, он с удовольствием беседует со мной. Но вот вчера... — и Джинни передала Гермионе их разговор с Драко, его слова, что он не нуждается в любви и не хочет быть чем-то связанным, особенно с ней, Джинни. — Это меня несколько обескуражило...

Гермиона почувствовала, как у нее от беспокойства внутри что-то перевернулось. «Прекрати, — разъяренно приказала она себе. — Это не твое дело».

— На самом деле, это совсем не странно, — когда она заговорила, голос ее звучал несколько пискляво. — Видимо, ты ему нравишься, но он не хочет, чтобы ты строила какие-нибудь нереальные планы. Не хочет врать. Тут дело не в чувствах. Он всегда, — у нее перехватило дыхание, — болезненно честный.

— Точно, именно «болезненно», — засмеялась Джинни.

— Джин, а ты уверена? Ведь с ним так... трудно... — запинаясь, произнесла Гермиона.

— Уверена, — сонно подтвердила Джинни. — Думаю, я могу сказать... Я так давно не испытывала ничего подобного... После всех этих лет, когда я сохла по Гарри... ты прости, Герм, но думаю, ты в курсе... Это такое облегчение — испытывать те же чувства к кому-то еще... для разнообразия... К кому-то, у кого нет... — Джинни широко зевнула, — подружки...

— Прекрасно, — ответила Гермиона, уставясь в потолок. Она резко села, почувствовав, что сердце вот-вот вырвется из груди, и свесила ноги с кровати.

Джинни сонно заморгала:

— Ты куда, Гермиона?

— Я забыла, — поспешно произнесла Гермиона, — мне надо послать сову. Я сейчас.

— Мне пойти с тобой?

— Нет-нет, все в порядке...

Джинни не ответила. Она уже спала, с облегчением поняла Гермиона. Отлично.

Гермиона встала и на цыпочках прокралась через комнату к стулу, где аккуратно лежала ее одежда. Она скинула «пижаму» Чарли и натянула на себя то, в чем провела последние несколько дней — красную мантию. Даже не пытаясь найти свою обувь, босиком прошла к двери и, выскользнув наружу, прикрыла ее за собой.

Было зябко, но не холодно, воздух был чист и прозрачен. Лагерь был залит лунным светом, невдалеке угадывался контур палатки Чарли, а поодаль зубчатой стеной темнели деревья.

Когда Чарли провожал ее к палатке, он показал, где находилась советня, так что Гермиона без всяких проблем нашла этот круглый домик и, выбрав ближайшую, коричневую сову, вручила ей письмо, адресованное Сириусу Блэку в Имении Малфоев. Та взлетела, и Гермиона, уходя прочь, смотрела, как исчезает над темным лесом маленькая точка.

Гермиона с тоской взглянула на темную полосу деревьев, и тут ей показалось, что она заметила какую-то серебристую вспышку. Девушка двинулась в ее направлении, не уверенная в том, что она делает и зачем. Вернее, она и думать об этом не хотела, потому, как веских причин для такого поступка не было и быть не могло.

Она шла — мимо темных, затихших палаток, мимо палатки Чарли, в которой сейчас спал Гарри, мимо загона с драконами, которые, проснувшись, поблескивали в темноте своими золотистыми глазами, похожими в темноте на маленькие солнышки.

При других обстоятельствах она бы обязательно обратила внимание, как таинственен и тревожен их вид, но не теперь.

Она шла, она стремилась, и она нашла.

Драко.

Он был все на том же месте, где его увидела Джинни, хотя, конечно, Гермиона этого знать не могла. Сняв куртку, он стоял спиной к скале. Похоже, он занимался тем, что раз за разом метал в дерево свой меч. Он не увидел, как подошла Гермиона, но вдруг его плечи застыли. Она поняла, что он услышал ее приближение.

— Кто здесь? — спросил он, не поворачиваясь. — Это ты, Висли? Вернулся, что снова обзывать? Господи, я пришел сюда, чтобы побыть в одиночестве, а тут просто какой-то кровавый рок-концерт — без драки никак...

— Ты подрался с Роном? — спросила Гермиона. — Почему?

Драко резко повернулся, и его лицо осветилось изумлением, когда он увидел ее.

— О, — выдохнул он, — ты...

Он взглянул на меч, воткнутый в ствол, и вздохнул:

— Да, я подрался с Роном. А что такого? Висли и Малфои заклятые враги с 1325 года, когда Малфой поймал Висли, занимавшегося браконьерством на его земле, и отрубил ему голову. Они чувствительны, эти Висли. С тех пор все и длится: эти драки в школьном дворе, обзывания и полнейшее отвращение.

— Чарли не относится к тебе с ненавистью, — заметила Гермиона, — да и Джинни тоже...

Драко прищурился:

— Это она сама тебе сказала?

Гермиона уставилась в землю:

— Ну, что-то в этом роде...

Драко прищурился еще сильнее:

— Ты ревнуешь...

Гермиона резко вскинула голову и в упор взглянула на него:

— Вовсе нет!

— Ну конечно, нет! — коротко произнес он. — Кстати, это довольно забавно... И что же ты хочешь получить? Главный приз в лотерее «За что боролись, на то и напоролись?»

— Я не ревную! — с упрямым бешенством повторила Гермиона.

Он попятился назад и прислонился к скале, скрестив руки на груди:

— Тогда почему ты здесь?

Гермиона открыла рот... и снова закрыла. Потом не очень уверенно произнесла:

— Я волновалась за тебя. Джинни сказала, что у тебя кошмары.

— И ты встала и решила это проверить?

— И она рассказала мне про кровь, — продолжала Гермиона. — Знаешь, бестелесное кровотечение может быть связано с разными вещами... Темной Магией... Одержимостью...

Он смотрел на нее, и она почувствовала, как колени стали ватными — так было, только когда Гарри смотрел на нее — но теперь все совсем по-другому, что-то влекло её вполне физически.

«Это не так», — сердито сказала она себе.

— То есть ты пришла сюда, чтобы проверить, не одержим ли я? Это было вовсе ни к чему.

— Почему ты так злишься? — спросила она.

Он выглядел доведенным до ручки:

— Почему я злюсь? Потому что я целый день изображал, что все в порядке. Откровенно говоря, ты меня просто используешь. Но это уже слишком. Я с таким трудом сосредотачивался на том, чтобы не смотреть на тебя, что, если я приложу еще хоть малейшее усилие, у меня кровь из ушей пойдет.

— Хорошо. Я тебе очень благодарна, — натянуто сказала она.

— Ах, — произнес он. — Благодарность. Именно то чувство, на которое я рассчитывал.

— Ну и что же, по-твоему, мне нужно сделать? — сердито поинтересовалась она.

— Что тебе нужно сделать? Как на счет... Я себя просто без ножа режу, хотя, может, ты этого и не видишь... так как насчет того, чтобы быть честной с Гарри?

— Я же говорила тебе, почему я не...

— Прекрасно, — оборвал он ее. — Иди спать, Гермиона. Тебе не стоит здесь находиться...

— Не пойду, — заупрямилась она.

Он прищурился:

— Ну, либо уходи, либо иди сюда. Я не собираюсь кричать тебе через всю поляну.

Она скованно пересекла поляну, разделявшую их, и оперлась на скалу рядом с ним.

«Это плохая идея» — шепнул внутренний голос. Но она наплевала на него.

— Я хочу кое о чем спросить тебя, — сказал она.

— А я, конечно, не знаю ничего лучше, чем отвечать тебе, — произнес он.

— Почему ты любишь меня?

— Что? — Драко вытаращил на нее глаза.

— Почему ты любишь меня? Я хочу знать...

На мгновение он потерял дар речи, что случалось с Драко чрезвычайно редко.

— Я не знаю, Гермиона, — наконец сказал он. — Это все равно, что спросить меня, почему я левша. Некоторые вещи не имеют причин...

Она прикусила губу:

— Ты прав. Прости. Я не должна была спрашивать.

Она искоса взглянула на него. Лунный свет падал на его поднятое вверх лицо и волосы, посеребрил его глаза и подчеркнул черные тени под ними. Он нахмурился:

— А почему ты меня спросила об этом?

Она покачала головой:

— Я не знаю...

— А я знаю, — он повернулся к ней и, опершись правой рукой на скалу, левой взял ее за подбородок, чтобы она смотрела ему прямо в глаза. — Ты просто хотела услышать, как я скажу, что люблю тебя.

— Я только хотела узнать, почему...

— Да, я люблю тебя. А теперь иди спать.

Она не двинулась с места.

— Это не просто, правда? — поинтересовался он с горьким торжеством. — Я предупреждал тебя, что это будет непросто.

«Это немного похоже на сон», — подумала Гермиона. Она снова и снова представляла, как вот сейчас возьмет и пойдет прочь отсюда, через поляну, залитую лунным светом, и вернется в свою палатку. А наяву она по-прежнему стояла у скалы, держа руки за спиной — потому что иначе... она бы просто бросилась к нему и...

— Мне надо идти, — сказала она.

— Так иди.

И тут она словно со стороны услышала свой голос:

— Как ты можешь позволить мне уйти?

Он взглянул на нее и подумал: это все не настоящее. Но мысль это была такая далекая и такая неважная по сравнению с теплом ее кожи, со звуком ее голоса. У него было потрясающее самообладание. Не как у шестнадцатилетнего юноши. И даже не как у человека вдвое старше. Но у всего есть предел. Даже у Малфоя.

— Я не могу, — произнес он и поцеловал ее.

Драко схватил Гермиону за плечи и развернул к себе, наклонился к ее губам, коснулся их — сначала нежно... она не сопротивлялась... тогда он с силой припал к ним. Он почувствовал, как напряглось и задрожало ее тело, как ее руки сомкнулись на его шее, как она обвила его волосы вокруг пальцев...

И они споткнулись. Гермиона оступилась на корне дерева; они упали на землю, едва не опрокинувшись, и ударились с такой силой, что Гермиона охнула.

Но она не обратила на это внимания. Она почувствовала, как, навалившись на нее всем телом, он придавил ее к земле. Она сильно ушиблась, камни впились ей в спину, Драко до боли вцепился ей в плечи, но она ничего не ощущала. Все, что она чувствовала, это судороги, рвущие ее нервы, когда он касался ее. Согретая магическим зельем, она испытывала облегчение, что может больше не сопротивляться его действию.

Это было чем-то похоже на головокружительное состояние, когда она была под действием Заклятия Империи, только тогда она испытывала удовольствие от холода, а теперь... от жжения.

Боль и смятение в ее голове были подобны шторму, в ушах у нее шумело, кровь прилила к телу, она почувствовала, что ее обожгло, раздавило, уничтожило — и она хотела этого, хотела полностью раствориться в этом ощущении, забыв обо все на свете.

Она услышала его голос — хотя, может, он звучал только у нее в голове:

— Я сделал тебе больно?

— Да, — ответила она. — Не останавливайся.

— Вот, — его рука скользнула ей под голову. — Так лучше?

— Замолчи, — она обняла его за шею и притянула его голову к своей, припав к его губам. Его целовали и раньше, но не так, как сейчас; она целовала его раньше — но иначе. Раньше ее чувства не принадлежали ему, это он всегда понимал, целуя ее. Даже тот последний поцелуй — в школе, на берегу озера, он и тогда ощущал ее сопротивление, ее желание вернуться в замок, к Гарри.

Но сейчас с ней было то же, что и с ним: как в зеркале, Драко увидел и свое желание, и надежду, и страсть, и смущение. Ее руки обвились вокруг его шеи и потянули его вниз, он уже лежал на ней, она обхватила ногами его колени, ее руки ухватили его рубашку и рванули ее вверх так сильно, что несколько пуговиц отлетело. — Эй, — мягко запротестовал он, но она только улыбнулась — он ощутил это своими губами.

Ее руки нырнули ему под рубашку, и он почувствовал, как ее маленькие, прохладные, нежные пальцы заскользили вверх и вниз вдоль его позвоночника, как ее ногти слегка начали царапать его кожу. Его сердце рванулось из груди, ему не хватало воздуха, но все это не имело никакого значения. Самым важным сейчас была она, вкус ее губ, когда она целовала его с такой страстью, что он чувствовал привкус крови... но это тоже не имело значения.

И тут едкий, незванный голос прошептал у него в голове: «Ты не должен делать этого. Это неправильно...»

Драко был возмущен: «Неправильно?!»

«Ты должен остановиться...»

«Я не собираюсь останавливаться. Это чудо, это — один шанс из тысячи, и ты говоришь, что я должен отступить?!»

Тихий, холодный голос зазвучал самодовольно: «А Гарри бы отступил...»

«Я не Гарри! Я не хочу быть Гарри!»

На мгновение голос смолк, и Драко сжал Гермиону в объятиях, он целовал ее рот, глаза, шею, он чувствовал биение ее пульса. Он мог даже слышать стук ее сердца, он никогда не был настолько

близок к ней...

Голос снова зазвучал — очень, очень холодно. «Когда она найдет контрзаклятье, она возненавидит тебя за это. Возненавидит навсегда».

Он похолодел. Гермiona вскинула на него глаза и откинула с лица волосы:

— Драко, все в порядке?

— Нет, — он откатился от нее и упал навзничь в траву, — Мы не должны делать этого.

Он услышал, как она резко вздохнула:

— Что? Почему?

— Ты знаешь, почему, — он, не моргая, смотрел в небо. У него было чувство, что если он взглянет на нее хоть раз, вся его решительность рассеется, как дым. — Это не настоящее... Это не ты...

— Мне больно...

— Я знаю, — произнес он с мелькнувшей искрой гнева. — Думаешь, я не знаю? Вся разница между тем, что чувствуешь ты и чувствую я в том...

— В чем? — резко спросила она.

— В том, что ты можешь сказать себе, что твое чувство не настоящее, и ты можешь избавиться от него при помощи заклинания. А я не могу. А теперь уходи, Гермiona. Я имею в виду — катись ко всем чертям.

Он услышал, как она резко вздохнула и поднялась.

— Ты прав, — произнесла она сдавленным голосом, — прости...

— Не извиняйся, — отрезал он. — Просто уйди.

Больше она не произнесла ни слова. Он перевернулся и, уткнувшись лицом в руки, слушал эхо ее удаляющихся шагов — тише, еще тише... тишина...

Лупин снял очки и потер глаза. Ему казалось, что он почти ослеп от усталости, однако совершенно не хотел спать. Лунный свет лился через окна, искрясь и играя зеленоватыми и голубыми пятнами на стеклах, играя цветными бликами на переворачиваемых страницах — книга за книгой, книга за книгой...

Лупин сидел за столом в бывшей библиотеке Люция и занимался поиском ключа для расшифровки книги кентавра — поиском, казавшимся все более и более бессмысленным и бесплодным. Справочники и словари мертвых языков уже занимали все пространство от стола до дверей — вздохнув, он потянулся, чтобы достать нужный, и на столе тот вдруг открылся на последней странице. Там был не только текст, но и иллюстрация.

От неожиданности Лупин сел, с недоверием уставившись в книгу. У него не было представления, сколько бы он так просидел, но тут его остолбенение не прервал скрип открываемой двери.

Вошел Сириус, одетый в черную шелковую пижаму:

— Лунатик, какого черта ты здесь делаешь? — начал он с места в карьер. — Уже глухая ночь!

Рем не откликнулся, он по-прежнему сидел, уставившись в раскрытую перед ним книгу.

— Ах, да, я и забыл — ты же у нас ночное существо... — с улыбкой добавил Блэк, — Но и ты бы мог уже лечь спать...

Лупин откашлялся, пытаясь заставить голос слушаться себя:

— Но ты же встал...

— Потому что получил сову. Она села мне на голову и разбудила меня.

— От Гарри?

— Нет. От Гермiony Грейнджер, — ответил Сириус. — Всем письмам письмо... — Он протянул его Лупину. — Пять свитков пергамента.

— И что она пишет? — поинтересовался Лупин со смутной догадкой.

— О чем она не пишет?... — поправил его Сириус. — Она хотела рассказать мне о том, что случилось. Она была похищена колдуном, называвшим себя Салазаром Слитерином — это для него сделал Червехвост — он уволок ее в какие-то развалины в лесу, где ее и нашли Гарри и Драко.

У Лупина брови поползли вверх:

— Колдун, называвший себя Слитерином?

— Да кто угодно может так назваться! — отмахнулся Сириус. — Ты не представляешь, сколько

щуплых вампиров я выслав, когда работал Аурором. И все они называли себя Дракулой.

— Ближе к делу, — произнес Лупин. — И что же этот волшебник хотел от Гермионы?

— А вот это уже интересно, — ответил Сириус. — Похоже, он тщательно разобрался в той древней мифологии, включая Салазара Слитерина, Ровену Рэйвенкло, Годрика Гриффиндора, разных демонов...

— Сириус, она говорит правду... — коротко сказал Лупин.

— Ну, разумеется — Гермиона никогда не обманывает. Я просто хотел сказать, что у взрослых мужиков, которые крадут девочек-подростков и прячут их в лесу, обычно только одно на уме. Может быть, он представился Салазаром Слитерином, чтобы произвести на нее впечатление...

— Или потому, что он действительно Салазар Слитерин, — не согласился с ним Лупин. — В пророчестве говорится, что Салазар Слитерин вернется. И кентавр сказал, что это уже произошло. Один в один — исчезли все создание, которых он когда-то привел в этот мир: дементоры, вампиры, вилы... Кроме того, мы все знаем, что Питер — Червехвост — всегда предпочитал находиться в тени более могущественного волшебника... А кто может быть более могущественным, чем Вольдеморт?...

Похоже, это не убедило Сириуса.

— Как ты думаешь, почему она рассказала тебе об этом, а, Сириус?

— Ну, я не уверен... — с сомнением произнес Блэк. — Похоже, она считает, что Слитерин чем-то связан с...

— С Драко? — спросил Лупин.

— Да. Кажется, она считает, что он находится в опасности, но ей не хочется, чтобы я рассказывал Драко о ее беспокойстве. Когда они столкнулись со Слитерином, Драко поприветствовал его так, словно... словно он знал, кто это.

— А может, так оно и было. Ведь он же его потомок, не так ли?.. И я говорил тебе о пророчестве, что Слитерин вернется и с помощью своего наследника ввергнет весь волшебный мир в хаос и ужас?

— Только не говори мне, что ты думаешь, что Драко собирается нести хаос и ужас в мир, — голос Сириуса был полон сомнения и недоверия. — Ему только шестнадцать.

— А я и не говорю. Но все становится на свои места...

— Пожалуйста, поподробнее про эти места. Я что-то за тобой не успеваю.

Лупин снова взглянул в книгу перед собой и произнес:

— Сириус, ты когда-нибудь видел, как выглядели Основатели?

— Ну, да — портреты, статуи и все такое...

— Но ты никогда не видел их портретов в юном возрасте...

Сириус внимательно взглянул на него:

— Что ты хочешь сказать?

— Иди сюда, — поманил его Лупин. Сириус поднялся и, пройдя через комнату, склонился над его плечом, глядя в книгу кентавра. Она была открыта на последней странице, половину которой занимали совершенно нечитаемые закорючки, а половину — иллюстрация. Пожелтевший пергамент выглядел настолько древним, что, несомненно, рассыпался бы во прах, не будь к нему приложено заклинание. По счастью, изображение, сделанное смелыми размашистыми штрихами, было цело и невредимо.

Это был групповой портрет четырех людей, вернее, четырех детей — двух девочек и двух мальчиков. Одетые в простые черные мантии, они были мгновенно узнаваемы.

Взгляд Сириуса стал отсутствующим:

— Гарри... Драко... Гермиона... и...

— И Джинни Висли, — добавил Лупин. — То есть, конечно, это не Джинни Висли, это Хельга Хаффлпафф, Годрик Гриффиндор, Салазар Слитерин и Ровена Рэйвенкло...

Сириус остолбенел. Кто бы ни был этот неизвестный художник, он запечатлел не столько облик, сколько дух каждого из четырех. Салазар стоял, высокомерно вздернув подбородок, Ровена задумалась, Хельга бурлила энергией, а Годрик встречал читателя прямым и вызывающим взглядом.

— И что это значит? — спросил Сириус.

— Может, ты скажешь? — ответил Лупин. — Я совершенно не представляю...

Возвратившись в свою палатку, Гермиона опустилась на кровать. Ее трясло — словно она только что пережила сильный испуг. Она все еще чувствовала, как зелье струится по ее венам, словно яд. Оно несло смущение и волнение, от которого сосало под ложечкой и словно что-то сжималось внутри. Она склонилась и закрыла лицо руками.

— Гермиона? — послышался голос Джинни.

Гермиона резко убрала руки и выпрямилась.

— Прости, я тебя разбудила?

— Нет, я уже не спала. Я волновалась за тебя, хотела даже пойти поискать.

Повисла короткая пауза.

— Да нет, со мной все хорошо, — наконец произнесла Гермиона.

— Да уж, — согласилась Джинни, — полагаю, что лучше некуда...

Словно кулак сжал ее сердце. Джинни знала.

— Джинни...

— Если ты скажешь, — перебила Джинни ледяным голосом, — что это было не то, что я видела, я тебя просто убью.

Слова готовы были сорваться с губ Гермионы, но вместо этого она прошептала:

— Я могу объяснить...

— Я не хочу никаких объяснений, — отрезала Джинни. — Я хочу забыть все, что видела. — Прости... — прошептала Гермиона.

— Тебе не передо мной надо извиняться. А перед Гарри.

— Я не могу... Он не поймет...

— Замолчи, Гермиона и ложись спать. Не хочу с тобой разговаривать. Ни сейчас, ни когда-либо потом.

Наутро Гарри, Рон, Гермиона и Джинни, захватив свои метлы, собрались перед палаткой Чарли. Это была мрачная и притихшая группа — Рон надулся, а Джинни и Гермиона избегали смотреть друг на друга. Гарри с беспокойством оглядывался.

— Да где же Малфой? Он же поднялся раньше нас, утром его уже не было в палатке... Он же знает, что нам пора...

Бросив взгляд на Гермиону, бледную и больную, Джинни демонстративно отвернулась.

— Понятия не имею, — кисло сказал Рон. — Голосую за то, чтобы лететь без него. Пусть догоняет.

— Мы не можем лететь в Имение без Малфоя, — оборвал его Гарри. — Мы так не договаривались.

Джинни вздохнула.

— Кажется, я знаю, где он, — сказала она, бросив метлу на землю. Все взглянули на нее — Рон вопросительно, Гарри с удивлением, Гермиона умоляюще, но Джинни не обратила на это внимания. — Пойду, приведу его. Сейчас вернусь.

Она прекрасно осознала, что Рон смотрит ей вслед, и почувствовала горькую обиду. Нет причин подозревать меня в этом, — подумала она. — Если бы он только знал...

Она вышла на поляну, на которой видела вчера ночью Драко с Гермионой. Сначала она увидела воткнутый в дуб меч — драгоценные камни искрились в утреннем свете. Опустив глаза, она увидела Драко — он свернулся, положив руки под голову и, кажется, спал.

Джинни медленно подошла. Он снял свою куртку и использовал ее вместо подушки, на ее черном фоне его волосы казались неестественно светлыми. Под закрытыми глазами залегли темно-синие тени, словно он был абсолютно измучен. Это выглядело так... трогательно...

— Отлично, — сказала Джинни и пнула его под ребра.

Драко вскрикнул и перевернулся, схватившись за бок.

— Ух! — задохнулся он, глядя на нее. — Джинни! За что?

— Поднимайся, — свирепо произнесла она. — Все тебя ждут.

Он прищурился и сел, опираясь на руки.

— Ох, ради Бога!.. — сверкнула она глазами.

— Что? — он все еще моргал спросонья.

— У тебя вся шея в засосах и укусах, — от ее голоса повеяло стужей. — И чем вы тут вчера вдвоем занимались? Пытались съесть друг друга? Неважно, можешь не отвечать.

Драко быстро вскинул руку к шее:

— Ты мне поверишь, если я скажу, что был атакован злобной белкой? — спросил он.

— Которая заодно поотрывала тебе пуговицы с рубашки? — ядовито поинтересовалась Джинни.

Драко взглянул на себя:

— Вот черт... — он посмотрел на Джинни. — Кто-нибудь знает... про эту ночь?

— Никто, кроме меня, — с отвращением произнесла Джинни. — Я предпочла бы тоже не знать. Я не собираюсь рассказывать Гарри, — опередила она его вопрос, — Не ради тебя, а потому, что он заслуживает лучших друзей, чем ты.

Драко промолчал. Он встал и начал отряхиваться от грязи. Потом сунул левую руку за пазуху. Когда он вытащил ее, на ладони лежало изрядное количество пуговиц.

Он посмотрел на Джинни:

— Ты вроде знаешь какие-то медицинские заклинания, да?

— Ну, — Джинни догадывалась, что за этим последует.

— Ты можешь привести в порядок мою шею?

Джинни заскрипела зубами от ярости:

— Малфой...

— Я не могу это сделать сам, — пояснил он, видя, что она непреклонна.

Джинни сунула руку в карман, достала палочку и глубоко вздохнула:

— Ну, ладно. Поднимайся.

Он повиновался. Джинни подошла и оттянула ворот его майки. Наклоняя из стороны в сторону его голову, она поочередно касалась синяков на его шее, и они исчезали. Она отступила и осмотрела свою работу.

— Теперь порядок, — сообщила она.

— Спасибо.

Он выпрямился и выдернул из земли свой меч. Потом, скрестив руки на груди, он встретился с ней взглядом.

— Чтобы ты знал: я сделала это не для тебя. Просто я не хочу видеть, как Гарри мучается.

Драко смотрел на нее с выражением, которое она не могла понять: гнев? интерес? вина? или что-то еще?

— Правда? Тогда обзаведись черной повязкой, — произнес он и пошел прочь, туда, где его ждали все остальные.

Попытка Сириуса быть строгим и суровым полностью провалилась, когда Драко, Гарри, Гермиона, Рон и Джинни вошли в гостиную, держа в руках метлы и осматриваясь.

Увидев Драко, Сириус расхохотался:

— Что это на тебе?

Драко с недоумением оглядел себя:

— Это одежда Чарли.

Сириус зашелся от хохота.

— А мне кажется, что он выглядит довольно мило, — заметила Нарцисса. Скрестив руки на груди, она стояла на ступеньках за спиной Сириуса.

— Мам! — воскликнул Драко с чуть меньшим ужасом, чем когда он столкнулся с Салазаром Слитерином.

— Мне кажется, что эти брюки не очень удобны, заметила она. — Они такие...

— Все в порядке, — произнес он сквозь зубы.

Тем временем Гарри с удивлением смотрел на Сириуса. Он практически никогда не слышал, чтобы Сириус так хохотал. Сириус поймал его взгляд, полный удивления и беспокойства. Прекратив смеяться, он сошел вниз и, с неожиданно кольнувшим чувством, вдруг понял, что Гарри стал столь

же высок, как и он сам.

— Здравствуй, Сириус, — взволнованно произнес Гарри.

Сириус все еще стоял, глядя на своего крестника, в его зеленые глаза, чуть расширенные от беспокойства. Потом он наклонился и, как Нарцисса Драко, поцеловал Гарри в лоб:

— Добро пожаловать домой, Гарри.

Несколько часов они наперебой громко и взволнованно рассказывали Сириусу и Рему о произошедшем, прежде чем те начали осознать, в какую историю все попали. Вся компания разместилась в библиотеке — за исключением Нарциссы, которая осталась внизу, чтобы передать Аурорам остатки коллекции предметов темной магии.

День был в разгаре, и разноцветные стекла разбрасывали ослепительные цветные пятна, когда, наконец, заговорила Гермиона. Испытывая внутреннее сопротивление, она рассказывала о случившемся с ней последней.

Лупин стоял, облокотившись на стол, Сириус, прищурившись, подпирал руками подбородок.

Когда она закончила, Сириус опустил руки на стол и покачал головой:

— Ну, — произнес он, — вам всем и досталось... Но вы все были очень мужественными, хотя и несколько опрометчивыми. Но думаю, вы должны знать, что все эта ситуация имеет далеко идущие последствия... Дело очень и очень серьезное.

Гермиона прикрыла глаза. Дикая головная боль, словно железным обручем, обхватила ее лоб. Голос Сириуса зазвучал неразборчиво:

— Вопрос в том, действительно ли это был Салазар Слитерин, и если это так...

— Ну конечно, это был Слитерин, — твердо произнес Драко. — А кто еще это мог быть?

— Тут есть, о чем подумать. Надо иметь виду, что это может быть какой-нибудь план, придуманный Вольдемортом, ведь имя Салазара Слитерина наводит ужас...

— Это был не Вольдемонт, — снова перебил Драко. — Вольдемонт просто убил бы нас. Он не стал бы нас отпускать.

— А причем тут ты? — неожиданно вступил Рон. — Ты не нужен Темному Лорду, он хочет убить Гарри. Может, именно поэтому он тебя отпустил. Похитив Гермиону, он ожидал, что появится Гарри. А не ты, — с отвращением прибавил он.

— Ну, конечно, — раздраженно произнесла Гермиона. — Ведь Темный Лорд читает «Ведьмополитен» и знает все о моей личной жизни.

— Кроме того, — напряженно продолжил Драко, — я встречался с Вольдемортом. И в замке был не он.

— Временами, — Рон качнулся вперед, глядя на Драко с издевательской серьезностью, — разные мерзавцы прикидываются друг другом. Маскируются. Это факт.

— Это был Салазар Слитерин! — с неожиданной яростью заорал Драко. — Можешь сомневаться, сколько захочешь, он заставит тебя об этом пожалеть! — Он осекся — все вытаращились на него.

Наконец тишину прервал Гарри:

— Малфой, ты как себя чувствуешь?

— Нормально, — ответил Драко, хотя на самом деле он сам напугался.

— Точно? — с беспокойством переспросил Сириус.

— Думаю, нам стоит им все рассказать, Сириус, — внезапно произнес Лупин. До этого момента он все время тревожно молчал.

Сириус взглянул на него, потом перевел взгляд на Гарри и всех остальных:

— Завтра сюда придут профессор Дамблдор и Корнелиус Фадж. Они расскажут вам о сложившейся ситуации. Дело довольно серьезное. Так что пока, давайте-ка, оставим эту тему.

— Простите, — перебила Гермиона, вставая, — мне что-то нехорошо.

Она чувствовала, что Гарри смотрит на нее, комната поплыла у нее перед глазами, цвета задрожали и смазались — она знала, что это из-за головной боли. Было ощущение, что кто-то большими красными пальцами давит изнутри на ее глаза. Она услышала вокруг ропот, но разобрала только голос Гарри и ответила, что все в порядке, дело просто в усталости... потом Лупин что-то сказал о шоке и стрессе... Сириус посоветовал ей прилечь... Она почувствовала, что кто-то поддерживает ее под руку... оперлась на руку... На руку Драко.

— Я провожу тебя в спальню, — произнес он.

Гермиона подумала, что надо бы отказаться, но голова просто раскалывалась от боли. Она слышала, как поднялся Гарри, и возблагодарила Бога, когда его остановил Сириус: — Гарри, подожди минутку.

Драко провел ее к двери. Когда они пересекли комнату, стало полегче, мир снова приобрел очертания. Проходя мимо Лупина, он заметила, что тот резко отступил от Драко. От удивления она заморгала и обернулась через плечо.

— В чем дело? — удивилась она, когда за ними закрылась дверь.

— Гарри, не дергайся хотя бы секунду, — раздраженно попросил Сириус.

Гарри с заметным напряжением опустился обратно на стул. Он очень волновался за Гермиону — слишком у нее был больной и бледный вид. И уж, конечно, мысль о том, что они с Малфоем идут смотреть спальню, не добавляла ему покоя и усидчивости.

Сириус перевел взгляд на Рона и Джинни:

— Утром я послал вашим родителям сову.

И Рон и Джинни одинаково взвыли от ужаса.

— Сириус! — вскрикнул Рон, чувствуя, что его предали. — Как ты мог?

Гарри почувствовал, что не может сдержать улыбку. Рон все еще не мог воспринять Сириуса в роли родителя, он все еще считал его беглецом, живущим в пещере и питающимся крысами, а вовсе не тем, кто может послать сову чьим-либо родственникам. — Но пока что-то никакого ответа...

— Может, сова пропала? — с надеждой предположил Рон. — Может, не смогла найти их...

— Рон, почтовые совы не теряются, — раздраженно заметила Джинни.

— Мечтай-мечтай, — заметил Сириус.

— Я должен сказать тебе, Гарри, — Лупин, скрестив на груди руки, поднялся из-за стола и смотрел на Гарри, — что ты исключен из школы Магидов...

— Исключен? — Гарри был потрясен.

— Увы, — мягко сказал Лупин, — ты нарушил около тридцати школьных правил, сбежал во время учебы, уничтожил школьное имущество...

— Исключен... — повторил Гарри в совершенном ужасе. Потом он взглянул на Лупина: — А Малфой тоже исключен?

— Ну, да... — Лупин был крайне удивлен.

— Вот и хорошо, — с чувством полного удовлетворения произнес Гарри.

— Нет, в самом деле, Гарри, это все, что тебя волнует? — с изумлением спросил Сириус.

— Ну, на самом деле — да.

Сириус посмотрел на него:

— Знаешь, Гарри, если ты так ненавидишь его, вы не уживетесь здесь вместе.

Повисла короткая, напряженная тишина. Рон и Джинни смотрела в сторону, Лупин тоже. Гарри был просто удивлен:

— Я его совсем не ненавижу, — наконец испуганно сказал он, оглянувшись и пожал плечами. — Вовсе нет...

Сириус взглянул на Лупина, не в силах скрыть победную улыбку. Рон был полон сомнений, а Джинни внезапно вскочила и, пробормотав странным голосом, что ей надо пойти провести Гермиону, выбежала из комнаты.

Лишь только дверь библиотеки закрылась, Гермиона одернула свою руку от Драко и накинулась на него:

— Что ты делаешь? — зашипела она.

— Провожая тебя в комнату, — ответил он и зашагал по коридору. Она, хмурясь, последовала за ним.

— Ты же знаешь, мы не должны быть наедине друг с другом...

— Поправка: это ты не должна быть наедине со мной. Я рядом с тобой прекрасно могу себя контролировать.

— О, конечно, так же, как прошлой ночью, — ядовито начала она, но, поняв, как это прозвучало, замолкла. — Не обращай внимания. Это не твоя вина, я знаю, ты бы это не выбрал...

— Как сказал бы Фред, только не изображай из себя всезнайку.

Гермиона с облегчением ощутила, что любовное зелье не мешало ей сердиться и злиться.

— Какое твое дело? — огрызнулась она. — Словно тебе мало того, куда мы вляпались...

— Мы? — он холодно посмотрел на нее. — Это не моя проблема. Это твоя проблема. Это твои друзья. И твое вранье. Ты, — он говорил, и голос его наливался гневом, — должна помнить о последствиях, к которым приведут твои поступки. Они...

— О чем это ты говоришь?

От досады он взмахнул руками:

— Забудем. Ладно, в любом случае, мне пора.

— Пора?

— Пора, — подтвердил он, повернулся и пошел обратно по коридору, — у меня еще есть дела.

Она смотрела ему вслед.

— Ты не можешь взять и уйти, — запротестовала она, — Сириус...

Драко пожал плечами:

— Ты прикроешь меня.

— Что?

— Прикрой меня. Я же сделал это для тебя вчера. Теперь ты сделай это для меня. Я приду поздно. Может, даже ночью. Просто, останови их, если они буду спрашивать про меня.

— И что же я должна сказать им? Куда ты пошел?

— Ты умная, — сказал Драко. — Вот и придумай что-нибудь.

Он повернулся и пошел по коридору.

— Я не хочу врать из-за тебя! — крикнула она ему вслед, ее голос сорвался.

Он оглянулся и пожал плечами:

— Да что ты! — с глубоким пренебрежением бросил он. — А я-то думал, ты меня любишь... Сжав кулаки от ярости, она смотрела на него, не находя слов. Потом обернулась и с ужасом поняла, что совершенно заблудилась. Гермиона стояла в комнате с портретами на стенах — таких комнат в Имении были десятки. Она была полностью поглощена поиском *подходящий* аргументов, и никак не могла сообразить, откуда она пришла — слева или справа. Мысленно махнув в отчаянии на все рукой, она повернулась направо и пошла по узкому коридору, пытаясь вспомнить, не видела ли она портреты, висящие на стенах. Это было ужасно трудно: одно за другим — изображения бледных, светловолосых высокомерных Малфоев смотрели ей вслед. Они все одинаковые, — безнадежно подумала она.

Она повернула за угол, потом еще раз и оказалась в зале, который определенно уже видела. И в центре его стояла Джинни.

Джинни взглянула и увидела ее, глаза ее потемнели. Она повернулась и собралась уйти, но Гермиона, чувствуя, будто все вокруг начали ненавидеть ее, поймала ее за рукав:

— Джинни, не надо...

— Оставь меня в покое, Гермиона. Я не собираюсь разговаривать с тобой.

— Ты не поняла... Это действительно было не то, что ты видела...

Теперь Джинни выглядела озабоченной:

— Не надо сейчас.

— А когда надо? — огрызнулась Гермиона, повышая голос. Головная боль привела к тому, что теперь ее собственный голос изнутри звучал в ее ушах. — Я должна все тебе объяснить, хотя потом я все время буду дергаться, не разболтала ли ты обо всем Гарри. Только ты должна пообещать мне, что не скажешь Гарри...

— Гермиона — нет, — прервала ее Джинни, покачав головой, но Гермиона уже не могла остановиться.

— Джинни, я прошу тебя, я клянусь — это очень важно. Я никогда не обманывала его раньше, ты думаешь, я стала бы это делать по пустякам?

— Гермиона! Заткнись! — взорвалась Джинни, но было уже поздно.

Дверь, перед которой она стояла, распахнулась и Гермиона, с чувством, что у нее внезапно исчез желудок, увидела Рона, который с изумлением смотрел на них обеих. Позади него она увидела уже знакомую комнату: стол, ряды книг, цветные окна — видимо, она совершила полный круг и снова вернулась к библиотеке. И, судя по лицу Рона, стены вовсе не были звукопроницаемыми.

— Так, — Рон переводил взгляд с Гермионы на свою сестру. — И о чем вы тут так орали?

— Я, — сухо сказала Джинни, — не орала.

Гермиона откашлялась. Такого ощущения она никогда в жизни не испытывала.

Дура.

— Ни о чем.

— Ни чего себе, ни о чем... — Рон отпустил руку, которой он придерживал дверь, и та тут же широко распахнулась.

Гарри.

Позади него она увидела смутные фигуры Лупина и Сириуса, но даже не взглянула на них, что они чувствовали, о чем думали — ей было все равно. Она смотрела на Гарри, но видела не его, а то, как рушится хрупкий картонный домик, который она с таким трудом пыталась сохранить. Не может быть...

— Ты обманула меня? — Гарри смотрел на нее с удивлением и возрастающим смятением. — Ты обманула меня — в чем?

— Ты в этом уверен? — спросил охранник, с удивлением глядя на юношу, стоявшего перед ним. Его лицо было знакомо по изображениям в Ежедневном Пророке, сходство было несомненным. Но снимок не мог передать ни его холодного, жесткого выражения. Ни страха в его глазах.

— Я абсолютно уверен, — ответил юноша тоном, свидетельствующим о высочайшей степени упрямства. Несмотря на то, что день был вовсе не холодный, а он завернулся в дорожную мантию длиной до пола, зубы его постукивали. — Мне же разрешили, верно?

— Ну, конечно, но...

— Вы будете наблюдать?

— Да.

— Так пустите меня!

— Хорошо, — сдался волшебник и поднял свою палочку.

Замок на тяжелой железной двери запирает сразу несколько волшебных камер, и требовалась целая последовательность заклинаний, чтобы отпереть его.

Процесс этот занимал некоторое время, и побледневший юноша нетерпеливо наблюдал за ним.

— Уже? — спросил он.

— Да, — произнес охранник и толчком отворил дверь. Не взглянув на него, юноша прошел внутрь, и дверь закрылась. В этот момент она стала прозрачной — охрана могла наблюдать, что происходит внутри, тогда как те, кто находился там, никаких изменений не замечали.

Несколько секунд глаза Драко привыкали к сумраку камеры. В ней не было ни окон, ни ламп. Светились сами стены — бледно-синим фосфорным светом. Они освещали маленькую квадратную комнату с матрасом на полу и столом у стены. За ним сидел человек, держа на коленях книгу. Он поднял голову на звук открывшейся двери и взглянул на Драко — холодно, расчетливо, хотя и с некоторым удивлением.

— Я знал, что, рано или поздно, ты придешь, — произнес он.

Драко почувствовал, что его руки под мантией сжались.

— Здравствуй, отец.

Глава 6. Удачливые сыновья

Люций Малфой медленно опустил книгу, которую держал в руках, однако не поднялся навстречу сыну. Драко подумал, что он почти не изменился. Даже в тюрьме Люций сохранил большую часть своего подчеркнутого достоинства — он выглядел аккуратным и подтянутым в простой серой одежде, казавшейся накрахмаленной.

— Драко, — произнес отец, наклонив голову.

— Я не ожидал, что они пропустят меня, — сказал Драко слегка сдавленным голосом.

— Я распорядился, чтобы они позволили тебе войти, когда ты придешь, — ответил его отец. — Имя Малфоя все еще кое-что значит, несмотря на все, что ты и твоя мать сделали, чтобы его уничтожить.

— То есть, ты их подкупил, — заметил Драко. — Это в твоём стиле.

Люций смотрел на него. Драко мимолетно задумался о том, что же видел в нем его отец, изменился ли он.

— Иногда я спрашиваю себя, — произнес Люций. — Кого я вырастил? Неблагодарен ты или просто глуп?

Он склонил голову набок, не отрывая взгляда от сына. Драко видел, как он крепко сцепил тонкие, длинные пальцы своих рук, лежащих на коленях.

— Что ты скажешь, Драко?

— Так какой у меня был выбор?

Люций прищурился.

— Я и забыл, — сказал он, — каким забавным ты себя считаешь. Потому ты и пришел сюда? Чтобы поразить меня своим остроумием?

— Нет, — ответил Драко таким же ровным голосом. — Я просто надеялся, что мы сможем продолжить нашу замечательную семейную традицию издевательств и оскорблений. Ответь мне, неужели это убило бы тебя, скажи ты хоть раз: «Здравствуй, сын, о чем ты хотел поговорить со мной?»

Выражение лица Люция не изменилось, он лишь откинулся назад и скрестил руки на груди. Резким движением ноги он поддел стул, стоящий перед ним, на носок сапога и пнул его через всю комнату в сторону Драко. Тот вынужден был отскочить назад, чтобы избежать удара. Стул упал на пол у его ног.

— Садись, — велел Люций.

Драко медленно нагнулся и поднял стул. Он сел, не отрывая настороженного взгляда от отца.

Если бы кто-нибудь видел их сейчас, он был бы поражен — вначале их сходством — те же острые, четкие черты лица, та же бледность, а затем — враждебностью, которая проскакивала между ними подобно электрической искре.

— Итак, сын, — сказал Люций Малфой. — О чем же ты хочешь поговорить со мной? Хочешь спросить, как я провожу здесь время? Приятная компания, прекрасная еда, любезное обращение?

— Нет, — ответил Драко. — Я хочу спросить тебя о нашей семье.

Люций приподнял бровь.

— Ты говорил Гарри, что в нашей семье случалось безумие, — сказал Драко. — Я хочу знать, что это было за безумие? Насколько далеко оно уходит в прошлое?

В глазах Люция мелькнул предательский огонек удивления, который быстро угас, сменившись равнодушием.

— Ты думаешь, что сходишь с ума?

— Я не уверен.

Люций посмотрел на сына, и на мгновение увидел знакомое бледное лицо лишенным своей защитной маски, увидел боль и страх в глазах. Он подумал о жене, которая передала их сыну свои раскосые серебряные глаза и свою чувствительность. И все же... С тех пор, как их сыну исполнилось четыре года, он не плакал. Ни разу, насколько помнил Люций. «Это неестественно, — говорила его жена, — ребенок, который не плачет».

Драко неожиданно встал, опершись на спинку стула. Сейчас он выглядел очень юным.

— Я видел... сны, — продолжил он. — Это не мои сны. Кого-то другого. Битвы, полные крови и убийств. Женщина. Иногда это Гермiona, иногда нет. Знамя с изображением дракона...

— Смотрящего влево, — сказал Люций. — Серебряный дракон на черном фоне.

Драко моргнул.

— Значит, ты знаешь, чьи это сны? — спросил он.

Люций со скучающим выражением рассматривал ногти у себя на руках.

— Эти сны — твое предназначение, мой мальчик, — ответил он.

— Мое предназначение? — огрызнулся Драко. — У меня нет никакого предназначения. Гарри, вот у кого вся судьба расписана.

— Это не так, — теперь Люций смотрел прямо на него, правда, не очень приветливо. — Разумеется, у тебя есть предназначение, Драко. Собственно, я бы даже сказал, что твоя судьба владеет тобой.

— О чем ты говоришь?

Люций улыбнулся.

— Позволь рассказать тебе кое-что. Когда кто-то присоединяется к Пожирателям Смерти, он жертвует себя Темному Лорду. И Темный Лорд, в свою очередь, берет у него что-нибудь одно. Чтобы быть допущенным в его круг, ты должен предложить ему что-то, что принадлежит только тебе. Это может быть особенная память, или способности к языкам, или спортивные способности. Выбор — его. Когда я присоединился к нему, он попросил тебя.

Лицо Драко не выражало ничего, кроме удивления.

— Но ведь я даже не родился еще! Тебе было только шестнадцать!

— Да, ты еще не родился. Но он знал, что это будешь ты. Наша семья среди последних оставшихся, в ком течет кровь Слитерина, и ты... время было самое подходящее. Темный Лорд показал мне, как произвести определенные, сложные и опасные, заклинания, чтобы быть уверенным, что ты родился бы таким, как он задумал. С определенными свойствами. Способности Магида. Порочность и обаяние. Черствость. Соперничество. Жестокость... Ты должен был стать его последователем, и я...

Драко перебил его.

— Что случилось? Заклятия не сработали?

— О нет, они сработали, — сказал Люций. — Но к тому времени Темный Лорд был побежден. Тебе еще не было и года. И не было никого, чтобы направить твое развитие, чтобы продолжить заклиния, и зелья, и подготовку. Остался только я. И я старался, как мог, но ты как-то отдалился от меня. Ты был задуман для какой-то цели, но я не знаю, что это за цель. Боюсь, я никогда не знал этого. Когда Темный Лорд вернул себе силу, он не захотел говорить мне. Он сказал, что я узнаю в подходящее время. — Люций пожал плечами. — Я полагаю, что это время такое же подходящее, как и любое другое.

Поблудневший Драко не отрывал от него глаз.

— Это как будильник, — продолжал его отец, откинувшись в кресле. — То, что ты носишь внутри себя, оставалось спящим до поры. Пока не стали работать твои способности Магида, пока ты не вырос, пока ты не нашел меч.

— Меч? — эхом отозвался Драко.

— Этот меч — ключ, — мягко сказал Люций. — Темный Лорд дал мне его, когда ты родился. Конечно, я не мог его коснуться, — с горечью добавил он, — поэтому я никогда не испытывал... искушения.

Он посмотрел на сына.

— Меч вызывает у тебя видения?

— Кошмары, — ответил Драко сдавленным голосом.

— Видения, — повторил его отец. — Ты видишь свои желания, свои чаяния, то, что было, и то, что случится.

— Он показывает мне вовсе не то, что я хочу! — воскликнул Драко с отвращением. — Он показывает... ужасные вещи...

Люций улыбнулся.

— В первый же раз, когда ты увидел меч, — сказал он, — ты захотел владеть им, правда? Ты

забрал его у Гарри, ты держал его возле себя, ты противился всем усилиям лишить тебя его. Ты берешь его с собой, куда бы ты ни шел — он и сейчас с тобой. Ты не можешь перенести разлуки с ним.

Люций взглянул на сына.

— Это твое будущее, мой мальчик. И ты не можешь убежать от него.

— Я могу, — возразил Драко.

— Ты не можешь! — прогремел Люций, неожиданно вставая. — Ты был сделан, неужели ты не понимаешь? Ты был создан, чтобы осуществить намеченное. Даже твое имя... — Он замолчал и устало опустил в кресло. — Даже твое имя было выбрано для тебя Темным Лордом. Дракон...

Драко сидел не шевелясь. Не глядя на отца, он спросил:

— И ты согласился со всем этим?

Люций не ответил.

Драко поднял голову.

— Кем бы я ни был, я твой сын. Кровь от крови. Я похож на тебя. Я несу имя нашего рода. И ты продал меня Темному Лорду за крохи власти?

— Это была бы большая власть, — поправил Люций. Он отвел глаза в сторону. — Я никогда не хотел ребенка, — сказал он. — Все это было частью Плана.

Драко смотрел на свои руки, стиснутые на коленях.

— В моих снах, — хрипло сказал он, — Он говорит мне, что я должен убить Гарри Поттера.

— Ну, так убей Гарри, — ответил Люций. — Для этого ты и был предназначен.

— Любовное зелье?

Голос Рона доносился до Гермионы будто издалека. Она устало подняла голову. Все, кроме Гарри, смотрели на нее — Сириус прислонился к книжным полкам с выражением недоверия на лице, Лупин был в замешательстве, Рон был явно потрясен, а Джинни... Джинни была встревожена. Где-то посреди нескончаемого для Гермионы объяснения, что такое любовное зелье и каковы его последствия (за исключением сцены с Драко на поляне — Гермиона решила рассказать об этом Гарри позднее) Джинни положила руку на подлокотник кресла Гермионы, взяла ее руку в свою и сжала ее. Гермиона крепко держалась за руку Джинни на протяжении всего рассказа и была благодарна ей за этот контакт.

Гарри сидел у стола, скрестив руки на груди и упорно глядя поверх их голов в одно из витражных окон. До сих пор он не проронил ни слова.

— Я всегда думал, что любовные зелья что-то вроде шуток, — продолжал Рон. — Что их не бывает.

— Они существуют, — сказал Лупин, которому было явно не по себе. — Разумеется, они запрещены.

Сириус покачал головой.

— В этом нет никакого смысла, — заметил он. — Я уже думал об этом прежде, а сейчас... Теперь Гарри перевел взгляд на него.

— То, что Слитерин хочет, чтобы Гермиона была его Источником. Только Магид может стать Источником для другого Магида. Иначе он высосал бы из нее силу, и это убило бы ее.

— Ровена была Магидом, — сказала Гермиона. — Возможно, он полагал, что раз она была, то и я могла бы.

— Предположение, которое прикончило бы тебя, — сказал возбужденно Сириус.

— Я бы скорее умерла, — тонким, но твердым голосом ответила Гермиона, — чем любить это... это зло...

— Ага, а любить Малфоя — это ничего? — перебил ее Рон, качая головой.

Вот теперь Гарри заговорил, и при звуке его тихого голоса все подскочили, будто рядом взорвалась бомба.

— Оставь ее в покое, Рон, — сказал он.

Все уставились на него, Гермиона даже пристальнее, чем остальные. Она пыталась поймать его взгляд, чтобы послать ему благодарную улыбку, но Гарри не посмотрел на нее. Он смотрел на

Сириуса, крепко зажав ладони между коленями.

— Есть ли способ снять заклятие? — спросил он. — Обратное заклятие, может быть?

Ему ответил Лупин.

— Я уверен, что средство должно быть, — сказал он, хотя голос его звучал вовсе не уверенно.

— У каждого заклятия есть противоположное, — сказала Гермиона.

— Нет, — мягко поправил Лупин. — Не у каждого.

Все смотрели на него.

— Но у большинства заклятий есть, — быстро добавил Лупин. Он сунул руку в ящик стола и, вытащив оттуда перо и пергамент, протянул их Гермионе.

— Гермиона, мне нужно, чтобы ты записала все, что ты запомнила о зелье — как оно выглядело, какое оно на вкус, что ты чувствовала, все, что поможет нам определить его. Тогда мы сможем более точно узнать, обратимо ли оно на самом деле, или нет.

Гермиона медленно подтянула к себе пергамент, взяла перо и, будто в обмороке, отозвалась:

— Что я... чувствовала?

— Ну да, — сказал Лупин и сделал неопределенный жест в сторону пера, которое она держала. — Просто опиши это, тебе вовсе не нужно это рассказывать.

Без всякого умысла все перевели взгляд на Гарри, который покраснел и снова отвернулся.

Гермиона опустила голову и застрочила пером.

Лупин искоса посмотрел на Сириуса, который ответил ему таким же взглядом. Было ясно, что новость о намерениях Слитерина относительно Гермионы заставила их задуматься о многом. Было также ясно, что они вовсе не собирались обсуждать это в присутствии Гарри и Гермионы. Особенно Гарри, который выглядел так, будто он держится за единственную ниточку. Джинни и Рон теперь обеспокоено смотрели на него. Дверь библиотеки открылась, и вошла Нарцисса, раскрасневшаяся и взволнованная.

— Сириус, — начала она и осеклась, потому что Гарри вскочил с кресла, как подстреленный, посмотрел на нее отсутствующим взглядом и заявил:

— Мне нужно выйти.

Он выскочил из комнаты, пронесся мимо Нарциссы и хлопнув дверью.

Гермиона начала подниматься, глядя неуверенно вслед Гарри.

— Я должна...

Из коридора донесся приглушенный звук взрыва. Рон схватил Гермиону за руку и оттащил ее назад.

— Ерунда, — заключил Сириус. — Возможности Магида. Я чуть не забыл.

Нарцисса оглядела всех широко раскрытыми глазами.

— Ради святого, что происходит?

Рон продолжал держать Гермиону за руку, пока Сириус с отменной краткостью объяснял, в чем дело. Его речь время от времени оттенялась взрывами снаружи библиотеки, заставляя каждый раз Гермиону вздрагивать.

— Любовное зелье? — недоверчиво переспросила Нарцисса, когда Сириус закончил.

Все кивнули.

— Понятно, — заключила Нарцисса, вздернув подбородок. Гермиона подумала, что в этот момент она очень напоминала своего сына — решительная, вызывающая, даже слегка высокомерная.

— Вот что мы сделаем. Рон, — повернулась она к нему. — Рон покраснел. В первый раз Нарцисса обратилась непосредственно к нему. — Ступай за Гарри. Убедись, что с ним все в порядке. Если вещи всё ещё летают, успокой его.

Рон моргнул и кивнул головой.

— Сириус, — продолжила Нарцисса, повернувшись к столу. — Я хочу, чтобы ты написал Северусу Снэйпу.

Сириус разинул рот.

— Снэйпу?

— Никто в мире не знает о зельях больше, чем он, — сказала Нарцисса. — Сам Темный Лорд прибегал к его помощи в те дни, когда он был Пожирателем Смерти. Если у этого зелья есть противоядие, то Северус должен знать об этом.

Теперь Нарцисса повернулась к Гермионе, которая весьма нелюбезно восприняла то, что Рон вцепился в ее руку. Собственно, она довольно свирепо смотрела на него. Ничего страшного, ибо если в целом мире кто-то и мог состязаться с Гермионой взглядами, то это был Рон — они упражнялись в этом уже пять лет.

— Гермиона, — ласково сказала Нарцисса. — Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

Гермиона подняла голову и быстро сказала:

— Мне надо поговорить с Гарри...

— Нет, — сказала Нарцисса. — Тебе нельзя.

— Но...

— Ему совершенно не нужно, — ровным голосом сказала Нарцисса, — сердиться еще больше. Он никогда не причинит тебе вред, но если его гнев вырвется из-под контроля, он может стать опасным для самого себя и для бьющихся предметов вокруг.

Гермиона побледнела, но кивнула, соглашаясь.

Нарцисса посмотрела на Лупина.

— Проследи, чтобы Сириус написал это письмо. И пока он будет занят, ты можешь поработать над переводом этой книги. Ты согласен?

Лупин приподнял бровь.

— Да, конечно.

Нарцисса протянула руку Гермионе, та посмотрела на Рона. Рон неохотно отпустил ее и. Рука об руку с Нарциссой, они вышли.

Как только дверь за ними закрылась, Джинни раздраженно выдохнула воздух.

— А как же я? — спросила она, повернувшись к Лупину и Сириусу. — Мне тоже дадут поручение? Или от меня нет никакой пользы?

Сириус закрыл лицо руками.

— Джинни, — устало сказал он. — Не сейчас...

— Ну и ладно, — обиженно сказала Джинни, и, громко топая, вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Как только Джинни вышла из комнаты, Сириус развернулся к Лупину.

— А теперь скажи мне правду, — потребовал он, глядя в упор. — Ты думаешь, что это любовное зелье обратимо?

— Не знаю, — ответил Лупин, снимая с полок многочисленные книги и швыряя их на стол.

— Я видел, как ты изменился в лице. Ты что-то знаешь.

Лупин взял книгу, на корешке которой золотыми буквами было вытиснено «Самые Сильные Зелья» (а вы думали, что есть только один экземпляр?).

— Я ничего не знаю наверняка, — нервно сказал он. — Но я знаю, что любовные зелья — это вовсе не безобидная магия. Поэтому они и запрещены.

— Потому, что они очень-очень раздражают? — спросил Сириус, подтянув к себе пергамент, исписанный Гермионой и просматривая размашистые строчки.

— Всякая магия, которая противоречит самой человеческой природе, есть, по определению, темная магия, — сказал Лупин. — Любовные зелья — это просто другая разновидность того, что лежит в основе Заклятия Империи. Заклинание, подавляющее волю человека...

Сириус покачал головой.

— У Гермионы сильная воля.

— Это меня и беспокоит, — ответил Лупин угрюмо, листая «Самые Сильные Зелья». — Ты же видел, что может случиться с людьми, которые противятся Заклятию Империи. Безумие... если им повезет...

— Перестань, — прервал его Сириус, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Он потянулся за куском пергамента, занес перо и уныло уставился на него.

— Ты чего? — спросил Лупин, глядя сверху вниз на его макушку.

— Снэйп, — мрачно ответил Сириус.

— Ну, и что там насчет него?

— Да пойми ты, Лунатик! Если я напишу ему и попрошу об одолжении, ты что думаешь, он так и побежит? Он же НЕНАВИДИТ меня!

— Вероятно, по той одной-единственной причине, что ты колотил его все пять лет, пока мы были в

школе, — заметил Лупин, улыбаясь уголками губ.

— Да, он немного раздражителен в этом плане, — согласился Сириус. Неожиданно его глаза заблестели, и он улыбнулся.

Лупин подозрительно посмотрел на него.

— Что это ты там придумал, а?

— Ну, видишь ли, — все еще улыбаясь, ответил Сириус. — Конечно, Снэйп не помчится оказывать мне услугу... или тебе... согласишься, он и тебя ненавидит... и он скорее позволит Огнеплюю-Мантикрабу откусить себе ногу, чем поможет Гарри, но все-таки есть кто-то, кто ему симпатичен...

— Драко, — сказал Лупин и задумался. — Но его нет здесь. Гермиона сказала, что он ушел, чтобы побыть наедине с самим собой.

— Я его не осуждаю, — сказал Сириус. — И уверен, что он не осудит меня за это.

Он схватил перо и начал лихорадочно писать.

— Ты что, подделываешь письмо от Драко? — бесстрастно спросил Лупин.

— Ага, — ответил Сириус. — Передай мне фамильную печать Малфоев, она в третьем ящике...

— Вообще-то это нечестно, — заметил Лупин, подавая ему печать.

— Честно, честно, — ответил Сириус, строча, как безумный.

— Ты выдаешь себя за другого, а это определенно нечестно. Не надо и в словаре смотреть.

Сириус бросил перо на стол и свирепо уставился на друга.

— У тебя есть идея получше?

Лупин ненадолго задумался.

— По правде, нет.

— Ты же видел лицо Гарри? И Гермиона... это несправедливо, ведь они еще дети, они не должны были...

— Сириус, — прервал Лупин, пытаясь вытянуть перо у него из пальцев. — У тебя...

— Лунатик! — раздраженно прервал его Сириус. — Я отправлю это письмо, и что бы ты ни говорил...

— У тебя руки дрожат, вот что я хотел сказать. Дай мне этот пергамент, я знаю почерк Драко, поскольку он учился у меня. Позволь мне это сделать.

— Я не могу, — сказал Драко.

Люций поджал губы.

— Слабак, — сказал он. — В этом и моя вина.

Драко не ответил. Сам не замечая этого, он пятился прочь от отца, пока не прижался к стене.

— Что случится, если я не буду ничего делать? — хрипло спросил он, наконец. — Я сойду с ума?

— А как ты сам полагаешь? — сказал Люций. Он медленно подходил к сыну, задумчиво глядя на него. — Раз ты узнал о нем, то и Слитерин теперь знает о твоём существовании. Или ты примкнешь к нему, или он убьет тебя.

Теперь он стоял очень близко — так близко, что Драко мог видеть огонь в его глазах. Драко знал, что означает этот огонь в глазах отца, и это было не к добру. Он опустил было глаза, но было поздно — Люций выбросил руку вперед и взял его за подбородок, принуждая держать голову прямо.

— Внутри тебя спрятан хитрый механизм, мой мальчик, — сказал он. — Темный Лорд завел тебя, как пружину и направил по этому пути. Это может быть твой путь к величию. Это может быть твоей второй попыткой. Нашей второй попыткой. Это то, для чего ты был создан. Многие ли могут сказать, что они были рождены для определенной цели? Но ты...

— Что, если я буду сопротивляться этому? — требовательно спросил Драко, голосом, который уже не подчинялся ему. — Что тогда?

— Что происходит с часами, если ты крутишь пружину наоборот? — ответил Люций. — Они ломаются.

Драко судорожно втянул воздух, будто его ударили в живот.

Люций оставил это без внимания.

— А почему вообще тебе нужно сопротивляться этому? — спросил он сына, по-прежнему смотря

ему в лицо. — Стараешься быть *хорошим*?

Люций всегда по особенному произносил это слово — не так, как прилагательное, описывая хорошего мальчика или хорошую собаку, а подчеркивая, что это существительное — Хороший, и неприятное для него существительное. Конечно, Драко прекрасно знал, что он имеет в виду.

— Нет, — быстро ответил Драко, и тут же добавил, — я не знаю.

Он взглянул на отца.

— Я просто хочу иметь *выбор*.

— Ты думаешь, у тебя теперь есть выбор? У тебя больше нет выбора. Ты раб своих желаний, как и всякий другой. Думаешь, я не видел твое лицо там, в замке, когда ты смотрел на них, и на нее, и ее лицо, когда она смотрела на вас обоих? Ты хочешь обменять свое предназначение на дружбу мальчишки, который никогда не примет тебя, и на благосклонность девочки, которая не ответит на твою любовь. Заключить союз с людьми, от которых единственной наградой тебе будет подозрение и недоверие? Они люди не нашего круга, и никогда ими не будут. Ты никогда не будешь своим для них.

В течение своей речи Люций наблюдал, как меняется цвет лица его сына — вначале бледное, потом очень красное, и снова побелевшее. Он понимал, что Драко старается скрыть свои чувства, и по этому одному знал, что он причиняет ему боль. Что и должно было случиться. Драко был его сыном, и он мог помочь ему или ранить, по его усмотрению.

— Ты не изменишь то, что ты есть, Драко, — мягко, но непреклонно сказал Люций. — И они знают это. Дамблдор, Сириус Блэк, даже твой новый друг, Гарри Поттер — они все знают, что у них есть что-то, чего нет у тебя, какого-то необходимого атома недостает в твоей душе, и это делает тебя другим. Назови это моралью, нравственностью, или как хочешь. Но ты не можешь изменить это. Ты никогда не будешь таким, как они. Ты можешь носить маску морали, но и под ней ты *такой, каким я сделал тебя*.

Какое-то время Драко, не двигаясь, смотрел отцу в глаза. Потом его глаза потемнели, и он отдернул голову, освобождаясь от руки Люция.

— Пусти меня, — сказал он.

«Я потерял его, — изумленно подумал Люций, в то время как его сын, избегая его взгляда, скользнул от него прочь вдоль стены. — Я почти убедил его... Что-то было, что я мог сказать, это сработало бы, это сломало бы его. Но я его потерял».

Разочарование и гнев звучали в его резком голосе, когда он заговорил.

— Надо было убить тебя, когда у меня был шанс.

Драко остановился на полпути. Он по-прежнему опирался на стену, и что-то в его позе заставило Люция подумать, что только благодаря стене он держится прямо.

Драко поднял голову и посмотрел на отца. Его глаза были почти черными от страха, боли и гнева, и сейчас они были очень похожи друг на друга.

— Ты хочешь моей смерти? — спросил Драко. — Хорошо же.

Он поднял руки, взялся за Эпициклический амулет, висевший у него на шее, и, не задумываясь ни на мгновение, снял его через голову и бросил отцу. Люций Малfoy машинально подался вперед и схватил блестящий круглый предмет на лету. И замер, глядя на него.

— Это тебе, отец, — сказал Драко. — Действуй. Сломай его. Раздави. Я буду мертв прежде, чем страж сможет войти в комнату.

Люций не двигался. Он только смотрел на своего сына, который смотрел на него горящими глазами и шептал:

— Чего ты боишься? Ты уже заключен сюда пожизненно. Они никогда не выпустят тебя. Давай же — сделай это!

— Нет, — сказал Люций, осторожно смыкая пальцы вокруг Амулета.

Драко пристально смотрел на него.

— Я не хочу твоей смерти, мой мальчик, — сказал Люций с легкой улыбкой. — Я передумал. Я хочу быть удовлетворен, зная, что ты жив и что ты страдаешь. Что ты растешь и страдаешь, зная, что ты сделал, чтобы уничтожить наш род, и как ты обрек меня гнить в этом аду. Надеюсь, что это будет терзать тебя заживо.

Он бросил взгляд на сына.

— А теперь убирайся. Меня тошнит от твоего вида.

Драко попятился. Затем он повернулся и с силой забарабанил по двери камеры. Некоторое время он стоял в ожидании, спиной к отцу. Услышав, как по другую сторону двери отпираются засовы, он медленно повернулся и посмотрел на Люция.

— Это еще не ад, отец, — сказал он. — Когда ты попадешь в ад, я думаю, ты обнаружишь там гораздо больше «людей нашего круга».

Дверь распахнулась, и Драко вышел.

Если Рона и беспокоило, как он разыщет Гарри, то эти заботы быстро улетучились, едва он покинул библиотеку. Как оказалось, надо было просто идти на звук взрывов. Рон, волнуясь, пробежал по запутанным коридорам, остановился перед большой, окованной металлом, дубовой дверью, за которой раздавались звуки бьющегося стекла, глубоко вздохнул и распахнул ее.

Странное зрелище открылось его глазам. Сбитый с толку, он подумал, что в комнате идет снег, хотя этого и не могло быть. Воздух был наполнен белыми хлопьями. Рон разглядел Гарри, стоящего в середине комнаты — тонкая темная тень в центре белого пухового вихря. Ну, конечно, пухового, понял он, входя в комнату — это были перья, перья из подушек, по меньшей мере дюжину которых Гарри ухитрился располосовать на мелкие кусочки. Остатки наволочек были разбросаны по комнате, и множество мелких белых перышек запутались у Гарри в волосах.

— Гарри, — сказал Рон, испытывая одновременно сочувствие и изумление. — Что ты натворил?

— А на что это похоже? — спросил Гарри, скрестив руки на груди, будто непослушный пятилетний малыш.

Рон оглянулся вокруг с нарастающим подозрением. Несомненно, они находились в спальне — здесь стояла черная кровать с четырьмя стойками для полога, и огромный платяной шкаф красовался у дальней стены.

— Чья это комната? — спросил он.

— Спальня Малфоя, — объявил Гарри с мрачным удовлетворением.

— Так я и думал, — заметил Рон.

— Я тут меняю обстановку, — объяснил Гарри, и Рон в изумлении увидел, как пара стеклянных подсвечников пролетели через комнату и весело раскололись о стену.

— Сириус тебя убьет, — благоговейно сказал Рон.

— Прекрасно, — ответил Гарри. — Быстрая, безболезненная смерть — то, что доктор прописал.

— Гарри, — начал Рон, воспользовавшись минутным затишьем в буре, чтобы подобраться поближе к Гарри на случай, если придется его задержать. Хотя этот вариант выглядел ужасно непривлекательно, отчасти из-за невероятного количества стеклянных осколков на полу.

— Это всего лишь заклятие! Она не испытывает никаких чувств к Малфою!

Гарри молча посмотрел на него.

— Ну, хорошо, — неохотно признал Рон. — Может быть, у нее есть к нему какие-то чувства, очень незначительные, крохотные такие. Но ничего серьезного.

— Ты видел лицо Лупина, — сказал Гарри, вытряхивая перья из волос. — Он думает, что обратного заклятия не существует. Уж я-то понял.

Рон был потрясен.

— Конечно же, оно есть, обратное заклятие.

— Нет его, — ответил Гарри, будто смирившись. — Ей придется провести остаток дней, любя Малфоя... и все, что я могу — либо попытаться удержать ее возле себя и видеть, как она тоскует по нему, или отпустить ее с ним, и они пожениятся, и у них будут кудрявые блондинистые дети, и я стану «дядя Гарри», и, может быть, они даже назовут одного из своих ужасных отпрысков в мою честь, и...

— ГАРРИ! — в отчаянии перебил его Рон. — Не забывай, пожалуйста, что подтекст быстро становится текстом.

БАМ! Одна из пышных подушек, лежащих на кровати, взмыла в воздух и взорвалась, осыпая перьями все вокруг.

— Это просто заклятие, — повторил Рон, досадливо отряхивая перья с плеч. — Это ничего не значит.

— Тогда почему она не сказала мне? — спросил Гарри, сверкая глазами на Рона, на перья и на

все остальное в комнате. — Она могла просто рассказать мне, но она предпочла молчать. Или она не сказала мне потому, что не хотела, чтобы я знал, а она могла бы полностью насладиться любовью с Малфоем, или она не доверяет мне и думает, что я этого не вынесу, что просто смешно.

— Да уж, — поддакнул Рон, не удержавшись, — потому что сейчас ты ЗАМЕЧАТЕЛЬНО переносишь это.

Глаза Гарри сузились.

В этот момент распахнулась дверь.

Это была Джинни. Она выглядела раздраженной, ее глаза сверкнули при виде Рона, и она нахмурилась.

— Я вовсе не бесполезна... — начала она.

— Джинни! — в ужасе прервал ее Рон. — Я в некотором роде занят!

— Но... — Джинни перевела взгляд с Рона на Гарри, на множество летающих перьев, и ее глаза широко раскрылись в испуге.

— Я думала... — неуверенно начала она.

— Джинни, выйди отсюда, — нервно потребовал Рон.

Но Гарри уже смотрел на нее, прищурившись.

— Нет, — сказал он. — Оставайся, почему бы нет? Я тебе нравлюсь, Джинни, правда?

— Гм, — сказала Джинни, настороженно. — Конечно, Гарри, ты мне нравишься...

— Хочешь встречаться со мной?

Джинни от неожиданности изобразила губами букву «О».

— Что?

— Ты хочешь встречаться со мной? — заорал Гарри, который был весь покрыт перьями так, будто его атаковала стая линяющих голубей.

— Ну, все, достаточно, — заявил Рон и классическим движением, как поступали старшие братья в истории человечества до него, шагнул вперед и плотно закрыл дверь спальни перед носом у сестры. Затем он повернулся к Гарри и сурово посмотрел на него.

— Ты пьян, — сказал он.

Гарри сверкнул глазами.

— Я не пьян.

— Ты пьян, — мрачно повторил Рон. — Опьянен могуществом.

Он указал на кровать.

— Сядь и успокойся, Гарри.

К изумлению Рона, Гарри подчинился.

— Не очень хорошо с моей стороны, да? — угрюмо сказал он, глядя в пол.

— Нехорошо, — согласился Рон, обошел кровать и сел рядом с Гарри. — Тебе надо извиниться перед Джинни. Но это позже. А сейчас, мне кажется, тебе станет легче, если ты не будешь думать о Малфое...

— Да я не так уж и злюсь на Малфоя, — сказал Гарри.

Рон, осознав, что сидит с раскрытым ртом, поспешно закрыл его.

— Хорошо, если ты не сердишься на Малфоя, то на кого ты так взъелся?

— На Гермиону, — ответил Гарри сквозь зубы.

Рон поспешно пригнулся, потому что стеклянный кувшин с резной ручкой в форме змеи просвистел мимо его головы и разлетелся на осколки у дальней стены.

— Черт побери, Гарри, — сказал Рон с невольным восхищением. — Это было круто!

— Ага, если бы я только мог проделывать эти штуки, когда я не срываюсь с катушек! — крикнул Гарри, в то время как дверцы шкафа резко распахнулись, и все его содержимое вырвалось наружу, как фонтан фейерверка.

Вещи пролетели по воздуху, будто стая безумных птиц. Что-то ударило Рона в плечо, и он опустил глаза посмотреть. Это была стопка носков и белья Драко.

— Итак, — сказал он, — я полагаю, это дает нам ответ на извечный вопрос: «трусы или плавки»?

Он улыбнулся Гарри.

— Лаванда и Парвати будут счастливы узнать, что Малфой носит... — Рон всмотрелся в этикетку на резинке, — трусы «Волшебная Одежда» от Кэлвина Кляйна. Кто бы подумал?

Он мельком взглянул на Гарри, который все еще был сердит, но в то же время, похоже, сдерживался, чтобы не засмеяться.

— Давай, Гарри, улыбнись — это тебя не убьет.

Рон отбросил трусы в сторону и посмотрел на друга.

— Ты сказал, что ты бесишься не из-за Малфоя, однако ты выбрал именно его спальню, чтобы выплеснуть гнев, а?

На этот раз Гарри улыбнулся — немного неохотно, будто это было ему неприятно.

— Ну, я же не говорил, что я весь такой белый и пушистый по отношению к нему.

Рон не ответил.

Гарри недоуменно посмотрел на него и вздрогнул. Рон тревожно всматривался в какую-то точку в противоположном конце комнаты.

— Что... — начал Гарри, но Рон, демонстрируя неожиданно быстрые рефлексy, прикрыл ему рот ладонью.

— Ш-ш-ш, — прошептал он. — Посмотри на шкаф.

Гарри посмотрел. И вскочил. Платяной шкаф, большой и тяжелый, размером как три Хагрида, раскачивался взад и вперед на своих резных ножках. Гарри быстро взглянул на Рона.

— Там что-то есть, внутри, — пробормотал Рон.

Гарри кивнул.

— Или кто-то, — попытался он выговорить сквозь пальцы Рона.

Рон убрал руку.

— Как ты думаешь...

Шкаф качнулся с такой силой, что едва не перевернулся.

— Палочки к бою, — прошептал Рон, вставая на ноги и роясь в своих одеждах. Гарри встал рядом, достав свою палочку и держа ее перед собой.

Двигаясь как можно тише, они пересекли комнату (Рон держался чуть впереди) и замерли перед шкафом. Рон протянул руку к одной из дверок. Он скосил глаза на Гарри, который, чувствуя себя довольно глупо — что там могло оказаться? — кивнул.

Рон рывком открыл дверь.

Какое-то мгновение не происходило ничего.

Затем что-то вылетело из шкафа с силой пушечного ядра и метнулось в сторону Рона, сбив его с ног. Палочка Рона выскользнула из его руки, и он громко закричал от боли, размахивая руками, чтобы защитить лицо от незваного гостя. Насколько Гарри мог видеть, у того была кожа сероватого оттенка, вращающиеся красные глаза и длинные лопатообразные пальцы, которые он сомкнул у Рона на горле.

Это был демон.

Все еще хмурясь, Джинни прошествовала по коридору, отыскивала лестницу и протопала по ней вниз, шаркая подошвами по камню, чтобы произвести как можно больше шума. Но вокруг не было никого, кто мог бы услышать ее.

«Бесполезная, — думала она. — Они все считают, что от меня нет никакой пользы. Даже Рон захлопнул дверь передо мной, а Сириус и Лупин сказали, чтобы я убиралась...»

Впрочем, Гарри предложил ей встречаться с ним. Да, конечно, надо признать, что это не было искренним предложением. Скорее, трагический крик о помощи. Не то, чтобы она была против — она была удивлена, поняв, что на самом деле ее это вовсе не волнует.

Джинни пересекла большую и безлюдную гостиницу, не подозревая, что она прошла по люку, ведущему в подземелья. Она знала, что бродит без цели, во всяком случае, материальной цели. Она просто надеялась увидеть Драко, надеялась, что вот она повернет за очередной угол, и он будет стоять там — высокий, бледный и раздражительный, но может, он примет ее извинения? Потому что она очень хотела извиниться перед ним за то, что пинала его по ребрам.

«Что, если бы это была я, год назад, — подумала она, — и это Гарри выпил бы любовное зелье и внезапно оказался бы у моей двери. Могла бы я прогнать его ради дружбы с Гермионой?»

Она очень сомневалась в этом.

Когда она вышла из гостиной, чьи-то голоса привлекли ее внимание. Она находилась в коридоре возле столовой и, повернув голову, увидела Гермину и Нарциссу, сидящих за огромным столом под гобеленом с фамильным гербом Малфоев. Гермину беспокойно вертела в руках чашку с чаем, и Нарцисса смотрела на нее с отдаленной симпатией.

— Мне очень, очень жаль, — говорила Гермину приглушенным голосом. — Я должна была сразу сказать Гарри правду. Я просто думала, что смогу справиться сама. Ужасно, что он теперь подумает. И Драко... — она с тревогой взглянула на Нарциссу. — Для него в этом тоже нет ничего хорошего.

«Как верно подмечено», — подумала раздраженно Джинни.

— Он, должно быть, очень любит тебя, — сказала Нарцисса, — если дал тебе это.

И она показала на Эпициклический амулет, обвивавший шею Гермину.

На Гермину было жалко смотреть. И Джинни, чувствуя к себе такую же жалость, отвернулась и пошла дальше по коридору.

Никогда прежде Драко не летал так, как сейчас, гоня свою метлу сквозь надвигающиеся облака на фоне темнеющего, чернильного неба. Если бы Гарри увидел его, он был бы изумлен, даже поражен — не только скоростью полета, но тем, с каким безрассудством и точностью он летел, касаясь верхушек деревьев, скользя над поверхностью прудов, бросая метлу из стороны в сторону, переворачиваясь вниз головой из озорства. Наконец, он замедлил полет и спикировал к земле, резко затормозив.

Он снова был на земле Малфоев, на краю Бездонной Пропасти. Небо теперь было стального цвета, расчерченным слабыми угольно-черными метками, похожими на метки внутри морской раковины, и Пропасть разверзлась перед ним, черная и бездонная. Драко подошел к краю, встал на колени, и его бурно и неожиданно стошнило. Когда его желудок прекратил конвульсии, он сел и машинально коснулся меча, висящего у него за плечом.

Он наложил на меч заклятие, чтобы сделать его невидимым — вряд ли даже Малфою позволили бы явиться без приглашения в клинику для душевнобольных, бряцая мечом — и теперь, не задумываясь, он провел левой рукой по нему, снимая чары. Меч ожил под его рукой, сияя серебром в серых сумерках, и драгоценные камни на рукояти блестели, будто глаза.

«Ты захотел владеть им сразу, как только ты увидел его, коснулся его, ты знаешь, что это — это твое будущее, и ты не можешь убежать от него».

«Это твоя сущность».

Драко перекатился набок, по-прежнему крепко сжимая меч в руках, провел рукой дальше от эфеса, к клинку, и крепко сжал кисть, чувствуя, как наточенное лезвие разрезает его кожу, и как струится кровь. Боль была совсем небольшой, но она отрезвила его и заставила его встать.

Драко подошел к краю Пропасти и посмотрел вниз, в черноту. Он поднял меч в левой руке, выставив его прямо перед собой...

Видения того, что прошло, того, что происходит, того, что произойдет, если ты захочешь этого...

...и отпустил меч.

Конечно же, не было никакого звука, пока меч исчезал в темноте, кувыркаясь, мерцая и тускнея, проглоченный Пропастью.

Чувствуя невероятную усталость, Драко повернулся к Пропасти спиной и зашагал к своей метле. Когда он нагнулся, чтобы поднять ее, он заметил в траве что-то блестящее.

«Нет!»

Это был меч, светящийся, прекрасный и совершенный. Драко протянул руку за своим Всполохом — и меч загудел, задрожал и прыгнул ему в ладонь, замерев там. Будто сросся с рукой.

«Ты не можешь убежать от него».

«Это твоя сущность».

— Рон! — закричал Гарри, кинувшись к другу, но поскользнулся на разбитом стекле и перьях и упал. Острая боль пронзила его руки, коснувшиеся усыпанного стеклом пола. Палочка выскользнула из пальцев и покатилась, стуча по плитам.

«Она мне все равно не нужна», — подумал Гарри, быстро вскакивая на ноги.

Рон сражался не на шутку — он перевернулся на спину и пинал демона, навалившегося на него сверху, ногами. Руки он держал у горла, пытаясь ослабить хватку демона на своей гортани. Он тоже уронил палочку...

Не раздумывая, Гарри поднял правую руку и направил ее на демона.

— Импедимента! — закричал он.

Белый свет вырвался из его пальцев и ударил демона в грудь, опрокинув его на спину. Рон тут же метнулся в сторону, освобождаясь от хватки на горле, и, вскочив на ноги, попятился к Гарри. Одну руку он держал у горла, разукрашенного иссиня-багровыми отметками.

Гарри покосился на него.

— Ты в порядке?

Рон кивнул, заглатывая воздух.

Гарри повернулся и посмотрел на демона, который стоял на коленях на полу, сверкая на них вращающимися красными глазами. Он сразу понял, что это не был тот же самый демон, который прорвался в их с Драко спальню тогда, в школе — хотя и не мог бы объяснить, откуда он это знает. Но существо, безусловно, принадлежало к тому же виду. У него были такие же длинные, лопатообразные пальцы, каждый из которых оканчивался зловещим, острым ногтем, и такие же красные глаза.

— Гарри Поттер, — сказала оно, и голос его был такой же, как голос другого демона — будто потрескивание дров.

Глаза Гарри сузились.

— Ты знаешь, кто я?

Демон издал свистящий звук.

— Скоро ты умрешь, Гарри Поттер, — объявил он.

Гарри широко раскрыл глаза.

— Что это все значит? — возмутился Рон хриплым голосом, массируя свое горло.

Взгляд демона остановился на Гарри.

— Ты знаешь, — прошипел он.

— Нет, я не знаю, — холодно ответил Гарри. — И я полагаю, что ты мне объяснишь, или я окрашу эту стену позади тебя в новый интересный цвет, который называется «Следы Мозгов».

Демон уставился на них.

— Никакого чувства юмора, — заметил Рон, покачав головой.

Внезапно демон бросился на Рона, протягивая к нему руки. Рон метнулся в сторону, и демон приземлился на четвереньки, обернулся и снова уставился на них.

— Гарри Поттер...

— Заткнись! — заорал Гарри, вклиниваясь между чудищем и Роном.

Он ощущал прилив ярости — каждая унция ярости, которую он переживал в течение прошедших нескольких часов, кристаллизовалась в острый ледяной клинок, который бешено крутился в его груди. Он чувствовал, как что-то рвется наружу — что-то высвобождалось внутри него, что-то важное. Гарри отбросил в сторону свою волшебную палочку, направил руку на тварь, угрожающую ему — и то, что было внутри него, выплеснулось на свободу — он чувствовал, как оно прорывается сквозь его кровь, его жилы, руку... и выстрелило из его пальцев, будто белая молния.

Струя света поразила демона в грудь. Издав удивленный жалобный крик, он отлетел назад и сильно шарахнулся в стену с противным хлюпающим звуком. Он безвольно свалился на пол и лежал теперь, как куча тряпья.

Но Гарри еще не закончил. Он все еще чувствовал жар белого света в своих жилах и хотел чего-то еще — разрушающего, неистового...

Его взгляд упал на платяной шкаф. Тот самый шкаф, в котором он однажды застал Гермиону, целующую Драко. Огромный, тяжелый, изготовленный из дуба, не менее восьми футов высотой.

Гарри повернулся, протянул к нему руку, и шкаф приподнялся на несколько дюймов над полом. Гарри ощущал сопротивление его веса, будто он поднимал его на блоке.

«Давай, — приказывал он мысленно. — Давай».

Отозвавшись стонущим скрипом внутри Гарри, шкаф взмыл в воздух и вырвался из-под его

контроля. Будто выпущенный из катапульты, шкаф пролетел через комнату, врезался в стену напротив, перевернулся и упал на неподвижное тело демона, развалившись на куски.

— Гарри! — будто издали, услышал он крик Рона. — Хватит!

Он почувствовал, как Рон трясет его за плечи, и опустил руки. Внезапно он ощутил, что ему не хватает воздуха, и пошатнулся, едва не налетев на кровать.

— Гарри...

Рон смотрел на друга, который выглядел бледным и обессиленным, волосы и одежда Гарри промокли от пота, будто он пробежал марафон. Он жадно заглатывал воздух, согнувшись вперед и упершись ладонями в колени. Не обращая внимания на чей-то стук в дверь спальни, Рон пригнулся и заглянул в лицо Гарри.

— Гарри, с тобой все в порядке?

Гарри кивнул, не поднимая глаз.

— Дыши, — велел Рон и тут же засомневался, правильный ли был совет. Гарри не испытывал трудностей с дыханием, наоборот — он дышал слишком глубоко.

— Хватит, Гарри, успокойся, — сказал он. Стук в дверь становился все громче.

— Ты что, собираешься свалиться в обморок?

В этот момент дверь, которая уже тряслась на петлях, распахнулась с грохотом, будто от выстрела. Сириус, Нарцисса и Лупин ворвались внутрь. Позади них стояла Гермиона. Она задержалась в дверях, прижав руку ко рту, в то время как старшие подбежали к Гарри и Рону.

— Что за чертовщина здесь происходит? — требовательно спросил Сириус, кладя руку Гарри на плечо.

— Что-то было в этом шкафу, какая-то тварь, — ответил Рон. — Она напала на меня.

— Я его пристукнул, — коротко пояснил Гарри, все еще пытаюсь восстановить дыхание.

— Чем? — спросил Сириус, осматривая разрушения широко открытыми глазами.

— Стеной, — ответил Гарри.

— А потом шкафом, — пришел Рон на помощь.

— Это было ужасно круто! — добавил он и, поймав предупреждающий взгляд Сириуса, поспешно добавил. — Хотя и плохо, разрушительно и, возможно, противозаконно.

— Это был демон, — объяснил Гарри, все еще задыхаясь.

Взгляды всех устремились к телу демона. Было видно только серую, кожистую руку, торчащую из-под полуразрушенного шкафа.

— Ну что ж, я думаю, ты убил его до смерти, — сказал Рон. — Отличная работа, Гарри! — Если это был демон, — заметил Лупин, — то формально он уже был мертвым.

— Хорошо, значит, он сделал его еще мертвее, — сказал Рон, глядя на Лупина так, будто тот хотел испортить праздник.

— Нет, не сделал, — возразил Сириус. — У него шевелятся пальцы.

Несколько событий случилось сразу.

Нарцисса резко обернулась. Лупин, внезапно встревожившись, выхватил палочку. Рон повернулся и удивленно уставился на шкаф. А Гарри неожиданно выпрямился, посмотрел на обломки шкафа и дергающуюся руку демона, не без приятности позеленел в лице и объявил:

— По-моему, я теряю сознание.

Сириус, прыгнув спиной вперед, как раз успел подхватить Гарри, когда он упал.

Гермиона видела, как Сириус кинулся, чтобы поймать Гарри и подхватить его на руки. До сих пор она стояла, застыв, в дверях, но вид падающего Гарри отрезвил ее, и она бросилась в спальню, едва не споткнувшись об обломки искалеченного шкафа, торопясь оказаться рядом с Гарри. Она видела, как Сириус подхватил его (внезапно Гарри показался очень маленьким и выглядел гораздо моложе) и положил его на кровать Драко, склонившись над ним. Лупин и Нарцисса встали позади, закрыв от нее Гарри, и тут чья-то рука взяла ее под руку, и чей-то голос произнес:

— Гермиона, не надо.

И ее вывели обратно в холл, и дверь спальни захлопнулась с резким звуком, и это было все. Она обернулась и увидела того, кто держал ее руку — Рон.

— Пусти меня, — прошипела она, пытаясь вырвать руку, но он держал ее.

— Нет, Гермиона, — сказал он.

— Ты должен! Мне нужно убедиться, что с ним все в порядке!

— С ним все хорошо, разве ты не слышала, как Лупин сказал, что все хорошо, он просто потратил слишком много энергии, поднимая этот шкаф...

— Я ничего не слышала! — взвизгнула Гермиона.

— Потому, что ты не слушаешь! — заорал Рон в ответ. — Закатываешь истерики! Именно поэтому тебе нельзя туда!

Они кричали друг на друга, хотя их разделял всего шаг — и Гермиона вдруг вспомнила, как много раз это происходило с ними раньше. Это, однако, не остудило ее гнев — она чувствовала, как злость переполняет ее, злость на жизнь, а не на Рона, но он попал под руку.

— Кто ты такой, чтобы говорить мне, что я могу делать, и что — нет? — простонала она.

— После всех глупостей, что ты натворила в последнее время, можешь считать, что тебе повезло, что кто-то может сказать тебе это! Потому что ты сама не имеешь ни малейшего понятия!

Гермиона почувствовала, как сжимает кулаки.

— Я ненавижу тебя! — крикнула она.

Рон расхохотался.

Гермиона закрыла рот рукой.

— О Господи, — сказала она. — Неужели я это сказала?

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду, — ответил он, посмеиваясь.

— Прости, пожалуйста, — пробормотала она. Злость испарилась, уступив место дурацкому желанию высморкаться.

Рон посмотрел на нее, и слабая улыбка мелькнула на его губах.

— Ладно уж, — сказал он. — Иди сюда.

Он протянул ей руку, и Гермиона едва не упала, бросившись к нему; Рон обнял ее, и она обняла его в ответ, чувствуя его надежное, теплое и удивительно успокаивающее присутствие. Она слышала, как бьется его сердце, отсчитывая секунды под его потертой рубашкой.

— Обещай, что скажешь правду, — сказала она. — Лупин сказал, что с Гарри все в порядке?

— Маленький мальчик в полном порядке, — ответил Рон. — Клянусь тебе.

Она откинула голову и посмотрела на него.

— Я должна поговорить с ним.

— Ты можешь, — сказал Рон. — Попозже.

— Я ничего не хочу скрывать от него. Я должна рассказать ему все. Я должна...

Рон отпустил ее и закрыл руками свои уши.

— Не говори мне ничего! — пропищал он. — Я не хочу знать о тебе то, что не знает Гарри. Этот путь ведет к безумию и летающей мебели.

Гермиона слегка улыбнулась.

— Ну, хорошо.

Какая-то мысль отразилась на ее лице.

— Рон?

— Чего?

— Ты и я — мы похожи друг на друга или совсем разные?

Гермиона оценила то, что он, похоже, всерьез задумался над этим глупым вопросом.

— Мы похожи, — наконец, сказал он. — Потому что мы оба тратим все свое время, следуя за Гарри, беспокоясь за него, поднимая его и стряхивая с него пыль, когда он делает глупости, которые едва не убивают его.

— Именно это ты и делал? Стряхивал пыль?

Рон насупился, глядя на нее.

— Точнее, я склеивал его обратно, — сказал он. — Гермиона...

— Что?

— Ничего.

Он откинул голову к стене.

— Почему Малфою надо было оказаться там? — произнес он, обращаясь к пространству над ее головой. — Из всех людей на свете, которых ты могла бы увидеть в тот момент, почему он?

Она хотела ответить, что она думает, что это был рок, что-то предопределенное, что-то, что

не давало ей выбора, что-то вроде кары — вот только она не была уверена, была ли эта кара предназначена ей или Драко. Но вместо этого она лишь пробормотала, уткнувшись в его рубашку:

— Он не такой плохой. Нельзя судить о книге по ее обложке, Рон.

— Не путай Малфоя с книгой, — сказал Рон. — Как-никак, в книге есть содержание.

Гермиона легонько стукнула его по плечу.

— Вредный.

Она разняла руки, отступила назад и скользнула взглядом по двери спальни.

— Гермиона, — предостерегающе начал Рон.

— Я не собираюсь входить, — сказала она, оправляя блузку. — Я подумала о том, что сказала мне Нарцисса.

— Что же?

— Что я была бы счастливее, если бы была полезной, — ответила она. — Полезной для Гарри. — Она слабо улыбнулась Рону. — Наверное, счастливее всего я была тогда, когда помогала ему выпутываться. Даже, если он этого не знает. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Все еще опираясь на стенку, Рон усмехнулся:

— Очень редко, а может, и никогда.

Гермиона показала ему язык, повернулась и пошла прочь по коридору. Рон смотрел ей вслед, наполовину удивленный, наполовину рассерженный.

— Куда ты идешь? — окликнул он ее.

— В библиотеку! — крикнула она в ответ, не оборачиваясь. — Если хочешь быть полезным, можешь пойти тоже и помочь мне.

Рон покачал головой и последовал за ней.

— Ну конечно.

Драко приземлился в саду, сразу же за воротами, украшенными плетением из змей и букв М. Он спешил с метлы, прислонил ее к стене и оглянулся вокруг.

Начинался дождь, точнее, мелкая морось. Окрестности Замка Малфоев казались серебристо-черными в дымке лунного света. Даже в темноте Драко различал черные отметины в земле там, где были вырваны с корнем ядовитые магические растения, или где протаскивали тяжелые предметы. Было странно стоять здесь и знать, что больше не надо помнить, как избежать десятков заговоров, чар и неприятных сюрпризов в виде смертельных заклинаний, которые когда-то окружали поместье подобно невидимому магическому забору. Без них это место казалось нездешним. Чужим.

«Здесь я тоже чужой».

Оставив свою метлу стоять у стены, он двинулся к дому, ныряя под мокрые ветви деревьев (по крайней мере, их они не спилили). Он миновал поляну, где раньше обитала семья гигантских пауков, пересек мост в виде дракона, который был когда-то заряжен Взрывающим Заклятием, обогнул угол дома и чуть не заорал, когда чья-то рука высунулась из темноты и схватила его за рукав.

Годы занятий фехтованием и Квиддитчем выработали у него быстроту рефлексов. Он развернулся, перехватил чужую руку и воспользовался этим, чтобы опрокинуть незваного гостя (который, надо сказать, почти не сопротивлялся) на землю.

Грабитель шлепнулся в грязь, издав приглушенный негодующий крик. Капюшон откинулся, открыв бледное лицо, окруженное струистым облаком серебряных волос, раскосые темно-синие глаза и знакомый рот с поджатыми губами.

— Флёр? — произнес Драко, не веря своим глазам.

По мере того, как адреналин оставлял его тело, его ноги начали дрожать, и он прислонился к мокрой каменной стене.

— Тебе не следует так подкрадываться к людям, — добавил он строго. — Надо было топтать ногами или напевать, или еще что-нибудь.

Флёр все еще хмурилась.

— Ты сбил меня с ног, — сказала она. — Это некрасиво.

— Я не знал, что это была ты, — заметил он. — Если ты разгуливаешь в чужих садах, надеваешь капюшон и вообще выглядишь загадочно, то мотивы этого будут неправильно поняты. Так уж

заведено.

Вот теперь она улыбнулась. Капли дождя запутались в ее тонких серебряных волосах и повисли, как бусинки, на кончиках ресниц. Очень привлекательно. Флёр подала ему руку. Даже сидя посреди грязной лужи, она ухитрялась выглядеть повелительницей.

— Помоги мне встать, — потребовала она.

Драко взял ее за руку и поднял на ноги. Флёр оглядела свою серебряную мантию, забрызганную грязью, нахмурилась и провела по ней правой рукой сверху вниз. Драко услышал, как она пробормотала «Абстерго!», и ее одежды тут же засияли чистотой.

— Прекрасно сработано, — сказал он с искренним восхищением. — Но все же, почему ты здесь?

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Мне кажется, ты знаешь, — ответила она.

Он покачал головой.

— Нет, я, в самом деле, не знаю.

— Ты знаешь. Помнишь? — добавила она, намекая. — Ты и я... в моей комнате... там были разноцветные бабочки...

Драко нахмурился.

— Это что, какая-то шарада? Терпеть их не могу. Это не та, что с карликом и куском льда?

Флёр топнула ногой.

— Ты нарочно придириваешься, — сказала она.

— Не совсем, но я польщен, что ты так думаешь.

Она надула губы.

— Без тебя в школе ужасно скучно.

— Я уверен, что это так, но...

— И ты мне должен, — сказала она.

Это остановило его.

— Я что?

И тут он вспомнил. Разноцветные бабочки, Флёр сильно бьет его по плечу и говорит: «За тобой долг, Драко Малфой».

«О, нет».

— Как, по-твоему, я нашла тебя? — добавила она. — Это старая магия. Ты в долгу у меня, это создает связь между нами. Я могу найти тебя где угодно.

Драко потер глаза тыльной стороной ладони.

— Флёр, сейчас, в самом деле, не очень удачное время. У меня был очень, очень тяжелый день.

Флёр покачала головой.

— Нет-нет, — сказала она. — Драко, ты не можешь выбирать, когда отплатить за услуги. Это не в их природе. Ты дал мне слово.

Он искоса посмотрел на нее. Можно было легко забыть, что за большими глазами и пухлыми губками прячется живой и острый ум, но он-то знал, что это так.

— Ты никогда бы не нашел свою подружку, если бы не я, — напомнила Флёр.

— Она не моя девушка, — машинально поправил он. Затем до него дошло, и он уставился на нее. — Откуда ты это знаешь?

— Помнишь вил в саду возле башни?

— Да, во всех деталях.

— Это были мои кузины.

— Эти вилы? Они твои родственницы? Откуда ты знаешь?

Флёр пожала своими прекрасными плечами.

— Они рассказывали мне, как они встретили тебя, — она улыбнулась. — Ты им очень понравился.

— Я трепещу. Как они узнали, кто я?

— Разумеется, я рассказала им о тебе! — сказала Флёр, распахнув свои темно-синие глаза. — Я попросила мою кузину Флору проследить родословную Малфоев. Я хотела быть уверенной, что ты и я не очень... близки.

— Близки для чего? Для замужества? — спросил он с сарказмом. Но тут же осекся, увидев выражение ее лица.

— Замужество? Ты что, с ума сошла? Мне только шестнадцать!

— Тебе же не будет шестнадцать всю жизнь.

— Собственно, при таком образе жизни я вряд ли доживу до семнадцати, так что в этом смысле я навечно останусь шестнадцатилетним, но это печальная тема, оставим ее. Ты хочешь сказать, что эти вилы позволили мне пройти потому, что они знали, что ты хочешь выйти за меня замуж?

— Да, — ответила Флёр с утонченной простотой.

Драко выпучил глаза.

— Это же смешно!

— Не вижу ничего смешного, — сказала Флёр, принимая строгий вид.

— И ты все еще хочешь выйти за меня замуж?

Флёр покачала головой.

— Выяснилось, что мы с тобой дальние родственники. Так что не получится.

— Как неудачно, — сказал Драко, чувствуя безмерное облегчение.

— Однако, — сказала она, резко останавливаясь и поворачиваясь к нему, чтобы положить руку ему на плечо. — Мы все равно можем заняться сексом. При условии, что никто об этом не узнает.

Он едва не споткнулся о корень.

— Что?!

— Ты задолжал мне маленькую услугу.

Драко, моргая, смотрел на нее.

— Ты хочешь заняться сексом со мной? В качестве одолжения?

Флёр улыбнулась ему, пожала плечами и кивнула.

— Да.

— Ты уверена? — недоверчиво спросил он. — Я хочу сказать, ты могла бы попросить что угодно. Что угодно. Деньги? У меня полно денег.

Вместо ответа Флёр скрестила руки на груди и с иронией посмотрела на него. Он не мог сказать наверняка, но, похоже, она нетерпеливо постукивала ногой.

— Я не хочу денег, — сказала она. — Я хочу тебя.

Драко уставился на нее, не веря своим ушам.

— Прямо сейчас? Вот здесь?

— Ну да. Почему нет?

— Ой.

Он посмотрел на нее. Она была прекрасна в полумраке, и это было даже лестно для него, и, в конце концов, ему было шестнадцать.

Он пожал плечами.

— Ну что ж, так и быть.

Сознание вернулось к Гарри рывком, с ощущением, будто его душили. Он жадно вдохнул воздух, и тотчас чьи-то руки легли ему на плечи, и женский голос велел ему лежать и дышать. Прохладная рука коснулась его лба, убрав волосы назад. Он усиленно заморгал, не видя ничего без очков.

— Гермiona? — произнес он слабым голосом, хотя он уже знал, что это не она — он на память знал прикосновение ее руки. Это был кто-то другой.

— Это Нарцисса, — отозвался ласково голос. — Лежи, не вставай.

— Нет, — упрямо возразил Гарри.

Он с трудом приподнялся и откинулся на спинку кровати, моргая.

Нарцисса озабоченно смотрела на него. Похоже, он оправился, хотя и был очень бледен. Она сдерживала в себе желание обнять этого мальчика, который напоминал ей сына, несмотря на то, что он был совершенно другим — обнять его, успокоить, взъерошить ему волосы... Но сделать это значило бы обращаться с ним, как с ребенком, а она понимала, глядя на него, что он почти вышел из этого возраста.

Даже за последние две из трех недель, прошедшие с тех пор, когда она увидела его в первый раз — против желания, но решительно вставшего против Вольдеморта и толпы Пожирателей Смерти в фехтовальной комнате — она могла видеть, как изменилось его лицо. Его черты уже начали

приобретать определенность — процесс, который, раз начавшись, происходит так стремительно, и который в течение года превратит его из ребенка во взрослого человека. Он больше не был ребенком — она могла бы обнять и поцеловать ребенка, но, разумеется, никогда бы не обняла незнакомого мужчину. Итак, Нарцисса сдержала желание прикоснуться к Гарри, она только потянулась за его очками, осторожно вложила их ему в руку и спросила:

— Ты можешь сесть?

— Ага, — ответил он, напяливая очки на нос и моргая. — Я в порядке.

И чтобы показать это, он сел, лишь чуть-чуть побледнев от усилия.

— Я в порядке, — повторил он. — А где Сириус?

— В подzemелье, — буднично ответила она. — Они с Лупином отправились запереть эту тварь, которая напала на вас. В данный момент они устанавливают магические запоры на одной из камер.

— Так оно не умерло?

Нарцисса покачала головой.

— Нет, не умерло, но оно без сознания. Сириус надеется, что когда Дамблдор прибудет сюда, он сможет помочь им разобраться, что это такое.

— Я могу помочь им разобраться, — заявил Гарри, пытаясь встать. — Я уже видел такое раньше.

Теперь Нарцисса дотронулась до него — она положила руку ему на плечо и мягко заставила откинуться на подушки.

— Отдохни немного, Гарри. Тебе нужно восстановить силы. После того, что ты сделал...

Она осеклась, так как его глаза широко раскрылись от удивления. Его взгляд обежал комнату, замечая невероятные разрушения — разбитый шкаф, расколотые вдребезги подсвечники и бутылки, растерзанные подушки. Гарри был ошеломлен.

— Я... — заговорил он. — Я уплачу за все это, у меня есть деньги, я могу...

— Нет, — твердо сказала Нарцисса. — Гарри, это твой дом. Я вовсе не хочу сказать, что ты можешь ходить повсюду, ломая мебель, и Сириус, наверное, заставит тебя очищать сад от гномов до самого Страшного Суда, но никто никому платить не будет. Ты понял?

Гарри кивнул, хотя вид у него был слегка обалделый.

— Короче, — добавила она. — Я считаю, что ты сам себя достаточно наказал. Ты, конечно же, понимаешь, почему ты потерял сознание?

Гарри покачал головой.

— Чтобы сделать то, что сделал ты — истратить столько магии в одной вспышке — понимаешь, эта энергия должна откуда-то взяться. Для этого, в частности, и нужна волшебная палочка — большинство волшебников не обладают достаточной магией сами по себе, чтобы творить заклинания без определенной помощи. Палочка также помогает сфокусировать энергию. Ты же попросту выплеснул магию из себя самого, даже не пользуясь палочкой, чтобы направить ее, так что она вылилась потоком — исчерпав твою энергию. Если бы ты продолжал, ты отправил бы себя в нокаут или даже убил бы. Ты должен быть осторожен, Гарри.

Гарри смотрел в пол, нервно потирая ладони.

— И еще тебе надо научить моего сына тоже быть осторожным, — добавила она слегка дрогнувшим голосом.

Гарри удивленно вскинул голову.

— Малфоя? — переспросил он и тут же поправился. — Я хочу сказать, что он и так очень осторожен. Он один из самых... осторожных людей, кого я знаю.

— Ты его не любишь, — сказала она.

— Нет, он мне действительно нравится, — неуверенно возразил Гарри. — Я думаю, что он...

— Самодовольный мерзавец, — ровным голосом закончила Нарцисса. — Не переживай. Иногда он такой и есть.

Она улыбнулась Гарри, который смотрел на нее, открыв рот.

— Там в коридоре кое-кто ждет, пока ты проснешься, — сказала она вполголоса.

По лицу Гарри было видно, что он тут же догадался, кого она имела в виду — разумеется, Гермиону. Он закрыл рот и сжал губы в тонкую линию.

— Я не хочу ее видеть.

Нарцисса смотрела на Гарри, который с вызовом выставил свой подбородок. А вот сейчас,

подумалось ей, он в самом деле чем-то напоминает Драко. По крайней мере, своим упрямством.

— Даже на одну минуту?

— Нет.

— В конце концов, тебе придется с ней увидеться...

— Не наедине.

— Она любит тебя.

Гарри явно было ужасно неловко.

— Я не думаю...

— Ну, разумеется, как бы ты мог?

Гарри моргнул, чувствуя себя окончательно сбитым с толку и взятым в осаду.

— Как бы я мог что?

— Думать. Как ты мог думать о чем-либо еще, помимо того, насколько ужасна эта ситуация, как чрезвычайно страшна она для вас обоих?

— Э-э, — начал Гарри. — Это что, совет? Потому что на самом деле я не думаю, что...

— Ты думаешь, что я сама не знаю, о чем говорю, — твердо закончила Нарцисса. — Потому что я не знаю тебя. В какой-то мере, ты прав. Я не очень хорошо знаю тебя, Гарри. И взрослый человек во мне хочет сказать, что тебе только шестнадцать лет, и ты забудешь Гермиону, и нужно идти вперед и не беспокоиться ни о чем. Но я видела вас вместе, и я могу сказать тебе только одно — никогда в жизни я не видела, чтобы кто-нибудь смотрел так, как она смотрит на тебя. За исключением того, как ты смотришь на нее. Я бы не пренебрегала этим, будь я на твоём месте.

Гарри, который то краснел, то бледнел во время этой речи, смотрел на Нарциссу широко открытыми глазами. Она поднялась, осторожно положила руку ему на плечо и слегка сжала его.

— Помни это, — сказала она и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Почему я? — спросил Драко, в то время как Флёр принялась стягивать с него куртку. Она приостановилась и посмотрела на него.

— А почему нет?

— Ну, видишь ли, ты очень красивая, и ты вполне могла бы выбрать кого угодно. И я моложе тебя. Я хочу сказать, несомненно, я невероятно привлекателен и к тому же очень богат, и я всегда очарователен и шикарно выгляжу, и умный, и великолепный во всех отношениях, и... погоди-ка, все это начинает звучать очень убедительно. Ничего удивительного в том, что я тебе нравлюсь.

— Потому, что ты — Магид, — сказала Флёр.

Она зацепила ногой его лодыжку и дернула. Драко упал навзничь и растянулся на земле, глядя на нее снизу вверх.

— И ты мне действительно нравишься. — Она нахмурилась. — Но ты начинаешь сердить меня.

Она опустила на колени рядом с ним, грациозно расправив при этом свою одежду.

— Знаешь, что случается с теми, кто нарушает священную клятву, данную виле?

Он приподнялся на локтях, увязнувших в мокрой земле, и покачал головой.

— Если ты думаешь, что, угрожая мне, ты можешь заставить меня сделать все, что тебе хочется... — заговорил он и остановился, — пожалуй, в этом ты права. Но — и я говорю это не потому, что ты мне не нравишься — в школе полно других Магидов, вряд ли я один такой.

Флёр уперлась руками в бедра.

— Например?

— Ну, как насчет Гарри?

Флёр удивилась.

— Гарри?

— Почему бы не Гарри? — продолжил Драко, сам не веря, что он действительно говорит это. — Я имею в виду, что о нем не скажешь ничего плохого. Я не собираюсь бежать покупать календарь «Гарри Поттер в купальнике», но знаешь, он высокий, и у него темные волосы, и девушкам это нравится, и... ты что, расшнуровываешь мои ботинки?

— Но ты же не можешь оставаться в них, правда? — рассудительно ответила она, сдерживая ботинок. — Ой, смотри, у тебя уточки на носках! Как это мило. Да, кстати, Гарри тоже очень

привлекателен. Но он слишком влюблен в свою подружку.

— И я тоже, — заметил Драко.

Флёр покачала головой.

— Это не то же самое.

— Почему это нет? — раздраженно огрызнулся Драко.

— Потому, что она не любит тебя в ответ, — сказала она и стянула второй ботинок.

— Ну, спасибо, что заметила, — с иронией ответил он. — Может, возьмешь теперь нож, воткнешь мне его в грудь, да еще и покрутишь немножко? А то мне кажется, что я недостаточно страдаю.

Вместо ответа Флёр положила руки ему на грудь и сильно прижала к земле. Откинув капюшон своего плаща, она распростерлась над ним, и ее длинные серебристые волосы разметались вокруг них, будто клетка из мерцающих нитей.

— Ты не должен страдать, — сказала она, ткнув пальцем ему в ребра. — Ты Малфой. Ты богат и знаменит, и когда ты немного подрастешь, ты будешь очень привлекателен. Ты обладаешь силами, о которых многие только мечтают, и ты отчасти вила, и это очень хорошо. Тебе не о чем печалиться.

— Что ты имеешь в виду, «когда я подрасту»? Я уже красивый! — возразил Драко, приподнимаясь на локтях.

Флёр хихикнула. Поскольку она сидела, упершись руками ему в грудь, он чувствовал, как смешок вибрирует в его грудной клетке.

Это не было неприятно.

— Ты и понятия не имеешь о том, что меня угнетает, — добавил он. — Ни малейшего.

— Так расскажи мне.

И, к своему крайнему изумлению, он так и сделал, начав с полета в поисках Гермионы, продолжив любовным зельем и закончив своим визитом к отцу этим днем. Как бы то ни было, когда он закончил, он почувствовал себя немного, хотя и не полностью, лучше.

— Ну, вот и все, — подытожил он. — Мой отец — маньяк, а я в некотором смысле отродье Темного Лорда, и теперь мне, наверное, надо убить тебя прежде, чем ты отправишься в Министерство, но, по правде говоря, я слишком устал.

— Ты не причинишь мне вреда, — сказала Флёр, изогнув губы в загадочной улыбке. — Если только я сама не захочу.

— Очень оптимистично. Ты не пропустила ту часть истории, где говорилось, что я — зло?

— Ах, зло, — сказала Флёр, сделав отстраняющий жест рукой. — Его нет в природе.

Она потянулась вперед и принялась задумчиво водить пальцем вверх и вниз по его груди.

— Вещи вовсе не такие белые и черные, какими ты их представляешь.

— Замечательно! Лекция о моральном релятивизме, в которой я совершенно не нуждаюсь. Мой отец говорит, что я воплощенное зло, а он эксперт в этой области, так что я полагаю, у меня есть все резоны беспокоиться... Флёр, эти прикосновения уже на грани риска, что это ты делаешь? Перестань!

Драко перехватил ее руку, которая спускалась все ниже.

— Ты что, не слышала ничего из того, что я тебе говорил только что?

— Слышала, конечно.

Он покачал головой.

— Все равно, что стенке говорить, — произнес он, ни к кому не обращаясь. — Только от стенки и то большего добьешься.

Она скрестила руки на груди и смотрела на него сверху вниз, покусывая губу. Он не был уверен, означает ли это задумчивость или досаду. Она была ужасно хорошенькой, пожалуй, даже самой красивой девушкой, которую он когда-либо видел. Красивой совершенно по-другому в сравнении с Гермионой, красота, которой заключалась в ярких вспышках ее личности и интеллекта, которые проявлялись во всем, что она делала.

— Ты хочешь сказать мне «Нет»? — спросила Флёр.

Драко прищурил глаза.

— Я хочу сказать... — начал он и осекся. Он чувствовал странное желание рассмеяться, но подавил его. — Забудь. Все равно это ничего не значит.

— Так что же ты от меня хочешь?

Вот теперь он улыбнулся.

— Ну, если ты собираешься сидеть вот так, то, по меньшей мере, ты могла бы немножко поизвиваться.

Она пристально посмотрела на него.

— Ты шутишь?

— Я не уверен.

— Тогда давай попробуем, — сказала она, нагибаясь, чтобы поцеловать его.

Поначалу поцелуй пришелся (немножко неуклюже) в уголок рта, поэтому Драко приподнялся, чтобы обнять ее за плечи и притянуть в более удобное положение. Он полусидел, склонившись в поцелуе, руки его скользнули вверх, погрузившись в ее шелковистые волосы — ее губы были прохладными и имели вкус лимона — и он только-только начал получать удовольствие от всего этого, как громоподобный звук взрыва расколол поляну.

Он рванулся прочь от Флёр, которая, потеряв равновесие, упала рядом на колени.

— Уф-ф, — раздраженно сказала она. — Что это с тобой?

Но Драко смотрел мимо нее, в направлении мостика-дракона, который выгибался над высохшим прудом. Без видимой причины, большой кусок железного поручня оторвался и обвалился набок, упав глыбой скрученного металла на глинистую землю. Это и было причиной шума, который он услышал.

— Что это... — начал он.

— Ах, это, — ответила Флёр, проследив за его взглядом. — Ну да, это потому, что мы оба Магиды, понимаешь? Когда между нами проявляются эмоции, вот как сейчас... — Она изобразила руками очень выразительный, чисто французский, жест. — Бабах!

— Бабах? — повторил Драко, недоверчиво глядя на нее. — Наш с тобой поцелуй вызывает что-то вроде... лучшей смерти, и все, что ты можешь сказать — это «Бабах»?

Она хихикнула.

— Это еще и потому, что мы оба немножко вилы. Понимаешь, это очень необычное сочетание. Я как раз подумала, что нам следовало бы использовать это по максимуму. — Она подмигнула ему. — Это могло бы быть очень-очень забавно.

— Флёр, — заговорил он, чувствуя неожиданную досаду, — когда я задумываю сделать что-нибудь очень-очень забавное, обычно это не заканчивается тем, что я оказываюсь очень-очень убитым. А я думаю, именно это здесь и случится, так что извини, но я собираюсь остаться твоим должником.

Она улыбнулась уголком рта.

— Совсем не обязательно.

Он посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть нечто другое, — сказала она, — что ты можешь дать мне...

Когда Лупин вошел в библиотеку, он застал там Рона и Гермиону, сидящих у стола и зарывшихся в книги по уши. Гермиона поручила Рону изучить историю Салазара Слитерина. Его рыжая голова выглядывала из-за стопки книг с названиями типа «Слитерин сквозь века», «Злые Темные Маги и гадости, которые они делали», «Справочник для Повелителей Зла» и «Истинно коварные планы — обзор», написанная лично Салазаром Слитерином.

Сама же Гермиона обложилась книгами с названиями вроде «Контрзаклятия — комментарии», «Любовные зелья — легенда или реальность» и «Быстрое обращение заклятий — что делать, когда вы напортачили и хотите быстро исправить».

Гермиона устало смотрела на Рона.

— Нашел что-нибудь?

— Ничего, — ответил Рон из-за книг. — Точнее, банкет из шести блюд «ничего» и ложечка чепухи, чтобы рот прополоскать. А что у тебя?

— Ничего полезного.

Она перевела взгляд на Лупина, когда позади него хлопнула дверь, и спросила:

— А где Сириус?

— И вам здравствуйте, — ответил Лупин, проходя вперед и оглядывая стопку книг на столе. — Он с Гарри.

— Простите, профессор, — слабо улыбнувшись, сказала Гермиона. — И простите за беспорядок в библиотеке...

Она широко взмахнула рукой, показывая, что они с Роном натворили, и при этом чуть не сшибла книгу со стола.

Лупин поймал ее одной рукой.

— Осторожно, — сказал он. — Это та самая книга, которую я пробую перевести.

Гермиона взглянула на нее, и странное выражение мелькнуло на ее лице.

— Можно посмотреть? — спросила она.

Лупин молча протянул ей книгу. Она открыла ее, скользнула взглядом по странице и вернула ему книгу.

— Когда Гарри придет сюда, — сказала она, — покажите ему.

Лупин ничего не понимал.

— Показать книгу Гарри?

Рон фыркнул.

— Именно так и сделайте, — сказал он. — Гермиона обычно делает такую мину, когда она что-то такое знает. Лучше всего последовать ее совету.

— Я вовсе не делаю мину, — надулась Гермиона.

— Делаешь, делаешь, — возразил Рон.

Этот поучительный обмен любезностями мог бы продолжаться до бесконечности, если бы в этот момент не открылась дверь библиотеки, пропуская Сириуса и с ним Гарри.

Гермиона исподтишка посмотрела на Гарри поверх книги, которую она держала.

«Самой не верится, до чего я опустилась, — мрачно подумала она, — тайком смотреть на моего собственного парня и надеяться, что он не заметит».

Как Рон и говорил, Гарри выглядел вполне здоровым, хотя и уставшим — он был немного бледным и взъерошенным, будто только проснулся. Он равнодушно кивнул в направлении Гермионы, Рона и Лупина и вернулся к прежнему занятию — смотреть в окно.

— Сириус, — заговорил Рон, отложив книгу, которую он читал. — Что случилось с демоном?

— Он в подземелье, лежит в оцепенении в одной из камер, — ответил Сириус. — Он окружен стражей.

Он взглянул на Лупина.

— Это должно удержать его до прибытия сюда Дамблдора.

— Как ты думаешь, что ему было нужно? — спросил Рон.

На этот вопрос ответил Гарри.

— Этот проклятый меч Малфоя, — сказал он. — Я вполне уверен, что это то, что он хотел.

Сириус посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

Гарри вздохнул и принялся рассказывать о первом посещении демона. Когда он закончил, Лупин и Сириус обменялись мрачными взглядами.

— Я говорил Драко, что в мече заключено зло, — печально сказал Лупин. — Я говорил ему, что это одержимый объект. Почему он считал, что он должен обладать им?

Рон фыркнул.

— Говорить Малфоя, что это есть зло все равно, что сказать Дадли, что это сделано из ирисок. Это только разбудит в нем главный инстинкт — «должен владеть этим».

Он перехватил взгляд Гермионы и взглянул на нее в ответ.

— Ты не видела его, когда Гарри сказал ему, что он не должен приносить меч, — сказал он. — Это было ужасно.

Лупин взглянул на Гарри.

— Ты сказал ему не приносить меч, и он стал... страшным? — спросил он.

Гарри выглядел так, будто хотел съежиться.

— Там был определенный фактор страха, — признался он. — Но главным образом, Драко, видимо, думал, что это очень могущественный объект, и он ему необходим.

Он повернулся к Лупину.

— Вы думаете, что демон хотел этот меч?

— Трудно сказать, — ответил Лупин. — Демоны — странные создания, призванные сеять вражду. Но они редко атакуют или убивают людей. Они гораздо больше склонны заключать жульнические сделки. Демоны скорее жадны, чем опасны.

Рон приподнял бровь.

— Заключать сделки, да?

Гермиона посмотрела на него.

— К чему ты клонишь?

Рон постукивал пальцами по столу.

— Скажем, если кто-то, похоже, из таких, которые склонны заключать сделки с силами тьмы...

— Рон, ты спешишь с выводами, — перебила Гермиона, возможно, чересчур поспешно.

— Я вовсе не спешу, — возразил Рон. — Я сделал маленький шагок, а выводы уже лежали там.

— Заключить сделку в обмен на что? — гневно спросила Гермиона.

Рон посмотрел на нее. То же самое сделали Сириус, Лупин и даже Гарри, хотя он тут же отвел взгляд.

— Ну, допустим, — проговорил Рон, выразив словами то, что, вероятно, подумали они все, — на тебя. Он добился того, что ты его любишь. Разве не этого он всегда хотел?

После того, как она оставила Гарри, Нарцисса решила пойти поискать Сириуса — она хотела его видеть — но она понимала, что у него и так хватает забот.

«Полон дом детей», — подумала она, повернув к лестнице. В этом была приятная ирония, поскольку она всегда хотела еще детей после рождения Драко, но Люций сделал это, как и многое другое, невозможным.

«Полон дом детей, — снова подумала она. — Только моего нет».

Она боялась за Драко. Это не был панический страх, так она прекрасно знала, что он может постоять за себя. Он всегда мог. Но она боялась. Конечно, это было в его характере — сбегать в одиночку, когда что-нибудь донимало его. Но причина его беспокойства — вот что волновало ее.

Спустившись по лестнице, она повернула направо и прошла через гостиную в маленькую комнату, расположенную позади. Эта комната всегда была одной из ее любимых — она была гораздо меньше, чем большинство комнат Имения, и в ней находился огромный камин. Вдоль стен протянулись книжные полки — обычных книг, а не заколдованных, которые составляли большую часть библиотеки Люция. Несколько мягких кресел в беспорядке стояли в комнате — потертые, но очень уютные. Нарцисса пересекла комнату, подошла к книжным полкам, сняла выцветший голубой альбом и опустилась в кресло напротив камина. Она открыла альбом, но в комнате было слишком темно, поэтому она достала палочку и направила ее на пустую решетку.

— Инсендио! — пробормотала она.

Тут же вспыхнуло яркое красно-оранжевое пламя, согревая комнату и осветив ее. Теперь стало достаточно светло для того, чтобы Нарцисса увидела, что она, оказывается, в комнате не одна. Джинни Висли свернулась калачиком на диване, положив голову на руки. Нарцисса снова потянулась к палочке, чтобы пригасить огонь, но было уже поздно — Джинни уже поднималась, моргая спросонья. Когда она заметила Нарциссу, она покраснела.

— Простите, — сказала она, садясь ровнее и приглаживая свои волосы. — Я и не думала, что усну в Вашей комнате — но я просто-напросто выдохлась.

— Ничего страшного, — улыбнулась Нарцисса. — Вы все, должно быть, измучились.

Джинни опустила голову так низко, что волосы упали ей на лицо.

— Я хотела бы узнать, — заговорила она и остановилась. — А, э-э, Драко уже вернулся?

— Еще нет, — ответила Нарцисса, снова возвращаясь к альбому, полному волшебных фотографий.

Она подняла глаза на Джинни.

— Я как раз разглядывала старые фотографии... хочешь посмотреть?

Джинни отбросила волосы с лица и улыбнулась.

— Там есть фотографии Драко, когда он был маленьким?

— Множество, — ответила Нарцисса.

— Ну конечно, — пылко заявила Джинни, и перескочила на кушетку, чтобы сесть рядом с Нарциссой.

Нарцисса перебирала ранние фотографии, запечатлевшие ее выпуск из Хогвартса.

— Это Сириус? — спросила Джинни, всматриваясь в фигуры на заднем плане.

— Да, в самом деле, — подтвердила Нарцисса. — Тогда ему было шестнадцать.

— А он ничего, — сказала Джинни тоном знатока.

Не было никаких фотографий Люция или их свадьбы, но, как Нарцисса и обещала, было много фотографий Драко. Как и предполагала Джинни, он был очень хорошеньким младенцем. Она видела детские фотографии Гарри. Гарри был очень толстым и сердитым. В своем роде это тоже было очаровательно, но Драко был прямо-таки мальчик с картинки, с огромными серо-голубыми глазами и серебристыми волосами, которые торчали непослушными вихрями на его голове.

— О-о-о, — растаяла Джинни.

— Позволено ли мне спросить, — раздался голос с порога, — чем это вы двое занимаетесь?

Это был Драко, во взрослом варианте, который смотрел на них, высоко подняв брови. Он был мокрым до нитки, грязь была на его башмаках и на спине куртки, будто он лежал на земле. Намокнув, его серебряные волосы стали почти белыми, бесцветными. Его глаза сузились, в то время как Драко переводил взгляд с матери на Джинни и обратно.

— Здравствуй, дорогой, — сказала Нарцисса с виноватым видом. — Мы только смотрели твои детские фотографии.

— Детские фотографии, — уныло повторил Драко и покачал головой. — Ну-ну. Уж если это не вишенка безжалостности поверх мороженого из безысходности, которым был весь мой день, то я и не знаю, что это такое. А теперь, если позволите, я пойду поищу сухую одежду.

— О Боже, — выдохнула Нарцисса, когда он развернулся и вышел прочь. Затем она искоса посмотрела на Джинни.

— Давай, — ласково сказала она. — Иди за ним. — Она улыбнулась. — Лучше ты, чем я.

Джинни не нуждалась в повторении. Она быстро вскочила на ноги и выбежала из комнаты, настигнув Драко возле лестницы.

— Малфой, — окликнула она. — Подожди минуту.

Он остановился на нижней ступеньке, обернулся и посмотрел на нее.

— Что еще? — недовольно спросил он. — Хочешь, чтобы я лег, чтобы ты снова смогла пинать меня по ребрам?

Джинни покачала головой.

— Ты немножко отстал от жизни, — мягко сказала она и спустилась на ту же ступеньку, что и он.

«Удивительно, где он так вымок, — подумала Джинни, — Не такой уж сильный дождь снаружи. Он, должно быть, довольно долго стоял там».

Она открыла было рот, чтобы съязвить, что у кого-то не хватило сообразительности укрыться от дождя, но поспешно закрыла его, увидев лицо Драко.

— Погоди-ка, — сказала она, развязывая рукава кофты, которую носила вокруг талии.

Она приподнялась и резкими движениями, как сестра, стала вытирать кофтой его лицо и волосы. Он подозрительно взглянул на нее, но вытерпел ее помощь довольно вежливо.

— Где это ты был? — спросила она.

— Так, ходил, — ответил он.

— Вид у тебя не очень счастливый, — заметила она.

— Я и сам не очень, — сказал он. — Я вымок, мне холодно, грязь попала мне за шиворот рубашки, и я уверен, что кто-то очень неприятный желает моей смерти.

Глаза Джинни широко раскрылись.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Умирать, наверное, — задумчиво ответил Драко. — Скорее всего, в ближайшие пару дней. Что ж, я думаю, большинство людей не получают такое предупреждение. Обычно это всего лишь «Берегись автобуса!» — «Какого автобуса?» — «Шлеп!»

— Это не смешно!

— А мне показалось, что да.

— Представь себе, нет. Вопреки тому, что ты мог подумать, я не хочу твоей смерти.

Он приподнял бровь.

— Гермиона рассказала нам, — сказала она. — Про любовное зелье.

— Почему?

Джинни была удивлена его странностью.

— Гарри подслушал наш разговор, — сказала она. — Я полагаю, у нее не было выбора.

— Гарри, — сказал Драко, прижав ладонь ко лбу, будто у него болела голова. — И все остальные?

Сириус? — задумчиво добавил он.

— Да, мы все. Но мы знаем, что это не твоя вина...

— А что говорит твой брат?

Лицо Джинни вытянулось.

— Так я и думал, — сказал Драко. — А Гарри?

Джинни закусил губу.

— Он не...

— Не настроен скрепить узы с Вашим покорным слугой, я полагаю, — беспечно сказал Драко. — Если только эти узы не подразумевают тюбик супер-клея и бешеного хорька?

— Он в самом деле не... — начала она и осеклась. — Поговори с ним сам, — сказала она. — Я думаю, они в библиотеке.

— Прекрасно, — сказал Драко, не двигаясь, однако, с места. — Я так и сделаю.

— Мне очень жаль, что я ударила тебя, — быстро сказала она. — Я не знала про зелье, и я подумала...

Он удивленно заморгал. Ее руки лежали у него на плечах, и она могла чувствовать, как он вздрагивал от холода.

— Тебе жаль? — переспросил он. — Или тебе жаль меня?

Поскольку Джинни не ответила, он наклонил голову, чтобы посмотреть на нее. Она подалась назад, чувствуя себя неловко, но он поймал ее левую руку — ту, что не держала кофту — поднес к лицу и коснулся губами ее пальцев так быстро и легко, что моргнул она сейчас, и она бы не почувствовала ничего.

— Благодарю, — сказал он, отпустил ее руку и повернулся, чтобы уйти.

— За что?

Она озадаченно смотрела ему вслед, когда он кинулся вверх по лестнице.

— За что?

Но он уже не слышал.

— Драко не сделал бы этого, — с какой-то обреченностью сказала Гермиона.

Рон развернулся к ней.

— Ты что, смеешься? — резко ответил он. — Мы говорим о Малфое. Именно это он бы и сделал. У него это в крови. Он — Парень-Который-Делает-Это!

— Я согласен с Гермионой, — вмешался Сириус. — Он бы не поступил так. Он слишком горд для этого. Любовь по принуждению — нет, это бы его не привлекло.

— В обычных условиях, пожалуй, — сказал помрачневший Лупин. — Но я говорил ему, что этот меч — живой, он обладает собственным злобным умом. Длительный контакт с ним мог бы исказить разум и личность обладателя, заставить его делать то, что обычно он бы не сделал. Сделать его опасным... для самого себя и для окружающих.

Гермиона покачала головой.

— Мы говорим не о примитивной подлости, — тихо сказала она. — Он бы не стал подвергать наши жизни опасности, я искренне верю в это.

— Прости, Герми, — мягко заметил Рон. — Но поскольку ты влюблена в этого парня, ты не можешь судить объективно. Это не твоя вина, но это так.

Гермиона дернулась и замолчала, бросая яростные взгляды.

— В самом деле, — добавил Рон, глаза которого потемнели, — что, если он заключил нечто

вроде... сделки со Слитерином? Он примкнул к нему, предложил ему что-то, а взамен получил Гермиону. Она бы и не знала. В этом есть смысл, Малфоя не заинтересовали бы деньги или магическая сила, но это — то, чего бы он не добился своими силами. Наверное, у Слитерина есть своя небольшая армия демонов, так что он послал одного из них навестить Малфоя, но вместо этого тот нарвался на меня и Гарри...

Гермиона перевела отчаянный взгляд от мрачных лиц Лупина и Сириуса на Гарри, который выглядел так, будто его оглушило гранатой.

— Гарри, — заговорила она, и при звуке ее голоса, произносящего его имя, он слегка подскочил и повернулся к ней. — Ведь ты же не веришь этому?

— Я не знаю, — медленно сказал Гарри. — Я не знаю, чему верить...

— Возможно, тебе следует спросить меня, — произнес негромкий, холодный голос у двери. — Или ты не хочешь знать, что скажет за себя сам Парень-Который-Делает-Это?

Это был Драко.

Он стоял в дверях, небрежно прислонившись к косяку — но по тому, как были напряжены его плечи, Гермиона могла сказать, что спокойствием тут и не пахло.

Гарри опустил руки и перевел взгляд на Драко.

— Ты давно стоишь здесь, Малфой? — спросил он.

— Достаточно долго, — буднично ответил Драко. — Возможно, я хладнокровный сухарь, но у меня безупречное чувство времени.

— Драко... — заговорила Гермиона, подавшись вперед.

Рон удержал ее за руку.

— Давай выслушаем, что он сам скажет, Гермиона, — сказал он.

Все глаза в комнате повернулись в сторону Драко. Он не пошевелился, выражение его лица не изменилось, но его серебряные глаза метали гневные искры.

— Мне нечего сказать, — огрызнулся он. — Но если вы думаете, что я бы за это продал свою душу, то у вас даже меньше воображения, чем я предполагал.

— Прежде всего, воображение нужно, чтобы предположить, что у тебя есть душа, Малфой, — парировал Рон.

На мгновение им показалось, будто Драко вот-вот рассмеется.

— Ты бы удивился, — сказал он.

— Драко, — заговорил Сириус, наклонившись над столом, тихим напряженным голосом. — Ты должен рассказать нам, что происходит. Гарри рассказал нам кое-что, что очень беспокоит нас, и нам нужно знать, что...

— Ты мне не отец, — холодно сказал Драко, сверкнув глазами в Сириуса. — Я не обязан тебе рассказывать. Что тебе хочется узнать? Что я не опасен? Что ж, я не могу обещать тебе этого. Особенно, если...

— Никто не думает, что ты продал свою душу, — прервал Лупин. Он обошел стол и осторожно двигался к Драко, как если бы тот был бомбой, готовой взорваться.

— Ты ведешь себя, как в мелодраме. Мы боимся за тебя, а не...

— Замолчи, оборотень, — бесстрастно произнес Драко. — И не приближайся ко мне.

С замиранием сердца Гермиона увидела, до какой степени он рассержен. Она не могла точно сказать, почему, но это был уже не первый случай, когда она наталкивалась на его гордыню в ситуации, где он чувствовал себя вынужденным защищаться. Она пыталась поймать его взгляд, но он не смотрел на нее — он смотрел на Гарри. И Гарри смотрел на него, странными пустыми глазами, в которых она ничего не могла прочесть.

— Малфой, — заговорил он, наконец. — Если с тобой действительно ничего не случилось — отдай нам меч.

Он протянул руку.

— Дай его мне.

Драко отступил на шаг.

— Пошел ты, Поттер, — сказал он и повернулся, будто собираясь броситься прочь из комнаты.

Но Лупин — который мог двигаться очень быстро, если было нужно — преградил ему путь.

— Ты никуда не пойдешь, — заявил он и протянул руку, чтобы удержать Драко.

Пытаясь выдернуть руку из хватки Лупина, Драко крутнулся в сторону, почти столкнувшись с Лупином при этом. Лупин неожиданно закричал, будто от невыносимой боли — он, спотыкаясь, запрокинулся назад и упал на пол.

Драко, побледнев, отшатнулся от него, все еще держа его за руку, и смотрел на Лупина широко раскрытыми глазами. Лицо Драко выражало не то удивление, не то ужас, не то вину.

— Малфой! — окликнул его Гарри.

Драко повернулся и выскочил из комнаты, даже не потрудившись закрыть ее за собой.

Сириус, который упал на колени возле Лупина, дикими глазами взглянул на Гарри, Рона и Гермиону.

— Догоните его! — закричал он.

Им не нужно было повторять дважды.

Все трое лихорадочно бросились из библиотеки в коридор.

Тот был пуст.

Гарри быстро осмотрелся и скомандовал:

— Разделимся. Вы идите вдвоем, — и кинулся вправо.

Гермиона и Рон ринулись влево, но в конце коридора разделились. Рон помчался вниз по лестнице, а Гермиона повернула было направо — но неожиданно остановилась.

«Что я делаю? — подумала она. — Какая же я глупая!»

И коснулась Эпициклического Амулета, висящего у нее на шее.

— Оставь, Сириус. Со мной все в порядке, — раздраженно сказал Лупин, отталкивая руки друга и пытаясь сесть.

Он прислонился спиной к книжным полкам, пристраивая правую руку у себя на груди.

— Все в порядке! — твердо повторил он.

— Что случилось? — спросил Сириус. — Что он тебе сделал?

Лупин широко раскрыл глаза.

— Драко? Ничего он мне не делал.

— Но выглядело это именно так. Ты схватил его, и тут же закричал и упал. Он тебя ударил? Я не заметил, чтобы он даже пошевелился.

— Да нет, он не ударил меня, он ко мне даже не прикоснулся, — сказал Лупин. — Вот что это было.

И он показал на какой-то предмет, лежащий на полу в нескольких футах от них и мерцающий тусклым серебром.

— Это, наверное, было у него в кармане, — задумчиво сказал Лупин.

Сириус взглянул подозрительно.

— Что это? Это опасно?

— Не для тебя, — ответил Лупин. — Не бойся. Подними это.

Сириус нерешительно взял блестящий предмет и поднес его к свету. Это был тот самый серебряный брелок, который Слитерин бросил Драко, и который действовал как Портключ, хотя Сириус никак не мог знать об этом. Он взглянул на странную форму брелка — буква Х, лежащая на боку, почти крест.

Сириус вернулся к Лупину, который продолжал сидеть на полу, баюкая руку. Сириус опустился на колени рядом с ним и протянул серебряную Х, но Лупин покачал головой.

— Я не могу коснуться этого, — сказал он.

— Почему?

— Это Ликант, — объяснил Лупин. — Старая магия. Защита от оборотней.

— Я подумал, что это распятие, — сказал Сириус, посмотрев искоса. — Распятия тебя не беспокоят, верно?

Лупин выглядел задетым.

— Я оборотень, а не вампир, — огрызнулся он. — Я же говорю тебе, это Ликант. Не распятие. Это совсем другое. Очень, очень старая магия.

— Странная форма, — заметил Сириус, переворачивая брелок так и эдак.

— Вовсе нет, — возразил Лупин и усмехнулся странной полуулыбкой. — Предположим, ты идешь ночью по лесу. Один. Никого вокруг, чтобы прийти на помощь, и у тебя нет волшебной палочки. И тут из темноты прыгает волк, чтобы вцепиться тебе в горло. Что ты сделаешь?

Не раздумывая, Сириус вскинул руки — одну против горла, вторую накрест с первой, защищая лицо. Руки образовали Х, повернутую набок.

— Верно, — сказал Лупин. — Ликант. Старая магия. Как я и говорил.

Сириус моргнул и опустил руки.

— Вопрос в том, — размышлял Лупин, — почему такая вещь оказалась у Драко? Они были в обиходе сотни лет назад — тогда оборотни действительно были проблемой — но сейчас...

Он осекся, когда дверь библиотеки распахнулась. Сириус вскочил на ноги и обернулся в очевидной надежде, что Гарри, Рон и Гермиона сумели разыскать Драко — но это была Нарцисса.

Она была очень бледна.

— Сириус... — нерешительно заговорила она.

В руке она держала два письма — одно из них, перевязанное лентой зеленого и серебряного цветов, Сириус узнал тотчас — это был ответ Снэйпа. Другое Нарцисса уже открыла и теперь держала дрожащей рукой. Даже с противоположного конца комнаты Сириус мог видеть, что это официальный документ, и что он окаймлен черным.

— Сириус, — начала она снова. — Это Дамблдор — они с Фаджем направлялись сюда, и на них напали — дементоры — о, Сириус, мне так жаль...

Драко бросился вниз по заброшенной лестнице, о которой, он был твердо уверен, не знали другие. Он выскочил в сад и поспешил к воротам, где он спрятал свою метлу. Он был на полпути к цели — уже не бежал, но шел быстрым шагом — когда он услышал торопливые шаги позади себя.

«Гарри», — подумал он.

Он не мог объяснить, почему, но отчего-то он был уверен, что это Гарри. Ведь мог же Гарри преследовать его — в конце концов, Гарри знал...

Он замедлил шаги.

— Все, как ты говорил, Поттер, — сказал он, не оборачиваясь. — Я удираю. Бесполезно идти со мной.

Молчание было ответом, и шаги за спиной замедлились. Затем он услышал голос.

— Драко. Это я.

Он резко обернулся, увидел Гермиону и ощутил то, что никогда не ожидал почувствовать, увидев ее. Но было именно это.

Разочарование.

Оно пронзило его, как стальное острие, и сделало его голос резким, когда он заговорил.

— Тебе не следовало идти за мной, — сказал он.

— Куда ты идешь? — требовательно спросила она. — Куда, по-твоему, ты сможешь убежать?

— Я, главным образом, сосредоточился на «прочь отсюда» и решил, что добавлю остальное позже.

— И это я слышу от парня, который думает, что Гриффиндорцы не умеют составлять планы?

Гермиона уперла руки в бока и пристально смотрела на него.

— Ты не можешь уйти, — сказала она. — Это твой дом, здесь твое место. Где еще ты найдешь людей, которые смогут помочь тебе?

— Может быть, я не хочу помощи, — возразил он, зная, что это звучит, как слова семилетнего ребенка, но не в силах удержаться.

— Может быть, это доказывает, что она тебе нужна, — ответила она.

— И я полагаю, что тебе совершенно безразлично, останусь я или уйду?

— Господи, ты говоришь прямо как Рон, — заметила она, скорее удивленно, чем осуждающе. — Конечно, мне не все равно. Но я говорила бы тебе это даже, если... даже, если бы я не любила тебя.

— Ты не любишь меня, — отрезал он. — Это всего лишь заклятие. Заклятие, которое заставило тебя думать, что ты любишь меня. Но это не так.

Гермиона смотрела, будто он ударил ее.

— Не говори так. Я по-прежнему твой друг.

— Поэтому ты и погналась за мной? По дружбе?

— Не я одна отправилась искать тебя! — огрызнулась она. — Все в доме обеспокоены...

— Так где же они?

— Ищут тебя! — заорала она. — Но они не знают, куда ты пошел, идиот. Я одна могу найти тебя, благодаря этому... — И она вытащила Эпициклический амулет, висевший на тонкой золотой цепочке. — Я всегда знаю, где ты, — сказала она. — У меня нет выбора в этом, и у тебя тоже.

— А почему у тебя должен быть выбор? — почти закричал Драко. — У меня его нет! Я не могу выбирать семью или жизнь, или предназначение, если оно действительно есть у меня. И я не выбирал, любить ли мне тебя, хотя лично я думаю, что ты появилась на этой земле, чтобы причинять мне боль. Я хочу сказать, я знаю, что я не очень приятная личность, но неужели я сбил телегу, полную монашек, в моей прошлой жизни?

Гермиона прерывисто вздохнула.

— Когда я разберусь, как снять это заклятие — если только есть способ побороть любовь — хочешь, я использую это для тебя тоже? И тогда ты не будешь...

— И тогда я не буду больше любить тебя? — Он смотрел на нее, не веря себе. — Боже, никогда не слышал ничего глупее. Это... это уже не ты. Это на тебя не похоже. Эта отравка превратила тебя в кого-то другого.

Он грустно засмеялся. — Какая ирония! Та Гермиона, которую я любил, любит Гарри. Ты нынешняя — кто-то, кого я даже не знаю.

Он взглянул на нее, и что-то в ее лице заставило его голос смягчиться.

— Неважно, — сказал он. — Это не твоя вина.

— Я просто подумала...

— Оставь это, — сказал он, подошел к ней вплотную и положил руки ей на плечи.

Гермиона прикусила губу. Она прекрасно знала, что, если он поцелует ее, она поцелует его в ответ. Она всегда гордилась своей способностью контролировать себя, и теперь, когда эта способность исчезла, это пугало ее больше, чем внезапная слепота или глухота. Она не могла этого вынести, и в глубине любви, вызванной зельем, она понимала, что начинает ненавидеть и Драко за то, что он мог с ней сделать.

Он притянул ее к себе, обхватил ее руками — но даже не попытался поцеловать ее. Он просто держал ее так — спрятав лицо в ее волосах, сжав пальцы в кулаки за ее спиной. Это было очень неуклюжее объятие — она впервые видела его сделавшим что-то действительно неуклюжее — будто он никогда никого не обнимал раньше. А, может, так оно и было.

В тот момент, когда она подняла свои руки — обнять его или оттолкнуть, она не знала — его руки вдруг стали грубыми, и он отстранил ее от себя. Гермиона почувствовала резкую боль сзади в шее, заметила золотую вспышку, в то время как он отступил и увидела в его руке мерцающий Эпициклический амулет. Драко сорвал его с ее шеи.

— Теперь ты не сможешь меня найти, — сказал он.

— Ты дурак! — воскликнула она, бросилась к нему и крепко вцепилась в рукав.

— Гарри! Рон! Мы здесь! Скорее! Кто-нибудь! — громко закричала она.

— Гермиона, замолчи! — крикнул он, пытаясь высвободить руку из ее хватки, но она держалась крепко.

— Отпусти меня.

— Нет, — ответила она.

Драко посмотрел на нее.

— В таком случае, мне жаль, — сказал он, поднял ладонь, пальцы которой обвивала цепочка амулета, и направил ее на Гермиону.

— Мне жаль, Гермиона, — повторил он. — Оглушить!

Она даже не успела удивиться — просто упала без сознания, навзничь на траву. Ему хотелось упасть рядом с ней, убедиться, что с ней все в порядке, но неожиданно послышался звук ног, бегущих по гальке. Он поднял глаза и увидел Джинни, стоящую на дорожке и смотревшую на них обоих.

— Ты что, оглушил ее? — спросила она, с выражением глубочайшего изумления. — Драко, что

ты...?

— Пришлось, — коротко ответил он и попятился к стене, нащупывая метлу позади себя.

Теперь звук других бегущих ног был ясно слышен. «Гарри и Рон», — подавленно подумал он, в то время как его рука сомкнулась вокруг Всполоха.

Он оседлал метлу и оглянулся на Джинни, стоящую возле Гермионы на мокрой земле.

— Когда она очнется, скажи ей... — начал Драко, и почувствовал, что его горло неожиданно сжалось.

Джинни смотрела на него, но в сумерках он не мог прочесть выражение ее лица.

— Ладно, забудь, — устало закончил он. — Придумай что-нибудь этакое. Скажи ей, что это я сказал.

И с этими словами он оттолкнулся от земли, пригнувшись и крепко держась за свой Всполох, и взмыл вверх, растворяясь в ночном небе.

Для Люция Малфоя в камере было вполне достаточно света, чтобы видеть круг, начерченный на полу его кровью. Разумеется, ему бы не позволили иметь волшебную палочку — ему пришлось вскрыть вену у себя на запястье своими собственными зубами, чтобы получить то, что ему было нужно. Но это было не самым худшим из того, что ему приходилось делать.

Осторожно двигаясь, он уселся в центре круга, тщательно расправив одежды вокруг себя. Затем он простер руки перед собой, держа в левой руке Эпициклический амулет своего сына, мерцающий тусклым золотом в слабом свете.

— Вокацио, — прошептал он и замер.

Помнил ли он еще, как сотворить это? Да. Да, конечно, он помнил.

— Вокацио, — начал он снова, и слова Призывающего заклятия теперь легко пришли ему на память. — Господин, у меня кое-что есть для Вас...

От Автора:

*Ну что? Я убила Дамблдора... Жаль! Или я убила Фаджа? *задумалась* Я ещё не решила. Следующая глава: Куда сбежал Драко? Перешел ли он на сторону зла? (Что ж, он был бы суперзлодеем... с его-то мечом...) Что Люций сделает с Эпициклическим амулетом? Ничего хорошего, я вас уверяю. Я знаю, что говорила, что мы должны были выяснить в этой главе, обратимо ли любовное зелье, но я решила оставить это до 7-ой главы. Но ответ тут же, в письме от Снэйпа, которое держит Нарцисса. Заговорит ли Гарри с Гермионой? Почему Гермиона хочет, чтобы Гарри увидел книгу Лупина? Что стало с тем демоном? И где — Слитерин? Ответы на эти и другие вопросы в 7-ой главе. О, и там ещё будет Снэйп.*

Глава 7. Легка дорога

— Оживимус, — прошептала Джинни. Веки Гермионы затрепетали и открылись. В ее глазах отражался лунный свет и искорки звезд. Несколько секунд она выглядела изумленной, но затем она резко села и обняла Джинни. Пораженная Джинни чуть не упала, но тоже обняла Гермиону.

— Всё хорошо, с тобой всё хорошо, — сказала она.

Гермиона продолжала сжимать ее руку, и Джинни увидела, что блеск в ее глазах не был отражением ночного неба. Это были слёзы.

— Он ушел? — спросила Гермиона

— Да, ушел, — грустно ответила Джинни.

Гермиона отпустила руки Джинни. Множество чувств отражалось на её лице: надежда, печаль, тоска, замешательство, благодарность.

— И я рада, что он ушел, — яростно сказала она.

— Отлично, — ответила Джинни, вставая и протягивая руку, чтобы помочь Гермионе подняться. — Давай же, вставай.

— Хорошо, — сказала Гермиона, порывисто вздохнув. Она протянула руку Джинни, и спросила: — Он сказал что-нибудь? Ты видела его прежде, чем он ушел?

Джинни вздохнула: Он точно не...

— Ладно, забудь, — сказала Гермиона, быстро. — Мне лучше не знать.

Джинни, решила быть порезче с Гермионой, которая снова выглядела так, как будто вот-вот заплачет. Это очень странно, думала она. Гермиона была не только старше, но и сдержанней, чему Джинни всегда немного завидовала. Теперь, когда она, казалось, была слабее чем раньше, Джинни не только не чувствовала зависти, а даже хотела вернуть прежнюю Гермиону. Превжняя Гермиона знала бы, что делать. Эта же только и хотела сидеть и плакать о Драко. Джинни думала, что, если Гермиона скажет ещё одно слово о Драко, она вцепится ей в волосы.

Как только Джинни помогла Гермионе подняться, из-за кустарника появились Гарри и Рон. Оба мальчика запыхались, они были все в листьях и веточках. Рон заговорил первым:

— Гермиона, ты в порядке? Мы слышали, как ты кричала.

— Я в порядке, — ответила она, поворачиваясь так, чтобы не смотреть на них. — Я в порядке.

Джинни видела как выражение паники на лице Гарри, сменилось облегчением, которое в свою очередь сменилось совершенно пустым взглядом. Джинни взглянула на Гермиону, которая не смотрела на Гарри и пропустила смену эмоций на его лице. Тогда Джин снова взглянула на Гарри. «Почему Драко смотрит на меня так же, как Гарри смотрит на неё?» — подумала она внезапно. «Это несправедливо».

— Где Малфой? — спросил Рон.

— Он ушел, — сказала Гермиона тоненьким голоском. — Он улетел.

Рон чертыхнулся и пнул ствол дерева.

Гарри покачал головой:

— Я не могу поверить, что ты позволила ему уйти, — сказал он, не смотря на Гермиону.

Лицо Гермионы помрачнело:

— Я думаю, огромная шишка, быстро образующаяся на моей голове, может засвидетельствовать, — сказала она холодным тоном, — что я не позволяла ему уходить.

— Но он всё же ушел, — сказал Гарри, впиваясь в неё взглядом. — Не так ли?

Гермиона свирепо оглянулась.

Рон посмотрел вначале на Гарри, потом на Гермиону и закатил глаза:

— О, конечно, давайте теперь обвинять друг друга в том, чьей ошибкой было, что Малфой ушел. Наконец-то мы все перессоримся, чего он собственно и добивался все время! Это будет только ему на руку!

— Подождите, — нетерпеливо воскликнула Джинни, и обратилась к Гермионе. — Кулон! Мы можем использовать его, чтобы найти Драко!

Гермиона покачала головой:

— Он взял его с собой.

— Он забрал его? — недоверчиво повторил Рон. — Почему? Почему он так глупо поступил?

— Я думаю, что это довольно очевидно, — устало сказал Гарри, — он не хотел, чтобы мы нашли его.

Сердце Джинни сжалось:

— Но мы должны найти его, — сказала она дрогнувшим голосом. — Он в опасности.

— Я думаю, ты путаешь опасность с возможностью опасности, — сказал Рон, но уже без злобы.

Гарри выглядел отчаявшимся:

— Лучше бы нам поговорить с Сириусом!

Но когда они пришли в библиотеку, Сириуса и Лупина там уже не было. Нарцисса, сидела за столом и была напряженной и сильно взволнованной, объясняя им, что случилось с Дамблдором и Фаджем на пути к Особняку. В официальном уведомлении, министерство сказал только, что дементоры подозревались в нападении. Фадж мертв; состояние Дамблдора очень тяжелое. В министерстве сказали, что прежде чем Дамблдор потерял сознание, он попросил, чтобы позвали Сириуса.

— Они аппарировали к клинике Святого Мунго, — сказала Нарцисса, пытаясь скрыть своё волнение. Она перевела глаза с Гарри на Гермиону и очень спокойно спросила. — Где Драко?

Гермиона ничего не ответила. Тогда Гарри сказал:

— Он ушел. Мне действительно жаль. Мы старались, — он замолчал и опустил голову, скрывая выражение своего лица, но Джинни чувствовала, насколько он был несчастен. — Мне действительно жаль, — повторил Гарри.

Нарцисса закусила губу и побледнела:

— Я лучше расскажу об этом Сириусу, — сказала она, поднимаясь на ноги и взяв щепотку порошка из кармана. Она бросила его в огонь, который запылал фиолетовым пламенем. Джинни услышала, что Нарцисса сказала, «Больница Святого Мунго, пожалуйста», затем она повернулась к Рону и Гарри. Гарри скрестил руки на груди и выглядел одновременно разъяренным и несчастным. Рон рассеянно похлопывал его по спине.

— Сириус действительно нарывается на неприятности, — хмуро сказал Гарри.

— Ты думаешь, с Драко будет все в порядке? — спросила Джинни, которая тоже ободряюще похлопывала Гарри по руке. Он посмотрел на неё и попробовал улыбнуться.

— Я надеюсь, Джин, — ответил он, и посмотрел искоса, как будто хотел сказать что-то ещё. Джинни повернулась и увидела, как Антон, один из призраков семейства Малфоев, излучая небольшое мерцание, вышел из северной стены. Он просочился в комнату, мягко мерцая и становясь более твёрдым и менее прозрачным. Он остановился около Нарциссы:

— Мадам, — сказал он, — внизу гости.

Нарцисса отошла от камина и взглянула на него удивлённо:

— Кто там?

Антон прочистил своё прозрачное горло, и сказал:

— Молли и Артур Висли.

Рон и Джинни посмотрели друг на друга в ужасе:

— Мама и папа? — простонал Рон. — Я забыл, что они вернулись!

Чарли Висли пробудился внезапно от сна с драконами. Он сел в кровати с чувством странной тревоги. Откуда эта смятение, он не мог сказать. Это непонятное чувство, необъяснимо беспокоило его, вылезая из дальнего уголка подсознания, он знал, что не заснет пока не разберется в причине его возникновения.

— Черт побери, — выругался Чарли и опустил ноги с кровати, пытаясь достать одежду, которую положил, чтобы надеть завтра (привычка, которая появилась благодаря матери) и торопливо натягивая её на себя. Он схватил свою палочку с тумбочки рядом с кроватью, и заклинание «Иллюмос» осветило палатку.

Чарли шел, освещая свой путь, через весь лагерь, темный и тихий в этот час, к драконьему загону. Все было спокойно, но ощущение тревоги висело в воздухе, заставляя живот Чарли болезненно сжиматься. Драконы спали стоя, закрыв глаза и наклонив головы в одну сторону. Они и должны

спать в этот час, но их загон был залит слабым бронзовым светом луны — светом, отраженным открытыми глазами восьми бодрствующих драконов.

Чарли подошел так близко, как только смог, к волшебному барьеру, который окружал загон, и присмотрелся.

Его сердце бешено застучало.

Кто-то был в загоне.

Во рту пересохло, Чарли вытащил палочку и начал отчаянно бормотать заклинание, которое создаст достаточную дыру в решётке, чтобы он смог пролезть в неё.

«Алохомора... паризель тренс...»

Дыра раскрылась, и Чарли бросился в загон. Споткнувшись, он упал, но быстро встал на ноги. Во рту была пустыня, целые горы песка. Это было против всех правил, также против всякого здравого смысла, войти в загон к драконам, одному и без защиты. Драконы были неукротимы, и могли запросто съесть волшебников, которые кормили их.

Шепча защитное заклинание, Чарли начал медленно приближаться к центру загона, перемещаясь так спокойно, как только мог, несмотря на сильную тревогу и ужас, охватившие его. Он увидел нарушителя почти отчётливо, увидел более ясный силуэт рук, ног и бледных серебряно—белокурых волос. Драко.

Чарли закрыл рот рукой, подавив вырвавшийся звук.

Что, чёрт возьми, он делает, хочет убить себя?

Несмотря на удивление Чарли, его ноги продолжали нести его в центр загона к Драко. Чарли теперь лучше мог видеть его в серебряном свете луны. Он, казалось, просто стоял в середине круга драконов, которые поднялись подобно дышащим статуям, их чешуя сияла в звездном свете. Он держал руки в карманах кожаных брюк (моих брюк, думал Чарли с раздражением и иронией), покачиваясь на пятках и запрокинув голову, он пристально рассматривал эти огромные существа, словно они были всего-навсего очень высокими и интересными скалами. Чарли слышал его дыхание — он уже вошел в круг драконов и приближался к Драко. Он положил руку на его плечо, молясь только об одном: чтобы мальчик не выкрикнул его имя от неожиданности. Драко не обронил ни слова. Он не подскочил, не удивился, только посмотрел на Чарли, темными, пустыми глазами.

— Привет, Чарли, — сказал он, совершенно нормальным тоном.

— И тебе, — прохрипел Чарли, наклонился вперёд и взял Драко за руку. Он дернул мальчика к себе, схватил его за шиворот и понёс обратно к выходу. Благодаря мускулам, которые появились от ежедневного переноса тяжелого оборудования он смог это сделать. К удивлению Чарли, Драко почти не сопротивлялся, пока Висли буксировал его подальше от драконов, которые наблюдали за происходящим с большим интересом. Он донес его до дыры в решётке, и пролез в нее, затаскивая Драко за собой. Как только они оказались снаружи, Чарли отпустил руку Драко и толкнул его так сильно, как только мог к стволу ближайшего дерева. Драко ударился затылком о ствол дерева с такой силой, что было понятно, что он себе явно что-то повредил, но Малфой не изменился в лице, только поднял левую руку и потер шею.

— Эй, Чарли, — сказал он спокойно.

— «Эй, Чарли?» Что, черт возьми, ты здесь делаешь, Драко? Точнее, что ты здесь делал?

— Я хотел посмотреть на драконов, — сказал Драко, по-прежнему совершенно спокойно. — Я хотел ещё немного на них посмотреть.

— Ты хотел посмотреть на драконов? О Боже, ты не мог придумать ничего получше? Если ты хотел посмотреть на драконов, почему же ты не стоял за решёткой и не смотрел на них?

— Они ничего мне не сделали, — сказал Драко, все еще неестественно спокойным тоном и усмехнулся. — Хотя сомневаюсь, что они не тронули бы тебя.

— Ты думаешь, драконы — безобидные твари? Ты чуть не стал их ленчем, глупый ребёнок. Как бутерброд на ножках. Боже, если бы мне не хотелось так спать, я избил бы тебя до полусмерти, чтобы отбить желание делать что-то подобное еще раз. Тебе повезло, что я устал.

— Не надо так нервничать, — сказал Драко. — Как ты думаешь, может, ты поддержишь кулак, а я ударюсь об него лицом? Сэкономишь силы.

— Очень смешно.

Драко одарил его ангельской улыбкой:

— А что было похоже, что они собираются меня слопать?

Чарли смотрел на Драко, не желая отвечать на этот вопрос. Он выглядит по-другому, внезапно подумал Чарли. Физически он конечно тот же самый, но как будто светится изнутри. Воздух вокруг него, казалось, потрескивал от статического электричества.

— Э-э-э... — сказал Чарли, внезапно чувствуя неясную тревогу. — Драко, ты хорошо себя чувствуешь?

Улыбка Драко не исчезла.

— Я хорошо себя чувствую, — сказал он, вытаскивая руки из карманов и разглядывая их, как будто это были какие-то неизвестные ему предметы. — Я чувствую, что могу сделать все. Все что угодно. Я выгляжу по-другому?

— Нет, — решительно сказал Чарли. — Ты выглядишь утомлённым, — вот, как ты выглядишь. Ты выглядишь измученным. Когда ты в последний раз спал?

— Спал? — спросил Драко, и теперь в его голосе стало ощутимо напряжение. — Хороший ночной сон. Я не спал годы. Возможно две недели.

Чарли вздохнул:

— Что тебе нужно, мальчик, так это хороший сон. Можешь лечь в моей палатке, я принесу тебе одеяла, а завтра мы пошлём сову Сириусу...

— Нет! — резко прервал его Драко и улыбка исчезла с его лица.

— Что нет?

— Нет, я не должен спать в твоей палатке. Сон — последняя вещь, в которой я нуждаюсь. Я не хочу спать — я не могу спать. Ещё один и я исчезну.

Чарли заморгал в замешательстве:

— Ещё один, что?

— Ещё один сон, — Драко начал отходить от ограждения к деревьям. — Ты не поймешь.

— Послушай, — сказал Чарли, протягивая руку и хватая Драко за рукав, поворачивая того так, чтобы они встали лицом к лицу. — Какие таблетки ты принимал? Синие, красные или зеленые? О, или ты взял черные, которые напоминают лакричные конфеты? Джордж однажды съел одну из них, и всю неделю ему казалось, что он мотоцикл.

— Мне не кажется, что я — мотоцикл, — раздраженно сказал Драко. — Слушай, ты не мог бы отпустить мою куртку? Я в порядке.

— Ты не в порядке, — решительно сказал Чарли, но все же отпустил руку Драко. — Ты только что попытался убить себя. И это — моя куртка.

— О, и что ты теперь хочешь? Взять её назад?

— Нет. Я хочу, чтобы ты перестал болтать, пошёл к палатке и немного поспал. И съел что-нибудь. Ты плохо выглядишь.

— Но чувствую-то я себя хорошо, — сказал Драко, широко раскрывая свои стальные глаза. — Я чувствую себя замечательно. Я могу сделать что угодно. Я могу летать, я могу ездить на драконе, я могу... — Он прервался и пристально посмотрел на Чарли: — Что бы ты сказал, если бы кто-то предложил тебе такую силу, с помощью которой ты бы смог управлять целым волшебным миром?

— Я сказал бы, что управлять миром — это еще не все, — сказал Чарли мягко. — Долгими часами находиться все время на виду у людей, и ты уже перестаешь принадлежать лишь себе...

— А теперь поддразниваешь.

— Я не дразню тебя, — сказал Чарли, мягко. — Я волнуюсь за тебя. Ты чуть не скормил себя драконам, задаёшь мне глупые вопросы. Я знаю, что ты прошёл через многое в последнее время, но...

— Ты не знаешь. Даже я не знаю. Я не могу поверить, но я в замешательстве. Из-за чего я в замешательстве? С одной стороны — верная смерть. С другой стороны, власть, мощь, вечная жизнь и исполнение всех моих желаний. Я могу остаться вечно молодым и красивым. Не каждый может сказать это. — Он посмотрел на Чарли и покачал головой: — Я ненавижу Гарри. Это все его вина.

— Каким образом, черт побери, все это имеет отношение к Гарри? — раздраженно воскликнул Чарли. — Хорошо, хватит об этом.

Он потянулся и схватил запястья Драко, намереваясь оттащить мальчика от его метлы:

— Да что с тобой случилось?

Драко поднял голову. Его глаза сузились.

Чарли чувствовал как стучит кровь под кожей рук, которые он держал. Холодная кровь под ещё более холодной кожей. «Любой бы умер с такой низкой температурой тела», — подумал он.

Драко посмотрел на него с беспокойством, но никак не с удивлением.

— Я сделал тебе больно?

— Ты очень холодный, — сказал Чарли. — Как лед... Ты действительно болен?

— Это происходит быстро, — сказал Драко. — Верно?

Чарли только смотрел на него.

— Я должен идти, — сказал Драко, вырывая запястье из рук Чарли. Чарли отпустил. — Никому не говори, что я был здесь.

— Драко, — сказал Чарли, стараясь сохранять терпение, — я не могу тебя отпустить. Ты попытался убить себя сегодня вечером. Ты понимаешь это?

Драко смотрел на Чарли, лунный свет отражался холодными белыми искрами от его стеклянных глаз.

— Не вынуждай меня заставлять тебя забыть, что ты когда-либо видел меня, — сказал он.

Чарли вытаращил глаза.

— Я бы действительно... — он сказал медленно, не совсем уверенный, что он хотел сказать именно это. — Ты так не сделаешь.

— Ты знаешь, что я могу, — сказал Драко. — Обещай мне.

— Я... — Чарли прочистил горло, чувствуя внезапно, и изумление и беспокойство. — Почему ты думаешь, что я сдержу обещание?

— Ты — Висли, — сказал Драко, поднимая свою метлу. — Ты не врешь.

— Хорошо, — сказал Чарли. — Я обещаю. Только одно условие.

— Какое?

— Позволь мне дать тебе немного еды и одежды.

Драко на мгновение посмотрел на него безучастно и кивнул. Чарли бегом бросился к палатке, ему казалось, что он бежит быстрее, чем его ноги. Происходит что-то странное, думал он, когда быстро складывал в сумку немного еды и одежды — несколько джинсов и грудку свитеров, мальчик очевидно замёрз. Но сейчас июнь, сказал голос глубоко в его голове. Почему он такой холодный?

Он был ещё на полпути уверен, что Драко уже улетел, но Малфой был все еще там, тихий и странно несчастный клубочек из темной одежды и бледных, растрепанных волос, сидящий возле дерева и держащий метлу на коленях, словно она была оружием.

Чарли замер и посмотрел на него.

— Драко, — сказал он. — Где — меч? Сириус забрал его?

— Я отдал меч, — сказал Драко, вставая и улыбаясь Чарли такой улыбкой, от которой Висли последующие несколько лет будут сниться кошмары. — Он вернётся. Он теперь со мной даже когда он не у меня.

С этим бессмысленным заявлением он протянул руку и взял связку одежды и продовольствия из безвольных рук Чарли.

— Будь осторожен, — сказал Чарли, понимая, как странно это звучит. — Вернись, если тебе что-то понадобится...

— Благодарю, Чарли, — прервал Драко, залез на свою метлу и взлетел.

Чарли было жалко, что он улетает, но в тоже время он был этому рад.

Лупин шел за Сириусом вниз к переполненному холлу в Больнице святого Мунго, Больнице Волшебных Болезней и Патологий. Когда они подошли к палате, где как им сказали, был Дамблдор, они увидели, что возле входа собралась толпа людей. Репортеры (Лупин узнал бананово-желтую одежду и блестящие очки Риты Москиты), доктора, и половина истеричного Министерства, копошащиеся как муравьи.

Сириус и Лупин пробрались через толпу людей, но были остановлены доктором — магом в очках и белом халате с обеспокоенным выражением лица. Он поднял руку, чтобы остановить их:

— Сюда входить запрещено.

Сириус скрестил руки на груди и свирепо посмотрел на него:

— Ну и кто вы?

Врач выглядел оскорбленным.

— Я — доктор Саймон Бранфорд. Я отвечаю за этот этаж, и в эту комнату заходить запрещено любому, кроме...

— Я Сириус Блэк, — прервал Сириус. — Меня послали сюда из Министерства.

— Вы Сириус Блэк? — врач опустил руку, искоса поглядывая на Сириуса. Было время, когда лицо Сириуса было знакомо всему волшебному обществу, но теперь, конечно, он выглядел по-другому.

— Вам бы лучше войти, — сказал врач. — Мы ждали Вас.

Сириус хотел сказать что-нибудь грубое, но Лупин торопливо ответил доктору «Спасибо», который, кивнув головой, быстро толкнул незапертую дверь, пропуская Сириуса перед собой. Доктор Бранфорд вошел после него, а Лупин последовал за ним.

Они оказались в узкой прихожей с единственной дверью, ведущей из неё.

— Есть две вещи, которые я должен сообщить вам, — сказал доктор, поворачиваясь лицом к Лупину и Сириусу. — Одна из них это то, что ваша жена послала письмо нашей Администрации для того, чтобы я передал его вам. — Он в сомнении посмотрел на Сириуса, который только удивленно приподнял бровь. — Она сказала, что Драко ушел, и они не знают, где его найти. Я думаю, что это важно для Вас?

— Да, — коротко сказал Сириус и обменялся быстрым взглядом с Лупиным. — Это кое-что значит для меня.

— Вторая вещь, — продолжил доктор, — состоит в том, что профессор Дамблдор находится в состоянии, которое мы называем волшебным застоем. Только очень ограниченное количество разрешенного волшебства может быть выполнено в его присутствии. Пожалуйста, держите ваши палочки в карманах. Понятно?

Сириус и Лупин кивнули, и последовали за доктором Бранфордом через единственную дверь в комнату среднего размера с чисто-белыми каменными стенами. Посередине палаты стояла большая кровать, на которой лежал Албус Дамблдор, белое покрывало, натянуто до груди, глаза закрыты. Сердце Лупина, защемило, когда он увидел, каким беспомощным выглядит Дамблдор. Сириус встал около кровати, скрестив руки на груди. Лицо его ничего не выражало. Доктор, сжимая в руке карту, стоял в стороне и выглядел очень несчастным. Лупин приблизился к центру комнаты, и почувствовал небольшое покалывание в районе позвоночника. Аура Темного волшебства слабо, но ощутимо, висела над кроватью и над человеком, который там лежал. Лупин поглядел на доктора:

— Он умирает?

— Мы не знаем. Сейчас он не умирает. Не совсем. Он находится в застое. Его жизненные показатели устойчивы, но он не приходит в себя, и при этом он не отвечает на раздражители...

— Что с ним случилось? — прервал Сириус, не сводя глаз с Дамблдора. — В письме было сказано, что это дементоры. Но Дамблдор мог справиться с дементорами. Это было что-то иное...

— Какая пронизательность, Блэк, — послышался саркастический голос из дверей.

Лупин и Сириус повернулись. Лупин с удивлением, а Сириус с ужасом — это был Северус Снэйп.

Он не изменился с того времени, как Лупин видел его последний раз, три года назад в Визжащей хижине в Хогсмиде. То же самое болезненное лицо, с вечно недовольным выражением. Он был в накрахмаленной чёрной мантии, на левом рукаве была зеленая полоса, это обозначало, что он — декан Слитерина. На правом же рукаве была желтая — он был на службе Министерства. Лупин увидел, как Сириус бросил быстрый взгляд на руки Снэйпа и понял, что тот тоже заметил это.

— Профессор Снэйп, — сказал доктор с облегчением.

Снэйп величественно прошёл мимо них, даже не удостоив взглядом, сел на один из стульев рядом с кроватью Дамблдора, и начал вытаскивать предметы из карманов мантии. Лупин мельком увидел ступку и пестик, мешочек с чем-то (это могли быть панцири жуков) и какую-то флягу.

Сириус пересел на другой стул, и впился взглядом в Мастера Зелий:

— Что ты здесь делаешь, Снэйп?

— Дела министерства, само собой, — Северус посмотрел на Сириуса с нескрываемой злобой. — Я думаю, вопрос состоит в том, что вы здесь делаете?

— Меня тоже послало Министерство, — огрызнулся Сириус. — Дамблдор направлялся ко мне,

когда на него напали. Я полагаю, они считают, что я могу пролить хоть каплю света на эту ситуацию.

Снэйп взглянул на доктора, который кивнул.

— Возможно, никто не сказал вам, — произнес Снэйп, который начал зелье, Лупин не мог разглядеть, что именно он делал; жесты профессора были скрыты обширными рукавами его мантии. — Дамблдор в прошлом году договорился с министерством о том, что, если с ним что-нибудь случится, я должен отвечать за выяснение обстоятельств. Он дал мне некоторые инструкции, которым я следую. — Снэйп ехидно ухмыльнулся. — Я полагаю, что вы не собираетесь оспаривать его мнение в этом вопросе?

— Что, случилось с Фаджем и Дамблдором? — спросил Лупин, стараясь скрыть подозрительность и враждебность своего голоса. — Мы слышали, что это дементоры...

— Фадж мёртв. Вы, это конечно знаете. И пока мы сейчас разговариваем, идёт процесс выбора нового Министра. И это не дементоры, — добавил Снэйп, и его рот яростно изогнулся. — Или, по крайней мере, это были не только дементоры. На них напал кто-то похожий на дементоров, Министерство полагает, что фактически это были переодетые волшебники. И по крайней мере один из них был очень силен.

— Ну, так кто это был? — огрызнулся Сириус. Лупин заметил нервное подергивание края глаза Сириуса, которое всегда появлялось, когда тот был очень раздражен. Сейчас он изо всех сил сдерживал себя, чтобы не броситься через кровать и насильно выбить ответы из Снэйпа.

— Мы не знаем, — сказал Снэйп. — Это — то, что я должен здесь выяснить.

— Выяснить у кого?

— У Дамблдора, — спокойно ответил Снэйп.

— Но он... — Сириус, протянул руку к неподвижно лежащему Дамблдору, и с трудом сглотнул. — Он же в коме. И не отзывается.

Снэйп презрительно взглянул на Сириуса.

— Возможно, ты не всегда был внимателен на уроках зелий, — сказал он холодно, — может вы, наконец-то, догадаетесь, почему я здесь.

Левый глаз Сириуса снова задёргался, на сей раз более яростно.

— Бесплезный самодовольный мерзавец! — взорвался он, впиваясь взглядом в Снэйпа.

— Я предпочел бы, чтобы ты обходился без оскорблений, — сказал Снэйп, отвернувшись. — В этом нет никакого смысла.

— А я предпочел бы, чтобы ты задохнулся своим самодовольным мерзавством, но мы не всегда получаем то, что хотим, правда? — сказал Сириус, игнорируя успокаивающие взгляды Лупина.

— Я не думаю, что мерзавство — это слово, — заметил спокойно Лупин.

— Ой, замолчи, Лунатик, — огрызнулся Сириус, в раздражении сужая глаза.

— Лунатик? — Брови Снэйпа взмыли вверх. — Вы, двое, всё ещё называете друг друга своими детскими прозвищами? Как восхитительно грустно развивается жизнь арестованного.

Лупин быстро шагнул в сторону Сириуса и решительно положил руку ему на плечо. Это должно было с одной стороны показать его поддержку, а с другой — напомнить Сириусу, что, если будет необходимо, Лупин будет удерживать его от нападения на Снэйпа. На пятом году обучения в школе, Лупин, однажды перебросил Сириуса через Гриффиндорскую гостиную. Было не легко забыть, каким сильным он был, даже для его друзей.

— Профессор Снэйп, — сказал Лупин спокойно. — Мы — все здесь по одной причине. Давайте не будем мешать друг другу.

Снэйп проигнорировал его, производя какие-то манипуляции со ступкой и пестиком. Он обернулся, в одной руке держа флягу, наполовину заполненную жидкостью, в другой маленький мешочек черного порошка. Он насыпал порошок в жидкость, потом потряс флягу несколько раз, и поднял глаза.

— Очень хорошо, Лупин... — начал он

И был прерван внезапным шумом из коридора. Рем, чей слух был весьма чувствителен, расслышал множество голосов, говорящих разом.

— Репортеры, — коротко сказал Сириус.

— Я пойду и посмотрю, что происходит, — сказал доктор, который выглядел взволнованным и хотел уйти от Снэйпа и Сириуса хоть ненадолго. Он поспешно вышел, все еще сжимая в руке карту.

Снэйп никак не отреагировал на его уход. Он закатал широкие рукава и склонился над Дамблдором, держа флягу. Северус наклонился вперед и положил руки на плечи Дамблдора — довольно нежный жест, подумал Лупин — и начал лить содержимое фляги в ничего не чувствующий рот Дамблдора.

Плечо Сириуса дёрнулось под рукой Лупина.

— Что ты делаешь?

Снэйп сидел, сжимая теперь пустую флягу, и смотрел на бесчувственное тело Дамблдора широкими, блестящими глазами.

— Подождите.

Какое-то время ничего не происходило — затем Лупин заметил, как напряглись плечи Снэйпа, и услышал, что дыхание Сириуса участилось от удивления. Тело Дамблдора поднялось, его руки сжались в кулаки, его спина, выгнулась. Серое облако дыма, внезапно вырвалось из его груди и поднялось вверх, тяня за собой нити серебристой пыли. Вместо того, чтобы рассеяться, дым начал соединяться и уплотняться. Он начал обретать форму. Рем видел, как из облака сформировались глаза, нос, рот, поток серебристых волос, две половинки прозрачных очков. Призрачная форма головы Дамблдора и его плеч. Облако слегка вращалось, затем остановилось перед ними. Лупин с безмолвным удивлением, увидел наполовину прозрачную улыбку.

— Северус, — сказал Дамблдор, смотря вниз на них. — Сириус. И Рем. Вы все здесь.

Снэйп искоса поглядел на изумленные выражения лиц Сириуса и Лупина, и слабая улыбка появилась в углу его рта.

— Мы здесь, директор. Но у нас мало времени.

Дамблдор склонил голову.

— Тогда давайте начнем.

Нарцисса прикрыла рот рукой.

— Ваши родители, — сказала она, поворачиваясь к Рону и Джинни, которые выглядели так, будто их ударило током. Гермиона могла поклясться, что у Рона волосы встали дыбом.

— Мама и папа? — выдохнула Джинни, выглядевшая одновременно пораженной и испуганной. — О, держу пари, они собираются убить нас.

Антон заволновался.

— Здесь не будет никаких убийств, — отрывисто сказала Нарцисса, и сделала неопределенный жест, обращаясь к призраку. — Антон, сообщите им, что мы идём. Рон и Джинни, идите за мной. Гарри и Гермиона, вы ждите здесь.

— Нет, — быстро сказал Гарри, — я тоже пойду.

— Ты подождёшь здесь, — сказала Нарцисса, в ее голосе прозвучала сталь. Теперь она выглядела очень властной и, подхватив полы своей мантии, направилась к двери, Рон и Джинни последовали за ней словно утята за уткой. Когда Нарцисса проходила мимо Гермионы, она сунула что-то в широкий рукав мантии девушки. Гермиона удивленно посмотрела на неё, и заметила, что Нарцисса улыбнулась ей краешком рта, затем она и Висли вышли. Гермиона и Гарри остались одни в комнате.

Она посмотрела на него и увидела, что он стоит, опираясь одной рукой на стол. Он, казалось, полностью погрузился в чтение одной из книг, которые она с Роном читала ранее, Гермиона обратила внимание, что он держал её вверх тормашками. Девушка не знала, стоит ли ей говорить с ним, поэтому посмотрела, что Нарцисса сунула ей в рукав.

Это было письмо от Снэйпа.

Гермиона поспешно села в ближайшее кресло и осмотрела письмо. Это был тяжелый свиток бумаги, сливочного цвета, перевязанной зеленой и серебряной лентами.

— Гарри, — позвала она, и подняла письмо, так, чтобы он смог видеть его. — Это — письмо от Снэйпа, насчёт зелья.

Гарри захлопнул книгу, но не двинулся с места.

— Так открой его, — сказал он равнодушно.

Она медленно потянула ленту, и развернув письмо, заполненное знакомым, плотным почерком

Снэйпа. Гермiona прочитала письмо один раз, потом с наивной надеждой еще раз.

Затем она протянула его Гарри.

Он медленно отошел от стола и выдернул письмо из её руки, затем отступил на расстояние нескольких футов, прежде чем развернуть письмо и прочитать его. Она наблюдала за ним, когда его глаза просматривали страницу, зная, что он читал там:

Мистер Малфой,

*Я удивлён, что Вы тратите ваши летние каникулы, на изучение неизвестных зелий и их противоядий. И я предлагаю, чтобы Вы выбрали какое-нибудь другое зелье предметом вашей научно-исследовательской работы. Я знаю зелье, которое вы мне описали, хотя не представляю, где вы могли столкнуться на его описание. Это очень старый рецепт и к тому же незаконный; я нашел его в своих собственных материалах. Это так называемое Зелье Подвластия, или **Omnia Vincit Charm** — от латинского выражения Любовь Побеждает Все.*

Что касается противоядий, то единственное — это смерть либо человека, подвластного зелью, либо объекта вынужденной привязанности. Итак, мой совет, лучше поищите какое-нибудь другое зелье для вашего эксперимента. Свяжитесь со мной если вам будет нужна помощь с выбором зелья.

С уважением,

Профессор Северус Снэйп

Гарри закончил читать в тишине, поднял голову, и мигнул.

— Вот именно так, — сказал он бесцветным голосом.

Сильным жестом, нехарактерном ему, он смял бумагу в кулаке и бросил её в пустой камин. Гарри обернулся. Гермiona видела, как он весь напряжен, пересекает комнату и останавливается возле книжного шкафа, не желая дальше двигаться по комнате.

Гарри стоял под витражом, сине-зеленые тени легли поперек его лица и белой рубашки. Он посмотрел вверх, взглянул на нее, и Гермiona могла видеть, как он несчастен — Гарри, который всегда, каждый день, был таким счастливым!

Это моя вина, мрачно подумала она.

Гермiona поднялась на ноги, но не подошла к Гарри.

— Это не так, — сказала она и ее собственный голос, показался ей слишком тонким. — Гарри, если Снэйп говорит, что не знает противоядия, это вовсе не значит, что его нет. Он только говорит, что он не знает, а он знает не всё. Я уверена, что есть выход. Должен быть.

— Не каждая проблема имеет решение, Гермiona, — сказал Гарри, тихим тоном, скрывая свой гнев. — Я знаю, тебе в это трудно поверить.

— Я не понимаю, почему я должна верить в это. Я не понимаю, почему нужно сдаваться.

Но Гарри казалось, не слушал. Он смотрел в одну точку над её головой.

— Я тоскую без тебя, — сказал он, в пустоту. — Я уже тоскую без тебя, и это только несколько часов. Я продолжаю думать, как я буду тосковать без тебя завтра, и послезавтра, и после-послезавтра! И я не думаю, что когда-нибудь станет легче. Есть некоторые вещи, которые не проходят просто так, и эта является одной из них.

— Гарри... — начала она, обратившись к нему.

— Не делай хуже.

— По крайней мере, позволь мне объяснить, — сказала она, настолько быстро, что казалось, слова звучали сами по себе. — Позволь мне объяснить и извиниться, и это — последний раз, когда я скажу тебя об этом, клянусь.

— Мне не нужны извинения. Я хочу знать...

— Независимо от того, что ты хочешь знать, я расскажу тебе все, — произнесла она.

— Почему ты притворяешься? — почти кричал он. — Когда я увидел тебя возле башни, почему ты притворялась, что рада видеть меня? Почему беспокоилась? С какой целью? Я могу понять, почему ты мне не рассказала насчёт зелья. Но зачем этот театр? Я поцеловал тебя, и не только я. Ты ответила на мой поцелуй. Я не мог даже... — он прервался, и снова посмотрел вдаль. — Я не мог даже почувствовать разницу...

Гермиона с удивлением посмотрела на него. «Конечно, — подумала она, — он не знает».

— Ты думаешь, что под действием зелья я больше не люблю тебя? — сказала она.

Он не ответил, только продолжил смотреть вдаль.

— Гарри, это вовсе не так. Мои чувства к тебе не изменились вообще, и если бы я не любила тебя, я бы так много не лгала тебе — я знаю, что эти слова глупые, но это правда. Я не могу даже подумать о том, чтобы причинить тебе боль.

Она прервалась, зная, как звучали её слова — Гермиона не могла найти правильных фраз. Она знала, что это было действие зелья — что оно не только дало ей чувства, которых она не хотела, но зелье иссушало ее самые лучшие качества, позволяющие ей бороться: ясность цели, сила воли. Это происходило постепенно, но это происходило — она чувствовала.

— Я не лгу, — прошептала она, но выражение лица Гарри не изменилось. «Он больше никогда не будет верить тому, что я ему говорю, только не после того, что случилось, да и почему он должен?» — в отчаянии подумала Гермиона.

— Гарри, подойди сюда, — сказала она.

Наконец, он взглянул на неё, и когда она увидела выражение его лица, она почти пожалела, что он здесь.

— Подойди сюда, — сказала она, снова. — Пожалуйста.

Неохотно, он пересек комнату и встал перед ней, вызывающе глядя на неё. Его подбородок был поднят вверх, зеленые глаза были пусты. Она потянулась, схватила его правое запястье и поместила его руку у себя на груди, положив на сердце.

— Мне нужно, чтобы ты поверил мне, — сказала она. — Сделай то, что ты должен.

На мгновение, он выглядел растерянным. Когда понимание озарило его лицо, его глаза расширились и он отодвинулся, пробуя забрать руку.

Но Гермиона, не отпускала его.

— Пожалуйста, — сказала она. — Или я сделаю это сама.

Он посмотрел ей в глаза, и она увидела, как что-то рушилось глубоко в его зрачках, временная решимость, уступала место любопытству и потребности знать правду.

— Веритас, — сказал он.

Она чувствовала мягкий взрыв в груди, который прервал её дыхание. Это было больно, но не так ужасно, как она думала, помня агонию в глазах Драко, когда она наложила это заклинание на него. Но тогда, он боролся с ним, а она не борется. Она закрыла глаза, откинувшись от стола, позволяя боли пробежать по ней, подобно серебряным токам.

— Спроси меня, Гарри, — сказала она.

Она услышала колебание в его голосе.

— Ты любишь меня?

Гермиона открыла глаза.

— Да.

Она видела, что его плечи немного расслабились, хотя беспокойство не исчезло из его глаз.

— Спроси меня, влюблена ли я в тебя, — сказала она.

— Ты влюблена в меня?

— Да. Полностью.

— Гарри быстро посмотрел вниз, скрывая выражение своего лица. — Хорошо, тогда, — сказал он, слегка хриплым голосом, и прочистил горло. — Действительно ли ты влюблена в Малфоя?

Гермиона схватилась руками за край стола.

— Да.

Он не вздрогнул, не изменил выражение лица, но ведь тогда он уже всё знал.

— Но это не одно и то же?

— Нет. Это по-разному. Это нереально. Я чувствую по-другому.

— Ты действительно думаешь, что есть противоядие?

— Да, — сказала она, слушая собственный голос с некоторым удивлением. — Да, я действительно так думаю.

Гарри шагнул ближе к ней, не убирая руку. Теперь она могла увидеть свое отражение в его зрачках.

— Спроси меня еще о чём-нибудь, — сказала она, отчаянно ища что-нибудь, что убедит его окончательно, независимо от того что это будет. — Спроси меня о чём хочешь, мне всё равно.

Гарри покачал головой. Она могла поклясться, что видела, как он коротко улыбнулся.

— Что-нибудь? — спросил он.

Она кивнула.

— Новые мантии, которые Сириус дал мне, делают меня похожим на девчонку?

— Что? — это был последний вопрос, который Гермиона ожидала от него услышать, но заклинание не различало существенные и незначимые вопросы.

— Нет, ты действительно хорошо смотришься в них, — сказала она, и почти улыбнулась, слыша слова, выходящие из ее рта. — Видишь, как я тебе и говорила.

— Хорошо. Тебе действительно понравился подарок, который я подарил тебе на прошлое Рождество?

— Нет, — сказала Гермиона, и стала ярко-красной. — Я имею в виду — это была бесполезная вещь. Ты подарил мне носки, Гарри. Девушки не любят носки! Домашние эльфы любят носки! Я знаю, что мы никуда не выходили тогда, но действительно...

Гарри тихо фыркнул.

— Я запомню это, — сказал он. — Так. Ты правда думаешь, что смотреть, как я играю в Квиддитч — интересно, или ты приходишь на игры только чтобы удостовериться, что меня не убили?

— Я хожу на игры, только чтобы удостовериться, что тебя не убили, — сказала Гермиона, и застонала. — Я думаю, что Квиддитч — самая скучная вещь во всём мире, хуже, чем рассматривать засохшую краску. Гарри, хватит.

— Ты сказала, что я могу спросить тебя о чём только захочу. Итак, действительно ли ты влюблена в Рона?

Гермиона воскликнула:

— Гарри! Что? Нет!

— Действительно ли ты влюблена в Виктора Крума?

— Это далеко не так. К чему ты ведешь?

— Профессор Снэйп?

— О, это становится отвратительным. Нет.

— Профессор Лупин?

— Ты сошёл с ума. Нет!

— Сириус?

Гермиона торжествовала.

— Хорошо, он чертовски сексуален.

Гарри выглядел испуганным.

— Гермиона!

Она внезапно захихикала, не в состоянии помочь ему.

— Не спрашивай, если не хочешь знать ответ!

Гарри усмехнулся. Настоящая усмешка, подобной она не видела у него на лице ужасно долго. В тот момент, она сказала бы ему все что угодно, даже если бы она не была под заклятием Истины.

— Так, — сказал он. — Так как мы остановились на романтической теме, я думаю, ты должна сказать мне, почему ты находишь меня таким неотразимым и привлекательным. Отвечай так полно, как только можешь и не стесняйся использовать громкие слова.

— О, нет, это не честно, — возразила она, чувствуя, как загорается её лицо.

— Давай, ответь на вопрос. Почему ты любишь меня?

Гермиона чувствовала, как слова неудержимо льются из её рта.

— Я люблю тебя потому что...

И затем рука Гарри закрыла ей рот. Она расслышала, как он сказал:

— Заклихваем, — и почувствовала, что боль в груди исчезает.

Она подняла глаза и увидела Гарри, который смотрел сверху вниз на неё, больше не улыбаясь, но также и не сердясь.

— Мне жаль, — он сказал, убирая руку от ее рта. — Это было несправедливо.

— Я заслужила это, — сказала она. — Я заслужила намного больше этого.

— Тебе было больно?

— Это не имеет значения. Ничто не имеет значения за исключением того, что ты веришь мне. Ты ведь веришь мне?

Он кивнул.

— Да, верю, правда, верю.

Он притянул ее к себе, обнимая и кладя свой подбородок ей на макушку. Она услышала знакомый запах мыла, и холодного ночного воздуха, оставшегося на его одежде.

— Пока ты действительно думаешь, что есть противоядие...

Она подняла подбородок и решительно посмотрела на него. — Я должна.

— Я знаю.

— Гарри, я...

Но она не смогла найти слов, которые бы выразили то, что она хотела сказать, важность и серьезность того, как сильно она любила его. Она положила руки на его плечи, притянула его к себе и поцеловала — сначала робко, так как она редко первой делала это, обычно она ждала, чтобы он поцеловал её — и затем с большей настойчивостью, она приподнялась на носках, чтобы быть как можно ближе к нему. Она чувствовала, что его руки спустились к ее талии, и затем он поднял ее и посадил на стол, он целовал ее так жаростно, что это почти причиняло боль. Она была немного удивлена — она привыкла к нежным поцелуям, Гарри делал это с почти застенчивой мягкостью; она думала, это вид болезненной страсти — но нет, очевидно, нет. Она была довольна, что села, потому что кости в ее коленях, казалось, превратились в масло. Она чувствовала, что он подталкивал ее, пока она почти не легла на стол, чувствуя, как его руки стали расстегивать пуговицы на её жакете — она обвила ногами его талию, притягивая его ещё ближе и...

Бах!

Гермиона стремительно подпрыгнула, от шума чего-то взорвавшегося и разбившегося вдребезги прямо возле стола.

— Что это было? — выдохнула она в плечо Гарри. — Это было что-то... связанное с тем, что ты магид?

Она почувствовала мягкий смех Гарри.

— Не думаю, — сказал он, опираясь на локти и смотря на неё сверху вниз. — Ты разбила пресс-папье.

— О, — сказала Гермиона, порозовев. — Мне кажется, что я чересчур возбудилась. Прости.

Гарри покраснел. В этом было различие между ним и Драко, думала Гермиона, не с сожалением, а с интересом. Драко бы не покраснел.

— Это даже не было моим первым достижением, — сказал Гарри.

— Это точно, — ответила Гермиона. Она потянулась и мягко сняла его очки, осторожно кладя их на край стола. Она обняла его за шею и притянула к себе. — Тогда может, посмотрим на твоё лучшее достижение, а?

Нарцисса закрыла дверь библиотеки и подошла к родителям Рона и Джинни, которые все это время смотрели на нее с вежливым любопытством.

— Э-э-э, — сказала она, — Я думаю, будет лучше, если мы ненадолго вернёмся.

— Разве Гарри не здесь? — спросила порозовевшая миссис Висли с материнским беспокойством. — Я хотела увидеть его.

— Они разговаривают, — сказала Нарцисса, отходя от дверного проема и начиная спускаться в главную залу. — Лучше дадим им объясниться. — Она посмотрела назад и увидела, что мистер и миссис Висли, которые следовали за ней, выглядели заинтригованными. — Они немного поспорили, — объяснила Нарцисса. — Вы же знаете, как все подростковые пары. Они ссорятся, они мирятся. Надо позволить им обсудить это, и мы сможем вернуться позже и узнать, как они поговорили.

Она услышала фырканье за спиной, которое наиболее вероятно издавал Рон, и почувствовала, что её щеки становятся розовыми. «О, дорогой, — подумала она. — На этот раз так просто не выйдет».

— Сколько у нас времени? — с вежливым любопытством спросило дымное облако в форме Дамблдора у Снэйпа.

— Зелье должно позволить Вам поговорить с нами в течение 10 минут, — кратко сказал Снэйп. — Может быть немного больше. И зелье можно использовать только один раз.

Сириус мог поклясться, что заметил мерцание в глазах Дамблдора.

— Тогда лучше начнём.

— Директор, — поспешно спросил Сириус. — Вы знаете, кто на вас напал?

— Очень мощный темный волшебник, — сказал Дамблдор. — Я подозреваю, что это был не Волдеморт.

— Вы думаете, что это был Слитерин? — спросил Сириус, ощущая недоверчивый взгляд Снэйпа, и даже более недовольное выражение его лица, когда Дамблдор сказал:

— Может быть. Нам так мало известно о Слитерине, что трудно сказать. Наш противник был укрыт капюшоном, он был замаскирован под дементора. У этого волшебника большая мощь, но я полагаю, мне бы удалось удержать его, если бы не Корнелиус, который захотел поиграть в героя. — Голос Дамблдора был полон сожаления. — Бедный Корнелиус.

— Он был дураком, — прошипел Снэйп. — И он почти убил Вас, директор.

— Был, Северус, — сделал замечание Дамблдор, и Снэйп замолк. — Я не видел лицо волшебника, — продолжал Дамблдор. — Но это бы не имело значения, так как он, конечно, мог замаскироваться, и, кроме того, никто кроме Драко и Гермионы не узнал бы его, — я прав?

— Да, правильно.

Снэйп перевёл глаза, светившиеся ожесточенностью, с Дамблдора на Сириуса:

— Мне кажется, спрашивать, кто это был, будет бесполезной тратой моего времени?

— Салазар Слитерин вернулся, — просто сказал Дамблдор. — Это всё, что мы знаем наверняка. Также есть вопрос насчёт меча. Это одно из четырёх Живых Лезвий, когда-либо сделанных. Два были разрушены. Один находится в моем кабинете, в адмантиновом футляре. Хозяин другого меча — младший Малфой. Я не могу не подчеркнуть, что это очень важно.

Снэйп удивленно прищурился.

— Драко Малфой? — эхом отозвался он.

Дверь комнаты открылась, и оттуда появилась голова доктора Брандфорда. Его глаза расширились, когда он увидел облако в форме Дамблдора, плавающее над кроватью, но он не выразил своего изумления.

— Профессор Снэйп, — сказал он нервно. — Кое-что случилось, вы не могли бы выйти на минутку?

Снэйп выглядел оскорблённым.

— Разве это не может подождать?

— Нет, — сказал доктор. — Не может.

— Очень хорошо, — произнес Дамблдор. — Оставьте нас, Северус. Вы уже сделали все, что должны были сделать.

Снэйп выглядел настолько разозлённым, что, казалось, начнёт плевать гвоздями. Он вылетел из комнаты вслед за доктором. Лупин не жалел, что он ушёл. Как только Северус вышел, Сириус направился к Дамблдору.

— Драко пропал, — сказал он.

Дамблдор нахмурился:

— Я предполагал, что так будет, — сказал он.

— Вы думаете, он в порядке?

— Я действительно не знаю, — голос Дамблдора помрачнел. — Он сильный мальчик, столь же сильный, как и Гарри, и его мощь — его право. Но этот меч — один из опаснейших волшебных объектов, когда-либо созданных. Но мы не знаем его истинную цель.

— Хорошо, — сказал Лупин. — Это оружие Слитерина, верно? Это его цена?

— Это вопросы, на которые у меня нет ответов. Я надеялся, что младший Малфой ответит мне на них. Действительно ли меч — оружие Слитерина, или его врага? Он работает вместе с ним, или эти

двое противопоставлены, борясь друг против друга?

— Но меч вернул Слитерина к жизни, — сказал Лупин.

— Да. Но возможно не как в награду, а как в наказание. Он сильно задолжал тем силам, которые сделали этот меч. Если Слитерин был воскрешен, это могло бы стать оплатой старого долга.

— Но он не хочет оплачивать его? — спросил Сириус.

— Верно, но, — сказал Дамблдор, — если у него получится, то Драко оплатит его долг. Все, что Слитерин должен делать — это расслабиться и позволить мечу делать свою работу.

Глаза Лупина сузились.

— Что за работа?

— Меч создан для выполнения желаний. Именно это даёт ему власть и мощь, которую так желал Слитерин. Может быть, он показал Драко, что он может выполнять всё, что он так хотел. Преуспевать там, где Гарри терпит неудачу. Вознаграждение — любовь с помощью зелья.

— Но ведь это был несчастный случай, — прервал Лупин. — Так получилось, что именно Драко появился там, а Гермиона случайно увидела его.

— Здесь поработали силы, о которых я почти не знаю, — сказал Дамблдор. — Но я бы предположил, что меч с его связью со Слитерином знал насчёт любовного зелья и умудрился доставить туда Драко. Конечно есть много фактов, судя по которым, можно утверждать, что ситуация могла пойти и любым другим путём. И я могу быть не прав насчёт меча, выполняющего пожелания Драко с любовным зельем и его последствиями. Возможно, меч просто хотел помучить его. Возможно, он просто нашёл ситуацию забавной. Меч это — демон, в конце концов. У него есть чувство юмора, хотя не многие из нас, его понимают.

— Она ведь теперь его любит, — медленно сказал Сириус. — Но я не могу сказать, что это делает его счастливым.

— Что мы думаем, что мы хотим — это не всегда то, что мы действительно получаем, — сказал Дамблдор. — И помните, силы, которые выполняют наши пожелания — пагубны. Драко хотел, чтобы Гермиона любила его — она любит его, но меч никогда не понял бы, что это больше желание, чем проявление преданности, ему никогда не понять, почему насильно навязанная любовь — не может быть удовлетворительна.

— Чего хочет меч?

— Жизнь, — просто сказал Дамблдор. — Он был обманут, когда Слитерин выполнил заклинание, которое сделало его бессмертным. Точнее жизнь магида. Даже скажу более определённо — жизнь магида с кровью Слитерина. Это была первоначальная сделка. Если непосредственно у меча не будет жизни Слитерина, то меч потребует жизнь одного из его потомков.

— Жизнь Драко, — сказал Сириус, бледнея.

— Не обязательно Драко, — сказал Дамблдор, выглядя очень серьезным. — Это точно также может быть и Гарри.

Сириус сделал большие глаза.

— Гарри? Но Гарри — наследник Гриффиндора.

— Годрик Гриффиндор и Салазар Слитерин были кузенами, — сказал Дамблдор очень спокойным голосом. «Ему очень хорошо быть спокойным, — абсурдно подумал Сириус. — Он даже здесь не настоящему». — Чтобы завершить сделку подойдет и кровь Гарри, и кровь Драко.

Лупин внезапно вскочил на ноги и начал измерять шагами комнату.

— Это многое объясняет, — сказал он взволнованно.

— Что? — сказал Сириус, надеясь что, не выглядит столь же опустошенным, как чувствует себя. Весь этот разговор о крови и жизни Гарри приводил его в панику, что было очень редко, он был в ужасе. Он подавил это чувство и посмотрел на Лупина. — Что это объясняет?

— Я ломал голову над тем, что возвратило к жизни меч, что, так сказать, привело его назад к жизни. Пророчество гласит, что мечом должен владеть потомок Слитерина для того, чтобы мощь меча могла вернуться, но ты сказал мне, что Драко никогда не использовал его, только нес. Но Гарри использовал клинок; Гарри напал на Люция Малфоя с ним и даже ранил его.

— Правильно, — сказал Дамблдор.

— Тогда, почему меч не остался с Гарри? — спросил Сириус, надеясь, что его вопрос имеет смысл. — Ведь меч, кажется, притягивается к Драко?

— Он притягивается к тому, кем, по его мнению, легче всего управлять, — сказал Дамблдор. — Меч выполняет желания. Это его работа. А чего Гарри должен желать? Конечно, он мог бы пожелать, чтобы его родители вернулись, но меч не может оживить мертвых. А вот у Драко есть желания. Намного проще. Это делает его легко управляемым.

— Так Гарри в такой же опасности, что и Драко?

Дамблдор выглядел серьезным.

— Он находится в опасности из-за Драко. Если бы Драко как, вы говорите, убежал, я подумал бы, что он сделал это в какой-то степени, чтобы защитить Гарри. Он должен знать, что от него требуется.

У Сириуса отпала челюсть.

— Вы ведь не думаете, что он боялся убить Гарри?

Дамблдор только смотрел на него. Хотя он был прозрачным, его пристальный взгляд всё ещё пронзал насквозь.

Сириус выругался.

— Он сказал, что не может нам обещать, что не опасен, — мягко сказал Лупин.

— Мы должны найти его, — сказал Сириус.

— Я согласен, — спокойно сказал Дамблдор. — Это обязательно нужно сделать.

Лупин откашлялся.

— Я думаю, меч позволяет ему скрывать свое местоположение до некоторой степени. Я бы попробовал Заклинание Нахождения, но могу справедливо рассудить, что оно не поможет.

— Нет, — сказал Дамблдор. Его голос звучал слабее. Присмотревшись, Сириус заметил, что дымное облако стало размытым по краям. — Нет, это не поможет. И он забрал с собой Эпициклический предмет, не так ли? Очень умный молодой человек... — голос Дамблдора внезапно дрогнул и стал неслышимым, как будто он терялся в тумане. Он, казалось, становился более прозрачным — думал Сириус, настолько прозрачным, что Блэк смог разглядеть камни в противоположной стене через прозрачного директора. Он исчезал.

Сириус наклонился вперед и схватился за ручки своего стула.

— Профессор...

На мгновение, дрожащий контур директора стал более ясным.

— Гарри, — сказал он. — Гарри может найти его. Они могли прервать связь, которая существует между ними, но она ещё есть. Гарри, если захочет, сможет снова установить связь.

Сириус услышал, как его голос треснул.

— Как он это сделает?

Но когда Дамблдор заговорил снова, его голос слегка колебался, как будто он говорил под водой, неразборчиво. Сириус сопротивлялся желанию вскочить на ноги и прикоснуться к облаку в форме директора — ему показалось, что он увидел, как Дамблдор посмотрел на него, подмигнув, прежде чем туман, который составлял его форму, не распался на множество частей и не превратился в воздух.

Глаза Сириуса опустились к человеку на кровати, чья грудь все еще вздымалась, и опускалась с тихим выдохом. Он снова почувствовал руку Лупина на плече, на сей раз, это означало поддержку, а не предостережение.

— У меня нет даже слабого предположения, что делать, — спокойно сказал Сириус. — Скажи мне, что делать.

— Я думаю, что первым делом мы должны поговорить с Гарри. Он должен знать, что происходит. Если он хочет помочь нам найти того, кто был или не был пробуждён, чтобы убить его — я знаю, что ты собираешься сказать: это не ошибка Драко, я понимаю, что ты прав, но... я только думаю, что это должен решать Гарри. Ты не согласен?

Сириус не ответил.

— Ты думаешь, министерство должно знать о пропаже Драко?

Лупин колебался. Сириус знал, что Рем не доверял Министерству и его чиновникам, которые вплоть до 1950 считали, что нужно «сначала убить, а задавать вопросы — позже», полиция так поступала и с оборотнями.

— Я сначала предпочёл бы узнать, сможет ли Гарри его найти.

Они оба обернулись и увидели, что в дверь вошел Снэйп. Сириус чувствовал знакомое урчание в

животе, которое раздавалось всегда тогда, когда он видел Снэйпа. Северус казалось, не был удивлён, что Дамблдор пропал; он подошёл к столу возле кровати и начал складывать всё в карманы — ступку, пестик, флягу.

Сириус поглядел на Снэйпа с издёвкой.

— Что-то сильно тихо, — сказал он.

Лупин прочистил горло, глядя на Снэйпа.

— Кажется, репортёры ушли, — сказал он. — Ты избавился от них?

Мастер зелий покачал сальной головой.

— Нет. Я этого не делал. Они узнали о более интересном событии внизу, в холле.

Лупин прищурился.

— О более интересном событии?!

Снэйп выпрямился и ухмыльнулся им обоим.

— Внизу, в холле — крыло, в котором содержатся сумасшедшие преступники. Сегодня утром туда привезли ещё одного.

Сириус смотрел на него безучастно.

— Люций Малфой мёртв, — сказал Снэйп. — Убит в своей камере.

— Вали отсюда, Блэк.

Сириус шёл вниз по коридору к крылу клиники С. Мунго, где размещались сумасшедшие преступники. Снэйп сторонился его, огонь, пылающий в его черных глазах — жуках, обнажал его ярость. Северус обернулся и попятился, впиваясь взглядом полным ненависти в Сириуса:

— Лучше иди домой. Это дело Министерства.

Сириус покачал головой:

— Никуда я не пойду. Я посмотрю, что случилось с Люцием Малфоем. Я имею право.

— У тебя нет никакого права. Охрана ни за что не впустит тебя. Смерь Люция Малфоя тебя не касается.

— Касается! — Сириус чувствовал закипающую ярость в груди. — Он — отец моего сына. Я имею в виду, отец моего пасынка.

— Послушай, это не только твоё дело, ты, пронырливый хвастливый тошнотворный засранец. Почему бы тебе просто не убраться обратно в ту задницу, из которой ты вылез?

Они уже приближались к концу холла; Сириус видел плотную толпу работников Министерства, стоящих перед дверью камеры. Снэйп вначале поглядел на них, а потом также холодно и на Сириуса.

— Здесь я представляю Министерство. Изучение смерти Люция Малфоя — это часть моей здешней работы. Ты, напротив, просто являешься бесполезным пятном на пейзаже.

Сириус не был уверен, что он уже потерял своё самообладание, но это определённо происходило.

— Как Аурор, я имею больше прав находиться здесь, чем ты. Почему бы тебе не вернуться обратно в подземелья и не приступить к незаконному наказанию маленьких мальчиков, именно потому, что ты получаешь удовольствие от этого, и потому, что у тебя это получается лучше всего.

— Я не получаю удовольствия от этого. Я — преподаватель. Я делаю свою работу.

— О, какая удача, твоя работа — твоё хобби.

Снэйп презрительно ухмыльнулся.

— Я также могу сказать тебе, что те двенадцать лет, которые ты провёл в Азкабане, были лучшими годами в моей жизни. Каждое утро я просыпался с улыбкой на лице и с песней в сердце, зная, что ты там.

— С песней «Пусть Я Пронырливый Засранец, Но Зато У Меня Торчит Здоровенная Метла Прямо В...», да?

— Да пошёл ты, Блэк.

— Слушай, Снэйп. Я бил тебя в школе и я буду более чем счастлив сделать это снова. Если ты считаешь, не пустить меня в камеру, если ты скажешь охране не пускать меня, я вырву тебе горло и буду бить тебя, пока ты не подохнешь. И мне плевать, что меня отправят назад в Азкабан, потому что это того стоит. Понял?

Снэйп посмотрел на него, и Сириус смутился при виде холодной улыбки на лице Снэйпа. — Отлично, — сказал Снэйп. — Я надеюсь, тебе понравится то, что ты увидишь.

Когда Лупин аппарировал в библиотеку особняка Малфоев, довольно неожиданная картина предстала его глазам.

— О Боже, — вырвалось у него.

Довольно сильно ударясь и поражённо восклицая, Гарри и Гермиона слезли со стола Люция и исчезли из вида, к огромному облегчению Лупина.

Моментом позже, Гарри выскочил из-за стола, поправляя рубашку и с розовым лицом. Он нашупал на столе свои очки, надел их, и виновато посмотрел на Лупина.

— Э-э-э, привет, профессор, — сказал он. — Мы не думали...

— Да, это довольно очевидно, — сказал Лупин.

Гермиона с алыми щеками встала рядом с Гарри, застёгивая пуговицы на жакете.

— Профессор, привет, как дела?

— Прекрасно, если не считать то, что я чуть не упал в обморок, — серьёзно сказал Лупин, стараясь не усмехнуться при виде виноватых выражений их лиц. — Из-за вас.

— Мы только целовались, — сказал Гарри, с видом, готовым к обороне.

Лупин смягчился.

— Ну ладно, я счастлив видеть, что у вас снова хорошие отношения. Хотя тот стол не слишком крепкий. Постарайтесь не упасть. А я должен поговорить с Нарциссой, так что, если вы позволите...

— Профессор, подождите, — нервно прервала Гермиона, убирая волосы за уши. — Вы можете остаться на минутку?

— Точно! — сказал Гарри, затем заморгал, запутавшись. — Я имею в виду нет. Не оставайтесь! Подождите, я не имею в виду, это, я имею в виду...

— Перестань бормотать, Гарри, — беззлобно сказал Лупин, шагнул к Гермионе, у которой уши ещё были розовыми, и осмотрел книги, лежавшие на столе. — Все в порядке, Гермиона, я не хочу мешать. Я мешаю? — добавил он, поворачиваясь к Гарри.

— Только в буквальном смысле, — пробормотал Гарри.

— Ой, замолчи, — сказала Гермиона, обходя стол. Лупин видел, что она держала книгу кентавров в руках. Она подошла к Гарри и вручила ему книгу. — Посмотри, Гарри.

Гарри удивлённо глянул на Гермиону.

— Это книга.

— Да, — сказала Гермиона, с оттенком нетерпения в голосе.

— Ну и что?

— На каком языке она написана?

— Ты не говорила мне, что хочешь, чтобы я занялся чтением. — Гарри открыл книгу, пролистал её наугад, и пожал плечами. — Она написана на английском.

Лупин подскочил на месте.

— Что?

Гарри удивлённо посмотрел на него.

— Она написана по-английски.

Лупин не знал кричать ему или говорить. Он почти подбежал к Гарри, встал позади него, и посмотрел через плечо Гарри на страницы, видя те же самые непостижимые загогулины и каракули, которые он помнил. Он ткнул пальцем в страницу.

— Читай мне эту часть, Гарри, — сказал он.

Гарри посмотрел на него таким взглядом, который ясно сказал: «По-моему вы спятили, но я буду снисходителен к вам, потому что, в целом вы кажетесь неопасным». Лупин вынес этот взгляд, твердо держа палец на странице, в то время как Гарри прочитал:

Суббота, Четырнадцатое октября. Вчера вечером слишком много выпил. Проснулся с ужасной головной болью, только для того, чтобы найти и заткнуть Годрика, который снова начал топтать и орать. Боже, он никогда не перестанет орать. Это замечательно для крестьянина, но очень неприятно, если ты хочешь нормально позавтракать. Сегодня на совете он сделал проблему из моего предложения, сделать школу недоступной студентам из нечистокровных семей. Он не слушал ни одного из моих аргументов. Каждый раз, когда я принимаю своё

собственное решение, Годрик опровергает его. Отвергательный мерзавец. И он снова сидел слишком близко к Ровене за обедом. Если он ещё раз так сделает...

Гарри прервался и посмотрел на Лупина.

— Что это значит? Что происходит?

Лупин указал подбородком на книгу, что значило, что Гарри должен продолжить чтение. Гарри пролистал несколько страниц вперёд и продолжил:

Сегодня утром, по секрету сказал Годрику, что я думал о продаже моей души, чтобы получить власть над всем волшебным миром. Он сказал, «я не думаю, что это хорошая идея, Сли.» Я сказал ему, что мне кажется, что это очень хороший план, фактически безупречный, после чего он потерял своё самообладание и назвал меня маленьким гнусным ублюдком. Я действительно не понимаю, что Ровена нашла в нём.

Я очень жду его смерти. Очень.

Гарри снова прервался, и круглыми глазами посмотрел на Лупина.

— Это что, дневник Салазара Слитерина?

— Итак, — сказал Лупин, — как профессиональный историк и учёный, я должен сказать, что я начну тесты чтобы решить, возможно ли снять заклинание Верфикарум, но... Он замолчал, затем улыбнулся Гарри и Гермионе, уверенный, что облегчение в его глазах было откровенным. — Да, это напоминает дневник.

— Вообще-то это звучит, как смехотворная болтовня, ведь так? — сказал Гарри, недоверчиво оглядывая книгу.

Лупин пожал плечами.

— Очень трудно понять, что побуждает людей делать те вещи, которые они делают — дипломатично сказал он.

— Когда вы смотрите в эту книгу, — сказал Гарри, тыкая пальцем на странице, — разве вы не видите, что здесь написано по-английски?

— Здесь написано не по-английски, Гарри, — сказала Гермиона, выглядя чрезвычайно чопорной. — Это язык змей.

Лупин улыбнулся её.

— Я даже не думал, что это может быть письменным языком. Да это фактически так, но книга легко могла быть заколдована так, чтобы только Змееуст мог прочитать её. Молодец, Гермиона, действительно, ты молодец.

Гермиона сияла так, как будто ей только что поставили высшие баллы на экзамене, в то время как Гарри, пораженный внезапной мыслью, яростно хмурился.

— Получается, что я должен буду читать всю книгу вам вслух? — воскликнул он, тревожно глядя на Лупина. — Но это же абсурдно!

«Если бы кто-нибудь сказал мне сегодня утром, — мрачно думал Сириус, что в полночь я буду в сумасшедшем доме с Северусом Снэйпом, стараясь собрать раскромсанные останки Люция Малфоя, я бы ударил его по голове и назвал бы ненормальным придурком. Оказывается, я был бы не прав.»

Охранники из министерства удивительно охотно — даже более чем охотно — пустили Сириуса и Снэйпа в камеру, для осмотра того, что осталось от Люция Малфоя. Отчасти этому послужила известность Сириуса и его репутация как лучшего Аурора; отчасти — статус в Министерстве Снэйпа, и отчасти — то, что еще никто не желал войти туда.

И было легко понять почему. Войдя в комнату, Сириус, который видел весьма немного противных вещей в течение того времени, как он был Аурором, почувствовал, что его ноги превращаются в желе. Не было никакого тела — или по крайней мере, ничего не осталось от Люция Малфоя, такого, что определённо можно назвать телом. Кровь была на мебели, обрызгала стены, весь пол был в вязких лужах.

Тонкий круг, нарисованный Люцием на полу, кровью из его раскромсанного запястья, был скрыт длинными полосами крови и плоти, были также другие предметы, рассеянные по камере, смешанные с кровью и белыми осколками кости: предметы, к которым Сириус не хотел приближаться и смотреть

на них. Предметы, которые выглядели как раскромсанные части тела и органы.

— Ну, — сказал Сириус, чувствуя головокружение. — Я думаю, мы можем исключить самоубийство.

— Не обязательно, — сказал Снэйп, выражение лица которого так и не изменилось со входа в камеру.

— Ты что думаешь, он был настолько угнетён, что разрубил себя на части?

— Не совсем, — холодно сказал Снэйп. Он указал на одну из стен своей палочкой. — Ты видел это?

— Пятна крови, — сказал Сириус. — Ну и что?

— Я был слишком оптимистичен, предполагая, что до тебя что-нибудь дойдёт, Блэк. Посмотри на пятна. Они напоминают...

— Письмо, — наконец сказал Сириус. Оно написано на стене. Взгляни, оно идёт до самого пола.

— Кажется это какие-то руны, — сказал Снэйп, и вытащил блокнот с пером, и, казалось, копировал письмо. — Возможно это какой-то шифр.

— Ты думаешь, Люций написал это своей кровью?

Снэйп пожал плечами.

— Кому ещё нужно писать кровью на стене камеры?

— Тому, у кого не было пера? — предположил Сириус.

Снэйп игнорировал его.

— Они напоминают огненные письма, — пробормотал он. — возможно, следствие Заклинания Вызова, — Интересно, насколько был мучителен Вызов? Очень плохо, что их трудно прочитать...

— Да, мне кажется, это было написано на ходу, — согласился Сириус. — Если бы он был хоть немного поумнее, он бы додумался использовать свои органы для пунктуации. Он мог бы положить свою селезёнку вместо точки. Посмотри, вот она.

— Не старайся быть смешным, Блэк. Ты не смешной. И это — не селезёнка, это — почка. — Я только стараюсь подавить тошноту, — сказал Сириус. — Ты же уже привык к виду резни в течение того времени, пока ты развлекался с остальными «Упивающимися смертью», но я... — внезапно он сделал паузу и посмотрел на Снэйпа. — Ты, верно? — сказал он.

— Я что?

— Ты совершал такое. Ты знаешь каково это.

Снэйп посмотрел на него невидящими глазами.

— Я помню, как Темный Лорд, накладывал довольно внушительное наказание на тех, кто ослушался его — сказал Снэйп. — Проклятие Ирруптус. Оно...

— Расчленяет людей, — глухо сказал Сириус.

— Ты прав.

— Его трудно выполнить?

— Очень.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, лучше не надо.

— Разве тебя от этого тошнит?

Снэйп посмотрел на него.

— От чего?

— От воспоминаний о том, каким ты был, — резко сказал, Сириус, и был удовлетворен, тем, что Снэйп напрягся. — Я знаю, Дамблдор говорил, что ты отвернулся от Темного Лорда с большим риском для своей жизни. Он, кажется, возлагал надежды на тебя. Но не такие, как мы, скажу я тебе. Если бы Албус не поручился за тебя, кто бы из волшебного общества поверил неудавшемуся «Упивающемуся Смертью», который не был верен даже Тёмному Лорду?

— Лучше быть неудавшимся «Упивающимся Смертью», — сказал Снэйп, — чем неудавшимся «Хранителем Секрета».

Сириус почувствовал, как его живот внезапно скрутило, и ощутил внезапное желание ударить Снэйпа. Он подавил это.

— Ты такой же убийца, как и я, — сказал он.

Снэйп захлопнул свою записную книжку. Блокнот и перо исчезли в карманах его одежды, пока он шел к двери, толкнув Сириуса, который не двинулся с места. В дверях, Снэйп обернулся и посмотрел на Блека, своими чёрными глазами-жуками, наполненными ненавистью и чем-то ещё.

— Мы все виноваты, — сказал он. — Мы все в этом замешаны.

И вышел, закрыв за собой дверь.

Сириус, чувствуя сильную тошноту и головокружение, прикрыл тыльной стороной ладони глаза и чертыхнулся. «Я проиграл этот спор? — задавался он вопросом. А было ли это спором?» Он снова услышал голос Снэйпа, который говорил о неудавшемся Хранителе Секрета. Он постарался выбросить из головы мысли о Джеймсе и Лили, потому что они были подобны мрачной бездне, от этого возникали головные боли, которые продолжались в течение многих и многих часов. Его уже тошнило от запаха медно-красной крови. Он шагнул назад, и почувствовал, что его нога наступила на что-то, что неприятно хрустнуло. «О, Боже, — подумал он, — это был палец?»

Сириус поспешно вышел.

Джинни, уныло глядела в огонь камина, который пылал и искрился. Даже если учитывать то, что за окном был июнь, в холодном в Особняке Малфоев, тепло огня приятно согревало. Рон, сидящий рядом с ней, скрестив руки на груди, выглядел задумчивым.

— Как ты считаешь, о чём они говорят? — спросил он.

Джинни знала, что Рон имел в виду; их родители ушли с Нарциссой в другую комнату, чтобы поговорить по-взрослому. Рон был более раздражён этим, чем Джинни. У нее в животе всё сжималось в кулак от страха и холода, и даже тепло огня казалось, не было способно его разогнать. Она продолжала видеть Драко стоящим в саду, с ужасным выражением муки на лице. «Он не хотел уходить. Почему он ушел?»

— Я спросил, — раздраженно повторил Рон, — как ты думаешь, о чём они там говорят?

Джинни безучастно взглянула на брата, все еще видя лицо Драко перед собой.

— Что?

Рон покачал головой.

— Я сказал, что я нахожусь здесь, на Земле. А ты где?

Джинни чувствовала, как задрожала её губа.

— Я так волнуюсь, Рон, — сказала она, — я думаю, что он в опасности.

Лицо Рона ничего не выражало.

— Гарри? — спросил он, чрезвычайно раздражённым голосом, — единственная опасность для Гарри, это задохнуться в объятиях Гермионы, целующей его.

— Не Гарри. Драко. Я думаю, что он в опасности.

Рон выглядел так, как будто он боролся с желанием сказать «Ну и что?»

— И не говори, «ну и что», — мрачно добавила Джинни.

— Я и не собирался этого говорить, — солгал Рон. — Подумай, Сириус и Нарцисса ищут его. Я уверен, что они используют и деньги и имя Малфоев, и связи в Министерстве, чтобы его отыскать.

— Они не будут делать этого, не будут, если он не захочет, чтобы его нашли.

— Хватит говорить загадками. Это меня раздражает. И вообще, почему тебя волнует то, что случится с Малфоем?

— Потому что... — начала Джинни, и прервалась.

Рон посмотрел на неё, и его синие глаза внезапно расширились:

— Джинни, — сказал он, — ты не можешь. С Малфоем? Вот что я скажу тебе...

Джинни упрямо взглянула на него.

— Это не твоё дело, ясно?

Рон выглядел сердитым.

— Что с тобой, и почему тебя волнуют недоступные парни? Первым был Гарри, и это уже было достаточно плохо. Теперь Малфой, который не только влюблен в кого-то, так он ещё и как мусор под ногами. — Я думаю лучшее, что можно сказать о нём романтического, это то, что он по крайней мере не гей. Брови Рона глубокомысленно сблизились.

— По крайней мере, насколько мы знаем, — добавил он.

Джинни зарычала.

— Ты, — холодно сказала она, — ты единственный из нас, кто еще ненавидит его.

— Из нас? Кто это, мы?

— Гермиона, например.

— Гермиона под действием зелья, — твёрдо сказал Рон.

— Гарри он нравится.

— Гарри сказал мне, что он не считает Малфоя другом, — сказал Рон, достаточно правдиво.

Джинни была ошеломлена, но быстро пришла в себя.

— Сириус, — сказала она торжествующе, — Сириусу он нравится.

Рон посерьезнел.

— Сириус принимал наркотики, когда он был в нашем возрасте.

— Рон!

Рон усмехнулся.

— Хорошо, может быть и нет. Но у него точно есть безнравственная сторона, которая, наверное, и объединяет его с Малфоем. Папа рассказывал мне, что Сириус в день, своего окончания Хогвартса, явился в одних только бледно-синих защитных очках и в каких-то кожаных мотоциклетных перчатках.

Джинни мгновенно отклонилась от темы о Драко:

— Это правда?

— Я думал, мы с Гарри сможем посмотреть старые фотографии выпускников в библиотеке, но в этом году их не было. Я держу пари, какая-нибудь девочка украла их.

— Хорошо, но ему всё равно нравится Драко, — твёрдо сказала Джинни.

— Джинни, — сказал Рон также твёрдо, — ты можешь быть лучше Малфоя. Ведь так?

Тогда Джинни сделала то, чего она не делала годы, весьма резко опустила ногу вниз, наступив на носок Рона.

— Ой! — завопил он, вскакивая, и оскорблённо глядя на неё, — что ты делаешь?

— Разве ты не можешь помешать ему, чувствовать себя одиноким в течение пусть даже одной секунды? — сказала Джинни, чуть не плача. — Разве ты не можешь хотя бы подумать, чтобы сказать хоть одно хорошее слово о нём?

— Одно хорошее слово о Малфое? Единственное что можно сказать хорошего о Малфое это то, что иногда он все же уходит.

Глядя на разъяренное выражение лица Джинни, он вздохнул, и взял ее за руку.

— Послушай, Джин. Я не могу понять этого. Я могу допустить, что Малфой действительно заботится о Гермионе, что до некоторой степени делает его похожим на человека. Но я не только не доверяю ему больше, чем кому-либо, я ещё и не хочу, чтобы тебе было плохо. Понимаешь?

— Я понимаю, но сейчас не я в опасности, — сказала Джинни севшим голосом.

— Он, — она посмотрела на брата, — он в опасности, Рон. Я все еще чувствую Темную Магию, ты же знаешь. И я чувствовала её присутствие, когда в последний раз видела его. Как холодные волны, исходящие не из него, а находящиеся вокруг него. Что-то управляет им, или через него, как мною, через тот дневник...

Она прервалась, потому, что дверь открылась, и их родители вошли в комнату. Молли и Артур Висли, были больше чем просто в шоке, и, когда Молли обняла Джинни, она сделала это неожиданно сильно.

— Мама, что происходит? — спросила Джинни, отстраняясь.

— Сириус только что вернулся из больницы, — сказала миссис Висли.

Рон широко раскрыл глаза.

— С Дамблдором всё в порядке?

— Он стабилен, — сказал мистер Висли, — но Люций Малфой мёртв.

Джинни вытаращила глаза.

— Отец Драко? — прошептала она, — он мертв?

— Убит в своей камере, — сказал мистер Висли, — чрезвычайно неприятно убит.

— Я думаю уже время идти домой, — сказала миссис Висли. Сейчас вам нужно побыть с семьёй, — обратилась она к Нарциссе, — и я не могу не чувствовать, что мы мешаем.

— Не хочется напоминать, но я должен быть в Министерстве, — добавил мистер Висли. — Я уже

получил несколько сов от Перси...

— Мы уезжаем? — спросил Рон, с широко раскрытыми глазами. — Ну а что с Гарри? И с Гермионой?

— Здесь дом Гарри, милый, — твёрдо сказала миссис Висли. — Всё здесь принадлежит ему и здесь он должен остаться. Я уже спросила Гермиону, хочет ли она вернуться домой с нами, но она сказала, что предпочла бы остаться с ним.

— Это правда? — спросил Рон.

— Кажется да.

Рон посмотрел на Джинни. Она сидела мрачнее тучи.

— Мы можем попрощаться с Гарри и Гермионой? — спросила Джин.

Миссис Висли вздохнула.

— Я уверена, что вы достаточно скоро снова увидите их, — сказала она. — Но идите и попрощайтесь. Такими темпами мы всё равно не будем дома до утра.

Атмосфера в библиотеке была мрачной. Отъезд Висли ошеломил Гарри и Гермиону, они не могли поверить, что их друзья уехали. Миссис Висли долго обнимала Гарри и Гермиону, а затем пригласила их обоих погостить в Норе, но Гарри был непреклонен, он хотел остаться с Сириусом, да и Гермиона решила остаться с Гарри. Они оба теперь сидели, сцепив руки под столом, выглядя, как думал Лупин, будто на картине, изображающей детей—сирот с большими грустными глазами. Сириус позвал Нарциссу в гостиную, чтобы поговорить о смерти Люция, а также о том, что Дамблдор сказал про Драко. Они так ещё и не вернулись.

Лупин тем временем пролистывал книгу, которую он стал считать дневником Слитерина, хотя всё же не было никаких доказательств, подтверждающих это. Теперь, когда он знал, что книга была написана змееустом, он был убежден, что сможет ее перевести. Это было единственным ярким пятном посреди всеобщего мрака.

— Вам нужна помощь с книгой, профессор? — спросил Гарри. Он выглядел утомленным, немного потерянным и обеспокоенным.

— Спасибо. Может немного. Я сейчас составляю различные заклинания для перевода. Я уже перевёл несколько абзацев.

Гермиона подняла глаза.

— Есть что-нибудь интересное?

— Нет, в основном только жалобы на Годрика, и, э-э-э... рассказы о Ровене. Он весьма недоволен жизнью.

— Мне так не кажется, — довольно неожиданно сказал Гарри, — я имею в виду, это не звучит так, словно Годрику доставалось всё самое лучшее. Больше похоже на то, что Годрик всё время травил и мучил Слитерина, как... как Снэйп.

Лупин и Гермиона удивлённо посмотрели на Гарри.

— Кстати, ты напомнил мне... — сказал Лупин, внезапно вспоминая, — ты читал ответ от Снэйпа насчёт Любовного Зелья?

Гарри и Гермиона вспыхнули.

— Да, мы читали, — сказала Гермиона, немного неохотно, — он сказал, что нет противоядия... — по крайней мере в пределах его знаний, — торопливо добавила она.

— Ну, — сказал Лупин, хотя его сердце оборвалось, — он не всё знает.

— Он сказал, что это излечимо только смертью, — добавил Гарри.

— Да, как и большинство заклинаний, — сказал Лупин. — Даже оборотни могут вылечиться только смертью. Вряд ли я назвал бы это ужасно полезным противоядием.

Гермиона подняла подбородок.

— Я думаю, что он только старался отговорить Драко.

— Ему нравится быть двусмысленным, — сказал Лупин, хотя про себя с собой не согласился. Ведь, если есть на свете хоть одна вещь, о которой Снэйп никогда не лгал, так это его любимые зелья.

— Сейчас, — сказал он, желая переменить тему, — будет лучше, если мы сконцентрируем все

силы на то, чтобы найти Драко, но как только мы отыщем его, я обязательно напишу учителям зелий в Бобатон и Дурмштранг, возможно, они смогут помочь.

— Я тут подумал, профессор, — внезапно сказал Гарри. — Если у Нарциссы есть что-нибудь от Драко, когда он был младенцем — вроде волос, или вроде какого-нибудь зуба, или чего-нибудь ещё, могли бы мы сделать другой Эпициклический Кулон и попробовать использовать его, чтобы найти Драко?

— Хорошая идея, Гарри. Я предлагал это Сириусу. Но учитывая склонность Люция к Темным Искусствам, маловероятно, что Нарцисса будет хранить что-нибудь подобное. Слишком легко это использовать против Драко. Нет, я полагаю, что мы окажемся перед необходимостью идти другими путями, чтобы найти его.

— Другими путями? — повторила Гермиона. — Вроде Министерства?

— Нет, — сказал Лупин, желая, чтобы Сириус вернулся и помог ему с этой беседой. — Вообще-то, мы надеялись, что ты, Гарри, смог бы помочь нам.

Гарри прищурился.

— Что я могу сделать?

— Итак, всё полностью в твоих руках, Гарри, но...

Дверь библиотеки открылась, и вошел Сириус, один, без Нарциссы. Он посмотрел на Лупина; его глаза спросили: «Ты им рассказал?»

Лупин оглянулся. «Прямо посреди разговора. Ты вообще будешь помогать?»

Сириус пересек комнату и сел на стол, перед крестником. Он пристально посмотрел на Гарри.

— Ты помнишь, когда вы с Драко выпили Многосущное зелье, ты знал о чём он думает? — без предисловий сказал он.

— Да, — ответил Гарри, поднимая брови.

— Но это прошло, как только зелье перестало действовать, ведь так? — сказала Гермиона, которая как обычно быстрее пришла к сути, того, что Сириус пытался объяснить Гарри. — Верно?

Теперь Гарри был слегка смущён.

— Ну ладно, не совсем, — уклонился он от ответа.

Все посмотрели на него.

Гарри снял свои очки, и устало потёр переносицу.

— Послушайте, — произнес он. — Я не знаю, о чём думает Малfoy, если это вы спрашиваете. И я, конечно, не знаю, где он. Но иногда я могу узнать, что он чувствует и, э-э-э... иногда я могу сказать, о чём он мечтает. Я знаю, что все его мечты в последнее время были плохими.

Гермиона выглядела изумлённой.

— Почему ты об этом никогда не говорил?

— Потому, что я считаю, это странным и это расстроило бы тебя. И потому что это проходит. С каждым днём это становится реже.

— Но это всё меняет, — сказал Сириус. Он посмотрел на Лупина. — Или нет?

Лупин задумался.

— Та связь между вами двоими появилась из-за Многосущного зелья. Вообще-то это не связь, и исторически это впервые. Очень похоже на магию, которая существует между Магидом и его Источником. Как бы то ни было, между вами существует нить; она не исчезает постепенно, а только прекращается на время. Я верю, что ты снова сможешь возобновить эту связь, если конечно захочешь. Было бы абсолютно понятно, если бы ты отказался, потому что...

— Потому, что он опасен? — сказал Гарри. — Да, я знаю, он тоже так думает.

— Он более чем опасен, Гарри, — сказал Сириус. — Он опасен именно для тебя. Ты можешь найти его для нас, но с нами ты не пойдёшь. Мы должны так поступить.

Гарри выглядел озадаченным.

— Почему?

Сириус вздохнул и объяснил. Глаза Гарри расширились, но он не выглядел настолько удивленным, как предполагал Лупин.

— Кровь Слитерина, — наконец мрачно сказал Гарри. — Так вот почему Сортировочная шляпа хотела отправить меня в Слитерин.

— Ты не Слитерин, Гарри, — твердо сказала Гермиона. — Независимо от того, какой могла быть

твоя... генетическая наследственность.

— Да, я знаю, — спокойно сказал Гарри.

Лупин искоса посмотрел на него, размышляя о том, что Гарри во всех своих поступках казался удивительно самонадеянным для его возраста; Лупин задавался вопросом, появилось ли это недавно и как этому способствовала его дружба с Гермионой, из-за которой он был столь самоуверен.

— Я думаю это одно из свойств Магида, — сказал Гарри. — Я имею в виду, что я не был бы интересен мечу, если бы я был один, да?

— Всегда есть препятствия власти, — сказал Лупин. — Это полезно знать.

— Не слушайте его рассказы о его силах, — сказала Гермиона, тыкая пальцем в сторону Гарри. — Вы уже достаточно умны для этого.

Гарри выглядел серьёзным.

— Власть? Амбиции? Джели нужно не это.

Гермиона захихикала. Сириус и Лупин посмотрели на неё, как на ненормальную.

Гарри удержал на лице серьёзное выражение.

— Не берите в голову. Давайте начнём.

Почти рассвело, когда Северус Снэйп прибыл домой. Он надолго остался в больнице Св. Мунго, разговаривая с доктором Брандфордом, насчёт лечения Дамблдора, и ещё дольше он отвечал на расспросы в Министерстве. Он медленно шагал по дому, наблюдая ясный алый свет встающего солнца, которое рассеивало тьму выше деревьев. Было утро, и поскольку он был очень утомлён, Темная Метка на его руке болела как давно зажившая рана.

Он чувствовал, что что-то не так, с того момента, как он пересек порог. Его дом был всё ещё тёмным и плохо освещённым, таким, каким он его и оставил, но было что-то неуловимо чужое. Он вытащил палочку из рукава и спокойно пошёл вниз, в холл, его уши воспринимали любой шорох.

На полпути к холлу, он услышал шум. Но это был не то, что он ожидал услышать.

Это была музыка.

И она лилась из его гостиной.

Любопытство и негодование преодолели врождённую осторожность, и Снэйп прошёл оставшееся расстояние к холлу не беспокоясь о том, чтобы хоть как-то скрыть свои шаги. В конце зала, он повернул налево и бросился в открытую дверь.

Странная картина предстала его глазам. Комната была почти такой же, какой он её и оставил — с тяжелыми деревянными стульями, жесткими и неудобными, стены, обставленные книгами, очень пыльный пол, окна задрапированы брезентом так, чтобы никакой свет не мог пробиться в них. Единственное отличие было в том, что в середине комнаты, в центре маленького круглого персидского коврика который Снэйп довольно сильно любил, сидел Драко Малфой.

— Бах, — сказал Драко, спокойно глядя на Снэйпа. — Голдберг Варизйшенс. У вас настоящее собрание маггловской музыки. Я никогда бы и не предположил, что вы такой большой поклонник Бэй Сити Роллерс.

Снэйп посмотрел на своего бывшего студента и покачал головой.

— Мистер Малфой, — холодно сказал он. — Не могли бы вы сообщить мне, что вы здесь делаете? Отчаянно хотите узнать больше о Любовном Зелье, да? Или просто вас интересует моё собрание музыки?

Драко, на мгновение посмотрел на него безучастно, а затем улыбнулся. Есть что-то странное в этой улыбке, думал Снэйп. Это не улыбка подростка. Это даже не обычная противная ухмылка Драко. Это что-то новое.

— Я подумал, что вы сможете мне помочь, — просто сказал Драко.

Снэйп снова покачал головой.

— Помочь вам? Почему я должен помогать вам? И вообще, как вы сюда вошли?

Драко улыбнулся.

— Я могу сделать многое, — сказал он, глядя на все еще играющую пластинку, парящую над его рукой. Я могу сделать много вещей, о которых я раньше даже и не знал. Например эта пластинка. —

Он искоса поглядел на Снэйпа. — Я срезал замок на вашей входной двери. А потом я восстановил его. Он стал таким же, как и был. Я ничего не испортил.

— Не в этом дело. Дело в том, что вы не должны быть здесь. Я не могу понять, что вы делаете здесь, да и мне всё равно. Вы, конечно, можете стать одним из моих личных учеников, но это большее, что я могу вам предложить, потому что я уверен, что вы согласитесь. Я предлагаю вам пойти домой.

— Я не могу этого сделать, — сказал Драко, который, казалось, пребывал в отчаянии. — Вы должны помочь мне.

— Почему вы хотите, чтобы я помог вам?

— Потому, что, — просто сказал Драко, — вы не расскажете Сириусу Блэку, где я.

— Сегодня Блэк был очень взволнован из-за вас, — сказал Снэйп, не особенно любезным тоном. Это наводит на мысль, что он и остальные ваши родственники были бы счастливы помочь вам. Почему бы вам не пойти к ним?

— Потому, что они не понимают, — сказал Драко, вставая на колени. — Они, все, Сириус, Гарри и остальные — они все хорошие, они всегда были добрыми. Они не знают другого способа существования. Для них зло — это то, что они презирают и то, от чего они должны держаться на расстоянии вытянутой руки, оно для них не рядом каждый день и каждую ночь твоей жизни. Они не знают, как бороться с ним, потому что никогда не боролись. Но вы знаете, — и когда он посмотрел на Снэйпа, и Северус увидел его лицо, ставшее более бледным от потрясений и истощения, он внезапно вспомнил маленького Драко, такого, каким он был пятнадцать лет назад, когда Люций принес его, обёрнутого в одеяла, на собрание Упивающихся Смертью, и даже Волдеморт отметил специфический цвет волос мальчика и стальные глаза. Это было особо отмечено. Не то чтобы особо, думал Снэйп, но выражения, используемые Тёмным Лордом, обязательно означали что-нибудь по-настоящему стоящее.

— Вы были злым, но вы изменились, — сказал Драко. — Я думал, вы поймёте. Я думал, вы смогли бы рассказать мне, как у вас это получилось.

Снэйп посмотрел на него: его любимый ученик, мальчик, которого он всегда любил, он даже и не мог понять почему, ведь Снэйп не переваривал отца Драко. Возможно, так было потому, что Драко напоминал Северусу его самого в этом возрасте, так же, как Гарри напоминал Джеймса. Но возможно, Снэйп просто принимал желаемое за действительное. «Я не был борцом, — думал Снэйп. — Мне потребовались годы, чтобы понять, что в мире есть что-то, за что стоит бороться».

Драко затих, лениво наблюдая вращение чёрного диска над рукой, с темным и слегка обеспокоенным светом в глазах. На его лице была мечтательная полуулыбка, как будто он теперь думал о том месте, где бы он сейчас хотел бы быть. Это была та же самая улыбка, от которой у Чарли Висли будут кошмары, но для Снэйпа она просто дала паузу, чтобы подумать.

— Возможно, я смогу помочь вам. Но вначале я должен кое-что вам сказать.

— Что?

Со спокойствием, Снэйп продолжал:

— Ваш отец мёртв. Он умер сегодня вечером.

Драко не двигался, но внезапно сильно побелел. Темный свет в глубине его глаз, который беспокоил Снэйпа, мгновенно исчез, оставляя его глаза чистыми и прозрачными, ясными от шока и потери. Всё ещё играющая пластинка сломалась со звуком похожим на звук ломающейся кости, и дождём маленьких осколков упала на ковёр. Драко посмотрел на Снэйпа, его лицо, снова сделалось искренним и удивительно опустошённым.

— Вы уверены?

— Я уверен, — сказал Снэйп, поворачиваясь, чтобы выйти из комнаты. — Побудьте здесь, мистер Малфой, я сделаю вам кофе.

Глава 8. Ангелы и демоны

«Где есть трещина, там льется свет.»

Леонард Козн

Драко подавленно ковырял вилкой в своей тарелке. И не потому, что еда была не вкусной, к огромному его удивлению, Снэйп среди всех остальных своих талантов, мог приготовить вполне сносную черничную булочку. Но его желудок свело настолько, что каждый кусок был подобен куску металла.

Снэйп сидел напротив, в своей маленькой голубоватой кухне, настолько пристально смотря на Малфоя, что тот смутился. Драко всегда удивлялся выражению «раздевая глазами» но сейчас пристальный взгляд черных зрачков Снэйпа пробирал Драко до мозга костей.

— Так, — сказал Снэйп, вращая булочку между пальцев, — теперь мне хотелось бы знать, ты пришел ко мне в надежде на мою помощь, или решил, что я не скажу Сириусу Блэку, где ты сейчас.

— Ну, — сказал Драко, проглатывая булочку. — Вы же не скажете, ведь так?

— Я бы даже не помочился на него, гори он в огне, это точно. Блэк не знает, что ты здесь?

— Он попытается вернуть меня домой, — с уверенностью сказал Драко. — Он считает, что сможет помочь мне, но это не так. Ни один из них, может быть, только вы, хотя...

Снэйп рассеянно посмотрел в окно. Бледный утренний свет проникал через занавески. Драко посмотрел вдаль, в последнее время ему было тяжело смотреть на свет.

— Я не расскажу ничего Сириусу Блэку, но я считаю, что бесчеловечно держать в неведение твою мать, нужно послать ей сову, чтобы объяснить, почему ты не можешь вернуться домой.

Драко закатил глаза.

— И что мне писать? Привет мама, я не могу вернуться домой, потому что считаю, что сошел с ума. Я не только сумасшедший, ещё я постоянно стучусь головой об стенку и гавкаю и считаю что Я НАПОЛЕОН. Но можешь не расстраиваться, меня подарят тебе на Рождество с десятью рулонами резиновых обоев. С любовью Драко.

— Ты не сошел с ума. Это было бы слишком просто. Ты не обычный мальчик.

— Спасибо, отец это уже говорил, — посмотрел Драко в даль. Он не мог принять то, что его отец мертв, несмотря на доказательства Снэйпа и «Ежедневный пророк» с заголовками о смерти Люция. Драко не знал, что чувствует, но точно не сожаление, это было скорее удивление. Он помнил, как выглядел Гарри, получив письмо от Гермионы, помнил, что с ним творилось. Малфой думал, что его шок продлится дольше, ведь смерть была внезапной. Снэйп задумался.

— Я, признаться, удивлен, что отец рассказал тебе о первоначальных планах Лорда Тьмы.

— Почему?

— Потому что твой отец лжец. Он лгал всем и каждому, даже тогда, когда не было никакой выгоды. Он лгал, потому что ему это нравилось. Я удивлен, что он сказал тебе правду.

Драко не знал, что ответить. Он вдруг почувствовал уязвленную гордость за свою семью, услышав такое от незнакомца... почти незнакомца. Он вспомнил, как Гарри говорил о ненависти к Люцию, но мальчику грозила смерть, к тому же это был просто Поттер. Согласно Кодексу поведения Семейства Малфоев (длина: три сотни страниц, содержащих 1376 правил, начиная от: «цвета одежды семейства Малфоев: черный, зеленый и серебряный, кроме государственных случаев, когда допустимо носить красное, серебряное и черное» до «Малфоям запрещаются осуществления несоответствующего Заклинания Жажды на членах животного мира, особенно в ботаническом саду; Дядя Гектор»), чтобы защитить достоинство семьи, он должен был прыгнуть на Снэйпа и дать ему в глаз. Вместо этого он посмотрел на чайную чашку и что-то пробормотал.

— Молоко?

— Что?

— Молоко, — повторил Драко. — Для чая. Мне нужны некоторые...

— Да, конечно, — сказал коротко Снэйп.

Драко встал и подошел к холодильнику. Он напоминал обычную маггловскую технику, но, открыв его, Малфой увидел множество склянок, подписанных четким почерком Снэйпа: «Кровь летучей

мыши», «Глаза саламандры», «высушенные бородавки», «уши ящериц», и пудинг из тапиоки. Пудинг тоже был похож на уши ящерицы. Драко тут же закрыл холодильник.

— Я не хочу молока, — сказал он, возвращаясь к столу.

Снэйп впился в него взглядом.

— Я думал, что ты хотел взять молоко.

— Я передумал.

Драко почувствовал головокружение, он не стал снова вставать. Он вытянул левую руку, дверь холодильника хлопнула, и оттуда вылетела стеклянная бутылка молока, попав в руку Драко. Он поднял глаза, Снэйп все еще пристально смотрел на него.

— Не хвастайтесь, — сказал Мастер Зелий.

Драко раскрыл глаза.

— Почему нет?

БАХ! Снэйп ударил его по руке так, что серебро на столе заскрежетало.

— Ты думаешь, что всё так просто, — рычал он. — Ничего не бывает просто так. Когда ты используешь силу, ты теряешь частичку своей души.

Драко вжался в стул. Его никогда так не ругали, даже Сириус. Это проникло в его туманное сознание, он взглянул на Снэйпа в удивлении.

— Но я...

— Заткнись, — лихорадочно сказал Снэйп, вставая и отталкивая стул. — Сиди здесь, — начал он. — Не двигайся, если ты сейчас сделаешь хоть что-нибудь с помощью волшебства, хоть чайное ситечко поднимешь, я дам тебе такое зелье, что оно навсегда превратит тебя в тушканчика.

— Сначала Хорек, теперь тушканчик, — сказал Драко раздраженно. — Почему все считают, что я грызун?

— Ты хочешь услышать ответ?

— Нет. Куда Вы? — Драко понимал, что его голос звучит жалобно, но ему уже было всё равно. Он не хотел оставаться один, провести день в одиночестве было вполне достаточно. Малфоя казалось, что его мозг похож на старый автомобиль, который едет слишком быстро.

— В свой рабочий кабинет, — сказал Снэйп. — Мне нужно кое-что.

— Можно мне пойти с Вами?

— Ты ничего не съел. Я не хочу, чтобы ты упал в обморок на мое ценное оборудование. Драко схватил булочку и принялся жевать. «М-м-м...» сделав жест, показавший, что он выполнил условие. Снэйп посмотрел так, что Драко мог поклясться, что видел улыбку.

— Хорошо, идем.

Рабочим помещением оказалась лаборатория, гораздо больше, чем само помещение. Однако она делала честь ученому: высокие потолки, мягкое освещение, всюду пузырились котлы над медленным огнем, куча стеклянных колб, наполненных разными существами, которые горели, двигались и шипели, помеченные мешки и пачки, наполненные сушеными травами, раковинами жуков, кожей бумсланга и другими веществами. Снэйп сел за стол в углу, заставленный флягами, наполненными разноцветными жидкостями.

— Что это? — спросил Драко, указывая на пузырек с зеленой смесью.

— Средство для волос на груди, — ответил Снэйп.

— А что он делает?

— Заставляет вырастать волосы на груди и всем теле.

— Фу-у-у, — скривился Драко, — Вы продаете это?

— Иногда, — ответил Снэйп. — Ты думаешь можно жить на то, что мне платят в Хогвартсе? Большинство из нас занимаются дополнительной работой. Садись на табурет и слушай меня.

Драко послушно сел среди разного барахла. Рулоны веревок, маленькие фляги с истекшим сроком употребления, перья, разбитое зеркало. Оно было настолько большим, что Драко увидел своё отражение. Это было плохим признаком, Драко вздрогнул.

Малфой держал в руках кусок зеркала, и в его душе поднималась тревога. Он выглядел ужасно. Его летний загар исчез, кожа приобрела бумажный оттенок. Он, должно быть, похудел, так как из ворота рубашки Чарли выпирали ключицы. На болезненном лице его глаза обычно серебристо—серые выглядели почти черными, под ними залегли темные круги, а волосы — Драко завопил и

уронил зеркало.

Снэйп кинулся к нему, держа в руках какую-то флягу, пытаясь не брызнуть на пол.

Он выглядел встревожено.

— Что это? Что происходит?

— У меня белые волосы, — орал Драко схватив прядь серебристых волос, — мне только 16, а у меня белые волосы.

Встревоженный взгляд Снэйпа сменился отвращением.

— Не понимаю. Скажи, что же не так с твоими волосами?

— Конечно, скажу. Что со мной происходит? Я умираю? Вы должны помочь мне. Дайте мне что-нибудь!

— Краску для волос? — предложил Снэйп с холодной улыбкой. — Я знаком с вашим тщеславием, мистер Малфой, но считаю, что это ваши проблемы. Выпейте это.

И он всунул флягу в руку Драко. Малфой посмотрел на неё с недоверием. Фляга была толстостенная, наполненная густой жидкостью, напоминающая сметану.

— Ну, — сказал он. — Что это? Молочный коктейль?

Мастер Зелий просто посмотрел на него. В мерцание огней лицо Снэйпа напоминало маску, раскрашенную красными тенями. Странно, подумал Драко, смотря на него: он был такого же возраста, как и Сириус, но в последнем сохранились юношеские черты. Снэйп вдруг напомнил ему кого-то...

— Выпей это, — повторил Северус. — Это поможет тебе.

Драко сжал губы.

— Вы бы выпили это на моем месте?

Снэйп вздохнул и облокотился на стену, его угловатые плечи скрывала черная одежда. Он опустил руку и медленно закатал левый рукав. Учитель повернул плечо так, чтобы Драко увидел Знак Мрака, заклеенный на его коже.

Малфой поднял глаза на Снэйпа.

— Да, — сказал он медленно. — Я знаю. У моего отца есть такая, вернее была, — поправил он себя.

— Это не единственная вещь, которая связывает меня с Лордом Тьмы, — сказал он, смотря на свою руку. — Когда мы служили ему, мы были связаны с ним телом, кровью и разумом. Это причина того, что никто никогда не покидал ряды Пожирателей Смерти. Если он не находил нас, то убивал. Многие сошли с ума. Это неизбежный результат.

— Но вы ушли.

— Я ушел. Я тоже почти что сошел с ума. Я попросил убежища у Дамблдора, он защитил меня от Лорда Тьмы. Но он не мог спасти мой разум. Каждый раз, когда я шел куда-нибудь, в голове я слышал его голос, он обещал мне, что если я вернусь, я буду прощен. Дамблдор посвятил меня в свои планы. Лорд пообещал, что если я выдам их, то он пощадит меня. Это я слышал каждый день, час, минуту...

Драко смотрел на него, открыв рот.

— Вы хотели вернуться к нему. Вы верили ему?

— О, да. Я хотел вернуться. Но не верил его обещанию. Он — сама жестокость, и кто предал его, уже не будут прощены.

— И что вы сделали?

— Я сделал это, — коротко сказал Снэйп, указывая на флягу, которую держал Драко. — Я понятия не имел, поможет мне это или убьет. Но я работал над зельем. Оно заглушило голос в моей голове, будем надеяться, что это тебе поможет.

Драко посмотрел на булькающее зелье.

— Я добавил туда Бодрящий компонент, — сказал Снэйп далеким голосом. — Это защитит тебя от снов и сновидений. По крайней мере, на несколько дней.

Драко кивнул.

— Ну ладно, — пробормотал он и опрокинул флягу. Он наклонил голову и глотнул. Несмотря на запах асфальта, она была почти безвкусна. Он чувствовал, как она полилась почти в пустой желудок. Волна жара обдала его так, что он чуть не выпустил флягу, и побежала по телу, как в лихорадке. Это

было немного больно, но приятно тепло, он мерз в последние несколько дней.

— О, — тихо сказал он, медленно наклонившись и оперевшись на стол. Он почувствовал, что Снэйп взял флягу из его рук. Ему показалось, что Сириус гладит его по волосам. Он услышал голос Снэйпа как-то издалека.

— Всё в порядке, мистер Малфой?

— Да, — протер он глаза. — Я в порядке.

— Да это немного горячо. Нужно около часа, чтобы это прошло. Может, ты ляжешь?

— Я не устал.

— Нет. Ты не можешь. Бодрящее зелье действует сразу.

Драко не смог ответить, он сидел, сцепив руки. Он чувствовал зелье, разносящее жар по телу, в желудок, по венам, в сердце. Он тяжело дышал, слушая Снэйпа.

— Да, я знаю, это больно. Дышите, скоро пройдет.

— Я дышу, — сказал раздраженно Драко. — Думаете, я перестану дышать?

— Хорошо, я не знаю, какими будут побочные эффекты, — сказал Снэйп, и Драко спросил себя, было ли это шуткой.

— Послушай, — натянуто сказал Снэйп, — Всё будет хорошо. Ты очень сильный, ты должен был сойти с ума от боли, но ты не сделал этого. Можешь гордиться собой.

— Сойти с ума? — пробормотал Драко, убирая руки с лица. — Со мной всё в порядке. У меня нет даже царапины. Снэйп нагнулся и приложил пальцы к вискам Драко. К удивлению, Драко не имел ничего против столь отеческого жеста.

— Я имею в виду душевную боль, — сказал Снэйп. — Военные раны волшебников, которые есть даже у меня. Ты участвуешь в сражении, молодой мистер Малфой. Ты не знаешь об этом, но ты участвуешь в нем.

— Я ничего не понимаю, — сказала Миссис Висли, неся тарелку тостов Рону и Джинни. Было 11 часов утра, довольно поздно для завтрака, но миссис Висли позволила дочери и младшему сыну поспать подольше, учитывая события последних недель. За столом их было только трое, мистер Висли уже ушел в Министерство.

— Что-то с молодым Малфоем? Сириус сказал, что он...

— Его нет, — согласился Рон. — Так надо.

— Не забуду, когда я видела его несколько лет назад в Кляксах с его ужасным отцом, — размышляла миссис Висли. — Он выглядел таким худым и бледным.

— Он вырос с тех пор, — сказала Джинни, пытаясь подвести разговор на нейтральный лад.

— Он похож на Люция? — спросила миссис Висли. — О мертвых плохо не говорят, но...

— Да, он копия своего отца, — сказал Рон, в то время как Джинни сказала:

— Нет, нисколько.

Миссис Висли была поражена. Рон закатил глаза:

— Ой, мама прости Джинни, — утомленным голосом. — Она мечтает.

Ложка с джемом выпала из рук Джинни:

— Рон, тише, — сказал Джинни, впиваясь в лицо брата.

— Ладно, — сказал Рон. — Ты видишь только его штаны. Признай это. — Джинни посмотрела на мать и покраснела.

— Я думала, ты мечтаешь о Гарри, — весело сказала Миссис Висли. — Я отстала от жизни.

— Гарри в прошлом, — сказал Рон с усмешкой. — Отвергнутый, Мальчик-который-убрался. — добавил он. — Ну, ты поняла, о чем я.

— Позволь мне дать ему красный свет, — Джинни впилась взглядом в Рона.

— Рон, — сказала строго миссис Висли. — Оставь сестру в покое.

Рон уязвлено посмотрел на мать.

— Но мама, он — Малфой!

— И что? — ответила она. — У нас что средневековые? — Рон посмотрел на мать, как пойманная золотая рыбка. — Ты должен научиться ладить с ним, он скоро станет сводным братом Гарри.

Рон пробормотал, что-то вроде:

— Нет, если он больше никогда не появится, — Джинни снова пристально посмотрела на него и обратилась к матери:

— Точно мама, Гарри считает, что Драко хороший.

Рон протестовал:

— Гарри он не нравится. — Миссис Висли выглядела заинтересованной:

— Разве ты не говорил что Драко друг Гарри?

— Нет, — сказал Рон. — Я говорил, что он ублюдок в глупых брюках.

— Ну, — протянула миссис Висли. — Мне так не показалось.

— Ты что тоже фанатка кожаных брюк, мама? — спросил Рон, извращая её слова. Миссис Висли выглядела удивленной, затем улыбнулась:

— Кожаные брюки... Сириус тоже носил кожаные брюки, когда у него был мотоцикл, и когда он был Аурором в Министерстве, — и добавила. — И даже на работе носил.

— МАМА! — воскликнул Рон.

Миссис Висли кашлянула:

— Не берите в голову, так о чем мы говорили? Ах да, я спросила, что думает Лупин? — такая резкая перемена темы заставила Рона и Джинни удивиться.

— Лупин? Он хороший, — сказал Рон. — Лучший преподаватель, который у нас был. — Джинни кивнула. — У него всегда есть шоколад, а почему ты про него спрашиваешь?

— Он задал мне странный вопрос, — ответила миссис Висли. — Он спросил, были ли у нас в роду предки Хаффлпафф.

Рон и Джинни обменялись взглядами, Рон в недоумении:

— Ты о чем, мама?

Миссис Висли покраснела:

— Я ничего не знаю. Ваш отец поговорил с Сириусом, как может ласка ВИСЛИ быть связана с барсуком Хаффлпаффа, и как Нора когда-то могла быть замком...

— А винный погреб был подземельем, — добавил безразлично Рон. — А карьер, наверное, был рвом. Всё это ерунда.

— Хорошо, а есть в подвале наручники? — спросила Джинни.

— Да, — сказал с сарказмом Рон. — Потому что Фред и Джордж садили на цепь Перси, это они так за ним ухаживали.

Миссис Висли испугалась:

— Фред и Джордж приковали Перси?!

Рон выглядел так, как будто сказал лишнее.

— Хорошо, это было просто весело, они не приковывали его, — Рон ушел от объяснения, потому что с мягким хлопком Мистер Висли аппарировал на кухню.

— Артур! — подпрыгнула миссис Висли, пораженная видом мужа. Джинни тоже было интересно, она никогда не видела отца таким растрепанным. Его одежда сидела криво, волосы торчали в разные стороны, а лицо было напряженным. — Артур, — снова сказала миссис Висли. — В чем дело, почему ты так рано вернулся из Лондона?

— Встреча быстро закончилась, — сказал мистер Висли глухо. — Они выбрали нового Министра Магии. Рон завертелся на месте:

— Кого?

Мистер Висли невнятно сказал:

— Ну... — протянул он и добавил. — Меня.

(Мы все так и думали, не так ли?)

Гермиона, Сириус и Лупин завтракали, когда, широко зевая, вошел растрепанный Гарри. Гермиона посмотрела на него и улыбнулась, когда поняла, насколько он устал. Синий свитер был таким же, как синие тени под его глазами.

— Эй, — сказал он удивленно. — Вы уже не спите? Почему никто меня не разбудил?

Сириус оторвался от своих бумаг:

— Мы думали тебе лучше поспать.

— Уже три часа дня, — раздраженно сказал Гарри, подойдя к Гермионе и нежно её поцеловав. — Где Нарцисса?

— Она пошла в Министерство, там ведется следствие о смерти Люция, — ответил Сириус.

— Разве им не надо поговорить с тобой тоже, Сириус? Я думал, что ты был там, когда он...

— Взорвался? — Гермиона закончила за него. Она чувствовала себя немного виноватой в смерти Люция, однако они спасли Драко, а это было гораздо лучше.

— Не напоминайте мне. Я пойду в Министерство завтра, — сказал Сириус, переворачивая страницу и смотря на Лупина. — Ты уверен, что тот ключ к переводу правильный? Не могу понять смысл этого заклинания...

— У вас есть ключ к переводу с языка змей? — с любопытством спросил Гарри.

— Я взял проклятья из книги на Языке змей, — ответил Лупин, протягивая дневник Гарри и Гермионе. — Проблема в том, что наиболее полезная часть, куда Слитерин записал проклятья, закодирована повторно, очевидно, он подозревал, что кто-то мог это прочесть, он писал на языке троллей, французском...

— Жаль, что здесь нет Флёр, она смогла бы помочь, — сказал Сириус Лупину и неприятно улыбнулся.

— ...язык великанов, греческий — заткнись Сириус — и что-то вроде зеркального письма.

Сириус одним глазом посмотрел на пергамент, где было написано по-тролльи, и перевел: «Гнилая говядина? Это не может быть правдой!»

— Сириус, — Гермиона наклонилась и взяла пергамент. — Тут говорится: fallax proefini... imago molī... это на латинском и это не проклятье, что-то вроде проецирование изображение. — Она посмотрела на Лупина, — Это для магидов?

— Для магидов? — переспросил Гарри.

Лупин вздохнул.

— Есть заклинание, с помощью которого Слитерин находил свой Источник... то есть Ровену... где бы она ни была.

— Но Драко не мой Источник, — сказал категорически Гарри.

— Нет, но у вас есть умственная связь, это почти тоже самое, что источник, можно попытаться. — возразил Сириус, поднимая голову. — Я использую на тебе Заклинание Местонахождения Драко, а потом отправлюсь за тобой.

Гермиона поглядела на них.

— Это опасно для Гарри?

— Нет, — немного рассеянно ответил Лупин, закрывая книгу. — Все будет хорошо, особенно потому что...

— Мы даже не знаем, сработает ли умственная связь, — прервал их Гарри, убирая волосы с глаз, — Это не то, я знаю, что он...

Лупин достал свою палочку:

— Гарри дай мне свою правую руку, — Гарри подал руку, Лупин перевернул её ладонью вверх и положил палочку поперек зубчатого шрама, Гарри вздрогнул, как будто ему стало больно.

— Этот шрам соединяет вас двоих, — пояснил Лупин. — Также как твой шрам на лбу соединяет тебя с Вольдемортом.

Гарри кивнул:

— Я знаю.

— Тогда смотри, — сказал Лупин.

Драко хотел спать, но Бодрствующее зелье не позволяло ему это сделать. Сначала его наполняла горячая энергия, но сейчас он устал. Но он не хотел видеть сны. Снэйп снова ушел в свою лабораторию, Драко бесцельно ходил по дому. Ничего особенного он так и не обнаружил, кроме того, что у Снэйпа специфический музыкальный вкус, и он носит синюю пижаму с красными сердечками. Он думал о статье в «Ежедневном Пророке» по поводу смерти отца, решив ещё раз расспросить об этом Снэйпа, он направился через большой зал в рабочее помещение Мастера Зелий.

Котлы опять пузырились, а Снэйп, сидевший за своим столом, казалось, спал, положи голову на

руки. Пытаясь взять «Ежедневный Пророк», лежащий на краю стола, он потянулся за ним и застыл. В нескольких сантиметрах от руки Снэйпа лежал листок с его именем. Редко, кто, увидев на листке своё имя, не захочет туда заглянуть. Драко подтянул листок к себе и узнал почерк Снэйпа

«... я дал зелье Малфою, оно не причинило ему вреда, чего я опасался. Однако уже сейчас есть некоторые смертельные проявления. Я не уверен, что ему стоит знать о том, что зелье, как и любой наркотик с течением времени теряет свой эффект, это вопрос месяцев. Если бы не поражение Темного Лорда, зелье бы не смогло спасти меня... жаль, я не могу посоветоваться с Дамблдором...»

Драко отшвырнул листок, что-то сильно кольнуло в животе. Он вышел из комнаты в зал, повернул направо и открыл дверь. Его ослепил яркий свет, и он сел на землю, подтянув колени к груди.

Значит, зелье было лишь временным? Снэйп не был уверен, что оно вообще работает. Но оно работало, и Драко это почувствовал немедленно. Сны наяву и облачные видение и постоянный звон в ушах исчезли.

Но Драко также знал, что с мечом он сможет делать такие вещи, чего не сможет сделать без него, даже являясь магидом. Когда он держал меч, он держал всех драконов внутри него, и, поднимая руку, он мог отразить любое, как если бы это было тенью, он чувствовал своё могущество. Власть влекла его, также как огонь пожирает кислород, оставляя пепел на своем пути. Это было темное и изысканное удовольствие, изысканное до боли и темное до страха.

Он закрыл глаза, и вновь на него нахлынули воспоминания. Отец, который говорит ему о том, что он имеет, и что мог бы. Объяснение отцом цели его рождения. Была какая-то тоска в его сердце, когда он держал меч. И он понимал, что это — его судьба, это его навсегда.

Меч предлагал ему больше, чем власть, и даже больше, чем Драко хотел: Гермиона и её любовь, слава и власть над миром. Ему предлагал то, что всегда было у Гарри. И это было слишком пьяняще.

— Сопровитляйся этому, ты должен быть сильнее этого, — говорил Снэйп.

«Но я знаю правду, — горько думал он. — Я не силен. Есть что-то во мне, что борется против меча и его обещаний, но это не моя сила. Это Гарри. Что-то во мне ещё осталось от Гарри, независимо от того, что в моём теле нет Многосущного Зелья, что-то внутри меня говорило, что это неправильно. Гарри мог бороться с Проклятьем Империи — я никогда не мог делать этого». Гарри, которого он бы убил, если бы был шанс. Драко взял меч, его тонкие пальцы обхватили рукоятку, такую знакомую и немного выпуклую. Он снова посмотрел на него, зеленые драгоценные камни, сияли подобно, чьим то глазам, он повернул его, снова посмотрел. Он никогда не замечал этого прежде. Меч был тяжелым. «Скажу Джинни, что собираюсь умереть»...

Драко огляделся. День подходил к концу, небо было металлически синим, он быстро встал и, взяв меч, решительно пошел к туалету, где оставил свой Всполох и одежду Чарли.

Джинни печально посмотрела в зеркало. Волосы вились по её ушам и спине пылающими кольцами и петлями, и в них её лицо казалось таким маленьким. Почти рассеяно она принялась вплетать в них ленты. Она волновалась теперь не только за Драко, но и за своих родителей. От внезапного продвижения по службе мистера Висли миссис Висли была не в восторге: «Посмотри? что случилось с Фаджем! — орала она на мужа. — Они просто ищут кого-нибудь следующего, ну да почему бы и не Артур!»

Мистер Висли не соглашался, и спор продолжался несколько часов. В конце концов, они оба решили телепортироваться в Министерство, чтобы поговорить с Перси. Они ушли, и Рон и Джинни остались одни. Джинни закончила с волосами и пошла вверх, поговорить с братом. Её всё ещё раздражал тот разговор за завтраком, но ей надоело дуться, и она решила поговорить с ним. Она прошла мимо гостиной и услышала странный хлопок. Джинни прислушалась: удар был похож на то, как будто бы какая то птица влетела в стекло, она снова услышала это «хлоп». Будучи любопытной, она подошла к окну, отдернула шторы и завопила от удивления. Драко Малфой стоял около полуоткрытого окна. Она закричала, и он зажал ей рот: «Джинни! Ш-ш-ш!» Джинни ударила его по руке. Это был Драко, точно Драко, такой же каким она видела его в последний раз. «Ты чего кричишь?» — прошипел он.

— Ты зачем напугал меня да полусмерти?

Драко выглядел оскорбленным:

— Я стучал!

— Да, в окно, — прошипела она, — Почему ты не попробовал в дверь, как нормальный человек?

— Не хотел видеть остальное твоё семейство. Я хотел видеть тебя. Я думал, что ты одна. Тыпустишь меня или нет?

Джинни посмотрела на него, в её ушах звучали слова: я хотел видеть тебя. Она распахнула окно, позволив ему войти. Она смотрела на него в удивлении. Для себя он выглядел чрезвычайно растрепанным, грязные волосы, грязь на коленях брюк, большая дыра на драконьем жилете, в завершение всего у него была разбита губа и фонарь под глазом. Джинни поперхнулась:

— Что с тобой случилось? Ты дрался?

Драко дотронулся до глаза:

— Ты не поверишь, если я расскажу.

— Попробуй, — сказала Джинни.

Драко усмехнулся и уже хотел что-то сказать, как вдруг они услышали шум в коридоре и голос Рона:

— Джинни!

«Он слышал, как я кричала», — хотела сказать она Драко, но тот вдруг схватил её за плечо, затем перед её глазами всё завертелось, и они оказались вместе под диваном. Она лежала на спине, а Драко на ней, его рука закрыла ей рот. Ну, в общем, если бы успела раньше, то Джинни бы сделала тоже самое. Она почувствовала, как стучит сердце Драко. Их взгляды встретились: она видела беспокойство и радость в его глазах.

Дверь гостиной открылась, и вошел Рон. Всё что они видели — это его ботинки, которые прошли к открытому окну. Рон озадачено посмотрел в окно:

— Эй! — позвал он. — Джинни, где ты? — Рон отвернулся от окна и встал посередине комнаты. Он стоял так близко к дивану, что Джинни видела, что у него развязался шнурок. Чувствую себя виноватой, она закрыла глаза и уткнулась в плечо Драко. Она чувствовала, как пахнет кожей жакет Чарли, а под ним она ощущала запах мыла, крови и ночного воздуха. Ей понравился этот запах так, что закружилась голова.

— Джинни! — сердито сказал Рон. — Я знаю, что ты где-то здесь, я слышал тебя, ты все еще дуешься на меня за то, что я сказал за завтраком?

Прядь серебристых волос упала на лицо Джинни, щекоча ей рот и нос. Она почти чихнула. Драко чуть отодвинулся, теперь она могла видеть серый глаз, гладкую щеку и золото, блестящее на шее, это был Эпициклический Амулет.

— Джинни! — позвал снова Рон.

Все в порядке — она видела, как его ноги направились на кухню, она хотела вылезти, но Драко сжал её руку.

— Подожди.

Звук хлопнувшей двери, Рон вышел в сад. Джинни повернула голову, чтобы увидеть Драко полностью. Он опустил глаза:

— Теперь можешь двигаться, — прошептал он мягко. — Если хочешь. — То ли волосы мешали ей, то ли она не могла посмотреть ему в глаза, но она уверенно сказала:

— Конечно, хочу, — прошептала она. — Твоя пряжка на поясе давит мне на ногу.

Драко посмотрел на неё невинными глазами:

— Как ты узнала, что это пряжка на поясе?

— Очень смешно, — она почувствовала, что краснеет, и, отвернувшись, выползла из-под Драко. Она вылезла и отряхнулась, наблюдая за тем, следом за ней вылезает Драко. И она была счастлива, когда несколько её волос запутались на его кожаном жилете. Джинни косо взглянула на него:

— Ты не хочешь пойти в мою спальню? Мы спокойно можем там поговорить.

— Нет, — холодно ответил Драко, — я хочу подождать здесь всех твоих братьев, пока они не вернуться, чтобы они нашли меня и убили, а потом сделали из моего мочевого пузыря воздушный шар.

Джинни закатила глаза:

— Здесь кроме Рона, моих братьев нет, а родители в Лондоне.

— Жаль, что ты не сказала мне этого раньше, я бы пнул Рона под зад, ударил метлой по голове, и мы могли бы поговорить спокойно.

— Ты бы не... — начала она, затем покачала головой. — Хорошо, ты бы мог, теперь молчи и пошли за мной.

К её удивлению Драко послушался, и они пошли в спальню. Зайдя внутрь, она щелкнула замком и прошептала: «Луминессе» — комната осветилась мягким светом. Она повернулась и посмотрела на Драко, тот выглядел растерянным.

— Так, — сказала она, чтобы нарушить неудобную тишину. — Ты скажешь, что с тобой случилось? Ты выглядишь ужасно.

— Ты делаешь мне очень приятно, каждый раз говоря об этом.

— Я серьезно. Что случилось?

— Невилл Лонгботтом, — четко сказал Драко. — Подбил мне глаз своим напоминаром, — он потер глаз. — Можно сесть? — и сел на покрывало в цветочек, не дожидаясь ответа. Она не отрицала, что у неё было множество фантазий по поводу пребывания Драко у неё в спальне, но не в кожаных брюках в гармонии с покрывалом в цветочек, лысого коврика и старых белых тапочек. Это заставило её улыбнуться.

Драко приподнял бровь:

— Ты думаешь, что мой синяк под глазом забавен?

Джинни прекратила улыбаться.

— Я так не считаю, ну может быть чуть-чуть. Невилл Лонгботтом? Как же...?

— Мне в голову пришла идея, — Драко сделал красноречивый жест рукой. — Я решил просить прощение у людей, которым когда-то причинил вред. Правда, не помню, что именно я делал... Иногда, я тоже думаю, что всё это глупо, ну вот получил по голове, и совесть чиста. Я составил список людей, которых обидел, но он получился слишком большим, поэтому я его укоротил, оставив только тех, кто живет по близости. И Невилл был первым.

— Так почему тебе досталось напоминаром? Что ты сделал Невиллу?

Драко выглядел уязвленным:

— Ничего! Я подошел к дому и нажал на звонок, Невилл увидел меня, и дал напоминаром по голове, попал в глаз. Я думаю, он был бы рад, если бы под рукой у него оказались ножницы, он отрезал мне уши, и хранил бы их как военный трофей.

— Так ты извинился перед ним?

— Нет, я ушел, но я знаю, что теперь Невилл чувствует себя лучше, — на Драко было жалко смотреть. — Следующий в моем списке Хагрид, он намного больше, чем Лонгботтом, добавил он. — Но я быстрее него. Я думаю, что у меня хватит времени принести ему мои извинения и спастись бегством, прежде чем он утопит меня в тарелке супа.

Джинни не удержалась от смеха. «Как несправедливо!» — подумала она раздраженно. Если бы год назад её спросили бы о Драко Малфое, она бы нашла только три слова: «законченный», «самодовольный», «ублюдок». Теперь же, она заменила эти слова на: «симпатичный» «забавный» и даже «очаровательный». Эти слова лезли ей в голову, не говоря уже о «приятной коже». «Заткнись!» — сказала она себе.

— Что-то не так, ты выглядишь, как будто у тебя мигрень? — спросил Драко.

— Я поняла, за чем ты пришел, — Джинни положил руки на бедра, и её глаза засверкали. — Ты хочешь, чтобы я вылечила твой глаз? Я теперь что-то вроде Походной Аптечки Малфоя. Я уже лечила твою ногу и твои засосы, а теперь...

— Это не то, зачем я сюда пришел, — перебил её Драко. — Я сказал тебе. Я хочу извиниться.

— Ты пришел ко мне, чтобы попросить прощение?

Теперь он выглядел смущенным:

— Хорошо, нет, — признал он. — Я хочу, чтобы ты сказала кое-что Гарри от меня.

Она покачала головой:

— Нет, скажи ему сам.

— Я не могу, — пожал плечами Драко.

— Почему нет?

— Я не могу, поверь мне.

— Нет, — категорично заявила Джинни

— Что?

— Нет, — повторила она и села рядом. Она пристально на него посмотрела. — Я не доверяю тебе. Почему? Да потому что ты никогда ничего не делал для этого. Ты нравишься мне, но я тебе не доверяю. И после того, что ты сделал вчера? Я-УХОЖУ-НЕ-ЗНАЮ-КУДА-И-НИКОМУ-НЕ-СКАЖУ...И...

— Ну да, — прервал он её. — Ты же знаешь я — Драко.

— Всё равно, я ничего не скажу от тебя Гарри. Ты сам это ему скажешь. Он волнуется за тебя. Держу пари, он хотел бы тебя видеть.

— Он будет волноваться намного больше, если увидит меня, — Драко сел поближе к стене. — Тогда я думаю, что ты скажешь Гермионе, что...

— Конечно, нет.

— Или Сириусу...

— Я сказала, нет!

— Я зря сюда пришел.

Джинни сощурилась:

— Какой же ты ублюдок, не так ли? — прошипела она.

Он выглядел почти смущенным:

— О Боже, прошу прощения. Я так и думал, — Он говорил очень искренне. — Прошлые дни для меня были несколько странными, — сказал он медленно. — Я сейчас об этом не думаю, мой отец, — он стал серьезным. — Нет, ладно не буду об этом. Любовное зелье, и я не могу сказать об этом Гарри, кошмары, две запутанные связи, знаешь, всё это как-то непри... — он прервался, потому что Джинни смотрела на него странно. — Что?

— Две запутанные связи? Ты снова был с Гермионой? Гарри убьет тебя.

На лице Драко выступили красные пятна:

— Я не был с Гермионой.

Джинни вопросительно посмотрела на него:

— А с кем? Когда ты успел?

Драко вздохнул и виновато посмотрел на неё:

— Это была Флёр Делакур.

— Флёр? Подруга Билла?

— Я забыл об этом... просто так сложились обстоятельства, я был должен.

— Был должен? — Джинни посмотрела с недоверием. — Ты просто куча дерьма!

Драко выглядел пораженным:

— Ты считаешь, что дерьмо плохая вещь?

Джинни бросила в него подушку со словами:

— Конечно плохая!

Драко поймал подушку и положил под голову. — Так сложились обстоятельства, я пришел в наше поместье, она ждала меня там, и она хотела заняться любовью, но у неё это не получилось...

Джинни положила пальцы на виски:

— Ну, просто фантастическая история, чего уж говорить.

Драко улыбнулся, и это её разозлило, потому что ей нравилась его улыбка. Он был похож на Гарри тем, что когда он улыбался, он улыбался не только губами, но и глазами, ну, в общем, полностью, конечно он улыбался не так часто, как Гарри.

— Тебе не всё равно, что я делаю?

— Всё равно, — отрезала Джинни, а затем, — Ну не знаю, — вздохнула она. — Ты такой непостоянный.

— Непостоянный? Я не непостоянный.

— Да, ты как я думаю, любишь Гермиону, флиртуешь со мной, да и не отрицай, и тем временем целуешься с Флёр. Ты непостоянный.

— Нисколько. Пока вы всего лишь маленькие девочки, вот когда у меня будет семь, восемь женщин, тогда может быть, мои поиски будут закончены.

— Ты что шутишь?

Драко выглядел удивленным:

— А чего ты хочешь? Я — дерьмо, — потянулся он и тронул одну из её лент. — У тебя лента развязалась, — сказал он, завязывая её. Джинни снова посмотрела на него, в этом жесте было что-то братское, но никто из её братьев не делал это так нежно. Она заморгала:

— Я не подразумевал «дерьмо» в смысле как «дерьмо», я просто хотела сказать что...

— Полный моральный идиот? Спит со всеми, кто ему нравится?

— Я хотела сказать, что ты просто не умеешь быть честным.

Глаза Драко внезапно потемнели:

— Я не лгу, — Джинни это заставило задуматься: «Он не лжет, он даже не лгал насчет любовного зелья» — Джинни была теперь уверена, что Гермiona попросила его об этом. Она хотела ответить, но услышала громкий стук в дверь и голос Рона:

— Джинни, я знаю, что ты здесь, я слышал!

— Уходи Рон! — ответила Джинни.

— Нет, — упрямо сказал Рон. — Я не уйду. Через минуту, если ты не откроешь, я вышибу дверь.

Джинни дико посмотрела на Драко и, схватив его за руку, потянула его в туалет, открыла дверь и втолкнула внутрь. Стоя на её ботинках, он посмотрел на неё печальными глазами:

— Здесь неудобно! — заскулил он.

— Ты не жаловался когда затолкал меня под диван.

— Это другое, я был с тобой, — он мило улыбнулся. — Это не то же самое, что закрыться одному в туалете.

— Ну, всё, развлекайся, — сказала Джинни, закрывая дверь, его солнечная улыбка стала дьявольской, — Мама говорила мне, что кто-нибудь заставит меня ослепнуть, — сказал он.

— О-ох, — вздохнула Джинни и закрыла дверь.

Она направила палочку на дверь и произнесла: «Алохомора» — Рон ввалился в дверь и впился взглядом в Джинни.

— В чем проблема Джинн? Разве ты не слышала, что я искал тебя по дому полчаса назад?

— Нет, — солгала Джинни, — Я спала.

— Я слышал, ты кричала.

— Это был сон.

Рона это взволновало:

— Ты уверена, что у тебя все в порядке? Хочешь, я посижу с тобой?

— Всё в порядке, — раздраженно сказала Джинни. — Мне не 12 лет.

— Я знаю, но ты чувствуешь Темное Волшебство, вдруг дело в нем?

Одна половина Джинни поскорее хотела вытолкнуть Рона из комнаты, другая же обнять его. Рон был её любимым братом.

— Ну, смотри, — добавил Рон. — Мне жаль, что я так сказал про Малфоя за завтраком.

Джинни в ужасе посмотрел на него:

— Рон, я не...

— Нет, — продолжал он. — Позволь мне закончить. Мне не нравится Малфой, и никогда не понравится, я всё ещё считаю, что он большой придурок, но если ты действительно про него так думаешь, я э-э, постараюсь сделать над собой усилие и не позорить его при маме, хорошо?

— Рон, я думаю, что ты, ну, в общем, все нормально, иди к себе.

Рон покачал головой:

— Да, конечно Джинни, ты знаешь, мне просто смешно, когда ты сидишь с кислой миной, и думаешь о трех вещах: Драко, Великолепный, Очаровательный.

Джинни вскрикнула:

— Очаровательный?!

— Ну, хорошо, хорошо, просто потому что он Малфой, ему повезло, что он тебе нравится и...

В панике Джинни прервала его прекрасную речь:

— Рон! Заткнись!

Он посмотрел на неё:

— Почему?

— Потому что я никогда не говорила такого про Драко, или про кого-либо ещё. Никогда! Я не знаю,

о чем ты говоришь! И у меня болит голова, так что иди!

С этими словами она вытолкнула удивленного брата из комнаты, захлопнула дверь, и закрыла лицо руками. Она надеялась на то, что Драко не слышал всего этого, но тот уже с торжественным видом вышел из туалета.

— Очаровательный? — мягко спросил он. — Я не уверен, что я уж такой очаровательный, но может быть...

— Ой, помолчи, — сказала устало Джинни, и к её удивлению он замолчал, её волосы упали на лоб, она убрала их. — Я думаю тебе лучше уйти, — сказала она. Озадаченный Драко вытащил руки из карманов:

— Ну, хорошо, если ты хочешь.

— Мне жаль, — сказала она. — Просто, у меня теперь плохое настроение.

— Джинни, — сказал он, его глаза вспыхнули. — Смотри...

— Не надо, — ответила она, — Просто... Зайди через минуту.

Он подошел и посмотрел ей в глаза. Она задалась вопросом, почему её так тянет к нему, ведь она даже не доверяет ему, но почему? Возможно потому, что её как раз тянуло к нему, и ещё, что самым красивым мальчиком, которого она когда-нибудь видела, был Том Риддл, просто она не доверяла красивым людям. Но она знала, что в тот раз было не так, не было того холода, который пробирал её до мозга костей. Она машинально достала палочку. Её кожа была очень холодной, она подняла палочку и сказала: «Асклепио» — и его синяк под глазом исчез. Она опустила палочку:

— Так лучше?

Драко выглядел странно:

— Да, спасибо.

— Я не знаю, что с тобой Драко, но чувствую что-то злое и темное. Это как яд в твоей крови. Ты должен пойти к Сириусу и попросить у него помощи или...

Он оборвал её:

— Или я умру, я знаю.

— Иди домой, — сказала она. — Пожалуйста.

— Я не могу.

— Пожалуйста, ради меня.

Он выглядел удивленным, как будто его ударили:

— Джинни, — он взял её ладони в свои руки, его руки были такими холодными. — Мне жаль, — сказал он. — Мне действительно жаль.

И внезапно, какая-то стена рухнула между ними. Она видела его напряженное выражение лица, видела его глаза настолько близко. Он чуть наклонился к ней, его волосы скользнули по её щеке, она ощутила его холодные губы на своих... теплых.

Она оттолкнула его с такой силой, что он охнул. На его лице застыло от удивления. Она почувствовала, что никак не может отдышаться, но сказала спокойно:

— Ты собираешься возвращаться домой?

— Джинни, — вздохнул он. — Ты прекрасно знаешь, что нет.

— Тогда не трогай меня, — сказала она и скрестила руки на груди. — Это не правильно, и не жди от меня благодарности, мне важно, что с тобой, но я не дура.

Драко просто смотрел на неё. Наконец, он холодно произнес:

— Неважно, — его плечи опустились. — Это сделало меня дураком, я — дурак, что пришел сюда.

— Драко...

— Забудь об этом, — оборвал он, подходя к окну. Он протянул руку и произнес. — Зовио Всполох.

Через секунду метла уже была в его руке. Он встал на подоконник и через секунду растворился в темноте.

Гермиона подошла к Гарри, который смотрел в окно. Закат. Солнце, как огромный пламенный шар опускалось за горизонт. В розово — бронзовом свете, Гарри выглядел задумчивым.

— Гарри, — позвала Гермиона. — Как ты себя чувствуешь?

— Странно, — он посмотрел на неё. — Как будто кто-то в моей голове выключил свет.

— Ты как-то по-другому выглядишь.

— Великолепно, что начинаю напоминать Малфоя?

— Нет, не напоминаешь, ты выглядишь более независимо, чем раньше.

Она знала, что Сириус и Лупин сидят за столом позади их и не слышат разговора, но чувствовала, что они взволнованно смотрят на Гарри. Вдруг Гарри хлопнул себя по лбу:

— Стоп, это сработает, — он встал и посмотрел в окно. — Так красиво, но бессмысленно, — он провел пальцем по подбородку Гермионы, посмотрев в её глаза. Гермиона почувствовала, что в животе похолодело, это было приятно, но это пугало её, он смотрел на неё и мог почти читать её мысли, как читал книгу на языке змей.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, где он? Не так ли?

Гермиона не ответила, и Гарри убрал руку:

— Хорошо, я не знаю, где он. Но я могу сказать, что ему не так уж хорошо, я могу сказать, что ему холодно, а также могу сказать, что он думает о... — он странно улыбнулся. — Джинни, но это не столь интересно.

Гермиона вздрогнула, и Гарри это заметил. Он нахмурился:

— Тебе не приятно это слышать?

Она снова почувствовала холод у себя в животе. Это было тем неприятным чувством, которое она испытывала несколько дней назад. Она чувствовала, что эта вынужденная любовь к Драко проявляется не в её мыслях, а в её теле. Её мышцы непроизвольно сжимались, и это выдавало её, и это было очень странно, как будто в её желудок поместили тяжелый якорь:

— Гарри... ты знаешь...

— Знаю, — перебил он резко. — И ты знаешь, что мы не сможем снять с тебя это проклятье, и я не знаю, что дальше будет с нами.

Гермиона выглядела пораженной:

— Но ты сказал...

— Я знаю, что я сказал. Но давай смотреть на вещи реально. Я не хочу провести свою жизнь с тем, кто влюблен в кого-то другого. Я заслуживаю нечто большее, да любой заслуживает этого.

— Никто не говорил о твоей жизни, — сказала Гермиона и тут же пожалела об этом. — Мне жаль, я только... — её глаза распахнулись. — Ты только что снова говорил как Драко...

— А что, тебе это не нравится? — сказал он и подошел к Лупину и Сириусу, сев в кресло и вытянув ноги. «Он сидит, как Драко» — подумала Гермиона: «Ах» Она пошла за ним, Лупин и Сириус о чем-то перешептывались, затем посмотрела на них.

— Давайте сделаем это, — сказал Гарри.

— Прямо сейчас? — спросил Лупин, смотря в бумаги.

— Почему бы и нет? — категорично заявил Гарри. — Вы сказали, что он в опасности, и он всё ещё там.

Лупин и Сириус обменялись взглядами. Гермиона знала, о чем они подумали, что Гарри ведет себя странно. Гермиону всё ещё волновало то, что сказал он ей около окна, это было очень неприятно, она помнила, что когда они выпили многосущное зелье, он вел себя также.

— Хорошо, — сказал Сириус. — Мы работаем над второй частью заклинания. Это не очень трудно, Рем? — позвал он Лупина, который, казалось, погрузился в свои мысли.

— О... нет, не очень, — подтвердил Лупин, медленно собирая свои бумаги. Гермиона заметила, что его руки дрожат, она подумала, что он волнуется за Гарри, и тут же её снова пронзил резкий холод.

Лупин направил палочку на шрам Гарри:

— Хорошо, Бродяга, ты тоже должен быть готов... *Imago mo...*, — начал он, но остановился. Затем, секунду поколебавшись, он продолжил. — *Imago moli...*

Палочка выпала из рук профессора, и он вдруг упал на пол у ног Гарри.

— Профессор, что с вами... — начал Гарри, но Сириус прервал его:

— Рем? — он посмотрел на него, и тревога показалось на его лице:

— Рем, ты же не...

Лупин поднял голову и, посмотрев на Сириуса, добавил:

— Изменяюсь.

— Что теперь?

— По моим расчетам, это должно было случиться завтра ночью, я не знаю, Сириус. — Гермиона видела мольбу в его глазах.

— Заприте меня, — твердо произнес он. Сириус заколебался.

— Мы говорили об этом, — напомнил Лупин. — Подземелье.

— Но слишком рано...

— Сириус.

Глаза Сириуса потемнели. Лупин огляделся и встал. Почему-то это сцена напомнила Гермионе её родителей, когда они не хотели ругаться при ней.

Сириус пожал плечами:

— Хорошо, я вернусь через десять минут, не делайте ничего.

— Разве мы не можем сначала выполнить заклинание? Я думаю...

— Когда я вернусь, — отрезал Сириус. Гарри затих. Когда Сириус и Лупин ушли, он посмотрел на Гермиону. Она была ошеломлена его выражением лица.

— Я думаю, мы сами сделаем это, — сказал Гарри.

— Что прямо здесь? — спросила Гермиона с бледной улыбкой. — Ты помнишь, что Лупин сказал, что это трудно.

— Не пытайся отвлечь меня, — сказал Гарри и почти улыбнулся. — Я знаю, что делаю.

— Заклинание? Ты пойдешь туда, где Драко? Гарри это плохая идея.

— Я знаю, что ты так думаешь, Герм, но ты сможешь, самое сложное мы уже сделали, всё, что нужно произнести слова и отправить меня туда.

— Я могу послать тебя, но как Сириус...

— Сириус вернется через десять минут.

— Так почему бы его не подождать?

— Потому что я не могу ждать! — крикнул Гарри. — Это важно, мы сейчас говорим о том, умрет он или будет жить, — продолжил он. — Я доверяю, даже если в последнее время у меня появилось сотня причин не делать этого, так почему ты не можешь довериться мне?

Гермиона заколебалась, но медленно подошла к столу Сириуса и взяла пергамент.

Он снова был в поместье Малфоев. Уже около часа стоял он на этих каменных плитах перед своим отцом, который продолжал жалить его своим взглядом. Его отец нисколько не устал от этого, но Драко с обидой думал, что ему всё — таки дали весьма тяжелое оружие. Но Драко знал, что отец не прекратит практиковать его в дуэли, пока тот не разоружит его или поранит. И Драко понимал, что любой прием, которым он, возможно, мог бы нанести рану Люцию, Люцием и преподавался.

Но он бы мог попробовать... Он вспомнил один прием, который узнал от отца год назад. Он начал выполнять этот прием, и увидел, как глаза его отца расширились в удивлении, он уже почти ощущал свою победу, но тут его отец тоже сделал резкий выпад и полоснул по запястью Драко. Драко в замешательстве наблюдал за тем, как меч выпадает из его руки. Его взбешенный отец хватает его за рубашку и прижимает к стене. Голова Драко с гулким звуком стукнулась о камень. Люций отодвинул его руку и прижал конец меча к его горлу: Ты пробовал мой собственный приём против меня? Это было глупо, очень глупо. Если я преподавал тебе начало, то естественно я знаю и конец. Ты просто пытаешься показаться лучше, что ты есть на самом деле. Это твой промах. Запомни... — Драко почувствовал, как клинок впивается в его горло — ...самодовольный ученый — дурак, самодовольный фехтовальщик — мертвец.

Драко закрыл глаза: Да, отец.

— Да, отец что?

— Да отец, я понимаю.

— Люций убрал лезвие: Ты? — удивился он — у меня иногда встает такой вопрос, может, ты хочешь умереть.

— Нет, отец, я не хочу умирать.

Драко открыл глаза и глянул в бездну черной воды в пятнадцати футах под его ногами. Он стоял

на берегу карьера у дома Висли. Пролетая мимо, он обнаружил его совершенно случайно, когда от воды отразился лунный свет, ему стало интересно. Карьер больше походил на длинную яму с рваными краями, заполненную водой, в которой плавало его тусклое отражение и отражение бледной луны. Драко подумал, что это напоминает его отца: холодного и далекого.

— Решил искупаться, Малфой? — Драко оглянулся, в десяти футах от него, там, где он оставил свой Всполох, стоял Гарри. Драко всегда считал, что люди преувеличивали, когда говорили, что не могут поверить своим глазам, но сейчас это был Гарри, и это было крайне странно. Лунный свет подчеркивал его тени под глазами. Его руки были в карманах, и он буравил Драко взглядом.

— Поттер, — вздохнул устало Драко. — Я не собираюсь плавать, ты же знаешь, что одежда Чарли весит около тонны, но так или иначе, что ты тут делаешь?

Гарри не открывал рта, но Драко слышал его:

«...А как ты думаешь?»

Челюсть у Драко упала:

— Как ты это делаешь?

Гарри выглядел довольным:

«...Здорово, не правда ли? Это Лупин натолкнул меня на эту мысль. Не беспокойся, — уголки его рта дернулись. — Я могу читать твои мысли также как ты мои».

— Я не беспокоюсь, — врал Драко.

Гарри улыбался:

«...Нет беспокойся. Свои фантазии о профессоре Флитвике в кожаном бикини можешь оставить при себе».

Драко фыркнул:

«...Профессор Флитвик?»

«...Смотри, ты можешь делать это точно так же, мы магиды».

Драко вздохнул:

— Ну, я могу, и что? — сказал он это вслух. — Слушай меня, Поттер, тебе сейчас здесь нечего делать, телепортируйся домой.

«...Думаешь, я не знаю, зачем ты хочешь, чтобы я ушел. Ты хочешь утопиться без моей помощи, тогда я не уйду».

— Тебя это не должно беспокоить.

«...Но это меня беспокоит».

— Черт возьми, Поттер, говори вслух! — завопил Драко. — Выйди из моей головы!

Гарри сделал несколько шагов назад, но выражение его лица не стало менее упрямым:

— Прекрасно, но...

— Никаких но! — кричал Драко. — Да, ты всегда оставался живым и невредимым все эти годы, несмотря на любые опасности. Держу пари, сейчас ты чувствуешь себя героем. Но ты, дурак, если решил умереть вот таким способом, потому что ты жив только благодаря Гермионе и Сириусу, и ты это знаешь. Поскольку ты всегда всё знаешь, ты считаешь, что с тобой ничего не может случиться. Уходи, я устал от тебя.

В глазах Гарри сверкнула ярость:

— Я всё знаю? Это, конечно, приятно слышать от тебя, но это не повод, чтобы ревновать...

— Кто сказал, что я ревную?

— Ты, — ответил спокойно Гарри. — Точно также как я ревную к тебе.

— Хорошо, конечно ты ревнуешь ко мне, — подтвердил Драко. — Я обаятельный и т.д. и т.п., я красивый и замечательный, а ты просто большой ублюдок, который ничего не может сделать со своими волосами.

— Правильно, теперь тебе лучше. Только почему у тебя мешки глазами, почему у тебя трясутся руки, и почему ты собираешься покончить жизнь самоубийством?

— Я не собирался этого делать. Но каждый думает об этом...

— Я об этом не думаю, — сказал твердо Гарри. — И ни разу не думал.

Драко посмотрел на Гарри. Тот стоял, сунув руки в карманы, и смотрел на Драко также, как если бы искал снитч.

Драко хотел что-то сказать, но почувствовал внезапный холод в левой руке. Глянув вниз, он

увидел, что крепко сжимает меч Слитерина. Он снова посмотрел на Гарри, его сердце учащенно забилося:

— Ты — дурак, и ты сам лезешь в западню.

Гарри выглядел озадаченно:

— Лезешь в западню, ты о чем?

— О себе, — сказал Драко и меч в его руке задержался с новой силой против его воли. — Я — твоя западня. Я думал ты об этом знаешь.

«...Ты не сделаешь мне больно».

— О, да, — сказал Драко, меч задержался как собака на привязи. Драко посмотрел на руку, затем на Гарри. — Думаю, что я смогу, я не хочу, но я смогу. Уходи Поттер, я предупреждаю тебя.

— Не надо так насчет этого беспокоиться, — сказал Гарри и сделал шаг навстречу. Драко не мог поверить, что Гарри такой тупой. Он хотел бежать, но в ушах появилось странное гудение, это зелье Снэйпа, его действие проходит.

Он пока не терял свою власть над мечом. Внезапно, Драко к своему ужасу заметил, что меч как будто прилип к его руке. Драко говорил быстро и старался не смотреть на Гарри.

— Я знаю, что ты мне не доверяешь, но ты должен, не подходи ко мне ближе.

— Малфой...

— Я прошу тебя Гарри — о, боже мой, я его прошу! — пожалуйста, уходи. Он услышал смех Гарри:

— Эй, ты назвал меня по имени, не так ли?

Драко посмотрел Гарри. Тот стоял совсем близко, как последний дурак.

— Остановись ненормальный, а то попадешь в ад! — Но было поздно, он чувствовал, что рука уже не может сдерживать меч, он схватил его сильнее. Но он уже не мог контролировать себя, его рука занесла меч, и, сделав выпад, лезвие глубоко ушло в грудь Гарри где-то слева.

[Я хотела на этом закончить, но потом подумала... Хм...]

Они были на полпути к подземелью, когда Сириус заметил, что идет один, он достал свою палочку и осветил коридор.

— Рем? — позвал он.

— Я здесь, — ответил слабый голос.

Сириус оглянулся и увидел Рема, стоящего на коленях, скорчившись от боли, Сириус торопливо подошел к нему:

— Что-то не так?

— Я не знаю, — закашлялся Лупин и выпрямится, его глаза выдавали его панику. Сириус чувствовал, как что-то холодное пробежало по животу. Лупин редко чего-то боялся, и уж, тем более, никогда не паниковал.

— Тебе больно? От превращения?

— Да, но это нормально и ты это знаешь, это не превращение, Сириус. Это что-то ещё... — вдруг он неожиданно снова упал, и Сириус подхватил его, положил на землю. Его лицо было серым, казалось, он дышал с трудом. Теперь в его глазах была больше чем паника:

— Сириус...

— Лунатик, что происходит?

— Я не знаю, — ответил Лупин, его било в судорогах. — Болезнь Сометинга, — он поднял руки и посмотрел на них, они начали деформироваться, уже удлинились ногти, и появилась шерсть. — Сириус, я не знаю, что со мной. Это — превращение, но не то. Запри меня в клетке.

— Запереть? Нет!

— Сириус, я думаю... я призванный.

— Призванный? — повторил Сириус.

— Кентавр, — сказал Лупин, задерживая дыхание. — Он сказал, что Слитерин призовет все существа, которые когда-то создал, он предупредил меня...

— И это заставляет тебя превращаться?

— Да, я думаю.

— Но ты не Темное существо...

— Я, Сириус... — но он не успел продолжить, его выгнуло, и он взвыл. Вдруг он ухватил за ворот рубашки Сириуса, едва не задев его шею своими когтями.

Сириус потянулся и схватил его в свою очередь:

— Лунатик...

— Посади меня в клетку, сделай это!

Сириусу это напомнило того маленького мальчика, которого он знал раньше, который боялся своих превращений. Однажды Лупин показывал ему, как это всё начинается:

— Изменения ломают мои кости, если я резко двигаюсь, то кости задевают кожу. Обычно родители связывали меня в такие минуты. Это немного помогает.

Но так было, когда Лупин был помладше, и его кости ещё росли, потом всё это происходило легче. Но почему ему снова больно?

Сириус подхватил его:

— Хорошо, идем.

Лезвие вошло в грудь Гарри, затем рукоятка, а затем полностью тело Драко, он провалился сквозь Гарри и упал на колени, меч выпал у него из рук. Он не хотел поворачиваться и смотреть на то, что он сделал. Он слышал только бешено, подобно локомотиву, стучит его сердце. А затем, как будто издали, кто-то кашлянул.

— Э-э, Малфой?

Драко обернулся, позади него стоял Гарри, он был таким же, как раньше, без какого-либо намека на раны. Просто выглядел слегка обеспокоенным. Тут Драко понял, что видит через Гарри контуры деревьев и далекие блики звезд. Сердце Драко, которое звучало недавно, как локомотив сейчас не выдавало себя вообще, как будто там зияла дыра. Он выдохнул и услышал собственный шепот:

— Ты что призрак? Ты мертв? Я убил тебя?

Гарри приподнял бровь:

— Я жив Малфой, и не лъсти себе, что ты смог убить меня, для этого ты бы...

Драко не мог сейчас ни о чем думать, он просто смотрел на Гарри:

— Ты мертв.

— Посмотри ещё раз.

— Ты прозрачный Поттер, — сказал Драко, не веря сам себе. — Если бы ты был жив, ты бы смог объяснить это.

Гарри убрал волосы с глаз:

— Я — проявление.

— Ну, думаю, это не то слово, которым бы я тебя назвал.

— Меня здесь нет, — объяснил Гарри. — В книге Салазара Слитерина было такое заклинание, и Лупин подумал, что этим можно воспользоваться. Это то же самое, что телепортация, но мое тело осталось в Особняке. Я могу только говорить и не могу ничего касаться, естественно я не мог быть убит. — Он протянул Драко руку

— Попробуй, возьми.

Драко попробовал, но его пальцы прошли сквозь пальцы Гарри, его и вправду здесь не было. Гарри убрал руку, Драко встал. Его ноги слегка подгибались:

— Не могу поверить, что Сириус разрешил тебе сделать это, даже если тебя нельзя убить.

Гарри заволновался:

— Ну... он не разрешил... он должен был идти со мной, но он занят, и мы подумали... В общем, я попросил Гермиону отправить меня сюда.

— Я мог бы убить себя прямо сейчас, и ты ничего бы не сделал, Прозрачный мальчик.

— Ты бы этого не сделал.

— Жаль, что отвлекаюсь на тех, кого еле вижу.

— Не знаю, нечто подобное уже происходило с тобой, может Слитерин хочет, чтобы ты умер? — резко сказал Гарри.

Драко посмотрел на него:

— Нет, я нужен ему живым.

— Молодой повелитель Малфой прав, — сказал чей-то голос.

Драко и Гарри были так увлечены, что не заметили, что кто-то в черной мантии стоял за ними. Глаза Драко расширились, когда он увидел маленького толстого человека, стоящего на дорожке. Он снял капюшон и, в отражении лунного света, что-то заблестело серебром...

Драко слышал, как Гарри выдохнул: «Червехвост.»

Гермиона смотрела на Гарри, который в этот момент странно задержался. Книга упала с её колен, она подошла и села рядом. Он снова затих. Но заклинание говорило, что он не будет двигаться. Он лежал неподвижно, но его дыхание стало учащенным, а глаза метались из стороны в сторону под веками. «Где ты Гарри? Что ты видишь?» — Подумала она: «Ты нашел его? С ним всё хорошо?» — Она почувствовала себя, так как будто проглотила разбитое стекло. Это было как-то по-другому, иначе, чем когда Драко был рядом. Она ужасно скучала по нему, по его язвительным шуткам, но с другой стороны она не хотела его видеть, потому что знала, что из этого может получиться.

Она убрала волосы со лба Гарри, он больше не двигался, и она взяла его за руку, таким способом желая быть поближе к нему. Это было пыткой, потому что она волновалась за Драко, но ещё более сложно, что она волновалась за Гарри. Она подумала о том, что если любовное зелье это наказание, то оно работает.

Дверь клетки закрылась позади Сириуса и щелкнула. Он дотащил Лупина до скамьи. Лупин перевернулся на спину, посмотрел на Сириуса и застонал:

— Когда я говорил, чтобы ты запер меня, я не имел в виду, что запер меня с тобой, Сириус.

— Я был с тобой раньше и сейчас смогу, я могу преобразоваться.

— Нет, — Лупин постарался сесть, и Сириус понял, как он плохо выглядит, бледный и вспотевший, он протер глаза. — Я сказал тебе, что это не как раньше.

— Он прав, — сказал голос позади них, и Сириус подскочил на месте, его сердце билось как сумасшедший бладжер. Он посмотрел вокруг и увидел лицо, серое и морщинистое с красными глазами, сверкающими, как драгоценные камни. «Демон» — подумал он. Он выглядел так, как будто ему здесь нравилось, он хотел просунуть руку сквозь прутья, но Сириус ему не позволил.

— Что ты про это знаешь? — спросил он.

— Оборотень прав, — повторил демон, противно улыбаясь, — Его зовут, он разорвет тебя в этой клетке.

— Заткнись, — Сириус снова повернулся к Лупину, который лежал на скамье, закрыв лицо руками. Всё вокруг источало дикий холод.

— Он прав? — отозвался эхом Гарри, смотря на Червехвоста, — Что ты имеешь в виду? В чем он прав? И как ты нашел нас?

Червехвост холодно улыбнулся:

— Нас? — повторил он, — Ты думаешь, что я искал тебя? К сожалению, я так же удивлен, молодой Поттер, увидев здесь вас, также, впрочем, как вы меня. Мне нужен Драко, его я и искал. — Гарри косо посмотрел на Драко, тот был бледен, но несколько не удивлен.

— Как ты нашел меня?

— Сначала повелитель наблюдал тебя через портключ, который дал тебе. Но когда ты его так невежественно потерял, мы упустили тебя, но не надолго, к счастью... — Червехвост захихикал, и что-то блеснуло у него в руке. Эпициклический амулет. — Твой отец был очень любезен, чтобы предложить Повелителю это взамен на...

— Экскурсию по останкам члена семьи Малфоев? — сказал Драко и его голос дрогнул. — Твой повелитель не любит справедливых сделок, не так ли?

— Он очень щедр к тем, кто принимает его, — холодно заметил Червехвост. Почему-то сейчас Гарри хотелось положить руку на плечо Драко, но он вспомнил, что его здесь фактически нет.

— Верни мне амулет, — Драко пристально посмотрел на Червехвоста, тот оглянулся, затем медленно и неловко он встал на колени. Драко косо поглядел на Гарри, и тот услышал голос в своей голове:

«...Что он делает?»

Гарри пожал плечами:

«...Может он хочет поиграть в чехарду?»

«...Хорошая идея, но я так не думаю».

Гарри почувствовал, как земля под их ногами вздрогнула, и каждого из них троих окружило огненное кольцо, но это был не тот огонь, теплый и мягкий, а холодный и безжизненный. Драко начало трясти. В эту секунду Червехвост начал что-то говорить, но это был не его голос:

— Драко Малфой, ты наследник Слитерина. Время пришло отправиться туда, где тебе предназначено быть судьбой по долгу крови. Время пришло принять наследство.

Драко била дрожь:

«...У меня вроде нет детей, точно нет, я бы знал об этом».

«...Наследство, идиот, а не многоженство. Это значит твоё наследие и судьба, и, по-моему, с твоими желаниями не считаются. Скажи ему нет».

Драко посмотрел на Червехвоста:

— Нет.

Червехвост засмеялся. Огонь вокруг запылал сильнее:

— Мой Повелитель дает тебе власть, которую ты даже представить не можешь.

— Как-то неопределенно. Когда говорят власть, это тоже, что ничего не сказать. Вот если пачку билетов на Кубок Мира по Квиддитчу и подписку на «Волшебные игры»? А? Мне нужно что-то, что я смогу подержать в руках.

Червехвост начал перечислять:

— Власть над погодой, драконами, людьми и Внешними Силами...

«...Драконы, власть над драконами?» — Драко выглядел задумчивым.

«...Малфой?»

«...Ну, ладно».

— ...Над жизнью и смертью. Он предлагает разделить с тобой Темный Трон и быть его левой рукой.

— И что мне для этого нужно сделать? — продолжал размышлять Драко. — Продать душу? Поверь, она такая же черная, так что огромное спасибо...

— О, нет, — поспешно сказал Червехвост. — Не надо продавать душу. Что мой повелитель будет с ней делать? Души нужны только демонам, потому что у них своих нет. Нет моему повелителю нужно твоё сотрудничество, вот и всё.

Драко посмотрел на Гарри:

«...Я что-то не верю этому парню, а ты?»

Гарри пожал плечами:

«...И я ему не доверяю».

Драко повернулся к Червехвосту и улыбнулся. Это была та улыбка, которой он недавно напугал Чарли. Мурашки побежали по спине Гарри.

— Я соглашусь с Поттером. В общем, я предлагаю тебе убрать свою задницу отсюда и...

Червехвост изменился в лице:

— Не надо меня оскорблять.

Драко фыркнул:

— Я думаю, у меня есть на то причины. Ты похитил моего друга и силой заставил выпить любовное зелье, этим ты убил её, как убил родителей Гарри. А теперь ты предлагаешь идти с тобой к твоему Повелителю, извини я не дурак. Пока ты не сделал мне ничего хорошего, чтобы начать тебе доверять, скорее наоборот. Короче ты не в моей команде.

Лицо Червехвоста потемнело:

— Так значит, ты отказываешься идти добровольно?

Драко вежливо улыбнулся:

— Мне очень жаль, что ты такой мерзкий противный идиот, разве ты не понимаешь?

Червехвост, казалось, этого не слышал:

— Ты — наследник, кроме тебя нет никого, у тебя есть право на особенное к тебе отношение.

Драко заинтересовался:

— Что это за отношение?

— Три раза я должен был спросить у тебя, принимаешь ли ты предложение добровольно, прежде чем я могу принудить тебя. Я спрашиваю в последний раз: ты идешь со мной, чтобы служить Повелителю?

Драко посмотрел на Гарри, затем повернулся к Червехвосту и покачал головой:

— Нет, не иду.

Червехвост улыбнулся:

— Тогда я вынужден буду забрать тебя.

— Вынужден... забрать меня? — Драко впился взглядом, граничащим с ненавистью. Он опустил левую руку, и меч вылетел из травы. Он направил лезвие на Червехвоста. — Попробуй, видел когда-нибудь разделенного надвое человека?

К удивлению Гарри Червехвост не выглядел взволнованно:

— Ах, да, живое лезвие, сделанное демонами. Оно великовато для тебя, не так ли? Может тебе больше подойдет рогатка?

Гарри смотрел на Драко, тот был в замешательстве:

«...Останови его. Сириус появится через минуту».

Червехвост встал на ноги, всё ещё улыбаясь. Гарри похолодел, но не от холода, а от какого-то нехорошего предчувствия.

— Ты знаешь, — начал Червехвост, — существовало три живых лезвия за всю историю. Твое, оно принадлежит Повелителю, Годрика Гриффиндора, но оно не было создано демонами, и ещё одно, его больше не существует. Оно было расплавлено Лордом Тьмы для другого оружия, — он поднял свою правую руку, лунный сет посеребрил его металлическую конечность. — Этого оружия, — его пальцы удлиннились и превратились в лезвие, которое очень напоминало меч Драко, хотя рукояткой было запястье Червехвоста. Глаза Гарри от удивления поползли на лоб. Драко выглядел также:

— Если бы ты хотел убить меня, ты давно бы это сделал, твоему Повелителю я нужен живым. Ты не убьешь меня.

Червехвост пожал плечами:

— Да, действительно, ты нужен ему живым, но он ничего не говорил насчет того, чтобы проучить тебя. Ты встанешь и тоже возьмешь свой меч.

Драко выглядел разъяренным.

— Так, прекрасно! — сказал он, — Иди и победи меня.

Они начали сближаться, оба лезвия зашипели столкнувшись. Драко рывком посмотрел на Гарри, как бы убеждая его не волноваться. Всё внутри Гарри передернулось: «Я сижу здесь как бесполезный дурак, Сириус, где ты? — Его глаза расширились. — Сириус, ты должен это видеть». Он вспомнил поместье Малфоев, и Люция, бросающего ему меч. Видимо для Драко эти уроки не прошли даром. Гарри немного знал о владении мечом, ему больше был интересен Квиддитч, но Драко действительно владел мечом. Червехвост очевидно не владел им, но его рука сама выполняла за него всю работу. Он был, как будто, привязан к лезвию, которое швыряло его из стороны в сторону. Глаза Гарри увидели, как лезвие Червехвоста почти вошло в ногу Драко, но тот вовремя подпрыгнул и увернулся.

— Очень мило, но ты мне надоел. И что? Думаешь, твоя рука тебя спасет? Давай! — меч Драко полоснул Червехвоста по руке, и тот отпрыгнул, завыв от боли. Но его меч не позволил ему уйти далеко, и Червехвост набросился на Драко с новой энергией. Драко почти увернулся, но конец лезвия, всё-таки, задел его по скуле, на рубашку брызнула кровь.

«...С тобой всё хорошо. Ты сможешь продолжить?» — Подумал Гарри.

«...Пока могу, он не может драться, но его меч может. Где Сириус?»

Гарри был в отчаянии:

«...Я не знаю. Я могу что-нибудь сделать? Я чувствую себя бесполезным».

«...Ты и так бесполезен».

«...Спасибо».

«...Ты так же бесполезен как презерватив в Ватикане».

«...Заткнись Малфой».

«...Я больше не могу. Ой!»

Червехвост нанес новый удар уже по руке Драко, но одежда спасла его, но это ещё больше разозлило Драко.

— Ублюдок, — прошипел он. Червехвост вспотел, пот градом катился с его лысины, и казалось, он хочет уйти, но Живое лезвие мешало ему. Гарри с ужасом наблюдал, как глаза Червехвоста смотрели в ужасе на свою руку. Драко сделал выпад и поранил ему руку. Теперь они были на равных.

«...Я всегда думал, что...»

Мысль Драко прервалась, потому что их мечи со страшной силой столкнулись, Червехвост не удержался на ногах и полетел в кусты. Гарри видел, как он не смог подняться, его Живое лезвие застряло в земле.

Драко подошел к нему и поднял свой меч, в отблеске лунного света он засиял. Червехвост издал какой-то нечленораздельный звук, он правой рукой судорожно пытался вытащить левую из земли. Драко взглянул на Гарри.

«...Прикончи его».

Драко вопросительно посмотрел на него:

«...Ты бы убил его?»

«...Да».

«...Я никогда никого не убивал».

«...Что правда?»

Яркая вспышка раздражения блеснула в глазах Драко:

«...Спасибо за доверие Поттер, да, я никого не убивал».

«...Извини».

Драко снова поднял меч, Червехвост вскрикнул. Драко вздрогнул и сделал шаг назад, в это время у Червехвоста получилось высвободить руку.

«...Малфой, осторожней!» — подумал Гарри, но было поздно, Червехвост свободной рукой толкнул Драко. С удивленным: «О-о-о-у» — Драко попытался балансировать на краю обрыва. Как парализованный Гарри наблюдал, как руки Драко раскрылись в невидимом полете, меч отлетел в сторону. Через секунду Гарри услышал всплеск. В голове он поймал отчаянный голос Драко: «Я не умею плавать» — Гарри кинулся к обрыву. Лицо Червехвоста исказилось ужасом, он понял что натворил, и он телепортировался.

Гарри не мог уже ничего чувствовать, в его голове вспыхнула ужасная мысль. Этого не может быть. Он подбежал к краю обрыва, но, посмотрев, ничего не увидел в черной воде. Только рябь на поверхности.

— Малфой! — крикнул он, — понимая свою бесполезность. Ответом была тишина. — Малфой! — Гарри в отчаяние посмотрел на звезды. — Сириус, где ты?

С поместье Малфоев, Гермиона почувствовала, как судорожно рука Гарри схватила её за запястье.

— Гарри, — шепнула она. — Гарри, — Его мускулы напряглись, вдруг он выгнулся дугой. Гермиона ударила его по щеке. — Гарри, что происходит? — Она попыталась обнять его за плечи, но он вырвался. Она снова схватила его за руку. — Где он? Что случилось? Всё в порядке, Гарри. Он не может причинить тебе вред, — шептала она.

Гарри тряс головой и кричал. Единственное, что поняла Гермиона это:

— Сириус, где ты?

Гермиона в ужасе смотрела на Гарри: «Ему нужен Сириус, я должна найти его» — Она нехотя отстранилась от Гарри. Он продолжал метаться, как будто ему снился кошмар. С ним всё хорошо. Ведь с ним ничего не должно случиться, Лупин говорил, что не должно. И вдруг она почувствовала,

что что-то исчезло. Это. Это чувство внизу живота, которое появилось, когда Червехвост дал ей зелье. Это ушло. Его нет. Гермиона согнулась, не в состоянии думать об этом. Проклятье исчезло.

«Драко...»

Она выскочила в коридор, она бежала по длинным галереям и звала Сириуса. Гермиона знала, но не могла принять это. Если верить проклятью, значит слишком поздно...

Глава 9. Выбор

Часть первая. Между жизнью и смертью

Каменный коридор был освещен расставленными то тут, то там бездымными факелами, которые украшал резной узор из змей. Не обращая на них внимания, синеглазая женщина бесшумно спешила в холл. На мгновение замерев перед дверью, она постучала. Ей открыла рыжеволосая женщина с усталыми глазами, которые полыхнули темным огнем, когда она увидела, кто стучал.

— Ровена... — произнесла она. — Ты пришла... Он спрашивал о тебе.

— Он умирает, Хельга?

— Не знаю. Одна из тех змеек, с которыми он без конца играет, использует в своих экспериментах... она укусила его за руку. Я пробовала Заклятье Противоядия — но, похоже, оно не помогает.

— Я хочу его видеть.

Хельга вздохнула: — Заходи.

В комнате Ровена надолго замерла, глядя на молодого мужчину, что лежал на кровати, откинувшись на подушки. Его глаза были сомкнуты, под ними залегли темные полумесяцы синяков. Лихорадка качала его в медленном танце с одного края кровати на другой. На почерневшем предплечье темнел след ядовитого укуса. Ровена не была уверена, спит мужчина или нет, потому стояла неподвижно. Открыв глаза, он взглянул на нее: — Ты можешь подойти ко мне... Это змеиный яд, я не заразен...

— Я не знала, хочешь ли ты, чтобы я подошла... — произнесла она и села на табурет рядом с кроватью, искоса разглядывая его. Серебристые волосы слиплись от пота, облепив его голову, серые глаза горели от лихорадочного жара — болезнь сделала его каким-то юным, беззащитным...

— Кто бы мог послать за тобой, если не я? — спросил он.

— Никто не посылал за мной. Я услышала, что ты болен.

— Значит, сострадание и жалость перебороли то отвращение, что ты ко мне питаешь, и привели тебя к моей постели? Весьма похвально. Что об этом скажет Годрик?

Она затаила дыхание. — Годрик не знает. Как твоя жена?

— Она мне не жена, — сверкнул он глазами. — Я же говорил тебе.

— Ах, да, это же одно из твоих созданий... Как ты там ее назвал?...

— Вила, — нетерпеливо ответил мужчина. — Она мне не жена, зато она любит меня, она послушна, она дает мне все то, что ты дать не можешь. И она подарит мне наследника. — Да, а когда ты ее сердишь, у нее вырастает огромный клюв, которым она пытается выклевать тебе глаза...

— Не бывает полностью удачных экспериментов, — чуть развеселился он, попытавшись приподняться в подушках. — Хотя, если подумать, волко-люди... — я горжусь тем, что мне удалось сделать.

— А тебе не приходило в голову, что это жестоко? Создание новой расы — не животных, не людей, что-то третье? А что произойдет с ними, когда тебя не будет?

— Я не планирую никуда уходить.

— О, Боже, не начинай снова. Ты должен остановить все это, все эти ужасные эксперименты с Темными Искусствами. Ты не можешь призвать Силы Ада и не ждать никаких последствий. Будь благоразумен.

— Если ты пришла только затем, чтобы заниматься нравоучениями, то можешь уходить.

— Прекрасно, — произнесла Ровена, подбирая свою мантию, но он внезапно властно схватил ее за запястье, заставив поморщиться.

— Это нечестно, — заметил он, — с того времени, как мы были детьми, мы ведь всегда сохраняли доверие друг к другу?...

— Но я тебе больше не доверяю, — отрывисто ответила она, его пальцы разжались, и рука скользнула вниз, переплетя его пальцы с ее. Его кожа горела жарким лихорадочным огнем.

— Чего тебе нужно от меня, Салазар?

— Я умираю, — ответил он, — но если ты захочешь, я останусь жив... Яд, болезнь, ранение — ничто не сможет нанести мне урона. Я буду неуязвимым.

Она отвернулась, и взгляд ее окаменел: — Люди не намереваются жить вечно... Почему с твоими знаниями и могуществом ты не пытаешься сделать что-то доброе? Ты бы мог стать целителем как Хельга... ты мог бы возвращать людей к жизни вместо того, чтобы расчленять их и использовать куски для экспериментов...

Он приподнялся и сел, глядя на нее, его серые глаза горели таким лихорадочным огнем, что казались синими.

— Я мог бы... — произнес он. — Да, я мог бы, если бы ты мне помогла. Останься со мной, Ровена — я обещаю, я клянусь! — я откажусь от Темного Искусства, я сожгу мои книги, уничтожу мои эксперименты... — он осекся и потянул ее к себе их сплетенными руками. Она позволила опустить себя на постель рядом с ним и уткнулась лицом ему в плечо, почувствовав, что вес ее причиняет ему невыносимую боль. Через связь, объединяющую их, она чувствовала и то, что он не хочет, чтобы она отпрянула от него; и то, что яд в нем был черен и горяч... Она поняла, что боится за него, и одновременно — боится его...

— Я кое-что тебе скажу, — произнес он. — Я сам разрешил змее укусить меня.

— Почему, Салазар?

— Я думал, что, если я буду при смерти, ты придешь повидать меня. Не смейся — я же был прав. Ты же здесь...

— Я не собиралась смеяться...

— А я не собираюсь умирать. Не теперь, когда ты здесь. Не покидай меня, — произнес он, и она через все покрывала почувствовала, как бешено заколотилось его сердце. Он потянулся к ее лицу, провел пальцем от виска к губам.

— Ты единственное, что имеет для меня значение, единственное, от чего я никогда не откажусь...

— Именно так бы ты и поступил, — сказала она сквозь его пальцы, — ты бы пожертвовал мной вместе со всем остальным.

— Только не тобой. Никогда.

— Посмотрим.

— Сириус! — заорал Гарри. — Сириус, где ты?!

Ответа не было, но внезапно Гарри осознал, что все ближе и ближе раздается звук шагов. Обернувшись, он увидел Рона — босого, в пижаме, бегущего со всех своих длинных ног. В руках у него была палочка. Он кинулся к Гарри — к обрыву карьера.

— Что происходит? — запыхавшись, спросил он.

— Малфой упал, — коротко ответил Гарри. — Я ничего не могу сделать: Гермиона послала меня сюда как Видение. Рон, может, ты...

Но Рон уже бухнулся на колени, указывая палочкой во тьму карьера.

— *Зовио!* — закричал он, и вода разверзлась, переливаясь черным и серебристым. Тело Драко взлетело из нее в воздух и приземлилось между ними на траву, смятое и скорченное, словно выброшенная игрушка.

Рон взглянул на Гарри. Его лицо в лунном свете было белым, от этого веснушки казались чернильными брызгами.

— Пощупай у него пульс.

— Я не могу. Я вообще не могу ничего пощупать...

Выругавшись, Рон потянулся, чтобы перевернуть Драко, и у Гарри упало сердце — кожа его была бледной и посиневшей, совершенно безнадежной на вид, веки лиловые. На фоне безжизненного цвета кожи шрам на левой руке чернел, словно налитый чернилами.

«Малфой», — наудачу мысленно окликнул его Гарри, но не сумел направить свою мысль наружу, она канула в пустоту, как брошенный мяч, который некому было поймать.

Рон пощупал пальцами горло Драко, поднял глаза и покачал головой: — Пульса нет...

— Нет пульса? — Гарри не мог в это поверить. — Но он же не мог пробыть там настолько долго...

— Я же сказал — пульса нет, — к удивлению Гарри Рон поднял свою палочку и указал ей Драко на грудь: — *Суспиро!*

Грудь Драко приподнялась и опустилась. С серьезным и взволнованным видом Рон сильнее нажал кончиком палочки на грудную клетку Драко и повторил: — *Суспиро!*

На этот раз тело Драко не двинулось, он безжизненно лежал, по волосам стекала кровь и вода, грудь не вздымалась...

Внезапно Гарри вспомнил первое мертвое тело, что ему пришлось увидеть, — тело Седрика. Он вспомнил, что смотрел на него и знал — сам не понимая, откуда, — совершенно точно знал, что тот мертв. И сейчас было то же самое...

Хотя он сам был только видением, иллюзией, он почувствовал, что внутри у него все похолодело — это странное, паническое чувство ни разу прежде не посещало его. Впрочем, нет — это ощущение уже было однажды: когда, привязанный к могиле отца Вольдеморта, он смотрел, как Червехвост приближается к нему с ножом. Тогда он испытал животный ужас — он был уверен, что сейчас у него что-нибудь отрежут — кисть, руку — то, что уже не восстановить...

— Рон, — попросил Гарри, — сделай что-нибудь...

В отчаянии Рон снова попробовал: — *Суспиро вивикус!* — с выражением произнес он. — *Суспиро вивикус тоталус!*

Ничего не изменилось: израненный Драко по-прежнему лежал, выглядя совершенно, совершенно мертвым. Рон поднял на Гарри полные шока и потрясения синие глаза и невнятно пробормотал: — Гарри... Он мертв...

— Пробуй еще, — покачал головой Гарри.

— Нет смысла — он мертв. Если бы это было не так, он бы откликнулся на заклинание. Его сердце остановилось...

— Брось палочку, Рон.

— Что?

— Опустит палочку.

Рон подчинился.

— А теперь делай точь-в-точь, как я тебе скажу.

Рон взглянул на Гарри, как на ненормального. Гарри и сам до конца не был уверен в том, что это не так. У него было ощущение, что он цепко схватился за что-то очень скользкое, было ощущение, что сейчас он впадет в истерику... — он не мог себе этого позволить.

— Так, — начал он, четко выговаривая каждое слово. — Открой его рот.

Рон сделал это, с сомнением искоса взглянув на Гарри.

— Он ледяной.

— Запрокинь его голову. Хорошо. Вот так... А теперь приложи свой рот к его и гони воздух ему в легкие...

— Что?! — отшатнулся Рон.

— **ДЕЛАЙ, ЧТО ТЕБЕ ГОВОРЯТ!**

— Ладно, ладно...

— Ну, ведь есть же что-то, что я могу сделать?

— Ты можешь уйти из клетки, Сириус, — ответил Лупин. Он лежал на спине, закрыв руками лицо. Каждый раз, начиная стонать и судорожно изгибаться, он обхватывал себя руками. Глядя на него, Сириус не мог понять, где локализовалась его боль — казалось, она была везде.

— Слушай, Лунатик, если будет нужно, я просто превращусь...

— Я не уверен, что это поможет... Черт!... — тихо добавил Лупин, вздрогнув, он отнял руки от лица и теперь смотрел, как на концах его пальцев прорастают острые отточенные когти. — Что происходит?

— Ты чувствуешь то же, что и при превращении? — спросил Сириус.

Лупин покачал головой: — Слово кто-то взял Превращение и тянет его, тянет... Оно никогда не длилось так долго, ты же знаешь, — он осекся, содрогнувшись от боли, и поднял взгляд на Блэка. — Сириус, а что, если я... застрял в этом процессе? Посередине?...

— Да все в порядке, — произнес Сириус, неуклюже хлопнув его по плечу. — Я слышал, в этом сезоне будут носить длинные зубы и ногти...

Лупин рассмеялся, но его накрыл новый спазм боли, от которого он сморщился и отвернулся к стене.

— Что ж такое?... — пробормотал Сириус, нащупывая в кармане свою палочку. Мысленно он вернулся в Хогвартс, где находился рядом с Лупиным во время Превращений, но обычно это было хотя и болезненней, но гораздо быстрее; и Болеутоляющее заклинание никогда не было... Он замер. Карман был пуст.

Сириус выругался. Пожалуй, даже заковыристей, чем Драко, хотя и значительно короче. Фыркнув, он повернулся, чтобы посмотреть на злорадство, разливающееся по прижатому к решетке лицу демона из клетки напротив.

— Только идиот мог оказаться запертым в одной камере с оборотнем, — сообщил тот. — Однако оказаться в камере с оборотнем, призываемым Темными Силами, мог только наследник трона Королевства Идиотов.

Сириус сверкнул на него глазами. Единственное, чего ему сейчас хотелось, — перемахнуть через разделявшее их пространство и вмазать по этой злорадной роже.

— Если ты не заткнешься, — вкрадчиво произнес он, — я закончу то, что начал делать с тобой Гарри...

Демон обнажил зубы и зашипел: — Ты ничего не знаешь...

— Я знаю, что ты пытался убить моего крестника.

Глаза демона завращались, от зрачков начали расходиться черные и красные концентрические круги: — Я не пытался убить его, — вознегодовал он и вдруг его красные глаза расширились. Обернувшись, Сириус увидел у себя за спиной волка.

Драко открыл глаза — или же только подумал, что сделал это, — однако не смог ничего увидеть, даже темноты — вообще ничего.

— Гарри, — попытался позвать он, но тоже не смог — у него не было ни голоса, ни горла. Это было как во сне — когда ты знаешь, что спишь, но не можешь проснуться...

— Гарри! — крикнул он, в этот раз услышав свой голос, и вскочил. Это движение словно бы разбило то стекло, за которым он находился, свет и цвет рухнули на него, словно вода, прорвавшая плотину в половодье. Он таращился в серо-зеленую мглу и темноту, тысячи теней вокруг не вызывали никаких знакомых ассоциаций.

— Где я? — крикнул он, скорее, чтобы услышать свой голос, нежели собираясь получить ответ на свой вопрос. Он и не получил его.

Опустив взгляд, он осмотрел себя в том призрачном, неизвестно откуда идущем свете — все в той же, что и в последний раз, одежде, хотя почему-то без меча и сухой. Какая-то темная спекшаяся масса покрывала всю его рубашку спереди — он знал, что это была кровь с его лица. Прикоснулся к скуле — как можно осторожней — но не почувствовал боли, хотя рана по прежнему была.

«Я умер, — подумал он и не почувствовал ничего особенного, только какое-то растерянное удивление. — Полагаю, убей я Червехвоста, у меня бы был шанс...»

Однако в глубине сердца он прекрасно знал, что не сделал бы этого.

Драко сделал шаг во мглу, потом еще один, и внезапно она рассеялась, показались очертания места, куда он попал. Унылая скалистая равнина, серая и пустынная, простиралась во все стороны, куда ни глянь. Впереди слоились тени, подойдя к которым, он увидел узкую стремительную реку с серой водой. Противоположный берег был заполнен какими-то массивными серыми формами — камнями? деревьями? — было трудно понять; и он сделал еще один шаг вперед.

Из ниоткуда прозвучал голос: — Стой, где стоишь.

Драко огляделся — вокруг не было никого, кто мог бы обратиться к нему. Он кашлянул и спросил: — Почему?

— Эта вода не для тебя.

— Где я? Это ад?

Теперь голос звучал задорно: — Это не ад. Это Середина.

— Между чем и чем?

— Между жизнью и смертью.

— А почему эта вода не для меня?

— Живой, пересекший эту реку, становится мертвым. Ты пока ни тот, ни другой. Предлагаю тебе выбор.

Драко был озадачен: — Выбор?

— На весах — твоя жизнь, — резко произнес голос. — Меня интересует только результат.

— А что, если бы я все равно шагну вперед и пересеку реку? — поинтересовался Драко. — Ты не можешь это сделать, пока в тебе еще теплится жизнь. Однако, — в голосе снова зазвучали веселые нотки, — ты вполне можешь попробовать...

Драко упрямо зашагал вперед, растрескавшаяся земля под его ногами не отвечала ни единым звуком. Туманные формы по ту сторону реки колыхнулись вперед, когда он приблизился к берегу, он пригляделся к ним, и в этот миг мгла сфокусировалась.

Драко понял, в чем дело: по ту сторону реки толпились души; неисчислимые и мятущиеся, они одновременно казались совсем близкими и неизмеримо далекими. Приглядываясь, Драко даже мог различить отдельные лица и тела, но, лишь он отвел взгляд, они тут же слились в бесформенную серую массу. Тряхнув головой, он снова взгляделся — и в этот миг заметил какое-то движение — не хаотичное, а вполне целенаправленное.

Казалось, будто несколько душ в этой безликой толпе расталкивали других, словно хулиганы на матче по Квиддитчу. У Драко появилось странное, необъяснимое чувство, что они стараются пробраться к нему. Он сделал еще шаг — но и река, и души качнулись и отодвинулись назад.

— Ты не можешь пересечь ее, — повторил холодный голос.

Похоже на правду.

Драко остановился и замер на обрыве, когда три толкающихся души — две женщины и мужчина, как он мог теперь видеть, — выбрались из толпы и подошли к откосу противоположного берега — прямо напротив Драко. Высокая женщина взгляделась в его лицо, ее рот открылся от удивления: — Салазар?

Драко похолодел. И присмотрелся. И когда он присмотрелся, то их лица сфокусировались, контуры стали четкими, цвет прилил к их лицам и одежам. Высокий мужчина со стриженными черными волосами, маленькая полная женщина с длинной спутанной пламенеющей шевелюрой и темными глазами Джинни и та женщина, что разглядывала Драко — ее синие глаза были полны невыразимой тоской и испугом...

Он понял, что знает этот голос. Именно он заходил в его голову, когда приближались демониторы, именно он вопрошал, что же он наделал.

— Ровена... — произнес Драко, поняв, кто она. — Ровена Рэйвенкло?

Темноволосый мужчина — Годрик — встал перед ней, гневно сверкая глазами, его очертания чуть колебались, но были отчетливы.

— Ну, наконец-то ты умер, — произнес он. — Мы тысячу лет ждали кого-то, кто наказал бы тебя по заслугам и положил конец твоему бездарному, дрянному, ворованному существованию...

Судя по всему, Годрик был готов продолжать эту тему бесконечно, но Драко перебил его.

— Я не тот, о ком вы думаете, — сказал он. — Я не Салазар Слитерин.

Души усомнились.

— Приглядитесь ко мне, — настаивал Драко.

Ровена, медленно опустила руку, прижатую ко рту.

— Годрик... Он не может быть Салазаром... Это только ребенок...

Все трое всматривались в него. Драко был возмущен: — Мне уже шестнадцать... Через несколько недель будет семнадцать.

— Ну, я бы не стал биться об заклад... — недобро заметил Годрик.

— Годрик! — перебила его рыжеволосая женщина — Хельга Хаффлпафф. — Прекрати его дразнить. Он — всего лишь ребенок, и он смертельно ранен.

Драко опустил взгляд на свою залитую кровью рубашку: — Я не был смертельно ранен, — недовольно поправил он. — Я утонул... во всяком случае, этот вопрос пока находится в процессе

рассмотрения.

— Правда? — взгляд Годрика поскущел. — Это редко что-то меняет.

Драко раздраженно взглянул на него. Его поразило, что Годрик ему не нравится. И еще его поразило, что, для того, чтобы освободиться от Трагического и Разрушительного Повторения Истории, он должен стать мудрым и постараться его полюбить. Но ему вовсе не хотелось это делать.

«Годрик, — подумал он, — изрядная задница».

— Ты умер, мальчишка, — произнес Годрик с глубоким удовлетворением, от которого антипатия в душе Драко окрепла и затвердела. — Это факт: ты мертв.

Драко молчал, не в состоянии придумать достойный ответ. «Вовсе нет» было каким-то стилистически неопределенным, «Да что вы?» — слишком фривольным.

В конце концов, он довольствовался тем, что послал Годрику улыбку: — Может, я и покойник, но все еще весьма симпатичный, — бодро заметил он. — Чего бы я не сказал про вас.

Казалось, что Годрик сейчас просто лопнет от злости, — Драко отметил, что теперь его очертания стали более твердыми и четкими, словно он стал более реальным, цвет его лица, глаз, волос, одежды — все стало более живым. Драко мог увидеть, что Годрик имел определенное сходство с Гарри — повзрослевшим Гарри, который провел немало времени, таская тяжести: его ручки были просто огромны.

Пожалуй, это неплохо, что Годрик, похоже, тоже не может пересечь реку: Драко не знал, почувствует ли он в своем нынешнем состоянии что-то, если ему дадут по физиономии... и узнавать это не собирался.

Ровена все смотрела на Драко со смешанным выражением на лице.

— Ты говоришь, как Салазар... И выглядишь, как он.

— Я его Наследник, — сообщил Драко, не видя особых причин скрывать эту информацию.

— Поэтому ты проклят, — подхватил Годрик. — И, по счастью, убит.

Драко раздраженно уставился на него: — Вы вообще можете сказать что-нибудь приятное?

— Годрик, — предупреждающим тоном произнесла Хельга, и Годрик, покосившись на Ровену и Хельгу, начал переминаясь.

— Ну, он проклят, — пробормотал он, — если он действительно Наследник Салазара...

Повернувшись к Драко, он спросил: — А откуда ты знаешь, что ты наследник Слитерина? — Оттуда, что мне это сказал Слитерин, — отрезал Драко.

— Сказал это? — выдохнула, расширив глаза, Ровена. Как и Годрика, сильное переживание сделало ее очертания более отчетливыми. Драко мог видеть, насколько она похожа на Гермиону — это испугало его. Он частенько разыгрывал разные фантазии, в которых они с Гермионой попадали в разные места, — однако загробный мир не был одним из них.

— Ты хочешь сказать, что он жив, что один ходит среди людей — как человек?

— Он жив, я его видел. Но он не очень силен — у него нет Источника...

Душа Ровены начала задумчиво прохаживаться по кругу.

— Это будет не в последний раз... Салазар умен и найдет себе другой Источник. Он не пытался использовать тебя? — качнув головой, она пристально взглянула на Драко. — Хотя нет, он бы не стал... Только не своего Наследника... он постарается найти кого-то другого... Его нужно удержать от этого. Я содрогаюсь при мысли о тех разрушениях, что он может совершить от отчаяния... Именно поэтому мы сначала лишили его свободы...

— Он сказал Гермионе, что просто скрылся ото всех...

— Он солгал. Просто он не хотел, чтобы узнали, насколько слаб он был, не хотел, чтобы ты узнал, почему он все-таки пал... Мы с Хельгой не могли его убить, но мы его лишили сил.

Она подняла взгляд на Драко:

— И ты тоже можешь это сделать. Если я расскажу тебе, что сгубило его, ты сделаешь это?

— Видите ли, в чем дело... ради вас я бы с удовольствием занялся Слитерином, но у меня есть пара небольших проблем другого плана, — безропотно согласился Драко. — Во-первых, я некоторым образом мертв. Во-вторых, я опять же мертв. Я понимаю, что это чисто техническая проблема, однако настолько большая, что о ней стоит подумать по крайней мере дважды.

— Ты не являешься мертвым до тех пор, пока не пересечешь реку, — ожесточенно повторила Ровена. — Для тебя еще не все решено. Значит кто-то пытается вернуть тебя к жизни.

— Наверное, Гарри, — мрачно предположил Драко. — В его нынешнем состоянии он вряд ли сумеет сохранить жизнь золотой рыбке... Нет, боюсь, что я окончательно и бесповоротно влип.

Казалось, Ровена хочет отшлепать его, теперь она еще сильнее напомнила ему Гермиону.

— Так, а теперь послушай...

— Ты хочешь умереть, дитя? — мягко спросила душа Хельги Хаффлпафф.

Драко потупился и начал рассматривать свою запекшуюся от крови рубашку. — Не знаю... Не уверен, — он огляделся по сторонам. — Во всяком случае, здесь вполне мирно...

— Мирно? — недоверчиво переспросил Годрик. — Это место не тех, кто почил в мире. Это земля тех, кто был убит, кто ушел раньше положенного ему срока, чья кровь на земле жаждет отмщения...

— Годрик, пожалуйста, — перебила его Ровена, — не делай из происходящего пьесу в трех частях.

— Вы все были убиты? — поразился Драко.

— Ну, не совсем... — пояснила Ровена. — Салазар убил Годрика... Годрик, милый, ты же знаешь, что это так...

— Ублюдок, — пробормотал Годрик, — он подкрался ко мне со спины.

— Что ж, тебе бы следовало быть повнимательнее. На тебе же были волшебные доспехи... Я говорила тебе, что это тебе это не поможет, но ты должен носить их все равно...

— Очень даже помогало...

— Годрик, твоими последними словами были «Ты не убьешь меня, на мне волшебные аааааа...»

— О, замолчи, — попросил Годрик.

Ровена снова покачала головой: — Я думаю, что Салазар посчитал это в некотором извращенном смысле самозащитой... — пояснила она Драко. — Мы прекрасно понимали, что должны предпринять некоторые шаги, чтобы защититься от него. Совместными усилиями мы подменили его магическое оружие фальшивкой, но он обнаружил наши планы. Первым он напал на Годрика. Потом он атаковал нас — Хельгу и меня — но мы были готовы к этому, готовы к битве, хотя он был очень силен. Поразив Хельгу, он взялся за меня. Однако он засомневался, — голос Ровены дрогнул, — и я успела произнести заклинание, лишив его магической силы. Однако потери моих Магидовских сил были настолько велики, что это убило меня... И вот — мы все здесь.

— И вы желаете ему смерти, — подытожил Драко.

— Если он и может быть убит, — тряхнула волосами Ровена, — то только при помощи знаний, которые я передам тебе. Я могу сказать, как лишить его свободы и могущества. И затем — тебе нужны три Наследника и их Ключи. Скажи мне, живы ли они — наследники других Основателей?

Сомневаясь, Драко взглянул за ее спину, на берег, переполненный колышущейся серой массой душ.

— А вы разве не знаете? Несомненно, тут есть другие... э-э... души, которые могли бы рассказать вам...

— Без живого человека, который может рассматривать нас, мы не имеем формы, почти не имеем мыслей... Здесь нет ни времени, ни речи — здесь ничто не имеет значения.

— То есть вы не можете общаться друг с другом? — потрясенно спросил Драко. — Голос сказал мне, что это не ад, но с моей точки зрения, именно он это и есть.

К его удивлению откликнулся Годрик: — Тут есть разница: ад — это навеки. Мы же здесь только до тех пор, пока не отомщены.

— Отомщены? — поворачиваясь к нему, эхом откликнулся Драко, но был прерван ясным голосом, раздававшимся из серой массы душ, маячившей за тремя Основателями.

— Смертный мальчик, — услышал Драко. — Мне знакомо твое лицо... Кто ты?

Драко обернулся на голос, но увидел только бесформенную тень с яркими глазами — незнакомую, не вызывающую никаких ассоциаций.

— Драко Малфой, — стараясь говорить громче, назвался он. — И, если вы не заметили, я сейчас кое с кем разговариваю.

Драко снова обернулся к Ровене — казалось, что без его пристального взгляда ее облик как-то потускнел, Годрик и Хельга, замершие позади нее, вообще стали почти прозрачными.

— Простите, — начал он, но тот же голос снова окликнул его.

— Сын Люция Малфоя?

— Да, — ответил ему Драко.

— Тогда я требую, чтобы ты говорил со мной.

И раньше, чем эти слова достигли ушей Драко, душа Ровены неожиданно потускнела, слова стали нечеткими и неразборчивыми — как в Волшебной Беспроводной Связи во время сильной грозы.

— Эй! — позвал он и увидел, как губы Ровены задвигались, она подалась вперед... И Основатели пропали. Другие души протолкнулись вперед, заняв их место. Повернувшись к ним, Драко похолодел и охнул, словно от удара.

Через узкую реку напротив него стояли две темные фигуры. Высокий мужчина в очках с растрепанными черными волосами и рядом — женщина с до боли знакомыми темно-зелеными глазами. Даже если бы Драко не видел карточек, что Сириус держал у себя на столе, даже если бы он не смотрел старые выпускные альбомы Хогвартса, он бы все равно понял, кто перед ним.

Он смотрел на родителей Гарри.

— Скрести его руки. Сложи их у него на груди и дави. Сильнее.

— Хорошо.

— Еще сильнее.

— Я ему сейчас уже ребра поломаю...

— Ты стараешься запустить его сердце, о каких ребрах может идти речь? Давай еще раз.

Другой голос: — Что происходит?

Гарри поднял глаза: — О, черт, Джинни...

— Что такое с Драко? — ее голос задрожал. — Он умер?!

Рон с надеждой посмотрел на Гарри: — Может, она этим займется?

— Нет, ты сильнее, — ободряюще произнес Гарри. — Не останавливайся, дыши в него, ну, давай...

— Все кончено, Гарри... Он мертв.

— А ну, делай! — хором закричали Гарри и Джинни, и Рон подчинился.

Гермиона неслась по ведущему к темницам коридору, спотыкаясь на выбоинах неровного каменного пола, сшибая углы, пока вдруг не поскользнулась на чем-то, валяющемся на полу, и не полетела кувырком, разбив колени. Боль была резкой и мгновенной, Гермиона перевернулась и, помогая себе руками, встала, вглядываясь, что же остановило... Палочка. Кажется, палочка Сириуса. Она было потянулась к ней, чтобы поднять, но в этот миг ее чуть снова не опрокинул душераздирающий, леденящий кровь рев, разорвавший подземный воздух. Будто бы в лицо ударил ледяная волна — ветер ли, вода ли, словно ночь, холод и одиночество враз обрели наводящий ужас голос... Лупин.

Забыв про палочку, прихрамывая, Гермиона снова побежала, ориентируясь на вой. Завернув за угол и споткнувшись, она очутилась у запертых ворот темницы, распахнула их и вбежала внутрь, зовя Сириуса.

— Я здесь, — раздался короткий отклик из камеры в конце коридора.

Гермиона рванулась к нему — и остолбенела.

Сириус вжался спиной в дальнюю стену камеры, а между ним и дверью стоял волк. Волк размером с небольшого пони, серебристый с серыми подпалинами, оскаленный, рычащий, с прижатыми к голове ушами.

«Это же он, — напомнила она себе. — Лупин. Ты же видела его превращение раньше... Хотя, несомненно, превращаясь, он никогда не становился таким... — огромным? свирепым?»

— Сириус, — зашептала она, — обернись животным... Ты же говорил, он опасен только для людей!

— Я пытался, — ответил Сириус. — Не помогает. Гермиона...

— Только не говорите, что я должна убраться отсюда, — резко перебила его Гермиона, — я не уйду и не брошу вас тут на съедение!

— Он не съест меня, — начал Сириус, и был прерван очередным холодящим кровь рычанием. —

Ну... — поправился он, отодвигаясь как можно дальше от волка, — если он это и сделает, то впоследствии будет сильно расстроен...

— Право слово, он сожрет тебя, — встрял демон. — Как только Призыв станет сильнее... Я даю тебе... минут пять.

Гермиона не обратила на это внимания: — Сириус, ну должно же быть что-то...

— *Ликант*, — быстро откликнулся Сириус. — Та серебряная штуковина Драко... ну, он еще использовал ее как портключ — мне нужна она! Можешь вызвать ее?

Гермиона уже вскинула свою палочку: — *Зовио Ликант!*

Повисла короткая тишина. Она ждала. Сердце колотилось в груди, в камере рычал волк, Сириус хранил гробовое молчание. Перед ее глазами промелькнула картинка из прошлого: Гарри, стоящий на поле перед первым заданием, вскинувший руки в ожидании своего Всполоха... Ждущий... ждущий...

Клинк!

Ликант летел к ней, отскакивая от решеток клетки напротив, и Гермиона уже потянулась, чтобы схватить его. Ее пальцы сомкнулись на нем, она повернулась к Сириусу...

Чернота была ослепительна, у нее перед глазами все померкло. Пошатнувшись, чуть было не упав, Гермиона ушиблась спиной о каменную стену. Темнота затопила все.

А потом пришел свет.

Перед ее внутренним зрением, быстро сменяя друг друга, замелькали образы: она увидела окруженный водой замок, мужчину, вокруг предплечий которого обвились змеи, бледную синеглазую женщину с серебристым заклатьем на витой цепочке вокруг шеи, лабиринт, зеркало с полированной поверхностью, отражавшей только темноту.

Неожиданно перед глазами все прояснилось, и вот она снова таращится сквозь решетку на Сириуса и оборотня, все еще запертых и играющих друг с другом в зловещие гляделки. Колени ее дрогнули, в ушах зашумело — однако Гермиона уже точно знала, что ей нужно сделать.

Она слышала, как Сириус выкрикивает ее имя, но не обратила на это ни малейшего внимания: вместо этого она прошагала к открытой двери, распахнула ее и вошла в клетку. Страху не было совсем, даже когда рычащий волк повернулся от Сириуса к ней, даже когда он ощерился, прищурился, мышцы его напряглись и задрожали...

— Гермиона! Вон! — услышала она отчаянный вопль Сириуса. Гермиона подняла руку с зажатым в ней серебряным *Ликантом* и протянула ее к оборотню.

Тот съехался и, жалобно завыв, попятился назад.

Глубоко вздохнув, Гермиона подняла руку с *Ликантом* выше.

— *Tutamen mali intus*, — закричала она, направив Ликант на оборотня, словно волшебную палочку, — *Cum monstrum colloquor, repulsus! Repulsus!*

Оборотень окаменел, веки его смежились, лапы задрожали, он рухнул на землю и замер. Гермиона вздохнула, и яркий свет где-то в подсознании погас, словно его выключили.

Пошатнувшись, она опустила руку и взглянула на Сириуса. Он был бел, как его собственная рубашка.

— Что ты сделала? И как?... — вытаращил он на нее глаза.

— Я не знаю, — прошептала она, ответив ему недоуменным взглядом. И вдруг она вспомнила, зачем же она здесь и, схватив его за ледяную руку, потащила к двери. — Сириус, ты должен пойти — это касается Драко и Гарри.

С колотящимся сердцем Драко повернулся к родителям Гарри, чувствуя, что самое малое, что он может сделать — это посмотреть им в лицо. Взгляд его остановился на отце Гарри — тот был настолько юн, что его с трудом можно было назвать чьим-либо отцом, он казался лишь чуть взрослее Гарри... Ну, конечно же... он же был всего пятью годами старше нынешнего Гарри, когда погиб...

Холод пронзил Драко. Встретившись глазами с Джеймсом Поттером, он увидел, что они были не зеленые, как у Гарри, а черные.

— Прости, что я прервал вашу беседу...

— О, — промолвил Драко, — ничего, все в порядке...

Драко смотрел Джеймсу в лицо, и к нему приливалась жизнь. Женщина выпрямилась, ее щеки порозовели, глаза пристально изучали Драко. Мужчина заговорил первым: — Ты только второй живой человек, которого мы встретили здесь, — произнес Джеймс. — И надо же такому случиться — ты сын Люция Малфоя... очень странное совпадение. Надо сказать, что мы с твоим отцом заклятые враги.

— Все в порядке, — успокоил его Драко. — Мы с моим отцом тоже заклятые враги.

Душа Лили Поттер подергала мужа за рукав. Джеймс глянул на нее, потом снова на Драко — тот внутренне напрягся, понимая, о чем сейчас пойдет речь.

— Если ты сын Люция Малфоя, значит, ты из Хогвартса... А если ты из Хогвартса, то, может быть, ты знаешь нашего сына? Его имя...

— Гарри, — закончил за него Драко. — Гарри Поттер.

Лили выпорхнула вперед и встала перед Джеймсом.

— Так ты знаешь его? — голос ее был светлым, дрожащим и ужасно милым.

— Да, я... он... все знают Гарри Поттера, — ответил Драко.

«Что ты делаешь? — зазвенел тоненький голос у него в голове. — Расскажи им больше, расскажи, что ты его отлично знаешь, что он тебе почти что брат, что он тебе друг — правда ведь? — что он тебе враг — тоже ведь правда?...»

«Я не могу, — ответил Драко. — Я просто... не могу».

— Все его знают, — решительно продолжил Драко. — Он... знаменит.

— Да, — согласился Джеймс, — последний живой, которого я видел, сказал мне то же самое, но больше он почти ничего не знал... — казалось, он вздохнул. — Здесь нет времени, час может оказаться минутой, мгновение — годом... Я не мог поверить, когда он сказал мне, что Гарри уже двенадцатый год...

Джеймс поднял на Драко свои черные глаза.

— Если он все еще в школе, значит он еще ребенок... Сколько ему сейчас?

Драко не мог взглянуть на него: — Как мне. Шестнадцать.

— Пожалуйста, — перебила их Лили, — расскажи нам про него, ну, хоть немножечко...

Драко посмотрел на нее и она, так же, как и Годрик, словно выкристаллизовалась из тумана, приобретя более четкую форму, черты лица стали более четкими, волосы вспыхнули рыжиной — почти как у Джинни, что-то между оттенком заходящего солнца и краем пламени свечи. Зеленые глаза, словно бы сам Гарри смотрел на него, просили, умоляли о том, чего он, как ему думалось, сделать не мог.

Драко откашлялся: — Что вы хотите знать?

— Все, — тут же ответила она. — Счастлив ли он? Что он обычно делает? Что он любит? Драко тараторил в прозрачные, бурлящие призрачной воды реки, мечтая раствориться в ней.

— Я... ну... я на самом деле не очень хорошо его знаю, и...

Лили издала разочарованный вскрик: — Но вы же вместе ходите в школу — ты же должен знать, что он из себя представляет!

Драко поднял взгляд и посмотрел на Лили, на Джеймса — на него тоже словно навели резкость, он стал неестественно, пугающе похож на Гарри, — обе души смотрели на Драко с надеждой и ожиданием.

«Боже, кошмар-то какой, — подумал Драко. — И что же я могу им сказать? Ну почему, почему я не Рон или не Сириус... не кто-то, кто по-настоящему знает его, заботится о нем... Если бы он выбирал, с кем могли бы поговорить его родители, я был бы последним человеком. **ПОСЛЕДНИМ!**»

— Гарри, он... — Драко отвел глаза, — он играет в Квиддитч за Гриффиндор. Он самый юный ловец за несколько веков. В прошлом году он стал капитаном и...

Драко умолк. Судя по их виду, души хотели узнать у него вовсе не это. Он почувствовал, будто проглотил язык — что случилось с ним крайне редко.

«А что бы я хотел услышать на их месте?» — спросил он себя. Его сбивало с толку то, что он никогда не был родителем (к счастью, как он подумал), а потому он не мог даже и представить. Вместо этого он постарался призвать в свой мозг Гарри — не внешний образ его, а его самого, чтобы снова стать им, думать, как он, помнить то, что помнил он, — чтобы почти стать им.

Драко прикрыл глаза.

— Мой отец, — произнес он, слыша как его собственному голосу вторит торопливое журчание воды, нетерпеливый шелест и шорох душ. — Мой отец часто говорил мне о чести, чести нашей семьи, нашей крови и нашего имени. Но за всю мою жизнь я ни разу не видел, чтобы он сделал бы что-нибудь честное и достойное. Я думал, честь — это только слово, что-то типа наследования... или преемственности — ну, вроде как ты тоже к чему-то причастен. Однако честь — это совершенно реальная вещь. Гарри как раз такой. Гарри — это первый человек, которого хочется призвать на свою сторону в битве, и последний, кто совершит когда-нибудь что-то бесчестное или непорядочное... Гарри — самая цельная личность, которую я знаю.

Душа Лили Поттер отвернулась и уткнулась своим бесплотным лицом в бесплотную грудь своего мужа. Ощущая, будто сказал что-то непоправимо жестокое, Драко со страхом взглянул на Джеймса. Тот, колышущийся и полупрозрачный, приобнял свою рыдающую жену и ответил ему взглядом.

— Ты ведь его друг?

— Временами, — уклончиво ответил Драко и добавил, — мне очень жаль... — Он вовсе не был уверен, просто ли он извиняется или же действительно сожалеет об этом.

— Не надо, — произнес Джеймс. — Я понимаю...

«Он действительно понял», — подумал Драко.

— Ты выцветаешь, — произнес Джеймс, пристально вглядываясь в Драко. — Кто-то зовет тебя обратно.

— Мне очень жаль, — снова повторил Драко.

— Нет, это же прекрасно. Ты можешь передать послание.

— Я скажу Гарри, что вы...

— Нет. Не говори Гарри, что видел нас, это только причинит ему боль. Есть человек по имени Сириус Блэк, он крестный Гарри, ты мог видеть его встречающим Гарри на платформе 9 3/4 в конце семестра — найди его. Скажи, чтобы он отправился в свое хранилище в Гринготтсе, взял то, что я дал ему незадолго до смерти, и передал это Гарри. Я никогда не говорил ему, что это для Гарри — но это именно так. Гарри — наследник Гриффиндора, скоро эта вещь ему потребуется. И скажи Сириусу, что я... — и тут земля дрогнула под ногами Драко. Его мягко втянуло в воронку, и мир разноцветными стеклянными брызгами устремился на него. Он выбросил руки вперед, пытаясь защититься, но режущая боль раздирала его грудь, сгибая его пополам, и он закашлял — закашлял мучительно, отчаянно, задыхаясь... Он кашлял и выплевывал воду на темную и мокрую траву окраины сада Висли.

Драко захлопал глазами. Он лежал на спине. На траве. Под темным небом. Над плечом склонился Гарри, рядом Рон — ужасно бледный под всеми этими веснушками, зажимающий рукой рот, словно пытаясь удержать крик или тошноту. А с другой стороны — Джинни, с огромными глазами, выглядящая куда хуже, чем ее брат: ее лицо было не только бледным, но и исчерченным дорожками слез.

Драко перевел дух. Он мог слышать, как в груди что-то булькает, словно в дырявом радиаторе, каждый вздох приносил боль, однако же...

— Ты живой, — с удивлением во взгляде и голосе произнесла Джинни. Она повернулась к брату: — Рон! У тебя получилось!

— М-м-м-м-ф-ф-ф, — пробормотал Рон, все еще до конца не веря собственным глазам.

— Что происходит? — попробовал сказать Драко, но, набрав воздуха, обнаружил, что грудь разрывается от боли. Он постарался дышать часто, но поверхностно, и метнулся глазами к Гарри.

— Эй, Поттер...

Гарри рванулся вперед так поспешно, что одна из его бесплотных рук прошла сквозь грудь Драко. Драко сверкнул глазами.

— Прости, — Гарри выглядел виноватым.

— Ерунда. Что случилось?

— Ты утоп. Рон вернул тебя к жизни.

— Он? И как?

Гарри улыбнулся: — Искусственное дыхание рот-в-рот, Малфой.

— Что?!

Глаза Драко расширились и метнулись в сторону Рона.

— Господи, какая гадость! — в голос произнес Драко, прежде, чем сумел остановиться. Слова вызвали очередной припадок кашля. Придя в себя, он увидел, что Рон возмущенно смотрит на него.

— Для меня это тоже был так себе пикничок, неблагодарная свинья, — заявил он. — По крайней мере, по всем признакам ты был мертв. А теперь мне остается только мечтать об этом.

Драко снова зашелся кашлем, чувствуя, словно делает это непосредственно легкими. Сжав грудь рукой, он сел — когда он так сделал, ему стало легче.

— Ты можешь дышать нормально? — взволнованно спросила Джинни, быстро опустившись рядом с ним и прикладывая руку ему ко лбу. — Ты ужасно холодный.

Она убрала свою руку, мокрую от крови и воды.

— Я замерз, — произнес Драко и попытался снять свою куртку, но пальцы его не слушались — они лишь щупали драконью кожу, на не могли ухватить ее.

— Давай я, — предложила Джинни и помогла ему. Потом она обернулась к Рону: — Рон, дай мне верх от твоей пижамы.

Рон недовольно уставился на нее.

— Прекрасно, — заявила она. — Тогда я отдам ему верх от моей пижамы.

— Выбираю второй вариант, — произнес Драко, стуча зубами от холода.

Рон вздохнул, стянул с себя пижамную куртку (ОК, пусть Рон не в коже — зато у нас теперь получился полуголый Рон!) и кинул ее Джинни, которая стала ей вытирать голову Драко.

— Мы должны снять с тебя всю эту мокрую одежду, — заметила она.

В этот миг еще один приступ кашля скрутил Драко пополам, и, разогнувшись после него, он какое-то время не мог сфокусировать свой взгляд. Какое-то мгновение он не мог отличить Рона от Джинни — они оба выглядели, как дрожащие нечеткие формы. Гарри был более темной формой, более встревоженной.

— Вот ведь дрянь, — произнес Драко, голос его булькал, словно выходящий из бутылки воздух, — не могу нормально видеть...

Он смутно увидел, что пятно-Рон озабоченно смотрит на пятно-Джинни, но в этот момент кто-то с мягким хлопком аппарировал в сад.

— Сириус, — с облегченным вздохом пробормотал Рон. — Хвала Господу...

Что-то зашумело — Сириус упал на колени в траву рядом с Драко, которого опять заколотил озноб, и перед глазами снова начала сгущаться мгла.

«Я не упаду в обморок, — подумал Драко раздраженно. — Не упаду...»

Он почувствовал, как Сириус касается его шеи, считая пульс, как его рука трогает лоб — так делала мать во время лихорадки...

— Переохладение, — успокоительно произнес Сириус. — Все будет в порядке, когда мы занесем его внутрь.

Сквозь муть, стоящую перед глазами, Драко увидел, как Сириус обратился к Гарри.

— Гарри, я возвращаю тебя обратно.

Откуда-то издали донесся голос Гарри: — Хорошо, — и следом вздох Рона; Драко предположил, что в этот миг Гарри исчез.

Ну, или же, если все пошло наперекосяк, превратило Гарри... в тритона. Хотя, с другой стороны, Драко не был уверен, что оно может действовать таким образом.

Все происходящее словно бы просачивалось сквозь какой-то фильтр, словно бы происходило далеко-далеко отсюда. Он чувствовал, как Сириус держит его за запястье... потом прозвучал голос Рона... что-то о небольшом повреждении... Джинни... она спрашивает, все ли с ним в порядке...

— С ним все будет хорошо. Я смогу стабилизировать его состояние, как только мы выберемся отсюда, — Сириус нагнулся к Драко. — Сейчас я тебя буду поднимать. Держись сам, хорошо?

Драко кивнул и почувствовал, как одна рука Сириуса скользнула под его спину, а вторая подхватила его под коленки. Он не мог припомнить, носили ли его так когда-нибудь — уж точно не отец — и удивился, что не сильно возражает против такого обращения. Обхватив Сириуса за шею, он краем глаза увидел Джинни, бледную и взволнованную, луну у нее за спиной, и вдруг все краски мира смешались и растеклись акварелью у него перед глазами... И как Драко ни клялся, что подобного не случится, — он лишился чувств.

Тепло.

Гарри открыл глаза, чувствуя себя так, словно Хогвартс-Экспресс его переехал, а потом еще и отбросил футов на пятьдесят в придорожную крапиву. Он заморгал, фокусируя зрение: он лежал на спине в кресле библиотеки Имения, пристально глядя в потолок, созвездия на котором были выполнены сусальным золотом.

После нескольких попыток пальцы начали его слушаться и ему удалось сесть. Тело горело и жгло, словно его всего истыкали иглами и булавками. Оглядываясь, чтобы выяснить, что происходит, Гарри увидел стоящую рядом на коленях Гермиону, которая смотрела на него широко распахнутыми глазами.

— Эй... — позвал он.

— С тобой все хорошо, — полувопросительно-полуутвердительно произнесла она.

Он кивнул.

— Я не должна была отправлять... — бесцветным голосом произнесла она. — Не должна... Не могу поверить, что я была такой душой.

— Гермиона...

— Не перестаю спрашивать себя, я ли это была, — продолжала она все тем же голосом. — Я была сама не своя всю прошлую неделю, но я не должна была совершить ничего настолько идиотского. Моя обязанность — уберегать тебя от дурацких затей, а не помогать и способствовать им. А что, если бы с тобой что-то случилось?... — я была бы в этом виновата, и это убило бы меня, Гарри, это бы меня убило.

Она все еще смотрела на него расширенными глазами, и он в этот момент вспомнил, что именно так она смотрела после того, как он на четвертом курсе лицом к лицу встретился с Венгерским Рогохвостом; он вспомнил, как она сжимала свое лицо от страха за него — на коже даже остались следы ногтей... Тогда его поразило, что кто-то так беспокоиться из-за того, что с ним что-то может случиться, его до сих пор это поражало.

— Гермиона, любимая, не надо... — бессвязно запротестовал он, потянувшись к ней.

Она приподнялась с пола и менее, чем через секунду уже сидела у него на коленях, обнимая руками за шею. Он уткнулся в нее, в изгиб между плечом и шеей... ее волосы привычно пахли — Марокканским мятым чаем. Он почувствовал, как у нее в груди что-то сжалось, а потом она разразилась сухим и отчаянным рыданием, которое ужасно встревожило его.

— Что такое?...

— Гарри, я не могу в это поверить... Но я уверена — ты сделал все возможное... Это не твоя вина...

Гарри откинулся назад и в смятении взглянул на нее: — Что — не моя вина?

— Драко... Он ведь мертв, да?

Гарри был поражен до глубины души: — Как ты...

— Любовное заклинание ушло из меня, — просто ответила она. — Я это почувствовала.

По ее лицу полились слезы, и Гарри подумалось, что она выглядела, словно пыталась ради него сохранить присутствие духа — очень в ее стиле.

— Что случилось? — порывисто спросила она наконец прерывающимся голосом. — Как он... нет, не надо, не говори мне, я не хочу это знать.

Тыльной стороной руки она вытерла свои глаза.

— Гарри, я чувствую себя ужасно виноватой. Последние дни я только и мечтала о том, чтобы это дурацкое заклинание покинуло меня — вот это, наконец, случилось... однако я никогда не хотела...

— Гермиона, — по-доброму прервал ее Гарри. — Помолчи минутку, хорошо?... Ты не поверишь, что я тебе сейчас расскажу...

— Рон?! Рон спас ему жизнь?! Ты с ума сошел... Не могу в это поверить... Держу пари, Рон тоже. Его стоит пожалеть. Где Дымолетный Порошок? Мы должны отправиться в Нору. О, как бы я хотела уметь телепортироваться! Да где же этот чертов порошок?

— Гермиона, не суется. Пять минут назад ты истерически рыдала, а сейчас ты похожа на

скоростную МакГонагалл. У меня сейчас голова заболит. Хорошо-хорошо, я думаю, что порошок внизу, на кухне.

— Ну, так принеси его!

— Не сходи с ума. *Зовио Дымолетный Порошок!*

— Гарри, ты же не считаешь, что магия без палочки... Ооо! Получилось! Отличное Призывающее Заклятье!

— Моя отличительная особенность, благодаря тебе.

— Все твои отличительные особенности благодаря мне, балбес.

— Что за самодовольная у меня девчонка!

— Не умничай, давай же мне порошок!

— Нет.

— Что значит нет?

— Подойди и возьми.

— Подойди и возьми?! Нам что — по двенадцать лет?!

— Ты просто боишься моей могучей силы.

— Я не боюсь твоей могучей силы. Это ты боишься моего могучего интеллекта. Только не надо мне корчить рожи, Гарри Поттер. Да-да, так оно и есть. Хорошо, получай...!

— Так оно и есть?! Ой-ой!... Где ты научилась такому броску? Ты как американский футбольный защитник... Ну, конечно, более симпатичный и менее рослый...

— Не подлизывайся, тебе это не поможет. Я собираюсь сидеть на тебе, пока ты мне не отдашь порошок. Да что же ты с ним сделал?

— Я его спрятал — где-то на себе. Хочешь поискать?

— Ты меня берешь на слабо?

— Может быть...

Примерно двадцать минут спустя.

— Ты действительно спрятал Порошок на себе, да?

— Ты еще не везде проверила...

— Нет... Что-то я отвлеклась... Гарри...

— Ну ладно, ладно... Он под столом.

— Плутиска!

— Ты с ума сошла?

— Иди и найди.

— *Оживимус.*

Драко тут же вернулся из небытия, его глаза распахнулись и остановились на лице Сириуса: — Где я?

— В спальне Перси Висли. Прости, что разбудил тебя, я хочу, чтобы ты выпил это. Это Согревающее зелье. Тебе нужна моя помощь, чтобы сесть?

Драко засомневался, но, подумав, кивнул. Сириус приподнял его и усадил, слегка поморщившись от холода кожи Драко. Применяв Высушивающее Заклятье к одежде мальчика и укутав его всеми найденными одеялами, он не слишком преуспел в согревании его тела.

Глаза Драко слипались. Он принял кружку из рук Сириуса и беспрекословно опустошил ее, осторожно сжимая двумя руками. Сириус взял пустую кружку из рук Драко и поставил на прикроватный столик. Драко откинулся обратно на подушки, сжимая ладонями виски.

Внезапно Сириуса посетило воспоминание — он с Гарри в лазарете после окончания Трехмагового Турнира: Гарри выглядел таким изможденным, он настолько вышел за границы своих возможностей, — туда, куда Сириус не мог последовать за ним — даже если бы хотел бы этого, даже если бы должен был сделать это.

Неожиданно у Сириуса возникло неудержимое желание похлопать Драко по плечу, взъерошить его волосы... но нет.

— Что-нибудь еще? — спросил Драко. Его глаза слипались от усталости.

— Они все внизу. Но ты можешь подождать со встречами до завтра. Я отправляюсь за твоей матерью. Я не мог послать ей сову из-за этого судебного расследования... думаю, она не будет возражать, если я появлюсь перед ней самолично. Речь идет о тебе, так что она возражать не будет.

Драко несколько раздраженно пихнул огромную грудку одеял, под которыми он был погребен.

— Но я хочу видеть...

— Нет, — твердо пресек его Сириус.

Драко взглянул на него широко раскрытыми глазами. Завернутый в кучу одеял, такой бледный, что даже ресницы его казались темными, словно подкрашенными тушью, — ему едва ли можно было дать больше одиннадцати лет.

— Я был мертв, Сириус, — начал он. — И я видел Основателей — всех, кроме Слитерина, я говорил с ними, и они...

Сириус твердо опустил руку ему на плечо: — Драко, тебе необходимо поспать. Твое тело нуждается в отдыхе. Ты все расскажешь мне, все, что ты... видел. Завтра. Договорились?

— Вы не верите мне, — нахмурился Драко.

Сириус вздохнул и отпустил его: — Давай начистоту. Конечно, не верю. Ты чуть не умер, Драко. Твое тело изранено. Кто знает, что тебе привиделось?... Однако если тебе станет от этого легче — можешь мне все рассказать, но — завтра.

Драко закрыл глаза.

— А я думал, что хоть кому-то будет интересно, что случается после смерти... — еле шевеля от усталости губами, заметил он. — Разве не так?

— Конечно, но, в отличие от тебя, мы не пойдем в разведку, чтобы убедиться в этом. И точка. Спи, Драко.

Сириус поднялся и уже прошел полкомнаты к двери, когда Драко снова заговорил: — А еще я видел родителей Гарри.

Чашка выпала из пальцев Сириуса и застучала по половицам. Он обернулся.

— Ты имеешь в виду — Лили и Джеймса?

— Ага.

Сириус ощутил, как сердце запрыгало в груди: — Что ты имеешь в виду, говоря, что ты их видел?

— Это и имею, — повторил Драко вялым сонным голосом. — Я был в месте, полном призраков — наверное, тысячи... И там были родители Гарри, Джеймс принял меня за моего отца и подошел ко мне...

— Ты похож на Люция, — прошептал Сириус и произнес громче. — И что он сказал?

Он услышал в своем голосе надежду и страдание — и нахмурился.

— А впрочем, неважно, — излишне резко остановил себя он. — Ты же был наполовину мертв, Драко, у тебя были галлюцинации.

— А почему галлюцинациями были именно родители Гарри? — резонно поинтересовался Драко.

Сириус надавил пальцами на свои глаза: — Я не знаю, Драко. Почему каждый видит свои, особенные сны?

— Они там были. Отец Гарри выглядит так же, как он, а мать...

— Драко, я знаю, что ты видел их изображения раньше, так что это ничего не значит... Ради Бога, не сходи с ума из-за этого.

— Отец Гарри сказал мне, что в вашем сейфе в Гринготтс есть что-то для Гарри — что-то, что он передал вам перед смертью...

— Джеймс ничего не передавал мне непосредственно перед смертью, — отрезал Сириус. — Отправляйся спать, Драко.

Он услышал, как мальчик в кровати разочарованно вздохнул и пробормотал: — Спокойной ночи, Сириус...

— Спокойной ночи. И еще, Драко...

— Что?

— Ничего не рассказывай об этом Гарри, ладно?

Короткая пауза.

— Ладно.

Сириус вышел из комнаты, притворив дверь, он прижался к ней спиной и закрыл руками глаза. Он сам не мог понять, почему он соврал Драко, сказав, что Джеймс ничего не вручал ему? Однако одно он знал точно: завтра он отправится в Гринготтс.

Рон, Джинни и Гарри с Гермионой (только что прибывшие с помощью Дымолетного Порошка) сидели на залитой желтым светом, теплой кухне Висли и пили чай с бисквитами.

— С ним все в порядке? — в восьмой раз спросила Гермиона, и Рон в восьмой раз кивнул: — Все. К несчастью.

Гермиона кинула в него бисквитом: — Рон, это твоя карма.

Рон поймал бисквит и передал его улыбающейся Джинни.

— Моя карма меня не волнует, — самодовольно произнес Рон. — Имейте в виду.

— Но это именно так, — заметил Гарри. — Именно ты спас ему жизнь. Хотя сначала слегка струхнул...

— Вот еще! Ну, ладно, разве что чуть-чуть... Он выглядел настолько мертвым, что все казалось бессмысленным.

— Он и был мертв, — подтвердила Гермиона, поедая бисквит. — Это была клиническая, но все-таки смерть. Ни пульса, ни сердцебиения, ни мозговой деятельности... наверное... — А что — у Малфоя бывает мозговая деятельность? — уронил Рон, но Гермиона проигнорировала его пассаж.

— И вот что любопытно, — продолжила она со вспыхнувшими внезапным интересом глазами, — Драко находился в клинической смерти достаточно долго для того, чтобы зелье прекратило свое действие. Это пересечение магии и науки. Я об этом никогда раньше не думала, отсюда, возможно, следует, что...

— Дай-ка мне еще один бисквит, Герм, — твердо произнес Гарри, подталкивая ее под руку.

Она улыбнулась: — Я — зануда?

Он чмокнул ее в ухо: — Да, в некотором смысле.

— Джинни заинтересовалась, — заметила Гермиона, указывая на Джинни, подпершую рукой щеку и улыбающуюся.

— Вовсе нет, — честно призналась та, — я просто размышляла над тем, что официально Рон с Драко теперь куда в более близких отношениях, чем я.

Она послала Рону ослепительную улыбку: — Мои поздравления, Рон!

Рон побледнел.

— Я пошел чистить зубы, — заявил он и собрался встать, но Джинни схватила его за руку и потянула назад.

— Ты уже почистил их раз двенадцать, и это не помогло. Взгляни фактам в лицо: ты целовался с Малфоем, и с этим уже ничего не поделаешь!

— Ладно-ладно, — издевательски улыбаясь, произнес Гарри, — это была медицинская процедура. Медицинская процедура, которая просто выглядит, как эротическая прелюдия...

— Это все ты, ты довел всех до истерики! — ткнул в Гарри трясущимся пальцем Рон. — Надо было просто дать ему умереть!

Гарри округлил глаза: — Нет-нет, Рон, ты бы так не поступил, ты же хороший парень, а хорошие парни не позволяют никому умереть — даже таким уродам, как Малфой.

Рон зарычал и ткнулся головой в стол.

— Рончик вляпался, — пропела Джинни, подсакивая, чтобы дотянуться до стоящего в буфете молока. — Рончик вля-а-пался...

— Заглохни, Джин, — посоветовал ей Рон.

— Ну, просто как сказал бы Фред, — произнес Гарри. — Только Фред не сумел бы сделать из этого ни песни, ни танца.

— Я вас всех ненавижу, — сдавленно простонал Рон.

— Да ладно тебе. Мы просто дразнимся. Да, а откуда ты знаешь все эти заклинания для тех, кто утоп? — с любопытством поинтересовался Гарри. — Не то, чтобы это сильно помогло — но выглядело весьма впечатляюще.

— Ну, это бы помогло, если бы он не пробыл там так долго, — пояснил Рон и, вздохнув, переглянулся с Джинни.

— У нас был брат, — произнесла она, — между Перси и Чарли. Когда ему было три, он утонул в карьере... Мы ничего не знали о нем... но мама и папа настояли, чтобы все мы выучили заклинания от утопления — просто так, на всякий случай...

Гермиона взглянула на Гарри — тот выглядел потрясенным. Никто из них не знал этих подробностей из жизни Рона и его семьи. Они поняли, что вопросы по этой теме не приветствуются и удержали их при себе.

— А почему бы им просто не засыпать карьер? — удивилась Гермиона.

Рон пожал плечами: — Они не сумели. Но пытались. Существует какая-то волшебная защита от этого — если его засыпать, на другой день он снова появится. Так что его просто огородили — до тех пор, пока Джинни не исполнилось двенадцать и все мы были достаточно взрослыми, чтобы не свалиться вниз... и все умели плавать... Вот. Гарри, а ты откуда знал все эти штуки?

— Первую медицинскую помощь? — спросил Гарри и скорчил рожу. — Я ходил вместе с Дадли на уроки плавания, но не занимался, потому что это стоило денег. Я раз пятнадцать это проходил.

Гермиона улыбнулась ему: — Я считала, что ты нахватался этого, посмотрев «Спасателей Малибу»...

— Я никогда не смотрел этого! — вознегодовал Гарри.

— Спорим, смотрел?

— Говорю тебе — нет.

— Что вы тут такое бормочете? — требовательно спросил Рон, поднимая голову с рук.

— Девушки в бикини, — объяснила Гермиона.

— Не думаю, что они бы уменьшили мое отчаяние, — мрачно заявил Рон.

— Отчаяние? — Гермиона поднялась, обошла вокруг стола и, взяв Рона за плечи, расцеловала его в обе щеки. — Ты спас жизнь, Рон Висли, — объявила она. — Думаю, что это делает тебя героем. А то, что тебе это не по душе, делает тебя вдвойне героем. Вот.

Рон порозовел от смущения.

— Точно! — согласилась Джинни, кинувшись к Рону и заключая его в объятия. Гермиона обхватила Рона с другой стороны.

— Ну, — вяло запротестовал Рон, хотя, судя по всему, ничего не имел против, — девчонки, вы меня разлохматите!

Взглянув на эту живописную группу, Гарри улыбнулся и присоединился с таким энтузиазмом, что Рон хлопнулся обратно на стул, и все четверо хохочущей кучей свалились на пол.

— Ну-ну, — раздался задорный голос от дверей, — я опоздал на оргию или явился как раз вовремя?

Хохочущая, раскрасневшаяся от смеха Джинни подняла глаза и от удивления хлопнула себя ладонью по рту: — Чарли!

Остальные выглядели не менее ошарашенными. Но это несомненно был Чарли — взлохмаченная шевелюра, усталые глаза, драконоустойчивая одежда и пыльная сумка через плечо.

— Всем привет, — кивнул он.

Рон вскочил на ноги: — Чарли! Как ты сюда попал? На драконе?

Чарли округлил глаза: — Рон, ну сколько раз тебе говорить, что люди не ездят верхом на драконах. Это рассказы хвастунов. Я аппарировал — а ты что подумал?

Джинни встала на ноги и протянула руку Гермионе.

— Ты вернулся из-за Драко? — удивленно спросила она Чарли.

— А что с ним? — недоуменно поинтересовался Чарли.

На ступеньках закрипели шаги, и в кухню вошел Сириус, лохматый и смертельно уставший. Тем не менее, в его глазах, когда он увидел Чарли, блеснул огонек.

— Чарли, — радостно произнес он и, пройдя через кухню, приветственно затряс его руку, — так ты получил мою сову! Замечательно! Мне нужно вернуться в Имение и...

Чарли отрицательно замотал головой: — Я не получал от тебя никаких сов. Я приехал потому, что мне написала мама — папу избрали Министром и, поскольку им надо на несколько дней в Лондон, она попросила меня...

Он снова огляделся и вдруг словно впервые увидел Гарри и Гермиону: — А вы-то что здесь делаете?

Повисла тишина. Гарри посмотрел на Рона. Рон взглянул на Джинни. Джинни покосилась на Сириуса. Сириус поднял глаза на Чарли и вздохнул.

— Пойдем-ка на секундочку в гостиную, Чарли — предложил он, — я все детально тебе расскажу.

— Хорошо, — медленно согласился Чарли, закидывая сумку себе на спину.

Сириус обернулся ко всем остальным: — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь из вас посидел с Драко — так, на всякий случай... С ним все в порядке, это всего лишь предосторожность.

— Я, — немедленно вызвалась Джинни.

— Спасибо, — Сириус повернулся к Чарли. — Пойдем.

Гермиона услышала, как Чарли, следуя за Сириусом в комнату, произнес: — Я захватил с собой бутылку Старого Огненного Виски.

Сириус похлопал его по спине: — Благослови тебя Господь, Чарли Висли!

— Вот та книжка, о которой я тебе говорил, — Рон вошел в гостиную, где на огромной софе, держа в руках чашку с чаем, сидела Гермиона. Головой на ее коленях, закрыв лицо руками, лежал Гарри. Опустив кружку, Гермиона взяла протянутую книгу — ветхую, в кожаном переплете с золотыми буквами на корешке: «Жизнь Основателей Хогвартса».

— Спасибо, Рон.

Рон присел рядом в кресло и мотнул головой в сторону Гарри: — Он спит?

— М-м-м... — не двигаясь, промычал Гарри.

Это означает «нет», — пояснила Гермиона, открывая книгу и бегло просматривая текст, — как мне кажется.

— А что ты ищешь в книге? — с любопытством поинтересовался Рон.

— Честно говоря, я не знаю... Какие-нибудь сведения об их жизни... На самом деле — я хочу больше узнать о взаимоотношениях Слитерина и Ровены.

— А разве об этом ничего нет в дневнике Слитерина?

— Да, но он был здорово повернут лишь на одном, и все его излияния связаны с судьбой и роком... и еще там много о пресмыкающихся. И вот что интересно в Слитерине... ну, то есть мне интересно: эти его параллели с Тем-Кого-Нельзя-Называть. Я думаю, тот многие свои идеи позаимствовал: и Знак Мрака, и этот процесс, с помощью которого он пытался стать бессмертным. Я не знаю, что это значит, но...

— Это значит, что зло — это всегда зло, Гермиона, — горько произнес Рон. — Независимо от того, какое на дворе время.

Гермиона склонила голову на бок, но не смогла понять, что с ним: — С тобой все в порядке?

Но прежде, чем Рон успел ответить, вошли Сириус и Нарцисса. Лицо Нарциссы почти полностью скрывал капюшон, однако Гермиона заметила, насколько та взволнована. Без всяких слов она подлетела к Рону и начала его целовать (в щеку, в щеку, народ!) Второй раз за этот вечер Рон стал пунцовым.

— Сириус рассказал мне, что ты сделал для Драко, — наконец произнесла она.

— Хм... — пробурчал Рон, опускаясь на свое место, — да в общем-то ничего особенного...

— Что значит ничего особенного! Очень даже особенное! Ты замечательный, смелый, удивительный, Рональд Висли, я безмерно признательна тебе.

Рон переливаясь всеми оттенками красного, не нашелся, что ответить. Если бы Сириус не был таким усталым, он бы заулыбался.

— Пойдем, любимая, — позвал он. — Драко наверху с Чарли и Джинни.

Послав Рону еще один благодарный взгляд, Нарцисса последовала за Сириусом.

Гермиона улыбнулась Рону: — Не слишком ли много поцелуев за один вечер?

Рон захлопал глазами и медленно вернулся к нормальному цвету.

— Все нормально, — неохотно ответил он. — Я по-прежнему не люблю Малфоя. Но с матерью у него все в порядке.

Гермиона старалась не хихикать, чтобы не потревожить Гарри.

— Ты замечательный, смелый, удивительный, Рональд Висли, — гортанно произнесла она. Рон скорчил ей рожу в ответ. — Может, она сумеет убедить Министерство, чтобы тебе дали медаль... о! лучше собственную карточку в Шоколадных Лягушках!

Рон пренебрежительно отмахнулся, но вид у него был весьма внимательный. Поднявшись со

стула, он склонился и чмокнул Гермиону в висок. — Пойду-ка я спать. Увидимся утром.

— Пока-пока.

— М-м-м, — снова промычал Гарри, вяло пошевелив в сторону Рона пальцами в знак прощания.

— Это значит «спокойной ночи», — перевела Рону Гермиона. Он махнул им от порога и вышел, прикрыв дверь.

Рассеянно поглаживая Гарри по волосам, Гермиона снова вернулась к книге.

— Эй, Гарри... хочешь, я тебе почитаю?

— М-м-м-кей...

— Ну, ладно: — ...народные легенды гласят, что *Ликант* был создан никем иным, как самой Ровеной Рэйвенкло, — начала читать она. — Она сделала его для себя в связи с тем, что Британские острова захлестнуло нашествие оборотней... — спасибо Слитерину, я уверена! — ...как правило, он создается из серебра — металла, отпугивающего оборотней. Ликант может с легкостью использоваться в качестве Портключа, очищает воду и... делает невидимыми девичьи одежды... — Что думаешь об этом, Гарри?

Гарри не откликнулся.

— Ты что — спишь?

Гермиона вздохнула, глядя на его макушку. Вопрос был явно риторическим: Гарри действительно спал, крепко закрыв глаза и зажав в левой руке край ее жакета. Она снова вздохнула и опустила книгу. Пробежав пальцами по его волосам, она, как всегда, подивилась их взъерошенности и одновременно мягкости. Стараясь не потревожить его, она потянулась к карману и достала свою палочку: — *Quiesce*, — тихо пробормотала она, нежно погладив его щеку. — *Dulce somnolus*... — и почувствовала, как он совершенно расслабился.

Она сама изобрела это заклинание — заклинание для отдыха и безмятежного сна — специально для Гарри. Она частенько видела его спящим над книгами: в библиотеке, в Гриффиндорской гостиной, так что знала, что сон его редко бывает спокойным. Она и раньше постоянно использовала его, хотя Гарри об этом не знал. У него бывали кошмары по ночам, Гермиона знала это от Рона. Они были такие мучительные, что Симус Финниган предложил Рону поговорить с Гарри о том, чтобы перебраться в другую комнату или даже обзавестись собственной, чтобы больше не будить его по ночам. На что Рон ответил, что, ежели Симус еще раз предложит что-либо подобное, то он, Рон, утопит его в озере.

Гермиона вздохнула. Она понимала, что должна разбудить Гарри, отправить его в комнату Рона, а сама пойти в спальню Джинни... Это что-то вроде особой привилегии — смотреть на сон любимого человека, однако, она редко когда видела безмятежно спящего Гарри. И минуты эти были вдвойне драгоценны тем, что она была уверена — ему не грозит опасность, он не рискует быть покалеченным или убитым.

Она опустила книгу на стол рядом с диваном и, нагнувшись, обняла его и позволила своим волосам шатром укрыть их, спрятав от всего остального мира.

Часть вторая. В которой Драко получает удовольствие от визитов.

Драко проснулся и лежал, держа глаза по-прежнему крепко закрытыми. Голова шла кругом от непривычного ощущения сна без сновидений. Повернувшись, он открыл глаза, и расплывчатые цвета мира постепенно превратились в ярко-желтую спальню Перси, с голубым квадратиком неба за окном, красным креслом у кровати, а в нем что-то смутно черное, белое и зеленое — дрогнув, оно превратилось в Гарри.

Гарри сидел, подперев подбородок рукой, закинув одну ногу на кровать. Вид у него был отоспавшийся и отвратительно бодрый. А поперек его колен, сверкая в потоке льющегося солнечного света, лежал меч Слитерина.

Драко сел так быстро, что у него закружилась голова: — Поттер, ты думаешь, что ты делаешь?

Гарри недоуменно взглянул на него: — Сажу на стуле. В этом есть что-то необычное?

— Ты и правда здесь? В смысле — это ты здесь или только твое изображение?

Вместо ответа Гарри пнул кровать: — Ага.

— Очень мудро. Особенно после вчерашнего. Я удивлен, что Сириус позволил тебе торчать здесь.

— Я никому про вчерашнее не рассказывал.

— Никому? А что... а почему никому?

— По двум причинам, — Гарри потянулся и прислонил меч к стене. Его блеск совершенно не гармонировал с желтыми обоями. — Первая: в твоём нынешнем состоянии ты не сумел бы атаковать меня даже с макарониной, она была бы для тебя слишком тяжела. Вторая: сегодня ночью ты не видел снов. Точно?

— Ну, — осторожно подтвердил Драко. — И что?

— А то, что Любовное зелье может быть не единственным заклинанием, потерявшим силу после твоей смерти.

— Поттер, — с сомнением в голосе заметил Драко, — это предположение ужасно соблазнительное и ужасно шаткое.

— Ну, тогда давай я тебя кое о чем спрошу.

— И о чем?

— Ты сейчас хочешь меня убить?

— Э... Ну... Нет, на самом деле, нет.

Гарри пожал плечами: — Ну, вот.

Гарри потянулся и налил воды в стакан, который протянул Драко: — Вот. Выпей это. И в животе перестанет бурчать.

Драко принял стакан и тут его взгляд упал на него самого. На нем красовалась бордовая пижама.

«Эти Висли меня уже достали», — мрачно подумал он. Меньше бордового ему шел только розовый.

— Слушай, а сколько я проспал? И кто решил, что твоя уродская кружка должна быть первой вещью, которую я увижу, открыв глаза?

— В смысле — сколько ты пропустил? — переспросил Гарри. — Около шестнадцати часов. И мы сменяли друг друга, присматривая за тобой.

Полный глубоких подозрений, Драко поинтересовался: — И кто же надел на меня пижаму? — Рон. О, он еще купал тебя в ванной. Он очень к тебе привязался. Это было действительно круто.

Драко поперхнулся и забрызгал водой всю постель: — Что-о-о-о?!

— Шутка, — сияя, пояснил Гарри. — Не бойся, Рон по прежнему тебя страстно ненавидит. А пижаму на тебя надевала твоя мама. Она просидела с тобой всю ночь и утро, но к полудню ей снова надо в Министерство. Она передает тебе горячий привет и поцелуи. От передачи последних я устраниюсь.

— Прекрасно, — Драко кинул на Гарри очень мрачный взгляд. — Что-то ты отвратительно бодрый с утра, Поттер. Что с тобой случилось?

Гарри откинулся на кресле и послал Драко улыбку. У Драко мелькнула мысль, что таким жизнерадостным Гарри не был уже несколько недель — даже, наверное, несколько чересчур жизнерадостным. В последнее время он привык видеть Гарри либо постоянно нахмуренным, либо постоянно встревоженным.

— Короче, Малфой, это насчет Любовного зелья.

Драко почувствовал, что слегка покраснел. Протянув руку, он звякнул пустым стаканом о тумбочку.

— О... Да?

— Ты знал, что оно прекращает свое действие только из-за смерти?

— Нет.

— Ну, так ты и был мертв.

— Точно... — удивленно захлопал глазами Драко. — Точно! — повторил он, пытаясь сосредоточиться на этом открытии.

«Гарри замолчал. В этом он похож на Сириуса, — подумал Драко. — Всегда знает, когда нужно говорить, а когда лучше помолчать».

— Могу я с ней поговорить? — наконец спросил Драко.

— С Гермионой? Э... да, — с некоторым колебанием сказал Гарри. — Почему нет? Ой, — он

потянулся к тумбочке и поднял завернутый в коричневую бумагу пакет. — Чуть не забыл. Тебе сова.

— Правда? От кого?

— От Снэйпа, — Гарри держал пакет подальше от себя, словно это была бомба. — С чего это вдруг Снэйп шлет тебе всякие посылки?

— Я был у него. Это длинная история, — Драко сумел разорвать шпагат, но пальцы еще не совсем слушались его.

— Вот.

Драко увидел, как Гарри вытащил что-то из своего кармана и протянул ему. Он машинально взял — это был перочинный ножик Сириуса, тот самый, что оставил шрам на ладони Драко. Такой же, как у Гарри.

— Благодарю.

Он щелкнул лезвием, взрезал обертку и ему на колени выпали фляжка, полная асфальтово-черной жидкости, и сопроводительная записка. Засунув последнюю в карман пижамы, Драко отвинтил крышку и, чуть сморщившись, выпил уже знакомое на вкус Волеукрепляющее Зелье.

Гарри смотрел на него с таким видом, словно ожидал, что у него из ушей сейчас повалятся жуки.

— Поверить не могу, что ты просто взял и выпил это. Ты хоть знаешь, что это такое? Это же может быть яд! Ты был у Снэйпа?

Драко бросил ножик на тумбочку и пожал плечами.

— Одно из множества отличий между нами — это то, что Снэйпу я нравлюсь. И яд бы он мне не послал. И — да — он позволил мне побыть у него. В некотором роде. Я ушел, не сказав, куда отправляюсь.

— Ты меня удивляешь. Это не похоже на тебя, Малфой.

— Заканчивай с этими раскаяниями-покаяниями. Мне уже от Сириуса досталось. Знаешь, я все же думаю, что сделал все правильно.

— Правильно? Малфой, ты умер. И думаю, что слова «Как я тебе и говорил» в этой фразе чуточку излишни.

— Очень смешно.

— Я просто думал, что мы были...

— ...друзьями? Нет. Мы не друзья.

— Я собирался сказать «мы были там заодно», но — хорошо, пусть будет по-твоему.

Драко захлопал глазами. Показалось ему или же Гарри действительно выглядел так, словно это его задело?

«И что? — поинтересовался он сам у себя и тут же раскаялся. — Ну...»

— Мы нигде не можем быть вместе, — заметил Драко уже менее резко. — Первое, что я сделал, увидев тебя вчера, — я тебя ранил. Я думаю, что это что-то вроде взаимоотношений Бэтмена и Робин.

— Слушай, Малфой, по мне, тебе бы лучше не болтаться вокруг и не отпускать свои убийственные реплики в мой адрес, разрешил бы и нам поучаствовать в твоём маленьком плане. Думаешь, Сириус противился тому, чтобы Снэйп помогал тебе? Он бы мог написать ему о тебе, подергать за все ниточки в Министерстве... А Лупин дал бы тебе Волеукрепляющее Зелье...

— Ага, или же они бы все объединились и заковали бы меня в темнице со всякими пыточными инструментами. Как бы это сделал мой отец.

— Ты не знаешь, кому можно верить, да?

— Я не знаю, могу ли я верить себе, — коротко ответил Драко. — Вот в чем дело.

— Хорошо, я тебе верю, — Гарри чуть нахмурился, словно удерживая себя от желания добавить «пока».

— И очень глупо, — отрезал Драко.

— Не я один делаю глупости. Это больше по твоей части.

Скрестив руки на груди, Драко раздраженно взглянул на Гарри: — Я не делаю глупостей.

— О, ну конечно... Сначала ты настаиваешь на хранении у себя предмета, о котором ты абсолютно точно знаешь, что это талисман *Абсолютного Зла*. Потом ты никому не рассказываешь, что этот меч насылает на тебя кошмары или подговаривает тебя убить своих друзей. Потом ты шлешь подальше Лупина, пытающегося тебе помочь, потом огрызаешься на Сириуса и, наконец,

уматываешь в ночь со своим демоническим мечом. Далее: ты пытаешься угостить собой большое и рассерженное стадо драконов. Что планируешь на бис? Встать в доспехах на гребне горы во время грозы и орать в небо со всей мочи «Все боги — ублюдки!»?

Драко взорвался смехом и быстро нараставшая напряженность между ними рассыпалась. Гарри неохотно улыбнулся.

— На самом деле смешно, Поттер. А я, признаться, всегда думал, что у тебя чувства юмора не больше, чем у миски сырой тапиоки.

— То есть ты признаешься, что был не прав.

Драко взглянул на Гарри — тот твердо глядел на него в упор, не мигая.

— Ладно, — признал Драко. — Иногда я бываю не прав. Ну, естественно, — тут же добавил он, — иногда и небо бывает оранжевым, и земля крутится в противоположную сторону, но ты же знаешь...

— Принимаю это как полное признание вины, включающее извинения. А теперь твоя очередь кое-что сделать для меня.

— И что же?

— Расскажи мне кое-что про Снэйпа, — неожиданно попросил Гарри. — Что-нибудь... плохое. Чтобы, когда он будет яростно поедать меня своими масляными маленькими глазками на Зельях, я мог думать про себя «Давай, дружок, вперед — тарасься, но я-то знаю, что на самом деле ты просто резиновый крокодил, торчащий в Трех Метлах, где каждый может обратиться к тебе — Эй!»

Драко фыркнул: — Поттер, ты говоришь прямо как я!

— Не совсем. Давай, Малфой, колись. Ты же был у него дома. Ты же должен хоть что-то о нем знать! Он мучает зверюшек? Он хранит портрет МакГонагалл под подушкой? Он рядится в женское платье, когда никого нет?

Драко заухмылялся: — Снэйп? Трансвестит? С такой-то задницей?

— Ну давай, Малфой, ну есть же что-нибудь!

— Ну... Я слышал, как он распевает «Погубленный страстью» в душе.

— Ты шутишь.

— Нет, он на самом деле здорово поет. Он попадает на высокие ноты и вообще...

Гарри нахмурился: — Это не то, что я имел в виду...

— Не уверен, что могу еще чем-то помочь...

— Выдай что-нибудь, — предложил Гарри.

Драко мрачно взглянул на него.

— О, ладно. Ты не врешь. Ты теперь всегда таким будешь или же это часть Нового Улучшенного Варианта Малфоя?

Драко зевнул и потянулся еще за одной подушкой.

— Не волнуйся, Поттер, — произнес он, пристраивая ее себе под голову, — может, врать я и перестал, зато остался большим поклонником остальных грехов: зависти, секса, орущей музыки... вранье можешь вычеркнуть.

— И почему же ты такой поклонник этих грехов?

— Потому что я клевый парень.

— Если ты думаешь...

Гарри перебил стук в дверь — он склонил голову и улыбнулся: — Гермiona, — сообщил он. — Должно быть, пришла ее очередь посидеть с тобой.

Драко с удивлением взглянул на Гарри: — А ты откуда знаешь, что это она?

Гарри слегка пожал плечами.

— Ты узнал ее стук?

Уши у Гарри покраснели, и он вызывающе уставился на Драко: — Только не говори, что ты не узнал.

Раньше, чем Драко успел ответить, дверь открылась и вошла Гермiona. Она взглянула на Гарри, потом ему за спину — и нерешительно улыбнулась.

— Так ты не спишь... Как ты себя чувствуешь?

Драко ангельски улыбнулся: — Я чувствую себя прекрасно.

«...Она действительно клево выглядит, — подумал он в сторону Гарри. — Эта юбочка... Очень короткая. Поверить не могу, что ты разрешаешь ей так одеваться».

Гарри возмущенно фыркнул, и Гермиона удивленно повернулась в его сторону: — Что, Гарри? — Ничего, — махнул рукой тот, — какая-то пыль в нос попала.

«...Возьми свои слова назад, Малфой».

Гермиона по прежнему улыбалась Драко: — Когда ты проснулся?

— Ой, всего несколько минут назад, — и Драко демонстративно зевнул.

«...Глянь, как она мне улыбается... Я ей действительно нравлюсь. Нет, это не та разновидность бессмертной любви, которой вы, ребята, страдаете, а грубое животное влечение. Смотри, она меня глазами раздевает».

«...Она не раздевает тебя глазами».

— Гарри, что с тобой? У тебя голова не болит? — забеспокоилась Гермиона.

Драко заинтересовался:

«...Снова сошлешься на головную боль?»

Гарри снова фыркнул:

«...Заглохни, Малфой. Или произойдет несчастный случай».

«...Несчастный случай? И какой же?»

«...Ты, я и пудовая кувалда — они потом долго будут выковыривать кусочки Малфоя из ковра».

Гермиона нетерпеливо кашлянула. — Почему вы оба просто сидите и таращитесь друг на друга? Я чему-то помешала?

— А? — Гарри повернулся и с недоуменно захлопал глазами. — О... нет-нет, все в порядке.

Драко позади него фыркнул:

«...Отваливай, Поттер и оставь нас ненадолго наедине, ясно?»

«...Ни за что».

«...Но ты же обещал», — заныл Драко.

Гарри крутнулся к нему, но вдруг замер и виновато посмотрел на Гермиону, пристально и обеспокоено смотревшую на юношей.

— Давайте закончим с этими непонятками, — резко произнесла она. — Потому что Рон сказал, что ему нужно переговорить с тобой, Гарри.

Гарри неохотно поднялся и пошел через комнату к дверям. Возле Гермионы он замедлил шаг и вдруг порывисто обнял ее и поцеловал — это было не дежурное прикосновение, а поцелуй, способный расплавить сталь. Когда он отпустил ее, она прислонилась к стене и широко распахнула глаза: — Гарри?...

— Да? — спросил он с самым невинным видом.

Гермиона взяла его за руку и, подтянув к себе, зашептала в самое ухо: — Ты же... хм... не делаешь проблемы из того, чтобы мы с Драко поговорили наедине, правда?

Гарри бросил быстрый взгляд на Драко — тот взял с тумбочки стакан с водой и рассматривал его с деланным интересом.

— О, — ответил Гарри, — нет... Все прекрасно. Вы прекрасно... поговорите.

Гермиона поцеловала Гарри в щеку: — Люблю тебя.

Он поцеловал ее в ответ, рассеянно промахнувшись и запечатлев поцелуй на ее носу.

— Я тоже люблю тебя. Увидимся, — добавил он, повернувшись к Драко.

«...Только тронь ее, Малфой, и я тебе кишки на голову намотаю».

— Пока, Поттер, — помахал ему Драко.

«...А если не найдешь нас, когда вернешься, то ищи в ванной — мы там будем пускать кораблики».

Выйдя из комнаты, Гарри развернулся и ткнулся головой в закрывшуюся дверь.

«...Напомни мне: почему мы снова спасли тебе жизнь?»

«...Потому что вы классные ребята».

«...А вот это мы еще посмотрим...»

«Кто бы ни был тот, кто назвал это «тропинкой памяти», он — кретин», — подумал, оглядываясь по сторонам, Сириус. Тропинка — это что-то такое чудесное, усаженное по краям цветами, под синими небесами, с которых доносится птичий щебет... Для счастливых, может, так оно и было,

что касалось Сириуса, то тропа памяти в его понимании — это черная, тернистая, усеянная острыми камнями дорога с могилами друзей по обочинам.

Сириус медленно обернулся. В хранилище 711 было холодно — изо рта шел пар. Прошли годы с момента его последнего визита сюда, обычно он оперировал своими счетами с помощью совиной почты, что не требовало личных посещений: он не хотел видеть обломки своей прежней жизни.

В одном углу стоял мотоцикл — сияющий, в идеальном состоянии благодаря заклинанию Антиржавчины. В сундуках хранилась старая одежда, учебники, фотоальбомы, Сертификат Аурора. Золота было полно — компенсация, выплаченная Министерством, когда выяснилось, что заключение в Азкабан было неправомерным. Тысяча галлеонов за каждый год заключения... Сириус их практически не трогал.

Он прошел в угол и присел на корточки среди залежей книг и бумаг. Какое-то время он рылся в них, пока не нашел то, что искал.

Книга. Толстая, в кожаном переплете с серебряным корешком.

К. Фрейзер. «Диалектическая Интерпретация Искусства и Науки Арифмантики».

Прикрыв глаза, Сириус услышал голос Джеймса, звонкий и задорный, говорящий ему, что это самое занудное название, которое он мог бы придумать.

Он открыл глаза, вздохнул и с силой надавил большим пальцем на букву Ф в слове Фрейзер.

Хлоп.

Переплет раскрылся, открыв тайник, — однажды он уже послужил для Карты Мародеров, пока ее не отобрали. Теперь в нем было кое-что иное...

Сириус вытаращил глаза: — Джеймс, — изо рта вместе с шепотом вырвалось облачко пара, — и что же мне с этим делать?

Когда дверь за Гарри закрылась, в комнате повисла неловкая тишина. Гермиона смотрела в пол, Драко — в окно.

Наконец Драко вздохнул: — Привет.

— И тебе тоже, — кашлянув, нерешительно ответила Гермиона.

Он полусидел на кровати, покрывала сползли прочь. Все в нем дышало достоинством — хотя и пижама на нем была нелепо огромная, и волосы торчали в разные стороны (внезапно Гермиона увидела эдакий платиновый вариант Гарри и чуть не вскрикнула).

— Ты можешь сесть поближе. Я утонул, это не заразно.

Она постаралась улыбнуться.

— Я не знала, захочешь ли ты этого, — и она села в недавно освобожденное Гарри кресло.

— Если ты об этом, то я не сержусь на тебя, — покачал головой Драко.

— Просто ты вполне мог бы... — начала она и засомневшись, остановилась. Машинально она потянулась к висевшему на шее *Ликанту* — прикосновение к нему давало ей силу. — Из-за того, что я была невыносимо ужасной с тобой... я так виновата... Не знаю, что и сказать, кроме того, что это была не я. Будь я в здравом уме, я ни за что бы так не обращалась с тобой... Я никогда бы не попросила тебя лгать...

— Ну, мне удалось этого избежать — я просто обходил эту тему, — с кривой улыбкой заметил Драко.

— Зная тебя, думаю, что это было ужасно тяжело, — улыбнулась ему в ответ Гермиона.

— Да все в порядке. Я же понимаю, почему ты так себя вела, — коротко ответил Драко и улыбка исчезла с его лица. — Так или иначе, все в прошлом.

Гермиона почувствовала налет неловкости в тоне, которым это было сказано.

— Ну, — сказала она так легко, как могла, — наконец-то мы можем быть друзьями.

— Нет, — Драко не смотрел в ее сторону. — Мы не будем друзьями, Гермиона.

От удивления она выпустила *Ликант*.

— Что? Почему?

— Потому что я так сказал.

— Это не ответ.

Драко вздохнул: — Кое-кто однажды сказал мне, что все вещи мира находятся в природном

равновесии. И это, — он указал на разделявшее их пространство, — ты и я... все, что мы... — нарушает это равновесие.

— Что? Нет! Это не имеет никакого значения, ты же сам знаешь, Драко!

— Для меня это имеет значение.

Она прикусила губу. — Я люблю тебя, — сказала она дрожащим голосом. — Я уже говорила это тебе. Может быть, я люблю тебя не так, как люблю Гарри, но все равно... — я люблю тебя. Знаешь, что со мной было, когда я думала, что ты умер? Каково мне было? Словно умерла часть меня, словно я потеряла руку...

— Гермiona, — Драко отбросил покрывало и подвинулся на край кровати, глядя ей в лицо. — Разве ты не понимаешь, о чем я?

— Не понимаю, — покачала она головой.

Они одновременно потянулись друг к другу, и руки их встретились. Она крепко сжала его руку, стараясь не морщиться от ее холода.

— Есть кое-что, соединяющее нас, — пояснил Драко. — Как я соединен с моим мечом, как мой отец — со Знаком Мрака на своей коже... Помнишь, что сказал Слитерин, увидев нас вместе? Он был рад, он был просто счастлив, потому что почувствовал, что эти узы, эта связь между нами — она работает.

— И что же не так с этой связью? Вовсе и не обязательно, чтобы в ней таилось что-нибудь злое.

Драко поколебался и начал: — У меня каждую ночь бывают...

— ...кошмары? Я знаю.

— ...да, кошмары. И все они связаны с тобой. Ну, то есть и с другими тоже, но в каждом из них была ты. Я понимаю, что это вовсе не обязательно именно мои сны, может, они насланы на меня кем-то... И каждую ночь... Гермiona, каждую ночь я просыпался от того, что кто-то разрывает мне руками грудь...

Словно что-то звякнуло у нее в голове. Она смотрела на него, смотрела в его серые глаза, в уголки которых угольная чернота смешивалась с серебром ресниц.

— И что я делаю?

— Что?

— Что я делаю в твоих снах?

Драко посмотрел на нее с явным нежеланием уточнять.

— Иногда мы женаты. Ну, или же просто живем вместе — и все это совершенно обыденно и приятно. А иногда... я раню тебя, мы сражаемся — и тогда все совсем наоборот... А однажды мы вместе охотились. А две ночи назад мне приснилось, что я был болен и ты пришла меня навестить...

— И я сказала, что за мной никто не посылал, — медленно произнесла Гермiona, ее голос приобрел отсутствующе-сонный оттенок. — А ты сказал, что позволил змее укусить тебя.

Драко побелел.

— И я говорил, что люблю тебя...

— И я сказала, что ты пожертвуешь мной так же, как и всеми остальными.

— Никогда. Только не тобой.

Воцарилась полная тишина. Драко смотрел на нее с выражением, каким обычно провожают скользющую по черному муару ночи звезду: задумчиво, беспокойно, с надеждой...

Наконец он не выдержал: — Но как?

Она взяла его за другую руку, накрыв его руки своими, надеясь, что это хоть чуть-чуть согреет его.

— Это приснилось мне прошлой ночью, — пояснила она. — Я думала, что это потому, что перед сном я читалась жизнеописаний Хогвартской Четверки... Салазар Слитерин был укушен змеей и чуть не умер... Но это было как на самом деле... — она нагнулась вперед, пристально глядя на Драко. Кровь прилила к его лицу, скулы пошли неровными красными пятнами, словно его снедала лихорадка.

— Драко, ты должен мне все рассказать — все, что происходит с тобой. Я помогу тебе справиться с этим, обещаю — помогу — клянусь! Ты веришь мне?

Он все еще сомневался: — Все рассказать?

— Все-все, сны и все остальное.

— Даже свои соображения по поводу Бразильской женской команды по Квиддитчу?

— Хорошо. Все, кроме этого.

— Эй, Рон! Ты видел Гарри?

Рон беспокойно смотрящий в окно, повернулся к своей сестре, вошедшей в комнату с парой ботинок, и пожал плечами.

— Думаю, он сейчас в саду, с Чарли. Отводит душу, гоняя гномов. А что?

Джинни плюхнулась на пол и начала зашнуровывать обувь.

— Да вот хотела попросить одолжить мне перочинный ножик... Ну, да ладно. А с чего бы ему отводить душу?

Рон махнул рукой в сторону лестницы, показывая в потолок: — Драко. Гермиона. Беседуют. Или еще что, — телеграфным стилем пояснил он.

— И Гарри допустил это? — недовольно спросила Джинни. — Он не должен был этого делать.

— Ага, уж ты-то совершенно объективна. Сложные и запутанные любовные истории живут в этом месте, ей-богу... Ты не можешь запретить людям что-то делать, Джин, надо им просто доверять.

Судя по ее виду, аргумент показался Джинни весьма сомнительным.

— Не понимаю, почему.

— Взаимоотношения базируются на доверии.

— То есть они не могут зависеть просто — от общих интересов и от сумасшедшего физического влечения?

— Можешь сколько угодно заводить меня, я не буду обращать на это внимание. А с ботинками-то у тебя что?

— Я собираюсь исследовать подвал.

— Что исследовать? — Рон был совершенно сбит с толку.

Джинни пожала плечами: — Продолжить то, к чему стремился папа: искать наши Хаффлпаффские корни. Ну, помнишь — Гермиона же говорила, что Хельга Хаффлпафф на гобелена была очень похожа на меня. А если она сама связана с Рэйвенкло... ладно, мне кажется, если и есть что-то, связывающее нас с Хаффлпафф, то оно должно быть в подвале. Полагаю, там мили туннелей, всякие штуки, туда уже сотню лет никто не заглядывал. Помнишь, Джордж нашел там копье и папа сказал, что оно времен первых восстаний гоблинов?

Рон покачал головой: — Все это притянута за уши... впрочем, поступай, как хочешь.

— А почему ты со мной пойти не хочешь? Мы здесь пока не нужны.

Рон содрогнулся: — Пауки, — коротко пояснил он.

Дверь пинком распахнулась, и вошел растрепанный Гарри. Руки были в грязи, белая футболка вся испачкана. Он уставился на Рона и Джинни.

— Вы куда собрались?

— Джинни решила раскопать подвал, — пожал плечами Рон.

— И я бы хотела, чтобы он пошел со мной... А он не хочет!

— Не может, — поправил ее Гарри, ухватив Рона сзади за майку. — Он мне сейчас кое для чего нужен.

Джинни скорчила недовольную мину.

— Ну, и пожалуйста, — она рывком распахнула дверь подвала и демонстративно затопала вниз по лестнице.

Гарри недоуменно глянул ей в след и повернулся к Рону: — Она как-то... изменилась за последнее время. Ты не находишь?

— Возможно, — избежал прямого ответа Рон, — Гарри, ты мне всю рубашку извозил.

— О, прости. Сюда, пошли со мной наверх.

— Поверить не могу, что ты взяла на заметку то, что я рассказал тебе.

— Никогда не угадаешь, что может сказаться важным, правда? — Гермиона улыбнулась, глядя на Драко, и заправила за ухо непослушный локон. — Поверить не могу, что ты говорил с Основателями... Лично... Ты теперь как... просто ходячая история.

Драко мрачно посмотрел в ее сторону: — Хотелось бы быть ходячим секс-символом.

— История весьма сексуальный предмет.

— Так вот почему профессор Биннс с дамами устраивал в Трех Метлах черт знает что...

— Профессор Биннс покойник, Драко.

— Я тоже был им вчера.

— Не выпендривайся, — улыбка Гермионы смягчила язвительность ее слов. Прикусив кончик своего пера и держа открытый блокнот на коленях, она внимательно слушала Драко, который сидел на кровати, обняв свои колени. Гермиона откинулась на стуле.

— То есть теперь ты уверен, что Ровена велела тебе найти Наследников и их Ключи.

— Да. Это что-то для тебя значит?

— Пока нет. Ну... может быть. Я не знаю, какие остальные ключи, но подозреваю, что один из них — *Ликант*. Мне нужно дочитать книгу про Основателей, а потом я попрошу Сириуса дать мне дневник Слитерина. Может, он все разъяснит...

Глядя на лицо Гермионы, пышущее энтузиазмом и энергией, Драко вдруг почувствовал себя невыразимо опустошенным. Он зевнул и забрался обратно под покрывало.

— Ты останешься со мной, пока я сплю, да?

— Могу, если тебе этого хочется. Хотя сейчас пришло время Рона.

— Рона? Разве спасение моей жизни уже вычеркнуто из расписания дня?

Гермиона заулыбалась: — Ну, технически нет, но мы подумали, что было бы здорово, если бы вы поговорили.

Драко застонал и залез под одеяло с головой.

— Мы так не договаривались.

— Может быть, — строго произнесла Гермиона, — но если мы собираемся работать плечо к плечу, — а мне кажется именно так, — я думаю, нам лучше притереться друг к другу. — А может быть, мы с Висли счастливы, ненавидя друг друга?

Гермиона сурово взглянула на Драко.

— Рон не из тех, кто ненавидит, он не хочет ненавидеть — ни тебя, ни кого-то другого. Он — самый милый человек, с которым можно мечтать повстречаться...

В этот миг из коридора послышался голос Рона: — Почему я должен сидеть с этим козлом-симулянт? — вопрошал он невидимого собеседника, по-видимому, Гарри. — Ты же знаешь, я ненавижу его!

— Он не симулянт, — задорно прозвучал другой голос — Гарри.

— Тогда, если он действительно болен, мой визит только приблизит его конец.

— Давай, Рон, разве ты не хочешь услышать его извинения?

— Он не собирается извиняться передо мной!

— Спорим, будет?

— Спорим, нет?

Гермиона от досады закатила глаза: — Мы слышим все, что вы говорите, болваны! — во весь голос прокричала она.

Повисла короткая пауза. Потом дверь распахнулась и невидимая рука (Гарри), втолкнув Рона в комнату, захлопнула за ним дверь. Рон, с торчащими дыбом волосами, воззрился на Гермиону и Драко с затравленным выражением кошки, попавшей в комнату, полную качающихся стульев.

— И что? — несколько вызывающе спросил он.

— Рон, никто ничего не говорил, — хладнокровно произнесла Гермиона.

— И хорошо, — сказал Рон.

Гермиона повернулась к Драко: — Ты хочешь что-нибудь сказать Рону?

После секундной паузы Драко шумно выдохнул и произнес: — Иди сюда, Висли...

Рон медленно проплелся через комнату и остановился в футе от кровати Драко.

— Висли, — произнес Драко так, словно слова вытаскивали из него крючком, — я... гм... я знаю, что никогда не был тем парнем, с которым можно легко ужиться. И я понимаю, что в идеальном мире ты бы никогда не выбрал меня в друзья... Да и я тебя — тоже. Но в свете того, что ты сделал для меня и того, через что все мы только что прошли, я просто хочу сказать, что считаю тебя кем-то... кем-то... кем-то, с кем я повстречался...

Рон взглянул на него: — Это извинения?

Драко выглядел смущенным.

— Ничего не могу сделать. Малфои не извиняются. В старину мои предки просто отрубали себе конечность и отсылали ее обиженному... или совершали ритуальное самоубийство.

— Это пустые звуки.

— Это не моя вина, — обиженно произнес Драко. — Это моя личная особенность.

— Да что ты! Что ж, если бы это было моей личной особенностью, я бы потребовал свои деньги назад!

— **ХВАТИТ!** — взревела Гермиона. Она вскочила, сверкая глазами на юношей, полная негодования.

— Вы оба просто идиоты, — решительно заявила она, захлопнула свой блокнот и выскочила из комнаты.

Рон возмущенно взглянул на Драко: — Ну, Мальчик-Который-Умер?...

— А я все гадал, когда ты родишь эту шутку, — язвительно заметил Драко.

— Ты на самом деле невозможная скотина.

— А ты что думал — раз спас мне жизнь, я буду смеяться над твоими шутками? Много хочешь, учитывая их качество.

Рон взмахнул руками: — Знаешь что, Малфой? Меня это не волнует. Мне от тебя ровным счетом ничего не нужно — ни извинений, ни благодарности — ничего! Я не спасал твою жизнь, потому что думал, что она того не стоит. И лучше тебе об этом знать.

Возникла неловкая пауза, которую нарушил Драко: — Ты не можешь это изменить.

— Что — это?

— То, что ты спас мне жизнь. Правила фамильного кодекса поведения Малфоев гласят, что теперь я обязан тебе своей жизнью и должен быть поблизости, чтобы иметь шанс спасти тебя или...

— Говорю тебе — я не хочу...

— Это не имеет значения. Протокол должен быть соблюден.

Драко свесил ноги с кровати, осторожно проверил их на устойчивость и медленно поднялся. Он был ниже Перси, так что ему приходилось быть внимательным, чтобы не наступить на слишком длинные для него штаны. Взяв с тумбочки карманный ножик Гарри, он щелкнул им и бросил его Рону: — Висли, лови!

Рон поймал его и вопросительно уставился на Малфоя: — Малфой, что?...

Вместо ответа Драко начал расстегивать пижамную куртку. Рон отшатнулся назад так быстро, что запнулся о край ковра и шлепнулся на пол, вытаращив на Драко ставшие размером с обеденные тарелки глаза: — Это что ты делаешь?

— Секунду, — Драко спокойно закончил расстегивать три последние пуговицы и потянул пижаму за воротник. — Поднимайся, — скомандовал он Рону.

Рон с видом, словно застал профессора МакГонагалл, принимающей ванну, подчинился.

— Хорошо, но ты бы лучше оделся, Малфой...

Драко ухмыльнулся: — Это часть протокола. Но хорошо — как тебе угодно...

Он выпрямился, расправил плечи и в упор посмотрел на Рона: — Ты спас мне жизнь. Согласно Фамильному Кодексу Малфоев, правило 613, из этого следует, что у меня тебе долг крови. Это значит, что теперь у тебя есть одна попытка метнуть в меня этот нож.

Теперь Рон выглядел так, словно застал профессора МакГонагалл принимающей ванну вместе со Снэйпом.

— Да что ты?! А согласно Фамильному Кодексу Висли, правило № 1, — не дождешься, психованный ублюдок!

— Давай-давай! Одна попытка. Мои предки постоянно этим пользовались. Просто брось в меня нож. Посмотрим, воткнется ли он. Не меться в жизненно важные области... ну, в другие тоже. Тогда все счета между нами будут закрыты, и я больше не побеспокою тебя.

Рон слегка позеленел: — А можно вместо этого здорового ножа я воспользуюсь моей палочкой?

Драко замотал головой: — Должна быть кровь.

Рон стоял, вытаращив на Драко глаза. Потом слабая усмешка тронула его губы: — А я

обязательно должен его бросить? Не могу ли я просто подойти и полоснуть тебя по горлу, если мне захочется?

Драко и глазом не моргнул: — Если тебе так хочется... Однако в этом случае ты нарушишь необходимую церемонию.

— Ты псих, — убежденно заявил Рон. — И ты об этом знаешь.

— Я — Малфой.

Рон опустил глаза на нож, вздохнул и поудобнее перехватил его рукоятку.

— Ну, раз уж это традиция...

Драко слегка затрясло от волнения. Судя по виду, Рон, держа нож, был полон определенных... намерений. Похоже, он немного недооценил Висли...

С покорным видом Рон перевернул нож, взял его за острие и прицелился в Драко. Желудок медленно кувыркнулся у Драко в животе.

А может быть, и нет...

Рон кинул нож.

Он просвистел в нескольких футах от головы Драко и воткнулся в стену (прямо в центр развешенной на стене коллекции значков старост, заботливо собранной Перси за школьные годы).

Рон посмотрел на Драко.

Драко взглянул на Рона.

— Похоже, я промахнулся, — заметил Рон.

— Что ж, — любезно заметил Драко, — это была неплохая попытка.

— Хм-м-м, — задумчиво промычал Рон и почесал за ухом, — может, я еще разок попробую?

— Нет.

— Всего лишь...

— Нет.

— Я ведь спас тебе жизнь, — заметил Рон — как подозревал Драко, далеко не в последний раз.

— А потом кинул в меня нож. Что не так, Висли?

Казалось, Рон не слышал его.

— Малфой...

— Что?

— А что — это правда, что 613 правило вашего Семейного Кодекса Поведения гласит, что должен бросить в тебя нож... или ты это просто милостиво мне позволил?

Драко посмотрел на него. И заулыбался: — Сам подумай. На самом деле 613 правило гласит, что члены семьи Малфоев, имеющие протезы, не могут вступать в сексуальные контакты во рву. Ой.

— Я подозревал... — покачал головой Рон.

Драко, занятый застегиванием пуговиц на своей пижаме, был испуган тем странным взглядом, каким наблюдал за ним Рон.

Тот набрал в грудь воздуха и позвал: — Эй, Малфой!...

— Чего?

— Ты играешь в шахматы?

— Нет...

— Хочешь, научу?...

— Я действительно не уверен, смогу ли я помочь вам, — доктор Брандфорд заглянул в полутемную клетку и снова повернулся к Сириусу. — И вашей собаке, — нервно добавил он.

— Он — не собака.

— Да, я полагаю, скорее, это волк, да? Большой и, судя во всему, весьма злобный...

— Он без сознания.

— По счастью — да. Знаете ли, я совершенно не понимаю, почему вы обратились именно ко мне.

— Мой друг Джон Уолтон из Святого Мунго сказал мне, что вы лучший специалист по проблемам реабилитации пострадавших от Темных Искусств.

— Да, — кивнул доктор. — Я действительно лучший реабилитолог. Для людей. Но не для животных.

Сириус скрипнул зубами.

— Он — не животное, он — оборотень.

— Он не может быть оборотнем, — с достоинством отрезал доктор Брандфорд, приняв во внимание, что в глазах Сириуса плещется с трудом сдерживаемая ярость. — Сейчас день.

— Я знаю. Именно поэтому я вас и позвал. Он должен был принять свой нормальный облик... но этого не произошло.

— Я не ветеринар, мистер Блэк, я врач. Возможно, Ауроры...

— Что касается Ауроров, то я сам Аурор, и могу со всей определенностью заявить вам, что Коллегия Ауроров тут не поможет. Все, что они могут сделать, — это забрать его в лабораторию для исследований.

— Только потому, что он оборотень?

— Нет, потому что уже полдень, а он еще в облике волка. И потому, что он страдает так, как раньше я никогда не видел...

— Я говорил тебе, — резким голосом заскрипел демон из клетки напротив, — его Призывают. Когда он проснется, вы услышите такой вой, какой доселе еще не слыхивали. Он порвет себя решеткой на части, когда будет рваться наружу, к своему Хозяину.

Сириус с удовлетворением взглянул на его маленькое лицо — казалось, голова несколько сгладилась на том месте, куда Гарри опустил гардероб.

— Я уже говорил тебе — заткнись, демон... — начал было он и осекся, увидев выражение лица доктора Брандфорда: судя по всему, он решил, что Сириус не в себе. Конечно, определенный вклад в эту картину вносили запертые в клетках демон и оборотень, а также факт, что последние два дня у Сириуса не было времени, чтобы побриться и причесаться — он выглядел, как пост-Азкабановский плакат «Разыскивается!»

Сириус со вздохом обернулся к нему.

— Видите ли... он — не животное. Будь так, я бы позвал ветеринара. Может быть, вы бы просто осмотрели его?

Теперь вздохнул доктор. Потом с беспокойной гримасой он присел на влажный пол и, просунув свою палочку сквозь прутья, коснулся ее кончиком шерсти оборотня. Когда он потянул свою палочку обратно, из нее заструились неровные фиолетовые лучи.

— Что ж... похоже, он действительно человек... — доктор поднялся и повернул палочку к себе, изучая лучи. — И он был оглушен сильнейшим заклятьем — я бы сказал, здесь не обошлось без силы Магида... Если его специально не привести в чувство, он будет в отключке по крайней мере день.

— Существует какая-то опасность? Он умирает?

— Он просто без сознания. Не могу сказать, сколько оно продлится, однако я дам вам кое-какие противоболевые заклятья на случай, если он проснется. Большого я сделать не могу.

— Спасибо, доктор, — поблагодарил Сириус, безразлично принимая и засовывая в карман пакетики с заклятьями, которые доктор Брандфорд достал из своей черной сумки. — Сколько я вам должен?

— Нисколько, — попятился от Сириуса врач. — Я могу быть свободен, да?

— Если будут изменения, я пришлю вам сову...

— Нет-нет, увольте, — и доктор бросился наутек.

Сириус вздохнул и прислонился головой к прутьям, слушая, как затихает вдалеке звук его шагов. Медленно вытащив палочку из рукава своей мантии, он стукнул ее концом по одному из прутьев решетки.

— *Alter orbis attinge*, — это заклинание он выучил во время обучения на Аурора: оно предупредит его, жужжанием палочки когда проснется Лупин. Он бросил взгляд на Лупина.

— Дружище... Что же у нас получится, когда ты придешь в себя?... — тихо пробормотал он. Волк не ответил. В темнице царила полная тишина, которую нарушали разве что хриплое дыхание демона, да стук сердца самого Сириуса.

— Пристально изучив эту штуку, я не уверен, что она что-то даст тебе, Герм, — произнес Гарри.

Гермиона прервала свое исследование *Ликанта* и стрельнула в него взглядом. Окруженные книгами и записками, они сидели за кухонным столом. Перед ней на большой обеденной тарелке лежал *Ликант*. Тихим фоном жужжала Волшебная Беспроводная Сеть.

...В Лондонской Штаб Квартире Министерства продолжается следствие в связи со смертью Люция Малфоя... тем временем, по сообщениям из глубинки, замечено резкое увеличение активности оборотней... как сообщают нам наши южные корреспонденты...

— С другой стороны, — поспешил добавить Гарри, — если тебе так больше нравится... Больше силы...

Чарли с удивлением поглядывал за ними со своего места у плиты. Вокруг талии у него был повязан фартук, и длинной деревянной ложкой он помешивал булькающие в горшке овощи. Рон издевался над ним из-за этого фартука, между тем, как Гермиона про себя думала, что он выглядит весьма круто. Сама она была бы сильно удивлена, если бы Гарри мог хоть что-то приготовить: занятый спасением мира и вечной борьбой со злом, вряд ли он удосужился научиться большему, чем варка яиц.

— О чем вы говорите? — поинтересовался Чарли.

— Об этом, — подавленно ткнула пальцем в *Ликант* Гермиона. — Я пыталась угадать что это, что оно делает, но пока что...

— Я уже видел эту форму, — произнес Чарли и, вытирая руки кухонным полотенцем, подошел к Гермионе. — Она была вырезана на коре деревьев, в лесу... В глубокой древности...

— Это *Ликант*, — пояснила Гермиона. — Он защищает путешественников от оборотней. Однако я думаю, что он умеет не только это. Когда я держу его...

— Могу я взглянуть? — протянул руку Чарли.

От одной мысли, что ей нужно выпустить Ликант из рук, Гермиону резануло отчаянное нежелание это делать. Чарли с удивлением покрутил его в руках.

— *Monitum ex quod audiri nequit*, — пробормотал он, и из Ликанта неожиданно вырвалась вспышка, словно искра, выбитая из кремня. — Ух ты! — воскликнул Чарли и смущенно кинул его обратно ей в руки. — Я думал, это не сработает...

Облегченно вздохнув, Гермиона улыбнулась ему: — Все в порядке.

В этот момент распахнулась дверь подвала и возникла Джинни, грязная и раздраженная. — Есть что-нибудь? — бросила на нее взгляд Гермиона.

Джинни покачала головой: — Я нашла коллекцию журналов Фреда и Джорджа под камнями. И когда я говорю «коллекция», то именно ее я и имею в виду. Я узнала много нового... — она опять покачала головой. — Подвал огромен. И полон маленьких петляющих коридорчиков, разбегающихся в разные стороны.

По лестнице в топотом протрусил Рон. Он подбежал к холодильнику, вытащил пакет молока и начал пить прямо из него.

— Рон... — предупреждающе произнес Чарли, махнув фартуком.

— Прости, — Рон сунул пакет обратно и повернулся к Гарри, Джинни и Гермионе, смотревшим на него с одинаковым выражением неумного любопытства. — Что?

— Он извинился? — спросила Гермиона.

— Без лишних слов. Он сказал речь, потом я бросил в него нож, потом я начал учить его играть в шахматы и в середине второй партии он уснул и снес головой все пешки.

Все хлопали глазами.

— Ну, насчет ножа ты, конечно, пошутил, — предположил Гарри.

— Может быть, — чуть улыбнувшись, ответил Рон. Засунув руку в карман, он вытащил нож и кинул его Гарри. Тот поймал его с совершенно растерянным выражением на лице.

— То есть Драко все же не такая ужасная скотина, каким ты его считал? — с победным видом поинтересовалась Гермиона.

Рон вытаращил глаза: — Вовсе нет. Он по прежнему ужасная скотина. Но теперь — ужасная скотина, которая должна мне тридцать галлеонов.

— Ты выиграл их в шахматы?

Рон промолчал.

— Если вы засыпаете в середине игры, полагается штраф?

— Он уснул? — переспросил Чарли. — И никто не предполагает подежурить около него?

— Я не собираюсь сидеть и любоваться на спящего Малфоя, — твердо заявил Рон. — Проснувшись на мгновение, он произнес «Отвали отсюда, Висли, ты урод...». Не думаю, что ему хотелось, чтобы я смотрел, как он спит.

Джинни вскинула глаза: — Пойду проверю его. Между прочим, он не ел со вчерашнего дня, может, он захочет ленч?

Поспешно стряхивая с джинсов подвальную пыль, она исчезла. Рон глянул ей вслед и покачал головой.

А он спал.

Он шел по узкому горящему мосту между темнотой и беспросветной мглой. И по обе стороны от его пути все пропадало, словно обрываясь, — так круто, что он не видел ни дна пропасти, ни ее границ. Посередине моста стоял человек. Приблизившись к нему, Драко без всякого удивления увидел собственное лицо — ну, разве что всего несколькими годами старше. Он мог быть его близнецом: стройный, с серебристыми волосами, с поблескивающими, словно драгоценные камни, глазами, в которых не было ни сострадания, ни страсти.

Драко застонал и закрыл руками лицо: — Я думал, что сумел отделаться от тебя.

Тот, другой, засмеялся: — Верно, я почти потерял тебя. Я уже думал, что мне, вероятно, придется последовать за тобой в Серые Долины... но ты вернулся обратно.

Драко не надо было искать слова, они приходили сами: — Но почему это должен быть я? Ведь есть же и другие с твоей кровью, другие, похожие на тебя...

— Но нет других, похожих на тебя...

— Во мне нет ничего особенного...

— Какие пораженческие настроения, мальчик, — сказал тот, другой, и губы его растянулись в недоброй улыбке. — Неудивительно, ты вторишь темноте в твоей душе...

— Что я должен сделать, чтобы избавиться от тебя? — сорвался на крик Драко.

— Попробуй уничтожить меня, если хочешь. Ты совершишь ни что иное, как саморазрушение...

— Я не верю, — Драко поднял меч — в этом, другом мире он был горящим пером — и махнул им в сторону человека перед ним, махнул резко и сильно, рубя его пополам...

Меч взлетел... коснулся...

Раздался звон бьющегося стекла. Драко отскочил назад, и его, словно снегом, осыпало осколками зеркала, перед которым он стоял...

Драко резко сел на кровати, слыша свое хриплое дыхание, словно бы источником его был кто-то другой. Грудь разрывала боль, он сжал ее, и боль начала медленно отпускать. Мокрая от пота, пижама неприятно облепила его. Он свесил ноги с кровати и начал оттирать ее от себя, когда его глаза уловили вспышку света в другом конце комнаты...

Меч был все так же прислонен к стене — там, где его оставил Гарри. Свет, отражавшийся от клинка, был подкрашен красноватым.

Драко смежил веки. Оно снова вернулось — это ощущение сна без отдыха, пробуждения еще более усталым, чем когда ложился. Надо писать Снэйпу и попросить у него побольше Неусыпного зелья вместе с Волеукрепляющим... но сейчас у него совсем не было сил. Его охватило отчаяние, в нем нарастал гнев.

И он был совершенно измучен и обессилен...

Он упал на кровать, накрылся одеялом и снова рухнул в пучину кошмаров.

Джинни тихо притворила дверь в спальню Перси и некоторое время присматривалась, чтобы привыкнуть к сгустившимся в комнате сумеркам, которые не мог рассеять тусклый свет ночника. Она различила очертания мебели, кровать и под покрывалами — очертания съежившейся фигуры Драко.

Она тихо подошла к кровати.

— Драко... — тихо позвала она, — эй... просыпайся...

Драко не ответил. Склонив голову, она смотрела на него, ее глаза уже привыкли к полутьме. Он

спал, подложив кулак под голову, на боку, без рубашки, в опутавших его по пояс простынях, положив вторую руку поверх покрывала. Она могла заметить полоску на горле, где заканчивался еле видный уже летний загар, и незаметный шрам под глазом от осколка взорванной Гарри чернильницы.

«Все люди совсем другие, когда спят, — подумала она, — моложе, мягче, беззащитнее... Но Драко даже во сне такой же, как наяву: собранный и бдительный».

Она коснулась рукой его плеча, собравшись потрясти его и разбудить — его реакция была мгновенной: его рука взметнулась так быстро, что она не успела даже дернуться, схватив ее за руку, он перебросил ее на кровать, одной рукой придавив горло, а второй готовый нанести удар.

— Как ты думаешь, что ты делаешь? — зашипел он, яростно сверкая глазами.

— Ой! — возмущенно вскрикнула Джинни. — Ой!!! Ублюдок, убери свой локоть у меня с горла!

Похолодев, Драко убрал руку и хлопнул глазами. Она еще не видела его таким удивленным.

— Ой, я подумал, что это кое-кто другой...

— И кто? Волдеморт? Слезь с меня, нахал! — испуганно вскрикнула Джинни, начав ерзать под ним, пытаясь выбраться.

Она замерла: — Я... хм...

— Что?

Джинни начала запинаться: — Я... хм... пришла узнать, не хочешь ли ты что-нибудь съесть. Уже время полдника. Чарли приготовил еду... Очень вкусную... И... хм... мы подумали, что ты можешь тоже чего-нибудь захотеть. Я это уже сказала?... Я бы... хм... могла тебе чего-нибудь принести или... если ты в состоянии... ты мог бы сам спуститься... Драко помолчал секунду и слабая улыбка проскользнула по его лицу: — Я в состоянии, — равнодушно произнес он.

— Прекрасно. Ну... тебе лучше слезть с меня, чтобы я смогла встать.

Какое-то мгновение Драко колебался, потом улыбнулся и кувыркнулся прочь с нее. Поднявшись, Джинни с совершенно излишней тщательностью расправила свою рубашку и, не глядя в его сторону, сказала: — Я могу сказать всем, что ты спустишься через несколько минут?

— Конечно. Почему бы и нет.

— И об обнаженке...

— Я оденусь, прежде чем спуститься.

— Отличная идея.

Повисла короткая пауза, во время которой он вопросительно поглядывал на нее.

— Ну, ладно... Я... пожалуй, пойду...

— Увидимся, — Драко жизнерадостно проводил Джинни — она выскочила из комнаты и хлопнула за собой дверь.

«Он смеется надо мной! — бушевала она, спускаясь в прихожую. — Он смеется надо мной — а сам голый! Это нечестно!»

Она пнула лестничное ограждение и, спускаясь, почувствовала, что занозила ногу.

«Ты свое получишь, Драко Малфой, — подумала она, — Ты — противный, ухмыляющийся и голый».

Почти спустившись вниз, она услышала, как со стуком распахнулась входная дверь.

Заход солнца окрасил небо над Норой в переливы от розового к сапфировому, залил все мозаикой цвета. Но у Сириуса не было никакого настроения, чтобы предаваться восхищению, он условился встретиться с Нарциссой на некотором удалении от всех Висли, чтобы спокойно побеседовать с глазу на глаз. Телепортировавшись в тенистую купу деревьев, он уже застал ее. Она подошла к нему — волосы в полутьме серебрились, в складках мантии таились сумерки. Он поцеловал ее в поднятое лицо и спросил: — Все в порядке?

— Нет. Это расследование просто ужасно. Они понятия не имеют, что стало причиной смерти Люция, им надо притащить все старые бумаги Люция... — она осеклась. — Впрочем, неважно. Как Рем? Доктор осмотрел его?

— Да, — кивнул Сириус и она двинулись в сторону Норы. — Но не смог ничего сделать. Он смотрел на меня, словно я законченный псих. У которого, к тому же есть кое-какие проблемы.

— Сириус, думаю, нам лучше забрать Драко обратно в Имение. Ты не можешь туда-сюда

метаться между больничными палатами, ты с ума сойдешь.

— Да, ты права... Слушай, у меня тут такая мысль... Мне не хочется идти в Коллегию Ауроров, а вот как насчет старины Дикоглаза Хмури? Он, конечно, немного радикален, однако, как никто, много знает об Истории Темных Искусств... Я уверен, он не захочет сообщать о Реме Министерству.

— М-м-м, может быть... А знаешь, кто еще сумел бы нам помочь?

— Кто?

— Северус Снэйп.

— Нет.

— Сириус, не будь упрямым.

— Я не упрямый. Я просто сказал нет. И все. Потому что я ненавижу этого ублюдочного крысенка и ни о чем не буду его просить.

Вдалеке показалась Нора. Нарцисса раздраженно вздохнула: — Он много знает о Призывании...

— Ты во второй раз предлагаешь Снэйпа — я могу подумать, что ты знаешь его куда лучше, чем...

— Хорошо, у нас был один сумасшедший уик-энд, который мы провели на Бора-Бора.

— Настроение у меня резко упало, и виновата в этом ты!

— Сириус, не глупи. Я знаю его, потому что они с Люцием были практически неразлучны в бытность его Пожирателем Смерти. Он действительно много знает...

Она осеклась.

Сириус оглянулся — ее лицо было перекошено ужасом, глаза, смотревшие куда-то за его спину, расширены... Она закричала.

— Нарцисса?...

Она рванулась мимо него, даже не оглянувшись, и помчалась в сторону Норы. Сириус с удивлением оглянулся... и похолодел.

Не может быть.

Он стоял, слишком оглушенный, чтобы двинуться с места, — во всяком случае, в буквальном смысле. Мысленно его отбросило с прошлое — лет на пятнадцать, в другую ночь, похожую на нынешнюю, только более темную и освещенную вспышкой оранжевого пламени: дом, рухнувший с одной стороны, словно раздавленный гигантской ногой, удушающие облака пыли и штукатурки, дравшие горло и щипавшие глаза, когда он продирался сквозь обломки и руины на детский крик... А над всем этим — гибельное зеленовато-черное облако, такое же безошибочно узнаваемое, как и это... Череп со змеей, выползающей изо рта, темные пустые глазницы, заполненные звездами...

Знак Мрака.

Глава 10. Связи и призывы

a fronte praecipitium a tergo lupi
(между пропастью и волком)

— Оживимус!

Гермиона вынырнула из спящей тьмы, захлопала глазами — но перед ней оказалась еще более беспросветная мгла. Она сдавленно вскрикнула — темнота исчезла, сменившись на освещенное бледным желтоватым светом взволнованное лицо над ней.

Это был Сириус, в руке он держал мокрую тряпку.

— Гермиона... — позвал он. — Ты как? Ты знаешь, кто я?

Она кивнула и почувствовала резкую вспышку боли в голове где-то позади глаз. Ее органы чувств медленно возвращались к окружающей действительности: она лежала в гостиной Висли, накрытая одеялом.

— Гарри... — прошептала она. — Драко... Все остальные...

— Рон и Джинни все еще без сознания, — отвел глаза Сириус. — Их ударили Оглушающим Заклятьем. Так же, как и тебя. — Он поколебался. — Ни Гарри, ни Драко здесь нет. Гермиона, что произошло?

Из ее глаз брызнули слезы:

— Их здесь нет? А где они?

— Я не знаю...

— Сириус, может, они...

Сириус взял ее за руку:

— Они не умерли. Во всяком случае, Гарри жив, а я не могу представить себе того, кто захотел бы убить Драко и оставить Гарри в живых.

— А откуда ты знаешь, что с Гарри все в порядке?

Сириус потянул вверх рукав и обнажил правое запястье, которое обхватывал плоский серебряный браслет, украшенный искрящимся красным камнем, — так поблескивали глаза Косолапа, когда свет падал прямо на них. Гермиона смутно помнила, что, кажется, уже видела браслет раньше. Приблизившись, она увидела, что блеск исходит из какой-то точки внутри камня.

— Я заколдовал этот браслет год назад, взял несколько волосков у Гарри, пока он спал. Обычное заклятье Вивикус... Пока камень ярко сияет — Гарри жив и здоров, — он улыбнулся Гермионе, не по-настоящему, а просто чтобы успокоить ее. — Кажется, годы моего обучения на Аурора не были потрачены впустую.

Гермиона закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться, забыть о боли, пульсирующей в голове словами Гарри-Драко-Гарри.

— Где Нарцисса? — прошептала она. — И почему ты не приведешь в чувство Рона и Джинни?

— Нарцисса телепортировалась в Министерство — предупредить Висли. Они будут с минуты на минуту. И я не привожу в себя Рона и Джинни, потому что... потому что... Чарли мертв.

— Мертв?.. Чарли?..

Сириус кивнул, его лицо помрачнело.

— Мы нашли его тело на кухне. Кто-то применил к нему Убийственное Проклятие, — он помолчал. — Гермиона, кто это был? Что произошло?

Поставленная в тупик, Гермиона покачала головой.

Чарли не умер... он не мог умереть... в этом не было смысла... здесь было что-то неправильное, что-то очень, очень неправильное... кусочки мозаики не складывались в единую картину, не подходили друг к другу...

Правая рука Гермионы машинально потянулась к Ликанту и коснулась его. Она тут же почувствовала себя спокойной, дыхание восстановилось. Подняв глаза, она взглянула на тревожное лицо убитого горем Сириуса.

— Сириус, я расскажу тебе, что произошло.

Четырьмя часами раньше.

Глядя вслед Джинни, поскакавшей из кухни наверх к Драко, Рон покачал головой.

— Понять не могу, что она находит в нем, — мрачно произнес он и вперил сердитый взгляд в кружку с молоком.

— Просто не могу понять!..

Гермиона хотела что-то сказать, но тут же поспешно опять уткнулась в книгу.

— Рон, ты же не знаешь, что там между ними. Может, они просто друзья... — дипломатично предположил Гарри.

Рон покосился на стоящего у плиты Чарли:

— Что думаешь?

Чарли пожал плечами:

— Это дело Джинни.

Рон нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Давай, Гермиона, вы обе девчонки. Она могла тебе что-нибудь рассказать про Драко. Гермиона продолжала смотреть в книгу.

— Она говорила, что он викинг в мешке.

Рон захлебнулся молоком. Гермиона вскинула глаза и заулыбалась:

— Шучу, — и снова вернулась к жизнеописанию Хогвартской четверки. — Джинни никогда ничего не говорила мне про Драко. Да, я думаю, он ей нравится. Нравится ли она ему? Не знаю. Он был несколько занят в последнее время, так что, думаю, его мысли были весьма далеки от девушек. С другой стороны, — добавила она, — мы ведь говорим про Драко, так что все может быть как раз наоборот.

Плечи Гарри тряслись от беззвучного смеха, однако Рон недовольно уставился на нее:

— Можешь читать дальше, Гермиона, — бросил он. — Ты абсолютно бесполезна.

— Знание — сила, — напыщенно произнесла она. — Кроме того, эта штука и правда очень увлекательна, — она постучала пальцем по странице. — Слитерина называли Повелителем Змей... непонятно, то ли из-за его способности в них превращаться, то ли из-за того, что он держал их в качестве домашних животных... Исходя из другой точки зрения, это прозвище ему было дано потому, что он остался в живых после укуса Зеленой Алмазной Змеи, хотя ее яд смертелен.

— Я все жду увлекательного момента, — Рон встал у нее за плечом и безо всякого интереса вытаращился в книгу.

Гермиона скорчила ему рожу:

— История очень важна, Рон.

Чарли усмехнулся над плитой:

— Рон у нас живет сегодняшним днем, а история — это все больше о том, что будет, если...

Гермиона округлила глаза:

— Слитерин выжил после змеиного укуса, — назидательно произнесла она. — И оставшийся на его руке шрам позже стал прототипом Знака Мрака, который он использовал для распознавания своих последователей. Он должен был быть выжжен на коже Заклятием Бруциата. Разве вы не находите это интересным?

— Совсем даже наоборот, — скривился Гарри. — Думаю, я выражу общее мнение, если скажу фу.

— Поднимаю твоё фу до бе-е-е, — согласился Рон. — Знаешь, если они решат ввести новый предмет под названием Срази Врага, Читая Много, ты, Герм, будешь первым номером в нашем классе.

— Рон, я уже первый номер.

— Я знаю, — кивнул Рон. — А кто же номер два?

Гермиона тихо улыбнулась в книгу:

— Драко.

— Малфой? — эхом повторил Рон. Даже Гарри выглядел удивленным.

— Угу, — кивнула Гермиона. Захлопнув книгу, она улыбнулась юношам: — Вы оба могли бы быть первыми учениками класса, если бы учились. А изготовление фальшивок для Прорицания таковым не считается.

— Учиться?! — с деланным ужасом повторил Гарри. — Заниматься этой фигней, пока мы

молодые и бестолковые?

— Вы же не всегда будете молодыми, правда? — улыбнулась ему Гермиона.

— Нет, — согласился Рон. — Но мы всегда будем бестолковыми, — он помолчал. — Ладно-ладно, не спешите соглашаться.

Гермиона зевнула.

— Я начиталась, — она отодвинула книгу и прижалась к плечу Гарри. — Я бы вздремнула.

— Я бы тоже, — согласился Гарри и чмокнул ее в макушку.

— И кто-то, кто предложит перекусить, не должен быть признан сумасшедшим, — произнес Рон, с надеждой глядя на Чарли.

— Обед готов, — объявил Чарли и потянулся, чтобы снять с кастрюли крышку.

Дверь шумно распахнулась, и в дом шагнул Салазар Слитерин.

Сириус недоверчиво посмотрел на Гермиону:

— Что, прямо так? Просто взял и вошел?

Гермиона безжизненно кивнула:

— Да, взял и вошел...

Сириус нахмурился:

— Продолжай.

Дверь захлопнулась, эхом отозвавшись в голове Гермионы, превратившейся в огромную пустую пещеру ужаса. Все происходящее было поделено пополам, словно разрезано упавшим ножом: вот она сидит за стареньким уютным кухонным столом, обнимая Гарри, позади нее — Рон. И в следующий миг мир рухнул, и черная пустота вокруг взрезалась вспышками молний. И сквозь эту темноту на нее смотрело лицо Слитерина.

Она уставилась на него, едва видя, что происходит с другими: Чарли шагнул от плиты, Гарри сжал ее руку, Рон окаменел от удивления... — она видела только Слитерина.

Она едва ли могла припомнить, как он выглядел раньше, — трудно было сложить в единую картину затерявшиеся в памяти осколки ужаса, отвращения и страха. Она помнила эти темные, печальные, пустые глаза, помнила странное чувство, обуявшее ее, — смесь жалости, ужаса и ненависти... Тогда он казался пустой оболочкой.

Но не теперь.

Теперь он был живой, излучающий угрозу и темную силу — так вот почему все магическое сообщество боялось даже произносить его имя... Даже лицо его стало другим: таким, каким являлось ей во снах, полным темной энергии, с лихорадочно горящими злобой глазами. И оно стало молодым. Возможно, что именно так он и выглядел в молодости? Сейчас он был сильно похож на Драко — те же острые черты лица, искаженные гневом.

Что произошло? — в смятении подумала она. — Что изменило его?

На нем была черная мантия, расшитая звездами, лунами и извивающимися змеями, но руки были без перчаток. У него не было палочки. Глазами он нашел ее.

— Ровена... — позвал он.

Гарри вскочил на ноги так быстро, что она едва успела это заметить, он закрыл ее грудью, вдавив в стену. Левой рукой он сжимал у себя за спиной ее руку, правую он выставил перед собой. За его плечом Гермиона могла видеть стенные часы, на их расплывчатом циферблате стрелки Рона и Джинни взметнулись к надписи смертельная опасность.

Ужас сжал в ледяной кулак все ее внутренности, сердце колотилось в груди, как рвущийся из клетки зверек. Она прижала к себе правую руку с зажатым в ней Ликантом и зажмурилась.

Не позволю Слитерину забрать меня, — подумала она. — Уж лучше умереть от его руки. Гарри словно услышал ее мысли:

— Я не позволю тронуть ее, — голос его был удивительно ровен и спокоен. — Тебе придется перешагнуть через меня.

— И через меня, — добавил Рон.

Чарли, все еще стоящий у плиты, безмолвствовал. Его руки были сжаты в кулаки, а выражение глаз, следивших за перемещениями Слитерина по комнате, Гермиона не могла расшифровать.

Словно бы Рон и Гарри ничего не говорили — Слитерин продолжал двигаться по направлению к Гермионе.

Он надвигается, как Дементор, — в отчаянии подумала она. — Словно безмолвная черная тень...

Мантия его была даже темнее черного, казалось, надвигаясь, он поглощает весь свет в комнате... А над ней было его лицо, его руки — безжизненно-белого оттенка. Она почувствовала, что Гарри с неимоверной силой стиснул ее руку и...

Комнату прорезал крик.

Гермиона резко повернула голову: на нижней ступеньке, с выражением крайнего ужаса на лице, вытаращив глаза и зажав рукой рот, стояла Джинни.

— Джинни... — двинулся к ней Рон, но, остановленный резким жестом Чарли, застыл на месте.

Слитерин развернулся и двинулся к ней:

— Хельга...

Глаза его казались темными мрачными ранами на лице:

— Вы все — такие же, как они... И в конце концов вы тоже предали меня...

Джинни вцепилась в стул, разделявший ее и Повелителя Змей:

— Не подходи ко мне! — яростно зашипела она.

— Или что? Ты кинешь в меня этой дрянной мебелью? Ну так давай. Это не причинит мне вреда.

Так тихо и незаметно, как только возможно, Гермиона нащупала в кармане свою палочку — она не могла просто так сидеть и смотреть, как Слитерин наступает на Джинни...

— Она же сказала тебе не подходить к ней, — раздался негромкий голос позади Джинни. — Но, как я понимаю, слушать ты не умеешь.

Слитерин замер.

Двигаясь медленно и осмотрительно, на лестницу из тени шагнул Драко. Он был босым, но сменил пижаму на черные брюки Чарли и одну из своих собственных белых рубашек. В руках он держал меч.

Он все еще очень слаб, — подумала Гермиона. — И раны все еще беспокоят его... потому он и двигается так медленно...

Но Драко продолжал спускаться по ступенькам, словно с ним все было в порядке, словно эта медлительность была ничем иным, как проявлением нахальства.

— Я, конечно, понимаю — ты умеешь превращаться в большую змею... и все такое... Однако умение слушать — не менее важное качество.

Драко спустился и теперь стоял рядом с Джинни, которая по прежнему держалась за стул. Драко не смотрел на нее, он просто ощущал, что она рядом, глаза его были словно приклеены к Слитерину.

— Ты пришел сюда за мной, — сказал он негромким ясным голосом. — Почему бы тебе не оставить в покое всех остальных?

Слитерин заулыбался. Это было куда ужасней, чем представляла себе Гермиона.

— А что заставляет тебя думать, что я пришел за тобой?

Драко слегка побледнел. Его взор незаметно метнулся к Гарри и Гермионе. И она чуть не выскочила из собственной кожи от удивления: она могла бы поклясться, что губы его не двинулись, но — ей-Богу! — он заговорил, обращаясь к Гарри, и она тоже это слышала!

«...Убери ее отсюда».

А Гарри... Гарри ответил.

«...Отвлеки его».

Гермиона почувствовала, как к ее руке скользнула рука Гарри, не глядя на нее, он сжал ее пальцы.

Светлые глаза Драко расширились, затем прищурились. Он смотрел на Слитерина.

— Я так понимаю, что предложение Червехвоста все еще остается в силе?

Казалось, Слитерин напрягся. Гермиона пристально смотрела на его руки — такие бледные и длинные, что они казались белыми паучьими лапами.

— Тебе не нравится, когда тебе указывают, что делать, — мягко произнес Повелитель Змей. — Однако стоит об этом подумать: присоединись ко мне, и никто больше никогда не скажет тебе ничего подобного: ни твой отец, никто.

— Мой отец мертв, — отрезал Драко. Он поднял меч теперь держал его, словно барьер между

собой и Повелителем Змей. — Как тебе хорошо известно.

— Так уважай его память и присоединись ко мне. Это именно то, чего он хотел для тебя, то, ради чего ты был рожден. Или в тебе нет верности крови?

Драко безмолвствовал. Он побледнел — в этот миг Гермiona подумала, что он очень похож на Люция, а еще больше — на мужчину из ее видений, мокрого от пота и кричащего от яда, струящегося по его венам.

Но когда он заговорил, голос его был спокоен и ясен.

— Боюсь, что когда раздавали верность крови, я случайно попал в очередь за голосом разума. Мой недостаток.

Брови Слитерина приподнялись. В отличие от Драко, он не казался уравновешенно-спокойным, а был просто отчужден. Но было очевидно, что все его внимание было приковано к Драко. Гарри сжал руку Гермiony, и она почувствовала, как он начал подталкивать ее к двери. Они старались двигаться как можно тише, не глядя друг на друга, дюйм за дюймом продвигаясь к ведущей в сад двери.

— Возможно, ты недопонял, о чем рассказывали твои сны... — сказал Слитерин Драко. Может, мне стоит поведать тебе одну историю...

— О, я обожаю истории, — спокойно сказал Драко. — Особенно, если они про закрытые школы для девочек, и в них фигурирует директор и всякие записочки...

У Слитерина был такой вид, словно он ничего не понял, его длинные паучьи пальцы сжимались и разжимались. Гермione захотелось крикнуть Драко, что он провоцирует его, хотя она и знала, ради чего все это делается: он велел Гарри вывести ее... и теперь они были уже почти у двери.

— Я не понял твоих слов, — сказал Повелитель Змей. — Что ты пытаешься мне сказать?

Драко не смотрел в сторону Гермiony и Гарри, но она снова, как и раньше, услышала у себя в голове его голос, обращающийся к Гарри:

«...Гарри, поторопись, выведи ее отсюда».

«...Это именно то, чем я занимаюсь».

Внимание Драко снова переключилось на Слитерина.

— Что я пытаюсь сказать? Я думаю «Умри, изверг» и размышляю о решении. А о чем ты думаешь?

— Я думаю, что вы оба упрямые и глупые. А впрочем, неважно. Я уступаю вашим просьбам.

Слитерин сделал шаг к Драко, поднял руку...

И тут одновременно произошло несколько событий: оттолкнув Джинни, Драко быстро отпрыгнул в сторону; Гарри и Гермiona добрались до двери и Гарри уже протянул руку к кнопке замка — как Чарли внезапно дернулся, возможно, от удивления, Гермiona не могла точно сказать, — и уронил с плиты на пол горшок, который с грохотом разбился.

Слитерин развернулся, увидел Гарри и Гермionу у дверей, его рука взметнулась вверх и из ладони вырвалась вспышка черного пламени, которая сносящей все на своем пути волной врезалась в них и отбросила к стене. Гермiona слышала удар, с каким ее голова стукнулась о стену, ослепленная болью, она скорчилась и обхватила ее руками. Наконец перед глазами прояснилось, слезы сорвались с ее ресниц, она подняла взгляд... Над ней стоял Слитерин. Он смотрел сверху вниз на нее и на Гарри, лежащего рядом, с непонятным выражением на лице — не удовлетворения, не ненависти, не чего-либо другого...

— Поднимайтесь, — приказал он.

Они встали на ноги. Гермiona видела Джинни и стиснувшего ее руку Драко, окаменевших у лестницы, Чарли, прошедшего через кухню и теперь стоящего рядом с Роном, держа его за руку и препятствуя его попыткам сдвинуться с места.

Слитерин сделал еще шаг — но не к Гермione, а к Гарри, дышащему так, словно он только что бежал. Выжеилась белая рука и, к удивлению Гермiony, кончик пальца скользнул по щеке Гарри:

— Я убил тебя, — тихо произнес Повелитель Змей. — Я видел твою кровь, текущую по моим рукам... Она жгла... Мой кузен...

Он сделал еще шаг к Гарри, слишком потрясенному, чтобы двинуться.

— И, умирая, ты мысленно проклял меня. Ты знал, какова будет сила предсмертного проклятья, насланного на того, кто одной крови с тобой. А я-то всегда думал, что ты дурак...

Гарри сморщился от прикосновения Слитерина, его зеленые глаза потемнели, почти почернели.

— Я не Годрик.

Слитерин со свистом вздохнул и опустил руку:

— Я знаю, кто ты... Гарри Поттер... Ты убил василиска, мое первое дитя... мое создание... И если ты думаешь, что моя ненависть к тебе меньше, чем к твоему предку — ты ошибаешься. Ты умрешь, как умер он, и отправишься в ад, даваясь проклятьями.

Гарри вздернул подбородок — и заговорил. Но Гермиона не смогла понять ни слова, его шипящий голос звучал, как тысяча скользящих змей: он говорил на Змееязыке.

Что бы он ни сказал, это подействовало: глаза Слитерина прищурились, он замер. Потом поднял руку и ударил Гарри по лицу — на безмолвной кухне раздался звук, словно щелкнули хлыстом. Гермиону будто током ударило, она оттолкнула Гарри и, зажав в руке Ликант, кинулась вперед, к Слитерину — он засмеялся и снова поднял свою руку. Синий огонь слетел с его пальцев, ударив ее в грудь и швырнув на стену. Она услышала крик Гарри — сама не зная, откуда, она понимала, что этот безмолвный крик обращен к Драко.

«...Дай меч!»

«...Лови!»

Полыхнула серебристо-зеленая вспышка. Гарри поднял правую руку и схватил меч — неловко, но крепко. Она увидела, как потемнело лицо Слитерина, увидела поднятую руку Гарри с зажатым мечом — и замерла.

Потому что Чарли Висли, скрестив руки, уже стоял посередине комнаты, между Гарри и Слитерином. Он повернулся лицом к Гарри, словно бы... словно бы закрывая Повелителя Змей.

— Опusti меч, Гарри.

Гарри был ошарашен:

— Но Чарли...

Чарли был смертельно бледен, его глаза темно поблескивали.

— Гарри, — зашипел он, — ты не знаешь, что творишь.

Чарли через плечо взглянул на Слитерина: тот стоял неподвижно, глаза его были полны мельтешащих теней.

— Опusti меч.

Гарри засомневался. Глаза метнулись в сторону, хватка ослабла.

И снова... Гермиона могла поклясться, что к нему через комнату обратился Драко, хотя губы его не двинулись и никто в комнате больше не слышал его.

«...Ты не можешь ему доверять».

«...Ну конечно же могу».

Гермиона вскинула голову и уставилась на настенные часы. На них было девять стрелок — по числу членов семьи Висли: стрелка Перси показывала на работе, Билла — в пути, стрелки Рона и Джинни находились на смертельной опасности, а стрелка Чарли...

Стрелка Чарли показывала «дома».

— Брось меч прежде, чем он убьет всех нас, — произнес Чарли, не поднимая глаз на Гарри. — Не изображай из себя героя, Гарри, разве этого стоят жизни Рона, Джинни и Гермионы?

Гарри побелел.

— Нет! — завопила Гермиона, падая на колени. — Не слушай его, Гарри!

Гарри часто дышал, побелевшие пальцы стискивали эфес.

— Чарли, я не могу...

Но Чарли рванулся к нему и швырнул Гарри об стену, рука потянулась за мечом — Гарри, совершенно потрясенный, увернулся... Чарли кинулся снова, хватая меч...

Гермиона слышала, как заорал Рон.

— Чарли, нет! Не прикасайся! — он кинулся к брату, толкнул его на пол — меч вылетел из руки Чарли и проскользнул через всю кухню. Чарли поднял руки, откинув Рона, и рванулся к мечу прямо на коленях. Мелькнуло какое-то движение — это был Драко, он дотянулся до меча, но Чарли успел первым — схватив меч, он махнул им в сторону Слитерина:

— Господин, вот он!..

Тут полыхнула зеленая вспышка, такая яркая, какой Гермиона никогда не видела, и последнее, что она слышала, был крик Джинни.

И воцарилась тишина.

Гермиона закрыла лицо руками.

— Это все, что я помню.

Сириус отшатнулся, его лицо перекошилось.

— Святой Бог... — пробормотал он. — Чарли? Чарли Висли? Не могу в это поверить.

Он бросил взгляд в кухню, сквозь открытую дверь она видела скорчившееся, прикрытое покрывалом тело Чарли.

— Должно быть, Заклинание Империи...

— Не знаю... — усомнилась Гермиона.

Руки Сириуса тряслись. Он перевел взгляд от Чарли обратно к Гермионе.

— Он протянул меч Слитерину? Он назвал его Господином?

Гермиона кивнула:

— Я сама слышала. Мы все слышали... И еще, Сириус: чуть раньше, когда Чарли брал у меня Ликант, он произнес над ним какое-то странно звучащее заклинание.

— Ты помнишь его?

Гермиона кивнула:

— *Monitum ex quod audiri nequit.*

Сириус уронил голову на руки. Когда он поднял ее, глаза были пусты.

— Это заклинание Клараудиенс, оно дает возможность связаться с кем-то, кто далеко...

Гермиона кивнула:

— Думаю, он что-то передал Слитерину...

Сириус нахмурился.

— Не переживу их пробуждение... — она поняла, что он имел в виду Рона и Джинни. — Надеюсь то, что это было Заклинание Империи, смягчит весть для Молли и Артура.

Гермиона медленно присела, голова пошла кругом.

— Я не думаю... — произнесла она.

Сириус поднял на нее глаза:

— Ты же не думаешь, что Чарли...

— Нет, — перебила она его, поднялась на ноги, не воспользовавшись предложенной помощью Сириуса и прошла в сторону открытой на кухню двери. Она слышала, что Сириус встал и последовал за ней, и, склонив голову, замерла в дверях, глядя на настенные часы.

Стрелки Рона и Джинни вернулись к отметке дома, Перси по-прежнему был на работе, Фред и Джордж в пути, Билл... Билл был дома. Следующая была стрелка Чарли и она тоже была дома.

Прикусив губу, Гермиона медленно повернулась к накрытому телу на полу, опустилась на колени и решительным движением скинула покрывало прочь.

Сириус подскочил от неожиданности:

— Гермиона! Что ты делаешь?!

Но она уже изучала его — тело, неподвижное, уже остывшее, лицо — словно спящее... Подавив дрожь, она потянулась к его правой руке и повернула ее ладонью вверх.

Шрама не было.

Сириус вытаращил глаза:

— Что такое?..

Бросив руку, она поднялась на ноги.

— Чарли коснулся меча, — объяснила она. — Он не Магид, меч должен был обжечь его.

— Гермиона, я не... — покачал головой Сириус.

Она знала, что нужно делать, и поспешила к камину, где на каминной полке были в ряд выставлены семь шкатулок с именами младших Висли: начиная с Билла — с левого края — и заканчивая Джинни — с правого. Гермиона взяла одну из серебряных коробочек, щелкнув, открыла ее, высыпала на ладонь немного порошка и кинула искрящуюся массу в волшебный огонь, всегда горевший в камине семейства Висли.

Пламя стало оранжевым, потом синим, и по комнате распространился резкий музыкальный звук. Гермиона ждала, затаив дыхание: пламя потемнело, затвердело, и из него возникли голова и плечи,

знакомое лицо повернулось к ней, удивленно моргая, убирая с глаз рыжие пряди...

— Гермiona?... — удивленно спросил он. — Что такое? Обычно только мама используется этот способ добраться до меня. Что-то случилось?

Гермиона перевела дух.

— Привет, Чарли...

Сначала вернулся свет и запел под веками. Потом пришла боль — дикая боль, в плечах, спине, ногах, словно его расплющили об стену. А может, так оно и было? Гарри медленно открыл глаза, и мир затанцевал перед ним в вихре цвета: изначально синий, он раскрашивался зелеными, черными и красными мазками.

Приподнявшись на локтях, он огляделся. Он находился в огромной комнате, стены и пол которой казались выложенными голубым мрамором, на стенах висели черные бархатные шитые серебром гобелены. Комната была заставлена палисандровой мебелью — стулья, столы, скамьи, громоздкий дубовый шкаф с огромными дверцами, стоящий у дальней стены. Потолок был настолько высок, что терялся в бесконечной темноте. Ни дверей, ни окон видно не было.

— Доброе утро, — произнес голос ему в ухо. Или, может, день, или ночь — чертовски трудно утверждать что-то наверняка в этом месте. Как твоя голова?

Гарри огляделся — это причинило боль. Прислонившись спиной к синей мраморной стене, рядом сидел Драко — судя по виду, совершенно невредимый, по-прежнему босой, в окровавленной рубашке, на которой были черные полосы, словно его волокни по земле. Гарри снова удивился — что же произошло, после того, как они отключились? Последним, что он помнил, была яркая зеленая вспышка.

Он вздрогнул.

— Моя голова? Отвратительно. Мы где?

— Не знаю.

— А как мы сюда попали?

— Тоже не знаю.

— Раздвигаем границы своего невежества, да, Малфой?

Драко не ответил.

Гарри медленно сел и почувствовал что-то мокрое у себя на груди. Опустив взгляд, он увидел, что рукав его белой рубашки побурел от крови — местами уже сухой и твердой, а местами совсем свежей. Или мы здесь не так долго, — прикинул он, — или я все еще кровоточу. Закатав рукав, он увидел длинный сочащийся порез и сморщился.

Словно всколыхнувшись от вида его собственной крови, память вернулась к нему, а вместе с ней и страх.

Гарри вскинул глаза на Драко.

— Гермiona... Рон... и Джинни... они...

Драко отвел глаза:

— Я не знаю.

Избегая встречаться глазами с Гарри, он поднялся. Ступая босыми ногами по мраморному полу, он беззвучно обошел комнату, ведя по стене рукой — высматривал щели и трещины, догадался Гарри. Он напоминал кошку, обследующую новые границы своей территории.

«...Может, ты и не знаешь, — подумал ему Гарри. — Но что ты думаешь?»

Драко не обернулся, но замедлил движение у противоположной стены.

«...С Гермioniой все в порядке — я это чувствую. Думаю, что с Роном и Джинни тоже все хорошо, — Драко обернулся и взглянул на него. — Но обещать ничего не могу».

«...Я знаю, — Гарри не мог сказать, откуда, но его посетило чувство, что Драко прав: с Гермioniой все хорошо. Возможно, его разум сказал ему это только потому, что иначе он не смог бы мыслить... — А как насчет Чарли?»

Драко замер напротив гардероба, его плечи напряглись. Слегка сморщившись от боли в спине, Гарри поднялся и подошел к нему.

— Мне только показалось, — произнес он, глядя Драко в затылок, — или же Чарли и Слитерин

были заодно? Одной командой?

Драко обернулся и посмотрел на него.

— Ага, — согласился он. В его серых глазах была видна определенность. — За исключением дружеских похлопываний по спине.

— Но это невозможно, — не согласился Гарри. — Чарли бы этого не сделал.

— Согласен, — Драко снова повернулся к гардеробу, дернул дверцы на себя и заглянул внутрь. Похоже, внутри были кипы темной одежды и что-то сверкающее — наверное, драгоценности. Драко потыкал их пальцем. — Я не уверен, что это был Чарли.

Его чуть приглушенный голов ударил Гарри по ушам.

Гарри захлопал глазами:

— Не Чарли?

— Нет, — твердо произнес Драко и вдруг удивленно вскрикнул, — Поттер, смотри-ка! — Он высунул голову из гардероба, заодно ухмыляясь. — Глянь, кто-то оставил тебе подарочек.

Он достал что-то, полыхнувшее серебром и кумачом в голубом свете комнаты.

Гарри остолбенел от изумления: это был определенно меч Годрика Гриффиндора — именно такой, каким он запомнил его, ну, разве что, возможно, чуть меньше — но только потому, что сам Гарри за это время вырос.

Он принял меч из рук Драко и пробежал пальцами вдоль гладкого блестящего лезвия, взглянул на рубины, образующие на эфесе фигурку готового к прыжку льва.

— С чего бы ему оставлять здесь это? — громко изумился он.

Драко пожал плечами:

— Без понятия. Но я скажу тебе одну вещь: когда я наконец соберусь написать Лучший в мире путеводитель для психов, это место удостоится восторженного отзыва. Размещение — превосходное. Одежда и оружие — предусмотрено. Местный главный псих, похоже, оставил нас одних, пока он действительно не понадобится. Психорейтинг четыре с половиной звездочки. Будь здесь еще еда, я бы поставил пять.

Гарри, у которого в желудке от голода начинало бурчать, был в ужасе:

— Здесь нет еды?

Драко покачал головой:

— Я не нашел, хотя несколько раз осмотрел комнату.

— Думаю, что все равно не стоило бы доверять тому, что для нас здесь приготовили бы.

Осторожно держа меч, Гарри прошел и плюхнулся на скамью, начав его изучать. Драко присоединился к нему со своим мечом.

— Эй, Поттер, я тут нашел у себя в кармане Зубозастревательный Шоколадный батончик. Хочешь половинку?

— Лучше оставь, — мрачно отказался Гарри. — Возможно, это все, что у нас есть, — он раздраженно покосился на Драко, поедающего свою половинку.

— Я думаю, тебе стоило бы сейчас занять свой маленький разум тем, как нам отсюда сбежать.

Драко проглотил и скорчил рожу:

— Бр-р... Как паклю жуешь... Слушай, Поттер, отсюда нет выхода.

— А откуда у тебя такая уверенность?

— Ну, здесь нет ни окон, ни дверей, никаких тайных ходов, никаких щелей между камнями — даже наверху...

— А я-то думал, что ты Составитель Планов! И что же с тобой случилось?

— Я не сказал, что у меня нет плана: у меня их целых три.

— И какие же?

Драко пожал плечами:

— Первый: дожидаться, пока Слитерин придет и убьет нас. Второй: ждать здесь, когда придет Слитерин и сделает нам что-то настолько ужасное, что мы сами пожелаем умереть.

— А третий?

— Слитерин совершенно забыл про нас, и мы умрем от голода. По сравнению с предыдущими вариантами это просто победа.

— Умрем от голода? — взвился Гарри. — И это план, который ты называешь выигрышным!? —

Просто мне показалось, что это было бы наилучшим выходом.

— Ха! — мрачно произнес Гарри. — Мы съедем друг друга, как те американцы, чей самолет потерпел катастрофу...

— Что ж, на то были особые обстоятельства, — заметил Драко, — только они имели выбор — та еда, что раздается в полете. У нас его нет.

Гарри по-прежнему выглядел мрачным.

— Отлично, теперь я буду более осмотрительным.

— Это почему? — уязвленно поинтересовался Драко.

— Я тебя знаю: как только голод даст о себе знать, ты стукнешь меня по башке и брезгливо сожрешь с последним кусочком шоколадки.

— Ничего подобного.

— Еще как сожрешь.

— Это бессмысленный спор.

— Зато он помогает провести время.

— Я могу придумать лучший способ провести время.

— Не знал, что ты делаешь такие бутерброды...

— Что? Бр-р, это отвратительно, я не это имел в виду. Даже если бы я делал такие бутерброды, ты был бы последним в моем списке — ты слишком маленький и лохматый.

— Я такого же роста, как и ты! Не знаю — да любой, кто одевается также, как и ты... всем вниманием обязан только своим волосам...

— Внимание к моим собственным волосам не делает меня геем. А вот внимание к твоим волосам вполне могло бы сделать. В любом случае, это смехотворное предположение. Кто гей — я?! Я, Драко Малфой, в которого влюблены все женские особи старше двенадцати? Тот, кого журнал «Юная ведьма» уже шесть раз вносила в список Самых Желанных? Автор ставшей бестселлером автобиографии «Почему мне нравится заниматься этим с девчонками?»

— Стой. Не смеши меня. У меня уже живот болит. И все тело ноет.

— Вполне может быть, — согласился Драко. — Слитерин шарахнул тебя об стену. У тебя теперь фонарь под глазом. Очень спортивный вид.

— Зато ты очаровательно невредим, — обиженно заметил Гарри.

Вместо ответа Драко поднял руку и закатал рукав: правое запястье распухло и стало иссиня-черным:

— Растяжение, — коротко пояснил он.

Гарри присвистнул:

— Похоже, тебе больно...

— Да ерунда, все прекрасно.

— Помолчи, Малфой. Хочешь, я попробую полечить его?

Гарри мог бы поклясться, что какое-то мгновение Драко колебался. Потом он вздохнул: — Валяй. Пробуй.

Гарри протянул руку и установил ее над запястьем Малфоя.

— Асклепио, — произнес он.

Ничего не произошло.

Гарри снова попробовал:

— Асклепио!

И снова бесполезно.

Гарри прикрыл глаза и всю свою энергию и силу — каждую ее унцию! — сконцентрировал на магии, магии и лечении, сконцентрировался на форме волшебства, на мыслях о нем, прочувствовал его и подчинил своей воле.

— Асклепио! — отчеканил он и, открыв глаза, уставился на выражение лица Драко. Опустив взгляд на руку, он увидел, как синяк бледнеет, опухоль спадает, но все равно запястье было еще далеко от нормального.

Драко отдернул руку и начал с удивлением ее разглядывать.

— Почти получилось, — с удивлением отметил он.

— Дай я еще попробую, — предложил Гарри.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — покачал головой Драко, в его глазах прыгали веселые искорки.

Гарри собрался возразить, уже открыл рот — и замер. Сердце застучало в груди с такой силой и частотой, словно он только что пробежал по крайней мере милью, он неожиданно почувствовал усталость и слабость.

— Здесь происходит что-то странное, — обратился он к Драко, наблюдавшему за ним с симпатией и сочувствием в серых глазах, но без всякого удивления. — Что такое, Малфой? Почему мне было так трудно? — Беспокойство сделало его голос резким. — Со мной что-то не в порядке? Если да, то скажи мне — я хочу знать!

— Если что-то не в порядке с тобой, то и со мной тоже. Я раз шестьдесят произносил заклинания, пока не добудился тебя. Ничего не происходило, я просто измучился, будто бы бился об стену.

Он покосился на Гарри: в голубоватом свете комнаты его глаза стали голубыми, как у Рона.

— Дело не в нас. Дело в этой комнате.

— Что? Откуда ты знаешь?

Драко вздохнул.

— Потому что я знаю, где мы. Ох, не в смысле, что у меня есть хоть малейшее представление, где мы находимся географически... Мы в тюрьме. Тюрьме для Магидов.

Драко взглянул на Гарри, выглядящего ошеломленным.

— Стены... Ты взгляни на стены.

Гарри потянулся и коснулся рукой стены — холодной и гладкой — совсем не из мрамора, каким он себе мог его представить. Потому как это и не было мрамором. Постепенно понимая, что случилось, он медленно повернулся к Драко, усмехнувшегося без малейшего признака веселья.

— Я знал, что рано или поздно это произойдет. Что там нам говорил Лупин? Самое твердое вещество в мире, отражающее магию, не разбиваемое и не разрушаемое...

Гарри зажмурился.

— Адмантин... Мы в адмантиновой клетке.

Джинни никогда не видела, чтобы в Норе царило такое смятение. Мистер и миссис Висли, конечно же, уже вернулись; в кухне бледный, как смерть, мистер Висли шепотом вел напряженную дискуссию с большой группой Ауроров; миссис Висли, вся в слезах, наобнимавшись и нацеловавшись с вернувшимися к жизни Роном, Джинни и Гермией, удалилась к себе, чтобы прилечь. Нарцисса вернулась в Имение, а Сириус отправился в Министерство, чтобы оказать посильную помощь в идентификации фальшивого Чарли Висли.

— Он готовил обед, — рассказывала Джинни, сдерживая тошноту, — и мы почти уже садились есть. Это мог быть кто угодно. Пожиратель Смерти, Червехвост — кто угодно! — она сжала кулаки. — Чувствую себя полной дурой.

— Когда ты смотришь на кого-то, то считаешь, что он — именно тот, кто есть, — тихо произнесла Гермия совершенно безжизненным голосом. — Я считала, что Гарри — это человек, которого я знаю лучше всех на свете, однако в течении двух дней я принимала за него Драко...

Рон тоже собирался что-то сказать, но в этот момент дверь открылась и вошел Чарли. Он был сильно усталым — тени залегли под его обычно бодрыми зелеными глазами, рыжая шевелюра была взлохмачена.

— Всем привет, — произнес он осторожно.

Никто не шелохнулся.

— Эй, на этот раз это действительно я, — несколько раздраженно заметил он.

Все внимательно разглядывали его. Никто не двигался. Рон нахмурился.

Чарли раздраженно фыркнул.

— Ну, что ж, спросите меня о чем-нибудь, — предложил он. — Например, какой любимый цвет у мамы. Или какие конфеты больше всего любит Перси. Или...

— Как меня зовут? — спросил Рон, в глазах которого появилось какое-то дикое выражение. — Какой сейчас год?

Чарли округлил глаза.

— Слушай, мы же тут проверяем истинность Чарли, а не тяжесть черепно-мозговой травмы.

— Какое мое второе имя? — настойчиво повторил Рон.

— Аврелиус, — быстро ответил Чарли.

Теперь отреагировала даже Гермиона.

— Аврелиус? — переспросила она, уставясь на Рона.

Рон напрягся:

— А какие проблемы с именем Аврелиус?

— Ну, для начала твои инициалы образуют слово Сырой (RAW).

Судя по всему, Рону это не приходило в голову:

— И правда...

Теперь Чарли улыбался устало:

— Твое среднее имя Аврелиус. Твой любимый цвет — красный, а бордовый ты ненавидишь. Когда тебе было десять, ты рыдал, что мама не разрешает тебе стать членом банды мотоциклистов и изменить свое имя на Бешеный Убийца, а в прошлом году ты сказал мне, что считаешь самой красивой девушкой в школе...

— Прекрасно, — перебил его Рон, уши которого начали розоветь. — Ты Чарли. А теперь замолчи.

Чарли упал в кресло напротив Джинни и протянул ноги.

— Ты уверен, что не хочешь, чтобы я продолжал? — с улыбкой поинтересовался он, но тут же посерьезнел, увидев, что в комнату с самым мрачным выражением лица вошел мистер Висли.

— Я собираюсь в Министерство, — сказал он Чарли. — Сейчас здесь уже двенадцать Ауроров, и коллегия собирается прислать еще больше двадцати. Но я хочу, чтобы ты оставался здесь.

Его взгляд скользнул по Рону, Гермионе и Джинни и ясно дал понять: Сиди тут и не своди с детей глаз.

— Вы все, — обратился он к подросткам на кушетке, стараясь говорить как можно спокойнее и светлее. — С сорока Аурорами в доме здесь будет самое безопасное место в Британии. Однако я хочу, чтобы вы оставались внутри. Никуда не выходите, даже в сад, пока я не вернусь домой и дам вам на то разрешение. Поняли?

— Поняли, — за всех ответил Рон.

Мистер Висли сглотнув комок в горле, кивнул:

— Ну, хорошо... — и аппарировал.

Гермиона поднялась:

— Я устала, — произнесла она. — Думаю, пойду-ка я к себе, почитаю... — она взглянула на Рона. — Можно позаимствовать футболку или что-то подобное?

Рон поднялся на ноги:

— У меня наверху есть несколько пижам.

Глядя вслед поднимающимся по лестнице Рону и Гермионе, Джинни внезапно ощутила приступ давно забытой зависти. Гарри, Рон и Гермиона образовывали такую замечательную компанию, в которую никто другой даже не мог попасть. Потом появился Драко — казалось, что он может ворваться в этот круг без приглашения и покинуть его в любое время без всяких объяснений. Гермиона была стержнем этой компании, в конечном итоге, Рон и Гарри всегда делали то, что она хотела. Но она, Джинни, все еще чувствовала себя где-то в стороне, незванным чужаком, вторгшимся на вечеринку.

— Джинни... — вопросительно глядя на нее, произнес Чарли. — Вы и правда думали, что тот человек — это я? Что я мог бы сделать что-то подобное?

Джинни покусала губу, пытаясь сосредоточиться.

— Так... Ну, во-первых, ты... — он — был совершенно нормальным, обычным, а потом все начало происходить настолько быстро, что у нас не было возможности ни о чем подумать. А потом мы все были без сознания.

Подняв глаза на брата, она увидела беспокойное выражение на его лице, тени под его глазами.

— Мне очень жаль, Чарли... — добавила она дрогнувшим голосом. — Действительно не было возможности подумать даже минуточку...

Чарли, разглядывая свои руки, некоторое время молчал.

— Сложно сказать, — наконец произнес он, — на что в действительности способны люди. Никогда

не можешь знать наверняка... Люди делают что-то, что считают правильным, потом выясняется, что они ошиблись, однако что-либо менять уже поздно...

Джинни была сбита с толку:

— О чем это ты?

Чарли бледно улыбнулся:

— Просто размышляю... Не обращай внимания. Ладно, пошли на кухню — я приготовлю чай.

— Судя по Лицензии на Телепортацию, его зовут Александр Скрокстон, — сообщил Дикоглаз Хмури Сириусу, стоящему у расprostертого на металлической каталке тела. Сириус был предельно сосредоточен. Сквозь небольшое решетчатое окно струился лунный свет, подкрашивая красным его шевелюру. — А согласно его регистрации в Министерстве, он оборотень.

— Оборотень? — Сириус опустил взгляд на человека, выдававшего себя за Чарли Висли. Магия улетучивалась из него после смерти: рыжие волосы превращались в черные, исчезали веснушки. — Что ж, тогда все понятно.

— Да? — спокойно поинтересовался Хмури.

Сириус кивнул. Дикоглаз знал о Лупине — как практически обо всех в волшебном мире — но Дикоглаз знал Лупина лично. Он был одним из учителей Сириуса во время его подготовки к деятельности Аурора и нередко встречался с ним. Он знал об их дружбе.

— Что я не могу понять, — добавил Дикоглаз задумчиво, почесывая покрытую зарубцевавшимися шрамами голову, — это, как нападавший (пока он ни разу не назвал его по имени — Слитерин, просто нападавший. Как подозревал Сириус, чтобы не звучать совершенным безумцем) проник в дом. Артур Висли вовсе не дурак, их дом был хорошо защищен.

Сириус пожал плечами.

— Эта защита основана на зрительном распознавании членов семьи, так что нет никакой загвоздки в том, как фальшивый Чарли Висли проник в дом. Что касается остального, то Гермиона Грейнджер рассказала мне, что Чарли провел день, работая в саду. Подозреваю, что на самом деле он занимался тем, что убирал защиту с их владений. Изнутри это было несложно сделать. А затем, когда он закончил, он позвал своего Хозяина, — Сириус утомленно вздохнул. Подняв глаза, он огляделся — они с Дикоглазом были одни в пустом коридоре. — У него есть семья?

— У кого? У оборотня?

Сириус кивнул.

— Мы не смогли найти записей об этом. Возможно, это даже лучше, принимая во внимание...

— Принимая во внимание что? — резко спросил Сириус.

Хмури смотрел не на него, а на тело мужчины на каталке.

— У него есть повреждения, — произнес он. — На руках. Не следы обороны — а словно бы он исцарапался, выбираясь откуда-то. Из чего-то типа клетки... Магия скрыла их. Я полагаю, он был Призван — как и все оборотни в Британии. Мне так кажется, именно это стоит за нашествием оборотней, о котором сообщалось в новостях.

Сириус напрягся:

— Интересная теория...

Он пока никому не сказал, о том, что Лупина тоже Призывают, и совершенно не хотел упоминать об этом сейчас, когда у него была возможность получить сведения о Призыве, оборотнях, Слитерине и чем-нибудь еще. Он понимал, что в этом не никакой логики, что это просто незачтливо, однако это его не останавливало. Он не был готов к ответам на вопросы о Реме и о том, чем все закончилось.

— Это весьма неприятный процесс — быть Призванным, — продолжал Хмури, избегая встречаться взглядом с Сириусом. — Это словно агония — до тех пор, пока ты либо не откликнешься на Призыв, либо не умрешь.

Сириус опустил взгляд, его руки вцепились в металл каталки. Красный камень в браслете блеснул, когда он повернул руку.

— Есть что-нибудь, что можно сделать?

— Ходили разговоры о создании зелья — тогда, когда Темный Лорд еще был в силе — однако я не знаю, чем это закончилось.

Дикоглаз не поднимал взгляд на Сириуса, чему тот был несказанно рад.

— И еще об Висли. Как они справляются?

— Они в порядке. Сначала они были в отчаянии, да и сейчас тоже, наверное... однако Нора заполонена Аурорами. Они установили 24-часовую охрану из сорока Ауроров вокруг дома и сада. В Британии на данный момент нет более защищенного места...

— И ты будешь одним из этих Ауроров? — поинтересовался Дикоглаз. Сириус подозревал, что Хмури и сам не отказался бы быть одним из них, однако, принимая во внимание возраст (по всем подсчетам, не меньше 103), ему приходилось ограничиваться неактивной деятельностью.

Сириус покачал головой и снова опустил взгляд к телу на каталке. Приблизившись, было легко заметить говорящие признаки его принадлежности к оборотням: прозрачные ногти, слегка удлиненный указательный палец... Александр Скрокстон не был ни первым мертвым оборотнем, которого видел Сириус, ни, как подумалось ему, последним.

— Нет, — покачал головой Сириус. — Мне пора домой. У меня есть дела.

Шли часы. В адмантиновой комнате царила тишина. Гарри спал на длинной деревянной скамье, прикрыв от света глаза рукой. Драко стоял у гардероба, изучая себя в зеркале, расположенном на внутренней дверце. Драко вообще обожал разглядывать себя в зеркале, но в этот раз его отражение встретило его взволнованным пристальным взглядом. Вытащив из гардероба несколько вещей, Драко переоделся, сменив свою окровавленную рубашку на черную, плотную, сшитую из незнакомого материала. Черные ботинки были немного велики, ноги болтались в них. Черная мантия с темно-зеленой каймой по подолу скреплялась на груди серебряной цепочкой, состоящей из маленьких перевившихся змеек. Не то, чтобы это ему не шло (ну конечно же, шло! — ему даже чуточку захотелось, чтобы Джинни увидела его в этой мантии, делавшей его таким лихим и таинственным), эти вещи он машинально вытащил из гардероба, но плащ был тем же, в каком он видел себя стоящим в кругу демонов и обменивающим свою душу.

Он слышал голос демона в своих ушах:

— Все в природе находится в равновесии. И выгода в том, что за одну вещь можно получить другую...

Драко поднял голову — отражение сделало то же самое, синеватый свет в комнате придавал пепельный оттенок его лицу и стальной блеск волосам.

Когда мне придется платить?... Или скорее, по-другому: Чем мне придется расплатиться?

Он отвернулся от зеркала и обошел комнату, рассматривая гобелены, развешанные на стенах, — немного странные, но удивительно прекрасные. Самый большой был выткан золотом и серебром на черном бархате — звезды, луны, созвездия, галактики, вселенные; они кружились и сияли перед глазами, пока ты не забывал обо всем, поглощенный их великолепием.

Имение Малфоев было заполнено большими вещами, но немногие из них были красивы, и, глядя на гобелен, Драко почувствовал себя странно. Вытянув руку, он пощупал ткань — пыльную и жесткую — совсем не такую приятную, как думалось, когда он глядел на нее. Другие гобелены изображали сцены из волшебной жизни — суды, битвы, охоты; всевозможных магических существ — драконов, василисков, гиппогрифов и оборотней, вил, катающихся верхом на огромных животных с телами львов, головами людей и скорпионьими хвостами... Драко не знал, что это были за существа, но вовсе не мечтал о встрече с ними в темном переулке. На последнем гобелене был герб — вставший на дыбы зловещий серебристый дракон, у задних лап которого на латыни был выткан девиз: IN HOC SIGNO VINCES. Драко тронул его пальцем и обнаружил, что гобелен холоден, как лед.

Он отошел прочь, оглянулся на все еще посапывающего Гарри — и неопределенная тревога коснулась его своим крылом. Он предполагал, что у Гарри может быть легкое сотрясение: после того, как Слитерин оглушил Гермину, Гарри бросился на темного мага, а тот поднял его, словно котенка, и швырнул головой о противоположную стену. Драко со своей позиции не мог точно описать, что происходило, но у него было чувство, что в тот же миг на Слитерина кинулся и Рон, однако кратковременная память оказалась слишком короткой, а потому он не был в этом уверен.

Драко не знал наверняка, какие симптомы у сотрясения мозга. Определенно, у Гарри с ясностью

мысли было все в порядке, а теперь вот он спал, посапывая, грудь мерно вздымалась и опускалась... А может, посапывание и было знаком того, что сотрясение все-таки есть?.. Внезапно почувствовав приступ беспокойства, Драко поднялся и потыкал Гарри пальцем в грудь.

— Ой! — с возмущенным воплем Гарри проснулся и нашарил свои очки. — Малфой!.. Придурок! Что ты делаешь? — он сел и обиженно потер солнечное сплетение.

— Ничего-ничего. Спи дальше, Поттер.

— Не могу, — раздраженно ответил Гарри. — Я уже проснулся.

Он нацепил очки и вытаращился на Драко:

— Чего это ты так вырядился?

Драко пожал плечами:

— Я просто переоделся в то, что нашел в шкафу.

— Теперь ты решился одеваться от Салазара Слитерина?

— А что ты можешь сказать об этом человеке: он может быть бездушным придурком, восставшим с того света зомби со странными взаимоотношениями со змеями, однако у него безупречный вкус во всем, что касается одежды.

Что бы ни собирался ответить Гарри, его оборвал резкий шум, исходивший от соседней стены.

Повернувшись, она увидели, что в ней образовалось темное отверстие, сквозь которое просунулась рука, держащая что-то плоское и округлое. Когда она бросила это, раздался лязг, и прежде, чем юноши успели сделать что-то, нежели просто вытаращиться в изумлении, рука скользнула обратно, и отверстие в стене исчезло так же быстро, как и появилось.

Драко кинулся вперед и присел рядом с предметом, Гарри последовал его примеру, чуть не наступая ему на пятки.

— Что это? Бомба?

Драко пожал плечами:

— Обед.

Он уныло ухмыльнулся и развернул самое обычное блюдо с несколькими сэндвичами и флягой воды.

— Если быть точным, то бутерброды с сыром.

Гарри недоверчиво покосился на еду:

— Малфой, я не думаю, что тебе...

— Ой, замолчи. Если бы он хотел нашей смерти, то убил бы нас, пока мы были без сознания. У тебя есть тридцать секунд, потом я съем и твои бутерброды.

Ворча, Гарри уселся на пол рядом с Драко и следующие несколько минут они ели в относительной тишине. Небольшая стычка произошла из-за того, кому принадлежит право съесть последний бутерброд. Окончилась она молчаливым яростным перетягиванием, в результате чего больше сыра попало на мантии, чем в рот. Драко был немного занят изготовлением последнего бутерброда из доставшейся ему последней половинки, когда Гарри вдруг округлил глаза.

— Малфой, мне в голову пришла одна идея.

— Не больно? — добродушно поинтересовался Драко.

Гарри поднялся с колен, отряхивая крошки сыра со своей рубашки.

— Сведи меня с ума.

Драко подавился сэндвичем:

— Прошу прощения?..

— Ты меня слышал. Ну, как в последний раз, в кабинете Лупина. Взбеси меня, может, я смогу разбить стену. Держу пари, у тебя есть камень за пазухой, который может действительно взбесить меня, как ты всегда это делаешь.

Драко покачал головой:

— Не поможет. Ты же об этом теперь знаешь. Что бы я ни сказал, ты все равно будешь считать, что я вру.

...Нет, если ты скажешь мне это таким образом. Ты не можешь врать телепатически, — теперь Гарри улыбался, его волосы торчали в разные стороны. Сейчас он напоминал Драко жизнерадостного зайчика или какого-то другого мягкого пушистого зверька, совершенно не имеющего представления о том, насколько он уязвим. — Ну, давай же, это отличная мысль.

— Нет, — четко ответил Драко.

— Не будь задницей, Малфой!

Драко помотал головой:

— Я не буду это делать.

— Ну, давай же! — Гарри настойчиво ухватил Драко за рукав. — Спорим, тебе это нравится? Ты же обожаешь меня доводить!

— Поттер, эти стены могут быть десять футов толщиной. Представляешь, каково тебе будет их взломать?

— Ну, так меня никто и не раздражает так же, как ты, — полушутя-полусерьезно заметил Гарри.

Драко вырвал свою руку из пальцев Гарри и, крутнувшись, яростно уставился на него, зашипев:

— Ты сам не представляешь, о чем просишь.

Свирепость в тоне Драко заставила Гарри отшатнуться. Обиженное выражение скользнуло по его лицу, но он вздернул подбородок:

— Отлично. Я просто пошутил. Не убивайся по этому поводу.

Гарри снова сел у стены рядом с Драко, раздраженно тараторившего на половинку бутерброда, лежащую у него на коленях. Секунду помедлив, Драко схватил его и, в порыве ребяческого раздражения, швырнул в Гарри.

Гарри с удивлением опустил глаза: бутерброд отскочил от его руки.

— Очень умно и по-взрослому, Малфой.

— И что? — поинтересовался Драко, скрестив на груди руки и уставившись в дальнюю стену. Он прекрасно понимал, что ведет себя, как ребенок, но ничего не мог с этим поделать.

— У меня имеется еще одна идея.

— У меня тоже — не пойти ли тебе подальше?

— Слушай, извини, что я взбесил тебя...

— Ты меня всегда бесишь, Поттер! Тропические кожные болезни могли бы поучиться у тебя способности постоянно раздражать.

Гарри проигнорировал этот пассаж.

— Так ты хочешь услышать, что я придумал?

— Эта твоя идея такая же грандиозная, как и предыдущая?

— Я хочу, чтобы ты научил меня пользоваться мечом.

Теперь Драко повернулся в его сторону:

— Что?

Гарри махнул рукой в сторону меча Гриффиндора, прислоненному к низенькому палисандровому столику.

— У нас есть два меча и нам нечего делать. Я мог бы поучиться.

Драко покусал губу:

— Мечи должны быть безопасными.

— Безопасными?

— Если ты собрался поучиться, у них должны быть что-то вроде шариков на остриях, чтобы они не были такими острыми.

— А ты учился на безопасных мечах?

— Нет.

— Ну и все, — Гарри поднялся, взял меч Годрика и повернулся лицом к Драко. В джинсах, окровавленной рубашке, потертых кедах и со сверкающим драгоценными камнями мечом в правой руке он представлял собой весьма странную картину.

Драко вздохнул:

— Хорошо, только будем делать все медленно. Гермiona не скажет мне спасибо, если я испорчу твой внешний вид, отрезав тебе нос.

— Гермiona будет меня любить, даже если у меня не будет носа, — с завидной убежденностью отрезал Гарри.

— Ах, как забавно было бы это проверить, — не удержался Драко, протягивая руку к своему мечу. — Ну, как — рискнешь?

Джинни вскинула взгляд, когда в кухню, неся в руках книгу в синем переплете, вошел Рон.

— Как Гермiona? — спросила она.

— С ней все будет в порядке. Вот, дала мне домашнее задание... — он помахал книгой в своих руках («Тэнди. Словарь-справочник по магии. Том 5») Предполагаю поискать какие-нибудь заклинания, способные влиять на сон. И на сновидения.

— Сильно углубился? — поинтересовался Чарли, предлагая ему тарелку с печеньем.

— Никаких заклинаний сна, ничего о снах — вообще ничего... А вот если ты хочешь сделать носки невидимыми или пообщаться с креветкой — я весь к твоим услугам.

— Чарли?.. — миссис Висли, в старой заштопанной мантии и совершенно измученная, стояла в дверях. Увидев, что Джинни взглянула на нее, она улыбнулась.

— Ой, мама... Чаю? — предложил Чарли.

— Нет. Я хочу кое-что тебе показать. Я тут прибиралась у Перси... ты знаешь, это меня отвлекает... и вот что я нашла в кармане его пижамы. Это адресовано Драко Малфою.

Округлив глаза, Чарли принял записку:

— Спасибо, мам...

Миссис Висли еще раз улыбнулась и вышла. Чарли начал разворачивать записку, и Рон, чтобы получше все разглядеть, перегнулся ему через плечо:

— Что там?

— Убери нос, Рон, — добродушно попросил Чарли и пробежал письмо. Его лицо приобрело странное выражение.

— Ну, давай, — теребил его Рон, — что там пишет Снэйп? Он помер? Ну, что?

Джинни фыркнула:

— Ну, конечно, Рон. Если Снэйп умер, он непременно сообщил бы Драко об этом письменно.

— Не будьте смешными, — улыбнулся Чарли. — Он был бы слишком занят похоронами, чтобы писать.

— Чарли!.. — простонал Рон, но Чарли, не обращая на него внимания, встал и, подойдя к камину, присел около него.

— Соедините с Имением Малфоев, — попросил он, и через несколько секунд в низком пламени показались голова и плечи Нарциссы.

— Да? — вид у нее был опустошенный, глаза с темными кругами под ними, расширились, когда она узнала Чарли. — Есть какие-нибудь?..

— ...новости? Нет, — ответил Чарли, вежливо, но решительно. — Прошу прощения.

Она закусила губу.

— Если все в порядке, то в чем дело?

— Все идет, как и ожидалось. У меня тут есть кое-что, что, как мне кажется, могло бы заинтересовать вас и Сириуса. Он поблизости?

— Он уже вернулся домой, но сразу отправился в темницу. Полагаю, он проверяет... ну... как там дела.

— А, — дипломатично кивнул Чарли, протягивая сложенный лист бумаги. Нарцисса, послав тонкий бледный язычок пламени, приняла его у Чарли. — Это адресовано Драко, — пояснил Чарли. — От Снэйпа.

Нарцисса метнула быстрый взгляд в Чарли и снова вернулась к письму.

— Похоже, Снэйп варил для Драко Волеукрепляющее Зелье. Чтобы помочь ему сопротивляться Слитерину. Думаю, Сириуса бы это заинтересовало...

Но Нарцисса, взяв письмо, уже исчезла.

Во сне она стояла на поляне в самом сердце леса, в центре которой росло дерево — самое огромное, какое только она могла себе представить... нет, наверное, даже больше. Гигантские корни вздымались над ее головой, словно опоры огромнейшего зала, над ними был виден огромный корявый ствол, уходящий выше, выше, выше... так высоко, что терялся в облаках где-то в едва видимой вышине, и там раскидывал в разные стороны темные тени листьев и ветвей, среди которых

скользило что-то маленькое и темное.

Когда этот блестящий маленький предмет приблизился, Гермiona увидела, что это отнюдь не птица, а крылатая змея с драгоценной чешуей.

Приземлившись в нескольких шагах от нее, змея изогнулась, ударилась об землю и обернулась человеком, мужчиной. Гермiona не почувствовала удивления — она знала, что это может быть только он. Он был бледен, мучнисто-бледен. На нем была темно-зеленая мантия. Что-то было прикреплено к его ремню — меч.

Он выглядел просто ужасно, кожа на лице обтягивала кости; глаза, когда-то серебристые, а теперь черные, вонзились в нее.

— Ты вызвала меня сюда, — с мрачным упрямством в голосе произнес он. — Чего ты хочешь?

— Я вызвала тебя, чтобы отдать тебе это, — она протянула руку, в которой было зажато что-то вроде сияющего и искрящегося камня.

— Значит, все, финал? — он не двинулся с места, чтобы взять его у нее.

Она кивнула.

— Да, финал. Я больше не буду твоим Источником.

— Это все из-за Годрика, — разъяренно произнес он.

— Годрик не имеет к этому никакого отношения.

— Я мог бы заставить тебя, — произнес он в мрачном раздумье. — Есть такая возможность...

— Насильственный Источник бесполезен, — заметила она. — Ты знаешь об этом.

— И для тебя не имеет никакого значения то, что я люблю тебя?

Она вскинула голову и сверкнула глазами:

— Ты меня не любишь.

Он пересек поляну и, взяв ее за руку, пристально посмотрел на нее. Она смотрела на него — на его лицо, так изменившееся теперь. Ей подумалось, что когда-то он был мягким, глубоко чувствующим человеком — пожалуй, даже чувствительным. И сейчас чувства были в его глазах — но совсем иные: только собственная боль, только собственные желания... и страдания из-за того, что расстроены его собственные планы.

— Как ты могла сказать это мне? — зашипел он.

— Потому что это правда. Ты не любишь меня. Ты просто хочешь меня — так же, как хочешь еще большей силы, больших знаний, еще больше своих чудовищных созданий — чтобы еще больше укрепить свою власть... И то, что я люблю Годрика, заставляет тебя хотеть меня еще сильнее. Это не любовь — это алчность...

Он ухватил ее за волосы и резко рванул к себе. Она старалась оттолкнуть его от себя, уперлась руками ему в грудь — он только ухмылялся.

— Ну же, борись со мной, что же ты не борешься? — шипел он. — Кусай меня, царапай меня — тебе ничего не поможет, ты не сумеешь причинить мне вреда.

— Я могу ранить тебя, — зашипела она в ответ. — И сделаю это.

Она сделала ошибку, сказав это. Его глаза прищурились:

— А, так вы что-то замышляете? Ты и все остальные — Годрик, Хельга... Я знал это. Я слышал.

— Мы просто хотим защититься.

— Именно поэтому вы в качестве оружия придумали Ключи?

Сердце в ее груди замерзло. Она уставилась на него, сердце билось, выстукивая слова: как он узнал? как он узнал???

Его улыбка стала шире:

— У меня есть информаторы, — пояснил он. — Не надо думать, что вы можете делать что-то втайне от меня. И не надо думать, что, если я лишился тебя как моего Источника, то я слаб.

Его улыбка напоминала оскал черепа.

— Теперь у меня есть иной Источник силы.

— Салазар, что...

Ее голос прервался — его рот скользнул к ее губам. Она стиснула зубы, не позволяя ему войти, но он перекрыл ей дыхание — и ее губы в конце концов раскрылись, чтобы глотнуть воздуха. Его поцелуй был холоден, как сталь. Ужас обуял ее, кровь гулко стучала в ушах... Переполняясь отчаянием, она удивилась, как можно самого любимого когда-то человека возненавидеть больше

всех на свете...

Он отвернула лицо:

— Пусты меня.

Но он уже отпрянул от нее, отпустил и хохотал над тем, как она повернулась и побежала... Этот смех был последним, что она слышала, когда она...

На смену этому сну пришел другой.

Она сидела в легко узнаваемом помещении: Большой зал Хогвартса. За столом напротив сидел мужчина, который раньше никогда не являлся ей в снах, но она тут же поняла, кто он — высокий, темноволосый, с темными сросшимися бровями. Открытое, взволнованное лицо. Темно-зеленые глаза.

Стол завален книгами, пергаментами, перьями, ступками и пестиками. Тут же лежали ножны от меча и Ликант, похожий на песочные часы или знак бесконечности.

— Мы собираемся убить его, ты понимаешь? — произнес он.

Она горячо затрясла головой:

— Нет, я не хочу этого.

— У нас нет другого выхода, Ровена.

— Есть другой выход: мы с Хельгой сейчас работаем над поправками к заклинанию. Даже если он очнется после него, стряхнет его с себя, он не сумеет покинуть территорию, которую мы ему определим. Мы повернем против него его собственных монстров, сделаем из них охранников...

— И все это, — спросил Годрик, — только ради того, чтобы просто сохранить ему жизнь?

— Я не могу убить его, Годрик. Не могу. Ведь в нем все еще есть что-то хорошее, он еще может искупить свою вину, и, пока он будет удерживаться в заключении, я исследую, как это можно сделать...

— Так много усилий, чтобы сохранить совершенно бессмысленную жизнь, — горько заметил Годрик. — Проклятье Дормиенс не сможет удержать его — оно связывает душу человека, а я не уверен, что он сохранил душу, чтобы мы имели возможность ее связать.

— Есть еще одна вещь, — она слышала, как дрожит ее голос.

— Какая? — вскинул взгляд Годрик.

Она встретила его пристальный взгляд.

— Ты когда-нибудь слышал про Эпициклическое Заклятье?

Гермиона почувствовала, как ее спящее тело содрогнулось от потрясения, и в результате этого лицо Годрика дрогнуло и исчезло. Она пыталась ухватить и собрать клочки сна, но слышала лишь отзвуки голосов в своей голове, четкие, но немного приглушенные, словно доносящиеся из соседней комнаты — голос Хельги, ее собственный...

— Ликант готов, Хроноворот тоже, теперь остался только Ключ Годрика...

Потом голос сорвался на крик:

— Какой Источник он использует, если не меня? Где он нашел другого Магида, согласного стать его Источником?!

— А может, это вовсе не Магид. Демоническая сила. Он мог ее как-то призвать...

— Нам нужно спрятать Ключи.

— Хельга их спрячет. Она знает, как их сберечь.

— Так мало времени...

— Гермиона...

Кто-то взял ее за запястье и позвал по имени. Но это не ее имя... или все-таки ее? Открыв глаза, она заморгала и увидела какую-то темную бесформенную тень, которая медленно превратилась в черно-белого Рона, сидевшего на краю ее кровати и взиравшего на нее с явным нетерпением.

— Гермиона...

Чувствуя, что у нее все плывет перед глазами от головокружения, она потянулась и второй рукой толкнула его с такой силой, что он чуть не кувыркнулся.

— Как... — голос ее прервался, она почувствовала, что задыхается; сердце неистово колотилось. Она закрыла глаза. — Я спала, — произнесла она, не уверенная наверняка, к кому обращается — к себе или к нему.

Рон немного отодвинулся, но руки ее из своей не выпустил:

— Я догадался. Ты кричала... ну, скорее, даже орала на... гм... Годрика. Это был действительно Годрик Гриффиндор или есть что-то, что мне стоит сказать Гарри, потому что на самом деле я не думаю...

Гермиона тихо уткнулась головой ему в плечо:

— Замолчи.

Рон вздохнул, но не двинулся. Она слушала тихое глухое постукивание сердца у него в груди, мерное, как метроном, надежное, как сам Рон.

— Я слышала все их голоса, — зашептала она, — Ровены, Годрика... Она говорили о Ключах, о том, где они спрятаны. Думаю, Джинни права, в ваших землях действительно что-то есть... может, в подвале...

— Гермиона, — остановил ее Рон. — Это был всего лишь сон.

— Нет, — твердо заявила Гермиона. — Это не просто сон.

Она потянулась, взяла Ликант и протянула его Рону.

— Он связывает меня с ними. С Гарри и, особенно, с Драко. Я могу видеть во сне их сновидения... может, даже то, что видят они. Так или иначе, я изучаю это. Я начинаю понимать, как все взаимосвязано — как то, что случилось в прошлом, влияет на то, что происходит сейчас...

Она умолкла. Рон смотрел на нее упрямо, и ей показалось, что в его синих глазах она видит огорчение.

— Гермиона, — медленно произнес он. — Этот путь неверен, не выбирай его, ты слишком мала — подумай хорошенько... Я не знаю, что это за штука, — он мотнул головой в сторону Ликанта, — но ты повторяешь историю с Драко и его мечом. Мне это не по нраву.

— Не всякая сила плоха, Рон.

— Может, и нет, — он отпустил ее руку и поднялся, — но как это определить?

Она вздрогнула — не от холода, в комнате вовсе не было холодно — и подпернула рукав. Рон дал ей старую пижамную пару Фреда, поверх которой она натянула рождественский свитер, связанный миссис Висли для Гарри, когда он учился на четвертом курсе: изумрудно-зеленый, с вышитым спереди извивающимся драконом. Гарри однажды надел его раз в их последнее лето в Норе, и все над ним потешались: он настолько вырос, что запястья торчали из рукавов, а низ был на целый дюйм выше ремня джинсов. Посмеявшись, Гарри убрал свитер подальше в чулан Рона, где он и хранился до нынешнего вечера.

Ей нравилось носить его: теплый, знакомый, пахнущий Гарри. Ей всегда думалось, что люди должны пахнуть тем мылом, которым они пользуются, однако она убедилась, что это вовсе не так: Рон всегда пах каким-то смешанным запахом скошенной травы и намазанного маслом тоста... Драко — гвоздикой, перцем и ночным воздухом... а Гарри — мылом, шоколадом и еще чем-то... чем-то, свойственным только ему, чем-то, что могло сгладить и облегчить боль утраты... Не полностью, естественно. Но хоть чуть-чуть...

— Я не знаю, — наконец сказала она. — Не уверена, что я могу.

Она подняла голову и взглянула на Рона, отошедшего к окну и смотрящего в сад.

— И я боюсь...

Рон оглянулся на нее. Бледный лунный свет подчеркнул тени у него под глазами, окрасил ресницы серебром, а волосы сделал черными.

— Иди сюда, — позвал он.

Гермиона подошла и присоединилась к нему.

— Выгляни...

Она проследила за его взглядом. Залитый лунным светом, сад был настолько пронзительно бел, что казался засыпанным снегом. Деревья серебрились, луна светила так ярко, что звезды меркли. Но дело было не в этом. Рон указывал на стоящие спиной к дому фигуры в черных мантиях, взявших дом и сад в твердое кольцо. Ауроры. Они застыли, словно каменные изваяния.

— Это чуть уменьшает страх, правда? — спросил Рон, и Гермиона, взглянув на него, подумала, что он совсем не понимает, что она боится не столько за то, что снаружи, сколько за то, что внутри — внутри нее, Драко, Гарри и Джинни; она боится, что отпечаток истории, наследственности и судьбы, который они несут внутри, будет неизбежно и бесконечно повторяться. Она посмотрела мимо него, в окно, за сад, где в отдалении поблескивала в лунном свете вода карьера.

Неожиданно она резко обернулась и, сжимая в правой руке Ликант так сильно, что он впился ей в руку, взглянула дикими глазами на Рона.

— Рон... Карьер...

— Что с ним?

— Охрана.

— И что насчет охраны? — слегка раздраженно спросил Рон. — Или это одна из тех игр, когда ты произносишь слово, а я должен назвать первое, что придет мне на ум?

— Нет, это не игра. Рон, ты говорил, что каждый раз, когда твои родители пытались опустошить карьер, он снова заполнялся водой, да? Это же особый вид волшебной защиты — настолько мощный, что твои родители не смогли разрушить его. Там что-то было спрятано... тысячу лет назад?

Мгновение Рон таращился на нее, потом улыбка пересекла его лицо и осветила огнем глаза.

— А я-то все это время думал, что ты только изображаешь из себя умную...

Гермиона улыбнулась ему в ответ:

— У вас есть лопата?

Сириус стоял в темнице, за спиной у него топтался демон, сквозь решетку смотрел оборотень. Лупин. Он уже прекратил кидаться на прутья и теперь, прикрыв глаза и периодически подвывая, сидел в глубине клетки.

Сириус держал в руках переданный ему предмет, в его голове звучал голос Дикоглаза Хмури.

...Это весьма неприятный процесс — быть Призванным... Это словно агония — до тех пор, пока ты либо не откликнешься на Призыв, либо не умрешь.

Сириус медленно поднял левую руку, в мрачном, словно подводном свете темницы что-то блеснуло и засияло.

— Я нашел это в своем сейфе в Гринготтс, — тихо сказал он, не глядя на волка, но вытягивая вперед руку с медным ключом. Его кольцо было вырезано из кости и украшено темными искрящимися драгоценными камнями. — Джеймс дал мне это, чтобы я передал его Гарри. Вся проблема в том, что поблизости нет ни Гарри, чтобы вручить это ему, ни Джеймса, чтобы спросить, для чего он нужен. И я совершенно не представляю, что мне теперь делать с этой чертовой штукой. Она определенно волшебная, но ключ, даже самый разволшебный ключ, ни черта не значит без замка, правда? Да, я знаю, что бы ты мне сейчас сказал. Элементарно, Сириус, этот ключ — не просто ключ. И временами и мальчик — не просто мальчик, а волк... Это то, чему я научился от тебя... А я всегда твердил тебе, что это неважно... Но, может быть, я был не прав... — Сириус помолчал, чувствуя, что заблудился в своих воспоминаниях, и прижался головой к холодным прутьям клетки. — А впрочем, какая разница... Ты же не понимаешь слов, которые я тебе говорю...

Он наклонился вперед, и волк, взыв, отшатнулся назад.

— Он боится тебя, — пояснил демон. — Он знает, зачем ты пришел.

— А ты как узнал? — не поворачиваясь, поинтересовался Сириус.

— Я вижу, что у тебя в правой руке. Думаешь, что сумеешь убить оборотня этим клинком? Он ведь не серебряный...

Сириус обернулся и мрачно уставился на демона своими черными глазами.

— Ты будешь удивлен, очень многих можно убить, просто вонзив нож в сердце.

— Убийственное Проклятье проще.

— Он заслуживает большего, — возразил Сириус, все еще поглядывая на нож из арсенала Люция — лучшее оружие, что он обнаружил, с инкрустированным похожими на луны опалами эфесом. В памяти всплыли слова, однажды сказанные ему Лупином. Он смотрел на прибывавшую луну: — Мы думаем, что мы создаем знаки, — на самом деле это они создают нас... Мы все лишь создания, вырубленные их твердыми и острыми гранями...

— Это правда — не имело никакого значения, каким оружием был убит друг, ведь он все равно мертв...

— Он дал мне это, — подумал Сириус. Но в этот раз мысль не нашла в нем отклика.

Демон хмыкнул:

— Ты не сможешь сделать этого...

Сириус не обратил на него внимания.

— А может, — продолжил демон, — есть другой путь? — демон вздохнул и подождал ответа. — Очень хорошо. Я не торговаться сюда пришел.

— Так зачем же ты явился сюда?! — зарычал Сириус. — Ты сказал, что не хотел убивать Гарри, однако же ты пытался...

— Я не пытался убить его! Я пытался предупредить его!

— Ты напал на него!

— Я пытался заставить его послушать меня! Я пытался сказать, что из-за Повелителя Змей его жизнь в опасности! Но он и тот, второй, — седьмой сын — не захотели выслушать меня!

Сириус замер, его сердце гулко колотилось. Несомненно, существо лгало... но все же...

— Почему? — требовательно спросил он. — Почему это тебя так взволновало то, что могло произойти с Гарри?

Демон пожал плечами:

— Мы вовсе не волнуемся, ты неправильно поставил вопрос.

Сириус шагнул вперед, его глаза уставились в глаза демона.

— Кто это мы? И вообще — как там тебя зовут? У тебя имя вообще есть?

— Очень хорошо, — уклончиво согласился демон. — В знак доброй воли я скажу тебе, мое имя — Стригаллдвир. Выкликни его, и я сожру твою печень и сердце.

— Выкликнуть его?! Да я и выговорить это не смогу.

— Это хорошо, — без всякого намека на юмор заметил демон.

— И чего же Слитерин хочет от Гарри? — настойчиво поинтересовался Сириус и рефлекторно бросил взгляд на красный ритмично пульсирующий камень в браслете. — И почему Ад заинтересовался этим делом?

— У нас своя жизнь, — объяснил демон. — И сделка, заключенная Повелителем Змей, была предельно четко оговорена: демоническая сила в обмен на...

— ...его жизнь, — подхватил Сириус. — По истечению срока. Я понимаю.

— Не на его жизнь, — хихикнул демон. — Кому нужна такая сделка?

— И?..

— В обмен на жизнь его Наследника... Особенно, если этот наследник будет Магидом. Вот какова была сделка. Именно поэтому Слитерин, пока был жив, отчаянно пытался обзавестись Наследником. Как только он вручит нам жизнь своего Наследника, нам ничего не останется, как закрыть все счета.

— Драко... — прошептал Сириус. И, вдруг, осознав, вскинул голову и пристально уставился на демона. — Гарри?..

— Почему бы и нет?.. — усмехнулся Стригаллдвир, продемонстрировав несколько рядов зубов, что отнюдь не придавало улыбке приятности. — Оба мальчишки — Магиды, оба они потомки, имеющие в венах кровь Слитерина... Но в Поттере есть еще и кровь Годрика... Слитерину необходим один из них — в роли сторонника, второй же будет принесен в жертву. Ненависть Слитерина к кузену не знала границ. Он посчитал бы чудесной шуткой, если Наследник Годрика поможет ему избавиться от долга — словно бы сам Годрик сделает это...

— А вам-то что за забота, если он использует Гарри, чтобы освободиться? — прорычал Сириус. — Вам-то какая разница?

— Еще какая, — глаза демона завращались, — эта сделка была заключена тысячу лет назад, когда мы были богаты Истинной Магией и бедны Магидами. Искусство создания Живых Клинков давно утрачено. Сохранившийся меч — один из двух ныне существующих, а потому куда ценнее для нас, чем жизнь Магида-ребенка. Их сейчас полно, — добавил Стригаллдвир — но мы не можем забрать меч обратно, если Слитерин не нарушит свои обязательства. А он не сделает это, пока...

Сириус оборвал его, качая головой:

— Другими словами, меч вам нужнее, чем Гарри. Очень мило.

— Я демон, и никаких мило для меня не существует. В любом случае, для Наследника Годрика уже поздно: Слитерин добрался до него.

У Сириуса голова пошла кругом. Почему Слитерин нуждается в одном живом мальчике-стороннике? — подумал он и вспомнил голос Рема, читающего слова прорицания:

— Когда меч поднимет на битву Наследник Слитерина, Слитерин вернется. И вместе они ввергнут

весь волшебным мир в пучину ужаса и хаоса.

Рем... Он повернулся к клетке с лежащим оборотнем. Тот оскалился в ответ, в темных глазах застыла боль и ярость.

— Так ты собираешься убить его в конце-то концов? — протяжно поинтересовался демон за спиной Сириуса.

— Нет, — отрезал тот, продевая нож в кольцо на ремне. — Я пришел выпустить его. Если он побежит к Слитерину — пусть.

— Он разорвет тебя в клочья, — предупредил демон, пораженный то ли храбростью Сириуса, то ли его безрассудством, — Сириус не был уверен наверняка.

— Может, да, а может, и нет, — Сириус протянул руку к двери клетки...

— Сириус! — это была Нарцисса. Она стояла у входа в темницу, в белой мантии, ужасно бледная.

— Сириус, — снова позвала она, едва переводя дыхание — он понял, что она бежала. — Как мне кажется, тебе стоит прочитать это... — она потянула ему сложенный клочок бумаги.

— Рон, да тише же! Ты всех перебудишь! Перестань топотать своими ножищами!

— Я не топочу. Я просто хожу.

— Тогда ходи потише!

Рон раздраженно округлил глаза. Гермиона, конечно же, не могла этого увидеть — кухня была погружена в темноту.

— Да ладно, Гермиона, все спят!

— Естественно — за исключением нас, — раздался голос в темноте.

Рон с Гермионой подскочили от неожиданности и замерли, вытаращив глаза. Кухня осветилась, и перед ними предстали сидящие за столом Чарли и Джинни, весьма косо на них смотревшие. Чарли держал в руках свою палочку, служившую источником света.

— А что вы тут делали, сидя в темноте? — возмущенно поинтересовался Рон.

— Мы слышали, как вы тут шушукались на лестнице, — с осознанием собственного превосходства сообщила Джинни. — И решили вас поугадать. Рон, зачем ты тащишь лопату?

Приподнятые брови Чарли приобрели насмешливый изгиб:

— А вы двое куда собрались? Крадетесь тут в полночь для запретных поцелуйчиков?

Рон поперхнулся и залился краской, Гермиона же просто выглядела несколько раздраженной:

— Ну, естественно, — саркастически ответила она. — Именно для этого мы и взяли лопату. Она невероятно удобна и подходяща для эротических занятий.

Джинни захихикала:

— И что же вы ей собирались делать?

— Я собирался воткнуть этот конец в землю, — указал Рон, — после чего я планировал начать копать. Могу рассказать подробнее, но это будут чисто технические детали.

— Очень хорошо, — резюмировал, поднимаясь, Чарли. — У вас есть пять минут, чтобы все мне объяснить. Так зачем вы посреди ночи крадетесь с лопатой? Поехали...

Рон и Гермиона переглянулись. Рон пожал плечами. Вздохнув, Гермиона повернулась к Чарли и Джинни и начала объяснять.

Когда она закончила, Чарли от горя рвал на себе волосы.

— Вы понимаете, что не сможете подойти к карьере? Всем Аурорам даны строжайшие инструкции держать нас внутри.

Повисшую тишину разорвала Джинни:

— Может быть и другой путь... — медленно произнесла она.

Рон насторожился:

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я вчера лазала по подвалу, то обратила внимание, что в одном коридоре становится все влажнее и влажнее, а потом на меня начала капать вода. Думаю, он находится под карьером.

Гермиона хлопала в ладоши:

— Джинни, ты умница! Пошли!

Рон позеленел.

— В подвал? — слабо переспросил он.

— А что не так с подвалом? — решительно спросила Гермиона.

Рон слабым жестом изобразил:

— Пауки...

— Я защищу тебя, Рон, — героически встал на защиту брата Чарли. — Кроме того, — добавил он, понизив голос, — умираю от желания увидеть, сохранилась ли там коллекция журналов Фреда и Джорджа.

Как оказалось, Драко был неплохим учителем. Гарри был поражен: ему думалось, что из Драко получится что-то... ну, типа Снэйпа — брюзгливого, нетерпеливого и придирчивого. Нетерпеливым он был, однако, в то же время, был аккуратным и дотошным, настояв на обучении самым азам: как стоять, как салютовать, как держать меч. Он настоял, чтобы Гарри разулся — так было удобнее показывать, и разулся сам — чтобы во время тренировки они были одного роста.

Кроме того, как подозревал Гарри, Драко хитрил, хотя ни в малейшей степени не поддавался и не играл с ним. Гарри казалось, он самостоятельно действует мечом, совершая никогда ранее не известные движения. Они словно вспыхивали в глубине его подсознания — безымянными электрическими импульсами — и в следующий миг он находил свою руку именно в том месте, где ей и полагалось быть.

Гарри думалось, что это вполне вероятно, он с какой-то поразительной быстротой все понимал и усваивал, словно знания о технике фехтования были вложены в него с рождения — однако все это, как он подозревал, было неспроста. Каждый раз, когда это происходило, он вскидывал глаза на Драко — тот смотрел на него отсутствующим взглядом, словно бы говоря: «Да? Что? Что ты вытаращился на меня, Поттер?»

В конце концов он решил не думать об этом. Если Драко решил учить его искусству фехтования через телепатию, — тем лучше. К тому же это вовсе не значило, что все шло легко.

Напротив, работа была трудной: меч Годрика был тяжелым, очень тяжелым, и обучение махать им по правилам привело к тому, что у Гарри судорогой свело мышцы, с него сошло десять потов, как, впрочем, и с Драко, и рубашка прилипла к телу.

— Ну ладно, — неожиданно заявил Драко, — тяжело дыша и отступая на несколько шагов. — Еще раз. Постарайся повторять за мной.

Гарри, вздохнув, снова развернулся к нему лицом. Драко отсалютовал. Чувствуя себя по-дурацки, Гарри несколько неуклюже скопировал его движения. Драко начал двигаться — Гарри тоже. Он снова чувствовал, что Драко помогает ему, хотя в выражение его лица было непроницаемо: Драко был спокоен, внимателен, слегка скупен, даже когда Гарри заставил его отступить.

Гарри наступал, с каким-то обостренным удовольствием слушая лязганье металла о металл, однако не успел он завершить свой натиск, как Драко плашмя ударил его мечом по плечу. И поранил.

— Эй!.. — сердито вскрикнул Гарри, отшатнувшись.

Драко откинул потную светлую прядь с глаз и нахмурился.

— Давай-давай, Поттер, даже дрессированный цыпленок мог бы выполнить это перемещение. Я оставил тебе открытого пространства больше, чем Миллисент Балстроуд... — У меня позиция ног была неправильная, — отрезал Гарри ворчливо.

Усмешка искривила угол рта Драко.

— Да, я заметил. Надо обладать хоть каким-то количеством грации, чтобы научиться фехтовать.

— У меня есть грация, — уязвленно заметил Гарри.

— Вспомни, Поттер, — я же видел, как ты танцуешь. Вся школа видела, как ты танцуешь, — на четвертом курсе. Определенно — Изящный — это не твое второе имя.

Гарри стиснул зубы:

— Я танцую просто отлично.

— Просто отлично? Да люди на пожаре двигаются лучше тебя!

Возмущенный, Гарри открыл рот для подходящего ответа — но из угла комнаты донесся громкий шум. Сжав мечи, юноши развернулись. На этот раз появился куда больший проход — через него мог пройти человек. Похолодев, Гарри и Драко переглянулись.

Драко заговорил первым:

— Что будем делать?

— Защищаться — спина к спине.

Драко подбоченился:

— И как это будет выглядеть?

Гарри пожал плечами:

— Не знаю. Так обычно поступают в кино...

Мелькнуло какое-то движение, и внезапно перед Гарри и Драко материализовалась фигура. Они не шелохнулись — просто смотрели. Фигура была в темно-синей мантии, поверх которой был наброшен черный плащ с капюшоном, скрывавшим лицо новоприбывшего. Было видно, что злоумышленник невысок, однако он был слишком худ, чтобы быть Червехвостом, да и руки его, высовывающиеся из рукавов, обе были человеческими.

В голове Гарри зазвучал голос Драко:

«...Это плохо...»

Он был склонен согласиться; в этот миг темное пространство исчезло, на его месте снова возникла стена, а злоумышленник повернулся к юношам лицом, поднял бледные руки к капюшону и откинул его назад.

Волосы, словно серебряное облако, вырвались на волю, обрамляя знакомое фарфорово-кукольное личико с синими надменными глазами и длинными черными ресницами.

— Я тут подумала, — высокий голос был ледяным, — что вы вполне могли бы здесь 'разработать несколько отличных планов побега — ведь вы же оба Магиды и, надеюсь, не полные ду'раки. Однако нет — вы оба здесь, колотите друг друга этими глупыми мечами, — ее красные губки изогнулись в брезгливой гримаске. — Мальчишки.

Раздался звон — Драко от изумления уронил на пол свой меч.

— Флёр?! — протянул он. — Что ты здесь делаешь?!

Через полчаса они добрались до двери. Джинни шла вперед, освещая палочкой путь, за ней — Чарли, потом Гермиона, обнаружившая, что Ликант можно использовать вместо факела: он светился, когда она поднимала его вверх. Последним шел Рон, тихо брзжа, но осматриваясь с большим интересом.

Действительно, это был не столько подвал, сколько бесконечное количество переплетавшихся туннелей и проходов.

Это хорошо, — подумала Гермиона, — что Джинни, похоже, знает, куда идти, а то мы бы все давно потерялись.

Кроме того, Гермиона заметила, что дорога пошла словно под уклон и, как Джинни и говорила, стены становились все более влажными, замшелыми, а холодный воздух был пропитан сыростью, висевшей в нем белым туманом.

Неожиданно Рон вскрикнул, и Гермиона резко обернулась:

— Рон, что такое?

В свете Ликанта лицо Рона, в ужасе уставившегося на свои ноги, приобрело зеленоватый оттенок.

— Паук, — сдавленно произнес он. — Ползает по моей ноге под штанами.

Гермиона вытаращила глаза:

— И правда, Рон! — и присела на корточки у его ног. Приподняв брючину, она сняла со щиколотки обидчика: маленького серого шустрого паучка.

— Глянь, — она продемонстрировала его Рону, в ужасе отшатнувшись назад. — Это же просто маленький паучишка! Наверное, он просто хотел погреться.

— Он что — никогда не слышал о саунах? — пробормотал Рон, сверкнув глазами. — Тебе не понять, ты же никогда не ходила в Запретный лес и не была почти сожрана пауком размером с малолитражку — и все только потому, что Гарри оказался идиотом!

Гермиона встала и скорчила Рону рожу:

— Гарри не идиот!

Рон в ответ просто посмотрел на нее.

Она вздохнула:

— Ну, хорошо, идиот. Но не все время.

— Эй! — раздался голос Чарли из уходящего вниз продолжения коридора. — Идите сюда и взгляните на это!

— На что? — Гермиона приблизилась к Джинни, мгновенно поняв, в чем проблема: проход упирался в огромную каменную дверь. Ну, признаться, дверь была не слишком полезна — у нее не было ни ручки, ни какого-либо другого приспособления, чтобы ее открыть, однако же это, несомненно, была именно дверь, вся покрытая заволаживающим узором из царапин и трещин.

— Тупик, — мрачно произнес Рон.

— Не обязательно, — возразила Гермиона. — Я думаю, это не тупик. Это — препятствие. — А какая разница?

— Есть возможность его преодолеть.

— Это выглядит, как надпись... — приблизилась к двери Джинни. Гермиона наклонилась и провела пальцем по трещинам на двери, и от стены к ее ногам скользнул свет. На камне был выбит рисунок: небольшая ласка или барсук с короной на голове.

Хаффлпафф, — подумала она, отступая и поднимая над головой Ликант. Сверху полился золотой свет, осветив маленькое вырезанное животное и рядом — несколько строчек на никому неизвестном языке.

Закусив губу, Гермиона опустила Ликант, но Джинни раздраженно взглянула на нее:

— Зачем ты это сделала? Я же читала!

— Но Джинни, там же просто черточки и закорючки, ничего не понятно...

Джинни была потрясена:

— Там все совершенно понятно. Это что-то вроде стихотворения. Или загадки. Посвети. Гермиона присела рядом с Джинни, Рон и Чарли столпились рядом.

— По мне, так это совершеннейшая тарабарщина, — с сомнением заметил Рон, и Чарли с ним согласился.

Джинни покачала головой, ее рыжие волосы в неверном свете волшебной палочки брызнули огненными искрами.

— Нет, это стихи.

И она прочла:

Когда огонь во мне — я буду холодна

В лице любви твоей меня ты не увидишь

Даю тебе не больше, чем должно

Хотя владею всем, я не хранить вольно.

Повисло долгое молчание, у Гермионы от удивления перехватило дыхание:

— Это загадка, — произнесла она.

— И в чем же тут загадка? — поинтересовалась Джинни. — Тут даже вопроса нет...

— Вопрос подразумевается, — уронил Чарли. — Тут описывает вещь или персону, которую надо угадать.

Рон усмехнулся:

— А нельзя было просто спросить: что это — зеленое и красное, бежит по кругу, по кругу, по кругу?

Гермиона нетерпеливо стиснула его руку:

— Ш-ш-ш! Все думаем. Даю тебе не больше, чем должно... Хотя владею всем, я не хранить вольно... Определенно — это не человек...

Рон беспокойно покосился на нее:

— Гермиона, неизвестно, что случится, если ты ответишь неправильно. Это может быть опасно...

— Рон прав, — согласился Чарли, нервно оглядывая холодные, мокрые, темными тенями нависающие над ними стены.

Гермиона не обратила на них ни малейшего внимания.

— Когда огонь во мне — я буду холодна... В лице любви твоей меня ты не увидишь... Лицо любви... — она, конечно, подумала о Гарри — вспомнила, как, глядя в Зеркало Джедан, увидела там его, обнимающего ее отражение, смотрящего на нее... их лица всплыли в ее памяти...

— Гермiona! — позвал ее Рон. — Ты слышишь меня?

Гермiona подняла голову:

— Зеркало.

Какое-то мгновение все оставалось по-прежнему. Потом дверь шумно качнулась и за широко распахнувшейся дверью показался длинный, узкий, наклонный коридор, уходящий в темноту.

«...Что она тут делает?» — резко спросил Гарри, вытаращив глаза, ставшие от изумления похожими на блюдца.

Драко продолжал разглядывать Флёр. Она была такой же, как и во время их последней встречи, хотя, пожалуй, еще красивей и эффектней.

«...Понятия не имею. Она же вила, помнишь? Может, она тоже Призвана. Или же она здесь потому, что влюблена в меня».

«...Она в тебя влюблена?!»

«...Точнее сказать, она преследует меня. Она и пяти минут не может прожить, чтобы не засунуть руки мне в...»

«...Я понял, — поспешно перебил его Гарри. — Можно не уточнять. Так ты и вправду думаешь, что она здесь только для того, чтобы заполучить твое худосочное тело?»

Драко выглядел оскорбленным:

«Что, в это трудно поверить?»

— Ох! — со вскриком, весьма похожим на негодование, Флёр пересекла комнату и от всей души звонко ударила Драко по лицу — так сильно, что тот пошатнулся и чуть не упал.

Оба юноши оцепенели от неожиданности. На щеке Драко проявлялся красный отпечаток ладони.

— За что? — в негодовании завопил он.

Флёр подбоченилась, ее грудь вздымалась (что было выглядело весьма неплохо, по мнению Драко), глаза пылали яростью.

— Ты! — возмущенно накинулась она на Драко. — Во-пе'рвых, я слышу все, о чем вы тут говорите. Я Магид — ты что, забыл?

— Ох, — Драко обменялся удивленным взглядом с Гарри, — мы не знали...

— Но ведь Слитерин нас не может слышать, правда? — испуганно спросил Гарри.

Флёр проигнорировала его. Выпустив пар, она по-прежнему смотрела на Драко, ее глаза метали агатово-синие искры.

— А во-вто'рых, не очень-то любезно п'реподносить кому-либо пода'рок, который затем исчезает!

Глаза Драко сверкнули:

— Это был не подарок! Ты выпросила это у меня!

— Ты мне был должен! И должен до сих по'р!

— Не думаю, чтобы кто-то захотел меня просветить, о чем идет речь, — пробормотал Гарри, но Драко и Флёр были слишком заняты метанием друг в друга грозových взглядов, чтобы обратить на него внимание.

— Я сделал то, что ты меня просила!

Флёр неожиданно улыбнулась:

— Не совсем то, что я п'росила...

— Хорошо, я сделал второе, о чем ты меня попросила, — отдал тебе меч, и я не виноват, что он опять вернулся ко мне.

— Ты знал, что так и будет.

— Флёр, давай лучше без этого...

— Не будь высокоме'рен, Драко Малфой, ты сове'ршенно ужасный человек! С пе'рвой же минуты, как я увидела этот меч, я знала, что это весьма могущественный объект. Но ты не 'рассказал мне, что ты с ним связан. С того момента, как ты мне отдал его, он постоянно пытался ве'рнуться к тебе. Мне п'риходилось спать, п'ривязав его к руке! Он не давал мне спать по ночам! И я 'решила ве'рнуть его тебе. Но п'режде я вытащила из него вот это, — в ее протянутой руке что-то блеснуло — чуть темнее, чем глаза Гарри. Драко тут же понял, в чем дело, он сразу заметил нехватку одного из драгоценных камней на эфесе.

— Именно так я тебя и нашла, — самодовольно добавила Флёр, раскрывая ладонь. Камень слетел с нее и с тихим звуком вернулся на свое место на эфесе меча, словно бы никогда его и не покидал.

— Это снимает вопрос, как ты сюда попала, — с подозрением добавил Гарри.

— Это было вовсе нетрудно. Я же вила. Повелитель Змей решил, что я откликнулась на П'ризыв — он же не знает, что я Магид, а потому не могу быть П'ризвана. Здесь сейчас сотни — нет, даже тысячи его созданий, и он не об'ратил на меня внимания. Когда я ут'ром появилась здесь, изум'руд нашел тебя, я соблазнила ст'ражей перед вашей две'рюю... — и вот я здесь. Я п'ришла, чтобы спасти вас.

Она гордо заулыбалась. Драко и Гарри в изумлении смотрели на нее.

— Флёр, — наконец пришел в себя Драко, — прямо и не знаю, то ли поцеловать тебя, то ли бежать в ужасе...

— У тебя был шанс поцеловать меня, — заметила Флёр, — но ты его упустил. За тобой остается долг, Д'рако, — в ее голосе зазвенел металл, — и я не дам тебе уме'реть, пока ты мне его не ве'рнешь.

— Все это, конечно, очень интересно, — заговорил Гарри, — но ты знаешь, как вытащить нас из этой комнаты?

Флёр кивнула:

— Че'рез пять минут охрана отк'роет две'рь, чтобы выпустить меня, мы выйдем и я выведу вас отсюда. Повелитель Змей не придет к вам до полуночи, так что у нас есть в'ремя.

Гарри прищурился:

— Слитерин собирается прийти к нам — сюда?

Флёр кивнула.

Гарри повернулся к Драко:

— Может, подождем?

Драко расширил глаза:

— Подождем? Здесь?

Гарри кивнул.

— Он победил нас, застав врасплох. Теперь мы наготове и во всеоружии. Думаю, может мы здесь останемся и, когда он пожалует, нападём на него? Ведь он тоже не сможет использовать магию в этой комнате. Мы будем равны по силе — но на нашей стороне будет численное преимущество. А нападение — это последнее, чего он будет ожидать.

— Нет, — отрезал Драко, — последнее, что он будет ожидать — это то, что мы превратимся в мангустов и на коньках спляшем Болеро. И это лишает твой план всякого смысла. Но за предложение спасибо.

— Га'рри, — мягко произнесла Флёр, — в этом нет никакого смысла, у него здесь тысячи п'риспешников и, даже если ты побьешь его, тебе п'ридется вст'реться с ними. Лучшее, что мы можем сделать, — это сбежать.

Гарри вскинул взгляд на Драко, и тот понял по выражению его лица, что Гарри хочет что-то сказать, но не может — ведь, что бы он ни подумал, Флёр все равно подслушает это.

— Поттер... — повторил Драко.

Его прервал скрежет: позади Флёр в стене появился большой темный проход. Откинув назад свои серебристые волосы, она нетерпеливо протянула юношам руку:

— Ну же, — настойчиво произнесла она, повернувшись к двери. — Мы должны идти.

Бросив последний взгляд на Гарри, Драко шагнул за ней. Секунду спустя за ними последовал Гарри.

— Репаро!

Сидя за столом в своей пыльной гостиной, Снэйп смотрел, как разрозненные кусочки расколотой Драко пластинки вновь соединились друг с другом. Окна были плотно закрыты, чтобы в дом не проник темный ночной воздух, в комнате царил полумрак.

Он не ходил сюда несколько дней — с тех пор, как обнаружил в ней своего любимого студента,

сидящего на полу с пустыми, словно зеркала, глазами и слушающего звучащий на руке диск с записью Гольдберг Вариаций Баха.

Неудивительно, что он не сожалел о том, что мальчику пришлось сообщить о смерти отца в столь жесткой форме — нет, ему необходимо было сделать что-то резкое, чтобы вернуть его в реальность: Драко выглядел так, словно его уносило течением, как корабль, сорванный с якоря, — Снэйп уже видел этот взгляд у приспешников Вольдеморта. Кто-то мог вернуться оттуда, кто-то нет. Драко вернулся — но надолго ли?

Он знал, что мальчик получил посылку с приготовленной новой порцией Волеукрепляющего зелья, и запиской о том, что в этот раз оно более сильное и более продолжительного действия: его сова вернулась. Но с ней не было никакого ответа. Он беспокоился о мальчике — и это беспокойство отзывалось какой-то острой болью в сердце. Как много времени утекло с той поры, когда он о ком-то волновался в последний раз...

Тук-тук-тук!

Он не сразу осознал, что настойчивый стук слышится не в его голове, а исходит от входной двери. Снэйп медленно поднялся на ноги и расправил мантию. В доме было холодно. Ему это нравилось.

Быстро пройдя через прихожую, он слышал, что стук становится все громче и настойчивей. Протянув руку к ручке, он замер.

На свете не было никого другого, кого бы он не любил настолько сильно, что мог бы почувствовать его незримое присутствие, узнать в толпе, независимо от того, насколько тот изменился. Он слышал о подобных вещах. И вскипевшая в нем ненависть лучше всего остального объяснила ему, кто стоит на крыльце еще в тот момент, когда он только потянулся к дверной ручке и собрался открыть дверь... Он знал, кто это, потому что изменился даже воздух вокруг него, он узнал своего посетителя по одному лишь стуку...

Человек на крыльце был совершенно измучен, даже более, чем измучен. Под его черными глазами залегли еще более черные тени, черные волосы растрепались и торчали на один бок, рот сжался в напряженную жесткую линию — однако все это не старило, а, скорее, молодило его, живо вызвав в памяти Снэйпа образ того мальчишки, которого он знал по школе.

...Ну, ты действительно хочешь узнать, куда мы ходим с Джеймсом, Питером и Ремом, когда мы тайно ускользаем под землю? Ну, пойдём, Северус. Я тебе покажу...

Сириус Блэк поднял голову, впервые за двадцать лет посмотрев Снэйпу прямо в глаза, и Снэйп увидел, что в руке он сжимает клочок бумаги исписанный его, Снэйпа, почерком.

— Мне нужна твоя помощь, — просто сказал он.

Глава 11. Сон разума

Сон разума рождает чудовищ.

Не произнеся ни слова, Снэйп захлопнул дверь у него перед носом.

Воздух в коридорах подземелья был настолько влажен, что при каждом вздохе Джинни чувствовала, что ее легкие будто наполняются водой. Позади она слышала шаги шлепающих по все более и более глубоким лужам и переговаривающихся Рона, Чарли и Гермионы. Рон что-то бубнил себе под нос.

Джинни не вступала в разговор, она сосредоточилась на легком, но цепком ощущении в своей груди, тянущем ее вперед.

— А что же точно случилось с Хельгой Хаффлпафф? — поинтересовался Чарли. Он высоко поднял палочку над головой, освещая всем путь. Он был самый сухой из всех — его жесткие драконьи штаны не пропускали воду.

— Слитерин убил ее, — ответила Гермиона. Она бросила попытки остаться сухой и шагала прямо по лужам, словно ей это доставляло удовольствие. — И Годрика тоже. И Ровену. Но непреднамеренно. Только не надо думать, что это извиняет его, — быстро добавила она, — Я просто так выразилась.

— Похоже, он считал убийство не только работой, но и хобби, — заметил Рон, все еще настороженно оглядываясь по сторонам в поисках пауков.

— Так он же был командующим, — пожалла плечами Гермиона. — И у него была собственная армия... Он все время убивал людей. Думаю, — Гермиона содрогнулась, — он просто хотел попробовать, как это на вкус...

— Не говоря уже о том, — добавил Чарли, — что когда из прихоти сравниваешь с землей целые города, склонность к тихим размышлениям и способность смотреть на вещи и с другой точки зрения крайне необходимы.

— Это точно, — согласилась Гермиона.

Неожиданно Джинни замерла, вслед за ней остановились и все остальные. Они находились на развилке: коридор делился на три ветки: вправо, влево и вперед.

— Что делать, Джин? — решительно спросил Рон.

— Я не могу с уверенностью сказать, по какому пути нам идти, — слегка нетерпеливо ответила Джинни. Тянувшее чувство в груди куда-то исчезло, и теперь она ощущала только сырость и холод.

— Но у тебя же должны быть какие-нибудь соображения, — чуть сварливо произнес Рон.

— Рон... — предупреждающим тоном остановил его Чарли.

Джинни покачала головой:

— Нет, я...

— Ну, тогда пошли вперед, — решительно скомандовал Рон, обойдя ее и зашагав вперед... Мгновение Джинни колебалась и уже собралась последовать за ним, когда, не сделав по коридору и двадцати шагов, Рон исчез.

— И ты ей доверяешь?

Драко вытаращил глаза, когда Гарри зашипел ему на ухо. Они стояли плечом к плечу, вжавшись в стену широкого каменного коридора за пределами их темницы. Флёр ушла вперед и теперь нетерпеливо поглядывала за угол.

Гарри содрогнулся. Имение Малфоев было древним, как и Хогвартс, однако это место было куда древнее, казалось, само время холодом сочилось из этих камней. Кругом царил полумрак, хотя в скобах на стенах горели факелы — но редкие и тусклые. От Флёр он уже знал, что они находятся в том самом замке в лесу, где недавно томилась в плену Гермиона. Драко даже заявил, что узнал

коридор, в котором они сейчас стояли, однако потом, захлопав глазами и покачав головой, заявил:

— Это тот же самый замок, но он выглядит... по-другому.

Гарри же решил не обращать внимание, если Драко не хочет говорить о чем-нибудь более насущном и полезном.

— А ты нет? — прошипел в ответ Драко.

— Не больше, чем Хагриду. Давай, Малfoy, суди сам: у нее ветер в голове, она помешана на парнях — с чего ты взял, что она сумела бы придумать такой сложный план нашего спасения?

— Она же чемпион Трехмудрого Турнира, — резонно заметил Драко.

— Так же, как и я, а ты всегда тыкал меня в то, что все мои планы сущее дерьмо.

— Все твои планы — сущее дерьмо. А ты не думаешь, что это может быть просто необходимая маскировка?

— Ну, если так, то это очень хорошая маскировка...

— По мне так любая маскировка хороша, если в ней есть сексуальный лифчик. Если, конечно, мы не говорим о маскировке Хагрида — о, я представил, и мне сразу стало нехорошо... Отвлеки меня, Поттер, скажи что-нибудь.

— Флёр возвращается, — заметил Гарри, отталкиваясь от стены.

Торопливо приближаясь, Флёр улыбалась им, ее серебристые волосы волнами качались на ее плечах.

— Пойдемте, — по-французски позвала она, жестом показывая, что они должны следовать за ней, — путь свободен, давайте!

— Что же я не взял с собой отцовскую мантию-невидимку, — пробормотал Гарри, когда они побежали по коридору и, обогнув угол, последовали за Флёр. Все нырнули в распахнутую ей дверь. Захлопнув дверь, она прижалась к ней спиной. Они стояли на узкой лестничной площадке, от которой вниз, в полную темноту, уходили ступеньки. Было так сумрачно, что Гарри видел вместо Флёр и Драко только неопределенные темные силуэты, увенчанные серебристыми волосами, сиявшими в темноте, как маяки. Он потянулся к карману, нащупывая свою палочку...

— Нет, — Флёр остановила его, крепко схватив за запястье. — Никакой магии.

— Почему?

— На каждом этаже замка охрана. Мы не можем рисковать.

— Флёр, но ведь темно! Мы свернем себе шеи!

Флёр что-то пробормотала по-французски, из чего Гарри уловил, что он трус с жабьей физиономией, и зашагала вниз по ступенькам. Поколебавшись, Драко и Гарри пошли за ней. После того, как лестница сделала три витка, высоко на стене обнаружился факел, который Флёр и взяла.

Теперь они шли цепочкой: впереди Флёр, потом Драко и, наконец, Гарри, их пугающе длинные тени скользили по каменным стенам.

От лестницы Гарри бросало в дрожь, его зубы стучали. Ни о каких перилах и речь не шла, каменные ступени были грубыми и неровными, и Гарри был уверен, что рано или поздно споткнется и полетит головой вперед на Драко. После десятого поворота, когда, казалось, финал уже был близок, Гарри услышал, как Флёр слабо охнула. Он вытянул шею, но ничего не увидел за головой Драко, лишь слышал, как тот вскрикнул:

— Флёр, держись!

Она быстро пришла в себя и, спустившись по ступенькам, Гарри увидел, что же испугало ее. Лестница упиралась в большую дубовую дверь, украшенную замысловатым резным растительным орнаментом: листья, цветы, выющиеся виноградные лозы. А в центре было вырезано лицо, с носом, больше напоминающим клюв, и ртом — узким, с опущенными книзу уголками губ. Глаза были живыми, они шарили по сторонам, горя сардоническим весельем.

Драко сошел с лестницы:

— Хм... — дверь уставилась на него. — Вы говорите?

Дверь издала слабый звук, похожий на скрип ржавых петель, немного напоминающий слова:

— Может быть...

— Вы говорите по-английски?

— Да, — раздраженно ответила дверь. — Я говорю на этом людском языке.

— Вы и вправду на нем говорите, или же мы собираемся провести следующий час, громко

выясняя друг у друга путь на пляж?

— Я же сказала тебе, что говорю, — зарычала дверь, — что тебе еще нужно?

— Мне нужно, чтобы ты нас выпустила, — произнес Драко, покосившись на Флёр. Та кивнула.

— Вы и вправду уверены, что хотите наружу? — с тихой злобой поинтересовалась дверь. — Там сейчас не очень приятно. Здесь гораздо безопаснее.

— Уверены, — произнес добравшийся до последних ступенек Гарри.

— А знаете ли вы, чему вы себя подвергаете в... — начала дверь, но в этот момент Драко подвинулся — преднамеренно или нет — и свет факела упал на пристегнутый к его поясу меч. Казалось, дверь съежилась. — Я не знала, что это вы... — обратилась она к Драко и широко распахнулась.

Лицо Драко от удивления вытянулось, но Гарри не обратил на это внимания. Сквозь распахнутую дверь он увидел лоскут звездного ночного неба и узкую полоску травы, — снаружи, — подумал он, — наконец-то...

Он шагнул за дверь, и Флёр с Драко последовали за ним.

С чувством свирепого удовлетворения Снэйп смотрел, как в проеме закрывающейся двери меняется лицо Сириуса, так уверенного, что Снэйп поможет ему решить небольшую проблему, какой бы грязной она ни была, — недоверие... отчаяние... и — хлоп! — дверь шумно закрылась.

Сириус был из той породы людей, кому все давалось легко, без борьбы и без лишений, из той породы людей, к кому окружающие всегда были готовы броситься на подмогу, из той породы людей, кому весь мир был готов все отдать, не дожидаясь просьб.

Хотя, конечно, это было не то, чтобы совсем правдой...

Не задумываясь над тем, что он делает, Снэйп прошел на кухню и слепо уставился в стену.

Азкабан.

Он остановил смех Сириуса, заткнул его навсегда. Временами Снэйпа посещали сны про Сириуса в Азкабане, где смех его рассыпался криком, словно осколками разбитого стекла. В этом было какое-то особое удовольствие, грызущее, темное...

Все это было очень странно: ведь из всех людей он больше всех ненавидел Джеймса — просто за то, что он был именно таким... Если Сириус обожал дразнить и доставать Снэйпа, пряча его учебники и отвлекая во время экзамена непристойными песенками, то Джеймс... просто не обращал на него внимания, смотрел на него, как на пустое место.

А потом Джеймс спас ему жизнь, и это было просто ужасно.

Он помнил, как Джеймс оттащил его прочь от Стонущих стен и швырнул на землю, извергая проклятья в адрес Сириуса, и Снэйп поблагодарил его — не так, как это обычно делают люди, его все еще трясло от страха и потрясения, — он благодарил за спасение своей жизни, хотя они и не были друзьями, а Джеймс взглянул на него своими холодными серыми глазами и произнес:

— Я сделал бы это для каждого.

И в этот миг он возненавидел его еще больше, возненавидел так, как он уже не возненавидит никого на свете.

Но теперь Джеймс был мертв, и в этой ненависти не было никакого смысла. Джеймс был мертв, Лупин — жалок... для ненависти остался только Сириус. Сириус не был похож на того, кто сказал бы ему, что он пустое место... Сириус, которого Джеймс любил, — Снэйп даже не мог себе представить, что так можно любить. Не друга — вообще кого бы то ни было.

Знак Мрака на руке горел и жег — как и всегда, когда он волновался и у него тряслись руки. Присев за кухонный стол, он включил радио. Резкий голос диктора Всемирной Волшебной Сети заполнил пространство:

— Из Министерства продолжают поступать новости об исчезновении Гарри Поттера. Судя по всему, вместе с ним пропал еще один мальчик, Драко Малфой, сын Люция Малфоя, последний представитель выдающейся волшебной династии. Оба мальчика уже день, как исчезли, и Министерство призывает каждого, кто имеет хоть какую-нибудь информацию о пропавших, немедленно сообщать о ней. Между тем волшебный мир столкнулся с ужасной возможностью: неужели мы потеряли Мальчика-Который-Уцелел?

Другие новости...

Снэйп подскочил на ноги, выключил радио и прежде, чем понял, что же он собирается сделать, повернулся и бросился из кухни по коридору ко входной двери, распахнув ее и впустив холодный ночной воздух.

Сириус все еще стоял там, понутив голову, не похожий на человека, который чего-то или кого-то ждет, — скорее, на того, кому некуда больше пойти. Он резко вскинул голову, когда Снэйп распахнул дверь, его глаза полыхнули удивлением, гневом и — надеждой.

Сжав в руках дверную ручку, Снэйп прорычал:

— Ладно, Блэк. В десяти словах сообщи мне, зачем ты здесь, или же Заклинанием Репульсус я зашвырну тебя куда-нибудь в сторону Хогсмита.

Похоже, Сириус считал число десять недостаточным.

— Мне очень нужна твоя помощь, — произнес он сквозь зубы.

— Это пять слов.

— Мне очень нужна твоя помощь, ты — ужасный, самодовольный, законченный ублюдок, — взорвался он, потеряв терпение. — Вот тебе твои десять слов, Снэйп, как ты и просил.

Письмо в его руке дрожало.

— Ты хочешь, чтобы я попросил тебя, Снэйп? Чего ты хочешь?

— Я знаю, что ты скорее бы умер, чем попросил меня о чем-нибудь, — заметил Снэйп.

— Точно, — согласился Сириус, — но я не из тех, кто собирается умирать.

После непродолжительной паузы Снэйп сделал шаг на крыльцо и скрестил на груди руки: — Говори.

Несколькими короткими фразами Сириус рассказал о Лупине и о том, что случилось с Гарри и Драко.

— Если я помогу Рему, — закончил он, — то он сможет рассказать нам больше о Слитерине... его куда-то Призывают, он должен знать, куда, где это место. Не смотри скептически, я это вижу... никто не вернулся после того, как был Призван... Это может получиться. Это мой единственный шанс добраться до Гарри прежде, чем будет слишком поздно. Судя по твоему выражению, ты мне не веришь, — повысил голос Сириус, — и если ты выкинешь меня отсюда, даже не выслушав, — клянусь, я выслежу тебя, и весь остаток жизни ты проведешь, питаясь через зонд.

— Это вовсе не обязательно, — заметил Снэйп.

— Что? — Сириус замер и захлопал глазами.

— Я однажды ошибся в тебе, — произнес Снэйп, получая тайное и совершенно удивительное удовлетворение от вида озадаченного лица Сириуса. — Я больше не ошибусь, — он шире распахнул дверь позади себя. — Не собираюсь ошибаться снова.

Сириус взглянул на Снэйпа, на дверь... снова на Снэйпа, словно совсем не понимая, что случилось. Потом, резко дернув плечами, словно стряхивая с них некие темные тени, шагнул через порог дома Снэйпа.

Гарри почувствовал острое разочарование, когда они вышли за дверь. Да, они покинули замок — но весьма условно, они по-прежнему находились на его землях. Они стояли в проходе, образованном уходящими ввысь стенами, в дальнем конце которого виднелась дверь. Все густо заросло травой, словно бы там не ступала нога человека. В небе над ними стояла луна — не полная, а какая-то кривобокая, однако же, и она давала чересчур много света. Покрутив головой, Гарри огляделся — замок казался куда более огромным и куда менее обветшалым, чем он помнил, посеребренные луной стены, вдоль которых колебались какие-то черные тени, в темноте выглядели совершенно неприступными.

«...Охрана», — подумал он.

Драко и Флёр проследили его взгляд и согласно закивали. В лунном свете лицо Флёр было бледным от испуга.

— Здесь мы должны быть очень осторожны, — прошептала она. — Это Мороки, они тоже творенья Слитерина. У каждого есть несколько облиций, и он должен лишиться их всех, прежде, чем может быть убит.

Она указала на узкий проход к двери на дальней стене.

— Мы пойдем тут, — прошептала она и повернулась к Гарри. — Ты первый.

Дыша друг другу в затылок, они двинулись вперед: Гарри, потом Флёр и Драко. Сначала они шли по залитой лунной земле, но она становилась все более каменистой и заросшей сорняками, и вскоре они сошли с тропы в высокую, до колен, влажную траву.

Холодно, сыро, отвратительно... знакомое ощущение охватило Гарри — словно он полз через скользкую гадкую пещеру. Он покачал головой, взглянул вверх — и чуть не заорал от ужаса во весь голос.

Над ними чернели три дементора, их черные плащи отливали металлом в седом лунном свете, к нему тянулись покрытые струпьями гниющие руки. Гарри задушил в себе крик и, присев, рванулся назад, помогая себе руками, сердце разрывало ему грудь, во рту пересохло. Он дико огляделся вокруг в поисках Драко и Флёр — но их нигде не было.

Дементоры медленно приближались. Упав на колени, Гарри в отчаянии думал — счастливое воспоминание... счастливое воспоминание...

Память вернула его в предыдущий день: вот он в Норе лежит на диване, положив голову на колени Гермионе... ее волосы окутали его... он слышит ее тихое дыхание... Он закрыл глаза.

Гермиона... — и плотный комок холода в его груди стал чуть меньше, но тут он вспомнил последний миг, когда они были вместе: на кухне у Висли... ее маленькая, холодеющая от ужаса ручка в его руке... черная головокружительная волна страха за нее накрыла его и...

На его плечах оказались руки, грубо дернувшие его назад.

— Поцелуй, — подумал он, — они собираются применить поцелуй...

— Поцеловать тебя? Я для этого слишком плохо тебя знаю, — задорный голос Драко прорвался сквозь холодный туман, заполонивший его мозг, словно острый нож разрезал моток шерсти. Гарри захлопал глазами: над ним стоял Драко.

— Поднимайся, — велел Драко уже менее бодрим голосом. Гарри встал на ноги. Руки по-прежнему тряслись, но ледяная мгла рассеялась. — Ну, давай же! — и Драко обхватил его за плечи и толкнул вперед. Гарри сделал два шага. Острая, как лезвие, трава обвилась вокруг его ног и начала кромсать его кожу. Он закричал.

Хватка Драко на его плечах стала крепче:

— Подумай о чем-нибудь другом, — приказал он, продолжая толкать Гарри вперед. И Гарри думал о Гермионе — с трудом, зажимая глаза от боли, чувствуя, что с каждым шагом трава словно прорезает его ноги до костей. Но он мог бы и дальше идти — еще долго, даже после того, как они бы стали мясным фаршем... и вот, через несколько успешных шагов он уже мог не обращать внимание на боль.

— Что происходит? — спросил он

— Трава Кошмаров, — коротко объяснил Драко. — Заставляет тебя увидеть то, чего ты больше всего боишься. Хитрость в том, что ты должен пройти сквозь нее, невзирая на боль, — она быстро проходит. Чем медленнее ты идешь, тем больше кошмаров получаешь.

— А тебе она не мешает? — недоверчиво поинтересовался Гарри, которому все это казалось подозрительным.

— Мне помогает Зелье Снэйпа. Кроме того, я знал, что это такое. И это тоже помогает...

— Не говори мне — твой папочка выращивал это в Имении.

— Угадал с первого раза, — коротко ответил Драко.

— А твой папочка не размышлял над тем, чтобы использовать ее на теннисных кортах или вокруг летних домиков?

— Не язви по этому поводу: мои невольные познания в Темной Магии только что спасли твою шкуру, Поттер. Но не волнуйся, я непременно обращусь к тебе за советом, как только в нашем распоряжении будет, скажем, некоторое количество собачек.

Гарри хотел что-то резко возразить, но в этот момент увидел лежащую навзничь в траве Флёр — казалось, она борется со своими собственными волосами, молотя руками по пустому пространству. Драко присел с ней рядом и осторожно взял ее за плечи — она взвизгнула, что-то закричала по-французски и ударила его. Драко поймал ее за одну руку, Гарри ухватил за вторую, удержать ее было непросто: она кричала, дралась и пыталась кусаться. Они быстро перетаскивали ее из травы

в грязь у подножия одной из стен. Флёр тут же затихла и, задышавшись, отстранилась от них, широко раскрыв глаза и глядя на стоящего рядом с ней Драко.

— С тобой все в порядке? — спросила она. — Твои кости не исчезли?

Драко с недоумением уставился на нее:

— Это же я...

Флёр часто задышала:

— Что это было?

— Понятия не имею, — ответил Гарри, огляделся и указал на темные тени на фоне серебристых крепостных стен.

Они уже не были неподвижными, они приближались — медленно, целенаправленно, подняв факелы... — охранники.

«...Думаю, они слышали, как мы орал», — подумал он.

«...Ты имеешь в виду — ты орал? — вскинул глаза Драко, протягивая руку Флёр и помогая ей подняться. — С тобой все в порядке?»

Она кивнула.

— А теперь побежали, — скомандовал он и рванул с места, Флёр и Гарри наступали ему на пятки. Они мчались сквозь Траву Кошмаров, добежали до дальней башни и, нырнув в дверь, захлопнули ее за собой.

В скудно освещенном помещении было только одно окно, практически полностью затянутое плющом. Длинный извилистый коридор уводил направо, в полную темноту. Все еще пошатываясь от напряжения и адреналина, Гарри побежал по нему — остальные следом. Во всяком случае, он так думал. Через сотню шагов путь преградила высокая деревянная дверь. Схватив ручку, он подергал — дверь была заперта.

— Флёр, здесь... — начал он, разворачиваясь, и замер в недоумении: позади него стоял удивленный Драко, но не было никаких признаков Флёр. — Малфой, где Флёр?

Драко обернулся:

— Я думал, она позади меня...

Гарри убрал руку с дверной ручки:

— Думаю, нам лучше вернуться...

Драко открыл рот, собираясь что-то сказать, но, многократно отражаясь от стен, коридор огласил крик, доносившийся оттуда, откуда они только что пришли. Это был резкий, горестный крик — и голос однозначно принадлежал Флёр.

Оба юноши понеслись обратно и, вернувшись ко входу, окаменели: Флёр с кинжалом в руке была прижата к стене одним из стражей — высоким человеком в тяжелом плаще, в его руках был короткий меч. Он стоял спиной к ним. В дрожащем свете факела его тень металась по потолку.

Глаза Флёр расширились, когда она увидела своих друзей, и она издала слабый возглас облегчения.

Очень слабый возглас — но этого было достаточно. Страж обернулся, поднял меч и двинулся на Драко и Гарри.

Гермиона почувствовала, как у нее внутри что-то оборвалось.

— Рон? — позвала она, и, рванувшись к тому месту, где исчез Рон, едва не ткнула Джинни локтем в бок. Чарли не отставал от нее и был где-то справа. — Рон! Где ты?

— Тут, внизу, — раздался крайне раздраженный голос из темноты.

За ее спиной Чарли поднял палочку, залившую ярким светом коридор. Неровные стены сразу приобрели четкие угловатые очертания, пол под их ногами оказался грязен, а впереди, в конце коридора, зияла неровная дыра. Гермиона подбежала к ней и заглянула внутрь.

На нее уставилось бледное и рассерженное лицо Рона. Он был совершенно невредим. Гермиона облегченно вздохнула:

— Рон, ты в порядке?

Его лицо исказила гримаса отвращения:

— Грязь, — коротко сказал он. — И темнотища.

Прищурившись, он огляделся.

— Никто не мог бы бросить мне палочку? Я свою уронил в грязь и хотел бы ее найти.

Гермиона кинула ему палочку, Рон поймал ее:

— Иллюмос!

Палочка словно взорвалась ярким светом, залив им пространство вокруг Рона. Гермиона увидела, что выражение его лица изменилось и стало удивительно довольным. Если раньше он напоминал выпавшего из самолета без парашюта, то теперь — выпавшего из самолета без парашюта, но внезапно обнаружившего, что внизу его ждет горячая ванна в Имении Удовольствий.

— Вы должны спуститься сюда! — воскликнул он.

Засомневавшись, Гермиона медлила, и прежде, чем она шевельнулась, Чарли прыгнул вниз к Рону, ловко приземлившись на ноги, словно кошка. Развернувшись, он вытянул руки:

— Твоя очередь. Я тебя поймаю.

Глубоко вздохнув, она прыгнула. Чарли с легкостью подхватил ее и поставил на землю. Она сдержала улыбку: грубое прикосновение драконьей кожи напомнило ей о Драко.

Судя по звуку, за ней прыгнула Джинни, но поворачиваться она не стала: слишком была поражена тем местом, где они оказались. Пожалуй, такое выражение на лице Рона было вполне оправдано...

Все вокруг выглядело так, словно они оказались в некоем подземном хранилище. Пол был покрыт толстым слоем грязи, но каменные полки, тянувшиеся вдоль стен, были битком забиты разными драгоценностями, золотыми монетами, гобеленами, серебряными блюдами, кубками и чашами. Конечно же, время не пощадило их: ткань сгнила, серебро потускнело, но все же большинство предметов было совершенно, удивительно невредимо. Гермиона взглянула на Рона, все еще в шоке таравившегося на все это. Все его мысли были написаны у него на лице, и она с легкостью их прочитала:

...Это было здесь долгие годы, и никто об этом не знал...

Неожиданная вспышка сочувствия и симпатии заставила ее ткнуть его в бок:

— Рон...

Но он что-то изучал в своей руке.

— Взгляни на это...

Он протянул ей золотую монету, она взяла ее без особого интереса — и оцепенела. Лицо, вычеканенное на монете, было таким... знакомым...

— Он похож на Гарри, — без всякого выражения произнесла она.

— Это Годрик Гриффиндор, — пояснил Рон. — Это Гриффиндорский галлеон. Настоящий, старый... Это целое состояние... — он задумчиво взглянул на него. — Надеюсь, мы сможем показать это Гарри, ему будет смешно: он — и на монете...

— Он увидит это, — твердо произнесла Гермиона. Сунув монету в нагрудный карман Рона, она застегнула его. Краем глаза она уловила какой-то блеск, это привлекло ее внимание: маленькое круглое зеркало в серебряной оправе. Оно чем-то напомнило ей Зеркало Джедан...

— Думаю, нам не стоит что-нибудь брать отсюда, — заметил стоящий позади нее Чарли. Обернувшись, Гермиона взглянула на него: он был сама удивленная осторожность. Откинув с глаз надоедливую темно-рыжую прядь, он вздохнул.

— Понимаю, это весьма соблазнительно, но ты же не знаешь, какие чары на него наложены?.. Джинни, что ты делаешь?

Обернувшись, Гермиона и Рон увидели Джинни. Она стояла в углу, неотрывно глядя на стену. Переглянувшись, они подскочили к ней:

— Джин, что такое?

Та указала. Стена была сложена из гладких серых камней — во всяком случае, именно такими они казались с расстояния. А вот приблизившись, можно было заметить, что один из этих камней отличается: он был бледно-серебристым, с металлическим оттенком. Вокруг него вся стена была в пыли и грязи — на нем же не было ни пятнышка. С одного края на нем были выгравированы слова, напоминающие поэтические строчки:

Ты золотое — и добра полно

Ты каменное — вовсе тебя нет

Стеклянное — разбиться ты должно

В холодном же таится много бед.

Рон тихо застонал:

— Еще одна загадка?

— Похоже на то, — осторожно заметил Чарли. — Кто-нибудь рискнет поугадывать?

— Я знаю ответ, — подумала про себя Гермiona, но вместо того, чтобы произнести его вслух, она взглянула на Джинни. Джинни сомневалась. Шагнув вперед, она указательным пальцем нарисовала сердце на покрытом пушистым слоем пыли камне. Гермione показалось, что она слышит слабый звук, — словно бьют часы или откуда-то издали доносится тихая музыка, и серебристый кирпичик выскользнул из стены, упав в подставленные руки Джинни.

Она тут же отдала его Чарли, принявшегося его исследовать и осматривать. Перевернув, он увидел, что это вовсе даже не кирпич, а что-то вроде прямоугольной закрытой серебристой шкатулки, на крышке которой выгравирован символ: волшебное существо с телом льва, головой человека и скорпионьим хвостом, извивающимся в форме цифры 8. Или знака бесконечности. Под его лапами было написано какое-то латинское выражение.

— И что это значит? — спросил Рон, пристально глядя на подозрительную коробку.

— Думаю, перевод звучит примерно так: «Эта огромная сосиска выглядит весьма подозрительно», — глубокомысленно изрек Чарли.

— Вовсе нет, — перебила его Джинни, отбирая коробку у Чарли из рук. — Это значит: «Это принадлежит времени и темноте...», — тут есть еще одно слово... немного похоже на смерть... но, может, и нет...

Она склонилась поближе. Чарли тоже.

— Хм... — наконец сказал он, — это кажется что-то вроде кнопки, которую нужно нажать... —

Нет, — резко встрял Рон, — мне кажется, что здесь точно выгравировано слово смерть. Тут же сказано о принадлежности темноте... Вот если бы на этой штуке была бы симпатичная наклейка Оргазматрон внутри, я был бы первым, кто испробовал твой кнопконажимательный подход, однако что-то, связанное со смертью, темнотой и...

— Зовио! — перебила их Джинни решительным голосом. Шкатулка вылетела из рук Гермiony и приземлилась ей на ладонь. Взглянув, она подняла глаза на остальных, вытаращившихся на нее в изумлении, и невозмутимо улыбнулась.

— Это мое, — убежденно заявила она и коснулась ее рукой. С резким звуком крышка отъехала, и шкатулка распахнулась, словно раскрылся цветок. Из нее вырвался сноп яркого света и упал на бледное лицо Джинни, когда она потянулась и вытащила что-то, мерцающее и качающееся на золотой цепочке... что-то, похожее на витиевато украшенные резные песочные часы...

— Ох... — выдохнула Гермiona, переведя взгляд с блестящего кулона на лицо Джинни. — Это Хроноворот...

Страж шагнул к ним — и Гарри с ужасом увидел, что это не человек и даже не оборотень, а нечто совершенно иное: у него было сморщенное свиноподобное рыло с длинными торчащими изо рта бивнями. Он метнулся к ним, но прежде, чем Гарри успел что-то сделать, кроме шага назад, Драко уже вскинул меч и полоснул существо поперек лица. Раздался звук, словно кто-то выплеснул в грязь полное ведро воды, — оно отшатнулось и рухнуло на землю. Из его разрубленной головы хлестала кровь.

Драко стало плохо. Гарри, выхватив свой меч, прерывисто вздохнул и хлопнул его по руке:

— Хорошо сделано, Малфой...

— Нет! — закричала Флёр, отскакивая от стены, к которой она была прижата, — Это мороки, я же вам говорила...

Она была права. Драко и Гарри с ужасом видели, как очертания стража, с которым, кажется, было уже покончено, заколебались, как-то смазались... и вдруг он превратился в короткое чешуйчатое создание, которое тут же вскочило на ноги и во второй раз бросилось на изумленного Драко. Драко справился с ним и в этот раз, после чего существо стало змееподобной многоножкой, которой Драко отрубил голову, используя какой-то другой фехтовальный прием, который Гарри бы даже сумел распознать, не накинься на него в этот момент подоспевший на подмогу второй страж.

Гарри взмахнул мечом и перерезал ему горло, но сделал это плохо, потому что морок тут же обернулся высоким человеком с длинным мечом и напал на него. Гарри перестал задумываться и просто разрешил мечу в его руках делать свою работу — он уже знал, что, если очистить свой разум, то руки начинают жить своей собственной жизнью, или, что вернее, знание, каким-то тайным путем перетекавшее от Драко к нему, само вело и направляло его руку.

А каждый раз, когда Гарри пытался понять, что он сделал, он оступался или пропускал удар — так что он прекратил что-то планировать и дал волю инстинктам, ловя незнакомые названия выполняемых им движений, бегущей строкой скользящих в его мозгу: связка... двойная связка... выпад...

Гарри быстро покончил с человеком, тот превратился в волка, который обернулся большим существом, похожим на лису, а оно, в свою очередь, — миниатюрной красоткой в кожаном нагруднике. Последнее воплощение настолько напугало Гарри, что он пошатнулся и чуть не упал. Вряд ли у него была возможность захлопать глазами, но в этот миг что-то серебристое мелькнуло у него над головой и воткнулось в грудь морока.

Кинжал Флёр.

Создание закричало, формы его дрогнули, оно рухнуло подобно тряпичной кукле. На этот раз оно съезжилось, истекло зеленой кровью и замерло на земле.

Сердце колотилось у Гарри в груди, когда он поднял глаза на Флёр, стоящей над мертвым стражем в совершеннейшей прострации.

— Спасибо, — произнес он и вслед за ней взглянул на Драко. Тот с белым лицом смотрел на тело первого охранника. Судя по всему, его трясло — так же, как и Гарри. Почувствовав пристальный взгляд, он вскинул глаза и тут же изобразил что-то вроде безразличия:

— Ну, разве есть что-то необычное в том, чтобы убить кого-нибудь?

И он самодовольно ухмыльнулся — при виде этого его выражения Гарри всегда хотелось ему вмазать.

— Заткнись, Малфой, — устало буркнул Гарри.

Флёр наклонилась, чтобы вытащить из груди стража свой клинок:

— Их может прийти куда больше... — она выпрямилась, повернулась и вдруг неожиданно побелела и упала на четвереньки.

— Флёр?... — Драко пересек разделявшее их пространство в несколько прыжков и упал рядом с ней на колени. — Что такое?

Она схватила его за руку. Будь все в порядке, Гарри бы подумал, что это ее очередная уловка, однако она действительно выглядела неважно — мучнисто-бледная, задыхающаяся, сжимающая рукой грудь... Постепенно ее дыхание стало нормальным, она подняла голову — лоб был покрыт бисеринками пота, и Гарри увидел страх, затаившийся в ее глазах.

Драко коснулся ее плеча:

— Ты как? В порядке?

Она кивнула:

— Да... Просто подождите минутку...

Драко поднял глаза на Гарри:

— Поттер, иди и посмотри, сможешь ли ты открыть дверь. Если надо, используй магию. Мы должны убраться отсюда — и чем быстрее, тем лучше.

Гарри кивнул и двинулся вперед, все еще прокручивая в голове этот странный взгляд Флёр, этот страх в ее глазах. Да, все они были в опасной ситуации — так что страх был вполне оправдан, но все же... что-то еще не давало ему покоя.

Что же такого она знала, о чем не знали они?

Сириус стоял в мастерской Снэйпа, странный запах щекотал его обоняние. Он вовсе не был неприятным, это был обычный волшебный рабочий аромат — кипящая смола, каленый камень, таинственные травы... Из котла, над которым стоял Снэйп, поднимался густой серый дым и клубился под высоким потолком, источая странный мятно-капустный запах. Вдоль всего стола на огне стояли пузатые раскаленные котлы, источающие жар. От этого сочетания тепла и пара Сириус начал

обливаться потом.

Снэйп, склоняясь над котлом, что-то бормотал. Он, напротив, был совершенно холоден.

Сириус откашлялся:

— И что же входит в это зелье? — поинтересовался он.

Снэйп приподнял брови:

— Все согласно древнему рецепту: трахея черного дрозда, глаз саламандры, приводной ремень от вентилятора «Ягуара»...

Сириус вытаращил на него глаза: он что, шутит? Смеется? Нет, очевидно он совершенно не надеялся...

Момент был упущен: Снэйп снова склонился над котлом.

— Должны быть внесены некоторые корректировки... — пробормотал он.

— Корректировки?

Снэйп поднял взгляд и кивнул.

— Приготовленное мной зелье — для управления людьми, одним из его ключевых компонентов является аконит. Несомненно, в данном случае для аконита необходима замена — хотя, признаться, я сомневаюсь, что твой друг Лупин с этим согласится.

— Точно, — пробормотал Сириус, чувствуя, что теряется: Зелья никогда не были его любимым предметом, он предпочитал Трансфигурацию, в которой весьма и весьма преуспел. Мысленно он вернулся в тот приятный весенний полдень, когда ему удалось превратить котел Снэйпа в жирного рыжего хомяка, цапнувшего своего хозяина за большой палец ноги...

— Нет, — приказал он себе, — я не должен об этом думать.

— ...Но ты всегда больше интересовался Трансфигурацией, — закончил Снэйп, уставившись на Сириуса своими бисерными черными глазками. Тот чуть не подскочил.

— Э... да-да, точно, — и он начал бродить по комнате, пытаясь выглядеть сосредоточенным и озабоченным, что было совсем не трудно — находящееся в мастерской Снэйпа было способно увлечь любого.

Котлы всех размеров, банки с кровью дракона — такие горячие, что к ним было невозможно прикоснуться, флаконы со слезами плакучей ивы, шкатулки с порошком мандрагоры, серебряные емкости с растертым рогом единорога... Рассеянно оглядываясь, Сириус задержался у стола, где его взгляд упал на беспорядочно лежащие книги. Одно название зацепило его взгляд: тяжелый темно-бордовый фолиант с золотым тиснением на корешке: Демоны, демоны, демоны. Сириус взял его и раскрыл: «Все, что вы хотели знать про обитателей ада и кое-что, что вы знать не хотели», — прочитал он на форзаце.

— На что ты там уставился, Блэк? — строго спросил Снэйп.

Сириус помахал книгой в воздухе:

— Судя по названию — Демоны, демоны, демоны.

— Это книга о демонах. Ты что — хотел бы их вызвать?

— Книга о демонах? — Сириус пролистывал страницы.

— По-моему, название вполне говорящее.

— Я тут просто предположил... — Сириус осекся, расширившимися глазами уставившись на одну из страниц. Потом он поднял голову. — Эй... Я могу позаимствовать ее?

— Ты хочешь позаимствовать мою книгу?

— У тебя тут что — эхо? — спросил Сириус и тут же захлопнул рот. Что-то в Снэйпе снова делало его тринадцатилетним, как он ни пытался бороться с этим. Он просто не мог находиться в одной комнате с этим человеком, чтобы не представить его зависшим вверх тормашками над Гриффиндорским столом в Большом Зале с переливающимися на трусах словами «Поцелуй меня: я ирландец».

Не в смысле, что Сириус сделал что-то подобное.

Ни в коем случае.

— Я имел в виду... да... Я бы хотел позаимствовать ее...

Снэйп с силой опустил на стол химический стакан:

— Похоже, у тебя проблемы с демонами?

— Можно и так сказать.

— Обычное дело, — коротко произнес Снэйп, не поднимая головы. — Можешь взять ее.

— Спасибо, — поблагодарил Сириус, осозная, что случилось нечто, из ряда вон выходящее: он впервые в своей жизни за что-то благодарит Снэйпа, однако Снэйп даже не обратил на это внимания. Откинувшись назад, он следил за дымящимся перед ним котлом, удовлетворение разливалось по его лицу.

— Готово, — объявил он.

Прихватив книгу, Сириус подошел к котлу. Жидкость в нем уже прекратила булькать и пузыриться, превратившись в густое, блестящее, серебристо-серое вещество, похожее на ртуть или лунный свет. Очень привлекательное на вид. Сириус протянул руку...

— Не касайся его! — резко остановил его Снэйп.

Вздвогнув, Сириус отдернул руку:

— Прости Христа ради...

Снэйп исподлобья взглянул на него своими черными, похожими на жуков глазами:

— Я никого Христа ради не прощаю. Даже тебя.

Сириусу было нечего ответить. Он молча смотрел, как Снэйп зачерпнул мерным стеклянным флаконом на медной ручке порцию серебристого зелья из котла и протянул его Сириусу. Тот поднял руку, чтобы взять его, и в этот миг красный камень в браслете полыхнул огненной вспышкой.

— Заклятье Вивикус? — поинтересовался Снэйп, приподняв брови.

— Гарри, — коротко пояснил Сириус, засовывая флакон во внутренний карман своей мантии.

— Хорошо, что оно у тебя есть, — заметил Снэйп.

— Кому хорошо? — мысленно удивился Сириус. — Мне или Гарри?

Он взглянул на Снэйпа. Снэйп смотрел на него. Сириус понял, что они закончили. Он растерялся. Что теперь?

— Слушай, — запинаясь, проговорил он. — Хочешь пойти со мной?

— Что? — уставился на него Снэйп.

— Я думаю, — начал Сириус, удивляясь тому, что он говорит — похоже, он сходит с ума, — может, тебе было бы интересно взглянуть на эффект твоего зелья? Посмотреть, как оно работает... Только и всего.

— Я сделал его. Оно будет работать, — холодно отчеканил учитель Зелий.

— Ох, — захлопал глазами Сириус. — Ладно, тогда я хочу побла...

— Не надо меня благодарить, — перебил его Снэйп. — Мне вполне достаточно мыслей о том, как ты заставишь взбесившегося оборотня проглотить это зелье. Это лучше всяких слов.

Сириус опустил взгляд на зелье, потом снова посмотрел на Снэйпа — тот не улыбался, нет, однако в его глазах появилось какое-то самодовольное выражение...

— А от этого зелья у Лупина не вырастут уши, как у летучей мыши? Или, может, он весь пойдет фурункулами? А может, что-то другое, типа...

— Отвали, Блэк, — раздосадованно перебил его Снэйп, и Сириус, понимая, что его игра проиграна, аппарировал с книгой и флаконом в руке.

Джинни, Рон и Гермиона сидели в гостиной в Норе и ждали, пока на кухне Чарли закончит с одним из охранников-Ауроров проверку Хроноворота на наличие зловредных заклинаний.

Джинни изнемогала от нетерпения, Гермиона изучала Бестиарий: Василиски и Оборотни, а Рон погрузился в изучение собранных Фредом и Джорджем журналов — тех самых, хранившихся под полом в подвале.

Подняв голову, Гермиона посмотрела на него:

— Поверить не могу, что ты это читаешь.

Рон усмехнулся:

— Здесь есть очень качественные публикации...

— Рон, то, что ты читаешь, и близко к этому не относится.

— Смотри-ка, а ведь эти журналы очень старые, — заметил он вслух, — ой, клянусь — это профессор МакГонагалл! — добавил он, протягивая журнал Гермионе, взглянувшей на страницу безо всякого интереса.

— Довольно похожа, — согласилась Гермиона. — Кто бы мог подумать, что у нее есть кимоно, и она настолько любит мармелад?

— И вдобавок — она была блондинкой, — заметила Джинни, тоже склонившаяся над фотографией.

Рон быстро отдернул журнал:

— Джинни, кто тебе разрешил это смотреть?

— А собственно, почему?..

— Потому что ты девушка. И еще слишком маленькая для такого...

— Гермиона тоже девушка.

— Ага, но только Гермиона уже не первый год висает со мной и Гарри — она уже достаточно испорчена.

— Рон, у меня — шесть старших братьев. Полагаю, что я тоже вполне испорчена.

Гермиона захихикала:

— Джин, не говори так — Рона сейчас кондрашка хватит.

Рон улыбнулся ей, но вместо ожидаемого желания улыбнуться в ответ, ее захлестнула волна тоски. Рон смеялся... его темно-синие глаза задорно прищурились... это причиняло ей боль, пусть и небольшую, — как она ни обожала быть рядом с Роном, даже звук его голоса болезненно напоминал ей, что Гарри нет рядом. Всю свою жизнь она всегда была рядом с ними обоими — Рон и Гарри, Гарри и Рон — по бокам от нее, ее постоянные сотоварищи.

Во время поисков Гарри в Большом Зале, она автоматически взглядом наткнулась на Рона — его пламенеющая шевелюра возвышалась над всеми, а Гарри был рядом с ним.

Брошенный на Рона взгляд оживил картинки недавнего прошлого: Гарри и Рон, раздирающие упаковки рождественских подарков, клочки оберточной бумаги так и летают вокруг них... Гарри и Рон пытаются списать у нее в библиотеке... Она вспомнила, как рассказывала им про то, что в женской ванной высоко на стене кто-то написал: «Рон Висли: приятное времяпрепровождение. Сова...» — Гарри тогда так смеялся, что Рону пришлось его держать. Она не могла представить, что их можно разделить: все равно, что отделить Гарри от его шрама... или Драко от его ядовитого юмора.

Рон помахал рукой у нее перед лицом, и это вернуло ее в реальность. Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались ее.

— Что опять, Герм? Опять думала о своих видениях? — удивленно спросил Рон.

— А что, если и так? В этих видениях есть смысл, — твердо ответила Гермиона.

— Расскажи мне о них, — попросила Джинни с другого конца стола. — Однажды ночью я видела во сне Драко, и я... — она поймала взгляд Рона и съежилась. — Ух... Ну, это был не Драко и вообще — это была не я, а моя подруга Сью... она уже даже не помнит про это... Хотя — просто из любопытства — как вы думаете, сколько может стоять шелковое постельное белье?

Рон снова перешел на предупреждающий тон:

— Джинни...

— Есть! — неожиданно провозгласила Гермиона. Они оба с недоумением воззрились на нее. Рассмеявшись, она развернула к Джинни книгу, чтобы та могла увидеть, что там. — Гравюра на крышке шкатулки. Это мантикора.

И она прочитала вслух:

— Ужасная мантикора имеет тело льва, лицо человека и хвост скорпиона. Челюсти ее огромны. Два ряда острых, как бритва, зубов, верхний и нижний, полностью смыкаются, когда зверь закрывает рот. Ими она может перекусить даже ленту, и про мантикору говорят, что она приправляет свои пиры человечинной. И тем не менее, наиболее опасен у нее хвост. От яда мантикоры нет противоядия, и нет спасения для жертвы, пораженной этим ужасным жалом.

Гермиона закрыла книгу и взглянула на Рона, судя по виду, весьма впечатленного услышанным.

— Так-то. Есть более неприятные вещи, чем какой-то там паук.

Джинни удивилась:

— И с чего бы этой штуке находиться на крышке моей шкатулки? — спросила она. — Как вы думаете, может, в ней что-то нехорошее?

— Точно — нет, — заявил Чарли, возвращаясь из кухни с Хроноворотом в руках. — Даю все гарантии, — добавил он, хотя все еще поглядывал на него с сомнением.

Джинни протянула руки, глаза ее вспыхнули:

— Отдай мне...

— Нет, — твердо отрезал Чарли. — Только после того, как переговорю с папой и мамой. — Но на нем же нет никаких заклятий! — голос Джинни сорвался на писк.

— Знаю, — вид у Чарли был извиняющийся, но по-прежнему непреклонный. — Джин, я и вправду не могу. Эта штука может быть небезопасна. Если после всего того, что случилось с этим дневником, я отдам это тебе, они меня...

— Чарли! — Джинни была ошеломлена. Резко повернувшись, она посмотрела на Гермiona, нетерпеливо теребящую висящий на шее Ликант. — Гермiona, скажи ему...

— Джинни, — перебила ее Гермiona твердым голосом. — Он прав.

Глаза Джинни расширились, не сказав ни слова, она отскочила от стола и побежала наверх. Через мгновение дверь ее спальни с грохотом захлопнулась.

Нарушив тишину, Гермiona отодвинулась от стола:

— Думаю, мне надо побыть одной, — произнесла она, покусывая губу.

Рон поднял на нее глаза, все его лицо свидетельствовало о крайней задумчивости:

— Ты и вправду думаешь, что Хроноворот может быть опасен?

Она не подняла на него глаз:

— А ты бы позволил Джинни рисковать?

— Если так, то... нет, — испугался Рон.

Гермiona потерла лоб тыльной стороной руки:

— Я устала... Пойду лягу.

Проходя через комнату, она чувствовала его недоумевающий взгляд, но не повернулась.

Драко сидел, прислонившись к стене, Флёр прижалась к его руке. Он свалил мертвые тела стражей в угол и теперь старался не смотреть в их сторону. Хотя ему и не приходилось еще убивать кого-то вроде них, однако, было бы неправдой сказать, что он вовсе никого не убивал: он не раз охотился вместе с отцом и возвращался с добычей — и магическими животными, и обычными. Но он не чувствовал вкуса к убийству — как его отец. Ему не нравилось убивать. И, хоть он был весьма в этом силен, он не любил этого.

Возможно, из-за этого тусклого света вокруг и от ощущения витающей вокруг них смерти в нем ожили воспоминания о земле мертвых — сумрак, лишаящий предметы цвета и смазывающий их очертания, взволнованные голоса призраков, зовущих из мглы...

Эти воспоминания навели на него ужас куда больший, чем чувствовал он, находясь там, снова накатило ощущение вины: почему родители Гарри, которые не обидели ни одной живой души, были обречены на бесформенное существование в этом аду, тогда как он, без всяких усилий и нисколько того не заслужив, вернулся назад и теперь разгуливает среди живых?

Флёр прервала его размышления, завопившись у него на плече. Он взглянул на нее: в полумраке волосы ее сияли чистым серебром, ее лицо уже начало приобретать свой нормальный цвет — она выглядела прелестной, хотя то, что их волосы были совершенно одинаковыми по цвету, всегда останавливало его. Нет, цвет был великолепным и выглядел просто потрясающе, но он всегда предпочитал девушек с волосами потемнее... ну, или, как у Джинни — с огненно-рыжими, иногда переливающимися тем же оттенком, что и красное вино, играющее в бокале против пламени свечи.

— Д'рако... — тихо позвала Флёр.

— Да?

— Мне уже лучше...

Он тихо улыбнулся себе под нос в темноте.

— Прекрасно. Теперь ты можешь слезть с моей ноги. А то я уже колена не чувствую от твоей смертельной хватки.

— О, так это твоя нога?

— А, так мы сейчас постигаем великий смысл шутки: Это ты так рад меня видеть или у тебя МЕТЛА в кармане? Шучу. Ладно, продолжай... Не возражаешь, если я просто посижу тут?

— Ты больше не забавный... — жалобно произнесла Флёр.

— А что — я был когда-то забавным? Назови мне то мгновение, когда я был забавным, похоже, я что-то пропустил.

— Да ладно, ты всегда забавный, — промурлыкала она, скользнув ему на колени. Она подняла руки, прядка ее серебристых волос начала щекотать его щеку — и неожиданная резкая боль пронзила его бок.

— Ой! — взвыл он, отпрянув от нее.

Флёр в удивлении опустила руки:

— Что такое? Ты по'ранился?

— Ага, это существо пырнуло меня ножом в бок прежде, чем я убил его. Хотя, в общем, ничего страшного.

— У тебя к'ровь течет? Ты сказал Га'рри?

— Да — течет и нет — не сказал. И ты тоже не говори. Он весь обстонется, кроме того, мы спешим.

Флёр сжала губки в строгую решительную линию:

— Покажи.

С покорным вздохом Драко откинулся обратно к стенке, отогнул куртку и задрал рубашку, демонстрируя рану на боку, прямо под ребрами. Она была неглубокой, но длинной, и все еще немного кровоточила. К счастью, его черная рубашка прекрасно впитывала кровь, но все равно вид был весьма неприятный.

— Д'рако! — глаза Флёр испуганно расширились. — Я тебя полечу.

— Ты же сама говорила — никакой магии.

— Это не значит, что ты должен тут сидеть и истекать к'ровью. — С неожиданным рвением она наклонилась и ножом начала резать подол своей мантии. Через несколько минут в ее руках оказалось несколько длинных и вполне пригодных к употреблению бинтов.

— Нагнись вперед, — велела она ему и, усевшись на него верхом, начала обматывать его торс. Крепко завязав у него на боку один узел над другим, она откинулась, осматривая свою работу.

— Ну и как ты себя сейчас чувствуешь? — поинтересовалась она.

— Как хорошо упакованный подарок на день рождения.

Она бросила на него пронзительный взгляд. Признаться, он думал, что после того, как она закончит со всеми этими бинтами, она слезет с его колен. Но, кажется, она совершенно не собиралась это делать. Хммм...

— Я думал отблагодарить тебя, — поправил он себя, опуская рубашку.

— Я полагаю, ты это и сделал, — она опустила свой нож, но другую руку с его талии не убрала. — Думаю, тебе стоит ценить то, что д'ругие люди делают для тебя на твоём бесценном пути.

— Ты говоришь это так, словно люди постоянно что-то делают для меня, — колко подметил он.

— А что — не так? — она подняла на него свои расширенные глаза. — Ты что, и п'равда — не знаешь?

— Не знаю — что?

— Эффект, который ты п'роизводишь на людей... — она потянулась, взяла его за подбородок, подняв его лицо, — так никто не делал с тех пор, когда он был совсем маленьким, — и пристально взглянула на него. В неверном свете факела ее фарфоровая кожа светилась, словно облако. От тяжелого сладкого аромата, пропитавшего ее волосы и руки (а может, все-таки от потери крови? — с надеждой подумал он) накатила слабость и голова пошла кругом. Она наклонилась, сладкий аромат ее волос стал еще сильнее. Ее руки скользнули ему за шею, отчего вниз по позвоночнику заструилось тепло. Откинув назад голову, она нежно поцеловала его в губы, а потом осыпала легкими, воздушными поцелуями его шею.

Он понимал — невозможно быть с одной девушкой и думать при этом о другой, однако ничего не мог с собой поделать: он думал о Гермионе, о том, как торопливо он целовал ее в шкафу... тогда он чувствовал, что, если он не поцелует ее, то просто умрет.

И о тех поцелуях с Джинни — тогда он словно вырвался на солнечный свет из темницы, где провел долгое время... Флёр же целовала его так, словно что-то пыталась в нем найти. Хотя непонятно — с таким же успехом она могла засовывать свой язык ему в ухо.

Он сжал ее руки и, преодолев некоторое сопротивление, оттолкнул ее:

— Флёр... Бум! — помнишь?

Она таинственно улыбнулась ему, он уставился на нее в ответ: ее щеки все еще пылали румянцем, однако взгляд был совершенно бесстрастным, словно он был экспонатом в чашечке Петри — это его нервировало.

— Кажется, ты теперь д'ругой, нежели был 'раньше... — заявила он.

Драко был удивлен:

— Другой? Кроме того, что, разумеется, что выше и красивей.

— Д'рако... а в твоей жизни был кто-нибудь особенный?

— Кто-то особенный? — вопрос поставил его в тупик, и он почувствовал себя совершенным дураком: сидит тут, с ее рукой под рубашкой... хотя пристальный взгляд ее огромных восхищенных глаз отнюдь не ужасал... — Ну, думаю, да.

— И кто же?

— Я, — решительно ответил он.

— Нет, ты же понимаешь, я имею в виду, — кто-то, кого ты любил и бе'рег, кто-то, о ком бы ты все время думал...

— Хм... Опять же — я.

— Гм, — раздался внятный голос из тени. Драко повернулся и увидел, что Гарри вернулся и теперь наблюдает за ними с некоторым удивлением. Представив, как он сейчас выглядит — прильнувшая Флёр, ее руки под его рубашкой — Драко усмехнулся. Конечно, Гарри это совершенно не касалось, но его раздраженно-удивленная физиономия выглядела достаточно забавно.

— Гм, — повторил Гарри. — Народ, прошу прощенья, что прерываю ваши эротическую возню, но я обнаружил дверь.

— Правда? — протянул Драко, не двигаясь с места. Флёр тоже не шелохнулась.

— Как же хорошо, что никто не бежит ко мне с благодарностями или еще чем-нибудь, — обиженно фыркнул Гарри.

— Спасибо, — произнес Драко. — А теперь отвали и возвращайся через десять минут.

Гарри посмотрел на него с отвращением:

— ОК, вспомни: перед тем, как стать Дон Жуаном, ты был Драко Малфоем. Я сошлюсь на твои собственные слова: Мы должны выбраться отсюда — и чем быстрее, тем лучше. Это ведь был ты, правда?

— Успокойся, Поттер, я просто пошутил, — усмехнулся Драко, отстраняясь от неохотно отпустившей его Флёр и поднимаясь на ноги.

Наклонившись за своим кинжалом, Флёр грациозно пошла по коридору — после того, как она отрезала кусок от подола своей мантии, Драко мог любоваться куда большей частью ее ног... это было весьма неплохо...

— Земля вызывает Малфоя, — помахал рукой перед его носом Гарри. Драко приподнял брови. — Иди вперед и тарасься на нее. Бросай свои влажные горячие взгляды. Отлично. А теперь, может, мы все-таки пойдем?

— Ты же знаешь, она на самом деле... весьма... выдающаяся девушка...

— Ага, — хмыкнул Гарри, — особенно ее...

Драко зажал ему рукой рот:

— Достаточно.

«...Я имел в виду — особенно ее...»

— Слышу-слышу! — пропела Флёр из коридора. — Я тебя слышу, Га'рри Потте'р!

Ухмыльнувшись, Драко убрал руку.

— Черт... — пробормотал Гарри.

В алой с золотом мантии он стоял перед витражным окном, изображавшим его фамильный герб, тень падала на алого льва на каменном полу под его ногами. Он прохаживался, но теперь замер, сцепив руки. Она редко видела его таким ошеломленным.

— Годрик... Что такое?

Помедлив, он повернулся к ней.

— Я был на поле боя... — произнес он. — Не хочу говорить Ровене... но это просто ужасно...

— Битва всегда страшна, ты всегда так говоришь... А когда что-то делает Салазар, он никогда не делает это наполовину. Он поднял армии монстров, перед которыми не может устоять никто — ни солдат, ни колдун. — Годрик помолчал и убрал мешающую черную прядь со лба. — Я подослал к нему шпионов, но ни один не вернулся. Знаки на небесах и земле сулят ужасные катастрофы... — Он поднял глаза и встретился с ней взглядом. — Это правда, что она до сих пор не хочет его смерти?

— Она любит его.

Годрик сморщился:

— Все еще?

— Это не поддается логике, — Хельга опустила в свое кресло. — Однако это все равно не имеет значения: я сомневаюсь, что он вообще может быть убит. Чтобы мы могли остановить биение его сердца, он должен его иметь...

Годрик покачал головой:

— Ты знаешь мои взгляды.

— Есть другой путь: мы должны повернуть против него его собственные силы. Годрик, ты должен мне пообещать, что не будешь гоняться за ним. До тех пор, пока все не будет готово. Независимо от того, что он сделает. Обещай мне.

Но Годрик взглянул в окно, которое заходящее солнце окрасило алым:

— Никогда бы не подумал так, даже о нем, — обронил он. — Где он хранил столько ненависти все эти двадцать семь лет?

— Ненависть — только другой лик любви... — ее голос звучал у него в ушах, однако, Годрик, подав ей руку, отвернулся, словно больше не хотел это слышать.

— Иди, — произнес он. — Сколько времени мы еще потеряем — и сколько уже потеряли...

Джинни беспокойно заворочалась на кровати, стиснув подушку. Бесконечность вспышками молний плясала у нее под веками.

— Я тоже могу драться — я убил охранника!

— Его убила Флёр.

— Первые шесть раз его убил все-таки я!

— Однако он не был мертв до тех пор, пока она с ним не покончила. Отсюда следует, что его убила она.

Гарри, топавший по коридору вслед за Драко, надулся.

— Не дуйся, Поттер. Для того, у кого грации и координации не больше, чем у стула или стола, это было просто великолепно.

Гарри надулся еще сильнее:

— Я все равно его убил.

— А вот и нет. Позор на твою седую голову, Поттер. У тебя нарушения восприятия.

— Как я мечтаю, чтобы вы оба заткнулись, — произнесла Флёр тем полным сладких надежд тоном, каким обычно говорят «Мечтаю выиграть отдых на Майорке»... — она потрянула своей серебристой головкой. — Вы совершенно не можете находиться рядом. Почему вы все время болтаете?

— Девушка делает нам замечание, — Драко перепрыгнул через зияющий пролом в каменном мосте и повернулся посмотреть, как это делает идущий позади него Гарри. Коридор становился все уже и уже, заставляя вспомнить о клаустрофобии.

— Да пожалуйста — ты же обожаешь разговаривать со мной. Кто еще в состоянии выносить тебя?

— Ты выносишь меня только потому, что тебе деваться некуда, — говорить это было куда проще, чем осознавать. Внутри у него появилось неприятное ощущение, плохо было, что он не знал, почему. И он удивленно прикинул, сколько же времени прошло с тех пор, как Снэйп дал ему Волеукрепляющее Зелье.

— А теперь-то мы выберемся из замка? — оглядываясь, поинтересовался Гарри, когда они завернули за угол. Все кругом, даже стены, было невероятно пыльным, словно долгие годы здесь

не ступала ничья нога.

— Сейчас мы идем под садом, — снисходительно заметила Флёр. — Этот путь куда лучше. Гарри тряхнул головой:

— И чем же он лучше?

— Ей-богу, Поттер, тебе надо было стать танцовщиком лимбо, а не игроком в Квиддитч, — усмехнулся Драко, перепрыгивая сразу через несколько невысоких каменных ступенек.

Гарри захлопал глазами:

— Что? Почему?

— Потому что, — Драко отчетливо выговаривал каждое слово, — у тебя все проскальзывает выше головы.

— Этот путь лучше, — перебила его Флёр, — потому что мы выйдем сразу в центр леса, где безопаснее. Гарри! Не делай таких грубых жестов у Драко за спиной. Смотрите, мы уже здесь и...

Они дошли до конца коридора, где сырое низкое пространство уперлось в большую дубовую обитую железом дверь с квадратной железной ручкой. Флёр потянула и подергала ее — и замерла с перекошенным от ужаса лицом.

— О, нет... — выдохнула она.

Драко почувствовал, как вдоль позвоночника побежали мурашки:

— Что?

Флёр повернулась, ее лицо превратилось в маску отчаяния:

— Кто-то опломбировал дверь адмантином...

— Адмантином? — Драко присел рядом и присмотрелся. Она была права: он узнал эти печати по углам двери — знакомое голубоватое стекло, которое он уже начал люто ненавидеть.

Флёр смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

— Это последняя дверь, — прошептала она. — Она ведет наружу... — и он запечатал ее! Что нам делать? — она вцепилась Драко в руку.

— Взломать ее! — сказал Гарри у них из-за спин. Прислонившись к стене, он рукавом вытирал с меча зеленую кровь. Он поднял глаза на Драко и повторил. — Взломать ее.

Драко повернулся к Флёр:

— Соberись, — он обнял ее и поцеловал. Она было протестующе застучала по нему руками, но потом расслабилась в его объятьях. Драко наострил уши в ожидании какого-нибудь грохота, но... ничего не происходило. Их поцелуй был долг, и то, что могло случиться, уже должно было произойти... он выпустил ее. Тихо ойкнув, она отступила на шаг и уставилась на него.

— Ну, — произнес Гарри, приподняв брови, — у кого-нибудь есть идеи, где может быть Слитерин?

Драко перевел взгляд на него:

— Нет... А зачем тебе?

— А мне что — стоять и смотреть, как вы тут лижетесь? Уж лучше я пойду и проведу с ним несколько приятных минут. Кажется, он мне уже начинает нравиться.

— Кончай ныть, Поттер, — подавленно ответил Драко. — То, что мы испробовали, не сработало. Мы должны придумать что-нибудь другое.

— А это другое подразумевает раздевание?

— Да! — не выдержав, взорвался Драко. — Это все исследования, которые я провожу для своей новой книги: «Нагота как оружие в борьбе со злом» (прим. ред. Публикация для ведьм подросткового возраста).

Гарри усмехнулся:

— Никто не станет читать книгу, которая так называется.

— Я стану, — заметила Флёр.

Гарри вытаращил глаза, но Драко не обращал внимания на них обоих. В пальцах, касавшихся меча, появилось знакомое покалывание, ощущение холода.

— Нам надо вернуться, — резко произнес он.

Гарри и Флёр в недоумении уставились на него.

— Нам надо вернуться, — повторил он, куда более решительно.

— Вернуться? — переспросил Гарри, — Думаешь, наружу есть еще какой-нибудь путь?

— Вернуться туда, откуда мы начали. Что еще? — оборвал его Драко.

— Драко, мы не можем... — в отчаянии произнесла Флёр.

— А с чего вы взяли, что не можем? Мы пришли из замка этим путем. Им же и вернемся обратно.

— Нет, я не могу! — зарыдала Флёр. — Я шла по нему, — она ткнула на изумруд в эфесе меча, — а на свою метлу я наложила Путеводное заклятье и оставила ее за дверью, чтобы найти дорогу назад, когда мы будем возвращаться... Драко, это лабиринт. Не зная, где мы находимся, мы можем бродить по нему, пока не умрем... Разве вы не видели скелеты в коридорах? Как вы думаете, что с ними случилось?

— А у тебя есть идея получше? — поинтересовался Драко.

— У меня есть, — произнес Гарри.

Драко приподнял бровь:

— У тебя есть план? Прости, что не запрыгал от радости, — по этой части ты явно не силен на все сто. Ну и что же это за план?

— Давай попробуем разбить дверь вместе — ты и я — ты же знаешь, вместе мы куда сильнее... Нет смысла больше не применять магию — мы так близки к тому, чтобы выбраться отсюда. Кроме этого мы все равно больше ничего сделать не можем.

Драко замялся: мысль о том, что придется взять Гарри за руку не особо его привлекала в настоящий момент, он был абсолютно уверен, что Волеукрепляющее Зелье уже улетучивается. Как только они выберутся отсюда, Флёр быстро отправит Гарри на своей метле куда-нибудь подальше, но сейчас, застрявшие, как в капкане, в этом маленьком коридорчике, не имеющие никакого пути назад... Был ли у них выбор?

Ну, пожалуй, да — был еще один вариант. Но ему вовсе не хотелось прибегать к нему.

Драко вскинул руку и протянул ее Гарри:

— Давай.

Удивленно выгнув брови, Флёр смотрела, как они сцепили свои руки. Драко размышлял, не пригласить ли ее присоединиться к ним, но потом отказался от этой идеи: подобные эксперименты были ему в новинку, он опасался побочных эффектов.

Он почувствовал знакомый укол холода, когда их с Гарри шрамы соприкоснулись, потом они вытянули руки по направлению к двери и...

— Алохомора! — закричал Гарри.

Струя непрозрачного белого света, выстрелив из их рук, ударила в дверь — и отскочила обратно, срикошетив, словно пуля. Драко шлепнулся на пол — она пролетела прямо у него над головой, едва не взъерошив его волосы. Повернувшись, он с удивлением увидел, как со свистом кипящего чайника белый светящийся снап полетел по коридору, отражаясь от стен с грохотом взлетающей ракеты. Медленно сев, Драко взглянул на Гарри — тот, вытаращив глаза и открыв рот, тоже смотрел ему вслед.

— Великолепный план, Поттер. Просто грандиозный. Мои поздравления.

Гарри покосился на него и, вместо того, чтобы, как всегда, посоветовать ему заткнуться, улыбнулся в ответ — с ног до головы покрытый грязью, собранной с пола, с сияющими зелеными глазами на полосатом от сажи и грязи лице.

— Ха! — задорно произнес он. — Просто ты чуть не обделался, когда эта штука испортила твою прическу.

Драко собрался что-то сказать, когда руку снова чувствительно прострелило и он вдруг обнаружил, что опять сжимает меч. Причем он совершенно не помнил, чтобы поднимал его. Быстро бросив его, он поднялся, проигнорировав предложенную Флёр руку, и покосился на Гарри — тот занимался бесполезным делом: счищал с рубашки грязь.

Взглянув на дверь, он вспомнил, как разгневанный Гарри лихо расколол адмантиновую коробку в кабинете Лупина; он хотел, чтобы какое-либо чувство — боль, ярость, горе — вызвало у него такую же бурю эмоций, но всю свою жизнь он под руководством отца занимался эмоциональным контролем и довел его до совершенства, и теперь, как бы он этого ни хотел, тот не мог мгновенно исчезнуть...

— Давай, сделай это, — приказал он себе. — Ты должен. У тебя нет выбора.

— Гарри, — позвал его Драко, Гарри вскинул взгляд, его зеленые глаза заискрились удивлением, а губы тронула улыбка.

— Драко?... — в тон ему ответил Гарри, передразнивая его мимику.

— Что?

Драко слышал, как кровь стучит у него в ушах.

«Отчего мне так тяжело?» — разъяренно подумал он.

Если и существовала такая вещь, в которой он был силен, как никто другой, которую он усердно и регулярно отрабатывал с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать, — так это доведение Гарри Поттера до бешенства. Ну, может, разве что в последние два месяца практики было поменьше... однако за все время он прекрасно изучил все больные места Поттера, так что забыть, как и что делать, он просто не мог.

Верно?

— Что? — по-прежнему улыбаясь, спросил Гарри, поднимаясь на ноги. — Или ты опять собрался сказать мне, что спал с Гермионой, чтобы свести меня с ума? Так имей в виду — это не сработает.

— Нет, — произнес Драко. — Я собирался сказать тебе другое.

Было что-то такое в тоне Драко, отчего улыбка Гарри померкла.

— Ну, и что?

— Когда я был мертв, — начал Драко, — я видел Основателей.

Гарри пожал плечами:

— Знаю, мне Гермиона говорила.

— В тех местах они были не единственными призраками... — произнес Драко и выжидательно замолчал, уверенный, что Гарри догадается, что он имеет в виду. Подняв глаза на Гарри, он увидел выражение его лица — на нем не было улыбки, глаза опустели — и Драко ничего не смог понять.

Гарри тряхнул головой, отбрасывая назад темные волосы, упавшие ему на глаза.

— Малфой?.. И что же ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что видел твоих родителей.

Цвет ушел с лица Гарри так быстро, словно убежал.

— Что?!

— Ты меня слышал.

Очень медленно Гарри поднял меч Гриффиндора и прислонил его к стене. После этого он повернулся к Драко. Его глаза потемнели от смятения и нарастающего недоверия.

— Не смешно.

— Я и не пытаюсь тебя смешить.

— Ты лжец, — отрезал Гарри, тряхнув головой. — Ты думаешь, я про тебя это не знаю?

Драко расправил плечи. У него было смутное ощущение что откуда-то слева Флёр неотрывно смотрит на них широко раскрытыми глазами, но весь мир для него сейчас сузился: только он и Гарри — так же, как и многие годы — только он, Гарри и то, что между ними, назови это, как угодно: противостояние... ненависть... Желание ранить Гарри побольнее пропало, однако способность сделать это никуда не ушла, напротив, она усилилась.

Еще в прошлом году он бы умер за возможность узнать что-то про Гарри — как он чувствует, как он любит, что в мире для него самое важное. Раньше он наносил свой удар, причиняющий Гарри боль, словно из темноты, однако сейчас все было четким и точным, как хирургическая операция, он был должен ее провести, хотя ему и не хотелось. Отец всегда говорил ему: Рассмотрй каждый вариант и выбери лучший — пусть это был и не лучший вариант, однако это тоже был вариант...

...Я не лгу, Поттер. Это правда.

От Гарри не донеслось ни слова в ответ, только волна растерянности, боли и потрясения. Наконец, он сумел изобразить что-то вроде улыбки — дрожащей и неуверенной.

— Полагаешь, я снова должен от этого упасть?

Драко уставился на него:

«...Думаешь, я стал бы об этом лгать?»

— Ну, конечно, стал бы — я же тебя знаю. Ты же не можешь пройти мимо ленточки, чтобы не дернуть за нее — правда? Однако я понимаю, ради чего ты стараешься. Мысль хорошая, однако ты был прав — это не сработает.

Драко пристально смотрел на него.

«...Ты же сам мне говорил, Поттер — лгать телепатически невозможно. Что, забыл?»

Гарри побелел, ответить ему было нечего.

Драко отвел взгляд и теперь просто говорил:

«...Когда я умер, вокруг вовсе не было крошечной тьмы, я попал куда-то между жизнью и смертью, где убитые ожидают отмщения. Место не слишком приятное — там серо и холодно, и призраки даже не могут поговорить друг с другом, только с живыми людьми. Я говорил с Основателями, и тут посреди беседы еще кто-то подошел и спросил меня, не Люция ли Малфоя я сын. Это был твой отец».

Теперь Драко поднял взгляд и увидел Гарри, вернее, его огромные глаза на совершенно белом лице. Его губы беззвучно двигались.

— Нет. Я не верю тебе. Ты говорил с моим отцом? Ты?

Драко кивнул.

«...И с матерью».

Гарри нащупал за спиной стену и оперся на нее, словно был не в силах стоять.

— Ты лжешь. Ты должен лгать.

— Ты знаешь, что это не так.

— Я не понимаю... — теперь в голосе Гарри появилось ошеломление. — Почему ты мне не сказал?

«...Я говорил с твоей матерью. Она хотела узнать — какой ты, как ты живешь... И еще — Сириус. Они спрашивали про Сириуса. Она думали, что после того, как они умерли, ты живешь с ним. Они ничего не знали ни про Азкабан, ни про твоих дядю и тетю — ничего, они думали, что у тебя было счастливое детство с ездой на летающем мотоцикле и беготней по полям с большой черной собакой — это, конечно, все очень трогательно...»

В лице Гарри что-то дрогнуло, словно разбилось что-то очень важное и необходимое, и теперь Драко точно знал, что Гарри поверил ему, — в противном случае он бы не выглядел так.

А теперь самая трудная часть. Это было трудно, куда труднее, чем он думал — хотя он считал, что настолько хорош в этом, что все пройдет легко и просто. Но это было не так. Однако он должен был идти дальше.

«...Знаешь, они были там все это время — все время, пока ты рос и, держу пари, твои дядя и тетя говорили тебе, что твои родители на небесах... — нет, все это время твои родители ждали кого-нибудь, кто придет и отомстит за них...»

— Заткнись, — вслух сказал Гарри, его голос был опасно тих. — Просто — заткнись, Малфой. Ты не...

«...Но возможно этого никогда не случится, потому что — посмотри правде в глаза — для этого кто-то должен убить Темного Лорда, а я не уверен, что это возможно сейчас...»

— Убирайся из моей головы, — зашипел Гарри и, сжав кулаки, оттолкнулся от стены, словно собираясь ударить Драко. Драко напрягся и подобрался, готовый к атаке, но Гарри не двинулся к нему. Он просто стоял и трясся.

Драко чувствовал волны гнева, исходившие от него, но эти эмоции были совершенно иные, нежели те, при помощи которых он разбил футляр в кабинете Лупина — гнев был только одной из составных частей этого ядовитого коктейля из вины, смутения, ужаса, тоски и неимоверного, всепоглощающего горя.

— Он никогда не простит меня, — подумал Драко, — и Гермиона тоже, только не за это. Он заставил себя думать об этом — словно сжимал в руке осколок стекла, резавший кожу, позволяя боли подниматься вверх, очищая разум, и слыша в ушах голос отца: Боль делает тебя сильнее.

— Что с тобой, Малфой? — голос Гарри срывался, но звучал решительно и требовательно. — Какого черта ты не сказал мне этого раньше? Ты должен был мне сразу это рассказать, а ты лгал мне, ты — лгун, такой же, каким был всегда...

«...И что бы это тебе дало? Если то, что Червехвост сказал Гермионе, правда, и Темный Лорд уже мертв, ты ничего уже не можешь сделать — нет возможности отомстить за них, они навсегда останутся там, и ты не увидишь их никогда, даже если умрешь».

Гарри окаменел, яростно сверкая глазами: Я сказал тебе — убирайся из моей головы! — прошипел он. — Ты что — не слышал?

«...И они все ждут, когда же ты отомстишь за них, и удивляются, почему ты этого не желаешь —

может, ты забыл про них?..»

— Заткнись! — Гарри кинулся и, схватив Драко за грудки, со всей силы ударил его об стену. На мгновение Драко даже показалось, что раздавшийся хруст исходит от его собственной головы, стукнувшейся о камень. И тут он понял, что это не так: адмантиновая дверь за спиной Гарри треснула и чуть приоткрылась.

— Еще немного, — подумал он, — совсем немного...

Глаза Гарри медленно расширялись, пока зрачки не сделали их практически черными.

— Что ты им сказал? — шипел он. — Что ты сказал моим родителям?

— Отвали от меня, Поттер.

— И когда... когда ты собирался сказать мне?

— Сириус велел мне ничего тебе не говорить.

— Не сваливай вину на Сириуса! — во всю силу своих легких заорал Гарри и с сокрушительным рвущимся звуком рухнул внутрь.

Словно взрывной волной, их отбросило на пол, Драко с силой вжал в землю, волна ударила его. Перекатившись и изрезав руки осколками стеклостали, он сел.

Дверь, почти сорванная с петель, пьяно покачивалась, пол был весь засыпан искрящимися осколками стеклостали, похожими на колотый лед.

Флёр, чьи блестящие волосы были припудрены искрящейся пылью, пыталась подняться на колени. А Гарри... Гарри сидел у стены, уткнувшись лицом в ладони... Позади него зияла распахнутая дверь.

Драко посмотрел на Гарри — и в его голове снова зазвучал голос из его снов.

«...за одну вещь можно получить другую...»

Драко поднялся на ноги и кивнул Флёр, она подошла к Гарри. Драко смутно слышал, как она что-то шепчет ему. Гарри встал, снял очки и, уставившись в пол, начал протирать их своей рубашкой, но даже со своего места Драко мог увидеть, что Гарри плачет.

Драко посмотрел на свои руки, потом на Гарри, который все еще смотрел в пол, словно там скрывались все секреты вселенной.

— Нам лучше уходить, — сказал он, и безо всяких слов Гарри повернулся и вышел, словно его совершенно не волновало, что ждет его по ту сторону двери. Подхватив оба меча, Драко последовал за ним.

В коридоре Гермиона осмотрелась: дверь в спальню Джинни была закрыта, Чарли и Рон спали наверху. В прихожей никого не было.

Она несмело сунула руку в карман наброшенной поверх пижамы мантии и вытащила Ликант. И тут же ее руку и плечо словно прострелило — она опять почувствовала этот укол, как было уже сегодня, когда Ликант находился рядом с Хроноворотом, словно бы тот его звал. Во всяком случае, так казалось, и Гермиона решила довериться этому ощущению. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что делать, — это было очень необычно, ведь тем, кто шел по жизни, повинаясь чутью, всегда был Гарри, она же опиралась на рациональность и освещала свой путь ясным светом исследований. Но приходил Гарри — и все рациональные мысли исчезали.

Внутреннее чувство ослабло, и она начала искать источник этой могучей силы. Она подняла руку с Ликантом, та тряслась, словно от возбуждения. Гермиона двинулась туда, куда он тянул ее — все сильнее и сильнее, к лестнице... стараясь не шуметь, она побежала вниз по ступенькам — быстрее, быстрее! (хорошо, что ноги босые!) — и влетела в темную гостиную. Ликант тянул ее вперед, не разбирая дороги, как полный сил восторженный щенок, она с трудом держалась на ногах, больно ударилась об угол дивана рукой, чертыхнулась; он потащил ее на кухню, темноту и тишину которой нарушал лишь потрескивающий в камине огонь. К нему Ликант и привел Гермиону, опустившись на колени, она заглянула в трубу.

В дымоходе между двумя кирпичами стояла серебряная коробочка. Сунув в карман Ликант, вибрировавший, словно камертон, она потянулась, взяла ее и положила ее себе на колени.

— Гермиона, как ты думаешь, чем ты занимаешься?

Она вскочила так резко, что ударилась головой о каминную полку. Через мгновение, когда боль

затихла, она убрала руку от головы и увидела стоящего в проеме между кухней и гостиной Рона. Вид у него был грозный: глаза горели, а волосы торчали в разные стороны, словно языки пламени.

— О-о... — подумала она, поднимаясь на ноги. Покусав губу, она спросила дрожащим голосом:

— Я тебя разбудила? — и тут же поняла, что вопрос прозвучал совершенно по-идиотски, поскольку Рон был вовсе не в пижаме, а в джинсах и синем свитере с высоким воротом, как он и был одет в течение всего сегодняшнего дня. Он сунул руку в карманы. Даже невзирая на разделявшее их расстояние, она видела, что он не просто зол — он в бешенстве.

— Гермiona, — резко заговорил он, — в какую игру ты играешь? — он подошел и выхватил шкатулку. — Ну?

— Я просто...

— Крадешься у нас за спиной? Пришла посмотреть, сумеешь ли ты сообразить, как использовать Хроноворот по своему разумению, не думая о том, насколько это может быть опасно?

— Рон, я...

— По выражению твоего лица я еще днем понял, что ты что-то замышляешь, поэтому я тогда и спрашивал тебя! Но ты была далека от того, чтобы сказать мне правду! Ты не хотела, чтобы его спрятал Чарли, — а ведь он мог быть опасен! Ты хотела перепрятать и использовать его сама!

— Перестань на меня орать!

— Тогда скажи мне, какого черта ты это сделала!

Гермиона сказала себе, что не разревется, даже крепко зажмурилась, но не удержалась: слезы обиды наполнили ее глаза и потекли по щекам.

— Это тебя не касается, Рон.

Теперь Рон от гнева побелел. В ярости он начал дергать крышку и вытащил из шкатулки Хроноворот, покачивающийся на цепочке и поблескивающий в свете камина.

— Либо ты мне скажешь, что ты собиралась с ним делать, либо я швырну его в огонь.

— Не надо!

— Я это сделаю.

Она и не сомневалась, что именно так он поступит. Подняв голову, она слизнула с губы слезу.

— Есть два пути использования Хроноворота, — она покорно пустилась в объяснения. — Можно много раз повернуть его, пока не очутишься там, где хочешь. Или же ты можешь поставить его на точное время. Это установка.

— Установка? — Рон взглянул на Хроноворот и вернул его Гермione. — Установка чего?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Но я собираюсь идти и искать.

Рон замотал головой.

— Нет, не ты — мы. Не думаешь же ты, что я отпущу тебя одну?

Гермиона вскинула подбородок, продолжая ощущать во рту соленый вкус собственных слез:

— Рон, я не хочу, чтобы ты шел со мной.

Он упрямо сжал губы:

— Почему?

Она прерывисто вздохнула:

— Профессор Макгонагал еще на третьем курсе говорила мне: никогда не возвращайся назад дальше, чем на несколько дней. Чем дальше ты уйдешь, тем труднее будет вернуться... — она ткнула дрожащим пальцем в Хроноворот. — Он принадлежал Основателям, в своих снах я видела, как его создали. Думаю, что он установлен на тысячу лет назад. Я в это... в это верю.

— Что? — у Рона опустились руки. — И ты все равно собираешься использовать его?

— Я готова на все, чтобы помочь Гарри. Основатели знали, что Слитерин вернется, и знали, что, когда это случится, их Наследники будут пытаться узнать, как победить его. Оставить книгу с советами и инструкциями они не могли — ведь она бы была полна мощной темной магии... Они не могли рисковать — а вдруг бы она попала не в те руки? Так что они оставили это... — она указала на Хроноворот, — и спрятали его там, где только Наследник мог его найти. Он перенесет меня к ним, и они скажут, что нужно делать.

— Ты сама не знаешь этого наверняка... — пристально глядя на нее, произнес Рон.

— Да, не знаю... — согласилась Гермiona. — Но нужно использовать эту возможность.

— А как ты собираешься вернуться? Это вообще фигурирует в твоём плане?

— Я найду дорогу назад, — упрямо сказала она, усилив свои слова жестом, — я...

Рон крепко схватил ее за запястье:

— Найду дорогу назад? О, это звучит, как прекрасно продуманный план. Тебя что — совсем не заботит то, что с тобой может произойти? Ты что — хочешь улететь куда-то и остаться там навсегда, без всякого шанса вернуться назад?

— Если это даст мне возможность вернуться к Гарри — я сумею найти дорогу назад! — закричала она. — Ты не можешь этого понять, ты не знаешь, каково это — чувствовать, что... — взглянув на его лицо, она осеклась: на нем смешались боль и гнев.

— Ты думаешь, что это только у тебя одной так? — закричал он в ответ. — Думаешь, ты одна страдаешь от того, что Гарри пропал? Ты считаешь, что твоя собственная боль — это все, и это дает тебе право пытаться сделать все самой? А ведь, с чем бы мы ни сталкивались, мы делали все вместе! И сейчас ты хочешь все изменить только потому, что теперь вы с Гарри сблизились? Думаю, что мы вместе могли бы все сделать лучше.

Он резко повернулся, словно бы собрался выйти и бушевать в одиночестве, но, внезапно испугавшись, она схватила его за рукав.

— Нет, это не так, — быстро запротестовала она, — это все он... — она коснулась Ликанта на шее, его глаза проследили за движением ее руки. — Он дает мне силу, Рон, силу Магида... Если он не...

— А, так теперь все дело в том, что я не Магид! — резко бросил он. — Если бы я был Малфоем, ты бы меня здесь не оставила.

— Рон, в тебе нет ничего от Драко.

— Клянусь, ты бы хотела, чтобы было, — произнес он с ядовитой горечью, вспышка застарелой ненависти полыхнула в его глазах. — Ты думаешь, что хорошо меня знаешь, да?

— Вопрос не в том, оставляю ли я тебя здесь, — голос ее дрогнул, и она замолчала, глядя на него.

Интересно, а что бы Драко делал на его месте? Наверное, рассмешил бы ее или придумал какую-нибудь штуку, чтобы заставить взять его с собой... Но Рон был не таков. Он ненавидел хитрости, и все чувства всегда были написаны у него на лице. Даже Гарри подчас мог скрывать свои мысли куда лучше Рона. Они оба — и Гарри, и Драко — выросли и теперь прятали свои чувства от взрослых, казавшихся им хоть чуточку опасными или безучастными, тогда как Рон, напротив, вырос, окруженный любовью, и не научился ничего скрывать.

Взглянув в его глаза, она вдруг увидела в них несовершенство своего плана и поняла, насколько эгоистичной она была.

— Конечно же, я тебя знаю, — сказала она. — Ты мой лучший друг.

Повисла тишина. Рон все стоял, засунув руки в карманы и уставившись в пол.

Наконец он поднял взгляд:

— Да?

— Ты знаешь. Ты мой лучший друг, а я твой — правда?

— Да, — согласился он. — Но и Гарри тоже. Думаешь, я не чувствую себя виноватым? Я постоянно думаю, что я мог бы... должен был... что-то сделать. Я должен был раньше понять, что Чарли — на самом деле не Чарли. Я что — не знаю собственного брата? Очевидно, не знаю... Мысли о том, как я ненавижу Малфоя отвлекли все мое внимание...

— Почему ты до сих пор так его ненавидишь?

— Не знаю — так или не так... — с некоторым колебанием ответил Рон. На его лице появилось выражение, словно он собрался сорвать бинт и знал, что будет больно. — Но почему — я знаю: я ревновал.

— К Гарри?

Рон кивнул.

Гермиона обняла его за плечи, вернее, попыталась это сделать: он был так высок, что она сумела обнять его чуть выше локтей.

— Рон... — медленно произнесла она. — Никто и никогда... никогда не заменит тебя. Ни для меня. Ни для Гарри. Ты первый друг, который появился у Гарри. Он бы вообще не узнал, что это такое — иметь друга, если бы не ты. Без тебя он, да и я тоже, никогда бы не стали такими, как

сейчас. Именно поэтому я и не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — честно призналась Гермиона, надеясь, что он поверит. — Иначе я почувствую себя совершенно беспомощной, — торопливо добавила она. — Здесь я ничего не могу сделать, никуда не могу пойти, но самое худшее — у меня нет никаких идей о том, что на самом деле происходит, однако я чувствую — все мы катимся в сторону каких-то совершенно ужасных бедствий. И остановить это движение невозможно. И я... я словно пешка в какой-то грандиозной игре, смысла которой я не понимаю.

Подняв глаза, она удивилась выражению его лица:

— Почему ты улыбаешься?

— Я тут подумал о шахматах... — пояснил Рон. — Ты знаешь, пешка, пройдя всю доску, становится самой мощной фигурой...

Гермиона шмыгнула носом:

— Ты же знаешь, я в шахматах совершеннейший профан.

Она взяла его за руку:

— Я была не права. Я хочу, чтобы ты пошел со мной — только не думай, что это из-за того, что я чувствую себя виноватой, — быстро добавила она, увидев его сузившиеся глаза, — просто ты действительно можешь быть полезен.

Его плечи чуть заметно дрогнули и расслабились:

— Все в порядке.

Гермиона протянула руку и, чуть помедлив, он вложил в нее Хроноворот. Надев цепочку себе на шею, она набросила ее и на него, неожиданно отчетливо вспомнив, как они делали это с Гарри три года назад. Она подняла взгляд на Рона. Цепь висела у него за шеей.

— Готов?

Он, чуть нервничая, кивнул.

Взяв Хроноворот большим и указательным пальцами, Гермиона перевернула его.

Ничего не произошло.

Первое, что он осознал, — тишину. Он так долго томился в темноте и этом нескончаемом шуме, его чуткие волчьи уши ловили каждое колебание этого бесконечного металлического рева Призыва, что тишина потрясла его куда больше, чем грохот взрыва. Последнее, что он помнил из своей человеческой жизни, — он в одной клетке с Сириусом, говорит, чтобы тот уходил, уходил, пока еще есть время...

Лупин открыл глаза. Он лежал на спине на каменной скамье, и над ним был сырой каменный потолок. Темница. Все тело болело, словно его избили камнями. Но он был цел. Он это знал.

Стараясь не обращать внимание на боль в шее, он медленно повернул голову. И увидел Сириуса, куда более усталого, чем в тот день, когда, чтобы успеть на Кинг-Кросс к отправке Хогвартс-Экспресса, ему пришлось перелететь Атлантику на своем мотоцикле. Сириус сидел на полу у его скамьи, вытянув ноги и привалившись спиной к каменной стене. Глаза его зажглись:

— Лунатик?

Лупин повернулся на бок, морщась от боли в сведенных мышцах.

— Сириус... — попытался откликнуться он и не узнал собственного голоса, настолько хриплым и сорванным он был. Он кашлянул. Тоже больно... впрочем, неважно.

Сев, он осмотрел себя: та же самая одежда, что и... вчера? Как долго он был в волчьем обличье?

— Сириус, — чуть громче позвал он. — Что случилось?

Но тот был уже на ногах, он протянул Лупину руку, помогая подняться, и обнял его — так же, как в Визжащей хижине три года назад, словно брата, хотя ни тот, ни другой не имели братьев. Но они были братьями — Сириус и Рем. И Джеймс.

— С тобой все хорошо, — Сириус хлопал его по спине, — все хорошо.

Лупин, чуть поморщившись, отстранился.

— Я... да, со мной все в порядке. Только болит все, словно меня топтал бешеный гиппогриф, но я в порядке. Сириус, как долго я?..

— Два дня, — черные глаза Сириуса потемнели еще больше. — Почти два дня.

— Я ни на кого не напал? — Лупин почувствовал что его рука непроизвольно сжала край

одеяла. — Я ничего не сделал?

— Я вызвал доктора, чтобы он тебя осмотрел, — с мрачным видом ответил Сириус. — Но ты его съел.

Глаза Лупина расширились, и он захохотал. Грудь заломило от боли, но смех того стоил.

— Думаю, что ты врешь... Большелапый... Как же ты... Что же ты сделал, чтобы вернуть меня назад?

Поколебавшись, Сириус вытащил из кармана небольшой прозрачный флакон, окованный медью:

— Это не я. Это Снэйп — он дал мне для тебя Волеукрепляющее Зелье.

Лупин вытаращил глаза:

— Правда?

— Угу.

— А что ты для него сделал? Нет, серьезно: он бы в жизни не стал делать что-то для тебя просто так.

— Ну, я согласился голым пробежать по Хогвартсу, вопя во всю глотку «Северус Снэйп — это супер!»

— Какая трагедия, что сейчас не семестр, — некому было восхититься твоей обнаженной натурой!

— Точно, — Сириус улыбнулся, и глаза его сверкнули — так бывало только в присутствии очень немногих людей. Лупин не помнил, чтобы тот улыбался так всем подряд. Снова опустив взгляд к флакону в его руках, он удивился: руки Сириуса были в плотных кожаных перчатках, похоже, драконоустойчивых, доходивших почти до локтей. Левый рукав был разорван и окровавлен.

— Это сделал я, — подумал Лупин, и сердце у него екнуло.

— Большелапый... А как ты заставил меня выпить зелье?

— Ты был довольно далеко, — резко произнес Сириус. — Так что это было вовсе несложно. Кроме того, я позаимствовал у Нарциссы ее садовые перчатки, в них она обычно стрижет Огнеловки в саду перед домом.

— Но я не кусался? — взволнованно спросил Лупин. — А?

— Нет, — покачал головой Сириус. — А вот тут напрашивается интересный вопрос: если бы кусался — обернулся бы я собакой? Лупин присел на скамейку — скорее от истощения, и улыбнулся:

— Заглохни, Сириус.

Сириус улыбнулся ему в ответ, но улыбка быстро поблекла:

— Я хочу спросить тебя... — он кашлянул. — Ты что-нибудь помнишь?

Лупин прикрыл глаза, и огненные всполохи заплясали у него перед глазами: глухая ночь... серебристый лунный свет... лесная дорога... Из темноты черным силуэтом на фоне светлого неба возник замок... И голос — он звучал где-то в его черепе: «Иди. Сюда. Немедленно.» Крепостные стены мерцают, будто ртуть. Вдоль них выстроились стражи в черных и серебристых мантиях. Почуввав измену, к нему повернулось знакомое лицо: эти светлые волосы, светлые глаза... Темнота.

Лупин открыл глаза:

— Я вспомнил. Я вспомнил все — Призыв... — все.

Сириус подался вперед:

— Ты лучше Расскажи, где это находится.

Первое, что обнаружил Драко за дверью, — это то, что они опять-таки вовсе не снаружи, а в какой-то совершенно огромной комнате: она было куда больше Большого Зала Хогвартса или зала для балов в Имении Малфоев. Стены зеленого с прожилками мрамора уходили вверх — выше, выше — интересно, как глубоко под землей они находились? — увенчиваясь потолком, таким высоким, что никаких деталей не было видно, что, впрочем, можно было сказать и о дальних углах комнаты. Пол, опять же мраморный, был гладким и скользким. Центр комнаты искривлялся огромной круглой чашей, — не слишком глубокой или широкой, чтобы быть амфитеатром, однако ни на что больше не похожей. Она была пуста.

Подойдя к краю, Гарри с недоумением глянул вниз. Посмотрев ему вслед, Драко обернулся к двери, через которую они вошли.

— Флёр... — и в ошеломлении замолчал: Флёр не было. А дверь, через которую они прошли,

исчезла. Он зажмурил глаза и снова их открыл: перед ним по-прежнему была стена, гладкая и ровная, без каких-либо признаков дверей.

Внутри у Драко все перевернулось. Представления, о том, что происходит, у него не было, однако появилось чувство, что, что бы ни происходило, ему это точно не понравится. Гарри все еще неподвижно стоял, глядя в пространство. Стиснув зубы, Драко шагнул к нему и протянул Гриффиндорский меч. Не меняя выражения лица, Гарри принял его.

— Поттер, похоже, у нас проблемы.

Обернувшись, Гарри посмотрел на него ясным взглядом:

— Я в курсе: Флёр исчезла, дверь тоже. Мы с тобой заперты в комнате. Опять, — добавил он с оттенком неприязни. — Говорил же я, что ей нельзя доверять.

— Поттер... — Драко протянул руку.

Сжав кулаки, Гарри резко развернулся:

— Не трогай меня, — зашипел он. — И думать об этом не смей.

Драко быстро отдернул руку.

— Я должен был это сделать, — произнес он ровным голосом. — Ты же сам это понимаешь.

— Ага. Как всегда, — Гарри тряхнул головой и, глядя Драко прямо в глаза, продолжил, — Просто — заткнись, Малфой. Сейчас я совершенно не хочу слышать твой голос. — Было в его глазах что-то такое, чего Драко не видел уже несколько месяцев: презрение.

— Ты теперь постоянно будешь психовать по этому поводу? — резко бросил Драко.

— Да. Именно так я сейчас и поступлю. Поскольку предыдущий план — разбить тебе морду — я отверг как неосуществимый.

— Знаешь, — Драко прихлопнул нарастающее внутри раздражение, — я прошу прощения...

Гарри это не впечатлило:

— Да что ты? Позволь мне воспользоваться возможностью не дать тебе его.

Драко потрясенно хлопнул глазами: он извинился, но, что самое-то удивительное, Гарри его извинений не принял! А может, так и положено, и другой человек вовсе не обязан их принимать? А может, это не важно? Так или нет?

Наверное, нет.

— Нет тебе прощенья, — добавил Гарри. — А я-то думал, что ты был мне другом... — Драко показалось, что горечи в этих словах было куда меньше, чем отвращения.

— Я еще вчера говорил тебе, что это не так, — прорвался на поверхность гнев Драко, — что — забыл? Что же ты себя ведешь, словно я ударил тебя в спину? Это вовсе не так!

— Нет, что ты! Ты ударил меня в лицо — молодец! Поздравляю, что в этот раз ты не соврал, Малфой, — Гарри издевательски поаплодировал.

Желание со всей силы вмазать Гарри настолько овладело Драко, что у него сбилось дыхание и от напряжения затряслись руки. Его частенько трясло и раньше, когда он был младше, — особенно после напряженных матчей по Квиддитчу; более того, его не просто трясло, а колотило так, что тело, казалось, сейчас рассыплется на кусочки. Вот и сейчас было то же самое: даже если бы он и попытался ударить Гарри, он бы, скорее всего, промазал, что, в общем-то, было не так уж и плохо, принимая во внимание то, что Зелье уже покидало его кровь... Что последует за этим — Драко не знал. Может быть — ничего. А может быть...

Голос Гарри прервал его размышления:

— Малфой...

Драко стиснул зубы и не повернулся:

— Что? Что ты хочешь мне сделать, Поттер?

Гарри резко вскинул руку, схватил его сзади за мантию и развернул к себе лицом:

— Я хочу тебя напугать.

— Напугать?

Драко вытаращил глаза: в дальнем углу зала из тени появилось нечто. Нечто огромное — настолько огромное, что казалось ненастоящим — чудовище из кошмара, из легенды, нечто, не существующее на самом деле...

Но оно существовало: почти такое же огромное, как дракон, тень, падавшая на стену позади него, была уродливой и неестественной. Оно имело тело льва — самого большого льва, которого только

мог себе представить Драко, — по обеим сторонам которого росли драконьи крылья, а огромная уродливая голова имела человеческий лик. Человеческий лик гигантского размера. Из лап торчали длинные блестящие когти, гибкий хвост, резко и быстро мечущийся из стороны в сторону, венчало острое на вид скорпионье жало.

Существо медленно двигалось в их сторону.

В голову Драко не пришло ни одного умного ответа.

— Что... — медленно проговорил Гарри, — это... черт побери...

— Мантикора, — быстро ответил Драко и резко поднял руку. — Зовио! — и меч влетел в его руку. Меч Гарри давно был в его руке, но тот не обращал на него внимания, он все смотрел и смотрел, как приближается мантикора. Краем глаза Драко увидел, как Гарри поднял руку, указал ей на монстра...

— Оглушить!

Струя света сорвалась с его пальцев, ударив мантикору прямо в грудь. Издав громкий рык, она встала на дыбы и огромной тенью нависла над ними.

Драко понял, что чувство полного отсутствия желудка внутри не придумано, а действительно существует.

— Ох, я перепугался до ужаса.

Он сверкнул глазами на Гарри:

— Здорово сделано, Поттер. Тебе удалось ее взбесить. Кстати, ты знал, что ее яд для человека — самый смертоносный? Просто осмысли, что я сказал.

Гарри словно не слышал его: прищурившись, он смотрел на рассерженного монстра.

«...Она слишком велика для заклинания, которым можно убить его... Ну и что — убил же я василиска мечом... И ее я тоже смогу убить...»

Драко почувствовал, что у него отвисла челюсть.

«...Гарри, что?..»

«...Я собираюсь убить ее, — Гарри бросил на него полный отвращения взгляд. — А ты можешь так там и стоять».

Он сжал свой меч и поднял его на мантикору, словно бы у него разом пропали все мозги, которые, как подозревал Драко, у него все-таки были. Даже мантикора, кажется, удивилась — похоже, она не верила собственным глазам. Драко не мог ее осуждать: как правило, люди не бегали к ней с таким энтузиазмом. Наверное, именно поэтому она подпустила Гарри на расстояние удара: Драко с изумлением увидел, как Гарри приблизился к ней и воткнул меч ей в грудь.

Мантикора заревела, и рев этот был ужасен, он оглушал и рвал барабанные перепонки — словно бы тысяча поездов разом прибыли на тысячу станций. Поднявшись на дыбы, ударом лапы она подкинула Гарри в воздух, швырнув прямо на стену.

Он сполз на пол и затих.

Ухватив меч зубами, мантикора вырвала клинок из своей груди, выплюнула его на пол и двинулась к Гарри, взбешенно хлеща по сторонам своим смертоносным жалом. Меч дал Драко знать о себе холодным толчком в руку, и Драко знал, что бы он сказал, умеет он говорить: дай ей убить его.

Гарри с трудом сел, лица его Драко видеть не мог, мантикора загородила его...

Драко вскинул руку:

— Импедимента!

Заклинание ударило чудовище в бок. Оно повернулось, яростно сверкая глазами. Драко помахал ему рукой:

— Эй! — крикнул он, во рту было совершенно сухо, как в пустыне. — Эй ты, там, наверху! Здоровенный мохнатый... гм... переросток! А ну отвали от него! — он остановился, пораженный:

«...Я сказал: «Отвали от него»? Поверить не могу».

Голос Гарри зазвучал у него в голове:

«...Я тоже».

Но мантикора проблем с неверием не имела: зарывав, она развернулась и рванулась к Драко, быстро скользя когтями по мрамору пола. Он оцепенел — слишком испуганный, чтобы даже почувствовать этот страх. Он не мог представить, как применить свои фехтовальные навыки, — она была слишком огромная, слишком быстрая, слишком...

Она напала на него и ударила лапой — он рухнул на пол и услышал, как когти просвистели у него

над головой. В груди мантикоры что-то низко гроыхнуло — смех.

— Да она же играет со мной, — он был не в силах в это поверить. — Вот сволочь.

Он сел, но следующий же взмах лапы снова ткнул его в пол, когти прорвали его рубашку, на ней показалась кровь. Драко перекатился и взглянул вверх, увидев этот огромный, выгнутый, увенчанный ядовитым жалом хвост, метнувшийся в его сторону со скоростью нападающей змеи. Он успел лишь вскинуть руки, закрывая лицо, да подумать: «Смертоносный яд», — когда хвост рассек воздух над его головой, и раздался громкий звук — словно что-то с силой шлепнулось об пол рядом с ним.

— Она промахнулась, — подумал он, — она не попала в меня! — и тут же его оглушил полный боли и муки стон, подбросивший его вверх. Над Драко, подняв окровавленный меч, стоял Гарри, а перед ним колотила хвостом, билась и выла, словно в агонии, мантикора. Из нее фонтаном хлестала кровь. Гарри кромсал ее мечом — тот звук, что слышал Драко, был звуком упавшего рядом с ним куска хвоста — длиной в фут и толщиной в руку, он лежал в расплывающейся черно-красной луже, все еще спазматически сокращаясь и подергиваясь.

Откатившись, Драко отбросил свой меч и схватил хвост, сморщившись от омерзительного ощущения прикосновения его к своей руке и стараясь держаться подальше от ядовитого жала. Он вскочил на ноги, смутно ощущая, что совершенно промок от крови мантикоры; смутно осознавая, что кричащий ему что-то Гарри с его поднятым мечом выглядит совершенно крошечным против ревающего над ним монстра (песчинка перед надвигающейся волной); смутно слыша взбешенный рев мантикоры — и он бросился к ней. Собираясь укусить, она рванулась к нему — Драко увидел два ряда острых, как бритва, зубов, размахнулся и со всей силы швырнул жало в разверстую пасть монстра.

Чудовище машинально щелкнуло челюстями, проглотило... — и застыло на месте, захлебнувшись и задохнувшись, замотав головой, словно пытаясь освободиться от своего собственного яда. Колени его подогнулись, оно закричало — не как агонизирующее животное, а как страдающий в смертельных муках человек. Этот крик словно резанул Драко, он отшатнулся назад, споткнулся, но Гарри успел схватить его за руку и удержал на ногах. Гарри тут же убрал свою руку, и юноши стояли и смотрели, как мантикора, испустив еще один, предсмертный крик, словно подрубленное дерево, рухнула на землю. Хвост еще трепыхался, загибаясь к спине, она дернулась и вытянулась, конечности оцепенели.

— Она умерла? — с трудом просипел Гарри.

— Еще нет, — ответил Драко и, словно услышав его, чудовище открыло свои огромные глаза и в упор посмотрело на него. И заговорило.

— Ты... — прорычало оно, и голос его был подобен скрежету камней по наждачной бумаге. Глаза уставились на Драко, и тот невольно сделал шаг вперед. Мантикора заметила это движение, ее черно-красные глаза блеснули. — Ты... — повторила она, — я умираю, и я знаю, кто ты. — Глаза животного закатились, мелькнули белки. — Хозяин... Зачем ты убиваешь меня? Ведь ты же сам создал меня такой...

Драко замер, его сердце билось медленно и с перебоями, адреналин утекал из вен, оставались только усталость и изнеможение.

— Нет, — резко ответил он. — Не я.

— Я знаю, кто ты... — повторила мантикора, судорога сотрясла ее тело, глаза закрылись и она испустила дух.

После рева, криков и грохота битвы в зале воцарилась мертвая, оглушающая тишина. Драко медленно повернулся, взглянул на Гарри, ощутив что-то вроде шока: тот весь был в крови — не столько в своей собственной, сколько в крови мантикоры. Побуревшая от крови рубашка, руки, слипшиеся волосы, алые полосы по всему лицу и шее... Не глядя на Драко, Гарри попросил:

— Дай мне твой плащ...

Словно в оцепенении, Драко отдал ему плащ, и Гарри, протерев краешком забрызганные кровью очки и водрузив их обратно на нос, вернул его. Прищулив глаза, он осмотрел мертвое чудовище и холодно произнес:

— Похоже, мы победили.

— Она мертва, если ты об этом, — Драко опустил взгляд и осмотрел себя: кровь покрывала его с ног до головы, однако он не промок насквозь, как Гарри. Драко поднял взгляд. Гарри смотрел

на него, зеленые глаза на полосатом от крови лице бесстрашно горели.

— Она что-то сказала тебе, — махнул рукой в сторону мантикоры Гарри. — Что оно сказало?

Драко удивился:

— А разве ты не понял?

Гарри тряхнул головой и прищурился:

— Нет, я не понял.

«...Она просто спросила, почему я...»

— Выйди из моей головы, — приказал Гарри, отодвигаясь, словно от этого связь между ними должна была разорваться. — С нами не все в порядке. С чего ты взял, что что-то изменилось?

— Ты спас мне жизнь... — произнес Драко, слишком выжатый, чтобы что-то изображать или притворяться.

— Я сделал бы это для каждого, — ровным голосом ответил Гарри.

Повисла напряженная, неприятная тишина.

— Но я... — начал Драко.

— Заткнись, Малфой! — оборвал его Гарри настолько свирепо, что тот действительно заткнулся. — Думаю, что тебе бы... — и тут его глаза вылезли из орбит, а челюсть отпала. Драко оглянулся, чтобы увидеть, на что же он так смотрит, — и от потрясения у него появилось ощущение, что он разом лишился всех своих внутренностей.

В нескольких шагах от них, с выражением любопытства и удивления на лице стояла Флёр. Ее сопровождали шесть охранников в мантиях с капюшонами, закрывавшими их лица. А позади нее, положив руку ей на плечо, стоял Салазар Слитерин. Он улыбался.

В стене снова появилась дверь. Похолодев, Драко шагнул к мечу, но было слишком поздно:

— Лигатус, — быстро произнес Слитерин, вскинув руку, и Драко ощутил, что полоса металла крепко стянула его руки у него за спиной. Повернув голову, он увидел, что руки Гарри точно так же стянуты за спиной чем-то поблескивающим бело-голубым...

Драко заподозрил, что наручники были из стеклостали.

Связав их, Слитерин, похоже, потерял к юношам всякий интерес. Он подошел к мертвому телу мантикоры и, опустившись около него на колени, начал рассматривать его. Его глаза потемнели.

— Это вы убили ее? — наконец произнес он, поднимая взгляд на Гарри и Драко. — Да или нет?

Никто из них не ответил.

— Что — так и будете молчать? — настойчиво повторил Повелитель Змей.

— Хорошо, я хочу тебе ответить, — сказал Драко. — Только ты это не видишь, потому как у меня руки за спиной связаны. Потом заговорил Гарри. Его голос был спокоен и полон ненависти.

— Да, это мы убили твоего монстра. Мы его убили, и умер он в мучениях, о чем мы совсем не сожалеем.

— Да вам и не стоит сожалеть, — Слитерин поднялся и улыбка коснулась его лица. — Я весьма вам за это благодарен. Вам обоим.

— Поверить не могу, что вы хотели использовать его без меня.

— Джинни...

— Вы должны были знать, что она не сработает. Какие же вы тупицы.

— Абсолютные тупицы, — горячо подхватил Рон. Он сидел на краешке кровати Джинни, позади него стояла Гермиона. Вид у обоих был смущенный и искренний. — Особенно Гермиона.

Гермиона ткнула его в плечо.

— Я не тупица.

— Ой!

Джинни села и улыбнулась. Она совсем не удивилась, что Рон и Гермиона пришли к ней и подняли ее с кровати, не удивилась, когда они рассказали ей, что они пытались сделать, и уж совсем не удивилась, что у них ничего не вышло.

В конце концов, Хроноворот принадлежал ей, она знала это с того момента, как в первый раз коснулась его. Она протянула руку, и Гермиона поставила ей на ладонь маленькие поблескивающие песочные часы. Свет, коснувшись их, словно зажег в них огонь, и отблеск его вспыхнул в глазах

Джинни.

Она быстро закрыла глаза — и перед ее внутренним взором из темно-красных точек начала складываться картинка — огромное пространство, где плечом к плечу сражались люди и звери... дым клубился над ними... и...

Джинни открыла глаза — теперь она начала понимать, почему Гермiona считала свои сновидения такими важными. Мужчина из видений был молодым и выглядел совсем как Гарри — вплоть до мельчайших подробностей, даже взлохмаченные волосы его были такие же черные, и так же казались просто нарисованными на его лице сажей или краской. Но это не мог быть Гарри, это кто-то совершенно другой — она чувствовала. Она чувствовала его так же, как своих братьев, как себя саму, как свою плоть и кровь... И она назвала его — Годрик.

Подняв глаза, Джинни улыбнулась Гермione и брату. Накинув цепочку себе на шею, она показала жестом, что они должны уйти.

— Подожди минутку, — произнесла Гермiona, указывая на белую кружевную ночную рубашку Джинни. — Ты хочешь переодеться?

Рон соскочил с кровати:

— Ладно, я пошел.

Возвратившись, он застал Джинни уже в джинсах и свитере. Они с Гермioneй ждали его, сидя на кровати. Цепь была заброшена на их шеи.

— За чем ты ходил? — спросила Гермiona, глядя, как он садится рядом.

— Так, ничего, — Рон легкомысленно махнул рукой. — Просто прихватил кое-что, что может нам понадобиться. — Ты же понимаешь, — продолжал он, набрасывая цепь и себе на шею, — что случится, когда Чарли проснется и обнаружит, что нас нет.

Гермiona улыбнулась.

— Если он сработает, как надо, то он никогда не узнает, что мы куда-то исчезали. Мы вернемся в то же время, из какого ушли.

— А если оно не сработает, как надо?

— Тогда у нас будут куда более серьезные проблемы, чем Чарли. Например, навсегда застрять в прошлом.

— А может, это не так уж и плохо. Мы можем изобрести колесо и разбогатеть.

— Рон, мы отправляемся назад на тысячу лет, а не на миллион. Колесо тогда уже было. — Да знаю, знаю...

— Кажется, ты всегда расстраивался, что все самое интересное случалось с другими людьми, правда?

— И это я слышу от девчонки, которая огорчается, что в школе всего 7 классов.

— Заканчивайте спорить, — решительно произнесла Джинни. — Держитесь.

Она перевернула Хроноворот, и вместе с ним опрокинулся мир.

Гарри вытаращил глаза. Он был совершенно ошарашен. Даже Драко не сумел справиться с выражением своего лица, на какую-то миллисекунду он остолбенел, но почти тут же он надел на себя маску своего обычного глумливого самодовольства.

— Так-так, — он переводил взгляд с Флёр на Слитерина и обратно, — по-моему, ситуация однозначно становится скучной.

Гарри бросил на него яростный взгляд.

— Он хоть когда-нибудь может заткнуться и помолчать? Хоть когда-нибудь?

Признаться, временами он завидовал способности Драко остроумно комментировать самые устрашающие ситуации. Однако сейчас ему захотелось как следует вдарить ему по башке, чтобы он заткнулся навсегда.

Похоже, Флёр подумала о том же.

— Драко, тише, — предупреждающим тоном произнесла она.

— Тише?! — взорвался Гарри, хотя, признаться, в глубине души он ее поддержал. — Тише — это все, что ты можешь сказать?! Флёр вздернула голову, ее темно-синие глаза расширились: — Это не я буду говорить, а мой Хозяин.

Гарри почувствовал, что у него сейчас отвалится нижняя челюсть:

— Твой Хозяин?!

Флёр была полна смущенного раскаяния:

— Думаю, что вы не слишком удивлены. Думаю, вы подозревали... — она повернулась к Драко. — Когда ты не дал мне источник силы, мне пришлось искать другой... Я должна была его найти. И я его нашла. Тебе не понять...

Драко перевел на нее холодный взгляд серых глаз:

— Заглохни, предательская сука, — резко произнес он, ввергнув Флёр в прострацию.

— Ну, что ж, — Слитерин все еще улыбался. — Так не говорят с моим Источником.

— Твоим Источником? — потрясенно переспросил Драко, почувствовав себя брошенным. — Или ее?

Слитерин сделал шаг к юношам, и Драко почти инстинктивно отпрянул.

— А ты что, думал, что, если ты откажешься служить мне, я не найду никого взамен? — поинтересовался Повелитель Змей. — Она почти такая же подходящая, как и ты...

Драко уставился в землю и не ответил. Стоя позади него, Гарри увидел, что он, сцепив руки, начал вытаскивать руки из наручников, но остановился.

— Однако же это не значит, что я не найду тебе применения, — продолжил Слитерин. Ты более, чем оправдал мои ожидания: многие встречались в мантикорой лицом к лицу и все они погибли. Прими мои поздравления.

Драко по-прежнему молчал — не глядя на Гарри, не двигаясь. Гарри неожиданно почувствовал, что он здесь лишний, — на него никто не обращал внимания. Чтобы его заметили, ему вдруг захотелось сделать что-то смелое и героическое, но ничего другого, кроме как подскочить к Слитерину и пнуть его по ногам, он придумать не мог, а этот поступок казался малоэффективным.

— Это не так уже и круто для Магида, — горько подумал он, — однако чтобы колдовать, нужны свободные руки.

— Пока еще никто не совершал это, — говорил Слитерин, — поэтому-то мой Источник и привел тебя сюда, — Он улыбнулся Флёр. — Я должен поблагодарить ее. И вас. Обоих...

Его глаза впервые скользнули в сторону Гарри.

— Мои недруги поместили сюда этого монстра — он был стражем того предмета, который мог бы вернуть мне мою мощь. Только Наследники Основателей могли обезвредить его — а потому выбор был очевиден. Особенно Наследник Годрика — он же с некоторых пор воображает себя истребителем чудовищ... — холодный взгляд Слитерина воткнулся в Гарри. — Он убил моего василиска, пытался уничтожить моего потомка... — я думал, что будет справедливо, если он убьет для меня мантикору.

Ненависть в его глазах поблекла, когда она перевел взгляд на Драко.

— Это правда, мальчик. Это была прекрасная работа. Благодарю.

Гарри ждал, что Драко нарушит повисшую тишину каким-нибудь изящным замечанием. Однако тот заявил:

— Я только сделал то, что должен был сделать.

Гарри захлопал глазами, соображая, что же такое имел в виду Драко, но Слитерин не стал ломать над этим голову, он подошел к Драко, и, как тогда, на кухне Висли, он коснулся рукой лица Гарри, теперь он коснулся лица своего Наследника. Драко не вздрогнул, не отпрянул, не двинулся — он вообще ничем не показал, что заметил этот жест.

Слитерин приподнял голову Драко, и его темные глаза пытливо вонзились в глаза Драко:

— Я твой предок, мальчик. Я горжусь тобой. Интересно, что бы сказали остальные, будь они сейчас живы?

— Может, выпустишь меня из этой гробницы, здесь темновато? — предположил Драко.

Слитерин расхохотался. Гарри и представить не мог, что он умеет это делать.

— У него хорошее настроение из-за мантикоры, — понял он, и сердце упало. — Она нас обхитрила, она постоянно дурачила нас — стражи, скорее всего, были посланы, чтобы убедить их в том, что они и вправду убегают — тогда как они шли вглубь замка... Флёр никогда не проходила через адмантиновую дверь — эта дорога была закрыта столетия назад, и мантикора охраняла ее. Флёр просто обвела нас вокруг пальца. И мы на все это купились. Какие же мы дураки, просто

идиоты, — подумал Гарри.

— Ты заслужил награду. Пойдем, обсудим это, если ты, — добавил Слитерин, — согласен.

Последнее слово он подчеркнул — так, что оно приобрело совсем иное звучание: смерть... выбор... последний шанс...

Драко поднял голову. Глаза его были темны, почти черны, впрочем, возможно, все дело было в игре света и тени.

— Я устал бороться с тобой, — сказал он, — я убегал от тебя, проливал кровь, пил зелье, чтобы спрятаться, даже умирал — а ты все не хочешь оставить меня в покое...

— Нет, — качнул головой Повелитель Змей, и рука его соскользнула с лица Драко, — я не оставлю тебя.

Драко прикрыл глаза. Когда он снова открыл их, взгляд был решительным, словно он сделал свой выбор.

— Освободи меня, — произнес он.

Слитерин взглянул на него.

— Освободи меня, — повторил Драко.

Слитерин бросил взгляд на Флёр, поднял руку и указал ей на Драко:

— Либерас, — наручники клацнули о мрамор пола и исчезли. Драко медленно протянул руки вперед и начал растирать затекшие и потерявшие чувствительность запястья. Он поднял глаза на Слитерина:

— Спасибо.

Гарри почувствовал, что у него внутри появилось ощущение какого-то странного холода.

— Ты мой Наследник, — пояснил Слитерин, — быть связанным недостойно тебя.

— О, я с этим с удовольствием соглашусь, — усмехнулся Драко в пространство. Сейчас он был уже совсем другой, тело его напряглось, глаза горели гневом — он казался диким животным, готовым укунить, если к нему попробуют приблизиться. — У меня есть еще один вопрос, — Драко перекатился с пятки на носок, — меня ты освободил. А какие у тебя планы относительно Гарри?

И снова во взгляде, который Слитерин бросил на Гарри, вспыхнула холодным огнем ненависть. Флёр не подняла глаз, она уткнулась в пол и что-то там старательно изучала.

— Наследник Гриффиндора исполнил свое предназначение. Без него ты бы не победил мантикору. Однако теперь все кончено, сила вернулась ко мне, и мне теперь он нужен скорее мертвый, чем живой. Стража, — губы Слитерина искривились в злобной усмешке, — взять мальчишку.

Двое охранников отделились от группы, шагнули к Гарри и схватили его. Поскальзываясь на крови мантикоры, он попытался сопротивляться — но бесполезно, они были куда сильнее его, а без своих рук он был совершенно беспомощен. Они поволокли его вперед, пока он не оказался почти в футе от Слитерина, лицом к лицу с Драко.

— Итак, — произнес Слитерин, переводя взгляд с Драко на Гарри и обратно. — Вот он — Наследник Гриффиндора. Так что же мне сделать с ним?

Гарри видел, как Флёр недоверчиво взглянула на них, вскинув голову. Драко не шелохнулся. Он стоял, вздернув голову, его серые глаза словно застыли — в этот момент, даже залитый кровью и в разорванной и грязной одежде, он был больше похож на сына Люция Малфоя, чем когда бы то ни было: тот же вызывающе вздернутый подбородок, та же гордость и холодность — он был похож на своего отца так же, как и Гарри похож на Джеймса.

Холодный взгляд Драко скользнул по Слитерину, по страже, окружавшей Повелителя Змей, по Флёр и, наконец, по Гарри. На мгновение их взгляды скрестились: глаза Драко были совершенно непроницаемы, в них не было ни страха, ни ярости, ни ненависти, ни отчаяния, ни сострадания, ни страсти — ничего. Он взглянул на Гарри, и его взор вновь обратился к Слитерину.

— Делай с ним, что хочешь, — сказал он. — Меня это не касается.

Глаза Слитерина расширились от удивления — в этот момент в нем промелькнуло что-то человеческое. Он развернулся к охране:

— Отправьте мальчишку обратно в адмантиновую камеру, — коротко приказал он и внимательно взглянул на Гарри. — Заковать его.

Стражники окружили Гарри и поволокли его прочь. Вывернувшись, он оглянулся, сам не понимая,

зачем: Драко и Слитерин стояли рядом над телом поверженной мантикоры, а чуть поодаль стояла Флёр. С такого расстояния было уже трудно разобрать, кто же из этих мужчин Драко и, прежде, чем Гарри сумел это понять, охрана протащила его через дверь и крепко захлопнула ее за ним.

Глава 12. Непрерывность Памяти

Чарли так никогда и не смог понять, что именно подняло его посреди той ночи. Позже он решил, что это было какое-то неопределенное беспокойство, ощущение, что с этим миром что-то не в порядке. Хотя, скорее всего, ему просто внезапно ужасно захотелось шоколадного печенья.

Он встал, натянул фланелевые пижамные штаны и майку и прошлепал босиком на кухню, стараясь производить как можно меньше шума. Проскользнув через гостиную и, наконец, очутившись на кухне, он взмахнул палочкой, пробормотав *Инсендиус*, зажег огонь под чайником на плите, лениво призвал коробку печенья из буфета и стал методично ее уничтожать, невидящим взглядом уставившись в настенные часы. В зависимости от того, с какой стороны посмотреть, было или уже довольно поздно, или, судя по светлеющему серому небу за окном, еще слишком рано. А еще небо предвещало дождь.

Закипел чайник. Чарли потянулся, снял его с плиты... и замер, снова посмотрев на часы.

Бам!

Пальцы Чарли неожиданно ослабли, чайник упал на пол, кипяток выплеснулся ему на ноги, хотя он вряд ли это заметил: он уже неся через комнату к стене, к часам в золотой раме, и уставился на них с недоумением, граничащим с шоком.

На них имелись золотые стрелки, на каждой было имя одного из членов семьи Висли — стрелка Перси указывала на надпись — «на работе», Билла — «дома», Фред и Джордж, похоже, были «на веселой вечеринке. Домой не ждите!». Его собственная стрелка сообщала, что он «навещает семью».

А еще были стрелки с надписями Рон и Джинни, и они не показывали ни «дома», ни «в пути», ни даже «в смертельной опасности». Чарли еще ни разу не видел ничего подобного: они бешено вращались по кругу, бесцельно и безостановочно, словно место, куда отправились его младшие брат с сестрой, было настолько далеко, что теперь даже магия часов не могла отыскать их...

Джинни перевернула Хроноворот, и мир выскользнул из-под ног Гермионы — так было и тогда, когда она пользовалась Хроноворотом МакГонагалл, однако сейчас все было иначе, словно те ощущения усилили в сотни раз: ей словно выстрелили из пушки, перед глазами все застлала серая беспросветная мгла. Вытянув руки, она наткнулась на что-то — руку Рона — поймала его пальцы, изо всех сил сжала их и почувствовала, как он сжал ее руку в ответ: Рон был жив, он ответил на пожатие, а значит, она была не одна. Она облегченно вздохнула, вернее только попыталась это сделать: воздуха не было.

Она попробовала снова — но ее легкие втянули лишь пустоту. Я умираю, — подумала она, и страх заструился по ее венам, наполняя тело отчаянием. Она сопротивлялась, стараясь думать о Гарри.

...Она не имеет права умереть, она должна добраться до Гарри, защитить его — без нее Гарри умрет, а она может его спасти, может — ведь любовь уже спасла его однажды, на втором году жизни...

Яркие голубые вспышки разорвали серый туман перед ее глазами, и вдруг на какую-то долю секунды она увидела Гарри — действительно увидела его, словно бы он находился прямо перед ней: вот он — сидит у голубоватой стены со скрученными за спиной руками, одежда на нем разодрана, словно ее рвали когтями дикие звери, из-под нее просвечивает худое тело... Он поник, словно был полностью обессилен, лица она не увидела — он опустил голову, его скрывали темные волосы... И он был... весь в крови... Она рванулась вперед, но видение исчезло, и мир свернулся обратно. Рон крепче вцепился в ее руку, его ногти царапали ее ладонь, но пальцы внезапно соскользнули — вот они соприкасаются только кончиками... — и она осталась одна.

Нет!

Гермиона замахала руками, пытаясь найти, нашарить в давящей, холодной мгле Рона, но не могла ни видеть, ни чувствовать... И в этот миг цепочка Хроноворота слетела с ее шеи.

— Ох! — выдохнула Гермиона, когда серый туман внезапно рассеялся. Ее колени подогнулись, и

она полетела на землю, звонко и больно шлепнувшись об нее ладонями. Несколько секунд она просто лежала неподвижно, ловя ртом воздух и крепко зажмурив глаза.

Открыв их, она увидела над собой кристально-чистое, сияющее голубое небо. Это ее здорово обескуражило. Но страх, что уже больше не связана с Роном и Джинни цепочкой Хроноворота, едва не парализовал ее.

Она резко села и испуганно огляделась.

Руины. Она сидела посреди развалин какого-то огромного строения, разрушенного, видимо, в совершенно беспощадной битве: развороченную землю вокруг покрывали обломки камней, осколки стекла, торчащие корнями в небо выкорчеванные деревья. В воздухе витали запахи горящего леса, смоляной запах тлеющего кедра. Гигантские каменные глыбы свидетельствовали, что когда-то на этом месте были стены; один из них был украшен обрывком гобелена, а другой завершался уходящий в никуда — в небо — лестницей.

Гермиона смотрела на это, но вряд ли видела — сердце ее выскакивало из груди, она лихорадочно искала, искала... Есть!

Рыжая вспышка.

Ее словно подбросило, и она рванулась вперед, спотыкаясь и перебираясь через груды булыжников и скрученные каким-то гигантским взрывом куски металла. Проворно преодолев кучу битых камней, она увидела Рона: с совершенно мрачным выражением лица он стоял на коленях среди обломков и оглядывался. Гермиона кинулась на него и сжала в объятьях настолько сильно и быстро, что он и дернуться не успел.

— Оу-у... отстань, Гермиона. Не надо меня трясти. Я тебе не мартини, — однако вид при этом у него был весьма довольный. — Со мной все ОК, посадка была мягкой. Правда, мне тут на мгновение показалось, что я потерял мантию-невидимку... — он быстро продемонстрировал ее и снова засунул в карман. — Меня аж в дрожь бросило.

Она отпустила его и захихикала — Рон был покрыт пылью и сажей, его рыжие волосы припорошило что-то белое — и он был просто невообразимо грязен. Он моментально понял, почему она смеется.

— Ты выглядишь так же плохо, как и я, — заметил он, скорее, размазывая, чем вытирая рукавом грязь со щеки. — На себя бы лучше посмотрела...

Но Гермиона быстро протрезвела:

— Джинни...

Рон побледнел под слоем сажи.

— Она не с тобой?

— Я здесь, — послышался голос Джинни. Гермиона обернулась и увидела ее тонкую фигурку — такая же грязная, как и Рон, вся в золе и саже, она перелезала через вывороченное с корнями дерево.

— Что здесь произошло? — раздраженно поинтересовалась она, откидывая свои рыжие волосы за спину. — Это выглядит так, как будто Фред с Джорджем взорвали самую большую в мире Петарду Флибустьера.

— Результаты магической битвы, — передернувшись, коротко сказала Гермиона. Было холодно, несмотря на сияющее солнце: судя по его высоте, была зима. А впрочем, что же удивительного? Если Хроноворот мог перебросить их в любой год, почему бы ему не перебросить их в любой сезон этого года? Хорошо бы еще одеться потеплее...

— Здесь наверное был суший ад... — Рон был весьма впечатлен окрестностями. — В жизни не видел таких разрушений. С этой точки прямое попадание метеорита должно считатьсястройкой века...

— Ага, — машинально согласилась Гермиона, пропустив его слова мимо ушей.

Рон протянул руку и тихонько коснулся ее щеки.

— Что такое, Герм? У тебя задумчивое лицо.

— У меня всегда задумчивое лицо.

— У тебя о-о-очень задумчивое лицо.

— Мне просто интересно, куда все подевались. Зачем Хроновороту переносить нас на место, где все разрушено? Мы, наверное, прибыли уже после битвы с Салазаром...

— Где мы? — требовательно поинтересовалась Джинни, оглядываясь вокруг.

— Там же, где и были, — объяснила Гермиона. — Хроноворот переносит во времени, а не в пространстве. Так что, похоже, твой отец был прав: Нора в свое время действительно была замком. Просто его сровняли с землей... Но здесь должны остаться уцелевшие...

— Уцелевшие!

Гермионе на мгновение показалось, что ей вторит эхо. Но, подняв голову, она увидела, что кто-то склонился с нависающей над ними скалы. Она инстинктивно дернулась назад, закрывая собой Рона и Джинни. Солнце светило человеку в спину — она могла видеть только темный силуэт волшебника или волшебницы в мантии с палочкой наготове. — Уцелевшие! — снова крикнул человек — это был юный, мальчишеский голос — и Гермиона сообразила, что он обращается к ним. — Эй, вы, там, внизу — вы в порядке? — позвал он.

— С нами все нормально, — отозвалась Гермиона. — Но мы не уцелевшие... Я имею в виду, не буквально. Мы...

Похоже, паренек решил, что ситуация требует дальнейшего прояснения. Он спрыгнул и легко приземлился на ноги прямо перед ними, все еще сжимая палочку.

Гермиона издала невнятный булькающий звук и вытаращила глаза.

Это был Гарри — только не тот Гарри, каким он был сейчас, почти семнадцатилетний, немного даже пугающий ее своей взрослостью и тем фактом, что ему иногда (хотя и не часто) уже необходимо было бриться. Это был Гарри, каким она увидела его в первый раз: маленький, тщедушный одиннадцатилетний мальчик, со сверкающими темно-зелеными глазами на лице, хранящем последние следы детства. Только глаза этого мальчика не были такими зелеными; он не носил очков, и на его лбу не было шрама. Как и у гриффиндорских игроков в Квиддитч, его одежда была алой, но весьма допотопного покроя.

Но самым удивительным было то, что, встретив их, он не выказал ни малейшего удивления.

— Вы Наследники, да? — поинтересовался он, слегка приподнимая брови. — Я ждал вас.

— Демоны, демоны, демоны? — Нарцисса подтолкнула тяжелую книгу через стол к Сириусу. — Что за название?..

— Именно это сказал и я, — усмехнулся Сириус. Нарцисса улыбнулась ему в ответ. Он выглядел лет на десять моложе, чем утром — все еще взволнованный, с напряженными морщинками, залегшими вокруг рта и глаз, постоянно теребящий браслет на своей руке, (все удостоверился, что Амулет Вивикус по-прежнему сияет), однако утренняя безнадежность уже ушла из его глаз. Она знала, что это следствие того, что с Лупиным все было в порядке, и была рада этому.

Она слегка хлопнула по обложке принесенной им книги.

— И все-таки, где ты ее достал?

— Снэйп, — с довольным видом пояснил Сириус.

— Ты рассказал ему про демона в подвале? — Нарцисса была удивлена.

— Ну, так уж повернулся разговор: «Ну, Сириус, как делишки? Что скажешь? Прислужники из ада тебя не донимают? А то есть у меня для тебя одна книжица...»

— Не думаю, чтобы Северус сказал что-нибудь подобное.

— Северус, — добродушно передразнил Сириус. — Крошка Севви... Я уже столько лет не слышал, чтобы кто-нибудь называл его Северусом, кроме Дамблдора. Уж я-то точно его никогда так не называл...

— Нет, — сказал Лупин, появляясь в дверях. — Если мне не изменяет память, ты обычно называл его «Мерзкая Рожа».

— В старые добрые времена, — поддакнул Сириус, поворачиваясь, чтобы поприветствовать друга. Лупин сменил изодранную во время Превращения одежду и, хотя его нельзя было назвать свежим и отдохнувшим, выглядел он куда лучше.

— Готов идти? — спросил он Сириуса.

Сириус кивнул.

— И куда это вы двое собрались? — строго спросила Нарцисса.

— В Годрикову Лощину, — ответил Сириус, поднимаясь на ноги. — Рем предполагает, что дверца,

к которой подходит мой ключ, находится где-то в Лощине. И у меня есть основания с ним согласиться.

— Годрикова Лощина? — Нарцисса посмотрела на Сириуса. — Разве это не...?

— Да, — коротко ответил он, накидывая свой длинный серый дорожный плащ.

Тон Сириуса исключал возражения, поэтому Нарцисса встала, положила руки на плечи Сириуса и поцеловала его на прощание. — Возвращайся скорее.

— Обязательно. Пошли мне сову, если найдешь что-нибудь интересное в той книге.

— Непременно, — она помахала ему рукой, и они с Лупиным телепортировались.

Она еще секундочку постояла, глядя на место, с которого исчез Сириус. В последнее время он стал больше похож на редкого гостя, чем на жениха, — так редко он бывал рядом. Она знала, что у него нет выбора и ценила все, что он делал, чтобы помочь Драко; искреннее беспокойство за ее сына облегчало ее бремя. И все же она скучала по нему, когда его не было рядом, что, как она должна была признать, было для нее в новинку: она никогда не скучала по Люцию в его отсутствие.

Впрочем, у Сириуса была масса черт, отсутствующих у Люция — он был забавным, теплым, щедрым, и совсем не жестоким. Как правило — не жестоким...

И, чего уж там говорить, — он был убийственно сексуален.

Гарри сидел на полу камеры со связанными за спиной руками, прикованный цепью к адмантиновому кольцу, вбитому глубоко в пол. Собственно говоря, у него не было особого выбора: он не мог встать или отодвинуться от стены больше, чем на фут. Чувствовал он себя просто ужасно — все тело чесалось, одежда была разодрана и залита кровью. А мозги буквально закипали.

Комната была все та же: куча неуклюжей мебели, огромный шкаф. Стражи, притаившиеся его сюда, даже бросили его меч в угол комнаты — со своего места он мог смутно видеть мерцание украшенного рубинами эфеса.

А в голове все звучал и звучал довольный, смеющийся голос Драко.

«Недостаточно просто знать, с какой стороны братья за меч, Поттер. Ты должен знать, каким концом втыкать его во врага».

И тот же самый голос со слегка изменившейся интонацией, чуть растягивающий слова.

«Делай с ним, что хочешь. Меня это не касается».

Он закрыл глаза, пытаясь выкинуть из головы все остальное, сказанное им... Родители... Это воспоминание больше не злило его, — нет, оно открыло в нем бездонный темный колодец скорби, рвущей ему грудь. Ему давно не было так плохо — с тех пор, как... ну... словом, с тех пор, как он решил, что из-за собственной глупости и слепоты навсегда потерял Гермиону, и она ушла к Драко. Он вспомнил, как стоял под ливнем перед Хогвартсом, держа на руках бестолкового, толстого, царапающегося кота Гермионы, и смотрел на них с Драко, бегущих вниз по лестнице. Смотрел — и ненавидел обоих. Тогда-то он и обнаружил, что наихудшее ощущение, которое только можно испытать, — не горе, вина или боль, а ненависть к человеку, которого ты любишь больше всего на свете.

Тогда он ошибся — это не он, а Драко потерял Гермиону, хотя любил ее так же сильно, как и сам Гарри. Ну, или почти так же... И Гарри понял, что ему нужно просто это понять и забыть: будь он на месте Драко, он не сумел бы смириться с этой потерей и вполнину так же мужественно и изящно. А может, гордость не такой уж и недостаток, раз дает себе силы пожертвовать тем, что ты любишь?..

В груди кольнуло — странное чувство, что-то вроде вины. Он все еще ужасно злился на Драко за то, что тот рассказал ему правду о родителях — злился куда больше, чем если бы тот наврал, чтобы вывести его из себя. Какое право он имел скрывать, что встретил родителей Гарри, что разговаривал с ними? Ну хорошо, пусть не настоящих родителей, пусть только их тени, но все равно... Гарри отдал бы все, что угодно, только за право просто увидеть хотя бы тени, чтобы просто представлять, какими они были при жизни. Какая горькая ирония в том, что разговаривали они именно с Драко... Впрочем, у Гарри совершенно не было настроения об этом размышлять.

Однако назойливый внутренний голос тихо нашептывал, что Драко поступил именно так, как и должен был, и вид у него при этом был отнюдь не радостный, а какой-то совершенно опустошенный — наверное, Гарри чувствовал себя так же, доведись ему причинить боль Гермионе

или Рону...

Гарри содрогнулся: перед глазами вдруг померк свет, мир раскололся, словно слезла шкурка с апельсина, и, будто откликнувшись на мысленный призыв, возникли Рон и Гермиона — такие отчетливые, словно бы стоящие прямо перед ним. Он услышал завывание ветра и увидел: вот Гермиона изо всех сил сжала руку Рона... ее глаза заматались, что-то ища, высматривая... кажется, она неожиданно увидела его!.. — она выдернула свою руку из пальцев Рона и крикнула: «Гарри!»

Мир свернулся, спрятав Рона и Гермиону, словно бы они никогда не существовали... Единственным звуком, нарушавшим тишину комнаты, было его собственное прерывистое дыхание, да позвякивание цепей. Гарри захлопал глазами и отчаянно замотал головой. От напряжения и изнеможения перед глазами заплесали маленькие черные точки — и только. Комната была пуста, как и раньше. С бледным подобием улыбки Гарри вспомнил слова Рона: Слышать вещи, которых здесь нет, это нехороший признак, Гарри, даже в мире волшебников.

Охрана в мгновение ока выволокла Гарри из зала — сопротивлялся он, им бы понадобилось куда больше времени. Но он не сопротивлялся. Только у дверей он обернулся и взглянул на Драко, но тот этого не заметил, как сам Гарри не заметил того, что на него смотрит Флёр, хотя ей, признаться, вовсе не хотелось встретиться с ним глазами — судя по ненависти, перекосившей его лицо, когда он смотрел на Драко, она представляла, что в этом взгляде может увидеть она...

Она обернулась — к Драко и своему Господину, с которым она была теперь связана, и который тянул из нее силы с каждым ее вздохом, словно наматывал на веретено серебристую пряжу.

Они оба — и Господин, и Наследник — стояли над трупом мантикоры. Слитерин протянул руку, и Драко беспрекословно отдал ему свой меч. Слитерин взмахнул им и резким и стремительным ударом рассек брюхо мантикоры — также легко, как отрезал бы ножом кусок хлеба.

У нее в ушах послышался тихий, тоненький звон — она устала, Боже, как она устала...

Салазар и Драко заколыхались у нее перед глазами, словно она смотрела на них через рифленое стекло. Слитерин мечом раскрыл брюхо мантикоры... кровь фонтаном хлынула на пол... Драко вскинул на нее взгляд... кровь текла ей под ноги... — мир кувыркнулся, пол прыгнул ей в лицо... И все померкло.

Сознание медленно возвращалось — она словно выплыла из беспамятства на свет. Под ней было что-то мягкое, повернувшись, она обнаружила, что это кровать. Очень медленно, чувствуя колющую боль в спине, шее и плечах, она села.

Флёр тут же узнала эту комнату — в ней она провела прошлую и позапрошлую ночи. Кровать была застелена, и она лежала поверх тяжелого бархатного черного покрывала, из него же были балдахин и занавеси на окнах, комната освещалась только неровным и дрожащим светом факелов, закрепленных по стенам металлическими скобами. К стене был прислонен серебристо-зеленый меч Драко. В камине золотом и медью переливалось и играло пламя, а над каминной решеткой красовался гобелен: огромная зеленая змея, душащая льва.

У огня, почти утонув в громадном кресле, сидел Драко. Похоже, у него было время, чтобы привести себя в порядок: его чистые серебристые волосы сияли, мокрые прядки чуть завивались на висках, он смыл кровь с рук и лица. Лицо было бледно, под темными глазами залегли голубоватые тени, однако вид был совершенно спокойный. Именно таким она и запомнила его во время первого посещения Хогвартса, тогда он сидел за столом рядом с Виктором Кrumом. Снова повстречавшись с ним нынешним летом, она не упомянула, что узнала его, — он изменился почти до неузнаваемости — не просто изменился, а изменился совсем — неуловимо, но совершенно определенно.

Он приподнял брови:

— Что — очнулась? Драматический обморок удался на славу. Выполнен с блеском.

Сев, она обхватила себя за плечи и почувствовала, что ее трясет.

— Что ты здесь делаешь, Д'рако?

— Мне сказали, что это моя комната.

— Это моя комната.

На его губах заиграла тонкая и резкая, как лезвие ножа, ухмылка.

— Очевидно, предполагается, что мы ее поделим. Разве это не мило? Я бы отправил жалобу по поводу ситуации с проживанием, но был слишком занят, чтобы загружаться по этому поводу: все пытался избежать смерти от рук нашего Покойничка.

— Не называй его так.

Драко перекинул ноги через подлокотник и, развалившись в кресле, устроился поудобнее. Свет факела бросил на его волосы пригоршню серебристых искорок.

— Я буду звать его так, как мне нравится, — он скользнул глазами в ее сторону и неприятно усмехнулся. — Скажешь, я не прав?

Флёр проследила его взгляд и безо всякого удивления обнаружила в углу комнаты безмолвного и безликого, с опущенным серым капюшоном, одного из слуг Слитерина. Эти слуги всегда были здесь, она настолько привыкла к их присутствию, что перестала обращать на них внимание.

Драко резко вскочил со своего кресла и за считанные секунды в красивом прыжке перенесся через всю комнату. Она всегда восхищалась его грацией, напоминающей ей о двоюродных братьях, которые скорее плавали, чем ходили.

Подойдя к серой фигуре, Драко кашлянул. Слуга молчаливо воззрился на него, его лицо было скрыто тенью капюшона.

— А ты что такое? — поинтересовался Драко с кошачьим любопытством, пытаясь заглянуть под капюшон. — Вампир? Морок? Трогательный крошка-оборотень? — существо подняло голову, капюшон соскользнул, и Флёр краем глаза увидела неприятную белую чешуйчатую кожу и большие розовато-красные глаза. Оно с опаской смотрело на Драко. — Ага. Мерзкое существо неизвестного происхождения. Похоже, вас тут навалом. Тебя сюда Призвали?

Существо хранило молчание.

— Умоляю — ну поделись со мной...

Драко отступил, его пытливый взгляд превратился в убийственно-высокомерный.

— Отлично. Тогда убирайся.

Существо не шелохнулось.

— Я сказал — убирайся, — надменно повторил Драко, все годы повелевания беспрекословно выполнявшими его любую приходить домашними эльфами влились в его голос. — Знаешь, кто я? — я Наследник Слитерина и буду командовать армиями Повелителя Змей. Было бы мудро не портить со мной отношения.

— Хозяин... — существо обладало неприятным свистяще-шипящим голосом.

— Какая экспрессия, — одобрил Драко. — А теперь проваливай, у меня для тебя поручение: принеси мне Май Тай.

Существо выглядело озадаченным:

— Май Тай?

Драко энергично закивал:

— Май Тай. С зонтиком. И без него не возвращайся. Меня не заботит, куда тебе придется за ним отправиться — хоть в Лондон. Я Наследник Слитерина, и все мои прихоти должны выполняться.

Драко распахнул дверь, и слуга с весьма недоверчивым видом медленно вышел, провожаемый напутственным помахиванием рукой.

— Великолепно. А теперь рысцой, — кинул ему в спину Драко, закрывая дверь. Замерев, он задумался на мгновение и, высунувшись за дверь, добавил:

— Не забудь про зонтик! Он должен быть зеленым!

Захлопнув дверь, он обернулся к Флёр.

— Может, мне стоило и для тебя заказать выпивку? Хотя ты этого не заслуживаешь. Что ж, наконец-то мы наедине, — он бросил на нее взгляд, который породил в ней самые нехорошие предчувствия. — Ну...

— На самом деле здесь ты никогда не бываешь один, — ответила она. Сердце колотилось настолько быстро, что ей было больно. Флёр глубоко вздохнула — это немного помогло. — Д'рако...

— Что? — с неприязненным выражением лица он прислонился к косяку.

— Ты это се'рьезно насчет командования а'рмиями?

Скрестив руки на груди, он пожал плечами.

— Он сам так сказал — после того, как ты отключилась, так что неудивительно, что ты не помнишь. Согласно предсказанию, мы обречены вместе править миром. Лично я собираюсь стать генералом, облачиться в аккуратный мундирчик и прославиться как Главный Парень, Заведующий Казнями Тех, Кто Несимпатичен Слитерину. Надеюсь, он не ждет, что я буду носить серое круглый год.

— А что еще случилось? — тихо спросила она. — После того, как я поте'ряла сознание? Он 'распо'рол мантико'ру...

— И вскрыл ее, — подхватил Драко, возвращаясь и плюхаясь в кресло. — Распахнул ей брюхо и вытащил что-то из ее кишок. А потом велел слугам привести нас сюда. Они несли тебя... подожди-ка... — тут же добавил он, его лицо потемнело. — А собственно, почему бы это мне тебя не порасспрашивать? Неужели ты думаешь, я поверю, что ты не в курсе того, что здесь происходит? — тряхнув головой, он откинулся назад. — Я не обязан предоставлять тебе информацию.

Флёр медленно свесила ноги с кровати и попробовала на них опереться — вроде бы держат... Она поднялась и, подойдя к креслу Драко, присела около него на колени. Кажется, он испугался ее неожиданному приближению, но прочь не отодвинулся, сохраняя убийственное спокойствие и осмотрительную неподвижность — это смутило бы ее при других обстоятельствах, однако сейчас она сама была слишком напугана всем происшедшим и происходящим.

— Я ничего не знаю! — слова тут же сорвались с ее губ, раньше, чем она успела бы остановиться: ей было очень важно, чтобы он поверил в ее правдивость. — Я не знаю: он п'росто сказал мне, что хочет, чтобы вы вместе убили чудовище — вот и все! Он никогда не 'рассказывал мне о своих дальнейших планах, и о Га'рри мы тоже никогда не гово'рили...

— Так я тебе и поверил! — оборвал ее Драко. — Он не из тех людей, которые играют словами. Людьми — сколько угодно, а вот словами — нет. Бьюсь об заклад, он сказал тебе все, что должно произойти!..

— Нет, я не...

— Ведь ты протащила нас по этому лабиринту и бросила нас наедине с мантикорой — на верную смерть! — его голос шипел, как бикфордов шнур, глаза метали искры ярости.

— Нет, я тебе клянусь: я не знала, какое именно там чудовище...

— Но ты ведь знала, что там именно чудовище! Уверен, что сейчас ты говоришь правду, хотя, подожди-ка минутку... нет, ты врешь! Потому что ты — лживая сука и, предложи тебе достаточно галлеонов, ты без раздумий продала бы меня на органы в Мрак Аллее. Флёр с трудом удержалась, чтобы не вставить, что отдельные органы принесли бы ей куда больше галлеонов, чем остальные. Вместо этого она произнесла:

— То, что я сделала, я сделала не для себя, а для моей сест'ры Габ'риэль...

— Не желаю больше слушать твоего вранья, — резко прервал он ее. — Либо ты сообщишь мне полезную информацию, либо убирайся. Выбирай.

Она отстраненно удивилась, почему же ей не хочется вlepить ему пощечину? Может, потому что она устала, — так устала, что едва держалась на ногах? А может, потому, что хотела сделать что-то такое, что помогло бы ей забыть выражение лица Гарри в тот миг, когда его окружила охрана?..

...Полезную информацию?

Она бросила быстрый взгляд на Драко. На его лицо падала тень, огонь играл на Эпициклическом Заклятье — казалось, что цепочка на его шее горит.

— Д'рако, подготовься... Он ско'ро ве'рнется и тебе будет... неп'росто...

— Непросто?

— Он будет п'роверять тебя, твою силу. Он покажет тебе всякие ужасы... какие ты только можешь себе п'редставить...

— Я могу представить себе кучу всяких кошмариков, — дернул плечом Драко. — Особенно после того, как повидал Северуса Снэйпа в пижаме. Меня теперь ничто не напугает.

Без всякой задней мысли она протянула руку и коснулась его запястья.

— Я сове'ршенно се'рьезно...

— Я тоже.

В его серебристо-черных глазах сверкнуло лихорадочное злобное веселье.

— На этой пижаме были сердечки. Вот уж кошмар так кошмар...

— Есть вещи куда хуже... Такие ужасные, что от них можно уме'реть...

Какое-то мгновение Драко хранил молчание, а потом неожиданно наклонился к ней — так близко, что его дыхание касалось ее волос:

— А какая тебе разница, умру я или нет? — спросил он ровным голосом.

— Для меня есть 'разница...

— Нет, тебе все равно, — его глаза задумчиво изучали ее. — Обычно я не ошибаюсь в людях. А в тебе вот ошибся. Я тебе этого не прощу.

— Я же гово'рила тебе — это не моя вина...

Он подавил смехот:

— Не твоя вина? Хорошо-хорошо, один из нас здорово пьян, сразу скажу, что, к сожалению, это не я.

Она снова потянулась к нему и тронула его за рукав:

— Гово'рю же тебе — моя сест'ра...

Он отбросил ее руку так резко и стремительно, что больно ушибся о край стола.

— Не прикасайся ко мне.

— Знаю, ты чувствуешь себя п'реданным...

— Да, есть такой неприятный побочный эффект у предательства.

Неожиданно внутри нее белым пламенем полыхнул гнев, у нее перехватило дыхание — так частенько бывало в последние дни.

— Конечно, тебе только и говорить о п'редательстве, ты же у нас белый и пушистый. Я сама видела, как ты пове'рнулся спиной к единственному человеку в своей жизни, кото'рый был твоим д'ругом.

Драко побелел от ярости. Он замахнулся, и она удивилась — неужели он все же решится ударить ее? Пусть только попробует, она уж точно даст ему сдачи. И тут ее гнев и усталость разорвал шипящий голос — голос, пригвоздивший к месту их обоих, словно двух маленьких бабочек: в дверях стоял Салазар Слитерин.

— Дети, когда вы закончите ссориться друг с другом, я попрошу вашего внимания.

— Ждал нас? — вытаращив глаза, переспросила Гермиона.

Мальчик, похожий на Гарри, кивнул.

— У нас мало времени. Надо поторопиться.

— Не так быстро, — попросил Рон, таща за собой Джинни и Гермиону. Это, в общем-то, было довольно малоэффективно — они обе сопротивлялись его усилиям с возмущенным фырканьем. — А ты вообще-то кто такой? И почему мы обязаны следовать за тобой?

— Рон, — дернула его за руку Джинни, — ты что, не видишь, как он похож на Гарри?

— И что — поэтому мы автоматически должны ему доверять? А если бы он был двойником профессора Вектор, ты что — пошла бы с ним к нему домой?

— На кого я похож? — переспросил мальчик, глядя на них, как на психов.

— На нашего друга, — быстро ответила Гермиона, предостерегающе ткнув Рона в ладонь костяшками пальцами. — Скажи, а ты там ждал именно нас? Откуда ты узнал, что мы — именно мы, и почему ты был уверен, что мы появимся именно там? А ты... ты, наверное, Гриффиндор, да?

Лицо мальчика вытянулось и посуровело:

— Годрик Гриффиндор — мой отец, — он взглянул на девушек и отвесил им легкий поклон. — А меня зовут Бенджамин.

Джинни была потрясена.

— Смотри-ка, он поклонился, — подтолкнула она в бок Гермиону. — Парни больше так не делают...

— Я воспитан в уважении к женщинам, — Бенджамин с сомнением оглядел Джинни и Гермиону, — даже если они одеваются, как мужчины-магглы.

Рон все еще колебался:

— А откуда нам знать, что ты — именно тот, за кого себя выдаешь?

Мальчик вздохнул и потянулся к плечу, вытянув из потускневших серебряных ножен засверкавший в солнечных лучах длинный меч. Изумительная гравировка — замысловато переплетающиеся цветы, листья, животные — образовывала надпись «Гриффиндор», а эфес украшало изображение выложенного из красных камней льва.

Джинни шумно вздохнула:

— Этот меч был с Гарри в Тайной комнате... Это Гриффиндорский меч.

— Точно, — Бенджамин взглянул на нее. — А ты Наследница Хельги. Ты очень похожа на нее в юности.

Джинни кивнула:

— Я Джинни.

— А ты Наследница Рэйвенкло, — повернулся он к Гермионе. — Она ждет тебя.

Его пристальный взгляд скользнул к Рону.

— А ты... Наследник Гриффиндора? Не думал, что ты будешь таким...

— Рыжим? — подсказала с озорной улыбкой Джинни.

— Вовсе я и не Наследник, — многострадально огрызнулся Рон. — Просто придурок, которого все время куда-то заносит...

Бенджамин смотрел на него, полный сомнений и недоверия.

— Ты вроде бы говорил, что у нас мало времени? — напомнила Гермиона.

— Точно, — коротко ответил Бенджамин. — Ровена... — голос его оборвался, а когда он снова заговорил, прозвучал резко и горестно. — Впрочем, когда мы придем, вы все сами увидите.

Запахнув покрепче мантию, он, не оглядываясь, пошел вперед. Пожав плечами и переглянувшись, остальные последовали за ним. Бенджамин шагал по развалинам, словно знал здесь каждый камешек. Гермиона вскарабкалась и, догнав его, пошла рядом. Она была готова просто лопнуть от любопытства.

— Что здесь произошло?

Он взглянул на нее с величайшим недоумением и недоверием, и ее слегка затрясло: так необычно было видеть эти темные глаза на лице Гарри.

— Война, — коротко ответил он.

— Между кем и кем? — Гермиона знала ответ наверняка, но хотела услышать его от него.

Скотившись по каменному откосу и битым камням, Бенджамин поднял голову:

— Повелитель Змей поднял армии и обратил их против Дома Волшебников и тех, кто когда-то был его друзьями... вы что — этого не знаете? А как насчет уроков истории — что, нет и в помине?

— Шутишь? — сказала Гермиона.

Мальчик пожал плечами:

— Ну, ладно... Повелитель Змей создал армии гоблинов, мороков и полулюдей... Весь волшебный мир был втянут в эту войну. На нашей стороне сражались гиганты, единороги и гномы...

— А что насчет драконов? — поинтересовалась догнавшая их Джинни.

Бенджамин фыркнул:

— Драконы никогда ни к кому не присоединяются. Они наблюдают. У них своеобразное чувство юмора. Но Слитерин получил какой-то контроль даже над ними...

Бенджамин остановился и осмотрел развалины.

— Это замок Хаффлпафф. Что не выжгло пламя драконов, разрушило проклятье.

— Какое проклятье? — уточнила Гермиона. Судя по всему, оно было куда сильнее, чем то, в котором когда-то обвиняли Сириуса: дескать, он взорвал улицы и убил двенадцать магглов.

— Ровена все вам объяснит, — они обогнули разбитую стену и вышли на открытое пространство.

Гермиона ахнула, с трудом узнав пейзаж, где находилась и Нора, и Оттери-Сент-Кэчпоул. Перед ними, насколько хватало глаз, расстилалось огромное поле, над которым изогнулось оглушительно-синее небо. По всему полю кучками и рядами стояли сотни, а может, и тысячи волшебных шатров — больших и маленьких, переливающихся всеми цветами радуги. Словно она снова попала на Кубок Мира по Квиддитчу, только сейчас все было в сотни раз больше. Волшебные стяги и вымпелы хлестали и хлопали на веселом зимнем ветерке: алые Гриффиндорские, синие Рэйвенкло, золотые — Хаффлпафф. Между палаток поблескивали огненные точки костров, вокруг них сутились фигурки — некоторые — определенно люди, другие же — определенно нет.

— Ё-моё... — выдохнул позади нее потрясенный Рон. — Я видел подобные картинки в книжках про восстания гоблинов. Но и подумать не мог, что увижу что-то подобное наяву...

По пути в лагерь они пересекли что-то вроде остатков крепостного рва, который в один прекрасный день должен был стать карьером у дома Висли. Вниз, к покрытому грязной водой дну, вели каменные ступени. Гермиона не могла отвести от него глаз, когда шла по тонкому деревянному мосточку. Там, внизу, укрыты неисчислимые сокровища... не говоря уж о Хроновороте, который однажды будет принадлежать Джинни.

Вблизи лагерь оказался куда причудливее. Джинни, Рон и Гермиона, сбились в кучку и шли между шатров за Бенджамином, стараясь не обращать внимания на провожающие их взгляды, полные недоумения. Гермиона и не сомневалась, что выглядят они действительно странновато — конечно, неплохо было бы иметь что-нибудь еще, кроме джинсов и свитера... но там, откуда они прибыли, никакой одежды многовековой давности поблизости не валялось. С другой стороны, у обитателей лагеря тоже был не самый обычный вид, она даже пожалела, что после пятого курса бросила Уход за магическими существами: туда-сюда сновали звери и зверолюди, некоторых она узнала, некоторых хотела бы узнать.

Суровые кентавры спешили куда-то целеустремленной рысью, высокомерные женщины с заостренными ушами в шелковых одеяниях... определенно эльфы, а вокруг одного костра сидели какие-то маленькие лохматые злобного вида существа, чокались медными кружками и что-то фальшиво распевали.

Бенджамин замер и, пробормотав «Ждите здесь», нырнул в маленькую синюю палатку.

Рон коснулся руки Гермионы:

— Похоже, ты замерзла...

— Точно. Ужасный мороз. А эти поющие коротышки действуют мне на нервы.

— Это гномы, — шепнул Рон на ухо Гермионе — Читал о них на истории. Маленькие подлецы, но отличные воины. Напои их — и они бросятся всем подряд рубить ноги по самые колени.

— Какие они кошмарно волосатые... — заметила Джинни, метнув в них подозрительный взгляд.

— Кажется, у них нет половых различий, — заметил Рон. Похоже, гномы его услышали: десятки пар маленьких красных глаз начали буравить всю троицу, а через секунду песня снова разнеслась по округе — куда более хриплая и громкая, чем раньше.

У миссис МакФрай были в саже каминь,

Не лучше они и у Молли О'Клю.

Сказал трубочист: для тебя, моя милая,

Достану любимую щётку свою.

Пускай я чумазый и ростом не вышел,

Но щётка моя, как мощнейший рычаг,

Слезу выжимает у стойкой девчонки.

Нельзя ли, мадам, мне залезть к вам в очаг?

(перевод Нейтрона)

Бенджамин высунул голову из шатра:

— Она сказала, что хочет видеть Наследников, — он взглянул на Джинни и Гермиону и перевел взгляд на Рона. — Только Наследников. Тебе придется ждать здесь.

— Нет, — мотнула головой Гермиона, прежде чем Рон успел что-то сказать. — Без Рона мы никуда не пойдем.

Бенджамин вытаращил глаза, похоже, он не мог понять, правильно ли он ее расслышал.

— Вы не... что?

— Мы не пойдем без Рона. Можешь ей это передать?

Бенджамин шагнул из шатра, опустив за собой полог.

— Видимо, вы не поняли, — его голос был полон ровного гнева. — Она умирает. Она — величайшая волшебница эпохи, и она умирает! Все, что у нее было, все свои силы она отдала битве с Повелителем Змей — и это убило ее, единственная причина, почему она до сих пор еще жива, — ее желание увидеть вас. Она просто дожидалась. Всю мою жизнь она была мне как мать, а

последние два дня я только и смотрел, как она страдает и ждет... Так что извините, если вам показалось, что вы мне не понравились, но, по-моему, именно из-за вас она до сих пор все еще здесь и изнемогает от боли...

— Бенджамин! — потрясенно прервала его Гермiona. — Прости. Мы не знали.

Он кивнул, видимо, устыдившись своей вспышки. Гермiona обменялась быстрыми взглядами с Роном и Джинни, так же ошеломленными, как и она сама. Не говоря о том, что они тоже не знали, что все обстоит именно так, было очень странно видеть кого-то настолько похожего на Гарри и в горе, и в гневе.

— Все нормально, — тихо произнес Рон. — Я подожду снаружи...

Бенджамин кивнул. Он собрался и выглядел уже не таким несчастным.

— Я подожду с тобой.

Повернувшись к шатру, он откинул полог перед Джинни и Гермioniой. Поколебавшись мгновение, Джинни шагнула внутрь, а Гермiona чуть задержалась, глядя на Рона. Он озабоченно взглянул на нее — его синие глаза сверкнули из-под покрытых сажей и копотью волос. И ободряюще подмигнул.

Она прикусила губу.

— Рон, будь осторожен. Никуда не отходи. Не ввязывайся в драку с гномами. Не...

— ...не объедайся шоколадом, а то живот заболит. Я не собираюсь драться с гномами, Гермiona. Я даже с тобой ужилсЯ.

— Просто похоже, что они слишком много... ну ты сам понимаешь, — Гермiona подняла воображаемую кружку и опустошила ее.

— Сосут пальцы? — с испуганным любопытством уточнил Рон.

— Пьют! — раздраженно прошипела Гермiona.

— Только не надо на меня так смотреть! Я не из тех, кому надо объяснять все на пальцах.

Гермiona обреченно махнула рукой и повернулась к Бенджамину.

— Присмотри за ним, — попросила она, игнорируя возмущенный взгляд Рона и прекрасно понимая, насколько глупо это выглядит: она просит двенадцатилетнего мальчишку присмотреть за парнем четырьмя годами старше. Но сейчас это не имело никакого значения: подавленно взглянув на юношей последний раз, она нагнулась и вслед за Джинни вошла в шатер.

Из-за невозможности телепортироваться прямо к старому дому Джеймса и Лили (установленная там защита не позволяла сделать это в радиусе полумили), Лупин и Сириус отправились на Верхний Бульвар Годриковой Лощины — маленького безобидного волшебного городка, прямо на границе Уэльса и Англии.

— Там зелень, кругом сплошная зелень, — Лупин со школьных лет помнил, как Джеймс твердил ему это, и лишь только оказавшись в родном городе приятеля, он понял, что тот имел в виду: не сочные уэльские земли были зелеными, а сам город, точнее, фасады магазинов по главной улице переливались всеми оттенками зеленого от изумрудного к лайму с отдельными синими, белыми и золотыми вкраплениями. Холодный зимний бриз хлопал у них над головами красным уэльским флагом с золотыми драконами, парившими над словами «Y Ddraig Goch Ddyry Cychwyn».

Узкие мощеные улочки петляли между домами и магазинами, за городком вздымались темные серо-зеленые холмы. В Имении было солнечно, а здесь все заволкли облака, небо было серое, низкое...

Лупин передернул плечами и поднял воротник своей дорожной мантии, закрывая уши.

Если кто из обитателей Годриковой Лощины и обратил внимание на телепортировавшихся к ним двух волшебников, то он не выказал удивления. Никто не таращился им вслед, когда они спустились по ведущей в город улице, прошли мимо магазина сластей с рекламой Шоколадок «Скрум!» В витрине (фотография вечно угрюмого Крума венчала гору конфет в веселых ярких фантиках: «Скрум!» новые конфеты лично одобрены знаменитым болгарским ловцом!) и мимо паба «Салат и Слизень».

— А тут мы с Джеймсом частенько играли в дартс, — кивнул Сириус, когда они проходили под вывеской, казалось, сделанной из настоящего листа салата, которую с аппетитом грыз маленький энергичный слизняк. — Единственная игра, в которую я его обставлял.

— Да ты и в Квиддитче был бы неплох, разреши они тебе играть на мотоцикле, — улыбнулся Лупин. — А кстати, что случилось с твоим железным конем?

— Он был у Хагрида — тот вернул его мне, после того, как меня оправдали, но у меня нога не поднималась сесть на него. Последний раз я летал на нем... здесь... да в конце-то концов, сейчас у меня есть Конклюв.

— Так где он?

— Сейчас он хранится в моем сейфе в Гринготтс. А что — хочешь его позаимствовать?

— Не то, чтобы это было моим любимым видом транспорта, но все равно — спасибо.

— Мотоцикл буквально притягивает девчонок.

— Да, это просто чудесно.

— Кстати, хорошо, что вспомнил: ты с кем придешь к нам на свадьбу? У Нарциссы есть приятельница, которую некому сопровождать — может, сделаешь доброе дело и станешь ее кавалером? Она вообще-то была Аурором и очень любит собак, так что волк для нее не проблема...

Лупин остановился посреди улицы и посмотрел на друга с большим подозрением:

— Сводничаешь, Сириус?

— Я? Что ты — никогда! — с самым честным видом ответил Блэк.

— Сириус...

Сириус бросил притворяться.

— Да ладно тебе, Лунатик! Тебе надо больше бывать на людях, глядишь, встретишь кого-нибудь. Признаться, я всегда думал, что останусь последним холостяком... но вот ты... неужели тебе это не надоело?

— К твоему сведению, я веду насыщенную и разнообразную жизнь.

— Да знаю-знаю: каждую ночь за чашкой горячего какао и старыми выпусками «Нумерологии сегодня» следует «Волшебный риск». Девчонки, берегитесь: его не приручить.

— Я оборотень, Сириус и имею тенденцию... создавать проблемы.

— А я по гороскопу — Близнецы. У каждого свои недостатки. Ладно тебе, Лунатик: куче женщин понравится твой экстремальный стиль а-ля Джерри Гарсиа.

— Просто ты хочешь усадить меня в свою же лодку — снова эти советы Как-Стать-Женатым... Кстати, когда это должно случиться?

— Нарцисса запланировала церемонию на 15 августа.

— Что значит — 15 августа?

— То, что я сказал: 15 августа. А что, какие-то проблемы с датой? — Сириус повернулся и улыбнулся товарищу, откидывая с глаз взлохмаченные ветром черные волосы. — Или у тебя другие планы? Или... — неожиданно глаза его расширились, голос прервался. — Это случайно не...

— Полнолуние, — спокойно подтвердил Лупин. — Поверить не могу, что твоя свадьба намечена именно на этот день.

— Лунатик! — Сириус, не зная, засмеяться ему или смутиться, как вкопанный остановился посреди дороги, ведущей с Верхнего Бульвара на вершину холма к дому Поттеров. — После Хогвартса я прекратил следить за луной... но в любом случае — ты все равно можешь прийти на нашу свадьбу...

— Нет, — со страдальческой миной оборвал его Лупин и продолжил свой путь, — думаю, я останусь дома и не буду ничего и... гм... никого есть на вашей вечеринке.

— Значит, надо менять дату, — удрученно заметил Сириус. — Без тебя вечеринка — не вечеринка, я думал, ты будешь шафером... Ну, не дуйся, Лунатик.

— Я не дуюсь.

— Ты дуешься.

— Говорю тебе — и не думаю!

— Дуешься: я же вижу!

— Хорошо, ну, может и дуюсь, — согласился Лупин, замерев на дорожке, и засунул руки в карманы. — Кстати, ты не забыл, куда и зачем мы шли? Мы на месте.

Сириус остановился. Вся его нервозность внезапно испарилась: он неподвижно стоял и смотрел из-за плеча друга на покрывавшие склон холма развалины.

С тех пор, как Лупин побывал здесь в последний раз, все было выжжено и уничтожено до

основания; вряд ли тот, кто не знал, что здесь было раньше, понял бы, что это не просто заросшие бурьяном унылые неприветливые развалины — таково было действие волшебства.

Они двинулись вперед — сначала Сириус, позади него Лупин, глядя, как с каждым взглядом на заброшенные руины подавленно напрягаются плечи друга: груды камней свидетельствовали, что когда-то здесь стояли стены... каменные ступеньки, ведущие к крыльцу, где в последний раз Джеймс и Лили махали им на прощание...

Порыв холодного ветра взлохматил волосы Лупина и бросил их ему на глаза. Вздвогнув, он убрал их, поглубже натянул капюшон дорожного плаща и покосился на Сириуса: тот стоял и молча смотрел на дом, вернее, не на сам дом, а на возвышающиеся поодаль серые холмы. В глазах не было тревоги — они были полны болью воспоминаний.

— Сириус... ты как?

— В порядке, — Сириус крепче запахнулся в мантию и зашагал к дому. Лупин последовал за ним, поражаясь выдержке Сириуса, — он знал, что его другу сейчас куда тяжелее, чем ему самому: ведь он появился в доме Лили и Джеймса уже после их свадьбы, тогда как Сириус гостил тут еще во время хогвартских каникул — если ему некуда было податься, Поттеры приглашали его к себе. Не так давно он упомянул в разговоре с Лупиным, что рад, что родители Джеймса скончались, когда им с Джеймсом было только по двадцать, — они бы просто не пережили известия, что он, Сириус Блэк, ставший им за эти годы почти что сыном, отплатил им за всю их доброту самым ужасным способом.

И вот они уже на заднем дворе — он не был таким заросшим, как можно было ожидать, заклинание, скрывавшее дом, побочным эффектом замедляло изменения, сохраняя все, как было. Шагая вслед за Сириусом, Лупину продирался сквозь высокую — до колен — траву; они завернули за угол и остановились у подножья высоченного вечнозеленого дерева, в кроне которого пел и играл листьями ветер.

Дерево было самое обычное, однако, похоже, полое изнутри: примерно в полуфуте над их головами темнело дупло.

— Сириус, это дерево.

— Я знаю.

— Оно для тебя что-то значит, или это просто вспышка интереса к садоводству?

В ответ Сириус достал свою палочку и указал ей на дупло:

— *Зовио!*

И тут, словно птицы из гнезда, к нему полетели какие-то странные, непонятной формы предметы, один из них — маленькая коробочка — просвистела у Лупина над ухом, он присел и с недоумением обернулся к Сириусу:

— Это что еще?..

Сириус задумчиво смотрел на подлетающий к нему последний предмет, поймал его и пояснил:

— Мы с Джеймсом использовали это дерево в качестве... гм... тайника для наших сокровищ, прятали тут от родителей всякие штуки. Однажды он мне сказал, что этому дереву не одна сотня лет, и оно послужило тайником уже не для одного поколения Поттеров. Я думал...

Он внезапно замолчал и присел на корточки, Лупин последовал его примеру, и они вместе начали изучать образовавшуюся у их ног кучу самых неожиданных и разнообразных предметов.

Некоторые были ему знакомы: у него кольнуло в груди, когда он увидел коробочку Карандашей Магической Реальности «Оживи свою карту!» из Зонко — именно ими была нарисована Карта Мародеров. Пачка писем. Он не видел их раньше, но узнал почерк Лили. Сириус провел по ним рукой и отложил в сторону.

Большой радужный пакетик Всевкусных Орешков Берти Боттс с надписью «Попробуй вкус радуги!» на боку — Сириус, усмехнувшись, поднял его:

— О, помню-помню... Ты не ел фиолетовые, потому что поговаривали, что от них случаются галлюцинации... Ну, конечно, это были только слухи...

— Ага, а вы с Джеймсом эти слухи решили проверить, подсунув за завтраком три штуки Снэйпу в овсянку. В тот день он набросился на двух учителей, приняв их за жирафов — вооруженных и очень опасных.

— Да, это было круто... — Сириус заулыбался, но тут же очнулся, — хотя, нет — с нашей стороны

это было весьма бесчувственно и негуманно.

Лупин вытаращился на него, не в силах поверить своим ушам:

— Сириус, ты что — тайком съел фиолетовую конфету, пока я не видел?

Сириус снова улыбнулся и отбросил пакет в сторону. Теперь он поднял деревянную коробку и откинул крышку, Лупин заглянул внутрь и почувствовал, что сердце замерло: там лежала книга в желтом переплете: «Вы решили стать росмахой: двенадцать трудных шагов, чтобы стать зверомагом» и стопка пергаментных карточек с записями Джеймса, сделанными аккуратным мальчишеским почерком: «Необходимые ингредиенты: порошок из змеиной кожи, кровь дракона, толченая шкура бумсланга, позвоночник тритона... Кстати: попросить у Лили ключ к классу Заклинаний, чтобы мы могли работать там. Все должно быть готово к следующему полнолуннию.»

Лупин прикрыл глаза — настолько ясно и четко перед его внутренним зрением вспыхнул образ Джеймса: вот он в Запретном Лесу, подняв к ночному небу глаза, полные первозданной дикости и звезд, ждет превращения... Время сжалось, словно меха гармошки, — Джеймс захохотал...

Сириус обычно смеялся дольше всех, но Джеймс, как правило, всегда начинал смеяться первым: в отличие от Сириуса, он всегда был открыт счастьем и радости. Лупин всегда думал, что все дело в том, что детство у них было совершенно разным, однако теперь, глядя на Гарри, детство которого, с этими годами, проведенным взаперти под лестницей, было просто ужасным, видел, что они с Джеймсом в этом очень похожи. Чтобы быть счастливым, ему тоже нужны были только его друзья...

А вот на Сириуса куда больше был похож Драко — вряд ли существовало другое слово, которое с таким трудом можно было применить к ним обоим, чем слово «счастье».

Лупин услышал, как Сириус кашлянул, закрыл коробку и опустил ее на землю. Оглядевшись, он увидел еще одну пачку писем, которую Сириус торопливо отпихнул подальше. Судя по украшавшим их пылающим сердечкам, падающим звездам и именам — Эшли, Кэрл, Эми — они были от старых подружек Сириуса.

Вот старые Квиддитчные карточки — улыбающийся и весело подмигивающий Людо Шульман, а вот Иван Вронский... теперь она наверное, стоит целую кучу галлеонов! Сириус и их отложил в сторону. А вот перевязанная ленточкой пачка волшебных фотографий — он сунул их в карман и наконец присел на пятки, качая головой и отряхивая грязь с рук. — Не нашел того, что искал?

— Нет, — медленно ответил Сириус, — нет, но тут же была коробка, о которой мне говорил Джеймс... Могу поклясться...

Неожиданно он вскочил, щелкнул пальцами и закричал:

— Ну конечно! Он спрятал это под корнями! Отойди-ка на секунду, Лунатик...

Лупин опасливо послушался.

Сириус снова вытащил из кармана палочку:

— *Зовио лопата!*

— Лопата? — вытаращил глаза Лупин. — А она-то здесь откуда?

— Откуда-нибудь поблизости, — хладнокровно отрезал Сириус. — Оп-с, пригнись...

Здоровенная лопата просвистела у Лупина над головой и влетела в ладонь Сириуса, который тут же закатал рукава мантии и набросился с ней на дерево, невзирая на насмешливо-раздосадованный взгляд Лупина, наблюдавшего за ним со скрещенными на груди руками.

...Надо же — ему и в голову не пришло, что могли подумать добропорядочные жители городка, увидев летящую над их головами лопату...

Зная манеру Сириуса со всем справляться самостоятельно, Лупин присел на ближайший пенек и смотрел, как его друг вгрызается в каменную землю. На землю полетела мантия, за ней последовал свитер. В момент, когда Сириус был готов отправить в эту же кучу и рубашку, Лупин с трудом удержался от язвительного замечания, что Кэрл, Эшли и Эми много потеряли, пропустив такое зрелище.

О гусарском списке Сириуса ходили легенды. Лупин помнил, как после ежегодного командного медосмотра, где все взвешивались, Амос Диггори вышел с хитрым лицом и провозгласил: «Сириус Блэк: 76 килограммов, из них 50 — записочки с адресами девчонок».

Однако Лупин промолчал и, вытащив из кармана Скрум-шоколадку, начал отстраненно ее уничтожать: похоже, им предстояло тут задержаться.

Драко опустил занесенную над Флёр руку и медленно повернулся к Слитерину.

Повелитель Змей стоял в дверях и, судя по кровавой кайме на подоле его мантии, еще не сменил одежду. Глаза его горели, щеки пламенели, но от этого его вид не стал более живым, хотя покойником он уже тоже не казался... что-то среднее, какое-то ожившее отражение. Драко услышал, что Флёр поднялась и встала рядом — тяжелый сладкий аромат, который источали ее волосы и одежды, усилился, хотя, возможно, это было из-за близости огня. У него слегка закружилась голова.

— Господин... — Флёр склонила голову. Драко не двинулся. Слитерин сделал несколько шагов и встал посреди комнаты.

— Мальчик, ты не хочешь поприветствовать меня?

— Я не буду звать тебя Господином, — спокойным голосом отрезал Драко.

Слитерин спокойно взглянул на него:

— Я и не требую этого от тебя.

— А как бы ты хотел, чтобы я тебя называл? — прищурился Драко.

— Иначе, — ответил Слитерин. — Ты будешь звать меня Отец.

— Ага, ты что — не знаешь, что это вызывает у меня не самые приятные ассоциации. Может, я буду звать тебя как-нибудь по-другому? Ну, скажем... Джек... А что — вполне симпатично.

Слитерин улыбнулся.

— После нынешнего вечера ты можешь поменять свое решение. Ты знаешь, что я запланировал?

— Вообще-то я надеялся на покер, но, готов поклясться, что это не так. Что-то интересное? Ритуальное убийство? Человеческое жертвоприношение? Репетиция фестиваля смерти? — Драко пожал плечами. — На мой вкус, старомодно.

— Так, а что бы ты хотел? — поинтересовался Повелитель Змей.

— Признаться, я надеялся на что-нибудь попроще, — Драко с трудом удержался, чтобы не хихикнуть. — О, идея: давай закажем суши и не заплатим.

Слитерин прищурился, Флёр позади Драко слабо пискнула.

— Я и не говорил, что это хорошая идея, — тут же добавил Драко.

Слитерин снова заулыбался — словно у него судорогой свело лицо, в этой улыбке не было ни грамма смеха или удовольствия.

— За мной, — скомандовал он. — Оба.

И он вышел из комнаты. Флёр кинулась ему в след, Драко медленно пошел за ней.

Узкие коридоры перетекали один в другой и наконец привели их в огромную залу с круглыми стенами, сложенными, как и все в этом замке, из неотесанного камня. В ней было пусто — только круг, нарисованный мелом на полу, да какие-то затейливо украшенные нефритом, малахитом и серебром просто изумительные щиты у дальней стены — кажется, они были из драконьей кости — во всяком случае, по цвету они были значительно более белыми, чем слоновья кость.

Драко покосился на Флёр: она была бледна и, судя по виду, близка к тому, чтобы упасть без чувств.

Слитерин прошел в центр комнаты и, вступив в нарисованный круг, протянул свою левую руку Драко:

— Иди сюда.

С большой неохотой Драко подчинился, и в тот миг, когда он пересек черту и встал рядом со Слитерином, он почувствовал, что его пробила дрожь, — воздух внутри круга был градусов на десять ниже, чем в остальной комнате. Драко затрясло — казалось, холод идет откуда-то изнутри.

— Так, а теперь, — продолжил Повелитель Змей, — скажи, как ты предпочитаешь страдать: стоя или на коленях?

Драко не мог поверить своим ушам:

— Страдать?

— Это твой выбор, я верю только добровольным поступкам, — произнес Слитерин, голос его был сух и холоден, как змеиная кожа. Внезапно его рука взлетела со скоростью атакующей кобры и схватила Драко за грудки. — А ты что — решил, что я доверяю тебе? — он приблизил свое лицо к лицу Драко и уставился своими черными глазами в его — серебристые. — Сегодняшняя утренняя комедия не в счет, посуди сам: с того момента, как я восстал, ты постоянно боролся со мной —

не стоит думать, что мне про это неизвестно. Я ведь все знаю: и что тебе дорого, и твои сны; мне известно, на что ты способен, а на что — нет... как ты думаешь, почему я просто отпустил тебя после первой нашей встречи? Ты был слишком силен, и мне тяжело было сражаться с тобой... А теперь ты ослаб: меч иссушил твою волшебную силу и тебя самого точно так же, как сражение с мантикорой утомило твоё тело, а рана на боку пролила твою кровь. Если бы я захотел превратить в реальность комедию, что ты разыгрывал передо мной, ты не сумел бы меня остановить.

Драко почувствовал, что слова обдирают ему горло:

— А почему ты решил, что это была комедия?

Слитерин отпустил мантию Драко.

— Впрочем, это не имеет ни малейшего значения, — тихо произнес он и взял Драко пальцами за лицо — Драко почувствовал, что его словно прострелило, от прикосновения этих холодных пальцев по нервам пробежала волна, от скул до самых глаз. — По своему ты даже невиновен...

— О, нет, — голос Драко был, как никогда, тверд, — вот уж точно нет.

— Правда? — Слитерин убрал свою руку. — Так что же ты сделал? И что сделали тебе?

— Все.

Слитерин покачал головой:

— Нет... не все... — он протянул руку. — Дай мне твою руку. Левую.

Драко скованно подчинился и почувствовал, словно видит эту сцену со стороны, будто плавая где-то вверху: начерченный на полу круг и в нем два человека.

— Я снова спрашиваю тебя: как ты будешь страдать, стоя или на коленях?

Повисла короткая пауза.

— Стоя, — наконец ответил Драко.

— Я знал, что ты скажешь именно это, — Слитерин перевернул руку Драко ладонью вверх, закатал до локтя его рукав, обнажив предплечье в прожилках голубых вен.

— *Potestatem patris nostrae in tenebris invoco*, — зашипел Слитерин, его голос звучал так же, как и голос Гарри, когда тот говорил на Змееязы, и вдруг круг полыхнул пламенем, и их окружило кольцо огня. Теперь в глазах Слитерина появилось веселье, он заулыбался, его глаза светились, хотя, может это было просто отражением пляшущего пламени... — *Бруциата!* — выкрикнул он.

И в этот миг Драко пронзила раскаленная боль, словно клинок воткнулся в его руку. Он закричал и, несмотря на то, что хотел устоять, понял, что это выше его сил: колени подогнулись, Слитерин отпустил его, и он рухнул, как подкошенный, ударившись руками об пол. Драко корчился и извивался, чувствуя только боль, пронзавшую его вены, пытавшуюся остановить его сердце... Перед глазами рождались и умирали галактики, мелькали серебристые звезды и созвездия... Боль отступила.

Драко лежал с закрытыми глазами, не в силах в это поверить, все еще ожидая ее возвращения. Но она ушла. Драко открыл глаза и медленно сел — все тело болело, а рука горела огнем. Он повернул ее, уже зная, что именно он увидит, — свежий черный след, оставленный огнем... Ухмыляющийся череп... змея... пустые издевающиеся глазницы — такие же, как на руке его отца. *Signo Serpens.*

Знак Мрака.

Изнутри синий шатер, как, впрочем, любой волшебный шатер, был совершенно не такой, как предполагалось снаружи: девушки оказались в спальне с каменными стенами. В резном каменном камине по северной стороне потрескивал огонь, отблески пляшущего пламени играли на гобеленах и кованых сундуках, а в дальнем углу комнаты на кровати с откинутым пологом в подушках лежала женщина — Гермione, с трудом оторвавшей глаза от пламени, она сначала показалась просто темной тенью, но тут женщина шевельнулась, села и заговорила.

— Подойдите ближе, — позвала она.

Взявшись за руки, Гермione и Джинни шагнули к кровати. Тень качнулась назад и посветлела, теперь женщина была видна отчетливее: она сидела, обложенная подушками. Взглянув на ее мантию, Гермione почувствовала, как ее пронзило какое-то странное, дикое ощущение: цвет был именно такие, какой она выбрала бы сама — светло-васильковый... Те же каштановые волосы, нежная персиковая кожа, как и на гобелене в замке Слитерина, вот только чернильного пятна на

щеке в этот раз не было. Она выглядела смертельно усталой, когда подалась вперед и протянула к девушкам руку:

— Значит, еще одна я есть теперь в мире... — тихо произнесла она, легко касаясь волос Гермiony. Она повернулась к Джинни, глаза ее наполнились печалью и потемнели. — И еще одна Хельга... Такая же красавица, какой была и она...

Обе девушки не могли произнести ни слова, Казалось, Ровена это почувствовала.

— Присаживайтесь, пожалуйста... — она указала на низенькую скамеечку рядом с кроватью, всю заваленную мягкими подушками. Неверно истолковав слова Бенджамина о том, что Ровена при смерти, Гермiona ужасно боялась увидеть ее раненой, мечущейся в горячечном бреду — но нет, она просто выглядела бесконечно усталой и совершенно обессиленной, кожа ее была настолько бледна, что, казалось прозрачной.

— У вас замерзший вид, — заметила Ровена.

— В том месте, где мы были, стояло лето. То есть — в том времени... — поправила Гермiona.

Ровена устало улыбнулась ей и прикоснулась к Ликанту на ее шее.

— Я была бы в ужасе, если бы он был уничтожен, — произнесла она. — Когда Салазар ушел, он унес его и исчез вместе с ним. Хорошо, что ты его нашла. Можно мне им попользоваться?

— Ну, конечно же! Он же ваш, — Гермiona сняла с головы цепочку и протянула Ликант Ровене, не почувствовав укола обычной резкой боли.

Слегка сжав его левой рукой, Ровена протянула вторую руку к девушкам:

— *Pectogarmentius!*

По всему телу пробежали мурашки, и ощущение холода исчезло, сменившись теплом: опустив глаза, Гермiona обнаружила, что джинсы и тонкий свитерок пропали, вернее, превратились в темно-синюю шерстяную мантию, мягкую и теплую. Она бросила удивленный взгляд на Джинни — на той была точно такая же, только зеленая. Гермiona была весьма впечатлена: она уже подумывала о том, чтобы колдовством утеплить их одежду, но одновременное изменение и внешнего вида, и материала... — да, это была Трансфигурация высшего класса, она бы вряд ли с этим справилась.

— Спасибо, — поблагодарила ее Ровена, словно бы это Гермiona оказала ей услугу, и протянула руку, возвращая ей Ликант. Гермiona с недоумением уставилась на него:

— Но вы же Магид, он же не нужен вам, чтобы колдовать!

— Я умираю, — мягко возразила Ровена, — думаю, что Бенджамин сказал вам об этом... Слишком много сил я потеряла... Впрочем — все в порядке, я просто хотела чуточку поколдовать, ужасно скучала по этому последние несколько дней. И не надо волноваться: кентавры приготовили мне особое зелье, оно будет поддерживать во мне жизнь столько времени, сколько нужно, чтобы все с вами обсудить.

Гермiona кашлянула, но, когда она заговорила, голос все равно сорвался на писк:

— Бенджамин — он первый Наследник Гриффиндора?

Ровена кивнула.

— Я видела выражение твоего лица, когда ты узнала его... Он так же похож на Наследника в вашем времени, как и на своего отца?

Гермiona медленно закивала:

— Он очень похож на Гарри...

— Гарри? — удивленно хлопала глазами Ровена. — Похож на короля?

Гермiona замотала головой:

— Это не уменьшительное имя, просто Гарри. Он немного похож на Годрика, и он Магид — так же, как и вы.

— Мне казалось, он должен был прийти вместе с вами, — произнесла Ровена. — Судя по тому, что вы здесь, Слитерин снова возродился... Так где же Гарри?

...Как бы я сама мечтала это знать, — тоскливо подумала Гермiona. В горле стоял комок, она не могла вымолвить ни слова. Джинни тихонько пожала ее руку. Наконец, она справилась:

— Слитерин забрал его, а куда — мы не знаем...

— Он забрал его?! Забрал Наследника Годрика? — Ровена побледнела еще больше, хотя это казалось совершенно невозможным. — Где он это сделал? И когда?

Гермiona быстро рассказала, как сама была похищена Слитерином и как потом снова

встретилась с ним в Норе. Когда она закончила, Ровена повернулась к Гермионе тихо вздохнула:

— Он нашел Источник... Когда ты впервые его повстречала, он был слаб, он только что восстал, у него не было источника силы... Видимо, теперь он нашел Магида, пожелавшего стать его Источником.

— Значит, он снова силен? — спросила Джинни.

— Только на время: Источник должен использоваться только как усилитель мощи, как собирающее устройство, он не должен компенсировать недостаток магической энергии другого волшебника — такая связь медленно иссушает Источник и убивает его, а значит, Слитерину понадобятся все новые и новые Источники...

— Значит, именно поэтому ему нужен Гарри?

— Нет, он не станет разменивать Наследника Гриффиндора на такие пустяки, кроме того, Источник должен быть добровольным... Он знает, что это замкнутый круг — и всю свою силу он сейчас бросил на то, чтобы найти Око...

Джинни выглядела такой же изумленной, какой себя чувствовала и Гермиона.

— Око?

— Прежде, чем заточить Слитерина, я отняла у него силу, — Ровена задышала чаще, словно ей не хватало воздуха. — Благодаря мечу он был бессмертен, поэтому я погрузила его в кому и укрыла тело в замке, где никто, кроме тех, кто знал об этом, не мог его обнаружить. А силу его я заключила в Око... но я не смогла его уничтожить, а потому сделала так, что его охраняло самое свирепое из всех созданных Салазаром существ. Восстав, Салазар был бы лишен своей мощи, он был бы очень слаб... Разве что, — продолжила она, — он сумеет добыть Око... Его нельзя ни разбить, ни разрушить, но его можно открыть — если он преуспеет в этом... — Ровена убежденно покачала головой, — хотя нет, он не сможет убить мантикору. Он слишком слаб для этого. Это верная смерть.

Гермиона тут же вспомнила существо, выгравированное на шкатулке, хранившей Хроноворот:

— Мантикору?

Ровена кивнула:

— Оно спрятано внутри манतिकоры, самого неуязвимого и бессмертного волшебного создания. Чтобы извлечь Око, ее придется убить.

— А если он сделает это, — осторожно спросила Гермиона, — если он убьет мантикору и добудет Око — что тогда?

— Око может быть открыто только в присутствии всех четырех Наследников, каждый из них должен прикоснуться к нему и произнести Открывающее Заклинание — причем они должны это сделать сами, а не под Заклятием *Империи*.

— Слитерину это известно?

— Нет. Однако он умен, он знает меня и он слышал заклинание, произнесенное мной, когда я заключила его в темницу. За это время он мог его разгадать.

— Значит, он пока не причинит Гарри вреда, — облегченно произнесла Гермиона и ее плечи расслабились, — не сможет, он еще нужен ему...

Ровена взглянула на нее, и вдруг Гермиона поняла, о ком напоминают ей эти синие глаза: о Дамблдоре — тот же спокойный, твердый и пронзительный взгляд.

— Ты любишь его.

— Да, больше всего на свете, — Гермиона почувствовала, что не может лгать.

— А что о Наследнике Салазара? — тихо спросила Ровена.

У Гермионы мелькнула мысль, что Ровена спрашивает, любит ли она Драко. Она остолбенела. За нее ответила Джинни:

— Если вы имеете в виду, существует ли он, — то да, он есть. — И он присоединился к нему?

— Нет. Его похитили вместе с Гарри, иначе он бы сейчас был с нами. Он не станет приспешником Салазара — ни за что.

— Пока, возможно, да... — тихо уронила Ровена, — однако именно об этом гласит пророчество, это предсказано... Мне жаль, если он ваш друг...

Джинни отрицательно замотала головой, Гермиона присоединилась к ней:

— Драко ни за что так не поступит!

Ровена вздрогнула:

— Это что — имя?!

Гермиона опешила:

— Да, — медленно кивнула она, — Драко Малфой...

— Малфой, — эхом повторила женщина на кровати, — эта фамилия звучит, как шутка Салазара: *mal fait* — злодеяние... Что ж, создание Наследника было худшим из них...

Ровена отвернулась к окну.

— Однако... ради вас я готова поверить в его доброту... — она повернулась к Гермионе. — Ведь ты любишь его...

Гермиона вытаращила глаза и промолчала, Джинни позади нее вздрогнула.

— Любовь ослепляет, — продолжила Ровена, — если он действительно Наследник Салазара, его кровь напоена темной магией... Однажды Салазар создал вилу... она родила ему детей... в то время он весь ушел в Темную Магию — даже когда его ранили, не кровь лилась на землю, а огонь... Я знала об этом, но не могла поверить. А потом он ранил меня, и было слишком поздно, — она подняла глаза на Гермиону и Джинни. — Однажды ошибившись в том, кого любишь, ты уже никогда не сможешь снова поверить самой себе... Надеюсь, что этого не случится. Однако сможешь ли ты убить его, если дело дойдет до этого?

Гермиона почувствовала, как кровь буквально вскипела у нее в жилах.

— Убить Драко?

Она зажмурилась и представила его: вот он улыбается... так он улыбается только ей: серые глаза потемнели, уголки губ приподнялись... Она и представить не могла, что значит — убить кого-нибудь. Тем более — друга. Тем более — Драко... Господи, это же просто смешно!

— Естественно нет!

Джинни, стоящую позади Гермионы, буквально трясло от напряжения.

— Ни одна из нас не смогла бы причинить ему вреда. Ни одна — но мы же хотим знать, как нам остановить Слитерина, а не Драко, ведь это не одно и то же. Я сама видела, как он совершал добрые дела, героические поступки — он спас жизнь Гарри, спас Гермиону. Ну и пусть в его крови темная магия — но он же не выбрал ее, правда?

— Видишь ли, Салазар, как правило, не давал права выбирать... — возразила Ровена. — Кто для него важнее всего? Для него — и для Драко? — обратилась она к Гермионе.

Гермиона почувствовала, что улыбается:

— За исключением его самого? Гарри.

Внезапно слезы подступили к глазам, и она отвернулась в сторону. Голос ее дрожал, когда она продолжила:

— Я хочу кое-что сказать: когда мы перевернули Хроноворот и были где-то в межвременье, думаю, я видела его — видела Гарри, буквально одну секундочку: он находился в какой-то голубой комнате со скованными за спиной руками... никогда не видела ничего похожего на это место...

...Драко рядом с ним я тоже не видела, — мелькнуло у нее, но она прогнала эту мысль. — Цыц. Это ничего не значит.

— Я знаю, что это за место, — сказала Ровена, приподнявшись. — Если он Магид, то на земле существует только одна тюрьма, в которой его можно удержать, Салазар сам ее построил. Для меня. А глыбы стеклостали как раз синие... — в раздумье Ровена покусывала губы.

Гермиона повернулась к ней:

— Гарри в адмантиновой клетке? Значит нет никакого способа добраться до него?

— Я могу рассказать, как прямо сейчас попасть в эту клетку... — задумчиво произнесла Ровена. — Хотя... в будущем... Салазар мог поменять защиту.

— Тогда я отправлюсь туда с помощью Хроноворота, — пылко заявила Гермиона, — он вернет нас во времени. К Гарри.

Ровена откинулась на подушках:

— Коснись его и произнеси *mobiliarus* — и он превратится в портключ, перенеся вас в его замок. Захватите Бенджамину. Он сможет провести вас в камеру, а портключ вернет...

Полог палатки зашуршал:

— Меня кто-то звал?

— Подслушивал, Бен? — улыбнулась Ровена, но это улыбка быстро поблекла и угасла. — Ты там

не один? Кто с тобой?

— Да, но я не собирался...

— Нет, — Ровена резко выпрямилась. — Пусть он войдет.

С самым озадаченным видом Бенджамин прошел в палатку и распахнул полог, приглашая внутрь Рона. Кажется, снаружи начался снегопад: рыжие волосы Рона были присыпаны белыми снежинками. Он с любопытством оглядел внутреннее убранство палатки, задержав взгляд на причудливой мебели и коллекции оружия на стене.

— Подойди, — протянув руку, позвала его Ровена.

Переполняясь удивлением и любопытством, Рон подчинился — засунув руки в карманы, он прошел к кровати.

— Ты Прорицатель, — без всякого вступления, напрямик заявила Ровена, пристально глядя на него. — Седьмой сын...

Рон от удивления выдернул руки из карманов, брови его полезли на лоб:

— Кто?

— Прорицатель. Разве в вашем времени они встречаются настолько редко?

Гермиона осознала, что сидит с раскрытым ртом.

— Но Рон просто ненавидит Прорицание!

— Просто преподавание было несоответствующим, — спокойно заметила Ровена.

— Это точно, — удивленно усмехнулся Рон, весьма довольный внезапно обнаруженному у него таланту.

— Дай-ка я взгляну на тебя... — позвала его Ровена, и Рон послушно сделал к ней еще один шаг. Она приподнялась, наклонила к себе его голову и легонько поцеловала в лоб. — Будь осторожен, — произнесла она, — поклянись, что слушаешься меня.

Рон выпрямился и встревоженно посмотрел на Ровену:

— Ну... гм, хорошо... буду. Обещаю.

Ровена кивнула:

— Благодарю тебя, — она откинулась и облокотилась на подушки. — Теперь можешь идти. Рон снова беспокойно кивнул:

— Ладно... тогда я пойду...

Он шагнул назад и чуть не налетел на Бенджамина — тот взял его за руку и, пока они шли к выходу, Рон все смотрел через плечо.

Когда за ними закрылась дверь, Джинни озадаченно повернулась к Ровене:

— Почему ему надо быть осторожным? Он что — в опасности?

— Быть седьмым сыном и Предсказателем — великий дар, но, как и всякий дар, он имеет обратную сторону. Похоже, он совершенно необучен, но после соответствующей тренировки может стать весьма и весьма сильным. А сила притягивает опасность.

— Нам ли этого не знать, — уронила Джинни.

Ровена в изнеможении прикрыла глаза.

— Мы должны идти, — тихо произнесла Гермиона. Она поднялась и, подчинившись внезапному порыву, схватила Ровену за руку.

— Может, вы хотите что-нибудь узнать про будущее?

Ровена отрицательно покачала головой:

— Думаю, мне лучше этого не знать, — она слабо улыбнулась. — Судя по всему, там не так уж и плохо, коль скоро там появились вы и ваш друг-прорицатель. И твой Гарри.

— И Драко, — стойко добавила Джинни.

— Да, и он тоже, — все с той же мягкостью продолжила Ровена, отворачиваясь к окну. — Вам лучше идти...

Джинни взяла Ровену за руку — казалось, она сейчас зарыдает. Потом она повернулась и выбежала.

Гермиона посмотрела ей вслед. Она колебалась, ей не давал покоя один вопрос:

— А в прошлом... в смысле — в вашем прошлом — Хельга с Салазаром... они... у них... — покраснев, она замолчала, чувствуя себя полной дурой, — в общем, вы понимаете...

Синие глаза Ровены полыхнули огнем, разорвав пелену усталости. Она придвинулась к Гермионе

и заговорщически прошептала:

— Знаешь, я сама всегда этому удивлялась. Мы ведь росли вместе, а Хельга... Хельга всегда была красавицей и постоянно лечила его царапины... Я всегда подозревала, что между ними что-то было, но не имела никаких доказательств. Знаешь, я тебе одно скажу, — и тут Ровена впервые по-настоящему улыбнулась, — она была единственным человеком, который мог указать ему, что делать.

Тишину нарушило тихое горестное всхлипывание. На какое-то ужасное мгновение Драко даже показалось, что его источник — он сам, но потом он сообразил, что это Флёр. Обернувшись, он увидел, что по ее белому, как бумага, лицу, градом катятся слезы.

Слитерин нетерпеливо фыркнул:

— Флёр, если ты не можешь держать себя в руках, — пожалуйста, уходи. Пойди ляг. Тебе нужно восстановить свои силы.

Флёр коротко кивнула и с самым несчастным лицом выбежала прочь.

— Но ведь она не сможет, да? — поднял голову Драко.

— Не сможет что?

— Собраться с силами. Она умирает, — он не спрашивал, он утверждал.

— Мы все умираем, — Слитерин, похоже, ничуть не был удивлен ни таким поворотом разговора, ни тем, что ведет он его с мальчиком, валяющимся у его ног так, словно никогда больше не сможет подняться. — Просто она умирает чуть быстрее, чем все остальные. Пусть побольше отдыхает — тогда она проживет достаточно долго, чтобы выполнить то, что мне от нее нужно.

— Думаю, я догадываюсь, о чем ты... — заметил Драко, — мы с ней вместе в одной комнате с единственной кроватью... — ты что собрался с нами сделать? Мы ведь не коккер-спаниэли — ты же не можешь просто... спарить нас.

— О, это было бы забавно... — усмехнулся Слитерин. — Впрочем, не менее забавным было бы подвесить вас вниз головами над ямой со скорпионами.

— Спаривание лучше, — быстро согласился Драко, с трудом сосредотачиваясь на разговоре — большая часть мозга была занята тем, чтобы сесть более-менее вертикально, и тем, что это оказалось весьма больно. — Побегу прямо сейчас и, если увижу Флёр...

— Прямо сейчас ты останешься здесь, — голос Слитерина ударил его, как хлыст. — Я ведь с тобой еще не закончил — мы только начали. — Слитерин щелкнул пальцами, и Драко ощутил, что его приподняло и поставило на ноги, еле держащие его. Шею жег холодный пот. — Мне нужна твоя преданность и послушание, я нуждаюсь в тебе. Однако это вовсе не значит, что я позволю тебе управлять мной — отнюдь, это я буду управлять тобой как более могущественный.

— Ты вроде бы говорил, что слаб, — заметил Драко. Что-либо скрывать уже не имело смысла. — Если ты так силен, почему ты заставил нас бороться с мантикорой?

— Хороший вопрос, — спокойно кивнул Слитерин. — Да, действительно, не вся сила вернулась ко мне — именно поэтому мне и нужна Флёр, но она уже на исходе, от нее мало проку... а вот когда я открою Око — тогда ко мне вернется вся моя сила.

— Так чего ты ждешь? — резко спросил Драко, предположив, что Оком был тот сияющий предмет, что Слитерин вынул из мантикоры. — Возьми и открой его.

— Для начала, — сказал Слитерин, — гриффиндорец должен умереть.

Гарри. Драко почувствовал себя так, словно кто-то собрал в шар все страдание и напряженность в комнате и с размаху швырнул его в солнечное сплетение. Он вспомнил выражение лица Гарри в миг, когда он сказал «Делай с ним, что хочешь, меня это не касается»... когда он рассказал ему о родителях... Гарри теперь ненавидит его. Вот и все.

— А что изменит смерть Гарри?

— До тех пор, пока Око не открыто, у меня недостаточно сил, я не являюсь полностью сам собой, а потому демоны из ада не могут обнаружить меня и потребовать с меня давний долг. Они видят не так, как люди: они чувствуют суть человека, его жизненную искру... моя как раз находится в Оке. Сначала мне нужно умиротворить демонов — кровью, кровью моего Наследника, который, к тому же, еще и Магид. Ко мне вернется сила и я сохраню свой меч. И Ад будет удовлетворен.

...Ад удовлетворен, — Драко вспомнил, что демон в его снах произнес это, протягивая ему меч. Этот сон был отблеском не его собственной памяти, а памяти Слитерина о той гибельной сделке.

— Ты не можешь убить Гарри, — запротестовал Драко.

Улыбка Слитерина стала тоньше:

— Все еще защищаешь его?

— Я не защищаю его, — выпрямился Драко, — ты что — не знаешь его историю? Он же еще ребенком победил самого могущественного и, между прочим, бессмертного темного мага нашего времени. Его жизнь буквально заколдована, он чем-то защищен, так что не думаю, что применить к нему *Авада Кедavra* — это классная идея. Последний, кто это пробовал, лет тринадцать провел в Болгарии банановым слизьяком, прежде чем получил назад свое тело.

— Да, мне Флёр об этом говорила, — задумчиво молвил Слитерин, — однако же она сказала, что вашему Темному Лорду все же удалось возратить себе силу и напасть на Гарри. Значит он все-таки как-то обошел эту защиту.

— Уж тебе ли этого не знать, — бросил Драко. — Червехвост сказал Гермione, что это ты его убил.

Слитерин фыркнул:

— А вот и нет, мы с ним даже не встречались: я просто переманил Червехвоста, и он перешел ко мне на службу. Однако это совсем не значит, что я не убью его, когда верну себе всю свою силу.

— А вы что — живете не по понятиям? — поинтересовался Драко.

— В еще одном Темном маге, путающемся под ногами, нет никакого смысла, одно сплошное неудобство. Тебе еще предстоит этому научиться, — Слитерин холодно улыбнулся. — Впрочем, твое предупреждение весьма любопытно: я тут было подумывал, не испытать ли Флёр на твоём приятеле Убийственное Проклятье — но увы, согласно ритуалу его жизнь должна быть оборвана именно моей рукой. Что ж, думаю, простого Заклятья Сангвинус будет достаточно, чтобы гарантировать отсутствие неприятных для меня последствий.

Драко закрыл глаза. В ушах у него шумело, а в руке пульсировала боль — словно ее рвали дикие волки.

— Тебе больно, да? — с равнодушным любопытством поинтересовался Слитерин.

— Да, — пробормотал Драко сквозь стиснутые зубы, — ты же сам знаешь.

— Неужели ты не знаешь ни одного заклятья, снимающего боль? Почему бы тебе не использовать магию? Разве ты не Магид? Не мой Наследник? Ты ведь можешь исцелить себя одной только мыслью, я могу научить тебя, как это сделать...

Драко мотнул головой:

— Не обращай внимания. Сейчас мне вовсе не больно. А вот сам процесс был... Нет, мне не нужна твоя помощь.

— Драко, — обратился к нему Слитерин, и Драко буквально подскочил — Повелитель Змей крайне редко обращался к нему по имени. — Не сопротивляйся, пользуйся своей силой. Понимаю, ты боишься потерять свою душу, свою личность... Но подумай, что у тебя было, — лишь то, что дано тебе отцом, да то, к чему тебя принуждали так называемые друзья. Ты ведь сам себя не понимаешь, ты смотришь на мир слишком просто, деля его на добро и зло...

— Я видел и то, и другое — и добро, и зло, — ответил Драко. — Я знаю — они существуют.

— Разумеется. Весь мир держится на противоположностях: свет и тьма, порядок и хаос, целостное и разрозненное — чтобы выжить, они должны быть вместе... Ведь без демонов не существовало бы ангелов... без Слитерина не было бы Гриффиндора. А без Драко Малфоя...

— ...не было бы Гарри Поттера, — резко перебил его Драко. — Понял, не дурак.

— Не стоит себя так вести. Ты обладаешь силой, за которую многие были бы готовы отдать все, что у них есть, даже убить. Так используй ее, делай все, что пожелаешь... — Прекрасная попытка, — горько заметил Драко, — невозможно творить добро силами, исходящими из глубин ада.

— А почему бы и нет? Существуют же ангелы, несущие смерть, ангелы, сеющие разрушение... Все демоны когда-то были ангелами и однажды снова ими станут. Возможно, ты ни то, ни другое — ни ангел, ни демон, ни добро, ни зло — но ты Наследник Слитерина и принадлежишь мне. У тебя есть сила. Используй ее.

— А зачем? — резко спросил Драко. От гнева кровь бросилась ему в лицо. — Чтобы стать

таким же, как ты? Зачем мне пользоваться ей, коль скоро я не получаю от этого ни малейшего удовольствия? Может, ты и хочешь вызвать силы ада, однако я — нет. Я не был бы счастлив, став тобой, а зачем все это тебе?

— А сейчас ты счастлив? — голос Слитерина понизился, став тихим и ласковым. — Я мог бы сделать так, чтобы она полюбила тебя, — заметил он, и Драко вздрогнул. — Любовное зелье оказалось неэффективным, я знаю... Она понимала, что чувство, внушаемое ей, ложно... Ну, будем считать, что это было наказание... Однако я могу сделать так, что она полюбит тебя — по-настоящему, не будет никаких различий.

Прикрыв глаза, Драко снова увидел Гермиону — в красном платье, когда она пришла к нему на пустошь за драконьим лагерем, вспомнил, как смешались на ее лице отчаяние и желание, вспомнил свой предательский восторг от осознания того, что в этот раз все эти чувства были для него, а не для Гарри...

— Нет, — отрезал он, прогоняя из памяти облик Гермионы. — За такое счастье придется платить.

— Платить приходится за все, — заметил Слитерин, — за все, чем ты обладаешь, ты еще заплатишь, заплатишь за то, как ты выглядишь, заплатишь за свои способности, заплатишь за свою силу, заплатишь за то, что тебе дан еще один шанс, что тебя вырвали из объятий смерти. За тобой большой долг, Драко Малфой — куда больший, чем ты заслужил... ты обязан восстановить равновесие вещей. Ты оплатишь его службой — службой мне. Это твоё предназначение, твоя судьба. Попробуешь ее преодолеть — придется заплатить куда более худшим способом... Как думаешь, что может случиться со всеми этими дарами, если ты не будешь их использовать?

В голове у Драко зазвучал голос его отца: «А что случится с часами, если ты попробуешь крутить их в обратную сторону? Они сломаются...»

— Я потеряю силу Магида, — рискнул предположить он.

— Нет: ты потеряешь все. Отвергни данные тебе силы — и они отвергнут тебя самого: ты потеряешь не только способности Магида, но и всю свою магию, до последней унции — и станешь магглом. Перед тобой закроется весь волшебный мир. Твоя семья одна из самых древних в волшебном мире, но сквиб не унаследует накопленные ей богатства — она отвернется от тебя. Двери твоей школы захлопнутся перед тобой. А твои друзья...

— Заткнись! — клацая зубами, заорал Драко, услышав собственный крик словно со стороны. — Не желаю больше ничего слушать!

— А слушать и не надо, — усмехнулся Слитерин. — Смотри.

Он повернулся и указал на стоящие у дальней стены щиты, украшенные резным изображением извивающихся драконов — они сверкали настолько ярко, что у Драко заболели глаза, будто в них насыпали песка. С пальца Слитерина сорвалась огненная вспышка, и щиты сдвинулись с места, открыв то, что было спрятано за ними...

Зеркало. Драко шагнул вперед, с удивлением разглядывая его, — и с каждым шагом оно казалось ему все более и более знакомым: высокое, ромбовидной формы, обрамленное золотой рамой с замысловатым резным узором из переплетающихся листьев и животных, с ножками в виде когтистых лап. Венчало зеркало три высеченных слова: «*Nosce Te Ipsum*».

Ну конечно же, он понял, что оно напомнило ему — Зеркало Джедан, чей образ впечатался ему в мозг. Он однажды уже смотрел в него в Хогвартсе, зная, что увидит в нем, и зная, что никогда не увидит в нем Гермиона...

— Что — это и есть орудие пытки? — удивился он.

— Представь, ты угадал: я действительно люблю смотреться в зеркало, можешь назвать меня ненормальным...

— Ты нормальный, просто очень, очень утомительный.

Слитерин схватил его за руку и подтащил к зеркалу, поставив ровно по центру. Драко упрямо смотрел себе под ноги.

— Это не то зеркало, о котором ты подумал, — холодное дыхание Слитерина обожгло шею Драко и заставило его поежиться. — Это не Зеркало Джедан, показывающее людям сокровенные желания, скрытые в их сердцах. Это зеркало было создано тогда же, и создано его противоположностью, так что это зеркало не покажет тебе того, о чем ты мечтаешь, как раз наоборот...

Рука Слитерина скользнула вдоль шеи Драко, поддела его подбородок и вздернула его вверх.

— Это Зеркало зовется Зеркалом Правосудия, оно покажет тебе то, чем ты являешься на самом деле.

«...Являюсь на самом деле...»

Драко молнией пронзила дрожь, он попытался вырваться из цепких пальцев Слитерина — но они были тверды и крепко держали Драко за шею.

— Нет, я не хочу смотреть.

— Ты будешь смотреть.

— Нет.

— Открой глаза, — зашипел Повелитель Змей, с силой тряхнув Драко.

Глаза Драко распахнулись. И он увидел...

После полутемного шатра Ровены сияние синего холодного неба буквально ослепило Джинни. Беспокойно покрутив головой в поисках Рона, она почти тут же увидела его — рыжая пламенеющая шевелюра была лучше всякого маяка. Он сидел на длинной деревянной лавке и разговаривал с большой группой...

— Вилы? — выдохнула Джинни, вытаращив от изумления глаза. — Здесь?

— Они постоянно тут торчат с тех пор, как Повелитель Змей был повержен, — пояснил бесшумно возникший у нее за спиной Бенджамин. — Никто не может их заставить убраться отсюда.

Из шатра вышла Гермиона, полог с шорохом закрылся. Судя по тому, что она фыркнула, она слышала последнюю фразу Бенджамина.

— Не похоже, что Рон старается из всех сил, — заметила она, — вы так не считаете?

Судя по всему, Джинни тоже так думала: вид у Рона был такой, будто всю свою жизнь он провел в окружении благоговейно внимающих ему красоток — его щеки пылали от морозца, он энергично жестикулировал, его веснушчатые загорелые руки описывали в воздухе замысловатые параболы.

— Наверное, он рассказывает, что изобрел пунктуацию, — раздраженно покачала головой Гермиона. — Или колесо. Или...

Бенджамин удивленно распахнул глаза:

— То есть он на самом деле не самый юный министр магии в вашем времени?

Джинни с трудом подавила смех, а Гермиона негодуя фыркнула:

— Кто? Рон?! Прости Господи!..

— Ой, да ладно тебе, Гермиона, в этом ничего такого нет, — усмехнулась Джинни.

— Нет есть! — воскликнула Гермиона и подтолкнула Бенджамина в плечо. — Иди, вытащи его оттуда, что ли...

Выразительно взглянув на нее (а почему, собственно, я?), Бенджамин медленно поплелся в сторону Рона.

Покосившись на вздыбившуюся, как сердитая кошка, Гермиону, Джинни прекратила хихикать.

— Гермиона, ну что ты, право слово, — произнесла она как можно дипломатичнее, — нельзя же срываться с тормозов каждый раз, когда хоть какая-нибудь девчонка просто посмотрит на одного из твоих парней. Ну, конечно, если это не Гарри.

— Я не срываюсь, — возмутилась было Гермиона, но замолчала и виновато улыбнулась. — Ну, хорошо, твоя правда, я понимаю, о чем ты. Ну, просто — это ведь Рон, он мой лучший друг и заслуживает куда большего, чем пустоголовой шлюхи-вилы, — она улыбнулась. — Ну, то есть, они, конечно, не все шлюхи, но ты ведь понимаешь... Просто я хочу, чтобы рядом с ним был кто-то такой же замечательный, как и он сам. Кто-то... ну, самый лучший.

— О... — Джинни почувствовала вспышку приязни к Гермионе. За всеми этими бесконечными ссорами и спорами с трудом вспоминалось, чтобы Рон и Гермиона беспокоились и заботились друг о друге — однако именно так оно и было. — А на Драко это тоже распространяется?

— Ты это о чем? — спросила Гермиона, и Джинни обернулась, чтобы взглянуть на нее. Кончики ресниц побелели — и снег, и зола, и эта ее будто светящаяся изнутри бледная кожа — все сияло в ярких солнечных лучах. Серебряная цепь Ликанта поблескивала на шее. Гермиона такая красавица... И так держит себя в руках...

Джинни прикусила губу и отвернулась:

— Ну, в смысле... я и Драко... если бы я и Драко... — то есть не то, чтобы это было, но... если бы это было...

Гермиона шагнула вперед и поцеловала ее в лоб:

— Джинни, — твердо произнесла она, — ты — лучшая.

— Я пропустил что-то интересненькое? — поинтересовался наступающий от любопытства на пятки Бенджамину Рон. — Здесь всех целуют? Я тоже получу поцелуй?

— Ну, разве что Бенджамин согласится тебя поцеловать, — строго ответила Гермиона.

Эта фраза повергла бедного Бенджамина в ужас — похоже, он не догадывался, что ему, Наследнику Гриффиндора, надо быть готовым и не к таким экстремальным жертвам.

— Поразительно, как ты не ухитрился сорвать поцелуй у одной из них, — хихикнула Джинни, дернув подбородком в сторону вил.

— Я просто оказал им любезность — можно сказать, протянул руку помощи, — дерзко ответил Рон.

— Что ты там им протягивал? — фыркнув, переспросила Гермиона.

— Ну, в духе межвременных коммуникаций... Гермиона! — Рон запоздало осознал, что сказала Гермиона. — Да я просто объяснял им, что такое Квиддитч!

— Ты говорил им, что изобрел Квиддитч... — грустно вставил Бенджамин.

— Ну, ладно, — Рон окончательно побагровел, и не только холод был тому причиной. — Кстати, я не хотел об этом говорить, — но что на вас такое надето?

Джинни с Гермионой машинально оглядели себя — на них были зимние мантии, наколдованные Ровеной, — Джинни это было особенно приятно, потому что это было куда лучше, чем тонкая да к тому же еще и выпачканная в золе пижама. Материалом для мантий послужила гладкая шерсть — не колючая и поскрипывающая, а мягкая и нежная. Не говоря уж о том, что цвет был ее любимым, темно-зеленый...

— Мне кажется, мы выглядим просто чудесно, — произнесла Гермиона, поправляя волосы. — Ты — так просто грандиозно, — согласился с ней Рон и направил строгий взгляд на Джинни, — а твоя мантия слишком облегающая. Она что — не могла тебе дать что-нибудь... посвободнее?

— Это такой фасон, — фыркнула Джинни. — Тебе просто завидно, тебя обделили.

Рон насмешливо фыркнул.

— И что бы мне тут предложили? Трико? Или что они здесь носят?

Бенджамин сердито посмотрел на него.

— Нет-нет, я не имею ничего против трико, — торопливо добавил Рон.

— Ну хватит, — Гермиона закатила глаза. — Держитесь все за меня — быстро, — Джинни, Рон и Бенджамин торопливо схватили ее за руку.

Гермиона прикоснулась к Ликанту у себя на шее. — *Мобиларус*, — произнесла она, и мир вокруг них закружился и ухнул в темноту.

Флёр вскинула глаза, когда дверь пинком распахнулась и в комнату вошел Драко. Он выглядел совсем по-другому, не в смысле, что он изменился, но теперь в глазах у него светилась такая дикость, а кожа была так бледна, что, казалось, он не до конца проснулся, и перед глазами его все еще мелькает один кошмар за другим.

— То существо п'ринесло тебе твою выпивку, — тихонько пискнула она, махнув рукой в сторону низенького столика у огня, на котором выстроилась небывалая батарея украшенных зелеными зонтиками стаканов с напитками. Лед в них не таял — по-видимому, стаканы были заколдованы.

— Что б мне сдохнуть, — вытаращил глаза Драко. — Причем во всех смыслах.

Он подошел к камину, взял стакан и, вытащив из него зонтик, залпом осушил его.

Флёр удивленно приподнялась:

— Д'рако, ты что это соб'рался сделать?

— Нажраться, — Драко хлопнул стаканом об стол. — А что — не похоже?

— Думаешь, это хо'рошая мысль?

— Хар-рошая мысль? — передразнил он ее, прищурившись. — А что — я не заслуживаю пары мгновений радости? Они бы замечательно разбавили этот коктейль из смерти и хаоса.

— Это тебе Зе'ркало показало, да? — серьезно посмотрела на него Флёр.

Драко надломленно и истерично расхохотался:

— Какое такое Зеркало? Понятия не имею, о чем ты болтаешь. Он выжег мне дыру в руке, а потом потащил меня куда-то и продемонстрировал армию, во главе которой я встану: дементоры, оборотни, вампиры, какая-то дрянь с рогами, растущими прямо из ушей, — ну, просто дом свиданий для дьявольских отродий — «Место встречи одиноких отвратительных уродов»...

— Д'рако, ты как себя чувствуешь — ничего?..

— Словно сначала меня переехал Хогвартс-Экспресс, а потом в меня шарахнула молния. Погоди, дай мне еще выпить, и тогда все будет просто отлично.

Он опустошил еще один стакан Май Тай.

Прикусив губу, Флёр протянула к нему руку:

— Д'рако... пожалуйста, п'рисядь.

— Уж не рядом ли с тобой? — неожиданно Драко швырнул в огонь пустой стакан, тот треснул от жара, и пламя радостно заплясало, пожирая остатки спирта. — Вот уж не собираюсь. Уж лучше с дементором целоваться. И, судя по тому, как идут дела, именно этим мне и придется заняться, потому что я, похоже, застрял тут на ближайшее тысячелетие.

— Тысячелетие?

— Ага, я теперь буду жить вечно. Вечно — и со Слитерином, понятно? Похоже, он думает, что это просто грандиозная награда, но я знаю его что-то около недели и чем дальше, тем меньше мне он нравится, провести целую вечность рядом с этим парнем мне не по вкусу. Однако — ух! — зато мой мундир не серый! Ну, как он тебе? — и он широко раскинул руки.

Флёр, даже не заметившая перемену в его одежде, равнодушно скользнула по ней взглядом.

— Он че'рный — как и все, что ты носишь. Ничего не изменилось — ты выглядишь, как обычно...

— Господи, как же с тобой сложно, — Драко опустил руки и подошел к ней — так близко, что она могла видеть собственное отражение в его расширенных зрачках. Взяв ее за подбородок, он резко поднял ее лицо к себе. От него пахло алкоголем, гневом, его руки ходили ходуном — через мгновение он отпустил ее. — А коль тебе интересно знать, будешь вечно жить ты, — с тихим злорадством заметил он, — увы — нет.

Она почувствовала, как к глазам подступили слезы:

— Я знаю.

— Вот и славно, а то я ненавижу преподносить подобные сюрпризы.

Она зажмурилась и почувствовала, как по щекам заскользили две слезинки. Будь с ней все в порядке, она бы постеснялась плакать на людях, но сейчас ей было все равно — она так устала...

— Не горюй! — бросил он ей тоном, вызвавшим ассоциации с железной рукой в шелковой перчатке, и шепнул:

— *Борболета!*

Она распахнула глаза, увидев, как с его пальцев сорвалась вспышка разноцветных искр, рассыпавшись на тысячу переливающихся порхающих бабочек... так же, как и тогда, когда Драко шагнул в ее комнату и наколдованные ею бабочки уселись ему на плечи и голову...

Она смотрела на них, подняв голову, потом взглянула на него, пытаясь понять, помнит ли он этот день в школе... но глаза его были темны и непроницаемы, он прошептал *Инсендио!* — замерев от ужаса, она смотрела, как бабочки превращаются в крошечные горящие факелы, маленькие падающие звезды...

Драко смотрел на нее, в его глазах вспыхивали и гасли отблески... И вот погас последний огонек...

— Это было ужасно, — произнесла она.

— Кто бы говорил, — он расстегнул застёжку плаща — перевившиеся хвостами бронзовые змейки — и одарил ее ледяной улыбкой, — надеюсь, это приятное воспоминание тебя согреет, поскольку я тебя покидаю.

— Покидаешь? Куда ты? — она сама поразилась отчаянию, прозвучавшему в ее словах. Пусть Драко сейчас на редкость вредный и раздраженный — но она не хотела остаться одна.

— Обязан нанести небольшой визит Гарри. Изъять у него немного крови: твоему Хозяину она нужна для заклинания. Кому что: кто-то коллекционирует монеты, а он — кровь беспомощных

узников. Да, этот парень умеет по-настоящему оторваться.

Драко наконец разобрался с плащом.

— И я должен ему помочь. Теперь я Парень-Собиратель-Крови. Поганая работа.

— Не ходи, — прошептала она, сама не понимая, что говорит, от изнеможения перед глазами прыгали черные точки, она с трудом фокусировала взгляд.

— Остаться? С тобой? Как прелестно, — он уже был в дверях, но вернулся, подошел к ней, склонился и, ледяными пальцами убрав от уха прядку волос, шепнул:

— Кровь, за которой я иду, она и на твоих руках...

Он вздрогнула — его дыхание щекотало ей шею.

Драко повернулся и вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь.

«Демоны-демоны-демоны» оказались книгой длинной, подробной и абсолютно непонятной... словом, Нарцисса довольно быстро отчаялась получить из нее сколь-нибудь полезную информацию. Было уже пять пополудни, а она только еще дошла до Абаддона, Повелителя Бездны.

...Абаддон — глава демонов седьмой иерархической ступени, повелитель кузнечиков, или дьявольских насекомых (имеют тело крылатого боевого коня и хвост скорпиона). Как сказано в Откровении, Абаддон открывает врата Бездны и спускает на землю бесчисленные полчища сатанинской саранчи...

Нарцисса уронила голову на стол — по счастью, ее сейчас никто не мог видеть.

— Сатанинская саранча, — простонала она, — дай мне передышку...

— Сатанинская саранча — это не шутка, — раздался позади нее сухой голос, — она действительно может испортить любой пикник.

Испуганно схватившись за сердце, она повернулась к камину — в нем маячили голова и плечи, прищуренные темные глаза:

— Северус, ты напугал меня...

— Я сожалею, — качнул головой Снэйп. Его вежливость всегда была манерна и старомодна — Нарцисса помнила это еще с тех времен, когда они с Люцием только-только сблизились. Нет, он не целовал рук, однако всегда вставал и кланялся, когда в комнату входила женщина, — этот контраст с его обычной строгостью и холодностью всегда ее поражал.

— Я тут собирался увидеться с...

— Сириусом?

— Да, — несколько уклончиво ответил Снэйп.

— Сейчас его нет, признаться, я не знаю, когда он вернется. Может, ему что-то передать?

Мгновение поколебавшись, Снэйп кивнул:

— Я тут подумал, может ему будет интересно, как я расшифровал те огненные письма на стене камер, в которой... — он замолчал.

— В которой умер Люций? Можешь произнести это, Северус.

— В которой он был убит, — Снэйп протянул ей сложенный клочок пергамента. — Это заклинание, изгоняющее демона.

— Ты имел в виду — вызывающее демона?

— Нет, именно то, что я сказал. Мне кажется, он пытался кого-то вызвать, ему не понравилось то, что он увидел, и он решил изгнать его. Но неудачно. Мне кажется, что это заклинание было именно для изгнания демонов, — но я не уверен — Сириус унес мою демонологическую литературу...

— Хорошо, — кивнула Нарцисса, протянув руку к пергаменту. После секундного размышления Снэйп выпустил его из пальцев. — Я передам ему, когда он вернется.

— Прекрасно, — Снэйп откланялся и исчез.

Нарцисса мгновение посидела, глядя на пергамент, потом поднялась и, быстро пройдя через гостиную, решительным *Алохомора!* открыла дверь, ведущую в темницу.

Она никогда не любила эти бесконечные туннели под поместьем, а теперь она шла по ним одна, ужасно уставшая и напряженная... — они показались ей просто ужасными. Она повыше подняла свою палочку, пытаясь поярче осветить путь. И вот — ворота темницы.

Глубоко вздохнув, она толкнула их — от скрипа ржавых петель по спине пробежали мурашки — и

вошла внутрь.

Как она и ожидала, демон не спал, впрочем, она вообще не была уверена, спят ли эти создания. Его вращающиеся красные глаза следили за ее приближением.

Встав напротив него, она без всяких преамбул сразу начала с главного:

— Демон, чего ты хочешь?

Его глаза удивленно распахнулись:

— А чего хочет узник? Свободы.

— Я не могу освободить тебя. Но могу отправить обратно в Ад.

На его искаженной мордочке появилось сомнение:

— А с чего бы тебе так поступать?

— Потому что я предлагаю тебе сделку. Я верну тебя в Ад, а ты окажешь мне небольшую услугу.

Лицо демона исказила безобразная дебильная улыбка:

— Сделка? Я весь превратился в слух.

Портключ выкинул Джинни, Рона, Гермину и Бенджамин к стенам замка Слитерина. Гермину и Рон с трудом устояли на ногах, а Джинни и Бенджамин приземлились по-кошачьи грациозно.

Замок словно спал, и в этой тихой, дремлющей красоте, казалось, уснуло само время: гобелены в узких каменных коридорах замерли, когда они поспешали вслед за Бенджамин, сквозь распахнутые окна не доносилось птичьего щебета.

Сейчас в охране адмантиновой камеры не было нужды, ее собирались демонтировать, дверь была распахнута и, шагнув внутрь, Гермину едва не вскрикнула: стены были именно такими, какими она видела их во время своего мгновенного озарения: синие.

Она едва замечала всю эту странную перевернутую тяжелую мебель, мерцающие гобелены — мысль о том, что она, возможно, стоит в шаге от Гарри, разделенная с ним столетиями, повергла ее в отчаяние; схватив за руки Рона и Джинни и едва попрощавшись с Бенджамин, она рванулась вперед. Правда, Джинни все же успела поцеловать Наследника Гриффиндора в щеку, чем повергла его в немалое смущение. Она повернула Хроноворот — и комната, гобелены, сияющие стены, порозовевший Бенджамин — все исчезло в сером тумане...

Полет назад в будущее мало чем отличался от путешествия в прошлое, впрочем, на этот раз все было не так плохо — снова холод и нехватка воздуха, но Гермину цепко держалась за Джинни и Рона, и, когда мир кувыркнулся и снова встал на ноги, они не разомкнули рук.

Она открыла глаза.

Та же комната — синие стены, поблекшие от времени и пыли гобелены, та же мебель. А у дальней стены сидел Гарри. Он выглядел так же, как и в ее видении — весь в крови и ранах, в разорванной одежде, со скованными за спиной руками, с полосатым от крови и сажи лицом — но живой и совершенно потрясенный их появлением. Она перелетела через комнату и упала на колени, обхватив его узкие плечи. Его разорванная рубашка, стоящая колом от запекшейся крови, царапала ее пальцы. Она почувствовала, как он прильнул к ней всем телом, как уткнулся лицом в ее волосы, как напряглись его мышцы — словно он пытался вырваться из кандалов и тоже обнять ее...

— Гермину... — его голос дрогнул от удивления и недоверия, — Гермину...

— Это я, я... — она еще крепче сжала его в объятьях, через плечо увидев его оковы: наручники, обхватившие его запястья, были прикреплены толстой цепью к вкрученному в пол адмантиновому кольцу. Она перепугалась: больше всего на свете она хотела освободить его, но не представляла, как это сделать... Пытаясь отвлечься от этих мыслей, она накинулась на него с отчаянными, страстными поцелуями:

— Это я... Ты должен был знать, что я непременно отыщу тебя...

— Я надеялся на это, — его голос был приглушен копной ее волос. — Я так тосковал по тебе... Утром мне показалось, что ты звала меня... Я думал, что это знак того, что я умираю и напоследок слышу то, что хотел услышать больше всего на свете...

— Ш-ш-ш, — она закрыла ему рот поцелуем, — Гарри, я люблю тебя...

— Я знаю. Я люблю тебя, — он уперся подбородком ей в макушку. — Вот оно — самое больше неудобство того, что я закован.

— И в чем же оно?

— Не могу тебя обнять.

Они все сидели и сидели, Гермиона крепко обнимала Гарри, не в силах оторваться от него. Наконец она слегка отодвинулась.

— Ну наконец-то ты дашь бедолаге чуток вздохнуть, — раздался у нее из-за спины голос Рона.

Гарри вскинул взгляд и заулыбался во весь рот, увидев Джинни и Рона. Казалось, что он сейчас то ли заплачет, то ли захохочет:

— Поверить не могу, что вы, братцы, здесь...

— Ладно тебе, понятно же было, что мы отправимся за тобой, — тепло улыбнулся ему Рон, — мы ж друзья и не позволим чему-нибудь случиться с тобой... Ну, — добавил он, окидывая взглядом окровавленного и связанного Гарри, — за исключением избиения, взятия под стражу и прочей ерунды.

Гарри покачал головой:

— Это не моя кровь.

— Эх ты, тогда я не хотел бы увидеть второго парня, — Рона это сильно впечатлило. — Ты его что — освежевал? — Он ухмыльнулся. — Так где Малфой?

Улыбка исчезла с лица Гарри, словно стертая невидимой рукой.

Рон заволновался по-настоящему:

— Ты ведь не убил его, правда? А то нам будет весьма непросто объясниться дома.

— Так где же Драко? — коснулась тихонько плеча Гарри присевшая рядом Джинни.

— Наверное, он в другой камере, да? — предположила Гермиона, почувствовав, как что-то кольнуло у нее в груди. — Правда, Гарри?

Гарри вздохнул и откинулся назад:

— Я не убил Малфоя, — с горечью произнес он и пустился в рассказ о событиях, произошедших в последние два дня — пробуждение в адмантиновой клетке, появление пришедшей спасти их Флёр...

— Что? — Джинни и Гермиона дружно фыркнули, прервав его рассказ. — Но Флёр... она такая... она...

— Какая? — развеселился Рон.

— Шлюха! — покраснев, припечатала Джинни. — Точно, — она поймала задорный взгляд Рона и пустилась в объяснения, — Драко сам мне рассказал, что она буквально похитила его и принуждала к сексу... — она осеклась, осознав, как это прозвучало.

— Это он тебе так сказал, — отрезал Рон. — Принуждать его к сексу... ну надо же!

— Она шлюха, — неожиданно поддержала Джинни Гермиона, — помню, однажды, когда они с Биллом гостили в Норе, я как-то вошла на кухню — она хлопотала по дому, одетая в какую-то кожаную сбрую! Представляете? Она выглядела, как помоечная кошка! Ваша мама была близка к обмороку.

— Я должен прилечь, — ни к кому не обращаясь, заметил Рон. — Она действительно в каком-то смысле...

— Дьяволица, — неожиданно закончил за него Гарри.

Все развернулись в его сторону.

— Что? — переспросил Рон.

— Она дьяволица, — и Гарри продолжил свою историю: путешествие по лабиринту, стражи-мороки, адмантиновая дверь и тайна, которую она хранила... Когда он добрался до битвы с мантикорой, Гермиона посерела и почувствовала, что ей сейчас станет дурно: так явственно встала у нее перед глазами картинка из Волшебного Бестиария: два ряда зубов-лезвий, несущее смерть жало...

— Гарри... Но как же это ты... Мантикоры... они непобедимы и смертоносны!

— Да ладно тебе, ведь это рассказывает сам Гарри Поттер, — вальяжно заметил Рон. — Он каждое утро смотрит в лицо опасности — так обычные люди лицезреют яичницу с беконом. Кстати, что-то я проголодался... Впрочем, неважно. И что же именно делает Флёр дьяволицей?

— Она примкнула к Слитерину, — ровным голосом пояснил Гарри. — Все эти хитрости были ради того, чтобы мы убили для него мантикору. И как только мы сделали это, она вернулась к нему, а он

велел страже забрать меня оттуда...

Гермиона в ужасе зажала рот рукой: если мантикора мертва, значит Слитерин добрался до Ока... и значит...

— Поверить не могу, что Флёр так поступила! — воскликнула Джинни. — В смысле, у нее должна быть хоть капля совести. Хотя, наверное, нет...

— Ну, народ, мечтаю до нее добраться! — потрясенно заметил Рон и тут же запротестовал, поймав взгляд Гермионы, — не в сексуальном смысле, конечно.

— Так что насчет Драко? — настойчиво повторила Джинни. — Он в другой камере? Слитерин не причинил ему вреда?

Гарри опустил взгляд.

— Нет.

Повисла пауза.

...Что-то не так, — поняла Гермиона. Протянув руку, она тихонько приподняла и развернула к себе голову Гарри.

— Любимый, в чем дело?

— Это касается Малфоя. Он...

Крак!

Звонкий треск рассек тишину комнаты. Обернувшись, Гермиона увидела, как на дальней стене появляется темный расщелина.

— О, черт! — побелел Гарри. — Кто-то идет...

Джинни потянулась к Хроновороту, но Рон подскочил и остановил ее руку:

— Нет, мы не оставим Гарри.

— Мантия-невидимка, — отчаянно вскрикнула Гермиона, — Рон!..

Но Рон уже выхватил из кармана мантию и вжался в стену, Джинни и Гермиона подскочили к нему, и он укрыл их мантией в тот момент, когда стена разверзлась, и в комнату вошел Слитерин — в серебристо-зеленой мантии, именно такой, каким Гермиона запомнила его по их первой встрече. Его сопровождали серые стражи.

А после них вошел Драко.

Минуло несколько часов. Лупин уже съел весь шоколад, наигрался сам с собой в крестики-нолики, а усилия Сириуса меж тем не принесли никаких результатов, и тот никак не мог с этим примириться.

Наконец Лупин отбросил палку, которой он рисовал на земле неприличные карикатуры, и поднялся:

— Сириус! Это уже становится смешным! Я могу тебе помочь?

Сириус швырнул лопату и раздраженно скрестил руки на груди.

— Можешь. Отвали.

Лупин подошел, с самым серьезным видом отстегнул плащ, свернул его и положил на землю, подошел к дереву и крепко обнял его за ствол. И потянул.

Тр-р-р-ш-ш-ш-ш...

Дерево вывернулось из земли, словно было репкой. Тяжело дыша, Лупин отшвырнул его в сторону — с громким шумом оно рухнуло вверх корнями, похожими на протянутые в мольбе руки.

А на том месте, где оно стояло, обнаружилась яма.

Лупин обернулся, отряхивая пыль и грязь с ладоней: Сириус вытаращил на него глаза, что-то бормоча себе под нос. До Лупина донеслись обрывки типа «показуха», «болван», «нечеловеческая сила оборотня»...

— Гм, — прервал он этот словесный поток, — разве мы не сэкономили кучу времени? Или сэкономили кучу нервов?

Улыбнувшись в ответ, Сириус присел у ямы: тайник под корнями был явно творением рук человеческих: стены были облицованы камнем, оберегавшим от сырости. Лупин приблизился, и в глубине что-то металлически блеснуло: шкатулка. Сириус вынул ее на свет. Для алмазиновой она была слишком прозрачна, однако Лупин решил, что это какой-то родственный материал. Озабоченное выражение промелькнуло по лицу Сириуса, когда он вертел ее в руках, его большой

палец скользнул по стенке, словно погладил ее, и замер у чернеющего зева замочной скважины неправильной формы.

Порывшись в кармане, Сириус вытащил серебряный ключ с красными камнями и вставил его в замок. Шкатулка легко распахнулась, словно ее заперли только вчера. Сириус опустил ее, поднял крышку и вытащил то, что она хранила, — что-то длинное, очень длинное, сделанное из серебра, — изукрашенные изысканным растительным орнаментом, образующим слово «Гриффиндор» ножны.

Драко был и тот же, и совсем другой.

Он был по-другому одет, хотя снова с ног до головы в черное — рубашку и брюки, ботинки, мантию с сияющими серебристыми полосами цвета солнца и бронзовой пряжкой в виде змеи, удерживающей ее на груди. Белая подкладка мантии делала его вид совершенно нереальным, превращала в какую-то шахматную фигуру — никаких полутонов, только черное и белое: белая кожа, черные глаза, серебристые волосы и сияющая золотом цепочка Эпициклического Заклятья на шее.

Он встал плечо к плечу с Повелителем Змей — они были почти одного роста. Слитерин положил руку ему на плечо, и Гермиона, еще помнящая это колючее прикосновение, едва не вскрикнула.

— Драко, произнес Слитерин. — Оставляю это тебе. Ты знаешь, что нужно делать.

Драко склонил голову и двинулся в сторону Гарри; стражи, безмолвные, словно призраки, последовали за ним. Гарри поднял голову и, не дрогнув, смотрел на него — вот он приблизился, вот опустился рядом на колени, их глаза оказались на одном уровне. Лицо Драко было бледным и неподвижным, лишь глаза жили на этом лице, вот их взгляды встретились — зеленый и серебряный, цвета Повелителя Змей.

— Ну, Поттер... — наконец произнес Драко, и его чуть протяжный голос ледяным пламенем обжег Гермиону. — Выглядит так, словно ты себя здесь отлично привязал.

— Это не я себя привязал, — спокойно ответил Гарри, — это ты сделал.

— Не убей ты василиска на втором курсе, он бы позволил тебе остаться в живых, — Драко словно не услышал слов Гарри, продолжая беседу все в том же непринужденном тоне. — Но это просто убило старину Сли... — Драко улыбнулся, заметив, что Гарри невольно дернулся к нему, алмастиновые кандалы звякнули. — Признаюсь, не хотел бы я быть в этих браслетах...

— Еще вчера ты тоже был в них, — все тем же ровным голосом напомнил ему Гарри. — Но, как я догадываюсь, ты нашел способ выскользнуть из них, да, Малфой? Ты — бесхребетный ублюдок, — добавил Гарри так же спокойно, как если бы сказал «доброе утро».

— Ну, не буду хвастать, — Драко ангельски улыбнулся. — Что за черт, я что — пошутил? Да я просто обожаю хвастаться! Да, я нашел лазейку, но, боюсь, тебя она не слишком вдохновит. Однако в нашей маленькой игре под девизом «Кто не умер от пытки, тот победил», похоже, я ближе к выигрышу.

— Ты меня собрался здесь замучить пыткой или просто надоесть мне до смерти? — раздраженно спросил Гарри. — Чего ты хочешь, Малфой?

— Чего я хочу? То же, что и все: домик в деревне... пару хороших беговых туфель, чтобы размяться перед обедом... Цена — стать слугой дьявола, только и всего. Да, еще я хочу немного твоей крови.

— Моей крови?!

Драко повернулся к слугам и бросил через плечо:

— Раскуйте ему руку, — и когда один из серых стражей шагнул к Гарри, Драко с улыбкой добавил:

— Левую руку.

Гермиона почувствовала, как сердце дернулось у нее в груди. Эта улыбка... она уже несколько месяцев не видела такого выражения на лице у Драко — отвратительная, гадкая улыбка испорченного ребенка — так он улыбнулся ей на третьем курсе, сообщая, что зубы ее настолько велики, что вполне могли бы служить объектом поклонения у Друидов... Все Слитеринцы тогда загготали... Она бы здорово удивилась, засмеяся они сейчас...

Она не могла себе представить, чего стоило Гарри сохранять все то же безразличное выражение лица, когда страж склонился к нему и не слишком-то аккуратно что-то сделал с его левой кистью, высвободив ее. Будь она на его месте, она бы наорала на Драко, пнула бы его ногой... Ей захотелось

выскочить, подбежать к нему, схватить за плечи и заставить его признаться, что он просто притворяется.

Охранник освободил Гарри. Драко потянулся и залез в его нагрудный карман, вытащив оттуда складной нож. Драко бросил взгляд на стража — тот послушно подал ему левую руку Гарри — безразлично, словно карандаш. Гарри не сопротивлялся и не пытался вырваться — просто чуть прищурившись, следил, как Драко открывает нож и поверяет пальцем остроту его лезвия.

Гермиона почувствовала, как Рон позади нее вздрогнул, и крепко сжала его руку.

Драко развернул руку Гарри ладонью вверх и занес над ней нож.

— Помнишь, как ты полоснул мою руку?

— Я спасал твою жизнь, — отрезал Гарри. Он не шелохнулся, но Гермиона была так близко к нему, что видела, как бьется жилка у него на горле; она почувствовала, как липкий страх медленно вползает в ее кровь. Как Гарри может быть таким неподвижным, как он может все это выдерживать? Она знала, что это спокойствие напускное, она видела, как рубашка на спине потемнела от пота, как взмокшие волосы прилипли к шее — но выражение его лица не менялось.

...Он научился этому от Драко...

Драко опустил вспыхнувший взгляд.

— Ты бы сделал это для каждого.

— Я бы не стал брататься кровью со всеми подряд.

— Да что ты? — голос Драко наполнился сарказмом. — Бьюсь об заклад, будь у тебя возможность, ты бы дал мне умереть.

— Никогда, — тихо, но твердо произнес Гарри. — Никогда. Я бы поступил так же опять. Рука Драко, в которой он сжимал нож, чуть заметно дрогнула. Гермиона, прикладывавшая все усилия, чтобы не шелохнуться, увидела его руки, и сердце у нее замерло: всегда такие ухоженные и холеные, с аккуратно подстриженными ногтями, теперь они были в кровавых подтеках, словно ногти впились ему в ладони, а сами ногти были обгрызены и сорваны почти до мяса.

...Что он сделал? Что сделали с ним?..

Драко взял себя в руки:

— Прекрасная попытка, Поттер, но слишком запоздавшая, разжалобить меня. Признаться, я думал, что ты покрепче...

— Чтоб ты сдох, Малфой.

— Уже — и дважды.

— Бис, — коротко бросил Гарри.

Драко присвистнул:

— Отличный ответ. Берешь уроки у тех, кто поумнее, Поттер? Или это тебе Сириус подсказал?

Гарри внезапно расхохотался — Гермиона едва не подскочила, а Драко вытаращил глаза: — Что смешного, Поттер?

— Да тут просто пришло в голову, что сказал бы Сириус, узнай, что ты собираешься делать с подаренным им ножом.

Драко дернулся, и острое ножа вонзилось в руку Гарри; когда Драко выдернул его, рана наполнилась кровью, кровь брызнула на пол...

Один из слуг метнулся и прижал к ране кусок ткани. Она тут же заалела и намокла от крови. Слуга отступил назад, передав ее Слитерину.

Гермиона старалась не смотреть, ее мутило.

...Что они собираются сделать с кровью Гарри?..

Гарри же не обратил внимания на кровоточащую руку, он не сводил глаз с Драко, и взгляд его был просто ужасен. Гермиона подумала, что на месте Драко ей бы захотелось умереть. Драко побледнел, казалось, ему тоже стало дурно. Защелкнув нож, он сунул его обратно Гарри в карман. Теперь и руки его, и мантия были в крови.

— Малфой, — сказал Гарри так тихо, что Гермиона с трудом услышала его, — ты не должен был так поступать.

— Не сделай я этого, я бы умер, — монотонно ответил Драко, и Гермионе бросилось в глаза, что он сказал не «он убил бы меня», а «я бы умер» — словно это было выше его сил.

— Существуют вещи худшие, чем смерть. Думаю, ты об этом догадываешься.

Лицо Драко полыхнуло злобой:

— Ты со своими друзьями сбил меня с пути, — холодно сказал он, — но, думаю, ты недооценил меня, Поттер.

— Напротив, я переоценил тебя. И теперь все мы за это расплачиваемся.

— Все мы за что-то расплачиваемся, — безжизненным голосом повторил Драко заученные слова.

— И за что же расплачиваюсь я?

— За то, что ты сделал мне.

— Что я сделал тебе!? — пораженно переспросил Гарри. — Я ничего не делал, я просто спас твою чертову жизнь, заступался за тебя и доверял тебе! Я даже позволял тебе крутиться около моей подруги, хотя знал, как ты к ней относишься...

— Моя жизнь не нуждалась бы в спасении, если бы не ты! — заорал Драко. Лицо его пошло красными пятнами. — Если бы не ты, я был бы послушным слугой Вольдеморта и своего отца! Я бы никогда не стал бороться с ними, я бы даже не знал, что можно этого захотеть, что можно захотеть быть другим! — он словно выплюнул это «другим», будто это слово было совершенно отвратительным. — Мой отец был бы жив, если бы не ты!

Гарри побледнел от потрясения и негодования. Гермиона совершенно точно знала, что он сейчас чувствует, равно как и знала, что чувствует Драко. Как же он мог все это сказать?!

Но все же он сказал это, и гнев в его глазах был самый настоящий, казалось, из них сыпались серебряные искры.

— Я полагаю, ты догадываешься о том, что такое судьба, да, Поттер? — зарычал он. — А вот знаешь ли ты, что значит — повернуть ее вспять? Бороться, бороться — каждую секунду, каждый день — до тех пор, пока от тебя не останутся только клочья, и все, о чем ты будешь мечтать — поскорее умереть, чтобы получить покой. А потом появляешься ты, изображаешь из себя героя и говоришь, что ты никогда не мечтал о смерти. «Не я. Никогда.» Конечно, не ты! Я не живу в тебе так, как ты живешь во мне! Я не знаю, почему все происходит именно так! Я не изменил тебя — это ты изменил меня! Ты сделал мою жизнь невыносимой!

Потрясение на лице Гарри сменилось яростью, он поднялся на ноги и бросился вперед, насколько позволила цепь, — Гермиона видела, как браслеты наручников врезались ему в запястья.

— Не моя вина, что все произошло именно так! — заорал он на Драко. — Я ничего не выбирал — и не мог выбрать!

— Так же, как и я! — крикнул Драко и, задрав рукав, ткнул Гарри под нос свою руку. Он почти сразу же спрятал ее, но Гермиона успела заметить Знак Мрака, выжженный на его предплечье.

Гарри замолчал. Он откинулся обратно, цепь звякнула о камни. Гнева больше не было, он был просто оглушен.

— Так вот в чем дело... — медленно произнес он.

— Дело всегда было именно в этом, — отрезал Драко. — На самом деле разница между нами не так уж и велика — просто мы по разные стороны баррикад, только и всего. Прости меня за это, Поттер. А я прощаю тебя.

Голос его был полон настоящего сожаления. Гермиона почувствовала, что ее сердце бьется все медленнее и кровь застывает в жилах.

...Это не может случиться...

— Все это ерунда, — твердо заявил Гарри. — Это выбор, и ты сам его сделал.

— Я его сделал много лет назад, — сказал Драко.

— Ну и живи с ним, — произнес Гарри, — коль скоро ты так дорого ценишь свою жизнь.

Драко поднялся на ноги.

— У меня есть предназначение. Мне с ним жить — и все тут.

Склонив голову, Гарри смотрел на Драко — и тот спрятал взгляд.

— По крайней мере, скажи мне, как я умру, — тихо попросил он. — Ты мне все же кое-чем обязан...

Драко посмотрел на Гарри темными глазами, лишенными всякого выражения, — обычные глаза обычного мальчика, все еще полные отблесками смерти.

— Это будет быстро, — сказал он.

И вернулся обратно к Слитерину.

— И в чем же суть сделки? — прищурился на Нарциссу демон. — Ты посылаешь меня в Ад в обмен на информацию?

— Я знаю, что Слитерин попытается убить одного из них — или Гарри, или моего сына — чтобы уклониться от исполнения вашего с ним договора. Я хочу знать, есть ли способ предотвратить это, заставить тебя забрать его вместо них.

— Силы ада нельзя заставить... — в глазах демона замелькали золотые и красные круги.

— Как можно завершить эту сделку? Объясни.

Демон покачал головой:

— Открой клетку.

— Сначала объясни.

Демон затряс головой:

— Если я соглашаюсь на сделку, ее условия для меня незыблемы. Такова уж моя природа, но не ваша: все люди по натуре лгуны. Отопри клетку и произнеси Заклинание Изгнания, а уж потом я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Тогда поклянись, — велела она, — поклянись, что ты не навредишь мне, когда я тебя выпущу. И поклянись, что существует возможность заставить заплатить Слитерина вместо моего сына или Гарри.

— Клянусь.

Нарцисса шагнула к прутьям клетки и, как показывал ей Сириус, сняла с нее охрану. После этого она указала палочкой на демона и, не испытывая ни малейшей радости от того, что ей приходится использовать заклинание Люция — причем не просто заклинание, а приведшее к его столь ужасной смерти — прочитала написанные на клочке пергамента слова. Впрочем, особого выбора у нее не было.

На последнем слове круг пламени окружил демона — он захохотал, кувыркнулся и протянул руки к огню.

Отбросив пергамент, Нарцисса закричала, пытаясь перекрыть хохот демона и треск пламени:

— Ну же, теперь говори!

Демон затих и в упор взглянул на нее.

— Согласно условию сделки, Слитерин пообещал нам своего Наследника-Магида, и мы получим его. Но если Слитерин сам вернет нам меч, добровольно, своею собственной рукой, то мы взамен отпустим Наследника...

— Своею собственной рукой? — тихо переспросила Нарцисса.

Демон кивнул.

— Но он никогда этого не сделает! — взбешенно взывала она, кинувшись к прутьям, но пламя раскалило их докрасна, и она отпрыгнула назад. — Никогда!

— А вот это уже не моя проблема, — и демона поглотила вспышка огня.

Как только черный проем в стене начал закрываться, Гермиона выскочила из-под мантии-невидимки и метнулась к Гарри. За ней — Рон.

Гарри сидел и со странным выражением лица смотрел на свою кровоточащую руку. Гермиона опустилась рядом с ним:

— Гарри? Ты как?

Он кивнул. В его глазах была какая-то отстраненность, словно он блуждал в темноте. Обняв его за плечи, она начала успокоительно поглаживать его, но он, кажется, ничего не замечал.

— Он играл, Гарри, он просто играл...

— Не уверен, — пробормотал Рон.

Гермиона бросила на него негодующий взгляд:

— Ну, конечно же, он играл!

«Я Драко Малфой и это моя интерпретация Полностью Свихнувшегося Психопата», — подражая голосу Драко, произнес Рон. — Брось, Гермиона, я так не думаю. Он действительно — само зло.

Видела его обмундирование?

— Обмундирование? Рон, если тебе нечего сказать...

— Все, что я могу сказать — если он играл, это было очень убедительно.

Гермиона нетерпеливо вздохнула.

— Он отличный актер — мы всегда это знали.

— Он — бедная маленькая задница, мы это тоже знаем, — заметил Рон.

— Он бы никогда не сделал ничего плохого Гарри, — перешла на раздраженное шипение Гермиона.

— Он же порезал его! — начал злиться Рон.

— Значит, он должен был это сделать! — отрезала Гермиона, поворачиваясь к Гарри. — Он же пытался что-то тебе сообщить, Гарри, я могу сказать...

— Тыча его ножом? — Рон потрясенно покачал головой. — Некоторые дарят при этом цветочки, а Малфой использует ножичек, — мрачно пошутил он.

Гермиона вздернула голову и в упор взглянула на Рона:

— Значит, ты настолько ненавидишь его до сих пор?

Выражение лица Рона смягчилось.

— Нет... Ну да, Гермиона, он ведь мог и не иметь выбора... Тебе ли этого не знать, правда? Он мог быть под Заключением *Империи* — не каждый может сопротивляться ему, как Гарри. Этот меч мог в конце концов добраться до него...

— Рон... — вдруг подал голос Гарри.

— ...Лупин говорил, что эта вещь и в самом деле очень мощная. Может, Слитерин как-то на него надавил... Может...

— Рон, — громче произнес Гарри, — а где твоя сестра?

Рон замер на полуслове. Потом он медленно обернулся к тому месту, где еще минуту назад стояли под мантией-невидимкой Джинни с Гермионой.

— Джинни, — дрогнувшим голосом позвал он. — Вылезай из-под мантии, ладно?

Но ему никто не ответил.

— Джинни... — слабо повторил Рон.

Его ноги подкосились, он прислонился к стене.

— Боже... — Гермиона в ужасе зажала ладонями рот. — Он пошла за ним... Дверь закрылась не сразу — она пошла за Драко...

Рон соскользнул по стене на пол:

— Не может быть... Неужели она настолько глупа?

— Коль все обстоит именно так, — тихо решила Гермиона, — я отправляюсь за ней.

— Но она ведь не влюблена в Малфоя, правда? — с отсутствующим видом спросил Рон.

Гермиона только взглянула на него.

— Твою мать... — пробормотал Рон и спрятал лицо в ладонях.

Гарри переглянулся с Гермионой. Она кивнула и, подойдя к Рону, присела рядом с ним и тихонько погладила его по плечу.

— Рон, — успокоительно и мягко позвала она, — у нее мантия и Хроноворот. Она сумеет убежать. Все будет хорошо.

Рон не шелохнулся — впрочем, Гермиона понимала, в чем дело: она не имела ни братьев, ни сестер — в этом смысле он был самым близким ей человеком, и мысль о том, что с ним могло произойти что-нибудь подобное, ужасала ее настолько, что она и думать об этом не хотела.

— Поверить не могу, что она пошла за Малфоем... — сдавленным голосом повторил Рон. — Что ж, полагаю, что вскоре мы и в самом деле узнаем, достоин ли он доверия и может ли отвечать за свои поступки...

— Не говори так, — Гермиона была близка к отчаянию, но вдруг ее перебил Гарри — он вздохнул резко и шумно, что она подскочила и повернулась к нему: он пристально уставился на свою рубашку. Гермиона недоуменно приподняла брови:

— Гарри?..

— Гермиона, иди сюда! — нетерпеливо позвал он.

Она послушно оставила Рона и подошла к нему.

— Нож, — произнес Гарри, все еще глядя на рубашку, — вынь его из кармана.

Она тронула щеку Гарри и сунув руку в карман, вытащила оттуда ножик. И замерла...

Нож был все тем же — серебряный, с вырезанными на рукоятке инициалами — «Г.Дж.П.», с подтеками крови на лезвии... А вокруг него, подобно лозе, оплетающей ствол дерева, в голубом свете комнаты тусклым золотом сверкал Эпициклический Амулет Драко на тонкой золотой цепочке...

Глава 13. Сквозь тусклое стекло

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, как я познан.»

Первое послание к Коринфянам апостола Павла.

Алкоголь и огонь не сочетаются, думал Драко, глядя в камин, где языки пламени уступили место слою рдеющих угольков. С момента возвращения в спальню он добавил еще три «Маи Таи», и его окружение начинало выглядеть слегка... специфическим. Тепло огня, объединенного с жаром алкоголя в его крови, привело к тому, что его одежда была мокрой от пота, не говоря уже о том, что его зрение расплывалось. Можно ли считать полностью нормальным, что напиток в его стакане оставался весьма устойчивым, в то время как мебель, казалось, колыхалась вверх и вниз?

В неясных очертаниях комната стала напоминать ему кабинет его отца, там, в Замке. Такие же толстые каменные стены, зловещие гобелены, заполненные изображениями змей и пауков, те же самые тяжелые кресла — как часто он видел отца, сидящим глубоко в кресле у огня, со стаканом Королевского Огненного виски в руке, смотрящим угрюмо в огонь, в точности, как он сам теперь. Он будто снова был дома, или если не дома, то, по крайней мере, в каком-то другом месте, а не в этой крепости — месте одновременно чужом и странно знакомом, где действительность принимала вид мечты.

Сквозь тишину он снова слышал в своей голове голос Слитерина, говорившего ему о договоре, который скрепил мир вместе, о необходимости противоположностей, тьмы и света, ночи и дня, добра и зла. Морозный холод и жар печи, смертельная чернота и ослепительный свет. День сменяется ночью, и ночь сменяется днем, и оба приносят враждебность и страдание. Он видел лицо Гарри, и его выражение, когда Гарри смотрел на него в камере — не ярость, не отвращение, не разочарование, но гораздо худшее сочетание из всех трех.

Что случилось со мной? Почему я думаю об этих вещах, если в этом нет никакого смысла? Он опустил глаза и увидел собственное искаженное отражение в серебряном кубке, который он держал — гладкую поверхность щеки, которую портил только крошечный шрам на его скуле, серебро глаз. А может, я в самом деле становлюсь пьяным. Он очень осторожно опустил кубок на стол рядом с креслом, и помахал рукой в сторону огня.

— *Инсендио*, — прошептал он, и пламя снова взметнулось вверх. Янтарный свет огня пронизывал зеленую жидкость в его стакане, превращая ее в золото. Драко откинулся назад, положив голову на спинку кресла, очень медленно опустив веки так, чтобы смотреть на огонь камина сквозь ресницы, будто сквозь бахрому серебристой травы.

Какая-то тень пересекла огонь. Он не обратил внимания. Образы, которые танцевали перед его внутренним зрением, завладели его вниманием. Зеркало Правосудия, отражение в его серебристой поверхности — сначала его собственное бледное испуганное лицо, затем... другие вещи. После этого он почти не сопротивлялся, когда Слитерин потащил его инспектировать его «армию». Которая была многочисленна до абсурда. Дементоры, оборотни, тролли и всякая другая пакость простирались настолько далеко, насколько мог видеть глаз. Ему было все равно. Флёр сказала ему, что Слитерин покажет ему что-то настолько ужасные, что от одного вида можно умереть. Ну что ж, он не умер, но то, что он видел, оставило раскаленный добела след в его душе, и эти образы вспыхивали и гасли в его глазах, будто память об огне. То, от чего нельзя оправиться.

Другая тень прошла перед его веками. На этот раз он почувствовал, как напряглись мускулы. Кто-то еще был в комнате рядом с ним. Он развернулся в кресле, ожидая увидеть Флёр или Слитерина, или иного случайного фаворита. Но не того, кого он увидел.

Перед ним, в ореоле огненных волос вокруг бледного лица, стояла Джинни.

Начался дождь. Трава вокруг ног Сириуса и Лупина была мокрой, и штанины брюк намокли, пока они ждали на склоне. Однако их головы и плечи оставались сухими благодаря заклинанию

Зонтель, которое Лупин использовал после того, как они оставили дом Поттеров. Сириус был слишком погружен в свои мысли, чтобы обращать внимание на погоду — он был поглощен раздумьями и разглядыванием ножен, которые были, вне всякого сомнения, Ключом Гриффиндора. Это была прекрасная вещь, сделанная настолько искусно, что отделка в виде резных цветов и листьев, которые покрывали ножны сверху донизу, была почти излишней. Мысль, что ножны принадлежали поколениям Поттеров, включая Джеймса, заставляла Сириуса так волноваться, что он может уронить или как-то иначе повредить их, что Лупин предложил наложить на них заклятие *Редуктус*, чтобы уменьшить их до размера ладони, так что Сириус мог бы тщательно укрыть их во внутреннем кармане плаща, что он и сделал.

— Чего мы опять ждем, Сириус? — спросил Лупин, ежась от резкого ветра. Похоже, сама природа подлаживалась под мрачное, озабоченное настроение Сириуса — серебристо-черные облака неслись по небу цвета мокрого железа, и ветер заставлял ветви деревьев выводить мрачную песню.

— Отсюда будет легче отправиться, — ответил Сириус, когда они добрались до вершины холма позади старого дома Поттеров. Сириус достал маленький серебряный свисток из кармана плаща и подул в него, издав грустный, пронзительный звук. Без дальнейших объяснений, он положил его обратно в карман.

Гораздо скорее, чем он ожидал, они услышали хлопанье крыльев и обернулись, чтобы увидеть...

Сову?

Маленького, абрикосового цвета, сына.

Лупин моргнул.

— Немного маловат, чтобы нести нас обоих, как ты думаешь? — спросил он в то время, как птица устроилась на плече у Сириуса и осторожно клюнула его. Тот взял пергамент, привязанный к ноге совы, и развернул его. Сова снова отправилась в полет, тяжело хлопая пальевыми крыльями на фоне темного неба.

— Это от Нарциссы, — сказал Сириус, закончив читать, и передал письмо Лупину. — Должно быть, она выжала некоторую информацию из того демона. Ничего особенного, впрочем.

Лупин, бегло просмотрев письмо, собирался, было ответить, когда большая тень заслонила слабый свет, который солнце бросало на пергамент. Он поднял голову и увидел силуэт огромного животного, кругами снижающегося к ним — тело лошади, украшенное крыльями и головой орла и хвостом льва.

— Это Конклюв? — спросил он, поворачиваясь к Сириусу. Конечно, он узнал гиппогрифа, он видел и прежде, как Сириус ездил на нем, и помнил его с того времени, когда он жил привязанным снаружи хижины Хагрида в Хогвартсе. Однако, Лупин никогда не подходил к нему слишком близко по очень серьезным причинам.

— Сириус...

Гиппогриф опустился на траву прямо перед ними и зашагал к Сириусу. Конклюв был прекрасным животным, его темная серая шкура переходила в желтовато-коричневое оперение на крыльях, а глаза ярко светились. Он ткнулся головой в плечо Сириуса, и Сириус хотел, было потянуться и погладить его голову, покрытую перьями, когда он увидел, что гиппогриф напрягся и уставился, сузив глаза, на что-то позади него.

Низкий рокот прокатился в горле Конклюва и он попятился.

— Ключик, что?.. — начал Сириус, поворачиваясь, чтобы проследить пристальный взгляд обеспокоенного гиппогрифа.

Он увидел Лупина, стоящего скрестив руки, его одежда обвивалась вокруг него под сильным ветром, будто черные сложенные крылья. Он слегка покачал головой.

— Сириус. Это я.

— *Лигатус*, — сказал Сириус, доставая палочку. Серебряная веревка выскочила из ее кончика. Один конец веревки обвился вокруг шеи Конклюва, другой затвердел и изменил форму, превратившись в рукоятку в кулаке Сириуса. Крепко удерживая привязь гиппогрифа, он повернулся и посмотрел на Лупина.

— Что ты хочешь сказать, что это ты?

— Он чувствует, что я — оборотень, — сказал Лупин, глядя напряженно на Конклюва. — Он меня боится.

— Боятся тебя? Не обижайся, но если дойдет до схватки «рука против клюва», я думаю, он тебя одолеет.

— Это не имеет значения. Он отчасти лошадь. Лошади ненавидят волков. Это у них в крови.

Сириус провел рукой вдоль шеи Конклюва. Гиппогриф стоял неподвижно, напрягшись каждым дюймом своего тела, не отрывая взгляда от Лупина.

— Лошади также ненавидят львов, а он отчасти и лев. Он мог бы быть немного более терпимым. Я знаю, что животные не любят тебя, но я думал, что волшебное существо вроде Конклюва... Я имею в виду, ты же можешь справиться с тихомолами...

— Те — темные существа. Конклюв — волшебное животное, созданное из других животных, и его инстинкты — инстинкты животного. Он не знает, как ко мне относиться. Внешне я не более, чем человек, но это не так, и он чувствует это.

Сириус покачал головой.

— Ты — человек.

— Нет, и ты это знаешь, — терпеливо возразил Лупин.

Сириус сурово посмотрел на него.

— Может, я и не хочу... — добавил Лупин.

— Может, и не хочешь.

Сириус мимолетно прислонил голову к боку Конклюва, затем поднял глаза.

— Но тебе все равно придется сесть вместе со мной на этого гиппогрифа. Я не вижу другого способа для нас, чтобы добраться туда, куда мы направляемся. Ты знаешь дорогу, но мы не можем *телепортироваться*. Я уверен, что там заграждения вокруг всего замка, нас наверняка расщепит.

Лупин покачал головой и шагнул к Сириусу.

Конклюв отпрянул, едва не сбив Сириуса с ног. Сириус метнулся с дороги, едва избежав удара в лицо одним из неистово хлопающих крыльев.

— Клювик! — рявкнул он, сильно дергая за веревку, связывающую его с гиппогрифом. — Конклюв! Тихо!

Было не похоже, что Конклюв готов успокоиться. Он продолжал метаться взад и вперед, дико выкатывая глаза. Лупин не приближался, он неподвижно стоял на прежнем месте.

— Конклюв, — повторил Сириус тихим, успокаивающим голосом, подтягивая гиппогрифа к себе за цепь, которую он наколдовал.

Лупин смотрел, чувствуя, как дурное предчувствие сгущается у него под ложечкой. Он вырос с осознанием того факта, что животные ненавидят его. После того, как он был укушен, его семья была вынуждена избавиться от всех домашних животных — от собак и кошек, даже кролики в вольере, во дворе, вздрагивали и поспешно удирали от него, когда он проходил мимо.

В окрестных лесах там, где он жил ребенком, всегда водились оборотни, что и послужило главной причиной того, что он был укушен. Он помнил, что говорил ему один из старейшин, когда он был еще ребенком:

«Теперь ты вне этого мира, ты больше не часть его. Животные будут избегать тебя, зная твою суть, и серебро, кровь земли, отвергнет тебя. Куда бы ты ни пошел, земля будет пытаться извергнуть тебя со своего лица, ибо ты — неестественное существо, и земля ненавидит то, что вне ее естества.»

— Мы могли бы просто призвать наши метлы, — заметил он примирительно, хотя и знал, что это бесполезно — это всегда было бесполезно, когда Сириус втемняшивал что-нибудь себе в голову.

— Конклюв... быстрее... — пропыхтел Сириус, по-прежнему крепко удерживая гиппогрифа за повод.

Он вытянул руку и твердо провел ею по перьям на шее животного, затем потрепал Конклюва под подбородком. Очень медленно, после неоднократных уговоров и поглаживаний, Конклюв успокоился настолько, что опустил голову Сириусу на плечо, хотя его хвост по-прежнему хлестал из стороны в сторону.

Сириус, черные волосы которого, намкнув, прилипли ко лбу, обернулся и протянул Лупину руку.

— Ну же, Рем, — сказал он.

Лупин медленно приблизился, неожиданно и не без удовольствия вспомнив, как Драко необычно долго носил повязку на руке, когда учился на третьем курсе, после того, как Конклюв поранил его.

Что ж, если какое-нибудь животное хотело укусить Драко, оно не обязательно было плохим, принимая во внимание, каким он был в то время. Он протянул руку и положил ее на бок Конклюва. Гиппогриф вздрогнул, его кожа колыхнулась от прикосновения Лупина, но он не отстранился.

Лупин поднял глаза и взглянул на Сириуса, который хоть и выглядел измотанным, но по-прежнему улыбался ему, блестя глазами.

— Видишь? — сказал он, порывисто дыша. — Все просто.

Лупин не ответил. Он позволил Сириусу подсадить его на спину Конклюва и сидел не двигаясь, пока его друг не вскарабкался позади него. Он мог чувствовать, как кожа гиппогрифа корчится и вздрагивает там, где он касался ее, и он знал, что Конклюв терпит его в качестве седока только из любви к Сириусу. Что, предположительно, было не самым худшим основанием для терпения.

— Гарри?

— Что?

— Ты собираешься, носить этот Амулет или нет? Это небезопасно — просто держать его в руке.

Гарри не ответил. Гермиона смотрела на него взглядом, полным беспокойного любопытства. По-прежнему прикованный к стене, Гарри ухитрился извернуться таким образом, что его скованные руки оказались впереди, а не у него за спиной. Его поза по-прежнему была неудобной, но все же меньше, чем раньше. Гермиона опустила глаза на свою ладонь, пальцы которой переплелись с пальцами руки Гарри, лежащей на колене. В другой руке Гарри держал Эпициклический Амулет, зажав его в кулаке, и золотая цепочка свисала между пальцами. Похоже, что он не хотел выпускать его, но и не знал, что с ним делать.

Она оглянулась и посмотрела на Рона, прислонившегося к стене рядом со входом в камеру. Рон просматривал книгу, которую нашел между подушками одного из диванов, стоящих вдоль стены. Кажется, она называлась «Как быть злым», сочинение Стива Третьего. Вряд ли это отвлечет его от беспокойства за Джинни, подумала она. Ей хотелось подойти и предложить ему утешение или свою компанию, но она видела, что Рон хотел побыть один, и, кроме того, Гарри она была нужнее.

Гермиона подавила приступ панического раздражения. Что это взбрело Джинни в голову, в отчаянии подумала она. Она попыталась отнестись к этому снисходительно. Пожалуй, если бы это касалось Гарри, она бы отправилась за ним не раздумывая, не так ли? Конечно, Джинни не может любить Драко так же сильно, как Гермиона любит Гарри. Она почти не знает его. Она даже не знает его так же хорошо, как Гермиона, и не любит его так, как... ладно, это была бесполезная цепь рассуждений. И Джинни этим не вернешь.

— Я не знаю, — наконец, произнес Гарри.

— Но ты веришь мне, что он просто играл роль?

Гарри утомленно вздохнул.

— Да, я тебе верю. И я верю тебе, что он не нарочно ткнул меня ножом, хотя мне кажется, что он получил от этого больше удовольствия, чем ты готова признать.

— Почему это? — резко спросила Гермиона. — А ты бы получил удовольствие, если бы вы поменялись местами?

Гарри откинул голову к стене и прикрыл глаза.

— Не заводись.

Она подвинулась, не вставая с колен, чтобы смотреть ему в лицо.

— Гарри, я знаю, это как-то связано с тем, что он тебе наговорил, чтобы разозлить тебя настолько, что ты выбил эту дверь. Я права?

— Может быть, — ответил он, не открывая глаз.

— Ты не расскажешь мне, что он сказал?

Короткая пауза.

— Пожалуй, нет, — сказал Гарри.

Гермиона подавила желание хорошенько встряхнуть его. Ей хотелось возразить, что он не должен скрывать это от нее, что они всегда все говорили друг другу, но тут она осознала, что это не так. Рон — вот кто все всегда ей рассказывал; хотя она и могла довольно точно прочесть, что написано у Гарри на лице, однако Гарри по большей части старался не выдавать свои чувства, и чем больше

что-нибудь терзало его, тем старательнее он это скрывал.

— К тебе это не имело отношения, — добавил Гарри, будто в дополнение.

Волна виноватого облегчения прокатилась внутри нее.

— А я и не думала, что это может иметь отношение ко мне, — соврала она.

Снова пауза.

— Гарри, ну пожалуйста, — попросила она.

Его веки медленно поднялись, и он взглянул на нее. Его глаза потемнели и напоминали изумруды.

— Скажу тебе только, что это были очень ужасные вещи, — сказал он. — Я этого не забуду.

Никогда. Этого нельзя простить.

Гермиона покачала головой.

— Ты должен простить его, Гарри.

— Почему?

— Потому что, что бы он ни сказал, он сделал это, пытаясь спасти тебе жизнь. И он должен был понимать, что ты возненавидишь его за это. Неужели ты не можешь понять, как тяжело ему было принести эту жертву?

— Ты его защищаешь?

Гермиона вздернула подбородок.

— А ты бы хотел, чтобы я не говорила тебе, что я на самом деле думаю? Ты бы предпочел, чтобы я не говорила тебе, когда ты не прав?

— Он мог бы сделать это как-нибудь иначе.

— Как именно иначе? Что бы он ни сделал, чтобы разозлить тебя до такой степени, заставило бы тебя ненавидеть его. Этого нельзя было избежать.

Гарри не ответил. Он выглядел утомленным, кожа на его лице будто обтягивала кости, зеленые глаза были широко открыты и влажно блестели.

— Гарри, он бы никогда не причинил тебе боль намеренно. Не таким образом. Да, конечно, он бы ударил тебя, и он попытался бы выбить тебя из колеи, отчасти из-за того, что он толком не понимает, как относиться к тебе, ты что-то значишь для него, но он не знает, что именно. Для него это не укладывается ни в какие рамки. Гарри, у него никогда не было брата. У него, по сути, даже никогда не было друга. Никого, кто мог бы сравниться с ним по интеллекту. Никого, ради чьего хорошего отношения он бы приложил все усилия. Он не знает, как ему поступать в отношении тебя. И вот он снова становится саркастичным или противным, а когда он мягок, ты не веришь, этой доброжелательности и набрасываешься на него. По сути, он довольно терпимо относится к тебе.

— Терпимо? — выпалил Гарри, уставившись на Гермиону с таким недоверием, что это выглядело почти смешно. — Это Малфой-то?

— Ну вот, ты опять называешь его Малфой, — невозмутимо заметила Гермиона. — В чем дело? Ты не можешь выговорить его имя? Он собирается стать твоим родственником...

— Малфой мне не родня! Он не член моей семьи!

— В какой-то степени, Гарри, он родственник. Как, по-твоему, что такое семья? Это люди, которые связаны с тобой, и ты не выбираешь, кто они, ты не можешь изменить их, и ты должен жить с ними и любить их.

Гарри искоса взглянул на нее, и она поняла, насколько неуместно это прозвучало по отношению к его собственному воспитанию.

Она закусила губу.

— Это немного чересчур, — решительно заявил он, — просить меня полюбить Малфоя.

— Ну, для начала ты мог бы называть его по имени, а потом двигаться дальше.

Гарри с вызовом взглянул на нее.

— Он называет меня Поттер.

— Да, это так, — Гермиона запрокинула голову и, неожиданно для Гарри, нежно поцеловала его в висок.

— Если чему-то в ваших отношениях суждено измениться, то это будет зависеть от тебя. Гарри, у тебя есть преимущество перед ним. У тебя есть друзья. Ты знаешь, как с ними обращаться. Он — не знает. Он просто поступает инстинктивно. Если ты обращаешься с ним, как с другом, он станет тебе лучшим другом из всех. А если ты относишься к нему, как к своему злейшему врагу, то он таким

и станет.

— Он не думает обо мне, как о друге, — резко ответил Гарри, но Гермиона видела, как упрямство исчезает из его глаз, оставляя смутное беспокойство, которое она могла прочесть так же легко, как она всегда читала выражение его лица.

— Может быть, нет, — мягко сказала она. — В его сознании ты не столько друг, сколько... лучшая часть его самого.

Гарри смотрел на нее. И Гермиона протянула руку и взяла Эпициклический Амулет у него из руки. Она чувствовала его, такую знакомую, тяжесть на ладони — как незначительна она была для того, чем он был — сущностью человеческой жизни, ставшей осязаемой. Она так привыкла к тому, как он сжимал ее горло, что последние несколько дней, просыпаясь, она тянулась к нему и вздрагивала от чувства утраты, обнаружив, что его нет.

Она расстегнула цепочку и посмотрела на Гарри.

Тот склонил голову, и Гермиона застегнула цепочку на его шее, позволив Амулету упасть ему за пазуху.

— Это большая ответственность, — заметил Гарри, глядя на нее.

— Но не для тебя, — ответила Гермиона. — Это... то, что ты есть.

Джинни стояла, замерев, окутанная плащом-невидимкой, и смотрела на Драко. В первый момент, когда она только вошла, она едва не убежала прочь, одновременно желая и не желая говорить с ним. Казалось, каждый раз в течение этих дней, когда она видела его, он выглядел по-другому — все дальше и дальше от самого себя. Там, в камере, он был таким холодным, отстраненным и замороженным, что она едва могла взглянуть на него. Она ожидала увидеть его таким же одиноким, но вместо этого он выглядел слегка... успокоенным, будто какое-то бремя упало с его плеч. Он как-то расслабленно утонул в кресле перед пляшущим красно-золотым пламенем, которое отбрасывало желтоватое сияние на все, что находилось в комнате, включая самого Драко, превратив его серебристые волосы в русые и добавив теплые золотые тона к его бледной коже.

Джинни позволила плащу соскользнуть к ее ногам и ждала, когда он ее заметит. Но он не замечал. По крайней мере, не показывал вида. Драко продолжал смотреть в огонь, будто загипнотизированный. Она сделала шаг к нему, затем другой. Она была уже так близко, что могла коснуться его руки, когда он резко повернулся в кресле, широко открыл серые глаза и уставился на нее.

Она протянула к нему руку.

— Драко?

Стакан выпал у него из пальцев. Он упал на пол, но не разбился, и покатился в огонь. Джинни проследила за ним взглядом, не решаясь смотреть Драко в лицо.

Он не был рад увидеть ее. Напротив, он был в ужасе.

— Джинни?

Она чувствовала, как толчки ее сердца отдаются в горле.

— С тобой все в порядке? — отважилась спросить она.

Он продолжал смотреть на нее, все с тем же ошеломленным, застывшим выражением лица. Наконец, он рассмеялся. На мгновение она растерялась. Даже Драко не нашел бы ничего смешного в данной ситуации.

— Так ты пришла за мной, — сказал он, и в его голосе прозвучала резкая нота гнева, хотя его губы продолжали улыбаться. — Мило, не правда ли. Но глупо.

Джинни почувствовала, будто что-то сжалось внутри.

— Ты не рад меня видеть.

— Нет. А ты в самом деле думала, что я обрадуюсь?

Она выставила подбородок.

— Да.

— С чего это? Если бы ты встретила своего лучшего друга в аду, тебе было бы приятно видеть его?

Джинни не была уверена, что он хочет сказать и поэтому просто смотрела на него, чувствуя, как

холод охватывает ее.

Драко вытянул ногу и подтолкнул к ней одну из маленьких скамеечек.

— Ну что ж, если ты не собираешься уходить, почему бы тебе не присесть и не выпить со мной. Мы можем провести здесь время. Рассказывать шутки. Ждать апокалипсис.

— Шутки? — слабым голосом отозвалась Джинни.

Драко откинул голову на спинку кресла. Свет от камина рельефно отделил впадины у него под глазами, его скулы, окрасил лицо в золотистые тона. Он был почти убийственно красив. Определенно, что-то заболело у нее внутри.

— Ну да, шутки. Например, сколько Малфоев нужно, чтобы заменить электролампочку?

Она молча смотрела на него. Драко поднял палец.

— Всего лишь один. Но в старые добрые времена сотни слуг поменяли бы тысячи лампочек по нашему малейшему капризу.

Он невесело улыбнулся, скользнув поглубже в кресло.

— Это один из приколов моего отца. Наверное, надо быть Малфоем, чтобы считать это смешным.

Джинни наморщила нос.

— Ты пьян, — заявила она, поскольку подозрение переросло в уверенность.

— Вовсе нет, — возразил он оскорбленно, откидывая серебристые волосы, упавшие ему на глаза. — Я всего лишь пропустил четыре «Маи Тай», и они совсем на меня не подействовали.

— Ты пьян! — отрезала Джинни. — Посмотри на себя. Ты даже не спросил, как я попала сюда.

— Я бы спросил. К сожалению, я парализован, поскольку мне все по фигу.

— Я использовала Хроноворот, — сказала она. — Это долгая история. Мы проникли через время в алмазную камеру, чтобы вызволить тебя и Гарри.

— Только меня в камере не было, — мягко заметил он.

— О нет. Ты был там.

Драко сел прямо. Глаза, лениво полуприкрытые веками, пристально уставились на нее.

— Ты была там? Только что?

Джинни кивнула.

— Ты сказала мы, — заметил он. Это был вопрос.

— Я прибыла с Роном. И... Гермионой, — нехотя добавила она, зная, какой эффект это может произвести на него.

Она видела, как зрачки его глаз слегка расширились, а его рука напряженно уперлась в край кресла. Но кроме этого, он ничем себя не выдал.

— Мы спрятались под плащом-невидимкой.

— В самом деле, — в его глазах прятался опасный огонек, который нервировал ее. — Невидимая галерея персонажей «Peanuts» (серия комиксов о детях, художника Чарльза Шульца. — прим. пер.). Никогда бы не подумал. Я, должно быть, выглядел весьма глупо.

— Нет, — она подавила дрожь. — Глупо? Я бы не сказала.

— Значит, ты пришла спасти Гарри, — решительно подытожил он. — Что же ты не спасаешь? Это что, перерыв для чашки кофе? Или ты решила заглянуть и поздороваться?

— Мы пришли спасти вас обоих.

— Но как видишь, — Драко откинулся назад и ухитрился одним скупым жестом указать на комнату, камин и пустые стаканы на столике, — меня не надо спасать. Я прекрасно себя чувствую.

— Прекрасно? Я этого не вижу.

Неожиданная стремительность, с которой он выпрямился в кресле, поразила ее.

— Ты следила за тем, что происходило в камере? Ты видела меня?

— Я видела тебя.

— А ты видела, как я располосовал Гарри? Твоего дорогого Гарри, в которого ты влюблена вот уже шесть лет? Ты слышала, что я сказал ему?

Голос Джинни был спокоен:

— Я видела, как ты случайно порезал его. Я видела, как ты говорил разные вещи, но ты не думал так.

— Откуда ты знаешь, что я так не думал?

— Я просто знаю это, — она знала, что это звучит неубедительно. Она вызывающе вскинула

голову. — Я знаю о Темной Магии больше, чем ты думаешь. Я могу ощутить, когда люди действуют не по своей воле. Ты так и поступал.

— Не по своей воле? Ты уверена?

— Почему ты отвечаешь вопросом на вопрос?

— Разве я отвечаю вопросом на вопрос?

— Теперь ты просто пытаешься досадить мне, — раздраженно отрезала она.

— Ага, — подтвердил он. — И, как видишь, удачно.

Джинни сверкнула глазами. Драко поглубже забился в кресло и одарил ее утомленным и раздраженным взглядом.

— Меня легко вывести из себя, — сказала она. — Слишком просто для тебя. Все равно, что отрывать крылышки у мух. Похоже на то, что ты делал с Гарри там, в камере.

Теперь он отвел глаза в сторону.

— Я догадалась, что все это было частью какого-то большого плана, — продолжила она. — Я видела, что ты притворяешься. Но, похоже, у тебя нет никакого плана. Если только хандрить все время не сойдет за план.

— Мой текущий план состоит в том, чтобы надраться и ждать, не решит ли Гарри убить меня. Я свою часть выполнил, а он нет. Если только это имеет смысл.

Джинни поняла только часть из всей этой тирады. Она состроила мину.

— И это твой план? Он жалок.

Его глаза снова блеснули, на этот раз с большей энергией по сравнению с той, что он демонстрировал в течение всего времени их общения. Он поднялся на ноги, лишь слегка покачиваясь. Возможно, он и был пьян, но он не показывал это, как, например, Фред и Джордж, когда они приползали домой после нескольких бутылок Старого Огненного Виски Огдена. Казалось только, что он еще более четко выговаривает слова, сдерживая себя еще более строго, чем обычно.

— Это я жалок? — переспросил он угрожающе мягким голосом. — Я бы не стал сравнивать, Джинни, если бы я был на твоём месте.

Он подошел к ней поближе, протянул руку и коснулся ее волос, обвив непослушную прядь вокруг пальцев.

— Чего ты ожидала, Джинни, когда ты увидела меня? Ты думала, что я брошусь в твои объятия и побегу за тобой домой, будто спасенный щенок? Ты думала, что я буду благодарить тебя?

Его рука отпустила ее волосы, коснулась ее щеки, и кожу будто обожгло молнией. Стоя так близко, она могла чувствовать запах алкоголя, перебивавшего его обычный запах, который она помнила — пряности, кожа и дым камина.

— Может, у тебя меньше воображения, чем я думал.

В голове у нее прозвучали слова брата: «Прежде всего, воображение нужно, чтобы предположить, что у тебя есть душа, Малфой».

— Я не понимаю, — сказала Джинни.

Она отстранилась от него, от его прикосновения и отвернулась. Так было легче, когда она не видела его лица, и она не хотела, чтобы он увидел слезы в ее глазах.

— Ты хочешь сказать, что ты не пойдешь со мной? У меня плащ-невидимка — это не будет опасным...

— Опасным, — будто сплюнул Драко.

Она вздрогнула. Хотя она и не могла этого видеть, но она могла представить себе выражение его лица, его гнев.

— Вот оно что, ты так считаешь? Трусость?

— Так это выглядит со стороны.

Какое-то время он молчал, и она была готова повернуться к нему. Затем она почувствовала, как его руки сомкнулись вокруг нее, и он подтянул ее к себе. Она ощутила, как мускулы у него на груди и плечах прижались к ее спине, и по нервам будто провели лезвиями там, где он коснулся ее.

— Позволь мне кое-что сказать тебе, — прошипел Драко ей в ухо. — Ты не знаешь меня. Тебе только кажется, что ты знаешь. Ты не понимаешь, какой я на самом деле.

— А ты понимаешь?

— Да, черт возьми. Я это видел. Ты слышала о Зеркале Джедан? Так вот, у Слитерина есть

другое зеркало, похожее. Но только оно не показывает то, что ты желаешь. Оно показывает, какой ты на самом деле.

Он схватил Джинни за плечи и развернул ее. Она отступила, но он следовал за ней, пока она не прижалась к стене. Драко навис над ней, стоя так близко, что она чувствовала, как ее волосы колыхнутся от его дыхания.

— Ты бы хотела увидеть, кто я такой, Джинни? Что именно заинтересовало бы тебя?

Она с вызовом вскинула подбородок и встретила его сверкающие глаза пристальным взглядом.

— Не думаю, что это было бы так плохо.

Он засмеялся прерывающимся смехом, ломким, как сосулька.

— Знаешь, что я увидел в этом зеркале?

Она покачала головой. Ее дыхание замерло, но глаза умоляюще смотрели на него: «Скажи мне».

— Я видел мою семью. Я смотрел в зеркало и видел, как мой отец смотрит в ответ, и его руки были в крови, и за его спиной стояли поколения Малфоев, вплоть до Слитерина, который сделал нас такими, какие мы есть, и их лица были лицами дьяволов. И я знал, что это — истинный я. Все эти поколения злой силы оставили на мне свой отпечаток. Даже, если я не делал этого сам, это у меня в крови — темная магия, убийство, некромантия. Кровь невинных людей на моих руках. Мои воспоминания — вымысел, и моя душа — душа убийцы, и все хорошее, что я когда-либо делал, было ложью...

— Нет! — Джинни уперлась ладонями ему в грудь и смотрела ему в лицо, отчаянно пытаясь выразить силу своих чувств.

— Это неправда! Ты не в ответе за действия других. Быть тем, кто ты есть — даже если ты Наследник Слитерина, не делает тебя воплощением зла.

— В моих глазах это так, — горько ответил Драко. — Это так в глазах Гарри и в глазах Гермионы. Это так в глазах всякого, у кого есть глаза. Именно это делает меня злом.

Джинни покачала головой.

— Не важно, кто ты. Главное, что ты делаешь, что ты уже совершил. Разве ты недостаточно сделал, разве ты не доказал, что ты не такой, как твой отец? Разве ты не встал против него, не спас жизнь Гермионы, как это сделал бы Гарри...

— О, этот чертов Гарри! — неожиданно заорал он.

Он был белый, как бумага, от ярости, его глаза метали серые искры, на него было страшно смотреть. Он так редко кричал, что эта вспышка вызвала тревогу.

— Я не Гарри! Я никогда не буду Гарри! Если я когда-то и поступал, как он, это было результатом заклятия. Неужели до тебя не доходит?

— Выслушай меня. Каждая частица хорошего в тебе не от Гарри. Если ты не веришь самому себе, поверь мне. Я могу чувствовать зло в людях. Я почуяла его в Слитерине, когда он пришел в наш дом. Я никогда не чувствовала зла в тебе. Ты часто был ненавистным, ужасным мерзавцем, но ты никогда не был злом. Так что... завязывай. Кончай со всей этой «Я — Темный Принц Зла» ерундой. Потому что это не так. Ты просто человек, Драко Малфой, такой же, как все остальные. И твоя беда не в том, что ты зло. Беда в том, что ты боишься. Ты все время убегаешь. Ты удрал из Замка, когда ты решил, что Гарри и все прочие больше не доверяют тебе, потом ты убежал от меня, когда я уговаривала тебя вернуться домой. Ты даже от Снэйпа бежал. Ты хранил меч, поскольку это давало тебе повод убежать от Гарри и Гермионы, и от всего в твоей жизни, чего ты не мог выдержать, а потом ты попытался убежать от той тьмы, которую он призвал, но ты не в силах. Все, что ты сейчас делаешь — убегаешь от самого себя и все дальше и дальше отдаляешься от всякого, кто мог бы помочь тебе. Знаешь, ведь у тебя было все, что ты хотел. Семья, люди, которые заботились о тебе. И ты убежал от всего этого! «Ах, я должен уйти, я опасен для всех вокруг, я такое зло, пожалуйста, дайте мне по голове, ля-ля-ля». Дерьмовая куча самооправданий!

Джинни тыкала Драко пальцем в грудь, а он буквально таращился на нее в удивлении.

— Кто сказал, что ты должен сидеть здесь и ждать, пока все эти грандиозные события, которые так тебя волнуют, не взорвут все вокруг? Почему ты не борешься? Не знаю, как ты, но я бы предпочла ошибиться и сделать что-то, чем в страхе не делать ничего!

Она прервалась на полуслове, тяжело дыша, будто только что пробежала марафон. Боже, что она наговорила? Она кричала на Драко — в ушах у нее звенело до сих пор. Пораженная, она медленно

подняла голову и увидела его, смотревшего сверху вниз с очень странным выражением в глазах.

— Драко, — ее голос дрогнул. — Мне очень...

«...жаль», хотела она сказать, но прежде, чем она произнесла это слово, даже прежде, чем она подумала это, Драко схватил ее за руки, подтянул к себе и запечатал ее губы своими.

Будто молния прошла через ее тело, белым лезвием прямо в сердце. Это было совсем не похоже на короткий ледяной поцелуй, которым они обменялись тогда в ее спальне. Возможно, из-за близости огня, возможно, из-за алкоголя в его крови, возможно, из-за чего-то еще, его кожа больше не была холодной, а сравнялась с ее собственной пылающей кровью. Она чувствовала жар его рук на своих опаленных плечах, в то время, как его пальцы пробежали по ее спине, оставляя пламя там, где они коснулись. Головокружение затуманило ее зрение. Так вот на что это похоже — будто стоишь в зачарованном пламени? Горишь и не чувствуешь боли? Все внутри нее будто превратилось в жидкость, в расплавленный металл, и жар охватывал ее тело, обжигая вены, превращая ее кости в стекло.

Когда он оторвал свои губы от ее, она почувствовала, будто лишилась чего-то, и ухватилась за него, безотчетно вцепившись в его рубашку. Но он только притянул ее ближе к себе (хотя она думала, что ближе уже некуда, казалось, они соприкасались каждым дюймом своих тел), и его рука сумела проскользнуть в несуществующий зазор между ними и начала нащупывать застёжки на ее одежде. Это были очень легкие движения, но ощутимые и, пожалуй, ласкающие. Это означало, что он волнуется. Ну и хорошо. Он и должен волноваться.

Ее платье распахнулось, и его рука скользнула внутрь к тонкому шелковому белью, которое совершенно не препятствовало его прикосновениям. Ей казалось, что между его рукой и ее обнаженной кожей нет никакой ткани. Кончики его пальцев скользили по ее телу — вдоль позвоночника, к крылышкам лопаток, во впадинку у нее на затылке. Неожиданно оказалось, что очень важно, чтобы между ними было как можно меньше одежды, и с этой мыслью ее руки вспорхнули к его рубашке и рванули ее так сильно, что Джинни вдруг увидела себя со стороны, разрывающей рубашку Драко так, что на нем остались одни рукава.

Это рассмешило ее. Она отпустила его рубашку и беспомощно хихикала, прижавшись к нему. Драко слегка отстранился, и серые глаза взглянули на нее, сонные и любопытные.

— До сих пор никто, с кем я целовался, не смеялся надо мной, — заметил он, сбитый с толку.

Джинни не ответила. Она только что-то лепетала. Это было совсем не смешно, но она не могла остановиться.

«Нервы», — подумала она. — «Прекрати сейчас же.»

Но ничего не помогало.

— Посмотрим, сколько ты сможешь продержаться, если я сделаю вот так, — сказал он с коварной ухмылкой, и его губы потянулись к ее уху и сделали что-то ужасно интересное, так что ее колени превратились в воду.

Боже. Ей показалось, что она сейчас потеряет сознание. Его губы спустились ниже, к ее горлу, и сделали нечто еще более интересное, и оказалось, что она больше не смеется, а только цепляется за него. Ее руки запутались в его волосах, невероятно тонких, легких и мягких, его губы вернулись к ее губам, и все мысли растворились, или, по крайней мере, было невозможно расплести мысли на отдельные связанные нити сознания. Главное — его губы слились с ее губами, его сердце колотилось рядом с ее собственным, ритм его дыхания, и этот безрассудный водоворот, который затягивал их обоих все ниже, и ей хотелось утонуть в водовороте, утонуть в Драко, в крепких объятиях его рук, в мягкости его губ, в напоре его тела...

— И как долго вы собираетесь заниматься этим? — прозвучал раздраженный голос откуда-то от кровати. — Я пыталась спать все это время, но, по правде говоря, вы производите ужасный шум, и это ужасно неудобно.

Джинни показалось, будто кто-то окатил ее из ведра ледяной водой. Вскрикнув, она отскочила от Драко и резко обернулась.

Флёр Делакур сидела на кровати, одеяла сбились вокруг ее талии, хотя длинная стройная нога высывалась из-под них на всеобщее обозрение. На ней была ослепительно белая ночная рубашка, которая слегка соскользнула с ее плеч, и серебряные волосы струились вокруг нее, подобно сверкающему стеклу. Она была поразительно красива, и Джинни возненавидела ее с такой

силой, что была не в состоянии ответить что-либо. Вместо этого она только смотрела во все глаза.

На Драко, разумеется, это не оказало такого эффекта.

— Блин, — с чувством сказал он. — Флёр. Я совсем забыл о тебе.

— Это совершенно очевидно, — заметила Флёр с надменным видом.

Драко покачал головой. При взгляде на него до Джинни дошло, что она сняла с него больше одежды, чем собиралась. Его рубашка была расстегнута до пояса, хотя, похоже, его это совсем не беспокоило, пока он стоял и раздраженно смотрел на Флёр.

— Что ж, ты могла бы сказать что-нибудь, — отрезал он.

— Что, например? Вуаля!? Извольте. Но ты был занят, — Флёр нетерпеливо покачивала ногой, и тоненькая серебряная цепочка на ее изящной лодыжке мерцала в свете камина. — Я думала, Драко, что ты предпочитаешь брюнеток, — добавила она с легкой усмешкой. — Какая очаровательная новинка. У нее, в самом деле, очень миленькие веснушки. Однако, — она широко раскрыла глаза, — может она заставить тебя сделать «Ба-бах»?

С Джинни было достаточно. Она развернулась к Флёр.

— Не смей говорить обо мне так, будто меня здесь нет!

Флёр прищурила свои прекрасные глаза.

— Прошу прощения, — промурлыкала она голосом таким сладким, что им можно было поливать вафли вместо сиропа. — Мне кажется, я забыла твое имя.

— О! — Джинни задохнулась от возмущения. — Конечно же, ты забыла. Ты всего лишь встречалась с моим старшим братом, Биллом, целых два года! Ты, белобрысая французская потаскушка!

Теперь была очередь Флёр ахнуть от неожиданности.

— Вовсе нет!

— Что нет? Ты на самом деле не блондинка? Вот это неожиданность.

Из угла послышался какой-то придушенный звук. Джинни поняла, что это Драко старается подавить смех, и повернулась к нему.

— Сейчас же объясни мне, — потребовала она, холодно ткнув пальцем в направлении Флёр, — что она делает в твоей постели?

Драко убрал усмешку с лица, но в его глазах плясали чертики.

— Ну, в данный момент это выглядит так, будто она там сидит. А что? Как это, по-твоему, выглядит?

— По-моему, — произнесла Джинни сквозь зубы, — это выглядит так, будто у тебя шашни с этой Мамзель Штаники Вверх-Вниз. Прекрасно. Ты можешь делать все, что тебе хочется. Но ты мог, по крайней мере, предупредить меня, что здесь есть зрители!

Последние слова вырвались пронзительным криком.

Драко остался невозмутим. Он занялся тем, что медленно застегивал свою рубашку.

— Я забыл, — сказал он.

— Ты забыл?

Он пожал плечами.

— Забыл.

— Я тебя ненавижу, — сказала она.

— Вот и нет, — возразил он и ухмыльнулся той самой самоуверенной усмешкой, которую прежде ей хотелось ударить.

Вместо этого она направила на него палочку.

— *Трезвиум!* — рявкнула она.

По-видимому, полет успокоил испугавшегося Конклюдя. Поднявшись в воздух, он, похоже, научился не обращать внимание на присутствие Лупина у себя на спине, и отзывался на ободряющие поглаживания Сириуса тихим кудахтаньем, которое можно было истолковать только как любовное.

Однако он снова напрягся, когда они достигли темной полосы леса. Лупин глубоко вздохнул. Вид леса растревожил в нем воспоминания о Зове, воспоминания, которые, по сути, были не памятью, а

чем-то более первобытным. Он знал этот лес, знал тропы, ведущие через него, знал, когда потянулся вперед похлопать Сириуса по плечу, где им нужно опуститься, чтобы найти замок с серыми башнями, окруженный густыми деревьями. Беспокойно чирикаая, Конклов осмелился приземлиться прямо за стенами, окружающими замок. Как только Сириус и Лупин спешили, он снова взмыл в воздух, энергично взмахивая крыльями, и исчез за вершинами деревьев. Сириус криво улыбнулся и прикоснулся к медному свистку, висящему у него на шее.

— Сдается, ему тоже не очень нравится это место.

Лупин изучал обстановку вокруг них. Они стояли прямо за высокими серыми стенами, окружающими замок Слитерина. Хотя он никогда не был здесь раньше, у Лупина возникло пронизывающее ощущение узнавания, будто он посетил место, которое видел раньше во сне. Высокие стены были знакомы ему, как и разросшийся сад вокруг территории замка. Небо над головой было жемчужно-голубым, с легкими фиолетовыми росчерками солнечного заката. Сириус запрокинул голову и осмотрелся.

— Итак, что теперь?

Лупин пожал плечами.

— Понятия не имею, так же, как и ты. Почему ты спрашиваешь меня?

— Потому. Ты спец по проблемам. Ты из тех людей, что поднимут запутавшийся садовый шланг и потратят целый день, распутывая его. Тебе это нравится.

— Ну уж нет.

— А вот и да.

— Нет же.

— Да, ты такой. Иногда я пытаюсь представить тебя сидящим на пляже, когда тебе совершенно нечем заняться.

— И что же?

— А то, что картинка всегда заканчивается тем, что у тебя взрывается голова.

Лупин вскинул руки вверх.

— Хотел бы я, чтобы ты не знал меня так хорошо.

— Мы старые приятели. Привыкай, — улыбнулся Сириус и снова повернулся к замку.

— Я не осуждаю Конклова. Это место наполнено злом, — добавил он зловеще, оглядывая сад. — Я это нюхом чую. Это вроде шестого чувства.

— Вообще-то, нюх — это одно из основных пяти, — заметил Лупин.

— Не будь педантом.

— Да я так, к слову, — Лупин снова переключился на замок и окрестности.

Гладкие черные стены нависали над ними, а несколько окон, которые он заметил, располагались так высоко, что не было ни малейшего шанса добраться до них. Единственным входом в здание, насколько он мог видеть, были огромные, украшенные затейливой резьбой бронзовые парадные двери.

— Сириус, а как мы собираемся попасть внутрь? Не можем же мы просто подойти к дверям и постучать.

— Да неужели?

Лупин посмотрел на него. Сириус ответил тем самым взглядом.

Взглядом: «Кто сказал, что я не могу ездить на мотоцикле по школьной территории?».

Взглядом: «Кто сказал, что я не могу спуститься с Астрономической Башни, используя Мятные Зубочистящие Карамельки?».

Взглядом: «Кто сказал, что я не могу подойти к дверям и постучать?».

Сириус подошел к парадной двери и постучал.

Лупин подбежал к нему. Сам толком не зная почему, просто у него был определенный опыт по удерживанию Сириуса от того, чтобы быть убитым. Он был уверен, что если потребуется, он сможет это сделать снова.

Дверь распахнулась, правда, без ожидаемого громкого зловещего скрипа, который можно было бы ожидать от такого весьма внушительно выглядящего входа. Высокое существо в капюшоне стояло на пороге, обмотанное длинными серыми одеждами.

Лупин увидел, как побледнел Сириус, видимо, не сообразив сразу, что это вовсе не дементор.

Существо не было настолько высоким, и руки, которые выглядывали из рукавов его серого одеяния, были длинными и приплюснутыми, а не покрытыми коростой и гноящимися.

— Я Страж Дверей, — важно представилось оно, расправляя свои узкие плечи. — Чего вы хотите? Сириус открыл, было, рот, чтобы ответить, но Лупин перебил его.

— Я Рем Лупин, — сказал он. — Я оборотень, и я, э-э... впервые здесь.

Он запнулся, затем добавил, для пущей ясности:

— Я был Призван.

— Да-да, очень интересно, — раздраженно махнуло существо длинной, сероватой рукой. — Вы что, объявлений не читаете?

Лупин и Сириус вытянули шеи, чтобы увидеть, на что показал Страж. Слева от двери, на каменной стене была прикреплена бронзовая табличка. Она гласила:

«Темные Существа, услышавшие Зов — пожалуйста, используйте боковой вход.»

— О, — сказал Лупин, хватая Сириуса за руку и оттаскивая его от двери. — Прошу прощения. Мы обойдем вокруг.

— Увидим, — фыркнуло существо и захлопнуло дверь.

Боковой вход был гораздо скромнее. Высокая арка прохода, украшенная затейливым резным архитравом, была наполовину скрыта за вьющимися растениями. Сириус отодвинул их в сторону и постучал. Дверь тут же отворилась, и на пороге появилась высокая женщина в серых длинных одеждах, которые, по-видимому, служили формой для Слитеринских гвардейцев. Однако, ее одежда была более облегающей, подчеркивая весьма впечатляющую фигуру. Женщина была довольно высокой, почти одного роста с Сириусом, и длинные прямые черные волосы ниспадали почти до колен. Глаза ее были большими и очень темными, губы — кроваво-красного цвета, зубы были белыми и ровными. Увидев Лупина и Сириуса, она улыбнулась.

— О, приветствую вас, — промурлыкала она. — Вы просто шли мимо, и зашли на минутку, или тролли-людоеды наконец-то нашли ресторан с доставкой на дом?

Сириус, похоже, был слишком занят, пытаясь вернуть свои глаза на место, и ничего не ответил. Лупин оттер его в сторону.

— Я Рем Лупин. Я — оборотень, — представился он. — Я пришел на Зов.

Женщина удивленно подняла изящные черные брови.

— Большинство оборотней прибыли много дней тому назад, — заметила она.

— Я сбился с дороги.

— Сбился с дороги?

— Сбился с дороги, — решительно повторил Лупин. — Ты Страж здесь? К кому мы должны обратиться?

— Ты можешь говорить со мной. Я на страже. Меня зовут Рэйвен.

В ее взгляде сверкнула искорка то ли подозрения, то ли чего-то еще, когда она оглядела Лупина и повернулась к Сириусу.

— А ты кто?

— Я..., — начал Сириус.

— Он — вампир, — быстро вмешался Лупин. — Мы задержались с прибытием, поскольку мы могли, э-э, путешествовать только по ночам.

Она с интересом посмотрела на Сириуса.

— Так ты — вампир?

— Его прозвали Вильям Кровавый, — цветисто провозгласил Лупин. — Он довольно широко известен своей злобностью и, э-э, кровопийностью.

— Вы оба рождены от людей? Это необычно. И вампир с оборотнем, путешествующие вместе... что ж, полагаю, ты мог предупреждать его о крестах и кольях, а он мог защитить тебя от серебра. И все же, это непрактично, — она прислонилась к дверному косяку и весьма волнующе вздохнула. — Твой дружок вампир умеет говорить? Потому что я должна задать вам обоим Вопросы.

— Вопросы? — эхом отозвался очнувшийся Сириус.

— Всего их три. Первый должен был быть «К какому роду Темных Существ ты относишься?», но я полагаю, что вы уже ответили на него. Затем следует «Пришел ли ты сюда, чтобы очиститься?».

— Очиститься? — повторил слегка сбитый с толку Лупин.

— Ваши души должны быть очищены, — строго сказала Рэйвен.

— Разумеется, должны, — согласился Сириус. — Последнее время я думал о том, что мне нужно хорошенько очистить душу. Я хочу сказать, как быть со всеми этими грехами? Я плохой, я грешу сексом, завистью и громкой музыкой, и это... это вовсе не то, что ты имела в виду, да?

— Ваши души должны быть очищены от человечности, — уточнила Рэйвен, глядя на Сириуса, как на пришельца с другой планеты.

Лупин выступил вперед.

— Вампирский юмор, — торопливо сказал он. — Он выпил немного плохой крови в Нидерландах. С тех пор он слегка не в себе.

Она высоко подняла брови.

— И последнее. Желаете ли вы признать Повелителя Змей своим господином и подтвердить главенство чистоты волшебной крови?

Лупин крепко сжал руку на запястье Сириуса.

— Мы желаем, — объявил он.

Ничего, не сказав в ответ, она откинулась к открытой двери, освободив им достаточно места, чтобы пройти, хотя и недостаточно, чтобы пройти, не задев ее. Как только они оказались внутри, она захлопнула дверь и взяла маленький фонарь, который испускал сильное голубое сияние.

— Следуйте за мной, — сказала она и двинулась вглубь зала.

— Кто она такая? — шепнул Сириус, в то время, как они следовали за весьма гипнотизирующим покачиванием бедер Рэйвен. — Вила? Нет... она слишком темная.

— Мне думается, что она — банши, — прошептал в ответ Лупин. — Я не говорил, что когда вокруг хорошенькие девушки, вся твоя маскировка летит к черту? А теперь заткнись.

Когда они завернули за угол, Рэйвен замедлила ход, дав им возможность догнать ее. Лупин с интересом осматривался вокруг. Так вот она, крепость Салазара Слитерина, одного из величайших Темных магов, живших когда-либо, который вдохновил так много подражателей, таких, как Гриндевальд, Вольдеморт и Стив Третий, который хотя и не преуспел во зле, как другие, зато написал несколько весьма известных книг по самообразованию. Стены представляли древний каменный монолит, на котором виднелись следы инструментов, используемых, чтобы пробить проход, потолки были укреплены балками из темного и тяжелого дерева. Повсюду были змеи — не живые, но змеиный мотив был ясно обозначен — резные змеи извивались вдоль архитравов, были выложены мозаикой на полу, украшали сияющие бронзовые крепления факелов. Внутри замка на самом деле было довольно тепло — почти в каждой комнате горели огни, некоторые из них большие, как костер, вспыхивая и опадая, когда они проходили мимо.

«Достаточно тепло для холоднокровных существ», — подумал Лупин.

Они снова повернули за угол. Рэйвен вновь посмотрела на Сириуса.

— Надо будет держать тебя подальше от вил, — весело сказала она. — А то они тебя проглотят. Конечно, не в буквальном смысле. Во всяком случае, большинство из них.

Сириус заметно встревожился.

— Почему именно меня?

Рэйвен нежно ткнула его пальчиком.

— Да брось ты. Ты смотрел на себя в зеркало в последнее время? Ой. Пожалуй, нет, я полагаю, поскольку ты вампир и все такое. Но им определенно нравятся симпатичные темноволосые мужчины.

Сириус ухмыльнулся.

— Хочу, чтобы ты знала — вот этот мой приятель Рем имел большой успех у вил там, откуда он прибыл.

Рэйвен явно не одобряла этого.

— Отношения вилы и оборотня никогда хорошим не кончаются, — театральным шепотом ответила она Сириусу. — Хотя у них получаются ужасно миленькие детишки. О, смотрите, вот мы и пришли.

Она остановилась перед большой дверью из слоновой кости — по крайней мере, Лупин решил бы, что это слоновая кость, если бы существовало живое существо достаточно большое, чтобы произвести такие безупречные панели белизны. Он моргнул, и дверь приоткрылась от толчка

Рэйвен. Она посмотрела на него:

— Заходи сюда, чтобы пройти Испытание.

— Но... — он повернулся, чтобы взглянуть на Сириуса.

Рэйвен выглядела раздраженной.

— Да что это с вами двумя? Не можете и минуты друг без друга? — отрезала она. — Мы все здесь разделены — оборотни отделены от вил, баньши отделены от троллей. Или ты всерьез хочешь делить койку с дементорами?

Лупин посмотрел на полуоткрытую дверь.

— Так эта комната полна оборотней? — спросил он, раздумывая, означает ли это, по логике вещей, что Сириусу придется вскоре иметь дело с полной комнатой вампиров.

— Ты говоришь таким тоном, будто это плохо, — заметила Рэйвен и подтолкнула его внутрь.

Он едва успел взглянуть на Сириуса прежде, чем дверь закрылась, отрезав его друга из виду.

Драко тяжело плюхнулся в кресло у огня и схватился за голову. Легкая дымка в глазах и приятное ощущение покачивания исчезли, сменившись болью, как будто бы в голове у него поселился маленький горный тролль и решил именно сейчас надстроить второй этаж и, может быть, симпатичное панорамное окно.

— О-о-ох, — простонал он, осторожно ощупывая свое лицо и с осуждением глядя на Джинни. — Зачем ты это сделала?

— Ты был пьян, — сурово ответила она и спрятала палочку в карман.

Гнев исходил от нее мерцающими волнами, подобно теплomu воздуху от миража, ее веснушчатое личико пылало розовым, и пухлая нижняя губа дрожала.

— Должно быть, — согласился он, думая, что он должен был изрядно нагрузиться, чтобы забыть, что Флёр спит на его кровати.

Лицо Джинни потускнело. Драко удивленно смотрел на нее некоторое время, пока до него не дошло, как она могла понять его слова. Он вскочил на ноги, не обращая внимания на боль в голове.

— Джинни...

— Замолчи, — отшатнулась она от его руки. Ее глаза подозрительно блестели. — Не трогай меня.

Драко раздраженно вскинул руки.

— Послушай...

Но тут в их беседу вмешалась Флёр, которая вдруг беззвучно упала с кровати, будто замертво.

Драко метнулся вперед и успел как раз вовремя, чтобы уберечь ее голову от удара о каменный пол. Он подхватил ее на руки, уложил снова на постель и склонился над ней. Его сердце неприятно колотилось.

— Флёр?

Ее голова откинулась на его руку, глаза были по-прежнему закрыты, веки окрасились голубизной.

— Флёр!

Он коснулся тыльной стороной ладони ее лба и обнаружил, что он холодный и липкий. По крайней мере, она дышала, и ее грудь вздымалась и опадала быстрыми, неглубокими движениями.

Через секунду Джинни оказалась рядом и оттолкнула его. Она наклонилась над Флёр, держа свою палочку и шепча что-то, что Драко не мог услышать. Что-то ярко вспыхнуло, и Флёр подскочила, широко открыв глаза. Джинни встала и отошла назад.

Глаза Флёр наполнились слезами.

— Что случилось? — спросила она, пытаясь сесть.

Без особой охоты Драко наклонился, чтобы помочь ей сесть. Он чувствовал, как Джинни разглядывает их обоих.

— Ты потеряла сознание, — сказал он.

Флёр протянула руки и вцепилась в него.

«...Я умираю».

Драко отшатнулся.

«...Что ты делаешь? Он может услышать нас».

«...Драко. Нет. Он не может. У него еще нет его полной силы — и не будет, пока не будет открыто Око. Он не может слышать, когда ты говоришь со мной, или с Гарри. Я знаю, что ты не веришь мне, но, пожалуйста, если в тебе осталась хоть капля доверия — поверь этому».

Он поверил ей. В первый раз с того момента, когда он понял, что она предала их, он поверил ей, и не в последнюю очередь потому, что он знал — никто не может лгать, когда разговаривает таким способом. Он видел, как Джинни бросает убийственные взгляды на них обоих, и знал, что их беседа должна выглядеть так, будто он и Флёр молча смотрят друг другу в глаза. Тут уж ничего не поделаешь.

«...Я могу помочь тебе, — продолжила Флёр. — Пожалуйста, позволь мне. Я хочу этого. Я знаю многие вещи. Я могу рассказать тебе...»

Она прервалась, и ее глаза широко раскрылись, увидев что-то у Драко за плечами. Он резко обернулся, чтобы посмотреть, что ее поразило, и увидел, что дверь в опочивальню открыта, и один из слуг Слитерина стоит там, костлявый и молчаливый, в серой одежде с капюшоном. Драко тотчас огляделся вокруг, его сердце колотилось в груди — но Джинни исчезла. Наверное, она спряталась под Плащом. Умница.

Он вскинул голову и выпрямился, будто плащом, окутывая себя высокомерием и самообладанием. Его глаза сузились, когда он посмотрел на слугу.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел с посланием, — ответил слуга, неотрывно глядя на Драко.

— Я бы предпочел еще один «Маи Тай», — заметил Драко.

— Повелитель Змей сказал, чтобы тебе больше не давали напитков, — без тени юмора ответил слуга. — Он желает видеть тебя. Мне велено привести тебя. Пойдем.

Драко оглянулся на Флёр и на пустое место, которое, как он надеялся, было Джинни. Он нагнулся и поднял с пола свой плащ.

— Ну хорошо. Пошли.

Слуга привел Драко в комнату, которой он до сих пор не видел. Там был высокий потолок, а стены, казалось, были выдолблены из одного огромного куска камня. Здесь не было окон, и вдоль стен протянулись полки с книгами и различными магическими и прекрасными предметами. В их выборе и общем убранстве комнаты, казалось, не было никакой логики. Манускрипты по Темной Магии стояли бок о бок с книгами по чарам и заклинаниям для домашнего пользования. Тонкие, удлиненные линии статуэтки кошки из Египта контрастировали с богато украшенной русской иконой в красных, черных и золотых тонах. Миниатюра, изображающая рыцаря на коне, висела над столом, за которым сидел Слитерин, скрестив руки на груди. Он сидел в тени, и Драко едва мог видеть его лицо.

Слуга неслышно удалился, закрыв за собою дверь. Драко подошел и остановился напротив стола, засунув руки в карманы и чувствуя себя не в своей тарелке. В голове ритмично стучало.

— Ты хотел меня видеть?

Слитерин поднял на него глаза, но не улыбнулся. Да Драко и не ждал от него улыбки.

— Хотел.

— Зачем? — спросил Драко, неожиданно ощутив себя снова двенадцатилетним.

— А как ты думаешь?

Драко задумался.

— Слушай, — наконец, заговорил он. — Ты не задаешь вопрос, если не знаешь ответ заранее. Поэтому давай предположим, что ты меня спросил, а я не знал ответа и поэтому соврал, а ты меня подловил, отругал, и теперь мы можем перейти прямо к сути. Так зачем ты хотел меня видеть?

— Тебя никогда не волновало, — сказал Слитерин, отодвинув кресло от стола и вставая, — что с таким остроумием ты когда-нибудь порежешься о его острие?

— Спасибо, мне хватает забот, чтобы не порезаться о реальное острие.

Слитерин встал из-за стола и обошел его, чтобы подойти к Драко. Драко дернулся назад, когда рука Слитерина поднялась и легла на его плечо.

— Подойди сюда, к свету, — велел Повелитель Змей, и Драко нехотя двинулся вслед за ним к огню. Слитерин остановился и положил обе руки Драко на плечи.

— Подними глаза и посмотри на меня, — велел он.

— Я предпочел бы не делать этого. Это... невежливо.

— Я не могу иметь генералом того, кто не может смотреть вверх. Ты будешь наткаться на предметы при ходьбе.

Драко поднял глаза и с трепетом, близким к отвращению, увидел свое собственное отражение в глазах Слитерина. Повелитель Змей удерживал его в этом положении некоторое время, разглядывая его лицо. Драко отвел глаза в сторону, страстно желая взглянуть на что-нибудь другое, и его взгляд obeжал стол Слитерина. Там лежали кучи чистого пергамента, стопки книг по Темной Магии, и рядом с книгами...

Волна отвращения окатила его. Между двумя стопками книг лежал меч. Или часть меча. Если быть точным, то это было лезвие. Длинное и мерцающее, цвета лунной дорожки на воде, такое же длинное, как лезвие у меча Драко, и с таким же желобком посередине. Вот только этот меч не оканчивался рукоятью. На его конце находился кровавый обрубок, в котором угадывалась часть человеческой кисти руки.

Помимо его желания, из горла вырвался звук, будто он подавился.

Слитерин обернулся и посмотрел поверх его плеча. Его глаза блеснули при виде меча, и он улыбнулся.

— Ты понял, что это, — сказал он.

Драко неохотно кивнул.

— Последний раз, когда я видел это, это было... частью Червехвоста.

— Как оказалось, Живой Клинок более полезен, чем слуга, с которым он соединялся, — проговорил Слитерин, протягивая руку, чтобы погладить лезвие.

Он приподнял его, наблюдая, как свет струится по поверхности, подобно воде, затем положил его назад.

— Ты знаешь, Драко, как делают Живой Клинок?

Драко покачал головой.

— Нет, но мне кажется, что ты собираешься рассказать это мне.

— Даже я не знаю всех секретов изготовления такой вещи. Но я знаю, что клинки, после того, как они остынут, трижды омывают — в слезах феникса, человеческой крови и крови единорога.

Драко вздрогнул так сильно, что он был почти уверен, что его сердце остановится. Взгляд Слитерина снова остановился на нем.

— Тебе это не нравится, — сказал он. — Что именно? Кровь единорога? Эта кровь очень полезна. Она может продлить жизнь и даже спасти ее.

— Что же ты не дашь немного для Флёр? — сквозь зубы спросил Драко.

— Скоро придет время, когда я не буду нуждаться в ней, — ответил Слитерин.

— А придет ли время, когда ты не будешь нуждаться во мне?

— Это зависит от тебя. Драко, чем ты был занят последнее время? Хандрил в своей комнате и пил столько, что хватило бы на целый полк, по крайней мере, по словам твоего слуги. Вижу, что ты не пьянеешь от выпитого, что, конечно же, ценно, но это не то, что я искал в тебе, когда я назначил тебя генералом моих войск.

— Что именно ты искал? У меня нет никакого опыта, о котором стоит говорить. У меня даже нет опыта, о котором не стоит говорить.

Какое-то время Слитерин просто пристально смотрел на него. Кажется, он не рассердился, что было не в его характере.

— Когда я был в твоём возрасте, я стремился участвовать в сражении. Я полагаю, тебе тоже ужасно хотелось бы увидеть, как ведутся войны.

Драко удержался от ответа в том духе, что он не может вообразить, чтобы война велась так же ужасно, как в те времена, когда Олаф Волосатый, король викингов, по ошибке заказал партию из 20000 новых боевых шлемов с рогами внутрь. Кроме того, это было не совсем так. У Слитерина была грозная армия.

Он так и сказал.

Слитерин кивнул:

— Я думал, тебя это заинтересует.

— Это так, но...

— Но что?

— Мир не такой, каким он был, когда ты... жил в первый раз. Теперь другое оружие, другие законы, даже магия усовершенствовалась и изменилась..., — он прервался, сам не понимая, чего ради он говорит это Слитерину.

— Я рассчитываю на это, — кивнул Слитерин. — Они забыли обо мне. Я только легенда, ненастоящий, не угроза. Когда я обрушусь на них с моей армией, им нечем будет сопротивляться мне. По сравнению с нынешними, мои прежние достижения станут бледной тенью. Такие, как ты и я, живущие вечно, станут памятником моим трудам. И тысячи убитых для того, чтобы купить это бессмертие, станут мерилем этих трудов.

— Убийца. Ты говоришь так, будто это пустяк.

— Магглы. Грязнокровки. Те, кто сопротивляются. Только они умрут.

— Сопротивляться будут все до единого. Сейчас не так, как в старые времена. Никто в волшебном мире не желает, чтобы им правили. Этого больше нет.

— Если каждый будет сопротивляться, то и умрет каждый.

— Почему бы тебе просто не убить меня? — спросил Драко, вскинув голову. — Для чего я тебе нужен, что ты сохраняешь мне жизнь, зная, что...

— Что тебе нельзя доверять? Ты не можешь бороться со мной. Это невозможно.

— Зачем я тебе нужен?

— Пророчество гласит, что я восстану к власти с моим потомком на моей стороне, и что вместе мы принесем разрушение и хаос в волшебный мир. Однако, пророчества не неизменны. Я знаю это. Но когда я создал цепь, приведшую к твоему рождению, смешав мою кровь и кровь существ, которых я сотворил из элементов темной магии, я создал нечто уникальное. Я всегда подразумевал этот момент. Когда я открою Сферу, когда сделка будет завершена, тогда я сделаю тебя моим Источником. И когда это произойдет, я овладею такими силами, я совершу такое, что я стану ужасом земли.

Глаза Слитерина горели сверхъестественным черным светом. Драко был едва в силах смотреть на него.

— Ты не боишься? — спросил Драко срывающимся голосом.

— Боюсь чего?

— Я не знаю, — Драко разглядывал свои туфли. — Возмездия.

— Нет, — ответил Слитерин. — Я ничего не боюсь.

— Нет никого, кто не боялся бы ничего. Что-то, должно быть..., — возразил Драко, почувствовав ужас.

Отсутствие страха до такой степени воспринималось им, как свойство совершенно нечеловеческое, подобно отсутствию способности удивляться или удивлять.

— Нет. Страх рождается из беспокойства. Я ни о чем не беспокоюсь.

— Ты никогда не любил?

— Нет. Я никогда никого и ничего не любил — ни человека, ни место, ни предмет. Даже Ровена была лишь частью меня самого.

Он посмотрел на Драко. Его глаза светились в темноте, как у кошки.

— Любовь — это болезнь. Исцели себя, или это сделаю я.

Драко опустил глаза к полу, холодные мурашки пробежали по его спине. Любовь — это болезнь. Он сам думал так, лежа без сна по ночам в подземелье Слитеринского колледжа в те последние школьные недели, уставясь в потолок, чувствуя, будто тяжелый груз давит ему на грудь. Размышляя, возможно ли чувствовать себя настолько ужасно и продолжать жить. Чувствуя вину от того, что мысли о потере Гермионы по сути вытеснили мысли о том, что его отец за решеткой, что именно об этом он должен был думать, но не мог. Зная, что он поступал глупо, по-детски, что люди влюблялись на протяжении своих жизней снова и снова, что их сердца разбивались и восстанавливались, и все, равно боясь, что он станет исключением, что из всех людей именно он встретит в итоге нечто, что он не сможет купить, или игнорировать, или высмеять, что что-то уже на самом деле случилось с ним, и он никогда не оправится от этого. И они не исчезли, эти ощущения. То, что он знал теперь, что отчасти это связано с возвышением Слитерина, что эмоции, которые загорались и гасли внутри него, рождены в кровавой истории, случившейся тысячу лет назад, почти не имело значения. Боль

остается болью, каким бы загадочным ни было ее происхождение.

Действительность вернулась к нему толчком, и он вздрогнул, встревоженный тем, что Слитерин сказал что-то, что отозвалось в его душе. Он сглотнул комок в горле и поднял глаза. И увидел, что дверь в комнату была открыта, и слуга стоял там, разговаривая со Слитерином. По-видимому, он находился там, по меньшей мере, несколько минут, поскольку они, похоже, были в середине беседы.

— ...закончили проверку крови, что Вы дали нам, Повелитель, — говорило существо. — Она чиста от чар и заклятий, хотя наши результаты небезынтересны. Не хотите ли пойти и посмотреть?

Слитерин кивнул:

— Да, я хочу, — он повернулся к Драко. — Жди меня здесь.

Поскольку Слитерин удалился, Драко мог слегка расслабиться. Он принялся изучать полки с книгами, расставленными в определенном порядке, большинство из которых, похоже, имело отношение к Темным Искусствам. У Слитерина были копии «Эпициклического развития волшебства», «Некрономикон», «Как вызывать демонов и мертвых» и какая-то книжка, озаглавленная «Справочник для Верховных Властителей зла», которую, по-видимому, читали не очень часто. Наудачу, Драко выбрал книгу под названием «Драконье Зеркало», которая раскрылась на иллюстрации, изображающей красных драконов в полете. Он едва начал просматривать ее, как дверь позади него отворилась с мягким щелчком, и кто-то просунул голову в комнату.

Он обернулся и моргнул. В дверях стояла женщина, одна из тех, кого он запомнил во время смотра армий накануне. Длинные черные волосы, впечатляющая фигура и выдающие ее, закатившиеся вверх черные глаза баньши.

— Рэйвен, — медленно выговорил Драко, вытягивая ее имя из каких-то уголков памяти. — В чем дело?

Она выпрямилась, зашла в комнату, и следом за ней зашел высокий мужчина в черном дорожном плаще. Увидев его, Драко испытал потрясение, как от ожога. Он узнал Сириуса.

Он почти не слышал, что говорит Рэйвен, рассказывая, что этим утром прибыли двое Призванных, один из которых, оборотень, был помещен вместе с другими ликантропами, но вот другой оказался вампиром, и в результате места для него нет.

— У нас попросту нет других вампиров, — вздохнула она, глядя сердито. — По алфавиту я могла бы поместить его с вилами, но я не думаю, что это удачная идея, правда?

Драко попытался найти свой голос, который временно оставил его. Он продолжал смотреть на Сириуса, который, как он видел, был потрясен не меньше, чем он сам, хотя замечательно ухитрился скрывать это. Годы тренировок на Аурора, вне всякого сомнения.

— Оставь его здесь, со мной, — наконец, выговорил он немного визгливым голосом.

Рэйвен заморгала:

— Прошу прощения?

— Я сказал, оставь его здесь. Я хочу спросить его кое-что.

— Но, Повелитель...

— Я сказал, оставь его!

Она подскочила от неожиданности, затем кивнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Чувствуя, как его сердце отбойным молотком колотится о ребра, Драко повернулся к Сириусу.

Джинни смотрела, как Флёр медленно садится в кровати. Она была бледной, как бумага, и ее дыхание только-только начало успокаиваться, но она явно шла на поправку. Флёр бросила взгляд на то место, где стояла Джинни, закутанная в плащ-невидимку.

— Это очень невежливо — оставаться невидимой, когда людям известно, что ты здесь, — невозмутимо заметила она.

Джинни позволила плащу соскользнуть к ее ногам и сверкнула глазами.

— Это очень невежливо — притворяться, что ты не знаешь имени человека, когда ты прекрасно его знаешь, — резко парировала она.

Флёр неожиданно улыбнулась.

— Последний раз я видела тебя почти два года назад, — сказала она. — Ты изменилась. И очень

сильно.

Джинни смутилась, не очень понимая, принимать это как комплимент или как оскорбление.

— Та Джинни Висли, которую я знала, никогда бы не отчитала Драко Малфоя в таких двусмысленных выражениях. Я была... поражена.

— Тебе просто завидно, — едко ответила Джинни.

— Вовсе нет. Я только опасалась, что в этом шоу мне доведется увидеть больше, чем мне хотелось бы. Я не вуайеристка.

Джинни залилась краской.

— Я бы не... мы не стали бы...

Флёр откинулась на подушки и улыбнулась.

— Ты в этом точно уверена?

Джинни упрямо выставила подбородок.

— Он бы не стал. Его вовсе не влечет ко мне.

Флёр прыснула, совсем не как воспитанная леди.

— Это выглядело не совсем так.

— Он был пьян, — коротко ответила Джинни, ненавидя сама себя за ту уязвимость, которую она слышала в собственном голосе.

Ничего лучшего она и не заслуживала, подумалось ей, поскольку она была такой глупой, что вообще связалась с Драко. Не то, что они были, в буквальном смысле, связаны. Точнее, была настолько глупой, что позволила иметь какие-то чувства к нему. Конечно, чувствами нельзя управлять. Она попробовала вспомнить — был ли какой-то определенный момент, когда ее прежнее отвращение к нему исчезло, будто в огне, и из пепла родилось это новое чувство? Это чувство не было похоже на то, что она испытывала к Гарри — смесь искреннего восхищения и симпатии. Оно было более простым, даже примитивным, поскольку оно росло из самых потаенных глубин ее сердца, и его нельзя было ни контролировать, ни осмыслить, ни утешить в разочаровании. Она с ужасом почувствовала, как слезы подступают к глазам.

Флёр протянула руку и обняла Джинни за плечи.

— Плакать нет причины.

Джинни открыла глаза насколько могла широко, желая, чтобы слезы исчезли.

— Ты не понимаешь.

— Я-то понимаю, — ответила Флёр и похлопала ее по плечу. — Это же Драко. Он особенный.

Джинни фыркнула. Слезы отступили.

— И под «особенный» ты имеешь в виду «сексуальный», да?

Флёр пожала плечами.

— Так оно и есть. Этому мальчику никогда не придется беспокоиться по поводу одиночества. Вероятно, он получает анонимные предложения потискаться по почте. Он может выбрать любую девушку.

Джинни слабо улыбнулась и потыкала подушку носком туфли.

— Кроме той, кого он желает на самом деле, — сказала она, голосом более грустным, чем ей хотелось бы. — Она никогда не будет его.

Флёр пристально посмотрела на нее. Когда она заговорила снова, ее голос звучал ласково:

— Драко только шестнадцать лет, — сказала она. — Немножко рано, чтобы говорить «единственная» и «никогда», и все такое прочее.

— Не рано, если ты Драко Малфой, — твердо ответила Джинни. — Но ты, наверное, сама это знаешь.

Флёр откинулась на подушки.

— Мы только целовались и больше ничего.

Сердце Джинни бухнуло в груди, но выражение ее лица не изменилось.

— Ты хочешь сказать, что у вас не было... что ты не...

Флёр покачала головой.

— И когда это вы проявили такую сдержанность? — ехидно спросила Джинни.

— Было всего лишь два поцелуя, и я не думаю, что он этого хотел, — улыбнулась Флёр. Она сказала это легко, как девушка, которая знает, что на каждого Драко Малфоя, не хотевшего ее

поцеловать, найдется десяток других, которые захотят.

— Он не так-то прост, этот мальчик. У него есть секреты, и в нем много темного, он мог бы стать кем-то очень особенным, но это не всегда к счастью.

Джинни задумалась. Мысленно она представляла Драко. Иногда, когда она закрывала глаза и вспоминала его образ, вместо него она видела Тома. Тома, которого она никогда не видела толком наяву, только в воображаемых страницах дневника, но лицо, которого впечаталось ей в память. Том, с черными волосами, как у Гарри, и серебряными глазами, как у Драко, красивее их обоих и потому более пугающий. Вся эта ужасающая красота, перерождающаяся во зло, этот ясный ум, перегнивающий в сточную яму — насколько это ужаснее всего, чем он мог быть.

Она опустила глаза.

— Флёр, — спросила она. — Почему ты была так ласкова со мной? Гарри рассказал мне, что ты сделала, но я не могу поверить. Он не ошибся? Ты ведь не предала их?

— Это долгая история, — Флёр отвела взгляд, уронив руки на колени.

— Моя сестра, — продолжила она, запинаясь. — Габриэль.

— Самая младшая? Я с ней встречалась. Разве она больна или умирает?..

Флёр покачала головой.

— Нет. Она родилась совсем без магических способностей.

— О, — Джинни открыла рот и поспешно закрыла его. — Она Сквиб?

— Да, так это называют здесь.

— Что ж, это довольно ужасно, но бывают вещи и похуже...

— Не в моей семье, — покачала головой Флёр. — Если до четырнадцати лет ребенок не выказывает признаков магических способностей, он будет отречен от семьи и отправлен жить в приют к Магглам. Этот ребенок не имеет права на наследство, и ни один член семьи не может больше видаться с ним.

Джинни широко раскрыла глаза.

— Это ужасно!

— Мой род такой же, как у Драко. Очень старинный и гордый за свою кровь волшебников. Сквибы не существуют, и если это случается, их заставляют не существовать, — горько проговорила Флёр. — Габриэль очень хрупкая. Она не владеет магией, но она страдает от многих недугов, которым только магия может помочь. Я уверена, что если ее оставят жить среди Магглов, она вскоре умрет.

— Флёр, — Джинни подалась вперед, чтобы коснуться руки девушки, затем убрала руку. — Но я не понимаю, почему...

— Я хотела получить источник силы, — ожесточенно сказала Флёр. — Я думала, если я смогу сделать это, я смогла бы передать немного Габриэль. Помочь ей... Я пыталась встретиться с профессором Лупином в школе, чтобы поговорить об этом. Он говорил мне, что есть способы передачи магии от очень могущественных объектов к людям. Я пыталась использовать меч, но меч не дал мне удержать его при себе. Но даже за то короткое время, пока он был у меня, он привлек ко мне внимание Повелителя Змей. Он связался со мной. Обещал помочь Габриэль, если я соглашусь быть его Источником. Он сказал, что это будет недолго.

— Значит, он солгал, — заметила Джинни.

— Нет. Он не лгал. Это будет недолго. Я умираю.

Ее глаза встретились с глазами Джинни.

— Ты же понимаешь? Я думала, что я помогала моей сестре. Ты бы сделала то же самое ради одного из твоих братьев, разве нет?

— Я бы сделала, — сказала ласково Джинни. Затем она задумалась. — Хм-м. Пожалуй, не для Перси.

Улыбка Флёр будто осветила ее лицо. Даже обессиленной она оставалась удивительно красива. Джинни могла бы позавидовать, но она испытывала слишком сильный страх за Флёр, чтобы думать об этом.

— Я понимаю, — сказала Джинни, снова становясь серьезной. — Не знаю, сделала бы я то же самое. Я бы не смогла это вынести — причинить вред Гарри или Драко.

— Я не знала. Я думала, что они нужны ему только, чтобы сразиться с мантикорой. Я знала, что

они могут это сделать. Вместе они очень могущественны, гораздо больше, чем им известно. И Гарри убивал монстров прежде.

Джинни покачала головой:

— Что бы сделал Слитерин, если бы услышал, как ты здесь все рассказываешь?

— Уверена, что он убил бы меня. Мне причиняет боль даже то, что я говорю о нем подобные вещи, — сказала Флёр. — Но он думает, что я слаба. Не представляю опасности. Он настолько могуществен, настолько силен — ты не представляешь, на что он способен. Чтобы противостоять ему, нужна армия.

Джинни почувствовала, как екнуло ее сердце.

— Армия? — повторила она.

— Да, армия, — твердо сказала Флёр. — Ты не видела силу, которой он распоряжается. Существа, которые собрались сюда, чтобы служить ему. Их сотни. Тысячи. И пока он странствует, еще больше их восстанет и примкнет к нему. В свое время он уничтожал целые армии одним дуновением, молниями стирал их с лица земли, топил их в колдовских наводнениях. Однажды он сделал так, что целая армия, выступившая против него, исчезла без следа. Министерство не готово к этому. Они не в состоянии понять. Это не так, как было тысячу лет назад, когда люди еще верили в чудеса и в абсолютное зло. Они не могут быть готовы к такому.

— Ты говоришь так, будто уверена, что он победит, — сказала Джинни тихим, но твердым голосом.

— Я уверена в этом, — ответила Флёр, глядя в окно. — Я не вижу другого выхода.

В комнате нависло молчание. Затем Джинни вскочила на ноги, подняла плащ-невидимку и подала его Флёр.

— Когда Драко вернется, — тихо сказала она, — отдай это ему. Скажи ему, чтобы он вернул это Гарри.

Флёр смотрела на нее.

— Но почему? Куда ты уходишь? Разве он тебе не нужен?

Джинни положила ладонь на Хроноворот, висящий у нее на шее, и покачала головой.

— Там, куда я иду, он мне не нужен.

— Но что скажет Драко, когда он вернется, а тебя не будет?

— Драко, — удовлетворенно сказала Джинни, — будет очень-очень рассержен.

С этими словами она вышла из комнаты. Оказавшись за дверями, она прислонилась к ним на секунду, оглядывая коридор. Ее сердце колотилось. Затем она опустила глаза на Хроноворот, задумалась на секунду — и перевернула его.

Какие-то секунды Сириус просто таращил глаза. Затем он несколькими шагами пересек комнату, сгреб Драко и крепко обнял его. Он почувствовал, как исхудал этот мальчик, кости на его плечах выпирали даже через плотную материю серебряного плаща. На мгновение Драко ответил на объятие, его руки сомкнулись на спине Сириуса крепко и неловко, будто никто не обнимал его до сих пор, и головой он уткнулся Сириусу в плечо.

Затем Драко оттолкнул Сириуса, и сам отступил назад, качая головой.

— Не делай так.

— Мы думали, что ты уже умер, — сказал Сириус вместо объяснения, сознавая, что это звучит немножко по-матерински.

Драко невесело усмехнулся.

— Умер. Теперь мне лучше.

— Драко... — Сириус, было, шагнул к нему, но к его величайшему изумлению, Драко отвел руку за спину, снял со стены длинное, украшенное кистями, оружие, похожее на копье, и направил его на Сириуса.

— Ближе не подходи, — предупредил он.

Сириус молча смотрел на него, открыв рот. Его глаза снова осмотрели помещение, на этот раз медленнее, останавливаясь на роскошных гобеленах, отблесках огня на оружии и на самом Драко, в золотом, серебряном и черном, выглядевшим, как часть всего этого, как центральный элемент

всего убранства.

— Что это за чертовщина? — спросил Сириус. — И почему ты тычешь ею в меня?

Драко посмотрел вниз на металлический предмет в его руке и пожал плечами:

— Это пика. Сделана Гигантами. Хочешь такую?

— Нет, — раздраженно ответил Сириус.

— Спорим, что да. Если хочешь знать, это нехороший признак пиковой зависти.

Сириус прищурил глаза.

— Рэйвен говорила, что я должен ждать здесь, чтобы встретиться со Слитеринским генералом. Это не...

— Ты сейчас смотришь на него, — объявил Драко с каким-то отчаянным весельем. — Нравится униформа?

— Не очень, — сказал Сириус. — Мне не нравится ни форма, ни твое генеральское обращение, ни тот факт, что ты, похоже, на дружеской ноге со Слитерином. Что с тобой случилось?

— А чего не случилось со мной? — резко парировал Драко.

— И от тебя пахнет алкоголем. Ты пил?

Драко тихонько выдохнул, и его пика качнулась.

— Только чуточку.

— В такое время? — рыкнул Сириус.

— Ах, простите меня, мистер «Я провел шестидесятые в Электрических Освежающих Фанки-Ритмах Сатаны». (Funku — джазовый стиль. Сатана (Satan) — возможно, Sterling Magee, легендарный Гарлемский гитарист. Вся цитата — из эпизода «Баффи — убийца вампиров» — прим. пер.)

— Это было начало семидесятых, тебе надо бы это знать.

— Мне надо бы знать? А как насчет тебя? Что ты здесь делаешь и какого черта ты не спас Гарри и не смылся отсюда? Скоро здесь все начнет рушиться. Ты хоть знаешь, где сейчас Гарри? Ты отыскал его?

Сириус поднял руку.

— Нет. Пока нет. Рем...

— И он здесь? Да здравствует великое воссоединение. Мы кого-нибудь оставили дома, или все до единого пришли на эту «пусть нас всех убьют» вечеринку?

— Драко...

Голос Драко взлетел вверх на целую октаву.

— Гарри, может быть, уже мертв, к твоему сведению.

— Неправда.

Сириус вытянул вперед руку, демонстрируя Драко браслет с тускло светящимся камнем.

— Заклинание *Вивикус*, — пояснил он.

Плечи Драко немного расслабились.

— Как ты проник в замок?

Сириус объяснил, стараясь быть по возможности кратким. Драко сощурил глаза в недоумении:

— Вампир? — переспросил он. — Но ведь Испытание...

— Ага. Я слышал про какое-то Испытание, — сказал Сириус. — Рэйвен хотела, чтобы сначала я встретился с тобой.

Драко длинно выругался. Сириус был восхищен. Для своего возраста Драко владел диапазоном и бойкостью выражений, не говоря уже об искусном воображении.

— Это должно быть довольно болезненно, — мягко заметил он, когда Драко иссяк. — Если предположить, что ты вообще сможешь так растянуться.

— Замолчи, Сириус. Дай мне подумать.

— Я, видимо, должен делать все, что тебе угодно, если учесть, что ты наставил на меня пику. Это, в самом деле, необходимо?

— Да. Ты говорил, что у тебя Гарриин Ключ?

— Говорил.

— Дай мне ключ, — он протянул руку. — Быстро.

— Знаешь, — сказал Сириус, будто продолжая разговор, — если бы я захотел, я мог бы отобрать

у тебя эту пику и сломать тебе руку.

Драко слегка побледнел, но не убрал руку.

— Я это знаю.

— В таком случае, может, ты скажешь мне, что ты собираешься делать с Ключом?

Драко открыл, было, рот, чтобы ответить — и замер. Сириус услышал щелчок, и дверь позади него начала открываться. А Драко перевернул пику — так быстро, что Сириус едва мог уследить ее движение — и воткнул наконечник себе в руку. Сириус смотрел в изумлении, как брызнула кровь, пропитывая рукав. И пока Сириус смотрел в замешательстве, Драко, улыбаясь натянутой и очень неприятной улыбкой, перекрутил пику в руке и метнул ее древком вперед в Сириуса.

Тот поймал ее. И так и стоял, тараща глаза, пока Рэйвен, вошедшая в этот момент в комнату, в шоке хватала воздух и шарила в поисках палочки.

— Что здесь происходит?

Драко зажал другой рукой свою кровоточащую руку и изобразил свирепый и оскорбленный взгляд.

— Рэйвен, — заявил он, указывая на Сириуса, — этот вампир только что пытался напасть на меня.

— Напасть на тебя? — в унисон отозвались Рэйвен (держа Сириуса под прицелом палочки) и сам Сириус.

— Да. Он набросился на меня с вот этой пикой, — показал на нее Драко, и мертвенно-бледная Рэйвен быстро Призвала пику к себе. — Закон запрещает поднимать руку на Слитерина или, расширяя толкование, на его наследника. Подобный проступок, разумеется, карается смертью.

Драко вскинул голову. Свет от факелов, будто по иронии, превратил его волосы в серебристый нимб. Сириус молча смотрел на него. Глаза Драко говорили «доверься мне», но его действия говорили совсем другое.

— Возможно, это болезнь крови, — прервала обеспокоенная Рэйвен. — С вампирами это, в самом деле, случается. Заставляет их вести себя очень необычно.

— Я так и подумал, — легко согласился Драко. — Поскольку здесь нет других вампиров, чтобы посоветоваться, я предлагаю, чтобы ты увела его вниз в подземелья и держала там взаперти, пока не пройдет болезнь или пока мы не обнаружим другую причину его поступков.

Драко почти незаметно вздрогнул, но Сириус не обратил внимания.

— Я должна отобрать у него палочку, — сказала Рэйвен, глядя на Сириуса горящими глазами. — И обыскать его.

— Делай, что считаешь нужным, — ответил Драко. — Только не повреди ему.

— Разумеется, — согласилась Рэйвен. — Это я оставлю Вам, господин.

— Благодарю, — сказал Драко, и в его голосе послышалось отчаянное веселье, хотя ничего не отразилось в его глазах, когда они с Сириусом встретились взглядами.

Затем Драко повернулся спиной, и Сириус не мог видеть его лица, когда он продолжил: — Пожалуй, тебе лучше забрать его сейчас, Рэйвен. Мне нужно работать.

— Да, конечно, — ровным голосом ответила баньши и положила свою руку на руку Сириуса.

Тот без возражений последовал за ней.

Дверь захлопнулась позади Лупина с металлическим лязгом крепостной решетки. Он откашлялся и нервно огляделся по сторонам.

Он находился в большом, укрепленном каменными арками, помещении, высокий потолок которого скрывался в тумане. Нет, сообразил он, это не туман — это дым, сгустившийся, сладковатый дым, клубами заполнявший комнату. Он украдкой огляделся, пытаясь увидеть что-то сквозь затемнение. Помещение по конструкции напоминало амфитеатр, с низкой центральной сценой, утопленной в полу и окруженной длинными скамьями с наваленными на них расшитыми подушками. На подушках валялись многочисленные фигуры, которых он не мог толком разглядеть, хотя они определенно были человеческими... нет, не человеческими, поправил он себя. Ликантропы, такие же оборотни, как я сам. Эта мысль вселяла тревогу. Прошло много лет с тех пор, когда он сталкивался с другими волками. Двадцать пять, а может, и тридцать.

— Эй, ты, — из дыма рядом с ним возникла чья-то фигура.

Оборотень-мужчина примерно двадцати пяти лет, одетый в вызывающую зеленую одежду и с коротко подстриженными волосами, окликнул его с американским акцентом.

— Лови.

Что-то полетело Лупину в лицо. Не раздумывая, он перехватил это в воздухе и несколько мгновений удерживал в руке — предмет, похожий на волшебную палочку, один конец которого был заострен, а другой был украшен чем-то вроде стеклянной погремушки. Когда Лупин коснулся его, предмет ярко вспыхнул, а затем потемнел.

— Порядок, ты один из нас, — сказал оборотень, забрал предмет, похожий на палочку, у Лупина из рук и спрятал его в своих одеждах. — Это было Испытание. Ты прошел. Поздравляю. Как тебя зовут?

Лупин представился.

— А теперь что?

— Черт меня возьми, если я знаю, — мрачно отозвался оборотень.

— Ну, хорошо... А кто здесь главный? — спросил Лупин, прикидывая, сможет ли он исхитриться взглянуть на их планы или их военную стратегию.

— Я и есть, — ответил его собеседник еще более мрачно.

— И ты не?..

— Да ты посмотри, с кем мне приходится работать!

Оборотень обвел рукой комнату, которую Лупин мог теперь видеть более четко. Похоже, здесь находилось тридцать или сорок оборотней, которых он различал только, как туманные тени, сидящие или валяющиеся на подушках, смеясь и толкая друг друга.

— Стая апатичных, бесполезных, длинноволосых щенков, — пробурчал оборотень. — Я тебе говорю, весь боевой дух испарился из нас за эти столетия. Самые свирепые из нас были убиты. Смотри, что осталось. Слабаки. Слушай, у тебя есть чего-нибудь поесть?

— Нету, — рассеянно отозвался Лупин, все еще осматривая комнату. — Ты хочешь сказать, что Слитерин... что Повелитель Змей позволяет вам просто болтаться здесь, ничего не делая? Где же ваши военные планы, ваша стратегия?

— Я набросал несколько стратегических планов на доске, но никто не обратил внимания. У тебя вообще никакой еды? Гиппогриф Табака, может быть? Овечьи Хлопья? Козьи Шкварки? Орешки?

— Я же сказал, нет.

Лупин украдкой взглянул на доску у подножия амфитеатра. Это была белая школьная доска, на которой темно-зелеными чернилами было написано «План Мирового Господства» поверх нескольких закорючек. Также было похоже, что кто-то играл в крестики-нолики. — И это все, что у вас есть?

— В общем, да. Это наш Военный Совет. Я слышал, что тролли организованы гораздо лучше. У тебя действительно нет никакой еды? Все, что у нас тут есть — яйца вкрутую. Я бы съел печенье.

— Нет, у меня нет..., — Лупин прервался и полез в карман.

Он вытащил горсть Всевкусных Орешков со вкусом радуги, посмотрел, нет ли там фиолетовых (там оказалось два таких) и высыпал все в протянутую руку приятеля. Затем он снова занялся комнатой.

— Это не выглядит, как подготовка к Военному Совету, — раздраженно заявил он. — Это выглядит, как подготовка к поэтическому концерту. В чем заключается стратегия? Утомить противника до смерти при помощи белых стихов и травяного чая?

Оборотень фыркнул.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — сказал он. — Как ты смотришь на то, чтобы стать адмиралом, а то и бароном? Ты можешь помочь мне сколотить команду из этих кутят. Придумывать стратегические планы. Как ты думаешь?

— Я думаю, что «адмирал» — это морской чин, и я не готов стать бароном. Но я согласен на генерала.

Он протянул руку оборотню, не будучи уверенным, что это соответствует этикету, но готовый рискнуть. Спустя мгновение, тот принял его руку и пожал ее.

— Генерал Лупин, — произнес он. — Добро пожаловать на войну.

Драко стоял, пристально глядя на дверь, ведущую в спальню, пытаюсь представить Джинни и Флёр внутри, ожидающих его, сидя на кровати. Они бы спросили его: «Чего он хотел? Что случилось?», и ему пришлось бы рассказать им о Сириусе, и Флёр, наверное, было бы все равно, но Джинни... Джинни возненавидела бы его еще больше.

Он вздохнул и ненадолго прислонил голову к прохладному дереву. Я посадил своего отца за решетку. Может, не напрямую, но я позволил этому случиться. Теперь я отправил моего отчима в тюрьму, и я сделал это своими собственными руками. Я хотел, как лучше. Но разве это имеет значение? Он услышал свой собственный голос, говорящий Слитерину: Ты не можешь творить добро силами, которые приходят из ада.

Ты не можешь творить добро.

Он распахнул дверь и вошел. Он увидел Флёр, сидящую на краю кровати, и его глаза тотчас бежали комнату, пытаюсь найти признак огненно-рыжих волос, проблеск зеленого платья.

Ничего. Она ушла.

Он резко повернулся к Флёр.

— Где она? Куда она отправилась?

— Она не сказала, — покачала головой Флёр. — Она просто ушла. Она даже оставила здесь плащ-невидимку для тебя. Я бы предположила, что она вернулась к Гарри и остальным. Вероятно, она не хотела тебя видеть после того, как ты себя вел.

— Как я себя вел? Это уж слишком. Чертова траханная преисподняя!

Драко рухнул в кресло, сверкая на нее глазами.

— Это не очень хорошо — целоваться направо и налево, если ты этого не хочешь, — чопорно сказала Флёр.

Драко издал придушенный звук.

— Кто бы говорил.

Флёр приняла вид мученицы.

— Мужчины, — припечатала она и добавила что-то вероятно грубое по-французски.

Драко пропустил это мимо ушей.

— Это чертовски досадно, — проговорил он, — особенно, когда я надеялся, что она вернется со мной.

— Куда?

— Мне надо поговорить с Гарри, — сказал он, вставая. — И я должен это сделать как можно скорее.

— Но Повелитель Змей...

— Если он не узнает, это ему не повредит.

Флёр покачала головой, глядя на него.

— Я не понимаю, — сказала она. — Разве ты не чувствуешь боли?

— Я чувствую похмелье, если ты это хотела знать.

Флёр выпрямилась, ее плечи напряглись. Она протянула руку и подтянула рукав ночной рубашки, обнажив руку. Драко мельком увидел уродливый шрам Черной Метки, выжженной на ее молочно-белой коже, прежде, чем она опустила рукав.

— Это не причиняет тебе боль?

— Было больно, когда он выжигал это у меня на руке. Но, похоже, все зажило. Мне это не нравится. Но она не болит.

— Что ж, она должна болеть, — заметила Флёр. — Я чувствую резкую боль всякий раз, когда я произношу его имя. Если бы я попыталась действовать против него, как это делаешь ты, боль была бы ослепляющей. Не понимаю, как тебе это удается.

— Может быть, это оттого, что ты его Источник?

Она покачала головой.

— Метка соединяет нас с ним так же, как темные существа, которыми он повелевает, соединены с ним Зовом. Это не имеет смысла. Со всеми заклятиями, наложенными на тебя, и дополнительными оковами Темной Метки не должно быть возможности сопротивления. никоим образом. Это совершенно бессмысленно. Он это знает. Я это знаю.

— Может быть, это Волеукрепляющее зелье, — рассеянно предположил Драко, но сам он знал, что дело не в этом — он помнил ощущение, как зелье будто вытекло из него, когда они с Гарри стояли перед дверью из адмантина, а затем...

Флёр посмотрела на него с сомнением.

— Не думаю, что ты сам в это веришь.

— Не важно, во что я верю, — торопливо ответил он, поднимая плащ там, где Джинни оставила его — у ножки кровати. — У нас нет времени для большого онтологического (философского — прим. пер.) изучения того, что происходит со мной. Я должен добраться до Гарри и остальных.

— Что происходит...

— Нет, — резко оборвал он и увидел, как она вздрогнула. — Ты простишь меня, — добавил он с едкой ноткой, — если я пока что не расскажу тебе в деталях все мои планы. Ты еще не совсем вернулась в список моих друзей.

Он был уже в дверях, когда Флёр заговорила.

— Будь осторожен, — сказала она.

Он оглянулся на нее, кивнул и вышел.

— Два часа, — сказал Рон.

Это были первые его слова почти с того момента, когда они поняли, что Джинни ушла. По крайней мере, он снова сел рядом с Гарри и Гермионой; теперь они сидели в ряд у стены — Гарри в середине, Гермиона с одной стороны и Рон с другой, касаясь, друг друга плечами. Она чувствовала, что Гарри был рад, что Рон снова с ними, даже если он был в подавленном настроении и молчал. Гарри всегда становился немножко другим, когда Рон был рядом, и, определенно, более счастливым; присутствие Рона некоторым образом примиряло его с окружающим миром, как ничто другое.

— Она вернется, — отозвался Гарри, и его цепи звякнули, когда он коснулся плеча Рона. — Послушай, это не твоя вина.

— Конечно, нет. В этом виноват Малфой.

— Вот это характер, — с легкой улыбкой сказал Гарри.

Рон только покачал головой в ответ, пристраиваясь у стены. Пока он это делал, Гермиона заметила что-то необычное. Она подалась вперед, поморгала, а затем потянулась через Гарри и коснулась плеча Рона. Тот обернулся к ней, и она снова увидела это — возле его виска был знак, чуть выше и рядом с бровью, слабый серебристый след как раз в том месте, куда его поцеловала Ровена. Это напоминало шрам от давно зажившего ожога, но она точно знала, что этим утром у Рона не было такого знака.

— Рон, — медленно начала она, — ты не... ты не можешь... как-нибудь почувствовать, где она может быть?

Рон посмотрел на нее так, будто она была буйнопомешанной.

— Я не могу чего?

— Ровена сказала, что ты Прорицатель, — пояснила Гермиона. — Я подумала, может, ты сможешь предвидеть что-нибудь.

— Нет, черт меня побери, не могу, — огрызнулся Рон. — Я не могу выступать по заказу. В сущности, я вообще не могу выступать. Нет, погоди, это вышло неудачно, — он провел тыльной стороной ладони по натруженным глазам. — Я просто хотел сказать, я никогда ничего не предсказывал, и я не вижу, с чего бы мне начать это делать теперь.

— Неважно, — вздохнула Гермиона.

Рон встрепенулся:

— Если только я не предсказывал какие-нибудь ужасные пытки для Малфоя. Вот это я мог бы сделать.

— Ох, Рон, — сердито вздохнула Гермиона. — Как раз я хотела бы, чтобы он был здесь. Он мог бы объяснить, что происходит.

— Точно, поскольку он так замечательно все объяснил, когда приходил в прошлый раз, — сказал Гарри, хотя и беззлобно.

— Я желаю, чтобы он тоже оказался здесь, — ожесточенно заявил Рон. — Чтобы я мог заехать ему в физиономию.

Черное отверстие в стене распахнулось, и вошел Драко.

На миг все замолкли.

— А теперь я желаю, чтобы у меня был миллион галлеонов, — произнес Рон и с надеждой оглянулся вокруг.

Гермиона одарила его взглядом.

— Проверка на всякий случай, — пояснил Рон.

Она снова переключилась на Драко, который быстрыми шагами пересекал комнату, направляясь к ним. Джинни с ним не было. В руках он нес свой меч, без ножен, и выражение его лица было настолько суровым, что ее сердце едва не остановилось. Прежде, чем она успела собраться с мыслями, Рон с быстротой молнии вскочил на ноги и шагнул вбок, чтобы оказаться между Драко и Гарри.

Драко встал, как вкопанный, и уставился на него.

— Что это ты делаешь, Висли?

Рон скрестил руки на груди. Ему не надо было задирать голову — он и так возвышался над Драко — но он все равно сделал это.

— Не приближайся, — предупредил он.

— Уйди с дороги, — велел Драко.

Рон покачал головой.

— Ты хочешь отойти, — сказал Драко, прищутив глаза, — или ты хочешь узнать, какова на вкус хорошая итальянская обувь?

Рон заморгал:

— Чего?

— Я думаю, он хочет сказать, что он пнет тебя в лицо, — пришла на помощь Гермиона.

— Не вижу, какое отношение к этому имеет поедание его ботинка, — отрезал Рон.

Драко закатил глаза.

— У меня неудачный день, — сказал он. — Мои угрозы не действуют так, как могли бы. Давайте начнем сначала. Уйди с дороги, Висли.

— Нет, — ответил Рон.

— Уйди с дороги, или я нарежу тебя на длинные, тонкие полоски и скажу всем, что ты прогулялся по чрезвычайно острой терке, надев очень тяжелую шляпу, — сказал Драко.

— О-о, это звучало гораздо лучше, — подбодрила Гермиона. — Прекрасное воображение.

— Я все равно не двигаюсь, — сказал Рон.

Гермиона перевела взгляд с Рона к Драко. Гарри находился позади нее, и она не могла видеть выражение его лица. Драко, похоже, колебался между удивлением и едким весельем.

— Стань в сторону, — сказал он. — Я не шучу.

— Сначала положи этот меч.

— Висли, у нас нет времени. Прочь с дороги.

Рон не пошевелился. Драко бросил взгляд на Гермиону, которая подняла глаза ему навстречу. На мгновение их взгляды встретились, и она вспомнила, что это — глаза мальчика, ее ровесника, мальчика, которого она любила и которому доверяла. Как много раз она смотрела в них и видела там его любовь к ней, но сейчас она смешалась с чем-то еще и как-то изменилась.

Гарри нарушил молчание, в первый раз с того момента, как Драко вошел в комнату.

— Рон. Все в порядке. Дай ему пройти.

Выражая своим видом, смесь недовольства и замешательства, Рон посторонился, и Драко занял его место. Гермиона увидела яркий отблеск синего света на лезвии меча, когда он занес его над головой. А Гарри... Гарри опустился на колени и вытянул вперед свои скованные руки так, что цепь туго натянулась между ними. Он смотрел на Драко снизу вверх, и взгляд его зеленых глаз был тверд.

— Действуй, — сказал он.

Драко взмахнул мечом с такой быстротой и силой, что, казалось, тот свистнул, разрезая воздух. Меч опустился, ударив по кольцам адмантиновой цепи, сковывающей руки Гарри, и рассекая их на аккуратные половинки. Они упали на пол, но не с лязгом металла, а со свистящим шумом,

напоминающим змею, сбрасывающую кожу.

Гермиона перевела дыхание и бросилась вперед, но чья-то рука схватила ее руку и задержала ее. Даже не глядя, она знала, что это был Рон, но не понимала, почему он не пускает ее.

Гарри очень медленно встал на ноги, цепляясь за стену, чтобы удержаться. Она увидела, как Драко протянул руку, будто желая помочь ему, но быстро отдернул руку. Гарри, который смотрел в пол, не заметил этого.

Рон отпустил ее руку. Гермиона подбежала к Гарри и обхватила его руками, помогая ему встать. Она почувствовала, как он стиснул ее плечо, как будто попытка встать после долгого времени, проведенного в цепях, причиняла ему боль. Затем он быстро шагнул вперед, сгреб застигнутого врасплох Драко за рубашку и сильно пихнул его к стене.

— Прекрасно, Малфой. А где, черт побери, Джинни? — спросил он.

— Послушай, обыск с раздеванием совсем необязателен.

— О, а я думаю наоборот, — сказала Рэйвен, которая стояла, уперев руки в бедра и смотрела на Сириуса так, как сластена смотрит на последний шоколадный трюфель с начинкой из крем-брюле, оставшийся в коробке.

— Теперь снимай свою одежду.

— Сперва обед в ресторане и цветы.

Рэйвен искоса посмотрела на него и улыбнулась.

— Узники должны быть лишены волшебных палочек и иного оружия, таковы правила. Ты мог бы спрятать свою палочку где-нибудь на теле. Мне достаточно только позвать, и эта комната наполнится дементорами, желающими и готовыми помочь мне. Поэтому ты должен снять одежду, или я свяжу тебя и сниму ее сама.

— Нет, погоди, я просто отдам тебе мою палочку. Смотри, вот она, — он протянул палочку, и Рэйвен забрала ее и сунула в карман, игриво улыбаясь красными губами.

В ее глазах был виден какой-то темный голод, который неожиданно ясно выразил ее принадлежность к баньши. Сириус очень пожалел, что он когда-то думал, что она привлекательна. Наверное, это была его карма. Он мысленно извинился перед Нарциссой, которой ему вдруг стало очень не хватать.

— Откуда я знаю, что у тебя нет второй палочки? — настойчиво спросила Рэйвен. — Откуда я знаю, что у тебя нет Засовного Талисмана?

Сириусу нечем было ответить на эту неотвратимую логику.

— А теперьними свою одежду, — сказала она.

Он начал расстегивать мантию, недоумевая, как же это все произошло. Он должен был бы спасти своего крестника, а вместо этого он устраивает стриптиз для очень требовательной баньши в очень холодном подземелье. Он задумался, знал ли Драко о том, что его тюремное заключение будет предполагать наготу. Лучше не думать об этом. Он сосредоточился на своей рубашке, в то время как Рэйвен схватила его плащ и обшаривала карманы. Она хихикнула при виде Всевкусных Орешков со вкусом радуги и недоуменно уставилась на Карандаши Магической Реальности от Зонко и пачки старых писем.

— Ты мне нравишься, — сказала она, очень знакомым жестом проводя красным накрашенным ногтем по его обнаженной груди. — Я тебе разрешу оставить эти вещи при себе.

— Если бы я тебе нравился на самом деле, ты бы не заставляла меня снимать брюки, — заметил он, отстраняясь.

Она улыбнулась ему:

— Не беспокойся. Я знаю, что в этом подземелье очень холодно. Я не стану выносить приговор.

Сириус вздохнул и занялся своими брюками.

— Я не знаю, — сказал Драко, не отводя глаз от взгляда Гарри. — Я думал, что она будет здесь. Поэтому я и пришел. Во всяком случае, отчасти поэтому.

— Ты не знаешь? — вмешался Рон. Он был бледный от ярости, и его веснушки выделялись

неровными пятнами. — Она ушла искать тебя.

— Она нашла тебя? — спросила Гермиона с тревогой.

— Да, — ответил Драко. — Она нашла.

Все трое смотрели на него, ожидая продолжения.

— Может быть, ты отпустишь меня? — почти жалобно спросил он Гарри. — Ты испортишь мою рубашку.

— Позор, — заявил Рон, — особенно, когда на самом деле он должен был портить твоё лицо.

Гарри отпустил Драко и отошел назад.

— Рассказывай, — коротко велел он.

Драко перевел взгляд на Гермиону.

— Я был в моей комнате. Джинни нашла меня. Я оставил ее там вместе с Флёр, когда меня позвали для беседы со Слитерином. Когда я вернулся в комнату, ее не было. Флёр сказала, что она не говорила, куда она собирается, она просто ушла.

— А почему мы должны тебе верить? — спросил Рон опасно ласковым тоном.

— Ты прав, Висли. Она разыскала меня, я ее убил, а потом решил пойти и все рассказать вам, потому что я еще не набрал моей личной дневной нормы оскорблений, и я подумал, что ты можешь мне помочь пополнить ее.

— Что ж, я думаю, что ты врешь, — сказал Рон. — Это мое личное мнение.

Драко посмотрел так, будто его терпению настал конец.

— Это твоё мнение? Прекрасно, а как тебе понравится мой кулак в твоём мнении?

— Довольно! — резко оборвал Гарри. — Вы двое, или подеритесь по-настоящему, или замолчите и уживайтесь друг с другом. Но этот супер-турнир сарказма ничем не помогает. Рон, для него не было никакого смысла приходить сюда, если бы он был причиной исчезновения Джинни. Малфой, или через пять секунд ты начнешь рассказывать, или я заставлю тебя проглотить этот меч.

Драко усмехнулся. Это была довольно слабая улыбка, но самая настоящая.

— Ну, раз уж ты так вежливо просишь, — ответил он.

Улыбка быстро угасла, а его глаза потемнели и приняли серый цвет.

— Она оставила вот это, — сказал он и протянул сложенный в серебряный квадрат плащ-невидимку. Гарри молча принял его. — Сейчас очень плохое время для того, чтобы она бродила вокруг замка, — добавил Драко. — События назревают. Одна из причин того, что я пришел сюда, было то, что я искал Джинни. И одна из причин, почему мне надо было ее найти, это, если то, что она рассказала мне — правда, то именно благодаря ей вы все попали сюда. И она — единственная возможность для вас уйти. И вам нужно уходить сейчас.

Теперь он смотрел на Гарри.

— Слитерин хочет твоей смерти, — сказал он прямо. — Я обманул его и удерживал его от убийства, я сказал ему, что твоя жизнь связана с каким-то заклятием. Поэтому он хотел твоей крови. Теперь, когда он проверил ее, он узнает, что я ошибался или лгал, и он придет за тобой. Ты должен выбраться отсюда прежде, чем это случится.

Гермионе показалось, будто вся ее кровь превратилась в ледяную воду.

— Ты прошел в камеру, — сказала она Драко. — Разве ты не можешь выпустить нас?

Он покачал головой, избегая смотреть ей в глаза:

— Я могу выпустить тебя или Рона. Но охрана заколдована, чтобы распознать Гарри, как заключенного здесь. Если он выйдет, сигналы тревоги взорвутся, как ракета. В течение секунд все здесь будет заполнено дементорами.

— Тогда Гарри остается здесь, — твердо заявил Рон. — Я отправлюсь искать Джинни.

— Я с тобой, — быстро сказала Гермиона.

— Гермиона, нет, — еще быстрее возразил Гарри. Он заметно побледнел.

Она обернулась к нему.

— Гарри, в этом есть резон. Ликант может чувствовать присутствие других могущественных магических объектов. Его будет притягивать к Хроновороту. Он поможет нам найти Джинни, но он не будет работать для Рона, поэтому я должна взять его и идти с Роном. Иначе он будет просто блуждать бесцельно, и мы никогда не вытащим тебя отсюда. Мы возьмем плащ, с ним ничего не случится.

— Здесь в замке десятки могущественных магических объектов..., — начал Драко и остановился.

— Но эти два были задуманы, чтобы использоваться вместе, — спокойно возразила Гермиона. — Мне не больше, чем Рону, хочется бродить здесь. Но это имеет смысл.

Драко смотрел на пол. Рон выглядел собранным и решительным. Она знала, что он пошел бы за Джинни даже, если бы она не пошла. Она повернулась взглянуть на Гарри и увидела, что он пристально смотрит на нее.

— Мне надо поговорить с тобой, Гермиона, — сказал он тихим, резким голосом. — Сейчас.

Она позволила ему взять ее за руку и провести через комнату за боковую стенку шкафа, где было хоть какое-то уединение. Конечно, она по-прежнему могла слышать голос Драко, велевшему Рону взять плащ, и он дал ему кое-какие инструкции по поводу того, как найти выход из замка.

— Драко Малфой, соизволивший помочь нам, — раздраженно отозвался Рон. — Наконец, я могу умереть счастливым.

— Могу устроить, — ледяным тоном ответил Драко.

— Слушай, Малфой. Можешь взять свои инструкции и засунуть их прямо себе в...

— Гермиона, ты слушаешь? — сказал Гарри.

Она повернулась, подняла к нему свое лицо, и у нее перехватило дыхание. Он был очень бледным, таким же, как в тот день, когда они стояли перед Зеркалом Джедан, и он сказал ей, что любит ее. Она знала, как это было трудно для него, потому что к этому моменту, что бы он ни сказал, было бы слишком мало и слишком поздно. Она задумалась, какая же равно ужасная мысль давит его теперь — или, быть может, это просто опасность, которая их окружает...

Она взяла его руки в свои и опустила глаза, чтобы посмотреть на них. Руки Гарри, такие знакомые, так хорошо изученные ею — даже когда ему было одиннадцать, и он был маленький и тощий, у него были эти нежные, красивые, выразительные руки. Они были очень похожи на руки Драко — те же утончающиеся к кончикам пальцы, указательный чуть длиннее остальных, такой же шрам на ладони — но это были руки Гарри, руки, которые передавали ей перья в классе Зелий, которые носили ее книги, которые вытягивались, чтобы поймать Снитч, которые крепко обнимали ее в темноте.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — сказал он с неожиданной силой. — У меня плохие, очень плохие предчувствия, Гермиона. Я хочу, чтобы ты оставалась здесь.

— Я должна идти. Джинни...

— Я знаю, — он притянул ее к себе, держа за кисти рук. — Я знаю, но...

— Я почти никогда не видела тебя испуганным, — неуверенно улыбаясь, сказала она. — Это не первый случай, когда мы в опасности, мы и раньше встречались со смертью лицом к лицу, бывало и хуже, чем теперь...

Руки Гарри сжались.

— Есть вещи похуже, чем просто умереть, — ожесточенно ответил он. — Я не выдержу, если что-нибудь случится с тобой — а я должен буду гадать, не ждешь ли ты меня где-то, ждешь меня, чтобы... чтобы...

— Гарри!

Гермиона понятия не имела, о чем он говорит, но не задумываясь отреагировала на боль в его голосе и едва не упала, бросившись к нему. Она обхватила его руками и крепко обняла, и Гарри обнял ее в ответ, крепко и тепло, и немножко неуклюже. Его рубашка, заскорузлая от засохшей крови, хрустела, но ей было все равно. Она подняла к нему свое лицо, и он целовал ее глаза и губы, перебирая руками ее волосы.

— Я всегда любил твои волосы, — сказал он.

— Ой, конечно же, нет, — возразила, не удержавшись, Гермиона. — Ты и Рон всегда говорили, что они выглядят так, будто у меня на голове сидит очень рассерженная кошка!

Гарри поперхнулся.

— Ага, когда нам было двенадцать.

— Все равно, это было очень грубо с твоей стороны, — сказала Гермиона. — Ты должен как-то извиниться за это.

— Я не уверен, что мы достаточно уединились для этого, — ответил Гарри, стараясь быть серьезным.

— Определенно — нет! — раздраженно откликнулся Драко с другой стороны шкафа. — Пожалуйста, пожалейте нас.

Гарри закрыл глаза.

— Я сделаю вид, что я этого не слышал.

Гермиона приподнялась, пригнула ему голову и крепко поцеловала. Она всегда поражалась, даже сейчас, что ей нужно тянуться к Гарри, что он стал таким высоким и ловким, и таким... взрослым. Не то, чтобы это было плохо — стать взрослым. Взросление — это хорошая штука, особенно, когда это к лицу кому-нибудь, как, например, стать выше и шире в плечах было к лицу Гарри.

Тем не менее, это был короткий поцелуй. Она прервала его и позволила Гарри отвести ее назад, в середину комнаты. Драко стоял, прислонившись к стене возле входа — элегантный, хмурый, длинноногий, скрестив руки на груди.

Гермиона посмотрела на него:

— А где Рон?

— Я здесь, — раздался голос Рона из пустого места рядом с Драко. — А что?

— Э-э, — произнесла Гермиона, вытаращив глаза.

— Я накинул на него плащ-невидимку, — вежливо пояснил Драко, — Меня тошнит при виде его лица.

Что-то затрещало, и Рон появился снова, выдираясь из-под плаща, который он носил, явно не догадываясь об этом. Он сверкал глазами на Драко, и уши его горели розовым. — Ты... педераст... ублюдок...

Гермиона схватила его и потащила к выходу.

Перевернув Хроноворот, Джинни обнаружила, что она падает сквозь облака фиолетовой темноты, но в каком направлении — неизвестно. Это могло быть вверх, вниз, иди вбок через пространство. Все исчезло в фиолетовом «ничего». Все, что она знала — это бесконечный миг головокружения и стремительного движения, затем дурманящая пустота исчезла, и вот она стоит ногами на твердой земле, окруженная чернотой.

Она напрягла глаза, пытаясь разглядеть что-нибудь. Ее сердце колотилось. Она попробовала установить Хроноворот так, чтобы он перенес ее назад в прошлое в тот момент, когда она ушла оттуда, но она еще не была искусна в его настройке. Вероятно, она промахнулась на несколько часов, и сейчас ночь.

Но даже в самую темную ночь она должна была суметь увидеть собственные руки, поднесенные к лицу.

Она пошарила в поисках палочки и вытащила ее из кармана.

— *Иллюмос*, — прошептала она.

Свет вырвался из кончика палочки, озарив все вокруг. Она стояла в коридоре, в точности там, где она собиралась очутиться. Коридор выглядел почти так же, как прежде, однако пол был покрыт толстым слоем пыли, и на стенах не было факелов.

Она поспешно пошла вперед, неожиданно испытав безрассудное желание выбраться из замка, который навевал ужасное, мрачное, пустынное чувство. Ее ноги, шлепающие по пыльному полу, производили единственный слышимый звук — ни свиста ветра, ни даже жужжания насекомых. Она дошла до конца коридора, обнаружила массивную, закручивающуюся каменную лестницу и скатилась по ней вниз настолько быстро, насколько это было безопасно. Оказавшись у подножия лестницы, она обнаружила, что стоит в огромном вестибюле, пол которого был расчерчен наподобие шахматной доски зелеными и белыми квадратами мрамора. Она пробежала по полу к огромной двустворчатой двери, рывком распахнула ее и вышла наружу.

И сощурилась, в первый момент не в состоянии понять, на что она смотрит. Здесь было больше света — тусклого серого света, который почти полностью заслоняла огромная стена, окружающая замок, возвышаясь над его стенами. Джинни смотрела в удивлении. Она не могла понять, откуда взялась эта стена — огромная, круглая, она, казалась, простиралась во всех направлениях вокруг замка и вверх — все выше, выше до тех пор, пока могли видеть ее глаза, исчезая в тусклой пустоте рядом с кусочком голубого неба размером с бусину. Пока она медленно спускалась по ступеням, она

поняла, что стена вовсе не гладкая, а неровная и неправильная, и что она усеяна странными красными цветами.

Розы. Это была вовсе не стена, а чудовищная изгородь из шипов. Совсем, как заросли ежевики, которые окружали замок Спящей Красавицы, подумала Джинни, едва не рассмеявшись от нервного напряжения. Принц сумел прорубить себе путь через ежевику — ей вспомнился Драко и его меч — но здесь не было принца, она могла рассчитывать только на себя. Повинуясь импульсу, который она не могла толком объяснить, она протянула руку и осторожно коснулась Хроноворотом краешка листа.

Несколько мгновений не происходило ничего. Затем, с громким шелестом, напоминающим шум несущейся воды, ветви начали отворачиваться прочь от нее, сгибаясь назад и открывая проход, чтобы пропустить ее. Сквозь брешь в изгороди она увидела яркую зеленую траву, усеянную белыми цветами. Она быстро прошла через проход, и изгородь закрылась за ее спиной, будто бреша никогда и не было.

Джинни в недоумении осмотрелась вокруг. Она стояла на поляне, и в отдалении она могла видеть темную линию деревьев на опушке леса. Того самого леса, что подступал вплотную к самому замку в ее времени. Но сейчас он был далеко, а перед ним раскинулся длинный, заросший травой луг, посреди которого находились несколько разноцветных шатров. Это сильно напоминало ей военный лагерь, который она посетила вместе с Роном и Гермионой.

Она припустила, чуть ли не бегом, так охватило ее желание увидеть людей — все равно кого, подумала она. Замок был таким безмолвным, таким жутким. Она добежала до середины лагеря и осмотрелась вокруг. Тут стояли шатры различных цветов — синие, ярко-зеленые, оранжевые, и слева от нее возвышался шатер с багряными стенками, на закрытом полотнище входа которого красовалось изображение золотого льва.

Гриффиндор.

Джинни бросилась к шатру и остановилась у входа. Не было ничего, чтобы постучаться, насколько, она могла судить. Она робко приблизилась, откинула угол полотнища и взгляделась в темноту внутри.

Как и большинство волшебных шатров, внутреннее убранство не имело ничего общего с наружным. Стены внутри были сделаны из темных деревянных панелей, там был камин (пустой, так как день был солнечный и теплый), несколько небольших окон без стекол, а в центре стоял большой круглый стол из красного дерева, инкрустированный узорами из золотых звезд и лун. К одной из ножек стола был небрежно прислонен длинный серебряный меч в ножнах, украшенных листьями, цветами и животными из сверкающей эмали.

Движение в углу комнаты привлекло ее внимание. Она повернулась и посмотрела туда.

И увидела кого-то, кто смотрел на нее. В углу шатра на деревянной скамеечке сидел высокий мужчина с копной непослушных черных волос и горящими темными глазами. На вид ему было около двадцати лет, и что еще интереснее, он был без рубашки, в кожаных бриджах, и, похоже, был занят тем, что зашнуровывал свои ботинки.

Он смотрел на Джинни.

Джинни смотрела на него.

Он первым обрел дар речи. Отпустив свой ботинок, он встал и голосом, на несколько октав ниже, чем тот, что она слышала в последний раз, спросил:

— Кто ты, черт возьми, такая и что ты делаешь в моем шатре?

Разрываясь между потрясением и безумным желанием расхохотаться, Джинни отняла руку от рта.

— Бен? — сказала она.

Подземелье было как подземелье. Оно поразительно напоминало другие подземелья, в которых бывал Сириус. Подземелье Малфоев, к примеру. Толстые каменные стены, по которым сочилась неприятная влага. Толстые серые прутья камеры, оплетенные магическими засовами. Запах мха, застарелого пота и страха. Все подземелья одинаковы.

По крайней мере, ему вернули одежду. Рэйвен позволила ему забрать одежду вместе со всеми

вещами, за исключением палочки. Он размышлял, как долго можно протянуть на одних Всевкусных Орешках. Интересно, придется ли ему это выяснить.

Тишина в подземелье будто расползалась во все стороны. Чтобы отвлечься, Сириус полез в карманы и принялся раскладывать их содержимое на полу перед собой. Карандаши от Зонко. Письма от старых подружек. Он выбрал одно из них (от Эми) и раскрыл его наобум.

Дорогой Сириус, я сижу здесь, на Истории Магии, раздумывая, не следует ли мне возместить тот сон, который я пропустила прошлой ночью, пока мы... гм... наблюдали звезды... Ну, неважно. Это что-то со мной, или профессор Биннс покрывается пылью?

Сириус усмехнулся и засунул письмо обратно в карман. Там были и другие письма, адресованные Джеймсу, написанные изящным почерком Лили, при виде которых у Сириуса встал комок в горле и сжалось сердце. Джеймс Поттер, 30 Гэллопинг Драйв, Лощина Годрика, Уэльс. Этот адрес, надписанный рукой Лили, вызвал такие воспоминания о доме, каких не вызывал даже вид его взорванных развалин, воспоминания о доме таком, каким он видел его последний раз, пробираясь через его обломки под небом, расчерченным зелеными и черными полосами.

Он сжал руку в кулак, скомкав пергамент. Джеймс. Теперь они вернулись, воспоминания, обильно и быстро — мрачные мысли о призраках. Джеймс. В ту ночь он так и не смог разыскать Лили. Она была погребена, исчезла, обломки похоронили ее. Но Джеймс... Он не был раздавлен, не было никаких видимых ран, но это была ложь, подумал Сириус, чувствуя песок под руками, пока он пробирался через обломки дерева и камня, ощущая привкус меди во рту там, где он прокусил себе губу, что мертвые похожи на самих себя живых, только спящих. Он понял сразу, что Джеймс мертв. Он лежал там, где он упал, на спине, одна рука отброшена в сторону и сжимала палочку, которая, в конце концов, оказалась бесполезной, другая рука лежала у него на груди. Очков не было, они упали, были раздавлены где-то, и Сириус хотел найти их и принести назад, потому что, конечно же, Джеймс не мог ничего толком видеть без своих очков, он никогда не мог, но не было времени для этого, ведь, правда? Рухнув на колени, Сириус схватил друга за плечи и притянул его к себе. Он ощущался реальным у Сириуса в руках, те же мускулы на плечах, те же знакомые лицо и руки, но в то же самое время он был странно пустым и легким, будто то, что делало Джемса — Джеймсом, исчезло, оставив после себя только бумажную оболочку.

Не отпуская друга, Сириус опустил голову ему на плечо и заплакал — тихим, безнадежным плачем, он и представить не мог, что способен на такой, вздрагивая, когда он вытирал слезы, так что тело его мертвого друга вздрагивало вместе с ним. Он что-то шептал, прося, чтобы Джеймс вернулся, пожалуйста, чтобы он вернулся. Если бы Джеймс остался жив, как бы далеко он ни находился, он бы вернулся к Сириусу, так отчаянно его друг звал его. Но мертвые — эгоистичные и упрямые странники. Они не возвращаются, независимо от того, как сильно их не хватает, как они нужны, какую печаль они оставляют после себя.

— Он не работает, — сказала пораженно Гермiona, держа Ликант в руке и пристально глядя на него.

— То есть как это — не работает? — спросил Рон.

Они теснились вдвоем, завернутые в плащ, под лестницей прямо у камеры. Сжав Ликант так сильно, что он врезался ей в ладонь, Гермiona рассматривала его.

— Он ничего не принимает, — сказала она с ноткой паники в голосе.

— И что теперь? — она чувствовала, как напряглось плечо Рона, прижатое к ней. — Что будем делать?

Она выпрямилась, отпустив Ликант, который повис на цепочке у нее на шее.

— Мы идем... туда, — объявила она, наугад вытягивая, Рона из-под лестницы и увлекая его за собой по коридору. Он без возражений последовал за ней, что было вовсе не похоже на него, подумалось ей. Вероятно, у него тоже не было никаких идей.

Коридор заканчивался лестницей, ступени которой были настолько стертые, что многие из них выглядели просто как неровности в камне. Гермiona гадала, чьи ноги изначально пользовались ими,

пока они с Роном торопливо спускались вниз. В ее голове всплыло ясное воспоминание, как она спускалась по этим ступеням раньше, рука об руку с кем-то другим. Кем-то, но не Роном. Кем-то с серебряными волосами. Она остановилась и вытянула руку, чтобы удержаться. Она слышала, как Рон говорит что-то.

— Гермiona, что случилось?

— Ничего. Все в порядке.

Но это была неправда. Они повернули за угол и оказались в широком полукруглом вестибюле, вдоль стен, которого тянулись многочисленные двери. Потолок над ними скрывался в зеленоватом тумане. Стены были голыми, но Гермiona знала, будто помнила, что когда-то на них висели гобелены, изображающие охоту на единорога. А потолок был украшен звездами. Вдоль стен тогда стояли кушетки, длинные кушетки, покрытые подушками — алыми, зелеными, синими, и она помнила, как она лежала на этих кушетках, и не одна...

Гермiona почувствовала, как краснеет, и была ужасно рада, что невидима. Ну и ну. Она опустила глаза, обнаружила, что она сжимает в руке Ликант и поспешно отпустила его. Она была уверена, однако, что ее лицо все еще пылает. Как они занимаются этим на кушетке и не падают?

— Гермiona, — это Рон опять говорит ей в ухо, или около уха. Он не мог видеть ее, поэтому на самом деле он говорил ей в шею. — Ты слышишь?

Она вскинула голову, чувствуя легкое головокружение.

— Что?

— Слушай. Там кто-то плачет.

Гермiona наклонила голову, прислушиваясь. И услышала это. Тихое всхлипывание доносилось из-за одной из закрытых дверей.

— Это не похоже на Джинни, — уверенно сказала она, но Рон уже держал ее за руку и тащил к двери.

Она почувствовала, как он оглянулся, затем толкнул дверь и они вошли.

Комната была с низким потолком и пустая, и она не вызвала у Гермiony никаких воспоминаний. Во всяком случае, она выглядела пустой на первый взгляд и была очень темной. Но затем, по мере того, как она вглядывалась, она заметила пятно более темное — что-то съежившееся, будто лужица тени, в углу, откуда и шел плачущий звук. Когда она и Рон неуверенно приблизились, она поняла — она знала — что это, конечно же, не была Джинни. Плач напоминал слабый, жалобный плач ребенка, но когда они подошли ближе, то стало ясно, что на самом деле это взрослый. Взрослый мужчина, невысокий, полный, лысая голова которого блестела в тусклом свете, и чье хныканье было очень, очень знакомо...

— Червехвост, — изумленно прошептал Рон.

Тело Червехвоста настороженно дернулось с гремющим звуком, и Гермiona увидела оковы на его ноге, прикованной цепью к стене. Это не были оковы из адмантина, просто ржавый металл, но ведь он не был Магидом.

— Кто здесь? — визгливо крикнул он.

Гермiona схватила Рона за руку, но было уже поздно. Рон вышел из-под плаща-невидимки и стоял теперь с палочкой, нацеленной на Червехвоста. Его голубые глаза сверкали от ненависти.

— Ты, — прошипел он. — Убийца.

— Я никогда и никого не убивал, — взвизгнул Червехвост, трепыхаясь в цепях, как будто он мог оказаться подальше от Рона. Его глаза были огромными и полными страха. — Что ты делаешь здесь?

Гермiona стянула с себя плащ и бросилась к Рону, схватив его за руку.

— Что ты делаешь?

— Я собираюсь его убить, — объявил Рон. — Кто-то должен был давно это сделать.

— Рон! Ты не знаешь, как нанести Убийственное Проклятие...

— Я могу пробовать до тех пор, пока не получится, — сказал он, по-прежнему целясь палочкой Червехвосту в сердце.

— Давай, — ехидно пропихивал Червехвост. — Вокруг этой комнаты полно охраны. Одно заклинание, и ты будешь окружен стражей.

Рон был в бешенстве.

— Ты лжешь.

— Рон! — Гермiona ринулась к нему, схватила руку с палочкой и повисла на ней. — Не делай этого!

— Я не буду, — спокойно согласился он, не спуская глаз с Червехвоста. — Но я хочу знать, что ему известно. И если я не могу применить заклятие, я переломлю все кости в его жалком теле.

— Разве я выгляжу так, будто я знаю что-то? — фыркнул Червехвост. — Разве я выгляжу так, будто мой Господин все еще верит мне больше всех? Он сказал, что я предал его — я едва не допустил, чтобы его Наследник умер. Он сохранил мне жизнь, но он забрал — это.

Всхлипнув, он засучил свой правый рукав и вытянул руку.

Гермиону едва не стошнило. Ладони не было, его бледная, пухлая рука оканчивалась почерневшим зарубцевавшимся обрубок. Она не испытывала к нему сочувствия — если она и ненавидела безоговорочно кого-то в целом свете, то это был Червехвост — но зрелище было жалким.

— Ты знаешь, каковы его планы? — требовательно спросила она, не отводя глаз от пухлого, испуганного лица Червехвоста.

Он обильно потел, что обычно случалось, когда он был испуган — пот, казалось, выходит из глубин его тела, а не из пор, будто на самом деле он потел страхом.

— Для чего ему Гарри?

Глаза Червехвоста широко раскрылись.

— Он схватил Гарри?

Рон, казалось, трясся от ярости.

— Не притворяйся, будто ты не знаешь! — рыкнул он. — Это твоя вина — все, что случилось, твоя вина.

В ответ Червехвост повернул к Рону свое лицо, все в потеках пота и грязи, и сплюнул себе под ноги.

— Давай, пытай меня, если хочешь, — сказал он все еще пискливым голосом. — Я не могу убежать. Я не могу остановить тебя. Давай.

Рон не шевелился, просто стоял на том же месте, и его тело будто пульсировало волнами ярости. Гермiona положила руку ему на локоть.

— Рон, перестань, — прошептала она. — Он не стоит того. Нам надо идти.

Рон позволил ей увести его, хотя и бросал через плечо яростные взгляды на Червехвоста, пока они уходили. Ее сердце болело за него — она знала, что он воспринимал это так, будто он был в ответе за Червехвоста, будто он должен быть знать все о Скабберсе и предпринять что-то. И это просто было против характера Рона — пытать человека, который закован в цепи и не может убежать, независимо от того, каким подлым или злобным этот человек мог быть. Наверное, он винил себя и за это тоже. Она собиралась сказать что-нибудь ему, что-нибудь ободряющее, когда Червехвост заговорил позади них.

— Око — вот, что вам нужно, — сказал он.

Гермиона и Рон обернулись.

— Что?

— Око, — округлый подбородок Червехвоста тонул в складках его жирной шеи, его глаза блестели не то от злобы, не то от страха. — Если вы сможете добраться до него и открыть, прежде чем он сумеет завершить свою сделку с демонами — тогда у вас будет шанс. Это — последнее, чего он хотел бы.

Рука Рона крепко сжалась на запястье Гермiony. Она вспомнила тихий голос Ровены, рассказывающей ей про Око и его возможности.

— Где находится Око? — спросила она прерывающимся голосом. — Где он хранит его?

— Когда ты была здесь в первый раз, помнишь — он поместил тебя в комнату с гобеленами? Это там. Найди его, открой его, если сумеешь понять, как — и у тебя может быть шанс.

— А откуда мы знаем, что ты не врешь? — спросила она.

Глаза Червехвоста коротко блеснули.

— Ниоткуда.

— Ублюдок, — прошипел Рон себе под нос, и Гермiona снова потянула его к двери, чувствуя, как

по спине бегает мурашки от отвращения и страха.

Когда дверь между ними и Червехвостом закрылась снова, она развернула плащ и бросила его Рону. Потом она завела руки за шею и сняла Ликант. Она положила его на ладонь.

— *Ультима Туле*, — произнесла она, и Ликант завертелся и указал на север.

— Что это ты делаешь? — потребовал объяснений Рон.

— Комната, о которой он говорил, находилась в западном крыле замка. Я помню, что я видела закат в окне, когда я разглядывала гобелены.

— Гермiona, — Рон протестующе замотал головой так, что его рыжие волосы упали ему на глаза. — Ты же не веришь ему, правда? Может быть, он посылает нас в ловушку. Если он хочет, чтобы мы шли на запад, я скажу — мы идем на восток. Запад, наверное, окажется комнатой, полной стражи или чего-то еще.

— У нас есть плащ, — неуверенно возразила Гермiona. — Проверка не повредит.

Рон ответил ей долгим, изучающим взглядом. Нехотя, она кивнула и снова повесила Ликант на шею.

— Ладно. Мы пойдем на восток. Может быть, я начну принимать какие-нибудь сигналы от Джинни на этом направлении.

Они завернулись в плащ и направились к самому восточному коридору. Тот резко повернул направо, затем налево, потом снова направо, и как раз, когда они миновали последний слепой поворот, без всякого предупреждения они выскочили прямо в руки большой группы стражей в сером.

Темный проход в стене закрылся за Роном и Гермioniой, и Гарри окатило волной страха. Ему потребовалось призвать все, до последнего кусочка, остатки самообладания, чтобы не пытаться остановить их, и поскольку его опасения многократно увеличились при виде их ухода, зрелище того, как Гермiona мимолетно оглядывается через плечо, и ее глаза, тревожные и темные, не отрываются от его глаз, едва не убило его.

Он отвернулся, откинулся спиной к стене, крепко вжавшись в нее, и закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, то первое, что он увидел, был Драко, смотревший на него. Его серые глаза были широко открыты и почти прозрачны в сиянии голубого света.

Драко, подобно хамелеону, обычно имел способность выглядеть как дома в любой обстановке. Однако сейчас он выглядел чрезвычайно неловко, будто ему больше всего хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, и он действительно воображал, что он где-то далеко. Он будто совсем не замечал Гарри, во всяком случае, его глаза толком не фокусировались на Гарри, пока тот не пошевелился. Рука Гарри поднялась к горлу, взяла Эпициклический Амулет за цепочку и потянула его через голову. Он поднял Амулет, покачивая им перед глазами Драко и спросил:

— Ну, и что, черт подери, все это значит, Малфой?

Теперь Драко отреагировал. Он улыбнулся, глядя на Амулет.

— С днем рождения? — мягко предположил он.

Гарри заморгал в удивлении. Он забыл, что через две недели у него день рождения. Тот факт, что Драко на самом деле помнил это, был тоже тревожным, но не настолько, чтобы придавать этому внимание.

— А ты не мог, скажем, подарить мне часы, — раздраженно спросил он. — Или, может быть, не протыкать большую дыру в моей руке? В честь такого события.

— Не такая уж она большая, эта дырка в твоей руке, — заметил Драко.

— Что это было? Неужели извинение? А нет, погоди-ка, это просто ты был еще более противным.

— Последний раз, когда я извинился перед тобой, ты послал меня.

Гарри заморгал глазами. Он не помнил, чтобы Драко извинялся перед ним когда-либо. Его память обо всем, что произошло после того, как Драко рассказал ему о его родителях, и до момента, когда Флёр и Слитерин пришли к ним, представляла собой мешанину из пронзительного шума, брызжащей крови и белой пустоты, жужжащей у него в голове.

— Ты извинился?

— Обильно.

Уголки рта у Драко искривились. Гарри посмотрел на него с подозрением.

— Сделай это еще раз.

— Что? Извиниться?

— Ага.

— Я один раз принес тебе извинения. Ты швырнул их назад мне в лицо. В тот день, когда я снова извинюсь перед тобой, Сатана отправится на работу на коньках.

— Почему? Разве твой отец не учил тебя хорошим манерам?

Драко едва заметно вздрогнул, хотя выражение его лица не изменилось.

— Какое это имело бы значение для тебя, даже если бы я сделал это? Если бы я извинился еще раз?

— Ты считаешь, это так просто? — Гарри почувствовал, как нарастает его раздражение. — Одно слово, и все прошло? — Он сжал кулаки. — Так вот, к твоему сведению, это не так.

— Я знаю, — глубоко вздохнул Драко. — Что, в таком случае, ты хочешь? Ударить меня? — Нет, не хочу, — Гарри сделал паузу. — Это недостаточно больно.

— Ты не хочешь? — усмехнулся Драко. — Сомневаюсь. Если бы я был на твоём месте, я бы хотел ударить тебя. Иногда я сам хочу ударить себя.

— Правда?

— Ага.

— Ну, раз так, — заявил Гарри, отвел кулак назад и с силой ударил его в живот.

Прошло несколько минут.

— Прости, Малфой.

— О-ох-х.

— Мне в самом деле жаль. Я не знал, что ты был ранен. Тебе надо было сказать что-нибудь.

— О-ох-х, — снова сказал Драко и осторожно сел.

В тот момент, когда кулак Гарри коснулся его, он побледнел, согнулся пополам и упал камнем, обхватив руками живот. Когда он убрал руки, его пальцы были в крови. Гарри был совершенно сбит с толку. Он же не ударил его настолько сильно, правда? Он упал на колени рядом с Драко, который сграбастал его за одежду и объяснил в весьма нечестивых выражениях, как это больно, когда тебя бьют в живот, где уже имеется рана от удара мечом, и как, если бы Драко в действительности мог встать, он бы заставил Гарри на самом деле пожалеть об этом. Видения всех кулачных боев, в которых они участвовали, плясали у Гарри в голове. В самом деле, до сих пор ему никогда не удавалось сбить Драко с ног одним ударом. Тем не менее, сейчас ему было не по себе.

— А ты говорил, что ударить меня будет недостаточно больно, — выговорил Драко, когда он восстановил дыхание и прекратил ругательства. — Оглядываясь назад, это не была правильная теория.

— Почему ты не залечил рану? — спросил Гарри, машинально надевая Эпициклический Амулет обратно на шею, потому что было слишком опасно держать его в руках. — Почему надо разгуливать с большим разрезом, если это не обязательно?

— Поддерживает меня искренним, — Драко уселся, осторожно пощупал пальцами бок, вздрогнул и покачал головой. — Мой отец обычно говорил...

Он оборвал фразу и откинулся к стене, будто он очень сильно устал.

— Что? — с любопытством спросил Гарри.

— Ничего.

Драко снова потрогал свой бок и поморщился.

— Что-нибудь насчет боли?

Он закрыл глаза.

«...Оставь это, Поттер».

Гарри подскочил.

— Что ты делаешь, Малфой?

«...Не разговаривай вслух. Не то, что это, в самом деле, важно, но все-таки. Мне нужно кое-что сказать тебе».

Гарри быстро осмотрел комнату.

«...Но... разве он не может слышать нас?»

«...Если верить Флёр — нет».

«...Мне кажется, я пропустил ту часть истории, где я верю всему, что она говорит. По правде говоря, я, наверное, пропустил и ту часть, где я верю всему, что говоришь ты».

Драко открыл глаза и напряженно посмотрел на Гарри.

«...Разве я дал бы тебе Амулет, средство убить меня, если бы я не хотел, чтобы мне верили?»

«...Ты знал, что я бы им не воспользовался».

«...Еще как воспользовался бы».

Гарри не был уверен, ужасаться ему или нет.

«...Даже, если бы я хотел твоей смерти — этот способ убийства был бы трусостью».

Драко не отрывал глаз от Гарри.

«...Ты бы сделал это, если бы ты был вынужден. Что, если бы я угрожал Гермione? Поттер, ты не поверил бы сам, на что ты способен, если тебя загоняют в угол. Ты не так уж отличаешься от меня. Seriously».

«...Давай-ка, определимся, — Гарри почувствовал, что его голова начинает трещать. — Ты дал мне Амулет, чтобы показать, что я могу тебе верить. У тебя был какой-то план?»

«...У меня действительно был план. Но у этого плана оказался крохотный недостаток».

«...Какой именно?»

«...План был дерьмовым».

Гарри закатил глаза.

«...А теперь у тебя есть план получше?»

«...Нет у меня никакого плана. Я его только прикидываю. Но кое-что тебе следует знать. Это что-то должно меня очень сильно расстроить?»

Драко на секунду задумался.

«...Да».

«...И совершенно необходимо, чтобы я узнал это?»

Еще пауза.

«...Да».

«...Прекрасно. Что же это?»

«...Сириус здесь, в замке».

Сердце Гарри подпрыгнуло и больно заколотилось в груди.

«...Что? Где он?»

«...В подземелье».

«...Слитерин бросил его в подземелье?»

«...Нет, — Драко поднял голову и посмотрел Гарри прямо в глаза. — Это я бросил его в подземелье».

Наступило долгое молчание. Гарри молча сосчитал до десяти, но это ничем не помогло. Когда он снова заговорил, он мог слышать лед в своем собственном голосе:

— Ты никогда не прекратишь этого, верно?

Глаза Драко сузились. Он начал подниматься, цепляясь руками за стену. Гарри поднялся тоже и встал одновременно с Драко, не желая, чтобы тот смотрел на него сверху вниз.

— А почему ты рассказал это мне? — спросил Гарри. — Ты хочешь, чтобы я тебя ненавидел?

— Я рассказал тебе, потому что это правда, и ты должен это знать, — ровным голосом ответил Драко.

— Это что-то новое в отношении тебя, — огрызнулся Гарри. — Я думал, что твое представление о том, как правильно преподносить такие вещи, было подождать, пока тебе не надо было взломать стену, а уж тогда — опа, вот она, правда! Давайте посмотрим, как Гарри слетит с катушек! Давайте расскажем ему всю правду о его мертвых родителях! Давайте ради шутки бросим его крестного отца в подземелье!

Глаза Драко сузились так, что напоминали щели.

— Поздравляю, — сказал он. — Ты в совершенстве овладел тонким искусством нытья. Ты хоть подумал, что это, может быть, вовсе не имеет к тебе отношения?

— Мы говорим о Сириусе! Бросить его в тюрьму, это не то же самое, что запереть все равно кого.

Он провел двенадцать лет в заключении, ты хоть...

— Я пытался спасти его жизнь! — заорал Драко во всю силу своих легких, разозленный до такой степени, что казалось, даже его волосы потрескивают от гнева. — Он бы погиб, если бы я не бросил его в тюрьму! И ты, черт возьми, тоже, если бы я не сделал с тобой того, что я сделал!

— Ага, потому что ты бы убил меня! — закричал в ответ Гарри. — Это порочная логика для тебя! Ты спас меня от себя самого! Поздравляю! Прицепите медаль этому парню — он герой. От чего ты спасал Сириуса? — он кричал теперь так громко, что его слова отражались от стен камеры, переплетаясь с эхом от голоса Драко. — Ты собирался переехать его и решил — нет, давайте вместо этого бросим его в тюрьму?

— Он явился сюда под чужой личиной, глупый ты зануда (twink + wonk — придурок + зануда — прим. пер.), — огрызнулся Драко, глаза которого стали цвета меди от ярости, как у кота. — Он прикинулся вампиром, но все темные создания, пришедшие в замок, должны пройти Испытание, и это Испытание смертельно для людей. Я должен был поместить его туда, где они не смогли бы его достать, не сейчас, по крайней мере. И он там в безопасности. И с меня хватит объяснять тебе, кто я такой, Поттер! Меня тошнит, и мне надоело то, что ты не веришь мне! Если ты думаешь, что я такой ужасно коварный, то что же ты не снимешь этот Амулет и не растопчешь его ко всем чертям в пыль! Я не стану тебя удерживать... в самом деле, я поддержу тебя, потому что я лучше умру, чем проведу хоть еще одну секунду, слушая твое нытье, ты, лицемерный, с крысиной мордой, четырехглазый маленький ублюдок!

Драко запнулся, хватая воздух, как будто он только что бежал. Его глаза стали почти черными от злости, руки сжались в кулаки.

Гарри пораженно смотрел на него. Обычно Драко выражал раздражение через холодное кипение. Гарри никогда не видел его так откровенно разгневанным. Это было в некотором роде потрясением, и каким-то образом оно развеяло его собственный гнев. Гарри почувствовал, как его злость вытекает из него, будто кто-то выдернул затычку из бассейна, наполненного кипящей, ядовитой водой. Он поднял голову и посмотрел Драко прямо в глаза.

— Ты не мог бы повторить это? — спросил он.

Драко только моргал в ответ — гнев мешал ему понимать что-либо. Наконец, он выдавил из себя, чуть ли не шепотом:

— Чего?

— Это была весьма яркая речь, — сказал Гарри. — Я бы хотел услышать ее еще раз.

Кулаки Драко медленно разжались. Голос его все еще прерывался.

— Какую... часть?

— Я думаю, я был особенно равнодушен к той части, где у меня крысиное лицо, — почти искренне ответил Гарри.

Драко медленно покачал головой.

— Все-таки, ты псих, Поттер.

«...Я тоже извиняюсь».

«...Что? — Драко широко открыл глаза. Тусклый голубой свет высек желтые искры из его глаз. — За что?»

«...За многое, но главным образом за то, что я никогда не говорил тебе, что мне жаль, что твой отец умер».

Лицо Драко отразило потрясение, затем подозрение.

«...Я полагал, это от того, что тебе не было жаль. Знаешь, это небольшая потеря для генного пула и всякого такого. Он не был самым приятным парнем. И он замышлял убить тебя. Тебя можно простить за то, что ты не чувствовал...»

«...Я последний человек, который пожелал бы кому-нибудь потерять своих родителей», — отозвался Гарри.

На какое-то время эти слова просто повисли здесь, такие тяжелые, что Гарри почти что мог представить свои слова нарисованными в воздухе между ними. Драко выглядел так, будто он подыскивал слова, чего Гарри прежде и вообразить не мог. Наконец, он расправил плечи и прямо взглянул на Гарри.

«...Твои родители, Поттер... то, что я говорил...»

«...Забудь об этом».

«...Забывать об этом?»

Теперь была очередь Гарри глубоко вздохнуть.

«...Я полагаю, ты не можешь, не так ли? Потому что я знаю, что я никогда не смогу. Я не прощу тебе этого».

Какое то время лицо Драко было белым от шока. Он никак не ожидал, что Гарри скажет такое. Потрясение ушло, сменившись чем-то худшим. Выражение несчастья на его лице было поразительным. Гарри почувствовал, как оно пронзило его, будто он сам испытывал это.

«...Хорошо, — даже внутренний голос Драко звучал сдавленно и жалко. — Я полагаю, что это твое право».

Он отвел глаза в сторону. Гарри смотрел на него и неожиданно почувствовал раскаяние. Больше чем раскаяние. Как если бы он больно ударил Рона или Гермиону, или кого-нибудь еще, кто был близок к нему настолько, что их боль становилась, в некотором смысле, его собственной ответственностью.

«...Малфой, погоди».

Глаза Драко слегка расширились, и он замер.

«...Что?»

«...Я не должен был говорить это. Я могу простить тебя. Я могу пересилить себя».

Драко только посмотрел на него в ответ.

«...Гермиона. Я сегодня говорил с ней об этом».

«...И что? Теперь она тоже ненавидит меня?»

«...Нет. Совсем нет. Она смотрит на вещи не так, как мы, Малфой. Она видит мир не таким, каким его видим ты и я. В ее мире мы лучше, чем мы есть, мы заботимся больше, мы относимся друг к другу с состраданием. Одна из причин, почему я люблю ее — то, что она всегда показывает мне мою лучшую сторону. И ты тоже. Она верит в тебя. Я не собираюсь отнять у нее возможность увидеть, что ты живешь согласно ее ожиданиям. И я не стану отрицать, что она, быть может, права. Обычно так и есть. Поэтому я сделаю так — я хочу сказать, я уже... Прощаю тебя».

Очень легкая улыбка появилась в уголках губ Драко. Что-то в его выражении напомнило Гарри маленького мальчика в магазине одежды мадам Малкин — бледного, невысокого, как-то потерявшегося в своих черных одеждах, который смотрел на него с превосходством и растягивал слова, как ни один одиннадцатилетний мальчишка, которых Гарри встречал до этого. Первый ученик из Хогвартса, которого увидел Гарри. И это был первый и почти последний раз, когда Драко улыбнулся ему.

«...Это, — и даже внутренний голос Драко, подумалось Гарри, слегка растягивает слова, — была чертовски хорошая речь, Поттер».

«...Да уж, — кривая ухмылка коснулась уголков губ Гарри. — Я долго практиковался».

Он на секунду опустил глаза, увидел Эпициклический Амулет, мерцающий на шее, и, в неожиданном порыве, протянул руку, чувствуя себя немного глупо, что поступает так.

«...Стало быть, все нормально».

«...Не знаю, — Драко посмотрел на его руку и поднял брови. — Ты все еще думаешь, что я ударил тебя в спину?»

«...Возможно, — отозвался Гарри. — Но я решил, учитывая все, что мы пережили, что этот случай мы проехали. Однако, в следующий раз... В следующий раз я снесу тебе голову».

Долгое мгновение Драко просто стоял, глядя на протянутую руку Гарри. В его серых глазах ничего нельзя было прочесть. Гарри снова вспомнился одиннадцатилетний Драко, протягивающий ему руку в купе поезда. И Гарри не принял ее. Теперь он протягивал свою руку и ждал, чтобы Драко принял ее, думая, что это было бы абсолютно справедливо, если Драко отвергнет ее.

Наконец, улыбка вспыхнула на лице Драко, одна из его редких, настоящих улыбок, которые были подобны музыке или солнечному рассвету, и которые напоминали Гарри, что, возможно именно за это он так нравился Гермионе. Драко протянул руку и взял руку Гарри в свою — своей левой рукой Гаррину правую. Шрамы на их ладонях соприкоснулись, и Гарри почувствовал, как всплеск холода пронизал его руку.

«...Мне, в самом деле, жаль, как случилось с твоим отцом. Это несправедливо».

Глаза Драко слегка затуманились, будто он смотрел на что-то у Гарри за спиной.

«...Это, правда, — сказал он, — но подумай, насколько хуже было бы, если бы жизнь была справедливой, и все то ужасное, что случилось с нами, произошло бы оттого, что мы действительно этого заслуживаем. Я, например, нахожу большое утешение в абсолютно беспристрастной жестокости вселенной».

«...Ух, ты. Это, в самом деле, унылый взгляд на мир, Малфой».

«...Благодарю. Итак, ты веришь мне?»

«...Я верю тебе».

— Как ты думаешь, мы умрем? — с любопытством спросил Рон.

Гермиона подняла лицо от своих рук и тупо посмотрела на него. Как и она, он сидел на полу, спиной к стене. Это, наверное, потому, что в камере, где их заперли, не было ни стульев, ни даже скамьи, чтобы сесть. Это было каменное помещение без окон, и даже солому не насыпали на пол. Стены были сырыми и холодными на ощупь. Она уже начала желать, чтобы на ней снова были ее джинсы, так как подол и рукава ее синей мантии вывозились в пыли и сырости, и страж проделал рваную дыру в рукаве, когда он бросил ее в камеру. Рону пришлось хуже — один из стражей ударил его, когда он воспротивился, чтобы у него отобрали плащ-невидимку, и на его щеке бросался в глаза синяк, быстро наливающийся лиловым.

— Я не знаю, — мягко ответила она и посмотрела вниз. Им повезло, что ни один из стражей не попытался отобрать у нее Ликант, вероятно предположив, что это какое-то украшение. Однако, ни одно из заклятий, которые она пробовала произнести внутри камеры, похоже, вообще не работало. Должно быть, решила она, камера тщательно ограждена.

— Я бы предположила, что они собираются доложить о нас Слитерину, и он, вероятно... придет за нами.

Рон смотрел в сторону.

— Мы потеряли плащ Гарри, — сказал он немного погодя.

— Я знаю.

— Он принадлежал его отцу.

— Я знаю это. Не переживай, Рон.

— Он будет...

— Волноваться о том, где мы, а не беспокоиться о своем дурацком плаще. О, Господи, — произнесла Гермиона с отчаянием.

Она не могла перенести мысли о том, как будет встревожен Гарри. Не могла избавиться от воспоминаний о выражении его лица, когда она и Рон оставили его в камере — бледным от волнения, пытающимся улыбнуться не потому, что ему так хотелось, а ради нее. Она отвернулась от Рона и в отчаянии принялась ковырять расшатавшийся кирпич концом Ликанта.

Какое-то время Рон молчал. Затем она скорее почувствовала, чем услышала, как он встал и подошел, чтобы сесть рядом с ней. Уголкем глаза она могла видеть рыжие волосы, потертую ткань джинсов у него на коленях, его загорелую, в веснушках руку, лежащую на колене.

— Ты ведь не пытаешься проделать туннель к свободе, а? — спросил он спустя какое-то время.

— Нет. Не пытаюсь.

— Это хорошо. Потому что, как я думаю, ты просто-напросто прокапываешь дырку в соседнюю камеру.

Гермиона прекратила ковырять стену и отвернулась, откинувшись спиной на камни. Взглянув на лицо Рона, она немного смягчилась.

— Мы уже были раньше в ситуациях, когда мы думали, что мы погибнем, ведь так? — мягко сказала она. — И с нами все в порядке.

— Ага, — сдержанно согласился Рон. — Только обычно с нами был Гарри.

Он помолчал, глядя на стену.

— Гермиона?

— Угу?

— Раз уж мы все равно умрем...

— Не будь пессимистом, — укорила она, снова принимаясь ковырять стену.

— Ну, ты же допускаешь, что это выглядит плохо.

— Я ничего не допускаю.

— Да уж, ты этого никогда не делаешь.

— Я не собираюсь сейчас ссориться с тобой из-за пустяков.

— Послушай, я просто говорю, что раз уж мы все равно умрем...

— Не говори так!

— Я всегда думал, что успею заняться сексом прежде, чем умру, — задумчиво добавил он.

Гермиона выронила Ликант.

— Рон! Это уже слишком!

Она наклонилась, чтобы поднять Ликант, и нечаянно накололась большим пальцем на одну из ножек буквы «Х».

— Ой!

— Ты в порядке?

— Все нормально, — она сунула порезанный палец в рот, и какое-то время мрачно посасывала его.

— Хорошо.

— Но не благодаря тебе, — по-детски дурачась, добавила она.

Рон пропустил это мимо ушей.

— Будь что будет, раз уж нам, очевидно, суждено умереть, то я думаю, я должен кое-что сказать тебе.

Она в замешательстве смотрела на его неожиданно серьезное лицо.

— К чему ты клонишь? — затем что-то дошло до нее, и она подалась ближе к нему, с тревогой вглядываясь в его лицо. — Рон. Ты в порядке? Если что-то... ты не болен, не умираешь, не...

Он прервал ее, невесело рассмеявшись.

— Нет. Это не то.

Он потянулся и взял ее руки в свои, немного неуклюже сомкнув пальцы. Она смотрела на него в крайнем замешательстве, потрясенная его бледностью и решительным видом, затуманившимся, беспокойным взглядом его голубых глаз.

— Я надеюсь, ты не станешь ненавидеть меня за это, — начал он очень тихим и настойчивым голосом, — потому что я не знаю, что бы я сделал, если бы ты меня ненавидела, но я должен сказать тебе, что...

— Чш-ш!

Гермиона резко повернула голову.

— Ты слышал?

— Ничего я не слышал, — строптиво откликнулся Рон.

Звук повторился:

— Чш-ш! Гермиона! Рон!

Гермиона выдернула руку из руки Рона и крутанулась на месте, прислушиваясь к источнику звука.

— Кто здесь? — прошептала она, широко раскрыв глаза.

Теперь и Рон выпучил глаза.

— Похоже на голос Сириуса, — прошептал он.

— Это я и есть, — снова раздался голос, и в этот раз Гермиона смогла определить, откуда раздавался голос — из стены. — Я думаю, что тебе удалось расшатать один из кирпичей, ковыряя его, так что я вытащил его из стены. Тебе видно меня?

Вместе с Роном, Гермиона вглядывалась в стену, пока не нашла черное отверстие, проделанное Сириусом. Она подползла к нему, нагнулась посмотреть и встретила с горящими темными глазами Сириуса, смотрящими с другой стороны.

— Сириус! — ахнула она, испытав одновременно облегчение и ужас. — Что ты здесь делаешь?

— Собственно говоря, — ответил он, и в его голосе прозвучала нотка изумления, — я рисовал. Что касается того, как я сюда попал, то это довольно долгая история, и я не уверен, что вы мне поверите, расскажи я ее вам. Вопрос в другом. С вами все в порядке? Вы никак не пострадали?

— Я в порядке, — ответила она, чувствуя огромный комок в горле. — Я в порядке, ничуть

не пострадала...

— А Рон?

Гермиона откинулась назад, и Рон занял ее место у стены. Он выглядел таким же успокоившимся и потрясенным, как и она.

— Сириус! — воскликнул он. — Со мной тоже все хорошо, но что случилось с тобой? Сколько времени ты уже здесь?

— Несколько часов, — коротко ответил Сириус, и в тоне его голоса слышалось «Я-не-хочу-об-этом-говорить». — Я слушал некоторое время, как вы двое разговариваете, пока не сообразил, что это вы. И никто из нас не умрет. Понятно?

— Понятно, — ответил Рон, через силу улыбнувшись.

— И не беспокойся о плаще Гарри. Мы его вернем.

Рон кивнул:

— Ладно.

— Ах да, Рон?

— Чего?

— Не переживай, что у тебя еще не было этих дел с сексом, — успокоил великодушно Сириус. — Тебе только семнадцать. Хорошее приходит к тому, кто умеет ждать.

Они сидели друг против друга за маленьким круглым столом — Джинни по одну сторону, Бенджамин Гриффиндор по другую. Он уже оделся и продолжал смотреть на нее так же, как смотрел в момент ее появления — будто увидел призрака. Меч Гриффиндора по-прежнему был прислонен к столу; каждый раз, когда она смотрела на него, она думала о Гарри и остальных там, в будущем, где она их оставила. Здесь было так тихо и так мирно, все эти красивые разноцветные шатры на зеленой траве и замок, возвышавшийся над изгородью из ежевики, выглядели так мило и безобидно, будто картинка из книги по истории.

— Итак, позволь мне внести ясность, — сказал Бен, все еще глядя на нее широко раскрытыми глазами. Было немного странно видеть такие темные глаза на лице, так похожем на лицо Гарри. — Ты хочешь попросить взаймы армию?

Джинни вздохнула и сплела пальцы вместе под подбородком.

— Видишь ли, — начала она, пытаясь найти слова для объяснения. — У нас нет средств, чтобы противостоять Слитерину в будущем. У нас нет армий, как у тебя, и Министерство даже не верит, что он вернулся, главным образом потому, что они не хотят поверить.

Бен в недоумении посмотрел на нее:

— Министерство? Это вроде Совета Волшебников?

— Вероятно. Погоди-ка, посмотрим, смогу ли я вспомнить мою историю. Совет был упразднен в 1612 году, потому что...

— Нет. Не рассказывай мне слишком много о будущем. Я не хочу этого знать, — он вздохнул и покачал головой. — Должен сказать, я даже и не думал, что снова увижу тебя. Я ведь, в самом деле, помню тебя, хотя мне тогда было только двенадцать.

— Что ж, я тоже помню тебя, — улыбнулась Джинни, — но это оттого, что для меня это было вчера.

Бен кивнул.

— Ровена говорила, что она сообщила тебе сведения, которые были нужны тебе, чтобы победить... его — в твоём времени.

Джинни покачала головой.

— Этого было недостаточно. Я не знаю, поняла ли она, что в будущем магическое сообщество просто не будет готово иметь дело с такой угрозой, как эта. Он собрал на свою сторону все Темные создания — оборотней и троллей, и дементоров — их слишком много.

Он поднял брови.

— Откуда ты узнала так много об оружии Слитерина и о силах, которыми он командует?

— От моих друзей. Это сложно... но... — Джинни оборвала фразу. — Бен, а где Наследники? — внезапно спросила она.

Бен, по-видимому, был захвачен врасплох.

— Кто?

— Остальные Наследники. Помимо тебя.

— Ну, — Бен принялся загибать пальцы. — Дочери Ровены Мадлен исполнилось одиннадцать, она как раз поступила в Хогвартс. Эмили и остальные из Хельгиного выводка сейчас в Ирландии. А я здесь, присматриваю за порядком. Всего несколько месяцев в году, но ведь кто-то должен...

— А Наследник Слитерина?

— Гарет? — Бен отвел глаза. — Он не очень близок к нам.

— Ты знаешь его? Вы враги? — требовательно спросила Джинни, неожиданно зачарованная возможностью увидеть странное эхо сложных и зачастую сбивающих с толку взаимоотношений Гарри и Драко.

— Почему? Это как-то связано с Наследником Слитерина в твоём времени? — Бен едва не опрокинул на неё стол, опершись подбородком на руку. — Какой он?

— Драко? Он... сложно сказать, — задумалась Джинни. — Его не просто понять. С ним нелегко дружить, хотя он верный, и он никогда не лжёт, хотя он и скрытен. О, Боже. Это трудно объяснить. И он потрясающе обходится с девушками, — добавила она, подумав, и скорчила рожу.

Бен приподнял свои тёмные брови.

— Он обошелся с тобой потрясающе?

— Не совсем, — сказала Джинни. — Но я работаю над этим.

Кашель Бена очень напоминал смех, который он старался замаскировать. В этот момент полотнище шатра открылось, и вошел домашний эльф, неся на подносе фрукты, хлеб и сыр. Неожиданно осознав, что она умирает от голода, Джинни набросилась на еду. Когда она снова подняла глаза, Бен так и продолжал смотреть на неё, и между бровями была видна слабая морщинка беспокойства.

— Я не понимаю, почему тебе нужна армия, — сказал он. — Я хочу сказать, конечно, солдаты, которые сражались на Войне, все еще здесь, и мы можем собрать армию прямо сейчас, если будет нужно, но что это даст тебе? Ведь мы здесь, в нашем времени.

— Я думала, что я могла бы перенести их, — ответила Джинни, глядя на Бена в упор. — Ключ Хельги, вот этот Хроноворот, очень могущественный. Если бы я могла одолжить у тебя армию, то я уверена, я смогла бы перенести их всех в мое время. Я не могу объяснить тебе, откуда я это я знаю, но я смогла бы.

Но Бен только качал головой, и сердце Джинни упало, когда она поняла, что он вовсе не заинтересован ее предложением, а потрясен.

— Джинни, нет...

— Я знаю, что я прибыла сюда почти на восемь лет позднее, чем рассчитывала, но я думаю, я знаю, что я сделала не так, я могу исправить это, сделать, чтобы это сработало теперь...

— Дело не в этом! — Бен вскочил и уперся руками в стол, наклонившись вперед. — Сущность времени — вот что беспокоит меня, — продолжил он, не глядя на неё. — Джинни, если ты переносишь людей в будущее, ты забираешь их из их собственного времени. Что, если они умрут там? И что, если в результате их смерти люди, которые должны были родиться, никогда не будут рождены? Хельга часто рассказывала о парадоксах времени. Именно это ты и сотворишь. Результатом может оказаться измененное будущее, будущее, в котором ты или твои друзья никогда не рождались.

Бен покачал головой. Его глаза были полны сожаления и печали.

— Мне так жаль, — сказал он, — что я не могу тебе помочь.

Они сидели плечом к плечу на полу камеры из адмантина, так же, как Гарри сидел раньше с Гермией и Роном. И к удивлению Гарри, присутствие Драко странным образом успокаивало точно так же. Он бы никогда не подумал, что близость к Драко Малфою может принести облегчение. Как все изменилось.

— Плачу Кнут за твои мысли, Поттер, — сказал Драко, который сидел, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками.

— Я хотел бы знать, все ли еще у тебя бывают эти неожиданные порывы убить меня, — отозвался Гарри. — Не то, чтобы я осуждал тебя за это, — он усмехнулся. — Но я мог бы послать тебя за бронжилетом с асбестовым покрытием, просто ради безопасности.

Драко наморщил лоб в недоумении.

— Чего?

— Ничего. Неудачная шутка. Но я серьезно спрашивал по поводу моего убийства.

Драко покачал головой.

— Нет.

— Нет? Это просто пропало?

— Ага, — Драко пожал плечами, явно не собираясь вдаваться в подробности. — С того момента, когда мы сразились с мантикорой. Я не знаю, почему. Просто еще один пункт в длинном списке вещей, которые не имеют никакого смысла.

Наступило молчание, в течение которого, похоже, оба мальчика погрузились в свои мысли. Наконец, Гарри вздохнул.

— Знаешь, я уже немного устал от всего этого «иди туда, стой здесь, жди, пока неминуемо не придет зло и не убьет тебя». Не то, чтобы я уже умер, но это просто вопрос времени. Я хочу делать что-нибудь.

— Перестань, Поттер. Где твое чувство тайн и приключений? Я имею в виду, что я уже умирал. Это было не так уж плохо.

Гарри безучастно смотрел, как Драко крутит меч в руках. Свет отражался на резной поверхности меча.

— Ты пытаешься меня подбодрить?

— Ни в коем случае. Даже не мечтай об этом.

— Хорошо. Потому что, когда ты делаешь это, у меня наступает депрессия.

— В таком случае, позволь мне напомнить, что Слитерин, вероятно, приготовил для тебя что-нибудь действительно ужасное. В смысле, он говорил, что он использует все средства, чтобы уничтожить род Гриффиндора. Думаю, что это означает, что он собирается пойти дальше, чем словесные оскорбления и неприятные фигуры речи.

Неожиданно Гарри выпрямился.

— К черту все это сидение здесь и ожидание. Давай делать что-то. Давай займемся чем-нибудь.

— Займемся чем? Человеческими жертвоприношениями?

Гарри поднялся на ноги и подошел к клинку Годрика, лежащему под столом. Он взял его в руку, как, всегда удивляясь, насколько хорошо подходит к форме его ладони выдержанный временем металл эфеса.

— Этим, — сказал он.

Драко приподнялся, насмешливо глядя на него.

— Ты хочешь сражаться?

— Я хочу практиковаться. Я два дня был прикован к стене. Я хочу физических упражнений.

Драко медленно встал.

— Ну что ж.

Драко взял свой меч и вышел на середину комнаты. Он повернулся лицом к Гарри и отдал салют. Гарри ответил тем же, повторив жест так точно, что это была почти насмешка, и поднял свой меч. Затем взмахнул им в воздухе, нанося Драко очень профессиональный ложный выпад, за которым последовал косой боковой удар, который рассек бы ему руку, если бы он не увернулся. Драко услышал, как ткань его рубашки с шорохом разошлась под лезвием, хотя меч не коснулся его кожи. Он в удивлении вскинул глаза на Гарри.

А Гарри улыбнулся.

...Я стал лучше. Верно?

Он действительно стал лучше. Конечно, этого не должно было быть. Драко мог только предположить, что это было результатом их усилившейся мысленной связи. Он почти забыл удовольствие от фехтования с равным себе. Мечи ударились друг о друга, мелькая, как спицы в колесе, испуская завесу из искр. Интересно, подумал он, что хотя Гарри воспринял знание боя на мечах напрямую от Драко, он, тем не менее, выработал свой собственный стиль. Он дрался так же,

как он играл в Квиддитч — инстинктивно и бесстрашно. Это считалось хорошими качествами, когда речь шла о Квиддитче, но меньше годилось для боя на мечах, где понимание смертельной опасности действий участника было неотъемлемой частью. Гарри к тому же атаковал напрямую, делая слишком много движений вперед. Драко, в свою очередь, сражался аккуратно и, обманывая, научившись предательским трюкам у своего отца, хотя сейчас он не пользовался ими. Не против Гарри.

Он сделал боковой выпад, скользнув мечом под защиту Гарри, и тут, как раз, когда Гарри сделал движение, чтобы блокировать удар и ответить, он взглянул поверх его плеча и увидел, что Салазар Слитерин стоит у входа в камеру и смотрит на них.

Драко остановился, как вкопанный. Он едва обратил внимание на серебряную вспышку в уголках его глаз, а затем голос Гарри будто взорвался у него в мозгу.

...Иисусе, Малфой, я чуть не убил тебя! Какого черта ты не блокировал...

...Оглянись.

Гарри медленно повернулся. Замер. И сделал шаг назад. Теперь они стояли плечом к плечу, глядя на Слитерина. Тот стоял, скрестив свои длинные руки, приложив белый палец к подбородку, и в его черных глазах ничего нельзя было прочесть.

Наконец, к Драко вернулся его голос, или, по меньшей мере, какой-то голос. Он звучал немного пискливее, чем ему хотелось бы.

— Ты следил за мной, — сказал он Слитерину.

— Нет, — возразил Повелитель Змей, опустив руки и отойдя от стены. — Я пришел сюда за Наследником Гриффиндора. Я не ожидал увидеть тебя.

Он перевел взгляд с Гарри на Драко и обратно.

— Признаться, я не знаю, что и подумать, — продолжал Слитерин, и его голос был тихим, и в нем слышалось шипение раскаленного металла, который окунули в жидкость. — Вот мой Наследник, который, судя по всему, пытается убить Наследника Гриффиндора. Замечательный поступок с его стороны, который следует приветствовать. И все же. И все же я спрашиваю себя. Почему он просто не пронзил нашего врага, когда тот был прикован к стене? Зачем отпускать его, и не просто отпускать, но и давать ему оружие? Это бессмысленно.

Драко ничего не ответил. Он стоял, крепко сжимая рукой рукоять меча. Он не двигался, потому что он не мог.

Вместо него заговорил Гарри. Гарри, который смотрел на Слитерина двумя горящими зелеными углями вместо глаз и говорил голосом, в котором звучала смерть.

— Я говорил ему, что единственной причиной того, что ты сумел убить Годрика, было то, что ты подкрался к нему и ударил в спину. Это написано в исторических книгах. Да, ты знаменит — знаменитый трус. И я спросил его, хочет ли он, чтобы род Слитерина был навечно ославлен за трусость.

Слитерин быстро отвел глаза от Гарри. Драко показалось, что он настолько сильно ненавидел Гарри, что Слитерину на самом деле было неприятно смотреть на него. Слитерин посмотрел на Драко.

— Итак, он искушал тебя, — сказал он. — А ты поддался.

Драко откашлялся.

— Я хотел честной схватки.

— Честная схватка. Такой не бывает, — покачал головой Слитерин. Но его глаза были веселыми. — Что ж, прекрасно. Головы получше твоей позволяли себе поддаться на такую насмешку. Полагаю, это хорошо характеризует тебя, раз ты хочешь защищать честь нашего Дома. Что ж. Продолжай.

Драко вытаращил глаза.

— Что?

— Ты слышал меня, — сказал Слитерин. — Продолжай, — он прислонился к стене. — Это даже забавно.

Драко продолжал смотреть на него.

— Делай, что я сказал, — велел Повелитель Змей.

Драко взглянул на Гарри. Тот поднял свой меч и пожал плечами. Он был бледен, но не от страха

или испуга. Выражение его лица было решительным и немного отстраненным. Так же выглядел призрак его отца, когда встретился с Драко в потустороннем мире. Гарри уверенно встретил взгляд глаз Драко.

«...Как долго мы сможем притворяться?»

Драко на автомате поднял руку и отсалютовал. Гарри повторил жест.

«...Притворяться? Ты имеешь в виду, пока сюда не придут остальные?»

Гарри провел ложный выпад.

«...Вот что я имею в виду».

Драко моментально ответил и выставил блок. Мечи столкнулись со звоном, выпустив облачко искр.

«...Я не могу поверить, что мы собираемся это сделать».

Тут он прервался, потому что меч Гарри снова направился к нему, на этот раз, рубя сверху. Меч Драко ожил в его руке и остановил удар. Два клинка образовывали в воздухе кресты случайной формы перед тем, как нанести укол и ускользнуть. За ними оставались тусклые следы мерцающего света — алого и зеленого.

Глаза Гарри встретились с его глазами поверх сверкающего металла.

«...Как ты и подразумевал, Малfoy».

«...Прекрасно».

Клинок Гарри подрезал снизу, и Драко отпрыгнул прочь, припав к земле, как его учил отец, и просочился своим клинком под защиту Гарри. Кончик меча слегка надрезал ткань рубашки Гарри прежде, чем отдернуться.

Гарри моргнул.

«...Может, не настолько, как ты подразумевал».

Драко коротко взглянул на него. Он почти улыбался, той легкой сосредоточенной улыбкой, которой он улыбался, играя в Квиддитч. Потные волосы пересекли его лоб, будто жилки темного света.

«...Я тебя порезал?»

«...Неважно, — едва заметное движение головой. — Режь меня, если ты должен».

Краем глаза Драко мог видеть Слитерина, наблюдающего за ними. Он улыбался.

Кончик меча Гарри прочертил огненную линию в воздухе, когда Гарри опустил его с такой силой, что воздух, казалось, распался под клинком. Рука Драко взметнулась, чтобы заблокировать его, и Гриффиндорский клинок встретился со Слитеринским в лязгающем поцелуе металла.

И тут случилось нечто неожиданное.

Клинок Драко, продолжая движение, выгнулся и закрутился в одно неясное пятно с оказавшимся перед ним мечом Гарри. Раздался скрежещущий звук ломающегося металла.

И тишина.

Потеряв равновесие, ожидая встретить сталью сталь и вместо этого брошенный вперед в пустоту, Драко запнулся и едва не столкнулся с Гарри. Рука Гарри поднялась, нашла его плечо, схватила и удержала его. Они стояли вместе, неподвижные, как статуи, глядя вниз на сломанный меч Гарри, отрубленный примерно в футе от эфеса, и заканчивающийся теперь зазубренным острием, напоминающим раскошенный зуб.

— Прекрасно, — сказал Слитерин, нарушив ошеломленное молчание шипением плохо скрываемого удовольствия. — Кто бы мог подумать, что клинок Годрика будет изготовлен из такой дешевки. Я говорил ему, что эти дешевые цыгане-жестянщики никуда не годятся, но разве он слушает? И вот, смотрите.

Его голос достиг высшей степени удовольствия, что резануло Драко по нервам, будто иглой провели по скрипичным струнам.

— Добей его, Драко, — добавил Повелитель Змей, повелительно взмахнув рукой.

Драко посмотрел на Гарри. Гарри посмотрел в ответ. Его волосы прилипли ко лбу потными вопросительными знаками. Он выглядел ничуть не обеспокоенным. В самом деле, он выглядел так, будто старался не рассмеяться.

«...Черт бы побрал эту дешевую цыганскую работу».

Драко почувствовал, как дрожат его руки. Адреналин все еще бурлил в нем взрывными

вспышками.

«...Ох, Поттер, заткнись».

«...Если бы только эта штука шла вместе с гарантией».

«...Я НЕ ШУЧУ. Заткнись».

— Он безоружен, — сказал Драко, повысив голос, чтобы Слитерин услышал его.

— Да, и разве это не облегчает задачу убить его? — заметил Слитерин. — Считаю это коротким путем.

— Это бесчестно, — коротко возразил Драко. — В этом был весь смысл боя.

— Он бился с тобой. Его оружие оказалось хуже. Это был честный бой. Бой окончен. Убей его.

Драко качнул головой.

— Найди ему другой меч.

— Нет такого меча, который устоит против живого клинка, — нетерпеливо отрезал Слитерин.

— Тогда мы можем устроить дуэль по-другому. Дай мне другой меч. Все равно, что ты должен сделать, чтобы это была честная схватка.

— Мы можем бороться, — предложил Гарри с невинным выражением лица.

Драко подавил желание пнуть его в лодыжку.

— Меня не учили использовать преимущество над безоружным противником...

— Тебя учили делать то, что ты должен! — заорал Слитерин, наконец потеряв свое терпение. — Ты хочешь, чтобы я думал, будто твой отец учил тебя оказывать милосердие твоим врагам? Род Малфоев не прожил бы тысячу лет на основе такой философии!

Лицо Драко исказилось.

— Я не стану этого делать, — сказал он, выпятив челюсть, и с непокорством в глазах. — Я не трус. Может быть, ты должен был убить Годрика исподтишка. Но я не такой, как ты.

— Ты, — ответил Слитерин, не сводя с Драко глаз, полных огня и ненависти. — Ты в точности такой же, как я, и твой долг — подчиняться мне и роду, который сделал тебя тем, что ты есть.

— Кто ты такой, чтобы считать, что ты знаешь, кто я? — возразил Драко голосом, острым как кристалл, и таким же прозрачным. В нем было презрение и ярость, и страх, и немного буйной радости мятежа.

— Ты бросаешь мне вызов? — глаза Слитерина резали Драко, как ножи. — Этого не может быть, — четко и слегка возбужденно сказал он. — Заклятия, положенные на тебя, такие, как они есть — безупречные. Я могу только заключить, что это порок в тебе.

«...Я твердил тебе это все годы».

Это голос Гарри прозвучал в его голове, довольный и бесстрастный, и ласковый, и на самом деле было неважно, что он говорил, просто, что он сказал что-то. Звук его голоса был, как благоразумие, как якорь к реальности. Драко взглянул на него и увидел, что Гарри бросил свой сломанный меч и смотрит на него, и глаза у него темные и блестят зеленым, а за плечом Гарри он мог видеть Слитерина, который наблюдал за ними обоими.

— Ты не знаешь, кто я, — повторил Драко, и в его голосе таилась угроза. — Даже я не знаю, кто я. Но я знаю, чем я не являюсь. Я не твой Наследник.

Видя, что Повелитель Змей, с лицом белым, как отбеленная кость, сделал шаг и другой в его направлении, Драко поднял свой меч и направил конец клинка в сторону Слитерина, заняв оборонительную стойку, как учил его отец, сконцентрировав свой вес и свои мысли на этом.

— Я не твой генерал. Я не вещь, принадлежащая тебе, — сказал он и почувствовал облегчение внутри, будто он, наконец, скинул груз.

Он почти не отдавал себе отчета, что Гарри смотрит на него, даже не осознавая того, что он говорит, он знал, что не сможет убить Слитерина, даже своим зачарованным мечом, но в этот момент он был счастлив, умереть, пытаясь. Он крепче сжал меч, а Слитерин сделал еще один шаг в его направлении, и еще один, и затем последний — вбок, и Драко понял в ослепительную и ужасную долю секунды, что Слитерин шел вовсе не к нему.

Он застыл, когда понял это — но было уже слишком поздно, потому что, сделав несколько быстрых шагов вперед, Слитерин крепко схватил Гарри за локти и толкнул его изо всей силы, вперед и вниз, прямо на вытянутое лезвие меча Драко.

Меч прошел прямо сквозь тело Гарри, тихо и стремительно, как молния проходит сквозь облако.

Он не встретил никакого сопротивления, как будто тело Гарри не было наполнено ничем, кроме воздуха — будто не было ни костей, ни мускулов, ни бьющегося сердца. Драко увидел, как глаза Гарри широко распахнулись и взглянули прямо в его глаза, прежде чем Слитерин шагнул назад и освободил тело Гарри от клинка, который пронзил его.

Драко стоял на том же месте, сжимая меч, и напротив него стоял Слитерин, по-прежнему обхватив руками Гарри, прижимая его к себе, как он мог бы держать что-то, что он любил. Затем он отпустил свою ношу и отступил назад, позволив телу Гарри упасть, и выражение его лица показывало, что он считает это тоже победой, вполне неоспоримой.

Глава 14. Кровь Основателей

Сталь вошла в тело Гарри также быстро, легко и бесшумно, как луч солнца струится сквозь облако, — она не встретила на своем пути никакого сопротивления, словно тело Гарри состояло только из воздуха, и не было в нем ни единой кости, ни мышцы, ни бьющегося сердца. Драко увидел, как глаза Гарри широко распахнулись, он взглянул в них — и в этот миг Слитерин шагнул назад, стаскивая тело Гарри с пронзившего его клинка.

Драко прирос к земле, по-прежнему стискивая эфес меча, а лицом к нему, все еще держа Гарри за руки — крепко и близко, как кого-то горячо любимого, стоял Слитерин. Спустя мгновение он отступил и бросил свою ношу: лицо его осветилось радостью окончательной победы.

Гарри лежал на полу, будто спал, — на боку, вскинув руку, все еще в очках... У Драко мелькнула мысль, что ему, наверное, не очень удобно... надо бы присесть и устроить его поудобнее... Но он не мог шевельнуться. Окровавленный меч выпал из ослабевших пальцев и зацокал по алмазному полу — Драко этого не услышал, он стоял и смотрел на Гарри.

...Вот одиннадцатилетний Гарри на метле, тянет руку к напому, требуя вернуть его назад, его зеленые глаза до краев наполнены неприязнью и вызовом...

Слитерин обошел Гарри, шагнул к Драко, взял его за руку и, похоже, собрался что-то сказать...

Как громко он говорит...

Драко без всякого выражения взглянул на него — в том водовороте чувств, бурлящих внутри него, не было места для звуков и слов, он не слышал ничего из того, что произнес Слитерин — эти фразы не имели значения, они просто не существовали...

...Вот Гарри по ту сторону световой решетки, лицо его бледно и полно решимости... Полоснул раскрытую ладонь сверкнувшим серебром в темноте ножом, просунул окровавленную руку сквозь решетку...

Схватив за плечи и продолжая что-то говорить, Слитерин начал трясти Драко, и как достигают дна камни, так и слова пробили путь сквозь хаос и смятение в его голове:

— Только не говори, что ты никогда не мечтал о его смерти!..

...Вот полупрозрачный Гарри на краю карьера, сквозь него тускло поблескивают звезды: «Ты не причинишь мне зла...»

— Неблагодарный ребенок! — Слитерин опустил руки и отвернулся к Гарри, на его лице появилась сочащаяся ядом улыбка. — Куда бы он ни попал, — мотнул он головой в его сторону и снова взглянул на Драко, — помни, что именно твоя рука отправила его в это путешествие...

И оставив его, он развернулся и вышел сквозь темный проход в стене.

Наконец-то Драко смог двинуться — не столько потому, что приложил к этому какие-то усилия, сколько потому, что у него просто подогнулись ноги; он бухнулся на колени рядом с Гарри и повернул к себе его лицо. Руки были забрызганы кровью, и от этих прикосновений на лице Гарри оставались кровавые следы.

— Гарри... — машинально позвал он. В глубине его души и нарастала уверенность, что Гарри уже мертв, но он всеми силами сопротивлялся ей — нет, это невозможно, будь Гарри мертв, он бы это почувствовал, ведь тогда часть Гарри, поселившаяся в нем после Многосущного Зелья, зашипела бы и погасла; после всех этих месяцев жизни со смутным ощущением сосуществования двух людей в одной оболочке, исчезни сейчас один из них, — Драко бы почувствовал физическую боль, словно во время ампутации... Но все, что он сейчас ощущал, — это какое-то все нарастающее и нарастающее онемение.

Только не говори, что ты никогда не мечтал о его смерти.

...Квиддитчное поле, пятый год — он стоит и смотрит, как встают трибуны, приветствуя приземляющегося Гарри, как он улыбается ликующим Рону и Гермионе, как в его вскинутой руке сияет в солнечных лучах снитч... Драко вспомнил слова Декса Флинта: «Ты превосходный Ловец, Малфой, оправдывающий все наши надежды, однако Гарри Поттер всегда будет чуть лучше тебя», — как он возненавидел тогда Гарри, какое отвращение к нему почувствовал... наверное, тогда он пожелал ему смерти... из-за такого пустяка, из-за такой ерунды, как этот дурацкий Квиддитч...

Холод растекался у него внутри, он подавил приступ тошноты.

...Замок Слитерина... Гермиона по траве летит к Гарри, кидается ему на шею, хотя ее спас именно Драко, а Гарри не сделал ровным счетом ничего, он просто сидел и ждал ее там... Даже Любовного Зелья оказалось недостаточно... как всегда — недостаточно... как он ненавидел его тогда... Хотел ли он, желал ли он его смерти?..

Он не сумел удержать забулькавшие в горле слова:

— Гарри?..

И Гарри шевельнулся. Его веки дрогнули и приподнялись, глаза широко открылись и начали шарить вокруг, словно он только что пробудился от сна.

Драко судорожно схватил его за плечи. Глаза Гарри скользнули к нему — огромные, лучистые, словно сияющая в солнечных лучах далекая морская гладь

— Я ничего не чувствую... — на адмантиновом полу растекалась лужа крови, куда более алая, чем гриффиндорский лев.

...рубины на адмантиновой синеве...

— Он промазал?..

Драко снова ощутил в руке тяжесть навалившегося на клинок тела Гарри...

— Да, да, наверное, — торопливо ответил он.

Гарри прищурил глаза:

— Ты врешь... — его голос был удивительно спокоен. — Я почувствовал, как он проткнул мне грудь... — он закашлялся. — У тебя все руки в крови...

Драко перевел взгляд на свои руки, потом снова на Гарри, и словно вопль страдания пронзил его мозг. Ему почему-то показалось очень важным не тревожить и не волновать Гарри, ушедшего, видимо, уже в такие дали, где боль не могла его достать... словно, промолчав о серьезности его ранения, можно было все поправить. Он вспомнил серые туманные долины и голос Хельги, очень похожий на голос Джинни: «Прекрати его дразнить. Он — всего лишь ребенок, и он смертельно ранен...»

— Все в порядке, — заверил он Гарри; нашарив на горле бронзовую застежку, расстегнул плащ и, скомкав, подsunул ему под голову — тот ничего не сказал, не шевельнулся — казалось, он вообще не мог двинуть ничем, кроме глаз, — совершенно бледный, он обшаривал глазами комнату, разглядывал лицо Драко, словно никогда доселе их не видел.

— Лежи, лежи... — твердил Драко, отчаянно желая, как и в тот миг, когда он стоял лицом к лицу с родителями Гарри, чтобы сейчас кто-нибудь оказался рядом — Сириус, Гермиона — хоть кто-нибудь! У него были запасы слов на все случаи жизни — жесткие и умные, резкие и острые, как сталь, — но среди них не было слов, способных успокоить, утешить... И лгать, даже с самыми добрыми намерениями, он был не обучен. Что он должен был сказать — все в порядке, Поттер? Держись, Поттер?

Он не мог.

— Я умираю. Этот меч кого угодно убьет... — беспокойные глаза Гарри прекратили метаться и остановились на лице Драко. — Да, я должен умереть... но я совершенно не чувствую, что умираю... Мне просто холодно...

— Давай я дам тебе что-нибудь... плед...

Гарри накрыл ладонью руку Драко, чуть ниже Знака Мрака, черным солнцем сияющего на предплечье.

— Не надо. Останься, — он прикрыл глаза. — Со мной что-то происходит...

Да что же еще может случиться?! — ошеломленно подумал Драко.

Ему казалось, что это волнение и внимание могли предотвратить неизбежное, что пристальный взгляд мог отогнать от Гарри надвигающуюся смерть — но с каждой секундой пульс в сжимающей его запястье руке все слабел и слабел... что я почувствую, когда он исчезнет? — мелькнула смутная мысль. Драко хотелось вырваться из хватки Гарри, схватить его за плечи и трясти, трясти — словно бы тот просто пытался провалиться в сон, и его надо было разбудить, встряхнуть — встряхнуть в него жизнь. Но не можешь же ты трясти человека, которому только что проткнули сердце...

У него перехватило дыхание, ему не хватало воздуха, глаза болели, словно засыпанные песком, но отзвуки биения сердца в сжимавшей его руку руке были ровными и слабыми... и вдруг сердце Гарри застучало, как отбойный молоток — Драко едва не подскочил, глаза Гарри снова

распахнулись, он жадно схватил ртом воздух, пальцы судорожно сжались, ногти впились Драко в кожу... Кровь не отлила у него от лица, напротив, оно лихорадочно покраснело, глаза ожили — оно стало в точности таким же, как за секунду до того момента, как меч пронзил Гарри: снова взволнованное, румяное, живое... Тело сотрясла дрожь, Гарри восторженно вскрикнул, словно его что-то ужалило, и сел.

Драко схватил его за плечи, пытаясь удержать, чувствуя под пальцами тепло и сырость набухшей от крови рубашки, однако Гарри не нуждался ни в какой помощи: широко раскрыв глаза и чуть задышавшись, он распрямился, и теперь они смотрели друг на друга, ошеломленные невозможностью случившегося.

...Гарри не мог сесть... не мог! Это совершенно невозможно!.. По всем правилам он уже должен был умереть!..

Судя по его лицу, он и сам это понимал.

Гарри вытаращился на Драко:

— Он прошел сквозь меня... Он прошел прямо сквозь меня!..

Драко еще крепче схватил Гарри за рубашку, скользкая и тяжелая от крови материя облепила ему пальцы:

— Можешь дышать? Ты дышать можешь?

Гарри озадаченно прислушался к себе:

— Да, могу, все нормально... — он поднял глаза на Драко, и тот увидел, как призрачная пелена спала у него с глаз — он больше уже не любовался какими-то неведомыми и невидимыми далями. Лицо светилось живым и ярким цветом, словно он на морозце наигрался в Квиддитч, на нем уже не лежала печать невыносимой боли.

— Гарри, что происходит?

Гарри покачал головой, отпустил Драко и начал торопливо, почти разрывая петли, расстегивать рубашку, схватил за край футболку с рваной и залитой кровью дырой против сердца и задрал ее почти до подбородка.

Глаза его полыхнули неверием и недоумением, когда он взглянул на свое тело.

На груди поблескивал Эпициклический Амулет, как раз чуть выше длинного красного следа, свидетельствующего, что сталь ударила сюда с силой, достаточной, чтобы пройти навылет. Они смотрели на этот след в совершенном потрясении, а он бледнел у них на глазах, пока не стал просто красноватой полосой.

Гарри закрутил головой, пытаясь заглянуть себе за спину.

— Моя спина — посмотри, что у меня со спиной...

Майка на спине была в крови и разодрана и — больше ничего.

— Ничего... — слабым голосом произнес Драко. — Ни единой царапинки...

На лице Гарри появилось совершенно детское выражение недоумения и недоверия. Он опустил майку.

— Ничего не понимаю... — Гарри снова уставился на майку и прикоснулся пальцами к окровавленной дыре, потом встал и пошатнулся. Драко поднялся и поддержал его под руку, чего Гарри, охваченный изумлением и беспокойством, даже не заметил.

— Гарри, может, тебе не стоит...

— Да я в порядке, — фыркнул Гарри. — В порядке, ты же сам видишь, — он повернулся к Драко и уставился на него, словно впервые видел. — Что это было? Какая-то хитрость?

Драко взглянул на него с осторожным беспокойством:

— Ты что — ничего не помнишь?

— В том-то и проблема, что помню, — Гарри уставился куда-то за плечо Драко. Мгновение спустя он поднялся и, пройдя несколько шагов, присел рядом с окровавленным мечом Слитерина, все еще валяющимся там, где Драко бросил его. Гарри прикоснулся к лезвию и поднес пальцы к глазам, а потом обернулся к Драко:

— Я ведь чувствовал, как он вонзился мне в сердце, но почему же он меня не убил? Что бы все это могло значить?

Драко помотал головой, его не покидало чувство, что все происходящее — лишь какая-то шутка сознания, а на самом-то деле Гарри умер. Ведь когда разум не в силах справиться с потрясением, он

просто щелкает и отрубается... может, ему позволят занять опустевшую палату отца в Лечебнице Святого Мунго?..

— Я не знаю, — честно признался он, — ты ведь Мальчик-Который-Выжил... с тобой ведь это не впервые...

— Нет, тут что-то другое... — сияющие глаза Гарри были подернуты дымкой ошеломления. — Я почувствовал, как он прошел сквозь меня... словно белое пламя... — неожиданно он схватил меч и протянул его Драко. — Сделай это еще раз.

— Что? — обалдело переспросил Драко. — Что сделать?

— Я хочу знать, что произойдет, — теперь глаза Гарри горели решимостью.

— Что произойдет, если... — Драко осекся и уставился на Гарри. — Ты шутишь.

— Нет. Проткни меня снова.

— Нет, — отпрянул Драко и почувствовал, что отступать все равно некуда: позади стена, чему он, признаться, был даже несколько рад, потому что ноги его не очень слушались.

— Да ладно тебе, ведь он же меня не убил в тот раз...

— Нет. Ты ведь потерял много крови, наверное, ты сейчас не в ладах с головой... — Драко вспомнил встревоженный взгляд мадам Помфрей в школьном лазарете, куда он угодил после общения с Конкловом: ты чувствуешь усталость? Слабость? Черные мушки перед глазами не пляшут? Галлюцинаций нет? — Гарри, тебе надо сесть.

Грудь Гарри вздымалась, словно он бежал:

— Не хочу садиться, у меня такое чувство, будто я миль двадцать без остановки пробежал... Но я совсем не чувствую усталости, — он поднял голову и немного пьяно и ошалело взглянул на Драко. — Меня ничто не может ранить...

— Ты ведь не знаешь этого, — Драко тихонько потянул меч из рук Гарри, и он упал на пол между ними.

— Слушай, но ведь в первый-то раз он меня не убил!..

— И поэтому ты озабочен тем, чтобы это повторить?

— Я хочу знать, — заупрямился Гарри, — что со мной не так. Я ведь должен был умереть, эта штука должна была меня убить! Почему-то этого не произошло. Хочу знать, что будет, если повторить это опять.

— Ты уже разок на это посмотрел, — напомнил Драко. — Сожалею, если пропустил самое интересное, однако для меня на сегодня достаточно. Никаких повторов.

Гарри упрямо взглянул на него. Вид у него был диковинный: рубашка еще не просохла, по правой руке медленно стекала кровь, лицо сияло жизнью, глаза горели... гм... слишком ярко, словно бы его лихорадило — в общем, вместо тихого и рассудительного Гарри перед Драко стоял кто-то, страстно желающий немедленной смерти. В голове опустело — все мысли куда-то бесследно исчезли.

...Ты сам-то соображаешь, о чем меня просишь? — Драко взглянул на реакцию Гарри. Тот замер, и было невозможно понять, что за этим последует, какие чувства в нем борются — разочарование и гнев, ярость и слезы...

— Мне нужно знать, — резким раздраженным голосом повторил Гарри, — могу ли я умереть.

— Я могу дать тебе ответ, — раздался шелковисто-стальной голос из угла комнаты. — И этот ответ «да».

Драко резко повернулся и почувствовал, что стоит с раскрытым ртом: у дальней стены колыхалось шесть высоких фигур в подпоясанных мантиях — у этих существ были головы, руки-ноги, но это были не люди... серая чешуйчатая морщинистая кожа... красные вращающиеся глаза... шишковатые головы... Впереди остальных стоял тот, что повыше, в его протянутой руке мигало изумрудное пламя. Наверное, он улыбался — было трудно понять выражение его лица... и говорил, видимо, тоже он... словно подтверждая их подозрения, существо снова открыло рот, в голосе теперь звучала только сталь:

— Ты можешь умереть, Гарри Поттер. И если твой друг тебя снова ранит, так и случится.

— Мне очень жаль, — повторил Бен, но Джинни едва слышала его, она закрыла лицо руками, зажмурилась и молча таращилась в мгновенно окружившую ее бесконечную тьму.

Как я могла быть такой душой?!

— Я мог быть что-нибудь тебе дать, что ты могла бы захватить назад с собой... — в его голосе звучали беспокойство и жалость. — Оружие?..

— Оружие бесполезно для того, кто не умеет им пользоваться, — Джинни убрала руки от лица. — Не обращай внимания, ты не виноват... — она глубоко вздохнула, и лицо Бена наконец-то приобрело четкие очертания, однако она совершенно не могла понять, о чем он думает — впрочем, и не удивительно, она же совсем его не знала... Это странное сходство с Гарри вселяло в нее призрачную, обманчивую надежду, что он, как и Гарри, решит за нее все проблемы... Захлебнувшись отчаянием и горем, она поднялась на ноги:

— Ты ничем не можешь помочь. Мне нужно вернуться.

Бен поймал ее руку:

— Подожди. Не говори, что я ничего не могу сделать — это звучит, словно ты обрекла себя на проигрыш в этой битве...

— Это не твоя битва, — разочарование выбивало у нее в голове барабанную дробь.

— Это как сказать — ведь Слитерин убил моего отца... — Бен говорил так тихо, что Джинни подняла на него взгляд. Сейчас он был похож на говорящего о своих родителях Гарри. — Потому-то я и здесь... Жду... Перед замком...

— Я знаю... Мне очень жаль... А... твоя мать?

— Я был так мал, когда она умерла, что знаю о ней только по рассказам людей. Это было как раз перед началом войны — Слитерин обрел свою мощь, в волшебном мире царил хаос — он набирал на службу гигантов, драконов, истреблял целые армии, они исчезали...

...Исчезали...

Джинни опустилась на стул так резко, что опрокинула его. В голове у нее звучали слова Флёр...

— Бен, — хрипло позвала она.

Она вцепилась край стола так сильно, что у нее заломило пальцы.

— Флёр... Флёр — моя подруга... как-то сказала мне, что по воле Слитерина армии буквально растворялись в воздухе. Это правда? Это было только однажды или нет?

Бен задумался и, когда заговорил, было видно, что он тщательно подбирает слова:

— Да, это было только один раз, мне тогда как раз исполнилось десять. Армия была послана Рэйвенкло — две с половиной сотни людей, боевых животных и зверей... Они не добрались до места своей дислокации.

— Бен, — повторила Джинни, — а что, если они не добрались не потому, что Слитерин уничтожил их, а потому что мы перебросили их в будущее?

Бен ошеломленно замер, открыв рот — Джинни гордо подумала, что ей удалось-таки его поразить.

— Но... мы не можем... это изменит ход истории...

— Не изменит, ведь это уже случилось.

В наступившей тишине они сидели и в упор смотрели друг на друга через стол. Встрепанные и торчащие в разные стороны черной короной волосы — видимое воплощение охватившего Бена удивления — делали его еще больше похожим на Гарри.

— Тебе сейчас сколько лет? — неожиданно спросила она.

— А ведь это может сработать... — ошеломленно пробормотал Бен. — Эта идея совершенно сумасшедшая. И совершенно блестящая... Мне двадцать два.

— Ой, какой старый... — брякнула она, не подумав.

— Старый для кого? — Бен насмешливо приподнял бровь.

— Да так, я тут просто подумала... — сбивчиво начала оправдываться Джинни. — Понимаешь, я действительно промазала на несколько лет, когда возвращалась сюда. Ну, лет на десять, не меньше. Поэтому нам надо быть очень аккуратными, когда мы будем перекидывать армию.

— Когда, говоришь? — улыбнулся Бен. — Ты уверена, да?

— Должна бы, — вздохнула Джинни. — Но на самом деле я только на это надеюсь. И если я не буду достаточно точна с Хроноворотом, это не получится никогда.

— Ну, точность Хроноворота — не такая уж и недостижимая вещь, если у тебя под рукой есть необходимые инструменты. Все, что тебе нужно будет сделать, — выделить изменения

синхронизации между темпоральными инфраструктурами.

Теперь настал черед Джинни остолбенеть:

— Откуда ты столько знаешь о путешествиях во времени? — еле слышно спросила она.

— От Хельги, — он подпер рукой подбородок. Они с Ровеной вырастили меня, помогли встать на ноги — моя-то мать умерла, когда я был совсем маленьким. А у Хельги никогда не было сыновей, одни дочери, поэтому она меня считала немножечко своим... Слушай, я мог бы тебе кое-что показать...

Он поднялся и вышел в соседнюю комнату, принес с собой оттуда кипу книг. Она с удивлением смотрела, как, усевшись поудобнее, он потянулся и раскрыл верхнюю, в темном золотом переплете с золотыми буквами на корешке, — такую огромную, каких Джинни никогда не видела, ну, разве что в Секции Древних Книг, да и там мощные Заклинания Безопасности не давали студентам к ним прикоснуться.

— Ты ведь знаешь о прорицании? — поинтересовался он.

— Я знаю, что согласно прорицанию Слитерин со своим Наследником ввергнут весь волшебный мир в хаос... — неохотно ответила Джинни.

— Так и есть, кивнул Бен. — Но существует еще одно: Наследник Гриффиндора повергнет его, а Наследник Слитерина ему поможет.

— То есть они противоречат друг другу?

Бен кивнул:

— Обычно это говорит о том, что существует некая поворотная точка, от которой события могут развиваться по-другому... И в результате какое-то из этих прорицаний будет соответствовать вашей действительности. Произошел этот поворот, нет ли — неизвестно.

— А может, Наследник Гриффиндора, упоминаемый здесь, вовсе не Гарри. Может, это ты.

Бен застыл, словно это не приходило ему в голову.

— Когда мой отец умирал, — медленно произнес он, — он проклял своего убийцу. Предсмертное проклятье на тех, в чьих жилах течет кровь Слитерина, и они часто сбываются... — Бен покачал головой, его лицо снова стало отрешенным, закрытым — словно на лице Гарри появилось выражение Драко. — Я не знаю... Вряд ли кто-нибудь с уверенностью скажет, что это могли быть за слова...

Пожалуй, лучше сменить тему, — подумала Джинни. За все эти годы она уже не в первый раз убеждалась, что Наследники дома Гриффиндора всегда пытались уклониться от рассказов о том, как Наследники дома Слитерина убили их родителей.

— Так ты покажешь мне, как можно усовершенствовать Хроноворот?..

— Так-так, — уставился он в стол, — этот подход явно не лучший и совершенно полоумный...

У Джинни опять упало сердце; весь план, рождавшийся у нее в голове с момента, как Бен впервые упомянул, что нужно провести настройку Хроноворота, рассыпался в пыль, но в этот момент он поднял руку и с силой щелкнул пальцами. Раздался шорох крыльев, и небольшая рогатая сова с тихим уханьем опустилась на насест у двери. Он отцепил пергамент с ее лапы и, развернул его, выбрал на столе перо и набросал несколько коротких строк, потом опять скатал его в трубочку, закрепил на лапе, и дал сигнал к полету еще одним щелчком.

Сова взлетела, Бен задумчиво провожал ее взглядом.

Джинни кашлянула:

— Что ты делаешь?

— Ну, ты же не думала, что я отправлюсь с тобой на дюжину лет в прошлое и не оставлю даже записки, правда?

Джинни почувствовала, что не может сдержать широкую счастливую улыбку.

— Те самые волшебные карандаши из Зонко? Которыми вы нарисовали Карту Мародеров? — прозвучавшая в голосе Рона пронзительная печаль едва не заставила Сириуса улыбнуться. — Поверить не могу.

— Вот, взгляни, если хочешь.

Он протолкнул коробочку сквозь отверстие в стене, ее ухватила узкая рука Гермiony, в тот миг,

когда он уже убирал свою руку, свет упал на браслет, и Заклятье Вивикус потускнело. Его буквально подбросило, вскочив на ноги, он схватился за браслет — точно: это не было игрой света, Заклятье мерцало, он был в этом уверен. Сириус почувствовал, что сердце бьется где-то в горле, но вдруг свет камня стал ярче, сильнее, теперь он сиял, как маленькое солнце.

Гарри.

— Сириус, — вернул его на землю приглушенный голос Гермионы, — это ты рисовал карту?

— Нет, — рассеянно ответил Сириус. — Рем, а помогал ему Питер. Они были куда лучшими чертежниками, чем мы с Джеймсом.

— А ты случайно не знаешь, как им удалось... ее оживить?

Сириус наконец отпустил свое запястье и уставился на стену, из-за которой доносился голос Гермионы. В подсознании у него беспокойно завожилась какая-то мысль.

— Ну, они использовали краденный план школьных этажей — взяли и обвели его карандашами. Знаете, теперь ведь Зонко таких уже не делает... Они задумывались для простого оживления рисунков, однако получалось даже лучше, чем нужно...

— Лучше, чем нужно? — удивленно переспросил Рон.

— Ну, да — они оживляют вещи, но каким-то странным образом... Например, ты мог бы нарисовать плошку с кашей... и даже съесть ее, если как следует сосредоточился бы, но в результате получил бы жуткое несварение желудка. Эх, я мог бы поведать тебе историю про Джеймса и пшеничную коврижку... но не хочу. Ну, или оживить нарисованную метлу, попробовать на ней полетать — но она так и норовила утратить всю свою силу посреди чистого неба. Случались ужасно неприятные аварии... А что? — добавил он, но раньше, чем слово сорвалось с его губ, раздался какой-то полустон-полускрип, и часть стены, разделяющей их камеры, исчезла, вернее, даже не исчезла, а со скрипом распахнулась, превратившись, как запоздало сообразил Сириус, в дверь. Теперь перед ним стоял Рон, за его плечом — Гермиона с удивленным выражением на лице с карандашами в руке.

— Мне и в голову не приходило, что получится, — пробормотала она.

— Так ты нарисовала дверь?... — Сириус удивленно покачал головой, хотя уже давно смирился с тем, что Гермиона куда умнее, чем кто-либо.

— Она немного кривовата, — придирчиво заметил Рон, переходя в камеру Сириуса. —

Гермиона оскорбилась. — Впрочем, какая разница, все же получилось! — быстро добавил он.

— На самом деле нам это не поможет, — мрачно произнесла она. — Мы ведь не можем нарисовать дверь на решетке — прутья слишком далеко друг от друга...

Сириус задумчиво оглядел их.

— Кто из вас лучший художник? — поинтересовался он. На мгновение задумавшись, Гермиона ответила:

— Рон.

— Отдай-ка ему карандаши...

Гермиона послушно протянула коробочку Рону, и тот принял ее, подозрительно, как на ненормального, поглядывая на Сириуса.

— Ты хочешь, чтобы я нарисовал тебе клюквенную коврижку?

— Нет. Я хочу, чтобы ты по памяти нарисовал камеру, в которой держат Драко и Гарри. Сможешь, как считаешь?

Рон взглянул на взиравшую на него с надеждой Гермиону, потом на Сириуса и вздохнул:

— Попробую... У вас есть клочок пергамента?

Сириус покачал головой:

— Я хочу, чтобы ты сделал это максимально похожим на действительность. Давай на стене, вот здесь... И еще...

— Что? — вскинул на него глаза Рон.

— Постарайся поторопиться...

Для рисунка потребовалась почти вся коробка, грифель карандашей был очень мягок, а стена — грубая и шершавая. Рон работал медленно, исписывая каждый карандаш до крохотного огрызка, в кровь стирая об стену пальцы. Сириус и Гермиона — тихо, как только могли, смотрели, как на стене начинает медленно проявляться набросок камеры: высокие стены, разномастная разбросанная

мебель, гобелены с драконами и девизом «In Hoc Signo Vinces»...

Наконец, сжимая измочаленный огрызок предпоследнего карандаша в руке, Рон отступил:

— Все, что смог...

Сириус критически оглядел его работу:

— Сделай рамку, — указал он.

Рон обвел рисунок, и на этом существование последней коробки карандашей Зонко закончилось. Он бросил остатки на землю и повернулся к Сириусу:

— Готово.

— Отлично. У нас получилось. Я чувствую.

Сириус был поражен ощущениями, излучаемым рисунком Рона, словно юноша вложил в него частичку своего волшебства. Это так напомнило ему его собственные чувства, когда он принял только что нарисованную карту из рук Червехвоста...

...какие великие и ужасные вещи можно сделать с помощью этой штуки!..

Он поднял глаза на рисунок и улыбнулся: на нем появились две точки, помеченные Гарри Поттер и Драко Малфой. Но его немедленно охватило беспокойство: на стене появились еще шесть точек, помеченных чем-то вроде Адروад и Фенюдил.

— Кто это? — нервно дернулась Гермиона.

— Не знаю... Но они не двигаются, — признаться, Сириус был уверен, что Гарри в камере один, ну, может, с Драко, но уж никак не в обществе Слитеринских холуев... Палочек у них не было, но, сработай план, у них было бы преимущество за счет эффекта неожиданности... Сириус повернулся к Рону и Гермионе. — Вы готовы шагнуть туда? Вы должны полностью сосредоточиться на их камере, вспомните и подумайте о ней, как следует, представьте ее стены, потолок. Про темницу забудьте.

— А ты? Ты же там не был, на чем ты будешь сосредотачиваться? — поинтересовался Рон.

— Возьмите меня за руки, — попросил Сириус, пряча в карман последний карандаш. Я сфокусируюсь на Драко, Гарри и том, что нам там делать, а вы озабочьтесь тем, чтобы нас туда доставить.

Все трое бесшумно шагнули и встали перед стеной с рисунком, подумали о камере, вспомнили Драко, Гарри... Сириус почти ощущал в своих запястьях пульсирование магии, когда рисовал в своем воображении облики мальчишек. Волшебство карандашей никуда не пропало, оно ожило в руках Рона, и нарисованная им камера казалась такой же реальной, как и темница, где они сейчас стояли. А потом она показалась единственной реальностью — вокруг них сгустились какие-то тени... Сириус услышал чьи-то шаги... увидел бледное синее свечение, исходящее от стены... и они, как один, шагнули сквозь стену.

— Это никогда не прекратится, да? — с обреченной покорностью спросил Драко, глядя на демонов. — Вы что тут делаете?

— Нас пригласили, — уклончиво ответил старший из демонов.

— Лично я вас не приглашал, — уверенно сказал Драко и, повернулся и, взглянув на Гарри, все еще ошалевшего и будто даже немного пьяного, внутренне вздохнул. Облегчение, которое он испытывал от того, что Гарри уцелел, вовсе не подразумевало Всепоглощающий Экстаз. — Это ты из позвал?

Гарри помотал головой, и Драко снова повернулся к демонам:

— Думаю, мало что изменится, если я сообщу вам, что вечеринка в тогах дальше по коридору?

— Забавный смертный мальчик... — произнес главный демон, и Драко подумал, что тон, с каким сказано слово «смертный» явно ему не по вкусу. — Это не ты вызвал нас, это сделал меч.

Драко и Гарри, не сговариваясь, повернулись к мечу — он по-прежнему тускло поблескивал в луже крови на полу.

— Опять явились? — слабым голосом спросил Драко.

«...Может, нам просто прыгнуть на них?» — поинтересовался голос Гарри у него в голове.

Драко повернул голову и, чувствуя, что в нем неудержимо нарастает страх, взглянул на Гарри. Теперь он был уверен в том, что этим черноволосым парнем действительно что-то происходит... вопрос в том, что именно?..

«... Мы должны сделать... что?»

«... Напасть на них. У нас есть меч — он убивает всех. А они этого не ожидают».

«... Мы не можем атаковать их, — даже внутренний голос Драко теперь дрожал. — Они же демоны из Ада...»

«... И что?» — не меняя тона, переспросил Гарри.

«... Что?! Да они же — демоны из Ада!»

«... Ты это произносишь так, будто это что-то значит».

«... Ой, Поттер, вот только этого не надо... Лучшее, что ты сейчас можешь сделать для нас обоих, — сесть и спрятать голову в мешок. Глубоко вдохни и подумай о каком-нибудь месте, где ничего и никогда не происходит. Например, о спальне Висли...»

«... Спорим, ты сейчас думаешь, что, если они демоны, значит, они нечто совершенно грандиозное? — возмущенно бросил Гарри через комнату. — Не такие уж они и грандиозные».

«... Не смейся над демонами, Поттер...»

«... Почему бы и нет? Думаешь, они нас услышат?»

«... Нет, просто это как-то... показушно...»

— Ну-с, ты закончил убеждать своего друга не рубить нас на куски? — поинтересовался демон, его странный надтреснутый голос перебил мысли Драко. — Могу убедительно заявить, что это было бы пустой тратой времени, ведь мы — дух, а не плоть.

— Черт, — с чувством выругался Драко. — Вы нас слышите...

— Ты о телепатии? Нет, мы не читаем ваши мысли. Это была логическая экстраполяция, появившаяся в результате исцеляющего магического эффекта, особенно ярко она проявляется у таких малышей, как твой друг.

— Гарри не маленький, — вознегодовал Драко, защищая Гарри скорее потому, что был с ним одного роста, будь это не так, они бы не были друг для друга настолько идеальными соперниками в Квиддитче. Но мысли о Квиддитче растворились, лишь только до него дошел смысл услышанного. — Исцеляющая магия? Что еще за исцеляющая магия?

Он бросил взгляд на Гарри и внутренне с этим согласился: тот действительно выглядел так, словно вокруг него витало нечто волшебное: он буквально сиял изнутри — светилась кожа, сверкали глаза, пламенели румянцем щеки.

— Плоть мантикоры исцеляет раны, — сообщил главный демон. — Выпитая кровь возвращает к жизни умирающих. А если человек окунется в нее, как это сделал твой друг, то он получает возможность уцелеть после смертельного ранения. Одного смертельного ранения, — подчеркнуто уточнил демон. — Это не дает бессмертия, как некоторые типы магии.

— Так значит, я не бессмертен, — медленно произнес Гарри, до которого только-только начал доходить смысл происходящего.

— Отнюдь, кивнул демон. — Ты самое обычное смертное дитя. Хорошо, не самое обычное: шрам, связывающий тебя с Темными Сферами, весьма любопытен и, будь у нас побольше времени, я бы с удовольствием взглянул на него... но — увы. Может быть, позже. Да, крошка Гарри Поттер, ты смертен и если тебя снова ранят, ты истечешь кровью и умрешь, и Повелитель Змей осведомлен об этом. А эйфория, которую ты сейчас испытываешь, исчезнет. Это всего лишь побочный эффект исцеления.

— Но ведь мантикора — порождение зла... — изумленно произнес Драко. — Как такое может быть, чтобы ее кровь исцеляла?

— Мантикора — просто животное, — отрезал демон. — Обычное живое существо. А добро, зло... — все это просто слова, придуманные людьми для определения своих намерений. Животное — это животное, орудие — только орудие, а меч — только меч, и, пользуясь ими, вы можете определить их природу. Можно сказать, что, умирая, мантикора своей кровью спасла твоему другу жизнь — и чем ты с ней за это расплатился? Сталью и ядом.

— Она могла бы нас убить, — слабо возразил Драко, но в ушах у него зазвучал голос выпускающей дух мантикоры «За что ты убиваешь меня, Хозяин?.. Ведь ты же сам создал меня такой...»

— Вполне возможно, — кивнул демон, — ведь именно с этой целью она там и была. Она защищала Око в своем теле, потому что с ней Повелитель Змей может вернуть себе все свое

могущество. Умри вы тогда, и он не добрался бы до нее; можно сказать, что вы решили за него эту проблему.

Драко почувствовал, что у него в голове все перевернулось. Хотя, кто знает? — демоны ведь никогда не играют по-честному.

— Что-то я не понимаю, зачем меч вызвал вас сюда, — раздраженно поинтересовался он.

— Кровь Слитерина, — демон указал взглядом на залитый кровью клинок. — Нам должны были заплатить кровью Магида-Наследника вместо самого Слитерина. Меч сообщил нам, что забрал эту жизнь. Однако он ошибся, — демон перевел свои полупрозрачные голубоватые глаза на более чем живого Гарри. — Ты ожил...

— Несомненно, — бодро согласился Гарри. — Знаешь, а ты чем-то похож на того демона, что набросился на нас с Драко в нашей школьной спальне... Он не один из вас? Такой довольно высокий и весьма впечатляющий малый без ушей?

— Ты имеешь в виду Стригаллдвиря? — мрачно уточнил демон. — Его нет с нами. Он был послан, чтобы предупредить вас о планах Слитерина, но увы, его миссия закончилась неудачей.

Драко похолодел.

— То есть вы хотите сказать, что явились, чтобы покончить с этим делом?

— Не совсем, — ответил демон. — Разумеется, мы могли бы забрать жизнь Наследника Гриффиндора, однако наш договор утратит свою силу, потому что жизнь эта будет получена нами не добровольно... Другими словами — теперь я хочу предложить сделку вам...

— Сделку? Смешно... — фыркнул Драко.

Жизнерадостный голос Гарри раздался у него в голове:

«...Смешно — в смысле «ха-ха» или в каком-то другом?»

«...Заткнись, Поттер, или я отоблю на тебе дробь не хуже, чем на барабане бонго».

«...Полегче, Малфой», — надулся Гарри.

Драко решил не углубляться и не читать Гарри лекцию о неуместности легкого поведения перед лицом демонов, требующих кровавого жертвоприношения, хотя при этом чувствовал себя достаточно необычно: ему приходилось стоять с серьезной миной, когда Гарри хихикал в полное свое удовольствие. Да, пожалуй, так же необычно, как отпилить себе ногу. Примерно по колено.

Теперь Драко уже буквально мечтал о том, старом Гарри — тихом, смирном, потому что нынешний Гарри был так же тих, как волнистый попугайчик, облопавшийся кофейных зерен.

Драко начал лихорадочно соображать: от отца он прекрасно знал, что нет ничего хуже, чем заключать сделки с демонами... ну, или даже не с демонами — неважно, с кем. Все началось с 1630 года, когда один из Малфоев продал душу дьяволу в обмен на возможность стать Верховным Колдуном... м-да, с самыми непредвиденными последствиями... — поэтому-то и появилось еще одно правило в Семейном Кодексе Малфоев. Опять же — каким образом умер его отец? Он был разорван в клочья демоном, которого пытался неудачно изгнать... он сам читал об этом в Пророке...

«... Давай, Малфой! — снова начал Гарри. — Лучше прожить час как тигр, чем всю жизнь — как червяк. Старинная гриффиндорская пословица».

«... Да ну? А вот тебе в обмен старинная малфоевская: «Кто-нибудь что-нибудь слышал о коврах из шкуры червяка?»

«... Ну так сделай же что-нибудь! — решительно произнес Гарри. — Или дай мне...»

Драко покосился на Гарри — весь в кровавых подтеках, с сияющими зелеными солнцами глазами, он был полон решимости. Это был тот самый Гарри, встретившийся на дуэли с Вольдемортом, тот самый, что убил мечом василиска, тот самый, что выигрывал в Квиддитч... только потому, что не знал, что такое страх... Однако тогда Гарри был вынужден делать это. А теперь он этого хотел.

Драко повернулся к демонам:

— Что за сделка?

Демон объяснил суть сделки между Силами Ада и Слитерином, подкрепив свои слова демонстрацией немыслимого количества древних контрактов, текст на которых был настолько мелок, что и муравей бы устал их разбирать, на одном из них пламенела подпись демона, а рядом стояла личная печать Слитерина — череп со змеей. Такой же, как на левой руке Драко.

— Видишь, здесь указано, что если нам придется ездить за мечом более двух раз, штраф возрастает, — подсказал демон, заметив, что Драко пытается разобрать несколько параграфов. —

Ну, тут несколько интересных моментов о платеже, условия пользования, весьма специфический параграф по поводу секретности... он ограждал нас от публикации сроков сделки в Ежедневном пророке... видишь?

Драко прищурился:

— ...отказ от претензий? А почему кто-то должен подписывать контракт с Преисподней даже без гарантии того, что сделку можно будет аннулировать в самом начале?

— У него был месяц испытательного срока — вполне приличная компенсация, — с мрачной настойчивостью заявил демон.

Драко недоверчиво покачал головой.

— Но все это дела давно минувших дней, смертный мальчик. Теперь поговорим о завершении этого договора...

— Слитерин сказал мне, что когда откроется Око, то к нему вернется его жизненная искра... тогда ты не сможешь ни найти его, ни вернуть себе меч, ни забрать его жизнь в качестве штрафных санкций...

— Он не ошибся, — холодно кивнул демон.

— А еще он сказал, — медленно продолжил Драко, — что если он добровольно выберет и предложит тебе жизнь Наследника-магида со своей кровью в жилах, то он сможет забрать свою силу из Ока и сохранить меч. Это так?

Демон кивнул и Драко задумался о смысле всех этих терминов.

— Я знаю, что могу умереть — это уже было на прошлой неделе... И ты вроде сказал, что Гарри может быть убит...

Демон снова кивнул.

— Значит, мы должны открыть Око... — медленно произнес Драко.

— И если вы не сделаете это, мы не сможем забрать меч у Повелителя Змей, мы не вернем его, — заговорил демон. — Мы не можем его взять даже сейчас, а уж поверьте, мы бы не упустили такой возможности, — в его голосе появилась горечь. — Мы хотим этот меч, у нас есть на него права, и мы требуем его, нам не нужны Магиды — ни ты, ни твой друг. В обмен на то, что твоя мать сооблаговостила отпустить одного из наших собратьев, мы согласны предоставить вам одну возможность совершить эту сделку по вашему выбору.

Драко взглянул на Гарри — тот, надувшись и скрестив на груди руки, стоял у стены, помощи от него не было и, судя по виду, не предвиделось. Драко снова повернулся к демонам:

— Если вам не нужны Магиды, зачем вам Слитерин?

Демон ухмыльнулся, обнаружив не два, а целых три ряда острых, как бритва, зубов.

— Мечь, — пояснил он. — Он надул нас. В Аду его мучения будут мучительными и весьма... изошренными.

— Это хорошо, — одобрительно покивал Драко. — То есть, как только мы откроем Око, вы будете вызваны, чтобы забрать его?

— В тот же миг, — подтвердил демон. — Вы откроете Око, и мы появимся. Мы возникнем перед вами и, если вы заставите Слитерина своей рукой вернуть нам меч, будем считать, что мы в расчете, и мы заберем себе жертву, которую назовете вы. Мы бы предпочли Слитерина. Ну, конечно, если он доберется, до Ока первым, до того, как вернет... тогда жертва будет по его выбору: кровь гриффиндорца или же твоя... — слова демона были четки и холодны.

Драко прокрутил у себя в голове все услышанное: демоны, как он знал, не лгут, во всяком случае, во время договоров, однако существует масса нюансов и смыслов в том, что они говорят... — в любом случае, ничего другого, как довериться им, не приходило на ум.

— Пойдет, — решил он.

Позади него Гарри что-то забубнил про людей, которые не имея веских на то причин, торгуются с демонами. Хорошо хоть негромко, а то раньше он все рвался вперед, и Драко пришлось отпихнуть его к стене, едва не выбив из него дух.

— Мы понимаем, что задача практически невыполнима, — демон продемонстрировал в ухмылке весь набор своих зубов. — Но в вашем случае даже соломинка лучше, чем ничего...

Драко вздохнул. Меч приятно оттягивал руку, он видел, как демоны буквально пожирают его взглядами.

— Мой отец говорил «Коль скоро ты все равно сорвался со скалы, у тебя есть прекрасная возможность научиться летать».

— А что это значит? — захлопал глазами демон.

— Понятия не имею. Признаться, я надеялся, что ты мне скажешь.

Демон опять ухмыльнулся:

— Ты воображаешь, что умен... да, пожалуй, так оно и есть. Ежели в итоге мы будем должны забрать Наследника, надеюсь, это окажешься ты, — в упор глядя на Драко, добавил он. — Я так думаю, тебе вполне по силам было бы заведовать развлечениями нашего Господина. Не говоря уже о том, что краски вечного заката были бы тебе весьма к лицу: черное и красное, как раз к твоей бледности и светлым волосам. Восхитительно.

Признаться, Драко бы меньше удивился, если бы демон на него набросился, но потом сообразил, что это как раз вряд ли, он хотел просто напугать его... и это ему удалось: образ лежащего за черными воротами пространства получился вполне яркий и весьма неприятный... Кровавое небо... бр-р... да, пожалуй, это похуже, чем место, где он повстречался с Лили и Джеймсом Поттерами...

— Что-то я сомневаюсь, что кто-то готов принять приглашение «добро пожаловать в Ад»... — задумчиво заметил он, и в этот миг заметил блеск в глазах стоящего позади него Гарри.

Демон вскинул руку и указал ей на стену — в ней раскрылся темный проем:

— В следующий раз мы вернемся за платой. Либо меч, либо кровь.

И они исчезли — даже без приличествующего ситуации хлопка, способного хоть чуть-чуть развеять пугающую призрачность и таинственность.

— Что ж, все было весьма информативно... — произнес Драко, разворачиваясь к Гарри, и буквально подпрыгнул: на противоположной стене комнаты засияла радуга, потом она потускнела, и, спокойно, словно сквозь дверь, в комнату дружно шагнули Сириус, Рон и Гермиона.

Драко усиленно заморгал, но видение не исчезало — это действительно были Сириус, Рон и Гермиона, грязные, но целые и невредимые. Он едва успел бросить на них взгляд, как Гарри взвился и кинулся к ним. Сириус, улыбаясь во весь рот, обнял Гарри с такой силой, что тот заболтал ногами в воздухе, потом на него с визгом и восторгом накинлись Рон и Гермиона. Драко чувствовал себя очень неловко, он стоял в стороне, опустив глаза, и рассматривал лежащий у его ног меч. И вздрогнул: пятна крови с эфеса исчезли, словно меч впитал их. Драко наклонился и поднял его, выпрямившись, он увидел, что все остальные все еще обнимаются, возбужденно переговариваются; Сириус похлопывал Гарри по плечу, а тот резким, звонким, разносящимся по всей комнате голосом, перешагивал:

— Мантию? Они забрали отцовскую мантию? Мы должны ее вернуть!..

— Мы должны убраться отсюда, пока эта Слитеринская свора не вернулась обратно, — Сириус попытался развернуть его лицом к себе и достучаться до его сознания, но Гарри вывернулся из его рук.

— Это единственная вещь, доставшаяся мне от отца!..

— Гарри, ты что-то сам на себя не похож, — удивился Сириус.

Сам не зная, что именно ему лучше сказать, Драко шагнул к ним и взглянул Сириусу в глаза:

— Он не совсем адекватен...

— Я в порядке! — полыхнул гневом Гарри.

— Сам ведь знаешь, что нет.

Сириус снова положил руку на плечо Гарри, на этот раз тот не дергался:

— Гарри, я тоже очень сожалею о мантии Джеймса. Но существует и другие вещи, принадлежавшие твоему отцу. И я мог бы передать их тебе...

Гарри повернулся и внимательно смотрел, как крестный потянулся к карману брюк и вытащил оттуда что-то по форме напоминающее наперсток — изысканно украшенный, с ремнем на концах.

— Это что — наперсток?

Сириус улыбнулся, в уголках его глаз засияли веселые морщинки, когда он протянул это своему крестнику. И в тот момент, когда Гарри коснулся его, наперсток дрогнул, словно пробудившись к жизни, и начал быстро увеличиваться в размерах, превращаясь в длинные и затейливо украшенные птицами, животными и растениями ножны.

Драко не мог отвести глаз от лица Гарри: вот оно побледнело, как полотно... потом запылало... Гарри пришел в себя, но в выражении его лица что-то неуловимо изменилось, из глаз исчезло все

бешенство и ожесточение.

Гермиона нервно улыбнулась:

— Это же твой Ключ, Гарри...

Гарри молча перевел взгляд на Сириуса.

— Это ножны для меча? — наконец спросил он.

— Для меча Гриффиндора, — подчеркнул Сириус.

— Но меч сломался, — Гарри шагнул в сторону, поднял с пола обломки и без слов протянул их Сириусу: меч обломился немного ниже гарды. — Совершенно бестолково: ножны без меча.

— Но это же просто меч, а не Живой Клинок, — заметила Гермиона. — Мы добудем тебе другой меч.

Сириус стоял и рассматривал обломки:

— Гарри, что случилось? Как он сломался?

Гарри, сомневаясь, вопросительно покосился на Драко, тот ответил ему твердым взглядом:

— Расскажи им, что произошло.

— Какую именно часть? — спросил Гарри, вкладывая обломанный меч в ножны и закрепляя их у себя на талии.

— Все. Ну же, давай, расскажи им, только ничего не пропусти.

Гарри озадаченно взглянул на него еще раз и медленно кивнул. Драко резко повернулся и, даже не глядя, куда идет, добрал до дальней стены, привалился к ней спиной, медленно сполз вниз, обхватил колени руками и пристроил рядышком свой меч. Теперь он не мог слышать, что говорит Гарри, но зато все прекрасно видел: вот все потрясенно уставились на Гарри... Сириус побледнел, Рон чертыхнулся, а Гермиона в ужасе прижала руки ко рту... вот Рон вскрикнул: «Это невозможно!»... Гарри пожал плечами... Гермиона снова бросилась ему на шею... — тут Драко ткнулся головой в колени и зажмурился, окунувшись в мирную темноту.

Ему неожиданно захотелось, чтобы рядом оказалась Джинни — когда Гарри, Рон и Гермиона были вместе, в этом было что-то совершенно невыносимое для него: они без слов мгновенно понимали друг друга, а его это раздражало, утомляло, он инстинктивно пытался от этого защититься, и даже Сириус не мог ему в этом помочь. Нет, в общем-то мог бы, но после всего того, что он сделал Сириусу...

— Драко...

Голос Сириуса. Драко поднял голову: тот сидел напротив на корточках и мрачно смотрел на него, а за ним Драко увидел сбившихся в кучку, как в школе, голова к голове — рыжая, темно-русая и черная — Рона, Гермиону и Гарри.

— Чего?

— Ты как?

— Не спросить ли тебе, все ли в порядке с Гарри? — с вызовом взглянул на него Драко.

— Ну, с Гарри как раз все нормально. Но ты, как мне кажется, должен был бы выглядеть получше...

— А не отвалить ли тебе от меня? — тихо произнес Драко.

— Отвалить? — Сириус уселся поудобнее, теперь их глаза были на одном уровне. — Мне так кажется, что за последние несколько дней тебе не раз приходилось делать сложный выбор — какого никому нельзя пожелать, особенно едва повзрослевшему мальчику... И я должен себя спросить: поступил бы я так же на твоём месте, будь мне столько же лет и столкнись я с такими же проблемами...

— И?

— Думаю, что да... ну, во всяком случае, я на это надеюсь. Ты поступил куда лучше, чем можно было бы ожидать... Куда лучше, чем можно было просить... Я горжусь тобой.

Драко вскинул глаза на Сириуса: никто никогда ему ничего подобного не говорил. Никто. Никогда.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда, — возразил Сириус. — И если мы говорим, что у нас нет выбора, мы тем самым просто успокаиваем себя, ведь решение-то нами уже принято, — в его голосе прозвучали горькие нотки, — а выбор есть даже под пыткой и принуждением... И ты поступил правильно... Драко... — он опустил руку на плечо юноши, — быть хорошим человеком вовсе не значит

придерживаться неких правил, который ты себе навоображал. Это значит — делать правильные вещи просто потому, что они правильные, защищать тех, о ком ты заботишься и беспокоишься. Если я чему и научился в своей жизни, так это не бояться ответственности, появляющейся, когда ты начинаешь о ком-то заботиться. Что мы делаем для любимых? — мы терпим, — его глаза потемнели, — даже если те, ради которых ты идешь на это, — нет.

И это сочувствие сделало то, чего не сделали бы ни гнев, ни осуждение: у Драко сжалось горло, и он взорвался признанием:

— Я сказал Гарри о родителях... я поступил неправильно...

Сириус жестом велел ему умолкнуть:

— Я знаю, что ты скорее бы отрезал руку себе, чем ранил бы его. Ты поступил правильно — на то были особые обстоятельства. Возможно, тем самым ты спас ему жизнь... Я тоже поступил неправильно — я сказал ему об этом раньше.

— Так ты меня прощаешь? — Драко поднял голову и взглянул Сириусу прямо в глаза. По некоторым причинам это прощение было для него также важно, как и прощение Гарри.

— Я бы простил любого, кто в этом нуждался, — сказал Сириус. — Но сейчас в этом нет необходимости.

Драко посмотрел на него и почувствовал, что в в глазах у него защипало, а горло свело. Он помнил, как Сириус обнимал его — чуть раньше, в библиотеке Слитерина, каким странным было то ощущение... за всю его жизнь было только два человека, с таким сочувствием и участием обнимавших его, — Сириус и Гермиона... и он совершенно не представлял, что он должен делать в ответ, как реагировать... Повисшую паузу, во время которой Драко мучительно соображал, нарушил Рон:

— Кровь мантисоры? Ничего подобного в своей жизни не слышал! До чего странно!

— Ничего странного, — раздался голос Гермионы. — Я прекрасно помню, что кровь и шкура мантисоры обладают исцеляющими способностями — об этом написано в книге «Фантастические Твари и Где их искать».

— Ну, не все же зазубривают свои учебники наизусть...

— Точно, некоторые на них только корябают, — настолько высокомерно и презрительно отбрила Гермиона, что Драко вдруг почувствовал, что улыбается. И Сириус улыбнулся ему в ответ.

Джинни пришла к выводу, что Бен — человек просто исключительно-замечательный, красивый... словом, суший ангел!.. Но это было просто ужасно: во-первых, он был невозможно стар, а во-вторых, он был не из ее времени. Пожалуй, Драко было чему у него поучиться... Бен так внимателен ко всем ее нуждам, проверяет, достаточно ли у нее еды и питья, не скучает ли она, пока он носится по лагерю со всеми этими сборами и подготовкой... Он даже принес ей зимних вещей, когда сообразил, что армия, к которой они отправятся во времени, исчезла в середине зимы...

— Извини, что мужская, — произнес он, протягивая ей охапку вещей.

Джинни осторожно приняла одежду и фыркнула:

— Кожаные штаны?!

— Это бриджи, — пояснил Бен. — Они, наверное, тебе слегка велики, но... а что тут смешного?

— Нет-нет, ничего, — еле сдерживая смех, просипела Джинни, и выставила его из шатра, чтобы переодеться. Лишь только она разоблачилась до белья, как раздался тихий хлопок, и в шатер аппарировал некто весьма рассерженный и грозный.

Заверещав, Джинни рванулась назад и, сдернув один из тяжелых балдахин, завернувшись в него. Теперь пришло время попросить помощи:

— Бен! Бенджамин!!!

Вторгшийся в спальню Бена молодой — примерно возраста Бена — человек уставился на нее так, словно злоумышленником был не он, а она.

— А ты еще кто, черт тебя подери? — без всякой радости от того, что вместо Бена его встретила полуодетая юная девушка, мрачно поинтересовался он. Джинни только было собралась ответить что-то столь же вежливое, как полог шатра отодвинулся и вошел Бен, на мгновение замерев при виде пришельца; удивление на его лице тут же сменилось тревогой.

— Гарет, а ты что здесь делаешь?

Джинни уставилась на злоумышленника с заново вспыхнувшим интересом. Так вот он каков — троюродный брат Бена, Наследник Слитерина... Сын Салазара... Конечно, она должна была догадаться! Высокий... примерно, как Бен, но выглядящий помоложе... наверное, потому что Бен был брюнетом. Густые светлые волосы, падающие на глаза, кожа... — как у Драко и Нарциссы, а вот глаза, как у Гарри, — зеленые. Гладко выбритое, высокомерное красивое лицо, искаженное яростью... — да, он был похож на Драко, так же, как Бен был похож на Гарри... как дальний родственник... или двоюродный брат... Особенно, когда он хмурился — так, как сейчас...

— Бен, — он взбешенно махнул рукой в сторону Наследника Гриффиндора, и Джинни углядела в пальцах мятый кусок пергамента, — что, черт побери, все это значит?

С видом великомученика Бен медленно приблизился:

— Гарет, ты же не аппарировал всю дорогу?..

— Я чертовски хорошо это сделал!

— Джинни, это мой брат Гарет, — спохватившись, Бен подтолкнул Джинни к Гарету, который высокомерно нахмурился, — Гарет, это Джинни.

— Поздравляю, — бросил он.

— Я Наследница Хаффлпафф, — добавила она, все еще обнимаясь с балдахином.

— Я догадался — ты такая же рыжая и рябая, как и все остальные. А теперь отвали отсюда, ладно? Мне нужно поговорить с Беном.

— Рыжая? Рябая? — взорвалась Джинни.

Бен шагнул между Гаретом и Джинни — то ли для того, чтобы защитить ее от рассерженного Наследника Слитерина, то ли как раз наоборот — сложно было понять.

— Гарет, не веди себя, как осел!

Яркие красные пятна вспыхнули у того на скулах:

— О, так это, оказывается, я веду себя, как осел?! А это что? Что это за письмо?!

Он яростно уставился на пергамент, развернул его и начал читать вслух:

— «... таким образом, мне надо отправиться в будущее и сразиться в бою, какого еще не было у нас доселе. Коль я умру там и не вернусь, доверяю тебе вырастить моего сына, словно твоего собственного, братом твоим собственным детям...»

Джинни вытаращила глаза на Бена:

— Так у тебя есть дети?

— Только один, — рассеянно уточнил он.

Джинни хрюкнула, чуть не потеряв от удивления голос.

— Помимо того, что этот блестящий образчик эпистолярного жанра звучит, как бление старого надутго козла, ты что — вдобавок еще собрался себя угробить? — Гарет сверкнул глазами в сторону кузена. — Кретин!

— Я не кретин!

— Нет уж, позволь мне остаться на этот счет при своем мнении...

— Так, отлично, — Бен ухватил Гарета за шиворот, и поволок его в шатер, бросив Джинни через плечо:

— Ты позволишь нам?.. Буквально минутку... — и они исчезли за пологом.

Совершенно не терзаясь ложными угрызениями совести, Джинни поскакала вслед и прижалась к полу ухом, но услышала только неразборчивое бормотание, в котором периодически проскакивали отдельные четкие обрывки — «дерьмо», «скотина», «так убей себя, кто тебе мешает?», «я всегда остерегаюсь тебя», «не собираюсь ничего делать только потому, что ты это сказал»...

Джинни вздохнула: если они действительно похожи на Драко и Гарри, это могло длиться часами без всякого результата. Шагнув вперед, она отодвинула полог и просунула голову внутрь: Бен, красный, как рак, и Гарет, который, как и Драко, в гневе стал невероятно холоден... так холоден, что, казалось, рука, которой он указывал на Бена, сейчас отломится в локте и разобьется на тысячу кусочков, — они стояли футях в пяти друг от друга и орали. Увидев Джинни, Гарет развернулся к ней:

— Тебе еще чего?

— И вам тоже здравствуйте, — ответила она. — А тебе не приходит в голову, что это личное дело Бена поступать, как он задумал? Я, конечно, понимаю и ценю то, что он твой брат...

— Троюродный брат, — хором уточнили Бен и Гарет.

— Тем более. Это его дело — и все тут. Я лично считаю, что он очень смелый. В моем времени никто не знает того, что знает он, никто не готов к этой битве так, как он. Он может стать тем орудием, которое уничтожит Повелителя Змей раз и навсегда, что стало бы совершенно потрясающим свершением... — она осеклась, неожиданно сообразив, что говорит об отце Гарета. — Хотя, наверное, у тебя на этот счет другое мнение, — порозовев, завершила она.

— Он ничего не сделал, чтобы стать мне отцом, — Гарет выплевывал слова, словно это были начиненные ядом пули, — я ненавижу его, и, просыпаясь каждое утро, я проклиная его память. Если воспоминание о нем можно было бы стереть с лица волшебного мира, я был бы только за. Так что забудь его имя, пусть никто не вспомнит, что он жил, дышал, творил свои злобные заклинания и выводил чудовищ — пусть все забудут об этом. Как сделал я.

Джинни обомлела:

— Что? Я не понимаю...

— Вы не сможете победить его, — просто ответил Гарет. — Он слишком могущественен, ведь даже объединенные силы домов Рэйвенкло, Хаффлпаффа и Гриффиндора не сумели убить его — а ты что можешь? Ведь ты только ребенок! Он уничтожит тебя, на месте перережет ваши войска, а из косточек наделает флейт для детишек вил.

— Гарет... — голос Бена звучал предупреждающе и с некоторой досадой.

— У нас есть что-то, чего нет у него, — уверенно заявила Джинни.

— И что же?

— На нашей стороне Наследник Слитерина.

— А ты в этом уверена? — прищурился Гарет.

— Да, — с неожиданной для себя уверенностью произнесла Джинни.

Гарет вопросительно глянул на Бена, тот раздраженно взглянул в ответ:

— Я пытался тебе сказать, Гарет, пророчество — теперь ты понимаешь? Мы должны пойти.

— Пророчество! — с отвращением произнес Гарет. — Это всего лишь пророчество, только набор слов, не похоже, что оно явилось свыше.

— На самом деле так оно и есть, — тихо заметил Бен. — В этом само понятие пророчества...

Наследник Слитерина поутих и оглянулся на Джинни:

— И все-таки его могут убить, — махнул он рукой в сторону Бена.

— Я смогу его защитить, — стойко возразила Джинни и увидела, как Бен улыбнулся в ладонь.

— Ты? — презрительно повторил Гарет. — Ты всего лишь девочка.

Джинни почувствовала, как ее уши полыхнули огнем и, собравшись сообщить Гарету о его средневековых взглядах, спохватилась, сообразив, что именно так оно и было, более того, уж если углубляться в историю, с учетом того времени, где она очутилась, этот взгляд мог бы даже считаться прогрессивным.

— Она Наследник, — напомнил Бен.

— Тогда я пойду с вами, — упрямо заявил Гарет.

— Ты не можешь, у тебя пока нет наследников, — утомленно покачал головой Бен. — Если ты умрешь, род Слитерина прервется. И тогда история изменится.

— То есть меня выкидывают только потому, что я не обзавелся потомством? — возмущенно фыркнул Гарет.

— Точно, — подытожил Бен.

— Так нечестно!

— А мир вообще несовершенен, пора бы уж привыкнуть, — произнес Бен. — Так ты собираешься быть полезным или как? Мы здесь связаны с неустойчивой магией и, как мне кажется, попусту теряем время. Надо убедить войско последовать за нами в далекое будущее на битву с самым злым из когда-либо живших волшебников. А мы, между прочим, еще даже не завтракали.

Гарет усмехнулся:

— Ну, что ж, коль скоро ты сам пожелал моей помощи... — темные глаза Бена внезапно прищурились:

— Я вовсе не сказал, что хочу твоей помощи. Могу я попросить у тебя одного из твоих драконов?

— Одного из моих драконов? — вознегодовал Гарет. — Ты же знаешь, насколько они дорогие!

Бен набычился. Джинни вздохнула.

Хорошо еще, — подумала она, опускаясь на кровать, — что за счет магии у них было время. Похоже, оно им понадобится...

Гермиона была потрясена тем, насколько неважно выглядел Драко: волосы падали ему на темные от усталости глаза спутанными серебристыми лохмами, под глазами синели мешки, будто он не спал по крайней мере неделю, — словно это его смертельно ранили, а не совершенно свеженького и ясноглазого Гарри.

Она присела позади Сириуса и легонько коснулась рукой плеча Драко. Признаться, ей хотелось бы большего, однако она старалась теперь быть более осмотрительной, когда поблизости был Гарри.

— Как ты себя чувствуешь?

Он кивнул и устало взглянул на Рона и Гарри:

— Мы должны идти. У нас мало времени, чтобы добраться до Ока.

— Да, Гарри сказал... — произнесла она и покусала губу. — Вот уж действительно жаль, что у нас больше нет мантии.

— Я так понимаю, без Джинни мы все равно Око не откроем, — задумчиво произнес Сириус, — а ее, похоже, не найти...

— Дай-ка подумаю... — начала размышлять вслух Гермиона. — Значит так... если Ликант ее не чувствует, она либо за пределами замка, либо вне этого времени... Вот что я скажу: нам надо заполучить Око, выбраться из замка и попробовать Заклинание Локатор... Когда она будет возвращаться назад сквозь время, она может пролететь мимо нас — она еще не научилась устанавливать Хроноворот... Нас не было здесь несколько часов, пока мы не вернулись из прошлого. Она возможно пробует что-то еще... Она вернется, и Локатор поможет нам ее отыскать, — Гермиона произнесла это на одном уверенном дыхании, однако внутри она была вовсе не настолько убеждена, что все произойдет именно так. Нет, определенно, Джинни вполне могла использовать Хроноворот, вот только положит ли это конец всем бедствиям?.. Впрочем, об этом не было смысла ни думать, ни говорить — если сейчас они не могли найти Джинни во времени, надо было заняться разрушением Ока. Магия шагнула далеко вперед с того времени, когда было наложено обращенное ко всем четверем Наследникам заклинание.

Драко поднял на нее недоумевающий взгляд:

— Демоны сказали, что для разрушения нам надо приложить силу, равную той, что в Оке заключена...

— А что это значит на нормальном языке? — нервно поинтересовался Рон.

— Я так полагаю, что это значит черта-с-два мы сумеем выжать из себя такую огневую мощь, — пояснил Драко.

— Да, полагаю, одолжи нам Дарт Вейдер свою Звезду Смерти, у нас был бы шанс, — заявил Гарри.

В общем недоуменном молчании раздалось хихиканье Гермионы. Драко взглянул на Гарри так, будто у него выросла вторая голова:

— Мы все еще резвимся, да?

Гарри смутился:

— Прошу прощения за то, что было раньше — я был...

— ...кошмарным паразитом, — подхватил Драко.

— Я не то собирался сказать.

— Так кем же ты тогда был? — спросил Драко и, попробовав приподняться, чуть сморщился. — Будь так любезен, сообщи, чтобы я мог избегать этого в будущем.

— Я же сказал, что извиняюсь, — начал понемногу заводиться Гарри, что не помешало ему, впрочем, подойти и протянуть Драко руку помощи — он сделал это так, словно все это было совершенно естественно. Удивления на лице Рона с лихвой хватило бы и на него самого, и на Гермиону, хотя, в отличие от нее, никакой радости он не ощутил.

...Ну пожалуйста, пожалуйста, пусть они снова станут друзьями, — горячо попросила она, — я

знаю, насколько им обоим это необходимо... ну, пожалуйста, пусть все так и случится!

Гарри отпустил локоть Драко и слегка скривился:

— Все прошло, все кончилось, лишь только я коснулся этого, — он положил руку на висевшие на поясе ножны. — Ощущаю себя настоящим дураком.

— Что ж, — спокойно произнес Драко, — я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — выяснил это, когда полностью отъехал после четырех стаканов. Признаться, я считал себя более стойким...

Гарри приподнял бровь:

— Ты напился?

— Еще один стакан, и я бы плясал, разоблачившись до трусов.

— Спасибо за доставленные психические мучения, — скривился Рон.

— Без проблем, Висли.

— В боксерах или плавках? — невинно поинтересовалась Гермиона.

— Гермиона... — предупреждающе произнес Гарри.

Драко усмехнулся.

— Я просто спросила, — заметила она.

— В боксерах, — рассеянно уронил Рон.

Заметил, что все уставились на него, он встрепенулся и побурел, умоляюще взглянув на Гарри:

— Ну, помнишь, в Имении, когда ты разнес его спальню, барахло вокруг нас летало... ну, помнишь?

— Не-а, — тут же откликнулся Гарри.

— Ты разнес мою спальню? — потрясенно переспросил Драко.

— Захотелось в ней что-нибудь изменить, — непринужденно пояснил Гарри.

— Судя по всему, мы отвлеклись от темы, — тихо напомнил Сириус. — А темой был побег. У нас больше нет карандашей, только вот эти огрызки... я даже не уверен, получится ли у нас что-то на этом адмантине...

— А что мы, собственно, теряем? — спросила Гермиона, передавая карандаш Рону. Драко с Гарри переглянулись, и, судя по лицу Гарри, она пришла к заключению, что он снова будет защищать Рона от Драко. Дабы избежать этих дебатов, она оставила Рона рисовать дверь и пустилась в объяснения: карта, карандаши Зонко...

Когда она закончила, к ним присоединился Сириус:

— Гарри, я хочу, чтобы вы — все четверо — выбрались из замка, и как можно скорее. А я найду Рема, мы вместе добудем Око и вынесем его за стены замка.

— Но единственный, кто знает, где Око, — я, — перебил его Драко.

— А у меня Ликант — единственное, что может привести нас к Джинни, — подхватила Гермиона.

— Так, я тебя больше не отпускаю одну, — тут же откликнулся Гарри.

— А я и не была одна, — возразила она.

— С Роном Висли ты никогда не бываешь одна, однако ты бы и сама прекрасно справилась, — безжалостно уронил Драко.

Рон издал какой-то кудахчущий звук и двинулся на Драко, но Гарри ухватил его за рубашку.

Сириус вздохнул:

— Вернемся к обсуждению нашей темы: когда мы отсюда уйдем, куда мы направимся?

— Драко, Гермиона и я отправимся за Оком, — подытожил Гарри. — Сириус, возьми Рона и отправляйся за Лупиным. А потом, когда вернется Джинни, мы займемся нерешенными вопросами.

— Слушайте, парни, я хочу с вами, — запротестовал Рон. — Пока вы всей кучей будете открывать это Око, вам же нужен кто-то, кто прикрывал бы вас с тыла и охранял от зла, — ну, и все такое... Кроме того, я хоть и не Наследник, но в моих жилах тоже есть кровь Хаффлпафф...

Драко издевательски заржал, Гермиона пихнула его локтем, чтобы тот замолчал.

— Ладно, давайте все вместе, — согласился Сириус. — С Наследником Слитерина вам будет действительно гораздо безопасней, а мне куда проще будет лазить по замку одному, — он взглянул на Драко. — А когда вы доберетесь до Ока, защитите его всем, чем можете — своей жизнью...

— Вот еще, — на губах Драко появилась тень насмешливой улыбки, — я собираюсь охранять ее своим здоровенным мечом.

— Отлично. Вперед, — произнес Гарри.

Медленно садилось солнце, протягивая по золотому гобелену неба серебристые нити облаков. Джинни, подрагивая, сидела у разведенного Беном в полдень огня — здесь наступала осень, становилось прохладно. В стороне, у шатров, перемигивались огоньки костров. Небо окрасилось янтарем, облака заалели... В воздухе пахло приближающимся холодом и драконами — причем последними довольно сильно. Собственно дракон был один, одолженный им Гаретом днем раньше. Днем раньше?... Этот катившийся к закату прожитый ей день на самом деле был уже десятью годами позже....

Звали представителя племени Уэльских Зеленых драконов Феролюсом, и даже будучи привязанным в отдалении, он испускал такой могучий запах, что распугивал овец. Прищурившись, Джинни увидела отделившуюся от лагеря фигуру, приближающуюся к ней, — она надеялась, что это Бен. Все эти дни он проводил в беседах с войском: обнаружилось неожиданное препятствие, — сама она не могла разговаривать с солдатами, равно как и они не могли разговаривать с ней. Оказалось, что ее возможности общения ограничивались исключительно Наследниками — Бен с Гаретом прекрасно ее понимали, да и у них был вполне приемлемый для ее ушей английский, однако стоило ей попытаться заговорить с кем-нибудь еще — и она слышала только приправленное случайными знакомыми словами неразборчивое тарыхтенье. Она очутилась словно в золотой клетке, причем, как она была уверена, — к веселью Бена, и теперь ей приходилось коротать время за книгой Хельги о Хроновороте; а он в это время использовал все свое природное обаяние и статус Наследника Гриффиндора, чтобы склонить на свою сторону армию, заверяя их, что, если они не отправятся в будущее, то Слитерин непременно превратит их в пар.

— Это судьба, — важно вещал он, выглядя весьма представительно (и на взгляд Джинни совершенно забойно) при всех своих Гриффиндорских регалиях: красный с золотом плащ, красная с золотым драконом туника и, естественно, меч в узорчатых ножнах. Он был ужасно похож на подростка Гарри — ей сразу вспомнилось, как с самой первой их встречи она буквально потеряла от него голову.

Фигура приблизилась — это действительно оказался Бен. Он помахал ей рукой и с совершенно измочаленным видом плюхнулся рядом у огня.

— Успешно, — сообщил он и тут же скорчил брезгливую рожу, — фу, как воняет этот дракон...

— Мне ли не знать, — кивнула она.

— Ты что — все время здесь сидела?

— Мне больше нечего было делать: мысль о том, чтобы убить время, изобретая Квиддитч или что-то подобное, меня не соблазнила.

Бен недоуменно взглянул на нее.

— Это будет потом, — добавила она и улыбнулась.

— Да нет, мне кажется, я знаю это слово... Оно мне почему-то напомнило о твоём брате... — Бен вздрогнул — наверное, от холода, и пододвинулся поближе к огню.

Джинни неожиданно пришло в голову, что она совершенно ничего не знает о семье Бена — этот профессор Биннз на уроках истории все время нудно бубнил что-то о войнах, датах... если он что-то когда-то и говорил об Основателях — она это точно проспала.

— Слушай, я у тебя есть братья там или сестры? Или быть Наследником — значит быть единственным? Вот у нас Гарри, Драко и Гермиона — единственные дети, я — единственная дочка у моих родителей... Это как-то связано с тем, что мы являемся Наследниками?

— Ну, у Хельги несколько дочерей, Наследницей является старшая... У Ровены только один ребенок, у меня несколько сводных братьев и сестер, но...

— А что Гарет?

— Я не думаю, чтобы он знал, сколько на самом деле детей у Слитерина... Повелитель Змей выбрал его Наследником, когда ему было что-то около пяти, Гарет никогда не говорил, как это произошло... В детстве мы частенько вместе играли... Думаю, ему ужасно тяжело от осознания того, за сколько смертей несет ответственность его отец. Даже не смотря на то, что он никого из них не знал.

— Удивительно, что вы вообще оставили его в живых, — уронила Джинни, и Бен обернулся к ней с выражением крайнего удивления на лице.

— Убить Гарета?! Ну, да, я говорил тебе, что он вызывает раздражение, но...

— Дело не в этом, дело в том, что он — Наследник Слитерина. Убейте вы его — род Слитерина бы прервался, и он бы уже никогда не воскрес. Нет-нет, я не говорю, что вы именно это и должны сделать, — быстро добавила она, — ведь это непременно разрушит историю... просто мне удивительно, что вы об этом не задумывались. Смотри — почему Око можно открыть заклинанием только в присутствии всех четырех Наследников? Зачем Наследник Слитерина? Разве в пророчестве не сказано, что последний Наследник Слитерина будет злым?

— Что-то ты задаешь слишком много вопросов, — устало вздохнул Бен. — С чего бы это?

— Я младшая сестра при шести братьях. Чтобы получить ответ хотя бы на один вопрос, мне всегда приходится задать их целую кучу.

Она услышала, как Бен перевернулся и вздохнул, и перевела на него взгляд. Теперь он лежал на животе, положив голову на руки.

— Мой отец пришел призвать Слитерина отказаться от борьбы, — отчужденно начал он. — Тот пригласил отца в библиотеку и, когда отец повернулся, чтобы закрыть дверь, ударил его мечом в спину... Там были слуги — они-то и рассказали, что случилось дальше... Слитерин склонился над ним, умирающим, — смотрел... но мой отец проклял его... а Предсмертное проклятье Гриффиндора очень сильно. Суть его была в том, что коль Салазар, его брат и когда-то лучший друг, убил его, то однажды наступит день, когда и его уничтожит собственная плоть и кровь, — Бенджамин снова вздохнул и прикрыл лицо руками, теперь слова доносились не очень отчетливо. — Ровена держала это в уме, когда создавала Заклинание Ока. Думаю, она немного защищала Гарета — ведь ему было только восемь тогда, и ей надо было бы смотреть вперед, чтобы быть достаточно уверенной в его безопасности после того, как его отец будет... устранен...

— Все это так сложно и зависит от такого множества мелочей... — с сомнением заметила Джинни. — Как можно навесить все эти пророчества, все эти заклинания на того, кто еще не родился?

— Это действительно все очень непросто. Да что там — даже все упростив, все равно ужасно сложно манипулировать временем и судьбой... Хельга как-то мне сказала: «Реки и ручейки времени несут судьбы к неизбежному... Ты когда-нибудь поймешь — все вещи находятся вне времени, ими можно управлять, но в одном случае они не требуют вмешательства, в другом самый трагический и досадный дефект может оказаться весьма полезным для дела. А иногда раз и ты можешь приложить руку — однако будешь знать об этом только тогда, когда сделаешь...»

— Трагический дефект? — переспросила Джинни, запрокидывая голову и меланхолично глядя в небо, на глазах заплывающее чернильной синевой. Ей подумалось о Драко. Уж если к кому и можно было применить это понятие, так точно к нему... Да, явно дефектный мальчик... Ну, не в смысле — физически... Она улыбнулась в темноте и перевернулась на живот.

— Бен?.. — окликнула она и собралась спросить, когда они отправятся, — прямо сейчас или подождут до утра, когда вдруг услышала тихое похрапывание: он уже уснул.

Гермиона ужасно боялась, что, отправившись за Оком, они снова налетят на охрану, или же их задержат какие-нибудь чудовищные обитатели замка, или — что совсем ужасно — они столкнутся со Слитерином... Однако самой большой помехой оказалось то, что Рон и Драко категорически не могли находиться рядом — каждые несколько шагов они начинали грызться: Рон намеренно наступал Драко на ногу, тот в ответ ставил ему подножку — ну, и все в том же духе. Когда они завернули за угол, Гермиона оглянулась на Гарри — тот страдальчески закатил глаза.

— Я думала, что Драко пойдет впереди нас и осмотрится, пока мы тут подождем... — прошептала она Гарри. Тот вздохнул и обернулся:

— Ну, пропусти его вперед... Да чем вы там вдвоем занимаетесь?!? Слушай, нет нужды пускать его вперед... ой, больно, наверное... Прекратите.

Драко и Рон, яростно переглядываясь, разошлись. Гермиона вздохнула.

Теперь они находились в узком темном коридоре с развешенными на стенах доспехах, потолок терялся в темноте и клочьях паутины. Драко был прав — похоже, в эту часть замка нечасто заглядывали. Стены отзывались тихим эхом на их голоса.

— О чем вы на этот раз спорите? — скрестив на груди руки, требовательно спросила Гермиона.

— Висли намекает, что мне нельзя доверять, — Драко покосился на Гарри. — А потом он встал мне на ногу.

— А ты мне подставил подножку! — отрезал Рон.

— Сначала ты наступил мне на ногу!

— А куда, черт возьми, ты завел нас, а, Малфой? В ловушку?

Драко с отвращением фыркнул. Оба юноши остановились в темном дверном проеме и буквально зарычали друг на друга, Гермиона, стоя позади Гарри, молилась, чтобы их не заметили.

— Да, Висли, ты совершенно прав — это ловушка, — Драко заговорил с таким сарказмом, что его голос резал не хуже отточенного ножа. — Какой ты догадливый! Ведь у меня же раньше не было ни единой возможности убить всех вас! И сейчас на шее у Гарри не болтается эта хреновина, с помощью которой, захоти он ее использовать, он прикончит меня в любой момент.

Рон взглянул на Гарри:

— Используй эту штуку, — попросил он, — умоляю!

Драко взмахнул ресницами и повернулся к Гарри:

— Точно, Гарри! — заверещал он фальцетом, передразнивая голос Рона. — Почему бы тебе не избавить меня от этого отвратительного типа?

Гарри резко взглянул на Драко:

— От тебя нет никакой помощи!

Драко пожал плечами:

— А что, когда-то была?

— Никогда бы не сохранил тебе жизнь, — в сердцах бросил Рон, тут же испугавшись собственной жестокости. Гермиона потрясенно взглянула на него и сразу же поняла, что он не имел в виду ничего безжалостно-кровавого.

Драко же был другого мнения. Он послал Рону ангельскую улыбку, означающую на деле крайнее раздражение:

— Какая прелесть, Висли! — произнес он. — Знаешь, это очень сильно похоже на то, о чем я размышлял вчера. Когда целовался с твоей сестрой.

Рон рванулся к нему, но цепкие руки повисших на нем Гермионы и Гарри сумели его удержать, хотя это не мешало ему попытаться испепелить Драко взглядом.

— Держи подальше свои лапы от моей сестры, — яростно взвыл он.

Драко мелодраматично закатил глаза.

— «Держи подальше свои лапы от моей сестры»? И что сие значит?

— Так, вы, оба — быстро прекратили! — взорвалась Гермиона, крепко сжимая руку Рона. — У нас сейчас есть дела поважнее, чем ваши разборки.

— Я и шагу вперед не сделаю без гарантии, что мы можем ему доверять, — Рон оттолкнул-таки Гарри и Гермиону и махнул головой сторону Драко.

— Гарантии — да сколько угодно, — улыбнулся Драко. Эта улыбка отнюдь не была доброй. — Я же пообещал тебе не вламываться по ночам в твою спальню с целью перерезать тебе горло.

— Ты никогда мне ничего подобного не обещал, — опешил Рон.

— Правильно, Висли. Спи крепко.

— Так, все — с меня достаточно, — заявил Гарри. Он выпрямился во весь рост, его зеленые глаза метали искры. Окровавленный, исцарапанный, с синяками, он сохранил способность держаться с таким достоинством, что вокруг него словно возникала адмантиновая стена, которую невозможно было разбить. Для своих шестнадцати лет его командный вид был весьма впечатляющ. Когда он хотел его продемонстрировать.

Так делал и Драко, — мелькнуло у Гермионы. — Нет, там все совсем по-другому... Драко из тех, за кем следуют, испытывая какую-то странную смесь из страха и уважения к его врожденному блеску, безжалостности и харизме. За Гарри же люди шли исключительно по любви — было ужасно трудно не влюбиться в него, даже тогда, когда он был таким суровым, как сейчас... вот Рон упрямо хмурится, отойдя в сторону, а Драко уставился в пол... — но оба они беспокойно заерзали под его пристальным взглядом.

— Так, вы, оба, — скомандовал Гарри. — Отсюда и далее: вы затыкаетесь и оставляете друг

друга в покое.

— Но Гарри... слабо запротестовал Рон.

— Я сказал — молчать, — резко перебил его Гарри, схватил Драко за руку и, преодолевая сопротивление, оттащил его на несколько шагов в сторону, где развернулся и уставился на него с таким негодованием, что Гермиона в тот же миг сообразила, что он обращается к нему телепатически. Гарри никогда не заострял ее внимание на том, что они общаются таким образом, но догадаться было несложно, особенно с тех пор, как она услышала их разговор на кухне Висли. Чувствуя себя немножко виноватой, она потянулась к Ликанту, и лишь только ее пальцы сомкнулись на нем, их голоса зазвучали в голове, словно она поймала и настроила нужную Гарри-Драко радиоволну.

«... не вижу смысла так себя вести, — решительно говорил Гарри. — Вам уже не по одиннадцать лет».

Вид у Драко был надутый:

«...Он первый начал».

«...Нет, это ты первый начал».

«...Не я».

«...Так или иначе, — добавил Гарри, — у Рона есть повод».

«...И что? — поинтересовался Драко с видом, будто он с трудом удерживается от желания сорвать с Гарри очки и со всей силы шмякнуть их ему об голову. — Ты хочешь сказать, что ты не веришь мне? Все еще не веришь?»

«...Конечно, верю, — но Драко все еще смотрел на него с подозрением. — Слушай, Драко, я же сказал — я верю тебе».

Драко недоверчиво взглянул на него и неожиданно брызнул весельем. Гарри порозовел.

«...В чем дело?»

«...В тебе: ты сейчас назвал меня по имени. Смотри, не умри от разрыва сердца. Не, правда, звучит забавно, когда это говоришь ты. Можешь продолжать звать меня Малфой».

«...Ты же называл меня Гарри».

«...Только тогда, когда думал, что ты умираешь, — искренне признался Драко, прислонясь к стене и устремляя на Гарри взгляд своих полуприкрытых глаз. — Так что ты имел в виду, говоря, что у Висли есть повод? Согласен, у него масса поводов, и один хуже другого, но что именно ты имел в виду?»

«...Я думал об этом, — Гарри указал взглядом на Знак Мрака на руке у Драко. — Я верю в искренность твоих намерений, но существуют вещи, которые ты не в силах контролировать. Это делает Слитерин, а Знак Мрака связывает вас — вдруг он решит использовать его для контроля над тобой?»

«...То есть ты боишься, что я могу внезапно накинуться и ранить кого-то из вас?»

«...Скорее, ты повредишь себе. Сириус мне говорил, что Темный Лорд использовал Знак для того, чтобы на расстоянии руководить и следить за Пожирателями Смерти, а если они сопротивлялись, он их заживо сжигал, — глаза Гарри помрачнели. — Он и тебя может сжечь».

Драко пожал плечами, твердо глядя ему в глаза:

«...Ну и пусть».

Гарри, привалившись к стене, начал хватать ртом воздух.

«...Я могу что-то сказать, чтобы...»

«...Нет».

Гарри вздохнул:

«...Хорошо. Делай, что тебе нравится, Малфой. Как всегда».

— Смотри, они снова этим занимаются, — неожиданно заметил Рон, отвлекая Гермиону от подслушивания и размышлений. — Стоят и пялятся друг на друга. Странно...

— Они разговаривают, — невозмутимо объяснила Гермиона, отпуская Ликант. — Они просто разговаривают таким образом.

Рон с подозрением взглянул на нее:

— Так ты можешь их слышать?

— Возможно, — улыбнулась она.

В этот момент Гарри и Драко закончили свои переговоры и вернулись обратно. Рон все еще злился:

— Меня аж передергивает от отвращения... Гарри бы не стал шифроваться от меня.

— Рон, не все в этом мире связано с тобой, — Гермiona догнала Гарри и пошла рядом. Драко пропустил ее вперед, и они теперь цепочкой двигались по извивающимся узким коридорам. Она напрягла глаза и прищурилась, пытаясь разглядеть, что их ждет впереди, но тут Гарри взял ее за руку, она развернулась вправо и обомлела, увидев смотрящее на нее со стены ее собственное лицо... Нет, это не зеркало... она прекрасно понимала это, глядя в свои собственные синие глаза, смотрящие на нее со стены. Она уже видела это лицо — в обрамлении таких же, как у нее самой, волос, она уже видела эту синюю одежду... — такую же, как у нее самой... в которую Ровена Рэйвенкло одела ее вчера — и тысячу лет назад... Она услышала, как чертыхнулся замерший позади нее Драко... Никто из них не видел раньше ничего подобного — да и она сама видела изображение Основателей только однажды, в день своего похищения, в день, когда она приняла Любовное зелье... — когда Слитерин привел ее в комнату с гобеленами... Где-то в подсознании у нее скользнуло удивление — зачем же Слитерин перенес его сюда? Гарри, который ни разу не общался с предками, был совершенно заворочен, он протянул руку, словно бы захотел коснуться лица Годрика Гриффиндора — своего собственного лица... она сжала его свободную руку в тот момент, когда его пальцы прикоснулись к полотну...

— Не касайся! Это ловушка! — вскрикнул Рон, но было уже поздно: под ногами Гермiony с грохотом разверзся пол, она услышала удивленный вскрик Гарри, и они вместе рухнули в темноту.

Сириус шагал и шагал по коридорам, куда более спокойным, чем он предчувствовал. Похоже, у него все получалось: бесчисленные Слитеринские холуи ни разу не остановились и не задержали на нем взгляд, куда-то целенаправленно спеша. Куда? — он понятия об этом не имел, но за этим явно ничего хорошего не стояло.

Гарри и остальным он весьма уверенно указал, куда именно он отправляется, — на деле, однако, все было не так просто: он было решил, что узнал коридор с этими бесконечными темными дверями, в одну из которых он и вошел вместе с Лупиным и этой баньши-Рэйвен. Да-да, точно: это было именно здесь... тот же выложенный плитам пол, змеевидные скобы для факелов, овальные деревянные двери... О! — вот она — резная дверь темного дуба с латунной планкой, за которую она и отправила Лупина... Сириус приостановился перед ней, неожиданно ручка повернулась и, заскрипев, дверь отворилась вовнутрь. Сириус отпрянул и остолбенел.

Навстречу ему шли три юные девы в чем-то белом и полупрозрачном, две несли фонарики, от которых шел бледный, мягкий свет, а третья, самая высокая, наигрывала на арфе какой-то странный, сладкий мотив. Когда они приблизились, Сириус узнал вил. Его напугало это странное сходство с Нарциссой — такие же бледные, высокие, изящные, с водопадом серебристо-белых волос, распахнутыми серо-синими глазами... — словно бы он увидел ее в каком-то кривом зеркале. Заулыбавшись, они замерли, серебристые мантии обтекали их стройные фигурки.

— *Que! homme attirant. Que devrions-nous faire avec lui?* — усмехнулась первая.

— *Je pense que nous devrions le manger,* — промурлыкала вторая.

Продолжая улыбаться, они двинулись к нему — и Сириус попятился назад, ему не понравились ни эти взгляды, ни жесткие, холодные улыбки, заигравшие на их красных губах, а особенно не понравилось то, как левая вила плотоядно облизнулась, глядя на него. И внутри нарастала уверенность в том, что, о чем бы они ни говорили, ничего хорошего для него в этом не было.

— Кыш! А ну, кыш! — этот женский голос прозвучал странно знакомо. — А ну, отстаньте от него, 'развратницы!

Сириус обернулся: позади него, босоногая и облаченная лишь в белую ночную рубашку, стояла Флёр Делакур, что вовсе не мешало ей, оперев руки в боки, метать яростные взгляды. Она повелительно махнула рукой и, к удивлению Сириуса, вилы, сжавшись, попятнулись прочь от нее.

Ах, да, — сообразил он, — она же Источник Слитерина...

Вила, что повыше, обнажила зубки и просяще произнесла:

— *Fleur...pourquoi est-ce que tu ne nous laisses pas seuls et nous laisses avoir notre amusement?*

— Parce que je le dise! — гавкнула на нее Флёр, повелительно топнув ножкой. — Потому что я так сказала! А теперь уходите! Сейчас же!

Шипя и скаля на прощанье зубы, вилы развернулись и исчезли в коридоре с такой скоростью, словно их преследовали фурии. Собственно, у Флёр, провожавшей их не самым добрым взглядом, был именно такой вид: ее серебристые волосы потрескивали, как мишура, напомнив Сириусу, что гнев Магида — весьма могучая сила. Он отступил на шаг под ее пристальным взглядом.

— Ну как вы? — сочувственно спросила она. — Мои кузины... они несколько пе'ревозбудились...

Сириус кивнул, пытаясь взять себя в руки. Она приподняла брови:

— А я ведь видела вас 'раньше... О, я вас знаю — вы д'руг п'рофессора Лупина! Я видела вас в его кабинете — в камине!

Сириус снова кивнул и представился:

— Я Сириус Блэк.

— А п'рофессор?... с ним все хорошо? — Флёр распахнула свои синие глаза. — Он п'рибыл сюда?

— П'рибыл... в смысле — прибыл, он с другими оборотнями, — произнес Сириус, стараясь не сболтнуть ничего лишнего. От Гарри он уже знал о поступке Флёр, но Драко добавил к этому несколько подробностей, из чего Сириус заключил, что она искренне желала исправить свою трагическую ошибку. Кроме того, она была так слаба, что в физическом плане никакой угрозы не представляла. — Можешь меня туда провести?

Она кивнула:

— Могу. Это чуть дальше, мы совсем 'рядом... — она взглянула в ту сторону с усталостью и страхом. — Если он меня поймает...

— ...я скажу, что угрожал тебе, — заверил ее Сириус с максимальной убедительностью, на какую он был способен. — Они все думают, что здесь болтается какой-то большой нехороший вампир.

Флёр лишь устало кивнула в ответ, словно у нее не было сил даже на то, чтобы хоть что-то сказать. Буквально через пару шагов они уже стояли перед окованной железом дверью, которую он немедленно вспомнил, Флёр стукнула в нее разок, толкнув, пропустила вперед Сириуса, зашла следом и плотно захлопнула ее за собой.

Рон вслед за Драко кинулся к зияющему провалу в полу, в котором исчезли Гарри с Гермионой, и склонился вниз — насколько хватало глаз, там царила темнота — темнота, рассеиваемая каким-то слабым-слабым проблеском внизу, в какой-то бесконечности. Что это было? Сияние дневного света? Блеск воды?

— Гарри! — закричал Драко, стены этого черного колодца эхом вторили ему. — Гермиона!

— Гермиона! Гарри! — присоединился к нему Рон.

В ответ донеслись какие-то звуки — настолько слабые и далекие, что они так и не поняли, были ли это их собственные голоса, отразившиеся от дна, или же ответ. Драко покосился на Рона, бледного, как его собственная майка.

— Как ты узнал? — просипел он. — Как ты узнал, что это ловушка?

Рон покачал головой:

— Просто знал.

Голос его был пустой и мертвый.

Шрам на ладони Драко вдруг что-то кольнуло, и в голове у Драко зазвучал голос Гарри:

«...Эй, Малфой, вы там, наверху?»

«...Да, — плечи Драко обмякли, напряжение чуть спало. — Как вы там с Гермионой — целы?»

«...С нами все в порядке... Бултыхаемся тут, как поплавки, в какой-то глубокой-преглубокой луже, но в порядке. Рон?..»

«...Ни веснушки не пропало».

«...Скажи ему, что с нами все хорошо».

Драко взглянул на Рона и коротко кивнул:

— С ними все в порядке.

— Откуда ты знаешь? — прищурился Рон и тут же покачал головой. — Ладно, не надо. Я догадался.

«...Как он узнал, что это ловушка? — удивленно и растерянно снова заговорил Гарри. — Я имею в виду Рона».

Драко пожал плечами:

«...Я не знаю. Он просто сказал, что понял — и все».

«...Гермиона сказала, что он Прорицатель», — произнес Гарри после короткой паузы.

— Ты Прорицатель? — недоверчиво поинтересовался Драко, взглянув на Рона. От отца он знал, как редко они всегда встречались и насколько востребовано было их мастерство. Вот взять профессора Трелони: провидческого таланта — чуть, что не помешало ей занять профессорскую должность в Хогвартсе... яркое свидетельство редкости этого дара...

Рон напрягся, ожидая подвоха:

— Сам удивляюсь...

— Слушай, все это выглядит так, словно тебе наконец-то дали трубу, чтобы ты в нее дунул, — совершенно неуважительно бросил Драко. — И ты удержал меня от падения в эту дыру. Схватив меня за руку, между прочим... — этого я от тебя ну никак не ожидал.

— Я потянулся к Гарри, — с отвращением и безразличием ответил Рон, — а достал тебя. Из всего этого я могу сделать только одно заключение: я расплачиваюсь за свою карму по ну очень высокой и быстро растущей ставке...

Драко опустил глаза на свой порванный рукав:

— Ну, во всем есть плюсы: ты, например, прикончил мою рубашку, которая и без того выглядела достаточно интригующе... Хорошая работа.

Рон раздраженно покосился в его сторону:

— И как мы их оттуда достанем?

— Веревками. Нам нужны веревки... ну, или канаты, или что-то...

— Но Гермиона говорила — никакой магии внутри замка, — обеспокоено напомнил Рон.

— Я знаю... Вот задница... — Драко начал лихорадочно соображать, и тут его взгляд зацепился за украшающие стены тяжелые гобелены. — А как насчет вот этого?.. — ткнул он пальцем в их сторону. — Мы можем разрезать их на полосы и связать. Получится что-то вроде веревки...

Рон нехотя кивнул:

— Что ж, весьма практично. Ты уверен, что ты точно не маггл?

— Очень смешно, — Драко поднялся на ноги.

«...Посидите пока там, Поттер, мы попробуем спустить вам веревку».

«...О'кей...»

Драко ухватил за угол гобелен с изображением стада гарцующих по летнему цветущему лугу единорогов — такой странный среди этих бесконечных сцен битв и портретов, за другой край его взял Рон и с силой дернул, взметнув в воздух облако пыли, от которой Драко тут же скрутил кашель. Когда же наконец он выпрямился, откашлявшись и проморгавшись, то представшая перед ним картина заставила его похолодеть: по коридору, гоня перед собой ледяную волну, медленно двигались три высоких сутулых фигуры. Серые мантии, гниющие, покрытые струпами руки... — дементоры, — в ужасе понял он.

И Гарри его услышал:

«...Уходите оттуда. Бегите».

«...Но как же вы?..»

«...БЕГИТЕ!» — заорал Гарри так сильно, что у Драко едва не треснула голова.

И они побежали.

Гарри выругался.

— Дементоры. Их преследуют дементоры. Теперь мы остались одни, Гермиона.

В гробовой тишине Гермиона пыталась осознать все случившееся.

— А во что такой мы провалились? Только точно? — тихонько спросила она. Ей показалась вечностью та минута, которую она провела в темноте и нарушаемой лишь плеском тишине.

— Это вода, — успокаивающе произнес Гарри. — Простая вода.

— Как темно... — произнесла Гермиона, стараясь, чтобы предательски не дрогнул голос.

Она почувствовала, что ладонь Гарри натолкнулась под водой на ее руку, и крепко ее сжала.

— Иллюмос, — прозвучал его голос, и пространство вокруг них залилось тусклым светом.

— Гарри! Никакой магии! — вскрикнула она, лихорадочно соображая, как можно обратить уже произнесенное заклинание. — Ведь Слитерин же узнает!..

— Мы сейчас уже не в замке. И вообще — как бы сюда появился Слитерин?

В этот миг, чувствуя, холодная вода отбирает у ее тела последние крупинки тепла, Гермиона подумала, а был ли приход Слитерина самым страшным событием? Кстати — как долго они сумеют выжить здесь? Да, а собственно — где это «здесь»? — закрутила головой Гермиона.

Они плавали посреди какого-то темного водоема, среди скал и сумрака. В пяти ярдах от них чернел круглый проход.

— Я удивлюсь, если это выход, — задумчиво произнес Гарри.

— Или вход, — не задумываясь, подхватила Гермиона.

— Вход? Для кого?

Гермиона была уверена, что в наступившей тишине они рисуют в воображении омерзительных морских чудовищ.

— Слушай, — наконец произнес Гарри, — я совершенно уверен, что, если мы чуточку подумаем, мы обязательно выберемся отсюда.

Стараясь не сосредотачиваться о том, что может подбираться к ним из глубин, Гермиона подняла голову и поискала в вышине отверстие, через которое они и упали.

— Если бы я могла дотянуться до кирпичей... Похоже, их можно использовать в качестве опоры... — заметила она. — Если я залезу на тебя...

— ...то я утону, — уныло покачал головой Гарри. — Но, думаю, как-нибудь попозже ты обязательно на меня залезешь...

Не успела Гермиона открыть рта, чтобы ответить, как из проема в скале показалось какое-то слабое серебристое свечение — его точно не было минуту назад. Хотя, может, ей привиделось? Она взглянула на Гарри, но тот был весь поглощен изучением стены на предмет выступов, за которые можно было бы ухватиться.

— Поразительно, ты еще можешь шутить, — она постаралась, чтобы ее голос звучал как можно более жизнерадостно.

— Научился этому от Драко. Два в одном: шуточки и усмешки... В самом деле помогает... — барахтаясь, он брызнул ей в лицо.

Теперь свет стал совершенно отчетлив: он лился из пещеры, дрожа на воде серебристой дорожкой.

— А может, ты знаешь какое-нибудь заклинание, чтобы не утонуть? — в отчаянии спросила Гермиона, видя, как что-то появилось из проема и заскользило к ним по воде. Она вцепилась в руку Гарри, он притянул ее к себе и крепко прижал, пытаясь защитить... Сердце едва не выскочило у нее из груди, пока она не поняла, кто появился перед ними в этом подземном озере. Русалки. Две... нет, три, очень красивые, с длинными зелеными волосами, аккуратными жабрами, порхающими под подбородками, с переливающимися под водой золотисто-зелеными рыбьими хвостами.

Одна — поосторожней, с печальным лицом, устроилась на выступе торчащей из воды скалы, но две другие подплыли поближе, оказавшись в нескольких футах от Гарри и Гермионы, и захихикали. Серебристое свечение шло от висевшего на шее у одной из них белого полупрозрачного шара.

— Привет, — произнесла та, что была слева, и вторая тут же закатилась в приступе хихиканья.

Сама не зная, почему, Гермиона вдруг подумала о Парвати и Лавендер, а та, что надувшись, сидела в сторонке, до странного напоминала Панси Паркинсон, какой та была последние несколько недель их шестого учебного года.

— Вы кто? — с непритворным изумлением спросил Гарри. — Вы нас можете понимать?

— О, мы говорим по-человечески. Оттуда сверху постоянно доносятся эти ужасные визги и шум, так что мы научились. Мы чудовища, — ответила русалка между смешками. — Мы — чудовища, — шепотом, словно это была сверхсекретная тайна, повторила она.

— Кто? — требовательно переспросила Гермиона.

— Ну, это он так думает, — объяснила та, что бултыхалась справа.

— То есть Слитерин? — догадалась Гермиона.

— Когда он однажды увидел здесь какие-то движения — о, это было сотни лет назад — он решил, что тут живут какие-то монстры, и воздвиг над этим озером свой замок, начиненный разнообразными ловушками... Люди постоянно сюда падают. Мы заколдовали воду, чтобы они не тонули, а потом выводим их на волю... А он думает, что их пожирают чудовища!

— Так вы здесь уже не первое столетие? — удивилась Гермиона.

— Ну, конечно же, нет! — оскорбленно фыркнула в ответ одна. — Здесь сменилось уже не одно поколение, тут жили наши семьи... ни одной из нас не больше двухсот, благодарю. А еще тут скучно. Вы тут первые за много-много лет. А вон она, — махнула русалка в сторону сидящей в отдалении третьей, — все еще сохнет от тоски по тому мужчине, что был здесь шестьдесят лет назад... Очень красивому brunetu с сияющими глазами... Кстати, немного похожему на тебя, — произнесла она, глядя на Гарри. — Пойдемте, нам лучше уйти отсюда до того, как он придет полюбоваться на плавающие в воде косточки... Наберите в грудь побольше воздуха, сначала надо будет двигаться под водой, не бойтесь, не очень долго.

Признаться, это оказалось чуть дальше и гораздо холоднее, но в конечном итоге они были вознаграждены сухой пещерой с занавесами из водорослей и растущими среди камней цветами. Гарри и Гермиона вылезли обтекать на берег, а русалки плескались и внимательно их изучали.

— Все, что вам осталось — пройти туда, и вы очутитесь позади башни, — объяснила первая русалка. — Вход заколдован, так что снаружи его не видно.

— Бегите со всех ног и не останавливайтесь, — посоветовала вторая.

— Мы вам очень признательны, — поблагодарила Гермиона, — однако нам нужно вернуться в замок.

— Обратно в замок? — ужаснулись русалки.

— Там наши друзья, — твердо произнес Гарри. — Сами понимаете.

— И, — наугад произнесла Гермиона, решившая использовать любую возможность, — нам нужно добраться до Ока.

— Ока? — ахнула первая.

Третья русалка бросила на Гарри еще один взгляд и наконец-то заговорила:

— А ты часом не Наследник Гриффиндора? — с сомнением в голосе спросила она.

— Э-э... — Гарри смутился — как всегда, когда к нему приставали.

— Слушай, а ты не Мальчик-Который-Выжил?

Помолчав, Гарри кивнул:

— Точно.

Первая русалка вцепилась во вторую и возбужденно затеребила ее:

— Это он! Тот самый, один из тех, о ком говорится в пророчестве про Наследников! Мы должны открыть ему Тайну!

— Подожди, а как же она? — колебалась вторая.

— Да она никто.

— Я не никто, — отрезала Гермиона, — я Наследница Рэйвенкло.

— Но ведь в пророчестве речь идет не о тебе, — снисходительно-высокомерно заметила русалка.

— Происки сексистов, — резко заявила Гермиона.

— Все, что вы хотите сообщить мне, говорите при ней, — громко сказал Гарри.

Русалки удивленно приподняли изящные зеленые брови:

— Хорошо-хорошо, — первая русалка сняла с шеи шарик и протянула его Гарри.

— Что это? — осторожно спросил он.

— Сама не знаю наверняка, — задорно улыбнулась русалка. — Одно точно — эта штука очень мощная и древняя, я ее уже почти сто лет храню, а до меня хранила моя мать. Этот шар из тела волшебника, что сбросили сюда много-много сотен лет назад... Он уже был мертв, ему ничем нельзя было помочь... Тело укрыли старейшины, а шар сохранили, чтобы передать Наследнику Гриффиндора, — она протянула шар Гарри.

Гарри взял его и, к большому неудовольствию русалки, тут же передал Гермионе. Она начала его с любопытством осматривать — свечение постепенно затухало, однако внутри еще плясал огонек, вернее, если присмотреться, три огонька — они то разделялись, то снова сливались. Шар опоясывала серебряная лента, на которой Гермиона сумела разобрать единственное слово —

adunatio.

— Что бы это значило? — Гарри склонился над ее плечом, и прядь его волос пощекотала ее щеку.

— То ли объединение, то ли соединение... — Гермиона приблизила шар к нему. — Может, это любовный амулет или...

— Осторожнее с ним, — резко перебила ее русалка. — Он опасен. Не разбей — могут произойти страшные вещи...

— А может быть, он нам ни к чему?.. — произнес Гарри.

Бросив на него негодующий взгляд, левая русалка произнесла заклинание, шлепнув по одному из заросших мхом камней, и перед ними возникла ведущая в сумрак лестница.

— Она приведет вас к Оку, — надменно фыркнула она, — желаю удачи. Она вам здорово понадобится.

И с этими словами она, а вслед за ней и ее подружки мгновенно скрылись под водой. Тревожно переглянувшись, Гарри и Гермиона взяли за руки и шагнули на ведущие в темноту ступени.

— Так, отлично, и сколько же вас здесь? — поинтересовался Лупин, рассеянно потянувшись за гиппогрифовым хрустиком и тут с содроганием отбросив его. — В смысле — как велика армия Повелителя Змей? Точное количество здорово помогло бы при разработке стратегии.

— Ну, что ж, — ответил глава оборотней, а в миру живущий в Ипсвиче бухгалтер Питер Уайтстоун, ставший оборотнем в 16 лет. — Мы, оборотни, потом еще пара сотен дементоров, вилы... может, сотня троллей, несколько баньши, люди, несколько огрингов и сколков.

— Огринги? — пораженно переспросил Лупин. — Сколки? Но они же не существуют! Это же миф!

Питер удивленно взглянул на него:

— Вовсе нет.

В Лупине проснулся чрезвычайно заинтересованный преподаватель Защиты от Темных Сил, здорово поколебав позиции воинственного борца. Это его даже немного напугало.

— Огринги — это Мороки, — задумчиво произнес он. — А про сколков я не слышал с...

— Это живые скелеты, — произнесла симпатичная женщина-оборотень, представившаяся как Изабель. — Их очень трудно убить.

Большинство оборотней потеряли к Лупину интерес после прибытия и покровительства Пита, оставшись на уровне «привет» и угощения мармеладками. Изабель и Пит — единственные, кто остался, другие же в углу увлеченное перепинывали друг другу тряпичный мячик. Лупин не мог поверить, насколько безобидными они выглядели.

И вот это-то и есть та стая злобного зверья, от которой я всю жизнь держался подальше... Мне будет стыдно.

— Это не так важно, — отрезал Лупин.

— Ты как-то напряжен, друг мой, — заметил Пит. — Думаю, настало время для небольшого расслабления.

Лупин приподнял бровь:

— Расслабления? Мы и так все слишком расслаблены.

Однако Пита и Изабель, радостно захлопавшую в ладоши, остановить было невозможно.

— Несите трубы, несите барабаны, несите музыкальные инструменты из свиной лопатки и желудка выдры, мы собираемся устроить здесь настоящий тарарам!

Несколько оборотней помчались исполнять ее приказ. Лупин, знакомый с рок-музыкой оборотней по последнему дню рождения Сириуса, когда тот приволок Time-Warlock, понял, что будет много рева, застонал и схватился за голову:

— Стойте, мы же должны работать, мы должны...

Открылась дверь и, потряся Лупина до глубины души, так что тот вряд ли мог даже как-то отреагировать, в комнату вошел Сириус в сопровождении бледной, тоненькой Флёр Делакур. Он видел, как Пит поднялся на ноги и вынул из кармана палочку-проверялочку, которую сам ловил, войдя в эту комнату...

— Дай мне, — резко приказал он и шагнул к Сириусу и Флёр, постарался встать, чтобы закрыть их от взглядов всех остальных и, прошептав:

— Флёр, поймай это! — бросил в них палочку. Флёр без труда схватила ее в воздухе, и Лупин отошел.

— Они прошли, — кинул он через плечо, и увидел, как Пит, не слишком внимательно наблюдавший за ними, кивнул и приветственно помахал.

Лупин снова повернулся к Сириусу, схватив и крепко сжав его руку, он тревожно спросил:

— Как ты? Как Гарри?

Сириус быстро ввел его в курс сегодняшних событий, заставив вытаращить глаза от удивления. Когда тот говорил о роли в произошедшем Флёр, Лупин бросил на нее быстрый взгляд, однако она решительно смотрела в сторону полными слез глазами, и он решил не мучить ее расспросами и вопросами.

— Так что мы собрались встретиться снаружи, — заключил Сириус, — и я вернулся за тобой. Хотя, как мне кажется, тебе здесь вполне неплохо. Да и вон тот оборотень от тебя явно тащится.

— Кто? Пит? — опешил Лупин.

— Да нет, вон та красotka в синем.

Лупин закатил глаза:

— И даже в этой ситуации ты пытаешься меня пристроить. Как трогательно...

Сириус улыбнулся, а Флёр нахмурилась:

— Это может оказаться не так просто, как вы думаете.

— Устроить Лупину свидание? Издеваешься над беднягой, да? Он вовсе не такой уж и страшный.

— Нет, я про то, чтобы выбраться из замка, — бледные, как полотно, скулы Флёр чуть порозовели. — Выходов очень мало и все они охраняются. Нам не помешала бы карта.

— Нам? — уточнил Сириус, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал слишком резко.

Флёр опустила глаза:

— Я бы хотела пойти с вами... если вы меня возьмете...

— Ну конечно, — подхватил Лупин, тронутый ее несчастным видом. — Нам понадобится ваша помощь, чтобы выбраться из замка.

В его сердце завозился грызущий червячок тревоги, когда он вспомнил их разговор об источнике мощи: будь он тогда чуточку полезней, она бы не зашла так далеко...

— Здесь есть карты, — махнул он рукой в стороны стоявших у стола Пита и Изабель, как раз в этот момент изучавших какую-то схему.

— А почему ты знаешь, что другие оборотни не поднимутся против нас? — прошептал Сириус. — Разве они не рабы Темного Лорда?

— Я натолкал Волеукрепляющего Зелья в драже Берти Боттс... — шепнул Лупин. — Они-то этого не знают, но...

— ...отношения раб-господин из их взаимоотношений уже вычеркнуты, — ухмыльнулся Сириус.

— Да, за такую шуточку надо бы тебя пристрелить. А теперь постарайся держаться в рамках приличий.

Когда они плечом к плечу стояли над планом замка, Лупина вдруг осенило и он бросил быстрый взгляд на Сириуса:

— У тебя еще остались карандаши Зонко?

— Только один, — Сириус вытащил его из кармана и протянул Лупину.

Было очень странно — снова, спустя почти двадцать лет держать его в руках... Он помнил это чувство — магия текла на вырванную Питером из Истории Хогвартса карту замка... Первая Карта Мародеров... Теперь он обводил мягким грифелем Слитеринский замок, хотя Флёр настойчиво советовала ограничиться только первым этажом с выходами. Карандаш в его руке излучал энергию, когда он вырисовывал все эти входы-выходы, коридоры, двери и лестницы... маленькие появляющиеся точки указывали местонахождение и перемещение обитателей замка... И вот, когда он закончил с садом и крепостными стенами, он заметил нечто очень странное...

— Сириус, — поманил он друга, — ты только взгляни на это...

Сириус глянул ему через плечо, вытаращил глаза и выругался, но Лупин не мог предъявить ему претензий: за стенами замка были сотни, возможно, даже тысячи точек... а возглавляли эту армию три точки, подписанные Вирджиния Висли, Драко Малфой и... Бенджамин Гриффиндор.

— Что за... — пробормотал Сириус, но в этот момент Флёр перебила его, быстро пройдя через

комнату и сдернув с окна одну из тяжелых бархатных портьер. Оборотни негодующие взвизгнули, когда яркий лунный свет ворвался в комнату, но Флёр, не обращая на них внимания, призывно махнула рукой Сириусу и Лупину. Они подбежали к ней и Лупин, отшвырнув портьеру в сторону, выглянул в сад.

И чуть не вывалился: за стенами толпились фигуры — дюжины, сотни... лунный свет играл на доспехах, серебрил оружие и подсвечивал сиявшие своим, внутренним светом хлопавшие на ветру вымпелы, каждый из которых венчал темно-красный флаг с золотым львом. Гриффиндор.

— Это армия... — прошептал он. — Джинни вернулась и привела с собой армию... Но как она добилась этого? Воистину — удивительная девушка.

Лупин покачал головой:

— Они же просто топчутся там... Чего они ждут? Почему не атакуют?

— Они не могут попасть внутрь, — пояснила Флёр. — Вокруг замка есть защита от проникновения внутрь нападающих. Они никогда не смогут сюда попасть. Повелитель Змей знает об этом и даже, скорее всего, не волнуется...

— А есть ли какой-нибудь способ обойти охрану? — взглянул на нее Лупин.

Флёр медленно кивнула:

— Только Слитерин может это сделать. Или...

— Или?... — повернулся к ней Сириус. — Или ты?

Она кивнула, дрожа всем телом.

— Я... могу попытаться... но... когда я пробую не подчиняться определенным правилам... вы не знаете, что это за обжигающая боль... от нее слепнешь... — она опустила глаза в землю. — Надеюсь, я смогу помочь вам. Я должна искупить...

Сириус взглянул на склоненную голову Флёр, потом перевел глаза на впавшего в задумчивость Лупина:

— Рем, — окликнул его он, — у тебя не осталось фиолетовых Всевкусных Орешков?

Драко послушался Гарри и побежал по коридорам, слыша, как позади топает Рон — надо сказать, что скорость его длинных ног весьма и весьма впечатляла, не говоря уж о сопении и энергии, с какой он все это делал. Свернув за угол, они вылетели на площадку длинной, цвета слоновой кости лестницы. Рон, задыхаясь, схватил Драко за рукав:

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— Уверен, — и Драко припустил вверх, Рон следом, а за ними поднималась ледяная волна — Драко чувствовал, что дементоры неподалеку. Лестница, угол, снова лестница — и они оказались перед закрытой дверью. Рон в отчаянии проклял все на свете и зарычал на Драко:

— А я-то думал, ты знаешь, куда идешь!

— Заткнись на минутку, ладно? — Драко уставился на дверь, совсем не похожую на двери, виденные им до сих пор: сделанная из темной слоновой кости, она была заперта на семь замков и семь засовов. В иступлении Драко вцепился в засовы, начал дергать и царапать их — все бесполезно, они держались намертво, разве что у него заскользили вспотевшие пальцы, да волосы полезли в глаза. По коридору пополз леденящий холод — и они оба были прекрасно осведомлены, что было тому причиной.

— Используй меч, тормоз! — Рон сверкнул глазами, привалившись к стене.

— Что?

— Меч, меч, тебе говорю! Может, ты им сумеешь пробить. Думай!

Драко вытащил меч из ножен, взглянул на него, на эту внушительно выглядящую дверь, пожал плечами и с силой размахнулся. Клинок проскользнул сквозь дверь, как сквозь масло, — с такой же легкостью он разрубил адмантиновые цепи Гарри. Драко отступил и снова рубанул — на этот раз по засовам, они со звоном посыпались ему под ноги. Рон ухватился за ручку, распахнул дверь, и они рванулись внутрь. Драко попытался было пристроить ее обратно, но бесполезно.

— Брось ее! — крикнул Рон, и Драко, оставив ее покачиваться на петлях, оглянулся, чтобы увидеть, где они очутились: они стояли на широком, огражденном доходящей до груди стеной, каменном балконе, опоясывавшем башню и упиравшемся в зубчатые крепостные стены. Драко

подбежал к краю и выглянул — вдалеке, насколько хватало глаз, расстился лес, уползая за горизонт, а сверху на него смотрели звезды и месяц, омывающий холодным бледным светом башню и стены. Неожиданно Драко сообразил, как долго он не был на свежем воздухе.

Вокруг не было ни единого пути вниз, ни какого-либо другого входа, кроме того, через который они вбежали. На этот раз Рон даже не чертыхнулся: смертельно бледный, с черными брызгами веснушек на лице, он взглянул на Драко и, сделав над собой явное усилие, произнес:

— Мы попались. Ты можешь что-нибудь сделать? У меня палочку забрали...

Драко ничего не сказал, он размышлял, как это чертовски круто — быть Магидом, особенно, если в кризисные моменты ты оказываешься ни на что не способен. Все, чему он научился, — творить заклинания без палочки, но, даже будь у него сейчас в руках палочка, все равно ему в голову не приходило сейчас ни единого подходящего заклинания. Эх, вот если б он научился телепортироваться... На всякий случай он решил попробовать: поднял руку и, мысленно перебрав заклинания, которые когда-либо изучал, произнес:

— Catedra!

Вспышка света — и у крепостной стены появился огромный диван, весьма удобный на вид, с мягкой буклированной отделкой.

Рон с отвращением поморщился:

— Малфой...

Драко раздраженно покосился на него и попробовал опять:

— Cerrucha! — нараспев произнес он, из его пальцев сорвались веревки и кольцами свернулись у его ног. Он поднял один конец и бросил его Рону. — Мы можем спуститься по ним.

— По крайней мере, это не букле...

— Ты играешь у меня на нервах, причем нерв остался последним, Висли, — предупредил Драко, изучая, можно ли вбить меч между зубцами балкона. Если бы тут можно было завязать веревку, может быть, они могли бы...

— Малфой... — сдавленно произнес Рон. Драко вскинул взгляд и увидел, что Рон огромными глазами смотрит куда-то позади него. Чувствуя, что холодеет, он обернулся...

В дверях стояли три дементора — высокие, отчужденные, пугающие... Лунный свет лился на них морозным серебром, на каменном полу вытянулись еще более длинные, страшные тени. Они стояли, не шевелясь, чернота под капюшонами была безмолвна и безразлична... Медленно они поплыли вперед, и Драко прострелил холод, заморозил его тело, превратил кровь в лед...

...Нет, не надо... Только не сейчас...

Он почувствовал, что стоящий позади Рон находится в таком же состоянии — чертыхаясь, он сполз на пол и, ухватившись за одну из диванных подушек, швырнул ее в приближающихся дементоров, но самый высокий легко поймал и одним ударом лопатообразной руки превратил ее в клочья, который вышвырнул прочь.

— Похоже, твоя тахта ему не понравилась, — просипел Рон.

Драко сейчас был не в том состоянии, чтобы сочинять что-нибудь умное в ответ.

— Уходи, — твердо сказал он и отпихнул Рона, что было сил. Споткнувшись, он удивленно уставился на Драко. — Им нужен я. Убирайся отсюда.

Он смутно ощущал, что Рон смотрит на него, слышал его голос — «Малфой...» — но все остальные слова рассыпались пузырьками воздуха в бурлящей воде, когда дементоры заскользили вперед, заковыкая все перед собой в лед; холод острыми ножами полосовал его тело, как тогда, в лесу, когда в его — вернее, вовсе не его — памяти снова зазвучали эти агонизирующие крики, эти пронзительные вопли, от которых закладывало уши и темнело в глазах. Воспоминания крови, клокотавшей в его теле, снова ожили в его мозге, и рядом не было Гарри, способного их разогнать...

Он стукнулся спиной о стену, о неровные камни — так сильно, что на мгновение боль прояснила его зрение: дементоры двигались к нему, до них был всего фут... Рон стоял в дверном проеме, глядя на них... все происходило как-то очень быстро и, в то же время, ужасно медленно... а меч-то я забыл на балконе! — внезапно осознал он, увидев как в лунном свете серебристо поблескивает эфес недалеко от Рона... Он вытянул вперед руку, чтобы тот привычно прыгнул в ладонь... — ничего не произошло. Он попробовал снова, даже не представляя, что для этого еще нужно сделать — ведь всегда все получалось так просто... Он растопырил пальцы, позвал меч... Бесполезно. В ушах

звенел его собственный отчаянный вскрик, но и он ушел, вытесненный ледяной мглой, затянувшей пространство перед ним... Надо попробовать Заклинание Патронуса... однако он ни разу не произносил его против настоящих дементоров, никогда не сопротивлялся этой ледяной машине, высасывавшей из него остатки воли, энергии, надежды...

Сквозь туман донесся голос Рона — надрываясь, он хрипло выкрикнул его имя и, с трудом открыв глаза, Драко увидел, что он бежит, хватая меч и, с искаженным от боли лицом с размаху кидает ему — воздух рассекло серебристое сияние, и Драко ухватился за эфес. Теперь — вперед и вниз, как учил отец, со всей силы по ближайшему дементору... как раз через сердце... если оно вообще у него есть...

Воздух разорвал крик дементора и еще одна вспышка — яркая и зеленоватая, Драко отшатнулся, едва не ослепнув. Впервые он слышал, как эти безмолвные создания издают какие-то звуки — протяжный вопль, полный боли и ярости. Драко, замерев от ужаса, не мог оторвать взгляда от дементора, который, сжимая застрявший в теле меч, в корчах повалился на землю. В тот же миг двое остальных рванулись к нему, волоча за собой безжизненно распростертое тело...

Рон.

Драко рванулся вперед, выдергивая меч из приконченного дементора — но они были быстрее: стеной закрыв тело своего мертвого собрата, они заскользили к нему беззвучным и ужасающим ледяным цунами.

Шаг назад. Еще один. И вот спина уперлась в стену. Опять трудно дышать, в ушах шумит и трясутся руки... Прыжок на стену... Спереди подбираются дементоры, а позади стена обрывается утесом, нависающим над макушками деревьев... Луна и звезды разливали сияющий серебристый свет, от которого время словно останавливалось, замирало между небом и землей...

Он закрыл глаза и в отчаянии нырнул в воспоминания о единственной короткой лекции о Патронусах, что в лесу прочитал ему Гарри.

Счастливое воспоминание... У него и тогда не было ничего подобного, и разорви его черти, если за это время он обзавелся чем-то подобным, — горько подумал Драко.

Так придумай их, Малфой, — прозвучал в его голове голос Гарри.

Он призывал, пытался оживить в себе грезу, созданную тогда в лесу, — но быстрее, чем лица Сириуса, Гарри и Гермионы материализовались и обрели плоть в его воображении, холод сдавил его...

— Экспекто Патронум... шепнул он и закричал во весь голос, — Экспекто Патронум!!!

Первое, что он увидел, открыв глаза, — крылья. Огромные, золотисто-зеленые. На какое-то мгновение ему показалось, что это сработало заклинание, но он тут же вспомнил, что сотворенным им дракон был серебристым... в этот момент крылья откинулись назад и опали, представив возникшее перед ним создание во всей красе.

И он едва не сполз по стене: в воздухе, почти на уровне его глаз, ритмично взмахивая крыльями, висел дракон — темно-зеленый, с вращающимися золотистыми глазами, он был обряжен в цвета Слитерина. А на его спине восседала Джинни. Он едва узнал ее, настолько у нее был яростный и целеустремленный вид. Вихри, создаваемый драконьими крыльями, развеивали алым стягом ее огненные волосы. В левой руке она уверенно держала пару золотых поводьев.

Она протянула ему руку:

— Залезай! — ветер рвал слова у нее изо рта и отшвыривал их в сторону. — Драко!

Не колеблясь ни секунды, он подпрыгнул и, ухватившись за ее руку, вполз на спину чудовища. Обхватив ее крепче руками (эх, будь другая ситуация, это было бы куда приятнее!), он заорал ей в ухо:

— Брат! Там твой брат! Мы должны вернуться за ним!

Джинни развернулась к нему, побледнев:

— Я видела только тебя. Рон? Где он?

Вместо ответа Драко потянулся вперед и схватил поводья поверх рук Джинни, горячо надеясь, что верховая езда на драконе и лошади не слишком отличаются, а уж в последней-то он разбирался. Он с силой потянул поводья вправо, и, к его восхищению, дракон резко развернулся и нырнул вниз.

Джинни вскрикнула, но не дернулась и не пригнулась, когда они на бреющем полете пронеслись над башней, а дракон взвыл — от ярости или возмущения, Драко не знал наверняка, когда задел

крылом крепостную стену. Перегнувшись через Джинни, Драко смотрел вниз, ища Рона — вот он... уже не бессильно распластавшийся на полу — он стоял и, баюкая у груди свою руку, пятился от наступавших на него дементоров. Он ошалело вскинул глаза на пронесшуюся над тем тень дракона.

Джинни в ужасе смотрела вниз на брата:

— Рон!!!

Драко склонился вбок и вытянул руку:

— Вингардиум Левиоса! — и ноги Рона оторвались от земли. Драко не пришло в голову ничего лучшего, чем это заклинание, которое он в Имении как-то использовал на Гермионе. Рон взмыл в воздух, как выпущенная из лука стрела, и Драко едва не опрокинул дракона, когда, ухватив его за куртку, помог его взобраться на дракона между собой и Джинни. Рон сдавленно подвывал от боли. Весь правый рукав его рубашки набух от крови.

Дракон протестующе взревел, и Драко осенила новая идея:

— Джинни, — крикнул он. — Можешь заставить его пыхнуть огнем?

— Ага! — прокричала она в ответ, сжимая одной рукой поводья, а второй поддерживая брата. — Думаю, да!

— Ну так давай! — Джинни, дернув поводья, снова развернула дракона к башне, что-то неразборчиво вопя ему в ухо. Заложив резкий вираж — Драко вцепился Рону в куртку, чтобы тот не соскользнул — дракон дохнул пламенем цвета расплавленной лавы, и струя огня пожрала крышу — быстро, беззвучно, яростно, пройдя по ней тут же исчезнувшей волной.

Драко смотрел и слушал эту мертвую тишину, опустившуюся после разрушительного взрыва. Постепенно все вернулось, и он снова услышал мерное биение драконьих крыльев, резкие вдохи-выдохи Джинни, неровное дыхание Рона. Выжженная крыша обнажилась, исчезли и дементоры, и обезображенный диван — словно с башни какое-то удивительное вселенское событие смело все, оставив только блестящий меч, невредимо блистающий среди опаленных камней.

— Так что там насчет Слитерина? — спросил Сириус, спеша за Флёр по длинному узкому извивающемуся коридору. Длинные коридоры разбегались во всех направлениях, один за другим сводчатые проходы терялись в зеленоватом тумане. Мимо них спешили тролли, размахивавшие тяжелыми топорами, замогильно завывающие баньши, хищно пощелкивающие клювами вилы. Теперь Сириус понял, как много темных созданий, мчащихся мимо него, были призваны на битву. Только оборотни, обманом освобожденные Лупиным от Призыва, находились в блаженном неведении относительно того, что творилось за пределами замка — когда вся троица покидала их, они закончили плести корзинки и принялись за рисование пальцами.

— Где он? — шепнул Лупин на ухо Флёр, с сияющими решимостью глазами целеустремленно шагавшей по коридору. — Где Слитерин?

— Я не знаю, — твердо ответила она, — и никто не знает. Он велел его не тревожить, и никто не вправе нарушить его распоряжение.

— А у тебя нет такого чувства, что его совершенно не волнует стоящая у стен и готовая к нападению армия? — спросил Сириус.

Флёр покачала головой:

— Нет, что бы он ни делал, его это не волнует.

— Я так полагаю, ему остался только шаг, чтобы вернуть себе всю мощь, — предположил Лупин, когда, завернул за угол, они оказались в большом круглом помещении. — И он прекрасно знает, что со своей силой он может смести эту армию одной только мыслью... Что это?

Сириус замер рядом со своим другом: вместо крыши над ними распахнулось небо. Пространство было перечеркнуто четырьмя соединенными вместе цепями, из середины вниз свисала пятая медная цепь, такая огромная, что каждое ее кольцо было размером с колесо. Она связывалась с S-образным звеном в центре комнаты. Огромная, с дом, змея с чешуей из стекла и меди была закручена вокруг высокой мраморной стеллы, увенчанной высеченным черепом с высунувшейся из рта змеей. Скульптурное изображение Знака Мрака. Сквозь прозрачные части Сириус мог видеть четко и медленно вращающиеся шестеренки сложного внутреннего устройства. Из ноздрей черепа вырывался черный пар, в огромных пустых глазницах мерцало пламя.

Флёр решительно прошла в центр комнаты, в тот же миг змея начала медленно распрямляться, ее хвост медленно зашуршал к ней по полу. Переступив через нее, Флёр подняла руку, рукав сполз — на этой тонкой белой руке чуть выше локтя черным волдырем вздувался Знак Мрака — указав на змею, Флёр крикнула:

— Delenda! — зеленая вспышка света вылетела из знака на ее руке и ударила в механическую змею, тут же развернувшуюся к своему убежищу.

Пока Сириус хлопал глазами, зеленый свет померк, Флёр без чувств распласталась на полу, и Лупин тут же бросился к ней, перепрыгнув через огромный хвост — змея, окаменев, не сделала ни движения, чтобы задержать его, — уж не от удивления ли? — подумал Сириус — и взял ее на руки. И вдруг голова змеи поникла, внутри что-то глухо взорвалось, повалили клубы белого дыма, что-то заискрило, закрипело, и она рассыпалась, раскидав по полу осколки стеклянным и медным конфетти.

Глаза Флёр приоткрылись, и когда Лупин добрался до двери, они тихо, но твердо проговорила:

— Отпустите меня.

Сириус помог Лупину поставить ее на ноги (клянусь, она покраснела!), она, замерев, уставилась на разрушенный механизм и тихо прошептала:

— Послушайте...

Они прислушались. Сириус был уверен, что Лупин, с его сверхчувствительными ушами, наверняка заметил бы любой шум куда раньше их, как обычно...

— Охрана снята... — продолжила Флёр. — Стены рухнули, замок открыт для нападающих...

— Могу я его повидать? Хотя бы минутку? — спросила Джинни.

Бен кивнул:

— Если хочешь. Только не разбуди его — колдомедики дали ему Красновербенное зелье от боли... Не стоит его будить. Твой брат выбыл из строя. Во всяком случае, пока, — Бен легонько подтолкнул ее в плечо. — Ну, иди, я тебя здесь подожду.

Джинни кивнула и, откинув полог шатра, вошла в чистую, светлую комнату с белыми стенами, темной деревянной дверью и кроватью по середине, на которой и лежал Рон.

Она подошла и взглянула на него: он раскинулся на спине, вытянув туго перебинтованную левую руку. Она прикусила губу.

В тот момент, когда дракон приземлился у лагеря, Рон соскользнул с его спины, потеряв сознание от боли в руке — увидев его рану, Джинни охнула и позвала Бена.

Если когда-то она и интересовалась тем, что может сделать Живой Клинок с обычным человеком, то теперь узнала — Рон слово сжал в ладони огнедышащий кусок каменного угля: на его ладони и запястья опаленным мясом кровоточил ожог в форме рукоятки меча, раскаленные змеи прожгли ему плоть почти до кости. Его трясло от боли и стресса, пока наконец колдомедик не дала ему немного успокоительного питья.

И теперь, с налипшими на лоб рыжими прядками, он безмолвствовал в жарком лихорадочном сне.

Джинни наклонилась и прикоснувшись губами к его виску, где серебрился отпечаток поцелуя Ровены, вышла прочь. Перед глазами все плыло от слез, и лишь спустя несколько мгновений она обнаружила, что человек, ждущий ее у шатра, не Бен, а Драко.

С каким-то взбудораженным и взволнованным видом — так выглядят кошки, когда никак не решат, уйти им с этого неудобного места или же еще подождать, — он прислонился к одному из деревянных опорных шестов. На лице смешались грязь и пот, на этом фоне ясные серебристые глаза светились особенно ярко. По ее спине пробежала легкая дрожь, когда она вспомнила, как сидела перед ним на драконе, — его руки поверх ее, его грудь прижимается к ее спине...

— С Роном все в порядке, — они решительно вытерла глаза тыльной стороной руки. — Если тебе, конечно, интересно.

— Интересно, — с отчужденным и холодным видом ответил Драко. — Я ему снова обязан. Опять.

— Ты тоже спас ему жизнь.

— Два — один в его пользу.

— Ах, да-да, никто из Малфоев не может быть обязан никому из Висли, семейная честь и прочее

тра-ля-ля, — раздраженно кивнула Джинни. — Где Бен?

Драко вытянул руку и указал длинным, изящным аристократическим пальцем в направлении соседнего шатра.

— Он отправился туда. И сказал, что вскорости вернется.

— Вскорости? И что это значит?

Драко приподнял одну бровь — она всегда мечтала научиться делать так же:

— Позже, чем сейчас, раньше, чем никогда.

— Ах, спасибо. Очень существенное уточнение.

Дуновение ветра бросило Драко в глаза его светлые волосы, он нетерпеливо откинул их обратно:

— Стремлюсь быть полезным.

— А может, уменьшишь стремление и станешь более терпимым?

— У-у, какие мы брюзгливые, Висли, — распрямился Драко. — А я-то после трогательного вчерашнего ночного эпизода, признаться, решил, что у тебя ко мне какие-то чувства...

— О, еще какие, — твердым голосом подтвердила Джинни. — Отвращение и раздражение.

— А, так ты решила заполнить пробел этим Мистером Надутым Болваном в кожаном трико?

— В бриджах, — уточнила Джинни. — И, кстати, Бен — не надутый болван, а Наследник Гриффиндора.

— Гарри — Наследник Гриффиндора, — отрезал Драко. От холодного ветра у него зарумянились щеки. Впрочем, возможно, это было не из-за ветра, а из-за раздражения. Куда большего, чем он мог себе позволить. — Нам сколько их нужно? Или они теперь считаются пачками?

— Эти солдаты — Бена, — разгорячась, махнула она рукой на лагерь. — Без него я ничего бы не сделала!

— Что ж, теперь я наверняка знаю, что ты ищешь мужчину с действительно большим...

— ...не будь таким отвратительным!

— ...я собрался сказать «войском», — ухмыльнулся Драко, но ухмылка быстро исчезла, сменившись пристальным внимательным взглядом. — Давай напрямик. Ты путешествовала во времени, чтобы вытащить оттуда этого Мистера Болвана с его войском, а потом отправилась сюда?

Джинни кивнула.

— Значит, ты могла провести не один месяц в прошлом рядом с этим парнем. Познакомиться. Очень близко познакомиться. И как мы узнаем, что это не так?

— Никак.

— А ты собираешься как-нибудь прояснить ситуацию?

— Не-а!

— А теперь ты просто пытаешься меня разозлить, — констатировал Драко.

— Да, — удовлетворенно призналась Джинни. — И люблюсь своими успехами.

— А я-то думал, что все Висли стараются быть приятными людьми, — несколько грустно произнес Драко.

Джинни снова подавила улыбку:

— Ты многого про меня не знаешь...

Драко долго и внимательно смотрел на нее:

— Похоже на то... — у Джинни появилось чувство, что он вовсе не злился, а, как всегда, играл с ней и снова выиграл. Но в этот раз это было даже как-то приятно. Под его пристальным взглядом она вдруг осознала, что дрожит под холодным ночным ветерком.

— Ты замерзла, — заметил он и стянул с себя черный свитер — статическое электричество подняло дыбом его светлые волосы. Под ним была еще одна черная — как всегда, черная — рубашка с разорванным рукавом. — Держи...

— Не надо, все нормально, Драко.

— Да ладно. Ты мне тоже однажды дала свитер...

Она опешила на мгновение, а потом сообразила, что он говорит про ее кофту, которой она вытирала его мокрые волосы в Имении неделю назад, — и неохотно приняла свитер из его рук. Только она собралась его поблагодарить, как сзади раздался голос:

— Если верить Феролюсу, он неплохо провел с вами время. Ты даже разрешила ему дохнуть огнем, — это был Бен. Засунув руки в карманы, он с легкой улыбкой разглядывал представшую

перед ним сцену.

— Только разок, — покраснела Джинни.

Бен улыбнулся:

— Да все в порядке.

Джинни убедилась, что ее подозрение, что он старается не встречаться взглядом с Драко, не лишено оснований. Увидев его, коленопреклоненного, над Роном, Бен был настолько потрясен, что едва не уронил носилки, который держал волшебной палочкой. Что касается Драко, то он едва отреагировал на Бена, лишь раз мрачно взглянув на него — и Джинни буквально прочитала у него на лбу мысль «Это не Гарри». Насколько она могла сказать, это было вызвано скорее всеми этими Гриффиндорскими символами — мантией, мечом, ножнами — чем тем, что Бен имел несомненное физическое сходство с Гарри. Она почувствовала, что Драко увидел в Бене Гарри, прошедшего по той дороге, в начале которой он сейчас только стоял.

Пока они топтались около лазарета, она успела ввести Бена в курс случившихся на башне событий, теперь он собрался объяснить стратегию, необходимую для того, чтобы проникнуть в замок Слитерина. Они беседовали на ходу, добравшись до стен замка, под которыми стояли войска, — люди сидели на корточках в темноте, проткнутой огоньками волшебных палочек. Стоял тихий недовольный гул — словно в улье жужжали пчелы.

— Непохоже, чтобы они были счастливы, — сухо заметил Драко.

— Просто все бесполезно, — расстроено пояснил Бен. — Замок полностью защищен от штурма. Мы, конечно, могли бы перелезть через стены по одиночке, но это именно то, чего и хочет Слитеринская Армия... Вы когда-либо видели голодную вилу? Я не должен подвергать этому моих людей. Если говорить о штурме... нам нужна массированная атака, нам нужна мощная атака, нам нужна атака...

— ...в кожаном трико, — подхватил Драко.

— Одолжить? — не моргнув глазом, поинтересовался Бен.

— Драко, замолчи, — попросила Джинни.

— А нет ли какого волшебного пути для преодоления этой защиты? — спросил Драко.

— Конечно, нужно попробовать. Думаю, что у тебя — Наследника Слитерина — должны быть какие-нибудь подходящие знания. Я вижу, он отметил тебя своим знаком — *signa serpens*...

Бен произнес это совершенно безразлично, глаза его смотрели на Драко мрачно и настороженно.

Опустив глаза, Драко обнаружил, что рукав у него задрался почти до локтя.

— Да, — сдавленно произнес он.

— Ты не боишься?

— Меня вообще не просто напугать.

— Ты хочешь биться... — недоверчиво произнес Бен. — Ты хочешь использовать этот живой клинок, чтобы повергнуть темноту? Зная, кто ты?

Джинни встретила глазами с Драко и увидела серебряные искорки отражающихся звезд на его радужке. Он колебался.

— Возможно, я не знаю, кто здесь больший враг. Возможно, это я. Я не знаю. Зато я точно знаю, кто мои друзья и как я не должен поступить с ними. Я хочу все изменить. Я хочу биться. И если вы мне позволите, я встану на вашу сторону. А если нет...

— То что?

— Я все равно встану на вашу сторону, — Драко ткнул пальцем в безмолвный и безжизненный, как мираж, огромный замок, вознесшийся на фоне черного неба. — В нем есть кое-что, что имеет значение для меня и всей моей жизни. И я хочу получить мою жизнь обратно.

Джинни почувствовала резкую вспышку необъяснимого раздражения, но справилась с собой — она прекрасно знала, что Драко любит выражаться фигурально, да и в конце-то концов, матери его в замке не было, а она наверняка кое-что для него значит!.. Да что там говорить — в ситуациях, когда Гарри и Гермиона напряженно искали выход, он был или безрассудным, или совершенно безрассудным. Признаться, она была поражена его яростной решимости вернуться за Роном и сама потом чувствовала себя виноватой: это что же он должен быть за человеком, если бы не захотел спасти жизнь ее брату? А что она за человек, если могла о нем такое подумать? И вообще — как она могла влюбиться в него? Да и влюблена ли она? Все это очень, очень запутано... Решительно

откинув все эти мысли, она взглянула на Бена:

— А в вашем времени вокруг замка была вся эта защита? Ты что-нибудь знаешь?

Бен покачал головой:

— Ни одна армия не смогла атаковать замок Слитерина, он всегда нападал первым. Единственное войско, посланное против него, исчезло.

— Ну, что ж, теперь оно прибыло, — произнес Драко. — Его просто перебросили сюда, на тысячу лет.

— Но ведь должен быть какой-то путь, чтобы снять всю эту охрану, — настойчиво повторила Джинни. — Если дело в силе Магида, — замечательно: Драко тоже магид, и даже если он не знает всей этой кучи заклинаний...

— Спасибо за ремарку, — бросил Драко.

Бен не обращал внимание на их переругивание, глядя в небо, он что-то делал со своими ножнами.

— Здесь все дело в какой-то действительно сильной и огромной магии, — мрачно произнес он. — Странные знаки и предзнаменования... неясные огни в небесах... Не говоря уже о том, что один из моих лучших лучников был сбит с ног невесть откуда прилетевшим диваном. Что-то происхо... — не успел он закончить, как на их головы обрушилась какофония — солдаты, взыв, отскочили назад, когда стены замка рухнули с ужасающим грохотом.

— Гарри, о чем ты думаешь?

— Ты знаешь, — Гарри взглянул на Гермиону и кисло улыбнулся. Они еле дышали от бесконечного лазания по этим кривым сбитым ступенькам — их было ну ни как не меньше тысячи! Стены этого узкого коридора становились все суше и суше по мере того, как они удалялись от воды, и были расцвечены мхом всех оттенков зеленого, серого и фиолетового. Оба они были по-прежнему мокрыми, у Гарри была идея применить Высушивающее Заклятие, но Гермиона пресекла это: «Никакого волшебства, пока мы в замке!» — и так, капая и хлюпая, они шлепали вверх; мокрая одежда облепила тело Гарри, ножны казались неподъемными, мокрые пряди лезли в глаза, однако по сравнению с заботами, терзавшими его мозг, эти телесные неприятности казались весьма незначительными.

— Рон и Драко? — сказала Гермиона. — Думаю, опасность в том, что они могут укокошить друг друга.

Гарри покосился на нее и убедился в том, что она изо всех сил старается выглядеть и говорить как можно веселее и бодрее. Он всегда знал, о чем она думала, если погружался в невеселые размышления. О чем она думала, когда это делал Драко — неважно. Она захлопывалась, как книга, он никогда не мог уловить ее чувств к этому белобрысому экс-врагу, да и не был уверен, что ему хотелось бы это знать. Он знал, что тот любит ее, знал, что она любит его... А Драко... Драко был его частью, словно бы его рукой. Иногда достающий каким-нибудь артритом или болью... но все же его частью... Так, некоторые мысли лучше сразу закопать.

— Ну, прекрасно, — слегка запыхавшийся голос Гермионы выдернул его из раздумий. — И что это?

— Что? — переспросил Гарри, глухо опускаясь на землю.

— Ты чувствуешь себя за что-то виноватым, Гарри Поттер. Уж я-то тебя знаю. И, кстати, ты ничего не можешь сделать. Если ты припоминаешь, под нами пол провалился.

— Я знаю. Я не чувствую себя виноватым.

— Ой, да ладно: ты выглядишь так, будто тебя задавил здоровенный автобус вины, — она игриво ткнула его влажным пальцем. — Как тебе кажется, кому из них сейчас хуже?

— Обоим, — предположил Гарри, шлепая по следующему лестничному маршу, — я не могу рвякать на Рона — он ведь просто боится за меня, я-то могу разобраться, о чем думает Драко, а Рон — нет. У меня есть причины доверять ему, у Рона их нет. Не могу же я продемонстрировать, что не доверяю ему. И Драко — парень, что надо. Он мне друг.

— О... — улыбнулась Гермиона. — Больно не было?

— Тише, девица! Я сказал, что он мне друг, и, коль скоро он Малфой, он хороший Малфой — он действительно заботился, чтобы я выжил, я это теперь понимаю...

— О, Гарри, эти благие намерения... Эта-то недооценка и поглотила Хогвартс.

— Не могу избавиться от чувства, что, ведя себя с самого начала по-другому, он бы верил мне, не сбежал бы... и вообще — ничего из всего этого не случилось бы.

Гермиона вздохнула:

— Он сбежал от тебя, от всех нас... Он так решил.

— Ну, не знаю... Иногда люди убегают, потому что хотят побыть одни, а иногда — чтобы выяснить, готов ли ты последовать за ним в преисподнюю. Мне кажется, я выбрал неверный путь...

— Не говори так, Гарри. Ты прекрасный друг — один из лучших, которых можно только пожелать...

— Ага, — с сомнением в голове кивнул Гарри. — Может быть...

Он бы добавил еще что-то, но в этот момент они наконец-то добрались до самого верха: лестница уперлась в тяжелую дверь красного дерева с медными шипами и ручкой в форме лягушки. Гарри потянулся к ней, и дверь распахнулась без малейшего скрежета и скрипа.

Держа руку на Ликанте, Гермиона последовала за Гарри в огромную, пустую и безлюдную комнату с выложенными большими темными и светлыми плитами — как шахматная доска — полом. Потолок был зачарован, так же, как потолок Большого Зала Хогвартса, и отражал небо. Сейчас это было бездонное черное пространство, засыпанное алмазной крошкой звезд.

Стены закрывали громадные гобелены с каким-то странными изображениями, словно пришедшими из грез и сновидений, — замок цвета слоновой кости среди мрачной пустыни, серебряная колесница в форме цветка, которую мчали по небу огромные огненнокрылые лошади, напомнившие Гарри упряжку лошадей Бьюбатона.

— Здесь прекрасно, — оглядываясь вокруг, произнесла Гермиона. — И ужасно...

Но Гарри уставился на что-то на полу:

— Гермиона... что это?

Она взглянула, куда он указывал: на полу чем-то, сильно напоминающим кровь, был начерчен круг, а внутри располагалась пятиконечная звезда, между лучами которой были нарисованы разные знаки — точка, крест, квадрат, овал и что-то, напоминающее букву Н.

— Это Драксограмма, — с несчастным видом пояснила Гермиона. — Магический Круг с пентаграммой для вызова темных сил... Колдуны используют ее для призыва магических существ — особенно мощных, но не стремящихся вырваться из-под контроля... Они не могут выйти из круга...

— А что будет, если войдешь в круг? — не в силах перебороть болезненное любопытство, спросил Гарри.

— Лучше не спрашивай.

Она отошла прочь от пентаграммы, Гарри последовал за ней к возвышению в центре комнаты. В нескольких футах перед четырьмя тонкими, золотыми столбами, расположенными друг от друга в четырех футах и похожими на опоры для большого шатра, располагалась хрустальная сфера, возвышающаяся над полупрозрачным зеленым постаментом в форме змеи, а в сердце ее тихо кипело пламя, живое, одушевленное, наполненное какой-то настолько нездешней жизнью, что Гарри похолодел от ужаса. Это вещь была живой, он чувствовал это. По стенам, полу, гобеленам танцевали красные тени.

— А это, — тихо произнесла Гермиона из-за спины Гарри, — и есть Око.

Он шагнул и положил на него руку — в этом было что-то завораживающее, ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы заставить себя коснуться его. Гермиона подошла и сделала то же самое — он почувствовал, как ее мокрый рукав прилип к его руке, длинные локоны защекотали его шею. В этом неровном, пляшущем, тусклом свете Ока он взглянул на ее профиль — бледная мраморная кожа, пламеневшие от возбуждения щеки, серьезное лицо, словно она нашла решение для невероятно мудреной задачи по Арифмантике.

— Что это? — его голос сорвался, то ли от сырости, то ли еще от чего.

— Думаю, мы могли бы попробовать открыть его, — произнесла она. — В смысле, я — Наследница Рэйвенкло, в тебе есть кровь и Гриффиндора, и Слитерина... правда, с нами нет Джинни... Но, может, у нас хоть какая-то то возможность открыть его — это лучше, чем ничего... В конце-то концов, нигде же не было сказано, что мы все должны коснуться его одновременно.

Гарри кивнул и положил свою руку поверх ее:

— Алохомора, — произнесли они, ее тихий голос почти утонул в его — и внутри сферы полыхнула

вспышка — темно-красный всполох следом за голубым. Гарри почувствовал, как внутри что-то болезненно напряглось, он замер в ожидании...

Ничего не произошло.

Гермиона разочарованно вздохнула:

— Не получается... — ее ладонь соскользнула, но пальцы еще касались гладкой и сияющей поверхности Ока. Гарри взглянул на нее — мокрые тяжелые пряди обрамляли лицо, Око бросало красные тени на прилипшую к ее телу синюю мантию, словно на нее плеснули кровью, и вдруг внутри у него проснулось какое-то воспоминание, никогда им не испытанное, никогда не прожитое: та же комната, что и сейчас... залитая кровью женщина в синем, заливаясь безутешным криком, качает на коленях черноволосого мужчину... Крик Гермионы — и вовсе не ее... Это ее знакомое, любимое лицо смазалось перед его глазами, когда он, теряя сознание, прислонился к одной с золотых опор... И снова, второй раз за день, он ощутил стальной клинок, насквозь пронзивший его грудь... убийца развернул его лицом, опустил на землю и наблюдал с улыбкой за тем, как слабел он, и жизнь покидала его... и даже склонился и поцеловал кровь на его губах.

Брат. Лучший друг. Враг. Убийца.

— Гарри? — взволнованный голос Гермионы вернул его из далекого странствия. Он прислонился к стене, все еще блуждая в темном тумане памяти, пока наконец ее маленькие руки не скользнули к его талии и не отстегнули загрохотавшие по полу ножны — пелена спала с его глаз, словно сдтая порывом ветра. Лицо Гермионы медленно приобретало отчетливость.

— Все в порядке, — он оттолкнулся от стены, чувствуя, как рубашка липнет к мокрой и потной спине. — Просто...

— Это Ключ, — беспокойство в ее глазах сменилось сочувствием. — Он создает тебе... воспоминания.

Увидев его взволнованный взгляд, она поторопилась успокоить его:

— Нет-нет, не постоянно. Только в сновидениях и в определенных ситуациях.

— И в каких же? — спросил Гарри, хотя подозревал, что знает ответ. Он оглядел комнату и снова взглянул на Гермиону. — Думаю, здесь умер Годрик...

Она качнула головой и притянула его к себе, подняв лицо к его лицу:

— Я знаю... Я чувствую это... Здесь произошло что-то ужасное, что-то душераздирающее.

Он не ответил. Остатки кошмара разорвались внутри него острой болью, в которой слились все его мучения, опасения, напряжение, постоянный страх за жизнь — свою и тех, кого он любил... Почти ослепнув, он опустил глаза к ее белому в пульсирующем свете Ока лицу.

— Гарри, я люблю тебя, ты знаешь... И я буду всегда любить тебя.

Он кивнул. Клубок чувств и эмоций в его груди вызывал боль, особенно теперь, когда он смотрел на нее, в ее темные серьезные глаза с ресничками, до сих пор окаймленными бисеринками влаги. Он вспомнил их первый поцелуй... они промокли под дождем до нитки... — и горячий удар тоски пронзил его сердце. Откинув прочь все мысли, он склонился к ней и поцеловал так, как не целовал уже дни или даже недели — сильно, жадно, словно изголодавшись.

Она ответила ему, ее тонкие руки обхватили его спину, губы распахнулись навстречу его губам, и, теряя голову, он нырнул с дождевую прохладу ее рта, забыв обо всем, кроме желания быть ближе к ней... Гермиона закрыла глаза и постаралась отогнать от себя какое-то жуткое чувство, не отпускавшее ее с первого момента, как она шагнула в эту комнату, — это ощущение беспричинного, отчаянного беспокойства. Его губы успокоили ее — он рядом, с ним все хорошо... — но все ее тело дрожало от напряжения. Между ними не было ничего, кроме мокрой одежды, его тело в ее объятьях было знакомо ей — не только по этим шести годам, но и по всем предыдущим векам. Она знала даже не его, а этот дух, что оживлял его, что превращал в того, кем он был. Ну и физически, конечно, — не было другого, кого она знала бы лучше: встрепанные волосы, длинные руки... Несущие ее книги, ловко хватающие снитч... вцепившиеся в нее, когда он едва не упал в Бездонную Пропать... руки, коснувшиеся ее лица и теперь опускавшиеся вниз... Его рот снова вернулся к ее губам, она открыла глаза: ей захотелось увидеть его, убедиться, что он действительно с ней: в комнате все то вспыхивало, то тускнело — ей казалось, что от ударов ее сердца — тук-тук... свет-тьнь... Она почувствовала, как затряслись держащие ее руки, губы его с яростью и трепетом припали к ней...

Она увидела другую комнату... другого мужчину... в алой одежде, со встрепанными черными волосами... Женщина в синем... Вспыхнул свет, позади них распахнулась дверь, и вошел еще один мужчина — в черном и серебристом, все это время — сообразила она — наблюдавший за ними.

Она опустила взгляд, страх бился у нее в груди пойманной бабочкой, но видение не уходило — она словно впечаталось в ее внутреннее зрение. Она дышала все чаще и чаще, губы Гарри спускались по ее шее к плечу... сквозь это смутное наслаждение пробивалась растущая изнутри паника — сильнее, сильнее! — ее глаза распахнулись, и она поверх его склоненной головы уставилась на центр комнаты, еще миг назад пустовавший.

И задохнулась.

Перед светящимся Оком стоял Салазар Слитерин, сжимая в левой руке что-то серебристо-серое, струящееся... Что она тут же узнала, и обуявший ее ужас едва не сбил ее с ног.

Мантия-невидимка Джеймса Поттера.

В замке царил хаос, Сириус в жизни ничего подобного не видел. Он настоял на том, чтобы все еще обессиленная Флёр была отправлена в логово оборотней, где она могла находиться в относительной безопасности. Одолжив у Лупина его палисандровую палочку с волосом единорога, Сириус осторожно крался вдоль стен, сжимая в руке карту, пытаясь сориентироваться и сообразить, как поближе подобраться к точкам, помеченным Вирджиния Висли, Бенджамин Гриффиндор и Драко Малfoy.

Существа всех мастей и видов сошлись в смертельной битве с полками волшебников, грохоча в коридорах; десятифутовый болотный тролль швырнул топор в одетую в золото Хаффлпафф колдунью; отравившая клюв вила, завизжав, кинулась на обвешанную оружием ведьму в Гриффиндорском кумаче, которая ловко отшвырнула ее заклинанием *Combustis*; маг в синей одежде Рэйвенкло круг за кругом гнал вверх по лестнице Рэйвен, визжащую и размахивающую огромным копьем.

Мороки всех мастей и обликов, какие-то неприятные на вид черные летающие хреновины с ужасными свирепыми глазами, неожиданно ныряющие вниз и кусающие всех, кто двигался... Так, где же Слитерин? Он должен бы находиться где-то в верхних этажах замка, коль скоро его нет на этом сокращенном плане... Все это здорово нервировало Сириуса — что же такое он начертил?

Но все мысли мгновенно исчезли, когда он подошел к двустворчатым дверям — они распахнулись ему навстречу и из них потекли скелеты, двадцать или что-то около того, закованные в броню, с огромными секирами. Сколки. Они лязгали и грохотали по полу, Сириус вжался в стену, но один из них — вероятно, капитан, судя по алому плюмажу на его шлеме — обернулся и сверкнул на Сириуса своими темно-красными глазами. Зашипев, он метнулся к Сириусу, тот выхватил свою палочку и осыпал существо очередью заклинаний, отскочивших от брони. Теперь пришла очередь Сириуса — он пригнулся, чтобы избежать посыпавшихся на него заклинаний Импедемента; свист приближающейся секиры раздался у него над головой, он пригнулся, уже понимая всю бесполезность этого движения...

Чья-то рука ухватила его за мантию и с силой дернула назад, сверху мелькнуло сияющее лезвие, оставляющее после себя сияющую алую вспышку, оно ударило скелет в плечо, и тот взорвался, оставив разрозненную грудку костей, — после чего остальные попятились и припустились обратно по коридору. Сириус увидел отблеск красных камней на эфесе меча и с облегчением и удивлением подумал «Гарри?»

Он обернулся и увидел стоящего позади него с озабоченным выражением на лице Джеймса Поттера.

Джинни стиснула руку Драко так сильно, что он поморщился.

— Сириус... — указала она.

Драко глянул, куда она указывала, и увидел чуть дальше по коридору, прижавшегося к стене Сириуса и стоящего перед ним Бена. У их ног громоздилась бесформенная куча костей сколки — Драко только что свалил несколько штук, а Джинни уничтожила одного весьма эффектным ударом

ноги. Сириус был бел, как мел, — Драко ни разу его таким не видел. Это явно было не из-за сколка, в конце-то концов он же был Аурором!

Потом он сообразил: Бен.

Джинни потащила Драко к Сириусу, схватила того за руку:

— Сириус, — задыхаясь, проговорила она, — это Бен, Бенджамин Гриффиндор. Предок Гарри.

Бен, опуская меч в ножны, и, совершенно сбитый с толку, протянул руку Сириусу:

— Что-то не так?

Кровь медленно возвращалась к лицу Сириуса; у Драко сжалось сердце в приливе отчаянного сочувствия. До этого момента ему и в голову не приходило, что этот темноглазый двадцатилетний мужчина, здорово похожий на Гарри, — только темноглазый и без шрама, буквально одно лицо с Джеймсом Поттером накануне его смерти... В глазах Сириуса появилось понимание и — разочарование.

Сириус с вымученным выражением лица протянул руку:

— Нет, все в порядке. Мне показалось, что это кто-то другой. Я Сириус Блэк.

Над головой опять пролетела эта черная крылатая пакость. Драко рубанул по ней мечом, забрызгав зеленым гноем яростно покосившегося на него Бена.

— Так что — мы продолжаем обмениваться неуместными шуточками и замечаниями и ждем, когда нас тут прибудут, или же отправляемся за Оком? — поинтересовался Драко. — Какие будут мысли?

— Вверх, — Джинни указала на привязанный к запястью Хроноворот. Пригнувшись, они побежали. Вокруг них кипела битва, но что-то — возможно, то, что с ними был Наследник Слитерина, — спасало их от неприятностей. Вслед за Драко они взлетели по винтовой мраморной лестнице и, миновав несколько коридоров, оказались перед малахитовой дверью, украшенной резьбой с изображением военных и куртуазных сцен.

Чуть задыхаясь, Драко произнес:

— Око там.

— А заодно сам Слитерин и дюжина его слуг, — добавил Бен, поглаживая эфес меча.

Драко посмотрел на Бена, на Сириуса и, чуть пожав плечами, потянулся к двери и толкнул ее.

Они столпились в проеме — перед ними была пустая комната, в центре которой зеленоватое Око возлежало на своем змееобразном постаменте. Больше в ней не было ничего, не считая странных знаков на полу.

— Я пройду и заберу его, — сказал Драко Сириусу, доставая меч. — А вы стерегите, чтобы никто не подошел.

— Я пойду с тобой, — заявила Джинни и упрямо тряхнула головой, глядя на недовольное выражение на лице Драко.

— Может, мы сумеем его открыть, я — Хаффлпафф, а в тебе кровь Слитерина и Гриффиндора... Ну, не получится — просто заберем ее, но попытаться-то можно?.. В конце концов здесь безопасней, чем снаружи... — и она послала ему быструю хитрую улыбку.

Сириус взял палочку наизготовку и решил:

— Вы, оба — вперед, мы задержим всех, кто попытается остановить вас.

Кивнув ему и тревожно поглядывающему назад в коридор Бену, чей меч поблескивал в полумраке, Драко взял Джинни за руку и они нырнули в открытые двери. И лишь только они успели сделать шаг в круглую залу, как двери позади них захлопнулись с резким и звонким щелчком.

Теперь-то Гермиона поняла, зачем были нужны эти тонкие золотые столбы — она стояла, привязанная к одному из них тонкой адмантиновой веревкой, обхватившей ее щиколотки и запястья. Гарри разделил ее участь с той лишь разницей, что вдобавок на его правой руке была адмантиновая перчатка. Когда появился Слитерин, они были слишком оглушены, чтобы как-то среагировать, и драгоценные секунды были потеряны. Гарри толкнул ее себе за спину, и она даже не видела, как Слитерин ударил его Оглушающим заклятьем, он рухнул перед ней, она схватилась за Ликант — но было слишком поздно, Слитерин швырнул в нее Заклятье Импедимента, опрокинув ее на землю. Она потеряла сознание, а придя в себя спустя какое-то время, обнаружила, что они вместе с Гарри

привязаны к этим колоннам...

Через плечо Слитерина она могла видеть Гарри — у него все еще был слегка обалдевший и ошеломленный вид после Заклятья, а на лице, куда оно ударило, расплзлся синяк. Когда она увидела все это, у нее защемило сердце: мало того, что с ним случилось, теперь вот они оба... Но почему Гарри, почему всегда Гарри?!

Слитерин встал прямо перед ней, закрыв Гарри:

— Мне было так жаль прерывать эту трогательную сцену, — его темные сонные глаза напоминали глаза ящерицы. — Поверишь ли, однажды я застал мою Ровену и этого грязнокровку-кузена почти в такой же... гм... ситуации, — он наклонил голову, и его глаза медленно скользнули с ее лица на ее тело. Она вздрогнула, пытаясь вырваться или отодвинуться, но веревка держала ее крепко. — Я так и думал, что ты поверишь, — пробормотал он, — такое предательство живет в веках, оставляя свои отметины... Оказывается, у тебя те же отвратительные наклонности... Как жаль, ты такая прелестная крошка... Я было думал сохранить тебе жизнь... Какое разочарование...

Гермиона зажмурилась и отвернулась от него. Сердце бултыхалось в груди, наполненное таким отвращением, что ей казалось, оно вот-вот взорвется. Единственным утешением было то, что без Драко и Джинни Око открыть невозможно, а она, как она надеялась, были далеко.

— И что ты видишь, когда закрываешь глаза? — шепнул он, прикоснувшись к ее щеке своими длинными холодными пальцами. — Ты ведь помнишь, как все было у нас?.. Комнаты замка, где мы были вместе...

— Я ничего не помню, — прервала его она. — Вы отвратительны. Не прикасайтесь ко мне.

— Я отвратителен? — зарычал он, и обнажил свои острые желтоватые зубы. У нее екнуло в желудке. Он отшатнулся, убрав руку с ее лица. — Ты... Я думал, ты — как она... Я взглянул на тебя его глазами и увидел, что он любит тебя, как я любил ее... Поэтому я забрал тебя, я бы сделал тебя своим Источником... Но за эти годы ее чистая кровь смешалась с кровью магглов и грязнокровок. Ты не такая, как моя Ровена. Ты стояла рядом с моим Наследником на ступенях, и я увидел, как меч обжег твою руку. Я все понял: ты не Магид. Ты — ничто, обычная магглорожденная девчонка, как мне сообщили мои слуги. Ты недостойна стать моим Источником, недостойна иметь ее лицо, недостойна ее крови, текущих в твоих венах... Ты — ничто.

Гермиона взглянула на него с яростью и отвращением:

— Она не любила тебя, — зашипела она, — у меня ее память, я это знаю! С твоей стороны все это было ради обладания и контроля. И она поняла, что не любит тебя, она любила Годрика! Все, что у тебя было к ней, было чем-то злым, грязным...

И Слитерин ударил ее. Его кулак впечатался ей в подбородок, взорвав губы и зубы агонией боли. Задыхнувшись, сквозь темноту перед глазами она увидела, как Гарри рванулся вперед, насколько позволяли его узы, однако до Слитерина было невозможно дотянуться...

Тот повернулся и, взглянув на него, заулыбался, самой ужасной из всех улыбок, которые можно было себе представить.

— А, Гриффиндорский Наследничек... Ты похож на него, только он никогда не был таким дохлым и хрупким, как ты. Но, видя тебя, я думаю, в его сердце всегда было что-то непрочное... А ведь по нему сложно было это заподозрить... А теперь — посмотри-ка на меня, — он улыбнулся, и Гермиона похолодела, услышав в его голосе предвкушение пытки...

Странно — именно так и звучал голос Драко несколько лет назад, когда единственной целью в его жизни было побольнее ранить Гарри. Она затрепетала, ожидая, что он двинется к ней, понимая, что для этой цели она подходила сейчас куда лучше... Но нет.

Слитерин поднял и сжал в руке мантию-невидимку, а из кармана мантии вынул длинный узкий нож. Взглянув на Гарри, он воткнул его в мантию и с размаху располосовал ее на две половины со звуком, похожим на вскрик... Гермиона охнула, но ничего не могла поделать: за несколько секунд мантия Джеймса Поттера, побывавшая с ними во всяких переделках и не раз спасавшая им жизнь, единственная вещь, доставшаяся Гарри от отца, — превратилась в полосы, свившиеся вокруг ног Слитерина...

Гарри не двинулся, не заговорил — она увидела его склоненную голову, словно у него не было сил смотреть на это, его трясущиеся плечи... Самое ужасное зрелище в мире... Видеть, как он страдает, видеть его поражение... Ей хотелось кричать, выть от ярости и отчаяния; вырвись она на

волю, она бы убила Слитерина голыми руками. В комнате царила тишина, нарушаемая только неровным дыханием Гарри, да ее собственными задыхающимися всхлипами, да... звуком открываемой двери.

Дверь. Гермиона дернулась в своих веревках и со страхом и удивлением увидела, как двустворчатая дверь распахнулась, как совсем недавно распахнулась перед ней и Гарри, и в комнату вошли Драко и Джинни. Сначала Драко, Джинни за ним. В руке он сжимал меч, Джинни держала наготове палочку. Ее глаза заскользили по комнате — пентаграмма на полу, Око, Гарри, Гермиона, Слитерин... — и они двинулись вперед, словно ничего не увидели.

— Драко! — Гермиона не смогла сдержать рвущийся из груди вопль. — Джинни!

Ни тот, ни другой не повернулся, словно ничего не услышали. Гермиона повернулась к Гарри, и от выражения его лица у нее дрогнуло сердце: не моргая, он потрясенно смотрел на Драко, словно не в силах проверить в происходящее. Она почувствовала, что он пытается заговорить с ним, как обычно, обратиться к нему — разум к разуму — и... ничего.

Слитерин рассмеялся, не пытаясь говорить тише:

— Они не слышат вас. И не видят. Мы под Заключением *Obfuscatus* — простенько, но эффективно. Смотрите.

Гермиона взглянула, не в силах отвести глаз. Она поняла, что не может услышать, о чем говорят Драко и Джинни — вот Джинни остановилась и, упершись рукой ему в грудь и глядя в глаза, что-то серьезно сказала ему. На ней были какие-то древнего покроя кожаные бриджи и черный, явно не по размеру, свитер, скрывавший ее изящную фигурку — наверное, он принадлежал Драко... Хроноворот на запястье... Драко — такой тонкий в его черной рубашке, с закатанными рукавами — она могла видеть черную розу Знака Мрака на его предплечье — поднял руку, откидывая с глаз упрямые серебристые пряди, оглядел комнату...

Она безмолвно молила его: ну увидь же меня, увидь меня!

Но нет — он пожал плечами, потянулся к Оку и положил на него руку.

Нет, — прошептала Гермиона и заорала во весь голос, — нет! НЕТ!

Ее не услышали. Она увидела, как Джинни что-то произносит... в центре Ока полыхнули вспышки — золотая и темно-зеленая, глаза Драко расширились, он отступил и, ухватив Джинни, потащил ее за собой: Око начало дрожать и вибрировать, внутри него замерцало живое пламя. Гермиона слышала свое хриплое дыхание, разрывающее тишину. Пламя снова затряслось... И, наконец, вырвалось наружу — с резким треском Око разрушилось, рассыпав хрустальные осколки дождем скорлупок, а на том месте, где оно только что висело, вознесся зеленоватый дымок; качнувшись, он направился к Слитерину и вошел ему в грудь.

Слитерин взревел, будто его пронзили кинжалом, выгнулся дугой навстречу входящему в него зеленоватому облаку, вокруг его тела появился изумрудный ореол... И исчез.

Слитерин выпрямился и захохотал.

— Какого черта? — услышала она ошарашенный голос Драко, доносящийся откуда-то издалека. — Как это получилось?..

Джинни подняла голову, собравшись что-то ответить ему, и задохнулась, увидев перед собой Гарри и Гермиону, которой потребовалось мгновение, чтобы сообразить, что теперь они тоже видят ее, но тут Слитерин поднял руку, указывая ей на Джинни и распевно произнес:

— *Wingardium leviculus*!

Джинни вскрикнула, когда ее ноги оторвались от пола и, молниеносно перелетев через комнату, она наткнулась на третий, стоящий рядом с Гарри, столб. Веревки взлетели вверх и крепко оплели ее руки и ноги.

Драко обернулся:

— Джинни?..

Голос его оборвался, и он остолбенело замер, переводя глаза — Гарри... Гермиона... и, наконец, Слитерин, на котором его взгляд остановился, наполняясь отвращением и... страхом. Гермионе почти не приходилось видеть, чтобы Драко боялся. Гневался ли он? — да, занудствовал? — постоянно, был ли противным? — частенько, однако испуганным? — нет, очень редко. Возможно, это из-за того, что теперь Слитерин выглядел совершенно по-другому: он словно прибавил в росте несколько футов, он излучал могущество, от него исходила мрачная пульсирующая сила. Она

вспомнила, как он вошел в Нору, уже имея силу от Флёр... тогда он был куда сильнее, чем она помнила, однако по сравнению с тем, что случилось сейчас... — это было ничто. Глаза его излучали зловещий свет, сила ярким ореолом пульсировала вокруг его тела — высокий и ужасающий, он вознесся ввысь, и глаза сияли черными солнцами на снежно-белом лице.

Он протянул руку Драко:

— Подойди сюда. Отдай мне меч.

Драко лишь покачал головой, за него ответила Джинни:

— Нет.

Слитерин протянул руку, коснулся точки у основания шеи Гарри и нежно скользнул вниз, остановившись над его сердцем. Гарри вздрогнул, но не вымолвил ни слова. Гермиона почувствовала, что от ужаса сейчас буквально вылетит из своего тела, и, судя по лицам Драко и Джинни, они чувствовали то же самое.

— Делай, что я тебе велел.

— Ты не должен убивать Гарри, — дрожащим голосом произнесла Джинни. — Он тебе нужен.

— Он вовсе мне не нужен, — спокойно ответил Слитерин. Нагнувшись, он поднял лежащие у его ног ножны Гарри и вытянул оттуда меч — тот снова был целым, но времени, чтобы подумать о том, почему и как, у них не было — Слитерин взмахнул им над Гарри.

— Могу начать с отрубания его пальцев — одного за другим. Уверен, от потери крови он не умрет... Во всяком случае, не сразу, — он улыбнулся и швырнул меч на пол. — Или нет... Мне не нужны эти маггловские способы, от которых он будет выть... — Он повернулся к Гарри. — Ты уже однажды испытывал Заклятье Пытки, но вряд ли с той силой, на какую я теперь способен.

— Нет! — закричала Гермиона и рванула так сильно, что под веревками кожа на ее запястьях лопнула. Она не видела Гарри, не могла увидеть его из-за спины стоящего перед ней Слитерина, она смотрела на Драко — мертвенно-бледного, с темными, почти черными глазами. Он поднял меч и с силой швырнул его на землю, тот зазвенел по каменным плитам, потом поставил на него ногу и пнул его через комнату к Слитерину — меч, рассыпая искры, заскользил по полу.

Глаза Драко потемнели от бешенства:

— Забери, — резко бросил он.

— Ты был недостойн его, — Слитерин убрал руку от Гарри и вытянул ее — меч послушно впрыгнул в ладонь — Слитерин любовно улыбнулся ему. Повернувшись к Драко, он протянул к нему левую руку. — Иди сюда!

И Драко подчинился.

Драко почувствовал, как против воли его, словно жалкую щепку мощным приливом, ноги понесли вперед, однако все было бесполезно и, пытаясь справиться с этим, он лишь почувствовал вкус крови из прокушенной губы. Око было открыто, Слитерин вернул себе могущество и с помощью своей силы сумел обвести Ад вокруг пальца. Драко несло вперед, он споткнулся и рухнул перед Слитерином на колени.

Связанные Гарри, Гермиона и Джинни смотрели на него, не отводя глаз: Джинни — с отчаянной яростью, Гермиона — с отчаянием и паникой, а бледное лицо Гарри было совершенно непроницаемо, однако Драко видел, что, стараясь привлечь как можно меньше внимания, он старается выволить свою левую руку из-под веревки. Драко не мог понять, к чему, — ведь левая рука Гарри была так же бесполезна для волшебства, как его собственная правая. Он почувствовал, как Гарри потянулся к нему, и его голос тихонько зазвучал у него в подсознании:

«...Отвлеки его».

Драко кинул быстрый взгляд на Слитерина, взиравшего на него с каким-то зловещим предвкушением.

— Ну, наконец-то мы добрались до конца, — тихим, ровным и где-то даже покорным голосом произнес он. — И в конце я снова встретил их и тебя, кто был создан для меня. Я запланировал твоё появление тысячу лет назад, — его рука скользнула к Драко и каким-то почти нежным жестом он приподнял его голову за подбородок и внимательно взглянул на него. Драко знал, что он сейчас видит, — гладкие щеки, подбородок, удлиненные, чуть раскосые глаза, светлые спутанные волосы,

он узнавал все это — узнавал в этом себя, многие годы назад. В этом взгляде не было любви, не было ненависти — было что-то другое, куда более холодное и отстраненное. Большой палец пробежал от подбородка Драко к ключице, и ему потребовалась вся воля, чтобы не отшатнуться и удержать тошноту. Он не смотрел на Слитерина, уставившись ему поверх плеча, — на Гарри, которому в этот момент удалось высвободить из плена одну руку.

— Тебя состряпал ремесленник, — отчужденно заметил Слитерин. — Во всяком случае, мне так кажется. В тебе есть какой-то дефект, внутри что-то сломано. И кровь твоя тоже небезупречна... Это словно расплзающееся пятно, оно будет только расти и расти со временем. Не думаю, что мы могли бы снова стоять рядом, быть вместе, — он склонил голову. — Скажи мне.

— Что сказать?

— Что ты нашел в них? В этой троице, которую ты так любишь — у них другая дорога. Когда-то я тоже любил троих, таких же, как эти. Потом я оставил их, бросил все эти детские штучки. Однако ты не собираешься это делать. Так что же они предложили тебе, чего не смог предложить я?

Драко закрыл глаза и перед его внутренним взором предстали все трое: Джинни, само олицетворение силы духа, Гермиона, самая любимая на свете, и Гарри, кого он знал лучше, чем себя самого.

Что они дали тебе, чего не могу дать я?

Он вскинул голову и поднял взгляд на Слитерина:

— Надежду.

Резкий выдох Слитерина заглушил облегченный вздох вызволившегося из пут Гарри и звук упавшей на пол веревки, однако правая рука его была по-прежнему завернута за спину и закрыта врезавшейся в кожу манжетой. Но все же одна рука у него была уже свободна, он медленно поднес ее к губам и выплюнул в ладонь то, что он держал во рту с тех пор, как увидел, что Слитерин связывает Гермиону, — маленький яркий белый шарик.

Гарри думал, что ему будет сложнее всего молчать, — но нет, самым тяжелым оказалось не закричать, когда Слитерин ударил ее, Гарри до сих пор трясло при воспоминании об этом. Он стиснул в кулаке шарик, наблюдая за разворачивающимся перед ним действием.

Слитерин, едва сдерживая ярость, навис над коленопреклоненным, но вовсе не покорным Драко, напомнившим сейчас Гарри неукротенное дикое животное.

Гарри даже не совсем понял, что тот произнес сквозь зубы, это прозвучало как... «надежда»?..

— Поднимайся, — приказал Слитерин, и Драко встал на ноги — так медленно и неторопливо, что это уже начало походить на дерзость. Распрямившись, он стал почти одного роста со Слитерином, однако — то ли из-за своей худощавости, то ли из-за этого ореола невероятной, непробиваемой мощи, окружавшего Повелителя Змей, казался меньше. — Ты, мой Наследничек, словно песок в моих ботинках, словно заноза в пальце — такой же неприятный и раздражающий. Ты не сделал ничего из того, что я ожидал. Однако теперь ты поступишь именно так, как я велю, и поймешь, что твоему сопротивлению — Кнут цена. Ступай к Наследнику Гриффиндора. И освободи его от пут.

Гарри видел, как удивленно распахнулись глаза Драко, как дрогнули и раскрылись от удивления его губы.

— Отведи его в центр пентаграммы и оставь там — демоны поймут, я предложил его.

Губы Драко побелели от потрясения, а Слитерин заулыбался. — Потом вернись и убей тех двоих, и после этого, возможно, я сохраню тебе жизнь.

Драко не двинулся, он стоял, опустив голову, и лицо его скрыли соскользнувшие вперед волосы. Слитерин медленно приподнял руку и почти лениво ткнул пальцем в своего Наследника. Гарри увидел, как воздух между ними завибрировал, и Драко слегка качнулся вперед, потеряв устойчивость — во второй раз Гарри видел, как Драко сделал что-то неуклюже... Он едва не упал, но Повелитель Змей подхватил его, крепко взяв за руку.

— А теперь я отправлю тебя отсюда, — зашипел он прямо в ухо Драко. — Небольшое наказание, разработанное мной для моих последователей еще тысячу лет назад, когда я мог играть со временем по своему собственному разумению... Пока тело твое будет выполнять мой приказ, разум твой вернется в твое прошлое, Драко Малfoy. Признаться, не думаю, что столь подробное

рассмотрение такой жизни, как твоя, принесет тебе что-то еще, кроме боли. Mementorius! — от крика что-то взорвалось зеленым фейерверком, и Слитерин отпустил своего Наследника, моргающего, шатающегося, оставив его стоять в центре комнаты.

Мгновение потребовалось Драко, чтобы восстановить равновесие и удержаться на ногах, а потом он двинулся — двинулся через комнату, к Гарри, и когда он встал перед ним и поднял голову, когда потянулся к нему, Гарри с ужасом увидел пустоту в его глазах. Он было попытался проникнуть ему в разум — но это было все равно, что пытаться проткнуть рукой стену — бесполезно. Тело Драко стояло перед ним, но разум был далеко, далеко отсюда.

Он снова был в каком-то сером пространстве, однако вовсе не в том, в какое он угодил, когда умер. Вокруг расстилалась равнина, ужасающая своей бескрайностью... Это было место контрастов: движение и неподвижность, черное и белое, свет и тень — они существовали здесь одновременно. Ему показалось, что он стоит среди какой-то огромной схемы, выплывавшей у него из-под ног и разбегающейся на многие мили в разные стороны. Он сообразил, что это была схема, модель его собственной жизни, переплетающаяся с жизнями тех, кто находился рядом. Где-то совсем рядом с ним существовали картинки из его детства, а там, впереди, расстилалось будущее.

Он сделал шаг назад, ощущая, что тело находится где-то далеко, и в этот миг, как он смутно почуствовал, его пальцы начали распутывать веревки... но это не имело значения, потому что на самом деле он был здесь.

Он сделал шаг. Яркая вспышка воспоминания: вот они с отцом скачут верхом по залитой солнцем роще. Ему шесть и четыре, отец учит его загонять и убивать единорогов. Когда они умерли, он зарыдал, вызвав отвращение у отца. Тогда он плакал в последний раз.

Он пошел дальше, перешагивая через другие воспоминания, другие картинки...

Вот он в зеленой мантии играет в Квиддитч, пытается столкнуть Гарри с метлы, совершенно не беспокоясь о том, умрет ли Поттер при ударе о землю. Вот оскорбляет память Седрика Диггори, — он увидел себя в поезде, издевающимся на Гарри и его друзьями, но главным образом, над Гарри, и без того обвинявшим себя в этой смерти, — он любовался лицом Поттера, когда словно тыкал его ножом и проворачивал его в ране. Вкус этих воспоминаний горечью обжег его рот.

Это была его собственная жизнь, распростертая перед ним, как препарированный труп, — каждое мгновение, каждая мелкая пакость, каждый проигрыш и поражение, каждое большее или меньшее зло.

...не думаю, что столь подробное рассмотрение такой жизни, как твоя, принесет тебе что-то еще, кроме боли...

Он рванулся вперед, и перед ним появилась новая часть рисунка, где нить его жизни цеплялась за все остальные, оставаясь самой темной, и он знал, что это из-за того, что она начала сплетаться с жизнью Гарри. Вот момент, когда он принял Многосушное Зелье — он увидел, что две нити сблизилась и движутся дальше, то сближаясь, то отдаляясь; другие нити вились вокруг них чуть в отдалении, оплетая их, как нити в гобелене — он не мог видеть ни их начала, ни конца.

Драко сделал шаг вперед, и в голове, подобно громовым раскатам, зашумели голоса.

Дождь. Струи льются с небес, окружая его серебристой клеткой.

...Драко, мне так жаль... — Гермиона.

Отец в камере, голос его жжет, как хлыст. ...Ты родился именно таким, каким он предназначал... С определенными задатками. Силой магии... Порочный и притягательный... Бесчувственный... Тщеславный... Жестокий.

Флёр смеется над ним, откидывая волосы. ...О, зло, — еще чего п'ридумал...

И Гарри. ...А я-то думал, ты мне друг... Ну и живи, как хочешь, коль твоя жизнь так много для тебя значит.

Голос Темного Лорда. ...Это ведь твой сын, Люций?

Драко затряс головой, словно был в силах выгнать из нее вторящие друг другу голоса, и снова услышал голос отца. ...В конце концов, ты именно то, что я сделал из тебя.

Драко замер, надеясь, что, если он замрет, воспоминания сами по себе уйдут прочь, голоса стихнут, но они остались, нарастая и нарастая, превращаясь в оглушительную какофонию, от

которой останавливалось дыхание и свет перед глазами мерк, словно сдутый каким-то черным ревущим ветром.

Гермиона оцепенела от ужаса. Драко снова опустился на корточки, он сидел и развязывал веревку, стягивающую щиколотки Гарри. Конечно, она понимала, что все, что он делает, он делает, управляемый Слитерином, в противном случае ничего подобного не могло бы происходить, однако это ее вовсе не утешало. Гарри грозила опасность.

Она бросила взгляд на пентаграмму в центре комнаты, светящуюся мигающим, странным, все нарастающим и нарастающим светом — словно это было трясущаяся под чьим-то напором дверь. Она яростно отогнала от себя этот образ и взглянула на Гарри. Он смотрел на нее, и, увидев, что она обратила к нему свой взор, послал ей самую нежную, самую милую улыбку, которую ей когда-либо приходилось видеть... Потом многозначительно перевел глаза на Слитерина... Потом снова на нее, и она сообразила, что он пытается ей сказать — отвлеки его... Она с трудом сглотнула.

— Вы вовсе не так сильны, как думаете, — громко произнесла она, глядя Слитерину в спину. Как она и думала, он повернулся. Тысячелетие не сделало его более терпимым к мелочам.

Он вопросительно-презрительно взглянул на нее:

— Да неужели?

— Вы думаете, эта маленькая пентаграмма сумеет сдержать силы преисподней? — фыркнула Гермиона. — Взгляните, она уже разрушается. Они будут тут через миг и вовсе не обрадуются тому, что вы пытаетесь удержать их. Всей вашей силы не хватит, чтобы загнать их обратно. А я читала, что случилось с волшебниками, которые связывают демонов...

Слитерин, сверкнув глазами, зарычал:

— Тихо, глупое маггловское отродье! — рявкнул он и, снова отвернувшись от нее, прошел к пентаграмме. Она смотрела, как подняв левую руку, яркими потоками зеленого света, срывавшимися с его пальцев, он заново обвел контуры пентаграммы, и сердце колотилось у нее где-то в горле.

Она перевела взгляд на Гарри и увидела, как, размахнувшись, он с силой швырнул что-то на пол. Маленький белый шар. Он ударился о каменные плиты и разбился, взорвавшись ослепительной белой вспышкой. Свет взмыл и разделился на три белые стрелы, одна из которых рванулась к Гермионе и ударила ее в Ликант на шее, опалив ее сначала жаром, потом холодом. Вторая метнулась к Джинни, к привязанному к запястью Хроновороту, а третья полетела к Гарри, и ножны у него на боку ярко засияли, когда они соприкоснулись со светом. Гарри поднял голову и снова улыбнулся и, на этот раз его улыбка была полна ликования.

Она услышала его голос — «Получилось!» — и лишь миг спустя сообразила, что вслух он не произнес ни слова, что голос его звучит у нее в голове. Она бросила быстрый взгляд на Слитерина, все еще стоящего над пентаграммой, на Драко, заблудившегося в своем собственном мире и не обращающем ни на что внимание.

«...Что это было? — удивленно зазвучал голос Джинни».

«...Последний кусочек головоломки, — пояснил Гарри».

«...Теперь все Ключи связаны! — пораженно воскликнула Гермиона. — Все получилось само собой... О, отлично сделано, Гарри!»

«...Я так думаю, когда они соединены, они становятся оружием», — заметила Джинни.

«...Точно, — в груди у Гермионы затеплился огонек уверенности, — это мы. Мы — оружие. Когда мы вместе, у нас сила, которой ни один из нас по отдельности не обладает».

«...Но мы не все вместе», — и Джинни указала глазами на Драко.

«...А это изменится, — произнес Гарри, и его зеленые глаза загорелись неугасимым огнем, — Прямо сейчас».

Он стоял все там же, закрыв лицо руками, окунувшись в полутьму забвения. Воспоминания и голоса у него в голове утратили всякий смысл, превратившись в безумное страшное пение, блуждавшим по закоулкам его черепа. Он еще помнил, как умирал. Смерть была куда лучше.

«...Драко, — зазвучал в его голове голос, все усиливавшийся и вырвавшийся наконец из

грохочущего плена остальных голосов. — Где ты?»

Этот голос был похож на Джинни. Но, возможно, ему только померещилось. Наверное, он сходит с ума. Впрочем, вероятно, это и было целью — уничтожить его... Однако это был единственный услышанный им здесь голос, не ливший на него потоки обвинений, гнева, не напоминавший ему о великих печалях. Может быть...

«...Драко, — в этот раз он точно, знал, чей это голос, — Гермионы. — Ты должен справиться с этим, стряхнуть. Ты нужен нам. Пожалуйста».

Он поднял голову. Расправил плечи. Огляделся. Вокруг ничего не было, но, похоже, темнота начала слегка бледнеть, тонкие лучики света закружились во мгле перед ним. И, если ему только не показалось, шум в голове начал затихать.

«...Ты там? — снова заговорила Гермиона. — Скажи что-нибудь, скажи, что с тобой все хорошо, я прошу тебя».

«...Я здесь, — с каждым словом говорить становилось все легче и легче, — но я не могу уйти отсюда. Здесь нет ни верха, ни низа, отсюда нет выхода. Делайте, что нужно, — без меня».

«...Мы не можем, — на этот раз голос Джинни. — Нам нужен ты, и кроме этого...»

«...Кроме чего? — с каждым словом мысли его становились все яснее и яснее. — Что я сейчас делаю?»

«...Ты отвязал Гарри, — через силу сказала Гермиона. — Слитерин заставляет тебя провести его в центр пентаграммы — ты должен преодолеть это, ты можешь это разрушить, это не сложнее, чем сопротивляться Заклятью Империи!»

«...Не получится, — тусклое беспросветное отчаяние опустилось на него. — Убейте меня. Я не могу».

«...Убить тебя?» — мысли Джинни запрыгали от шока.

«...Убейте. Вы теперь Ключи, вы — оружие. Уничтожьте меня, если так нужно. Смерть куда лучше, чем то, где я сейчас».

«...Да ладно тебе, Малфой! Кто же сделает это лучше, чем ты? — на этот раз в голове зазвучал Гарри, вернее, не столько действительно зазвучал, сколько у Драко в голове появилось знакомые мысленные образы. — Ты что, даже не попытаешься?»

«...Оставь меня, — утомленно попросил Драко. — Убирайся».

«...А знаешь, Малфой, — судя по голосу, Гарри вовсе не собирался последовать совету и убраться подальше, — а ты действительно неплохой игрок в квиддитч».

«...Что? Ты это о чем, Поттер?»

«...Может, ты и купил свое место в команде, но ловец ты просто отличный — один из лучших, против кого мне приходилось играть. Ты заставлял меня постоянно оглядываться, больше такого никто не мог сделать. Мне даже нравится твоя целеустремленность, когда ты меня бьешь. Значит, ты все-таки решительный человек. Сильный. Достойный соперник. Не из тех, кто легко отказывается».

«...Я не отказываюсь».

«...Правда? Прости, я видимо, что-то недослышал, когда ты сказал «я не могу»».

Драко почувствовал, как у него внутри что-то решительно сжалось, и мгла вокруг него сумасшедше задрожала.

«...Да убейте меня и покончим со всем этим», — простонал он и отвернулся.

«...Нет. Помнишь, что они сказали? Если кого они и хотят заполучить к себе, то тебя. Коль ты не думаешь, что способен на что-то, коль ты такой слабак и трус, сказал бы раньше, Малфой, тогда ты и вправду ничего лучшего не заслуживаешь».

Он услышал голос Джинни:

«...Ты думаешь, что все так, но это неправда».

Ее опять перебил Гарри:

«...Дай-ка я тебе кое-что скажу, Малфой. На самом деле все не так, просто тебе хочется так думать, чтобы убедить себя в том, что у тебя нет выбора. Но выбор-то есть всегда, каждую секунду в своей жизни ты выбираешь одну вещь и отказываешься от другой, и именно это делает тебя таким, какой ты есть. Ну, так кто же ты, Малфой?»

Драко открыл рот и заговорил, услышав свой шепот:

— Я не знаю.

Голос Гермионы звучал требовательно, обвиняюще, в ее голосе не было больше мягкости.

«...Так ты не знаешь? Тебе стоит с этим разобраться».

«...Ты не можешь вот так — взять и пойти на попятный, — голос Гарри был резок и груб от наполнявшего его отчаяния и гнева. — Я был о тебе лучшего мнения. Даже когда ты не был мне другом, ты был хотя бы достойным врагом. И что теперь? Позволишь ему контролировать тебя, уничтожить тебя и даже не попробуешь этому воспротивиться? Что с тобой произошло? Давно ли ты стал таким трусом?»

Глаза Драко распахнулись, и он увидел перед собой узкий туннель: свет и тьма. Его что-то невыносимо распирало его изнутри, он не мог понять, что, но уже слышал собственное дыхание, резкое, сбивающееся; чувствовал, как сердце разгоняется у него в груди...

«...Я не трус».

«...Да ну? Будь я на твоём месте, я бы боролся. Но, подозреваю, дело тут во мне — я всегда и со всем пытаюсь бороться. Я-то не испорченный маленький мальчик, привыкший, чтобы ему все подносили на блюдечке. Все, чего ты добился, — не твоя заслуга, наверное, именно поэтому ты такой бесхребетный».

Это была такая чудовищная несправедливость, что у Драко из головы выветрился весь серый туман.

«...Испорченный? — он сам слышал ярость в своем мысленно голосе. — Тебе ли, черт возьми, этого не знать, Поттер! Скажи ты мне это в лицо, я переломал бы тебе все пальцы!»

«...Да что ты? — в голосе Гарри проскользнул сдвленный смешок. Поверьте, Гарри действительно был способен смеяться в такой момент. — Ты всегда что-то твердил про хорошую игру, Малфой».

«...Отправляйся к черту!» — разъяренно рявкнул Драко.

«...Ужасно смешно, особенно с учетом того, что там я и окажусь через пять минут, если ты все это не прекратишь. Причем именно ты меня туда и отправишь. Как тебе шуточка?»

Драко почувствовал, как у него внутри все окаменело, и сквозь темноту, как сквозь трещину в стекле, он увидел и комнату, которую он только что оставил, и волшебника, стоявшего над пентаграммой, и привязанных к шестам Джинни с Гермионой, и себя — напротив Гарри, освобождающим его правую руку. Лицо Гермионы было переполнено отчаянием, когда она смотрела на Драко... Глаза Джинни, огромные и темные, метались, и он понял, что она слышит каждое сказанное Гарри слово.

Гарри стоял, подняв голову, глаза его бегали, словно пытались найти Драко, где бы тот ни находился, и на лице его смешались и гнев, и отчаяние — все, что чувствовал Драко сейчас... Он смотрел на Гарри, как в зеркало. Драко закрыл глаза и лица его друзей вспыхнули перед его внутренним взором, зажигая внутри него что-то, похожее на столб белого огня. Это чувство было слишком грандиозно, чтобы иметь название, в нем было намешано и любви, и ненависти, и горя, и агонии и ярости... Ярости на себя — за малодушие. Ярости на всю эту жизнь, закинувшую его сюда, заставившую его быть, кем он есть. Ярости на отца, продавшего его ради вот этой вот судьбы еще до того, как он появился на свет. Ярость на Слитерина — за эту мысль, это предположение, что он мог руководить им. Он — Драко Малфой, и никто не будет управлять им, не будет использовать его, не заставит его поступить против воли. И сейчас эта ярость была важнее всего — важнее страха смерти и наказания, важнее мысли о возмездии, важнее, чем даже любовь, — только всеобъемлющий гнев, жажда бунта, темный блеск ярости.

Стиснувшая его темнота зашаталась, затряслась и рухнула, невидимые нити, что держали ее, оборвались, и он почувствовал, что падает, несется сквозь какое-то огромное пустое пространство. К нему подкралась боль, но он оттолкнул ее, наполняясь ликованием и нетерпением — теперь, став свободным, он знал, что делать, сквозь него, как электричество, текла сила...

Что-то с силой ударило его, он вспомнил, что именно с такой же болью вернулась душа в его тело, и распахнул глаза: он стоял напротив освобожденного от веревок Гарри, смотревшего прямо ему в лицо своими зелеными глазами, в которых не было страха, — увидев, что Драко снова здесь, они зажглись каким-то не предвещающим ничего хорошего удовлетворением. В голове снова зазвучал голос Гарри, ясный и четкий:

«...С возвращением, Малфой. Я знал, что ты сделаешь это».

Стоявшие по бокам Джинни и Гермiona взирали на него с таким же удовлетворением, он ощутил шедшие от них эмоции, усиленные мощью их Ключей, и, с помощью своего гнева освободившись от произнесенного над ним заклинания, он совершенно отчетливо понял, что именно он должен сейчас сделать.

Он обернулся и протянул руку, чувствуя, как мощь всех остальных переливается в него... Слитерин удивился... захлебнулся от ярости, не в состоянии поверить... его лицо побелело. Драко расхохотался и, лишь только Слитерин, в гневе и недоумении, шагнул вперед, прошептал:

— Зовио!.. — и смотрел с наслаждением и восхищением, как пальцы Слитерина — против его воли, один за другим, отлипали от эфеса. Драко раскрыл ладонь и меч, вылетев из руки Слитерина, скользнул в нее. Вспышкой яркого света по венам пронеслось ликование; держа перед собой меч — волну сияющего зеленого огня, Драко шагнул к Повелителю Змей, и в этот миг, когда Слитерин осознал грядущее, ужас судорогой стер с его лица все эмоции, впервые обнажив что-то человеческое. Нечленораздельный крик рвался у него из глотки, он попятился, его безумные пальцы судорожно рвали воздух перед ним:

— Нет, нет! — завизжал он. — Подожди!

Драко опустил меч, и клинок рубанул по запястью Повелителя Змей, ровно отсекая ему кисть, огонь потек из раны — вопль невыносимой, неопикуемой ярости и ужаса вырвался у него, когда отрубленная рука покатила к ногам Драко. Преодолев отвращение, преодолев ликование, Драко поднял обрубок, обнял его пальцами эфеса меча и швырнул это в пентаграмму на полу.

Запрокинув голову, он голосом, полным бешенства и решимости, воззвал к невидимым силам Преисподней:

— Придите! Вот ваша часть договора! Отданная его собственной рукой, рукой Повелителя Змей! Забирайте, черт вас поберет!

В мертвой тишине Повелитель Змей рухнул на колени, зажимая рану правой рукой, сквозь его пальцы просачивались и стекали капельки-язычки пламени — крови не было. В гробовой тишине грохотало его захлебывающееся дыхание.

И вдруг...

Тихий, низкий рев сотряс воздух — все сильнее, громче, громче! — пока не завибрировала вся комната. С резким шумом и хрустом по камням поползли трещины, стены рассыпались, появилось чистое, серебристое от луны небо — волшебный замок Слитерина рухнул.

Они были так ужасающе-прекрасны, когда вышли из круга и окружили скорчившегося на полу Слитерина — Драко видел, как с каким-то странным, отчаянным вызовом приподнялась его серебристо-черная голова... он что-то неразборчиво взревел... Драко так и не узнал, что это было... Признаться, ему бы хотелось, чтобы в последний миг жизни в этом колдуне на миг пробудилось что-то человеческое, и он позвал Ровену... но скорее всего, это было его последним злобным проклятием...

Драко почувствовал, что по полу прошла словно волна прилива — замок разваливался на части. Кто-то схватился за его руку... Наверное, Гарри... Грохочущая тьма накрыла их — распростертого на каменных плитах Слитерина, возвышавшихся над ним ликующих демонов... добралась и до них... земля вывернулась наизнанку, опрокинулась... и откуда-то издалека до Драко донесся крик Слитерина...

Придя в сознание, Драко обнаружил, что лежит на спине, головой у кого-то на коленях. Он медленно открыл глаза и взглянул вверх: над ним склонилась фигура, подсвеченная со спины луной, — длинные волнистые волосы, бледный овал лица, темные глаза, взволнованно дрожащие губы... Гермiona. Увидев, что он пришел в себя, она улыбнулась:

— С возвращением.

Он попытался приподняться и сестра:

— Гарри... Джинни...

— Т-ш-ш, со всеми все хорошо, — она легонько коснулась его лица и, повернувшись, закричала. — Гарри! Джинни!

— Не кричи, — оборвал ее Драко. — У меня сейчас голова треснет.

— Бедный крошка, — улыбнулась она. — Сюда! — быстро отодвинувшись от него, она помогла ему подняться и сесть. Голова действительно раскалывалась, но все это было сущей ерундой — он ощущал такую легкость, с плеч упал такая невероятная тяжесть — будто он провел недели в темном запертом ящике, а теперь крышку наконец-то сорвали, и он смог увидеть звезды. И впервые за много-много дней он не мерз...

Он оперся на руки и осмотрелся. Кругом была трава — сплошная трава, вокруг расстился широкий зеленый луг, окруженный купами деревьев: от стоящего здесь когда-то замка, с этими его стенами, башнями, зубцами не осталось ни единого напоминания. Небо над их головами словно взорвалось и теперь ярким северным сиянием переливалось синим и зеленым, красным и золотом, и через эти приливы и отливы огоньками бесконечно далеких городов пробивались звезды. Справа поодаль он увидел, чей-то высоченный силуэт, поблескивающий чешуей, — это дракон Феролус, а рядом с ним две маленькие фигурки: одна — в красной мантии, а рядом кто-то с огненно-рыжими волосами. Бен и Джинни.

— Эй, Малфой! — Гарри хлопнулся в траву рядом с ним. Если и можно было быть грязнее грязи и чернее сажи, то все это относилось именно к нему, но сквозь копоть и кровь на его лице сияла широченная улыбка. Гарри на мгновение стиснул его плечи, на что Драко ответил удивленной полуулыбкой.

— Самую-то круть ты и пропустил, — сообщил Гарри.

— Вот черт, — чуть расстроено заметил Драко. — А все потому, что я до потери сознания обрадовался той шутке, которую мы тут сыграли.

— Ничего крутого не было, — несколько разозленно заметила Гермиона. — Слитерина охватило пламя, он будто бы горел, не сгорая... А демоны втащили его в пентаграмму, и он все время кричал... А потом они исчезли в полу с ужасным всхлюпом, и вся остальная комната начала засасываться в эту огромную дыру... А ты потерял сознание и чуть тоже туда не провалился — Гарри тебя поймал. Тут ворвались Сириус с Беном, потому что двери рухнули, Сириус вынес тебя, и замок рухнул, рассыпавшись на части, а все его Темные Создания разбежались по лесу... и дементоры тоже. Никогда ничего подобного не видела. Лупин сказал, что это обратный временной коллапс, — он там с Флёр. Кстати, с ней все в порядке.

— Да, все это звучит так, будто я действительно пропустил нечто клевое, — произнес Драко.

— Значит, я как-то не так рассказала, — покачала головой Гермиона, — потому что на самом деле это было совершенно ужасно. А тут еще Гарри подумал, что ты умер, и устроил целое представление...

— Ничего подобного, — вяло запротестовал Гарри. — А где Сириус?

Гермиона поднялась на ноги:

— Пойду схожу за ним. Они с Беном как раз обсуждают, что же делать с армией, — она опустила глаза и улыбнулась Драко. — Рон тут сказал ему, что ты убил дементора... Теперь он жаждет подробностей.

Драко лишь кивнул в ответ — сил на то, чтобы говорить, уже не хватало. Впрочем, это вовсе не было плохо: пусть он сидел холодной ночью на сырой траве и все болело так, словно тело было одним сплошным синяком, — все равно глаза его закрылись, и он снова опустился в блаженство первого настоящего сна за последние несколько недель.

«...Малфой, — позвал его голос Гарри у него в голове, и Драко был благодарен ему за то, что не надо открывать глаза или совершать какие-либо телодвижения. — Я тут подумал... Самое время вернуть тебе эту штуку».

Драко все же открыл глаза и увидел, как Гарри протягивает ему какой-то поблескивающий предмет. Эпициклическое Заклятье.

Драко слабо покачал головой:

«...Не хочу».

«...Но там же твоя жизнь», — удивился Гарри.

«...Знаю, — Драко опять откинул голову к дереву. — Не хочу никакой ответственности за свою жизнь. Особенно сейчас. Давай попозже».

«...Как скажешь, — Гарри с мрачным видом снова застегнул его вокруг свой шеи. Не несчастным, нет — просто мрачным. — Ну, спасибо».

Драко снова закрыл глаза, усталость обернула его своим покрывалом, сквозь которое доносились голоса других людей — подходивших, садящихся вокруг него на траве — вот Флёр... вот Гарри радостно приветствует Рона (снова проснулся)... Лупин что-то по-французски говорит Флёр... Гермиона засмеялась, а в ответ — тихий голос Джинни.

Кто-то мягко коснулся его руки — Лупин спрашивает, как он, Гарри отвечает, что Министерство уже в дороге, а Джинни с печалью в голове объявляет, что Бену пора, и армия отправляется вместе с ним.

Голоса слабели и затихали, как музыка, доносящаяся из соседней комнаты... один голос вдруг приблизился и зашептал ему прямо в ухо.

— Драко, — промурлыкала Джинни. — Тебе стоит кое на что взглянуть, пока ты окончательно не свалился.

Она склонилась над ним, он почувствовал ее руку на своем рукаве — она осторожно его подергала. Он приоткрыл глаза, опустил взгляд — и через мгновение понял, что не столько видит, сколько не видит — кожа его предплечья была чиста, словно на ней никогда и не появлялась Слитеринская метка — череп со змеей.

Глава 15. Пружинная кровать

*В видениях твоих мелькавшие пространства
Я знаю — нет там солнца, окон нет,
И не ведут ступени вверх, где свет,
Ты там один.*

*Игрушка плюшевая детства твоего,
Которую таскал ты за собою,
Засыпана священной землею,
Навеки спрятана.*

*Когда ты говоришь, я слышу гул огня
Обманутых желаний дневников парчовых
И дней потерянных, и дней таких никчемных,
Пристанище твое — пружинная кровать,
Хоть совесть нечиста, ты все же сможешь спать.
Цель — непорочность.*

*Скажи прощай всему, что сделать не сумел,
Смиренно улыбнись и улыбнись прощально,
И магия твоя никчемна и печальна.
Заклятья непонятны.*

*Что до манер — то места нет для них,
Изящества они не сохранили.
Ирония — удел немногих сих,
В ком веры нет.*

Aztec Camera

Он сидел в проеме окна — светловолосый мужчина в темной мантии, расшитой сулящими несчастья созвездиями. Ветер трепал его волосы — не светлые, не белые, а какие-то совершенно бесцветные. На мгновение они отразили стальное небо, став серебристыми.

— Салазар, — заложив руки за спину, через силу заговорил мужчина с темными волосами. — Зачем ты все это делаешь с собой? Из-за женщины? Или как?

— Тебе легко говорить, Годрик, — не глядя на него, ответил Салазар Слитерин. — Ведь она выбрала тебя.

— Она независимая. Она сама делает свой выбор — она такая, какая хочет, она поступает, как считает нужным. Сейчас это может подразумевать и меня. Только не считай, что я идиот, и думаю, что смогу удержать ее, — если она так решит, я потеряю ее...

— Все это ничего для меня не значит, — отрезал Салазар. — Все мы в нашей жизни делаем или то, что можем, или то, что должны. Я делаю то, что должен.

— Существуют другие пути, — возразил Годрик. — Другие пути, ведущие к смерти, ведущие в Преисподнюю, — куда более быстрые и доблестные.

— Если ты предлагаешь мне принять смерть от твоей руки, кузен, то знай, что я в качестве ответа предлагаю тебе то же самое.

— Правда? — в том же тоне ответил Годрик. — Так почему бы тебе не убить меня прямо сейчас? Салазар взглянул на него безо всякого интереса:

— Ты стоишь на моем самом любимом ковре, — указал он. — Я вовсе не хочу, чтобы он

превратился в рухлядь: очень немногие вещи доставляют мне удовольствие в жизни. Почему я должен отказаться от одной из них?

Годрик открыл рот, потом закрыл и покачал головой:

— Ты же можешь убить меня мановением руки, можешь одной мыслью превратить меня в горстку пепла, и при этом твой ковер совершенно не пострадает.

— О, нет, — с величайшей серьезностью и торжественностью возразил Слитерин. — Если я возьму твою жизнь, то я пролью твою кровь. Можешь быть уверен.

Спустя две недели после заключительной встречи со Слитерином, вечером накануне дня рождения Гарри Поттера Драко оставил играющих у камина в Подрывного дурака Сириуса, Нарциссу, Гарри и Гермиону и отправился на вершину холма. Он не смотрел на этот дом, где были похоронены его воспоминания об отце. Ночное небо над ним было чистое и прозрачное, будто кто-то положил стекло, а сверху насыпал сияющих бриллиантовых звезд. Днем моросило, трава вокруг была сырая, и каждая травинка поблескивала, словно вбитый в землю гвоздь. Над ним возвышался воздвигнутый в память о его отце мавзолеем, сделанный из черного оникса, — он казался нарисованным в ночной мгле.

Он сам не мог понять, зачем он сидит здесь ночь напролет — то ли пришел попрощаться, но ли надеялся, что ему удастся побеседовать с неугомонным призраком отца, — что бы он сказал призраку, если бы тот появился?

Когда он шел сюда, никто не попытался его остановить, все эти дни с ним обращались настолько бережно, как если бы он был чем-то ужасно хрупким, грозившим непременно и немедленно расколоться. Не то, чтобы никто из тех, кто сейчас был в Имении — он сам и Гарри, Гермиона, Джинни и Рон, Сириус, Лупин и его собственная мать — не прошел через этот кошмар, однако только он оказался в его эпицентре. Всех их так или иначе касалась тьма, но лишь Драко был ей почти проглочен, находился в ней, был ей... Пусть Знак Мрака исчез с его руки, но воспоминания о том, что было, все еще кипели и бурлили внутри него, столько всего предстояло осознать, понять, забыть — ну, или хотя бы попытаться забыть... Он беспокойно мотался по темным залам Имения, заглядывая в зеркала, безуспешно пытаясь найти в них ответы. Назавтра был день рождения Гарри, намечалась вечеринка, но он совсем не хотел на нее идти. Сириус намеревался устроить празднество для них обоих — но Драко отказался, ему не хотелось никаких сборищ, неделю назад был спокойный тихий обед, он получил подарки... да он и их сначала не хотел!

Новая мантия от матери, черные кожаные огнеупорные штаны от Гермионы, книга от Джинни... Чарли Висли прислал ему фигурку дракона, изрыгающего в начале каждого часа безопасное пламя. А Сириус презентовал ему меч взамен того, что забрали демоны, — не Живой Клинок, конечно, но вполне ничего себе. Гарри в продолжение этой темы неожиданно преподнес ножны, заколдованные так, чтобы уберегать их владельца от ранения — видимо, Гарри достаточно насмотрелся крови за последнее время.

Драко поднялся на ноги и взглянул на темнеющее в серой мгле Имение. Такое знакомое. Огромная крытая терраса, по периметру окружающая этот квадратный каменный дом, башенки с узкими окнами в каждом углу — как раз для того, чтобы лить отличную раскаленную смолу на головы врагов... Сейчас между ними лежали тени. Он подумал обо всех остальных, оставленных им у камина... Отблески огня на волосах Джинни, смех Гермионы, как всегда — молчание Гарри.

Хватит.

Драко отряхнул колени от мокрой травы и подошел к мавзолею — резная серебристая надпись гласила: «Люций Малфой. 1958-1997. Arte Perire Sua»

— Привет, отец, — тихо произнес Драко, чувствуя под рукой холод камня, слушая замирающий в тишине собственный голос, чувствуя, как колотится в груди сердце. — Давненько мы с тобой не беседовали. Во всяком случае, создается такое ощущение...

Ночь ответила ему тишиной и прохладой. Развернувшись и привалившись спиной к холодному мрамору, он снова уставился в сгущающуюся тьму, где тонкой цепочкой огоньков светилось Имение.

— Я много размышлял о тебе в последнее время, отец. Наверное, ты бы удивился, услышав это... Но это правда. Может, и бессознательно, но я всегда держал тебя в уме. Думаю, он хотел стать мне

чем-то вроде отца — я имею в виду Слитерина — вот только вряд ли лучшим, чем ты. Он ведь желал того же, что и ты: заполучить средство для увеличения собственной мощи. Ты изображал Создателя, сделав меня по желанию Темного Лорда, ведь на самом-то деле ты никогда не хотел иметь сына. Ты не Создатель, отец! — его голос стал громок и отрывист, он взрезал сонное тепло летнего воздуха. — Я вовсе не слаб. Ты говорил, что я сломаюсь, как запущенные в обратном направлении часы, — однако я не сломался.

Драко прикрыл глаза, и перед его внутренним взором, словно сыплющиеся и разлетающиеся карты, замелькали разрозненные образы: он вжался в стену в камере отца... башни Слитеринского замка, опаленные огнем... умирающий Гарри, из-под которого по полу ручьем текла кровь... восставшие из Ада черные демоны, пришедшие взять своё...

Из Ада... Оттуда, где сейчас ты, отец. Оттуда, куда ты хотел меня отправить.

Он услышал слова Люция: «В конце концов, ты такой, каким я сделал тебя.»

Эти слова, как ему показалось, прозвучали прямо у него в голове. Он слышал их. Он был готов к тому — полуждал, полубоялся. Горе черным наводнением накатило на него, накрыло с головой, он даже не почувствовал спиной стену мавзолея, когда оно разрушило его разум и зрение... Он едва увидел очертания огромной черной собаки, стоящей на гребне холма и смотревшей на него огромными светлыми глазами, светящимися в темноте, как драгоценные камни.

Сириус видел, как Драко упал у стены склепа, и не поверил собственным глазам: Драко закрыл лицо руками, плечи его тряслись и содрогались. Даже не зная причины этих рыданий, Сириус безошибочно распознал этот вид горя, эти задушенные всхлипы, от которых его тело билось о камни; он скрючился на траве, уткнувшись головой в руки, — в Азкабане Сириуса не раз душили такие же сухие, яростные, отчаянные рыдания...

Хватит. Он распрямился из своего собачьего обличья и приблизился. Он никогда не делал раньше ничего подобного (даже для Гарри, хотя, случись что-то, он бы тоже так поступил) — подойдя, он присел рядом с Драко, оторвал его тело от стены, и решительно поднял его на руки, словно это был не семнадцатилетний юноша, а шестилетний ребенок.

Драко не сопротивлялся, он крепко-накрепко прижался к Сириусу, и тот с удивлением увидел, что он вовсе не плакал, — с ним случилось что — то иное, куда более сложное и причиняющее куда больше боли, чем слезы; его тело дрожало и судорожно сотрясалось, но слез не было. Сириус вспомнил слова Нарциссы, что ее сын не плачет. Но ведь... это же невозможно — все плачут... Он держал и держал его, неловко поглаживая Драко по спине — как успокаивают любое живое существо, пришедшее за поддержкой и помощью; а Драко все колотило.

— Поплачь, — сказал Сириус. — Поплачь, если нужно... если хочешь.

Но Драко отстранился от него и опустил на холодный темный мрамор мавзолея, качая своей серебристой головой. Лицо было бело и сухо.

— Нет. Я не могу.

— В этом нет ничего дурного, — мягко произнес Сириус. — С тобой столько всего произошло... У тебя на это куда как достаточно причин...

— Нет, — уже тверже ответил Драко. — Не могу.

И он снова отвернулся к мавзолею и замер в молчании. Сириус безмолвно присел рядом с ним.

Всходило солнце, его лучи разлетелись над Имением.

Наступил день рождения Гарри.

— Да где же Драко и Гарри? — возопил Сириус, когда шестая по счету почтовая сова приземлилась на полированную поверхность библиотечного стола, заваленного кучей пакетов, помеченных буквами Г и Д. — Это уже ни в какие ворота не лезет... подарки... письма поклонников... эти очередные кожаные штаны...

— Они наверху, — сообщила сидящая с Гермионой на подоконнике Джинни. Платья для них уже прибыли, и они были поглощены обсуждением нарядов на грядущий вечер. — Потееют.

— Фехтуют, — строго поправила Гермиона.

— Я буду придерживаться собственной терминологии, — возразила Джинни, касаясь тафты своей палочкой, от чего ткань изменила оттенок от зеленоватого к синеватому. — Смотри, по-моему, так лучше.

— То же самое, — не удержался Рон, лениво листающий на полу в ногах у девушек Ежедневный Пророк со статьей о вечеринке в честь семнадцатилетия Гарри на первой полосе и с подрагивающей фотографией Имения.

— Ничего подобного, — не согласилась Джинни, но все же снова ткнула ткань палочкой. Она приобрела теплый золотистый цвет шампанского.

— Отличный цвет для тебя, — одобрительно заметила Гермиона.

Дверь с размаху распахнулась, и вошел Драко, а следом за ним Гарри — оба румяные, взмокшие, улыбающиеся. Гарри, скрестив руки на груди, спорил с совершенно взлохмаченным Драко о тонкостях фехтовального этикета. По мнению Драко, то, что Гарри наконец-то запомнил, каким концом меча тыкать во врага, уже было для него большим достижением.

— Во врага? — усмехнулся Гарри.

Губы Драко дрогнули. Он оглядел себя — потертые джинсы, прилипшая к телу мокрая майка. Он снова перевел взгляд на Гарри.

— В противника, — поправился он.

— Балда, — произнес Гарри, чтобы последнее слово было все же за ним и, подмигнув Сириусу, отправился к Рону и Гермионе, которая тут же заклинанием *Reductus* сжала платье до размеров ладошки и спрятала его за спину. Гарри наклонился и поцеловал ее улыбающееся лицо.

— Не думай, что я не сумею достойно ответить на это, — высокопарно произнес Драко, присаживаясь на край стола и роясь в куче пакетов. — Я смогу. И этот день грядет. Однако я сегодня позволяю тебе цепляться — все же у тебя день рождения.

— Вы только послушайте, — Рон, вытаращив глаза, поднял вверх Пророк: «С днем рождения, Гарри: средоточие интереса всего волшебного мира, к которому прикованы все взгляды, — Мальчик-Который-Выжил — станет сегодня центром всеобщего внимания в связи с одним счастливым событием: состоится прием в честь его семнадцатилетия... Последний год он провел в Имении Малфоев, родовом гнезде могущественного клана Малфоев, теперь являющемся домом Сириуса Блэка...» так, тут немного скучно, я пропущу... огромный список гостей... тра-та-та, приглашены сотни волшебников и волшебниц... тэк-с... ага, включая Министра Артура Висли, директора Хогвартса Албуса Дамблдора, чудесным образом пришедшего в себя после магической комы... «Это чудеса волшебной медицины», — комментирует случившееся доктор Саймон Бранфорд...

— И вовсе не чудеса, — отрезала Джинни. — Все потому, что Драко убил Слитерина, — все его заклинания потеряли силу...

— Этот Бранфорд — та еще задница, — рассеянно пробормотал Сириус, занявшийся при помощи своей палочки открыванием заваливших за стол коробок. Сидевший на краешке стола Драко, полу прикрыв глаза, наблюдал за ним с вялым интересом.

— Однако ты и его пригласил, — заметила Нарцисса. — А вообще — существует ли кто-то, кого ты не позвал?

Сириус пожал плечами и подмигнул крестнику:

— Я хотел, чтобы у Гарри была грандиозная вечеринка. Чтобы компенсировать все пропущенные дни рождения.

— Я предпочел бы грандиозные подарки, — заметил Гарри, присаживаясь рядом с Роном на пол у ног Гермионы.

— Размер не имеет значения, — с хитрой улыбкой произнесла Джинни.

— О, укол от нашей маленькой мисс Висли, — чуть улыбнулся Драко. — А я-то волновался, что мы в депрессии с тех, пор, как отправили твоего дружка обратно в Каменный век...

— Во-первых, Бен не был моим «дружком», а во-вторых, все было в Средние века, — Джинни демонстративно потянулась к чему-то на столе Сириуса, меняя тему разговора. — А это что?

Сириус мельком взглянул:

— О, это макеты движущихся фигур.

— ЧТО?! — подскочил Рон.

Гарри смутился, у Драко же был весьма самодовольный вид.

Сириус пожал плечами:

— Несколько человек, которые делают вкладыши для Шоколадных лягушек, интересуются распространением движущихся фигурок Драко и Гарри... ну, как рекламный ход... Вот они и прислали макеты для одобрения...

— И вы это одобрили? — завороченно спросила Джинни, вскочив на ноги. В этот миг маленькая фигурка Драко с силой ткнула в спину фигурку Гарри, швырнув его через край стола, и с тихим смехом исполнила полный злобного торжества танец. Джинни присела, подняла фигурку Гарри — просто копию его настоящего, в алой Квиддитчной мантии — и поставила на ноги. — Бедный Гарри...

— Нет, не одобрили. Вкладышей в Шоколадных лягушках вполне достаточно... Драко и Гарри не нуждаются в том, чтобы их лица красовались на каждом волшебном щите до Оттери-Сент-Кэчпоула, рекламируя все подряд: от мятных зубных нитей до навороченных метел...

— Кроме того, я сам на себя не похож, — критически заметил Драко, разглядывая свою миниатюру, выглядящую его совершенно копией, вплоть до усмешки. — У него не достаточно моих признаков.

— Ты это о чем? Он же точь-в-точь ты!

— Я о том, что у него не все мои признаки, — приподнял бровь Драко. — Если вы понимаете, о чем я говорю.

Гарри взглянул на Малфоя, похоже, сообразив, о чем идет речь.

— Ты раздевал его, да, Малфой?

Драко порозовел:

— Ну, я...

Брови Гарри сошлись в сердитую линию:

— А мою фигурку ты тоже раздевал?

— Увидимся, — пробормотал Драко и бочком поторопился к дверям. — Мне надо одеться.

Джинни и Гермиона захлебнулись от смеха, когда Гарри вскочил на ноги, перешагнул через Рона и, оперевшись руками в бедра, яростно заблистал глазами.

— Малфой! — закричал он вслед ускользящему за дверь Драко. — А ну вернись!

В этот миг раздался громкий хлопок, и в камине появилась голова и плечи Артура Висли.

— Здорово, Сириус, — приветливо произнес он, распространяя вокруг себя копоть и сажу.

— Что-то ты рано, — взглянул на каминные часы Сириус.

— О, папа, — не поднимаясь, Рон помахал рукой.

— Я не останусь, просто хотел сообщить, что получил известие от Чарли... Он сможет придти, как в конце концов выяснилось. Я, конечно, понимаю, все в последнюю минуту...

— Ладно, — перебил его светящийся искренней радостью Сириус. — Никаких проблем, Артур. Я же говорил тебе, чтобы вы пришли всей семьей.

Гермиона взглянула на Драко. Конечно, на его лице не отразилось ничего столь же выразительного, однако по быстрой вспышке его глаз она могла с уверенностью сказать, что он был рад тому, что Чарли обещал прибыть. Словно почувствовав, что она смотрит на него, он перевел на нее свои глаза, и на мгновение их взгляды скрестились. Она совершенно отчетливо поняла, что он хочет ей сказать, и поднялась на ноги.

— Пойду оденусь, — нежно прикоснулась она к плечу Гарри.

Он поднял глаза:

— Еще же долго...

Рон фыркнул:

— Ты знаешь, хорошо, если она будет готова к святкам.

— Пожалуй... — согласился Гарри.

— А не стоит тебе некоторое время потратить на свои волосы? — заметила Гермиона, уклоняясь от его шутливого тычка. Она чувствовала, что Драко все смотрит на нее, и надеялась, что Гарри этого не заметит и что у Драко хватит сообразительности немного переждать, прежде, чем выйти из комнаты вслед за ней.

Она успела принять душ и высушить волосы заклинанием *Conarus*, платье ждало ее на кровати,

когда он постучал к ней. В черной китайской шелковой мантии и комнатных тапочках, она открыла дверь — в проеме стоял Драко, подсвечивающее его сзади пламя факела превращало серебристые волосы в ореол. Гермiona почувствовала в горле кисло-сладкий комок и с трудом сглотнула его. На нем была темная мантия, волосы влажно поблескивали, словно он только что вышел из душа. От него пахло мылом и специями.

— Драко, что это?

— Последние ингредиенты, — он неуверенное протянул ей пакет в темно-коричневой обертке, и Гермiona, приняв его, заулыбалась.

— Розмарин, паутина, сушеные незабудки... — она развернула пакет и углубилась в его содержимое. — Что ж, это все... Вернее, почти все.

Драко прислонился к косяку, не решаясь перешагнуть через порог, равно как и не собираясь уходить.

— А что тебе еще нужно?

— Ты, — не раздумывая, ответила она.

Он поднял на нее глаза, и она ощутила, что заливается каким-то дурным румянцем, он едва не улыбнулся, но почти тут же его лицо вновь померкло. Рядом с ним так легко было забыть, что за каждым его выражением поблескивают искры опасности. Легко. Но неразумно.

Скрестив запястья, он вытянул их вперед и мягко улыбнулся:

— Вот. Теперь у тебя есть все.

Она не коснулась его рук:

— Пройди, присядь на кровать.

Он послушно сел, совершенно дико выглядя на розовом стеганом покрывале в цветочек. Гермiona выгребла остатки компонентов для Думоотвода из секретера и присела напротив него, поставив между ними плоскую белую чашу, бросила в нее то, что принес Драко, смешала с приготовленным ей накануне Зельем Памяти и несколькими листьями эстрагона. Смесь закипела, задымила и превратилась в зеленую пасту.

Гермiona взглянула на Драко — он был несколько взволнован, словно считая у себя пульс.

— Ну, теперь ты, — пригласила она. — Обычно это делается палочкой, но, думаю, ты вполне справишься и без нее. Просто сконцентрируйся на воспоминаниях, которые ты хотел бы сохранить в Думоотводе, и отправь их в чашу.

— Спасибо, — она ничего не смогла прочесть в его глазах, и поняла, что он хочет остаться один. Встав, Гермiona подхватила с кровати туфли, платье и чулки и отправилась в ванную приводить себя в порядок, плотнее прикрыв за собой дверь.

Платье, выбранное ею на нынешний вечер, было по покрою очень похоже на то, что много месяцев назад дала ей в Имении Нарцисса, — оно до сих пор оставалось самой любимой её вещью, пусть даже принадлежало ей совсем недолго, — такой же зашнуровывающийся на спине корсаж, широкая юбка, вырез, глубоко открывавший плечи и грудь (куда глубже, чем она привыкла носить). Только сейчас цвет был другой — глубокий цвет темной корицы вместо лавандового. К этому прилагались прозрачные чулки и пара эффектных туфель с ремешками на высоких каблуках.

Напоследок она занялась своими волосами: с помощью заклатья Couffuris она собрала пучок на затылке, оставив несколько локонов свободно виться, обрамляя лицо. И вот — последний взгляд в маленькое зеркальце над раковиной, которое показало ей лишь часть ее отражения и дало такой же краткий комментарий, и она, подхватив одной рукой юбку, вышла из ванной.

Драко все сидел на кровати, уставясь в Думоотвод, в котором теперь вился беловатый дымок. Он поднял взгляд и увидел ее — глаза его расширились и потемнели, однако все, что он сказал, было:

— Ну, с одеванием все? — она знала, что он восхищен и, более того, что он вспомнил то платье, которое послужило образцом для этого её наряда. Конечно, вспомнил. Он всегда обращал внимание на такие вещи...

— Ты закончил? — кивнула она головой в сторону Думоотвода.

Драко кивнул:

— Угу, это было просто.

Она подошла к большому зеркалу на туалетном столике, бросила в него быстрый взгляд, взяла серебряное кольцо с топазом и приложила к шее, нервно теребя застёжку.

Драко поднялся и опустил Думоотвод на кровать.

— Хочешь, я тебе помогу?

— Ну, если не возражаешь... — она мгновение поколебалась, и все же вложила кольцо ему в руку.

Она застегнул его вокруг ее шеи, и под весом тяжелого дымчатого топаза оно скользнуло вниз... Он замер, его руки прикоснулись к волнующему изгибу, где шея переходила в плечо, от его прикосновений к шее у нее по телу побежали мурашки; он смотрел на нее, и глаза его были темны и серьезны... и внезапно она увидела себя — такой, какой он ее видит: эти плавные изгибы, поднимающиеся из шелкового корсажа, тщательно уложенные темные локоны, длинная прядь, выходящая у лица, широко раскрытые темные глаза, пухлая нижняя губа, чуть подрагивающая от волнения... Эти руки, прикасающиеся к ее коже, — такое знакомое и незнакомое чувство... все потому, что в нем была часть Гарри, хотя они такие разные... Если бы она закрыла глаза... ей пришлось бы вспомнить, чьи это руки... Серебристые, а не черные волосы... Серые — не зеленые — глаза... Она повернулась в его объятьях и услышала щелчок застегнувшегося замочка.

Он отступил от нее, часто дыша.

— Готово, — тихо произнес он.

— Драко...

— Не надо... — и добавил. — Ты прекрасна...

Она знала, что это так, знала, что сейчас необыкновенно хороша.

— У тебя с Джинни что-то есть? — вопрос сорвался у нее с языка, она даже не успела подумать.

Эти слова повисли между ними, и на мгновение ей показалось, что ее слова задели его... Он слегка поправился и вернул себе потерянный вес, но плечи по-прежнему угловато торчали под рубашкой, а черты лица все еще были заостренными. Как же он уязвим...

— Для того, чтобы между нами что-то было, во мне должно быть что-то, что я смогу дать ей, — ответил он, тщательно взвешивая каждое слово. — А я не думаю, что сейчас могу что-нибудь кому-нибудь дать...

— Драко, ты самая цельная личность из всех, которые я когда-либо знала.

— Не считая Гарри?

— Ты такой же.

— Я должен ждать... — покачал он головой.

Она прикусила губу:

— Не жди, просто будь счастлив, — чуть сдавленно произнесла она.

— Это то, чего бы ты хотела для меня? — в его голосе появилась резкость, словно мелькнуло острое лезвие бритвы. — Счастья?

— Более чем, — ответила она, и в этих словах была и правда, и частичка лжи.

Они замерли. Он нарушил молчание первым, развернувшись и подняв со кровати Думоотвод.

— Спасибо за это. Без тебя у меня бы не вышло.

— Драко, — вспыхнула она, на самом деле даже не зная, что ей сказать, — это разные вещи...

— Стоп.

Она подчинилась. Он стоял и смотрел на нее, так долго, в такой безмолвной тишине, что предыдущее молчание показалось просто пародией. Наконец он заговорил, и она закрыла глаза, слушая этот мерный, прекрасный, глубокий голос, эти слова...

— Как долго я мечтал услышать, что, не будь в твоей жизни Гарри, ты была бы со мной... Я все ждал и ждал, но ты все не говорила и не говорила, и, наконец, я понял, что этого бы не было никогда... И не потому, что ты не хочешь меня. Просто потому, что это невозможно. Просто потому, что ты не представляешь свою жизнь без Гарри.

Она открыла глаза, потрясенно взглянула на него и заговорила — еле слышно, едва шепча:

— Можно ведь любить одновременно нескольких людей... Ты ведь знаешь...

— О, да... Я знаю.

— Но ты должен сделать выбор.

Он отвел глаза. Пламя факела отбросило на его светлую кожу золотой отблеск.

— У нас только одна жизнь, — ответил он, — и мы поступаем, как можем. Или должны.

У нее оборвалось сердце.

— Драко...

— Увидимся на вечеринке.

Он прошел к двери, провожаемый ее пристальным взглядом. Дверь давно уже захлопнулась, а Гермiona все стояла и стояла и смотрела ему вслед.

Сириус потрясенно осмотрелся: Нарцисса превратила большой зал для балов — когда-то огромное, сырое и мрачное пространство — в страну чудес и света. За западной террасой

Сибби Мэйлон и ВИА Дорожных Эльфов установили свою аппаратуру. Тяжелые бархатные занавеси с огромных, от пола до потолка окон, вдоль западной стены были сняты, и в окно были видны катящиеся к озеру малахитовые поля, далекую полосу деревьев, над макушками которых спускалось заблудившееся в переливах багряного и золотисто-желтого солнце. Залитый его лучами, зал сиял полупрозрачным, эфирным розоватым светом; словно бусы, на тонком шнуре повсюду лениво покачивались разноцветные фонарики, меняющие свою форму, — то яркая пчелка, а через секунду уже сияющая звезда. По светлому мраморному полу с золотыми изображениями знакомых созвездий весело плясали разноцветные пятнышки.

Нарцисса обратилась к профессиональному прорицателю, который заверил ее, что расположение звезд самое счастливое, и сулит новорожденному удачу, любовь и благоденствие.

Длинные палисандровые столы вдоль стен ломились от всевозможных кушаний, а за потрясающий бар с рядами разноцветных булькающих и дымящих напитков отвечала сама мадам Розмерта, прибывшая сюда из Хогсмита.

— Великолепно, — Сириус обернулся к улыбающейся Нарциссе, необыкновенно красивой в смелого покроя сиреневой мантии с разрезом и с совершенно потрясающим, расшитым бисером корсажем. — Как и ты.

Нарцисса просветлела — так же, как и ее сын, она улыбалась редко, но (так же, как и у Драко) эта редкость превращала улыбку в лучезарное сияние.

— Да ты и сам неплохо выглядишь... — она прикоснулась пальцем к лацкану элегантного пиджака. — Кеннет Тролль?

— Армани для волшебников. Нарцисса, я так ценю, что ты сделала для Гарри... Все это... Особенно с учетом того, что Драко вообще не захотел для себя никакой вечеринки...

Ее улыбка погрустнела.

— Я полагаю, это и для него тоже... даже если не могу в этом признаться. Может, я не права, но...

— Нет. Коль это осчастливит Гарри, Драко будет только рад. Хотя он скорее отдаст себя на растерзание пикси, чем признается в этом.

— Фу, не вспоминай про пикси, это к несчастью, — Нарцисса легонько хлопнула Сириуса по руке и повернулась к выплывшему из соседней стены призраку-дворецкому, Антону, повязавшему ради такого случая прозрачный, напоминающий цветок, галстук-бант.

— Прибывают первые гости, — объявил он.

Первым гостем оказался Чарли Висли, в кои-то веки сменивший свою рабочую одежду на элегантный черный костюм, на фоне которого совершенно невообразимо выделялась его фамильная шевелюра.

— Я знаю, что рано, — задорно произнес он и, вытащив из кармана золотистую бутылку, протянул ее Сириусу. — Держи, я тут кое-что захватил...

— Вино? — приподняла брови Нарцисса.

— Грандиозное вино, — прищурился на этикетку Сириус. — Отличная вещь... Полстакана сшибут с ног, стакан — и придешь в себя через три дня... Крепковато для юного Гарри, ты не находишь?

Чарли покачал головой:

— Это тебе, Сириус. Для Гарри я припас кое-что другое...

Чарли неожиданно посерьезнел, взбудоражив любопытство Сириуса:

— А что для него?

Но Чарли отказался рассказать хоть что-то, и Сириус перестал на него давить — начали прибывать гости, друзья, целые семь и даже Снэйп прибыл, чтобы отпраздновать семнадцатилетие Гарри.

— Ну, давай же, Драко, — просяще ныла Джинни. Она улыбнулась Гарри, сидевшему рядом с ней на кровати в комнате Драко. Гарри был уже одет к приему — черные брюки и темно-зелёная рубашка от Кельвина Кляйна. От него приятно пахло лосьоном после бритья, но волосы все также растрепанно торчали в разные стороны.

Она знала, что Гермиона в своей комнате накладывала последние штрихи — тушь и все такое — свой выход она обставляла с той же методической тщательностью, что и готовила зелье — сама же она еще и не начинала одеваться, хотя была совершенно уверена, что этот процесс займет никак не меньше нескольких часов. Вступая в зал для балов, она хотела произвести впечатление — чтобы все глаза воззрились на нее... и особенно те, серебристо-серые...

— Ну, Драко, мы не будем смеяться над тобой, клянусь!

— Я НЕ надену это — и точка, — отрезал Драко. Он стоял за покачивающейся черной ширмой китайского шелка, отгораживающей гардероб от остальной комнаты — были видны только его черные ботинки. — Мать, должно быть, сошла с ума.

— Разброд в семействе, мне сказали, — с удовольствием заметил Гарри.

Драко отодвинул ширму и сверкнул глазами:

— Поттер...

Гарри прыснул, а Джинни зажала себе рот, чтобы удержаться и промолчать. Драко вспыхнул и набычился. То, что подобрала ему мать на прием, было совершенно неописуемо, — существовавшее «рюшки», а также прилагательные «сияющий» и «белый» немедленно пришли ей на ум, лишь только она взглянула на него. Хотя... это что — воротничок в пейзажном стиле? А это... хм... нет, это конечно, искусственные бриллианты?..

— Кошмар, — мрачно констатировал Драко.

Гарри захрипел от хохота:

— Ты похож на пингвина — альбиноса.

— Я думаю, он выглядит весьма сексуально, — заметила преданная Джинни.

— А то! Для другого пингвина-альбиноса, — великодушно согласился Гарри. — Причем слепого и одинокого — и уже не первый год.

— Что-то ты сегодня не в меру боек, Поттер, — и Драко отступил обратно за ширму. Полыхнула какая-то разноцветная вспышка, посыпались искры — Джинни даже на мгновение испугалась пожара, и тут же зашлась в новом спазме хихиканья. Гарри сделал большие глаза:

— На сегодня модных дефиле с меня хватит, пойду-ка найду Рона, — он собрался подняться, но Джинни схватила его за рукав и дернула обратно на кровать. По непонятной причине мысль о том, чтобы остаться с Драко наедине, ее будоражила и пугала.

— Постой, — попросила она, и Гарри плюхнулся обратно на кровать, окончательно разлохматившись.

Когда Драко снова вышел, смех застрял у Джинни в горле. Черные брюки, сидевшие на нем, как влитые, мягкий джемпер цвета индиго, благодаря которому синие круги под глазами стали незаметны, ботинки коричневой кожи, выглядевшие так, будто каждый шнурок стоил по меньшей мере сотню галлеонов... Теперь он выглядел немного старше, куда как элегантней и ужасно, ужасно респектабельно. Это даже немного пугало...

Он посмотрел на Джинни и улыбнулся. Волосы, отросшие достаточно, чтобы доставать до воротничка, делали заметным шрам на его загорелой щеке — он вспомнил, как касалась его, когда они целовались в замке Слитерина... Внезапно она пожелала, чтобы Гарри немедленно отвалил.

— Так я говорю, — Драко приподнял бровь, и по его тону она сообразила, что он повторяет свой вопрос, — так лучше?

Джинни кивнула, потеряв дар речи и позабыв все слова.

— Несколько менее отвратительно, — согласился Гарри, что на их с Драко языке означало одобрение.

— Пожалуй, я пойду тоже оденусь, — заторопилась Джинни, боясь, что сейчас зальется краской, подбежала к двери и не успела коснуться ее, как та распахнулась сама. За ней стояла Гермиона, блистательная в коричневом атласе, с собранными назад волосами, обрамлявшими лицо каскадом локонов. Гермиона настолько редко занималась своей внешностью, что Джинни совсем позабыла,

как потрясающие она может выглядеть, если захочет. Ее глаза тут же скользнули к Гарри — он приподнялся с кровати, ошеломленно глядя на нее:

— Ты прекрасна...

Гермиона порозовела и промолчала. Гарри подошел к ней и нежно коснулся губами щеки, отодвинув непослушный локон. Глядя на выражение его лица, Джинни почувствовала укол зависти — как бы ей хотелось, чтобы кто-то — и вовсе даже не обязательно, чтобы это был Гарри, — смотрел на нее так же, с таким же выражением...

Она покосилась на Драко — засунув руки в карманы, тот стоял со скучающей миной. Она бы удивилась, если бы в глазах Драко промелькнуло такое же чувство, когда он смотрел на кого-то... Да, серые глаза были куда холоднее, чем зеленые, от Драко таких взглядов ожидать не приходилось.

— Мне хотелось бы напомнить, что это моя спальня, — холодно указал он заигравшимся в гляделки Гарри и Гермионе. — Если вы собираетесь миловаться, отправляйтесь в другое место.

Гермиона покраснела.

— Я просто пришла сообщить, что гости уже прибывают, — холодно произнесла она. — Джинни, твои братья уже здесь...

— И Билл с Чарли? — радостно перебила ее Джинни.

— Да, и в жизни не догадаешься, кого Билл привел в качестве своей дамы, — Флёр.

— Она вернулась, — впечатлённо отметил Гарри.

— Она развернулась: на 360 градусов, — хмыкнул Драко. — Разве они с Биллом не были раньше знакомы?

Джинни бросила на него пронзительный взгляд, пытаясь понять по его тону, как он относится к этому новому увлечению Флёр. Кто бы там чего ни говорил, она до сих пор свято верила, что Флёр все же тащится от Драко — от его серебристой макушки до пресловутых носков в уточку.

— Точно, — кивнула Гермиона, — Перси и близнецы с подружками тоже, Чарли пришел один.

— Это ненадолго, — усмехнулась Джинни. — Чарли просто магнит для девчонок.

— Наверное, все дело в кожаных штанах, — с каменным лицом заметил Гарри.

— А ну, все вон отсюда! — рявкнул Драко, чье терпение лопнуло после шуточки о штанах. — Мне нужно закончить с одеванием. — Валите — валите, всей толпой.

Гарри с Гермионой исчезли, махнув ему рукой, Джинни пошла за ними, но неожиданно ее руки что-то тихонько коснулось. Она обернулась: Драко смотрел на нее, в его глазах сверкали озорные огоньки.

— Подожди секунду, Висли. Хочу тебе сказать пару слов.

Хлоп.

Сердце упало в пятки, и мысленно она погрозила себе пальцем: это же просто Драко, и не надо тут ничего устраивать только потому, что он коснулся моей руки... ну, ладно, ладно... это бы подействовало на кого угодно, и дело тут вовсе не в количестве причин... Это нечестно... он так потрясающе выглядит, словно все эти вещи сшиты специально для него... Ну, конечно... так оно и есть... С его-то деньгами... Однако ни за какие деньги нельзя купить эти волосы... эти удивительные серебристые глаза... заостренные скулы — ими, наверное, бумагу можно резать... Это просто случайность... или наследственность... или какая-то их комбинация...

Драко чем-то замахал у нее перед глазами, и ей пришлось приложить некоторые усилия, чтобы сфокусировать свое зрение: маленькая книжица в красной обложке — да это же та самая книга, что она подарила ему неделю назад, на день рождения: «Генеалогия и История Основателей Хогwartса» Фабианны Паттер-Браун.

— Интересный подарочек, — заметил он. — Я-то все думал, с чего бы ты мне ее вдруг преподнесла, пока не наткнулся тут на рассказик про Бенджамина Гриффиндора... к слову, он был ужасным занудой... так я нашел там упоминания о загадочной рыжеволосой девушке, которая то появлялась, то исчезала в его лагере... А это часом не ты ли в одном из своих сверхсекретных временных путешествий? Вернулась во времени, чтобы найти себе классного друга?

Джинни совершенно неизящно хрюкнула:

— Это Бен-то? Классный дружок?

— Почему бы и нет? Высокий красавчик-брюнет, померший лет тысячу назад, — он вполне списывается в твои пристрастия, и как все эти остальные представители рода Гриффиндора бродит

вокруг, пока какой-нибудь гигант не всадит ему свое десятифутовое копьё в...

— Драко, это не имеет смысла...

— Не согласен. Ещё как имеет.

— И почему?

— Ну, — начал Драко, опускаясь на краешек кровати, — мне тут пришло на ум, что с этим стариной Беном не все так просто, — существуют неувязочки... У него есть Наследник, однако не было жены... и вообще — никаких официальных отношений. Заметь — никаких женщин в его жизни, все вились вокруг его брата Гарета — судя по всему, был отличный парень. Только эта вот рыжая лисица, постоянно высовывающая свой нос из палатки Гриффиндора, словно бы там обитает... А на самом деле — ты сколько там прожила?

— Подожди-ка... То есть, как поняла, ты спрашиваешь меня, не являюсь ли я пра-пра-пра... какой-то там бабушкой Гарри? — ошеломленно поперхнулась Джинни.

— Ну, если ты хочешь все представить именно так, — смущенно вывернулся Драко.

— А откуда ты знаешь, — поинтересовалась Джинни, — что я не твоя какая-то там пра-пра? Между прочим, Гарет тоже был очень даже ничего.

Драко остолбенел. Джинни наслаждалась триумфом — не так-то часто можно было увидеть потерявшего дар речи Драко. Наконец она расхохоталась.

— Ну, ладно, ладно, — согласилась она. — Посмеялись и хватит. Я не твоя прабабка. И не Гарри. Я не видела ни сына Бена, ни ту женщину, которая стала его матерью, и если на самом деле ты спрашиваешь меня... — она склонилась к его правому уху и что-то тихо зашептала, отчего его брови взлетели, как птичьи крылья, а губы изогнулись в хитрой улыбке.

— Ты шутишь...

Она покачала головой:

— Не-а...

— Так-так... — он встал на ноги, хитрая улыбка застыла на его губах. — Такое не узнаешь на уроке профессора Биннза... — его брови сдвинулись. — Кстати, коль уж зашла речь, я был еще кое-чем удивлен...

— И чем?

— Ну, я подумал, что твоя блестящая идея насчет возвращения в прошлое была связана с тем, что пропала армия Гриффиндора. Но ведь когда Бен вернулся, он забрал армию с собой... И куда они все отправились?

Джинни потрянула головой:

— Ой, Драко... Это долгая история, а мне надо бежать... Таким путем я успею одеться только наполовину к началу вечеринки...

Драко откинулся на локти и лениво улыбнулся:

— Лично я не вижу в этом никаких проблем.

Джинни отвела глаза и повернулась, однако он удержал ее:

— Могу я проводить тебя вниз по лестнице?

— Что?

— Такова традиция, — пояснил он. — Гости вступают в зал для балов парами, и их объявляют, когда они спускаются по лестнице, — всегда так было. Гарри поведет Гермиону, Сириус будет с моей матерью, Билл — с Флёр... ну, и так далее.

Она взглянула ему прямо в глаза — и смотрела долго-долго, любой другой подросток на его месте давно бы уже переминался с ноги на ногу, а Драко бесстрастно смотрел в ответ, уголок его рта дразнил ее легкой улыбкой, по этим миндалевидным серо-голубым глазам невозможно было понять, о чем он думает...

Странно, — подумала она, — он мне напоминает не столько Гарета, сколько Бена: такой же внутренний покой, те же яркие выражения, не оставляющие — как ветер на воде — никаких следов...

— Это традиция, — повторил Драко.

— Я это уже слышала.

— Традиция — суть повторение.

— Хорошо.

— Ну и?

— Хорошо. Встречаемся наверху через...

— Пятнадцать минут.

— Я не успею за пятнадцать минут стать красивой!

— Ты уже красива, — заверил он успокоительно, откидываясь к изголовью кровати и пролистывая книгу.

Она бросила на него пронизывающий взгляд, чтобы удостовериться, не лжет ли он, — конечно же, Драко не лгал. Чего он там еще не делал? Я не лгу... не падаю в обморок... и не танцую.

— Я буду через четверть часа, если ты пообещаешь, что будешь танцевать.

Драко вскинул взгляд:

— С тобой? Или — вообще?

— Думаю, забавнее будет, если со мной.

— Хорошо, — не раздумывая, ответил Драко, не отрываясь от книги. — Я обещаю. Я буду танцевать.

Это уже куда больше пятнадцати минут!.. — в состоянии крайнего волнения Джинни металась по своей комнате. В общих чертах она уже была готова — она вспомнила Заклятье, разгладившее ее непокорные локоны в шелковую огненную реку, и закрепила их разноцветными бабочками, платье тоже было великолепно — цвета шампанского, со скрещивающимися на спине узкими бисерными полосками, глубоко открывающее ее узкие, чуть тронутые веснушками плечи.

Так-с, проблемка...

Обувь. Она перевернула вверх дном всю спальню — и не нашла: видимо, забыла в библиотеке вместе с палочкой. Все что, было сейчас — это пара поношенных кроссовок... мда, можно сказать, что не было ничего... Она ума не могла приложить, где добыть еще одну пару — в одиннадцатом-то часу! Как ей захотелось снова заполучить Хроноворот, чтобы отправиться на пару часиков назад и как следует подготовиться...

Вот почему Дамблдор первым делом забрал у нас все Ключи, — уныло улыбнулась она. — Он не считал возможным использовать столь старые и мощные магические инструменты для улучшения чьего-либо внешнего вида...

Джинни чертыхнулась и пнула босой ногой кровать.

— Леди так себя не ведут, — раздался из дверей чей-то голос.

Ну, конечно же, Драко. В замшевой куртке карамельного цвета, наброшенной поверх джемпера, он выглядел, если такое вообще было возможно, еще более элегантно, чем раньше. Весь из себя, отстраненно-ироничный, он прислонился к косяку. Джинни взглянула на него с ярко выраженной антипатией:

— Вежливые люди стучат, — холодно заметила она.

— Буду иметь в виду, если встречу кого-нибудь из них, — он подал ей руку. — Ты готова? Похоже, да.

Джинни проигнорировала протянутую руку и раздраженно указала на босые ноги:

— Ты меня поторопил, — обвиняюще заявила она. — Я забыла свои туфли, теперь не могу их найти.

На лице Драко вспыхнула усмешка.

— Не вижу ничего смешного, — вспыхнула она.

— Напротив. Но я не собираюсь сейчас все это обсуждать. Зовио! — негромко выдохнул он, вытянув вперед левую руку, и мгновение спустя что-то выхватил из воздуха и протянул ей. Она машинально взяла и вытаращила глаза:

— Носки с утками!? — она не могла отвести от них глаз: хлопковые, белые, с желтыми утками и дыркой на пальце...

— Чистые, — отметил Драко.

— Это носки. С утками.

— Обувайся, — произнес Драко так спокойно, что Джинни сама не поняла, как она уже сидела на кровати и натягивала их себе на ноги. Как только она закончила, Драко взмахнул над ними рукой, что-то ярко вспыхнуло, и вместо носков у нее на ногах оказалась пара прозрачных туфель, изящных

и переливающихся.

Джинни сидела и переводила взгляд — с туфель на Драко, с Драко на туфли. По его выражению совершенно ничего нельзя было понять, он вообще здорово напоминал ей книгу, написанную на Змееязыке: мальчик, вызывающий бабочек, чтобы превратить их в пылающие клочки, готовый пожертвовать собственной жизнью, чтобы спасти другого, острый язык, которого мог говорить приятное друзьям и также искусно же резать на кусочки врагов... Мальчик, который любил с такой же яростью, как и ненавидел, который ненавидел так же отчаянно, как и любил... Драко Малфой... клубок противоречий... Хотя, с другой стороны — а все остальные люди разве не такие?..

— Стекланные башмачки, — наконец произнесла она. — Прикольнo, но неоригинальнo.

— Я решил следовать старым испытанным образцам.

— Но на самом-то деле это просто носки. С утками.

— Никто об этом не знает, — возразил Драко. — Только ты и я.

Он снова протянул ей руку, и на этот раз она приняла ее.

— Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер! Рубеус Хагрид и мадам Олимпия Максим! Артур и Молли Висли! Билл Висли и Флёр Делакур! Рем Лупин и Хэйди Хавард! Ангелина Джонсон и Фред Висли! Джордж Висли и... это ведь юный мистер Висли, не правда ли?

Призрак Антон, наслаждавшийся происходящим и с упоением объявлявший каждую спускающуюся по лестнице и вступающую на мраморный пол зала пару, заикнулся и замер, что и не удивительно: Джордж воспользовался моментом и продемонстрировал в лучах ramпы новейшую изобретенную ими примочку: пингвинью мятную жевательную резинку. Его хорошенькая многострадальная подружка, отдернула свой атласный шлейф от круглоглазого пингвина, устроившегося рядом с ней на ступеньках.

— Зачем, Джордж? — взвизгнула она с отчаянием. — Ну, зачем?!

С глухим хлопком пингвин снова стал Джорджем, в великолепной черной бархатной паре от Кеннета Тролля, — глядя на него невинный вид, и в голову не могло прийти, что он на такое способен.

— Прости, дорогая, — с раскаянием произнес он, — мне показалось, что это была неплохая идея.

Его Яна что-то прорычала в ответ, спускаясь, ее синевато-зеленое вечернее атласное платье заструилось по ступеням, вслед спешил Джордж.

На вершине лестницы Онори, невеста Перси, повернулась к нему с самым серьезным видом:

— Поверить не могу, Персик, что это твой брат.

— Да, — согласился Перси, сияя великолепием полосатых брюк и подтяжек от Армани. Вид у него, однако, был такой, будто он едва сдерживал смех. — Эти близнецы невыносимы.

— Ты ведь никогда бы не превратился в пингвина на приеме, правда?

— Ну конечно, нет, дорогая. Разве что в выдру. Но в пингвина — нет, никогда.

Если Онори и собиралась что-то сказать, то это потонуло в протяжном завывании Антона:

— Персиваль Висли и Онори Глоссоп!

Спустившись, они присоединились к столпившимся у лестницы Гарри, Гермионе и остальным Висли; Билл и Флёр держались за руки, Ангелина в серебристом платье наблюдала, как Фред преподнес Гарри подарок: Гарри открыл коробку и в недоумении поднял глаза:

— Еще очки? — он вытащил пару. — Или ты таким способом пытаешься дать мне понять, что мои не годятся? Я и сам это знаю.

— Почему бы тебе их не надеть? — Онори вздернула свой носик вверх, впрочем, как всегда. — Почему бы тебе не обзавестись новыми? Ты бы вполне мог себе их позволить...

— Потому что Гермиона обожает мои старые. Правда, Герм?

— Безумно, — рассеянно согласилась Гермиона, поглядывая на другой конец зала, где профессор Лупин чувствовал себя явно не в своей тарелке рядом с дамой, припасенной ему Нарциссой: ее старинная школьная подружка Хейди красовалась в вызывающей золотистой мантии с открытой спиной. — Вам не кажется, что нам пора спасать профессора Лупина?

Гарри глянул поверх ее головы и бессердечно усмехнулся, глядя, как Хейди пытается убедить Лупина пристроиться в ряд пляшущих конгу, а Лупин трясет головой с таким видом, будто его

пытались накормить аконитом:

— Хе, ему это только на пользу.

— Эй, глянь, — Джордж помахал рукой у Гарри перед носом, пытаясь привлечь его внимание. — Это не простые стеклышки, Гарри, это Рентгеновские очки от Висли. С их помощью ты сможешь смотреть сквозь предметы.

— Как Дикоглаз Хмури? — заинтересовался Рон.

— Точно, — и Джордж нацепил на себя одна пару. — Например сейчас я могу видеть, что на Онори под платьем леопардовое белье.

— Ничего подобного! — ужаснулась Онори.

— Точно-точно, — подтвердил Джордж.

— Ну, ладно, хватит, — попытался остановить их Перси, но безрезультатно.

— Ничего подобного! — повторила Онори и повернулась к Флёр, словно призывая ее в свидетели. — Ничего подобного!!!

Флёр пожала плечами:

— А что такого в леопардовом белье? — спокойно поинтересовалась она. — Я и сама его ношу.

Поперхнувшись, Онори бросилась вслед Перси.

Гарри с подозрением воззрился на Джорджа:

— И что, они действительно работают?

— Думаю, они работают просто потрясно, — ответил тот.

Гермиона захихикала, Флёр взвизгнула — лишь спустя миг они сообразили, что девушки впечатлились не столько удачной шуточкой близнецов, сколько только что прибывшей на прием девушкой, невысокой темноволосой красавицей в белой мантии, расшитой жаворонками и скворцами.

— Моника! — воскликнула Флёр, и, обняв ее, расцеловала в обе щеки. Повернувшись к остальным, она представила ее:

— Это моя кузина Моника. Моника, это Билл, ты знаешь, это, естественно, Гарри Поттер, это Рон Висли...

— Могу я взглянуть на ваш шрам? — настолько неожиданно перебила ее Моника, что все буквально подскочили и уставились на Гарри.

— Э-э-э... — Гарри открыл было рот и замолчал, потому что она смотрела вовсе не на него, а на Рона.

Рон выглядел смущенным и встревоженным.

— Что?

— Ваш шрам, — указала Моника. — Можно я на него взгляну?

Рон медленно поднял правую руку: шрам уже заживал, но все равно имел устрашающий вид, вся ладонь, касавшаяся рукоятки Слитеринского меча, была обожжена, отпечаток змеи бежал от запястья к большому пальцу, окруженный неясным круглым следом.

— О-о-о, — выдохнула Моника, беря его руку. — Я никогда такого не видела. Флёр мне рассказывала, каким вы были храбрецом, подняв Слитеринский меч... Это ведь вы практически разрушили всех дементоров!..

— Ну... это... я... — замялся Рон, и уши его покраснели. — Нет, в смысле, я не...

Гарри наступил ему на ногу.

— На самом деле там было три дементора, — слабо закончил Рон.

Моника распахнула свои и без того огромные синие глаза.

— Потанцуй со мной, — выдохнула она, и умчала за собой Рона с такой быстротой и силой, что никто бы не удивился, если бы она использовала Заклятье «Зовио Рон!»

Гермиона ошеломленно посмотрела им вслед.

— Ну, так, — она с хмурым негодованием смотрела, как Моника притиснулась к Рону на танцплощадке. — Поверить не могу, что он купился на ее действия...

— Какие действия? — усмехнулась Ангелина. — Ты под этим подразумеваешь глубокий вырез и взгляд, словно он самое большое чудо из всех чудес мироздания? Ты даже представить не можешь, сколько парней на это покупаются.

— Возмущён такими обобщениями, — заявил Джордж. Внезапно он замер и присвистнул, глядя на

верхнюю часть лестницы, и лишь только Антон объявил новоприбывших, как все взоры обратились туда же:

— Чарли Висли и Рисенн Малфой!

Гермиона удивленно захлопала глазами: Чарли Висли, широкоплечий красавец, спускался по лестнице рука об руку с незнакомой черноволосой молодой женщиной в красном платье. Она прижалась к нему так крепко, что казалось, будто он надел ее как браслет. Как только они спустились, девушка чмокнула Чарли в щеку и растворилась в толпе.

— И кто же это, а, старший братец? — рысью подскочил к Чарли Джордж, брови которого никак не могли вернуться на положенное им место со лба. — Она была просто...

Яна ткнула его локтем под ребро.

— ...не из тех, с кем мне приходилось встречаться, — несколько неубедительно закончил Джордж.

— Да и мне тоже, — пожал плечами Чарли. — Она схватила меня за руку наверху и попросила проводить ее вниз. Признаться, я боялся, что, если откажусь, мне придется спускаться вниз в паре со Снэйпом. Он стоял как раз позади нас и тоже без дамы.

— Наверное, она без приглашения, — предположила Гермиона, безуспешно пытаясь разглядеть девушку в толпе.

— Она сказала, что она Малфой, — сообщил Чарли. — Она и выглядит, как Малфой.

— И этого вовсе не следует, что она была приглашена, — заметила Гермиона, наслышанная о сложных и противоречивых отношениях в этом семействе.

— Да что уже теперь, — произнес Чарли таким тоном, что ей стало понятно, что эта тема ему совершенно неинтересна. Он повернулся к Гарри и что-то негромко ему сказал, тот удивленно кивнул и, неловко поцеловав ее в ухо, виновато произнес:

— Мне нужно отойти поговорить с Чарли... Я не надолго.

Гермиона кивнула и посмотрела им вслед, с каким-то странным чувством отметив, что теперь головы Гарри и Чарли уже на одной высоте — неужели Гарри уже такой же высокий? И когда это случилось?.. Внутри у нее похолодело: какая-то часть ее самой хотела, чтобы они с Гарри так и оставались детьми... словно это могло уберечь его от судьбы его отца... когда тот был всего пятью годами старше...

Её глаза перескользнули на Рона, слившегося в танце с вилой — кузиной Флёр. Господи прости... Она поспешно перевела взгляд на близнецов, тараторживших на лестницу со странными выражениями на лицах. Яна и Ангелина — тоже. Гермиона подняла взгляд под завывание Антона:

— Вирджиния Висли и Драко Малфой!

— Я рад, что ты пришел ко мне на вечеринку, Чарли, — Гарри потянул Чарли руку, тот пожал ее — все это было очень странно, какие-то столь взрослые жесты от Гарри... Глядя на него, Чарли почувствовал какое — то смутное неудобство...

Когда он первый раз увидел Гарри... — маленький, бледный, почти потерявшийся в это его черной мантии, взволнованно взирающий на него с верхушки Астрономической башни Хогвартса, куда он прибыл, чтобы отправить Хагридовского крошку — Норберта... Чарли тогда еще подумал, как смел этот малыш, как упрям... как горят за очками его зеленые глаза... Чарли почти простил Гарри то меткое замечание профессора МакГонагалл, впервые увидевшей Гарри в полете: дескать, он, Чарли, никогда бы так не смог.

Хм-м-м, ладно, откуда ей знать?..

Чарли крепко пожал протянутую руку:

— С днем рождения, Гарри!

— Спасибо, — заулыбался Гарри — собранный, непринужденно — красивый в своем зеленом джемпере, так удачно подчеркивающим цвет его глаз.

— Я едва собрался, — Чарли сунул руку в карман, — однако должен же я был сделать тебе подарок!

— Да ладно, Чарли, ты ничего не должен, — ну, после всего, что ты и так для нас сделал... понятия не имею, почему нынче стоянка драконов, но...

— Да ну, выкинь из головы, Гарри. Я не потратил на это много денег. Точнее говоря, я вообще

не тратил деньги на это... История немного странная, но я должен... У тебя есть время?

— Разумеется, — кивнул Гарри.

Чарли глубоко вздохнул, по-прежнему держа руку в кармане:

— Ну, ты знаешь, что драконий лагерь довольно близко расположен к замку Слитерина. Вернее к тому месту, где он был. В общем, это неудивительно — ведь Наследники Слитерина занимались драконами, их там повсюду было полно. Я знаю, вы там были, когда замок пропал, — исчез без следа, так, кажется?

— Ничего не осталось, — кивнул Гарри, — только ровная поросшая травой пустошь да несколько камней.

— Ага, и там кое-что случилось несколько недель спустя... Я видел странное свечение в небе над лесом, так что сел на дракона и поехал на разведку.

— Туда, где раньше был замок?..

Чарли кивнул.

— Там что-то было?..

— Там было не «что-то», а «кто-то»...

Брови Гарри взлетели вверх, с губ вместе со вздохом сорвался вопрос:

— Кто?

— Я не знаю, — расстроенно ответил Чарли. — Думаю, это был мужчина — в мантии с длинным капюшоном и в перчатках... Наверное, на лице у него было Заклятье Obscurus — я не смог увидеть, как он выглядит... Он посылал в небо зеленые вспышки, но, когда я прибыл, он прекратил и вежливо меня поприветствовал, назвав «Наездником» и спросил, считаю ли я себя смелым...

— А ты?..

— Ну, я сказал, что пытаюсь быть, тогда он вытащил из мантии и передал мне вот это, — Чарли вытащил наконец-то руку из кармана, что-то в ней сжимая. — Он сказал, Наездник, передай это Наследнику Гриффиндора, Тому Кто Выжил. Это спасет его от неудач, когда не помогут ни заклинания, ни заклатья, когда силы Магида оставит его. Передай это ему, если тебе дорога его жизнь...

— Черт побери... — пробормотал Гарри и уставился на руку Чарли: в ней было грубое кольцо, сделанный из красно-черного материала, сиявшего рубиновыми искорками сквозь черноту угля. Сначала Гарри показалось, что это стекло, но, как только он взял его в руку, он почувствовал, что предмет гораздо гибче, тяжелее и плотнее стекла — скорее, как стальная пластина, которой долго пользовались, если судить по поверхности, сплошь испещренной царапинами. — Черт, и что это?..

— Понятия не имею, — печально ответил Чарли. — У меня тут было время, и я все думал, передать это тебе или нет. Мне казалось, что это может быть что-то опасное, что-то от... Ты-Знаешь-Кого. Ну, все эти чертовы мужики, которые появляются в ночи, суют что-то тебе в руку и снова исчезают — они не слишком внушают доверие. Но вот его слова... Я боюсь, что могу лишиться тебя какого-то шанса, — он пожал плечами. — Так что я подумал, выбирай-ка сам, ты уже достаточно взрослый.

Гарри поднял на Чарли серьезные глаза:

— Спасибо, Чарли.

— Не так чтобы подарок... — с полной сожаления улыбкой заметил Чарли.

— Прекрати, — Гарри сжал в ладонь плотный черно-красный кружок, — спасибо, что доверяешь мне и относишься как к взрослому человеку.

— Ну да, — Чарли почувствовал, как холод дурного предчувствия поселился у него внутри, — естественно, Гарри. Само собой.

Гермиона испытывала некое весьма специфическое чувство, наблюдая, как спускаются по лестнице Драко и Джинни. Она ничего не могла с собой поделать: она смотрела и смотрела на то, как они держатся за руки, как лицо Джинни чуть касается лица Драко, как Драко смотрит вперед и улыбается... Оба выглядели великолепно, словно были рождены именно для того, чтобы так вот неспешно спускаться с мраморных лестниц на глазах у толпы народа... Впрочем, Драко-то как раз да, а вот Джинни...

— А Джинни неплохо смотрится, — с гордостью старшего брата заметил Джордж.

Более чем, — подумала Гермиона. Как она и говорила, глубокий золотой цвет великолепно подошел к сияющим волосам Джинни, а корсаж эффектно подчеркнул тонкую талию и аккуратные плечи — она выглядела почти хрупкой, однако искорки в ее глазах не давали забыть ту яростную наездницу, спасающую на своем драконе Драко и Рона с вершины Слитеринской башни.

— Она выглядит просто великолепно, особенно, если не обращать внимание на это безобразие, прилипшее к её руке, — добродушно согласился Фред.

Перси захлопал глазами:

— А, так ты имеешь в виду Малфоя?.. — он нацепил на нос очки. — За эти дни он стал так же знаменит, как Гарри, правда? Журнал Юная Ведьма устроил ежедневный конкурс... первый приз — фотография Драко.

— А второй приз, — подхватил Джордж, — две фотографии Драко.

— Так, а теперь будьте по любезнее, — скомандовала Онори: Драко и Джинни спустились по лестнице и присоединились к остальной группе. — Джинни, безумно рада видеть тебя. Драко Малфой, вероятно вы меня не помните, но...

— ...Онори Глоссоп, — перебил ее Драко. — Рэйвенкло. Вы были на седьмом курсе, когда мы заканчивали третий. Вы из семьи Дорчестера Глоссоба, не так ли? Замок Тотлейн?

Онори закивала, порозовев от удовольствия:

— У вас потрясающая память.

Однако остальным появление Драко, судя по всему, особого удовольствия не доставило. Ангелина, прекрасно помнившая Драко по Квиддитчным матчам, смотрела на него, как на что-то, прилипшее к мухобойке, Яна явно нервничала, Фред с Джорджем косились весьма недружелюбно. Гермиона чувствовала смятение и не могла найти слов для разговора.

Хоть бы Гарри тут был! — но он исчез с Чарли. Казалось, прошла целая вечность за этими ничего не значащими дежурными разговорами, пока они наконец-то не вернулись, сопровождая новых гостей, — Виктора Крума и высокого, темноволосого и синеглазого незнакомца, представленного Чарли Айданом Линчем.

— Вы должно быть Ирландский Ловец! — немедленно сообразила Ангелина.

— Пока да, — с приятным акцентом ответил незнакомец. — Год меня не было. Но я вернулся.

— И мы запросто можем отдохнуть, — раздался чуть раздраженный голос Драко, и Гермиона перевела на него взгляд. Да, пожалуй, времени, проведенного в кампании с не слишком симпатизирующими ему Висли, Драко хватило с лихвой. А когда Драко начинал нервничать, он сразу являлся. Вот он взглянул в сторону Гарри — но Гарри разговаривал с Чарли и не обратил на него внимания.

— Я видел, у вас тут неподалеку Квиддитчное поле, — заметил Айдан. — Мы обязательно должны завтра поиграть, мы с Виктором останемся в городе и...

— Что? Вы с Виктором против меня и Гарри? Вчетвером? Только ловцы? О, это будет грандиозно, мы просто провисим целую вечность, ожидая, когда наконец-то появится Снитч.

— Драко, не будь невежливым, — выговорила ему Джинни.

Драко приподнял брови:

— А ты не указывай, что мне делать, Висли.

Подошел Гарри, услышавший последние слова:

— Думаю, это звучит вполне: игра для ловцов, — улыбнулся он.

Драко промолчал, Гермиона прикусила губу, у Джинни был напряженный и раздраженный вид — равно как и у Драко. Какая-то часть ее была даже рада этому — это-то и пугало. Она взглянула на Гарри — тот улыбнулся ей в ответ. И ей стало еще хуже.

Тишину нарушил Айдан. Протянув руку Джинни, с улыбкой, осветившей его синие глаза, он с изумительной непосредственностью поинтересовался:

— Не хотите ли потанцевать?

Джинни посмотрела на него, потом на Драко (тот ответил абсолютно равнодушным взглядом, по которому Гермиона поняла, что он крайне, крайне раздражен, и пожал плечами) и с пылающими щеками повернулась к Айдану:

— С удовольствием.

Взяв ее за руку, тот закружил ее в танце, едва не сбив с ног Рона с его француженкой, с которой они миловались со страстью, явно неразрешённой в Англии. За те немногие секунды, пока пары не скрылись в кружащейся толпе, Гермиона успела отметить, что Айдан был отличным танцором.

Гарри приподнял бровь и покосился на Драко.

— Заткнись, Поттер, — не шелохнувшись, тут же ответил Драко. Скрестив руки на груди, он стоял с весьма рассерженным видом.

Гарри ухмыльнулся:

— Ну, чем теперь займешься, Малфой?

Драко медленно опустил руки.

— Я обещал Джинни, что буду танцевать... Ну, так я и буду танцевать! — и он повернулся к стоящей рядом Ангелине.

Она затрясла головой:

— Я тобой танцевать НЕ буду, я лучше бладжер съем.

— Отлично, — Драко протянул руку Яне.

Она захлопала глазами, слабо всхлипнула и, не колеблясь больше, взяла руку Драко и пошла на танцплощадку.

— Яна! — протестующе взвыл Джордж, ошеломленно глядя вслед исчезающим в толпе Драко и своей подружке.

Гарри хихикнул:

— Запасись-ка кожаными штанами, Джордж. Похоже, у тебя есть соперник.

— Она просто раздражена моими пингвиньими штучками, — отрезал Джордж.

— А может, от этих статей в Юной ведьме у нее крыша поехала? — поинтересовался Фред. — Ты же знаешь, она подписалась на него...

— Черт... — прорычал Джордж.

Гарри взял Гермиону за руку. Он больше не смеялся, но в глазах у него прыгали веселые искорки.

— Потанцуем?

— Ты же ненавидишь танцевать, Гарри.

— Ага, но я хочу посмотреть, что будет. А ты нет?

Гермиона усмехнулась:

— Ты же знаешь, что я тоже, — она закинула руки ему за шею, и она закружились в танце.

И, как он и пообещал Джинни, Драко танцевал. Он танцевал с Яной, слегка придерживая ее за талию (под убийственным взглядом Джорджа), танцевал с Панси Паркинсон (чьи огромные локоны норовили выбить ему глаз всякий раз, когда она кружилась), танцевал с Блейз Забини (самой красивой девушкой из Слитерина с фиалково-зелеными глазами) — и не танцевал с Джинни, которая, похоже, была полностью завоевана Айданом Линчем и все время танцевала только с ним. Раздражение внутри Драко все нарастало и нарастало, он ощущал, что уже не в силах с ним бороться.

Чтобы хоть как-то себя отвлечь, он ошеломил приглашением Флёр: как только с ее руки исчез Знак Мрака, ее лицо снова порозовело.

— Вы с Биллом снова вместе? — поинтересовался он, когда она медленно повернулась.

Флёр сделала вид, что не заметила вопроса:

— Ты помнишь, что за тобой еще должок? — спросила она, голос ее был так же легок, как и шелк ее белоснежной мантии.

Драко обречённо покачал головой. Эта Флёр совершенно невыносима.

— Я полагаю, ты хочешь свести меня с ума и заставить заняться с тобой страстной любовью прямо здесь, на полу?

— Вовсе нет. Я надеюсь, ты купишь для меня дом.

— Дом?..

— Да, лучше на юге Ф'ранции.

— Флёр, опомнись! За мной не такой большой долг!

— А кто сказал, что мне нужен большой дом? — резонно заметила она.

Как всегда, беседа с Флёр заставила Драко почувствовать, что он долго, быстро, а главное — бесполезно метался по какому-то замкнутому кругу. Едва смолкла музыка, он извинился и отошел к столу с напитками, где дриада с кожей цвета молодой травки смешивала интересные на вид коктейли, дымящиеся и пузырящиеся. Едва он выбрал себе Май Тай и сделал большой глоток, как услышал над ухом голос:

— В этот раз без зеленого зонтика?

Это была Гермиона. Он приподнял бровь:

— Кто тебе это рассказал?

— Джинни, кто же еще? — рассудительно ответила Гермиона, вздохнула и поправила выбившуюся на лицо прядку.

— А где Гарри?

— Танцует с Чу, — округлила глаза Гермиона.

— Примирение врагов?

— Да нет, я думаю, она все понимает правильно, — пожала плечами Гермиона. — Уверена, он вернется, как только сможет. Драко... мне нужно тебе кое-что сказать.

— И что?

Она пистолетом наставила на него свой палец и, тыча его в ключицу сна каждое слово, отчетливо проговорила:

— Джинни не нравится Айдан Линч. Она пытается тебя достать. Ты ужасно ревнив, даже если ты не хочешь в этом признаться, а она очень упряма. Так что — ради Бога — подойди к ней и пригласи ее или же мы сейчас тебя схватим и выкрасим твою шевелюру в желтый цвет, чтобы ты начал свой седьмой учебный год, похожим на нарцисс, — кажется, ты их ненавидишь?

Драко склонил голову:

— Весьма творческий подход.

— Заткнись, Малфой.

— Мы с Джинни не можем ужиться рядом.

— Еще хуже вы уживаетесь порознь, — Гермиона подняла руку и слегка коснулась его щеки; по темному огню, мелькнувшему в ее глазах, он понял, что ей это было так же непросто, как и ему. — Просто подойди и сделай это.

И она отошла в сторону.

Обернувшись, Драко увидел покачивающихся в танце Джинни и Айдана. Наверное, не случайно Гермиона была так лаконична. Он секунду помедлил, набираясь смелости, — все, что он собирался сказать, должно прозвучать высокомерно.

Шагнув вперед, он положил Айдану руку на плечо:

— Я бы хотел прервать вас.

У обоих — и у Айдана, и у Джинни — был весьма удивленный вид, однако Джинни все же ухитрилась придать своему лицу выражение неудовольствия. Проигнорировав бормотание Айдана, Драко занял его место и, приобняв Джинни за талию, почувствовал, что в груди у него тут же потеплело. Он опустил глаза к ее лицу, покрасневшему от танцев, к ее сияющим глазам... Ее волосы, цвета огня, просвечивающего сквозь бокал красного вина, лились ей на плечи, горя расплавленным золотом, — она никогда не было так хороша, как сейчас. Даже если с Джинни ничего не выйдет, — мелькнуло у него, — есть шанс на всю жизнь остаться любителем рыженьких...

После долгой паузы она наконец улыбнулась:

— Я видела, ты танцевал...

— Да. Спасибо, что вдохновила.

— Не могу понять, почему ты так беспокоишься. Ты прекрасно танцуешь... Взгляни на Гарри — он постоянно наступает Гермионе на ноги.

— Гермиона, — ответил Драко, — не отказалась бы, если бы он простоял на ее ногах весь вечер.

— А ты, — шепнула она ему на ухо, — отказался бы, если бы я простояла на твоих ногах весь вечер?..

— Боюсь, что нет.

Губы Джинни тронула улыбка, он почувствовал это.

— А почему?

— Это все из-за рыжих волос, я против них не могу устоять.

— Я думаю, Рон уже готов к танцам, — улыбнулась Джинни. — Если все дело в рыжих волосах.

— Боюсь, Рон ушел с той французской развратницей, — в тон ей ответил Драко. — Надо что-то делать.

Джинни чуть отклонилась, с подозрением глядя ему в лицо. Она уже не танцевали, от ее взгляда его кровь снова начала разогреваться...

— И что же? — спросила она.

— А вот это, — и Драко поцеловал ее.

Но его губы лишь успела коснуться ее губ и яркая вспышка пронзила его нервы, когда чья-то рука твердо легла ему на плечо. Распрямившись, Драко резко развернулся, готовый сказать незваному гостю, кто бы он ни был, все, что думает.

Однако это была она — стройная длинноволосая брюнетка в темно-рубиновом, глубоко декольтированном платье с золотой цепочкой, охватывающей талию и спускающейся на бедра, каждое звено которой было украшено золотым маком с рубиновым сердечком посередине.

— Салют, Драко, ты меня помнишь?

Драко вытаращил глаза, и хотел было сказать что-то не слишком вежливое, но что-то в его поведении заставило его остановиться: в ней было что-то неясно знакомое, хотя он не мог уловить, что именно.

— А вы, собственно, кто? — поинтересовался он, понимая, что это звучит невежливо, однако, с другой стороны, куда как более невежливо прерывать кого-то в такие интимные минуты.

— Я Рисенн Малфой, — в уголках ее губ появилась дразнящая улыбка. — Твоя кузина.

Драко прищурился.

— Ты ведь из той ветви нашей семьи, что живет в Сингапуре, да? — Драко припомнил, что рубиново-золотой мак был символом, взятым Малфоями, перебравшимися в 1800-годах на восток, в Сингапур, чтобы заниматься контрабандой крови Китайских Огненных Драконов.

— О, ты меня вспомнил, — вздохнула она. — Потанцуем?

Драко почувствовал, что Джинни вздрогнула.

— Я уже танцую, — произнес он, — по-моему, это заметно.

Улыбка Рисенн стала шире, и она протянула ему свою тонкую руку:

— О, нет, я не думаю, что ты...

Он удивленно уставился на нее, потом его глаза скользнули к ее вытянутой руке, и он замер: на безымянном пальце красовалась ониксовая печать в форме грифа, вернее, спины грифа с распростертыми крыльями, охватывающими ее палец. На спине была выгравирована литера М, оплетенная змеями. Он узнал это кольцо. Это было кольцо его отца. И оно было на отце в тот день, когда тот умер. Дыхание со свистом вырвалось у него из груди, руки ослабли — Джинни удивленно подняла на него глаза.

— Танцуй со мной, — в глазах Рисенн загорелись предупреждающие искорки.

Он замер. Поколебавшись, он посмотрел на Джинни.

— Джин, я...

Не дожидаясь, пока он закончит, Джинни звонко оттолкнула его руки:

— Все прекрасно, — сдавленно сказала она. — Айдан будет только рад.

Она резко развернулась и бросилась прочь, провожаемая раздосадованным и разочарованным взглядом Драко. Ну почему, почему, она всегда убегает прочь, думая о нём самое плохое? Неужели ничего нельзя объяснить?

Преодолев собственное сопротивление, он взял изящную руку Рисенн, и она стиснула его пальцы так сильно, что ее ногти впились ему в кожу.

— Потанцуем.

Она повела его в круг танцующих, где обвила его за шею и притиснула к себе с такой силой, что сквозь почти несуществующее пространство между ними едва ли мог протиснуться лучик света. Ее духи — жасмин, сандал, — сладкие, тяжелые, кружили ему голову. Он пытался разглядеть ее лицо, но это было невозможно: свет бил ему прямо в глаза. Эти ее черные волосы и красные губы делали ее похожей на банши, но серые глаза были явно Малфоевские.

Она потянулась и губами коснулась его уха:

— Драко, — зашептала она, — ты готов услышать то, что я должна сказать тебе?..

Он попытался отодвинуться, но она вцепилась в него, как клещ.

— Все зависит от того, что это такое.

— Ты не забавный, — она слегка надула губки. — Где знаменитое Малфоевское обаяние, о котором я так слышала?..

— Я предпочитаю снизить накал страстей в столь людных местах, — сухо ответил Драко. — Это может оказаться опасным.

— Особенно для женщин, как я полагаю.

— Точно. Они могут случайно покалечиться в исступлении, торопясь раздеться.

— Как эта рыжеволосая, с которой ты целовался?..

Драко остановился как вкопанный среди кружащихся пар и крепко сжал ее руку. Она поморщилась, но улыбаться не перестала.

— Думаю, самое время рассказать то, что ты собиралась, — решительно произнес он. — Или говори, или я ухожу.

Она откинула назад прядь волос.

— Это послание, — сообщила она. — Оно может тебе не понравиться...

Он приподнял брови:

— Только не надо снова этих смертельных угроз, — отмахнулся он. — Мы с Гарри за последнее время наелись этим досыта. Все эти «умри, умри, личинка дьявола» уже изрядно достали.

— Нет, улыбнулась она, — это послание тебе необходимо получить...

Драко начал вежливо отстраняться:

— Я так не думаю...

— И это послание, — промурлыкала она, — спрятано у меня за корсажем... Так что уж позаботься найти его...

Драко покосился: корсаж был так туг, что он с трудом мог представить, чтобы она спрятала за ним даже бумажную салфетку, не говоря уже о листе пергамента.

— Я знаю, что обо мне сложилось определенно мнение, — ответил он, — однако я не щупаю незнакомых женщин в публичных местах, даже если они меня об этом просят. Особенно — если меня они об этом просят.

Она холодно улыбнулась и потянулась к его руке, и спустя мгновение он почувствовал, как что — то круглое, жесткое и холодное впилося ему в ладонь, она сжала вокруг предмета его пальцы, даже не глядя на него, он мог с уверенностью заявить, что это то самое кольцо.

— Твой отец, — произнесла она, — хотел, чтобы оно было у тебя.

— В чем дело? — он сам удивился своему холодному тону. — В какие игры ты играешь, Рисенн?

— Ничего не могу сказать, — ответила она, — я должна передать тебе послание. Таковы были инструкции.

— Чьи инструкции?

Она только улыбнулась в ответ и потянула его за сжатый кулак. Он последовал за ней в тень алькова, где она опустила за ними занавес. В этой полутьме она усмехнулась ему, отпустила его руки и начала расшнуровывать тесный расшитый маками корсаж.

Драко невольно отпрянул назад, но глаз отвести не смог (да и в конце-то концов, ему же было только семнадцать!):

— Это что это ты делаешь?..

Она снова усмехнулась, откинула назад свои черные волосы, потекшие по ее спине чернильной рекой, и вздохнула, что, учитывая состояние ее одежды, было весьма впечатляющим.

— Добро пожаловать, — пригласила она. — Послание. Пойди и найди его.

Он подчинился.

Проходившие мимо занавешенного алькова могли слышать странные звуки: какую-то возню, хихиканье, сдавленное дыхание Драко, говорящего «Может, проще было бы голой выскочить из праздничного торта, если только ты не запланировала это на потом?..»

— Отвали, — задорно ответила Рисенн. — Я люблю всегда поступать по-своему. И не надо на меня смотреть. Я всего лишь служба доставки.

— Что-то мне подсказывает, что ты не работаешь в Министерстве совиной почты. Или это

премиальная услуга? — резким голосом начал Драко, но у него сбилось дыхание. — Ах... Ничего-ничего...

Мгновением спустя гобелен откинулся, и из алькова прошествовала прекрасно выглядящая Рисенн Малфой, а за ней выполз красный, взъерошенный и расхристанный Драко, сжимая в левой руке скрученный пергамент. Подмигнув и соорудив гримасу, она испарилась в толпе; проводив ее взглядом, Драко рванулся к лестнице, взлетел по ней, перескакивая через ступеньку, и помчался в библиотеку.

Огонь прыгал за решеткой, разбрасывая в честь приема синие и пурпурные искры. Другого света в комнате не было, за исключением лившегося сквозь высокие стрельчатые окна и падающего млечными пятнами на пол прохладного лунного света. Отцовский стол вишневого дерева, заваленный подарками, призрачно темнел в углу. С легкой дрожью, полный неприятный предчувствий, Драко прошел к огню, развернул пергамент и начал читать адресованное ему письмо.

«Драко,

устроенное тобой вчерашнее ночное представление около моего надгробия было весьма забавно (пергамент заходил ходуном в руках Драко). Большинство из сказанного тобой, конечно же, юношеский бред, однако в одном я с тобой соглашусь: я не Создатель, я никогда и не претендовал на это. И, в отличие от Бога, у меня нет мыслей пожертвовать моего сына толпе — всем этим Поттерам, Блэкам, Висли и прочему сброду. Ты принадлежишь мне, Драко, ты всегда мне принадлежал — а все благодаря той темной силе, которой мы с тобой связаны... Ты понимаешь, о ком я говорю. Он шлет тебе свою благодарность за то, что ты освободил мир от единственного колдуна, который мог противостоять ему и препятствовать его возвышению. Признаюсь, у меня были сомнения, что ты на это способен, но его вера в тебе не поколебалась. Так или иначе, силы, какими он одарил тебя, когда передал тебе статус Наследника Слитерина, лежат за пределами моего разума. Твои бунтарские наклонности меня беспокоят, однако он гарантирует, что это можно обуздать, давая правильные... стимулы. В любом случае, ты впервые заставил меня гордиться тобой. Наше фамильное кольцо я прилагаю в знак того, что наконец-то считаю тебя настоящим Малфоем, носи его и жди от меня вестей. Я приду к тебе в твой истинный день рождения. Жди меня и знай, что я наблюдаю за тобой.

Засим, как всегда —

твой отец,

Люций Неро Малфой»

Едва его глаза прочитали последние слова письма, начертанные отцовской рукой, бумага вспыхнула в трясущихся пальцах Драко и обратилась в пепел, тут же рассеявшийся, — он едва успел подхватить кольцо, блеснувшее в полутьме чернотой и пламенем каменного угля.

Мой отец... Мой отец жив...

Гарри стоял в тени гобелена и смотрел на свое запястье. Он наконец-то улизнул от Чу, но, как оказалось, только ради того, чтобы столкнуться с Лавандой, а потом налететь на Парвати. Нет, он был рад их видеть, однако безопасно себя чувствовал только рядом с Гермионой, зная, каким ужасным танцором он был. Его беспокоило еще кое-что: вокруг его запястья все еще оставался след от браслета, что дал ему Чарли. Он заметил, что, когда он танцевал, двигаясь между кружащимися на мраморном полу парами, тот менял свою температуру, обжигая то жаром, то холодом. Глянув на свое запястье — покрасневшее и влажное — он удивленно подумал, какого черта все это значит.

— Однако, судя по виду, весьма дорогая штука, — произнес ему прямо в ухо какой-то мягкий голос.

Гарри обернулся — прямо за плечом у него стояла, улыбаясь, девушка, пришедшая вместе с Чарли. Он не слышал, как она подошла. При ближайшем рассмотрении в ней несомненно угадывалась Малфоевская родня — с приподнятыми скулами, вздернутым носом и подбородком, твердыми серыми глазами. И теперь эти глаза безотрывно смотрели на его запястье.

— Воры буду охотиться за твоей рукой, — заметила она, — что заполучить эту вещь.

Гарри прищурился. Было в ней что-то такое, что вызывало в нем желание стиснуть зубы, что-то неестественное.

— Не могу понять, почему ты считаешь это своим делом.

— Я не думала, что ты будешь против... — улыбнулась она. — Ты носишь это на левом запястье, потеряй ты его — у тебя останется для волшебства твоя правая рука. Ну и для снитча, естественно...

— Я не просил у тебя никаких советов, — холодно произнес Гарри.

— Это же не просто украшение, ты же знаешь, — она все продолжала и продолжала улыбаться. — Это не побрякушка, это — рунический браслет. Но было бы куда лучше для тебя, если бы это была просто безделушка... ну, или же ты позволил бы вору украсть ее: всё, что она даст тебе, — лишь ужас и горе.

Гарри почувствовал, как вдоль позвоночника у него побежали мурашки, и решительно помотал головой:

— Зачем ты мне все это говоришь?

— Я могу прочитать эти рунические письмена... — ответила она, косясь на браслет. Гарри опустил взгляд — для него все эти значки казались простыми царапинами. — А ты?

Гарри медленно качнул головой:

— Я не могу. Но моя подруга сумеет.

— Да ну? — неожиданно девушка коснулась его щеки длинными холодными пальцами и развернула Гарри лицом к себе. В этом жесте не было ни капли желания или страсти, у Гарри возникло ощущение, что этот взгляд изучает содержимое его головы. — Тогда она скажет тебе, что руны сулят предательство. На самом деле ты не должен доверять тем, кому доверяешь. Ты попросишь совета — тебя обманут. Враги найдут тебя, а друзья придут слишком поздно, чтобы помочь.

— Таков твой прогноз? — стараясь говорить спокойно, поинтересовался Гарри, хотя сердце его неистово колотилось.

— Точно, — по ее миндалевидным глазам невозможно было понять, о чем она думает.

— И что я могу сделать, чтобы этого всего избежать?

— На самом деле — ничего, — она указала на браслет, охватывающий его запястье. — Однако на твоём месте я бы засунула эту штуку себе за пояс, а не носила бы на виду, навлекая на себя кучу проблем. Уж коль ты решил оставить её при себе.

— Решил.

— Да, я вижу, — заметила девушка, — ты решил...

Гарри с чрезвычайно серьезным видом, словно бы это был вовсе не его день рождения и не его вечеринка, стоял, прислонившись к стене и погружившись в глубокие размышления, когда его обнаружила Гермиона — ей показалось, что для того, чтобы выудить его из глубин его размышлений, ей понадобится леска.

Он подскочил, когда она положила руку ему на плечо:

— Гермиона!

— Я тебя напугала?

— Да, чуть-чуть...

— О чем это ты задумался?

Его глаза пробежали по ее лицу, зрачки были расширены, так что они казались почти черными.

— Да так, ни о чем... Ты хочешь куда-то пойти? Может, поговорим?

— Да, — Гермиона с радостью ухватила за возможность побыть с ним наедине. — Мы можем выйти на балкон.

Стараясь не привлечь ничьего внимания, они вышли сквозь широкие застекленные, так называемые французские двери, скрытые колонной, увитой волшебными огоньками. Ночь была теплой, но свежий ветер, обнявший ее голые плечи и дунувший ей в лицо, заставил её вздрогнуть. С лунным светом лениво белели камни балкона, сад, пустые беседки с фонариками, поблескивавшими

искорками на оправе очков Гарри.

Гермиона взяла его за руку:

— Сюда... — она потянула его в тень арки, к стене. Он вопросительно взглянул на нее.

— Я хотела подарить тебе подарок...

— А я, признаться, думал, что подарками мы займемся ближе к полуночи...

— Я хотела подарить тебе этот подарок, чтобы никто не видел...

Брови Гарри взлетели вверх:

— А это подразумевает экзотические танцы и шоколадный сироп?

— Нет, — решительно ответила Гермиона. — Для этого тебе придется подождать до Рождества.

Гарри улыбнулся.

Глубоко вздохнув, Гермиона вытащила из кармана платья маленькую коробочку и протянула ее Гарри. Он развернул и открыл ее так же быстро и ловко, как схватил бы снитч. Затаив дыхание, она смотрела на него — его темно-зеленые глаза расширились, он поднял взгляд... ее сердце ухнуло — так было всегда, когда он в упор смотрел на нее. В нем вообще было много решительного и прямого — взгляд, жест, движение, речь, его любовь к ней... Он стоял и переводил взгляд с содержимого коробочки на нее и обратно:

— Это же... ужасно дорого, Гермиона, я...

— Это вовсе не дорого, — вздернула она подбородок, глядя на свое отражение в его зрачках.

— Неправда. Это восхитительные часы... — Гарри вытянул за цепочку серебряные карманные часы. Лунный свет закачался на их серебряном корпусе. — Мне уже не первый год нужны часы... с четвертого курса, но я не мог...

— Переверни их, — он послушался, и она увидела, как широко раскрылись его глаза, когда он увидел гравировку.

— Мне их дал Сириус, — запинаясь, сбивчиво пояснила она, — чтобы я отдала их тебе... Это часы твоего отца... ему подарила их твоя мама, когда им было по семнадцать... Он, никогда не снимал их с руки, пока... пока Сириус не нашел их... он снял их с руки твоего отца, они были разбиты, он сунул их в сумку на мотоцикле... Когда Хагрид вернул ему в этом году мотоцикл, он обегал всю Диагон — аллею, но никто не мог их починить... Он не знал, что с ними делать, и отдал их мне, чтобы я могла тоже что-нибудь придумать. А я отвезла их в Лондон, в маггловскую ремонтную мастерскую — и они их тут же починили, и я сделала еще одну надпись... Гарри, надеюсь, ты не думаешь...

Отстранившись, он взглянула на него — он снова уткнулся в гравировку: одна надпись была очень старой, затертой «Лучшему другу Джеймсу от Лили, с любовью», а ниже располагалась вторая, совсем свежая — «Лучшему другу Гарри от Гермионы, с любовью».

— Надеюсь, ты не возражаешь... — повторила она, и он с недоумением вскинул на нее глаза.

— Возражаю? — чуть дрожащим голосом переспросил он. Слова оказались ненужными, когда он развел руки, и с чувством облегчения от сброшенного бремени она вступила в его объятия. Его руки заскользили по ее спине, она услышала слабый шепот атласа под его пальцами, почувствовала прикосновения к ее обнаженной спине... она откинула голову и сняла с него очки, чтобы он мог поцеловать ее, — и он поцеловал... Сначала все, что она чувствовала, были только его губы, его руки, обнявшие ее талию и потянувшие ее к нему, его сладость, биение его сердца. Она никогда не чувствовала, что поступает правильно, когда целовалась с Роном или с Виктором. Целуя Драко, она словно попадала в прекрасную далекую страну, пугающую своей чуждостью. Целуя Гарри, она возвращалась домой.

И тут она услышала музыку: она нарастала вокруг них, сладкая, узнаваемая и невообразимо прекрасная... Песня феникса...

Она зашептала, касаясь его губ:

— Ты слышишь?

Он кивнул, еще крепче сжав ее руки.

— Как в первый раз... — чуть удивленно произнесла она и почувствовала, как что-то коснулось ее лица. Это был не снег — она присмотрелась... она даже не могла себе представить ничего подобного — это были звезды, сияющие, как алмазы, — они сыпались с черного бархата неба, окружая их искрящейся чашей... Она понимала, что это все обман зрения, равно как и снег тогда

вовсе не был настоящим снегом, но все это было настолько душераздирающе красиво — звезды, размером с ноготок, серебристые и сияющие, падали к ее ногам, горели на ее плечах, замирали, словно в ночном небе,

в черных волосах Гарри. Они стояли и смотрели вверх...

— Как ты это делаешь, Гарри? — шепнула она.

— Я не знаю, — помотал он головой. — Это то, что я чувствую...

Сейчас, без очков, он был куда моложе, симпатичнее, но такой незнакомый... Она снова водрузила очки ему на нос:

— Теперь ты можешь их разглядеть? Это очень красиво...

Он улыбнулся:

— Я вижу тебя. Больше мне ничего не нужно, — он снова взял ее за руки и притянул к себе, и в этот раз она полностью растворилась в поцелуях, не замечая, что падающие звезды сменились соевыми, разноцветными конфетами, крутящимися фейерверками, коробками шоколада и несколькими розовыми пушистыми кубиками.

Драко сам не знал, сколько он простоял перед затухающим огнем, не слыша и не видя ничего вокруг себя. Когда он наконец отвел глаза от камина, перед глазами прыгали напряженные золотые искорки.

Итак, Люций жив. Не просто жив — он где-то рядом, ведь он видел Драко у его надгробия, слышал его грубые и гневные слова... и, скорее всего, смеялся всю дорогу... На ощупь Драко прошел через комнату и прислонился к столу отца, за которым еще утром сидел Сириус. К углу стола был прислонен подарок — меч. Драко потянулся и коснулся серебристого эфеса — меч был сработан на удивление изящно и утонченно: удивительно прочное на вид лезвие едва ли более двух миллиметров в толщину, на плоскости клинка вырезаны две черные розы, повторяющиеся на ножнах. А вдоль рукоятки шла надпись на латыни: *Terminus Est*. Гермиона сказала, что это значит «Линия раздела». На вид он выглядел ужасно дорого, Сириус отказался сообщить, откуда он его взял, просто пожал плечами и рассмеялся.

Драко коснулся ножен — подарка Гарри. Ножны, защищающие от потери крови... Может, оно и так, только вот вряд ли они защитят его от отца... Его ничто не защитит...

Из транса его вывел звук распахнувшейся двери: он ошеломленно обернулся — в дверях, обеспокоенно глядя на него, стояла мать, свет от камина пролился на ее платье разноцветными прядками.

— Драко, ты ушел с приема... С тобой все в порядке?

— В общем, да, — бесцветным голосом ответил он, положил меч и пошел вслед за ней по лестнице.

Вечеринка была в самом разгаре, он бродил среди людей, словно продираясь сквозь сон: эти лица... странные и знакомые, выделяющиеся из толпы... они начали ему напоминать те сгущающиеся массы на противоположной стороне темной реки в междумирье... Он замер, ловя обрывки разговоров...

В нише с бокалами в руках пристроились Сириус и Артур Висли...

— ...Артур, я ведь еще не поздравил тебя с назначением на пост Министра... Нет более достойного человека...

Голос Артура Висли был полон беспокойства:

— ...Я не был бы так уверен, Сириус, сначала мне это польстило, но чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что те представители Министерства, с которыми я побеседовал, голосовали против меня. Все вернется на круги своя, когда...

— Артур, у тебя паранойя.

— Нет, Сириус, я так не думаю. Я бы действительно удивился, если... Возможно, с твоей подготовкой Аурора...

Их голоса погасли, когда Драко снова двинулся в толпу. Прошел за спиной стоящей рядом с Эйданом Линчем Джинни, мимо сгрудившихся Висли, легко узнаваемых по своим огненным шевелюрам. Джинни обернулась к нему, ее волосы взметнулись, темные глаза покосились ему

вслед — он не обернулся.

Флёр — умопомрачительно хорошенькая рука об руку с Биллом Висли, щебечущая с Дикоглазом Хмури, чье испещренное шрамами лицо было, как всегда, кислым и недовольным: он сердито косился в уголок, где Северус Снэйп, (который, как запомнил Драко по их недолгому общению, обладал довольно приятным баритоном) распевал свою любимую песню с квартетом домашних эльфов.

— Если и есть что-то, что я ненавижу, — прорычал Хмури, — так это Пожиратель Смерти, знающий слова песни «Брэнди, ты отличная девчонка»...

Флёр рассмеялась, следом за ней Билл, и Драко, не замедляя шаг, прошел мимо них. Вот Панси Паркинсон, неловко танцующая тустеп с Роном; у того был раздраженный вид — она постоянно наступала ему на ноги... Лавендер и Парвати, как всегда, хихикающие... Сияющий Хагрид, демонстрирующий всем фотографии их с мадам Максим сынишки, Рубеуса-младшего... Мать, оживленно беседующая с Молли Висли... Дамблдор, настойчиво уговаривающий слегка подвыпившего Чарли принять временно пост преподавателя по Уходу за Магическими Существами, поскольку Хагрид решил посвятить следующий год своему семейству... Драко во все глаза искал черные волосы и алый вихрь юбки, однако Рисенн Малфой нигде не было видно, — это испугало, хотя и не удивило его. После того, как письмо было доставлено, у нее больше не было повода здесь задерживаться.

Наконец он протиснулся, выбрался из толпы и замер, затаив дыхание: позади него смеялись, шумели, пели (в данном случае Снэйп) — и все это показалось вдруг ему настолько обременительным и утомительным... этот шум, толчея, его собственное смятение и усталость, что он повернулся, на ощупь нашел ручку ведущей на балкон двери и выскользнул наружу.

И вот он наконец на широком каменном балконе, обегавшем по периметру весь дом. Лунный свет серебристыми монетками рассыпался по каменным плитам, поблескивая в воде крепостного рва. Вечер был абсолютно тих, серебристо-синий горизонт неподвижен и ровен...

Вдруг он услышал странный звук — тихий прерывистый смех... неровное дыхание... Повернувшись, он увидел две фигуры, слившиеся с полутьмой ниши. Это были Гарри и Гермиона, стоявшие настолько близко, что между ними не мог протиснуться и лучик света; руки их переплелись, ее лицо было поднято к его лицу... Лунный свет превратил их в игру контрастов: его черные волосы и белая кожа, ее рука на его щеке, ее белоснежные плечи, теряющиеся в черноте ее платья, темные локоны, вьющиеся по ее шее...

Он узнал их, он вообще узнал бы их, где угодно, но в этой полутьме было трудно понять, где заканчивается он и начинается она, мужчина ли это с женщиной или же парень с девушкой, реальны они или же это только призраки... Это могли бы быть родители Гарри... Это могла быть просто влюбленная парочка...

Драко отвернулся, отчетливо осознав в этот миг то, что он на самом деле знал все это время: он не может подойти сейчас к ним с этим... — не сегодня, не в день рождения Гарри, не тогда, когда...

От прикосновения к своему плечу он едва не выскочил из собственной одежды. Его рука по привычке взлетела — но его заколдованного меча при нем не было. Быстро развернувшись, Драко встретил серьезный взгляд стоявшего перед ним Албуса Дамблдора.

— Мистер Малфой, могу ли я отнять минутку вашего времени?..

Все еще слегка не в себе, шагая словно сквозь дымку, Драко последовал за Дамблдором в пустую гостиную, освещенную мириадами реющих в воздухе разноцветных огоньков. Слабый огонь покачивался за каминной решеткой. В глубине зеркала над каминной полкой Драко увидел свое отражение: напряженное, отчужденное и усталое. За плечом стояло отражение Дамблдора, в его синих глазах затаилась строгость и суровость.

Драко не в первый раз встречался с директором за это лето: Дамблдор посетил Имение спустя несколько дней после возвращения Драко и Гарри, и переговорил со всеми вместе и с каждым по отдельности — и с Драко, и с Гарри, и с Сириусом, и с Нарциссой.

Он знал все о прошедших событиях, вплоть до мельчайших деталей. Он даже заметил с каким-то веселым удивлением, что в историях Драко и Гарри не было расхождений:

— Обычно, если только люди не договорятся заранее, некоторые вещи по разному отпечатываются в их памяти. Но не в вашем случае...

Гарри пожал плечами:

— Мы видим вещи одинаково.

Дамблдор покачал головой:

— Нет, я так не думаю, — однако распространяться по этому поводу он не стал.

— Итак, — Драко видел в зеркале, что Дамблдор смотрит ему в затылок, — не похоже, чтобы вы получали удовольствие от вечеринки.

— Я просто устал, профессор.

— Да, я могу себе представить, — Дамблдор прошел к огню. Драко подвинулся в сторону, уступая ему дорогу, и услышал, как тот вздохнул. — Ну так что это была за девушка и что было в том послании, что она передала вам?

Драко резко развернулся. Глаза директора буравили его.

— Вы видели ее?

Дамблдор кивнул:

— Она одна из Сингапурских Малфоев, если я не ошибаюсь. Судя по золотым макам.

— А как вы узнали, что она передала мне послание?

— Ну, было же совершенно очевидно, что она явилась на прием исключительно ради вас: она искала вас по всему танцевальному залу и как только... гм... потанцевала с вами, тут же исчезла.

— Девчонки постоянно меня ищут, — не удержался Драко. — Тоже мне, красный день календаря...

— Похоже, ваше тщеславие не пострадало, Драко... Не сомневаюсь, что вы пользуетесь успехом у девушек, как вы и говорите, однако... девушка со Знаком Мрака на руке?..

Драко слегка оторопел:

— Да?.. А я не заметил...

— А вы бы позаимствовали пару Рентгеновских очков от Висли...

— А что, помогает? — почти улыбнулся Драко.

Глаза Дамблдора сверкнули:

— О, они великолепно работают, — он тут же помрачнел, выражение его лица снова потемнело. — Драко... что было в письме, которое она передала?

Драко опустил глаза:

— Истина. Наверное, немного лжи. Возмездие. Сюрприз. Страх перед грядущим. Директор... — он глубоко вздохнул. — Мой отец жив.

Драко с напряжением ждал реакции Дамблдора, однако ее не последовало.

— Да, — спокойно согласился директор. — Мне это частенько приходило в голову.

В наступившей тишине тихо потрескивал огонь.

— И это еще не все, — наконец решился Драко. Он снова смотрел на свое отражение в зеркале, и увидел, что Дамблдор поднял на него взгляд. — Он на службе у Вольдеморта... и он рад, что Слитерин убит. Он сказал, что рад, что я позаботился о единственном волшебнике, мешавшем возвышению Темного Лорда.

— Ну, что ж теперь... — Дамблдор смотрел в огонь с совершенно бесстрастным лицом. — А вот что это значит для тебя, Драко?..

— Что все, что я делаю — ужасно... — Драко облокотился на каминную полку и уперся лбом в кулак. — Да — во мне есть часть Гарри, да — какой-то голос велит мне бороться, не колебаться, подсказывает, что делать... но это не помогает... Я говорил как-то Слитерину, что трудно вершить добро при помощи сил Ада... Я — то думал, я делаю доброе дело, а в результате я просто расчистил дорогу Темному Лорду...

— Только если ты сам выбираешь эту точку зрения, — голос Дамблдора был тверд и ясен. — Но ты можешь взглянуть на это и по-другому: Салазар Слитерин был огромным злом. Колдун, обладающий необъятной силой. Если бы его не остановили, он бы, несомненно, завоевал весь волшебный мир, и смерти и разрушения не поддались бы никакому исчислению. Вы это предотвратили. Теперь мы будем иметь дело с Вольдемортом в нашем собственном времени. В любом случае, битва со Слитерином была вашей битвой. А борьба с Вольдемортом... это удел

Гарри.

— Но если бы я знал...

— И что бы это изменило? В каком месте шагнули бы в сторону? Жизнь нелегка, Драко: прошлое нас искушает, настоящее путает, а будущее страшит. Выбор всегда непросто, и никто не знает, что там в будущем. Как вы думаете, знал ли Гарри, что результатом его участия в Турнире Трех Волшебников станет смерть Седрика? А догадывался ли Сириус, что доверие Питеру Петтигрю приведет к смерти Джеймса и Лили? Вот что может значить один хрупкий миг — миг выбора. Если то, что ты выбрал, ты выбрал правильно, никто и ничто не отнимет его у тебя, даже неопределенность будущего.

Драко не поднял головы, однако почувствовал, что внутри него что-то расслабилось:

— Это что-то другое... Я не понимаю...

Дамблдор поднял голову, огонь камина осветил его лицо. Краем глаза Драко заметил, что Дамблдор махнул рукой на огонь, и с его пальцев сорвался пучок шипящих разноцветных искр.

— Что, Драко?

— Слитерин сказал, что я не могу бороться с ним... Так оно и было — действительно, я не мог, долгое время не мог — не мог смог бы поднять на него меч, что-то сделать против него... И вдруг однажды я неожиданно понял, что могу, — это случилось после того, как я убил мантикору: случилось что-то такое, после чего я мог противостоять ему. Даже после того, как он наложил на меня Знак Мрака. Но ведь это же невозможно, да? Слитерин сказал, что я какой-то... дефектный...

— Если только считать дефектом любовь...

Драко обернулся:

— О чем вы говорите?..

— Что ты... рассказал Гарри про родителей?

Драко слегка сморщился.

— Не надо, не смотри так. Ведь ты спас ему жизнь, зная, что можешь потерять его как друга... (тут Драко слегка позеленел) Ведь он — единственный человек в мире, в котором есть частичка твоей души, как и в тебе есть его душа. Ты сам не свой, если не Гарри, да и Гарри, знаешь ты об этом или нет, — тоже без тебя не является собой. Чтобы рискнуть всем этим, нужно было огромное бескорыстие. Такое зло, как Слитерин — зло, стремившееся обладать этим мечом, зло, каким являлся сам этот меч, не может этого понять, не может осознать. И потому он потерял тебя, и если Слитерин и говорил о твоей дефектности, то только потому, что создан ты был ради того, чтобы стать его подобием, — комнатой без окон... А то, что случилось между тобой и Гарри, связь, появившаяся в результате зелья, прорубило в этой темноте окно, и теперь ты можешь выглянуть и увидеть звезды. Можешь рассматривать это как дефект. Я считаю иначе.

— Но я сам видел... — Драко говорил шепотом, но голос его был тверд. — Я видел в Зеркале Правосудия, чем я являюсь на деле. Я действительно неполноценный...

— Это не Зеркало Правосудия, — голос Дамблдора теперь был резок и полон гнева. — Для отпрыска столь циничной фамилии ты на удивление легковверен. Слитерин солгал тебе. Это зеркало было создано совместно с Зеркалом Джедан, чтобы стать его близнецом: глядя в него, ты видишь не самые сокровенные свои желания, а самые затаенные страхи. Однако отражение его не является реальностью, это лишь темный ужас, терзающий твой разум, — Дамблдор покачал головой. — Ты мало прожил, Драко Малфой, слишком мало, однако уже немало повидал. Временами язвительный, и частенько глупый, ты лгал, чтобы навредить другим, и молчал, когда нужно было говорить... Но ты изменился, и ни одно зеркало не покажет тебе глубину твоего изменения. Но можешь поверить в это? Так поверь своему отражению в глазах твоих друзей — что они видят, глядя на тебя? Что они видят — Сириус, Гермiona, Гарри? Думаю, ты знаешь ответ...

Драко с трудом проглотил комок, так долго стоявший у него в горле, и расправил плечи. Взглянул на свои руки, где на фоне бледной кожи блеснуло кольцо. Руки, такие же, как у Гарри: удлиненные тонкие пальцы, квадратные ногти — единственный намек на то, что их далекие предки были двоюродными братьями.

— Я хотел сказать Гарри про своего отца... Но... в его день рождения... Я не смог. Если я скажу Сириусу или матери, это расстроит их свадебные планы. Но я должен...

— Драко, — Дамблдор опустил руку ему на плечо, — ты сказал мне, и этого вполне достаточно.

Проблемы и несчастья приходят по своему собственному расписанию, а сейчас за дверьми этой комнаты идет вечеринка. Так ступай и получай удовольствие. Будь со своими друзьями.

Драко кивнул и вышел. Дамблдор проводил мальчика глазами, холодные серебристые искорки поблескивали на его волосах, разворот плеч — все это напомнило Дамблдору другого мальчика, которого он когда-то учил, с такой же серебристой шевелюрой и глазами цвета предрассветного утра. Люций. Он, как и его сын, был отмечен судьбой, эта печать лежала на нем — так же, как лежала она на Драко. Дамблдор не был уверен наверняка, чего Драко больше хотел, к чему стремился, — к свету и добру или же к темноте... Он вообще сейчас ни в чем не был уверен. Он просто ждал.

— Всем спасибо, — произнес Гарри, подавляя зевок. Гермiona обхватила его сзади и притянула к своему плечу. — Это лучшие подарки, которые я когда-либо получал.

Минула полночь. Гарри сидел среди кучи разодранной оберточной бумаги в гостиной. Вечеринка все еще продолжалась, хотя уже не так шумно и многолюдно: Перси и Онори миловались на столе у окошка, Ангелина и Яна устало и скучающе наблюдали за скачущими в фонтане Фредом и Джорджем, Дикоглаз Хмури в кои-то веки был в хорошем и веселом настроении. Билл с Флёр испарились. Сириус отправил Лупина в Лондон, проводить до дома Хейди. Хагрид храпел, устроившись в углу, Висли-старшие давно аппарировали домой, и теперь те, кого Драко мысленно называл семьей — Нарцисса и Сириус, Рон и Джинни, Гарри и Гермiona — сидят у умирающего огня, охали и ахали над подарками. Джинни преподнесла Гарри старинный гриффиндорский галлеон из семейного подвала, Сириус подарил мантию-невидимку взамен уничтоженной Слитерином.

— Не мог отделаться от мысли, что дарю тебе вещь, с помощью которой ты опять наживешь себе кучу проблем, — Сириус улыбнулся протестам Гарри, — но коль уж этого хотел твой отец... Тогда вперед.

Гермiona подарила ему часы, Нарцисса — крутой чехол для метлы, а увидев подарок Рона, Гермiona вдруг громко расхохоталась — развернув, Гарри обнаружил черный мяч с прозрачным окошечком. Если задать вопрос и потрясти его, то в окошке появлялся ответ.

— Настоящий волшебный Эйтбол, — хихикнула Гермiona. — Спроси его о чем-нибудь, Гарри!..

Лицо Гарри на мгновение стало серьезным, он поколебался, потом улыбнулся и спросил:

— Я правда влезу в неприятности с этой мантией-невидимкой, которую мне подарил Сириус?

Все столпились вокруг, чтобы прочитать появившийся в окошечке ответ:

— Ну, естественно.

Гермiona прыснула. Рон выхватил шар у Гарри и задумчиво на него взглянул:

— А что — Онори действительно носит леопардовое белье?

— Не сейчас.

— Очаровательно, — подытожила Джинни. — Эта штука действительно работает, — она потыкала его пальцем. — Драко когда-нибудь наденет снова кожаные штаны?

Все вокруг зашлись от смеха. Драко поднял глаза и взглянул на Гарри.

«...Поттер, — подумал он, — можно тебя на секунду? Разговор есть».

Гарри поднял взгляд поверх склоненной головы Рона:

«...Что, здесь?»

Драко встал, тихо, как кошка, отошел к дальней стене и повернулся лицом к Гарри.

«...Здесь. Буквально секунду».

Гарри встал, протолкался сквозь хохочущую и хихикающую толпу, что — то тихо шепнул на ухо Гермione и подошел к Драко. Глядя, как он идет к нему через комнату, Драко вдруг подумал, что Гарри как-то неуловимо изменился. Он столько думал о том, как прошедшие события повлияли на него самого, но ему и в голову почему-то не приходило, что Гарри тоже мог стать другим — тише и увереннее, словно нашел в себе какой-то неподвижный стержень, о существовании которого он и не подозревал. И еще — вокруг него витала аура печали, какой-то меланхолической грусти... Это моя вина, — сочувственно подумал Драко.

— Так в чем дело, Малфой? — с легкой улыбкой спокойно спросил Гарри, приблизившись. Он прислонился к окну рядом с Драко и засунул руки в карманы. — Ты меня немного пугаешь...

Если у Драко и крутилась в голове тщательно подготовленная речь, то она испарилась, как снег в июньский полдень. Нервы у Драко сдали, и все, что он смог проскрипеть, было:

— С днем рождения, — и он протянул Гарри подарок.

— И что это? — улыбка на лице Гарри сменилась выражением живейшего любопытства. — Это Думоотвод?

Драко кивнул. Похоже, у него проблемы с подбором слов...

— Да, — наконец пробормотал он, — там мои воспоминания. Воспоминания о смерти... О твоих родителях... То есть об их призраках...

Гарри окаменел. Лицо его побелело, глаза остекленели. Драко замолчал с ощущением, будто сделал непоправимую ошибку. Покосившись на всех остальных, забавлявшихся с Эйтболом, он убедился, что на них никто не обращает внимания... Несомненно, Гермiona бы не позволила ему все это затеять, если бы не была уверена, что Гарри...

— Твои воспоминания?.. — слабым голосом повторил Гарри. — О моих родителях?..

Руки Драко взмокли от пота.

— Я понимаю, это немного необычный подарок... Да что там, — это вообще необычная штука, я бы все равно тебе ее отдал, независимо от какого-то там дня рождения... Это твое по праву, Поттер, там должен был быть ты, а не я...

— Ах, — по лицу Гарри скользнуло подобие улыбки, — то есть ты хочешь сказать, что это я должен был умирать?

Драко разжал руки:

— Ты же знаешь, что я не это имел в виду, — он в упор взглянул на Гарри. — Но я знаю, если бы ты мог очутиться там и потом вернуться назад... и там бы ты знал, что сможешь вернуться... — ты бы отправился туда.

— Я знаю, — Гарри взял подарок из рук Драко, глаза его потемнели. — Я бы отправился...

— Поттер...

— Не знаю, смогу ли я туда взглянуть... — честно добавил Гарри, крепко сжимая край Думоотвода.

— Понимаю, — Драко взглянул в окно, увидев свое туманное отражение в темном стекле — размытые контуры лица, очертания подбородка и скул, ямки у висков... Их с Гарри отражения сейчас почти не различались... — Но у тебя есть право на это.

— Ага, — согласился Гарри. — Думаю, я смогу...

— Только тебе может не понравиться то, что ты увидишь и услышишь, — предупредил Драко.

— А я этого и не ожидаю...

— Не хотелось бы причинить тебе боль, — сухо произнес Драко. — Хотя, с другой стороны...

— Я умирал от ревности, — спокойно признался Гарри.

— Что? — остолбенел Драко.

— Я ревновал, — повторил Гарри. В полумраке его глаза сверкнули темным малахитом. — Ты добрался до моих родителей, а я — нет. Я ревновал, и это выворачивало меня наизнанку, — он поднял Думоотвод. — Теперь будет лучше.

— Ничто уже не изменит то, что я сделал с тобой...

— Может быть. А может, и нет...

Драко опустил взгляд на руку, которой он опирался на подоконник. Гарри проследил его взгляд и с легким удивлением заметил тяжелое ониксовое кольцо, охватившее тонкий палец Драко. Это было что-то новенькое, он не помнил ничего подобного... Наверное, подарок?..

— Как насчет следующего года? — неожиданно спросил Драко.

— Следующего года? — потерянно переспросил Гарри.

— Ну, снова в Хогвартсе и все такое... Мы там как — друзья или нет? Разговаривать друг с другом будем? Или будем игнорировать? Делать вид, что не замечаем друг друга и проходить мимо?..

— Э... ну... А тебе хотелось бы этого? — все еще несколько ошарашенно поинтересовался Гарри.

— Нет.

— Ну, все же знают, что мы теперь братья... — Гарри сказал это совершенно спокойно и естественно, без всяких ударений на последнем слове, и заметил, что Драко это оценил.

— Я подозреваю, что все они считают, что мы просто в ужасе от этого факта.

Гарри о чем-то призадумался.

— А ведь на следующий год мы с тобой капитаны противоборствующих команд... Соперничество между Гриффиндором и Слитерином очень важно для обоих домов, и давай взглянем правде в глаза — мы стоим во главе их. Кроме того, на моем факультета все будут, мягко говоря, удивлены, если я буду зависеть с тобой, что уж говорить про тебя — и представить не могу, что с тобой сделают Слитеринцы, если ты будешь торчать со мной...

— Наверное, не обойдется без эшафота...

— Боюсь, что эшафот — это еще ерунда... — начал Гарри.

— Ну так, — голос Драко предательски дрогнул, — значит, мы не друзья? Ну, ладно, хорошо, я просто подумал, что надо все прояснить и...

— Мы должны будем изображать это.

— Изображать что? — переспросил сбитый с толку Драко.

— Ненависть, конечно.

— Но мы-то знаем, что не ненавидим друг друга...

— Естественно, — губы Гарри тронула улыбка.

— Ты псих, Поттер.

— Как и сообщил Ежедневный Пророк, — согласился Гарри. — Но, подозреваю, это потому, что ты рассказал им, что я пускаю слюни.

— Ах, да, — скупой улыбнулся Драко. — Не думаю, что это тебе будет сложно изобразить, да?

— Я полагаю, до безобразия легко.

— Так мы продолжаем бить друг друга? Я хочу уточнить все правила.

— Попридержи руки, Малфой. Это все, что я прошу. И никаких Необратимых Заклятий...

Драко усмехнулся:

— Это потрясающе коварный план, Поттер...

— ...для гриффиндорца. Я знаю, — подхватил Гарри.

Драко ничего не сказал, Гарри взглянул на него — Драко неотрывно смотрел куда-то в сторону. Гарри повернул голову: все остальные по-прежнему сидели у камина; Сириус пристроился на софе позади Нарциссы, отблески огня прыгали на камешках, украшающих ее платье, и отражались в его смеющихся глазах.

А на ковре перед камином над магическим шаром склонилась Гермиона, машинально перебирая рукой тяжелое топазовое ожерелье. Она не блистала той сногшибательной, умопомрачительной красотой, как Нарцисса или Флёр, но черты ее лица были красивы и правильны, ее губы чуть раздвинулись в улыбке... Рядом с ней пристроился Рон, шрам в полутьме казался черным, а глаза сияли смехом и синевой. В ногах у него сидела Джинни, ее волосы горели янтарем, она смеялась, положив руку на плечо Гермионе...

Гарри не мог понять, почему, отчего они все хохотали, да это было и не важно, — они были счастливы, и это счастье волнами расходилось от них, вот волна добралась и до Гарри с Драко...

Они стояли, не в силах отвести глаз от этой картины... Гермиона подняла взгляд... улыбнулась им — словно это было само собой разумеющимся, и снова уткнулась в крохотное стеклянное окошечко. Гарри покосился на Драко: тот стоял и улыбался. Гарри положил ему руку на плечо — по-братски, насколько он мог себе это представить. Появившееся сначала странное ощущение быстро пропало, и появилась твердая уверенность, что он все сделал правильно.

— Малфой, — позвал он. — На что ты смотришь? Почему ты так выглядишь?

Драко помолчал, глаза его были тихи и неподвижны, словно он следил за их выражением — как обычно, Драко следил за собой и за всем окружающим, но они всегда заполнены каким-либо чувством: радостью или печалью, гневом или страданием, сожалением или раскаянием — или все вместе. Потом его взгляд посветлел. Он повернулся к Гарри и улыбнулся простой улыбкой семнадцатилетнего мальчишки, счастливой и немножко шальной.

— Мое счастливое воспоминание, — произнес он.

КОНЕЦ

Вот и все. И прежде, чем бросаться помидорами с криком «Мы так и не узнаем, что хотел сказать Гермионе в камере Рон! Что случилось с Беном и его армией? Куда запропастился этот чертов Вольдеморт? Что это за ерунда со смертью Люция? Как происходит это межперсональное общение?» остановитесь и осознайте, что конец Драко Синистер — это начало... Драко Веритас!

Третья часть трилогии о Драко: седьмой год в Хогвартсе, всякие соединения-расхождения, угрозы волшебному миру, Гарри и Драко — противники в Квиддитче, пламенный роман Рона, Чарли — учитель по уходу за магическими существами и Драко, разгуливающий в мокрой футболке.

Оглавление

Глава 1. Дурные сны.....	3
Глава 2. Чернила, кровь и братство.....	16
Глава 3. Ощущая мрак.....	29
Глава 4. Дракон и Адмантин.....	50
Глава 5. Затерянная страна.....	75
Глава 6. Удачливые сыновья.....	106
Глава 7. Легка дорога.....	136
Глава 8. Ангелы и демоны.....	161
Глава 9. Выбор.....	183
Часть первая. Между жизнью и смертью.....	183
Часть вторая. В которой Драко получает удовольствие от визитов.....	201
Глава 10. Связи и призывы.....	217
Глава 11. Сон разума.....	246
Глава 12. Непрерывность Памяти.....	279
Глава 13. Сквозь тусклое стекло.....	315
Глава 14. Кровь Основателей.....	365
Глава 15. Пружинная кровать.....	417